

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, факультет психологии
Московское отделение Российского психологического общества
Институт психологии им. Л.С. Выготского
Уральский государственный педагогический университет
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, факультет психологии
Федеральный проект «Крепкая семья»

VI-я Международная научная конференция
**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

30 сентября – 4 октября 2015 года

ТЕЗИСЫ

2015

Москва – Звенигород

ISBN 978-5-9904052-1-9

УДК 159.9
ББК 88.56
П 86

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Факультет психологии
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ им. Л.С. ВЫГОТСКОГО
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени МАКСИМА ТАНКА
Факультет психологии
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «КРЕПКАЯ СЕМЬЯ»

VI-ая Международная научная конференция
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: сборник тезисов /
Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. - Москва -
Звенигород, 30 сентября - 4 октября 2015 г. - 1387 с.
ISBN 978 -5-9904052-1-9

УДК 159.9
ББК 88.56

Редакционный совет сборника: Доктор психол. наук Карабанова О.А. (ответственный редактор), кандидат психол. наук Захарова Е.И., кандидат психол. наук Чурбанова С.М., Васягина Н.Н. доктор психол. наук

ISBN 978-5-9904052-1-9

© Захарова Е.И., Чурбанова С.М., Васягина Н.Н.
Составление 2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Секция 1. Семья в современном мире.....	14
Айвазова Д.Г. Семейное неблагополучие в зеркале психологии.....	14
Ахмадеева Е.В. Понимание одиночества как угрозы психологической безопасности семьи.....	23
Барينو́ва Е.С. Исследование психологической культуры семьи сквозь призму семейных отношений.....	36
Бражни́ков П.П. Влияние социальных тенденций на формирование картины классических отношений в семье и возможные способы замедления негативной динамики.....	46
Дериш Ф.В., Корниенко Д.С. Специфика родительского отношения и его восприятия сиблингами.....	61
Джере́лиевская М.А., Визгина А.В., Яшина Л.Л., Мамалиева З.Ш. Связь стиля семейного взаимодействия с эмоциональной оценкой мира подростка.....	65
Зуев К.Б. Отношение россиян к семье и браку.....	71
Карпова В.А. Психологические особенности семейного воспитания.....	89
Кириленко И.Н. Психология детско-родительских отношений: личностный, возрастной, гендерный и этнический модулы.....	91
Кочергина О.А. Повышение психолого-педагогической культуры родителей в процессе взаимодействия семьи и школы.....	96
Мазурчук Е.О. Психолого-педагогическое сопровождение родителей, выразивших желание восстановить родительские права.....	104
Олифер О. О. Инклюзивное образование как ресурс для семей с детьми с особыми образовательными потребностями.....	109
Погожина И.Н. Психологические проблемы обучения и познавательного развития детей с двигательными расстройствами.....	119
Сапоровская М.В. Межпоколенный копинг и его динамика в семье.....	137
Селезнева И.Н. Психологические особенности семей, воспитывающих ребенка с особыми образовательными потребностями.....	142

Собкин В.С., Адамчук Д.В. Семья и школа: взгляд учителя.....	146
Шабельников В.К. (Москва) Функции семьи в психологических напряжениях современного общества.....	153
Шашина Е.Б. Специфика взаимоотношений детей и взрослых в семьях с делегирующим типом ответственности.....	159
Шнейдер Л.Б. Семейное воспитание в разных поколениях: ретроспективный анализ..	164
Щелкова В.А. Межсекторное партнёрство как социальная инновация для поддержки семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья и с детьми-инвалидами.....	180

Секция 2. Семья как ресурс развития взрослых и детей

Авакян М.А., Колесникова В.И. Исследование стереотипности форм реагирования в семейной системе.....	186
Алмазова О.В., Долгих А.Г. Факторы, влияющие на взаимоотношения братьев и сестер.....	191
Баурина А.Б. Профессиональный выбор старшеклассников в зависимости от степени их включенности в родительскую семью.....	207
Благенкова Н.П. Влияние личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях.....	211
Дзукаева В.П. Сепарация и индивидуация в отношениях с отцом в юношеском возрасте.....	219
Захарова Е.И. Характер изменения материнской сферы деятельности и материнской позиции в связи с взрослением ребенка.....	236
Вислова А.Д. Исследование влияния толерантной/интолерантной коммуникации родителей на тип воспитательных установок.....	243
Воронина М.Е. Отношение женщины среднего возраста к родителям в контексте её психологического благополучия.....	247
Ермаченко Н.А. Формирование психологической культуры родителей.....	261
Зайцева О.В. Психолого-педагогическая характеристика родителя как субъекта семейного образования.....	265

Клименко Е.А., Молчанов С.В. Связь семейных мифов и иррациональных установок личности.....	270
Куфтяк Е.В. Паттерны привязанности в поколении семьи: межпоколенческая передача... ..	274
Литвинова А.В. Ценностно-мотивационная сфера целеполагания студентов в зависимости от согласования/рассогласования образов родителей.....	287
Немцов А.А. Материальное положение семьи студента и его связь со структурой учебной мотивации и ориентиров будущей профессиональной деятельности.....	296
Строкова С.С. Категория семейной идентичности в психологии семьи.....	312
Токарева И.Н. Субъектные характеристики студентов из разных типов семьи.....	318
Усольцева И.В. «Значимый другой – Ожидаемый другой» как модель воспитательных отношений в семье.....	322
Шведовская А.А., Загвоздкина Т.Ю. Образ семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса.....	334
Щербакова Е.А. Ценность семьи как регулятор личностного адаптационного потенциала курсанта-летчика.....	350
Секция 3. Перинатальная психология.....	355
Валитова И.Е. Психологическая готовность к материнству у девушек разного возраста.....	355
Долгих А.Г., Захарова Е.И. Особенности эмоционального взаимодействия матери с ребенком, зачатие которого наступило с помощью ЭКО.....	359
Завгородняя И.В. Мотивы рождения первого и второго ребенка у женщин.....	364
Завгородняя И.В. Отношение к беременности у женщин как системообразующий компонент материнской позиции.....	368
Захарова Е.И. Качество межличностных отношений как условие принятия родительской позиции.....	379
Козырева В.В. Психологические особенности девушек, имеющих абортированных сиблингов.....	384

Ланцбург М.Е., Соловьева Е.В. О материнских представлениях и ожиданиях по отношению к детям раннего возраста, зачатых спонтанно и при помощи ЭКО.....	389
Левина М.Ю. Особенности восприятия своего материнства беременными женщинами с ВИЧ-инфекцией по материалам рисуночного теста «Я и мой ребенок».....	393
Музафарова А.Т. Взаимосвязь характеристик семейной системы и отношения к беременности.....	398
Мухамедова Е.В. Переживание горя при перинатальных потерях и потерях своих фантазий относительно реанимированных детей.....	401
Печникова Е.Ю. Трансформация мотивации на психологическую помощь у пациентов с нарушениями репродуктивной функции.....	405
Савенышева С.С. Динамика супружеских отношений в перинатальный период: по материалам зарубежных исследований.....	407
Савицкая Е.М., Петрова Л.П., Егунькина А.Н. Социально-психологическая помощь семье, ожидающей рождения ребенка.....	412
Филиппова Г.Г. Пренатальный стресс: усиление риска при современных технологиях ведения беременности и лечения бесплодия.....	417
Филиппова Г.Г. Репродуктивная психология: современный этап развития перинатальной психологии в России.....	425
Чижова М.А. Содержание и структура психологического консультирования в ситуации перинатальных потерь.....	430
Шлягина Е.И., Гольденберг Т. С. Анализ личностного потенциала родителей, перенесших потерю ребенка.....	435
Якупова В.А, Захарова Е.И. Особенности переживания беременности при ЭКО.....	439
Секция 4. Психология супружеских отношений.....	443
Адушкина К.В. Детерминанты удовлетворенности браком в молодых семьях.....	443
Антоненко Н.В. Семейное самосознание женщин и мужчин. Вопросы и ответы.....	449
Айвазова Д.Г. Образ супружества у современных жителей мегаполиса.....	456
Белановская М.Л. Мотивы готовности к браку у мужчин и женщин в предбрачный период.....	461

Гонта А.В. Психологические особенности супружеского кризиса в позднем браке.....	481
Жогаль Е.М. Психотерапевтический потенциал супружеского взаимодействия: возможности эмпирического исследования.....	490
Зеленская М.С., Лидерс А.Г. Роль эмпатии в супружеских отношениях.....	497
Ижванова Е.М. Трансляция супружеских отношений от родителей к детям.....	501
Коньшина Т.М. Особенности отношения молодых супругов к семье и разводу в период ранней взрослости.....	520
Садовникова Т.Ю. Связь представлений супругов о функционировании семьи с особенностями семейного главенства.....	532
Скутина Т.В. Продуктивность представлений супругов о конфликте и удовлетворенность браком.....	536
Секция 5. Психология материнства и отцовства.....	548
Архиреева Т.В. Основные направления исследования проблемы отцовства в психологии.....	548
Басимов М.М., Падурин Е.А. Позитивные родительские чувства отцов.....	563
Борисенко Ю.В. Особенности родительского отношения отчимов.....	571
Васягина Н.Н. Особенности субъектности женщины-матери.....	581
Васягина Н.Н. Субъектное становление женщины-матери: основные концептуальные положения.....	595
Горлова Е.Л. Перспективы изучения родительской позиции.....	599
Жданова С.Ю., Аликина Е.Л. Познание матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды.....	603
Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С., Рыжов А.Л. Метод исследования ожиданий принимающих родителей с помощью техники репертуарных решеток.....	625
Карабанова О.А. Позитивное родительство – путь к сотрудничеству и развитию.....	642
Красильникова Е.Н. Модели отцовства как фактор различий в детско-родительских отношениях.....	648
Овчарова Р.В., Мягкова М.А. Психология материнства в неполной семье.....	653

Романова Н.М. Особенности содержательных представлений мужчин об идеальном отцовстве.....	665
Солдатова Н.В., Авдулова Т.П. Сравнительный анализ психологической готовности к материнству у женщин разного возраста.....	671
Старостина Ю.А. Особенности мотивационной сферы матерей дошкольников в условиях форсирования детского развития.....	681
Токарева Ю.А. Условия и факторы реализации отцовства в воспитательной деятельности.....	687
Устинова Н.А. Развитие самосознания женщины на этапе материнства.....	697
Филиппова Г.Г. Рисунок «Я и мой ребенок» в работе с людьми разного возраста и репродуктивного статуса.....	706
Черткова О.А., Устянина Ж.Г., Селедцов А.М. Отцовство, как фактор превенции и профилактики психических расстройств и поведенческих нарушений.....	713
Шумакова О.А. Социокультурная реабилитация семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (опыт взаимодействия семьи и школы).....	722
Секция 6. Отношение молодежи к семье.....	737
Басимов М.М. Причинно-следственные связи в рамках проблемы отношения к гражданскому браку.....	737
Беляева М.А. Репродуктивное самоопределение молодежи как «болевая точка» современной семьи.....	746
Бухаленкова Д.А. Представления об успехе современных подростков.....	757
Григорьева С.И. Исследование взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и типов семьи студентов психологов.....	761
Дейниченко Л.Б. Роль эмоционального взаимодействия матери и дочери в формировании представлений о материнстве у девушек-студенток.....	768
Захарченко Д.Н., Крюкова Т.Л. Совладание с трудностями завершения романтических отношений у подростков: применение методики IOS «Включенность Другого в шкалу Я-концепции».....	774

Коньшина Т.М. Опыт использования проективной методики «Рисунок на тему «Развод» в исследовании отношения к разводу молодых супругов в период ранней взрослости..	786
Кранц И.И. Актуальное отношение к родительству у юношей и девушек, имеющих статус социальных сирот.....	791
Лысюк А.Г., Голиков В.В. Становление супружеской идентичности у девушек в период ранней взрослости.....	799
Маленова А.Ю. Представления молодежи об идеальном партнере на разных этапах семейных отношений.....	803
Мошкович О.С., Гольменко А.Д. Особенности психологической готовности к браку у девушек из неполных семей.....	817
Музыченко А.В., Каленик Е.В. Психологическая готовность юношей к браку.....	822
Плотникова В.Ю. Проявление тенденций копинг-поведения в образе семьи юношей и девушек.....	834
Мустафина В.С., Мустафин Р.Д. Оценка значимости семьи в построении сетевой идентичности молодыми людьми.....	842
Секция 7. Этнопсихология семьи и проблемы многонациональной семьи.....	851
Абдурашитов Н. Ф. Психологические причины трудностей в детско-родительских отношениях у подростков-правонарушителей в условиях их пребывания в республиканской специальной школе г. Душанбе.....	851
Алиева Л.Н. Специфика восприятия и разрешения проблемных ситуаций женщинами мусульманками из традиционной многопоколенной и современной городской семьи..	863
Бедрединова С.В., Ташева А.И., Шаова Р.А. Особенности воспитания горских (черкесских, осетинских) и русских старших подростков.....	870
Перетолчина Д.С., Лидерс А.Г. Особенности взаимодействия подростков с родителями как показатель сплоченности и гибкости семейной системы (На примере русской и узбекской городской культуры).....	876
Резванцева М.О. Осознание критериев оценивания подростками из восточных и западных семей.....	878

Суворова К.Р. Трансформация семейных отношений в социокультурной реальности России и Казахстана.....	894
Тодорович А.Е. Воспитание в семьях Нишских студентов.....	904
Хамматова Р.С. Особенности стилей семейного воспитания в крымско-татарской семье.....	908
Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Зырянова Н.М., Гейдарова Л.М. Состав семьи и академическая успеваемость детей: кросс-культурное исследование.....	915
Секция 8. Воспитание и развитие личности ребенка в семье.....	932
Авдулова Т.П. Позиция родителя в ситуациях нарушения моральных норм детьми раннего возраста.....	932
Авдулова Т.П., Жарова Т.А. Межличностные отношения дошкольников и родительский макиавеллизм.....	937
Барцалкина В.В. Семейные риски формирования аддикций у детей.....	947
Басимов М.М. Родительская строгость как причина смысложизненных ориентаций ребенка.....	951
Бурменская Г.В. Родительское принятие-отвержение и формирование взаимоотношений между сиблингами.....	963
Бурменская Г.В., Алмазова О.В. Роль привязанности к матери в онтогенезе взаимоотношений сиблингов.....	968
Вартанян Г.А., Горбатов С.В. Детско-родительские отношения как фактор формирования неэффективных копинг-стратегий у подростков с отклоняющимся поведением.....	973
Ворошила И. В. Особенности само - и мировосприятия ребенка в ситуации повторного брака родителей.....	997
Захарян В.В. Роль семьи в формировании психологического благополучия и безопасности у подростков.....	1009
Иовлева Т.Е., Рудомазина В.М. Развитие субъектности у детей младшего школьного возраста.....	1013
Перменова Д.С. Влияние семьи на формирование речевого поведения ребенка.....	1027

Самохвалова А.Г. Роль семьи в возникновении коммуникативных трудностей ребенка.....	1030
Фахрутдинова Л. Р. Переживание учебной деятельности и семейные отношения подростков.....	1042
Фоломеева Т.В. Экономическая социализация в современной семье.....	1048
Чеснокова О.Б. Развивающий эффект чтения в контексте детско-родительских отношений в раннем и дошкольном возрасте.....	1057
Чурбанова С.М. Приемы воображения в практике семейного воспитания и образования детей.....	1075

Секция 9. Теория и практика семейной психотерапии и консультирования.....1077

Анохин П.А., Третьякова Е.В., Кондрашенко Е.А. Осознанное проживание и вербализация чувств в семье и уровень агрессии у детей дошкольного возраста.....	1077
Билецкая М.П., Полумеева Д.С. Особенности функционирования семейной системы в семьях девушек с алиментарным ожирением.....	1081
Билецкая М.П., Шемет В.Е. Семейная психотерапия и психокоррекция подростков с психосоматическими расстройствами.....	1095
Булыгина Т.Б. Возможности использования терапии реальностью в психологическом сопровождении приемных родителей в рамках российско-германского проекта «Родительское Кафе».....	1111
Бурлакова Н.С. Психодинамика межпоколенческой передачи травматического опыта в условиях семьи: история и современность.....	1126
Делеви В.С. Особенности социально-психологической и психотерапевтической помощи семье с проблемой онкологического заболевания.....	1137
Макушина О.П., Власова С.В. Отношение к матери у девушек с нарушениями пищевого поведения.....	1145
Медведев С.Э., Бутома Б.Г. Системные аспекты профилактики суицидального поведения у подростков.....	1163

Минайчева Н.В. Проект «Клуб приемных родителей» как фактор долгосрочного целевого многофункционального сопровождения семей, растящих приемных детей..	1166
Минайчева Н.В. Экология развода. Обобщение опыта психологического консультирования.....	1179
Николаев Д.Л. Беспроигрышная стратегия в семейной терапии.....	1196
Олифирович Н.И. Психотехнология терапевтической работы с семейной тайной...	1200
Печникова Л.С., Жуйкова Е.Б., Усачева Е.Л. Психологическое консультирование принимающих семей в детской психиатрической клинике.....	1215
Пузыревич Н.Л. Семья как социальная сеть поддержки подростков с рискованным поведением.....	1218
Розенова М.И. Системная психологическая профилактика в целях позитивного развития молодой семьи в современной России.....	1225
Скобло Г.В. Пограничные психопатологические состояния у детей: сегодняшние проблемы в совместной практике детского психиатра и психолога.....	1234
Слепкова В.И., Ильчик О.А. Семейные ценности как фактор развития нарушений пищевого поведения.....	1240
Степанова Л.Г. Нарративная практика: работа с семейной проблематикой с использованием экстернализации.....	1251
Ташева А.И., Бедрединова С.В. Созависимость девушек из алкогольных семей в зеркале проблемного поведения.....	1259
Туревская Р.А., Косарева Е.Н., Егоршева И.В., Апросин М.М. Личностно-ориентированный подход в системе сопровождения семей, воспитывающих детей с отклоняющимся развитием.....	1264
Секция 10. Психология гендерных ролей в семье.....	1281
Воронцов Д.В. Способна ли консервативная гендерная идеология улучшить практики межличностных отношений в современной семье?.....	1281
Жолдошева А.О. Психологические особенности гендерных отношений в кыргызской семье.....	1293

Садовникова Т.Ю., Суворова Е.М. Гендерная идентичность супругов и особенности функционирования семьи.....	1304
Тихомандрицкая О.А. Гендерные стереотипы как фактор семейных отношений в молодой семье.....	1322
Украинка Л.И. Гендерная идентичность и гендерные роли в современной семье в условиях глобальных тенденций развития общества.....	1325
Шаехов З.Д. Взаимосвязь уровня субъективного контроля в семейных отношениях и психологического пола у мужчин с гомосексуальной ориентацией.....	1332
Круглый стол: Роль семьи в генезисе и профилактике девиантного поведения детей и подростков.....	1337
Ананьева Е.В. Опыт Кемеровской области по сопровождению несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом.....	1337
Кот Е.А. Самоотношение и самооценка женщин зрелого возраста, подвергшихся насилию в семье.....	1346
Локтев С.В. Антикоррупционное воспитание в семье.....	1362
Рашитова Л.С. Социально-психологические особенности семей дезадаптированных подростков.....	1369
Терехина С.А. Психологические аспекты судебного варианта разрешения семейного конфликта о детях при разводе.....	1373
Рождественская Н.А. Анализ особенностей общения подростков из полных и неполных семей.....	1379

Секция 1. Семья в современном мире

Семейное неблагополучие в зеркале психологии

Айвазова Д.Г.

Институт психологи им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

ayvasova@gmail.com

Аннотация: в докладе рассматриваются факторы, дестабилизирующие семейную систему. Приведены результаты опроса среди современных жителей мегаполиса о причинах неблагополучия в браке.

Ключевые слова: совместно-согласованный образ брака, причины супружеского неблагополучия, измена, психологические ресурсы семьи.

В отечественной и зарубежной психологии тема благополучия семейных отношений привлекает широкий круг авторов и рассматривается как важнейшая ценность и ресурс в человеческой жизни. Стабильность семьи представляет собой одну из основ современного общества, поскольку оказывает непосредственно влияние на демографическое, экономическое и психологическое здоровье страны. Данные статистики разводов в России свидетельствуют о неудовлетворенности супругов брачными отношениями, наличии трудностей в преодолении препятствий на пути к семейному счастью, и ежегодные более чем 650 000 разводов с учетом менее 1 300 000 заключенных браков обязаны привлечь внимание специалистов семейной психологии, поскольку за каждой цифрой стоят тяжелейшие эмоциональные переживания бывших

супругов и членов их семей. Традиционно психологи относят развод к шоковой травме, негативно влияющей на качество жизни и проявляющейся в виде тревожности, тоски, падения самооценки, переживания чувства одиночества и др. В российском обществе социальная ситуация осложнена существующими общеобразовательными концепциями, где практически полностью отсутствуют программы по подготовке молодых людей к решению проблем, которые неминуемо приносят с собой семейные отношения. Разочарование в браке, складывающегося вопреки ожиданиям супругов, а также недостаток психологических знаний активизируют регресс и инфантильные образцы поведения, что приводит к негативным изменениям в отношениях и превращают семейную жизнь в арену негативных переносов (Фигдор Г., 1995). При этом важно отметить, что характер семейного гомеостаза напрямую зависит от качества отношений в партнерской диаде, представляющих собой стержень для формирования прочих взаимосвязей в семье, именно супруги являются «архитекторами» семьи (Сатир В., 1999). Нарушение несущей конструкции супружеских отношений порождает дисфункциональные семейные, в том числе и детско-родительские, отношения. На наш взгляд тема супружества, и связанные с ней исследования причин разводов и неудовлетворенности браком, требуют понимания и не должны оставаться без внимания научного сообщества, и исследоваться в динамике меняющихся реалий современного общества.

Вступление в брак, помимо радости нового статуса отношений, несет в себе ряд испытаний зрелости молодоженов, которым предстоит жить в новой системе координат. Необходимо наладить быт, согласовать частоту общения с расширенной семьей, принимать совместные решения, планировать свободное время, вести совместный бюджет, определять семейные ценности и др. При этом у обоих супругов еще до вступления в брачный союз уже были сформированы свои личные образы нормативного брака и выработаны критерии его благополучия. Эти представления во многом происходили из опыта проживания в родительских семьях, как положительного, так и отрицательного, наблюдая и анализируя который партнеры сформировали свои собственные правила и нормы семейной жизни. Иными словами, молодожены к моменту вступления в брак уже определились со стандартами, которым должен соответствовать их партнерский союз. Так, например, муж может желать рождения первенца в первый же

год брака, а для жены в ближайшие пять лет важно закончить обучение, сделать карьеру, и она не планирует обременять себя детьми. Подобные расхождения в «норме» брака нередко приводят к ссорам, непониманию, наращиванию напряжения, ухудшению отношений и даже к разрыву отношений. Особенно высок риск развода в тех парах, где каждый из молодых супругов неуклонно отстаивает именно свое видение счастливого брака, не принимая во внимание желания другого, рассматривая альтернативный вариант устройства семьи как угрожающий его собственному благополучию. Молодые супруги часто стремятся к придуманному или скопированному где-то идеалу вместо того, чтобы построить свой уникальный, может быть, не идеальный, но настоящий брак. Здоровый брак - это смешение первоначально отличных друг от друга культур, новая супружеская пара должна обладать своеобразием и в то же время отдавать себе отчет в различиях субкультур родительских семей. Реальность такова, что для успешного брака недостаточно одной только романтической привязанности, супругам не обойтись без вложения сил и времени в преодоление первоначальных различий, и чем скорее супружеская пара освободится от мифа о всемогущественной силе любви и стремлению к совершенству, тем раньше они начнут движение по направлению к настоящей близости (Витакер К., Бамберри В., 1997). При этом следует отметить тот факт, что, как правило, супруги готовы мириться с незначительными расхождениями в видении брака при совпадении по глобально-ценностным параметрам. Например, разные пожелания о проведении воскресного досуга существенно не нарушат семейного климата, но противоречия в представлениях о жизни и браке на уровне личной и семейно-ролевой самоидентификации с большой долей вероятности создадут реальную угрозу для супружества. Таким образом, конфликт в системе базовых ценностей зачастую фатален для отношений ввиду того, что затрудняет развитие глубокой любви и близости между супругами.

Помимо трудностей воплощения в супружеской жизни совместно-согласованного образа брака перед партнерами позднее возникает новая задача по сохранению достигнутого уровня эмоциональной близости в условиях изменяющихся персональных потребностей, жизненных приоритетов, возможной разницы накопленных личностных потенциалов и т.д. Паре требуется не только осознать произошедшие перемены, но и

перезаключить контракт на новый подходящий для них обоим образ семейной жизни. При попытке сохранить прежне согласованный образ брака, игнорируя изменившуюся реальность, супруги могут вновь столкнуться с конфликтами и ощутить неудовлетворенность семейной жизнью.

Необходимо отметить, что существует отдельный класс ситуаций, при которых у супругов могут совпадать видения брака, но отношения, тем не менее, не будут являться устойчиво благополучными. Это происходит в тех случаях, когда совпадающие представления супругов о семейной жизни расходятся с реальностью, то есть имеют место так называемые «ложные убеждения». Например, оба согласны с тем, что «если муж бьет, значит, любит». Однако в каждом человеке изначально заложена базовая потребность в любви, уважении, свободе, поэтому насилие будет постепенно разрушать чувство собственного достоинства жертвы, уничтожать ее как личность. Ровно так же не будет удовлетворена базовая потребность мужа в любви, он будет чувствовать страх жены, ее ненависть, возможно, покорность, но не любовь. Подобный брак может длиться долго, но вероятнее всего не будет взаимно удовлетворительным.

Теоретический анализ научных работ, посвященных изучению психологических причин кризисов и разводов в современной семье, позволил выделить следующие наиболее часто приводимые современными исследователями. Прежде всего, в качестве наиболее распространенных причин разводов авторы называют алкоголизм и другие виды зависимости, насилие в семье, потерю чувства любви и эмоциональной близости, супружескую неверность, сложные отношения с родителями, финансовые трудности, длительное раздельное проживание, отсутствие общих интересов, дисгармонию в интимной жизни, невозможность иметь детей. Также упоминается так называемое несходство характеров, что часто подразумевает под собой коммуникативные проблемы, эгоизм и непонимание (Хачатрян Л.А., 2010). Также исследователи в качестве факторов, дестабилизирующих семью, приводят недостаточность духовно-нравственного воспитания молодежи и, как следствие, потерю семейных традиций и опоры на религиозную веру, духовный инфантилизм (Лушенкова Н.И., 2015). Ложные представления о партнере и его реальных качествах, слабость мотивации на создание счастливого брака, неудовлетворительное качество семейной жизни в родительских

семьях, отсутствие взаимной любви также оказывают негативное влияние на устойчивость и благополучие супружеского союза (Хачатрян Л.А., 2011). Кроме этого, существуют нормативные кризисы, типичные для разных стадий жизненного цикла семьи от начала ухаживания до смерти одного из супругов, подробно описанные в системной семейной терапии. На каждой стадии и переходных периодах перед членами семьи возникают новые вызовы, требующие существенной перестройки их взаимоотношений. Для успешного преодоления кризисов, паре требуется совершить изменения в своей структурной организации, адаптировать к текущей ситуации основные правила семейного функционирования и выработать новый образ брака. При этом, каждая пара дополнительно решает собственные специфические задачи, уникальные для их семьи на данный момент времени (Черников А.А., 2001).

В дополнение к анализу научных работ, направленных на изучение факторов дестабилизации супружеских отношений, нами в рамках исследования соотношения между идеальным образом семьи и субъективной удовлетворенности браком, был проведен опрос, в котором приняли участие 60 испытуемых (33 женщины и 27 мужчин) в возрасте от 18 до 68 лет, проживающих в крупных мегаполисах (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Лондон, г. Уфа, г. Мурманск) и имеющих опыт партнерских отношений. Испытуемым, в числе прочих, были заданы следующие два вопроса. Вопрос №1: «Приведите, пожалуйста, пять недопустимых в партнерских отношениях вещей, которые могут даже привести к разрыву отношений». Вопрос №2: «Какие внешние влияния могут разрушить брак?». По итогам обработки ответов на вопрос №1 нами были выделены семь недопустимых в партнерских отношениях событий, которые, по мнению респондентов, могут привести к разрыву семейного союза: измена (78% мужчин и 55% женщин), ложь (56% мужчин и 64% женщин), недоверие (33% мужчин и 48% женщин), алкоголизм и другие виды зависимостей (37% мужчин и 33% женщин), физическое и психологическое насилие (15% мужчин и 45% женщин), эгоизм (30% мужчин и 27% женщин), отсутствие взаимопонимания (19% мужчин и 30% женщин). Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что мужчины и женщины, в целом, сходятся в представлении о недопустимых в семейной жизни событиях. Значимым выводом исследования в части анализа ответов на вопрос №1 является заключение о

том, что отношения в паре могут быть прекращены, несмотря на наличие чувства любви. Рассмотрев ответы на вопрос №2 мы выделили следующий ряд внешних влияний, способных, по мнению испытуемых, привести к разводу: влияние тещи/свекрови (22% мужчин и 42% женщин); интриги, сплетни, зависть недоброжелателей (30% мужчин и 24% женщин); появление любовника (26% мужчин и 6% женщин); социальный успех (11% мужчин и 9% женщин); финансовые проблемы (7% мужчин и 6% женщин). Дополнительно к названным мужчинами факторам, женщины упоминали долгие либо частые разлуки, непоправимое несчастье и невозможность иметь детей.

Таким образом, данные различных источников указывают на негативное влияние на супружеские отношения всех видов зависимостей, насилия в семье и измены. Первые две причины зачастую являются следствием расстройства, физического или психологического, и внешне проявлены, третья же разрушающая супружество сила может вмешаться в жизнь семьи даже при видимом благополучии брака, практически здоровой личности супругов, и, следовательно, является скрытой угрозой, требующей отдельного рассмотрения. Супружеская неверность понимается как «вступление лица, состоящего в браке, в половую связь с лицами из других брачных пар или с одинокими мужчинами и женщинами, имеющую эпизодический или систематический характер» (Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф., 2006). Действительно, последствия супружеских измен невозможно переоценить: затрагиваются основы супружеских чувств, базового доверия, что создает угрозу целостности семьи и семейного благополучия, кроме того разрушаются не только эмоциональные связи партнеров, но и сфера детско-родительских отношений. Однако отметим, что некоторые исследователи неоднозначно расценивают последствия измены для дальнейшего развития семейной системы, считая ее способной как привести как к ухудшению отношений, так и поддержать умирающее супружество (Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф., 2006). Успешное преодоление ситуации супружеской неверности характерно в ситуации прощения неверного партнера, переоценки ценностей, развития личности и наличия чувства любви (Екимчик О.А., Григорова Т.П., Смирнова Н.С., 2014). Наряду с широким распространением работ, посвященных последствиям, а также способам психологического совладания с супружеской изменой,

проводятся исследования причин супружеской неверности. Общий ответ заключается в том, что адюльтер, как правило, является следствием супружеской дисгармонии, потери чувства любви, повышенной конфликтности отношений, а также связан с особенностями нравственной сферы личности. При этом отмечается, что измена может иметь место и в гармоничных семьях с достаточно благополучными и устойчивыми отношениями (Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. , 2006). В частности, неверность может быть следствием обычного человеческого стремления к новым впечатлениям и положительно коррелирует с общей жизненной энергией человека: смелость, интерес к людям, способность завязывать контакты (Имелинский К., 1986). Также к изменам в относительно гармоничных супружеских союзах может привести наличие глубоких личностных проблем, таких как неготовность к серьезным отношениям, неуверенность в себе, низкая самооценка и т.д. (Гозман Л.Я., 1987). Кроме этого, изучены такие психологические явления как синдром годовщины, невидимая лояльность семье, повторяющиеся из поколения в поколение жизненные сценарии, что бессознательно провоцирует супругов на соответствующий тип поведения в браке (Шутценбергер А. А., 2001; Берн Э., 2007). Так называемая «житейская психология», изученная на площадках интернет-пространства, дает следующее представление о причинах измен: на первом месте поиск стоит новых впечатлений, далее следует сексуальная неудовлетворенность, далее общая неудовлетворенность браком (Галяутдинова С.И., Ахмадеева Е.В., 2013).

Таким образом, можно выделить следующие факторы, препятствующие построению и сохранению благополучного брачного союза: проблемы в коммуникации, искаженная картина мира, проекции супругов друг на друга, негативные переносы, личностная незрелость партнеров, эгоцентризм, слабая мотивация на сохранение брака, низкая степень готовности вкладывать энергетические и временные ресурсы в развитие отношений, а также недостаток психологических знаний и практики обращения за помощью к семейным терапевтам. Дополнительную сложность для пары представляет необходимость преодоления опыта насилия, переживание ситуации супружеской неверности, а также наличие алкогольной или других видов зависимости у одного или обоих супругов, поскольку эти факторы с большой долей вероятности могут привести к

утрате чувства любви и доверия как базовых составляющих здорового семейного союза. Отметим, что в разрешении кризисов супружеских отношений эффективна личная и семейная терапии, направленные на фокусировку проблемы, снятие проекций, проработку бессознательных переносов, снижение напряжения от совместной жизни в условиях первоначально различных норм и ожиданий, проведение просветительской работы с целью повышения психологической грамотности партнеров, в том числе ознакомление супругов с базовыми навыками коммуникации, повышение личностной зрелости.

В заключение необходимо обозначить, что современная семья ежедневно сталкивается с многочисленными вызовами, преодоление которых зачастую оказывается им не под силу, о чем свидетельствует неутешительная статистика разводов. В данной связи особую значимость приобретает качественная психологическая помощь, которая позволит преданным и любящим друг друга супругам с высокой мотивацией на сохранение брака успешно справиться с трудностями семейной жизни и укрепить свой семейный союз, где можно счастливо жить вместе с партнером, решая собственные задачи развития в атмосфере эмоционального принятия.

Список литературы

1. Ахмадеева Е.В. Виртуальное пространство как угроза психологической безопасности семьи // Вестник Башкирского университета. – 2014. – № 1. – С.242 – 247.
2. Ахмадеева Е.В., Галяутдинова С. И. Понимание супружеской измены пользователями интернет-пространства // Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 3. – С.906 – 911.
3. Берн Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческих взаимоотношений – М.: Эксмо, 2007.
4. Витакер К., Бамберри В. Танцы с семьей. Семейная терапия: символический подход, основанный на личностном опыте - М.: Независимая фирма «Класс», 2001.

5. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений – М.: Московский Университет, 1987.
6. Государственная статистика разводов в Российской Федерации за 2012-2014 г.г. // Официальный сайт Росстата РФ. Режим доступа: www.gks.ru.
7. Екимчик О. А., Григорова Т. П., Смирнова Н. С. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С.278 – 283.
8. Имелинский К. Сексология и сексопатология. – М.: Медицина, 1986.
9. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: Учебное пособие-практикум для студентов факультетов психологии высших учебных заведений 3-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2008.
10. Лушенкова Н. И. К вопросу об укреплении семьи и брака // Мир науки и образования. – 2015. – № 2.
11. Олифиревич Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов - СПб.: Речь, 2006.
12. Сатир В. Психотерапия семьи – СПб.: Ювента, 1999.
13. Смирнова Н.С., 2011 Совладание с изменой как трудной жизненной ситуацией в романтических отношениях диады // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 17. – С.226 – 230.
14. Сопун С.М., Лидерс А.Г. Психологическая совместимость супружеской пары и удовлетворенность браком // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С.156 – 162.
15. Твердоступ К.Г. Система семейных ценностей супругов как фактор удовлетворенности браком // Наука и современность. – 2014.– С.116 – 121.
16. Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. Психоаналитическое исследование - М.: Наука, 1995.
17. Хачатрян Л.А. Развод – обратная сторона брака // Вестник Пермского Университета. – 2010. – № 1 (1). – С.79 – 98.
18. Хачатрян Л.А. Современный брак – результат эволюции семейно-брачных отношений // Вестник Пермского Университета. – 2011. – № 1 (5). – С.89 –

100.

19. Черников А.В. Системная семейная терапия – М.: Класс, 2001.

20. Шутценбергер А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы - М.: Институт психотерапии, 2001.

Понимание одиночества как угрозы психологической безопасности семьи

Ахмадеева Е.В.

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

elena-ram@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, выявляющие у молодых людей, состоящих в браке, понимание категорий «одиночество» и «угроза психологической безопасности семьи». По результатам ответов респондентов на опросник, определяющий уровень удовлетворенности браком выделены категории лиц, считающие свой брак удачным и неудачным. На основании анализа трудов выдающихся психологов раскрыты психологический смысл и значение категорий «понимание», «одиночество», «психологическая безопасность».

Ключевые слова: понимание, одиночество, психологическая безопасность, угроза, психологическая безопасность семьи.

Понимание есть основа эффективного взаимодействия и правильного выбора и принятия решения. Потребность в понимании имеется у каждого человека: понимание разнообразных явлений общественной жизни, окружающих людей, их поступков, мотивов, а также самого себя. Понимание в процессе общения предполагает проникновение во внутренний мир другого человека, постижение его и отождествление себя в определенной мере с другим человеком.

Понимание выступает предметом интереса многих областей жизнедеятельности человека. Философы рассматривают понимание как метод познания, психологи изучают

механизмы понимания, социальные психологи исследуют понимание человека человеком, искусствоведы обращают внимание на художественные средства, способствующие пониманию внутреннего мира авторов произведений.

Психологически «понимание» – это способность постичь смысл и значение чего-либо и достигнутый результат или возникшее в результате воздействия состояние сознания субъекта, фиксируемое как уверенность в адекватности возникших представлений содержанию воздействия. Логически «понимание» определяется как операция мышления по включению нового содержания в систему имеющихся (в прошлом опыте) идей и представлений, наделение смыслом или уяснение смысла объектов реальности (Галютдинова С.И., Нурлыгаянов И.Н., 2009).

С.Л. Рубинштейн определяет понимание как процесс, складывающийся из дифференцировки, анализа вещей, явлений в соответствующих контексту качествах и реализации связей (синтез), образующих данный контекст (Рубинштейн С.Л., 1973).

Понять, по А.А. Смирнову, значит «раскрыть сущность предмета, явления. Понятие есть отражение общих и существенных свойств предметов или явлений реального мира» (Смирнов А. А., 1987).

По мнению О.К. Тихомирова и В.В. Знакова, необходимым «атрибутом понимания» выступает эмоциональное отношение к предметной ситуации, событиям и явлениям. (Тихомиров О.К., Знаков В.В., 1989).

Понимание включает множество действий и операций, связанных с решением определенных задач. Все процессы понимания обычно объединены главной задачей – выделением смысла, который может быть обнаружен только в ходе определенных действий.

В соответствии с основными положениями психологии субъекта (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский), подлинный субъект жизни постоянно стремится к пониманию места и роли того или иного объекта или явления в собственной жизни. Характер процесса понимания определяется не только спецификой объекта понимания, но и индивидуальными особенностями понимающего субъекта. Из выше сказанного можно предположить, что понимание различных ситуаций, явлений, переживаний связаны с психологическими особенностями личности.

По мнению ряда ученых, понимание субъектом объекта в большей степени определяется его представлениями о нормах и ценностях относительно предмета понимания.

Особенное значение проблема понимания приобретает в русле семейных отношений, в частности понимания себя и членов семьи. Несмотря на наличие близкого человека, в некоторых случаях супруги могут испытывать одиночество, чувствуя себя ненужными, нелюбимыми. На наш взгляд, одну из угроз психологической безопасности супружеским отношениям может представлять длительное пребывание в состоянии одиночества в условиях семейной жизни.

В сфере глобальных политических и экономических взаимоотношений одной из самых распространенных психологических проблем современного общества является одиночество. Это явление свойственно людям различных возрастов, в том числе и молодому. Несмотря на распространенность мнения о том, что одиночество чаще всего испытывают люди пожилого возраста, многие психологи (И.С. Кон, С.В. Кривцова, И.В. Дубровина и др.) считают это переживание возрастным новообразованием – специфическим свойством, появляющимся уже в подростковом возрасте. Одиночество не обязательно соотносится с состоянием физической изолированности человека. Очень часто человек может испытывать подобное чувство, находясь в окружении своей семьи.

Данная проблема активно изучается зарубежными и отечественными исследователями (Р. Вейс, А. Маслоу, С. Кьеркегор, Д. Рассел, К. Роджерс, Д. Рисмен, Л. Пепло, Р. Слейтер, М. Фергюсон, Д. Янг, И.С. Кон, С.Г. Корчагина, Д.А. Матвеев, А.В. Мудрик, Р.С. Немов, Ж. В. Пузанова, Г. М. Тихонов).

Анализ научной литературы показал, что чаще всего явление одиночества рассматривается как негативное, в связи с чем признается деструктивное влияние одиночества на психику человека. В то же время в психологических исследованиях данное явление считается необходимым этапом самопознания и самоопределения.

Многие отечественные и зарубежные авторы предлагают собственные трактовки этого понятия. Так, например, датский философ С. Кьеркегор считает, что одиночество – это замкнутый мир внутреннего самосознания, принципиально не размыкаемый никем, кроме Бога (Кьеркегор С., 1993).

Основатель интеракционистского подхода Р. Вейс определяет одиночество как эпизодическое острое ощущение беспокойства и напряжения, связанное со стремлением иметь дружеские или интимные отношения, при этом выделяя эмоциональное и социальное одиночество (Вейс Р., 1989).

В Психологическом словаре даётся следующее определение: «одиночество – один из психогенных факторов, влияющих на эмоциональное состояние человека, находящегося в изменённых (непривычных) условиях изоляции от других людей» (Петровский А.В., 1990).

Конкретизацию данного феномена мы находим в высказывании известного отечественного психолога Р.С. Немова, где одиночество трактуется как тяжелое психическое состояние, обычно сопровождающееся плохим настроением и тягостными эмоциональными переживаниями (Немов Р.С., 2003).

Современный психолог С. Г. Корчагина, автор книг «Психология одиночества», «Генезис, виды и проявления одиночества», определяет одиночество как психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми (Корчагина С. Г., 2008).

Мы будем ориентироваться именно на это определение, поскольку данный феномен рассматривается как состояние «отдельности», невозможности удовлетворить потребность в «принятии и признании себя другими людьми», что чаще всего, на наш взгляд, проявляется в семейных отношениях.

Несмотря на активное изучение этого явления отечественными и зарубежными исследователями, практически незатронутой в современных исследованиях остается проблема одиночества с точки зрения угрозы психологической безопасности семьи.

Некоторые исследователи утверждают, что переживание одиночества в семейных парах выступает причиной супружеских измен реальных или виртуальных. Сначала человек переживает одиночество, затем испытывает разочарование и/или скуку и, как следствие, ищет поддержку вне семьи.

В работах К. Левина, Ф. Перлза, Э. Фромма и др. прослеживается связь сексуальности и одиночества, которое может переживаться на межличностном (интерперсональном) и экзистенциальном уровнях (Мартель Б., 2006).

Межличностное или интерперсональное одиночество – это чувство, которое связано с объективной нехваткой отношений, с тем, что человеку трудно вступить в контакт.

Интраперсональное (или внутреннее) одиночество связано с ощущением отрезанности от некоторых частей самого себя; например, человек перестает ощущать свои эмоции или анестезирует какую-то часть своего тела.

Экзистенциальное одиночество можно испытать при мысли об ответственности за свою жизнь в таком мире, где ты совсем один. Оно с особой силой ощущается в моменты принятия важных решений или с приближением смерти.

Некоторые важные выборы или поступки могут ослабить тревогу, связанную с одиночеством. Например, для кого-то средством от чувства одиночества является жизнь вдвоем, для других этим средством будут многочисленные сексуальные связи, а для третьих – участие в различных общественных ассоциациях.

По мнению Б. Мартель, такие размышления имеют значение, прежде всего, для нас самих, а не для того, чтобы интерпретировать чужое поведение: ведь каждый по своему учитывает эту экзистенциальную данность в своей повседневной жизни (Мартель Б., 2006).

Мы согласны с авторами, утверждающими, что длительное переживание одиночества может привести к нежелательному асоциальному поведению – алкоголизму, наркомании, вступлению в религиозные секты, погружение в виртуальное пространство, суициду, что так или иначе негативно отразится на психологической безопасности самой личности. На наш взгляд, психологическая безопасность личности также может быть сопряжена и с психологической безопасностью самой семьи. В то же время необходимо отметить, что психологическая безопасность семьи как предмет научного исследования не представлена.

Понятие «безопасность» в самом общем смысле интерпретируется как состояние защищенности от внешних и внутренних угроз (Longman, 2010).

Психологическую безопасность в широком смысле рассматривает Б.А. Еремеев, понимая ее как «осознанное, рефлексивное и действенное отношение человека к условиям жизни, обеспечивающее его душевное равновесие и развитие» (Еремеев Б. А., 2006).

По мнению О.Ю. Зотовой, социально-психологическая безопасность – состояние личности, при котором она способна удовлетворить базовые потребности в самосохранении и восприятии собственной психологической защищенности в социуме (Зотова О.Ю., 2011).

Анализ имеющихся работ в области психологической безопасности позволяет утверждать, что большинство исследователей едины в понимании того, что психологическая безопасность - состояние психологической защищенности человека, а также его способности отражать и преодолевать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия (И.А. Баева, П.И. Беляева, Г.В. Грачев, Ю.П. Зинченко, О.Ю. Зотова, Т.С. Кабаченко, Т.М. Краснянская, Т.В. Эксакусто). Опираясь на такое понимание авторами психологической безопасности, мы определяем психологическую безопасность семьи как состояние психологической защищенности членов семьи, их психологического благополучия, способности семьи отражать и преодолевать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия.

Семейная жизнь содержит спектр различных чувств, стереотипов поведения, ролевых особенностей, установок, которые определяют психологическую безопасность семьи. И когда происходит нарушение таких функций, как удовлетворение потребности в психологической защищенности, взаимопонимании, эмоциональной поддержке, любви, то у супругов может возникнуть неприятное ощущение тоски, печали, подавленности и сформироваться субъективное чувство одиночества, как одно из проявлений угроз психологического благополучия членов семьи, а, следовательно, и психологической безопасности семьи.

Безопасность тесно связана с угрозами и опасностями, которые являются неотделимой частью жизнедеятельности людей.

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет понятие «угроза» как возможную опасность. При этом рядом исследователей отмечено, что отражение людьми

воздействий, представляющих угрозу безопасности, во многом зависит от личностных особенностей человека и приобретает различное значение.

Цель нашего исследования направлена на изучение того, понимают ли супруги одиночество как угрозу семейной жизни, точнее ее психологической безопасности. Для достижения этой цели необходимо было определить, как понимают респонденты одиночество и психологическую безопасность семьи.

Мы предполагаем, что понимание одиночества и угроз психологической безопасности семьи у современных молодых супругов определяются личностными особенностями индивидов.

При исследовании были использованы следующие методики: Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3к) Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева (Осин Е.Н., Леонтьев Д.А., 2013); 16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла (Рукавишников А.А., 2006); Опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Г.П. Бутенко, Т.Л. Романовой (Карелин А.А., 2007), состоящий из 24 утверждений, содержание которых сводится к 6 основным типам; авторская анкета Е.В. Ахмадеевой, направленная на выяснение отношения к одиночеству, представлений понятия «психологическая безопасность семьи», а также выделение угроз психологической безопасности семьи.

Данным исследованием охвачено 107 человек (60 девушек, 47 юношей) в возрасте 18-24 лет. Все молодые люди на момент опроса состояли в браке. Продолжительность семейной жизни респондентов от 1 года до 5 лет.

Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3к) Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева выявил общие показатели респондентов по каждой из трех основных шкал опросника, диагностирующего одиночество. Большинство респондентов (61%) демонстрируют низкий или приемлемый уровень общего переживания одиночества, 39% респондентов испытывают переживание одиночества, из которых 15% набрали высокие баллы по данной шкале.

Зависимость от общения демонстрируют 85% опрошенных, среди них – 20% респондентов демонстрируют высокие показатели по данной шкале.

Показатель позитивного одиночества выявил абсолютное большинство молодых людей, которым свойственно это состояние, только 4% опрошенных набрали низкие баллы по данной шкале. Абсолютное большинство демонстрируют средние (54%) и высокие (43% от общего числа опрошенных) показатели позитивного одиночества.

Затем мы применили метод неоконченных предложений для того, чтобы определить, как испытуемые представляют себе понятие «одиночество».

Предложение «Человек одинок, потому что...» позволило выявить направленность самой личности на установление социальных контактов. Респонденты считают, что нередко одиночество – следствие жизненных неудач: «не встретил родственную душу» (41%), «не может найти друзей» (24%) либо неправильного поведения личности, его отрицательных качеств: «сам виноват» (31%), «не интересен» (20%). Были и те, кто считали, что одиночество – собственное желание человека: «сам хочет» (37%), «ему так удобно» (19%), «нравится» (13%).

На вопрос «Одиночество – это следствие...» наиболее частыми были ответы: «необщительность» (21%), «характер человека» (17%), «непонимание со стороны близких людей» (13%), «ухудшение отношений» (10%), «разлука с любимым» (6%), «выбор человека» (5%), «поведение самого человека» (3%), «собственная глупость» (2%).

К тому же была выявлена положительная и отрицательная оценка одиночества. При ответе на предложение «Для меня одиночество – это...» 58 % опрошенных дописали «плохо», «недостаток любви», «тоска», «страх», «невыносимо», «испытание», «сигнал к разводу». Позитивную оценку одиночества дали 27% испытуемых, выразив ее словами «спокойствие», «наслаждение», «возможность побыть наедине с собой», «умиротворение», «свобода». Встречались также нейтральные формулировки такие как «нормально», «не тягостно», «непонятная вещь».

В ходе анализа полученных данных по методике «16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла» была обнаружена взаимосвязь с некоторыми шкалами опросника ДОПО-3к Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева. Так, показатели шкалы *общего переживания одиночества (ОО)* обнаруживают прямую корреляционную связь с шкалами Q2 ($r = 0,25$ при $p < 0.05$) и F1 ($r = 0,25$ при $p < 0.05$) и обратную корреляционную связь со шкалами F

($r = - 0,25$ при $p < 0.05$), Н ($r = - 0,35$ при $p \leq 0.05$) и F2 ($r = - 0,35$ при $p \leq 0.05$) опросника Кеттелла, что дает нам право сделать следующие выводы.

С одной стороны, молодые люди, средне или остро переживающие одиночество, демонстрируют большую самодостаточность и независимость от группы. Им свойственна сдержанность, рассудительность, склонность к самоанализу и внешняя молчаливость. С другой стороны, демонстрируют робость и нерешительность, стремление к уединению и повышенную эмоциональность. Согласно представленным данным, существует тесная взаимосвязь со шкалами Е ($r = 0,25$ при $p < 0.05$), F ($r = 0,21$ при $p < 0.05$), О ($r = 0,25$ при $p < 0.05$) и Q2 ($r = - 0,25$ при $p < 0.05$) 16-факторного опросника Р. Кеттелла. Имеющие высокий уровень *зависимости от общения (30)* проявляют черты импульсивности, беззаботности, отмечается значимость социальных контактов, зависимость от группы и ее поддержки. В то же время им свойственны доминантные черты, конфликтность и самоуверенность. Такая личность требует восхищения со стороны референтной группы и является в большей степени экстравертированной.

Молодые люди, переживающие *позитивное одиночество (ПО)*, также обладают рядом существенных характеристик. Согласно установленной корреляции между шкалой ПО и шкалами I ($r = 0,22$ при $p < 0.05$), Q2 ($r = 0,32$ при $p \leq 0.05$), F2 ($r = -0,23$ при $p < 0.05$) и F4 ($r = 0,25$ при $p < 0.05$) по методике Кеттелла можно сделать следующие выводы. Переживание позитивного одиночества свойственно чувствительным мягкосердечным людям, склонным к романтизму, фантазиям и чувственному творческому восприятию мира. Им присущ интровертированный тип темперамента и склонность к конформизму. Желание построения социальных контактов основано на ожидании внимания со стороны окружающих, в то время как личность проявляет независимость от группы, самостоятельность в принятии решений. Стремление к принятию у них выражено ниже среднего.

Мы разделили испытуемых на две группы: неодинокие (61%), одинокие (39%) и выяснили у них уровень удовлетворенности браком.

Под удовлетворенностью браком мы понимаем результат адекватной реализации представления (образа) о семье, сложившегося в сознании человека в процессе его супружеского опыта (Андреева Т.В., 1998).

В результате проведенного исследования опросник удовлетворенности браком В.В. Столина, Г.П. Бутенко, Т.Л. Романовой показал, что 12.7% юношей и 27.0% девушек оценили свой брак как «абсолютно благополучный» (39 – 49 баллов); 66.0% юношей и 63.0% девушек оценили свой брак как «благополучный» (33 – 38 баллов); 21.3% юношей и 10.0% девушек оценили свой брак как «скорее неблагоприятный» (23-26 баллов). При этом 76% и 24% молодых людей, переживающих одиночество, составили категории «благополучный» и «скорее неблагоприятный» соответственно.

В.М. Минияров отмечает: «снижение супружеской удовлетворенности начинается с момента беременности жены до достижения ребенком 18-месячного возраста. В то же время бездетные пары сохраняют стабильный уровень удовлетворенности в течение всего этого периода. Восприятие себя в роли любимой снижается у женщин, например, значительно быстрее, чем у мужчин. Реакция же мужчин на переход в качество родителя наступает гораздо позднее» (Минияров В.М., 2008).

Хотелось бы обратить внимание, что у супругов со стажем супружеской жизни от 3 до 5 лет баллы удовлетворенности браком ниже, чем у супругов со стажем от 1 до 3 лет. В группе «скорее неблагоприятные» оказались молодые пары, состоящие в браке 4-5 лет. Вероятно, это связано с тем, что на ранних этапах совместной жизни контакты супругов вызывают чаще приятные эмоции. В этот период супруги склонны идеализировать свои отношения, вытесняя и отрицая возможные сложности в будущем. Однако, когда первоначальные фантазии, связанные идеализацией объекта любви, сменяются на реальную действительность, наступает разочарование, что отражается на снижении уровня удовлетворенности браком.

Для того чтобы определить как молодые люди представляют себе психологическую безопасность семьи, им предлагалось продолжить предложение: «Для меня психологическая безопасность семьи – это» и назвать ассоциации, которые возникали у них в сознании при данном понятии.

Далее мы проранжировали названные ассоциации респондентов в соответствии с частотой употребления, исключив случайные ассоциации, которые выявлялись у одного или двух респондентов. Затем было выделено девять наиболее часто встречающихся ассоциаций, которые мы распределили на три группы, выделив: эмоциональный компонент (любовь, нежность в отношениях, сексуальная гармония); материальный компонент (финансовая стабильность, материальный достаток, наличие собственного жилья) и морально-нравственный компонент (вера в Бога, супружеская верность, соблюдение традиционного этикета).

При этом выяснилось, что 25 человек (23.0%), из которых 9 человек (36%) испытывали одиночество, вообще затруднились продолжить предложение. Вероятно, это свидетельствует о том, что молодые люди не задумывались над этим явлением, либо вообще не знакомы с данным понятием. Большинство юношей 41.6% (от общего количества ответивших) с психологической безопасностью семьи связали ассоциации, входящие в эмоциональную группу, в то же время у 68.8% девушек преобладали ассоциации, связанные с материальной группой. На втором месте по упоминанию ответов у 38.7% юношей преобладали ассоциации, связанные с материальной группой, а у 63.0% девушек - с эмоциональной группой. Ассоциации, связанные с морально-нравственной группой, выявились у 36.9% юношей и 58.4% девушек.

Таким образом, психологическая безопасность семьи для юношей в первую очередь ассоциируется с эмоциональными ценностями, а для девушек – с материальными ценностями. На вопрос: «Назовите угрозы психологической безопасности семьи» участники опроса ответили следующим образом. У большинства юношей (48.0%), из которых 18% молодых людей испытывают одиночество, преобладали такие угрозы, как «отсутствие общих интересов», «одиночество», «ссоры между супругами», «бытовая неустроенность в браке». 33.3% юношей считают угрозами семейной жизни – «отсутствие у супругов взаимопонимания», «сексуальная неудовлетворенность», «болезнь детей», «неумение уступать друг другу». 18.5% - «незапланированная беременность», «необоснованная ревность одного из супругов», «недоверие друг другу». Большинство девушек (51.0%), из которых 21% испытывают одиночество, считают угрозами семейной жизни такие понятия, как «супружеская

измена», «отсутствие общих интересов», «раздельный досуг», «одинокчество вдвоем», «развод». 32.0% назвали «материальные трудности», «отсутствие помощи супруга в домашних делах», «виртуальные знакомые», «разные взгляды на семейную жизнь». 17.0% выделили такие угрозы, как «чрезмерная опека родителей и родственников», «игровая зависимость», «борьба за власть», «невнимательное отношение к супруге». Примечательно, что в качестве угрозы семейной жизни, как у юношей, так и у девушек одну из первых позиций занимает ответ – «отсутствие общих интересов», в то же время юношами не выделены такие ассоциации как «супружеская измена», «развод», «финансовые трудности», «виртуальные знакомые», которые у девушек занимают первые позиции, а девушки не рассматривают в качестве угрозы «отсутствие детей».

На наш взгляд для того, чтобы успешно преодолевать одиночество, изначально необходимо осознать и признать, что данное чувство присутствует.

Таким образом, исследование показало, что молодым супругам не чуждо переживание одиночества. При этом данному чувству подвержены супруги, относящие свой брак, как к благополучному, так и к неблагополучному. Большинство участников опроса считают, что одиночество является следствием жизненных неудач, неправильным поведением личности, а также собственной потребностью в одиночестве. Фигурирование у молодых людей таких внутриличностных черт, как самодостаточность, независимость, сдержанность, рассудительность, склонность к самоанализу, внешняя молчаливость, а также робость, нерешительность, стремление к уединению и повышенная эмоциональность могут служить причинами возникновения одиночества, несмотря на наличие супруги/супруга. Большая часть респондентов в качестве угроз психологической безопасности семьи выделили: «отсутствие общих интересов», «одинокчество вдвоем», «ссоры между супругами», «бытовая неустроенность в браке», «супружеская измена», «раздельный досуг», «развод».

Проведенное исследование подтвердило, что больше половины участников опроса (57%) считают, что одной из угроз психологической безопасности семьи является «одинокчество вдвоем».

Таким образом, можно констатировать, что современные молодые люди, состоящие в браке, имеют некоторые представления об угрозах психологической безопасности семьи в целом и об одиночестве как одной из таких угроз, в частности.

Известно, человек, страдающий от одиночества, стремится компенсировать это переживание, используя различные способы. Статистические данные о растущем трафике сайтов знакомств, чатов, онлайн-клубов, позволяют предположить, что одним из таких способов становится переход от реальных отношений к виртуальным. Супруги, переживающие одиночество в реальных отношениях, вероятнее всего будут стремиться создавать виртуальные отношения. Ведь разнообразные возможности виртуального мира позволят создавать новые образы «Я», воплощать фантазии, которые невозможно реализовать в обычном мире. Выбирая удобство, безопасность и простоту виртуальных отношений, человек может создать угрозу реальным.

В связи с этим понятно утверждение Е.В. Улыбиной, что «люди, неуверенно чувствующие себя в изменяющемся мире, стремятся найти для себя способ преодолеть неопределенность, войдя в сообщество с четкими и ясными границами, с однозначным разделением на своих и чужих» (Улыбина Е.В., 2012).

Актуальность темы требует дальнейшего более глубокого ее изучения.

Список литературы

1. Active Study Dictionary. Longman, Pearson Education, 2010. P. 785.
2. Андреева Т. В. Социальная психология семейных отношений: Учебное пособие. СПб., 1998. С. 5.
3. Вейс Р. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989.
4. Еремеев Б.А. Психология безопасности, психологическая безопасность и уровни развития человека. // Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: сборник научных статей по материалам Первого Международного Форума. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2006. С. 101 – 103.

5. Зотова О.Ю. Безопасность личности как социально-психологический феномен. Автореферат дис... д-ра психол. наук. Москва, 2011. 43 с.
6. Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо. 2007.
7. Корчагина С. Г. Психология одиночества: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 228 с.
8. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993.
9. Мартель Б. Сексуальность, любовь и гештальт. СПб.: Речь. 2006. 193 с.
10. Миняров В.М. Педагогическая психология: учебное пособие М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. С 45.
11. Немов Р.С. Психология: в 3 кн. – М.: ВЛАДОС, 2003. – Кн.1. С. 613.
12. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10, – № 1. – С. 55-81.
13. Психология. Словарь / отв. ред. А.В. Петровский. – М.: Политиздат, 1990. С. 248.
14. Проблемы психологии личности: Монография / Под общ. ред. Галяутдиновой С. И., Нурлыгаянова И. Н. Уфа, 2009. – 136 с.
15. Рукавишников А.А. Факторный личностный опросник Кеттелла: методическое руководство / А.А. Рукавишников, М.В. Соколова. – СПб.: ИМАТОН, 2006. – 96 с.
16. Рубинштейн С.Л. О понимании // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
17. Смирнов А.А. Избранные психологические труды: в 2-х т., т. 1, с.148- М.: Педагогика, 1987. – 360 с.
18. Тихомиров О.К., Знаков В.В. Мышление, знание и понимание // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1989. № 2. С. 6 – 16.
19. Улыбина Е.В. Неизменность как характеристика идентичности футбольных фанатов // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 23. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n23/682-ulybina23.html>.

Исследование психологической культуры семьи сквозь призму семейных отношений

Баринаева Е.С.

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

barinovaes@yandex.ru

Аннотация: в статье представлено практическое обоснование возможности исследования психологической культуры семьи через изучение параметров семейных отношений, дано определение понятия «психологическая культура семьи», обозначены основные результаты проведенного исследования психологической культуры семьи.

Ключевые слова: культура, психологическая культура, культура семьи, психологическая культура семьи, семья, семейные отношения, формирование психологической культуры.

Интерес к исследованию феномена психологической культуры обусловлен ведущей ролью этого качества в процессах жизнедеятельности человека, его общения, социальной адаптации, продуктивного личностного развития. Психологическая культура является базовой частью культуры личности как системной характеристики человека. Она позволяет ему эффективно самоопределяться и самореализовываться в жизни, способствует его саморазвитию, успешной социальной адаптации и удовлетворенности собственной жизнью.

В современной психологии понятие «психологическая культура» в основном рассматривается как «психологическая культура личности». Единичными работами представлены исследования психологической культуры применительно к семейной сфере – детско-родительские отношения (А.В. Гумницкая, 2006; Р.В. Габдреев, Р.Р. Кашапов, 2007), родительское акме (Е.А. Овсяникова, 2009). При этом работы, исследующие психологическую культуру семьи в целом, нами не обнаружены, что открывает широкое поле для исследований в этой области.

Анализируя различные подходы к исследованию феномена психологической культуры, можно сделать вывод, что многие ученые (А.А. Бодалев, Р.В. Габдреев, А.В. Гумницкая, И.В. Дубровина, Р.Р. Кашапов, Л.С. Колмогорова, А.С. Никольская, В.В. Семикин и др.) считают психологическую культуру личности основой продуктивного общения и взаимодействия с другими людьми (в семейных, профессиональных, дружеских отношениях и т.п.). Развитая психологическая культура позволяет человеку понимать других людей, слушать и слышать их, принимать и уважать наличие у партнеров по общению иных взглядов и мнений. Психологическая культура ребенка начинает формироваться с самого детства во взаимодействии с семьей. От уровня психологической культуры родителей напрямую зависит развитие психологической культуры ребенка и успешность его дальнейшей социализации. Таким образом, мы приходим к выводу, что психологическая культура семьи проявляется в различных видах семейных отношений (супружеских, детско-родительских, родственных) и изучать ее необходимо в контексте различных параметров семейной сферы.

В своем исследовании под психологической культурой семьи мы понимаем сложно структурированное образование, представляющее собой совокупность знаний членов семьи друг о друге, их умение эмоционально откликаться на поведение и состояние друг друга, выбирать по отношению к каждому члену семьи способ обращения, отвечающий его индивидуальным особенностям. Психологическая культура семьи является основой продуктивного общения и взаимодействия.

Целью нашего исследование являлось практическое обоснование возможности исследования психологической культуры семьи сквозь призму семейных отношений. *Гипотеза* нашего исследования заключалась в предположении о том, что психологическая культура семьи проявляется в различных видах семейных отношений. Для достижения цели и подтверждения гипотезы нами было проведено *эмпирическое исследование* психологической культуры семьи на выборке. Случайным образом было отобрано 40 семей, проживающих в городе Екатеринбурге и других городах Свердловской области. Все испытуемые – это мужчины и женщины русской национальности в возрасте от 24 до 46 лет, состоящие в официальном браке не менее 2 и не более 20 лет, имеющие одного (46,3%) или нескольких (53,7%) несовершеннолетних

детей. Среди респондентов 82,5% имеют высшее образование, 17,5% средне-специальное.

На первом этапе эмпирического исследования было необходимо определить значимые для респондентов семейные отношения. Для этого нами были применены методика «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллера и анкета «Я и моя семья». По результатам исследования значимых для респондентов отношений, мы получили данные о реальном и субъективно представляемом составе семей респондентов. Это позволило сделать вывод, что 85% респондентов видят себя членами нуклеарных семей и только 15% испытуемых в состав своих семей помимо супругов и детей включают других родственников.

Мы пришли к выводу, что родственные отношения являются для респондентов менее важными, чем детско-родительские и супружеские. Этот факт обусловил план дальнейшего исследования и подбор методик для исследования значимых для респондентов семейных отношений и проявления психологической культуры в них.

На основном этапе исследования для изучения *детско-родительских отношений* нами были использованы методики: «Опросник родительского отношения» (ОРО) А.Я. Варги, В.В. Столина и «Опросник эмоциональных отношений в семье» Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ).

Для изучения *супружеских отношений* нами были использованы методики опросник «Взаимодействие супругов в конфликтной ситуации» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской и опросник «Особенности общения между супругами» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской.

Интегративным показателем качества семейных отношений и уровня семейной психологической культуры является микросоциальный климат семьи. Для его исследования нами был использован опросник «Шкала семейного окружения» (*Family Environmental Scale, сокр. FES*) R.H. Moos (1974), адаптированная С.Ю. Курпьяновым (1985).

В настоящее время нет методик, изучающих психологическую культуру семьи. При этом имеются методики, изучающие индивидуальную психологическую культуру. Поскольку мы теоретически доказали, что можно рассматривать психологическую

культуру семьи сквозь призму отношений, то для выявления связи психологической культуры и параметров семейных отношений нами была использована методика «Психологическая культура личности» О.И. Моткова.

Обратимся к результатам нашего исследования.

Анализ результатов исследования по методике «Опросник родительского отношения» (ОРО) А.Я. Варги, В.В. Столина (рис. 1) позволил выявить такие показатели детско-родительских отношений, которые могут быть связаны с низким уровнем психологической культуры семьи: существенное дистанцирование от ребенка (29%) и низкий (50%), либо высокий (10%) уровень контроля, что свидетельствует о попустительском либо авторитарном стиле воспитания.

Показателями, которые могут быть связаны с высоким уровнем психологической культуры семьи, на наш взгляд, являются: безусловное принятие ребенка (94%), кооперация с ним (58%), адекватный родительский контроль (40%), установление адекватной психологической дистанции в общении с ребенком (56%), вера в его успехи (78%).

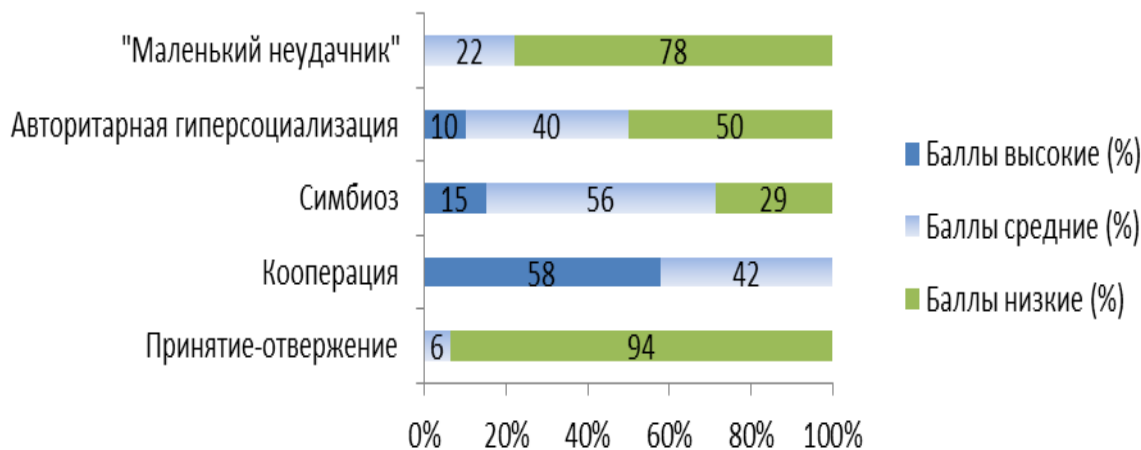

Рисунок 1 - Результаты диагностики по методике ОРО

Анализ результатов исследования по методике «Опросник эмоциональных отношений в семье» Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ) (рис. 2) позволил нам выявить показатели эмоциональной стороны детско-родительских отношений, которые могут

быть связаны с низким уровнем психологической культуры семьи: низкие уровни эмпатии ребенку (39%) и способности воспринимать состояние ребенка (33%).

Показателями, которые могут быть связаны с высоким уровнем психологической культуры семьи, на наш взгляд, являются: принятие себя в качестве родителя (71%), безусловное принятие ребенка (68%), положительные чувства при взаимодействии с ребенком (60%), оказание ребенку эмоциональной поддержки (60%), ориентация на состояние ребенка при взаимодействии (56%).

Рисунок 2 - Результаты диагностики по методике ОДРЭВ

Результаты исследования по методике «*Взаимодействие супругов в конфликтной ситуации*» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской (рис.3) позволяют сделать вывод, что преобладающим среди респондентов является поведение несогласия в конфликте. При этом большинство респондентов (57%) выражают пассивное несогласие и лишь 3% выражают несогласие активно. Пассивное согласие в конфликте выражают 40% респондентов.

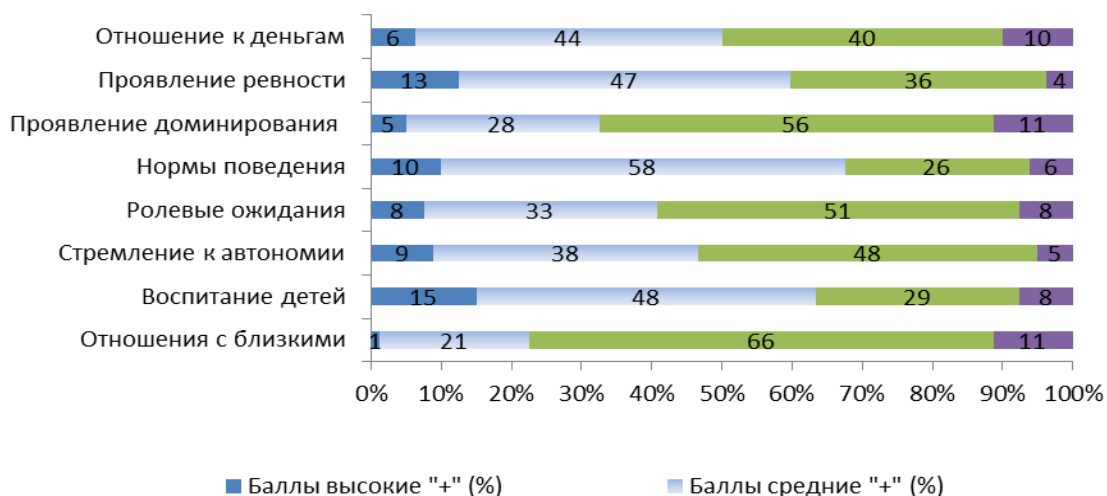

Рисунок 3 - Результаты диагностики по методике «Взаимодействие супругов в конфликтной ситуации»

Поскольку данная методика оценивает поведение в конфликтных ситуациях, то на наш взгляд, низкие отрицательные баллы по любой из шкал, являющиеся показателями высокой конфликтности, могут быть связаны с низкой психологической культурой семьи. Наоборот, чем выше балл к положительным значениям, тем меньше супруги вступают в конфронтацию и отстаивают свою точку зрения в конфликтных ситуациях, тем, соответственно, выше может быть психологическая культура их семьи.

Анализируя результаты исследования по методике «*Особенности общения между супругами*» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской (рис. 4), мы пришли к выводу, что ситуация с общением в семьях респондентов в целом благоприятная, подавляющее большинство респондентов оценивают общение со своими супругами на высокие и средние баллы.

Рисунок 4 - Результаты диагностики по методике «Особенности общения между супругами»

Поскольку данная методика оценивает особенности общения между супругами, то на наш взгляд, низкие баллы по любой из шкал могут быть связаны с низкой психологической культурой семьи. Как показывает исследование, низкие баллы отмечены в единичных случаях. Наоборот, чем выше баллы по параметрам общения, тем более легким, доверительным и гармоничным является общение между супругами, тем, соответственно, выше может быть психологическая культура их семьи.

Результаты исследования по методике «Шкала семейного окружения» адаптированной С.Ю. Куприяновым (рис. 5) позволили выявить показатели, которые могут быть связаны с низким уровнем психологической культуры семьи: высокий уровень контроля (8%), низкие уровни ориентации на интеллектуально-культурные сферы (31%) и активный отдых (37%).

Показателями, которые могут быть связаны с высоким уровнем психологической культуры семьи, на наш взгляд, являются: ориентация на морально-нравственные аспекты (21% высоких и 76% средних баллов), высокий уровень сплоченности семьи (75%), открытое выражение членами семьи всех чувств (43%), в том числе конфликтных (39%).

Рисунок 5 - Результаты диагностики по методике «Шкала семейного окружения»

Результаты исследования по методике «Психологическая культура личности» О.И. Моткова (рис. 6) позволяют сделать вывод, что респонденты оценивают выраженность у себя различных видов культурно-психологических стремлений, в основном, на средние и высокие баллы. По мнению О.И. Моткова, со всеми респондентами, показавшими низкие баллы по любым видам культурно-психологических стремлений, необходимо проводить психологическую развивающую работу, направленную на повышение уровня психологической культуры. Самые низкие баллы были показаны респондентами по стремлениям к самопознанию и самоанализу (25%), к творчеству (22%) и психической саморегуляции (22%).

Рисунок 6 - Уровни развития психологической культуры личности

Для подтверждения гипотезы о возможности изучения психологической культуры семьи сквозь призму семейных отношений нам необходимо было определить взаимосвязи между параметрами семейных отношений и параметрами психологической культуры. Эта задача была реализована с помощью корреляционного анализа (ранговая корреляция Спирмена).

В результате корреляционного анализа нами было выявлено множество взаимосвязей между параметрами семейных отношений и параметрами психологической культуры. Приведем описание наиболее значимых для нашего исследования корреляционных связей. Оценивая взаимосвязь параметров семейной сферы с *психологической культурой личности в целом*, мы выявили 12 значимых корреляций. Это шкалы: «авторитарная гиперсоциализация» ($p=0,04$, $r_s=-0,23$), «способность воспринимать состояние» ($p=0,05$, $r_s=0,22$), «безусловное принятие» ($p=0,04$, $r_s=0,23$), «принятие себя в качестве родителя» ($p=0,03$, $r_s=0,24$), «ориентация на состояние ребенка» ($p=0,03$, $r_s=0,25$), «воздействие на эмоциональное состояние ребенка» ($p=0,03$, $r_s=0,25$), «взаимопонимание (оценка супруга)» ($p=0,02$, $r_s=0,26$), «легкость общения» ($p=0,01$, $r_s=0,29$), «выражение конфликтных чувств» ($p=0,02$, $r_s=0,25$), «независимость» ($p=0,01$, $r_s=0,31$), «интеллектуально-культурная ориентация» ($p=0,01$, $r_s=0,27$), «ориентация на активный отдых» ($p=0,01$, $r_s=0,31$).

На основе анализа значимых корреляций между индивидуальной психологической культурой и параметрами семейных отношений был составлен портрет психологически-культурной семьи. Психологическая культура семьи проявляется в детско-родительских отношениях в том, что родитель при построении взаимоотношений с ребенком не прибегает к чрезмерному контролю его действий, принимает ребенка безусловно, принимает себя в качестве родителя, способен воспринимать состояние ребенка и ориентируется на него при построении взаимодействия. В супружеских отношениях психологическая культура проявляется в том, что супруги легко приходят к взаимопониманию, для них характерно открытое выражение чувств, в том числе и конфликтных, признается возможность каждого из супругов иметь свою точку зрения на обсуждаемые вопросы. Кроме этого, психологически-культурная семья ориентирована как на интеллектуально-культурные сферы, так и на активный отдых.

Обнаружение множества взаимосвязей параметров индивидуальной психологической культуры с параметрами семейной сферы в результате корреляционного анализа, позволяет утверждать, что психологическая культура семьи, действительно, проявляется в различных параметрах семейных отношений и изучать ее можно сквозь призму различных параметров семейной сферы. Гипотеза нашего исследования подтвердилась.

Список литературы

1. Габдреев, Р.В. Психологическая культура родителей и взаимопонимание между родителями и детьми как психологическая проблема [Текст] / Р.В. Габдреев, Р.Р. Кашапов // Омский научный вестник – 2007. - №4(58) – С. 124-126.
2. Гумницкая, А.В. Психологическая культура в детско-родительских отношениях [Текст]: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / А.В. Гумницкая; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Спб., 2006. - 194 с.
3. Дубровина, И.В. Психологическая культура личности как феномен [Текст] / И.В. Дубровина // Вестник Мининского ун-та – 2013. - №1(1). – С. 3-15.
4. Лидерс, А.Г. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений [Текст] / А.Г. Лидерс. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 432 с.
5. Мотков, О.И. Психологическая культура в мозаике личности [Текст] / О.И. Мотков // Сборник тезисов XII Международных чтений памяти Л.С. Выготского «Знак как психологическое средство: субъективная реальность культуры» - 2011. – С. 246-252.
6. Никольская, А.С. Психологическая культура как фактор сохранения психологического здоровья личности [Текст] / А.С. Никольская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России - 2010. - №2. - С. 223-228.
7. Овсяникова, Е.А. Психологическая культура как условие достижения родительского акме [Текст]: автореф. дис. ... канд. пс. наук: 13.00.13 / Е.А. Овсяникова; Белгородский гос. ун-т. – Белгород, 2009. – 23 с.

8. Эйдемиллер, Э.Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия [Текст] / Э.Г. Эйдемиллер, И.В. Добряков, И.М. Никольская. – Спб.: Речь, 2007. – 352 с.

Влияние социальных тенденций на формирование картины классических отношений в семье и возможные способы замедления негативной динамики

Бражников П.П.

АНО Научная академия исследований социальных и психологических систем,

Москва, Россия

brazhnikov@psy.academy

В данной статье описываются основные социальные изменения последних лет и их влияние на типичные отношения в современной семье. Основное внимание сделано на значительном повышении инфантильности молодых людей. Что выражается в неспособности обращать внимание на чувства и желания супруга и нежелании брать на себя ответственность. Далее приведен краткий обзор современных методов помощи в семейных отношениях. Затем приведены примеры дополнительных мер возможных в современных условиях и не требующих больших организационных или финансовых затрат.

Ключевые слова: социальные тенденции, инфантильность, воспитание.

Не секрет, что социальная система постоянно меняется. Равенство в правах женщин и мужчин появилось повсеместно только в прошлом веке. В развитых странах, значительно уменьшилась норма количества детей в семье (Белова В.А., 1975), (Ахунова Э.Р., 2015), (United Nations, 2010). Одним из наиболее ярких примеров в части социальных стереотипов является изменение верхней границы возраста, при достижении которого человек считается окружающими самостоятельным (Госкомстат, 2002), (Лупандин В. Н., 2011). Если раньше в возрасте 14-16 лет человек считался полностью

взрослым, то сейчас, в некоторых странах, например в США, до 21 года не продают алкоголь. А самостоятельную жизнь многие начинают еще позже, после окончания обучения. Конечно, есть примеры таких социальных изменений, когда с 14 лет разрешают вести индивидуальную предпринимательскую деятельность, но это скорее исключение, обусловленное государственной экономической политикой.

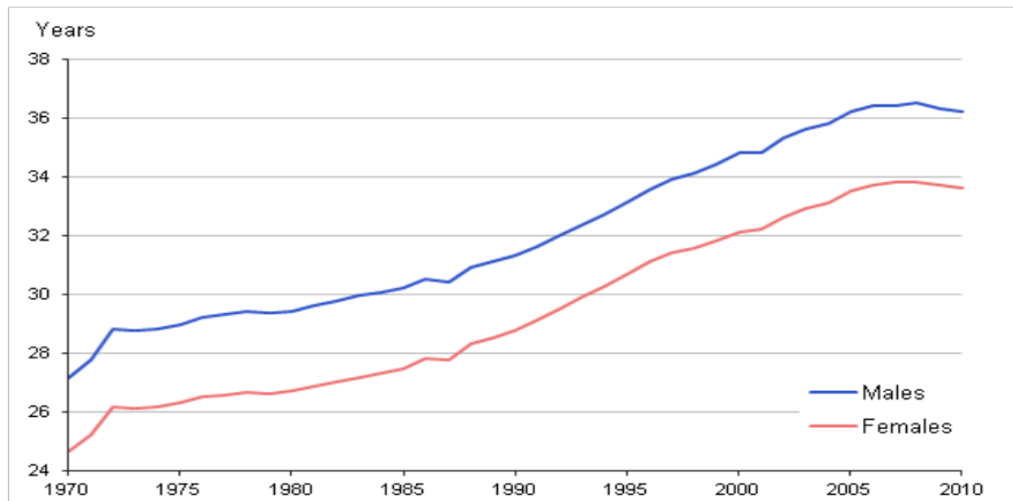

Рис.1 Динамика среднего возраста вступления в брак в Англии (Statistical Bulletin, 2012)

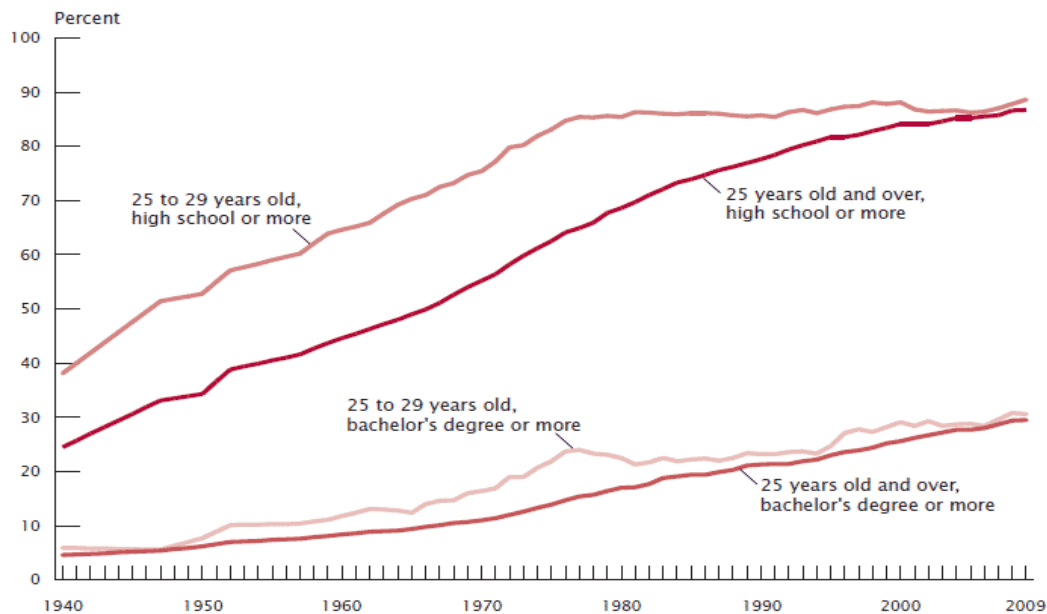

Рис.2 Процент 25 летних и старше с высшим образованием, в США (U.S. Census Bureau, 2012)

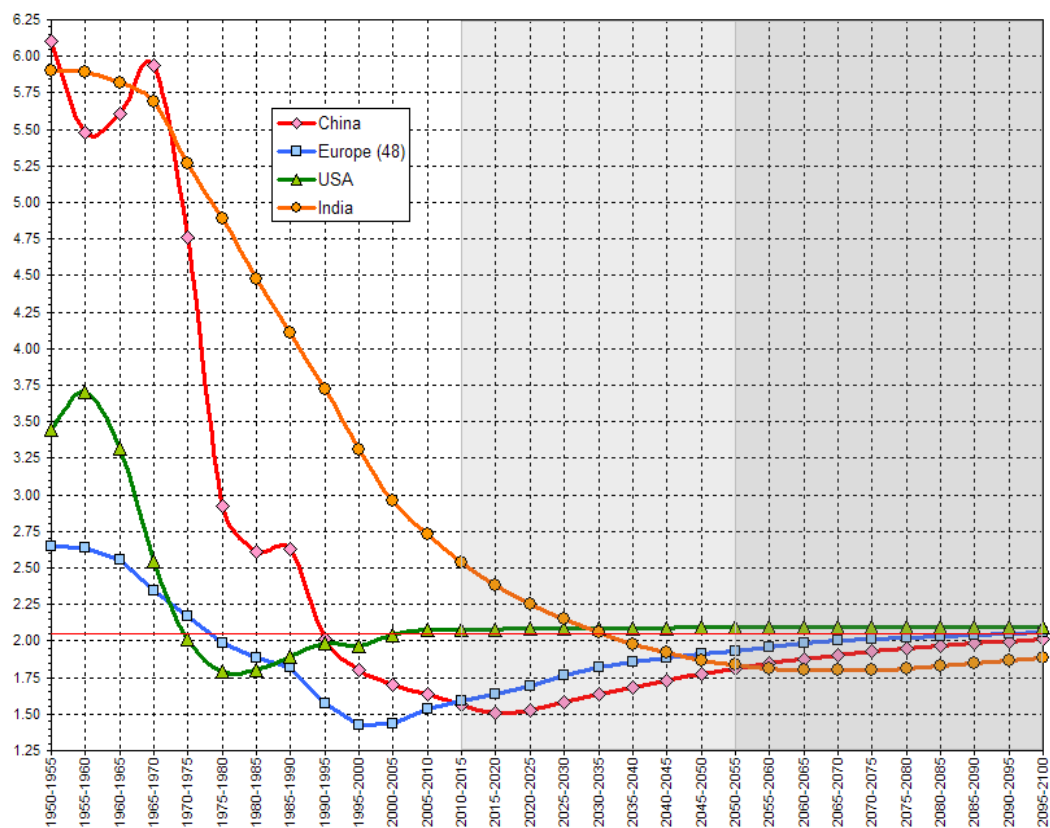

Рис.3 Динамика и прогноз среднего количества детей в семьях (United Nations, 2010)

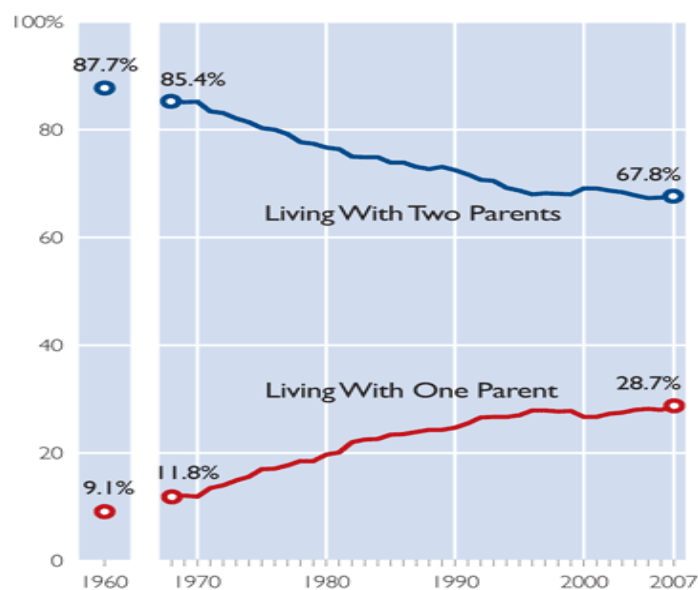

Рис. 4 Процент детей, растущих в семьях с двумя (вверху) и с одним (внизу) родителем в США (U.S. Census Bureau, 2008)

На любого человека современное ему общество оказывает огромное влияние. Оно распространяется через культуру, стереотипы, социальные нормы, государственные институты и так далее, проще перечислить, где этого влияния нет. Если говорить об институте семьи, то после его законодательного регулирования, вторым по значимости фактором, влияющим на нее, вероятнее всего будет гендерное разделение ролей. Абстрагируемся от вопроса о биологической или социальной причине этого разделения, о чем, к сожалению, еще спорят даже в научных кругах (Медина Дж., 2014), (Шон Б.М., 2001), (Клецина И.С., 2003). Отметим лишь, что какова бы ни была причина, она породила сильные стереотипы, которые только усиливают ее эффект.

Перейдем теперь к самим гендерным ролям. Мужчина традиционно и повсеместно воспринимается как "добытчик" (Клецина И.С., 2009). При этом, не так важно насколько он удачлив в размерах добычи, главное, чтобы добывал именно он. Конечно финансовый вопрос никто не отменял, но так как люди оценивают себя в сравнении с окружающими, если все знакомые живут не лучше, то почти любой достаток будет удовлетворительным. А вот неспособность или нежелание мужчины "добывать" обществом стабильно осуждается. Так и получается, что мужчин настраивают на деятельность во внешнем к семье мире. Деятельность, за которую они будут получать вознаграждение. И, даже в современном обществе потребления, гораздо большей ценностью является стабильность этого вознаграждения, а не его величина (ФОМ, 2013.). Ведь в случае его отсутствия сразу возникает риск общественного осуждения. Если же вознаграждение мужчины за его деятельность будет невелико, это, в большинстве случаев, приведет лишь к отсутствию восхищения и зависти.

Для облегчения жизни людей, большинство стабильных государств в истории, а современные особенно, предоставляют надежный конвейер занятости населения. После общей для всех школы, почти в каждом городе есть последующие ступени образования, после которых большой выбор рабочих мест по специальности. Надо только сделать выбор направления образования после школы и выбор места работы. Оба выбора в

большинстве случаев приводят к необходимости отказаться от желанных для всех вариантов, которые достаются немногим, и к необходимости соглашаться на общедоступные варианты похуже, где и оседает большинство населения. Основная масса, кстати, варианты получше даже и не рассматривает.

Стереотипная роль женщины, это роль "второго плана". Ей полагается выйти замуж и вести домашнее хозяйство и обустроить дом так, чтобы мужчина мог в нем отдохнуть после работы. Но, что более важно, ей необходимо помогать своему мужчине в его делах, при этом, правда, не вникая в их "техническую" суть. То есть помогать советом общего характера и внушением уверенности. Другими словами, общество вынуждает женщин стремиться взаимодействовать с миром не самостоятельно, а через мужчин. При этом общественные стереотипы и в этом случае качества мужа ставят не так высоко, как его наличие и стабильность его дохода. Это же общество дает будущим женам традиционную последовательность действий: одеться, согласно моде, вести себя согласно стандартным ожиданиям и, после нахождения пары, действовать по не сложным, в организационном плане, алгоритмам. Так как общество не требует от женщин применения результатов своего образования, то единственный важный выбор, предлагаемый традициями, это выбор будущего мужа. Где, как и у мужчин, большинство соглашается на средние варианты.

Гендерное распределение ролей существовало почти всегда и его влияние в обществе упрощенно можно считать постоянным. Как и традиционный жизненный путь, который общество ожидает от женщин. Но за последние столетия сильно изменился конвейер занятости мужчин. Не сильно изменившись в степени определенности жизненного пути, он изменился в части длительности, значительно увеличившись на этапе обучения. Одновременно увеличился возраст получения формальной свободы от родителей, когда человек начинает обеспечивать себя сам. Соответственно увеличился и стандартный возраст выхода замуж и получения формальной свободы для женщин. Что не менее важно, примерно в тоже время уменьшилась реальная самостоятельность молодых людей во время формальной зависимости от родителей. Это произошло вследствие большего внимания людей к детям, которого не могло быть, когда традиционно детей было много и разного возраста.

Социальные изменения в традиционном жизненном пути привели к меньшей самостоятельности молодых людей и в течение большего периода времени. Да и после обретения формальной самостоятельности большого простора для нее общество не предоставляет: регламентированная работа, стандартизированные развлечения, да и желания в современном обществе потребления определяются во многом глобальным информационным пространством. Все эти причины и многие другие приводят к давно замеченной тенденции инфантилизации людей (Ferlazzo L., 2011), (Лоренц К., 1998), (Ушакова Т., 2010). И с каждым поколением она проявляется все сильнее.

Инфантильность - это наличие у взрослого человека паттернов мышления, более характерных для детей. При этом подразумевается, что при взрослении человек становится ответственным, менее эгоцентричным и вообще больше анализирует происходящее вокруг, не доверяя слепо правилам и стереотипам. Но в наше время общество и государство снимает с человека практически всю ответственность: за содержание, обучение и выбор профессии, на работе ответственность в основном за следование регламенту, и даже эгоцентризм поддерживается современной сферой услуг и развлечений.

Конечно, это лишь общая тенденция, и в действительности степень инфантильности у всех разная, но средний ее уровень неуклонно растет, как замечают большинство исследователей. Очень часто признаки инфантильности проявляются только в некоторых сферах жизни. Кто-то, обычно мужчины, больше всего инфантилен в области человеческих отношений. В этом случае, человек в процессе общения не задумывается об окружающих, а считает лишь общую степень дружелюбия. Далее, исходя из эмоционального фона беседы, выбирается стандартная тактика, выработанная еще в детстве, которая направлена на поддержание комфортной атмосферы. Это не взрослая коммуникация, где важен партнер, это в большей степени эгоцентричная оборонительная деятельность. При этом в рабочих вопросах человек может вести себя гораздо увереннее. Другой случай, когда человек, даже умея наблюдать за окружающими, узнавать, чего они хотят, делать комплименты, все равно ведет себя инфантильно в конфликтных ситуациях, либо избегая их, либо эгоистично следуя своим интересам, но придумывая для этого оправдания. Некоторые люди, чаще девушки,

наоборот, будучи достаточно развитыми в плане коммуникации, проявляют инфантильность в вопросах ответственности, самостоятельности, критического отношения к общественным нормам и стереотипам или в других сферах жизни. Но не редки случаи проявления человеком инфантильности в подавляющем большинстве ситуаций.

Существенным моментом является то, что традиции вынуждают даже самых инфантильных людей вступать в брак или образовывать постоянные пары. В отношениях двух инфантильных людей, мужчина все внимание сохраняет на выполнении рабочих задач, которые строго оценивают, подразумевая, что домашние дела уже не его область, как и было ранее, при родителях. А женщина, все свое ранее распыленное внимание наоборот направляет на новый объект, от которого многое ждет. Такова классическая картина новой семьи.

Хорошо, когда женщина, ранее в вопросах отношений проявлявшая инфантильность, встав перед необходимостью самостоятельной деятельности приобретет навыки взрослого взгляда на мир. Хуже, когда за нее «вступается» кто-нибудь из друзей или родителей супругов, руководя ею в действиях по воспитанию мужа. Инфантильный же муж, сферу семьи продолжит считать чужой зоной ответственности. Тогда все конфликты будет считать как ошибку женщины, но может инфантильно соглашаться на небольшие изменения регламента своих действий, для уменьшения конфликтности ситуации. При этом, всю рабочую нагрузку со стороны семьи он будет воспринимать как навязанную сверх основной своей работы и потому неосознанно избегать. Под рабочей нагрузкой тут понимается не только работа по дому, но и работа, например, в области романтизации отношений или налаживания внешней коммуникации семьи с родственниками и соседями. И тем более, инфантильный мужчина, будет избегать брать на себя ответственность в общесемейных вопросах, ведь всегда есть, на кого ее переложить. Не возникает мотивации для повышения самостоятельности.

В таких условиях и инфантильная, управляемая другими женщина и действующая самостоятельно, будут пытаться инфантильного мужа изменить, сделав его своим союзником в делах. Но мало в чем можно убедить человека, если отсутствует

заинтересованность. Мало эффективны и эмоциональные стимулы, и логические доводы. Ведь все необходимое от семьи – социальный статус – уже получены. Впрочем, отсутствие мотивации к изменениям, по той же причине, наблюдается и у инфантильных женщин. Отсутствие, в таком случае, положительных изменений со стороны жены является дополнительной причиной нежелания меняться со стороны мужа. Если брак на этом этапе сохранится, то женщина поймет, безрезультатность управления мужем. И направит свою деятельность в другое русло. Как упоминалось выше, социум воспитывает в женщинах стремление не к профессиональной деятельности, а к влиянию на людей. Именно этим женщина и займется наиболее соответствующим ее характеру способами. Если есть дети, то именно они вероятнее всего станут новым способом самореализации женщины. Что с большой вероятностью приведет к воспитанию новых инфантов. Но если маленьких детей нет или их воспитание монополизировал кто-нибудь из старшего поколения, то приходится искать другие пути. В большинстве подобных случаев первым шагом является поиск работы, для создания нового круга общения. И тут нужно сделать важное замечание. Как говорилось ранее, общество создает стереотипы карьерного пути и ставит на первый план стабильность. Но это для мужчин. Женщины традиционно о работе глубоко не задумываются, несмотря на всю важность финансового вопроса. Социальные стереотипы навязывают им другие ценности. Это приводит к тому, что когда женщина начинает работать, она гораздо меньше связана какими-либо мысленными ограничениями. Последнее обстоятельство часто позволяет женщинам, если они не самореализуются в общении, сделать более успешную карьеру, чем у мужа.

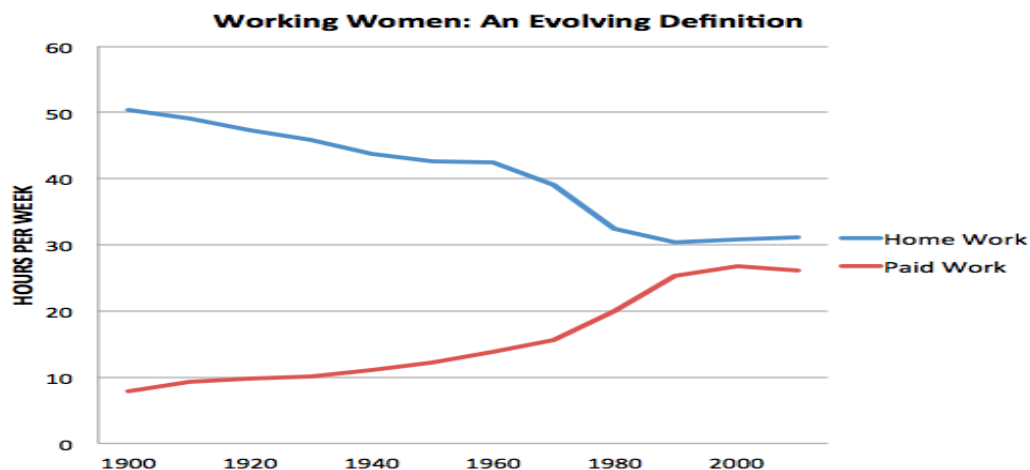

Рис.5 Количество часов в неделю, затрачиваемое работающими женщинами на работу по дому (вверху) и на оплачиваемую работу в США (Thompson D., 2013)

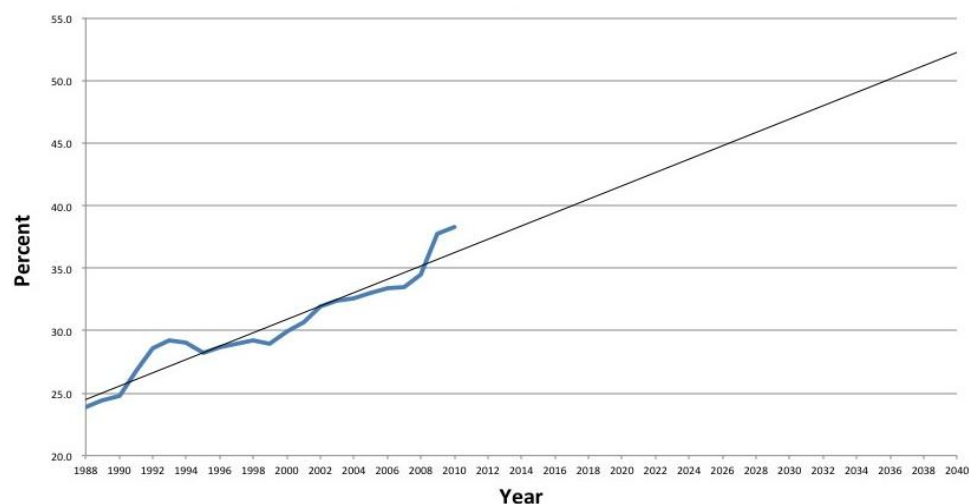

Рис.6 Процент работающих жен с зарплатой большей чем у их мужей в США (Mundy L., 2012)

К сожалению, все эти тенденции приводят ко все возрастающему проценту разводов. Существует, конечно, надежда, что в случае распада первого брака, его участники станут более самостоятельными. И в этом случае второй брак будет построен с более взрослых позиций. Но такой способ снижения инфантильности слишком дорого обходится и его участникам и всему обществу. Анализ возможных средств по изменению картины классических отношений в семье. Дальше возможны различные варианты развития семейных, кроме развода, отношений, но рассматривать их сейчас

нет возможности. Важнее рассмотреть, что в такой ситуации можно сделать. Классическим временным средством является разовая психологическая консультация, на которой специалист обращает внимания обоих супругов на чувства и желания друг друга. Это позволяет сделать их эмоционально ближе и снимает накопившуюся напряженность в семье. Но людей это не изменит, а значит и не устранил повторение ситуации в будущем. Другим надежным способом улучшить ситуацию является расширение навыков общения супругов. Для этого хорошо подходят индивидуальные задания в непривычной области, но связанные с семьей. Такие часто дают на тренингах или при периодических встречах с психологами. Гештальт-терапия также при некотором повторении помогает изменить детские взгляды на мир. Есть и другие методы, направленные на вывод из инфантильного состояния конкретного человека или семьи. Но все эти методы носят выборочный, не системный характер. Гораздо более эффективным было бы изменение нынешней ситуации в обществе. Но информационное убеждение имеет слабый эффект там, где речь идет о привычках людей. Ни родители будущих инфантильных личностей, ни сами люди с инфантильными чертами в поведении, не воспримут логическую информацию настолько, чтобы она повлияла на их мысли и поведение. Для изменения нужна внешняя мотивация. Возможным выходом могло бы стать создание соответствующих социальных институтов для работы либо с родителями, либо с детьми. Последнее, к сожалению, на практике осуществить намного сложнее, ведь тогда работу придется проводить в условиях одновременного действия семьи в противоположном направлении. Семьи состоящей из не желающих меняться инфантильных людей, работа с которыми также сильно осложнена.

Интересным вариантом может показаться создание государственных организаций по психологической консультации семей. Но подобная система не сможет улучшить ситуацию, если не создать ее позитивное восприятие населением. Современное отношение к психологам имеет ряд негативно окрашенных стереотипов (Ключников С., 2011). При этом к семейному психологу обратиться еще сложнее так как вопросы которые решает семейный консультант не являются индивидуальными. Для изменения общей картины, требуется систематическое создание образа психолога-консультанта, как инструмента по улучшению и без того счастливой семьи. Такая пропаганда

значительно усилила бы положительный эффект даже от существующей системы платных услуг по семейному консультированию.

Возможен другой подход для глобального улучшения общей картины. Создание системы воспитания, которая будет мотивировать детей к размышлениям в соответствующей области. Такую цель, в первую очередь, имеет разбор глубоких в психологическом плане произведений на уроках литературы. Но, к сожалению, современная система образования и в России и в мире имеет ряд существенных недостатков, основным из которых является отсутствие интереса к учебе, а, следовательно, отсутствие вовлеченности в процесс. Как следствие, очень многие оказываются в состоянии понять психологические вопросы, раскрытые в литературе, только после того, как переходят в зрелый возраст (Вайль П., 1991), в котором многие люди начинают перечитывать классику. Фактически, получается, что когда молодежь сталкивается с проблемами, она учится их понимать. Но практика показывает, что возможна и обратная последовательность. В воспитании не редки ситуации, когда кому-либо сначала озвучивают правило, которое пригодится в будущем, а затем только приходит понимание его причин. Полезно попытаться разработать систему простых правил для будущей семейной жизни на основе русской литературы. Если в школе достаточно ярко показать, как делать не нужно или, наоборот, как лучше, то такие стереотипы могут в будущем привести к попыткам менее эгоцентричного общения между супругами. Конечно, общественные отрицательные тенденции так переломить вряд ли возможно, но улучшение даже в малом проценте семей будет ценно.

Возможный механизм создания положительных стереотипов семейных отношений.

К сожалению, вопрос семейной жизни мало представлен в основных произведениях школьного курса литературы. Большинство описанных в них семей, которые можно условно назвать благополучными, основаны на добровольном подчинении одного супруга другому. Таков гражданский брак Обломова в одноименном романе, в котором его незаконная жена Пшеницина, полностью отдает себя делу удовлетворения его барских привычек в сложных финансовых условиях. Однако она счастлива такой жизнью. Но такой пример вряд ли вдохновит большое количество

девушек. А также, что более важно, если бы Обломов не был бы столь «домашним», ситуация могла бы быть иной. А ситуации, когда мужа большую часть времени проводят дома редки.

Другой пример похожей жертвенности показан в Эпilogue романа «Война и мир» Льва Толстого, брак Пьера Безухова и Наташи. Последняя «принимала участие в каждой минуте жизни-мужа», «у себя в доме ставила себя на ногу рабы мужа» и «постоянно находилась в страхе быть помехой». По описанию их брака автором можно сделать вывод, что он считает его идеалом. Но не все так просто. Полностью посвятив себя заботе о Пьере, Наташа фактически руководит им. Ее страх помешать «умственным, отвлеченным делам» супруга приводит к тому, что она почти навязывает их ему, угадывая «сущность» его желаний и не давая ему сидеть на месте. В менее идеализированном описании примеры подобных семейных отношений показаны у Пушкина. В них женщина управляет всем хозяйством, включая и своего супруга. При этом, для последнего такое положение дел лишний повод восхищаться женою. Яркими примерами являются комендант крепости Иван Кузмич и его жена Василиса Егоровна, в повести «Капитанская дочка», и Родители Татьяны Лариной в поэме «Евгений Онегин». Похожая ситуация описана и у Достоевского в романе «Униженные и оскорбленные», в котором Алексеем управляет сначала Наташа, а затем Катя, на которой он в конце женится. Описанные выше ситуации, однако, нельзя применять к современному обществу, хотя они не редки и в наше время. Описанные в них мужа в значительной степени инфантильны, в противоположность своим женам. Однако они большую часть своего времени проводят дома, что мало какой семье доступно. Получается, эта ситуация не может служить примером. Не может она им служить и потому, что социальные стереотипы учат отрицательно относиться к мужьям, позволяющим такое к себе отношение. К тому же, подобные отношения в восприятии людей слишком близки к ситуациям, описанным например в комедии Фонвизина «Недоросль», семья Простаковых, или в романе «Что делать» Чернышевского, семья Розальских. В этих семьях властные жены управляют своими запуганными мужьями только из эгоистических соображений. В романе Чернышевского «Что делать» есть и положительный пример, это семья Александра и Веры Кирсановых. А. М. Скабичевский

вспоминает, что каждое слово Чернышевского «считалось в то время законом», а по роману «Что делать?» устраивали частную и семейную жизнь (Скабичевский А.М., 1903), (Бурмистрова С.В., 2010). Но персонажи в романе слишком абстрактны, наподобие Сверхчеловека Ницше. Например, А. Коллонтай, указывала на «схематичность» образа Веры, не позволяющей «видеть в нем литературный, а тем более жизненный тип» (Коллонтай А., 1913). Но, несмотря на схематичность, редко заметную школьникам, в этом произведении есть полезное сравнение двух «семей», основанных на равноправии. Это Кирсановы и «семья» Дмитрия Лопухова и Веры, которая затем станет женой Кирсанова. Приведена пагубность формального общения, на примере Лопуховых, и положительный эффект от вовлеченности Кирсанова в чувства и желания своей супруги. То, что в обоих семьях один и тот же персонаж в роли жены, усиливает сравнение. Также Вера Павловна достаточно самостоятельна и является фактически предпринимателем, что хорошо соответствует современным стереотипам. Конечно, что в реальности большинство взрослых девушек больше хочет быть обеспеченной мужем, чем быть финансово самостоятельной. Но данный пример нужен мальчикам чтобы понять пользу внимания к женам. И на этом моменте полезно очень подробно заострять внимание школьников. Хорошо может помочь упоминание исторической важности романа и уважительного отношения к нему известных исторических лиц. Также может быть полезен данный роман для примера взрослого отношения к жизни его героев, в первую очередь Лопухова. Его хорошо сравнить, например, с безвольным Тихоном Кабановым из пьесы Гроза Островского, неспособным защитить свою жену от собственной матери. Более сложным, но полезным сравнением героев Чернышевского будет противопоставление их Рудину из одноименного романа Тургенева. Незрелость которого лучше всего проявляется в последней встрече с Натальей, в которой Дмитрий оказался неспособен взять на себя ответственность.

Другим произведением из школьной программы, в котором полезно выделить вопрос отношений в браке, является «Анна Каренина» Льва Толстого. Тема отношений в изучении данного романа раскрыта очень широко. Однако, будет полезным отдельно особо обращать внимание учащихся на поведение Алексея Александровича по отношению к главной героине, описанное в начале книги. Анна безусловно любила

своего мужа и уважала его, но возможности общаться с ним у нее не было. Не требовалась от нее и никакой помощи, кроме разве что поддержания связи с петербургским светом. Следовательно, она не могла самореализоваться в браке ни при помощи общения с супругом, ни какой-либо работой для него. Поэтому неудивительно, что она увлеклась покорностью Вронского, который постоянно искал общения с нею. Накопившуюся нехватку внимания Анна затем будет проявлять в потребности все время быть с Алексеем, постоянно ревнуя его к любым занятиям вне дома. Приведенных примеров при правильном акценте достаточно, чтобы многие запомнили важность внимания к друг другу в семье и ответственности, как помнят со школы правило «береги честь с молодую» из «Капитанской дочки» Пушкина. Такой метод выглядит перспективным еще и потому, что школу посещают независимо от отношения к ней.

Вывод. Молодая система воспитания постоянно сталкивается с новыми вызовами. В том числе становится все актуальней вопрос формирования личности, способной к осмысленной, ответственной семейной жизни. Одной из основных причин важности семейного вопроса является инфантилизация общества, которая приводит к неспособности ее членов к построению серьезных отношений. Прогнозы развития ситуации показывают, что данная тенденция сохранится. Выше были приведены возможные меры по улучшению семейной статистики, которые не требуют глобальных изменений в государственной системе. Озвученные меры являются лишь примерами, призванными показать возможность борьбы с глобальными негативными изменениями.

Список литературы

1) Ахунова Э.Р., Александрова И.В., Причины снижения рождаемости в современных развитых странах // Материалы VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум», <http://www.scienceforum.ru/2015/831/8304>

2) Белова В.А. Число детей в семье. М.: Изд-во Статистика, 1975.

3) Бурмистрова С. В., Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века, "Вестник томского государственного педагогического университета", 2010. Выпуск №8.

4) Вайль П., Генис А.. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности / "Независимая газета" 1991, Москва.

5) Гендерная психология / Под ред. С. Клециной. СПб.: Издательство: Питер, 2009, 496 с.

6) Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат, 2002.

7) Клецина И.С. Теоретические основания психологии гендерных отношений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. № 3 (6). Психолого-педагогические науки (педагогика, психология, теория и методика обучения). Научный журнал. СПб., 2003. С. 154-166.

8) Ключников С. 10 основных мифов по поводу психологов и психологии, <http://www.psynavigator.ru/articles.php?code=935>, 2011

9) Коллонтай А. Новая женщина // Современный мир. 1913. № 9, С. 152.

10) Лоренц К., "Оборотная сторона зеркала". М.: Изд-во "Республика", 1998.

11) Лупандин В. Н. Социология молодежи : учеб. пособие. Орёл. : Изд-во Орлов. гос. техн. ун-та, 2011.

12) Медина Дж.. Правила мозга. Что стоит знать о мозге вам и вашим детям. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

13) Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы 1848-1903 гг. 5-е изд. СПб., 1903, С. 248, 250.

14) Ушакова Татьяна, Незрелость личности или инфантильность, <http://ovni2.blogspot.com/2010/11/1.html>

15) «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 29 сентября 2013.

16) Шон Б.М. Гендерная психология. (Секреты психологии), СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 320 с.

17) Ferlazzo Larry, Standardized Testing & Creative Thinking, December 27, 2011.

18) Mundy Liza, Why Do Some Feminists Get Uneasy When Women Make Progress?, The Atlantic Daily newsletter NOV 13, 2012.

19) Statistical Bulletin, Marriages in England and Wales, 2010, 29 February 2012.

20) Thompson Derek, How Did Work-Life Balance in the U.S. Get So Awful?, The Atlantic Daily newsletter JUN 1, 2013.

21) United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division: World Population Prospects, 2010.

22) United Nations Population Facts, March 2010.

23) U.S. Census Bureau, Historical Time Series, Living Arrangements of Children Under 18 Years Old: 1960 to Present, July 31, 2008.

24) U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2012 (131st Edition) Washington.

Специфика родительского отношения и его восприятия сиблингами

Дериш Ф.В., Корниенко Д.С.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет г. Пермь, Россия

derish@pspu.ru.

corney@yandex.ru.

В психологии семьи существует множество исследовательских работ, касающихся семьи в целом, супружеских отношений и детско-родительских отношений в частности, а также отношения между детьми и родителями в связи с различными параметрами. Говоря об исследованиях семьи, стоит отметить интерес к проблемам сиблинговых отношений (Козлова И.Е., 2013; , Корниенко Д.С., 2011).

Одно из направлений в сиблинговых исследованиях связано с изучением того, насколько сходными являются отношения родителей к разным детям, то есть с анализом различающегося родительского отношения. Предполагается, что различающееся родительское отношение оказывает влияние на характер сиблинговых отношений.

Большой массив данных позволяет утверждать, что сиблинговые отношения характеризуются большей негативностью тогда, когда родители по-разному реагируют на сходное поведение детей (Козлова И.Е, 2010).

Целью настоящего исследования является изучение особенностей отношения матерей и отцов к старшему и младшему сиблингу, а также согласованность оценок родителей и детей.

Организация исследования

В исследовании приняли участие 66 полных семей, имеющих двух детей. Возраст матерей варьируется от 32 до 52 лет ($M=38,5;SD=3,65$), а возраст отцов – от 35 до 51 ($M=41,1;SD=3,49$). Старший ребенок в возрасте 14-16 лет, младший 8-10 лет, из которых 79 мальчиков и 53 девочки. Все семьи проживают в г. Перми. Для диагностики взаимоотношений между родителями и детьми был использован опросник детско-родительских отношений И.М. Марковской (ВРР). Методика заполнялась старшим и младшим сиблингами в отношении матери и отца (вариант для детей). А также матерью и отцом в отношении старшего и младшего сиблингов (вариант для родителей) (Марковская И.М., 2000). Используются следующие статистические анализы: 1) Сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента для зависимых групп; 2) Ранговый корреляционный анализ по Спирмену. Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-3601332

Результаты

Различия в родительских оценках параметров отношений со старшими и младшими сиблингами. В группе матерей, получены различия по следующим параметрам отношений: «контроль» ($t=2,88;p<0,01$), «эмоциональная близость» ($t=3,00;p<0,01$), «принятие» ($t=4,57;p<0,001$), «сотрудничество» ($t=4,10;p<0,001$), «согласие» ($t=3,90;p<0,001$), «последовательность» ($t=-4,86;p<0,001$) и «авторитетность» ($t=7,33;p<0,001$). Причем, в большинстве случаев матери выше оценивают параметры взаимодействия со старшими сиблингом. Со старшими детьми матери эмоционально более близки, они больше сотрудничают, в большей степени принимают их, и при этом в

большей степени контролируют, чем младших детей, с которыми матери более последовательны.

Похожая картина различий наблюдается в группе отцов. Различия были получены по следующим параметрам: «требовательность» ($t=2,12;p<0,05$), «эмоциональная близость» ($t=2,27;p<0,05$), «принятие» ($t=4,71;p<0,001$), «сотрудничество» ($t=5,29;p<0,001$), «согласие» ($t=3,63;p<0,001$), «последовательность» ($t=-5,317;p<0,001$) и «авторитетность» ($t=8,616;p<0,001$). Отцы, также, как и матери, оценивают выше параметры взаимодействия со старшим ребенком, за исключением параметра «контроль», где мы обнаруживаем обратный результат. Со старшими сиблингами отцы более требовательны, эмоционально близки, они больше сотрудничают, и в большей степени принимают их. А в отношениях с младшими детьми отцы также, как и матери более последовательны.

Согласованность параметров детско-родительских отношений с учетом порядка рождения. Наибольшая согласованность между оценками матери и ребенка была получена по следующим параметрам: «эмоциональная близость» ($r=0,37; p<0,01$), «сотрудничество» ($r=0,36; p<0,01$) и «удовлетворенность» ($r=0,32; p<0,01$). Во взаимодействии с младшим ребенком наиболее согласованными являются те же самые параметры ($r=0,32; r=0,36; r=0,37$ соответственно). Наибольшая согласованность была получена по следующим параметрам взаимоотношения отца и старшего ребенка: «контроль» ($r=0,29; p<0,01$), «согласие» ($r=0,27; p<0,01$) и «удовлетворенность» ($r=0,44; p<0,001$). Во взаимодействии отца и младшего ребенка была обнаружена наибольшая согласованность по параметрам «принятие» ($r=0,28; p<0,01$) и «удовлетворенность» ($r=0,51; p<0,001$).

Обобщая полученные результаты можно заметить, что матери и отцы по-разному оценивают свое отношение к старшему и младшему ребенку. Различия в отношении к старшему и младшему сиблингу обнаруживается по аналогичным параметрам у матерей и отцов.

Существуют и специфические для матерей и отцов параметры отношения. Так, для матерей характерно проявление в отношении со старшим сиблингом большего

контроля, нежели в отношении с младшим, а для отца такого параметра является «требовательность».

Поведение матери при взаимодействии с детьми характеризуется специфическими параметрами, из которых наиболее заметными для детей являются эмоциональная близость и сотрудничество.

Хотелось бы отметить, что важным параметром для всей семьи является удовлетворенность отношениями между родителями и детьми. Наибольшая согласованность между оценками родителей и сиблингов была получена именно по параметру «удовлетворенность», и это не зависело ни от порядка рождения ребенка и ни от пола родителя.

Список литературы:

1. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс / А.Я. Варга. СПб.: Речь, 2001.
2. Козлова И.Е. Особенности сиблинговых отношений в двухдетных семьях [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 4(12). URL: <http://psystudy.ru>
3. Козлова И.Е. Личностные характеристики родителей и особенности родительно-детских отношений / И.Е. Козлова, О.С. Алексеева // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 32. С. 11. URL: <http://psystudy.ru>
4. Корниенко Д.С. Интегральная индивидуальность и конфигурация семьи : монография / Д.С. Корниенко, Л.Л. Баландина, Т.М. Харламова; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2011.
5. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми / И.М. Марковская. СПб.: ООО Издательство «Речь», 2000.

Джереливская М.А., Визгина А.В., Яшина Л.Л.,

факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Москва, РФ

Мамалиева З.Ш.

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Баку, Азербайджан

madj@mai.ru

Аннотация: В статье изложены результаты исследования связи стиля детско-родительского взаимодействия с эмоциональной оценкой мира подростков в Азербайджанских семьях. Было выявлено шесть ключевых биполярных факторов, определяющих различные способы взаимодействия в семьях с подростками. Было показано, что между способом семейного взаимодействия и мироощущением подростков существует связь. На основании полученных факторов, описывающих разные способы взаимодействия, было выделено несколько групп семей, для каждой из которых была установлена своя специфика мироощущения подростка.

Ключевые слова: семейное воспитание и взаимодействие, азербайджанские подростки, эмоциональная оценка мира, психодиагностика.

Развитие и социализация подростка, и соответственно, восприятие им окружающего мира, изучаются в настоящее время в рамках семейного взаимодействия, в виде единой целостной системы. Семья является исключительно важным элементом социальной среды для развития подростка, она организует не только становление его личности, но и формирует патогенные ситуации и психические отклонения (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999). Известный психолог и психотерапевт К.Хорни подчеркивала, что решающим из факторов в развитии ребенка являются социальные отношения между ребенком и родителями, а в основе нарушения функционирования личности лежат именно стили межличностного взаимодействия. Целым рядом авторов были предприняты шаги в исследовании детско-родительских отношений и выделении патогенных типов взаимодействия и воспитания, приводящих к различным нервно-психическим отклонениям. Среди них работы А.И.Захарова, Д.Н.Исаева, М.Раттера.

Характерные условия неправильного воспитания, приводящие к возникновению невротических расстройств обозначены В.М.Мясищевым, Е.К.Яковлевой, Б.Д.Карвасарским, Э.Г.Эйдемиллером, В.В.Юстицкис и др. Взаимоотношения с родителями и их влияние на индивидуально-личностные характеристики ребенка, а также на возникновение и течение детских неврозов подчеркивались в работах В.В.Столина, Е.Т.Соколовой, А.В.Варги и др.

И, несмотря на достаточное количество работ, касающихся вопросов развития и воспитания ребенка в семье, они продолжают сохранять свою актуальность и сейчас.

С целью выявления особенностей взаимодействия в семье и его влияния на эмоциональную оценку мира азербайджанских подростков нами было предпринято исследование, в котором участвовало 20 семей с детьми подросткового возраста от 12 до 16 лет (13 человек - девочки, 7 – мальчики)

Для определения особенностей взаимодействия в семьях азербайджанских подростков использовался Опросник «Взаимодействие подросток-родитель» И.М. Марковской (Марковская, 2002). Опросник включает 60 утверждений, степень согласия с которыми респондент оценивает по пятибалльной шкале. Взаимодействие родитель—ребенок оценивается по десяти факторам: нетребовательность - требовательность родителя; мягкость—строгость родителя; автономность—контроль по отношению к ребенку; эмоциональная дистанция—эмоциональная близость ребенка к родителю; отвержение—принятие ребенка родителем; отсутствие сотрудничества—сотрудничество; несогласие—согласие между ребенком и родителем; непоследовательность—последовательность родителя; авторитетность родителя; удовлетворенность отношениями с ребенком (родителем).

Для изучения эмоциональной оценки мироощущения использовался «Краткий тест субъективно-эмоциональной оценки мира» Буровихиной (Буровихина, 2013). В данной методике подросткам предлагались 12 пар прилагательных, из которых надо было выбрать те, которые более точно определяют «Мир, в котором я живу». Если ни одно из пары прилагательных не подходило для оценки мира, можно было не выбирать их.

Обработка результатов и их статистический анализ проводился с использованием

статистического пакета SPSS, версия 15.

Для того, чтобы понять сущность внутрисемейного благополучия или неблагополучия и выявления специфики внутрисемейного взаимодействия, нами проводился корреляционный анализ между результатами по 10-ти шкалам опросника Марковской, полученными по оценкам респондентов внутри семьи: подросток оценивал отца и мать, а каждый из родителей оценивали подростка. В итоге для каждой семьи получилось по 30 показателей, которые были сведены в общую матрицу по всем респондентам 20X30. После чего был проведен эксплаторный факторный анализ, с последующим Varimax-вращением. В итоге выделено 6 достаточно хорошо интерпретируемых факторов, объясняющие 72,5% общей дисперсии. Полученные факторы, демонстрируют 6 различных способов внутрисемейного взаимодействия.

1 фактор описывает 21,4% общей дисперсии. Был обозначен нами *«Взаимная удовлетворенность отношениями на основе авторитета родителя и признание автономности ребенка – авторитарность»*. Он включает на положительном полюсе: авторитетность родителя (,879), удовлетворенность отношениями подростка с родителем (,843), автономность (,837), принятие ребенка родителем (,636), эмоциональная близость (,586), сотрудничество (,424). На отрицательном полюсе: строгость родителя (-,354), последовательность родителя (-,293).

2 фактор описывает 14,6 % общей дисперсии. Был обозначен нами: *«Нетребовательность – последовательное сотрудничество»*. Он включает на положительном полюсе: мягкость (,811), нетребовательность (,734); на отрицательном полюсе: последовательность (-,746), удовлетворенность (-,525), сотрудничество (-,368).

3 фактор описывает 11,1 % общей дисперсии. Обозначен нами: *«Взаимное отвержение и автономия – сотрудничество с опорой на требовательность»*. Он включает на положительном полюсе: автономия (,717), отвержение (,707), несогласие (,704), непоследовательность (,555); на отрицательном полюсе: требовательность (-,487), сотрудничество (-,513).

4 фактор описывает 10,5 % общей дисперсии. Обозначен нами: *«Безнадзорность и эмоциональное отвержение - контроль»*. Он включает: на положительном полюсе: несогласие (,887), эмоциональная дистанция (,873), непоследовательность (,707),

отсутствие сотрудничества (,575), отвержение (,460); на отрицательном полюсе: контроль (-,230).

5 фактор описывает 7,5 % общей дисперсии. Был обозначен нами: *«Непоследовательная нетребовательность – взаимное принятие, близость»*. Он включает на положительном полюсе: нетребовательность (,792), непоследовательность (,707) отсутствие сотрудничества (,382); на отрицательном полюсе: принятие (-,692), близость(-,479).

6 фактор описывает 7,1 % общей дисперсии. Был обозначен нами: *«Протест, несогласие – жесткость авторитета»*. Он включает на положительном полюсе: несогласие (,872); на отрицательном полюсе: строгость (-,583), авторитетность (-,376)

Таким образом, мы обнаружили, по крайней мере, 6 характерных способов взаимоотношений, которые присущи Бакинским семьям с подростками.

Следующим этапом нашего исследования было выяснение того, как ощущают себя подростки в семьях с разной спецификой отношений, для чего сначала мы определили, к какому из выявленных нами способов взаимодействия относятся исследуемые семьи. С этой целью по результатам факторного анализа, мы нашли проекцию всех указанных семей (20) на шестифакторное пространство. В итоге, наши испытуемые были разбиты на 6 групп, в соответствии с особенностями взаимодействия в семье (в скобках указаны нагрузки по соответствующему полюсу фактора).

Первая группа, включала 5 семей (семьи обозначались номерами): 6 (,947), 19 (,945), 20 (,893), 15 (,784), 4 (,575). Для этой группы характерна *«Взаимная удовлетворенность отношениями на основе авторитета родителя и признание автономности ребенка»*, так как максимальные нагрузки были получены по данному фактору.

Вторая группа *«Нетребовательность – последовательное сотрудничество»* включала 4 семьи: 17 (,863), 16 (,808), 1 (,661); 14 (-,411)

Третья группа *«Взаимное отвержение и автономия»* включала 2 семьи: 11 (,890), 12 (,884).

Четвертая группа *«Безнадзорность и эмоциональное отвержение»* включала 2 семьи: 2 (,924), 18 (,917)

Пятая группа «*Непоследовательная нетребовательность*» включала 3 семьи: 3 (,880), 8 (,763), 9 (,560).

Шестая группа «*Протест, несогласие*» включала 3 семьи: 13 (,814), 5 (,729); 7(-493)

Семья № 10 – не получила значимых нагрузок ни по одному из факторов, но обнаружилась слабая связь (-,176) с отрицательным полюсом третьего фактора, из чего можно сделать вывод, что существуют такие особенности взаимодействия между членами данной семьи, которые не нашли отражение среди других представителей данной выборки.

Для каждой из выделенных групп отдельно анализировались данные «Краткого теста субъективно-эмоциональной оценки мира». Учитывались те прилагательные для определения эмоционального восприятия мира, которые выбирали подростки. Результаты представлены в таблице №1. При этом мы исключили из анализа результаты двоих подростков, (семья №7 и семья 314), которые оказались на отрицательных полюсах факторов из-за их малочисленности.

Результаты по методике «Краткий тест субъективно-эмоциональной оценки мира» отражены в Таблице №1.

Таблица № 1

<i>Группы</i>	<i>Выбранные прилагательные для определения «Мира, в котором я живу».</i>
1	Понятный, зависит от моей воли, нравственный, я творю мир, реальный, радующий, интересный, духовный, тайный.
2	Понятный, зависит от обстоятельств, нравственный, мир творит меня, реальный, пугающий, скучный, духовный, обычный.
3	Непостижимый, зависит от обстоятельств, безнравственный, мир творит меня, реальный, пугающий, бездуховный
4	Реальный, обычный.
5	Непостижимый, зависит от обстоятельств, нравственный, мир

	творит меня, реальный, пугающий, тайный.
6	Зависит от моей воли, реальный.

Мы видим, что наиболее позитивно оценивают мир представители первой группы, специфика отношений в семье таких подростков отличается *взаимной удовлетворенностью отношениями на основе авторитета родителя и признанием автономности ребенка*. Они в большей мере видят себя творцами своей жизни, создающими мир, который радует, интересен, одухотворен и представляет собой тайну, которую еще предстоит раскрыть.

Отношения в семьях второй группы ассоциируются преимущественно с *нетребовательностью*, и эмоциональная оценка мира у них не столь позитивна, как у первой группы – заметна зависимость личности подростка от обстоятельств, с элементами чего-то пугающего или скучного. Налицо проявление - тревожных личностных компонентов.

Третья группа подростков, в семьях которых отношения отличаются *взаимным отвержением и автономией* – также не видит возможности для творчества, созидания; у них отсутствует интерес к миру. Более того, делается акцент на безнравственность, бездуховность мира. В данном случае, кроме тревожных черт, проступают и признаки подозрительности, недоверия к миру.

Отношения в семьях четвертой группы характеризуются *безнадзорностью и эмоциональным отвержением*, а их мироощущение отличается крайней поверхностностью, отстраненностью, незаинтересованностью во всем происходящем с ними и вокруг них, отсутствием эмоционального отклика на происходящее.

Пятая группа, где доминирует *непоследовательная нетребовательность*, также делает акцент на зависимости от обстоятельств, отсутствии творчества и вызывающего страх окружающего мира. Можно предположить также признаки тревожности.

Шестая группа, в которой отношения строятся на основе *протеста, несогласия*, в большей мере характеризуется прагматичным восприятием реальности и ощущением подвластности окружающего собственной воле. Очевидно, преобладание агрессивно-доминантных личностных тенденций.

Таким образом, мы подтвердили вполне ожидаемые связи между определенным способом взаимодействия в семье и самоощущением воспитывающегося в данной семье, подростка, которые согласуются с результатами других известных упоминаемых нами работ. Отметим, однако, что полученные результаты должны восприниматься как предварительные, и очевидно требуется дополнительное исследование на более многочисленной выборке.

Список литературы

1. Буровихина И. А. Социальная ситуация развития как условие формирования образа мира современного подростка: дис.канд.психол.наук: 19.00.13 / Буровихина Ирина Александровна. – М., 2013.
2. Марковская И.М.Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб, «Речь», 2002.
3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб. «Питер», 1999.

Отношение россиян к семье и браку

Зуев К.Б.

Институт психологии РАН, Москва, Россия

konstantin.zyev@gmail.com

В статье проанализированы результаты исследования отношения к семье жителей России. Показано, что в целом отношения носят противоречивый характер. С одной стороны, выявляется ряд традиционных характеристик семьи, таких как патриархат и ведение совместного хозяйства, но вместе с тем, значительная часть жителей России готова признать семьей фактический брачный союз и однополое

сознательство. Намечены перспективы изучения семьи в качестве субъекта психологических отношений.

Ключевые слова: психологические отношения, социально-психологические отношения, психология семьи.

Введение

Психология семьи, несмотря на свою солидную историю, сопоставимую по времени с самой психологической наукой, по-прежнему остается преимущественно прикладной областью. Большинство научных исследований направлены на изучение научных понятий, сформулированных в рамках общепсихологических теорий на предметном поле психологии семьи или же рассматривают семью, как среду развития и становления индивидуально-психологических характеристик. Так же возможно рассмотрение психологических характеристик членов семьи в случае тех или иных форм медицинского вмешательства (Якупова, Захарова, 2015; Захарова, 2010; Солондаев, Конева, 2014). В качестве примера перечислим некоторые темы исследований: регуляция поведения в семье, влияние семьи на интеллектуальное и нравственное развитие детей, становление приемного родительства, как профессии, совладающее поведение в семье, жизнеспособность семьи и др. Единая и даже специфическая научная методология в психологии семьи отсутствует. Ей могла бы стать методология, лежащая в основе психологии отношений. Психологическое отношение является одной из базовых категорий для социальной психологии и активно разрабатывается в последние годы в работах В.П. Познякова и его учеников (Позняков 1999, 2000, 2001, 2012), который в свою очередь опирается на классические исследования В.Н. Мясищева, Б.Ф. Ломова, В.Ф. Лазурского. Значимость для психологии (не только социальной!) категории психологические отношения определяется в том числе сочетанием пластичности и стабильности психологических отношений. «Мы считаем правомерной постановку вопроса о том, что психологические отношения являются специальным, самостоятельным классом психических явлений» (Позняков, 2012 с. 6). Остановимся на предпосылках и возможных проблемах применения методологии психологии отношений в психологии семьи. Психологическое отношение сложное и многоаспектное понятие,

которое в значительной мере отражает реальные связи в семье, как малой социальной группе и как совокупности индивидов. Например, «Психологические отношения – это особые состояния сознания, которые предшествуют *реальному поведению* личности (курсив мой – К.З.) и выражают готовность к этому поведению» (Позняков, 2012, с.7). Исследование предикторов *реального поведения* актуально во многих областях психологического знания, но в психологии семьи представляется особенно важным. Для нас пока не очевидно является ли отношение к семье предиктором *реального семейного поведения*, но рассмотрение психологических отношений в качестве возможного предиктора представляется очень перспективным. Психологические отношения включают в себя пространственные и временные характеристики. Семья проходит в своем развитии определенные последовательные стадии и в этом смысле неизбежно обладает временной характеристикой. Пространственные характеристики можно рассматривать двояко: исследование места семьи в психологических отношениях человека – первый и самый очевидный способ применения концепции психологических отношений. «Представляется, что главным критерием такого расположения (в субъективном пространстве внутреннего мира человека – К.З.) выступает *субъективная значимость объекта отношений* (курсив мой – К.З.) для субъекта» (Позняков, 2012, с. 8). Таким образом мы можем изучать субъективную значимость семьи. Приведем еще одну цитату: «С точки зрения их эмоциональной и ценностной оценки объекты психологических отношений могут переживаться субъектом как более привлекательные, предпочтительные или как непривлекательные, отвергаемые» (Позняков, 2012, с. 8) Чрезвычайно важное замечание, подчеркивающее, что объекты отношений, топографически более близкие субъекту могут носить не только позитивный для субъекта характер, но и негативный. Самым ярким примером из психологии семьи, иллюстрирующим данное положение, являются так называемые «жены алкоголиков» - женщины, которые постоянно и осознано испытывают негативные эмоции по отношению к мужу, но не желают исключить этот объект из системы своих ближайших (в пространственном понимании) психологических отношений. Собственно, второе возможное и самое значимое направление рассмотрения семьи с точки зрения концепции психологических отношений – изучение структуры межличностных отношений внутри

самой семьи, в том числе в динамике. Более подробно некоторые результаты и перспективы изучения семьи с позиции концепции психологических отношений будут рассмотрены ниже. В то же время существуют некоторые *сложности*. Во-первых, слово «отношения» в бытовом понимании имеет множество значений, не все из которых совпадают со строго научным пониманием. Столкновение бытового и научного понимания отношений неизбежно и может привести к внесению в научный дискурс нежелательных бытовых смыслов. Во-вторых, психология семьи продолжает находиться под неослабевающим влиянием смежных областей гуманитарного знания, в первую очередь социологии, педагогики и права (Зуев, 2013, 2014), которые затрудняют привнесение в область семьи психологических понятий. Описанные сложности носят скорее социальный характер и со временем, как нам представляется, будут преодолены.

Итак, теоретической основой нашего исследования выступает концепция психологических отношений субъектов совместной жизнедеятельности В.П. Позняка. Представляется, что изучение семьи как предмета и, особенно, субъекта социально-психологических отношений может создать научную базу для психологического изучения семьи и в то же время обогатить саму концепцию психологических отношений субъектов совместной жизнедеятельности.

Семья как предмет психологических отношений

Нами проводится исследование отношения к семье у жителей Российской Федерации. В данный момент исследование продолжается. В статье будут представлены предварительные данные. Исследование преследовало две цели: во-первых, изучение места семьи в топографической структуре психологических отношений людей. Цель обусловлена тем, что отношения обладают пространственными характеристиками. «Особую роль пространственная составляющая психологических отношений играет в тех отношениях субъекта, объектами которых выступают другие субъекты, люди и он сам» (Позняков, 2012, с. 8). Известно, что семья занимает стабильно высокие позиции в структуре ценностных ориентаций россиян (Журавлева 2012, 2013а, 2013б), однако же нам не известны исследования, рассматривающие место семьи в структуре психологических отношений. Строго говоря, в данной работе мы будем рассматривать только значимость / не значимость семьи для субъектов социально-психологических

отношений. Для изучения именно места семьи в структуре психологических отношений потребовалось бы провести еще ряд исследований с дополнительным теоретическим основанием. Вторая цель носила в некотором роде подготовительный характер ко второй части исследования: рассмотрение психологического отношения к семье, как к объекту для выделения ключевых характеристик семьи как субъекта социально-психологических отношений. Данная задача будет более подробно рассмотрена при описании определений семьи, которые давали наши респонденты.

Выборка и процедуры исследования. Исследование продолжается и на данный момент обработана 441 анкета. Возраст испытуемых от 18 до 62 лет, средний – 25. В целом, по результатам исследования уместно говорить об отношении к семье *молодежи*. В то же время мы не стали исключать испытуемых других возрастов. В исследовании приняли участие 148 мужчин и 293 женщины. На вопросы отвечали респонденты из 93 городов РФ. Для удобства разделения по региональному признаку мы объединили города по федеральным округам (Таб. 1).

Таблица 1.

Распределение испытуемых по федеральным округам РФ

Центральный федеральный округ	216
Южный федеральный округ	30
Северо-Западный федеральный округ	54
Дальневосточный федеральный округ	11
Сибирский федеральный округ	43
Уральский федеральный округ	31
Приволжский федеральный округ	47
Северо-Кавказский федеральный округ	4
Крымский федеральный округ	5

Как видно из таблицы, распределение испытуемых по регионам носит не равномерный характер. В продолжении исследования мы постараемся ликвидировать данный недостаток. Пока же уместнее проводить сравнение отношения к семье жителей

ЦФО и всех остальных регионов в совокупности. Проведение сравнения респондентов именно по региональному признаку (а не по национальному, религиозному и т.д.) позволяет учитывать социально-экономические факторы. Отметим, что подобного рода исследования проводятся (в частности в области психологии отношений) достаточно редко (Позняков, 1999). Нами так же был исследован профессиональный состав участников. В данной статье не будут представлены сравнительные данные по профессиям, так что приведенные ниже характеристики важны только для описания выборки (см. таб. 2). При распределении по группам нами использовалась классификация Е.А. Климова (Климов, 2004) дополненная категориями «педагог» и «студент». Мы допустили дополнение, так как работа не является исследованием в области психологии труда и распределение по специальностям служит лишь иллюстрацией характеристик выборки.

Таблица 2

Распределение испытуемых по профессиональным группам

Студенты различных специальностей	119
Педагоги	21
Человек – человек	101
Человек – художественный образ	22
Человек – техника	87
Человек – знаковая система	42
Не дифференцированные специальности и безработные	49

Респондентам было предложено ответить на анкету, состоящую из 12 вопросов, которые будут подробнее рассмотрены ниже. Исследование проводилось в сети Интернет при через сайт и сервисы ru.surveymonkey.com. Всего было создано 5 коллекторов (прямых ссылок на опрос). Коллекторы создавались с целью отследить из какого источника приходят респонденты (Таб 3).

Таблица 3

Описание коллекторов опроса на ru.surveymonkey.com с указанием количества испытуемых

Официальный сайт Института психологии РАН (ipras.ru)	9
Развлекательный портал rikabu.ru	343
Официальная группа Института психологии РАН в социальной сети ВКонтакте (vk.com/iprasinfo)	14
Личная страница автора статьи в социальной сети ВКонтакте (https://vk.com/id237216398)	70
Личная страница автора статьи в социальной сети Facebook (https://www.facebook.com/profile.php?id=100007690786062)	5

Как видно из таблицы значительная часть выборки была набрана на развлекательном портале. Размещение ссылки на исследование на rikabu.ru позволило обеспечить значительный региональный и возрастной охват испытуемых. Уместно отметить, что развлекательный характер сайта вряд ли повлиял на ответы испытуемых. Основная аудитория сайта – широкий круг пользователей сети Интернет, которые заглядывают на сайт с целью отдыха, переключения с одной деятельности на другую. Пользователей, которые бы находились на сайте постоянно, т.н. «зависающих» на rikabu.ru относительно немного и предположительно их ответы, зачастую носящие шуточный характер, были удалены нами.

Размещение ссылок на опросы в общедоступных социальных сетях позволило обеспечить приток испытуемых, не связанных между собой, что случается довольно редко в психологических исследованиях. Так, размещенным автором на персональной странице социальной сети «ВКонтакте» опросом поделились 13 человек, большинство из которых автору не знакомы. Такое положение дел объясняется «вирусным» распространением ссылки: сначала ссылку дают знакомые разместившему человеку люди, потом знакомые знакомых и т.д.

Вопросы анкеты и их обоснование. В начале анкеты шли вопросы про пол, возраст, профессиональную сферу деятельности испытуемого, город проживания. Дальше шел блок открытых вопросов: «Дайте краткое определение семьи. Постарайтесь сделать акцент на том, без чего семья не может существовать.»; «Какими качествами должен обладать идеальный супруг/супруга?»; «Нужно ли сдерживать свои негативные эмоции в тех или иных напряженных семейных ситуациях?»; «Должны ли супруги знать о проблемах друг друга?»; «От чего, по Вашему мнению, зависит благополучие брака в большей степени?»; «Должны ли супруги удовлетворять потребности супруга(и) против своей воли ради семейного благополучия?»; «Должны ли Вы знать все об отношениях Вашего супруга(и) с другими людьми?»; «Дайте краткое определение брака. Сделайте акцент на том, без чего брак не может существовать». Далее шел открытый вопрос об идеальном возрасте выступления в брак отдельно для мужчин и для женщин и ряд закрытых вопросов:

«Кто должен принимать в семье ключевые решения? (только один ответ):

- Мужчина;
- Женщина;
- Оба супруга;
- Дети;
- Все вместе»

«Семья не может существовать без (любое количество ответов):

- совместного хозяйства;
- регистрации брака органами ЗАГС;
- религиозного обряда/таинства (венчание, никах, хупа и пр);
- эмоциональной близости;
- схожести характеров супругов;
- взаимодополняемости характеров супругов;
- наличия детей»

«Какую из этих форм взаимодействия между людьми можно назвать семьей (любое количество ответов):

- Незарегистрированный брак (гражданский брак);
- Однополое сожителство;
- Периодическое проживание с партнером;
- Регулярная смена партнеров»

Поскольку социально-психологические отношения являются отражением более глобальных социальных процессов, вопросы были сформулированы относительно основных изменений в институте семьи на протяжении конца XX и начала XXI века. «В основе социально-психологических отношений даже тогда, когда они имеют видимость межиндивидуальных, лежат общественные по своей природе отношения между социальными общностями» (Позняков, 2012, с. 11). Основными тенденциями развития семьи в XX веке стали:

1. Декларация равноправия мужа и жены в семье. Уже в XIX веке женщины зачастую становились лидерами в семье, что показано в классической литературе. Однако социальное признание равных прав пришло только к концу XX века. Такое положение вещей стало следствием пересмотра роли женщины в обществе в целом. Интересно отметить, что некоторые половые стереотипы в современном российском обществе все же сохраняются, что очень ярко проиллюстрировано нашими результатами (см. ниже).

2. Отсутствие пожизненных обязательств между брачными партнерами.

Данная тенденция является следствием предыдущей. В течении XX века развод воспринимался как все более и более нормальное явление, был легализован практически во всех странах мира. Первой страной, в которой был введен свободный развод по требованию одного из супругов стала Советская Россия. Смена супруга в течении жизни (не в следствии смерти, а именно в следствии развода) перестала осуждаться социумом. Более того, к концу века стали распространены «пробные» браки – союзы, заключаемые с целью проверки собственной готовности к семейной жизни без долгосрочных намерений.

3. Уменьшение числа детей в семье. Для деревенских семей XIX века многодетность была одновременно и обузой и условием выживания. Некоторые вещи невозможно было делать не только вне семьи, но и одной семьей. На

русском Севере часто избы строились братьями на несколько семей. В тоже время детская смертность была очень высокой и ценность детской жизни была не высока. Так же не существовало средств регулирования детности. В городах, в условиях скученности населения наличие детей не перестало нести финансовую нагрузку на семью, но перестало быть настолько важным с бытовой точки зрения. С появлением средств контрацепции проявилась явная тенденция на уменьшение количества детей в семье

4. Ранняя и глубокая сепарация и снижение числа поколений живущих вместе. В XX веке привязанность человека к месту стала весьма условной. Трудовая миграция на Западе стала распространенным явлением. В СССР многие ехали из села в город с целью улучшения бытовых и финансовых условий. Добровольным миграционным процессам в большей степени подвержена молодежь. Уезжать учиться в город из деревни или другой город, искать работу и брачного партнера вдалеке от дома стало к концу XX века нормой. Закономерно, что при реализации данных процессов количество поколений одной семьи, объединённых общей жизненной территорией (живущих под одной крышей) снижается. Зачастую супруги, вырастившие детей живут вдвоем и редко общаются со своими взрослыми детьми. Не часто два поколения живут вместе после достижения детьми совершеннолетия. Трех и более поколенные семьи являются большой редкостью.

Необходимо подчеркнуть, что данные тенденции, как и описанные ниже тенденции XXI века описывают городскую семью «западного» типа. Таким образом они не распространяются на традиционные культуры (каковых в России очень много), на ряд восточных стран, особенно с сильными религиозными основаниями и с ограничениями на современное деревенское население.

В XXI веке рассмотренные тенденции сохраняют свою актуальность, но появляются и новые. В первую очередь отсутствие тождества между понятиями «семья» и «брак» и как следствие значительный рост количества незарегистрированных браков, рождение детей вне официальной регистрации брака, претензия на право называться

«семьей» со стороны сексуальных меньшинств, увеличение возраста вступления в брак, приоритет личных интересов по отношению к интересам семьи.

Результаты исследования. Сначала опишем результаты ответов на закрытые вопросы, потом остановимся на анализе определений семьи. На рисунке 1 представлены результаты распределения ответов на вопрос «Кто должен принимать ключевые решения в семье?». На вопрос можно было дать только один ответ.

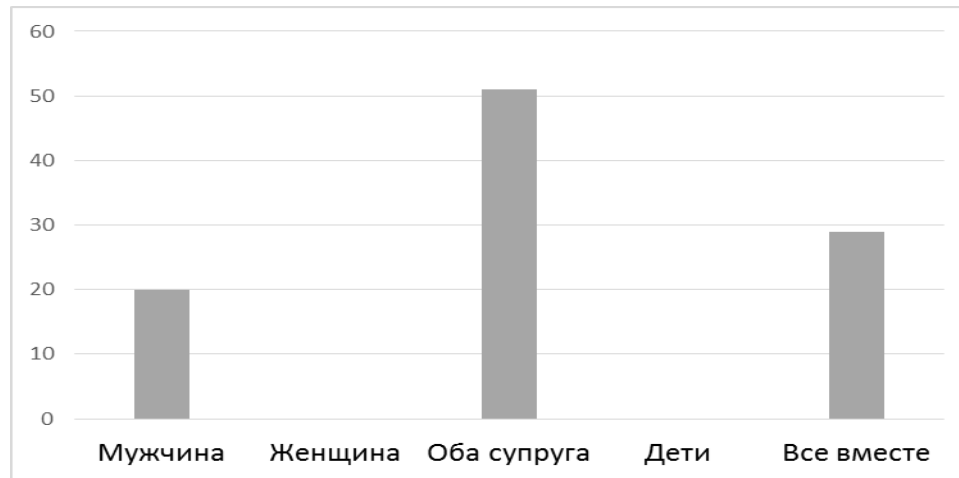

Рис.1 Распределение ответов испытуемых на вопрос: «Кто должен принимать ключевые решения в семье?» (в процентах от числа ответивших)

Полученные результаты представляются несколько удивительными. Учитывая значительный объем выборки ответы «женщина» и «дети» должны были бы возникнуть хотя бы на уровне статистической погрешности. Однако же никто не указал на возможность принятия ключевых решений в семье женщиной и детьми. Распределение ответов свидетельствует, что на первом месте идет супруго-центрическая модель семьи, на втором – модель равноправия и на третьем месте – патриархальная модель. В целом же можно заметить значительное влияние традиций на отношение россиян к семье в данном вопросе.

На рисунке 2 представлены ответы на вопрос: «Без чего не может существовать семья?». Испытуемые могли дать любое количество ответов.

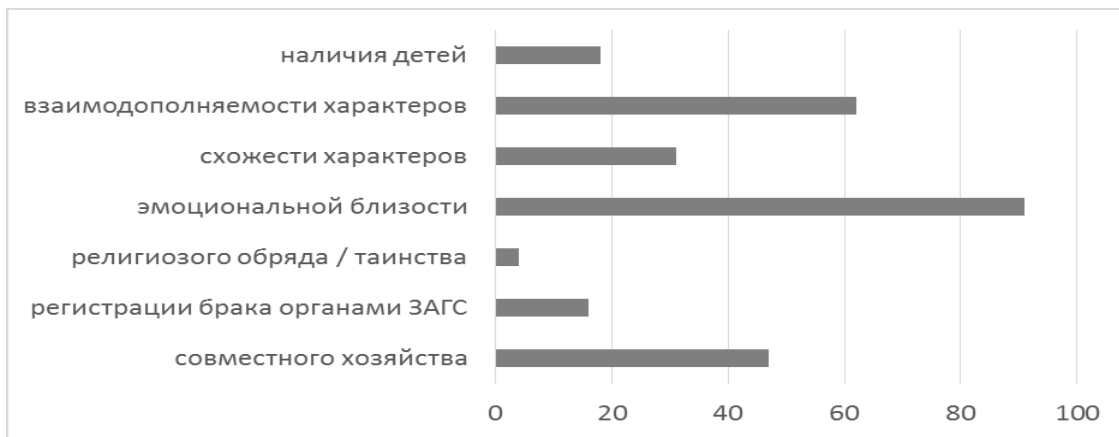

Рис. 2. Распределение ответов испытуемых на вопрос: «Без чего не может существовать семья?» (в процентах от числа ответивших)

Главным результатом, представленном на данном рисунке является подчеркивание значимости взаимоотношений в структуре семьи. Более 90 процентов испытуемых указали на необходимость эмоциональной близости в семье, более 60 – на взаимодополняемость характеров. В то же время мы видим важность ведения совместного хозяйства, которое выделяется социологами как одна из основных и специфических функций семьи (Голод, 2008).

Рис. 3. Распределение ответов испытуемых на вопрос: «Какую из этих форм взаимодействия между людьми можно назвать семьей?» (в процентах от числа ответивших).

Результаты представленные на рисунке заставляют задуматься об положении семьи в современной России. Можно констатировать, что так называемый гражданский

брак, представляющий из себя фактические брачные отношения без регистрации признается большинством россиян семьей. Так же весьма велика доля наших соотечественников признает за гомосексуальным сожительством право называться семьей. Таким образом, наши результаты уже не в первый раз входят в противоречие с образом, который пытаются навязать ряд СМИ и в котором присутствует в качестве обязательных компонентов: засилье религии в обществе и низкий уровень толерантности.

Остановимся кратко на других результатах исследования. При анализе определений семьи, нами были изучены пять категорий:

1. Значимость супружеских отношений. Выявлена у 4% испытуемых
2. Значимость детей. Выявлена у 10% испытуемых
3. Значимость взаимоотношений. Выявлена у 48% испытуемых
4. Значимость хозяйственной функции. Выявлена у 6,5% испытуемых
5. Значимость формальной регистрации брака (17 ответов). Выявлена у 4%.

Результат анализа определений семьи в целом совпадает с результатами ответов на закрытые вопросы, но обращает на себя внимание два обстоятельства: во-первых, значительная разница в значимости хозяйственных функций семьи. Во-вторых, низкое количество респондентов во всех категориях, кроме значимости взаимоотношений. Это может свидетельствовать о необходимости введения дополнительных категорий анализа.

Ответы на вопрос «Нужно ли сдерживать свои негативные эмоции в тех или иных напряженных семейных ситуациях?» распределились следующим образом:

- Да – 50,5% испытуемых
- Нет – 20% испытуемых
- Зависит от ситуации – 16% испытуемых
- Надо находить конструктивный способ решения проблем 13,5% испытуемых.

Ответы на данный вопрос с одной стороны позволяют понять значимость семьи для испытуемых, с другой стороны, указывают на высокую эмоциональную заряженность семейных отношений.

Важность психологической составляющей семьи так же подчеркнута в ответах, представленных на рисунке 4.

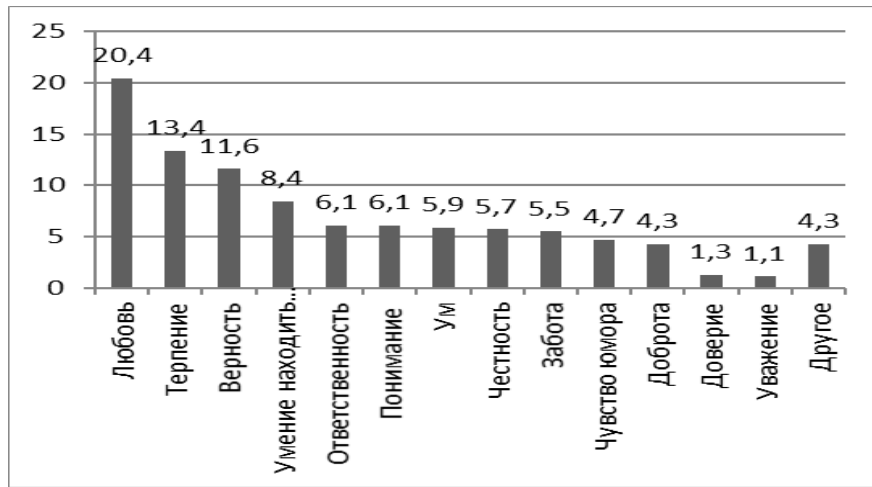

Рис. 4. Ответы испытуемых на вопрос: «Какими качествами должен обладать идеальный супруг/супруга?»

Как видно все ответы связаны с личностными характеристиками. Удивительным представляется отсутствие характеристики «надежный».

В заключении данной части статьи коротко остановимся на результатах контент-анализа определений семьи и брака. Мы выделили пять категорий для анализа, связанных с закрытыми вопросами. В таблице 4 представлены сами единицы и частота их выявления в определениях семьи и брака.

Таблица 4

Единица анализа	Частота		Частота	
	встречаемости в определениях «семья»	в понятия	встречаемости в определении «брак»	в понятия
Значимость супружеских отношений	4%		4,7%	
Значимость детей	10%		8%	
Значимость взаимоотношений	48%		45%	
Значимость хозяйственной функции	6,5%		3,9%	
Значимость формальной регистрации отношений	4%		28, 1%	

Как видно из таблицы, отношение к семье и браку не сильно различаются. Исключение составляет вполне ожидаемая разница в отношении к формальной регистрации. Но все же при анализе половых, профессиональных и региональных особенностей, нами были выявлены определенные различия, описанию которых мы посвятим отдельную статью.

В целом же можно констатировать, что отношение к семье у россиян носит противоречивый и не во всем последовательный характер.

Семья как субъект психологического отношения

Закончить данную статью хотелось бы рассуждениями о перспективах исследований, которые могли бы обогатить концепцию психологических отношений и психологию семьи.

Вот что пишет В.П. Позняков о содержании термина «группа как субъект психологических отношений»: «Во-первых, сходство психологических отношений индивидов по тем или иным критериям, позволяющие отнести их одному к социально-психологическому типу и выступающее, по крайней мере потенциально, основанием их

психологический общности» (Позняков, 2012, с. 13). В перспективе можно говорить о выделении специальных семейных отношений к тем или иным феноменам. В первую очередь социально значимым. Потенциальные исследования могут попробовать ответить на вопрос: каким образом семья как коллективный субъект относится, например, к реформам семейного законодательства?

Продолжаем цитату про содержание термина «группа как субъект психологических отношений»: «Во-вторых, осознание индивидами сходства их положения в системе базовых объективных социальных связей и отношений, порождаемых, в том числе, совместной жизнедеятельностью, и формирование на этой основе чувства принадлежности к одной социальной общности» (Позняков, 2012, с. 13). Здесь кроется самое важное для наших будущих исследований. С некоторым упрощением данная фраза применительно к психологии семьи звучит так: семья – это совокупность людей, которые осознанно считают себя семьей. Особенно важным нам представляется, что семья может порождать особые взаимоотношения, которые выстраиваются в отдельную систему. И, по всей видимости специфические характеристики этой системы отношений и могли бы лечь в основание более точного определения понятия «семья». Пространственное описание данной системы взаимоотношений может включать в себя как собственно отношения, так и социально-психологические характеристики, например, описание типа семьи через структуру кровного и свояческого родства.

Заключение. Представленные в статье рассуждения и результаты носят в значительной степени незаконченный характер, но позволяют наметить контуры той области исследования, которую В.Н. Дружинин назвал: «социальная психология семьи» (Дружинин, 2012). Концепция психологических отношений субъектов жизнедеятельности может наполнить данную область конкретным психологическим содержанием, что в свою очередь может привести к росту специфически психологических исследований семьи. В то же время и на предметном поле семьи можно построить перспективные исследования, связанные, во-первых, с личностными детерминантами возникновения психологических отношений, которые в данный момент практически не рассматриваются. Во-вторых, именно в семье можно исследовать

вторичные отношения, опосредованные уже существующими отношениями или же установками и другими социально-психологическими феноменами.

Список литературы

Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования, 2008 №01, с. 40-49.

Дружинин В.Н. Психология семьи: 3-е изд. – СПб.: Питер, 2012 – 176 с.

Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 480 с.

Журавлева Н.А. Динамика ориентаций молодежи на морально-этические ценности – актуальная проблема современного российского общества // Психологический журнал, 2013а, том 34, № 5, с. 46–57

Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013б. – 524 с.

Журавлева Н.А. Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе // Психологический журнал, 2012, том 33, № 1, с. 30–39

Захарова Е.И. Особенности страхов беременных женщин, связанные с переживанием внутрисемейной ситуации // Электронное периодическое издание Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы www.perinataljournal.ru e-mail: psy_journal@mail.ru. — 2010.

Зуев К.Б. Исследования семьи в психологии под влиянием различных гуманитарных наук // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки Выпуск №3-2013. URL: <http://www.online-science.ru/m/products/psihology/gid517/pg0/> (дата обращения 28.03.2015).

Зуев К.Б. Психология семьи в современной России: некоторые тенденции (вместо предисловия) // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. – М.: Когито-Центр, 2014, С. 7 – 9.

Зуев К.Б. Психологические исследования неполных семей. // Психологические исследования: Вып. 4 / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. (Труды молодых ученых ИП РАН) С. 88 – 98.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. - М.: Издательский центр "Академия", 2004. - 304 с.

Ковалева Ю.В. Роль семейной среды в становлении регуляции поведения // Психологические проблемы современного российского общества / отв.ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», С. 509 – 528.

Ковалева Ю.В. Семья как объект исследования психологических основ регуляции поведения // Семья, Брак и родительство в современной России / отв. ред. Пушкарева Т.В., Швецова М.Н., Зуев К.Б. М.: Когито-центр, 2014. С. 97-101.

Ковалева Ю.В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал, 2012, том 33, № 5, С. 50–70.

Позняков В.П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. – 240 с.

Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал.2012. Т. 33. №5. С. 5-15.

Позняков В.П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 220 с.

Позняков В.П. Региональные особенности психологических отношений российских предпринимателей к своей деятельности // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 68-89.

Солондаев В. К., Конева Е. В. Психологическая характеристика семьи в контексте здоровья ребенка // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К.Б. Зуев. – М.: Когито-Центр, 2014, С. 223-228.

Якупова В.А., Захарова Е.И. Внутренняя материнская позиция женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО // Национальный психологический журнал. — 2015. — Т. 1, № 17. — С. 96–104.

Психологические особенности семейного воспитания

Карпова В.А.

ГБОУ Школа №2114, Москва, Россия

v.a.1071@yandex.ru

В настоящее время в психологии семейных отношений, в частности детско-родительских существует большое количество исследований, посвященных таким аспектам, как влияние стилей семейных отношений на агрессивность ребенка, личностные качества родителей и их влияние на стиль отношения к ребенку, влияние семейного воспитания на самооценку, тревожность ребёнка. Эти исследования характеризуются большой разрозненностью, базируются на различных основаниях, исходных посылах и теоретических убеждениях. Поэтому особую **значимость приобретает** целостное теоретическое описание системы стилей семейного воспитания, и исследование их влияния на формирование личности ребенка. Эта проблема волнует и меня как будущего педагога.

Несмотря на то, что с каждым годом неуклонно растет количество детей с проблемами в развитии, сегодня остаются недостаточно изученными психологические проблемы в семейном воспитании таких детей. Семью можно сравнить с живым организмом, в котором роли, действие членов семьи составляют ее жизненный баланс и

являются условием ее жизнеспособности. Ребенок не только член семьи, он часть этого организма - семейной системы, а это означает, что от психологического благополучия семьи зависят шансы на решения проблем в развитии ребенка. Появление проблем в развитии ребенка сопровождается особыми переживаниями родителей, само наличие в семье такого малыша рассматривается в психолого-педагогической литературе как хроническая стрессогенная ситуация.

Формирование личности ребенка с проблемами в развитии отличается следующими особенностями.

- Высокой степенью зависимости от семьи.
- Слабостью навыков внешних социальных взаимодействий.
- Развитием страхов, боязнью активных действий.
- Самоутверждением в подростковом возрасте через неадекватные реакции.

Основные пути решения психологических проблем семейного воспитания детей с проблемами в развитии.

1. Гармонизация семейного воспитания с исключением дисгармоничных типов и с коррекцией воспитательных рычагов воздействия на ребенка. Формирование адекватных взаимоотношений в родительской и детско-родительской подсистемах.
2. Психологическая коррекция личностных нарушений у родителей, оказание им превентивной помощи через повышение самооценки и гибкости реагирования на изменения детей и ситуации взаимодействия
3. Укрепление нервной системы ребенка, предупреждение у него дискомфортного состояния, страха, возбуждения и обучение копинг - поведению (механизму совладания со стрессом).

Формы работы с семьей ребенка с проблемами в развитии следующие:

- специальные занятия специалистов семейного сопровождения с семьей в ее наиболее полном составе (семейные клубы, центры),
- формирование межсемейных коллективов или групп семейной взаимопомощи через социальные сети в Интернете.

Необходимо обучение специалистов, владеющих методами работы с семьями детей с проблемами в развитии.

Список литературы:

1. Алексеева Е.Е. Взаимоотношения родителей и детей с особыми потребностями // Интегративное обучение и воспитание детей с особенностями развития / Учебно-методическое пособие. Изд. 2-е. - СПб, 2008.
2. Бережнова Л.И. Предубеждение депривации в образовательном процессе Монография – СПб, 2000.
3. Ткачева В. В. Система психологической помощи семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии. – Автореф. дис... на соискание ученой степени доктора психологических наук. – Нижний Новгород, 2005.

Психология детско-родительских отношений: личностный, возрастной, гендерный и этнический модулы

Кириленко И.Н.

ГБОУ ДПО «Ростовский областной институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования», Ростов-на-Дону,

i.n.kirilenko@mail.ru

Семья создает пространство, в котором человек удовлетворяет свои базовые социальные потребности в эмоциональной поддержке, принятии, уважении и защите. Тем самым, семья вносит значительный вклад в минимизацию стрессогенного влияния социума. Повышая психологическое благополучие своих субъектов, семья способствует росту их стабильности на общесоциальном уровне.

Проблемы детско-родительских отношений являются традиционными для

исследовательского пространства психологической науки и, вместе с тем, инновационными. Характеризуя собой особые феномены, возникающие в диаде «родитель – ребенок» на индивидуально-психологическом и социально-психологическом уровнях, детско-родительские отношения инициировали собой целый спектр исследований в зарубежной и в отечественной психологии. Актуальность поднятой проблематики нашла выражение в расширении и углублении образованного ею исследовательского пространства.

Истоки их изучения можно найти в трудах основоположников многих психологических школ и направлений, как в России, так и за рубежом. Среди них, в частности, можно обозначить гештальтпсихологию (Вертгеймер М., Келер В., Коффка К., Левин К., Фолькельт Г. и др.), психоаналитическое (Фрейд З., Фрейд А., Адлер А., Фромм Э., Хорни К., Эриксон Э., Боулби Дж. и др.), бихевиоральное (Торндайк Э., Уотсон Д., Скиннер Б., Сирс Р., Бандура А. и др.), генетическое (Пиаже Ж., Валлон А., Брунер Д.С., Кольберг Л. и др.), гуманистическое (Маслоу А., Роджерс К., Сатир В. и др.) направления. Так, в рамках психоанализа были реализованы попытки психологической интерпретации функций матери, выявления различных видов психической травматизации, получаемой человеком в детские годы в семье, создания периодизации возрастного развития ребенка, увязанной с изменениями в детско-родительских отношениях и др.

Бихевиоральное направление значительное внимание уделило изучению роли родителей в развитии поведенческой активности ребенка. В гештальтпсихологии, среди прочего, разработаны подходы к психологическому осмыслению различных воспитательных практик воздействия, оказываемых на ребенка со стороны родителей. В рамках генетической психологии были реализованы исследования по выявлению особенностей развития разных аспектов психики человека, в том числе, в контексте детско-родительских отношений.

В отечественной психологии проблематика детско-родительских отношений также получила определенную разработку. В частности, значительное внимание в ней было уделено построению периодизаций психического развития ребенка (Выготский Л.С., Лисина М.И., Фельдштейн Д.И., Эльконин Д.Б. и др.) и связанных с ней стадий

становления детско-родительских отношений (Васильева Э.К., Хямяляйнен Ю. и др.). В контексте детско-родительских отношений рассмотрены проблемы родительства (Варга А.Я., Захаров А.В., Овчарова Р.В., Эйдемиллер Э. и др.).

Вместе с тем, изучение психологических особенностей взаимодействия детей и родителей в течение значительного периода истории выступало в качестве «побочного» направления по отношению к другим, более востребованным ракурсам психологии семьи, развития личности, возникновения психологических отклонений, обусловленных семейным взаимодействием.

Инновационность исследования психологии детско-родительских отношений видится в наметившейся перспективе преодоления подобной практики и помещения соответствующих ей проблем в центр научного поиска. Развитие этого исследовательского направления призвано преодолеть ряд противоречий:

- между обострением внимания к дискуссионным вопросам организации семьи и отсутствием планомерной научной разработки феноменологии, закономерностей и механизмов функционирования детско-родительских отношений в контексте семьи;

- между ориентацией исследователей на рассмотрение отдельных аспектов детско-родительских отношений и отсутствием эффективных научных теорий и концепций их целостного видения и понимания в единстве значимых ракурсов;

- между преобладанием научных интересов к развитию личности ребенка в детско-родительских отношениях и слабо выраженным интересом к особенностям развития личности родителей.

Проведенный теоретический анализ основных исследовательских подходов (феноменологического, структурного, функционального и модусного), выявил преимущества и недостатки каждого применительно к проблематике детско-родительских отношений, позволил обосновать преимущества последнего в построении соответствующего предметного направления психологической науки. Нами обоснована целесообразность построения психологии детско-родительских отношений на основе обращения к их личностному, возрастному, гендерному и этническому модусам, позволяющим раскрыть его различные ракурсы. Введение модусного подхода в методологию построения исследования психологических особенностей детско-

родительских отношений позволяет, как минимум: задать новый вектор исследований данного предметного поля и, тем самым, значительно расширить представления о психологических особенностях детско-родительских отношений; интегрировать наработки, полученные в рамках феноменологического, структурного и функционального подходов к изучению психологических особенностей детско-родительских отношений, подверженных влиянию данного фактора; подчеркнуть общее и специфичное в детско-родительских отношениях, преломленных к определенному ракурсу своего рассмотрения. Модусный подход, таким образом, позволяет более широко и детально охватить психологические особенности детско-родительских отношений и вскрыть новые для них закономерности. Многообразие феноменов детско-родительских отношений было обнаружено при личностном модусе их рассмотрения, который позволил изучить двусторонние связи детско-родительских отношений и личностных особенностей их субъектов. Они были структурированы через выявление и характеристику когнитивной, коммуникативной, эмотивной, аксиологической и конативной составляющих детско-родительских отношений. В качестве предикторов детско-родительских отношений выступили субъектные характеристики родителей (мотивы стремления к успеху; ценностные ориентации на милосердие, на любовь и на общение; вера в благожелательность; эмпатия и семейные смыслы жизни), а также субъектные характеристики детей (общительность, экстраверсия, мотив стремления к успеху, эмпатия с родителями и личностный адаптивный потенциал) обоснованы. Функции детско-родительских отношений в проекции личностного развития их субъектов подразделены нами на две группы: универсальные (ресурсная функция; функция самоутверждения личности; функция самореализации) и специфические (для ребенка – функции передачи социального опыта; предоставления образца для идентификации; установления связи поколений, причастности к собственному роду; для родителей – функция стимулирования жизненной активности).

Категория возраста, введенная в исследовательское пространство детско-родительских отношений в качестве одного из модусов их исследования, позволила выявить и содержательно охарактеризовать закономерности влияния возраста ребенка на состояние детско-родительских отношений; показать синхронность кризисов

личностного развития ребенка и кризисов детско-родительских отношений; установить и дать описание кризисам («мягкие» и «жесткие») развития детско-родительских отношений; обозначить параметры анализа детско-родительских отношений в рамках модуса возраста родителей (время взаимодействия с ребенком; объем и качество удовлетворяемых потребностей ребенка; наделение ребенка обязанностями; категоричность требований к ребенку; стратегия стимулирования ребенка). Введение возрастного модуса изучения детско-родительских отношений позволит установить новые факты и закономерности изменения этих отношений и их субъектов, выявить психологические причины нарушений в их развитии.

Введение категории «гендер» в пространство психологии детско-родительских отношений в качестве модуса ее изучения позволило: выявить понятийное «ядро» данного исследовательского ракурса (гендерно-ролевая идентичность, гендерно-ролевая социализация, гендерно-ролевые стереотипы субъектов детско-родительских отношений, психологическая готовность субъектов к исполнению определенной гендерной роли) и раскрыть содержание его компонентов; ввести классификацию гендерно-ролевых стереотипов субъектов детско-родительских отношений 1 и 2 уровня и содержательно их охарактеризовать. Гендерный модус рассмотрения детско-родительских отношений способен открыть возможности углубленного изучения их феноменов, обусловленных гендерно-ролевой дифференциацией субъектов детско-родительских отношений. Реализация этнического модуса изучения детско-родительских отношений позволила выявить условия проявленности «этнического» в данной сфере: восприимчивость к мифологическому, ситуационная чувствительность, целевое единение, обосновать его неоднородность и сложность структуры, выявить основного проводника (родителей) и причины затруднений воссоздания этнического в детско-родительских отношениях (барьеры и трудность визуализации).

Список литературы:

1. Варга, А.Я. Структура и типы родительского отношения: автореф. дис. канд. психол. наук / А.Я. Варга. – М., 1987.
2. Выготский, Л.С. Педология подростка / Л.С. Выготский // Собр. соч.: В 6 т. – М., 1984. Т.4.
3. Скиннер, Р. Семья и как в ней уцелеть / Р. Скиннер, Дж. Клииз. – М.: Независимая фирма «Класс», 1995.
4. Фельдштейн, Д.И. Особенности личностного развития подростка в условиях социально-экономического кризиса / Д.И. Фельдштейн // Мир психологии и психология в мире. – 1994. – №1.
5. Эйдемиллер, Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб.: ЗАО «Питер», 1999.

**Повышение психолого-педагогической культуры родителей
в процессе взаимодействия семьи и школы**

Кочергина О.А.

*Филиал ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)» Таганрогский институт имени А.П. Чехова,
Таганрог, Россия
oakohergina@mail.ru*

Современная ситуация в российском обществе требует создания новой, более эффективной системы социально-педагогической и психологической поддержки семьи, построения новых отношений между родителями и образовательными учреждениями.

Семья как особый социокультурный институт несет ответственность за воспитание, физическое и духовное развитие человека, его становление и определение жизненного пути, что в перспективе должно способствовать стабильности и процветанию общества в целом. Эта позиция отражается в официальных

государственных документах. В законе «Об образовании в РФ» (ст. 44) закреплены права, обязанности и ответственность родителей несовершеннолетних обучающихся: «Они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка» [1]. Поэтому любая деформация (структурная и психологическая) семьи оказывает негативное влияние на развитие личности ребенка. Структурная деформация определяется как нарушение ее целостности (в настоящее время обычно связывают с отсутствием одного из родителей). Психологическая деформация характеризуется нарушением межличностных отношений в семье, формированием асоциальных установок, негативных ценностей и др. По мнению специалистов, именно некорректные отношения между членами семьи (унижение их достоинства, подавление инициативы, разногласия по вопросам воспитания и др.) приводят к негативным результатам в формировании личности ребенка, его статуса, жизненных перспектив.

К сожалению, нередко родители полагаются только на свой индивидуальный опыт, не задумываясь о последствиях неправильных воспитательных воздействий на ребенка, проблемах установления с ним отношений, при этом недооценивают роль педагогических знаний и умений. Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что родители часто испытывают определённые сложности в воспитании детей, допускают типичные ошибки. По мнению К. Д. Ушинского, «искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным даже делом легким – и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком, теоретически или практически. Почти все признают, что воспитание требует терпения, некоторые думают, что для него нужны врожденная способность и умение, т. е. навык; но весьма немногие пришли к убеждению, что кроме терпения, врожденной способности и навыка, необходимы еще специальные знания...» [3].

Признание приоритета семейного воспитания требует доверительных отношений между семьей и образовательным учреждением, которое, являясь открытой для взаимодействия с внешней социальной средой системой, должно учитывать значимость просвещения родителей и повышения их педагогической культуры. По мнению В. А. Сухомлиńskiego, «сколько-нибудь успешная воспитательная работа была бы совершенно

немыслима, если бы не система педагогического просвещения, повышение педагогической культуры родителей» [2]. В законе «Об образовании в РФ» (ст. 44) отмечается, что «органы государственной власти и органы местного самоуправления, образовательные организации оказывают помощь родителям (законным представителям) несовершеннолетних обучающихся в воспитании детей, охране и укреплении их физического и психического здоровья, развитии индивидуальных способностей и необходимой коррекции нарушений их развития» [1].

Педагог, работающий в образовательном учреждении, занимаясь преподавательской деятельностью, обычно является и классным руководителем, который решает определенные задачи, связанные с организацией взаимодействия с семьей. В новом федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) отмечается, что должно осуществляться «развитие педагогической компетентности родителей (законных представителей) в целях содействия социализации обучающихся в семье; учет индивидуальных и возрастных особенностей обучающихся, культурных и социальных потребностей их семей». Оказывая педагогическую помощь и поддержку родителям, педагог должен быть готов к принятию их позиций, разрешению возникающих противоречий, коррекции негативных воздействий семьи, установлению продуктивных межличностных отношений. Потому что именно семья и школа должны служить источником морально-нравственных, духовных и практических ориентиров, которые помогут молодым людям занять достойное место в современном мире. Воспитание – это сложный, многофакторный процесс, результаты которого должны определяться целенаправленным взаимодействием педагогов, родителей, специальных институтов социального воспитания с ребенком.

Практическая реализация педагогического взаимодействия осуществляется непосредственно через общение. Для этого педагогами в используются различные формы работы, в частности, индивидуальные консультации и др. Организация и проведение консультаций для родителей учеников в школе – одно из востребованных направлений сотрудничества школы и семьи. Большинство родителей обычно обращаются в школу за разовыми консультациями, как правило, в особо проблемных случаях: плохое поведение, неуспеваемость ребенка, конфликты с учителем и т.п.

Основное значение педагогической консультации – достижение более серьезного, объективного понимания родителями проблем ребенка, его личности в целом, определение своей воспитательной позиции в общении с ним и способов взаимодействия с другими участниками педагогических отношений. Обращение родителей к учителю по собственной инициативе является, с одной стороны, сигналом о неблагополучии в семье, проблемах в отношениях с ребенком, а с другой – дает возможность установить контакт с ними, демонстрирует готовность к сотрудничеству и взаимодействию. Задача школы в такой ситуации – оказание семье не только информационной психолого-педагогической помощи, но и эмоциональной поддержки.

Однако психолого-педагогическое консультирование носит индивидуальный характер, поэтому важную роль играют и такие формы *работы*, как родительские собрания, направленные на обсуждение общих и наиболее актуальных вопросов воспитания детей; родительские конференции, посвященные обмену опытом семейного воспитания, досуговые мероприятия и др. При этом традиционно активная позиция в организации такой деятельности принадлежит именно педагогу, вследствие чего нередко наблюдается пассивность родителей в проявлении инициативы, их незаинтересованность в совместной деятельности.

В современных условиях проблема взаимодействия педагогов и родителей в учебно-воспитательном процессе может быть успешно решена на основе единых подходов к планированию и организации совместной деятельности, выбору критериев результативности работы, единой методологической, организационно-структурной и методической основы, системно–комплексного подхода к организации психолого-педагогического просвещения родителей.

Важность обращения к такому просвещению родителей в современных условиях объясняется следующими причинами:

- потребностями современного общества, характеризующегося изменением социокультурной, экономической, политической ситуации;
- активной пропагандой средствами массовой информации и коммуникации новых форм и моделей семейных отношений, что ослабляет традиционные семейные ценности и устои;

- изменениями в сфере образования (внедрением новых программ, технологий, методов и форм обучения);
- открытостью современного педагогического сообщества успешному прошлому опыту, а также инновациям;
- использованием новых подходов и технологий воспитания подрастающего поколения и др.

Чтобы осуществлять просвещение родителей, необходима организация целостной системы повышения их психолого-педагогической культуры. Это может быть реализовано через родительский всеобуч. Организация такой работы основана на идее взаимодействия семьи и образовательного учреждения, их сотрудничества, что в итоге способствует совместному положительному результату воспитания и обучения подрастающего поколения. Это исторически оправданная форма просвещения и повышения педагогической культуры в настоящее время приобретает особую значимость при оказании помощи родителям в воспитании детей, в решении различных проблем в общении и организации их деятельности. Подготовка родителей должна осуществляться поэтапно, соотноситься с особенностями конкретной возрастной группы (начиная с дошкольного возраста и заканчивая старшей школой) детей. Приобретение родителями психолого-педагогических знаний должно быть связано с развитием их педагогического мышления, совершенствованием практических умений и навыков в области обучения и воспитания подрастающего поколения. В процессе взаимодействия деятельность педагога должна быть направлена на достижение двух основных целей: передачу родителям информации и воздействие на них, то есть побуждение к действию. Поэтому в современных условиях особую значимость приобретают новые, интерактивные методы и формы психолого-педагогического просвещения родителей, способствующие раскрытию их личностного, творческого и коммуникативного потенциала.

Специфика интерактивного взаимодействия с родителями определяется следующими показателями:

- субъекты находятся в одном смысловом пространстве;
- осуществляется совместное погружение в проблемное поле решаемой задачи, то

есть включение в единое социокультурное пространство;

- наблюдается согласованность в выборе средств и методов реализации решения задачи;

- происходит совместное переживание эмоционального состояния, чувств, сопутствующих принятию и осуществлению решения задач.

Обучение родителей можно проводить в различных формах, используя разнообразный практический инструментарий (лекция, лекция-диалог, тренинг, «круглый стол», ролевая игра и т. д.). Это позволит родителям рассмотреть проблемы с различных сторон, осуществить рефлекссию, погрузиться в мир ребенка и т. д. Приобретение психолого-педагогических знаний родителями должно быть связано с развитием их педагогического мышления, совершенствованием практических умений и навыков в области обучения и воспитания детей.

Кроме того серьезное внимание необходимо уделять просветительской работе на перспективу. Для этого целесообразно организовать в образовательном учреждении школу будущего семьянина. Эта программа должна подготовить старшеклассников к семейной жизни. В ее содержание следует включить теоретическую и практическую составляющие (проблемы семейной жизни, ответственности членов семьи, создания психологического климата, семейных традиций, специфики общения, преодоления конфликтов и др.), активные и интерактивные методы обучения, что будет способствовать повышению у молодых людей культуры семейных отношений, личной ответственности и серьезности подхода к жизненным проблемам.

Для работы с родителями в современных условиях необходима и специальная подготовка педагогов: например, через различные формы повышения квалификации учителей (классных руководителей). Особое внимание следует уделять проблемам общения с родителями, повышению коммуникативной компетентности педагога, педагогической коммуникации в целом. Профессиональная деятельность учителя представляет собой процесс решения множества стандартных и нестандартных задач, на решение которых направлено педагогическое взаимодействие. Коммуникативные задачи являются инструментальными компонентами такого взаимодействия, в процессе которого педагог реализует две основные цели: передает родителям информацию и

воздействует на них, то есть побуждает к действию. В соответствии с логикой педагогического взаимодействия определяют стадии коммуникации:

- моделирование педагогом предстоящего общения с родителями (постановка педагогической задачи, выбор способов и методов ее решения, отделение коммуникативной задачи, собственно моделирование общения);

- планирование коммуникативной структуры взаимодействия, соответствующего педагогическим задачам, сложившейся ситуации, индивидуальности педагога, индивидуальным особенностям родителей;

- организация непосредственного общения с родителями, при которой педагог становится инициатором коммуникации, что позволяет ему иметь некоторое преимущество; он должен ориентироваться в условиях предстоящего общения (продумать стиль общения; мысленно восстановить опыт положительного общения с такими людьми; уточнить особенности общения в новых коммуникативных условиях);

- управление общением в ходе педагогического взаимодействия, которое складывается из уточнения условий и структуры общения, его непосредственного поддержания;

- анализ результатов общения и моделирование новой педагогической задачи.

Названные стадии коммуникации характеризуют поэтапное развертывание процесса педагогического взаимодействия с родителями.

К сожалению, многие педагоги, не рассматривают решение коммуникативных задач как важный и необходимый компонент педагогического процесса. Поэтому профессиональная подготовка учителей для работы с родителями, направленная на повышение их коммуникативной компетентности, актуальна.

Кроме того, особое внимание необходимо уделять вопросам организации взаимодействия с родителями в ходе профессиональной подготовки будущих учителей. Это должно внедряться системно, например, через курсы по выбору, содержание педагогических дисциплин, с использованием разнообразного практического инструментария (диагностика, тренинги, деловые игры и др.), освоением специализированных программ, выполнением творческих заданий и проектов. Коммуникативный подход в профессиональной подготовке будущего учителя

предполагает учет специфики педагогического общения, что требует, в первую очередь, вариативного моделирования коммуникативной ситуации как единицы общения, как формы его функционирования, как сущностной основы на всех стадиях овладения материалом. В процессе подготовки студентам необходимо научиться определять, какие модели поведения, формы и методы следует использовать для решения конкретной ситуации, формировать индивидуальный стиль деятельности, развивать навыки профессиональной культуры, которые помогут обеспечить правильный выход из сложившегося положения. Определение, осмысление и понимание сложных коммуникативных ситуаций способствуют оперативному и грамотному реагированию на ситуацию педагогическую, конструктивно ее решать. В результате профессиональной подготовки студенты должны овладеть технологической стороной коммуникации с родителями, спецификой поведения с определенными типами семей, основами решения проблемных вопросов и др.

Таким образом, в условиях существенно изменившихся ориентиров и ценностных установок в отношениях семьи, образовательных учреждений и общества в целом по вопросам воспитания и обучения подрастающего поколения необходимо создание целостной системы повышения психолого-педагогической культуры родителей, которая должна реализовываться профессионально подготовленными специалистами и рассматриваться как важнейшее направление развития современного общества.

Список литературы

1. Сухомлинский В.А. О воспитании. – М., 1973.
2. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. В 6 т. Т.5 /Сост. С.Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1990.
3. Интернет-ресурс: <http://docs.cntd.ru/document/zakon-rf-ob-obrazovanii-v-rossijskoj-federacii>

**Психолого-педагогическое сопровождение родителей, выразивших желание
восстановить родительские права**

Мазурчук Е.О.

ФГБОУ ВПО УрГПУ, Екатеринбург, Россия

MazurchukE@yandex.ru

Аннотация. Признание за ребенком права жить и воспитываться в семье актуализирует проблему деинституционализации как основной стратегии профилактики социального сиротства, что определяет необходимость разработки программы психолого-педагогического сопровождения биологической семьи.

Ключевые слова: деинституализация, психолого-педагогическое сопровождение, биологическая семья.

Научные исследования, исторические факты, а также современная действительность подтверждают, что экономическое, политическое и культурное развитие современного общества повлекли за собой и серьезную трансформацию ценностно-смысловой сферы личности, а также отразились на семейных и детско-родительских отношениях. В этой связи уменьшается количество детей в семье, возрастает количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и деструктивных (девиантных) семей.

Анализ феномена сиротства позволяет говорить о том, что, при переходе от одного этапа развития общества к другому наблюдается эволюция подходов к помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Происходит смена стихийных, неэффективных форм их жизнеустройства на институциональные: в приюты, интернатные, учреждения с элементами семейнообразных форм (семейные детские дома, SOS-Kinderdorf, детские социальные центры и др.), а затем и на более востребованные деинституциональные формы – приемные, патронатные, фостерные и замещающие семьи.

Однако, как показывает практика и научные исследования, в настоящее время наблюдается отказ от ранее существующих форм жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в связи с их несостоятельностью. Так, в ряде

нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность учреждений государственного воспитания, наиболее актуальным становится вопрос о смене ведущей формы жизнеустройства детей. Указанный факт связан с тем, что характерная для социокультурного пространства России практика жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, претерпевает трансформацию и находится на пути поиска новых форм их жизнеустройства.

Осознавая важность решения указанной проблемы, в сложившихся условиях взаимодействие с биологической семьей становится основной задачей педагогов-психологов и других специалистов, осуществляющих ее сопровождение.

Однако анализ многочисленных исследований свидетельствует о том, что в последние годы актуализируется потребность в психолого-педагогическом сопровождении и тех семей, в которых родители были лишены родительских прав. Данные изменения основываются на том, что со временем благодаря осмыслению сложившейся практики и проведению разнообразных исследований было установлено, что наиболее эффективно процесс развития личности ребенка протекает именно в биологической семье.

Так, было установлено, что:

- биологическая семья обладает воспитательным потенциалом, оказывающим положительное влияние на личность ребенка. Она является наиболее эффективным институтом его социализации;
- содержание ребенка, особенно с раннего возраста, в учреждениях государственного воспитания неизбежно приводит к неблагоприятным и трудно обратимым изменениям в его развитии. Доказанным является тот факт, что всестороннее и гармоничное развитие личности ребенка эффективнее протекает в условиях семейного воспитания;
- воспитание в биологической семье, которая в отношении ребенка выполняет все функции семьи (развивающую, воспитывающую, социализирующую, реабилитирующую) способно восполнить недостатки его развития, восстановить личностное благополучие (Дубровина И.В., 2012).

Изложенная позиция повышает заинтересованность родителей, лишенных родительских прав, в их восстановлении.

Указанные изменения, характеризующиеся как устойчивая тенденция, требуют особого внимания со стороны специалистов, осуществляющих психолого-педагогическое сопровождение родителей, выразивших желания восстановить родительские права, так как актуализируют роль воспитательного потенциала биологической семьи в формировании личности ребенка.

Однако следует отметить тот факт, что в отечественной науке и практике работы педагогов-психологов наблюдается дефицит в подобных программах. Принимая во внимание полученные данные, с целью удовлетворения государственного заказа и потребностей биологической семьи актуализируется потребность внедрять в практику работы специалистов программы психолого-педагогического сопровождения семьи, направленной на решение ряда типичных трудностей и оптимизацию процесса восстановления родительских прав.

Особый интерес для нас, в рамках данного исследования, представляет рассмотрение психолого-педагогического сопровождения родителей, выразивших желание восстановить родительские права. Данный факт дает нам основания рассматривать их как представителей биологической семьи и делает возможным обратиться к анализу имеющегося опыта психолого-педагогического сопровождения семьи.

Говоря о феномене психолого-педагогического сопровождения семьи, следует отметить тот факт, что в нашем обществе он начал рассматриваться сравнительно недавно.

Так, в отечественной науке для обозначения данного процесса было принято использовать несколько терминов:

- «содействие» (И. Дубровина; Э. Верник);
- «сотрудничество» (С. Хоружий);
- «событие» (В. Слободчиков);
- «сопровождение» (А. Волков);

- «психологическое, или психолого-педагогическое сопровождение» (М. Битянова, А. Деркач, В. Мухина).

Одним из наиболее распространенных, как показывает анализ литературных источников, стал термин «сопровождение», а затем и более широкий «психолого-педагогическое сопровождение». Данный факт обусловлен широким смыслом слова «сопровождение», который совпадает с сущностными характеристиками психолого-педагогической помощи семье, которая находится в кризисной ситуации. Углубляясь в этимологию слова «сопровождение» мы можем наблюдать, что в толковом словаре Ожегова данный термин рассматривается как:

- «Следовать вместе с кем-нибудь, находясь рядом, ведя куда-нибудь, или идя за кем-нибудь» (С.И.Ожегов).

В словаре синонимов «сопровождение» это:

- «Провожать, сопутствовать, идти рука об руку, следовать за кем-то, конвоировать; вторить, подыгрывать, аккомпанировать».

Анализ определения понятия «сопровождение» в различных источниках дает нам основание для его интерпретации в контексте психолого-педагогической работы как процесса создания благоприятных условий для проявления потенциала личности родителей, выразивших желание восстановить родительские права.

Вышесказанное делает возможным рассматривать психолого-педагогическое сопровождение как помощь ребенку, его семье и педагогам, в основе которой лежит сохранение максимума свободы и ответственности субъекта за выбор решения актуальной проблемы; мультидисциплинарный метод, обеспечиваемый единством усилий педагогов, психологов, социальных и медицинских работников; помощь в формировании ориентационного поля, где ответственность за действие несет сам субъект развития (Петровский А.В., 2014).

Анализируя исследования зарубежных ученых, можно выделить в психолого-педагогическом сопровождении ряд ключевых характеристик. Так процесс сопровождения рассматривается преимущественно в прикладных исследованиях и используется при изучении процессов индивидуального развития. Данный факт обусловил потребность в процессе психолого-педагогического сопровождения изучать

личностные особенности родителей с использованием определенного диагностического инструментария и, на основе полученных данных, осуществлять корректировку цели и задач психолого-педагогического сопровождения биологической семьи (Васягина Н.Н., 2013).

Однако главной целью сопровождения остается создание таких психолого-педагогических условий, в которых каждый родитель, выразивший желание восстановить родительские права, мог бы стать субъектом своей жизни: своей деятельности, общения и собственного внутреннего мира.

Особое внимание следует обратить на тот факт, что в психолого-педагогическом сопровождении биологической семьи ключевым является системность в процессе его организации, непрерывность, опора на потенциал родителей, выразивших желание восстановить свои родительские права, и использование приемов взаимодействия, а не воздействия на членов семьи. В этой связи, необходимым становится использование принципов, обуславливающих рекомендательный характер советов сопровождающего, приоритет интересов сопровождаемого, комплексность подхода сопровождения, стремление к автономизации (Васягина Н.Н., 2013).

Принимая во внимание перечисленные особенности, в рамках нашего исследования, мы солидизируемся с подходом Э.М. Александровской и определяем психолого-педагогическое сопровождение биологической семьи как особый вид помощи, технологию, предназначенную для оказания помощи на определенном этапе развития в решении возникших проблем, или в их предупреждении.

Так, этимологический анализ определения понятия «сопровождение» и анализ психолого-педагогической литературы свидетельствует о том, что сущность данного понятия заключается в создании условий для осознания и принятия каждого члена биологической семьи своей роли, укрепления у родителей, выразивших желание восстановить родительские права, веры в себя, возникновения возможности для самореализации в роли родителей и личностного роста.

Таким образом, говоря словами М.А. Иваненко, можно сделать вывод, что психолого-педагогическое сопровождение биологической семьи это направление профессиональной деятельности педагога-психолога заключающееся в единстве

использования нескольких составляющих: диагностики, информационного поиска, планирования, консультирования, коррекции, системного анализа проблемных ситуаций, программирования, которые направлены на разрешение и организацию родителей, выразивших желания восстановить родительские права.

Список литературы

1. Васягина, Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст]: монография / Н.Н. Васягина; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 309 с.
2. Иваненко, М. А. Семейведение [Текст]: учебное пособие / М. А. Иваненко; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 180 с.

Инклюзивное образование как ресурс для семей с детьми с особыми образовательными потребностями

Олифер О. О.

Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Хабаровск, Россия

В предлагаемой статье инклюзивное образование рассматривается как эффективный метод включения в жизнедеятельность общества, самореализации в нем не только детей с ограниченными возможностями здоровья, но и детей, по тем или иным причинам отличающихся от большинства. Приводятся результаты исследований, направленных на изучение отношения всех участников образовательной среды к внедрению инклюзии в систему образования в России.

Ключевые слова: образование, инклюзия, дети с ограниченными возможностями здоровья, семья, образовательная среда.

Проблема помощи семьям с детьми с особыми образовательными потребностями приобретает все большую актуальность, во-первых, в связи с увеличением количества таких семей и, во-вторых, с развитием научно-технического прогресса, с развитием общества расширяются возможности для роста и развития всех детей в соответствии с их возможностями здоровья. Развитие, как известно, не возможно без обучения (Л.С. Выготский), именно поэтому инклюзивное образование следует рассматривать как наиболее эффективный метод социализации детей с особыми образовательными потребностями.

Одна из наиболее актуальных демографических и социально-экономических проблем российского социума на современном этапе - это включение в общество детей с особыми образовательными потребностями. В российском обществе сегодня наблюдается стабильное сокращение численности населения трудоспособного возраста, и сохранение тенденции к ухудшению его качественного состава. Обе указанные негативные тенденции происходят на фоне роста уровня инвалидизации молодёжи и детей, что становится значимым ограничением экономического развития государства. Социализация детей с особыми образовательными потребностями позволит им включаться и активно участвовать в жизни общества - это значит, что они смогут участвовать в жизни общества, в развитии экономики страны и её стабильном функционировании [1].

Но следует обратить внимание на еще одну, очень важную, возможность инклюзивного обучения, о которой специалисты говорят лишь косвенно – возможность социальной реабилитации семей с детьми с особыми образовательными потребностями посредством включения их детей в жизнедеятельность общества.

Многочисленными исследованиями [4, 5, 11, 13] выявлено, что родители, воспитывающие детей с особыми образовательными потребностями, испытывают эмоциональное напряжение, тревогу, чувство вины, обиды, находятся в хроническом стрессовом состоянии и т.д. Их эмоциональные состояния и психологические особенности характеризуются бессознательными деструктивными стратегиями поведения, осложняющими отношения и с ребенком, и с другими членами семьи, и, в

первую очередь, с самим собой. По своей инициативе родители редко вступают в контакт с незнакомыми людьми, настороженно относятся ко всем, кто пытается общаться с их детьми. Страх и тревога являются основными чувствами этих взрослых [11].

Многие из женщин, по сути, посвящают свою жизнь такому ребенку, постоянно пренебрегая своими интересами. Но природа человека так устроена, что, если человек систематически не удовлетворяет свои личностные потребности, то у него формируется чувство неудовлетворенности (собой, жизнью). Это чувство также влечет за собой множество негативных последствий (проблемы со здоровьем, нервность, сложности в общении и т.д.) [10].

Поскольку семья является первичной средой развития ребенка, члены семьи, формирующие эту среду, должны стать первыми, кому оказывается психологическая помощь, в случае рождения особого ребенка. Направленность и содержание психологических (и психопрофилактических) усилий определяется тем обстоятельством, что последствия хронического социально-психологического стресса, в котором пребывают семьи с ребенком-инвалидом, имеют тенденцию приводить к патологическому развитию личности [2].

Следовательно, родителям детей с особыми образовательными потребностями необходима психологическая помощь и поддержка для стабилизации эмоционального состояния, предотвращения дезадаптации, для нормализации общения с близкими и изменения отношения к собственному ребёнку, чтобы быть действительно счастливым, эффективным родителем.

Современными специалистами взгляд на обучение детей с особыми образовательными потребностями, их права на всеобщее образование, возможность жить в семье, не оспариваются, однако, существует целый ряд препятствий, не позволяющих этой категории детей быть успешно интегрированными в общество, стать полноправными его членами. В подавляющем большинстве случаев дети с особыми образовательными потребностями не могут реализовать свои права из-за отсутствия социальных условий, необходимого оборудования и наличия соответствующей архитектуры зданий. Не выработаны принципы взаимодействия, позволяющие детям с

особыми образовательными потребностями устанавливать полноценные коммуникации с другими членами общества; социальная среда не приспособлена для людей, чье физическое или психическое здоровье требует введения специальных условий, способов, позволяющих установить контакт и взаимодействовать с ними.

Опыт показывает, что из любой жесткой образовательной системы какая-то часть детей выбывает, потому что система не готова к удовлетворению индивидуальных потребностей таких детей в обучении. Это соотношение составляет 15 % от общего числа детей в школах и, таким образом, выбывшие дети становятся обособленными и исключаются из общей системы. Нужно понимать, что не дети терпят неудачу, а система исключает детей. Инклюзивные подходы могут поддержать таких детей в обучении и достижении успеха, что даст шансы и возможности для лучшей жизни.

С переходом социальной педагогики и психологии к системе интеграционного, инклюзивного образования, требуются новые подходы к включению детей с ограниченными возможностями развития в общеобразовательные школы. И здесь было бы ошибкой сосредоточить все внимание только лишь на создании комфортного физического пространства и позитивного микроклимата в социуме, принимающего ребенка с ограниченными возможностями развития. Помимо вышеперечисленных характеристик не менее важной является и психологическая готовность самого ребенка с особыми образовательными потребностями к таким изменениям; выявление его личностного потенциала, формирование способности к установлению необходимых социальных связей, которые в будущем возьмут на себя функции поддержки и помощи, обеспечив успешную интеграцию ребенка в общество. Приоритетную роль в формировании готовности такого ребенка к взаимодействию с социумом играет семья, которую в первую очередь необходимо подготовить к пониманию и выполнению этой задачи.

Деятельность специалиста по расширению информированности о возможностях реабилитации ребенка с особыми образовательными потребностями не сразу и не всегда находит поддержку в семье. Цель специалиста состоит в поддержании мотивации родителей активно заниматься своим ребенком, хотя направление активности, как правило, меняется. Средством работы сотрудника социально-психологической службы

является содействие процессу социализации детей с особыми образовательными потребностями посредством организации их интеллектуального развития и расширения возможностей обучения практическим навыкам [6].

Некоторые родители отмечают, что со временем приходит новое видение своей ситуации, в связи с чем другими становятся и их действия. Родители понимают, что для облегчения участи ребенка надо рассчитывать на собственные ресурсы - личностные, интеллектуальные, коммуникативные, профессиональные. Такие родители, как отмечает Т.В. Черникова, принимают новую стратегию жизни, дети воспринимаются ими уже не только как источник постоянной тревоги, но и как источник радости. Такие родители выходят за пределы проблем своей семьи и устанавливают связи с другими подобными семьями [15].

Инклюзия — это попытка придать уверенность в своих силах учащимся с особыми образовательными потребностями, тем самым мотивируя их пойти учиться в школу вместе с другими детьми: друзьями и соседями. Дети с особыми образовательными потребностями нуждаются не только в особом отношении и поддержке, но также в развитии своих способностей и достижении успехов в школе.

Инклюзия помогает претворять в жизнь подобные устремления не только детям с особенностями в развитии, но и детям, которые, так или иначе, отличаются от большинства. Это дети, которые говорят на другом языке, которые принадлежат иным культурам, отличающимся друг от друга стилем жизни; дети, имеющие разные интересы и способности к обучению. Для таких детей необходимы различные модификации и варианты в способах подачи информации преподавателями.

Инклюзивное образование предполагает, что разнообразию потребностей учащихся с особыми образовательными потребностями должен соответствовать континуум сервисов, в том числе образовательная среда, наиболее благоприятная для них. Этот принцип означает, что все дети должны быть с самого начала включены в образовательную и социальную жизнь школы по месту жительства. Задача инклюзивной школы - построить систему, которая удовлетворяет потребности каждого. В инклюзивных школах все дети, а не только с инвалидностью, обеспечиваются поддержкой, которая позволяет им добиваться успехов, ощущать безопасность, ценность

совместного пребывания в коллективе. Инклюзивные школы нацелены во многом на иные образовательные достижения, чем те, что чаще всего признаются обычным образованием. Цель такой школы - дать всем учащимся возможность наиболее полноценной социальной жизни, наиболее активного участия в коллективе, местном сообществе, тем самым обеспечить наиболее полное взаимодействие, помощь друг другу как членам сообщества. Этот ценностный императив очевидно показывает, что все члены образовательной среды и общество в целом связаны между собой и что учащиеся не только взаимодействуют между собой в процессе обучения, но и развиваются, когда принимают совместные решения по поводу управления процессами в учебной аудитории.

По большому счету инклюзивное образование — это результат развития идей гуманизма, основывающихся на исключительной ценности человеческой личности, ее уникальности, праве на достойную жизнь каким бы ни было ее физическое состояние, праве на обладание всеми ценностями современной цивилизации. Поэтому от того, как формируется социум, как в нем воспринимается человек с ограниченными возможностями, как он вписывается в общество и какое место в нем занимает, зависит ни много ни мало духовное состояние и здоровье самого общества. С этой точки зрения успешное введение инклюзивного образования возможно лишь в обществе, обладающем здоровой нравственной основой.

Как отмечает В.Р. Шмидт: «Инклюзия в образовании — всего лишь ступенька инклюзии в общество. Эффективность инклюзии прямо зависит от того, насколько хорошо взаимодействуют образовательные учреждения и социальные институты» [16].

Существование школ с установкой на инклюзию позволяет каждому школьнику ощутить принадлежность к человеческому сообществу.

Имеющиеся разработки, основанные на эмпирических исследованиях и обобщении педагогического опыта, приводят к пониманию того, что методические и организационные изменения, осуществляемые в интересах специфической категории детей, испытывающих трудности в учебе, при определенных условиях могут принести пользу всем детям. Практика также свидетельствует: включение детей с особыми

потребностями в образовательную среду массовой школы, как правило, становится катализатором преобразований, ведущих к улучшению условий обучения всех.

Система образования в современной России переживает глубокие изменения. Различные учебные заведения трансформируются в результате правительственных реформ и под влиянием рыночной экономики. При этом актуализируются ценности инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями, хотя общественное мнение по этому вопросу далеко не однородно. Специальное образование, охватывающее учащихся с особыми образовательными потребностями, испытывает серьезные потрясения ввиду сокращения финансирования и структурных преобразований. Социальная роль таких учреждений, как школы-интернаты для детей с нарушениями развития, подвергается переоценке. На практике специальное образование, с одной стороны, создает особые условия для удовлетворения потребностей учащихся указанной категории в медицинских и педагогических услугах, а, с другой, - препятствует социальной интеграции инвалидов, ограничивая их жизненные шансы.

Очевидно, качество человеческих ресурсов в обществе зависит не только от качества учебной подготовки, но и от накопленного личностью социального опыта, социальной компетентности, в частности, умения использовать меняющиеся ситуации и управлять жизненными обстоятельствами. Социальную компетентность, в свою очередь, можно развивать посредством расширения доступа социально-уязвимых групп населения к социальным благам и престижным каналам социализации, тем самым предотвращая их маргинализацию.

В этой связи повышается роль инклюзивного, включенного обучения, позволяющего существенно сократить процессы маргинализации детей с инвалидностью. Однако, его внедрение, судя по опыту, сталкивается не только с трудностями организации так называемой «безбарьерной среды» (пандусов, одноэтажного дизайна школы, введения в штаты сурдопереводчиков, переоборудования мест общего пользования и т.п.), но и с препятствиями социального свойства, заключающимися в распространенных стереотипах и предрассудках, в том числе, в готовности или отказе учителей, школьников и их родителей принять рассматриваемую форму образования.

В исследованиях выяснялось отношение учителей, учащихся средних школ и их родителей к возможности совместного обучения с детьми-инвалидами, имеющими трудности с передвижением, нарушения слуха, речи или зрения, задержку умственного развития. Анализ показал, что наиболее близкие контакты устанавливаются между опрошенными учащимися и детьми, имеющими нарушения опорно-двигательного аппарата (12,4%), а также с детьми, испытывающими отклонения в умственном развитии (12,9%). Наименьшее количество контактов у респондентов оказалось с детьми с нарушением речи, слуха или зрения (9,1%). А среди тех, кого респонденты только видели на улице, больше детей-инвалидов, имеющих внешние признаки инвалидности (40,5%). Таким образом, около 70% опрошенных продемонстрировали разную степень осведомленности о проблеме инвалидности у детей. Тот факт, что лишь около трети учащихся имели возможность познакомиться с ребенком с особыми образовательными потребностями, позволяет говорить о том, что возможности для такого знакомства невелики, и отчасти они заданы институциональными рамками, в частности, организацией системы образования [14]. Мнения родителей и учителей сошлись в ожидании последствий от включения детей с особыми образовательными потребностями в массовую школу: более двух третей опрошенных (73 и 69% соответственно) полагают, что это позволит учащимся стать более толерантными, научиться взаимопомощи, хотя не исключены и конфликты между детьми - к такому мнению склоняются каждый пятый родитель и каждый четвертый педагог. Позиции респондентов в отношении влияния инклюзии на образование таковы: 10% учителей и 22% родителей ожидают, что качество обучения возрастет, а опасаются обратного, соответственно, 21% и 13%. Возможно, такое расхождение во мнениях объясняется различиями в профессиональном опыте респондентов, а также тем, что родители в определённой степени дистанцированы от школы и непосредственного опыта взаимодействия с классом и отдельными учениками в школьной ситуации не имеют, поэтому их позиция в большей степени обусловлена представлениями о тех или иных последствиях влияния образования на развитие конкретного ребенка. Тогда как мнение учителей связано с осмыслением их собственного опыта [14]. Компонентом успешной инклюзии и интеграции детей с особыми образовательными потребностями в среде здоровых сверстников считается

подготовка окружения к таким процессам посредством обучающих программ повышения квалификации для узких специалистов и массовых программ повышения компетентности родителей. В поддержке нуждаются также и педагоги, работающие в классах инклюзивного образования [4]. Ранняя социализация благотворно сказывается на формировании личности детей и их адаптации к условиям реальной жизни. Благодаря инклюзии, часть «неординарных» детей, посещая ближайшую массовую школу, сможет не разлучаться с семьей на длительное время, как это бывает, когда ребенок учится в специальной школе-интернате, находящейся, как правило, на большом расстоянии от места жительства. Родители, таким образом, получают возможность воспитывать своего ребенка в соответствии с собственными жизненными установками. Иногда это является для семьи решающим аргументом в пользу совместного с обычными детьми обучения. Вместе с тем важно подчеркнуть, что инклюзивное образование само по себе не может рассматриваться как гарантированное решение всех проблем ребенка. Совместное обучение — это лишь один из подходов, которому предстоит существовать не монопольно, а наряду с другими — традиционными и инновационными.

При всех рассмотренных преимуществах инклюзии важно понимать, что не для всех «проблемных» детей такая форма обучения является предпочтительнее специального. Об этом свидетельствует как западная статистика, так и отечественный опыт. Инклюзия, интеграция (как и любое другое прогрессивное начинание) ни в коем случае не должна быть тотальной. Она может быть полезна лишь той части особых детей, уровень психофизического развития которых в целом соответствует или близок возрастной норме. В других случаях необходимо определять полезную меру и формы введения особого ребенка в коллектив нормально развивающихся сверстников. Следовательно, для того, чтобы «не навредить», специалистам необходимо выработать научно обоснованные дифференцированные показания к определению форм инклюзивного обучения.

Список литературы

1. Алехина С.В. Инклюзивное образование в Российской Федерации / Доклад С.В.Алехиной, представленный 7.12.2010 года в рамках Международного симпозиума «Инвестиции в образование - вклад в будущее». - М., 2010. – 102 с.
2. Боев И.В. Пограничная аномальная личность / И.В. Боев. - Ставрополь: «Пресс», 1999. - 314 с.
3. Голиков Н.А. Комплексная реабилитация учащихся в условиях полифункционального образовательного учреждения. / Н.А. Голиков. - Тюмень: «Вектор Бук», 2003. - 224 с.
4. Екжанова Е.А. Социально-педагогическая работа в проблемных семьях с разными типами внутрисемейного взаимодействия. / Е.А. Екжанова. // Школа здоровья, 1998. - Т.5. - № 3-4. - С. 199-203.
5. Карпенкова И.В. Ребенок с нарушениями в развитии в семье и социуме: по разные ли мы стороны? / И.В. Карпенкова // Социальный конфликт, 2001. - № 1. - С. 82-86.
6. Климова Ю.А. Социальная работа с семьями детей с ограниченными возможностями / Ю.А. Климова // Мир психологии, 2001. - № 2. - С. 243-253.
7. Коротаева Е. Хочу, могу, умею. Обучение, погруженное в общение / Е. Коротаева. - М.: «Смысл», 1997. - 415 с.
8. Михальченко К.А. Инклюзивное образование – проблемы и пути решения / К.А. Михальченко / Теория и практика образования в современном мире: — СПб. : Изд-во «Реноме», 2012. – 206 с.
9. Образовательная стратегия в начале XXI века и проектирование региональных образовательных систем. / Под редакцией Закировой А.Ф., Моревой О.В. - Тюмень: ТюмГУ, 2003. - 252 с.
10. Рыженко И.В., Карданова М.С. Особенности реагирования родителей на присутствие в семье ребенка-инвалида. Вероятностные пути психологической помощи / И.В. Рыженко, М.С. Карданова. // Мир психологии. - 2003. - № 3. - С. 242-246.
11. Смирнова Е.Р. Толерантность как принцип отношения к детям с ограниченными возможностями / Е.Р. Смирнова // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы, 1997. - №2. - С. 51-56.

12. Сокольская М.В. Ценностные ориентации в структуре личности и деятельности подростков / М.В. Сокольская. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2004. – 119 с.
13. Тащёва А.И. Психологическая реабилитация семей с детьми-инвалидами / А.И. Тащева // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы, 1998. - №3. - С. 17-28.
14. Тригер Р.Д. Психологические особенности социализации детей с задержкой психического развития. / Р.Д. Тригер. - СПб.: Изд-во «Питер», 2008. –192 с.
15. Черникова Т.В. Социально-психологическая поддержка семей с детьми-инвалидами на разных этапах переживания случившегося / Т.В. Черникова // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы, 2000. - №4. - С.83-89.
16. Шмидт В.В., Шмидт В.Р. Диагностико-коррекционная работа с младшими школьниками / В.В. Шмидт, В.Р. Шмидт. – М. : Изд-во «Сфера», 2005. – 128 с.

Психологические проблемы обучения и познавательного развития детей с двигательными расстройствами

И.Н. Погожина

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет
психологии, г. Москва, Россия
pogozhina@mail.ru*

Перед семьями, воспитывающими детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, остро стоят проблемы их обучения и познавательного развития. У детей с ДЦП отмечается задержка в развитии логического мышления, обусловленная двигательными расстройствами. В теоретическом аспекте внешняя деятельность выступает одной из детерминант развития психики. При создании развивающих программ для детей с ДЦП возникают проблемы теоретического и методического характера. Цель работы – изучение характера взаимосвязи между собственной

внешнедвигательной активностью ребенка и развитием у него познавательных структур, а также формулирование практических рекомендаций родителям и педагогам, по обучению и познавательному развитию детей с двигательными расстройствами.

Ключевые слова: обучение и развитие детей с особыми педагогическими нуждами, теория деятельности, детерминация развития, познавательное развитие, ДЦП.

Семьи, воспитывающие детей с особыми педагогическими нуждами, в частности, нарушениями опорно-двигательного аппарата (двигательными расстройствами при детском церебральном параличе (ДЦП)), сталкиваются с широким спектром не только медицинских, социальных, бытовых и т.п. проблем, но и психолого-педагогических, связанных с поиском и реализацией эффективных форм и методов обучения, воспитания и познавательного развития. В последние годы развитие и обучение детей с особыми педагогическими нуждами является одним из приоритетных направлений деятельности государственной образовательной системы Российской Федерации (Об образовании в Российской Федерации, 2012). Много сделано в плане создания безбарьерной среды, интеграции детей в коллектив сверстников, медицинской и социальной поддержки семьям. Однако специалисты отмечают, что физическое удобство и социальный комфорт автоматически не решают проблем, связанных с усвоением содержания учебных дисциплин и психологическим развитием детей с нарушением опорно-двигательного аппарата. И дело не только в том, что дети с ДЦП требуют повышенного внимания и усилий со стороны педагогов и родителей, а и в том, что недостаточно новых программ и методических средств, в которых бы учитывались не только физические, но и психологические особенности таких детей. Отмечается острая необходимость в их разработке и внедрении.

Масштабное клиническое и психолого-педагогическое изучение детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, проведенное в НИИ дефектологии еще в конце 80-х годов показало, что только 7-10% учащихся с диагнозом ДЦП страдают умственной отсталостью. 40-50% обладают нормальным интеллектом, а еще у 40-50%

выявлена задержка психического развития, в частности, задержка развития логического мышления. «Исследование показало, что задержка психического развития у детей... обусловлена двигательными и речевыми нарушениями. Дети, ограниченные в передвижении, не могут приобрести того запаса знаний и представлений об окружающем мире, которым овладевают их здоровые сверстники; кроме того это задерживает развитие манипулятивной, игровой деятельности, являющейся *необходимой основой* [выделено нами] для формирования оптико-гностических функций, пространственных представлений и мыслительных операций (Особенности психофизического развития... , 1985, с. 50).

Собственная двигательная активность субъекта выступает одной из детерминант функционирования и развития психических процессов, в частности, познавательного развития в ряде детерминационных моделей развития психики (Давыдов, Зинченко, 1980; Леонтьев, 1983; Пиаже, 1994; Рубинштейн, 1957, 1989 и др.).

Поэтому при создании новых эффективных развивающих программ для детей с двигательными расстройствами при детском церебральном параличе разработчики сталкиваются с проблемами как теоретического, так и методического характера.

Цель нашего исследования – изучение механизмов влияния внешних детерминант на функционирование и развитие познавательных процессов со стороны разных компонентов внешней деятельности на материале развития операциональной системы логического мышления (появление понимания принципа сохранения) и формирования познавательных структур (предметных умственных действий - умение считать). Формулирование практических рекомендаций родителям и педагогам по вопросам обучения и познавательного развития детей с двигательными расстройствами.

Наиболее полно внешняя детерминация формирования и развития психических процессов изучалась в рамках *культурно-деятельностного подхода* (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Гальперин П.Я., Давыдов В.В., Талызина, Н.Ф. и др.). Деятельностная модель детерминации может быть рассмотрена в широком и узком смысле слова (Ильясов, 1986, 2006). *В широком смысле* она включает в себя как собственно деятельностные, так и социо-культурные компоненты (детерминация развития психики со стороны культурной среды в процессе общения и обучения). *В узком смысле* –

внешнюю практическую деятельность, в которой основным детерминационным фактором является собственное внешнее взаимодействие субъекта с объектами среды. «По Выготскому развитие происходит через общение только, без обязательного внешнего взаимодействия с объектами, а по Леонтьеву последнее также обязательно наряду с общением и оно первично» (Ильясов, 2006, с.3).

Приведем некоторые цитаты. «...Внутреннее движение индивидуального сознания порождается [выделено мной] движением предметной деятельности человека» (Леонтьев, 1983, т.2, с. 185). «...Психическая деятельность формируется не просто в процессе практической деятельности, а из практической деятельности [выделено в источнике]» (Талызина, 1984, с. 40). «Поэтому для того, чтобы построить у ребенка новое умственное действие... его нужно предварительно дать ребенку как действие внешнее, т.е. экстерииоризовать его [выделено в источнике]. В этой... форме... оно первоначально и формируется. Лишь затем... происходит его интериоризация, т.е. превращение его во внутреннее действие, теперь уже полностью протекающее в уме ребенка» (Леонтьев, 1981, с. 395).

П.Я.Гальперин отмечает, что «...психическая деятельность есть результат перенесения внешних материальных действий в план восприятия, представлений и понятий» (Гальперин, 1959, с. 446), «...только реальная деятельность ребенка... определяет и его психическое развитие в целом, и течение отдельных психических процессов. Не понятие, а осмысленная деятельность является ключом к пониманию психики» (там же, с. 443). Он характеризует психическую деятельность как «...совокупность внешних предметных действий, ставших идеальными и, в частности, умственными действиями» (там же, с. 465). «Сопоставим два крайних положения: одно - начальное, когда ребенок может выполнить новое действие... только с опорой на внешние объекты и внешние манипуляции с ними, и второе - заключительное, когда то же самое действие ребенок выполняет уже в уме... Первое - материальное действие, последнее - ... скорее лишь мысль о действии... предметное действие и мысль о нем составляют конечные звенья единого процесса и в своей генетической преемственности намечают картину некоего преобразования материального процесса в процесс психический» (Гальперин, 1969, с. 16). Таким образом, умственные действия - это «...не

что иное, как материальные действия, перенесенные в план отражения и многократно измененные... генетически и функционально единая система всех этих отраженных форм предметного действия и составляет конкретное содержание деятельности» (Гальперин, 1959, с. 466).

А.В.Запорожец, анализируя процесс развития мышления, подчеркивает, что «...мышление возникает из действия. Вначале оно не может быть отделено от действия и оказывается свойством этого практического действия» (Запорожец, 1986, т. I, с. 182), и позже «... приобретая известную самостоятельность, оно сохраняет интимную, чрезвычайно тесную связь с действием. В мышлении ребенка это обнаруживается особенно ярко и полно» (там же, с. 180).

В.П. Зинченко, рассматривая материальное действие в качестве источника возникновения и развития внутренних действий, отмечает, что «...при любых формах автономизации внутренних действий сохраняется их генетическая связь с действиями материальными, т.е... с породившим их источником» (Зинченко, Смирнов, 1983, с. 103-104).

Эти же положения отстаиваются в работах Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова: «...только собственная деятельность ребенка по овладению действительностью, опосредованная его отношениями со взрослыми,.. является движущей силой развития ребенка,.. его психики и сознания [выделено мной]. Естественно, что не все в окружающей ребенка действительности является источником его психического развития, а только то, с чем он активно взаимодействует...» (Эльконин, 2007, с. 18). «Формы предмета, как материального объекта обнаруживаются человеком в практическом действии и лишь затем переходят в план идеального представления» (Давыдов, 1986, с. 99).

Внешняя среда и самостоятельное взаимодействие с объектами окружающей среды выступают внешними детерминантами в объяснительной модели развития мышления у Пиаже. Пиаже выделял четыре основных фактора (два внешних и два внутренних), влияющих на процесс развития. Одним из факторов является опыт, приобретаемый субъектом в процессе своих действий, оказываемых на объекты. Пиаже отмечал, что источник знания лежит не в объектах и не в субъектах, а во

взаимодействиях между субъектом и объектами. Для приобретения ребенком логических операций, он должен самостоятельно их открыть в результате *активного взаимодействия с объектами среды* (Пиаже, 1994). Он выделяет два типа опыта: «а) физический опыт, состоящий в воздействии на объекты с целью абстрактного выделения их свойств...; б) логико-математический опыт, состоящий в воздействии на объекты, но с целью узнать результат координации действий... опыт составляет... практическую, почти моторную фазу того, что впоследствии станет операциональной дедукцией...» (Пиаже, Инельдер, 2003, с. 154). И далее «...логико-математические структуры обязаны своим существованием координации действий субъекта, а не воздействиям физического объекта» (там же, с. 155).

Во второй половине XX-го века было проведено множество исследований с целью получения экспериментальных доказательств детерминации формирования и развития содержания познавательных процессов со стороны внешней деятельности. В экспериментальных исследованиях была показана большая роль внешней предметной деятельности и ее моторных компонентов в формировании познавательных процессов (см.: например, Гальперин, 1959; Леонтьев, 1981; Талызина, 1984 и мн. др.). Вместе с тем, в литературе описаны экспериментальные исследования, показывающие, что разные компоненты внешней деятельности вносят неодинаковый вклад в процессы формирования и развития содержания психического отражения (см. например, Галатенко, 1981; Гуменная, 1981; Ильясов, 1986; Исенина, 1986; Лангмейер, Матейчек, 1984; Gouin Decarie, 1974 и др.). В рамках необихевиоральной теории социального научения (научение через наблюдение) получены экспериментальные доказательства научения субъектов путем наблюдения за квалифицированными реакциями других людей. То есть при наблюдении за поведением других людей и его результатами субъект может приобрести все те же феномены научения, что и непосредственно через свой личный опыт (Бандура, 2000 и др.). Показано, что новорожденные могут овладевать новыми умениями и переносить их в другие ситуации, наблюдая за действиями других людей (Бандура, 2000; Кауе, 1971 и др.). Доказано, что путем наблюдения за действиями модели субъект может извлечь даже те принципы, которые скрыты в способе исполнения порождающего поведения, лежат за пределами непосредственно

наблюдаемого или слышимого (Bandura, 1971; Zimmerman, Rosental, 1974). Наблюдая за образцом успешного поведения и неудач других людей, субъект научается быстрее, чем, если бы, он осуществлял действия самостоятельно. Это особенно ярко проявляется в тех заданиях, которые в большей степени зависят не от мануальных, а от концептуальных умений (Бандура, 2000).

Интерес с точки зрения анализа вклада культурной среды и взаимодействия с ней в процессы развития содержания психического отражения представляют данные безмануального развития младенцев и детей младшего возраста (см.: например, Брунер, 1977, с. 39-41, 251, 276- 279; Gouin Decarie, 1962; Gouin Decarie, O'Neill, 1974 и др.), а также сведения об отсутствии различий в развитии моторных способностей у детей при воспитании их в условиях ограничения моторной активности или моторной свободы (Dennis, 1940; Henderson, Bergan, 1976).

Один из самых убедительных феноменов успешного интеллектуального развития в отсутствие самостоятельного взаимодействия со средой описан Т.Gouin Decarie в ее исследовании талидомидных детей (Gouin Decarie, 1962, 1969, 1974). Талидомидные дети - дети с тяжелыми дефектами опорно-мышечного аппарата (иногда почти с полным отсутствием конечностей), вызванными приемом матерями во время беременности препарата Thalidomide. Gouin Decarie исследовала сенсомоторный интеллект этих детей, определяя, на какой ступени развития находится у них такой важнейший показатель данной стадии интеллектуального развития как понятие об объекте (сохранение объекта) (Gouin Decarie, 1969). Согласно Пиаже, вещь приобретает статус объекта, то есть становится перманентной, субстанциональной, внешней по отношению к субъекту, сохраняющей свою природу при пространственном перемещении и продолжающей существовать даже в том случае, когда непосредственно не наблюдается, к концу шестой стадии развития сенсомоторного интеллекта, то есть приблизительно между 18-24 месяцами жизни ребенка. Представление о вещи как об объекте является продуктом развития сенсомоторного интеллекта и может служить показателем его развития. Пиаже считает, что возникновение представления об объекте очень тесно соотносится с рядом сенсомоторных схем, особую роль в которых он отводит хватанию. В тех случаях, когда эти схемы отсутствуют или изменены таким образом, что координация между ними

невозможна, развитие понятия объекта будет отличаться от такового у нормальных детей (Пиаже, 1994).

Поскольку хватание у талидомидных детей невозможно, то, в соответствии с вышеизложенным, развитие сенсомоторного интеллекта у них не может быть нормальным. Однако, обследовав более двадцати талидомидных детей, Gouin Decarie пришла к противоположному выводу. Основываясь на наблюдениях Пиаже, Gouin Decarie выделила девять уровней в развитии перманентности объекта (на 90 нормальных детях в возрасте от 3-ех до 20-ти месяцев). Уровни позволяют экспериментатору определить местоположение субъекта в начале или в конце каждой из шести стадий развития представлений об объекте: от Ia до VIб (а - представленность начальной стадии, б - конечный пункт) (Gouin Decarie, 1962, 1974). Полученные данные показали, что из 21-го обследованного ребенка 19 талидомидных детей находились на последней стадии развития понятия (стадия VIб), двое - недалеко от шестой стадии (Vб и IVб), причем, это были самые маленькие дети в группе (17 месяцев). В целом же, все дети между 24-31 месяцами достигли последней стадии развития перманентности (константности) объекта (Gouin Decarie, 1969).

Так как представление о вещи как об объекте может служить показателем развития сенсомоторного интеллекта, то, следовательно, автор установила, что сенсомоторный интеллект талидомидных детей был примерно нормальным (Gouin Decarie, 1969, с. 157-187). Т. Бауэр пишет: «Там, где нормальный ребенок манипулирует скрывающим предметы платком или экраном, талидомидный ребенок может только смотреть. Нормальный ребенок может открыть значение отношения "внутри" в ходе его манипуляторной активности. Талидомидный ребенок может открыть его только с помощью внимательного наблюдения... Данные Гуа-Декари показывают, что этот способ открытия почти столь же эффективен, как открытие посредством ручных манипуляций» (Бауэр, 1985, с. 286-287).

В работе W. Dennis, направленной на изучение развития навыков ходьбы у индейцев хопи, сравнивались две группы младенцев. Родители одной группы детей по традиции привязывали младенцев в первые месяцы их жизни к доске таким образом, что малыши не могли ни подняться, ни перевернуться, ни двинуть рукой, их не освобождали

даже во время кормления. Таких детей сравнивали затем с теми детьми хопи, чьи родители под влиянием европейской культуры старались ничем не ограничивать движений младенца. В результате не было обнаружено никакой разницы в развитии моторных способностей у детей обеих групп (тестирование проводилось в возрасте 15-ти месяцев) (Dennis, 1940). Пытаясь объяснить этот удивительный факт, R.W. Henderson, J.R. Bergan обращают внимание на то, что ограниченным в движениях младенцам обеспечиваются, вместе с тем, хорошие условия для наблюдения: мать ходит с ребенком, привязанным у нее на спине в вертикальной позиции, поэтому ребенок имеет возможность получать различного рода визуальную стимуляцию. «Ребенок на колыбели-доске почти всегда находится в поле зрения людей. Он наблюдает, как они занимаются делами... Когда взрослые заняты работой, доска-колыбель, вероятно, поддерживается в полувертикальной позиции, из этой удобной позиции ребенок может видеть все, что происходит» (Henderson, Bergan, 1976, с. 416). Анализ исследований, в той или иной мере затрагивающих проблему детерминации содержания познавательного развития со стороны взаимодействия субъекта со средой показывает, что вопрос о детерминирующей роли собственного взаимодействия со средой в развитии и формировании познавательных структур на настоящий момент не может считаться окончательно решенным. Налицо определенное *противоречие имеющихся по этой проблеме данных*. С одной стороны, в ряде работ эмпирически обосновывается детерминирующее влияние взаимодействия субъекта со средой на формирование и развитие содержания познавательных структур. С другой стороны, описаны данные, свидетельствующие как о принципиальной возможности и одинаковой успешности формирования ряда умений в отсутствие самостоятельного взаимодействия (в сравнении сего наличием), так и о недостаточности собственного взаимодействия с объектами для успешности процесса формирования при варьировании полноты отражаемого субъектом содержания. Имеются эмпирические данные, свидетельствующие о возможности нормального интеллектуального развития детей в отсутствие их манипулирования с объектами, и о задержках в интеллектуальном развитии при сохранении манипулирования, но обеднении содержания ориентировки (в ситуации, в объектах). Теоретически можно выделить две возможные соединяющие причинные цепи,

динамически (жестко) связывающие между собой в зависимые причинные цепи внешнюю деятельность субъекта и внутреннее содержание познавательных структур, которые необходимо подвергнуть дальнейшей эмпирической проверке:

1) последовательность собственных внешнедвигательных взаимодействий с объектами → формирование и развитие содержания познавательных процессов. Механизм – интериоризация последовательности внешних изменений.

2) содержание знаний об объектах (субъектах) и связях между ними, задаваемое культурно-социальной средой → формирование и развитие содержания познавательных процессов. Механизм – интериоризация содержания знаний в обучении.

Для обоснованного ответа на вопрос о том, какая соединяющая цепь связывает между собой внешнюю деятельность и познавательные процессы, выступая детерминантой формирования и развития новых познавательных структур - собственные взаимодействия субъекта или знание о структуре логических отношений вещей, - нужно провести такое эмпирическое исследование, в котором бы при устранении взаимодействий испытуемых с объектами (1-ая соединяющая цепь) сохранялись вызываемые ими изменения в условиях отражения объекта (2-ая связывающая цепь). Одним из возможных методических приемов, позволяющих достичь такого результата, может быть исключение собственного манипулирования с объектами с сохранением его результатов, что достигается заменой действий испытуемых действиями другого субъекта и наблюдением за ними испытуемых. Для проверки характера связи между собственными внешнедвигательными взаимодействиями индивида с объектами и содержанием познавательных процессов мы провели *3 серии экспериментальных исследований*.

1 серия. Исследование детерминации *формирования* познавательных структур со стороны внешнедвигательного взаимодействия (манипуляций) с объектом на материале формирования умственного действия сложения.

2 серия. Исследование детерминации *развития* познавательных структур со стороны манипуляций с объектом на материале формирования понимания принципа сохранения.

3 серия. Исследование детерминации развития познавательных структур со стороны собственных манипуляций субъекта с учетом уровня развития у него общего плана мыслительной деятельности на материале формирования принципа сохранения.

Экспериментальное воздействие. Независимая переменная – содержание объектов и знаний о них, задаваемые культурно-социальной средой и передаваемые в обучении при наличии и отсутствии внешнедвигательного взаимодействия субъекта с объектами (с сохранением результатов такого взаимодействия). Зависимая переменная – показатели развития познавательных структур до и после воздействия (обучения).

Характеристика выборки. В экспериментальном исследовании принимали участие:

1 серия. 20 испытуемых в возрасте 6-7 лет, посещающие я/с № 1220 г. Москвы (N=20).

2 серия. 23 ребенка в возрасте 5-6 лет, посещающие я/с № 1220 г. Москвы (N=23), из которых были сформированы две группы:

1) основная: при обучении новым знаниям собственное взаимодействие испытуемых с объектами исключалось, все необходимые движения выполнялись экспериментатором;

2) контрольная: при обучении новым знаниям собственное взаимодействие испытуемых с объектами сохранялось.

3 серия. 22 ребенка в возрасте 3;11-4;11 лет, посещающие я/с № 1220 г. Москвы (N=22).

Методики экспериментального исследования.

1 серия. Методика формирования действия сложения путем присчитывания элементов второго слагаемого к первому слагаемому, взятому как целое, разработанная В.В. Давыдовым и В.П. Андроновым (Андронов, 1979; Давыдов, Андронов, 1997).

2 серия. Методика Л.Ф. Обуховой по формированию представления об инвариантности у детей 5-6 лет (Обухова, 1972, с. 34-75).

3 серия. 1. Методика Л.Ф. Обуховой: методика формирования понимания принципа сохранения через формирование действия измерения (Обухова, 1972, с. 34-75). Использован «безмануальный» для ребенка вариант формирования действия измерения

аналогичный варианту обучению испытуемых основной группы во 2-ой экспериментальной серии: при формировании внешнедвигательные взаимодействия испытуемых с предметами исключаются, необходимые преобразования исходной внешней ситуации осуществляются экспериментатором, испытуемые лишь наблюдают за его действиями и направляют эти действия.

2. *Методика Ю.В. Карпова* для определения уровня сформированности плана мыслительной деятельности: наглядно-действенного, наглядно-образного, словесно-логического (Карпов, 1983, с. 51-63).

Результаты.

Результаты 1-ой серии. У всех испытуемых удалось сформировать устойчивое словесное присчитывание элементов второго слагаемого к первому, взятому как целое, то есть собственно умственное действие сложения по Давыдову, Андронову, при отсутствии манипулирования детей с предметами. Проведенное экспериментальное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Результаты формирования умственного действия сложения при отсутствии собственного внешнедвигательного взаимодействия испытуемых с объектами и наблюдении ими за манипуляциями другого человека (экспериментатора) по эффективности не уступают результатам формирования, в котором все необходимые движения осуществляются самим испытуемым, а по некоторым показателям (число занятий, требуемое для усвоения действия сложения путем присчитывания; возможность перехода от уровня поединичного пересчитывания предметных совокупностей сразу к уровню присчитывания элементов второго слагаемого к словесному первому слагаемому, взятому как целое, минуя словесное пересчитывание) даже превосходит последнее.

2. Для процесса формирования предметных умственных действий важны не собственно манипуляции субъекта, а их результат. Результат может быть получен с помощью преобразований, совершаемых другими людьми.

3. Собственное взаимодействие субъекта с объектами не является причиной формирования содержания предметных умственных действий. Оно создает условия для получения более полного знания об объектах, их свойствах и связях, извлечения

конкретной информации, необходимой для построения содержания предметных умственных действий.

Результаты 2-ой серии.

1. Результаты овладения субъектом знаниями о содержании состава и структуры умения измерять свойства объектов с использованием меры, меток и сравнивать их между собой, заданными в процессе обучения при наличии собственного внешнедвигательного взаимодействия индивида с объектами и при его отсутствии (с сохранением результатов трансформации объектов) не различаются. Следовательно, собственные внешнедвигательные взаимодействия субъекта с объектами не являются внешней причиной формирования у индивида содержания умственных умений (умения измерять свойства объектов и сравнивать их между собой).

2. Использование испытуемыми предварительно сформированного у них содержания состава и структуры действия измерения при решении задач на сравнение между собой свойств объектов повышает показатели понимания детьми принципа сохранения с I стадии (отсутствие понимания инвариантности свойств объекта) до III (понимание принципа сохранения) не зависимо от того, самостоятельно ли субъект взаимодействовал с объектами при уяснении и овладении содержанием умения измерять или только наблюдал за действиями экспериментатора (исполнительная часть действия) и руководил ими (ориентировочная часть).

Это свидетельствует о том, что функционирование предварительно сформированного у субъекта содержания состава и структуры умственного умения (измерения) приводит к появлению элементов (содержания), специально не формировавшихся в процессе обучения (инварианты), и влияет тем самым на повышение уровня развития познавательной системы индивида в целом (до конкретнооперационального) не зависимо от наличия или отсутствия собственных внешнедвигательных взаимодействий субъекта с объектами при условии сохранения возможности отображения результатов такого взаимодействия. Следовательно, внешнедвигательные взаимодействия индивида с объектами не являются внешней причиной развития содержания системы логических операций. Они создают условия для «демаскировки» свойств объектов, обнаруживаемых лишь в их взаимосвязи и

взаимоотношениях с другими объектами, влияя на полноту отражения содержания объектов окружающей действительности (их свойств, связей).

3. В модели детерминации формирования и развития содержания познавательных процессов собственное внешнедвигательное взаимодействие индивида с объектами не выступает соединяющей причинной цепью динамически связывающей между собой в зависимые причинные цепи внешнюю объектно-социальную среду и внутреннее содержание процессов психического отражения. Оно создает условия для возникновения соединяющей причинной цепи однозначно связывающей между собой в зависимые причинные цепи содержание объектов и знаний о них, задаваемых культурно-социальной средой и содержанием мышления индивида.

Результаты 3 серии. По результатам решения диагностических задач методики Карпова были отобраны 15 испытуемых, находящиеся на наглядно-действенном уровне развития плана мыслительной деятельности. Они прошли обучение формированию понимания принципа сохранения через формирование действия измерения по методике Л.Ф. Обуховой (безмануальный вариант). Результаты решения контрольных заданий показали, что у всех испытуемых было сформировано полноценное понимание принципа сохранения, все дети освоили формировавшийся способ анализа ситуации, перешли от восприятия объекта как глобального целого к вычленению его свойств, соотнесению их между собой и установлению между ними взаимно-однозначного соответствия (III стадия). Поэтому закономерен вывод о переходе субъектов с дооперациональной на конкретно-операциональную стадию развития логического мышления (по Пиаже).

Безмануальное формирование понятия о сохранении через формирование действия измерения проводилось у детей, находящихся на генетически низшем уровне развития плана мыслительной деятельности (наглядно-действенном), тем самым возможное влияние уровня развития внутреннего плана субъекта на процесс формирования нового приема познавательной деятельности исключалось. Однако это не повлияло на усвоение формируемого действия измерения и процесс изменения конфигурации логической системы индивида. То есть успешное формирование новых умственных умений, и развитие содержания познавательной системы в целом возможно при отсутствии внешнедвигательных взаимодействий испытуемых с объектами не

только в том случае, когда дети уже достигли относительно высокого уровня развития плана мыслительной деятельности (наглядно-образного, словесно-логического), но и тогда, когда они находятся на наглядно-действенном уровне развития внутреннего плана. Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Овладение субъектами, находящимися на наглядно-действенном уровне развития плана мыслительной деятельности, знаниями о содержании действия измерения, заданными извне в процессе обучения, при отсутствии собственного внешнедвигательного взаимодействия индивида с объектами (с сохранением его результатов) возможно и эффективно. Следовательно, собственные внешнедвигательные взаимодействия субъекта с объектами не являются внешней причиной формирования у индивида содержания умственных умений (умения измерять свойства объектов с использованием меры, меток и сравнивать их между собой) не зависимо от уровня развития плана мыслительной деятельности субъекта.

2. Использование испытуемыми, находящимися на наглядно-действенном уровне развития плана мыслительной деятельности, предварительно сформированного у них в отсутствие собственного внешнедвигательного взаимодействия с объектами содержания действия измерения при решении задач на сравнение свойств объектов, повышает показатели понимания детьми принципа сохранения с I стадии (отсутствие понимания инвариантности свойств объекта) до III (понимание принципа сохранения). Это свидетельствует о том, что логическое мышление индивида выходит на более высокую стадию развития (конкретно-операциональную).

Следовательно, внешнедвигательные взаимодействия индивида с объектами не являются внешней причиной формирования и развития содержания системы логических операций не зависимо от уровня развития плана мыслительной деятельности субъекта. Они создают условия для получения более полного знания об объектах окружающей действительности, их свойствах, связях, что и является внешней причиной формирования и развития содержания познавательных структур.

3. В модели детерминации формирования и развития содержания познавательных процессов собственное внешнедвигательное взаимодействие индивида с объектами не выступает соединяющей причинной цепью динамически связывающей

между собой в зависимые причинные цепи внешнюю объектно-социальную среду и внутреннее содержание процессов психического отражения не зависимо от уровня развития плана мыслительной деятельности субъекта отражения.

Резюме. Серия проведенных нами исследований показала, что собственное взаимодействие субъекта с объектами не является причиной формирования и развития содержания мышления индивида в ходе усвоения социально заданного содержания о составе и структуре познавательных процессов независимо от уровня развития плана мыслительной деятельности субъекта. Внешнедвигательное взаимодействие субъекта с объектами создает условия для получения более полного знания об объектах, их свойствах и связях, что и является внешней причиной формирования и развития содержания познавательных структур. Это открывает новые возможности в разработке и реализации развивающих программ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, а также комплекса конкретных методических рекомендаций семьям по выстраиванию эффективной системы взаимодействия с ребенком, страдающим двигательными расстройствами при детском церебральном параличе (ДЦП). Практические рекомендации родителям, педагогам, тьютерам по вопросам познавательного развития детей с двигательными расстройствами коротко могут быть сведены к следующему: основное внимание при ежедневном общении с ребенком (родители, тьютеры), при разработке и реализации программ, направленных на развитие познавательных структур (психологи, педагоги), необходимо уделять *содержанию знания* об объектах, их свойствах, связях (ориентировке) и усвоению этого содержания ребенком в процессе общения и обучения, а не системе мер, направленных на организацию собственной (с помощью) внешнедвигательной активности с объектной средой как этапу интериоризации внешне заданного содержания. Все движения, действия с объектами, которые помогают обнаружить, «вскрыть» непосредственно не данные в восприятии свойства и характеристики объектов, связей между ними, могут выполнять родители (педагоги) при условии наблюдения за этими действиями детей и передачи им в процессе общения соответствующего содержания. Так как именно содержание знания выступает, в конечном итоге, внешней детерминантой развития содержания познавательной системы ребенка.

Список литературы

- Андронов В.П. Психологические условия происхождения сокращенных способов выполнения действий: Дис. ... канд. психол. наук. 19.00.07. М., 1979.
- Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
- Бауэр Т. Психическое развитие младенца / Под ред. А.В.Запорожца, Б.М.Величковского. М.: Прогресс, 1985.
- Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977.
- Галатенко Н.А. Роль манипуляций в формировании зрительного и мыслительного умения: Дис. ... канд. психол. наук. 19.00.07. М., 1981.
- Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР / Под ред. Б.Г.Ананьева и др. Т. 1. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. С. 441-469.
- Гуменная Г.С. Формирование первоначальных операций счета у учащихся с церебральным параличом: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1981.
- Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального исследования. М.: Педагогика. 1986.
- Давыдов В.В., Андронов В.П. Психологические условия происхождения идеальных действий // Психологическая наука и образование. 1997. №3.
- Давыдов В.В., Зинченко В.П. Принцип развития в психологии // Вопросы философии, 1980. №12. С. 47-60.
- Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. I. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986.
- Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Ильясов И.И. О проблемных точках деятельностного подхода: текстовые фрагменты из доклада [Электронный ресурс] // Материалы методологического семинара

по проблемам деятельностного подхода в психологии. Семинар 2 (29 сентября 2006).
URL: http://www.psy.msu.ru/science/seminars/activity/materials/02_ilyasov.pdf.

Ильясов И.И. Структура процесса учения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

Исенина Е.И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986.

Карпов Ю.В. Критерии умственного развития и методы его диагностики: Дис. канд. психол. наук. 19.00.07. М., 1983.

Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984. 335 с.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. М.: Педагогика, 1983.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Российская газета, № 5976, 31 декабря, 2012 .

Обухова Л.Ф. Этапы развития детского мышления (формирование элементов научного мышления у ребенка). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Особенности психофизического развития учащихся специальных школ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата / Под ред. Т.А.Власовой; Научн. исслед. ин-т дефектологии Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1985.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды: Пер. с англ. и фр. / Вступ. статья В.А.Лекторского, В.Н.Садовского, Э.Г.Юдина. М.: Международная педагогическая академия, 1994.

Пиаже Ж., Инельдер Б. Психология ребенка: 18-е изд. СПб.: Питер, 2003.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989.

Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний (психологические основы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Издательский центр Академия, 2007.

Bandura A. Vicarious-and self-reinforcement processes // Glasser R. (Ed.) The nature of reinforcement. NY and London: Academic Press. P. 228-278.

Dennis W. The effect of cradling practices upon the onset of walking in Hopi children // Journal of Genetic Psychology. 1940. N 56. P. 77-86.

Gouin-Decarie T. Intelligence and affectivity in early childhood: An experimental study of Jean Piaget's object concept and object relations. Intelligence and affectivity in early childhood. – New York: International Universities Press., 1962, 1974.

Gouin-Décarie T., O'Neill M. Some aspects of cognitive development among children suffering from malformations due to thalidomide // Bulletin de Psychologie, 1974. N 27. P. 286-303.

Gouin-Décarie T. A study of the mental and emotional development of the thalidomide child // B.M.Foss (Ed.) Determinants of infant behaviour. Vol. IV. London: Methurn, 1969. P. 167-187.

Henderson R.W. Bergan J.R. The cultural context of childhood. Merrill C.E. Publishing Company. A Bell and Howell Company, Columbus, Ohio, 1976.

Kaye K. Learning by imitation in infant and young children: Paper presented at the meeting of the Society for Research in Child Development/ Minneapolis, 1971.

Zimmerman B.J., Rosenthal T.L. Conserving and retaining equalities and in equalities through observation and correction // Developmental Psychology, 1974. N 10. P. 260—268.

Межпоколенный копинг и его динамика в семье

Саноровская М.В.

Костромской государственной университета им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, Россия

saporov35@mail.ru

Мы рассматриваем динамику совладающего поведения субъектов межпоколенных отношений через призму социально-психологического знания, что дает возможность раскрыть новые грани данного феномена, обозначить его роль в структуре межпоколенных отношений в семье. Обобщение результатов исследований совладающего поведения взрослых и детей в контексте межпоколенных отношений

позволяет определить важные теоретико-эмпирические конструкты. *Межпоколенный копинг* – процесс и результат индивидуального и группового совладания, основанные на трансгенерационных механизмах (передаче и принятии от поколения к поколению паттернов копинга) в семье. *Межпоколенная динамика копинга* – это сохранение (или утрата) общих паттернов, представленных в индивидуальном и групповом опыте совладания субъектов межпоколенных отношений в семье. Одним из важных направлений исследований в этом предметном поле являлось изучение межпоколенных отношений (а именно детско-родительских отношений) как *условия* формирования совладающего поведения детей. Ранее в наших исследованиях было установлено, что эти отношения и связанные с ними детские *переживания*, оказывают влияние на формирование и развитие таких качеств личности и поведенческих стратегий ребенка, которые впоследствии опосредуют его копинг-предпочтения и их динамику [1]. Другая наша позиция заключается в признании того, что совладающее поведение родителей является *функциональной моделью* для детей. Механизмом, лежащим в основе, является идентификация. Было установлено, что совладающее поведение родителей и детей, как в дисфункциональных, так и условно благополучных семьях, имеет выраженные общие характеристики, что позволяет говорить о межпоколенной динамике совладания [2].

Таким образом, мы можем представить механизм развития совладающего поведения детей, обеспечивающий межпоколенную динамику индивидуального и группового копинга в семейной группе, а именно: детско-родительские отношения, как фактор развития личности ребенка, являются условиями формирования личностных предикторов совладающего поведения, что в дальнейшем обуславливает динамику индивидуального копинга. Как модель, копинг родителей является для ребенка образцом совладания со стрессом, что выражается в формировании и развитии общих паттернов копинга в межпоколенном срезе, и обуславливает динамику группового (семейного копинга).

Изучение взаимосвязи совладающего поведения родителей и их удовлетворенности родительской ролью стало основой для описания *социально-психологического механизма* динамики совладающего поведения родителей в контексте

межпоколенных отношений в семье. Его можно представить следующим образом: *жизненные трудности* разного уровня (болезни, конфликты, недостаток времени, денег, ролевое напряжение и т.д.) неизбежно возникают в процессе детско-родительского взаимодействия и являются ситуационной детерминантой копинга родителей. Взрослые совладают с этими трудностями опираясь на уже сложившуюся ранее систему совладающего поведения. Эффективность / неэффективность совладания родителей с трудностями детско-родительского взаимодействия опосредует *качественные характеристики* родительского отношения к ребенку. Эмоциональное отношение к ребенку, эффективность воспитательных воздействий, обратная связь, которую родитель получает от ребенка, вызывают у него состояние *удовлетворенности / неудовлетворенности родительством*. Позитивное эмоционально-оценочное отношение оказывает влияние на выбор субъектом преобразующих ситуацию и/или собственное состояние действий – *стратегий проблемно-ориентированного копинга*. Негативное эмоционально-оценочное отношение способствует развитию деструктивных форм совладания (внутренней и внешней агрессии, ухода от проблемного разрешения ситуаций, когда это необходимо, отвлечение от трудностей с помощью стратегий зависимого поведения и т.д.).

Изучение семейных историй совладания (эссе на тему «Как они выживали») дало возможность не только выявить паттерны копинга (таких как, Проблемно-ориентированный копинг; Контроль эмоций; Самообладание; Позитивный фокус; Юмор; Работа), воспроизводимые в межпоколенном срезе, но и зафиксировать те условия, в которых актуализируется процесс его динамики. Во всех нарративах, где отсутствовало описание эмоционально-чувственного фона, так же полностью отсутствуют указания на воссоздание потомками элементов опыта совладания предков. Это приводит нас к заключению о том, что положительные эмоции и чувства потомков к предкам являются важным условием межпоколенной трансгенерации опыта совладающего поведения.

Еще одним важным аспектом наших исследований стало изучение воспоминания о событиях жизни в родительской семье как важном компоненте в системе автобиографических воспоминаний [3]. Мы предположили, что модальность и содержание воспоминаний о родительской семье (в том числе, о семейном совладании)

связаны с представлениями субъекта о настоящем и будущем и отражаются на трансгенерационной динамике совладающего поведения в межпоколенных отношениях. Было проведено исследование, целью которого являлось изучение связи между воспоминаниями субъекта о родительской семье, о переломных моментах жизни и представлениями о будущем. Выборку исследования составили юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет — члены полных и неполных; нуклеарных и расширенных семей, представители поколения *Детей в семье*. Всего 175 человек.

Методический комплекс составили: Авторская анкета (Золотова М.А., Сапоровская М.В., 2012), включающая три блока. Вопросы *первого блока*, направленные на изучение воспоминаний о родительской семье (основой являлась анкета В.В. Нурковой «Моя семья», 2000), касались эмоций и чувств, испытываемых субъектом по отношению к семье и ее значимым членам, эмоционального фона, атмосферы семьи и главных проблем родительской семьи, по мнению испытуемого. Вопросы *второго блока* анкеты актуализировали воспоминания о переломных моментах жизни. Вопросы *третьего блока* анкеты направлены на изучение представлений субъекта о его предполагаемом будущем, а именно о возможных значимых событиях в будущем, жизненных целях и возможных личностных изменениях. Все данные были разделены на две группы по критерию модальности эмоционального фона воспоминаний о родительской семье - преобладание *положительных* (1 группа) или *отрицательных* (2 группа) воспоминаний.

По содержательному критерию *положительными* чаще всего являются воспоминания: о семейных праздниках; о семейных традициях; о поддержке со стороны родителей; о проявлении заботы, любви и внимания со стороны родителей. *Отрицательными* чаще всего являются воспоминания: о ссорах и конфликтах между родителями; о смерти домашнего питомца и отсутствии поддержки со стороны родителей в данной ситуации; о недостатке проявления заботы, любви и внимания со стороны родителей; об ощущении одиночества в семье. Мы сравнили воспоминания о личностных изменениях, произошедших в результате переломных событий в первой и второй группах. В результате проведенного сравнительного анализа по критерию Фишера мы обнаружили, что в *1 группе* респондентов значимо чаще отмечаются такие

личностные изменения как усиление *Ответственности, Стабильности*. Во 2 группе испытуемые чаще отмечают: повышение *Уверенности в себе и своих возможностях*, появление *Новых интересов, Умение находить положительное в любых ситуациях*, усиление *Интереса к жизни* (при $p=0.00$). Также мы сопоставили представления о возможных личностных изменениях в будущем и значимые жизненные цели для испытуемых двух групп. Статистически значимые различия между представлениями о возможных будущих изменениях обнаружены по частоте встречаемости следующих ответов: *Мудрость* – чаще встречается в *первой группе* (при $p=0.00$), *Взгляды на жизнь (переоценка ценностей)* (при $p=0.00$) и *Повышение нравственности, очищение* (при $p=0.00$) – преобладают во *второй группе*. В качестве значимых целей испытуемые *первой группы* чаще выделяют *Достижения, реализацию в профессии*, а испытуемые *второй группы* - *Жизнь в гармонии с миром и самим собой, самосовершенствование*. Любая цель связана с удовлетворением потребностей. Скорее всего, в случае негативных воспоминаний о родительской семье, субъективно воспринимаемого негармоничного детства сформировалась потребность в гармонии, внутреннем благополучии.

Результаты данного исследования позволяют утверждать, направленность динамики копинга, располагающаяся в континууме «деструктивный — конструктивный», определяется эмоциональной модальностью воспоминаний о родительской семье и представлений о собственной линии жизни.

Таким образом, данные проведенных исследований убедительно показали, что группой межпоколенный копинг является результатом его трансгенерационной динамики.

Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-06-00842a

Список литературы

1. Сапоровская, М. В. Родители и дети: развитие совладающего поведения в семье / М. В. Сапоровская // Психология совладающего поведения / под ред. Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

2. Сапоровская, М. В. Межпоколенная связь и трансгенерация паттернов совладающего поведения / М. В. Сапоровская // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

3. Сапоровская, М. В. Психология межпоколенных отношений в современной российской семье / М. В. Сапоровская. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.

Психологические особенности семей, воспитывающих ребенка с особыми образовательными потребностями

Селезнёва И.Н.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова Республика

Беларусь, г. Витебск

seleznyova-irina@mail.ru.

Беларусь стоит на начальном этапе развития инклюзивного образования. Однако в образовательных отношениях прослеживаются тенденции, которые носят гуманистический характер. Именно поэтому в данное время целесообразно начинать работу по подготовке «включающего» социума. Семьи, в которых родились и воспитываются дети с особыми образовательными потребностями, не пассивные участники реализации инклюзивных процессов, а главные субъекты.

Исследованию проблем семьи, межличностных отношений в семье, воспитывающей ребенка с особыми образовательными потребностями, посвящены работы таких авторов: Т.Г. Богдановой, Н.В. Мазуровой, С.Д. Забрамной, А.И. Захарова,

И.Ю. Левченко, В.В. Ткачевой, Е.М. Мастюковой, Г.А. Мишиной, М.М. Семаго, А.С. Спиваковской, В.В. Юртайкина, О.Г. Комаровой и др. Рождение ребенка с отклонениями в развитии является для родителей психотравмирующим фактором, отношение родителей к данному факту трансформируется через временные промежутки.

А. Торнбал выделяет следующие периоды, связанные со стрессом, жизни семьи, имеющей ребенка с ограниченными возможностями здоровья:

- рождение ребенка: получение точного диагноза, эмоциональное привыкание, информирование других членов семьи;
- школьный возраст: становление личностной точки зрения на форму обучения ребенка (инклюзивное или специализированное обучение), решение вопросов, связанных с поступлением ребенка в школу, внешкольной деятельностью ребенка, переживание реакций сверстников;
- подростковый возраст: привыкание к хронической природе заболевания ребенка, возникновение проблем, связанных с сексуальностью, изоляцией от сверстников, планированием общей занятости ребенка;
- период «выпуска»: признание и привыкание к продолжающейся семейной ответственности, принятие решения о подходящем месте проживания повзрослевшего ребенка, переживание дефицита возможностей для социализации семьи;
- постродительский период: перестройка взаимоотношений между супругами (если ребенок начал самостоятельную жизнь) и взаимодействие со специалистами по месту проживания ребенка [3]. В каждом из этих периодов можно выделить проблемы самого ребенка-инвалида и проблемы родителей, связанные непосредственно с ним. Особенности детско-родительских отношений сказываются на всех этапах социализации ребенка, что должно учитываться при определении путей помощи семье. Болотова Н.П., Горячева Т.Г., Солнцева И.А. указывают, что семья является для ребенка первым социальным институтом, в котором он усваивает культурные ценности, принимает образцы поведения. Но часто родительское поведение является не позитивным, а негативным фактором развития аномального ребенка. Поэтому и появилась идея о

равенстве влияния как родителей на ребенка, так и ребенка на родителей [1,2]. Это явление подробно описывается в теории семейных систем Мюррея Боэна, в которой он представлял семью как систему, где все компоненты между собой взаимосвязаны и изменение одного из них влияет на других. Следует отметить, что ребенок с ограниченными возможностями здоровья, может внести негативные изменения в семейный микроклимат, и привести к распаду супружеских отношений, вызвать фрустрацию от нереализованных профессиональных амбиций. Однако и развитие личности ребенка с ограниченными возможностями здоровья детерминировано стилем семейного воспитания. Таким семьям характерен стиль семейного воспитания – гиперпека. Это связано с проявлением чрезмерной заботы о больном ребенке, преданности ему, вся жизнь семьи подчинена интересам ребенка. У ребенка не сформирована автономность, инициативность, самостоятельность. Ему свойственны эгоцентрические установки, безответственность. Членам семьи присуща закрытость и концентрированность на дефекте. Эмоциональное отвержение ребенка также может выступать как один из стилей семейного взаимодействия. Родители не понимают своего негативного отношения к ребенку, и не осознанно компенсируют свое отношение подарками, повышенной заботой о его здоровье. В семье отсутствует тесный эмоциональный контакт, доверие. Оптимальной и успешной является позиция семьи – принятие и забота. Родители понимают ценность и уникальность своего ребенка, видят его потенциал. Они в процессе взаимодействия с ребенком поощряют, помогают, развивают самостоятельность, наказывают. На современном этапе в научных трудах Захарова А.И., Ткачевой В.В., Устиновой Е.В. представлены подробные результаты изучения психологических особенностей родителей детей с отклонениями в развитии, определены стратегические направления реабилитационной помощи таким семьям. Однако проблемы в семьях с ребенком-инвалидом сложны и вариативны, поэтому остается необходимость их дальнейшего дополнительного изучения. В зависимости от позиции родителей, стадии принятия ребенка, стиля семейного воспитания можно выделить два вида отношения ребенка к своему дефекту: он подчиняет свою жизнь дефекту или достигает возможности преодолеть его. Одним из условий преодоления и компенсации дефекта может выступать инклюзивное образование. В отличие от

учреждений специального образования, где все указывает на дефект, изолированность от окружающих, инклюзивные учреждения позволяют ребенку с особыми образовательными потребностями активно включаться во взаимодействие и общение с социумом.

Таким образом, воспитание ребенка с ограниченными возможностями здоровья затрудняет функционирование семьи и ставит ее членов перед необходимостью противостоять неблагоприятным изменениям. Помимо того, что родители такого ребенка испытывают трудности, характерные для всех категорий семей, им также свойственны свои специфические проблемы, которые вызывают цепную реакцию неблагоприятных изменений в семье, затрагивающих все основные сферы семейной жизни. Благодаря эффективному социальному партнерству родители могут способствовать как социальной адаптации своего ребенка, так и гуманизации общества, формируя у здоровых его членов толерантное отношение к людям с ограниченными физическими и интеллектуальными возможностями, сочувствие и желание оказывать им помощь.

Список литературы

1. Болотова, Н.П. Психокоррекционная работа педагога-психолога с семьями, воспитывающими подростков с двигательными нарушениями: автореф. дис....канд.психол.наук: 19.00.07;19.00.10/Н.П. Болотова; Моск. гос. гуманитар.ун-т им.М.А. Шолохова. – М., 2011. – 22 с.
2. Добряков, И.В., Заширинская, О.В. Психология семьи и больной ребенок: учеб. пособие: хрестоматия/ И.В. Добряков, О.В. Заширинская. - СПб.: Речь, 2007. – 400 с.
3. Поташова И.И. Современные аспекты психолого-педагогической работы с семьями, воспитывающими ребенка с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс]. - http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47082.shtml. - Дата доступа: 23.12.2014.

Семья и школа: взгляд учителя

Собкин В.С., Адамчук Д.В.

ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования»,

Москва

sobkin@mail.ru, adamchuck@gmail.com

Ключевые слова: школьное соуправление, удовлетворенность школой, учитель, родитель.

Доклад основан на материалах социологического опроса 3514 учителей общеобразовательных школ, который был проведен нами в 8 регионах РФ весной 2014 г. В ходе опроса респондентам был задан целый ряд вопросов, направленных на выяснение их мнения относительно участия родителей в жизни школы. Остановимся на некоторых результатах.

Полученные материалы показывают, что одной из наиболее значимых проблем современной школы, по мнению учителей, является «самоустранение семьи от воспитания детей». На это указывает четверть опрошенных - 74,7%. Подчеркнем, что указание на эту проблему доминирует и опережает даже такие факторы, как «недостаточное финансовое и материальное обеспечение школы» (62,7%), «низкий престиж учительской профессии» (62,1%), «слабая социальная защищенность педагогических кадров» (48,6%). К сказанному следует добавить, что практически каждый четвертый педагог (22,1%), фиксируя проблемы системы школьного образования, указывает на «неготовность родителей и детей к изменению школы». Этот факт говорит о том, что, по мнению значительной части учителей, родители не принимают тех основных тенденций, которые связаны с модернизацией современного школьного образования. Таким образом, мы видим, что, по мнению современных учителей, проблема связи семьи и школы рассматривается как одна из ключевых социальных проблем современного школьного образования.

Если мы затронем социально-психологический уровень анализа этой проблемы, то и здесь картина оказывается явно неблагоприятной: каждый четвертый педагог (22,5%) указывает на то, что у него возникают конфликты с родителями учащихся. При этом называются две основные причины: плохое поведение ребенка (18,3%) и его низкая успеваемость (17,4%). Причем молодые педагоги чаще своих более опытных коллег указывают на конфликты с родителями из-за «плохого поведения ребенка»: среди учителей со стажем до 3-х лет доля таких ответов составляет 29,5%, а среди тех, чей стаж составляет 24 года и более — 17,6% ($p < .05$). Наиболее заметное влияние на ситуации конфликтов между педагогом и родителями школьников оказывает эмоциональная оценка учителем успешности своих профессиональных перспектив (см.: Рисунок 1).

Рисунок 1. Причины конфликтов педагога с родителями в зависимости от оценки учителем успешности собственных профессиональных перспектив (%).

Представленные на рисунке данные свидетельствуют, что сомнения педагога в собственной профессиональной успешности напрямую связаны с уровнем его конфликтности, причем это касается фактически всех причин, обуславливающих возникновение конфликтных ситуаций при общении с родителями.

В ходе опроса педагогам предлагалось выразить свое мнение о том, какие причины, в первую очередь, вызывают недовольство родителей образовательным учреждением (см.: Таблицу 1).

Таблица 1.

Мнения педагогов об основных причинах недовольства родителей школой (%)

Причины недовольства родителей школой	%
межличностные конфликты ребенка с учителем	51,8%
межличностные конфликты между учащимися	45,3%
высокий уровень учебной нагрузки на ребенка	43,9%
необъективность методов и критериев оценки учебной успеваемости ребенка	32,6%
низкий уровень материально-технической оснащенности школы (наличие компьютеров, оснащенность кабинетов, спортивных залов и др.)	31,1%
низкий уровень психологического комфорта ребенка в учебном процессе	19,9%
низкий профессиональный уровень учителей	19,5%
плохое качество питания в школе	19,3%
низкий уровень и качество знаний по основным предметам	15,1%
низкий уровень психологической помощи в школе	14,9%
возможная перспектива объединения школ	13,2%
низкое качество медицинского обслуживания	12,9%
школьная травля в классе	12,4%
слабая организация досуга в школе	10,3%
отсутствие возможности получения дополнительного образования кружков, секций, факультативов	10,2%
отсутствие курсов для подготовки к ЕГЭ	6,7%
низкий уровень безопасности в школе	6,2%
невозможность получения профильного образования	5,8%
плохие санитарно-гигиенические условия обучения ребенка	4,5%
отсутствие возможности участия родителей в образовательном процессе	3,3%

Результаты ответов педагогов свидетельствуют о том, что наиболее часто недовольство родителей вызывают межличностные конфликты («учащийся-педагог», либо «учащийся-учащийся»), далее следуют причины, касающиеся различных аспектов

реализации образовательного процесса: «высокий уровень учебной нагрузки», «необъективность методов и критериев оценки успеваемости», а также неудовлетворенность материально-технической базой образовательного учреждения.

Наиболее заметные различия в причинах неудовлетворенности родителей школой наблюдаются в ответах учителей, работающих в обычных общеобразовательных школах и школах с повышенным статусом (лицеях, гимназиях). Педагоги обычных школ существенно чаще указывают на недовольство родителей материально-технической оснащённостью школ, чем их коллеги из лицеев и гимназий, соответственно: 34,1% и 19,1% ($p=.0001$). В оценке же других причин недовольства родителей педагоги школ с повышенным статусом оказываются более критичны (см.: Рисунок 2).

Рисунок 2. Педагоги общеобразовательных школ и школ с повышенным статусом (лицей, гимназия) типа о причинах недовольства родителей образовательным учреждением (%).

Представленные на Рисунке 2 данные показывают, что педагоги, работающие в гимназиях и лицеях, оказываются значительно более чувствительными к таким причинам неудовлетворенности родителей образовательным учреждениям, как

«межличностные конфликты ребенка с учителем», «высокий уровень учебной нагрузки на ребенка», «необъективность методов и критериев оценки успеваемости», «плохое качество питания в школе».

Особый интерес представляет мнения учителей об участии родителей в процессах школьного соуправления. Следует заметить, что 85,6% опрошенных учителей утвердительно ответили на вопрос о существовании в их школе органов соуправления, причем формы участия родителей весьма разнообразны. Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее распространенной формой участия родителей в процессах соуправления являются «родительские собрания» (82,6%). Стоит заметить, что эта форма участия родителей в жизни школы весьма традиционна и, как правило, направлена на реализацию информационной функции «обратной связи» от классного руководителя, а собственно, не предусматривает активного вовлечения родительской общественности в процессы непосредственного управления школой и организации деятельности образовательного учреждения. На наличие в школе более «продвинутой» формы участия родителей в процессах соуправления — «общешкольный родительский совет» — указывает 64,7% педагогов, а фактически каждый второй учитель (48,4%) отмечает, что родители учащихся входят в «совет школы». Более трети педагогов (35,6%) фиксируют наличие наиболее действенного и эффективного, на наш взгляд, органа соуправления — «попечительского совета». Чуть более половины педагогов (суммарно 52,2%) указывают на существование «периодических, сессионных» форм родительского соуправления в школе — «родительские конференции» (26,2%) и «общешкольные конференции» (26,0%). И, наконец, лишь единицы респондентов указывают, что им «ничего неизвестно об участии родителей в соуправлении» (3,9%) или фиксируют, что «родители практически не принимают в нем участия» (3,7%).

Характерно, что формы участие родителей в школьном соуправлении в существенной степени зависят от статуса школы (см.: Рисунок 3).

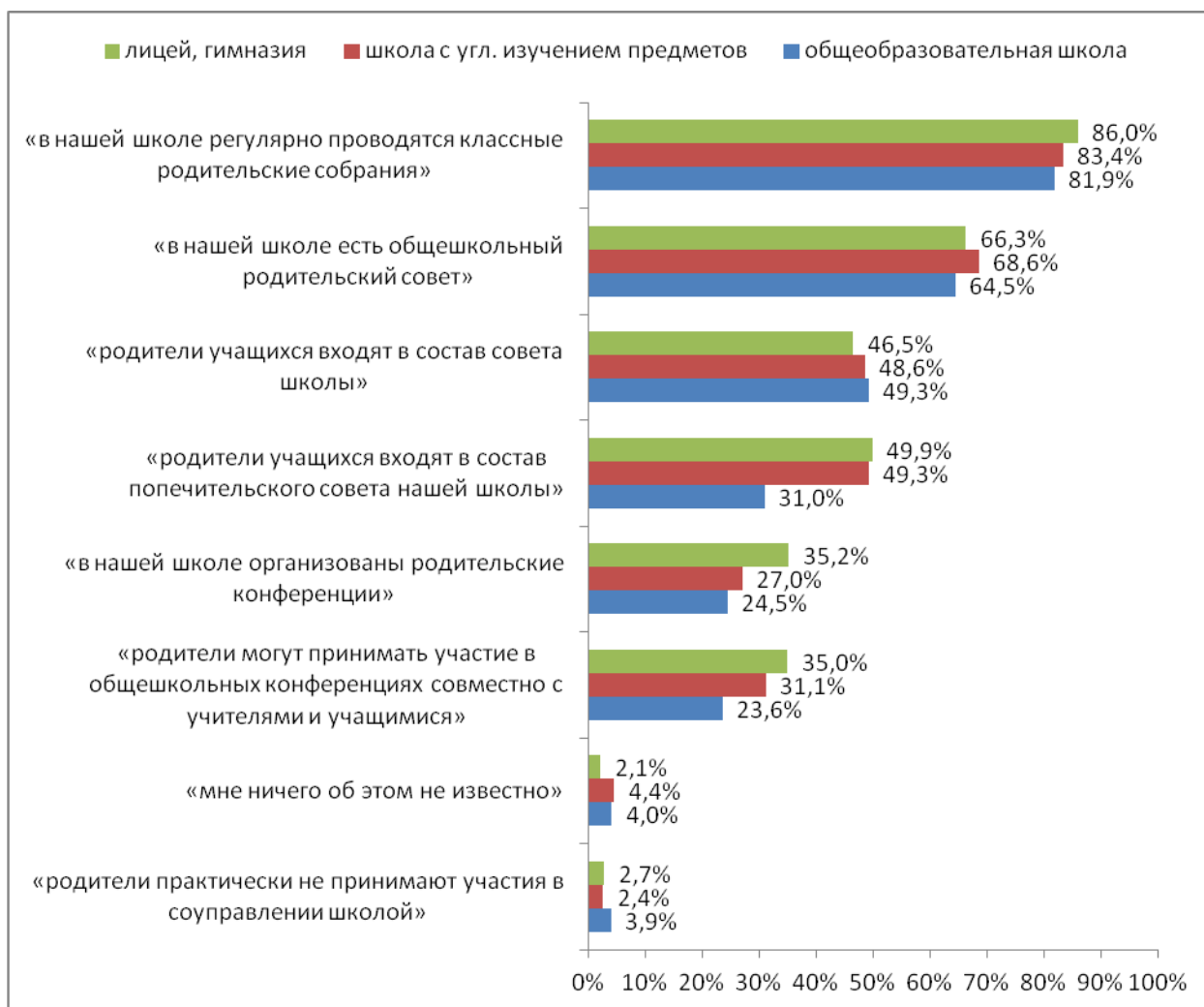

Рисунок 3. Ответы педагогов о формах участия родителей в процессах соуправления школой в образовательных учреждениях с разным статусом (%)

Представленные на Рисунке 3 данные свидетельствуют о том, что в школах с повышенным статусом (школы с углубленным изучением отдельных предметов, лицей, гимназии) существенно чаще, согласно ответам педагогов, распространены различные формы участия родителей в процессах соуправления. Исключение составляет лишь такая форма родительского соуправления, как «совет школы» — на распространенность этой формы соуправления статус образовательного учреждения не влияет. Несмотря на все разнообразие форм участия родительской общественности в процессах соуправления школой, следует отметить, что эффективность реализации так называемых проектов

«общественного-государственного соуправления» образовательными учреждениями, в первую очередь, определяется не формой органов соуправления, а теми функциями, которые эти органы уполномочены исполнять. В этой связи в ходе опроса учителям был задан и специальный вопрос о том, какую деятельность осуществляет соуправление в их образовательных учреждениях (см.: Таблицу 2).

Таблица 2.

Педагоги о деятельности органов соуправления (%)

Деятельность органов соуправления	%
содействует привлечению внебюджетных средств для укрепления материально-технической базы школы	40,8%
контролирует рациональное использование бюджетных или внебюджетных средств школы	38,0%
участвует в изменении и дополнении устава школы	31,1%
организует конкурсы, соревнования и другие массовые внешкольные мероприятия	25,8%
содействует улучшению условий труда, материальному поощрению учителей и административных работников школы	19,3%
разрешает конфликты между учениками и преподавателями	15,8%
участвует в разработке образовательных программ и приоритетных направлений учебного процесса в школе	11,2%
содействует выдвижению учителей и самой школы на получение правительственных грантов	10,6%
в школе нет органов соуправления	7,3%
привлекает дополнительные педагогические ресурсы	3,5%
осуществляет контроль над подбором кадров в школе	1,5%

Приведенные данные свидетельствуют, что основными функциями школьного соуправления, по мнению учителей, является привлечение внебюджетных средств для укрепления материально-технической базы школы и контроль над использованием средств. Более детальный анализ полученных данных показывает, что в социально-

психологическом плане проблема школьного соуправления оказывается весьма сложной и противоречивой. Так проведенный факторный анализ (метод «Главных компонент») мнений учителей, направленный на сопоставление форм и функций школьного соуправления показал, что сама включенность родителей и учителей в школьное соуправление в существенной степени связана с социально-психологическими установками участников образовательного процесса. В школьное самоуправление в первую очередь включаются родители, лояльно относящиеся к школе и готовые ее поддерживать. В этом отношении такие родители являются опорой для школьной администрации. С другой стороны, учителя, неуверенные в успешности своих профессиональных перспектив, готовые к высказыванию оппозиционной точки зрения также не включаются в процесс школьного соуправления. И в этом отношении школьное соуправление выполняет функцию блокировки критически настроенных учителей и родителей в управлении школой. Иными словами, сегодня школьное соуправление в социальном плане играет важную роль в качестве механизма функционирования школы как социального института, но института авторитарного, сориентированного на административные формы управления образовательным учреждением. И здесь реальность функционирования школьного соуправления расходится с общепринятой риторикой о соуправлении как важном факторе демократизации школы.

Функции семьи в психологических напряжениях современного общества

Шабельников В.К.

РГГУ, Москва, Россия

e-mail : shabelnikov@rambler.ru

Функции семьи в системах общественных отношений исследуются давно. Для отечественных психологов привычно рассматривать семью как "социальную ситуацию развития личности" (Л.С. Выготский, О.А. Карабанова и др.). Причем обострение

политических и психологических напряжений в современном обществе открывает новые перспективы понимания роли семьи в развитии социальных процессов и формировании личности. Говоря о функциях семьи, мы должны видеть большое разнообразие типов семей, играющих разную роль в развитии личности и организации общества. С одной стороны, сохранены семейные системы, объединяющие сотни и тысячи родственников, составляющие основу организации этнических систем. Здесь функционируют богатые традиции организации личностных взаимодействий и воспитания. В таких семьях на личность возлагаются минимальные функции по организации деятельности, жизнь поколений регламентируется ежедневными ритуалами. С другой стороны, мы имеем локальные нуклеарные семьи, продукт столетних реформаций и разрушений родовых кланов, где на крайнем полюсе функционируют квазисемейные образования, объединяющие людей временными сексуальными связями, создаются однополые браки, функционируют "семьи выходного дня" или группы, объединяющие сети сексуальных партнеров. Если для радетелей морали подобные образования становятся объектом агрессии и осуждения, для психологов важен вопрос о психологических причинах возникновения таких семей, о влиянии разных типов семьи на формирование личности.

В наших работах 80-90-х годов исследовалась логика развития социальных процессов, которую мы обозначили как "таяние" социальных систем. На ранних стадиях социального развития функционируют родовые системы, в которых семья играет ключевую роль, организуя жизнь этноса жесткими родовыми связями. Такой тип общества сохраняется и сегодня у ряда народов, где стабильные семейно-родовые традиции детерминируются условиями природы, не создавая условий для активного психологического развития личности. Но в ряде регионов планеты при увеличении плотности населения нарушается социо-биосферный баланс, и это ведет к росту энергии и социальной напряженности, провоцируя не только межплеменные конфликты и миграции, но и качественное преобразование общества и психологии людей. Формируются государственные системы, где семьи играют уже подчиненную роль. Военные структуры становятся основой иерархизации государственных систем, развивается религиозное и рефлексивное сознание. Взаимодействие в едином обществе

разных культур и мировоззрений создает условия развития рефлексивных способностей личности.

При кризисе государственных систем разрушается образ святости государственных иерархий, формируются идеалы демократии, происходит революционная ломка общества и форм сознания людей. В Европе это происходило в течение тысяч лет, обеспечив становление современного типа личности, способной ориентироваться в разных культурах и мировоззрениях, строить жизнь автономно, вне четко заданных родовых схем и традиций. В отличие от стабильных родовых систем, где деятельность человека жестко детерминируется родовыми связями, западное общество напоминает "жидкую" систему, где личность движется автономно, подобно молекулам воды. Глобальное "таяние" социальных систем формирует волны миграций, которые выплескивают массы людей на другие континенты, разрушая существовавшие там формы жизни, создавая "жидкие" социальные формирования.

Семья является базисной структурой, обеспечивающей взаимодействие личности с обществом, но на ключевых этапах революционного слома социальных систем традиционные семейные ценности обычно противостоят включению личности в новые формы социальных отношений. В истории все государственные системы формировались, опираясь на людей, отрывавшихся от традиционных родовых связей. Противостояние семейно-родовых традиций государственным законам и формам жизни сохраняется и сегодня, особенно активно проявляя себя в стабильных этнических системах Азии и Кавказа. Противостояние основ организации родовых этносов воздействию современных "демократических" форм жизни происходит в странах Африки и Ближнего Востока. Мощный прирост населения привел там к усилению агрессивности родовых систем, конфликтам между ними, а как следствие, к формированию государственных систем, пытавшихся принять на себя функции подавления племенных конфликтов и организации новых социальных отношений. Разрушение западными странами процесса формирования государственных систем Ирака, Ливии и др. создало условия дестабилизации региона и породило волны миграций, в ходе которых происходит столкновение социальных групп, имеющих

исторически разную организацию личности и сознания, происходит столкновение разных форм семьи и традиций воспитания.

В последние десятилетия мы с сотрудниками изучали влияние разных форм родительских семей на развитие психологических качеств личности. Выявлены определенные зависимости формирования личностных качеств детей от характера семьи. Общей закономерностью, характеризующей формирование личности, выступает то, что усложнение логики отношений в семье или во взаимодействии семьи с окружающим социумом провоцирует развитие у детей более сложных психологических качеств. Важным моментом формирования личности выступают субъектные функции, которые получает ребенок в родительской семье.

В диссертации Е.В. Трифионовой исследовалось становление у детей субъектных позиций в зависимости от развития детей в семьях с родителями близкого возраста и в семьях с родителями, разница в возрасте которых была более 10 лет (10–26 лет). В семьях разного типа родители занимают разную позицию в воспитании детей. В одновозрастных парах матери более склонны занимать опекающую и контролирующую позицию в воспитании ребенка, а отцы в одновозрастных парах чаще дистанцируются в отношениях с ребенком. Такой тип отношений более характерен для семей традиционного типа. В разновозрастных парах отцы в воспитании ребенка занимают более опекающую и контролирующую позицию. Матери в разновозрастных парах обычно занимают в отношениях с ребенком более кооперативную, сотрудническую позицию по сравнению с супругом. Реальным главой семьи в данном типе семей обычно выступает мужчина. Дети, воспитываемые одновозрастными родителями, чаще, чем дети из разновозрастных семей, принимают субъектные функции потребителей и исполнителей. Дети, воспитываемые разновозрастными родителями, более склонны принимать на себя субъектные функции оценщиков или координаторов отношений, что определяется большее широким полем рассогласований во внутрисемейных взаимодействиях в данном типе семьи.

В исследовании Давлетовой А.Д. изучались субъектные позиции сиблингов в казахских семьях родового типа, где роли старших, средних и младших четко

определяют семейные функции членов семьи. Но было выявлено, что склонность занимать субъектные позиции не зависит от положения детей в казахской родительской семье. Все дети в родовых казахских семьях обычно принимают во взаимодействии с окружающими позицию субъекта-исполнителя, не стремясь принимать функции координаторов, оценщиков или организаторов деятельности. Стабильность и жесткость традиций в родовой семье не создает условий для принятия личностью функции организатора деятельности и формирования у детей субъектных позиций координаторов или оценщиков. Однако было выявлено, что средние дети, не имея в семье столь четких субъектных функций как старшие или младшие дети, чаще проявляют стремление покинуть родовые семьи, получать образование и искать самоутверждения в профессиональной сфере.

Значимым параметром, определяющим логику формирования личности, выступает функциональная включенность личности в семейные отношения. В исследовании С.И. Григорьевой изучалось влияние функциональной включенности студентов в родительские семьи на отношение к учению. У студентов из расширенных семей, имеющих более широкую сферу включенности в семейные функции, мотивация учения чаще проявлялась в направленности на получение знаний и утверждение личности в отношениях с родственниками, в то время как у студентов из нуклеарных семей чаще проявлялась направленность на глубокое включение в профессиональную деятельность. Меньшая включенность в семейные отношения в большей мере мотивирует стремление личности найти себя в профессиональной жизни за пределами семьи.

Включенность в семейную систему и включение в профессиональную жизнь – это конкурирующие между собой векторы личностной ориентации. В работе И.Н. Токаревой исследовалось влияние степени расширенности родительской семьи студентов на проявление их субъектности. Здесь также проявилась зависимость характера включения в учебную деятельность от степени расширенности семьи. Включенность студентов в расширенную семью связана с большей ориентацией на свой внутренний мир, на выбор способов реализации своей субъектности, с повышением уровня субъективного контроля над ситуациями. У студентов из расширенных семей сильнее проявляется ориентация на собственный субъективный мир, более сложна ориентировка в

организации собственной жизни. Включение таких студентов в профессиональную деятельность – сложная психологическая проблема. Их включение в профессию предполагает более глубокую перестройку личностных позиций и представлений, что отражается в усложнении характера их субъектной активности. А при преобладании у студентов показателей нуклеарной семьи направленность активности на свой субъективный мир снижается. Студенты из локальных семей в меньшей степени переживают сложность включения в учебную деятельность. У них проявляется объектная направленность активности, что сопровождается стремлением к самоосуществлению во внешнем мире, стремлением управлять событиями своей жизни, планировать их далеко вперед. У этих студентов снижается значимость переживаний жизненных изменений, прошедших и будущих, что характеризует снижение сложности отношения к разным аспектам жизни и некоторую упрощенность восприятия своего будущего и жизни в целом.

В работе Л.Н. Рамазановой (Алиевой) исследовались личностные ценности и защитно-совладающие стратегии, характерные для мусульманок, проживающих в родовых семьях Кавказа, и для девушек-мусульманок, проживающих в Москве. Было выявлено, что у московских мусульманок из нуклеарных семей проявляется внутренний конфликт, причиной которого выступает высокая ценность активной деятельностной жизни и ощущение недоступности реализации этой ценности. У мусульманок же, проживающих в родовых семьях, не обнаружено внутренних конфликтов, характерных для девушек из нуклеарных семей. Различаются и защитные стратегии, свойственные мусульманкам из родовой и нуклеарной семьи. Мусульманки из традиционной семьи при столкновении с проблемной ситуацией чаще используют отрицание или интеллектуализацию, а мусульманки из городской среды проекцию и замещение. Мусульманки из родовой семьи чаще прибегают к ассертивным действиям, чем мусульманки из нуклеарной семьи. Включенность мусульманок в традиционную семью придает им большую уверенность в себе и психологическую стабильность, что отличает их психологическое состояние от самочувствия мусульманок, проживающих в условиях мегаполиса.

Функции семей разного типа в формировании личности и включении личности в логику современного мира являются актуальной проблемой и требуют более широкого исследования. Включение личности в исторически разные формы социальной организации каждый раз создает разные психологические проблемы, но можно говорить о соответствии определенных типов семьи и воспитания, включению личности в определенные формы деятельности.

Специфика взаимоотношений детей и взрослых в семьях с делегирующим типом ответственности

Шашина Е.Б.

МГППУ, Москва

elesha28@mail.ru

Это исследование посвящено новому типу семьи, появившемуся в нашем обществе на рубеже XX-XXI вв., – семьи с делегирующим типом семейной ответственности. В ходе исследования было опрошено 56 детей – учеников 3-4 классов частной школы для выявления детско-родительских отношений в этих семьях, а также отношения детей к наемным работникам. Было выделено три типа семей с разной долей делегирования семейной ответственности. При этом выявились различия в отношениях детей к взрослым из разных типов семей.

Ключевые слова: делегирующий тип семейной ответственности, детско-родительские отношения, няня

В последние несколько десятилетий семья претерпевает структурно-функциональные изменения, частными проявлениями которых являются падение рождаемости, рост разводов, появление множества бинуклеарных семей, вынесение многих традиционно семейных функций за ее пределы и др. Эти многочисленные

изменения, происходящие в разных типах семей, в настоящее время в нашей стране изучаются все более активно. Однако вне сферы внимания исследователей остаются семьи, имеющие высокий социально-экономический статус.

В настоящее время в связи с социально-экономическими изменениями, появился новый тип семьи, нехарактерный для России прошлого века. Это тип семьи с делегирующим типом семейной ответственности. Его возникновение во многом связано с занятостью обоих родителей и финансовой возможностью делегировать свои полномочия по воспитанию ребенка таким наемным работникам, как няни, гувернантки, водители и т.д. Таким образом, воспитательная функция семьи, передается наемным работникам и учреждениям. Как это влияет на развитие детско-родительских отношений в семье и эмоциональное благополучие ребенка?

Отечественные исследователи лишь частично касаются проблемы подобных семей в своих работах. Так Бурменская Г.В. отмечает, что происходит уменьшение продолжительности и обеднение содержания общения в семье, дефицит теплоты. При этом родители ведут контроль по поводу успешности в школе, режима ребенка, а поощрение детей сводится только к материальным формам (Бурменская Г.В., 2002). Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. в своей работе говорят о том, женщины, принадлежащие к семьям с высоким социально-экономическим статусом, часто довольны своей жизнью в целом, но говорят об отчужденности своих детей и мужа. В подобных семьях дети чаще конфликтуют с отцом, оказывают матери меньше внимания, доверия и нежности (Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю., 1998). Существует ряд интересных работ, посвященных роли няни в семье (Дробышева Т.В., Романовская М.А., 2014; Галиндабаева В., 2010). Исследователи пришли к выводу о том, женщины, выбирающие профессию няни, находятся в очень сложном положении, поскольку им приходится все время балансировать между рыночным внешним миром и домашним внутренним миром семьи.

Автор доклада – студентка магистратуры Московского городского психолого-педагогического университета. Ее магистерская диссертация посвящена изучению социального интеллекта у школьников из семей с делегирующим типом

ответственности, поэтому в этом докладе будет дана характеристика этих семей, что является частью научной работы.

Как уже отмечалось, семьи с делегирующим типом семейной ответственности имеют высокий социально-экономический статус. Информация о них часто является закрытой, поэтому проблема изучения подобной среды сопряжена с определенными трудностями.

В ходе исследования были опрошены 56 детей из 3-4 классов (29 мальчиков и 27 девочек), обучающиеся в частной школе. Для работы были использованы следующие методики: анкета для детей, направленная на выявление количества обслуживающего персонала детей; анкета для классных руководителей, направленная на выявление обслуживающего персонала детей; социометрия; методика «Фильм-тест Рене Жиля»; тест социального интеллекта Д.В. Ушакова - Т.Н. Тихомировой¹.

После обработки анкет детей и учителей семьи были разделены на несколько групп: с большой долей делегирования семейных функций, средней долей делегирования и малой долей делегирования.

К первому типу были отнесены семьи, в которых за детьми обеспечивает уход постоянная няня, проживающая в семье; в распоряжении детей находятся водители; уроки дети делают с помощью нянь, гувернанток или проходящих учителей, на каникулах ребенка сопровождает няня или охранник; еду для ребенка готовит няня или повар. Даже в школу по поводу ребенка обращаются няни или гувернантки, а не матери. Иногда в распоряжении ребенка находится несколько нянь, которые меняются через некоторое время (например, через 2 дня). Няня также сопровождает ребенка в различных поездках и при посещении врача. Водитель отвозит ребенка в школу и привозит его обратно домой и часто выступает в роли охранника.

Второй и третий тип семей характеризуется меньшим количеством обслуживающего персонала, осуществляющего уход за ребенком (см.: Таблицу 1).

¹ В этом докладе я не буду касаться темы социального интеллекта, поскольку это не является темой моего выступления.

Количество детей и отличительные характеристики разных типов семей с делегирующим типом ответственности.

	Большая доля делегирования семейных функций	Средняя доля делегирования семейных функций	Малая доля делегирования семейных функций
Количество семей	23	19	14
Характеристики семей	наличие постоянной няни или гувернантки, проживающей в семье, водителя, охранника, повара, учителей-репетиторов.	наличие приходящей няни, водителя, подготовка уроков с помощью учителей-репетиторов.	наличие водителя, подготовка уроков с помощью школьных учителей или учителей-репетиторов.

Необходимо отметить, что общими чертами, свойственными всем типам подобных семей является то, что образование ребенка чаще всего осуществляется за счет отца, а контроль над успеваемостью берет на себя мать.

Перед обработкой данных мной была выдвинута рабочая гипотеза о том, что дети в семьях с высокой долей делегирования семейной ответственности будут считать нянь близкими людьми. Но эта гипотеза не нашла своего подтверждения.

Предварительные результаты на основании анализа социометрических и анкетных данных свидетельствуют о следующих тенденциях. Даже няня с 5-6 летним стажем необязательно будет близким другом ребенку. Часто дети даже не включают нянь в круг близких и дорогих им людей. Только 6 детей из 23 указали свою няню в социогamme. Тест Рене Жиля показал, что лишь 3 из них согласны поделиться с няней чем-то важным или сходить с ней к зубному врачу. Но чаще всего все важные для ребенка вопросы он

готов делить только со своими родными (мама, папа, бабушка, сиблинги) или близкими друзьями, чаще одноклассниками. Таким образом, по мнению детей, няня не является членом семьи, а воспринимается ими как наемный работник. Подобное отношение наблюдается и к учителям. 5 детей из семей с высоким типом делегирования указали учителей (своих классных руководителей) в социограмме.

Дети из второго и третьего типа семей с делегирующим типом ответственности продемонстрировали бóльшую привязанность к своим няням и учителям (50% и 53% соответственно) по сравнению с 39% опрошенных из семей первого типа.

Интересно отметить тот факт, что привязанность к матери в семьях первого типа очень высока и часто превышает норму по шкале «Отношения с матерью» теста Рене Жиля. Так, сильную привязанность к своим матерям продемонстрировали 56% детей из семей первого типа по сравнению с 36% детей из семей второго и третьего типа.

Напряженные отношения с родителями или их недостаточность во всех типах семей с делегирующим типом ответственности нивелируются большим количеством друзей, наличием домашних питомцев (собак, кошек, лошадей, попугаев и т.д.), что получило наглядное подтверждение на социограммах.

Представленная работа является пилотным исследованием, поэтому тема взаимоотношений детей и взрослых в семьях с высоким социально-экономическим статусом требует дальнейших разработок. Но уже сейчас очевидно, что семьи с разной долей делегирования семейной ответственности имеют свою специфику, в частности, они различаются между собой в отношении детей к взрослым.

Список литературы

Бурменская Г.В. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков. М., Академия, 2002.

Галиндабаева В. Любовь к детям как профессия. Организация оплачиваемых услуг по уходу за детьми в Бурятии // Практики и идентичности: гендерное устройство : Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Темкиной, О. Ткач.

СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. (Гендерная серия. Вып. 1), С. 128-158.

Дробышева Т.В., Романовская М.А. Современная няня в российской семье: наемный работник или член семьи // Семья, брак и родительство в современной России / Под ред. Т.В. Пушкаревой, М.Н. Швецово́й, К.Б. Зуева. Когито-Центр, М., 2014, С.79-82.

Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне. Институт социально-экономических проблем РАН. М., 1998.

Семейное воспитание в разных поколениях: ретроспективный анализ

Шнейдер Л.Б.

Московский психолого-социальный университет, г. Москва, Россия

lshnejder@yandex.ru

Аннотация. В статье описываются и анализируются варианты семейного воспитания молодых людей (20-24 лет) и их родителей и прародителей (от 40 до 83 лет). Основные позиции ретроспективного анализа: кто воспитывал (упоминание конкретных персон), упоминание общественного воспитания (образовательных учреждений), методы и содержание воспитания, другие упоминания (вовлеченность родственников, религиозный/атеистический характер воспитания, семейные праздники, развод, отдых и пр.), общая оценка респондентами воспитания (прямая оценка, желание воспроизвести со своими детьми родительский стиль воспитания). В статью включены полученные от респондентов описания примеров с воспоминаниями на тему: «Как меня воспитывали». Всего опрошено 64 человека.

Ключевые слова: воспитание, семья, семейное воспитание, стили воспитания, воспоминания, родители, дети.

Воспитание – емкая категория. Оно характеризуется в широком, социальном

смысле, при воздействии на личность общества в целом, и, наряду с этим, воспитание раскрывается в узком смысле — как целенаправленная деятельность, призванная формировать у детей систему качеств личности, взглядов и наблюдений (Мудрик А.В., 1993). Такое целенаправленное формирование *личности* осуществляется в целях подготовки её к участию в *общественной и культурной* жизни в соответствии с социокультурными нормативными моделями, что позволяет сохранить историческую память человечества.

Под целями воспитания понимают ожидаемые изменения в человеке, осуществленные под воздействием специально подготовленных и планомерно проведённых воспитательных акций и действий.

На протяжении столетий понятие воспитания неоднократно изменялось и корректировалось. Изначально представление о нем сводилось к утилитарным целям по жизнеобеспечению ребенка. В словаре Даля сказано, что воспитывать значит «заботиться о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его; в низшем значении вскармливать, возвращать (о растении), кормить и одевать до возраста; в высшем значении научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно...» (Даль В., 1989).

Об этом писал еще Ян Амос Коменский, сформулировавший свои шестнадцать правил искусства развивать нравственность, в которых он называет «кардинальные» добродетели человека: мудрость, умеренность, мужество и справедливость. Приучаться к ним, по его мнению, можно путем хорошего наставления, привыкая соблюдать умеренность в пище и питье, сн и бодрственном состоянии, в работе и играх, в разговоре и молчании. Он подчеркивал необходимость преодолевать самих себя, сдерживать свое влечение к излишней беготне или игре вне или за пределами положенного времени, в обуздывании нетерпеливости, ропота, гнева. От воспитанника требовалось никого не оскорблять, воздавать каждому свое, избегать лжи и обмана, проявлять исполнительность и любезность. Особое внимание он уделял формированию таких видов мужества как благородное прямодушие и выносливость в труде, а также - готовности услужить другим и охоту к этому. В воспитании главным средством он считал примеры порядочной жизни родителей, кормилиц, учителей, сотоварищей, а вот

от сообщества испорченных людей детей следовало оберегать. Для противодействия дурным нравам совершенно необходима, как полагал великий педагог, дисциплина (Хрестоматия по истории зарубежной педагогики, 1981).

Постулаты воспитания, сформулированные Я.А. Коменским и адекватные своему времени, ориентированы, главным образом на воспитание мальчиков. В этом же ключе подается трактовка воспитания в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где воспитание, прежде всего, «преднамеренное воздействие взрослого человека на ребёнка или юношу, имеющее целью довести его до той доли самостоятельности, которая необходима человеку для исполнения своего назначения человека на земле» (Энциклопедический словарь, 1892).

В толковом словаре Ожегова воспитание характеризуется как «навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни».

Постепенно эта точка зрения расширялась, и в настоящее время воспитание трактуется как развитие направленности личности, её «верхнего этажа», иерархической структуры. К формам направленности относят: мировоззрение, убеждения, идеалы, стремления, интересы и т.д. (Новиков А.М. , 2010).

Среди всех видов воспитания особое место отводится семейному воспитанию. Как бы не менялась социально-экономическая ситуация в обществе, какие бы прогрессивные или регрессивные изменения не захлестывали окружающую среду, взаимоотношения между родителями и их детьми являются ключевыми для формирования подрастающего поколения. Душевное состояние и качество жизни индивида зависят, прежде всего, от отношений с членами его семьи. Семья для ребенка – первичная социальная среда обитания, где закладываются основы его характера, присваиваются социальные нормы и ценности.

Семейное воспитание – это целенаправленные, сознательные воспитательные воздействия, осуществляемые родителями с целью формирования определенных качеств и умений. Как структурная, так и психологическая деформация семьи оказывает значительное влияние на формирование личности ребенка.

В.Н. Дружинин считает, что социализация детей всегда, во все времена и у всех народов, была единственной специфической функцией семьи, а прочие функции были дополнительными, и менялись на протяжении веков (Дружинин В.Н., 2000).

В воспитании детей существуют, так называемые, «вечные вопросы». Такие вопросы задает себе каждый родитель, воспитывающий ребенка самостоятельно. Они касаются стиля общения родителей с ним, использования в качестве воспитательных средств - награды и наказания, решения задачи вмешательства и/или невмешательства родителей в деятельность ребенка, организации совместной деятельности воспитателей и детей, создание досуговой среды и организация времяпрепровождения ребенка и пр. Каждый родитель ищет собственные ответы на эти и аналогичные вопросы. В разные времена они решались по-разному.

К настоящему моменту в научной психологии произведена обширная систематизация и классификация воспитательных стилей в семье. А. Болдуин выделил два стиля родительского воспитания – демократический и контролирующий. В.И. Гарбузов выделил три типа неправильного воспитания.² В других источниках выделяется еще множество стилей воспитания и, в зависимости от них, типов семей. А.Е. Личко и Э.Г. Эйдемиллер выделили следующие отклонения в стилях семейного воспитания: гипопротекция, доминирующая и потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, жестокие взаимоотношения, повышенная моральная ответственность (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В., 1999).

Известны также типологии родительского отношения. А.Я. Варга выделяет: принимающе-отвергающее родительское отношение, озабоченное отношение ("маленький неудачник"), симбиотическое родительское отношение, симбиотически-авторитарное родительское отношение, кооперацию как стиль отношений.

Кроме выше перечисленных можно найти множество других классификаций и описаний разнообразных стилей воспитания.

Семья есть структура, состоящая из отношений: доминирования – подчинения (власти), ответственности и эмоциональной близости. Но пока есть система семейных

² Приводится по: Шнейдер Л.Б., 2013.

отношений и пока семья выполняет задачу воспитания детей – она существует.

Дисгармоничной следует считать семью, в которой не выполняются её основные функции, не обеспечивается в полной мере удовлетворение потребностей всех членов семьи, возможности их личностного роста вследствие нарушения ролевой структуры семьи, отсутствия эмоциональной привязанности, нарушения коммуникативных процессов и т.д.

В вопросах семейного воспитания, рассматриваемую через призму времени, существенным образом обнаруживает себя проблема отцов и детей. Старшие всегда были и продолжают оставаться значимыми лицами для подрастающего поколения. Но в разные времена отношение друг к другу меняют обе стороны: и старшие, и молодежь. Вероятно, и само семейное воспитание складывается по-другому. На изучение этого вопроса направлено эмпирическое исследование (2012-2013гг.).

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе молодым людям в возрасте от 20 до 24 лет предлагалось написать эссе на тему: «Как меня воспитывали». Всего получено для обработки 25 вариантов текстового материала. Из авторов 3 юношей и 22 девушки. Все – студенты московских вузов. Эта часть выборки обозначается далее как «Молодежь» (поколение 90-х годов). По сути, изучается воспитание в средне статусной постсоветской семье.

На втором этапе родственников этих студентов (матерей, отцов, бабушек) просили поделиться воспоминаниями о том, как воспитывали их самих. Их дети, студенты документировали тексты и представляли их в виде эссе-2 на тему: «Как воспитывали моих родителей/прародителей». Основную часть выборки составили родители взрослых детей (33 человека, средний возраст – 48,5 лет, поколение 60-70 годов). Также участие в опросе приняли пять бабушек и один дедушка. Возраст участников от 40 до 84 лет. Всех респондентов обозначим как «Старшее поколение». Из них 10 мужчин и 29 женщин (всего 38 человек). По сути, ретроспективным образом изучалось воспитание в советской семье.

Схема анализа полученных текстов была общей (и для работ молодежи, и для работ старшего поколения).

Основные позиции анализа:

авторство (кто субъект? пол, возраст)

кто воспитывал (упоминание конкретных персон)

упоминание общественного воспитания (образовательных учреждений)

методы и содержание воспитания

другие упоминания (вовлеченность родственников, религиозный/атеистический характер воспитания, семейные праздники, развод, отдых и пр.)

общая оценка респондентами воспитания (прямая оценка, желание воспроизвести со своими детьми родительский стиль воспитания)

Приведем полученные результаты в двух таблицах.

Таблица 1

Как меня воспитывали (молодежь)

Кто воспитывал	Общественное воспитание	Содержание и методы	Другие упоминания	Общая оценка
96% упоминаний – мамы, 72% - папы, 12% – бабушки, 4% – отчим, 4% - няня	28% упоминаний - детсад, 8% – вуз, 4% – школа, 4% - музеи.	Доверие Строгость Уважение Поддержка Совет Ласка Доброта Словесные воздействия Разъяснения Юмор Требования Помощь Практические примеры Беседы Балование Отсутствие запретов Единодушие Игры	36% упоминаний о сибсах, 12% – о разводах, 4% – о церкви, 4% – о месте проживания	96% - только положительно (+), 4% - амбивалентно (+-).

В основном, как видим, нынешнее молодое поколение воспитывали родители. Лепта общественного воспитания невысока. В основном обнаруживается эмоциональный характер воспитания, нет упоминаний о совместной деятельности, о совместном (в том числе общесемейном) досуге. Вклад отцов и матерей достаточно асимметричен.

Стили воспитания встречаются разные. Проиллюстрируем это на примерах³.

Пример 1. «Я не знала ни в чем отказа. Моим воспитанием занималась няня, потому что родители работали, и не было возможности заниматься моим воспитанием в полной мере. Няня часто приводила меня в садик для общения с другими детьми, а потом забирала. Но бывали и дни, когда мы проводили весь день лишь вдвоем в походах в музеи, на прогулках и занятиях английским языком. Я была послушным и спокойным ребенком, поэтому проблем со мной не было. С няней мы играли в разные игры: салочки, классики, различные настольные игры».

В данном стиле (12%) со стороны родителей проявлена отстраненность от воспитания, т.е. родители знают, что надо их детям, но не делают этого сами, прикрываясь деловой занятостью и привлекая к воспитанию других людей.

Пример 2. «Я росла в любви, доброте и заботе, если говорить о наказаниях, то я не помню, чтоб на меня папа и мама хоть раз подняли руку или взяли ремень. Со мной разговаривали, выслушивали, что же я думаю о совершенном мною нехорошем поступке. Я никогда не боялась говорить родителям правду, потому что знала, что меня не будут ругать, поднимать на меня руку, а всегда выслушают, подскажут, разъяснят, помогут. И самое главное то, что требования родителей ко мне всегда совпадали с их действиями».

Пример 3. «Что касается правил, то жёстких необъяснённых запретов у нас в семье не было. Правила объяснялись, говорилось, почему стоит или не стоит этого делать. Хотелось бы отметить, что все взрослые были единодушны в правилах, т.е. не было такого, чтобы кто-то сказал что-то делать, а другой взрослый - не делать. Давали попробовать силы, если это возможно испытать последствия. Так, например,

³ Тексты приводятся в авторской редакции. Во всех случаях приведены только фрагменты из больших по объёму текстов.

однажды хотела взять чайник горячий в руки, сначала сказали, что не стоит этого делать, затем всё же разрешили попробовать его потрогать, тогда согласилась с тем, что он горячий.

Родители вмешивались в наши с сестрой конфликты только в самых крайних случаях, а так предоставляли решать дело самим.

Предлагали занятия по интересам, но не навязывали их. Однажды отвели в балетную школу, когда отказалась наотрез ходить - не стали заставлять. И, наоборот, если чем-то интересовалась - поддерживали, оплачивали различные занятия. Был случай, когда купили первый велосипед, и мы отказывались ехать, так как уже довольно много раз падали с него. Папа упорно заставлял не сдаваться, теперь понимаю, что это было правильно, т.к. научилась тогда кататься.

Один раз был такой случай, нужна была серная концентрированная кислота для проекта в школе, а папин отец работает в химическом институте. Я очень стеснялась ему позвонить (видела его до этого пару раз всего, так как он ушёл от папиной мамы, когда папе было лет 13, и папа с ним долгое время не общался). Папа вначале просто предложил позвонить - я отказалась, причём отказывалась наотрез. Папа «вышел из себя». Заставил всё-таки позвонить. Позвонила всё же деду. Потом узнала, что папа сам очень стесняется просить о чём-то, выяснять отношения, отстаивать свои права и т.д. Решила, что возможно, он боялся, что мне потом так же трудно будет общаться в некоторых случаях. Думаю, мне очень повезло с тем, что мама и папа - очень разные по своим увлечениям люди, т.е. были совершенно разные виды деятельности и отдыха. Важно, вероятно, что не было в семье каких-то запретных тем, книжек, журналов и прочих вещей только для взрослых. Конечно, были моменты, в которые, казалось, что родители очень строги, но сейчас понимаю, что они были правы. Так, например единственный раз сказали и наказали за то, что пришла домой достаточно поздно в 9 часов в пятом классе и то, только из-за того, что не предупредила заранее, что задержусь. Ещё мне запомнилось, что родители всегда серьёзно относились к нашим с сестрой просьбам и вопросам. В нашей семье проявляются различные модели общения, но родители всегда старались в воспитании быть максимально объективными и открытыми, справедливыми».

В примерах 2 и 3 проявляется стиль воспитания, основанный на доверии (63%)⁴. Родители предоставляют детям определенную самостоятельность, относятся к ним тепло, уважают их человеческое достоинство, позволяют часто самим регулировать свое поведение. Они готовы прийти на помощь, снисходительны к ошибкам, воспитывают в детях независимость, способность к сотрудничеству и творчеству.

Далее перейдем к рассмотрению воспитательных подходов родителей, воздействие которых испытали на себе представители старшего поколения.

Таблица 2.

Как воспитывали старшее поколение

Кто воспитывал	Общественное воспитание	Содержание и методы	Другие упоминания	Общая оценка
82% упоминаний – мамы, 74% - папы, 18% - бабушки, 2,5% – дедушки, 2,5% - тетья, 2,5% - няня, 5% - никто (работа и т.п.)	5% упоминаний – детсад, 8% - секции, спортшколы, 10% - кружки (доп. образование), 2,5% - вуз, 2,5% - техникум, 10% - школа, 2,5% - пионерская организация	Пример Строгость Разъяснения Порядок Традиции Доверие Совместный труд Взаимопомощь Ласка Поддержка Общение Требования Забота Приучение Запреты-ограничения Четкость Свобода Контроль Поощрения Наказания Самостоятельность Совместный отдых Четкость Словесные воздействия	36% упоминаний о сибсах, 13% - трудностях жизни, 15% - о праздниках и веселье, 10% - об обсуждении профвыбора, 10% - о сверстниках, 2,5% - об отдыхе на юге, 7,5% - о религии, 2,5% - о месте проживания, 2,5% - алкоголизм родителей	67% - только положительно (+), 25% - амбивалентно (+-), 8% - отрицательно (-).

⁴ Остальные 25% (100% - 12% - 63%) приходятся на аморфный стиль воспитания или гиперпекающий.

Как видно из Таблицы 2 большую роль в семейном воспитании играли родственники. Роль отца и матери в воспитании почти равнозначны. Роль общественного воспитания высока и разнообразна. В методах и содержании воспитания больше упорядоченного и рационального. Много упоминаний о разных аспектах жизни, пространство взросления представлено разнообразнее, в эмоциональном плане описывается не так однозначно (и о плохом, и о хорошем). Порой с глубоким сожалением. Вероятно, поэтому удовлетворенность своим воспитанием оценивается менее высоко.

Стили воспитания старшего поколения были разными. Проиллюстрируем это примерами.

Пример 4. Мама: «...Мама, конечно, у нас была «следователем». Всё знала, где я, с кем я, выбирала мне друзей. Если я уходила гулять, и возвращалась на 5 минут позже назначенного времени, это был скандал.

Всю одежду я донашивала за сестрой, только в 12 лет мне купили моё первое платье на свадьбу сестры. Раньше военным выдавали материал, из которого должны были шить военную форму. За отличную учёбу из этого материала мне сшили школьный костюм, это выделяло среди всех остальных в классе. Потом я провинилась, и у меня его забрали и заставили надеть обычную форму. Через какое-то время мне предложили снова надеть костюм, но я уже сама не захотела и ходила как все.

Отношения с сестрой в детстве были трудными: её постоянно ругали, а меня хвалили, что ей было обидно, но, несмотря на это, мы переживали друг за друга, старались поддержать, но разница в возрасте накладывала отпечаток и на интересы, и на выбор друзей, и увлечения. Сейчас, волей судьбы, мы живём недалеко друг от друга, и поэтому друг без друга находиться длительное время мы уже не можем.

Когда мы жили в военном городке, то было приятно семьями отмечать праздники, надевать лучшую одежду. Затем, когда уехали из городка, то общение прекратилось, и праздники стали носить сугубо семейный характер. Иногда хотелось поговорить с мамой по душам, но ей было либо некогда, либо откровенный разговор заканчивался очередными запретами. Самым приятным для меня развлечением, восполняющим

недостаток общения, были встречи с моими бывшими одноклассниками в военном городке, куда по субботам я ездила на дискотеки, если оценки были отличные, и ни в чем не провинилась за неделю.

Если мне нужен был совет или помощь, то я чаще обращалась к папе, потому что мама, не выслушав до конца, могла сразу что-то запретить. Папа всегда долго думал, но давал очень дельный совет. Он никогда не повышал на меня голос, хотя я была не столь желанным ребенком в семье, он хотел сына, но позже, после разговора со своей мамой, он во мне души не чаял, по утрам подходил будить и нежно целовал, говоря: «Доченька-гогоченька, вставай!». Воспитание повлияло и на выбор моей профессии. С детства приученная к ответственности, исполнительности, трудолюбию, творческому подходу к делу, я решила стать учителем. Меня интересовали человеческие судьбы, взаимоотношения между людьми, мне интересно было читать, находить в книгах ответы на свои вопросы, поэтому я решила стать учителем русского языка и литературы».

Пример 5. «На все лето уезжали в деревню к матери отца, отец приезжал на месяц. Воспитанием детей занимались бабушка, няня и мать, также и отец. С бабушкой ходили в церковь, вместе ходили за ягодами ухаживали за садом и скотиной (козы и куры). По поручению бабушки помогали по хозяйству. Очень любили вместе с бабушкой ходить в сельский магазин. С братом отца на мотоцикле всей семьей ездили в лес за грибами, ягодами и т.д. С мамой и няней ходили на речку, когда сестры стали постарше, играли в спортивные и подвижные игры (например, бадминтон). Мать практически каждый год на один месяц ездила с нами на юг.

Я была болезненным ребенком, часть детства провела в больницах. Родители уделяли мне больше внимания, сестра ревновала. Родители вообще очень переживали, когда мы с сестрой болели, старались делать все возможное, чтобы организовать лучшее лечение и комфортную во всех отношениях обстановку (в том числе и эмоционально). Сестра Татьяна в старшем возрасте конфликтовала с отцом, я считаю, что это на почве ревности.

Отец очень любил нас, своих дочерей, но ему было сложно выразить свои чувства. Однако он всячески старался проявить это: любил неожиданно порадовать детей и

жену, делал подарки, исполнял желания. Но не считал это баловством, эти действия были его проявлением воспитания. Отец очень любил делать семейные фотографии, специально организовывал для этого прогулки».

Пример 6.

«- Что Вам запрещали в детстве?

- Знаешь...ничего! Правда. Не могу вспомнить строгих родительских запретов. Хотя...от дома далеко не разрешали уходить. Но я все равно гуляла, где хотела.

- А кто больше воспитывал мама или папа?

- Мама конечно! Мама всегда объясняла что хорошо, что плохо.

- А с кем больше играли из родителей?

- Ой...пожалуй с отцом. Но мы вообще-то не вдвоем играли. У нас в доме постоянно кто-то гостил: то мамыны сестры (их у нее три и один брат!), то папины, то двоюродные какие-нибудь, то тети, то дяди. И вот сядем за большой стол и играем. То в карты играем, то в домино. Особенно лото я любила! Так вот. Папа чаще играл, а у мамы другие дела находились, по дому, например.

- А есть ли в памяти какие-то игрушки, наиболее запомнившиеся?

- Игрушки... Да куклы в основном были. Разные всякие. Помню у меня кровать для куклы металлическая. А на боку были нарисованы лиса и журавль из сказки. Мама мне для этой кровати постельное белье сшила: подушечки и одеялко с пододеяльничком! Ни у кого такого не было! Мы с мамой вообще постоянно шили что-то для кукол. Представляешь, у моей куколки было даже пальто с воротничком! А потом появились куклы-пупсики. Они были такие маленькие (показывает сантиметров 10), а к ним шел набор - чепчики, пеленочки, одежки разные...Так интересно в них было играть! А еще мы с подружками играли в магазин, мне очень нравилось. А больше всего я любила в «Хоронячки» играть (современные «Прятки»). По всей деревне носились, помню. У нас там яма большая была и я в нее любила прятаться.

- Было ли что-то, что не нравилось?

- Да, пожалуй. Я ужасно не любила, когда взрослые, сидя за столом на общих праздниках начинали петь! Я почему-то боялась и пряталась под стол. А они запевали

«Вдоль по Питерской». Кошмар просто! До сих пор не люблю я всякого рода самодеятельность.

- А как вообще проходили праздники? Новый год, например?

- Ну, когда совсем маленькая была, я с бабушкой оставалась, а родители к друзьям уходили. А потом, так случилось, что нашим родственникам дали квартиру поблизости и мы с ними уже начали праздновать. Мне очень нравилось. Было много народу, много детей и было очень весело. Я любила Новый год».

Пример 7. «Детей в деревне с детства учили сельскому хозяйству, мать брала бабушку во двор, показывала, как кормить и ухаживать за домашними животными, а отец брал ее в поле и показывал, как сажать и убирать урожай. Бабушка приучалась к труду с малых лет, и она говорила, что «трудиться было в порядке вещей» и их никто не заставлял работать. На вопросы о наказаниях в семье, бабушка сказала, что «конечно они были, но за дело».

Так как бабушка жила в деревне у нее было много друзей и сверстников, с которыми она общалась. Ходить в гости в то время считалась совершенно обычным делом, люди не предупреждали друг друга, просто приходили и каждый был рад гостям. В то время начали появляться первое радио и телевизоры. Когда в поселке появилось радио, это считалось чем-то необычным, особенно бабушке запомнилась программа «Театр у микрофона». Эта программа собирала всю деревню у сельсовета, и каждый внимательно вслушивался в голоса, все понимали, что это спектакль, и мало его слушать, надо еще и видеть, но в то время это было некой традицией, которая собирала всех вместе.

Рассказывая про все традиции, в конце разговора бабушка вспомнила, что был еще один великий день, который приносил веселье в деревню. Это были выборы в сельсовет, несмотря на то, что они были не альтернативными. Накрывался большой праздничный стол на всех жителей, и из каждого дома бралась самая красивая скатерть. На сами выборы люди шли с удовольствием и четко знали, что делают это на благо села. Явка была стопроцентной. После голосования жители собирались за праздничным столом и устраивали концерты, с песнями и танцами».

Пример 8. Когда я родилась, мы жили в бараке, где в одной комнате жили: я, мама, папа, бабушка и дядя. Потом, когда мне исполнилось 3 года, родилась сестра, нам дали квартиру, куда все переехали, за исключением дяди. Я жила в комнате с сестрой и бабушкой, родители жили в комнате отдельно. Родители работали до шести часов вечера, мама часто задерживалась, поэтому в основном нами занималась бабушка. В садик ходила с трех месяцев (ясли), сестра тоже ходила в детский сад, отводила и забирала нас бабушка, она же водила нас на разные кружки. Кружки я посещала следующие: фигурное катание, музыкальная школа (закончила 8 лет), легкая атлетика (ходила всего несколько месяцев). Папа помогал с математикой иногда, у бабушки было всего 3 класса приходской школы, и она тоже работала, поэтому с уроками помочь не могла. Мама готовила нам еду, бабушка только разогревала. Родители уезжали в отпуск, а мы были в пионерском лагере или у бабушки в деревне, нас они с собой не брали. С сестрой мы не ссорились, жили очень дружно, я как старшая сестра за нее переживала и помогала.

Праздники все вместе отмечали (несколько семей с детьми приезжали, друзья нашей семьи). На праздничный стол выкладывали все, что могли: салаты, картошку, банки-соленья открывали, зимой доставали квашеную капусту, которую осенью солили по несколько десятков кг, тоже все вместе. Родители кормили, одевали, воспитывала нас школа и двор. Училась хорошо, на родительские собрания ходил папа, потому что мама часто работала допоздна. Но так как родители были в родительском комитете, часто были в курсе событий и не ругались. Мечтала работать с детьми в детском саду, хотела идти в музыкальное училище. Вмешалась классная руководительница и сказала, что это не профессия, что там нужны стальные нервы, и родители прислушались к ней, заставили доучиться 10 лет в школе и не разрешили пойти в училище после 8 классов, поэтому мечта была зарублена на корню.

Готовить, вязать, плести макраме учились в школе на уроке труда, родители нами особо не занимались. Друзей было много, могли приходить к нам в дом - родители не возражали.

Карманные деньги у нас всегда были. Потребности наши удовлетворялись, но родителей в пример себе никогда не ставила. У них жизнь своя, у нас – своя».

Как видно из приведенных примеров, в предыдущие годы было распространено воспитание, когда родители проявляли себя чрезмерно придирчивыми воспитателями к своим детям, требовали от них беспрекословного послушания, соблюдения порядка, подчинения семейным традициям (9%).

Далее следует упомянуть воспитание с постоянным контролем, когда родители тепло относились к детям, но контролировали каждый их шаг, не позволяли ничего, что могло бы вызвать нарекания со стороны взрослых. У детей не было права на ошибку (36%).

Но не менее распространенными (55%) были воспитательные ситуации без особого контроля, построенные на доверии. Дети были во многом предоставлены сами себе, полностью самостоятельны и свободны, однако они четко знали свои домашние обязанности. В семейное воспитание включались родственники, соседи. Большое внимание уделялось дополнительному образованию. У детей было много друзей и приятелей.

Выводы

Сравнивая воспитание в разных поколениях, следует подчеркнуть, что в нем обнаруживается разный уклад жизни воспитателей и воспитанников: городской и сельский. Старшее поколение в большей степени было приобщено к сельской жизни. Соответственно домашние обязанности в их детстве выглядели иначе, чем у детей, родившихся в более поздний период. Домашний круг общения в прежние времена был значительно шире. Возможно, это связано с тем, что дети, выросшие в период наступившей цифровой эпохи, перенесли общение с приятелями (да и с родственниками) из стен родного дома в Интернет. Технологический прогресс вносит не меньше изменений в воспитание, чем смена общественных формаций.

Отличия в советской и постсоветской семье обнаруживаются по показателям стабильности (в постсоветской семье больше разводов), религиозности (в советской семье ее проявлений больше, чем в современной городской семье), в воспитательной роли примера родителей для детей (в советской семье эта роль более значима), во внешнем эмоциональном отчуждении детей от родителей (в советской семье больше), в приобщении детей к труду (в советской семье выше). Воспитательные воздействия (как в

семье советского, так и постсоветского периода) осуществлялись на основе механизмов подкрепления и идентификации.

В прежние времена (старшее поколение) воспитание существенным образом было ориентировано на прагматические и рациональные аспекты жизни, в нынешние годы (молодое поколение), воспитание сместилось в зону эмоционального. Это неизбежно связано с неопределенностью норм, регулирующих в настоящее время детско-родительские отношения. Такая ситуация ставит перед семьями ряд социально-психологических проблем. Каждому родителю в семье в целом приходится «выбирать» какой-либо образец ролевого взаимодействия из множества существующих. Проблема выбора, принятия семьей того или иного ролевого образца неотделима от формирования отношения членов семьи к этому образцу, к своей роли в семье и к выполнению ролей другими членами семьи (Шнейдер Л.Б., 2013).

В современной семье прогрессивная тенденция заключается в том, что роль отца как главы семьи сменяется ролью более уравновешенного, стабильного, сильного друга жены и детей. Между тем меняется и роль матери в семье — на общении с детьми сказывается «эмансипационная маскулинизация» женского поведения. Вклад матери и отца не определяется количественной меркой «больше — меньше», но существенно зависит от общей атмосферы в семье, системы отношений взрослых членов семьи друг к другу и ребенку. Ребенку во все времена необходима «раскрепощенная любовь матери и отца, у которых будет расти не «наш», «свой» ребенок, но душа, данная на хранение» (Корчак Я.). В целом же в гармоничной семье мать с раннего возраста обучает ребенка тому «как», а отец — тому «что»; отец учит детей быть «кем-то», а мать — «кем-то для кого-то».

Независимо от исторического периода проживания, существующего строя, материальной обеспеченности, были и есть родители, которые уделяли и уделяют воспитанию детей и время, и силы, вкладывая в них свои знания, тепло и любовь.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989.

2. Дружинин В.Н. Психология семьи. Екатеринбург, 2000.
3. Корчак Я. 10 заповедей Я. Корчака//URL: www.adme.ru/svoboda-psihologiya/10-zapovedej-yanusha-korchaka-dlya-roditelej-680255/#image5261055
4. Мудрик А. В. Воспитание / гл. ред. Давыдов В. В. — Российская педагогическая энциклопедия. М.: Научн. изд. «Большая Российская энциклопедия», 1993. — Т. 2. — С. 166–168. — 608 с.
5. Новиков А.М. Основания педагогики. – М.: Эгвес, 2010.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 2010.
7. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики /Сост. и автор ввдных статей Пискунов А.И. М., 1981.
8. Шнейдер Л.Б. Семья: оглядываясь назад. СПб., 2013.
9. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 1999.
10. Энциклопедический словарь: В 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.- СПб., 1892.

Межсекторное партнёрство как социальная инновация для поддержки семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья и с детьми-инвалидами.

Щёлкова В.А.

Екатеринбург, Российская Федерация

shchelkovav@mail.ru

Вопрос количества детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов в Российской Федерации до сих пор остаётся задачей со многими неизвестными. Официальная статистика говорит о том, что таких детей около 600 000, однако эксперты в области медицины уверены, что это значение занижено в 2, а возможно и в 3 раза. Почему складывается подобное разногласие? Официальная статистика приводит данные по детям и семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья и с детьми-инвалидами, которые находятся на учете у государства, то есть получают определенные пособия, льготы, активно пользуются мерами государственной поддержки, существующими на сегодняшний день, в частности

отраженными в Федеральном Законе от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и другими нормативными документами. Однако количество семей, не вставших на учет по различным причинам: от юридической безграмотности до усталости от борьбы с новой системой по «совершенствованию учета инвалидов», на сегодняшний день неизвестно.

Также разнятся данные международных организаций, изучающих вопрос инвалидности, касающиеся количества инвалидов в России в целом во всех возрастных категориях. По данным ООН число инвалидов в России составляет около 10 миллионов человек, по данным Организации Экономического Сотрудничества и Развития, в России 10% людей имеют ограниченные возможности здоровья. Помимо этого различные источники выдают абсолютно противоположную друг другу информацию, одни говорят, что с 2005 года статистика зарегистрировавшихся детей-инвалидов имеет положительную динамику, то есть растёт, другие же в противовес утверждают, что динамика отрицательная, и благодаря существующим мерам государственной поддержки число детей с ограниченными возможностями здоровья снижается чуть ли не в разы. Тем не менее, несмотря на разнящиеся оценки экспертов, все сходятся во мнении, что группа людей с ограниченными возможностями здоровья и людей-инвалидов является самым большим «меньшинством» в нашей стране и в целом в мире.

Еще одной неизвестной в сложившейся задаче является грань между понятиями «ребенок-инвалид» и «ребенок с ограниченными возможностями здоровья». Согласно вышеозвученному Федеральному закону №181-ФЗ и статье 54 Семейного кодекса РФ, под «ребенком-инвалидом» понимается лицо, не достигшее 18 лет, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость социальной защиты. Под ограничением жизнедеятельности подразумевается полная или частичная потеря возможности или способности самостоятельно передвигаться, обслуживать себя, выстраивать коммуникации, ориентироваться в пространстве и во времени и пр. Что касается понятия «ребенок с ограниченными возможностями здоровья», здесь речь идет о детях, которые имеют ограничения в физическом и (или) психическом здоровье, а

именно недостатки в физическом и (или) психическом развитии, которые препятствуют получению образования без создания для них специальных условий.

Так или иначе, семья, воспитывающая ребенка-инвалида или ребенка с ограниченными возможностями здоровья имеет примерно одинаковые проблемы психологического, юридического, финансового характера. На сегодняшний день существуют сложившиеся механизмы и меры поддержки таких семей:

1. Социально-реабилитационные услуги. Включают в себя комплекс медицинских услуг, в том числе восстановительные терапии, санаторно-курортное лечение, в целом вопросы отдыха и оздоровления и пр.

2. Меры социальной поддержки в сфере образования. Последнее десятилетие активно обсуждается тема инклюзивного образования – включения детей – инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, или как говорят сегодня, детей с дополнительными потребностями в сложившийся образовательный процесс на различных стадиях обучения. Инклюзивное образование сегодня во многих регионах России реализуется со ступени дошкольного образования, переходя на среднее образование, среднее профессиональное, а затем и на высшее. Инклюзия как таковая не является некой самоцелью, учебная программа при инклюзивном образовании не меняется, и ребенок с особенностями в развитии обучается по общей школьной программе. Помимо темы инклюзии, имеются определенные социальные гарантии при поступлении в учебные заведения разного уровня.

3. Меры социальной поддержки в сфере занятости. Это основное направление реализации межсекторного партнерства для поддержки семей с детьми-инвалидами и с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Создание рабочих мест бизнесом при поддержке государства не только для вышеуказанной целевой группы, но и, на первой ступени партнерства, для родителей, воспитывающих в семье таких детей, с учетом всех временных особенностей, связанных с необходимостью ухода за детьми.

4. Оказание психологической помощи семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья и с детьми-инвалидами. Возникает определенный диссонанс, связанный с тем, что на федеральном уровне такая поддержка не предусмотрена, и ее реализация отдана на откуп региональным властям. Соответственно, отсутствуют на

федеральном уровне определенные правила и нормативы, регламентирующие эффективность проведения психологических консультативных мероприятий. В связи с этим в муниципальных образованиях различных регионов возникают коммерческие негосударственные центры психологической помощи, не поддающиеся контролю качества оказываемых услуг.

5. Оказание юридической, правовой помощи и поддержки.

6. Прочие меры, которые включают в себя и материально-техническое обеспечение семей средствами реабилитации и протезно-ортопедическими изделиями, поддержку на уровне выплат различных пособий, транспортные льготы, обеспечение жильем и пр. Сегодня можно говорить не только об оказании мер поддержки семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья и с детьми-инвалидами от государства, сегодня распространены практики поддержки от некоммерческого сектора. По состоянию на 28 июля 2015 года Министерством Юстиции зарегистрировано 226 тысяч 445 некоммерческих организаций, из них 5,5%, а это около 12 500 некоммерческих организаций реализуют проекты и программы, направленные на поддержку инвалидов. Ежегодно государством выделяется 2,7 млрд.рублей на реализацию проектов некоммерческого сектора. Помимо государственной поддержки некоммерческие организации в России плотно взяли ориентир на создание партнерских отношений с бизнес-единицами, привлекая их внимание и их ресурсы на социальные проблемы, обозначенные в том или ином регионе нашей страны.

Таким образом, в недавнее время возникло понятие «Межсекторное партнёрство» (МСП). МСП – это конструктивное взаимодействие нескольких, в данном случае трёх секторов (государство, бизнес, некоммерческие организации), направленное на решение общественных, социально значимых вопросов, путём «сложения» различных ресурсов, имеющихся у каждой из сторон. Не стоит забывать, что для каждой стороны партнёрства существуют определенные выгоды. Для власти, прежде всего, подобное МСП обеспечивает повышение доверия населения, эффективность управления и контроля, как части управления, поиск инновационных практик для решения социальных проблем, снижение остроты социальных проблем и пр. МСП для бизнеса – это повышение имиджа и известности брэнда, фирмы, внедрение корпоративной благотворительной

программы для трудовых коллективов своих предприятий, проявление социальной ответственности, выход на целевые группы потребителей своих товаров и услуг, активное взаимодействие со средствами массовой информации. Для некоммерческого сектора МСП – это административная поддержка, доступ к новым ресурсам, реализация экспертного потенциала, выражение гражданской позиции и пр. Ввиду использования на протяжении многих лет в Российской Федерации определенных установившихся государственных мер поддержки семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья и с детьми-инвалидами, межсекторное партнерство в области подобной поддержки сегодня можно назвать социальной инновацией, в центре реализации которой лежат принципы проектной деятельности. Государство определяет некую проблему, беря курс на нее в своих федеральных целевых программах, утвержденных на несколько лет, то есть становится неким заказчиком для некоммерческого сектора, готового и способного браться за решение этой проблемы со своей стороны. Таким образом, формируется некий административный ресурс, которым имеют возможность пользоваться НКО при написании и дальнейшей реализации конкретных проектов. В свою очередь, некоммерческий сектор дает государству не только пути и механизмы решения острой социальной проблемы, но и передает успешные практики реализации своих проектов, которые государство может тиражировать в любые регионы страны. При этом НКО подключает бизнес-партнеров, определяя курс корпоративной благотворительности и помогая в формировании идеологии, взамен получая ресурсы – финансовые и трудовые. В свою очередь социально ответственный бизнес получает определенные льготы и субсидирование государства. В схематичном виде это выглядит следующим образом:

Исходя из вышесказанного, обозначим проблемы, которые могут лечь в основу социального проектирования, лежащего в основе межсекторного партнерства:

1. Отсутствие данных о точном количестве семей с детьми-инвалидами и тем более семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья.
2. Значительно меньшее количество мер поддержки семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья, нежели семьям с детьми-инвалидами.
3. Правовая безграмотность заданной целевой группы.
4. Встраиваемость в общество и социальная адаптация детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья.
5. Психологическое консультирование семей с детьми из заданной целевой группы.

Прежде чем заниматься социальным проектированием, необходимо изучить опыт поддержанных государством и бизнесом и успешно реализованных на сегодняшний день проектов по поддержке семей с детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями здоровья, направленных на:

- социальную адаптацию путем проведения инклюзивных мероприятий в области спорта, физической культуры, туризма, литературы, музыки, художественного, технического творчества и др.;
- создание доступной среды для передвижения и посещения различных объектов;
- создание образовательных, учебных центров;
- профессиональную ориентацию и подготовку указанной целевой группы;
- организацию путешествий по России и миру с целью отдыха и оздоровления и др.

Сегодня социальное проектирование направлено на поиск новых направлений, методов и механизмов по решению поставленной задачи – помощи семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Регулярно появляющиеся уникальные проекты и продукты являются результатом эффективного межсекторного партнерства, созданного из органов государственной власти, бизнеса и некоммерческого сектора.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2013). Ст. 54.
2. Берестова Л.И. Основы технологии социального прогнозирования и проектирования: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011.
3. Маданес К. Стратегическая семейная терапия. – М.: Класс, 2012.
4. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. – СПб.: Перспектива, 2014.

Секция 2. Семья как ресурс развития взрослых и детей

Исследование стереотипности форм реагирования в семейной системе

Авакян М.А., Колесникова В.И.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Факультет психологии,

Симферополь, Россия

mariam.avaky@gmail.com, vikolesn@ya.ru

Актуальность. В связи с тем, что существует проблема стереотипного поведения в семейных поколениях, необходимо проследить за функциональной значимостью поведения участника, вовлеченного в триангуляцию, чтобы иметь возможность использовать полученные данные в практических целях, а именно: уметь предупредить статичность дальнейших взаимоотношений члена семьи, вовлеченного в триангуляцию, в рамках системной семейной традиции.

Постановка проблемы. Так как семейная система включает в себя динамичность процессов взаимодействия, отражающихся на мировоззрении ее участников, наблюдается

разрыв между природой субъективных взглядов и значениями, которые «встраиваются в образ собственного Я». Следование тем или иным стимулам извне вызывает стремление обозначить, за счет функции речи, логику своих поступков, согласно имеющегося в памяти опыта. Проявление стереотипного поведения, подкрепляется связью с предыдущими поколениями. Статичность стереотипов препятствует индивидуальному развитию.

Существенным является взгляд на семью через призму эволюционного развития на примере много поколенных связей. М. Боуэн – представитель биологизаторского взгляда на сущность человеческих проявлений, где фокус его внимания, направлен на процесс гомеостаза, как функционально-значимой категории, участвующей для поддержания баланса, противоположно направленных тенденций внутри семейных взаимоотношений. Феномен триангуляции, введен М. Боуэном в 1957 г. выступает в качестве наименьшей единицы системного взаимодействия [4, с. 103]. С точки зрения Мюррея Боуэна, в ситуациях повышенной тревоги индивид подчинен эмоциональной системе реагирования, которая обеспечивает полное безоценочное принятие и воплощение в самосознании, предъявляемых форм и способов поведения родителей. Напряжение внутри диады, стимулирует вовлечение третьего лица, зачастую ребенка, и приписывание ему проекций тех семейных функций, с которыми двое справиться, не способны. Таким образом, ребенок идентифицируется с ролью, которая приводит систему к балансу. В таком случае возникают искажения в представлениях о других и о себе самом, а также наблюдается следование этим искажениям. Безоговорочное принятие и «встраивание в образ собственного Я», поступков, слов, позиций, действий значимой для индивида личности, происходит за счет эмоционального запечатления, которым, в большей мере, руководствуется ребенок, в силу полностью не сформированной функции интеллекта, из-за возрастных особенностей. Этот процесс находит свое отражение в процессе передачи статичных функций из поколения в поколение, которые всячески рационально объясняются.

Природный нарциссизм индивидов, способствует предпочтению содержаниям желаемого, вместо действительного. Для человека, с позиции сохранения энергии, гораздо приемлемее поддерживать и находиться, в раннее созданных условиях, участвующих в формировании стереотипов, передаваемых поколениями. Стереотипы

вырабатываются из побуждений участником семейной системы, в которой факты действительности образуются с целью поддержания мифа о представлении каждого из субъектов.

Допустим, что в отношениях триангуляции мать находит во всяком действии сына героичность его побуждений. Сын субъективно объясняет свои позиции в социуме, которые не противоречат материнским проекциям. Тем самым, сын дает возможность помещать в себя материнские интенции, что способствует снижению требований матери к отцу. Сын, таким образом, выполняет функцию, которая не свойственна отцу, однако требуется матерью. Такая компенсация снижает напряжение между взрослыми. Однако следует задаться вопросом: «Свойственна ли данная функция природе этого ребенка?»

Такой стереотип всячески рационально объясняется. Положительное и отрицательное поведение ребенка, вовлеченного в отношения триангуляции, образуется под действием влияния процессов проекции. Однако ребёнок всячески рационализирует стратегии своего поведения не только для других, но и для себя. Он находит значимость своих взглядов и поступков. Задав вопрос, в процессе терапии непослушному ребенку, который сорвал урок о том, что было бы, если бы он так не поступил, ответ содержал бы смысл, который отображает стремление осуществить разрядку негативной направленности учителя, на учеников, «жертвуя», таким образом, собой в защиту большинства. Ведь, они так нуждались в безопасности, которую предоставил этот ученик, а значит, они нуждались в нем.

По мнению В. Франкла, каждый субъект стремится отыскать собственный смысл, в любой сфере своей жизни, взяв на себя ответственность за его поиски. В процессе поиска смысла чувствует совесть, которая является иррациональной и определяется, как способность духа обрести единственный, уникальный смысл. Более того, по мнению Франкла, в случае, если субъект находит смысл в действиях, которые даже деструктивно воздействуют на него, он не перестанет действовать таким образом во имя смысла [3].

Определение себя, по Ж. Лакану, осуществляется в процессе нарциссической идентификации в «отражении» себя в глазах Другого. Этому способствует регистр Воображаемого. Изначально, в качестве Других выступают родители. Репрезентация субъекта осуществляется на основе означающих в регистре Символического [2].

Ж. Лакан комментирует процесс повторения, в котором символ совладевает с отсутствием. Означающее регистра Символического помогает справиться с пустотой Реального.

Стереотипы в семейной системе, на наш взгляд также, можно описать, как замещение отсутствия субъекта на момент влияния системы семьи на его функционирование. Данная позиция не является критической по отношению к взглядам Боуэна и его идеям об эмоциональном слиянии, как причине возникновения стереотипа, а напротив, лишь подтверждает данную точку зрения, иллюстрируя влияние Другого на репрезентативность субъекта с позиции постструктурализма.

Нами была выдвинута *гипотеза* о том, что стереотипные реакции индивида коррелируют с имевшимися у него представлениями о родительской семье, а также со смысловой оценкой собственной функциональной значимости данного субъекта в отношениях триангуляции.

В ходе проведенного исследования нами решались следующие *задачи*:

1. Выявить стереотипные формы поведения, имеющиеся в семейных поколениях с помощью составления генограмм.
2. Исследовать дискурс участника внутри семейных взаимоотношений, выполняющего функцию проекции семьи при помощи контент-анализа.

В пилотажном исследовании приняло участие 15 испытуемых, в возрасте 20 лет: 7 – девушек, 8 – юношей. Условием участия в исследовании было наличие у респондентов внутри поколений отношений триангуляции, что было выявлено при помощи составления генограмм. Триангуляция указывает на наличие дисфункции во взаимоотношениях.

Целью нашего исследования было – изучить смысловую значимость имеющихся стереотипов поведения внутри поколений, детерминированных процессом триангуляции.

В процессе беседы, респонденты описывали активные и пассивные позиции участников семьи, их взаимоотношения. Письменно испытуемыми было обозначено субъективное представление о себе, что было проанализировано нами при помощи контент-анализа.

В результате исследования выявлено наличие смысловой значимости выполняемой позиции в семье у 86 % испытуемых. При этом 54,2 % исполняют положительные роли; 31,8 % – отрицательные, которые рационально обосновываются индивидами. У 94 % выявлено стереотипное следование функциям, полученным в результате взаимодействия в родительской семье. Наблюдалось включение смыслового поля участников семейной системы в субъективное оценивание себя. В дискурсе испытуемых было отображено восприятие семейных требований и их поведенческое подкрепление. Учитывая полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

1. Функция участника триангуляции, опосредована проективным воздействием семьи. Подчинение требованиям системы носит эволюционный характер. Индивиду свойственно адаптироваться к условиям среды с целью поддержания баланса.

2. Процесс триангуляции участвует в образовании в поколениях стереотипов. Этот феномен приводит к дисфункциям ее участников. Так, как наблюдается статичность в следовании «удобной для семьи» функции – отсутствует развитие системы в целом.

3. Поведенческие реакции, содержательно коррелируют с имевшимися у индивида представлениями о родительской семье, а также, со смысловой оценкой собственной функциональной значимости данного субъекта в отношениях триангуляции так, как наблюдалось рациональное объяснение испытуемыми, проявления стереотипных форм поведения.

В заключение отметим важность обозначивания и осмысления имеющих круговых связей между субъектами с той или иной функцией в нуклеарной семье, что послужит интеграции опыта поколений, определив природную функциональную потребность субъекта.

Список литературы

1. Бейкер К., Варга А.Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. – М.: Когито-Центр, 2005.
2. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995.

3. Франкл В. Человек в поисках смысла М.: Прогресс, 1990.
4. Фримен Д. Техники семейной психотерапии. – СПб.: Питер, 2001.

Факторы, влияющие на взаимоотношения братьев и сестер

Алмазова О.В., Долгих А.Г.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, г.Москва, Россия

almaz.arg@gmail.com, ag.dolgikh@mail.ru

В статье анализируется онтогенез взаимоотношений братьев и сестер. Дан краткий обзор исследований на тему взаимоотношений взрослых сиблингов. На отечественной выборке (N=289) выделены и описаны основные типы взаимоотношений взрослых сиблингов. Установлено, что одни условия (возраст, разница в возрасте, семейный статус, личностные черты сиблинга и степень генетического родства) сохраняют свое влияние на характер взаимоотношений братьев и сестер во взрослом возрасте, тогда как другие (пол, расстояние, на котором проживают сиблинги друг от друга и сиблинговая позиция) существенны в детстве, но постепенно утрачивают свою значимость.

Ключевые слова: братья и сестры, взрослые сиблинги, типология сиблинговых взаимоотношений, факторы взаимоотношений сиблингов.

Братья и сестры – близкие родственники. С самого раннего возраста родители акцентируют внимание детей на *неизбираемость* и *неотменимость* этих связей (Руфо М., 2006). Общность семейной среды (материальные условия, социо-образовательный уровень, личность родителей и т.д.), повседневность и длительность общения и взаимодействий между братьями и сестрами только укрепляют ощущение крепости сиблинговых отношений (Brody G.H., Neubaum-Carlan E., 2002). Кроме того

вплоть до подросткового возраста сиблинги остаются самыми частыми партнерами по общению, так как вне школы большую часть времени братья и сестры проводят вместе (Cicirelli V., 1995). По мере взросления к внешним условиям добавляется еще и общий опыт эмоциональных переживаний (позитивных и негативных). Еще одной особенностью сиблинговых отношений является то, что, с одной стороны это - отношения внутри семьи, а с другой - отношения со сверстниками, то есть *не* взрослыми, какова бы не была разница в возрасте между сиблингами.

В современной западной психологии изучение разных аспектов сиблинговых отношений ведется достаточно интенсивно. У истоков этих исследований стояли такие психологи, как К. Кениг, Ф. Гамильтон, Дж. Кеттел, Дж. Данн и др. Первоначально основное внимание психологов было направлено на вопросы скорее практико-ориентированные, например: какова оптимальная разница в возрасте между сиблингами или как уменьшить количество ссор и конфликтов, снизить ревность и соперничество между сиблингами.

Взрослые сиблинговые отношения анализируются и исследуются на протяжении последних 30 лет (Х. Канг, В. Бедфорд, Р. Стивард, Х. Риггио, И. Коннидис, Л. Кэмпбел и др.). Накоплен огромный массив данных, но большинство исследований направлено на обнаружение роли объективных факторов и условий развития сиблингов, таких, как пол, разница в возрасте, порядок рождения, структура семьи и др. При этом эмоционально-личностные аспекты отношений между сиблингами и внутренние, собственно психологические механизмы их формирования долгое время оставались на периферии внимания исследователей. Тем не менее в связи с анализом предполагаемого влияния сиблинговой позиции (под которой понимается место ребенка среди братьев и сестер: единственный ребенок, старший или первенец, средний, младший и др.) стали изучаться особенности Я-концепции, социальных достижений, интеллектуального уровня, коммуникативной компетентности сиблингов (А. Адлер, Ф. Гальтон, А. Анастаси и др.).

В отечественной психологии исследований взрослых сиблинговых отношений проведено сравнительно немного (И.Е. Козлова, О.А. Карабанова, А.В. Черников, Н.М. Зырянова, Ю.Д. Черткова, Н.В. Каленова, Н.В. Лукьянченко и др.), но интерес к ним растет. Главным образом они затрагивают аспекты воспитания сиблингов в семье, а

также комплементарности браков и личностных особенностей сиблингов с разными сиблинговыми позициями.

Особенности взаимоотношений сиблингов во взрослом возрасте

Как уже отмечалось, Отношения *взрослых* сиблингов изучены значительно меньше, чем отношения между братьями и сестрами в детском и подростковом возрасте. Тем не менее, интерес к этой теме явно усилился в 1990-е гг. Западные исследования того периода в основном были посвящены трем вопросам (Kang H., 2002): 1) какова роль сиблинговых взаимоотношений во взрослом возрасте; 2) каковы структура и типология этих отношений; 3) какие факторы оказывают влияние на взаимоотношения взрослых сиблингов. Коротко осветим основные результаты этих исследований, продвигаясь в логике ответов на поставленные вопросы.

Роль сиблинговых взаимоотношений

Взрослые сиблинги в большей или меньшей степени оказывают друг другу эмоциональную и практическую помощь (Kang H., 2002; Desautels M., 2008). О важном позитивном вкладе взаимоотношений сиблингов пишет В. Бедфорд, который занимался исследованием противостояний и споров, которые так часты в отношениях братьев и сестер (Bedford V.N., 1996, 1998). Автор отмечает благоприятное влияние этой традиционно считающейся негативной стороны взаимоотношений между братьями и сестрами. Так, выяснилось, что противостояние и споры сиблингов в детском и во взрослом возрасте повышают эффективность воспитания сиблингами своих детей, помогают приобретению ими социальных навыков, дают опыт открытого и честного взаимодействия, способствуют формированию адекватной самооценки и реалистичной картины мира. В. Бедфорд показал, что для личностного благополучия во взрослом возрасте крайне важен процесс переосмысления («когнитивного пересмотра») конфликтов, берущих свое начало в детстве, в том числе конфликтов с сиблингами.

Типологии взаимоотношений взрослых братьев и сестер

Взаимоотношения между сиблингами складываются очень по-разному, а потому встает вопрос об их типологии и структуре. Изначально наиболее естественным представляется анализ взаимоотношений сиблингов на основе их формального деления по половому признаку, т.е. выделение трех видов пар: брат-брат, брат-сестра,

сестра-сестра. Установлено, к примеру, что пары сестра-сестра являются наиболее эмоционально близкими, а пары брат-брат – конкурирующими (Leder J., 1993). Несколько иначе интерпретирует влияние пола на взаимоотношения между взрослыми сиблингами Х. Риггио: женщины больше делятся личной информацией и чаще общаются со своими сиблингами, чем мужчины; при этом не было выявлено никаких связанных с полом различий в привязанности сиблингов и удовлетворенности их взаимоотношениями (Riggio H.R., 2000).

Другим примером типологического изучения взаимоотношений между взрослыми братьями и сестрами может служить проект Р. Стиварда с коллегами (Steward R.V. et al., 2001). Авторы провели масштабное исследование, в котором приняли участие более 500 человек. Критериями для классификации выступили такие качества, как привязанность сиблингов друг к другу, конкуренция, безразличие, притягательность (аттракция) и критицизм. Используя разработанный ими опросник (The Sibling Type Questionnaire), исследователи выделили 5 типов значительно различающихся взаимоотношений между братьями и сестрами: 1) *поддерживающие* отношения (supportive group – 26% от общей выборки); 2) *испытывающие потребность друг в друге* (longing group – 24%); 3) *безразличные* (apathetic group – 19%); 4) *враждебные* (hostile group – 16%); 5) *конкурирующие* (competitive group – 15%).

В целом можно сказать, что для половины выборки сиблинговые отношения носят позитивный характер и имеют высокую значимость, т.е. продолжают играть важную роль в жизни взрослых людей. Авторы отмечают, что со временем конкуренция между сиблингами несколько ослабевает; безразличные же отношения между взрослыми братьями и сестрами встречаются значительно чаще, чем в детстве или подростковом возрасте.

Близкое по направленности исследование провели в Индии Ш. Нандвана и М. Катош в 2009 г. Их целью было построение типологии сиблингов в достаточно зрелом возрасте – от 40 до 60 лет (Nandwana S., Katoch M., 2009). Этот возраст (40-60 лет) имеет следующие особенности: 1) дети покидают «родительское гнездо» (колледжи, университеты и т.д.); 2) родители теряют силы и становятся беспомощными (или умирают). Поэтому отношения с сиблингами приобретают особую значимость.

Исследователи использовали разработанный ими опросник (Adult Sibling Relationship Scale), состоящий из 50 утверждений, характеризующих отношения сиблингов. Были выделены следующие факторы, описывающие характер взаимоотношений сиблингов: 1) забота, эмоциональная близость; 2) доверие к сиблингу; 3) конфликтность и конкурентность; 4) частота позитивных контактов. В результате кластерного анализа данных были выделены 5 типов взаимоотношений между сиблингами в возрасте от 40 до 60 лет: 1) *очень близкие, дружеские* (intimate - 8% выборки (0% мужчин и 14% женщин)); 2) *родственные, близкие по духу* (congenial - 24% выборки (27% мужчин и 22% женщин)); 3) *лояльные* (loyal - 33% выборки (35% мужчин и 32% женщин)); 4) *безразличные* (apathetic - 29% выборки (38% мужчин и 20% женщин)); 5) *враждебные* (hostile - 6% выборки (0% мужчин и 12% женщин).

Отличия результатов этого исследования от результатов Р. Стиварда и его коллег Ш. Нандвана и М. Катош объясняют это возрастными особенностями исследованной выборки. В указанном возрасте (40-60 лет) конкурентные мотивы в отношениях между сиблингами утрачивают свою актуальность, поскольку уже более или менее определено, кто чего добился и в семейной, и в профессиональной сфере. Взаимоотношения в целом становятся спокойнее.

Другие известные типологии взаимоотношений сиблингов (не детей) касаются либо братьев и сестер старшего подросткового (Kristine M.V., Morgan C.B., 1998), либо пожилого возраста (Gold D., 1989).

Факторы, оказывающие влияние на взаимоотношения взрослых сиблингов

Западными исследователями, работающими в русле факторного подхода, проведено немало исследований, направленных на установление причин тех или иных особенностей отношений между взрослыми братьями и сестрами (Brody G.H., Neubaum-Carlson E., 2002 и др.). Приведем основные результаты, полученные в этих работах.

В работе И. Коннидис и Л. Кэмпбел (Connidis I.A., Campbell L.D., 1995) утверждается, что характер отношений между взрослыми братьями и сестрами определяется тремя главными факторами: 1) *полом* — в отличие от мужчин женщины склонны к более тесным связям со своими братьями и сестрами; 2) *семейным положением* — не состоящие в браке и вдовы/вдовцы тяготеют к более тесным связям со

своими сиблингами; 3) *родительским статусом* — бездетные сиблинги стремятся к более близким отношениям.

В свою очередь И. Коннидис (Connidis I.A., 1992) показал, что такие *серьезные жизненные события*, как развод, болезнь, потеря члена семьи, рождение ребенка (за исключением женитьбы) обычно приводят к эмоциональному сплочению сиблингов.

В исследовании Т. Ли и Дж. Манчини (Lee T., Mancini J., 1990) было продемонстрировано, что к контактам взрослых сиблингов часто побуждает не только эмоциональная, но и *близость проживания братьев и сестер*.

Л. Уайт и А. Риедман (White L.K., Riedmann A., 1992) установили, что на эмоциональную близость между сиблингами влияет *мера генетического родства*. В процессе этого исследования сравнивалась степень привязанности между следующими группами респондентов: 1) монозиготные близнецы; 2) дизиготные близнецы; 3) сиблинги с общими родителями; 4) братья и сестры, имеющие только одного общего родителя; 5) люди, не имеющие общих генов, но выросшие в одной семье. Наименьшая степень привязанности отмечена у людей, не имеющих генетического родства, наибольшая — у монозиготных близнецов. Однако значимых различий в качестве отношений между дизиготными близнецами и просто детьми одних родителей (одинаковое количество общих генов) выявлено не было.

Согласно результатам исследования А. Фолвела с коллегами (Folwell A.L. et al., 1997), есть три основные причины для поддержания сиблинговых отношений за пределами детства: 1) *переживание важных событий и трудностей*; 2) *фактор сходства* (признание схожести между сиблингами в силу кровного родства); 3) *проблемы, связанные со старением*.

В психологической литературе имеется большое количество упоминаний об исследованиях, посвященных связи взаимоотношений между сиблингами и *личностными чертами братьев и сестер*. Однако почти все они касаются детей доподросткового возраста или младших подростков. При этом источником информации об индивидуально-личностных чертах сиблингов служат описания родителей (чаще матерей). Относительно взрослых братьев и сестер таких исследований проводится заметно меньше.

В исследовании Ш. Нил из Университета Джорджии (Neale C.W., 2003) изучалось влияние схожести сиблингов старшего подросткового возраста на близость и теплоту отношений с братом или сестрой. Гипотезой исследования служило предположение, что чем более схожи сиблинги по своим личностным качествам, тем более близкими и теплыми, с их точки зрения, являются отношения между ними. Также целью исследования было определить, какие индивидуально-личностные черты могут служить предикторами теплых и близких отношений между сиблингами. В целом основная гипотеза исследования подтвердилась. Те сиблинги, которые видели друг в друге много похожих личностных черт, имели более теплые, близкие и доверительные отношения, чем те братья и сестры, которые оценивали друг друга, как абсолютно не похожих. Если сиблинг воспринимается, как внимательный к другим, надежный, воспитанный, не агрессивный и не очень упрямый, то в этом случае можно с большой долей уверенности ожидать теплые и близкие отношения между сиблингами.

В исследовании М. Бруссони рассматривался в частности вопрос о влиянии личностных черт на привязанность между сиблингами, респондентами выступали студенты колледжа (Brussoni M.J., 2000). Одним из выводов М. Бруссони стало то, что на характер отношений сиблингов оказывают влияние экстраверсия, нейротизм, доброжелательность и добросовестность как респондента, так и его брата или сестры. Таким образом, позитивнее всего отношения с сиблингами у общительных, активных, вызывающих положительные эмоции (экстраверсия), эмоционально стабильных (низкий нейротизм), внимательных к другим, не конфликтных (доброжелательность), а также добросовестных лиц.

Таким образом, проведенный анализ литературы показал как серьезную психологическую значимость отношений между сестрами/братьями, выходящую далеко за рамки детства, так и недостаточную изученность многообразия и вариативности сиблинговых взаимоотношений, с одной стороны, и условий, определяющих характер этих взаимоотношений - с другой. С учетом этих обстоятельств предметом данного эмпирического исследования стали типологический и онтогенетический аспекты отношений между взрослыми сиблингами, а также анализ факторов, влияющих на взаимоотношения взрослых сиблингов (ВВС).

Эмпирическое исследование ВВС и факторов, оказывающих влияние на характер этих отношений

Проведенное исследование было направлено на изучение особенностей взаимоотношений взрослых сиблингов на отечественной выборке. Мы ставили перед собой следующие задачи: 1) осветить онтогенетический и типологический аспекты ВВС; 2) установить, какие из факторов из традиционно рассматриваемых в контексте сиблинговых отношений влияют, а какие нет на характер отношений между братьями и сестрами во взрослом возрасте.

Характеристики выборки

В исследовании приняли участие 289 человек (195 женщин и 94 мужчины) в возрасте от 18 до 58 лет ($M = 29,9$; $SD = 11,0$), имеющие одного и более сиблингов. 57% респондентов описывали свои отношения с *младшими* братьями или сестрами, 43% – со *старшими*; половина респондентов состояли в браке, половина – нет.

Методики

Особенности отношений к сиблингу оценивались при помощи двух адаптированных опросников (Adult Sibling Relationship Questionnaire (Stocker C. et al., 1997) и Lifespan Sibling Relationship Scale Items (Riggio H.R., 2000)). При помощи первого опросника были получены значения по трем факторам: 1) сердечность; 2) конфликтность и конкурентность; 3) ревность по поводу отношения родителей. Во втором опроснике оценивались три параметра: 1) частота и позитивный либо негативный характер общения; 2) эмоциональный аспект отношений; 3) доверие. Существенно, что все три параметра оценивалось не только в момент проведения исследования, т.е. применительно к взаимоотношениям во взрослом возрасте, но и в детстве. Образ сиблинга строился при помощи адаптированного пятифакторного опросника (Inventory of Individual Differences (Davey M. et al., 2002)).

Результаты исследования

Убедившись, что взаимоотношения взрослых братьев и сестер существенно различаются, мы попытались их сгруппировать на основе кластерного анализа и с учетом динамики изменений оцениваемых параметров во времени, т.е. в детстве и взрослости. В итоге было выделено *четыре основных типа* ВВС:

- 1-й тип: *эмоционально-позитивные* отношения (сердечные, гармоничные, улучшившиеся по сравнению с детством) – у 39% респондентов;
- 2-й тип: *амбивалентные* отношения (сердечные, конфликтно-конкурирующие, практически не изменившиеся по сравнению с детством) – у 32%;
- 3-й тип: *отстраненные* отношения (не близкие и не конфликтные, немного улучшившиеся по сравнению с детством) – у 18%;
- 4-й тип: *конфликтные* отношения (не близкие, конкурирующие вплоть до враждебных, ухудшившиеся по сравнению с детством) – у 11%.

Можно видеть, что около двух третей взрослых братьев и сестер (71%) считают свои отношения с сиблингом в той или иной степени сердечными, другими словами во взрослом возрасте, когда отношения с сиблингом по сравнению с детством теряют вынужденный характер, становясь совершенно *добровольными*, большинство взрослых людей *воспринимают их явно позитивно* (Алмазова О.В., 2013). Далее рассмотрим традиционно разбираемые в контексте сиблинговых отношений факторы.

Пол

Гендерная специфика во взрослых сиблинговых отношениях не выступает в степени привязанности, принятия и близости по отношению к брату или сестре. Тем не менее женщины несколько чаще описывают свои отношения с сиблингами как эмоционально-позитивные, а мужчины – как амбивалентные. В случае проблемных отношений мужчины чаще оценивают свои ВВС как отстраненные, а женщины – как конфликтные. Это хорошо согласуется с традиционным представлением о большей эмоциональности женщин.

Кроме того, женщины ощущают свои отношения с сестрами как близкие; они много знают о сестрах и оказывают им большую эмоциональную поддержку. Практическая поддержка наиболее распространена в однополых парах сиблингов, т.е. парах брат-брат и сестра-сестра. Мужчины признают большее сходство с братьями, чем сиблинги в других видах пар. Доминирование и конкуренция наиболее типичны для однополых пар сиблингов, особенно между двумя братьями. Противостояние и ссоры более всего выражены в парах сестра-сестра. Женщины значимо чаще, чем мужчины, считают, что отцы больше выделяют и поддерживают их, а не сиблинга. Вспоминая о детстве, большее доверие и позитив в отношениях отмечают мужчины, которые описывали свои

отношения с братьями. Мужчины, у которых есть сестры, вспоминали о теплоте в отношениях с сестрой в детском возрасте. Что касается настоящего времени, то женщины, которые отвечали на вопросы о сестрах, оценивают доверие и позитивность взаимодействия выше, чем остальные респонденты.

Возраст

С целью проверки связи характера ВВС с возрастом респондентов, мы разбили участников исследования на три группы: 1) респонденты, возраст которых не больше 23 лет; 2) участники исследования от 24 до 39 лет; 3) те, кому уже исполнилось 40. Такое разбиение связано с тем, что к 23-24 годам, молодые люди заканчивают получение высшего образования, начинают строить свою профессиональную и семейную жизнь, что заставляет сильно перестраивать отношения с родительской семьей и с сиблингами. После 40 лет, т.е. после кризиса середины жизни, все значимые отношения снова подвергаются пересмотру. В табл. 1 дано распределение респондентов разных возрастных групп по типам ВВС, а на рис. 1 – графическое изображение этого распределения.

Таблица 1

Распределение респондентов разного возраста по типам ВВС

		Возраст			Итого
		до 23 лет	от 24 до 39 лет	от 40 лет	
Тип ВВС	1	49 (48%)	42 (35%)	17 (29%)	108
	2	32 (31%)	34 (29%)	25 (43%)	91
	3	13 (13%)	26 (22%)	11 (19%)	50
	4	9 (8%)	17 (14%)	5 (9%)	31
Итого		103 (100%)	119 (100%)	58 (100%)	280

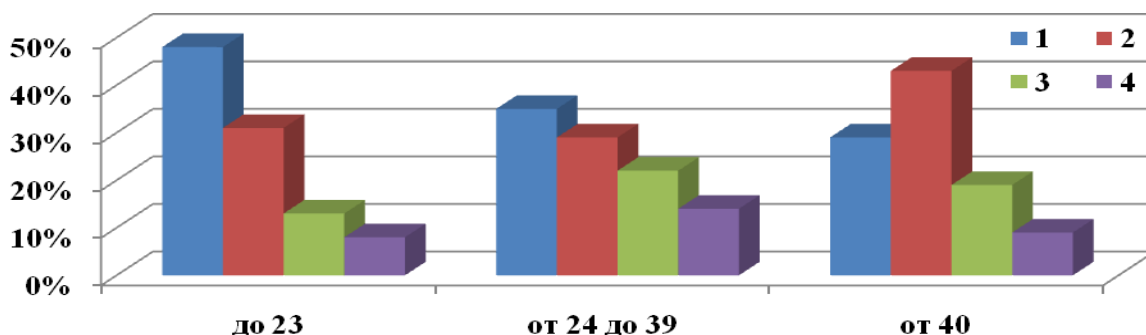

Рис. 1. Распределение респондентов разных возрастных групп по типам ВВС (в % по каждой группе)

На уровне тенденции возраст сиблингов и тип ВВС связаны ($\chi^2=0,070$, $p=0,070$). У братьев и сестер младше 23 лет преобладают эмоционально-позитивные и амбивалентные отношения (1-й и 2-й тип ВВС) и значимо реже встречаются отстраненные и конфликтные отношения (3-й и 4-й тип ВВС). Видимо то, что еще не так давно сиблинги были (а может и остаются в данный момент) частью повседневной жизни, не позволяет относиться к ним нейтрально или враждебно. У сиблингов старше 40 лет значимо чаще, чем в других возрастных группах встречаются амбивалентные, то есть сердечные, но конфликтно-конкурирующие отношения (2-й тип ВВС). Мы это связываем с тем, что братья и сестры, пережившие кризис середины жизни, произвели переоценку ценностей, подвели некоторые итоги жизни, и, естественным образом, сравнили свои достижения с тем, чего достигли их братья и сестры, что вернуло конфликтно-конкурирующую составляющую в сиблинговые отношения.

Семейное положение

Наибольшие различия в отношениях у братьев и сестер, состоящих и *не* состоящих в браке, выступают в конфликтно-конкурирующей составляющей взаимоотношений, а не в степени их сердечности (принятии, привязанности, близости, поддержке). «Одинокие» значимо больше конкурируют ($U=7858,000$; $p=0,007$) и чаще ссорятся с сиблингами ($U=7371,500$; $p=0,001$), в их отношениях с братьями и сестрами значимо чаще встречается доминирование ($U=6629,500$; $p=0,000$) и противоборство ($U=6275,000$; $p=0,000$).

Разница в возрасте

Психологи, рассматривающие взаимоотношения между сиблингами в детстве и подростковом возрасте, уделяют много внимания разнице в возрасте между братьями и сестрами. Мы показали, что и во взрослом возрасте этот фактор остается немаловажным. Сиблинги с меньшей разницей в возрасте (меньше 4 лет) значимо чаще, чем сиблинги с большей разницей, описывают свои отношения с братом или сестрой как эмоционально-позитивные. В свою очередь, сиблинги с большей разницей чаще видят отношения как отстраненные и недружественные, чем сиблинги с меньшей разницей в возрасте ($\chi^2=9,399$; $p=0,024$).

Сиблинги с меньшей разницей в возрасте чувствуют большую близость сиблингу ($U=7844,500$; $p=0,003$), оказывают и получают большую эмоциональную ($U=7845,000$; $p=0,003$) и практическую ($U=8384,500$; $p=0,034$) поддержку, больше осведомлены о жизни сиблингов ($U=7526,000$; $p=0,001$) и выше оценивают достоинства своих братьев и сестер ($U=8304,000$; $p=0,025$). Также в этом же случае частота и характер взаимодействий в детстве были выше ($U=7895,000$; $p=0,006$) и больше доверие сиблингу и в настоящее время ($U=8000,500$; $p=0,009$), и в детстве ($U=6859,500$; $p=0,000$).

Что касается личностных черт, то сиблинги с меньшей разницей в возрасте описывают своих братьев и сестер как более коммуникабельных ($U=8284,000$; $p=0,037$), упрямых ($U=8158,000$; $p=0,023$), целеустремленных ($U=7861,500$; $p=0,007$) и на уровне тенденции как вызывающих больше положительных эмоций ($U=8421,000$; $p=0,059$), чем сиблинги с большей разницей в возрасте.

Таким образом, подтверждается влияние возрастных различий на особенности отношений между сиблингами и во взрослом возрасте. Можно полагать, что большая разница в возрасте (соответственно, и в жизненном опыте) продолжает мешать равенству позиций в общении и ВВС.

Сиблинговая позиция

Известно, что во взрослом возрасте влияние фактора старшинства ослабевает (по сравнению с детством), тем не менее некоторые особенности ВВС у старших и младших сиблингов в обследованной выборке проявились. Старшие, к примеру, больше признают свое сходство с младшими ($U=8622,000$ при $p=0,095$, различия на уровне тенденции), чем

наоборот. Мы связываем это с описанным в литературе феноменом: старшим детям в семье (в отличие от младших) обычно не надо искать «собственную нишу», подчеркивать непохожесть на младших, что и позволяет им с легкостью признавать свою похожесть на сиблинга. Младшие видят старших более целеустремленными ($U=7214,000$; $p=0,000$) и организованными ($U=7377,500$; $p=0,001$), что сочетается с также известными особенностями воспитания первого и последующих детей.

Географическая удаленность места жительства сиблингов

Исследование подтвердило некоторые известные ранее представления: проживающие вместе братья и сестры чаще ссорятся, больше конкурируют и противостоят друг другу, чем живущие отдельно. В то же время в случае совместного проживания выше степень практической поддержки, больше осведомленность о жизни сиблинга, взаимодействие в целом интенсивнее. Расстояние как таковое, т.е. фактор удаленности (10км или 500км), оказался не существенным.

Степень генетического родства

Сиблинги с общими родителями («родные» братья и сестры) чувствуют себя ближе друг к другу ($U=2603,000$; $p=0,034$), больше доверяют ($U=2663,500$; $p=0,053$), готовы оказывать и получать большую эмоциональную ($U=2481,500$; $p=0,015$) и практическую поддержку ($U=2674,500$; $p=0,052$), чем братья и сестры с одним общим родителем. Образ сиблинга также более позитивен именно в случае обоих общих родителей. Было бы ошибочным, однако, объяснять эти результаты влиянием фактора генетического родства. Братья и сестры, имеющие только одного общего родителя, нередко и растут в разных условиях, что может оказывать не меньшее влияние на отношения между сиблингами.

Личностные черты взрослых братьев и сестер

При помощи адаптированного пятифакторного опросника ICID (Davey M. et al., 2002), нами были получены оценки, которые дали респонденты индивидуально-личностным чертам их сиблингов, что позволило провести сравнение между образами сиблингов из разных типов ВВС.

Полученные в результате сравнения данные позволили сделать два вывода: во-первых, представления об индивидуально-психологических особенностях сиблинга при разных типах ВВС действительно *существенно различны*; во-вторых, образ сиблинга и

характер взаимоотношений с ним тесно *взаимосвязаны*. При эмоционально-позитивных отношениях (первый тип) сиблинг описывается как умный, общительный, активный, привлекательный, целеустремленный, организованный, внимательный к другим и т.д. При конфликтных отношениях (четвертый тип), сиблинг представляется не слишком умным, непривлекательным, неорганизованным и т.д. В то же время нами не обнаружено значимых различий в образе сиблинга при амбивалентных и отстраненных отношениях (второй и третий тип ВВС).

Обсуждение результатов

Одним из важнейших результатов исследования мы считаем построенную типологию взаимоотношений взрослых сиблингов. Напомним, что эмоционально-позитивные (первый тип отношений) был определен у 39% выборки; амбивалентные (второй тип) - у 32%; отстраненные (третий тип) - у 18%; конфликтные (четвертый тип) - у 11%. Сравнение полученной нами типологии сиблинговых отношений с характерными типами в американской [Steward et al., 2001] и индийской выборках [Nandwana, Katoch, 2009] обнаружило в них признаки определенной *социокультурной специфики* (рис. 2). К примеру, в отечественной выборке отмечалась заметно большая сердечность и меньшая степень конкурентности отношений по сравнению с американскими респондентами. Эти данные представляют, на наш взгляд, интерес, но вопрос требует дальнейшего, более обстоятельного изучения.

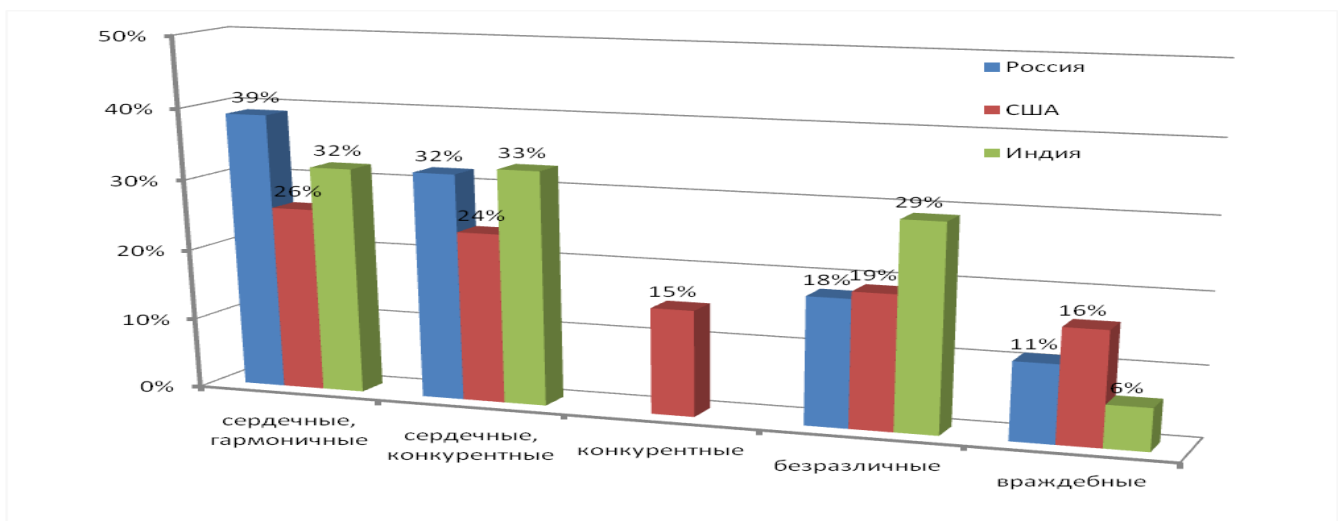

Рис. 3. Соотношение типов ВВС в разных социокультурных выборках

Было показано, что некоторые традиционно рассматриваемые в контексте сиблинговых отношений факторов (такие как возраст, разница в возрасте, семейный статус, личностные черты сиблинга и степень генетического родства) продолжают оставаться в некоторой степени определяющими для отношений уже взрослых братьев и сестер. В то время, как другие факторы (пол, расстояние, на котором проживают сиблинги друг от друга и сиблинговая позиция) утрачивают свою значимость во взрослом возрасте.

И хотя мы считаем полученные результаты важными и интересными, однако не считаем влияние этих факторов определяющими для формирования и развития отношений между сиблингами. Как известно, изначально «ребенок входит в этот мир и воспринимает его в буквальном смысле сквозь призму привязанности к матери». И хотя позже (в детстве и подростковом возрасте) круг лиц, к которым формируется привязанность, расширяется, мать чаще всего сохраняется в качестве основного объекта привязанности (Бурменская Г.В., 2009). В другой части исследования, мы убедительно продемонстрировали, что связь формирующейся в раннем детстве *привязанности* к матери с характером *взаимоотношений* между братьями/сестрами прослеживается и по достижении ими возраста личностной зрелости и автономии. Большинство взрослых сиблингов с эмоционально-позитивными и амбивалентными взаимоотношениями (первый и второй типы ВВС предлагаемой типологии) имеют *надежную* привязанность к матери, тогда как для сиблингов с отстраненными (третий тип) и, особенно, конфликтными (четвертый тип) взаимоотношениями характерна *ненадежная* привязанность (Алмазова О.В., Бурменская Г.В., 2015).

Список литературы

- Алмазова О.В., Бурменская Г.В. Взаимоотношения взрослых братьев и сестер и их связь с привязанностью к матери // Вопросы психологии. - 2015. - №4. - в печати.
- Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестн. Моск. ун-та. - Сер. 14, Психология. - 2009. - №4. - С. 17—31.
- Руфо М. Братья и сестры, болезнь любви - Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 288 с.

Bedford V.H. Relationships between adult siblings. // In A. Auhagan, M. Von Salisch (Eds.). The diversity of human relationships. - NY: Cambridge University Press. - 1996. - Pp. 120-140.

Bedford V.H. Sibling relationship troubles and well-being in middle and old age // Family Relations: Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies. - 1998. - Vol. 47. - Pp. 369-378.

Brody G.H., Neubaum-Carlan E. Siblings and sibling relationships // In N.J. Salkind (Ed.). Macmillan psychology reference series: Vol. 1. - Child Development. - New York: Macmillan Reference USA. - 2002. - Pp. 363-365.

Brussoni M.J. We are family: sibling attachment relationships among young adult. PhD dissertation. The University of British Columbia. - 2000. - 96 p.

Cicirelli V. Sibling relationship across the lifespan. New York: Plenum, 1995.

Connidis I.A. Life transitions and the sibling tie // Journal of Marriage & the Family. -1992. - Vol. 54. - Pp. 972-982.

Connidis I.A., Campbell L.D. Closeness, confiding, and contact among siblings in middle and late adulthood // Journal of Family Issues. - 1995. - Vol. 16(6). - Pp. 722-745.

Davey M., Eaker D.G., Walters L. Resilience processes in adolescents: Personality profiles, self-worth, and coping // Journal of Adolescent Research. - 2002. - Vol. 18(4). - Pp. 347-362.

Desautels M. Sibling relationship and emotional regulation. PhD dissertation. University of Birmingham. - 2008. - 74 p.

Folwell A.L., Chung L.C., Nussbaum J.F., Bethea L.S., Grant J.A. Differential accounts of closeness in older adult sibling relationships // Journal of Social & Personal Relationships. - 1997. - Vol. 14(6). - Pp. 843-849.

Gold D. Sibling relationship in old age: A typology // International Journal of Aging and Human Development. - 1989. - Vol. 28 (1). - Pp. 37-51.

Kang H. The nature of adult sibling relationship literature review. Children and Family Research Center, School of social work, University of Illinois, Urbana, Illinois, 2002. - 77 p.

Kristine M.V., Morgan C.B. Sibling relationship in early adulthood: A typology // Journal of Personal Relationship. - 1998. - Vol. 5.- Pp. 59-74.

Leder J. Adult sibling rivalry // Psychology Today. - 1993. - Vol. 26(1). - Pp. 56-63.

- Lee T., Mancini J. (1990). Sibling relationships in adulthood: Contact patterns and motivations // Journal of Marriage & the Family. - 1990. - Vol. 52(2). - Pp. 429-431.
- Nandwana S., Katoch M. Perception of sibling relationship during middle adulthood years: A Typology // Journal of the Social Sciences. - 2009. - Vol. 21(1). - Pp. 67-72.
- Neale C.W. Perceived sibling compatibility and the effects of personality: PhD dissertation. - Athens, Georgia, 2003.
- Riggio H.R. Measuring attitudes toward adult sibling relationships: The lifespan sibling relationship scale // Journal of Social and Personal Relationships. - 2000. - Vol. 17(6). - Pp. 707-728.
- Steward R.B., Kozak A.L., Tingley L.M., Goddard J.M., Blake E.M., Casse W. (2001). Adult sibling relationships: Validation of a typology // Personal Relationships. - 2001. - Vol. 8(30). - Pp. 299-324.
- Stocker C., Lanthier R., Furman W. Sibling relationships in early adulthood // Journal of Family Psychology. - 1997. - Vol 11(2). - Pp. 210-221.
- White L.K., Riedmann A. When the Brady Bunch grows up: Step/half- and full sibling relationships in adulthood // Journal of Marriage & the Family. - 1992. - Vol. 54(1). - Pp. 197-208.

**Профессиональный выбор старшеклассников в зависимости от степени их
включенности в родительскую семью**

Баурина А.Б.

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

arb1@mail.ru

Аннотация: Выбор профессии осуществляется в зависимости от сложившихся в семье характера совместной деятельности и отношений. Включенность в родительскую семью, как показатель типа семьи, который взаимосвязан с особенностями профессионального выбора. При большей сплочённости в семье

старшеклассники выбирают профессии типа «художественный образ», а при меньшей сплочённости типа «знаковая система».

Родительская семья во многом определяет специфику развития личности старшеклассника (А. Адлер, И.С. Кон, А.В. Петровский, В.В. Столин, Ф. Райе, Л.Б. Шнейдер, Э.Г. Эйдемиллер и др.). Она влияет и на выбор будущей профессии (Г.М. Мкртчян, Ф. Райе, А.Е. Чирикова, В.Н. Шубкин и др.). Как показали исследования В.К. Шабельникова, (Шабельников В.К., 2015) С.И. Григорьевой (Григорьева С.И., 2014) существует различная степень включенности старшеклассника в семью, которая определяет тип учебной мотивации студентов. Целью данной работы было изучить особенности выбора профессии старшеклассниками во взаимосвязи со степенью включенности в родительскую семью. Мы предположили, что при большей включенности в совместную деятельность семьи, характеризующую расширенную родовую семью старшеклассник будет выбирать профессии, требующие совместной деятельности в связи с тем, что у него лучше сформированы социальные навыки. При меньшей включенности в семью, что характерно для нуклеарной городской семьи, старшеклассник будет выбирать профессии, требующие более индивидуальной деятельности.

Исследование проводилось на базе частной общеобразовательной школы «Эллада» г. Москвы. Объем выборки составил 50 человек. Возраст - от 15 до 17 лет. С целью определения типа включенности старшеклассников в семью использовались методики: «Опросник Шкала семейной адаптации и сплоченности (Опросник FACES-3 / Тест Д. Х. Олсона), «Шкала семейного окружения (ШСО), а для определения типа профессионального выбора использовались: «Тест Д.Ф. Голланда, Методика профессионального самоопределения», «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьев, Дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е.А.Климова».

По результатам проведения методики «Шкала семейной адаптации и сплочённости», выявлено, что большая часть - 70% старшеклассников показывают невысокий уровень сплоченности в их семьях, а также относятся к типу семей, где эмоциональная близость и привязанность между членами семьи находится на низком уровне. Меньшая часть опрошенных - 20% старшеклассников считает, что в их семьях

наблюдаются немного большие показатели семейной сплочённости и близости между членами семьи, но не достигающие средних значений. 10% старшеклассников, находятся на грани ранга «связанный», у них можно отметить уровень сплочённости выше среднего. Данные результаты можно объяснить с одной стороны сепарацией от родителей, характерной для подросткового возраста (Д.Б. Эльконин, О.А. Карабанова и др.) Родителям трудно сохранять хорошие отношения с повзрослевшими и выходящими из под контроля старшеклассниками, которые в большей степени ориентируются на сверстников и профессиональные сообщества, чем на семью. В результате мы разбили выборку по показателю сплочённости на две группы: группа подростков, относящихся к семьям с «разобщённым» уровнем семейной сплочённости и группа подростков, относящихся к семьям с «разделённым» уровнем семейной сплочённости. Результаты методики «Шкала семейного окружения» подтвердили полученное выше разделение группы. По шкале «сплочённости» более выражены средний и низкий показатели – по 30%, средних значений достиг пониженный – 20% менее всего выражены очень низкий и повышенный показатели – по 10% каждый. Можно отметить то, что все старшеклассники относятся к достаточно обеспеченным семьям, т.к. школа частная, у родителей нет материальных проблем, но есть проблемы в семейном общении и взаимодействии между членами семьи. Родители больше заняты зарабатыванием денег и часто отдалены от своих детей и их проблем. Поэтому среди результатов можно отметить более низкие показатели сплочённости, но высокие показатели конфликтности.

По результатам теста Голланда наглядно видно, что среди группы с разобщённым уровнем семейной сплочённости преобладают артистический(31%) и предпринимательский тип личности(24%), заметно меньше у респондентов проявились реалистический и конвенциональный типы (12%), и совсем отсутствует интеллектуальный тип личности. Среди группы с «разделённым» уровнем семейной сплочённости результаты совершенно другие. У старшеклассников данной группы наибольшие значения выявлены по социальному типу личности(59%), значительно меньше артистическому – (29%), значительно меньше проявился предпринимательский тип личности (13%) и вовсе не проявились конвенциональный и интеллектуальный типы. По результатам данной методики проявляется тенденция молодого поколения в

стремлении к творчеству, в большей степени у группы «разобщённых» старшеклассников.

Результаты по методике СЖО Д.А. Леонтьева показали, что у старшеклассников наиболее высокие значения по шкале «процесс», т.е. жизнь для них является интересной и насыщенной, наполненной смыслом. Наименьшие значения имеет шкала «Локус контроля Я». Ученики 9 классов ещё не умеют в достаточной мере контролировать и управлять процессами в своей жизни.

Анализируя результаты методики ДДО Е.А. Климова можно сказать о том, что наибольшие значения получили профессии, направленные на общение с людьми и коммуникационного типа и гораздо меньшие значения у профессий индивидуальной направленности. Это может быть объяснено тем, что молодое поколение сегодня сильно увлечено модой, шоу-бизнесом. Наблюдается явление инфантилизации молодых людей. Профессии выбираются соответствующие, все считают себя творческими личностями. Профессии же, требующие больше физического труда всё также не привлекательны для молодых людей сегодня в нашем обществе. Данная тенденция проявилась и в методике Голланда.

В результате проведения корреляционного анализа была выявлена зависимость между показателями сплочённости и двумя типами профессий. При больших показателях семейной сплочённости подростки выбирают профессии типа «художественный образ» и в меньшей степени типа «знаковая система». Можно отметить, что при большей семейной сплочённости наблюдается высокая эмоциональная близость, принятие границ, которые устанавливаются в семье, проводится больше времени в кругу семьи, высокие показатели интеллектуально – культурной организации, наблюдается целенаправленность, желание управлять своей жизнью и такие старшеклассники отличаются предприимчивостью. При меньшей семейной сплочённости наблюдается неприятие семейных границ, пониженный морально-нравственный аспект, склонность к работе с числами, рациональность, исполнительность.

Список литературы

Григорьева С.И. Семья как детерминирующая система развития личности. М: ИИУ МГОУ. 2014. с. 263.

Шабельников В.К. Семья в геополитическом конфликте XXI века//Психология семейных отношений // под ред. А.В. Литвиновой, Флинта. - 2015. С. 7-16.

Влияние личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях

Благенкова Н.П.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

E-mail: blagenkovan@gmail.com

Ключевые слова: совладающее поведение, механизмы психологической защиты, центральные личностные функции, замещающая семья.

Одной из наиболее важных медико-социальных и психологических проблем современности является изучение функционирования индивида и психической адаптации личности к условиям окружающей среды [2, с. 9]. Жизнь современного человека изобилует сложными ситуациями, связанными с выбором адекватного способа разрешения различных жизненных затруднений, психологических проблем и конфликтов с окружающими, а также с урегулированием всевозможных кризисов – от личностных до экономических. Миллионы людей оказались под воздействием хронических, непрерывно возрастающих, интенсивных стрессовых ситуаций. Как указывал З. Фрейд, основная проблема человеческого существования заключается в том, чтобы справиться со страхом и тревогой, которые возникают в самых разных ситуациях.

Изучение совладающего поведения является особо актуальным в связи с тем, что, с одной стороны, механизмы психологической защиты являются адаптивными и

предохраняют сознание человека от болезненных чувств и воспоминаний. Но, с другой стороны, нередко требуется слишком много сил, чтобы держать свои страхи и желания «на привязи». В этом случае защита создает для личности множество ограничений, неизбежно приводит человека к замкнутости и изоляции. Значительные затраты энергии на удержание себя «в футляре» могут ощущаться как хроническая усталость или повышение общего уровня тревожности. В связи с этим специалистам следует стремиться к замене примитивных незрелых защитных реакций на более сознательные и избирательные адаптивные способы совладания [3, с. 4]. Существенное влияние на выбор субъектом способов совладания оказывают социокультурные переменные (социальная среда развития и так называемое социальное «наследование» совладания, в основе которого лежит межпоколенное взаимодействие). Важнейшим аспектом, который помогает понять формирование основных стратегий совладающего поведения подростков, является изучение влияния семьи.

Отсутствие возможности полноценной социализации в семье у лиц из числа детей-сирот и лиц, оставшихся без попечения родителей, влечет за собой последствия, констатируемые сегодня как проблемные и для самих молодых людей, входящих в обозначенную категорию лиц, так и для всего общества в целом. По мнению специалистов, основными проблемами детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются их тяжелое психосоциальное положение, вызванное как врожденными свойствами нервной системы, так и особенностями личности, осложненными неврологическим статусом, негативным жизненным опытом, педагогической и социальной запущенностью. Их развитие и здоровье имеют ряд качественных особенностей, которые отличаются на всех ступенях детства – от младенчества до подросткового возраста и дальше, и проявляются на протяжении всей жизни. Особенности по-разному и в неодинаковой степени обнаруживают себя на каждом возрастном этапе. Но все они чреватые серьезными последствиями для формирования личности подрастающего человека.

Подростковый возраст часто рассматривают как фазу уникального стресса развития. Стрессы, связанные с физическими и психологическими изменениями в пубертате, имеют высокую выраженность. Подростки обладают повышенной

чувствительностью к стрессу по сравнению с лицами более старшего возраста, более чувствительны к различным жизненным событиям и изменениям. Само осознание подростком происходящих с ним изменений в пубертате является стрессогенным и создает внутреннюю неуверенность, мобилизует защитные механизмы. Подростки защищаются от стрессогенного, негативного влияния социальной среды. Учитывая то, что подростки из замещающих семей в данном исследовании являются «выходцами» из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, можно говорить о том, что данная категория лиц является потенциально незащищенной с точки зрения формирования конструктивных социальных навыков.

По данным Национального статистического комитета, на 1 января 2013 года в Беларуси было 1 млн 741,8 тыс. детей в возрасте до 18 лет, или 18,4% общей численности населения. На конец 2012 года в стране насчитывалось около 24 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Из них 5,9 тыс. (25%) воспитывались в детских интернатных учреждениях, более 18 тысяч (75%) получали альтернативный семейный уход (опека, приемная семья, детские дома семейного типа) [1].

В качестве *объекта* исследования в данной работе выделяются механизмы психологической защиты и совладающее со стрессом поведение подростков.

Предметом исследования выступает влияние личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях.

Целью данной дипломной работы является изучение влияния личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях.

Для ее реализации предполагается решение следующих *задач*:

- 1) выявить особенности механизмов психологической защиты подростков, воспитывающихся в замещающих семьях;
- 2) изучить особенности совладающего поведения подростков, воспитывающихся в замещающих семьях;
- 3) провести комплексное сравнительное исследование центральных личностных функций матерей в замещающих и биологических семьях;

4) оценить влияние личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что различия в специфике функций Я у матерей находят отражение в предпочитаемых стратегиях совладания со стрессом и механизмах психологической защиты у подростков в замещающих семьях.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили взгляды, высказанные А. Фрейд и развитые Никольской И.М. и Грановской Р.М. о том, что в процессе онтогенеза у каждого ребенка формируется индивидуальный уникальный стиль адаптивного или защитного поведения, управляющий состоянием и преодолевающий стрессы повседневной жизни. Индивидуальный набор защитных и совладающих механизмов зависит от конкретных обстоятельств жизни, с которыми сталкивается ребенок, от многих факторов внутрисемейной ситуации, от отношений ребенка с родителями.

При рассмотрении личностных детерминант, мы обратились к одной из продуктивных современных концепций – гуманструктурологической концепции личности немецкого психиатра и психотерапевта Гюнтера Аммона. Согласно данной концепции, центральная, преимущественно неосознаваемая сфера личности, содержит основные личностные функции, такие как агрессия, тревога, Я-отграничение, нарциссизм, сексуальность и др. Центральная бессознательная часть личности является базисом для психического здоровья потому, что эта сфера представляет собой структурное выражение наиболее раннего опыта групповой динамики. Качество интерперсональных опытов, полученных на ранних этапах развития, так же как и в более позднее время, выражается в специфическом спектре личностных характеристик: конструктивных, то есть способных поддерживать контакт и развитие; деструктивных, разрушающих контакт и поэтому тормозящих (останавливающих) развитие, и дефицитарных, без контакта и без развития. Качество личностного развития определяется спектром конструктивных, деструктивных и дефицитарных характеристик.

Процедура исследования включала в себя изучение стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями с помощью «Методики для психологической диагностики копинг-механизмов» Е. Heim (автор Э.Хайм, адаптация сотрудников института им. Бехтерева, Санкт-Петербург) [29]. Для выявления механизмов психологической защиты использовалась методика «Индекс жизненного стиля» (LSI), предложенная Р. Плутчиком, Х. Келлерманом [4]. Личностные детерминанты совладающего поведения изучались с применением теста структуры Я по Г. Аммону (ISTA – Ich-Structure Test von Gunter Ammon) [5]. Методика адаптирована и рестандартизирована специалистами Санкт-Петербургского НИИ им. В.М. Бехтерева, как русскоязычная версия ISTA – Я-структурный тест Гюнтера Амона.

При обработке эмпирических данных применялись методы описательной статистики, t-критерий Стьюдента, U-критерий Мана-Уитни, линейная корреляция r Пирсона, множественный регрессионный анализ. Расчеты осуществлялись в программе SPSS v 15.0.

Подводя итоги описанию эмпирического исследования по изучению влияния личностных особенностей матерей на формирование защитно-совладающего поведения подростков в замещающих семьях, следует подчеркнуть следующие выводы.

В структуре защитных механизмов в группе подростков, воспитывающихся в замещающих семьях, преобладает более высокий уровень напряженности защит. Для этих подростков характерны незрелые механизмы психологической защиты, появляющиеся на более ранних этапах онтогенеза, причем преобладают так называемые проективные механизмы. Статистически подтверждены различия по механизмам отрицания, вытеснения, замещения. Они считаются более примитивными, не допускают поступления конфликтной и травмирующей личностной информации в сознание. Личностные и психологические ресурсы данная группа лиц направляет на снижение стресса, проявляя неконструктивные варианты защитного поведения, которые не только не способствуют эффективному разрешению стрессовых ситуаций и сохранению психологического гомеостаза внутри личности, но и создают условия для углубления переживаний и возникновению отложенного негативного результата.

В трудной ситуации подростки, воспитывающиеся в замещающих семьях, демонстрируют поведение, обуславливающее пассивность, уединение, изоляцию, стремление уйти от активных интерперсональных контактов, отказ от решения проблемы из-за неверия в собственные силы и интеллектуальные ресурсы, в отличие от подростков из контрольной группы, проявляющих на поведенческом уровне активное сотрудничество для преодоления проблем; подростки из замещающих семей стремятся совладать с ситуацией, сознательно убеждая себя в отсутствии реальной опасности, однако, проявив внимание к имеющемуся у данной группы ресурсу – придание особого смысла собственным действиям и качествам – можно повлиять на формирование более конструктивной позиции подростков из замещающих семей, (создавая ситуацию успешного действия, специалист сможет сформировать у подростков адекватную самооценку и установку на анализ происходящего, на собственную ответственность в выстраивании желаемых жизненных событий); что касается эмоциональных копинг-стратегий, то подростки из замещающих семей склонны ожидать помощи от референтной группы, заслуживающей их доверия, и не стремятся к отреагированию возникающих эмоций, сохраняя внешнюю невозмутимость, что напрямую не способствует преобразованию болезненной действительности, но помогает сохранить эмоциональное равновесие личности.

Проведенное комплексное сравнительное исследование центральных личностных функций матерей в замещающих и биологических семьях позволило выявить, что матери, взявшие детей на воспитание, демонстрируют нежелание глубоких интимных взаимоотношений. Человеческая близость ими может восприниматься как обременительная обязанность или угроза потери автономии, а потому подменяется или обрывается с помощью замещения. Для матерей данной группы характерна неспособность дифференцированно относиться к различным опасностям и собственному опыту переживания угрожающих ситуаций. Для них свойственно ослабление или даже нарушение гибкой эмоциональной регуляции поведения. Причем это нарушение проявляется в отсутствии реакции тревоги, как в необычных, так и в потенциально опасных ситуациях, склонности к рискованным поступкам, игнорируя оценку их вероятных последствий, тенденции к эмоциональному обесцениванию важных событий,

предметов и отношений. Обычно они не испытывают трудностей в интерперсональных контактах, однако, устанавливающиеся отношения не имеют достаточной эмоциональной глубины. Им несвойственно истинное соучастие и сопереживание. Недостаток умения матери обходиться с близостью и дистанцией в соответствии с потребностями другого, бессознательное неприятие ребенка, холодность, безэмоциональность в отношении с ним, могут создавать предпосылки для дисгармоничного развития защитно-совладающего поведения их детей.

Большое количество значимых взаимосвязей механизмов защиты подростков и особенностей функций Я их матерей является косвенным подтверждением выдвигаемой нами гипотезы о детерминации защитно-совладающего поведения подростков личностными особенностями матерей. Однако, это справедливо только для подростков, воспитывающихся в биологических семьях, потому смеем предположить, что репертуар защитных механизмов подростков, составляющих экспериментальную группу нашего исследования, был сформирован в процессе их индивидуального развития до момента их поступления в замещающую семью.

В случае если матери в замещающих семьях демонстрируют неспособность дифференцированно относиться к различным опасностям и собственному опыту переживания угрожающих ситуаций, если уровень их активности не совпадает с наличной трудностью реального жизненного положения вещей, если нарушена гибкая эмоциональная регуляция поведения, то и подростки, воспитывающиеся такими матерями, перенимают схожий тип отношения к трудным ситуациям – демонстрируют эмоциональные неадаптивные стратегии совладания.

Проведенный множественный регрессионный анализ позволил сравнить центральные личностные функции матерей по их влиянию на степень адаптивности копинг-поведения подростков в замещающих семьях. Для прогноза вероятности неадаптивного поведения подростков нами предложена следующая формула: *показатель неадаптивности копинг-поведения прогноз* = $60,519 - 3,190 \times (\text{конструктивная сексуальность матери}) - 3,257 \times (\text{конструктивная тревога матери})$. Полученный коэффициент детерминации свидетельствует, что 33,5 % неадаптивного копинг-поведения подростков, обусловлено влиянием центральных личностных функций их

матерей. Таким образом, в замещающей семье у матерей, демонстрирующих низкие показатели по шкале конструктивная сексуальность, низкие показатели по шкале конструктивная тревога, дети в подростковом возрасте, согласно прогнозу, имеют высокую вероятность неадаптивного копинг-поведения.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы для разработки психопрофилактических и психокоррекционных программ, направленных на обучение подростков адаптивным формам поведения с учетом специфики условий их жизнедеятельности. Нами предложено уравнение регрессии, применяя которое специалисты могут с высокой степенью точности прогнозировать вероятность адаптивного либо неадаптивного реагирования индивида в стрессовой ситуации.

Список литературы

1. Дети и молодежь Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/demografiya>. – Дата доступа 27.12.2014.
2. Либина, А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации / А. В. Либина. – Москва : Эксмо, 2008. – 138 с.
3. Набиуллина, Р. Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция) : учеб. пособие / Р. Р. Набиуллина, И. В. Тухтарова. – Казань : Изд-во ИП Тухтаров В. Н, 2003. – 285 с.
4. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля : пособие для врачей и психологов ; под ред. Л. И. Вассермана. – Спб.: ПНИ, 1998. – 57 с.
5. Я-структурный тест Аммона. (Опросник для оценки центральных личностных функций на структурном уровне) / Пособие для психологов и врачей. – СПб, 1998 г. – 70 с.

Сепарация и индивидуация в отношениях с отцом в юношеском возрасте

Дзукаева В.П.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

vdzukaeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи особенностей психологической сепарации от отца и индивидуации юношей и девушек. В исследовании приняли участие 291 студент вузов и ссузов России. Возраст испытуемых от 17 до 21 года. Выделено пять различных типов психологической сепарации от отца в юношеском возрасте. Выдвинута гипотеза о влиянии типов психологической сепарации на индивидуацию юношей и девушек в отношениях с отцом. Выявлены гендерные и кросс-культурные различия.

Ключевые слова: психологическая сепарация, индивидуация, юношеский возраст, детско-родительские отношения, отец

В современном стремительно меняющемся и постоянно развивающемся мире общество задает все больше требований к взрослеющим юношам и девушкам: быть независимыми, автономными, самодостаточными, успешными, гибкими, способными адаптироваться к социальным изменениям (Асмолов А.Г., 2015; Собкин В.С., 2014; Стефаненко Т.Г., 2009). Зарубежные и отечественные исследователи отмечают появление нового возраста – «emerging adulthood» («появляющаяся взрослость») – период между подростково-юношеским возрастом (adolescence) и ранней взрослостью (young adulthood) (Arnett J., 2000; Поливанова К.Н., 2013). Юноши и девушки в возрасте примерно от 20 до 30 лет не торопятся принимать ответственные решения: создание семьи и рождение детей, поиск постоянной работы, профессиональный рост, карьера – откладываются на неопределенный период. Актуальность изучения процесса взросления, формирования уникальности, индивидуальности молодых людей в современных условиях неопределенности в экономической, политической, социальной сферах российского общества не вызывает сомнений.

Юношеский возраст признается переходным периодом от детства к взрослости (Фельдштейн Д.И., 1999; Баттерворт Дж., Харрис М., 2000; Реан А.А., 2001; Штерн Э., 1997). В культурно-историческом подходе развитие личности ребенка определяется разрешением диалектического противоречия между психологическими новообразованиями возраста и старой социальной ситуации развития (ССР), что приводит к изменению ССР, отражающей социальные отношения ребенка с другими людьми. Сегодня особенно актуальным является изучение субъективного и индивидуального аспектов ССР, которые выделял Л.С. Выготский, и подчеркивают О.А. Карабанова, В.Т. Кудрявцев, К.Н. Поливанова, В.И. Слободчиков и др. О.А. Карабановой предложена модель динамической структуры социальной ситуации развития ребенка, в которой выделяются объективный и субъективный аспекты ССР (Карабанова О.А., 2012). К объективному аспекту ССР относится объективная позиция ребенка в системе социальных отношений и «иерархия социальных контекстов», а к субъективному – система ориентирующих образов. Понятие «сепарация» рассматривается исследователями, с одной стороны, как процесс перестройки отношений, с другой стороны, как процесс развития самосознания личности (Малер, М., 2011; Блос, П. 2010; Josselson R., 1980).

Психологическая сепарация от родительской семьи является одной из важных задач развития (J. Havigherst) юношеского возраста (Малер М., 2011; Блос П., 2010; Lapsley D., 2002). Понятие «сепарация» было предложено в теории сепарации-индивидуации М. Малер. Сепарация и индивидуация описываются исследователями как два диалектически связанных, но самостоятельных процесса (Малер М., 2011; Josselson R., 1980; Mattanah J., 2004; Нартова-Бочавер С.К., 2008). Психологическую сепарацию от родителей, в широком смысле, принято понимать как процесс дифференциации, разъединения с родителем, выход из «симбиотических отношений». В более узком смысле, психологическая сепарация от родителей в юношеском возрасте представляет собой сложный процесс перестройки детско-родительских отношений в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах, что приводит к изменению самосознания личности молодых людей, к изменению функционирования всей семейной системы.

Условием психологической сепарации от родителей является готовность к сепарации, в том числе, к перестройке детско-родительских отношений, не только юноши/девушки, но и готовность родителей к взрослению ребенка (Варга А.Я., 2009). Критерием завершения процесса психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте, по мнению многих исследователей, является достижение молодыми людьми личностной, в частности, эмоциональной автономии (Josselson R., 1980; Lapsley D., 2002). Под индивидуацией, современные зарубежные исследователи, понимают формирование индивидуальности (individuality), самооценности, уникальности личности молодого человека, подчеркивая при этом связанность индивидуации с сепарацией от родителей в юношеском возрасте (Kruse J., Walper S., 2008; Koeperke S., Denissen J., 2012; Musante D., 2014).

В представленном исследовании нами выделена линия анализа двух процессов развития личности, сепарации и индивидуации, юношей и девушек в отношениях с отцом. Актуальность выбранной темы связана с неоднозначной оценкой в психологии семейных отношений роли отца в современной российской семье (Кон И.С., 2009; Борисенко Ю.В., 2007; Карабанова О.А., 2005; Варга А.Я., 2009). С одной стороны, роль отца в личностном развитии ребенка признается не менее важной, чем роль матери. Например, результаты отечественных исследований показывают значимость роли отца в дифференциации гендерной идентичности подростков и юношей (Харламенкова Н.Е., 2007), доказано влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность подростков (Калина О.Г., 2007), показана обусловленность стремления к самоактуализации у взрослых людей гармоничностью образа отца (Липло С.В., 2006). С другой стороны, известен распространенный как в российском обществе, так и за рубежом, стереотип, характеризующий «современных отцов» как некомпетентных воспитателей, часто занимающих отстраненную позицию, «слабых» фигур в иерархии семьи (Беляева Т.Б., Сокол О.В., 2005; Аррюс-Ревиди Ж., 2015; Blazina C., 2008; Eliezer K., 2012). Стоит отметить, что отечественные работы, направленные на исследование сепарации и индивидуации юношей в отношениях с отцом нам не известны.

Цель представленного исследования – изучить индивидуацию юношей и девушек в связи с особенностями психологической сепарации студентов от отца.

Мы предположили, что индивидуация юношей и девушек с различными типами психологической сепарации от отца имеет выраженные особенности.

Для изучения особенностей психологической сепарации студентов от отца был использован опросник Psychological Separation Inventory (PSI; Hoffman J., 1984), в адаптации В.П. Дзукаевой, Т.Ю. Садовниковой (2014). Опросник состоит из 62 утверждений, образующих четыре шкалы: Конфликтная сепарация, Эмоциональная сепарация, Аттitudная сепарация, Функциональная сепарация.

Особенности индивидуации юношей и девушек изучались с помощью опросника Munich Individuation Test for Adolescence (MITA; Walper S., 1986). Опросник состоит из 26 высказываний, образующих шесть шкал: Сочетание автономии и общности, Поиск поддержки, Отрицание потребности в привязанности, Страх отвержения, Страх потери любви, Страх зависимости.

В исследовании приняли участие 291 студент вузов (57,5%) и ссузов (42,5%) из разных городов России: Москва (21%), Курск (22%), Владикавказ (49%), Алагир (8%) (РСО-Алания). Среди них 163 юношей (56%) и 129 девушек (44%), 125 русских (43%) и 167 осетин (57%). Возраст студентов от 17 до 21 года (сред. знач. 18,95; станд. откл. 1,12). Все респонденты из полных семей.

Основные результаты исследования особенностей психологической сепарации и индивидуации студентов в отношениях с отцом представлены ниже. Анализ показателей шкал PSI позволяет отметить несколько моментов. Конфликтная (3,46; 0,59) и функциональная (3,07; 0,86) сепарация от отца опережают в своем развитии эмоциональную (2,59; 0,77) и аттitudную (2,65; 0,78) сепарацию. Опрошенные юноши и девушки, в целом, довольно сильно нуждаются в эмоциональной поддержке и одобрении со стороны отца. Например, 62% студентов согласились с тем, что если они слишком долго находятся вдали от отца, то они по нему очень скучают; 58% респондентов согласились с тем, что, получая плохие результаты в учебе, они чувствуют, что подводят своего отца. Отмечается общность когнитивной сферы сыновей/дочерей и отцов (например, мнение о роли женщины (56%) в современном обществе, взгляды на воспитание детей (55%) у более, чем половины респондентов примерно такие же, как у отца). При этом студенты в трудных ситуациях часто опираются на свои ресурсы, не

обращаются за советом к отцу в ситуациях осуществления значимых выборов (важной покупки (64%), места обучения (58%), планирования досуга (61%)). Процесс психологической сепарации испытуемых от отца характеризуется, в большей мере, отсутствием переживания чувств вины, гнева или тревоги (например, юноши и девушки не вступают в конфликт, получая критику от отца (59%); не тревожатся, скрывая что-либо от него (61%); не согласны с тем, что они находятся в «состоянии войны» с отцом (84%)). Таким образом, психологическую сепарацию студентов от отца в конфликтной и функциональной сферах, в целом, можно считать завершенной. В эмоциональной и аттитудной сферах, по модели Дж. Хоффмана, реализованной в опроснике PSI, опрошенные юноши и девушки, по нашим данным, в основном еще не достигли психологической сепарации от отца.

Для более дифференцированной картины перестройки детско-отцовских отношений в юношеском возрасте, представим результаты гендерного и кросс-культурного анализа показателей сепарации. Юноши в трудных ситуациях значимо чаще (U-критерий; $p=0,041$) опираются на свои ресурсы (2,76; 0,79), в отличие от девушек (2,49; 0,75), которые значимо чаще нуждаются в эмоциональной поддержке и одобрении со стороны отца. Для мужского поведения, как показано во многих исследованиях, в среднем, характерны сдержанность, стремление к независимости, личностной автономии во взаимоотношениях с другими людьми. Поведение женщин традиционно отличает большая эмоциональность, потребность в сплоченных отношениях (Кон И.С., 2009; Клецина И.С., 2009; Фетискин Н.П., 2014). Таким образом, полученные нами результаты согласуются с представлениями о гендерных различиях при нормативном развитии личности.

Кросс-культурный анализ особенностей сепарации показал, что русские студенты достигли значимо (U-критерий; $p<0,05$) большей психологической сепарации от отца во всех сферах, по сравнению с осетинскими участниками исследования. Выявленные кросс-культурные различия можно объяснить различием традиций двух этнических групп. У осетинских студентов, как и у русских, принято почитать, уважать родителей, но данные отношения в осетинской культуре регламентированы намного строже: существует ряд традиций, правил поведения, которые не следует нарушать, иначе это

вызовет большое напряжение во взаимоотношениях членов семьи, осуждение родственников и знакомых (Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л., 2010). Воспитанию почтительного и уважительного отношения к мнению родителей у осетин отводится особое внимание (Кучиев Р., 2005; Гостиев К.И., 2010). Проявление неуважения к старшим, пререкания с ними, споры осуждаются очень строго в осетинских семьях и в обществе (Лолаева З.Б., 2007). Русские студенты больше ориентированы на ценности современного типа культуры, а осетинские студенты – на ценности традиционного типа культуры (Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю., 2014).

Далее проанализируем индивидуацию юношей и девушек в отношениях с отцом. В целом по выборке, студентов характеризует гармоничное формирование уникальности, индивидуальности в отношениях с отцом. Например, 88% испытуемых юношеского возраста согласились с тем, что отец по-прежнему играет важную роль в их жизни, хотя они все больше следуют своим интересам; 80% респондентов согласились с тем, что, несмотря на частые различия взглядов, они с отцом, тем не менее, отлично понимают друг друга. Респонденты, в среднем по выборке, не тревожатся в ситуациях проявления отцовского контроля и опеки, не боятся быть отвергнутыми или потерять любовь родителя при допущении ими ошибки в чем-либо. Итак, индивидуация студентов в отношениях с отцом проходит без особых сложностей, что подтверждает данные о значимости роли отца для благополучного личностного развития юношей/девушек (Харламенкова Н.Е., 2007; Калина О.Г., 2007). Анализ гендерных различий индивидуации студентов показал, что юноши, в среднем, значимо (U-критерий, $p=0,002$) больше тревожатся из-за проявления отцовского контроля, опеки (2,30; 0,65), по сравнению с девушками (2,05; 0,66). Данный результат согласуется с традиционными представлениями о различном поведении мужчин и женщин в межличностных отношениях. Мужчины, в целом, больше ценят свободу, независимость, по сравнению с женщинами (Ильин Е.П., 2010). Другим объяснением полученных результатов, может являться более требовательное, более строгое отношение отцов к сыновьям, по сравнению с отношением отцов к дочерям (Бендас Т.В., 2006).

В группе осетинских респондентов выявлена значимо большая (U-критерий, $p<0,001$) потребность в поддержке со стороны отца (3,15; 0,83) и больше трудностей в

формировании своего Я, по сравнению с группой русских испытуемых (2,95; 0,72). Среди трудностей выражены: с одной стороны, значимо больший страх потерять любовь, расположение отца (2,29; 0,68), с другой стороны, значимо больший страх зависимости (2,30; 0,73), «поглощенности» в отношениях с отцом в группе осетинских респондентов, по сравнению с русскими участниками исследования (2,03; 0,60 и 2,04; 0,53 соответственно) (U-критерий, $p < 0,001$). Полученные результаты отражают, на наш взгляд, более значимую для осетинских респондентов ценность семьи, послушания, почитания детьми родителей, в частности отца, по сравнению с русскими студентами (Дзуцев Х.В., 2001; Калоев Б.А., 2004; Вальцев С.В., 2004). Осетинские семьи более традиционны в распределении семейных ролей, чем русские семьи (Олисаева А.М., 1999). Главой и опорой семьи в традиционном осетинском обществе чаще, по сравнению с русским обществом, является отец, мнение отца признается в осетинской семье значимым и неоспоримым для всех членов семьи (Битарова А.Т., 2002; Гостиев К.И., 2010). Следующим шагом анализа сепарации от отца юношей и девушек было выделение различных типов психологической сепарации студентов от отца. С помощью кластерного анализа было проведено деление выборки на пять групп (Таблица 1).

Достоверность различий выделенных групп представлена в таблице 2.

Таблица 1

Показатели психологической сепарации от отца у студентов с разными типами сепарации (PSI)

Сепарация (шкалы PSI)	Типы сепарации студентов от отца				
	I	II	III	IV	V
N	7	9	5	3	3
%	7 чел. (27%)	4 чел. (2%)	3 чел. (18%)	7 чел. (13%)	0 чел. (10%)

Конфликтная (К)	3,67	3,12	3,78	3,66	3,20
Эмоциональная (Э)	1,89	2,38	2,73	3,27	3,97
Аттitudная (А)	2,00	2,78	2,40	3,77	2,97
Функциональная (Ф)	2,10	2,91	3,47	3,89	4,38

Таблица 2

Значимые различия показателей психологической сепарации от отца между выделенными группами студентов (PSI)

Сепарация (PSI)	Попарное сравнение групп									
	/II	/III	/IV	/V	I/III	I/IV	I/V	II/IV	II/V	V/V
К	000			000	000	000			000	000
Э	000	000	000	000	000	000	000	000	000	000
А	000	000	000	000	000	000		000	000	000
Ф	000	000	000	000	000	000	000	000	000	000

*Сепарация: К – конфликтная, Э – эмоциональная, А – аттitudная, Ф – функциональная

Первая группа студентов (27%) отличается низким уровнем психологической сепарации от отца в эмоциональной, аттitudной и функциональной сферах. При этом у респондентов не вызывает негативных чувств проявления контроля, опеки со стороны

отца. Юноши и девушки, как правило, не спорят с отцом, послушно следуют тому, что говорит им отец. Назовем первую группу «сцепленные». Во вторую группу (32%) вошли студенты, психологическое отделение от отца которых наиболее выражено происходит в эмоциональной, аттитюдной и функциональной сферах. Однако процесс психологической сепарации сопровождается у взрослеющих детей переживаниями чувств гнева («Я часто сержусь на отца»; «Иногда мой отец в тягость мне»), тревоги («Отец порой ставит меня в неловкое положение»; «Мне хочется, чтобы отец воспринимал меня как взрослого»). Вторую группу назовем «бунтующие». Третья группа (18%) включает в себя респондентов с оптимальным, на наш взгляд, типом сепарации, характеризующимся еще большей независимостью в эмоциональной и поведенческой сферах, по сравнению со второй группой. При этом респонденты сохранили доверительные, неконфликтные отношения с отцом. Участники исследования отмечают общность с отцом в когнитивной сфере (схожие взгляды, мнения, убеждения). Третью группу назовем «самодостаточные». Четвертая группа (13%), отличается значимо большей эмоциональной, аттитюдной и функциональной независимостью респондентов от отца, по сравнению с третьей группой. Увеличение психологической дистанции в отношениях с отцом является в данном случае показателем неспособности студентов в процессе становления своего Я поддерживать близкие отношения (возможно, одной из причин является неготовность отца к сепарации сына/дочери). Четвертую группу назовем «избегающие». Пятая группа (10%) состоит из юношей и девушек, для которых характерен эмоциональный «отрыв» от отца, т.е. потеря эмоциональной близости, доверия. Студенты самостоятельно справляются с решением трудностей, принятием важных решений. Они не нуждаются в советах отца. Участники исследования отрицают значимость отца в их жизни. У молодых людей есть свое мнение и представления о происходящем в мире и обществе, значимо отличное от мнения и представлений родителя. При этом отношение студентов к отцу в данной группе отличается большим напряжением, отвержением, конфликтами («состояние войны»). Пятую группу назовем «дистанцированные».

Таким образом, выделенные типы психологической сепарации студентов от отца значимо отличаются по показателям степени конфликтности в отношениях детей и

отцов, напряженности процесса психологического отделения, эмоциональной независимости. Различаются отношения в разных группах и степенью общности мнений, взглядов между студентами и их отцами, уровнем самостоятельности, самодостаточности, способности опираться на свои ресурсы в принятии и реализации важных жизненных решений студентами. Далее проанализируем индивидуацию студентов с разными типами сепарации от отца (Таблица 3). Значимые различия показателей индивидуации студентов с разными типами сепарации представлены в Таблице 4.

Таблица 3

Показатели индивидуации студентов с разными типами сепарации от отца

Шкалы МІТА	Типы сепарации				
		I	II	V	
Сочетание автономии и общности (СОА)	,45	,41	,58	,12	,98
Поиск поддержки (ПП)	,21	,19	,09	,77	,58
Отрицание потребности в привязанности (ОПП)	,82	,99	,94	,27	,41
Страх отвержения (СО)	,75	,88	,60	,75	,68
Страх потери любви (СПЛ)	,23	,37	,03	,07	,89
Страх зависимости (СЗ)	,19	,32	,96	,28	,12

*I – «сцепленные», II – «бунтующие», III – «самодостаточные», IV – «избегающие», V – «дистанцированные»

Таблица 4

Значимые различия показателей индивидуации студентов с разными типами сепарации от отца

Шкалы МТА	Попарное сравнение групп									
	/II	/III	/IV	/V	I/III	I/IV	I/V	II/IV	II/V	V/V
С										
ОА			008	001		014	001	000	000	
П			004	002		003	000	046	005	
О			000	000		025	001	013	000	
С					006					
ПЛ				007	005	019	001			
СЗ		038			000			008		

* СОА – Сочетание автономии и общности, ПП – Поиск поддержки, ОПП - Отрицание потребности в привязанности, СО – Страх отвержения, СПЛ – Страх потери любви, СЗ – Страх зависимости

Студенты со «сцепленным» типом психологического отделения от отца характеризуются трудностями в формировании индивидуальности, уникальности. Формирование своего Я у юношей и девушек происходит в «симбиотических» отношениях с отцом, т.е. по принципу интроекции с родителем. Респонденты довольно сильно нуждаются в получении поддержки, проявления заботы, опеки со стороны отца. Уверенны, что без отца они не справятся с жизненными трудностями. При этом участники исследования переживают страх потери любви родителя при допущении ими определенных ошибок, в ситуации разочарования отца, несоответствия его ожиданиям.

Для студентов с «бунтующим» типом сепарации от отца еще больше затруднено оказалось стремление проявить свое отличие, индивидуальность, по сравнению с первой группой. А именно, юноши и девушки этой группы переживают выраженный страх быть отвергнутыми отцом, страх потери любви родителя. В то же время респондентов отличает страх «поглощения» в ситуациях проявления слишком большого контроля и опеки со стороны отца. Участников исследования, отнесенных нами в группу типа сепарации с отцом – «бунтующие», характеризует неумение выстраивать гармоничные отношения с отцом в период поиска своей индивидуальности.

Юноши и девушки с «самодостаточным» типом сепарации от отца, отличаются гармоничным процессом формирования своей уникальности. Несмотря на то, что респонденты все чаще следуют своим интересам, убеждениям, отец по-прежнему играет важную роль в их жизни. Даже если сын/дочь и отец спорят, ссорятся, они все равно любят друг друга. Студенты не боятся потерять любовь отца или быть «поглощенными» в отношениях с родителем. Эмоциональная привязанность к отцу является надежной и устойчивой в период формирования своего отличия от родителя.

Четвертая группа, для представителей которой характерен «избегающий» тип сепарации от отца, состоит из молодых людей с неблагоприятными показателями индивидуации по шкале «Сочетание автономии и общности». Юношам/девушкам для того, чтобы обрести чувство собственной ценности, уникальности, приходится дистанцироваться от отца. Респонденты не боятся потерять любовь, расположение родителя, не оправдать его ожиданий. Они уверены в том, что самостоятельно справятся с возникающими в жизни трудностями. Но при этом юноши/девушки отличаются высокой тревожностью в ситуациях проявления контроля со стороны отца, желания родителя повлиять на мнение сына/дочери.

В пятую группу, с «дистанцированным» типом сепарации юношей и девушек от отца, вошли студенты, формирование Я которых привело к «разрыву» отношений с отцом. Сформированность собственных ценностей, следование своим убеждениям привело к потере взаимного доверия, уважения. Юноши и девушки справляются с возникающими проблемами самостоятельно. Респонденты пишут, что не нуждаются в поддержке, заботе со стороны отца. Отмечают, что роль отца в их жизни не является

значимой, важной. Участники исследования, с таким типом сепарации от отца, не боятся потерять расположение отца, огорчить его своими неудачами или не оправдать его ожиданий.

Таким образом, при различных типах психологической сепарации студентов от отца выявлены выраженные особенности индивидуации, т.е. различные варианты формирования своего Я в юношеском возрасте. Для проверки гипотезы о влиянии различных типов психологической сепарации (PSI) молодых людей от отца на показатели индивидуации (MITA) в юношеском возрасте был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Результаты показали значимое влияние для большинства шкал опросника MITA (Таблица 5).

Таблица 5

Влияние типов сепарации от отца на индивидуацию в юношеском возрасте

		Шкалы MITA					
		ОА	П	ПП	О	ПЛ	З
F	Типы сепарации от отца						
(p)		,802	,902	,667	,220	,535	,954
		000	000	000	067	001	020

Заключение. Изучение особенностей сепарации и индивидуации в отношениях с отцом студентов 17-21 года позволило выявить гендерные и кросс-культурные различия сепарации и индивидуации в юношеском возрасте. Выделено пять типов психологической сепарации студентов от отца, значимо отличающихся по степени конфликтности, напряженности процесса психологического отделения, эмоциональной независимости, общности взглядов, мнений, самостоятельности в осуществлении значимых выборов. Показано, что тип сепарации от отца в юношеском возрасте находит отражение в особенностях индивидуации юношей и девушек.

Список литературы:

1. Аррюс-Ревиди Ж. Незрелые родители и взрослые дети. – Спб.: Питер, 2015, 320 с. (Серия «Мастера психологии»).
2. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.08.2015).
3. Баттерворд Дж., Харрис М. Принципы психологии развития: Пер с англ. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2000. – 350 с.
4. Беляева Т.Б., Сокол О.В. Стереотипы современного отцовства. Материалы второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной Российской семьи». В 3-х частях. Часть I / Под общей редакцией доктора психологических наук В.К. Шабельникова и кандидата психол. наук А.Г. Лидерса. М., 2005. Сс. 123-133.
5. Битарова А.Т. Этикет горских народов Северного Кавказа и его влияние на воспитание подрастающего поколения. Дис...канд. педаг. наук. 13.00.01. Владикавказ, 2002. 156 с.
6. Блос П. Психоанализ подросткового возраста. / Пер. с англ. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. – 272 с.
7. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. Москва-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. - 220 с.
8. Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Пространственное поведение у детей и
9. подростков (на примере Русских и Осетин). Этнографическое обозрение № 3, 2010.
10. Вальцев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета (на примере русских и осетин). Дис... канд. психол. наук.: 19.00.05, Москва, 2004. 179 с.
11. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когито- Центр, 2009. 74 с.

12. Выготский Л.С. Проблема возраста // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1984.
13. Гостиев К.И. «Народные традиции и обычаи осетин. Пути их совершенствования». 2-е издание, дополненное и переработанное. Монография. Владикавказ: Издательство ФГОУ ВПО Горский госагроуниверситет», 2010. 160 с.
14. Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Адаптация опросника PSI (Psychological Separation Inventory) на российской выборке. Семейная психология и семейная психотерапия, №1, 2014. сс. 3-15.
15. Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю. Роль матери и отца в развитии индивидуации юношей и девушек: кросс-культурный аспект // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – с. 52-63.
16. Дзугцев Х.В. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: этносоциологический анализ. Изд-во: Российская политическая энциклопедия, 2001. 256 с.
17. Калоев Б.А. Осетины, Москва. 2004.
18. Калина О.Г. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность подростков. Дис...канд. психол. наук. 19.00.13: Москва, 2007. 152 с.
19. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие – М.: Гардарики, 2005.
20. Карабанова О.А. Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л.С. Выготского к П.Я. Гальперину// Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2012, № 4. С. 73-82.
21. Кон И.С. Мальчик-отец мужчины. Изд-во: Время, 2009.
22. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 940с.
23. Липло С.В. Образ отца как фактор самоактуализации личности. Дис...канд психол. наук: 19.00.01. Санкт-Петербург, 2006. 190 с.

24. Малер М., Пайн Ф., Бергманн А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2011. – 413 с.
25. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
26. Олисаева А. М. Этнопсихологические особенности социальных ролей в семье. Дис... канд. психол. наук: 19.00.05, Санкт-Петербург, 1999. 193 с.
27. Поливанова К.Н. Новое детство: вызов культурно-исторической теории? У истоков развития. Сборник научных статей / Ред.: Л.Ф. Обухова, И.Я. Котляр (Корепанова).-М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. - 265 с.
28. Реан А.А. Психология человека. От рождения до смерти. // Под общей редакцией А.А. Реана, СПб., «Прайм – Еврознак», М.: «Олма – Пресс», 2001. – 652 с.
29. Собкин, В.С. Просвещённый подросток? / В.С. Собкин // Дитя человеческое. - 2014. - № 1. – С. 14-20.
30. Стефаненко Т.Г. Русское общение и западная коммуникация. Психология в вузе, 2014. № 1, с. 107-110.
31. Тайсон Ф., Тайсон Р.Л. Психоаналитические теории развития. – Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 528 с.
32. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. Изд-во: Флинта, МПСИ, 1999.
33. Харламенкова Н.Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности. Психологический журнал / Ред. А.Л. Журавлев. – 2007. – том 28 №3 май-июнь 2007. – с. 56-64.
34. Штерн Э. Штерн Э. «Серьезная игра» в юношеском возрасте // Психология подростка: Хрестоматия / Сост. Ю.И. Фролов. М., 1997.
35. Arnett J. A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. American psychologist, 2000. Pp. 469-480.

36. Blazina, C., Settle, A., Eddins, R. (2008). Gender Role Conflict and Separation-Individuation Difficulties: Their Impact on College Men's Loneliness. *The Journal of Men's Studies*, Vol. 16, No. 1.

37. Eliezer, K., Yahav, R., Hen, K. (2012). The Internalization of the “Father” Object Among Young Men and Its Relation to Separation–Individuation Patterns, Anxiety and Depression. *Child Adolescent Social Work Journal*, Volume 29, Issue 4, pp 323-344.

38. Hoffman, J.A. (1984). Psychological separation of late adolescents from their parents. *Journal of Counseling Psychology*, 31, pp.170–178.

39. Josselson, R. (1980). Ego development in adolescence. In J. Adelson (Ed.), *Handbook of adolescent psychology* (pp. 188-210). New York: Wiley.

40. Kagitcibasi, C. (2005). Autonomy and relatedness in cultural context: Implications for self and family. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 36, 403.

41. Koepke, S., Denissen, J. (2012). Dynamics of identity development and separation–individuation in parent–child relationships during adolescence and emerging adulthood – A conceptual integration. *Developmental Review*, vol. 32, pp. 67-88.

42. Kruse J., Walper, S. (2008) Types of individuation in relation to parents: Predictors and outcomes. *International Journal of Behavioral Development*. 32 (5), pp. 390–400.

43. Lapsley, D., Edgerton, J. (2002). Separation-Individuation, Adult Attachment Style, and College Adjustment *Journal of Counseling and Development: JCD*, Vol. 80, No. 4. <https://www.questia.com/library/journal/1G1-95204666/separation-individuation-adult-attachment-style>

44. Mattanah, J.F. Hancock, G., Brand, B.L. (2004). Parental attachment, separation-individuation, and college student adjustment. *Journal of Counseling Psychology*, 51, 213-225.

Musante, D. (2014) Individuation as an Adolescent Developmental Task: Associations with Adoptee Adjustment. *Doctoral Dissertations 2014-current*. Paper 192.

Характер изменения материнской сферы деятельности и материнской позиции в связи с взрослением ребенка

Захарова Е.И.

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-I-Z@yandex.ru

Рассматривается характер трансформации родительства в связи с взрослением ребенка. В фокусе внимания автора оказывается функциональное содержание родительской деятельности матерей, воспитывающих подростков и юношей. Сравнительный анализ трех групп участниц, сформированных с учетом возраста ребенка, позволил выделить явно выраженную тенденцию к снижению степени реализации ими некоторых родительских функций. Обнаруженная тенденция сопровождается изменением отношения матерей к необходимости реализовывать родительские функции. В то же время, полученные данные свидетельствуют о том, что родительская идентичность остается на неизменно высоком уровне, что позволяет сделать вывод, что изменения самосознания, вызванные реализацией родительской деятельности, становятся устойчивым новообразованием личности.

Ключевые слова: родительская деятельность, родительская позиция, материнская идентичность

Исследование родительской позиции, связанных с наступлением родительства изменений личности взрослого человека, становятся предметом целого ряда исследований (Гурко Т.А., 2003, Кон И.С., 1999, Филиппова Г.Г.1999, Захарова Е.И. 2014). Не оставляет сомнения то, что в связи с наступлением родительства происходят существенные изменения социальной ситуации, социальной позиции взрослого человека, осваивающего новую сферу деятельности. Фокус внимания исследователей сосредотачивается на начальном периоде вхождения в родительство в связи с кризисными явлениями, которые его сопровождают. В гораздо меньшей степени исследован вопрос о дальнейших трансформациях родительской позиции. Очевидно, что

в связи с взрослением ребенка содержание и мера участия родителя меняется. Возрастающая автономия ребенка, его компетентность снижают необходимость организовывать и контролировать его жизнь. В связи с этим встает вопрос о границах родительства. Так же четко они определены, как границы периоды детства? Что происходит с родителем после того, как его ребенок становится взрослым и самостоятельным? Эти вопросы еще ждут своего ответа (Vassallo, S., Smart., D., Price-Robertson, R.,2009).

Целью настоящего исследования стало изучение функционального содержания сферы родительской деятельности в связи с возрастом ребенка и родительской позиции матерей, ее реализующих⁵.

Гипотезой стало предположение о том, что в связи с взрослением ребенка снижается степень реализации таких родительских функций, как организация жизни, уход, контроль. В качестве дополнительной гипотезы было высказано предположение о том, что изменение содержания сферы родительской деятельности происходит на фоне снижения готовности матерей к их реализации, проявляющейся в эмоциональном отношении к составляющим родительской позиции. Проверка выдвинутых гипотез осуществлялась в ходе реализации следующих *задач*: анализ специфики осуществления родительских функций в зависимости от возраста ребенка; анализ степени принятия позиции родителя; анализ степени выраженности родительской идентичности в связи возрастом ребенка

Выборка: в исследовании приняли участие 97 родителей в возрасте от 29 до 59 лет.

В соответствии с целями и задачами исследования, она была разбита на три группы: матери младших школьников 9-11 лет (42 человека), матери подростков 12-17 лет (35 человек), матери юношей 18-28 лет (20 человек). Решение задач исследования осуществлялось с помощью следующих *методик*: Опросник «Функциональное содержание родительства», состоящий из 24 утверждений, отражающих степень

⁵ Исследование "Специфика родительских функций в семьях с детьми разного возраста» выполнено Касьян Е.А. 2015 г. под нашим руководством.

реализации таких родительских функций как: организация деятельности ребенка, уход/забота, сопровождение социализации (общение), эмоциональная поддержка, финансовая поддержка; Опросник «Степень принятия родительской позиции», включающих утверждения, содержание позитивное или негативное отношение к реализации родительских функций; Проективная методика исследования самосознания М. Куна «Кто я?» (модифицированный вариант).

Результаты исследования. Характер реализации сферы родительской деятельности. Полученные данные описательной статистики свидетельствуют о существенных различиях содержания материнской деятельности в трех группах. Использование непараметрического критерия Манна-Уитни для 2-х независимых выборок показало статистическую значимость обнаруженных различий.

Таблица 1.

Значимые различия функционального содержания родительской деятельности матерей подростков и юношей

Шкалы методики	Младшие школьники и подростки	Младшие школьники и юноши	Подростки и юноши
1. Поддержание эмоциональной связи	-	2,668 p=0,008	3,506 p=0
2. Эмоциональная поддержка.	-	2,134 p=0,033	3,268 p=0,001
3. Финансовая поддержка.	3,900 p=0	-	3,767 p=0
4. Сопровождение социализации	5,079 p=0	-	3,710 p=0
5. Уход (забота)	3,031 p=0,002	-	-
6. Организация деятельности.	-	3,908 p=0	3,661 p=0

Полученные данные свидетельствуют о том, что в связи с взрослением ребенка значительно меняется направленность материнского участия в жизни детей. Большое место в структуре деятельности матерей младших школьников и подростков занимает организация их деятельности. Отличительной чертой деятельности матерей юношей является передача данной функции подросткам. Завершение подросткового возраста знаменуется обретением автономии и самостоятельности, что лишает матерей необходимости быть организатором жизни своего ребенка. Также обращает на себя внимание снижение доли такой материнской функции, как «Сопровождение социализации». Это также отражает особенности возрастного развития ребенка. Если в младшем школьном возрасте ребенку требуется помощь в освоении новой для него социальной ситуации развития, то подростки решают эту задачу развития уже самостоятельно. Они осваивают сферу личных и общественных отношений, стараясь оторваться от руководящей помощи родителя, который до сих пор был посредником, восполняющим недостаток их компетентности. Интересным является факт возвращения к помощи родителя в юношеском возрасте. Юноша, уже решивший задачу сепарации обращается к помощи родителя уже как к надежному и авторитетному партнеру, от которого не исходит угроза подчинения.

Важно на наш взгляд отметить то, что поддержание эмоциональной связи и эмоциональная поддержка неизменно остаются существенными составляющими в отношениях ребенка и родителя. Эти функции родитель не только продолжает реализовывать и после достижения ребенком самостоятельности, но даже увеличивает их долю в структуре своей родительской деятельности.

Анализ связи выявленных особенностей с социо-биографическими характеристиками семей свидетельствует, что они не связаны ни с полом ребенка, ни с количеством детей в семье.

Анализ степени принятия родительской позиции.

Кроме раскрытия содержания сферы родительской деятельности нас интересовал вопрос об особенностях отношения матерей к осуществлению отдельных ее составляющих. На вопросы опросника, так же как и в предыдущем случае, отвечали матери детей трех возрастных групп. Полученные данные свидетельствуют о

существенном снижении позитивного отношения к реализации родительских функций у матерей юношей.

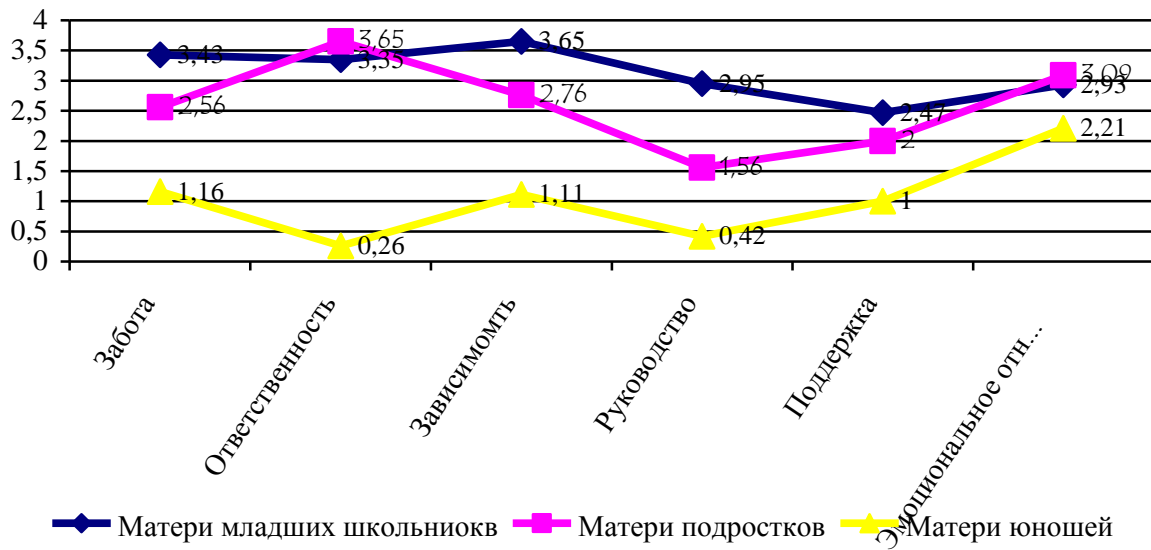

Диаграмма 1. Степень принятия родительской позиции у матерей младших школьников, подростков и юношей.

Мы видим, что чем старше ребенок, тем ниже степень позитивного отношения матери к реализации предписанных родительской позицией функций. Матери повзрослевших детей не испытывают положительных эмоций в случае, если им приходится продолжать организовывать их жизнь, заботиться о молодом человеке и нести ответственность за его поступки. Исключение составляет только близкая эмоциональная связь с ребенком, отношение к которой остается неизменно позитивной. Полученные данные свидетельствуют о том, что прекращение реализации материнских функций в полном объеме происходит на фоне снижения степени позитивного отношения к ним. Для того, чтобы проверить, являются ли зафиксированные различия значимыми был проведен статистический анализ с используем непараметрического критерия Манна -Уитни для 2-х независимых выборок.

Таблица 2.

Значимые различия в степени принятия родительской позиции матерями детей
разного возраста

Вектор материнского отношения	Матери младших школьников и подростков	Матери младших школьников и юношей	Матери подростков и юношей
Отношение к заботе о ребенке, удовлетворению его потребностей		1,922 p=,055	
Отношение к ответственности родителя		2,456 p=,014	2,527 p=,012
Отношение к зависимости положения родителя		2,880 p=,004	2,082 p=,037
Отношение к руководству ребенком	2,202 p=,028	2,875 p=,004	

Уже при переходе к подростковому возрасту снижается готовность матери руководить действиями ребенка, что отражает процесс его автономизации. Переход к юношескому возрасту добавляет значительное падение готовности нести за него ответственность. Мы видим, что матери ощущают обретение независимости наряду со своими выросшими детьми. Если забота, уход, руководство ребенком в дошкольный и младший школьный период его развития встречает высокую степень принятия со стороны родителя, то подростковый возраст становится той гранью, после которой такая высокая степень включенности в жизнь ребенка уже не может его удовлетворять. Родительская забота с готовностью предоставляется ребенку лишь в период его становления в качестве самостоятельного субъекта. С обретением самостоятельности молодого человека матери занимают соизмеримую с ним позицию, возвращая себе право на приоритет реализации собственных жизненных интересов, не связанных с родительством. Однако нельзя говорить о прекращении детско-родительских отношений в силу сохраняющейся эмоциональной связи матери с выросшим ребенком. Результаты исследования свидетельствуют, что независимо от возраста ребенка неизменной

остается готовность матерей оказывать эмоциональную поддержку своим детям (не зафиксировано значимых различий между группами).

Анализ степени выраженности родительской идентичности

Оценивая родительскую идентичность матерей детей разного возраста, мы зафиксировали высокую степень ее выраженности у большинства матерей. О выраженности идентичности свидетельствовало положение категорий характеризующих ролевую позицию человека в отношении родительства (мать, отец, родитель и т.д.) в перечне характеристик, с помощью которых женщины себя описывали («Кто-Я»). На фоне имеющегося разброса в положении тех от 1-ого места до 12-ого, можно констатировать, что матери, чья родительская идентичность не выражена, составляют совсем небольшой процент от всей выборки. Это свидетельствует о том, что большинство идентифицируют и принимают себя в качестве родителя, данная идентичность для них приоритетна. Исходя из проведенного корреляционного анализа связей между переменными методик «Степень принятия родительской позиции» и выраженностью родительской идентичности, можно сделать заключение об их отсутствии.

Высокая степень выраженности родительской идентичности сохраняется на фоне существенного снижения степени принятия родительской позиции. Матери молодых людей (18-29 лет) значительно сокращают долю участия в жизни своего ребенка, утрачивая готовность к реализации таких функций, как забота о ребенке, руководство ребенком, ответственность за ребёнка и т.д. Однако они продолжают ощущать себя родителями в той же мере, что и в его детские годы. Мы получили свидетельство того, что возникающее в ходе реализации родительской деятельности новообразование становится устойчивым элементом самосознания взрослого человека.

Выводы:

1. Содержание родительской деятельности меняется в зависимости от возраста ребенка. Тенденции изменений: с возрастом ребенка снижается уровень организации его деятельности, увеличивается эмоциональная поддержка ребенка.

2. Отношение к реализуемым родителем функциям является динамической системой, степень позитивного отношения к ним снижается в связи с взрослением ребенка.

3. Обретенная в ходе реализации родительской деятельности идентичность Я-родитель остается устойчивой составляющей самосознания.

Список литературы

1. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 2003
2. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: научная монография – М.:МГУ, 2014
3. Кон И.С. Социологическая психология. - Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 1999.
4. Филиппова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. - М.: Жизнь и мысль, 1999.
5. Vassallo, S., Smart., D., & Price-Robertson, R., The roles that parents play in the lives of their young adult children// Family Matters. - 2009. - 8-14 p.

Исследование влияния толерантной/интолерантной коммуникации родителей на тип воспитательных установок

Вислова А.Д.

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

avislova@mail.ru

Система семейных отношений и детско-родительские отношения [3] как её подсистема включают в себя родительское отношение, а также отношение ребенка к

родителям. В этих взаимоотношениях наиболее четко обнаруживается характер взаимовлияния родителя и ребенка, проявляется уровень коммуникативной толерантности.

Стиль отношений родителей и роль, которую они отводят ребенку в семейной системе [4], а также родительская позиция, связанная с теми функциями, которые социально за ними закреплены [2], определяют особенности развития ребенка. И перспективы выстраивания толерантных отношений ребенок усваивает из опыта взаимоотношений родителей, наполненных уважением и любовью. Преимущество толерантности заключается в том, что она предусматривает достижение межличностной аттракции, взаимопонимания и согласия.

Целью настоящего исследования было изучение взаимосвязи между типом родительских установок и характером коммуникации родителей. Нами проверялась гипотеза о том, что разные типы родительских установок связаны с особенностями толерантности/интолерантности родителей в коммуникации. Основные задачи исследования заключались в том, чтобы выявить параметры конфликтности, агрессивности, коммуникативно-характерологические тенденции и особенности межличностного взаимодействия в зависимости от типа родительских установок; установить наличие связи между типами установок родителей и коммуникативной толерантностью. Выборку составили 983 чел.

Для выявления степени выраженности конфликтности в отношениях в зависимости от типа родительства мы использовали тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях», разработанный Ю.Е. Алешиной и Л.Я. Гозманом [5]. Выделенные авторами методики восемь сфер семейной жизни выступают в нашей работе индикаторами толерантности/интолерантности: проблемы отношений с родственниками и друзьями; вопросы, связанные с воспитанием детей; проявление стремления к автономии; нарушение ролевых ожиданий; рассогласование норм поведения; проявление доминирования одним из супругов; проявление ревности; расхождения в отношении к деньгам.

Как показывает анализ типов родительских установок, достаточно отчетливо просматриваются различия по параметру конфликтности. Наиболее конфликтными в

этом аспекте являются испытуемые, относящиеся к доминантному типу. В данном случае практически все показатели по тесту значительно превосходят параметры партнёрского и зависимого типов. Для партнёрского типа характерна повышенная конфликтность в зонах ревности, отношения к деньгам и в вопросах, связанных с воспитанием детей. У испытуемых зависимого типа конфликтность в семейных отношениях не столь явно выражена (различия по T-критерию Стьюдента статистически значимы на уровне 0,01).

Для измерения субъективного отражения особенностей коммуникации, обуславливающей толерантные/интолерантные установки, мы использовали методику диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Собчик [5]. Такие переменные, как доминантность, уверенность в себе, требовательность, скептицизм, уступчивость, доверчивость, добросердечие и отзывчивость были нами включены в систему индикаторов толерантных/интолерантных установок личности.

Обнаружены различия для выделенных типов практически по всем показателям. При этом по уровню требовательности и уверенности в себе выше показатели у доминантного типа. Зависимый тип отличается высоким уровнем добросердечия, уступчивости и отзывчивости. Партнерский тип занимает промежуточную позицию при приоритете показателей более мягких тенденций в межличностном взаимодействии.

Анализ уровня проявления агрессии мы осуществляли с использованием методики «Диагностика состояния агрессии» А. Басса и А. Дарки [5]. Полученные результаты показывают, что значительных различий в показателях не существует по всей выборке. Данные говорят о наличии некоторых тенденций в проявлении агрессивности в зависимости от типа родительских установок. Наиболее явно проявляется агрессивность у зависимого типа, особенно по характеристикам подозрительности, выраженности чувства вины и раздражительности.

Рассматривая результаты исследования с использованием методики коммуникативной толерантности В.В. Бойко [5], можно констатировать, что испытуемые, относящиеся к различным типам родительских установок, значительно отличаются по степени толерантности в коммуникации. Максимально интолерантным является зависимый тип, для которого характерны высокие показатели в области

процесса «адаптации к другим», недостаточной толерантности к «ошибкам и схожести поведения партнёра со своим собственным». Кроме того, у представителей этого типа наблюдаются высокие показатели интолерантности к «проявлению индивидуальности других». Для доминантного типа наиболее раздражающей является область коммуникативных качеств – интолерантность проявляется в случае «некоммуникабельности партнёра по взаимодействию». Для партнёрского типа в целом характерен более высокий уровень толерантности в коммуникации по сравнению с другими типами по всем параметрам.

В результате исследования мы пришли к определенным выводам. Так, конфликтность в более выражена у доминантного типа, в меньшей степени – зависимого. Средний уровень конфликтности характерен при партнерском типе родительства. В межличностных отношениях родителей с доминантным родительством преобладают требовательность и уверенность в себе; при зависимом типе – добросердечие, уступчивость и отзывчивость; у партнерского типа выражены более мягкие тенденции во взаимоотношениях. По степени агрессивности доминантный и партнерский типы родительства уступают родителям с зависимой типом воспитания. У них выше уровень подозрительности, чувства вины и раздражительности. Высокая интолерантность в сфере коммуникации характерна при зависимом типе родительских установок по факторам адаптации к другим, к несхожести поведения и проявлению индивидуальности. При доминантном типе родительства интолерантность проявляется к некоммуникабельности человека. Партнерскому типу родительских установок свойственна наибольшая толерантность в коммуникации.

Таким образом, гипотеза о том, что разные типы родительских установок связаны с особенностями толерантности/интолерантности родителей в коммуникации, подтвердилась.

Список литературы

1. Вислова А.Д. Толерантность в семейных отношениях. М., 2003.
2. Захарова Е. И. Развитие личности в ходе освоения родительской позиции. Культурно-историческая психология, 2008. № 2. С. 24–29.

3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.

4. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. высших учеб. заведений; 3-е изд., стер. М.: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.

5. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара.: БАХРАХ-М, 2001. 672 с.

**Отношение женщины среднего возраста к родителям
в контексте её психологического благополучия**

Воронина М.Е.

ФГБОУ ВПО «КГУ им. Н.А. Некрасова», Кострома, Россия

mariaantonvoron@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты исследования взаимосвязей между отношением женщины среднего возраста к родителям и основными компонентами её психологического благополучия с учётом факторов отношений с детьми и супругом; описаны компоненты отношения взрослой дочери к родителям, которые имеют наибольшее значение для её психологического благополучия и компоненты психологического благополучия, подвергающиеся наибольшему влиянию со стороны фактора отношения к родителям.

Ключевые слова: психологическое благополучие, женщина среднего возраста, отношение к стареющим родителям.

В последнее время в науке наблюдается рост интереса к проблемам благополучия личности в современном обществе, в том числе психологического благополучия на разных этапах жизненного пути личности (А.М. Абдраязкова, Н.К. Бахарева, Е.Е. Бочарова, А.В. Воронина, Л.В. Куликов, Д.А. Леонтьев, С.Ю. Мохова, М.В. Соколова,

Р.М. Шамионов, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко, N.Bradburn, E.Diener, C.Ryff, R.Ryan, R.Richard).

Активное внимание к понятию психологического благополучия личности связано с развитием такого направления как позитивная психология, которое на первый план выдвигает исследования положительных аспектов развития и функционирования личности – счастья, оптимизма, солидарности, личностного роста и др. (E.L. Deci, R.M. Ryan, C.D. Ryff, M.E.R. Seligman, C.R. Snyder, A.C. Waterman).

Мартин Селигман выделил три основных объекта интереса для позитивной психологии: *позитивные эмоциональные состояния* (счастье, удовлетворенность жизнью, переживание потока, надежда, оптимизм и др.), *позитивные черты личности* и *позитивные социальные институты* (Seligman M.E.P., 2002). Нас интересуют в первую очередь *позитивные черты личности*, понимаемые как личностные черты, которые способствуют успешному приспособлению человека к окружающему миру и практическому овладению им, а также выполняют важную буферную функцию, то есть препятствуют развитию психической патологии, отклоняющегося поведения, личностных нарушений (Peterson C., Seligman M.E.P., 2004).

Одной из первых теорий, в которой были выделены личностные характеристики, необходимые для полноценного, благополучного функционирования, была теория психологического благополучия К. Рифф. К. Рифф опиралась на введенное Аристотелем разведение гедонии и эвдемонии, понимая под первой эмоциональное благополучие, выражающееся в субъективном переживании счастья и положительных эмоций, а под второй – позитивное функционирование, опирающееся на определенное объективное основание, а именно, на личностные характеристики, предсказывающие благополучие их обладателям. По теории К. Рифф в структуре психологического благополучия можно выделить шесть основных характеристик:

- *позитивные отношения с другими* – способность культивировать и порождать тепло, доверие, близкие отношения с другими людьми; забота о благополучии других, способность к интенсивной эмпатии, привязанности и интимности, готовность сопереживать ближним, сотрудничать с ними и находить с ними компромиссы;

- *автономия* – самодетерминация, независимость и личностный контроль над тем, что с тобой происходит, способность действовать, противостоять социальному давлению, оценивать поведение свое и других людей на основе не внешних, а собственных, интернализированных стандартов и ценностей;

- *управление средой* – способность справляться с повседневными делами, успешно реализовывать сложный комплекс внешних форм активности, участвовать в трудовой и семейной жизни, эффективно использовать предоставляющиеся возможности окружающего мира;

- *целенаправленность жизни* – наличие направленности, осмысленности собственной жизни, жизненных целей;

- *личностный рост* - развитие, использование имеющихся навыков, талантов, возможностей для собственного развития и для реализации своего потенциала, открытость опыту, ощущение постоянных прогрессивных изменений в своей личности;

- *самопринятие* – позитивное отношение к себе, признание и принятие внутренней неоднородности, множественных аспектов своего Я, принятие своих слабостей наряду с достоинствами, уверенность в себе и позитивная оценка собственного прошлого (Рифф К., 1995).

На данный момент теория К. Рифф получила эмпирическое подтверждение, в том числе на русскоязычной выборке (Фесенко, 2005; Пергаменщик, Лепешинский, 2007). На эту теорию мы опирались в своём исследовании.

В настоящее время достаточно полно исследованы объективные факторы (пол, возраст, степень удовлетворения основных потребностей, характер межличностных отношений, уровень социально-психологической адаптации), обуславливающие психологическое благополучие личности (Ю.Б. Дубовик, О.А. Овсяник, N. Bradburn, E. Diener, R. Ryan, C. Ryff, R. Richard), исследуются субъективные факторы психологического благополучия (Л.В. Бызова, Ю.Б. Дубовик, Е.Н. Панина, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко,), в частности, значимые отношения (М.В. Бучацкая, Т.Д. Шевеленкова, С. Ryff).

Авторы уделяют внимание исследованию психологического благополучия женщины, особенностей её социально-психологической адаптации (М.В. Бучацкая,

О.А. Овсяник, Л.В. Попова, Т.Д. Шевеленкова, Л.Б. Шнейдер). Но при этом проблема женского пути взросления, специфики обретения женщиной личностной зрелости остаётся недостаточно исследованной, на что указывает ряд авторов (Е.В. Кумыкова, Е.Е. Сапогова, О.Р. Тенн, Н.Г. Шевченко, Л. Иригарей, Э. Мольтманн-Вендель): «Женщина должна обрести себя – среди других, преодолевая те её образы, что уже существуют в истории» (Иригарей Л., 2005).

Анализ эмпирических исследований и теоретических изысканий отечественных и зарубежных авторов позволяет сделать вывод, что особый этап в истории формирования личностной зрелости человека – период средней зрелости (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, И.С. Кон, Г. Крайг, В.С. Мухина, А.А. Реан, В.И. Слободчиков, Е.Е. Сапогова и др.). Можно предположить, что важное значение для достижения личностной зрелости женщиной имеют кризисы значимых отношений со своими повзрослевшими детьми и стареющими родителями, которые происходят на данном возрастном этапе. В научно-популярной литературе женщина среднего возраста, проявляющая активную заботу по отношению к своим детям и родителям, получила метафоричное название «женщина поколения «сэндвич» (термин появился в зарубежных социологических и социально-экономических исследованиях).

Забота о стареющих родителях – это один из главных компонентов образа жизни женщины среднего возраста (Г. Крайг, А. Реан, R. Pierret). В настоящее время изучению данной сферы отношений взрослой женщины уделяется мало внимания. В психологических исследованиях достаточно активно изучаются межпоколенные аспекты отношений взрослых детей и их пожилых родителей, феномены трансгенерации и префигурации (М. Боуэн, Т.И. Дымнова, А.Л. Журавлёв, С.А. Жукова, А.В. Камышева, О.В. Краснова, А.А. Нестерова, Е.Л. Михайлова, М.В. Сапоровская, А.В. Черников, А.А. Шутценбергер, Э.Г. Эйдемиллер). В то время как специфика актуальных отношений с родителями на поздних этапах жизненного пути, отношение к родителям в контексте личностного развития и психологической зрелости взрослого человека рассматривается в основном в психотерапевтической литературе как описание единичных клинических случаев (А.Я. Варга, С. Минухин, П. Пэпп, М. Уорден, Дж. Хейли, Ч. Фишман, И. Ялом).

Особую актуальность исследование данной темы имеет в связи тенденцией «старения» общества. На современном этапе развития общества человечество сохраняет самое большое количество старых и пожилых людей по сравнению с предыдущими эпохами. Их численность превышает численность всего населения планеты в XVII веке. По данным ООН, в 1950 г. в мире было 214 млн людей старше 60 лет; а в 2025г. их уже будет 1100 млн, то есть численность пожилых людей возрастёт за эти годы в 5 раз, тогда как население планеты за это время увеличится лишь в 3 раза (Шнейдер Л.Б., 2013). Соответственно период, в течение которого взрослая женщина участвует в жизни своих пожилых родителей, заботится о них, постепенно увеличивается, становится продолжительным.

В период средней взрослости женщина начинает испытывать новые формы близости с пожилыми родителями (ввиду снижения уровня их физического и психического здоровья). С одной стороны, участие в жизни родителей имеет для взрослой дочери большой личностный смысл, способствует её духовному здоровью, психологической зрелости, приносит чувство глубокого удовлетворения. Посвящая свою жизнь помощи взрослым детям и заботе о подрастающих внуках и стареющих родителях женщина средних лет избегает переживаний дискомфортных состояний, связанных с отсутствием смысла жизни (Реан А.А., 2002). С другой стороны, нередко дочери испытывают физическое и психологическое напряжение в результате своих опекунских усилий. Забота о родителях может вернуть к жизни застарелые конфликты зависимости. Женщина может ощущать предельно высокий уровень близости в отношениях с родителями и интрузивности, которая реализуется через проявление чувств собственности и ревности (Уорден М., 2007) родителей по отношению к дочери, попытки установить новые формы контроля. Поэтому на данном этапе возникает необходимость построения оптимальных интерперсональных границ между женщиной и её стареющими родителями. Кроме того, необходимость заботиться о родителях также предвещает будущее самой дочери, которая станет зависимой от своих детей, когда постареет, актуализирует страх смерти. Эти внутренние конфликты — в сочетании с реальными требованиями времени и свободы, противоречащими друг другу обязанностями, — могут создавать насыщенную стрессом среду (Крайг Г., 2000). Таким

образом, стареющие родители – одна из важных и противоречивых зон семейной ответственности женщины.

В то же время особенности личностного и когнитивного развития женщины в период средней взрослости создают большой ресурсный потенциал для позитивной интерпретации и реинтерпретации своих отношений с родителями (как актуальных аспектов отношений, так и ретроспективных). На данном возрастном этапе происходит переход от исполнения субъектом заложенного родительской социализацией сценария к авторскому жизненному проектированию. Одна из основных характеристик данного возраста – это осознанная целенаправленность в отношении собственной жизни и жизни тех, за кого человек несёт ответственность (дети, престарелые родители) (Сапогова Е.Е., 2013).

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязей между отношением женщины среднего возраста к родителям и её психологическим благополучием. Учитывались такие факторы, как интенсивность участия женщин в жизни родителей и интенсивность участия женщин в жизни своих детей, семейное положение.

В исследовании участвовали 40 женщин среднего возраста (от 38 до 54 лет), которые заботятся о стареющих родителях. 24 женщины замужем, 16 – одиноки; все женщины имеют детей, работают. Для оценки эмоционального компонента отношения была использована методика «Типовое семейное состояние» Э.Г. Эйдемиллера, В. В. Юстицкого с модифицированной инструкцией, опросник по изучению межличностной вины IGQ (L.E. O'Connor, J.W. Berry, J. Weiss, M. Bush & H. Sampson). Для оценки когнитивного компонента – методика «Образ родителей» (вариант метода «Семантический дифференциал»), «Опросник стиля привязанности» (J.A. Feeney, P. Noller, 1994). Дополнительная информация была получена с помощью авторского интервью «Мои родители» (модификация полуструктурированного «Интервью о привязанностях для взрослых» М.Мэйн). Особенности психологического благополучия изучались с помощью методики «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф. Для статистического анализа материалов мы использовали корреляционный анализ (R – критерий Спирмена), метод множественного регрессионного анализа, U-критерий Манна – Уитни, однофакторный дисперсионный анализ Краскала – Уолесса.

В ходе исследования были получены следующие результаты. *Позитивные отношения с окружающими* связаны с ощущением свободы ($R=0,39$, $p<0,03$) в отношении женщины к родителям и находится под прямым влиянием компонента отношения женщины к родителям *уверенность в отношениях* ($B=0,39$, $p<0,002$), и обратным влиянием *тревожности* ($B=-0,45$, $p<0,01$), *нервно-психического напряжения* ($B=-0,52$, $p<0,003$), *общей неудовлетворённости ситуацией* ($B=-0,53$, $p<0,002$). С одной стороны, это связано с детским опытом отношений с родителями, в ходе которого был сформирован тип привязанности, основные паттерны взаимодействия с социальным окружением. У женщины была сформирована фундаментальная установка в отношении Другого, имеющая конструктивный или деструктивный характер. С другой стороны, актуальные отношения с родителями, требующие больших временных и эмоциональных затрат ввиду их физического (и/или психического состояния) оставляют взрослой дочери мало ресурсов для поддержания дружеских связей, качественных отношений в собственной семье с супругом и детьми.

Автономия отрицательно связана с *потребностью в одобрении* ($R=-0,40$, $p<0,02$) в отношении взрослой дочери к родителям, имеет тенденцию к отрицательной связи с *погружённостью в отношения* ($R=-0,33$, $p<0,06$), прямой связи с *уверенностью в отношениях* ($R=0,33$, $p<0,07$), находится под обратным влиянием переживания женщиной чувства вины *ненависти к себе* ($B=-0,56$, $p<0,001$).

Управление средой имеет тенденции к отрицательной связи с переживанием женщиной вины *выжившего* ($R=-0,31$, $p<0,08$) и *погружённостью в отношения* с родителями ($R=-0,30$, $p<0,09$) и под прямым влиянием ощущения свободы ($B=0,42$, $p<0,01$) в отношении дочери к родителям.

Компонент *цели в жизни* имеет тенденции к отрицательной связи с *общей неудовлетворённостью ситуацией* ($R=-0,35$, $p<0,056$) в отношении женщины к родителям и *погружённостью в отношения* ($R=-0,30$, $p<0,09$), а также находится под прямым влиянием ощущения свободы ($B=0,44$, $p<0,01$) и обратным влиянием *потребности в одобрении* ($B=-0,37$, $p<0,04$) в отношении взрослой дочери к родителям.

Личностный рост женщины положительно связан с *уверенностью в отношениях* ($R=0,43$, $p<0,01$) с родителями и находится под обратным влиянием переживания

женщиной *вины ненависти к себе* ($B=-0,37, p<0,04$).

Самопринятие женщины имеет тенденцию к отрицательной связи с переживанием ею *чувства вины отделения* ($R=-0,30, p<0,09$) и находится под обратным влиянием переживания взрослой дочерью *чувства вины выжившего* ($B=-0,50, p<0,005$), *вины ненависти* ($B=-0,59, p<0,0006$), *вины ответственности* ($B=-0,40, p<0,02$), а также *погружённости в отношения* ($B=-0,47, p<0,009$) и *потребности в одобрении* ($B=-0,52, p<0,003$) в отношении к родителям.

В целом можно сказать, что приоритетное значение для психологического благополучия женщины среднего возраста среди других компонентов отношения к родителям имеет ощущение своей *свободы, независимости* от родителей – оно связано с тремя компонентами психологического благополучия. Кроме того, компоненты отношения, описывающие полюс отношения противоположный свободе – *погружённость в отношения, потребность в одобрении*, различные формы *чувства вины*, тесно связаны с пятью компонентами психологического благополучия. Чувство свободы даёт женщине возможность принимать себя со всеми своими достоинствами и недостатками, строить конструктивные отношения с другими, выбирать и реализовывать собственные жизненные цели, чувствовать себя «менеджером» собственной жизни. Между тем далеко не каждой женщине удаётся к середине жизни достичь ощущения своей автономии от родителей. Анализ материалов интервью «Мои родители» показал, что в отношении к родителям у 53% женщин наблюдаются явные признаки эмоциональной зависимости от родителей: «она для меня как воздух, самый близкий человек...мне кажется, что она вечная, не представляю как без неё», «это счастье – ухаживать за родителями», «я их частица», «родители – это всё в жизни», «она имеет право на меня», «общение с родителями создаёт постоянную стрессовую ситуацию, постоянный конфликт между чувством долга и желанием избежать нервного потрясения», «когда она переживает, нервничает, она умудряется передать этот психоз мне». Таким образом, конфликт свободы-близости-зависимости остаётся по-прежнему актуальным на данном возрастном этапе, либо обостряется ввиду новых форм отношений между женщиной и её стареющими родителями.

Наибольшему влиянию со стороны фактора отношение к родителям подвергаются

такие компоненты психологического благополучия женщины среднего возраста как *позитивные отношения с другими* и *самопринятие*. Относительно первого компонента комментарии были даны выше. Объяснить влияние отношения женщины к родителям на уровень её самопринятия, на наш взгляд, можно очень точно с помощью высказывания Е.Е. Сапоговой: «Родители до известного времени задают латентные смыслы и векторы жизни, одобряют или порицают её; это они имплицитно и есть те самые франкловские «для кого» и «для чего», ради которых выносятся любое «как» (Сапогова Е.Е., 2013, с 705).

Важное значение для психологического благополучия женщины имеет *уверенность в отношениях* с родителями (она связана с тремя компонентами психологического благополучия). Этот аспект отношения даёт женщине чувство надёжного, безопасного тыла, ощущение, что позади неё есть кто-то, кому она доверяет и кто непременно придет на помощь, если возникнут какие-то трудности. Сами женщины описывают это ощущение следующим образом (из материалов интервью «Мои родители»): «она даёт ощущение защиты, безопасности», «я счастлива, что отец живёт: ощущение, что ты кому-то нужен – светлое чувство», «мне есть куда приехать, я знаю, что меня там ждут», «благодаря маминому характеру возникает чувство уверенности, спокойствия».

Неожиданным для нас результатом стало отсутствие связей между психологическим благополучием и *чувством близости* в отношении женщины к родителям, которое занимает одно из центральных мест в структуре отношения. Близость мы понимаем как слияние, ощущение «смягчения» жизненных обстоятельств и полноты, целостности жизни в присутствии другого человека (Калитеевская Е.Р., 2002), при сохранении его восприятия как обособленного, автономного, самостоятельного субъекта. Вероятно, более значимую роль в жизни большинства женщин в период средней зрелости играют интимные, доверительные, дружеские отношения с другими близкими людьми: в первую очередь с детьми и супругом. Родителей на этом жизненном этапе взрослые дочери уже оберегают от своих личных проблем.

Важным и трудно решаемым остаётся вопрос о направлении связей между

психологическим благополучием и отношением женщины к родителям. Приобретённые в ходе жизненного пути компоненты психологического благополучия позволяют сформировать позитивное, удовлетворяющее отношение к родителям, несмотря на трудности, которые таит в себе поздняя взрослость или отношение к родителям является важным регулятором психологического благополучия женщины в период средней взрослости? Вероятно, чаще всего речь идёт о взаимовлиянии.

Представление о взаимосвязях между отношением женщины к родителям и её психологическим благополучием расширяет сравнение особенностей психологического благополучия женщин с разным *типом отношения к родителям*. С помощью контент-анализа материалов интервью «Мои родители» мы выделили четыре типа отношения женщины среднего возраста к родителям: глубокая тёплая привязанность, здоровая близость, амбивалентное отношение, дистанцированное отношение.

Статистический анализ данных типов отношения женщин к родителям показал, что эти типы имеют значимое различие по компоненту психологического благополучия *самопринятие* ($H=7,8$, при $p<0,05$) и тенденцию к различию по компоненту *позитивные отношения с окружающими* ($H=7,2$, при $p<0,06$).

Женщины с *амбивалентным типом отношения* (для данного типа отношения характерна ярко выраженную эмоциональную зависимость взрослых дочерей от родителей, отношения носят конфликтный характер, вызывают у женщин много негативных чувств; у респондентов наблюдается высокий уровень вовлечённости в отношения с родителями, радости эти отношения не приносят) склонны к снижению самопринятия ($U=26,5$, при $p<0,04$), и, на уровне тенденции, к менее *позитивным отношениям с окружающими* ($U=29,5$, при $p<0,06$) по сравнению с женщинами с другими типами отношения.

Женщины с *дистанцированным типом* отношения (данный тип характеризуется отсутствием теплоты, нежности, доверия в отношениях, их формализацией, отношения с родителями практически не вызывают у женщин эмоционального отклика; мотивация участия в жизни родителей, заботы о них формируется в основном на когнитивном уровне в отличие от предыдущих типов отношения) также склонны к снижению *самопринятия* ($U=12$, при $p<0,05$).

Вероятно, негативное отношение к себе при указанных выше типах отношения к родителям связаны с глубоким чувством вины по отношению к ним. При *амбивалентном* типе отношения чувство вины имеет осознанный характер, взрослые дочери испытывают чувство вины за негативные эмоции, переживаемые в отношении родителей (обида, раздражение, гнев, злость), за свою неспособность их сдержать: «в общении с матерью часто появляется чувство обиды и раздражения, которые не всегда удаётся сдержать, в итоге чувство вины», «нервов конечно не хватает, иногда выговариваю – она злится, а потом думаешь надо было так сказать и так сказать, и всё было бы нормально». При *дистанцированном* типе отношения чувство вины, вероятно, находится в глубоких слоях бессознательного и связано с ранним этапом отношений, когда ребёнок принимает на себя ответственность за холодное, отстранённое отношение родителей, начинает считать это отношение правильным, а себя «плохим»: «она всегда видела во мне батьку, которого ненавидела», «она меня родила, чтобы было кому о ней заботиться в старости».

В целом, с нашей точки зрения, тип отношения взрослой женщины к родителям во многом зависит от типа любви, которую «дарят» ей родители в течение всей её жизни. Если при глубокой привязанности к родителям это безусловная любовь со стороны родителей, при здоровой близости – гармоничное сочетание безусловной и условной любви, то при *амбивалентном* типе отношения – это условная любовь, при *дистанцированном* отношении – любви по отношению к ребёнку, по всей видимости, просто нет. Возможно, по этой причине у женщин с *амбивалентным* типом отношения есть тенденция к снижению способности культивировать близкие отношения с другими людьми: внутреннее психологическое пространство этих взрослых дочерей слишком занято стремлением заслужить заботу, уважение, нежность со стороны своих родителей. При *дистанцированном* типе отношения женщина, напротив, стремится компенсировать отсутствие любви родителей в других близких отношениях и максимально ценностно относится к собственной семье: детям и супругу, вкладывает в эти отношения все свои ресурсы.

В ходе исследования мы учитывали *интенсивность участия женщины в жизни родителей*. По этому критерию выборку можно разделить на три группы. Первая группа

женщин оценивает интенсивность своего участия как высокую (постоянный уход за практически беспомощными родителями), вторая группа женщин – как среднюю (регулярное посещение родителей с целью оказания помощи по дому), третья группа – как низкую (посещение родителей как форма проведения досуга, участие в жизни родителей через моральную поддержку). Женщины третьей группы в меньшей степени чувствуют свой *личностный рост* ($U=27,5$, при $p<0,04$) и имеют тенденцию к снижению *самопринятия* ($U=31,5$, при $p<0,08$). По мере старения прародителей между ними и их дочерью происходит *смена ролей*. Смена ролей означает, что теперь женщина ответственна за физическое и психологическое благополучие своих родителей, как когда-то те отвечали за неё, в психологическом смысле она становится матерью для своих родителей: «иногда уже чувствую своё главенство», «на них главное не кричать – они как дети», «она – мой ребёнок, если заболит, то бежит ко мне», «сейчас уже возможно мы ей сильнее нужны», «мы чувствуем себя уже над родителями, они как маленькие дети». В первую очередь, эти изменения активизируются ухудшением здоровья пожилых родителей. Вероятно, в этих изменениях, несмотря на физическое и психологическое напряжение, кроются возможности для личностного роста женщины, которая получает возможность занять истинно взрослую, зрелую позицию. Эта новая позиция приносит женщине чувство глубокого удовлетворения, повышает её самоуважение.

Кроме того, мы учитывали такой фактор как *интенсивность участия женщины в жизни детей*. По этому критерию выборку также можно разделить на три группы. Первая группа женщин оценивает интенсивность своего участия как высокую (оказываю постоянную материальную, моральную и физическую помощь), вторая группа женщин – как среднюю (время от времени оказываю материальную помощь и моральную поддержку), третья группа – как низкую (участие в жизни ребёнка носит в основном характер моральной поддержки). Женщины первой группы склонны выше оценивать себя по компонентам *позитивные отношения с окружающими* ($U=33$, $p<0,001$), *управление средой* ($U=40$, $p<0,004$), *личностный рост* ($U=53$, $p<0,02$), *цели в жизни* ($U=57,5$, $p<0,04$), на уровне тенденции по компонентам *автономия* ($U=65,5$, $p<0,09$) и *самопринятие* ($U=64,5$, $p<0,08$). То есть женщины, которые активно заботятся о своих

детях, опережают в психологическом благополучии другие группы женщин по всем параметрам. Данный результат был достаточно предсказуем: в гуманистической психологии (А. Маслоу, К.Роджерс, Р.Мэй), психоанализе (Э.Фромм, Э. Эриксон), гештальт-психологии (Ф. Перлз, Э. Шостром) забота личности о других, особенно в период средней взрослости, понимается как необходимое условие ее самоосуществления, самореализации. Э. Фромм рассматривает в качестве самой важной потребности человека потребность быть творцом, преодолеть пассивную роль сотворенного (человека не спрашивают, где, как он хочет жить и родиться и хочет ли вообще). Среди множества способов удовлетворить эту потребность (создание вещей и мыслей) самый простой и естественный – любовь, а, значит, и забота о своем создании (собственное дело, работа; другой человек, которому отдают «часть себя» в виде знаний, опыта и т.д.). «Быть», по Э. Фромму, это прежде всего «отдавать». Отдающий свою любовь, заботу другим переживает огромную силу и могущество, что дает человеку «ощущение жизни» (Фромм Э., 1998). Для большинства женщин, особенно в русской культуре, «своё главное создание» – собственный ребёнок.

Отношения с супругом мы учитывали, сравнивая особенности психологического благополучия женщин, имеющих супруга и не имеющих его. Было выявлено, что женщины, имеющие супруга, склонны к более высокому *самопринятию* ($U=99, 5, p<0,06$) по сравнению с женщинами, которые его не имеют. Вероятно, это связано с тем, что сохранение супружеских отношений в этот период жизни воспринимается женщиной как важное личное достижение, имеющее большую ценность в глазах социального окружения.

В целом эти результаты (учёт факторов интенсивности участия женщин в жизни родителей и детей и семейного положения) дают некоторое представление о «рейтинге» близких отношений в жизни женщины среднего возраста.

Таким образом, отношение к родителям является значимым фактором психологического благополучия женщины среднего возраста. Наибольшее значение для психологического благополучия взрослой дочери имеют такие компоненты отношения к родителям как ощущение *свободы, независимости от них* и при этом *уверенность в отношениях* с ними. Наибольшему влиянию со стороны фактора отношение к родителям

подвергаются такие компоненты психологического благополучия женщины как *позитивные отношения с другими* и *самопринятие*. Однозначно значимым отношением для психологического благополучия женщины среднего возраста является её отношение к детям, значимость отношения к супругу и к родителям, по всей видимости, варьирует в зависимости от жизненной ситуации женщины и личной истории отношений.

Продолжением данного исследования будет изучение возрастной специфики взаимосвязей между отношением женщины среднего возраста к своим родителям и её психологическим благополучием, изучение влияния смерти родителей (феномена «взрослого сиротства») на психологическое благополучие женщины среднего возраста.

Список литературы

1. Иригарей Л. «Этика полового различия» - М.: Художественный журнал. 2005. 182 с.
2. Калитиевская Е.Р. Феноменология близости. Сайт Российского гештальт-сообщества. 2010. URL: <http://www.gestalt.ru> (дата обращения: 22.04.2014 г)
3. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер. 2000. 928 с.
4. Психология человека от рождения до смерти. Под общей редакцией А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак. 2002. 620 с.
5. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Изд-во Смысл. 2013. 767 с.
6. Уорден М. Семейная психотерапия. СПб.: Прайм-Еврознак. 2007. 309 с.
7. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. - М.: АСТ, ЛТД, 1998. – 664 с.
8. Шнейдер, Л.Б. Семейная психология: оглядываясь вперёд/ Л.Б. Шнейдер. – СПб.: Питер, 2013. – 368 с.
9. Peterson C., Seligman M.E.P. (Eds.) Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification. N.Y.: Oxford University Press, 2004.
10. Ryff C., Keyes C. The Structure of Psychological Well-Being Revisited //Journal of Personality and Social Psychology, 1995, Vol. 69, No. 4,719-727.

11. Seligman M.E.P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. N.Y.: Free Press, 2002.

Формирование психологической культуры родителей

Ермаченко Н.А.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»,

г. Екатеринбург, Россия

nifj89@mail.ru

Анализ психологических и педагогических работ показал, что формирование психологической культуры родителей является малоизученной проблемой. Это подтверждается малочисленностью исследований, направленных на изучение сущности, закономерности, механизмов, критериев и уровней развития психологической культуры.

Исследование психологической культуры родителей, представляет большую значимость для педагогической и психологической науки. От развития психологической культуры зависит не только формирование психологического склада личности, но и успешность формирования личности ребенка и родителей. Таким образом, проблема формирования психологической культуры родителей выступает как одна из наиболее значимых в настоящее время, так как от уровня сформированности психологической культуры родителей во многом зависит результативность семейного воспитания.

Во многих психолого-педагогических источниках предоставляются различные определения психологической культуры. В одних источниках психологическая культура определяется как интегративное качество личности, включающее в себя множество компонентов: психологическая эрудиция, педагогические способности, современное педагогическое мышление. В других источниках психологическая культура

рассматривается исходя из факторов её формирования, профессиональной компетенции как педагогического феномена.

Обзор исследований позволил сделать вывод о том, что психологическая культура - это комплексное образование, позволяющее адекватно понимать себя и других, устанавливать оптимальные взаимоотношения с людьми на основе гуманистических ценностей, находить эффективные способы решения проблемных ситуаций, а также управлять собственным поведением. Обобщая точки зрения разных авторов к определению понятия, приходим к выводу о том, что психологическая культура - это целостная характеристика личности, которая проявляется в жизнедеятельности и способствует саморазвитию и самореализации человека (Л.С. Колмогорова, Н.Ю. Певзнер).

Сегодня все чаще встречаются попытки исследования изучения особенностей, условий, функций психологической культуры на уровне субъектов образовательного процесса, влияние на педагогическое взаимодействие и образовательную среду (В.В. Семикин), так же рассматриваются особенности формирования психологической культуры в системе образования детей (А.В. Егорова, М.В. Попова и др.) и т.п.

Определяя понятие психологической культуры личности, выделяют уровни развития психологической культуры. Сравнительный анализ уровней психологической культуры личности таких авторов, как Семикина В.В., Моткова О.И., Колмогоровой Л.С. показал, что низкий уровень, показывает как некий минимум, которым должен обладать человек. Средний уровень характеризуется, как достаточно хорошая саморегуляция действий и эмоций, обеспечение хорошей регуляции поведения, взаимоотношений. Также авторами выделен высокий уровень - как вершина совершенства личности, наиболее предпочтительный вариант. Псевдовысокий уровень представлен только в работах Моткова О.И., он разработал оригинальную методику и постарался максимально отразить в ней все уровни психологической культуры личности.

Необходимо отметить, недостаточное количество эмпирических исследований в области психологической культуры родителей, в частности, её роли в семейном воспитании. Нужно констатировать одностороннюю направленность изучения данной проблемы, отсутствует содержание, структура психологической культуры родителей.

Малоизученными не определенными на сегодняшний день являются критерии и уровни формирования психологической культуры родителей.

В настоящее время возрастает значение семьи, как важнейшего социального института общества, кардинальные изменения в социальной политике государства и модернизации ведущих концептуальных положений в области образовательной политики, открыли особую значимость семьи. В законе «Об образовании» (ст.18) указано, что родители являются первыми педагогами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка в раннем детском возрасте.

Анализ современной семьи говорит нам о том, что часто родители не реализуют основные задачи семейного воспитания. Воспитание детей родители основывают на собственном опыте, и при этом не задумываются над последствиями, и не отмечают недостаточность знаний в области педагогике и психологии. В семьях отсутствует благоприятный психологический климат для развития личности ребенка, что может привести к обострению различных социальных проблем.

Многие социальные проблемы общества, которые возникают в процессе воспитания и развития детей, чаще всего являются проявлением воспитания детей родителями с низким уровнем психологической культуры. Несмотря на повышенный интерес исследователей к проблемам семьи, с нашей точки зрения, достаточно мало уделяется внимания изучению формирования психологической культуры родителей.

Нужно заметить, что в настоящее время психологическая культура родителей не выступала предметом психологического исследования, но для эффективного психолого-педагогического сопровождения родителей, с целью активизации и развития потенциала родителей, психологическая практика нуждается в теоретическом обосновании формирования психологической культуры родителей, результатом которого является успешное родительство в рамках семейного образования.

Мы определили, что психологическая культура личности преобразуется в психологическую культуру родителя, так как психологическая культура является формой общей культуры, в процессе развития и становления личности при решении профессиональных, личностных, жизненных, родительских и др. задач.

В отечественной и зарубежной психологии ведутся исследования по проблемам психологии семьи, детско-родительских отношениях и т.п. (А. Адлер, А.Я. Варга, Н.Н. Васягина, Р.В. Овчарова, А.С. Спиваковская и др.). В психологии надежно определено, что на развитие личности ребенка оказывает огромное влияние детско-родительские отношения.

Необходимо отметить недостаточное количество эмпирических исследований в области психологической культуры родителей, нужно констатировать одностороннюю направленность изучения данной проблемы, отсутствует содержание, структура психологической культуры родителей. Малоизученными и не определенными на сегодняшний день являются критерии и уровни формирования психологической культуры родителей.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, проблему формирования психологической культуры родителей можно считать актуальной, так как научные исследования фрагментарны, не отражают системного видения этой проблемы в современных условиях.

Список литературы

1. Васягина, Н.Н. Субъективное становление матери в современном социокультурном пространстве России [текст] : монография / Н.Н. Васягина; Урал.гос.пед.ун-т.- Екатеринбург, 2013. – 309с.
2. Колмогорова, Л.С. Диагностика психологической культуры школьников [текст]: практ. пос. для шк. психологов / Л.С. Колмогорова - М.: ВЛАДОС. 2002.-360с.
3. Мотков, О.И. Психология самосознания личности: практическое пособие [текст] / О.И. Мотков. - М., 1993. - 145 с.
4. Певзнер, Н.Ю. Психологическая культура педагога и эффективность профессиональной деятельности [текст] : автореф. дис. канд. психол. наук / Н.Ю. Певзнер. - Казань, 2007. - 24 с.
5. Семикин, В.В. Психологическая культура в образовании человека [текст] /В.В. Семикин. - С.-Петербург, 2002. - 173 с.

Психолого-педагогическая характеристика родителя как субъекта семейного образования

Зайцева О.В.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

г. Екатеринбург, Россия

Zaiceva08@bk.ru

Аннотация: В тезисах представлена психолого-педагогическая характеристика родителя как субъекта семейного образования. Указано что ведущими личностными качествами родителей реализующих семейную форму образования, являются субъектная позиция, развитое самосознание, высокий уровень саморегуляции, приоритет ценности образования.

Ключевые слова: семейное образование, субъект образования, самосознание родителя.

Семейное образование, в настоящее время является одной из наиболее востребованных альтернативных форм получения образования во всем мире. Под семейным образованием, понимается – форма организации целенаправленного процесса получения образования в семье, осуществляемая родителями в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами, с периодической аттестацией по результатам обучения (Федеральный закон «Об образовании» 2013). К наиболее востребованным формам реализации семейного образования следует относить: семейный детский сад (как структурное подразделение муниципального ДОУ), организованный родителем индивидуальный воспитательно-образовательный процесс, индивидуальные домашние занятия (с участием репетиторов, гувернеров). Семейное образование вместе с тем, не исключает сочетание различных вариантов организации образовательного процесса, путем посещения ребенком групп неполного дня, а также групп развития, как в муниципальных организациях, так и в различных детских центрах

развития, и индивидуального обучения дома родителями. Наибольший интерес представляет семейная форма образования, подразумевающая исполнение роли педагога - родителем.

Необходимо отметить, что, на современном этапе развития отечественной системы образования, все большее число родителей отдает предпочтение форме семейного образования детей дошкольного возраста, что, традиционно объясняется следующими причинами: недостаточностью мест в дошкольных образовательных учреждениях; повышением критичности и требовательности родителей к качеству и результатам образовательного процесса, а также квалификации педагогических кадров, ростом числа родителей, обладающих готовностью самостоятельно строить образовательный маршрут своего ребенка, в виду обладания достаточным уровнем психолого-педагогической грамотности (Социология дошкольного детства 2013).

Вместе с тем, указанные причины не раскрывают в полной мере субъектную позицию современных родителей, что на наш взгляд в первую очередь обуславливает выбор семейной формы образования.

Как субъект воспитательно-образовательного процесса, родители, вне зависимости от формы и ступени образования, на которой находится ребенок, выполняют особую роль, ввиду приоритетности семьи как социального института. Вместе с тем при выборе семейной формы образования, родитель становится носителем двух субъектных социально-деятельностных позиций: родителя и педагога. Субъектное становление родителя, как педагога, реализуется за счет личностной и деятельностной самореализации, находящей отражение в виде преобразовательной активности направленной на ребенка, в ходе воспитательной деятельности (Васягина, Н.Н. 2013, Дружинин, В.Н. 2008, Карабанова, О.А. 2003).

Семейное воспитание, понимается как, сложившаяся в условиях семьи система образования и воспитания, подразумевающая целенаправленное воздействие на ребенка.

Таким образом, в каждой семье формируется собственная субъективная воспитательная система, апробация которой реализуется ежедневно, путем применения методов и средств воздействия взрослым на ребенка, с определенной целью.

Воспитательная деятельность родителей, в контексте семейного образования, направлена на решение традиционных задач:

1. Воспитательные задачи, ориентированные на формирование основ нравственных установок, позиций, характера, дисциплины, соблюдения общественных норм;

2. Образовательно-воспитательные задачи, формирующие чувство уважения к членам семьи, представителям противоположного пола, а также умения и навыки организации семейного быта;

3. Личностно-развивающие задачи, определяющие создание условий для физического, нравственного, интеллектуального развития ребенка.

Реализующаяся в целостной воспитательной системе деятельность родителя, как педагога, ориентирована на целенаправленное содействие становлению и развитию личности ребенка.

Необходимо отметить, что родители, осознанно выбирающие форму семейного образования, как правило, обладают набором специфических особенностей, что собственно обуславливает выбор ими данной формы. Далее обратимся к рассмотрению данных особенностей:

1. Субъектная родительская позиция. Субъектная позиция родителя, на практике, в контексте семейного образования, предполагает активную позицию родителя в отношении образования ребенка, готовность принимать на себя ответственность не только за воспитательный, но и образовательный процесс, и результат, а также ориентацию на эффективное планирование форм образовательного и родительского взаимодействия с ребенком (Овчарова, Р.В. 2006).

2. Развитое самосознание родителя. Родительство, выступает для личности, уникальной ситуацией развития самосознания. Под самосознанием родителя понимается, осознание родителем себя субъектом системы психологических отношений, в структуре которого выделяются компоненты субъекта деятельности и уровни отношений: социально-обусловленные отношения и психологические отношения (потребности, эмоциональное отношение, когнитивное отношение и отношение к самому себе – самоотношение). Самореализация человека в родительской роли

способствует формированию когнитивного и эмоционально-ценностного отношения к себе как к родителю (Рыбакова, Е.Н. 2007). В условиях реализации родителем семейной формы образования, основные компоненты самосознания становятся более дифференцированными благодаря выделению вполне независимой от успешности в профессиональной деятельности родительской роли.

В структуре самосознания каждого родителя сохраняется опыт его воспитания, приемы воздействия (вербального и невербального) со стороны своего родителя, которые могут быть воспроизведены в практике воспитания и обучения своих детей. Условия семейного образования позволяют родителю переосмыслить с родительской позиции собственный учебный опыт, что в том числе является одним из условий содержательной наполненности родительского отношения, и как следствие способствует интеграции родителя и ребенка в семейном образовательном процессе.

3. Осознанное родительство, как интегральное психологическое образование личности родителя, представляющее собой систему взаимодействия ценностных ориентаций, родительских установок, чувств, отношений, позиций и родительской ответственности (Ермихина, М.О. 2004, Овчарова, Р.В. 2006, Смирнова Е.Г. 2009). В условиях семейного образования реализуется в виде избирательной позицией родителя в отношении выбора им здоровьесберегающих, коммуникативных, воспитательных, образовательных тактик.

4. Приоритет ценности качественного образования в ценностно-смысловой структуре личности родителя (Абрамова А.А. 2009). Родитель осознает значение образования для личностного развития ребенка, и готов самостоятельно строить индивидуальную образовательную траекторию своего ребенка, с учетом современных технологий, исходя из значимых идеалов и ценностей не только семьи, но и современного общества.

5. Высокий уровень саморегуляции поведения и деятельности у родителя. Наиболее значимым аспектом в семейном образовании, является развитие способности к самостоятельной регуляции ребенком своего поведения и деятельности (Смирнова, Е.О. 1998). Что объясняется не только требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов, но и значением саморегуляции для успешного выполнения

учебной деятельности. Ввиду того, что основу многих трудностей в учебной деятельности составляет неспособность к саморегуляции деятельности. Следовательно, одной из важнейших задач родителей, в контексте образовательных стандартов, становится обучение детей ставить цели своей деятельности, добиваться их достижения, оценивать результат. Необходимо отметить, что эффективная организация образовательного процесса в домашних условиях, возможна только в случае, если родитель обладает достаточным уровнем саморегуляции и самоорганизации

Резюмируя, можно отметить, что ключевыми личностными качествами родителей реализующих семейную форму образования, выступают субъектная позиция, развитое самосознание, высокий уровень саморегуляции, значение ценности образования.

Таким образом, организация семейной формы образования позволяет родителю реализовать себя как субъекта детско-родительских отношений, так и субъекта образовательных отношений, что тем самым обеспечивает двусторонний процесс развития и социализации, как ребенка, так и родителя.

Список литературы

1. Абрамова А.А. Стратегии развития культуры родительства на пороге третьего тысячелетия: поиск оптимального подхода// Культура на рубеже эпох: Сборник научных трудов. Вып.2 – М.: МГГУ им. Шолохова, 2007.
2. Васягина, Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России: монография. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 309 с.
3. Дружинин В.Н. Психология семьи // . – СПб : Питер, 2008. – 176 с.
3. Ермихина М.О. Формирование осознанного родительства: автореф. дисс. канд. психол. наук.- Казань 2004. URL.: <http://osp.kgsu.ru/ermix.htm>
4. Карабанова, О. А. Цели и задачи коррекции детско-родительских отношений // Психологические проблемы современной российской семьи : материалы Всерос. науч. конф., 14-16 окт. 2003 г. – М., 2003. – Ч. 2. – С. 144-151.
5. Овчарова Р.В. Психология родительства – М.: Академия, 2005. – 362 с.

6. Рыбакова Е.Н. Структурный анализ самосознания матери: автореф. дисс. канд. психол. наук.- СПб. 2007. URL:: <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-strukturnaya-organizatsiya-samosoznaniya-materi>
7. Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И., Верясова Е.С. Социология дошкольного детства // Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И., Верясова Е.С. / Труды по социологии образования. Т. XXIX.-М.: Институт социологии образования РАО, 2013.-167 с.
8. Смирнова Е.О. Развитие воли и произвольности в раннем и дошкольном возрастах. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 1998. -256 с.
9. Смирнова Е.Г. Психолого-педагогическое сопровождение формирования осознанного родительства в молодой семье: автореф. дисс. канд. психол. наук.-Екатеринбург 2009. URL:: <http://www.dissercat.com/content/psikhologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-formirovaniya-osoznannogo-roditelstva-v-molodoi-s-0>
10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Новосибирск: Норматика, 2013. - 128 с.

Связь семейных мифов и иррациональных установок личности

Клименко Е.А., Молчанов С.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Факультет психологии, Москва, Россия

apsyoma@gmail.com, s-molch2001@mail.ru

Ситуация конструктивного взаимодействия супругов в семье, гармоничного в ней существования, осознание потребностей каждой из личности супругов и их реализация внутри семейной системы в настоящее время отмечается многими авторами (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В., Алешина Ю.Е., Варга А.Я., Карабанова О.А. и др.) как требующая повышенного внимания. Общественный интерес к разрешению семейных проблем, основан на необходимости привлечения внимания к сложным

внутрисемейным феноменам, которые влияют на состояние как семьи в целом, так и на психологическое благополучие отдельных ее членов. Таким образом, жизнь в супружеских союзах стала приобретать характер большей обращенности к личности самих ее членов. Снизилась роль внешних факторов в обеспечении устойчивости брака и, соответственно, возросло значение внутреннего содержания и характера взаимодействия.

Изучение "семейных мифов" началось с практики (прежде всего, психоаналитической). Мифы рассматривались как отражающие нарушения функционирования семьи представления членов семьи друг о друге, о себе и семейной системе в целом. Фактически, это - несогласованные между супругами представления. По степени рассогласованности можно сделать предположение о наличии искажений во всех сферах жизни семьи. И только после изучения патологии, то есть, искаженных представлений, начались массовые исследования "нормы" - "семейного самосознания".

Мифами могут быть семейные представления, называемые разными авторами по-разному: «наивные представления» «ситуационные сценарии», «каузальная атрибуция», семейные мифы. Эти представления можно зафиксировать, как систему утверждений; при этом каждое утверждение в той или иной мере содержит следующие черты: долженствование (предписание), сверхобобщение и избирательность восприятия. Предписание отражается в том, что утверждение содержит указание на некую норму и выражается в слове «должен». Сверхобобщение заключается в том, что отсутствует учет условий той или иной ситуации и естественно не учитываются ни индивидуальные различия, ни какая-либо иная вариативность. Избирательность восприятия или селективность выражается в том, что отдельная деталь, событие или поступок возводится в ранг постоянного, устойчивого, необходимого, а другая информация при этом игнорируется. Также характерной чертой селективности является однозначность суждения. Примером мифа достижения супружеского счастья может быть следующий постулат: "Супруги должны быть едины во всех вопросах и иметь общий взгляд на все жизненные ситуации". В реальности же, именно различие во взглядах обеспечивает более широкий выбор возможных решений и приводит к наиболее конструктивному разрешению проблемных ситуаций [4]. Семейные мифы имеют две основные цели: 1)

закамуфлировать те конфликты и неудовлетворенные потребности, которые имеются у членов семьи, и согласовать их идеализированное представление друг о друге; 2) сохранить целостность и единство семьи.

Таким образом, под "семейными мифами" многие исследователи понимают определенное неосознаваемое взаимное соглашение между членами семьи, функция которого состоит в том, чтобы скрывать от осознания отвергаемые образы (представления) семьи в целом и каждого ее члена в отдельности [1].

В настоящее время «семейные мифы» исследуются с применением клинического и экспериментально-психологического методов в рамках психоаналитического понимания защитных механизмов, теории ролевого взаимодействия, когнитивной психологии и когнитивно-поведенческой психотерапии. Что касается содержания немногочисленных исследований семейных мифов, то можно выделить следующие направления: 1) трансляция семейных мифов от поколения к поколению; 2) роль детско-родительских отношений в формировании семейных мифов; 3) влияние неких внешних факторов, таких как национальность, пол, возраст, проживание в мегаполисе или небольшом поселении и т.д. на особенности семейных мифов.

Наше же исследование было посвящено проверке наличия связи искаженных представлений о семье, содержательно выраженных в форме семейных мифов, с иррациональными установками личности. Мы считаем закономерной гипотезу о наличии такой связи, так как индивидуальные базисные схемы ("своеобразные жестко закрепленные соответствия по типу «стимул-реакция», представляющие собой глубинные мировоззренческие установки человека по отношению к самому себе и окружающему миру и влияющие на его восприятие окружающей действительности и отнесение всего наблюдаемого к различным категориям" [3]) каждого из супругов в семье могут быть адаптивными и неадаптивными, позитивными или негативными, уникальными или универсальными. Поскольку эти схемы связаны с личным опытом каждого из супругов - более длительным, нежели стаж супружества в молодых семьях - для подобных схем существуют тенденции к многократному повторению, превращая в устойчивые стереотипы все модели реагирования, сценарии поведения. И мы считаем, что эти схемы могут накладывать отпечаток на выраженность согласованных

представлений о семье, в том числе и в форме семейных мифов.

В исследовании приняли участие 52 респондента (30 женщин и 22 мужчины, средний возраст - 36 лет). 36 из них на момент исследования состояли в браке (средний стаж супружества - 5 лет). Выраженность семейных мифов у респондентов определялась при помощи методики А.А. Нестеровой "Анализ семейного мифа" [2]. Рассматривались следующие аспекты: 1) миф о вечной любви и неразделимости членов семьи; 2) миф о волшебной силе любви; 3) миф об абсолютизации семейных ситуаций; 4) миф о злых силах, атакующих семью; 5) миф о необходимости жертвовать ради семьи и ее членов; 6) миф о постоянстве семейного благополучия; 7) общая мифологизация (большие оценки по шкалам отражают большую выраженность мифов). При помощи методики "Диагностика наличия и выраженности иррациональных установок" А.Эллиса для каждого участника исследования были получены оценки для следующих шкал (установок): 1) катастрофизация; 2) долженствование в отношении себя; 3) долженствование в отношении других; 4) оценочные суждения и рациональность мышления; 5) фрустрационная толерантность (меньшие баллы говорят о большей выраженности установок). В ходе анализа полученных результатов, мы убедились, что оценки по шкалам методики «Анализ семейного мифа» связаны хоть и не сильными, но статистически значимыми обратными связями с оценками по шкалам теста иррациональных установок (значение коэффициента Спирмена в интервале от -0,250 до -0,537, $p < 0,05$). При этом «абсолютизация семейных ситуаций» связана с четырьмя шкалами иррациональных установок, «необходимость жертвы ради семьи» - с тремя, «волшебная сила любви» - с двумя, «о злых силах, атакующих семью» - с одной шкалой. Нами были получены и некоторые гендерные различия: так у женщин выраженность мифа о необходимости жертвы ради семьи связана с выраженностью "долженствования в отношении других" ($k = -0,0536$, $p < 0,05$), а у мужчин - с "долженствованием в отношении себя" ($k = -0,400$, $p < 0,05$), что свидетельствует о наличии определенных взаимных ожиданий в отношении партнера по браку, приводящих, возможно, к формированию семейного мифа.

Таким образом, гипотеза о связи между выраженностью иррациональных установок личности и выраженностью семейных мифов нашла свое эмпирическое

подтверждение. То, что семейные мифы, содержательно являясь искаженными представлениями о семье в противовес семейному самосознанию, иррациональны по своей природе, подтверждается связью семейных мифов с наличием у супругов иррациональных установок. Когда согласованный образ семьи обусловлен иррациональными представлениями и соответствующими им эмоциональными реакциями, неадекватными ситуации, может иметь место тот или иной семейный миф.

Список литературы

1. Мишина Т.М. Семейная психотерапия и динамика «образа семьи» // Психология и психопрофилактика: Сб. науч. тр. /Под ред. В. К. Мягер, В.П. Козлова, Н.В. Семеновой-Тянь-Шанской. - Л., 1983, 21-26.
2. Нестерова А.А. Проблема изучения семейного мифа. // Аспирантский сборник № 1 (12) - М.: Изд-во МГСУ, 2003.
3. Соколова Е.Т. Психотерапия Теория и практика. – М.: Академия, 2010.
4. Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. - СПб.: Питер, 2009.

Паттерны привязанности в поколении семьи: межпоколенческая передача

Куфтяк Е.В.

ФГБОУ ВПО Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова,

Кострома, Россия

E-mail: kuftyak@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов связи поколений и межпоколенной передачи паттернов привязанности и взаимодействия. Представлены результаты изучения межпоколенной передачи паттернов привязанности. В исследовании приняли участие три поколения женщин в рамках одной семьи. Обнаружено, что заботливый

тип сохраняет тенденцию к доминированию среди женщин, и даже к росту его преобладания во взаимодействии от старшего поколения к младшему. Показана преемственность через три поколения женщин одной семьи для надежной (тип А) и тревожно-противоречивой (тип В) привязанности.

Ключевые слова: привязанность, поколение, межпоколенческая передача, преемственность.

Проблема развития эмоциональной связи ребенка с матерью неотделима от большинства направлений психологической науки. В исследованиях познавательного и эмоционального развития, психического здоровья, психологического благополучия и социальной адаптации встает вопрос о роли качества заботы, которое мать предоставляет ребенку в раннем детстве. Исследуя психическое состояние родителей и бездомных детей Дж. Боулби приходит к разработке теории привязанности, реализующей концептуальное представление о человеческом поведении в близких отношениях с другими. Теория привязанности является общей теорией социального и эмоционального развития, а также одной из наиболее успешных комплексных психологических концепций. Термин «привязанность» определяет сильную потребность в контакте с определенными людьми, стремление к близости со значимыми лицами, кроме того, это продолжительная, сравнительно устойчивая особенность проявления привязанности. Испытываемое взаимодействие с объектом привязанности откладывается в памяти в качестве внутренних рабочих моделей. По мнению Дж. Боулби, формирование внутренних рабочих моделей обусловлено в основном реальным проявлением заботы матери или другого лица, осуществляющего уход за ребенком (Боулби Дж., 2003). Вслед за Дж. Боулби М. Эйнсворт систематизировала и выстроила типы привязанности с учетом индивидуальных различий в качестве привязанности: В – безопасный паттерн, А – паттерн привязанности избегающего вида, С – паттерн привязанности тревожно-сопротивляющегося вида, и тип, добавленный позднее М. Мэйн, D – дезорганизованный. Искаженные внутренние модели и типы

привязанности могут иметь серьезное значение в развитии нарушений психологического здоровья и психической патологии.

Многими исследователями отмечается, что важные социальные взаимодействия с объектом привязанности усваиваются и сохраняются в виде схем в системе ассоциативной памяти (Hařto J., 2006; Shaver PhR., Mikulincer M., 2009). Сохранившиеся представления об опыте привязанности в раннем детстве продолжает оказывать влияние на поведение привязанности и развитие межличностных отношений на протяжении жизни человека. Сформированные внутренние модели, как правило, остаются неизменными и влияют на формирование новых отношений. По данным Фрейли, надежная привязанность является умеренно стабильной в возрасте от 1 до 19 лет (Fraley S., 2002). В работе Е.В. Пупыревой выявлено, что большинство детей младшего школьного возраста демонстрирует в контактах со сверстниками присущий им тип привязанности (Пупырева Е.В., 2007). Аллен считает, что в подростковом возрасте происходит основное изменение, связанное с развитием, когда независимые модели специфических отношений, складываются в общую модель отношений привязанности, формирующей отношения с новыми людьми. На этой основе зарождается новый атрибут личности, очерченный сознательными и бессознательными правилами, которые регулируют индивидуальное влияние и поведение, либо ограничивают, либо обеспечивают доступ к информации. Так, привязанность продолжает быть связью конкретных отношений, но и становится общей моделью себя и других. Поэтому в межличностных отношениях взрослых людей, также можно увидеть характерные черты первичной привязанности. Исследование Т.В. Казанцевой показало, что тип первичной привязанности выявленный у молодых людей воспроизводится в различных близких отношениях (в частности, с матерью, другом и подругой), при этом отношения с матерью являются в этой цепи центральным, определяющим, звеном (Куницына В.Н., Казанцева Т.В., 2009). Исследование П. Шейвера и М. Микулинцера (2002), убедительно показало влияние типов привязанности на фундаментальные характеристики эмоционально-личностной сферы взрослых людей. Важным результатом данного исследования являются данные, свидетельствующие о тенденции к эмоциональной

гиперактивации в случае амбивалентной привязанности и склонность к эмоциональной гипоактивации при избегающем типе привязанности.

К проблеме развития привязанности существует два основных подхода. С точки зрения классического представления о привязанности следует отметить следующие положения: 1) паттерны привязанности, наблюдаемые в раннем детстве, присутствуют на более поздних стадиях развития, но имеют свойственные соответствующему возрасту проявления; 2) паттерн привязанности не изменяется. Подход с точки зрения динамического созревания допускает: 1) замену одного паттерна на другой; 2) изменение в наборе возможных стратегий; 3) переход от простых субстратегий к более сложным и усовершенствованным субстратегиям в рамках доминирующей модели.

Рассмотрение вопроса межпоколенческой передачи типов привязанности в поколениях семьи в зарубежной литературе является редкостью. Большинство исследований межпоколенной передачи привязанности проводились в рамках эволюционного подхода, редко выходя за рамки младенческих связей и ограниченное ближайшим окружением (мать). Троммсдорфф обращает внимание, что на процесс, направление и результат межпоколенной передачи влияют люди, участвующие в процессе, специфика их отношений, передаваемые ими задачи и проблемы, а также культурный контекст, в котором происходит передача. Результат процесса передачи может быть охарактеризован с позиции последовательности, т.е. межпоколенной согласованности (абсолютной передачи) или избирательности (относительной передачи) результата передачи. Абсолютная передача означает, что оба поколения имеют один уровень ценностей, т.е. содержание паттернов схожи. Относительная передача указывает на осуждение одним поколением идей другого, но в диадах отмечается согласованность, что демонстрирует положительную взаимосвязь между поколениями. Относительная передача позволяет описать процесс межпоколенческой передачи исходя из отношений, которые связывают одно поколение с другим.

В исследовании Хаутамяки продемонстрирована значимость роли бабушки в передаче типа привязанности (Hautamäki A., Hautamäki L. et al., 2010). Исследование показало, что в возрасте от года до трех лет прогнозируемое качество привязанности ребенка и его соответствие типу привязанности матери снижается, в то время как с

бабушкой возрастает. Так, связь между внуками и бабушками более значимы, нежели связь между соседними поколения (мать – ребенок).

Нами также было осуществлено исследование взаимосвязи качества привязанности близких взрослых (матери, бабушки) и привязанности ребенка к матери (Куфтяк Е.В., 2015). В нашей работе были проанализированы, во-первых, качество привязанности ребенка к матери в соответствии с «рабочими моделями привязанности» матери и бабушки, во-вторых, связь качества привязанности ребенка с показателями тревожности и избегания близости в отношениях близких взрослых. В исследовании приняли участие 30 триад «ребенок дошкольного возраста – мама – бабушка». Полученные данные свидетельствуют о том, что преемственность безопасного типа привязанности в трех поколениях семьи более стабильна, по сравнению с небезопасным. Интересным представляется результат о том, что демонстрация взрослыми (матерью, бабушкой) уверенности в надежности отношений близости способствуют формированию у ребенка доминанты, связанной с проявлением чуткости в поведении.

В настоящей статье представим результаты исследования межпоколенной передачи паттернов привязанности в трех поколениях женщин, принадлежащих к одной семье. Общий объем выборки составил 31 семью, 93 человека. Выборку составили женщины: старшего поколения (бабушки), год рождения –1936 – 1951 (средний возраст $M = 68,9$), пенсионерки, неработающие; среднего поколения (матери) – 1964 – 1974 годов (средний возраст $M = 43,7$), работающие. Представительницы младшего поколения (дочери) – 1988 – 1996 годов рождения (средний возраст $M = 20,5$), в основном студенты.

В процессе проведения полуструктурированного интервью в группе старшего поколения было установлено, что более половины женщин (51,7 %) в детстве пережили войну, у чуть менее трети женщин судьба семьи связана с голодом, раскулачиванием, репрессиями.

Использованные методики. Для исследования внутрисемейных интеракций использовали проективный ситуативный рисунок «*Bubbles*» (модификация Е.В. Куфтяк, 2013). Рисунок членов семьи – высокоинформативное средство познания семейных отношений, восприятия себя и других членов семьи. Участникам исследования в

визуальной форме был представлен на рассмотрение рисунок, изображающий ситуацию с участием членов семьи, принадлежим к разным поколениям, и попросили их дорисовать образы представителей поколения семьи, описать ситуацию, в которой взаимодействуют члены семьи и вписать реплики в пустые «пузыри bubble». В «пузырях» необходимо было написать, что думают, чувствуют и делают изображенные на рисунки люди. С помощью данной методики можно выделить преобладающие паттерны взаимодействия между поколениями в семье.

При исследовании взрослых представителей использовались следующие методики: «Самооценка генерализованного типа привязанности» (RQ; K. Bartholomew, L. Horowitz, 1998; адаптация Т.В. Казанцевой, 2011), изучающая типы генерализованной привязанности; опросник «Опыт близких отношений» (ECR-R; R.C. Fraley, N.G. Waller & K.A. Brennan, 2000; адаптация Т.В. Казанцевой, 2008), направленная на изучение тревожности и избегания близости в отношениях привязанности.

Результаты и их обсуждение. Анализ рисунков позволил нам выделить четыре типа межпоколенного взаимодействия: активный – беспомощный, заботливый – игнорирующий. Активный тип взаимодействия включает такие поведенческие паттерны как: независимость, умение настоять на своем, деятельность, энергичность. В общении с членом семьи ясно заявляет свою позицию («Завтра нужно сделать ...», «Нам нужна дача») и инициирует активность у партнера по ситуации («Что приготовить на ужин?», «Сначала надо выполнить...»). Как правило, член семьи концентрируется на работе, выполнении семейных дел (ведение домашнего хозяйства) и решении общесемейных вопросов (покупка жилья, дачи и др.).

Заботливый тип ориентирован на постоянную поддержку другого («Хочу помочь тебе советом»), член семьи проявляет заинтересованность его делами («Как ваши дела?», «Звонила она?», «Будет волнение»). Забота о близких является важной сферой в его жизни.

При игнорирующем типе взаимодействия собеседник или партнер по ситуации остается без внимания, доминирует концентрация на решении собственных вопросов. Член семьи, демонстрирующий игнорирование, отказывает другим в помощи. В общении он не поддерживает собеседника, отрицает его точку зрения («Я не буду этого

делать», «Да ну! Потом!»), стремится найти понимание собственных проблем («Я так решила», «Так модно, ты не понимаешь»), принижает значимость партнера («Ты еще маленькая»).

Беспомощный тип взаимодействия связан с пассивным поведением человека и невозможностью контроля ситуации. Член семьи, демонстрирующий этот тип, просит помощи и поддержки у других («Помоги мне», «Хожу и выпрашиваю»).

Рассмотрим особенности взаимодействия изображенных на рисунке членов семьи (принадлежащим к разным поколениям) (Табл. 1).

Таблица 1

Типы межличностного взаимодействия поколений внутри семьи (на основе самооценочных показателей), %

Тип взаимодействия	Старшее поколение, бабушки (n = 27)	Среднее поколение, мамы (n = 27)	Младшее поколение, внучки (n = 27)
Активный	22,2	48,1	25,9
Беспомощный	14,8	7,4	7,4
Заботливый	40,7	33,3	40,7
Игнорирующий	22,2	11,1	25,9

Полученные данные свидетельствуют о том, что в большинстве рисунков доминирует заботливый тип взаимодействия между поколениями: встречается у более 1/3 женщин старшего и среднего поколений (40,7 % соответственно) и трети представительниц младшего поколения (33,3 %). Сравнивая различия в преобладании типа взаимодействия у поколений женщин можно сделать вывод о том, что заботливый тип сохраняет тенденцию к доминированию среди женщин, и даже к росту его преобладания во взаимодействии от старшего поколения к младшему. Следует отметить, что в рисунках у половины женщин среднего поколения наиболее часто изображается

активный тип взаимодействия. Во всех поколениях редко встречается беспомощный и игнорирующий типы.

Далее обратимся к данным полученным в результате качественной обработки рисунков (Табл. 2).

Таблица 2

Распределение признаков в рисунке «*Bubbles*», %

Тип взаимодействия / Признаки рисунка	Старшее поколение, бабушки (n = 27)	Среднее поколение, мамы (n = 27)	Младшее поколение, внучки (n = 27)
Активный тип взаимодействия			
идентификация	66,7	69,2	85,7
самоконтроль	-	-	100
сложности в общении	83,3	84,6	-
женственность	66,7	-	-
Заботливый тип взаимодействия			
идентификация	72,7	55,5	-
внутренний конфликт	45,4	-	-
сложности в общении	100	66,7	81,8
дистанция/конфликт	-	-	63,6
запрет на выражение эмоций	54,5	-	-
уверенность	-	66,7	-
женственность	-	-	54,5

Беспомощный тип взаимодействия			
сложности в общении	100	100	100
дистанция/конфликт	-	50	-
запрет на выражение эмоций	75	-	-
Игнорирующий тип взаимодействия			
сложности в общении	83,3	-	-
уверенность	-	-	71,4
демонстративность	-	-	57,1

У старшего поколения независимо от демонстрируемого взаимодействия, а также представителей среднего и младшего поколений с типами заботливого и беспомощного взаимодействия в рисунках часто встречаются непрорисованные кисти и пальцы, а также ступни ног у человечков, либо очертания кистей нарисованы расплывчато. Данный признак усиливается в сочетании с наличием между фигурами предметов, например, сумки, телефона. Данные признаки обычно рассматриваются как недостаточная компетентность в социальных контактах и неумелость в социальных отношениях, что, несомненно, свидетельствует о сложностях в межличностном общении между поколениями. В группе испытуемых с игнорирующим типом взаимодействия (среднего, младшего поколений) и младшего поколения с активным типом взаимодействия подобные признаки не встречаются.

У половины женщин старшего поколения с заботливым типом взаимодействия преобладают в изображении человеческих фигур подчеркивание, выделение, зачернение либо фигура человека в рисунке остается непрорисованной (пустой), что может интерпретироваться как напряжение, тревожность, наличие внутриличностного конфликта. Чуть более половины женщин в рисунках отмечается запрет на выражение эмоций, подавление и сдерживание аффектов.

В группе женщин с активным типом взаимодействия отмечен ряд интересных, на наш взгляд, признаков: однотипная одежда, схожие прически и позы, выражение лица, аналогичные детали и цвета в презентации фигур. Эти признаки можно интерпретировать, как показывающие стремление быть похожим друг на друга, идентификация между поколениями, хорошие эмоциональные контакты. Эти качества также присущи женщинам старшего и среднего поколений демонстрирующих заботливый тип взаимодействия. В рисунках младшего поколения с активным типом взаимодействия в персонажах ситуации прорисована шея. Отмеченный признак символизирует связь между сферой контроля (головой) и сферой влечения (телом), способность к рациональному самоконтролю.

Анализ распространенности типов генерализованной привязанности позволил установить (табл. 3), что несмотря на то, что выборка в целом отвечает принципу репрезентативности, качество привязанности сместилось в сторону типа А (надежный / безопасный): наиболее выражен тип в группе старшего поколения (41,9 %) и младшего (64,5 %). В группе женщин относящихся к среднему поколению чаще встречается тип В (тревожно-противоречивый).

Таблица 3.

Различия в выраженности типов привязанности в трех группах поколений

Показатели	Старшее поколение, бабушки. Группа А. (n = 31)	Среднее поколение, мамы. Группа В. (n = 31)	Младшее поколение, внучки. Группа С. (n = 31)	Н-критерий, р-уровень
Тип А (надежный)	7,16 (3,4)	6,5 (3,4)	8,4 (3,3)	5,732 p=0,057
Тип В (тревожно-противоречивый)	6,03 (2,9)	6,93 (3,2)	7,1 (2,4)	

)				
Тип C (отстраненно-избегающий)	6,4 (2,6)	5,8 (3,2)	4,5 (2,1)	8,004 p=0,018
Тип D (боязливый)	3,8 (3,04)	3,45 (2,8)	3,9 (3,2)	

С помощью методики «Опыт близких отношений» проведено оценивание типа привязанности и уровней тревожности и избегания в близких отношениях. Так, женщины из трех групп имеют высокие оценки по шкале тревожности и одновременно низкие по шкале избегания близости, что свидетельствует о зависимом типе привязанности. При привязанности зависимого типа все мысли подчинены объекту привязанности, остро переживается отсутствие партнера, ощущается собственная незащищенность, чаще не решаются на разрыв отношений (даже в кризисной ситуации).

Таблица 4.

Различия в выраженности тревожности и избегания в близких отношениях в трех группах поколений

	Старшее поколение, бабушки (n = 31)	Среднее поколение, мамы (n = 31)	Младшее поколение, внучки (n = 31)	Н-критерий, p-уровень
Избегание близости в отношениях привязанности	3,56 (2,1)	4,13 (2,4)	4,5 (2,45)	-
Тревожность в отношениях привязанности	5,5 (1,9)	7,3 (2,1)	7,4 (2,2)	16,196 p=0,000

Первый показатель описывает тревожность в близких отношениях, он наиболее выражен у среднего поколения женщин, по сравнению с женщинами старшего поколения. Так, женщины среднего поколения чаще переживают по поводу близких отношений, нуждаются в постоянной поддержке и внимании со стороны близких людей, испытывают страхи в связи с потерей близкого человека. По данным автора методики, для людей, переживающих тревогу в близких отношениях характерны такие характеристики как сензитивность, зависимость, эмпатия, эмоциональная незрелость.

Второй показатель – избегание близости не обнаружил существенных отличий между группами поколений, в трех группах поколений избегание близости в дружеских отношениях находится на низком уровне. С помощью шкалы избегания можно описать людей, которым свойственна эмоциональная сдержанность, осторожность, социальная пассивность, эгоцентричность, независимость в социальном поведении, что согласуется с представлениями об избегании близости. Полученные данные свидетельствуют о преобладании в поколении женщин зависимого типа привязанности.

Таким образом, выявленное сходство типов взаимодействия позволяет нам говорить о межпоколенной трансляции паттернов межличностного взаимодействия. Сознательное или бессознательное повторение и воспроизведение действий, проявлений, ситуаций, «выборов» может рассматриваться как демонстрация связи с предшествующими поколениями, связи передающейся в поколении, необходимой для построения и структурирования индивида.

Дальнейшей перспективой исследования является анализ взаимосвязей показателей привязанности для женщин разных поколений и выявление влияния старшего поколения на представительниц других поколений данной семьи. В целом, полученные данные расширяют знания о модели межпоколенной передачи привязанности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-0582)

Список литературы

1. Боулби Дж. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003.
2. Куницына В.Н., Казанцева Т.В. Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми // Вестник СПбУ. Серия 12 (Социология и Психология). Вып. 1. Ч. II. 2009. С. 3–8.
3. Куфтяк Е. В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1 (86). С. 78–83.
4. Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2007.
5. Fraley C. Attachment stability from infancy to adulthood: Meta-analysis and dynamic modeling of developmental mechanisms // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. P. 123-151.
6. Hašto J. Vzťahová väzba, pripútavacie správanie a psychi-atria-psychoterapia // Psychiatrie. 2006. Vol. 10(1). P. 36–40.
7. Hautamäki A., Hautamäki L., Neuvonen L., Maliniemi-Piispanen S. Transmission of attachment across three generations: continuity and reversal // Clinical Child Psychology and Psychiatry. 2010. Vol. 5(3). P. 347–354.
8. Shaver PhR., Mikulincer M. An Overview of Adult Attach-ment Theory. In: Obegi JH, Berant E, editors. Attachment Theory and Research in Clinical Work with Adults. New York, London: The Guilford Press, 2009. p. 17–45.
9. Trommsdorff G. Intergenerational relations and cultural transmission // Cultural transmission. Psychological, developmental, social, and methodological aspects. New York: Cambridge University Press, 2009. pp. 126-160.

Ценностно-мотивационная сфера целеполагания студентов в зависимости от согласования/рассогласования образов родителей

Литвинова А.В.

ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет»

Представлены результаты эмпирического исследования ценностно-мотивационной сферы целеполагания студентов, в зависимости от согласования/рассогласования образов родителей как семейной детерминанты развития личности. Рассогласование образов родителей рассматривается как представление ребенка о различиях в проявлениях у отца и матери переживаний, эмоций, ценностей, отношений к окружающим, к способам взаимодействия с ними. Целеполагание понимается как инициативная ориентировка субъекта в жизненной ситуации.

Формирование личности, становление ее смыслов, мотивов, стремлений и целей начинается в семье через сложившуюся систему мифов, ценностей, культуру взаимоотношений. Рассматривая семью как психологическое пространство формирования личности, мы исходим из представления Л.С. Выготского о социальной ситуации развития, роли взрослого в ее организации (Выготский Л.С., 1983) и положения теории формирования функциональных систем В.К. Шабельникова о семье, как детерминирующей системе формирования личности, необходимости напряжений в семье, стремление к снятию которых является механизмом развития личности (Шабельников В.К., 1986, 2007, 2015). Напряжения в отношениях с родителями, вызванные рассогласованием их образов, являются исходными и для развертывания целеполагания как инициативной ориентировки субъекта в сложившейся ситуации. Схемы целеполагания, обеспечивающие организацию жизнедеятельности закладываются в семье. Мы предполагаем, что рассогласование образов родителей

влияет на характер сформированности компонентов ценностно-мотивационной сферы целеполагания студентов.

Логика эмпирического анализа строится на исследовании особенностей ценностных ориентаций студентов, поскольку ценностные ориентации личности - это духовное начало, определяющее у каждого человека понимание мира и являющееся частью общего человеческого духа». Общественная и индивидуальная жизнь структурированы на основе системы ценностей, как «смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества» (Франкл В., 1990). Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу её отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самому, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и «философии жизни». Ценности формируются в процессе жизнедеятельности в результате функционирования и развития потребностей личности, способов их удовлетворения, приобретая затем самостоятельное значение ориентиров деятельности и внутренних духовных сил личности. Выступая в качестве единого совокупного субъекта, ценности, преломляясь в индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей.

Ключевые ценности или жизненные смыслы, как общества, так и личности характеризуются как цели, которые в данной системе не являются средствами, а выполняют функцию конечного выбора тех средств и способов, которые становятся самоценными, функционально не заменимыми конечными «целевыми» ценностями. Другой тип ценностей - инструментальные, выступают как средства для реализации целей - ценностей и как их конкретизация.

Для выявления степени напряжения, которая выражает согласование/рассогласование образов родителей, использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича (Психологические тесты, 2000). Испытуемому предъявляется список ценностей, в котором он присваивает каждой ценности ранговый номер в соответствии со шкалами: шкала «порядок значимости ценностей для меня», шкала «порядок значимости ценностей, которые воспитывал во мне отец», шкала «порядок значимости ценностей, которые воспитывала во мне мать». Затем вычислялась

разность рангов по шкалам «порядок значимости ценностей для меня» и «порядок значимости ценностей, которые воспитывал во мне отец» (разность 1), «порядок значимости ценностей для меня» и «порядок значимости ценностей, которые воспитывала во мне мать» (разность 2). По каждой разнице отдельно подсчитывается сумма, позволяющая анализировать диапазон согласования/рассогласования образа родителей с ценностными ориентациями испытуемых. Значение суммы разностей рангов позволяет отнести испытуемого к группе с относительно согласованным образом родителей (в случае, если полученные разности равны) или к группе с относительно рассогласованным образом родителей (в случае, если полученные разности различаются).

Если ценности ориентируют субъекта во внешнем мире, определяя ожидаемое и одобряемое окружающими поведение, то мотивация ориентирует его внутренние побуждения и стремления, направленные на снятие напряжений объективных ситуаций. Для изучения мотивации использовался опросник «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана (Мильман В.Э., 1990) и Шкала академической мотивации (Гордеева Т.О., Сычев О. А., Осин Е. Н., 2014).

Опросник «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана позволяет выявить шкалы (жизнеобеспечение, комфорт, общение, общая активность, творческая активность и социальная полезность) мотивационного профиля и подшкалы (общежитейская учебная мотивация). Шкала академической мотивации (сокр. ШАМ, англ. The Academic Motivation Scale, сокр. AMS) разработан Т.О. Гордеевой, О.А. Сычевым и Е.Н. Осиным в 2014 году на основе Шкалы академической мотивации Валлеранда, измеряет выраженности и тип мотивации к учебной деятельности.

В эмпирическом исследовании принимали участие 47 студентов, средний возраст – 19,1 лет, из них 18,4% (от общего числа испытуемых) студенты с выраженным согласованием образов родителей и 81,64% (от общего числа испытуемых) студенты с выраженным рассогласованием образов родителей. Проведенные ранее исследования роли согласования/рассогласования образов родителей, показывает снижение с возрастом процента, испытуемых с более выраженным согласованием образов родителей: младшие подростки - 70% согласование образов родителей, 30%

рассогласование образов родителей; средние подростки - 60% согласование образов родителей, 40% рассогласование образов родителей и старшие подростки - 40% согласование образов родителей, 60% рассогласование образов родителей (Литвинова А.В., 2007, 2015). Представленные результаты демонстрируют, что к юношескому возрасту наблюдается увеличение группы с рассогласованием образов родителей, что свидетельствует о стремлении их к самоопределению в организации жизнедеятельности.

В группе студентов с выраженным согласованием образов родителей выявлены следующие приоритетные цели-ценности профессиональной самореализации: «развитие», «интересная работа» и «активная деятельная жизнь», цели-ценности личной жизни: «счастливая семейная жизнь», «любовь» и «наличие хороших друзей», конкретная цель-ценность: «здоровье» и абстрактные цели-ценности: «счастье других», «красота природы и искусства». Для студентов с выраженным рассогласованием образов родителей характерны цели-ценности профессиональной самореализации: «развитие», «активная деятельная жизнь» и «продуктивная жизнь», цели-ценности личной жизни: «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших друзей» и «свобода», конкретная цель-ценность: «здоровье» и абстрактные цели-ценности: «уверенность в себе».

Выявлено, что у студентов изучаемых групп общей является конкретная цель-ценность: «здоровье». По другим группам целей-ценностей они отличаются. Так, студенты с выраженным согласованием образов родителей отличаются целями-ценностями «интересная работа», «любовь», «счастье других», «красота природы и искусства», раскрывающие их социальную направленность. Студентам с выраженным рассогласованием образов родителей свойственны «продуктивная жизнь», «свобода» и «уверенность в себе», отражающие их индивидуалистическую направленность на саморазвитие.

У студентов с выраженным согласованием образов родителей выявлены такие приоритетные этические ценности-средства как «ответственность» и «самоконтроль», ценности-средства дела: «аккуратность», «образованность», «твердая воля», конформистские ценности-средства: «воспитанность», «самоконтроль» и альтруистические ценности-средства: «терпимость» и «чуткость». Студенты с выраженным рассогласованием образов родителей демонстрируют приоритетные

этические ценности-средства: «ответственность» и «самоконтроль», ценности-средства общения: «жизнерадостность» и «честность», ценности-средство дела «образованность», индивидуалистические ценности-средства: «смелость в отстаивании своего мнения» и «твердая воля», конформистскую ценность-средство «самоконтроль» и альтруистическую – «чуткость».

Необходимо отметить общие для студентов ценности-средства самоутверждения «образованность», «твердая воля», у студентов с выраженным рассогласованием образов родителей присутствует «смелость в отстаивании своего мнения». Общими ценностями-средствами принятия других людей выступают «самоконтроль» и «чуткость», студентов с согласованием образов родителей отличает «терпимость», студентов с выраженным рассогласованием образов – «честность». В каких же системных взаимосвязях находятся приоритетные ценностные ориентации и мотивация студентов с ценностями-целями и ценностями-средствами, которые воспитывали их отец и мать? Для ответа на этот вопрос был проведен факторный анализ (Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.), его результаты обрабатывались и интерпретировались в каждой из выявленных групп.

По результатам факторного анализа у студентов с выраженным согласованием образов родителей выявлены 7 факторов, 2 из них несут основную дисперсионную нагрузку (Табл. 1).

Таблица 1.

Результаты факторного анализа в группе студентов с согласованием образов родителей

1		2	
интроецированная мотивация	-,927	образованность (мать)	,943
(отец) смелость	,927	счастливая семейная жизнь (мать)	-,923
непримиримость (мать)	-,926	(отец) исполнительность	,907

интересная работа	,913	твердая воля (мать)	-,858
познавательная мотивация	-,889	(отец) счастливая семейная жизнь	-,841
смелость (мать)	,880	исполнительность (мать)	,793
эффективность (мать)	-,877	продуктивная жизнь (мать)	,770
(отец) эффективность	-,831	мотивация саморазвития	,724
самоконтроль	,814	(отец) чуткость	-,689
жизненная мудрость (мать)	,813	воспитанность	,651
мотивация самоуважения	-,811	(отец) любовь	-,639
(отец) материально обеспеченная жизнь	,795	любовь (мать)	-,574
(отец) интересная работа	,793	(отец) независимость	,517
самоконтроль (мать)	,758		
(отец) самоконтроль	,731		
(отец) широта взглядов	-,720		
общежитийская направленность	,712		
общение	,706		
интересная работа (мать)	,702		
жизненная мудрость	,673		
честность	-,632		
рабочая направленность	,627		
общая активность	,624		
(отец) непримиримость	-,622		
смелость	,621		
комфорт	,611		
мотивация достижения	-,581		
социальный статус	,578		
свобода	-,574		

Негативный полюс первого фактора включает академическую мотивацию: интроецированная, познавательная мотивация, мотивация самоуважения и достижения, а так же ценность-цель «свобода» и ценность-средство «честность». Ценности-средства, которые воспитывали отец и мать - «эффективность» и «непримиримость», отец – «широта взглядов». Позитивный полюс составили общежитейская направленность мотивации, общение, деловая направленность, общая активность, комфорт, социальный статус. Ценности-средства, которые воспитывали отец и мать – «смелость», «самоконтроль» и «интересная работа», мать – ценности-цели «жизненная мудрость», отец – «материально обеспеченная жизнь». Ценности-цели - «интересная работа», «жизненная мудрость», ценность-средство «самоконтроль».

Позитивный полюс второго фактора представлен мотивацией саморазвития и ценностью-средством «воспитанность». Ценность-средство «образованность» и ценность-цель «продуктивная жизнь», которые воспитывала мать, ценности-средства «исполнительность», «независимость», которые воспитывал отец. Негативный полюс включает ценности-цели, которые воспитывали отец и мать – «счастливая семейная жизнь», «любовь», мать – «твердая воля», отец – «чуткость».

На наш взгляд, полученные результаты свидетельствуют о высокой степени влияния родителей на становление ценностно-мотивационной сферы студентов с выраженным согласованием образов родителей, поскольку преобладают связи мотивации с ценностями-целями и ценностями-средствами, которые воспитывали отец и мать. Ценностно-мотивационная сфера студентов данной группы в большей мере характеризуется общежитейской направленностью и негативной академической мотивацией.

Факторный анализ в группе у студентов с выраженным рассогласованием образов родителей раскрывает наличие 28 факторов, что значительно отличается от результатов предыдущей группы и демонстрирует дифференцированность изучаемых показателей (Табл. 2).

Результаты факторного анализа в группе студентов с рассогласованием образов родителей

1		2		3	
жизнеобеспечение	0,797	познавательная мотивация	0,859	рабочая направленность	0,93
общежитейская направленность	0,755	мотивация достижения	0,858	социальная полезность	0,88
интроецированная мотивация	0,746	мотивация саморазвития	0,821	общая активность	0,793
экстернальная мотивация	0,649	(отец) уверенность в себе	0,504	творческая активность	0,654
комфорт	0,633			социальный статус	0,648
широта взглядов (мать)	-0,498				
честность	0,439				
активная деятельная жизнь	0,423				
амотивация	0,371				

Высоко значимые компоненты мотивационной структуры личности первого фактора «жизнеобеспечение», «общежитейская направленность», «комфорт», академической мотивации - «интроецированная», «экстернальная» мотивация, «амотивация», ценность-средство «честность» и ценность-цель «активная деятельная жизнь». Отрицательный компонент ценность-средство «широта взглядов» мать.

Второй фактор - академической мотивации, включающий «познавательную мотивацию», «мотивацию достижения» и «саморазвития» и ценность-цель «уверенность в себе» отец.

Третий фактор - «рабочей (учебной) направленности», содержит мотивацию «социальной полезности», «общей» и «творческой активности», «социального статуса».

По нашему мнению, полученные результаты раскрывают структурированность ценностно-мотивационной сферы целеполагания студентов с выраженным рассогласованием образов родителей и незначительное влияние родителей на ее становление, а также ориентацию студентов на собственные стремления в организации жизнедеятельности и учебной деятельности.

Итак, ценностно-мотивационная сфера целеполагания студентов характеризуется специфическими взаимосвязями в зависимости от согласования/рассогласования образов родителей. Полученные результаты демонстрируют, что студентам с выраженным согласованием образов родителей свойственна социальная направленность ценностей-целей, студентам с выраженным рассогласованием образов родителей - направленность на саморазвитие, что подтверждается результатами факторного анализа. Ценностно-мотивационная сфера целеполагания студентов с выраженным согласованием образов родителей в большей мере определяется ценностями-целями и ценностями-средствами, сформированными под влиянием родителей.

Знание специфики становления целеполагания под влиянием семейных детерминант способствует организации научно обоснованного процесса оказания адресной психологической помощи как студентам, так и их родителям, поскольку именно целеполагание обеспечивает процесс самореализации личности.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики/Под ред. А. М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. - 368 с.
2. Гордеева Т.О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. – С. 96-107.
3. Литвинова А.В. Роль образов родителей в становлении личности // Психология семейных отношений : монография / под ред. А.В. Литвиновой (коллективная монография). – М. : Флинта : Наука, 2015. – С.217-252.

4. Мильман В.Э. Метод изучения мотивационной сферы личности / Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М., 1990. – С.23-43.
5. Психологические тесты. / Под ред. А.А. Карелина. Т.1. – М., 2000. – С. 25 – 29.
6. Шабельников В.К., Литвинова, А.В. Формирование личности в условиях разных типов жизнедеятельности семьи // Семья в России №4, 2007. – С. 41-50
7. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. Ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Материальное положение семьи студента и его связь со структурой учебной мотивации и ориентиров будущей профессиональной деятельности

Немцов А.А.

РГГУ, Москва, Россия

E-mail: a.nemczow2014@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые теоретические и практические подходы к диагностике психолого-педагогических характеристик студентов. Излагаются результаты использования методик, созданных на основе опыта изучения студенческой молодёжи. Рассматриваются связи диагностических характеристик с материальным статусом родительских семей студентов.

Ключевые слова: установки к выбору вуза, отношение к учебному процессу, профессиональные ориентиры и приоритеты, материальный статус родительской семьи.

Период обучения в вузе рассматривается обществом как ключевой в процессе профессионального становления и личностного самоопределения будущего специалиста. Он может быть рассмотрен как модель жизненного выбора, характеризующегося тремя основными особенностями.

1. Личностно значимый – важный с точки зрения отдельного человека.
2. Общественно значимый – важный с точки зрения общества как целостной системы.
3. Массовый – осуществляющийся в массовом порядке и постоянно.

Профессиональное становление и личностное самоопределение специалиста-профессионала является, с нашей точки зрения, проявлением его общей стратегии проживания жизни. При этом, мы считаем возможным выделить три уровня анализа личности: поверхностный (поведение), промежуточный (мотивы, цели) и внутренний (ценности и смыслы) (Немцов А.А.2011).

Если говорить о поверхностном, поведенческом уровне личности студента, то преподаватель в непосредственной ситуации обучения оценивает его, как нам представляется, по трём основным параметрам: 1. Исполнительность; 2. Трудолюбие; 3. Обучаемость. (Немцов А.А. 2006).

Промежуточный уровень связан с выбором вуза и в конечном итоге направления будущей профессиональной деятельности. Этот выбор может быть рациональным, продуманным, закономерным или импульсивным, ситуативным, случайным. Кроме того, разделяя точку зрения ряда специалистов, мы считаем целесообразным выделить три группы мотивов получения высшего образования: любознательность (получение знаний), овладение профессией и получение диплома.

Наконец внутренний уровень, соответствующий ценностям и личностным смыслам, определяет в конечном итоге всю жизненную стратегию личности (Немцов А.А. 2007). Применительно к студенту это может выступать в форме его основных перспективных профессиональных ориентиров. Мы считаем целесообразным выделить 6 таких основных ориентиров: 1. Бизнес; 2. Преподавание; 3. Собственно профессиональная деятельность; 4. Служба, исполнительские функции; 5. Руководство; Управление; 6. Научно-исследовательская и изобретательская деятельность. Получение диплома об окончании высшего учебного заведения открывает перед выпускником эти 6 перспектив. Причём возможны самые разнообразные комбинации этих направлений с точки зрения степени их приоритетности для данной личности.

В целях реализации данного теоретического подхода нами было проведено

пилотажное исследование студентов, обучающихся на 2 курсе МГТУ им. Н.Э. Баумана по специальности «Радиоэлектроника и лазерная техника». В число диагностических методик входили «Изучение мотивации обучения в вузе» и «Оценка общей структуры профессиональных ожиданий и ориентиров студентов». Обе методики были созданы нами на основе изложенных выше теоретических представлений, а также обобщения опыта исследования студенческой молодёжи в течение ряда предшествующих лет. Характеристики обследованных групп можно объединить в 5 смысловых блоков:

1. Установки по отношению к выбору вуза и возможности обучаться в нём.
2. Основной смысл получения высшего образования.
3. Отношение студента к учебному процессу.
4. Вспомогательные оценочные показатели относительно достоверности полученных ответов.
5. Профессиональные ориентиры студента (Немцов А.А. 2015).

Наряду с двумя указанными выше методиками, в исследовательский блок входила небольшая анкета, которая позволяла выявить основные характеристики социальной ситуации развития студентов в тот период, когда они были детьми (т.е. находились в возрасте до 16 лет и испытывали на себе максимальное влияние родительской семьи). В число вопросов этой анкеты входил следующий: когда вы были ребёнком и подростком до 16 лет, то уровень материального благосостояния вашей семьи: а) оставался стабильным; б) резко изменялся в противоположных направлениях (то резко рос, то падал); в) улучшался; г) ухудшался.

Охарактеризуем каждую из выделенных групп. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что никто из обследованных студентов не охарактеризовал материальное положение своей семьи в тот период, когда он был ребёнком до 16 лет как ухудшающееся. Следовательно, у всех студентов имеет место оценка материального благосостояния семьи в период их детства либо как стабильное или улучшающееся, либо как нестабильное. Причём нестабильным оценили материальное благополучие своих семей только 12% студентов. Следовательно, у 88% студентов, согласно их внутреннему ощущению, материальное положение семьи либо оставалось стабильным (54%), либо улучшалось (34%). Обследованные нами в 2010 г. студенты родились в 1992 г. Возраста

16 лет они достигли в 2008 г., а сознательно помнить себя так, чтобы оценивать материальное состояние своей семьи должны были с 5-6 лет, т.е. фактически с момента дефолта 1998 г. Таким образом, можно констатировать, что мы имеем дело с весьма благополучной выборкой студентов, оценивавших материальное положение своих семей за период с 1998 по 2008 г. г. преимущественно как стабильное или улучшающееся.

Студенты, оценивающие материальное положение своих семей в период детства как стабильное.

1. Установки по отношению к выбору вуза и возможности обучаться в нём. Студенты, оценившие материальное положение своих семей в период детства как стабильное характеризуются средними показателями рациональности выбора вуза и высокими показателями ощущения правильности этого выбора. Следовательно, эти студенты умеренно серьёзно отнеслись к проблеме выбора вуза, и при этом ощущают высокий уровень удовлетворённости этим выбором.

2. Основным смыслом получения высшего образования для этих студентов является получение диплома. При этом значимость мотивов получения профессии и получения знаний, любознательность, находятся у этих студентов на среднем уровне.

3. Отношение к учебному процессу. Отношение к учёбе, определявшееся в процессе исследования, складывалось из исполнительности, трудолюбия и обучаемости. Студенты, материальное благополучие семей которых оставалось стабильным, характеризуются средними уровнями исполнительности, трудолюбия и средними самооценками обучаемости. Таким образом эти студенты представляют собой наиболее сбалансированную группу. Они умеренно готовы выполнять требования преподавателей и подчиняться правилам и дисциплине учебного процесса. Им присуща средняя степень готовности преодолевать препятствия, делать над собой усилия, затрачивать силы и время на выполнение учебных заданий. При этом они на среднем уровне оценивают свои интеллектуальные способности. Таким образом, этих студентов можно охарактеризовать как «средняков», которые в первую очередь ориентированы на получение в вузе диплома и сравнительно более других студентов удовлетворены сделанным выбором учебного заведения.

4. Анализ оценочных показателей свидетельствует о том, что студенты, охарактеризовавшие материальное положение своих семей в период своего детства как стабильное имеют наиболее высокие показатели правдивости и одновременно наиболее низкие показатели самоконтроля. По своим показателям неискренности они занимают промежуточное положение между студентами из семей с нестабильным и улучшающимся материальным положением. Можно предположить, что этим студентам в наибольшей степени присущи такие качества как непосредственность, открытость, доверчивость. Они весьма легко допускают других людей в свой внутренний мир, делятся с ними своими проблемами, ожидают участия и помощи. Это может свидетельствовать об определённой наивности, бесхитростности данной группы студентов. Они, скорее всего, не ожидают от окружающих непорядочного отношения к себе, поскольку привыкли доверять людям. В какой-то мере подобные качества могут говорить о личностной незрелости этих студентов.

5. Профессиональные ориентиры студентов, материальное положение семей которых было стабильным. Эти студенты демонстрируют низкий уровень дифференцированности профессиональной мотивации т.е. у них ещё не сформированы чёткие профессиональные приоритеты и они не готовы идентифицировать себя в качестве дипломированных специалистов. При этом они характеризуются высокими показателями общей мотивированности на профессиональную деятельность после вуза. Относительно более привлекательными для этих студентов являются научно-исследовательская и преподавательская деятельность. Средней привлекательностью для них обладают профессия в узком смысле и занятие бизнесом. Подобный характер мотивации, как нам представляется, свидетельствует об относительной несформированности профессиональных приоритетов у этих студентов. Можно предположить, что у них имеет место весьма поверхностное представление о том, чем они собираются заниматься, окончив вуз. С одной стороны, их так или иначе интересует всё. С другой стороны, есть основания думать, что они склонны к идеализации своих возможностей, надеются на доброжелательное отношение со стороны окружающих и благоприятные внешние условия, не готовы преодолевать трудности.

Студенты, материальное положение семей которых было нестабильным.

1. Установки по отношению к выбору вуза и возможности обучаться в нём. Студенты, материальный уровень семей которых был нестабильным, характеризуются высоким уровнем рациональности выбора вуза и средним уровнем оценки правильности этого выбора. Следовательно они наиболее ответственно по сравнению со всеми остальными студентами подошли к выбору вуза, однако выбор этот с их точки зрения был не вполне удачен. Можно ожидать, что эти студенты испытывают по этому поводу определённое разочарование и огорчение.

2. Смысловое наполнение процесса обучения выглядит у студентов, материальное положение семей которых было нестабильным, следующим образом. Они наиболее заинтересованы в получении профессии в вузе, и менее других студентов в получении диплома и удовлетворении своей любознательности. Таким образом видно, что эти студенты, чьё материальное положение в детстве было относительно неудовлетворительным, главный смысл своего поступления в вуз видят в приобретении профессии. Как уже отмечалось, они весьма тщательно и продуманно выбирали учебное заведение. Однако опыт обучения показывает им, что они в некоторой мере просчитались. С точки зрения этих студентов картина должна выглядеть так, что их профессиональное становление происходит не теми темпами или не в том направлении, которых они ожидали.

3. Отношение к учебному процессу. Студенты, материальное положение семей которых было нестабильным отличаются наиболее высокими показателями исполнительности и самыми низкими самооценками обучаемости. Вместе с тем они демонстрируют наиболее неоднородные оценки по трудолюбию. Относительно большинство оценивает уровень своего трудолюбия как наиболее высокий. Если сопоставить все три показателя, то выходит, что это наиболее исполнительные и трудолюбивые студенты с низкой самооценкой обучаемости, интеллектуальных способностей. Получается портрет типичного «ботаника», добросовестного, трудолюбивого, но не слишком сообразительного студента. Таким образом, среди этих студентов обнаруживается относительно наиболее многочисленная группа добросовестных, усердных студентов с низкой самооценкой. С другой стороны

обнаруживаются студенты с низким уровнем трудолюбия. Сочетание высокой исполнительности, низкого трудолюбия и низкой обучаемости даёт в результате портрет заурядного студента, весьма формально выполняющего требования преподавателей и скорее всего обнаруживающего при этом весьма посредственные результаты обучения. В любом случае, можно предположить, что обучение в данном вузе оказалось для этих студентов более трудной задачей, чем они первоначально ожидали. При этом относительно большая их часть продолжает усердно «грызть гранит науки», в то время как другая часть – лишь формально выполняет требования учебного процесса «по минимуму».

4. Анализ оценочных показателей свидетельствует о том, что студенты, материальное положение семей которых было нестабильным, характеризуются прежде всего высокими показателями неискренности и самоконтроля. Таким образом, эти студенты, детство которых проходило в относительно неблагоприятных материальных условиях, наименее готовы раскрываться перед окружающими людьми. Они склонны хитрить, скрывать свои проблемы от окружающих, не допускают их в свой внутренний мир. В этом отношении они представляют собой противоположность студентам, материальное положение семей которых оставалось стабильным. Видно также, что и уровень самооценки интеллектуальных способностей у них ниже. Можно предположить, что эти студенты несут в себе определённый «комплекс неполноценности» и соответственно имеют относительно низкие социальные притязания.

5. Профессиональные ориентиры студентов, материальное положение семей которых было нестабильным. Эти студенты демонстрируют низкий уровень мотивированности профессиональной деятельностью и средний уровень дифференцированности профессиональной мотивации. Таким образом, они относительно более чётко сформировали свои профессиональные приоритеты, но сама перспектива, открывающаяся перед ними после окончания вуза, не слишком их вдохновляет. Наиболее приоритетными для этих студентов является специфически профессиональная деятельность, а также исполнительская деятельность, подчинение, служба. Напротив, наименее привлекательными в их глазах выглядят руководство, преподавание и бизнес. Умеренную ориентацию эти студенты обнаруживают в

отношении научно-исследовательской деятельности. Следовательно, видно, что эти студенты видят себя в будущем в качестве квалифицированных исполнителей. Руководить людьми, брать на себя ответственность, рисковать они не хотят. Весьма скромная самооценка умственных способностей, вероятно, определяет и их нежелание заниматься преподавательской работой. Несколько более позитивно их отношение к научно-исследовательской и изобретательской работе. Тем не менее, в целом это скорее весьма пассивные студенты с низкой самооценкой, склонные следовать указаниям других людей и не брать на себя инициативу и ответственность. При этом, как уже отмечалось, они весьма лукавы, склонны скрывать от окружающих свои проблемы и вероятно не очень доверяют людям.

Студенты, материальное положение семей которых улучшалось.

1. Установки по отношению к выбору вуза и возможности обучаться в нём. Студенты, материальное положение семей которых улучшалось, характеризуются низкими уровнями как рациональности, так и ощущения правильности выбора вуза. Следовательно, эти студенты из относительно материально благополучных семей, весьма легкомысленно отнеслись к выбору вуза и, как и следовало ожидать, они чувствуют, что «не туда попали».

2. Основным смыслом получения высшего образования для этих студентов является, прежде всего, удовлетворение познавательных мотивов. На втором месте по значимости у них стоит получение диплома. На последнем месте – получение профессии. Таким образом, видно, что эти студенты являются практически антиподами тем, материальное положение которых было нестабильным. В отличие от них эти студенты не рассчитывают на практическую пользу от своего обучения в данном вузе. Тем не менее, как уже отмечалось, они наиболее разочарованы в своём выборе вуза. Можно предположить, что данное учебное заведение либо не соответствует их весьма высокому уровню притязаний, либо сам профиль вуза, как они обнаружили, не соответствует кругу их интересов.

3. Отношение к учебному процессу. Студенты, материальное положение семей которых улучшалось, наименее исполнительны и наиболее обучаемы. Таким образом,

они, как и по смыслу, обучения являются антиподами студентам, материальное положение которых в детстве было нестабильным. При этом они абсолютно не готовы формально выполнять требования преподавателей и правила учебного процесса. В этом смысле они склонны к наиболее неформальным, возможно богемным формам поведения. Кроме того, как уже отмечалось, они считают, что случайно попали в данный вуз и не ощущают удовлетворённости от своего выбора. Тем не менее, они склонны весьма высоко оценивать своё трудолюбие. Вероятно, эти оценки порой даже выше, чем у студентов из семей, уровень материального благосостояния которых был стабильным. Следовательно, в принципе, это достаточно волевые студенты, готовые к усилиям. Однако они скорее всего считают, что в данном случае у них нет оснований слишком напрягаться.

4. Анализ оценочных показателей свидетельствует о том, что студенты из семей, материальное положение которых улучшалось, характеризуются низкими показателями как правдивости, так и неискренности. Эти результаты содержат в себе определённый парадокс. Действительно, одновременно студенты обнаруживают достаточно разнонаправленные свойства. Однозначного объяснения данному факту сформулировать не представляется возможным. Тем не менее, можно высказать некоторые предположения. Вероятно, результаты могут быть связаны с характером задаваемых студентам вопросов. Как уже отмечалось, студенты из семей с увеличивающимся уровнем дохода характеризуются более высоким уровнем обучаемости и следовательно интеллекта. Противоположность им в этом отношении составляют как раз студенты из семей, материальное положение которых было подвержено сильным колебаниям. В результате, студенты их семей с увеличивающимся уровнем доходов проявляют своеобразную «уклончивость» в то время как студенты из семей с колебаниями благосостояния – напротив, высокую «непосредственность». Итогом этого оказалась одновременная низкая правдивость и неискренность первых и высокая правдивость и неискренность вторых. Правда всё же неискренность этих студентов превышала показатели их правдивости.

5. Профессиональные ориентиры студентов, материальное положение семей которых улучшалось. В целом эти студенты демонстрируют средний уровень

профессиональной мотивированности и дифференцированности профессиональной мотивации. Следовательно, они более мотивированы на профессиональную деятельность в широком смысле после окончания вуза, чем студенты, материальный уровень семей которых был нестабильным. Однако они уступают в этом отношении студентам из семей со стабильным уровнем благосостояния. В свою очередь дифференцированность профессиональной мотивации у них выше, чем у студентов из семей со стабильным материальным уровнем, но всё же ниже, чем у студентов из семей с материальным достатком, подвергавшимся сильным колебаниям. Таким образом, по показателям отношения к послевузовской карьере в целом, эти студенты представляют собой наиболее сбалансированную группу. Наиболее привлекательным для них является занятие бизнесом. Напротив, наименее ориентированы они на узко специализированную профессиональную деятельность и службу, на исполнительскую деятельность. По этим параметрам они представляют собой полную противоположность студентам, материальное положение которых было нестабильным. По своему отношению к преподаванию, руководству и научно-исследовательской деятельности эти студенты весьма сходны со студентами из семей со стабильным материальным уровнем. Правда, они всё же несколько менее ориентированы на эти виды деятельности.

Попытаемся теперь сопоставить приведённые характеристики и выявить некоторые общие тенденции.

1. Установки по отношению к выбору вуза обнаружили следующие тенденции. Студенты, уровень материального благосостояния семей которых был стабилен подошли к выбору вуза со средней степенью серьёзности. Для них главным является получение диплома, и они наиболее склонны оценивать выбор вуза как правильный. Студенты, материальное положение семей которых сильно колебалось, подошли к выбору вуза наиболее серьёзно и ожидают получить в нём профессию. Они уже не в такой мере удовлетворены сделанным выбором и сомневаются в его правильности. Студенты, материальное положение семей которых улучшалось, выбирали вуз весьма легкомысленно, прежде всего, стремясь удовлетворить в нём свою любознательность. Они сильнее других разочарованы и считают, что сделали ошибочный выбор. Таким

образом, чем лучше было материальное положение семьи студента, тем легкомысленнее он подходит к проблеме выбора вуза. Кроме того, чем меньше было периодов улучшения материального положения семьи студента, тем скорее он будет удовлетворён выбором своего вуза. Выходит, что чем в большей степени студент мог бы руководствоваться принципом «главное, чтобы не было хуже» (т. е. принцип выбора наименьшего из двух зол), тем более он склонен ощущать удовлетворённость выбором данного вуза, оценивать его как правильный.

2. Сравнение смыслов получения высшего образования. Сопоставление показателей любознательности в качестве мотива получения высшего образования даёт следующую картину. Имеет место нарастание любознательности в следующей последовательности. Колеблющийся уровень благосостояния – стабильный уровень благосостояния – увеличивающийся уровень благосостояния. Следовательно, чем стабильнее и лучше было материальное положение семьи студента в детстве, тем более выражена у него любознательность в качестве мотива получения высшего образования. Во всяком случае, студенты с нестабильным уровнем благосостояния чаще других характеризуются низким уровнем любознательности и реже других – её высоким уровнем. В отношении мотивации получения профессии в вузе в период обучения, можно констатировать тенденцию, прямо противоположную той, что была выявлена в отношении мотива любознательности. Чем хуже и менее стабильным было материальное положение семьи в детстве студента, тем более выражена у него потребность в получении профессии в качестве мотива обучения в вузе. Анализ динамики значимости мотива получения диплома позволяет констатировать, что любые изменения, даже позитивные, материального благосостояния семьи в период детства студента, негативно сказываются на его отношении к получению диплома. Особенно это относится к наличию периодов спада материального благополучия. Напротив, стабильность материального благосостояния семьи в детстве студента ассоциируется с высокой значимостью для него получения диплома. Таким образом, можно заключить, что основные смыслы получения высшего образования связаны с материальным положением семьи студента в период его детства следующим образом. Любознательность, стремление получить знания нарастает по мере улучшения

материального положения родительской семьи. Стремление получить профессию – напротив, увеличивается по мере ухудшения материального положения семьи студента. Значимость получения диплома увеличивается по мере увеличения стабильности, неизменности материального положения семьи студента в период его детства.

3. Отношение к учебному процессу. В целом видно, что студенты, наиболее серьёзно отнёсшиеся к выбору вуза и ориентированные на получение в нём профессии, являются наиболее исполнительными. Это как раз студенты из семей с нестабильным уровнем материального благополучия. Студенты, материальный уровень семьи которых оставался стабильным, характеризуются средним уровнем исполнительности. Эти студенты умеренно ответственно выбирали свой вуз и видят основной смысл своего пребывания в нём в возможности получить диплом. Студенты, материальный уровень семей которых улучшался характеризуются самой низкой исполнительностью. Выбор вуза они осуществили весьма импульсивно и легкомысленно, ориентируясь на возможность удовлетворить свою любознательность. Они наиболее разочарованы в своём выборе, считают его ошибочным. Соответственно низкий уровень исполнительности у этих студентов является вполне ожидаемым. Здесь весьма отчётливо проявилась тенденция прямой связи серьёзности, продуманности выбора студентом вуза и уровнем его исполнительности. Однако, при этом можно отметить тенденцию к последовательному увеличению показателей трудолюбия у студентов, материальный уровень семей которых улучшался. Студенты, материальное положение семей которых оставалось стабильным, характеризуются средним уровнем трудолюбия. Наиболее внутренне неоднородную группу в отношении трудолюбия представляют студенты, материальное положение семей которых было нестабильным. Таким образом, нестабильность материального положения семьи находит своё выражение в поляризации оценок трудолюбия. Возможным объяснением данного факта может быть то, что эти студенты весьма серьёзно рассчитывали получить в данном вузе профессию, и как уже отмечалось выше, не вполне удовлетворены сделанным выбором. В результате, они хотя и готовы выполнять указания преподавателей, не обнаруживают подобной готовности в отношении преодоления трудностей и длительного напряжения сил. Следовательно среди студентов, материальное положение семьи которых было нестабильно, можно

отчётливо выделить по крайней мере две группы. Более многочисленная – исполнительные и трудолюбивые. Менее многочисленная – исполнительные, но весьма ленивые. Таким образом большая часть этих студентов подходит к процессу обучения в вузе серьёзно и неформально, в то время как меньшая часть – скорее формально выполняют требования преподавателей и администрации вуза. Можно констатировать, что трудолюбие студентов не связано напрямую с серьёзностью отношения к выбору вуза и ощущением правильности этого выбора. В целом более трудолюбивыми выглядят студенты, материальное положение семей которых так или иначе менялось. Стабильность же материального положения семьи студента в наибольшей степени детерминирует средний уровень его трудолюбия.

Высокие показатели обучаемости ассоциируются с ростом материального благосостояния семьи. Таким образом, студенты, материальный уровень семей которых улучшался характеризуются высокими показателями обучаемости. Студенты, материальный уровень семей которых оставался стабильным, характеризуются средними показателями обучаемости. Студенты, материальный уровень семей которых был нестабильным характеризуются низким уровнем обучаемости. Можно также констатировать, что чем труднее и нестабильнее было материальное положение семьи, в которой студент провёл своё детство, тем ниже он оценивает уровень своей обучаемости.

При оценке правильности выбора вуза и исполнительности мы обнаружили, что чем более тяжёлыми и неблагоприятными были материальные условия семьи, в которой воспитывался студент, тем более он склонен проявлять исполнительность в вузе. Соответственно, чем более стабильными были материальные условия семьи, в которой студент провёл своё детство, тем скорее он воспринимает выбор вуза как правильный. Нестабильность (что интересно даже в сторону улучшения) материального положения, снижает чувство правильности выбора. Как уже отмечалось выше, не менее существенным, с нашей точки зрения, является то, насколько обдуманно и внутренне обоснованным был выбор вуза.

4. При оценке правдивости ответов студентов на вопросы анкет, были обнаружены следующие тенденции. Наиболее высокими показателями правдивости

характеризуются студенты из семей, материальный уровень которых оставался стабильным. Студенты, материальный уровень родительских семей которых колебался, характеризуются средними показателями правдивости. Наконец наиболее низкими показателями правдивости характеризуются студенты, материальное положение семей которых улучшалось. Интересно отметить, что данная конфигурация результатов практически точно совпадает с теми, которые были получены в отношении оценки студентами правильности своего выбора. Следовательно, наиболее правдивые студенты принадлежат к семьям со стабильным уровнем благосостояния и склонны наиболее высоко оценивать правильность выбора вуза. Умеренно правдивые студенты из семей с колебавшимся уровнем материального благополучия, оценивают правильность выбора вуза как среднюю. Наконец студенты из семей с увеличивавшимся достатком, будучи наименее правдивыми и выбор вуза чаще других оценивают как ошибочный.

Студенты, материальное благосостояние семей которых увеличивалось, менее других склонны к неискренности. Напротив, студенты, материальное положение семей которых было нестабильным в наибольшей степени склонны к неискренности. Сопоставление этих результатов с показателями правдивости указывает на некий парадокс. Хотя однозначного объяснения этому факту сформулировать не представляется возможным, тем не менее можно выдвинуть некоторые предположения. Как уже отмечалось, студенты из семей с увеличивавшимся уровнем дохода характеризуются более высоким уровнем обучаемости и следовательно интеллекта (по крайней мере если говорить о самооценке студента). Противоположность им в этом отношении составляют как раз студенты из семей, материальное положение которых было подвержено сильным колебаниям. Как нам представляется, студенты из семей с увеличивавшимся уровнем доходов способны проявлять своеобразную «уклончивость» и «дипломатичность», в то время как студенты из семей с колебаниями благосостояния – напротив, «непосредственность» и некоторую «примитивность». Обращает на себя внимание и тот факт, что общая конфигурация результатов по данному показателю практически повторяет результаты, полученные для ориентации студентов на службу, подчинение, исполнительскую деятельность. Таким образом, студентам из семей, материальное благополучие которых было нестабильным, высоко ориентированным на

исполнительскую деятельность, свойственно весьма примитивное лукавство, желание наивными методами улучшить свой образ в глазах окружающих.

Студенты материальное положение семей которых было нестабильным, характеризуются наиболее высокими показателями самоконтроля. Напротив, студенты материальное положение семей которых было стабильным, характеризуются наиболее низкими показателями самоконтроля. Промежуточную группу, всё же более близкую к студентам из семей со стабильным благосостоянием, образуют студенты из семей с увеличивавшимся благосостоянием. Следовательно, неблагоприятные материальные условия семьи, в которой прошло детство студента, ассоциируется с высокими показателями его самоконтроля. Как уже отмечалось, этот факт ассоциируется также с неискренностью студентов и ориентацией их на исполнительскую деятельность, и таким образом с относительно низкими социальными притязаниями.

5. Профессиональные ориентиры, общая мотивированность профессиональной деятельности и дифференцированность профессиональной мотивации. Можно констатировать, что чем менее стабильным было материальное положение семьи студента в период его детства, в особенности, если оно время от времени ухудшалось, тем менее мотивирован он в целом на профессиональную деятельность после вуза. Можно отметить также, что общая конфигурация результатов очень сходна с той, которая была получена для показателей ориентации студентов на руководящую должность. Таким образом, можно расширить границы сформулированного обобщения. Студенты, материальное положение семей которых в период их детства было стабильным в большей степени ориентированы на профессиональную карьеру в широком смысле после окончания вуза и для них в большей степени является привлекательной руководящая деятельность. Напротив, чем менее стабильным было материальное положение семьи студента в период его детства, в особенности если имели место его ухудшения, тем менее мотивирован в целом студент на профессиональную деятельность и на руководящую деятельность в частности. Тем скорее для него становится привлекательной исполнительская, служебная деятельность, роль подчинённого. Можно констатировать, что студенты материальное положение семей которых было стабильным характеризуются скорее низкими показателями

дифференцированности профессиональной деятельности. Напомним, что ведущим мотивом обучения у этих студентов является получение диплома. Студенты, материальное положение семей которых было нестабильным, представляют собой в этом отношении противоположную группу и характеризуются высокими показателями дифференцированности профессиональной мотивации. Напомним, что ведущим мотивом обучения в вузе у них является получение профессии и, кроме того, они наиболее ориентированы на собственно профессиональную деятельность в узком смысле слова после окончания вуза. Студенты, материальное положение родительских семей которых улучшалось, образуют в данном случае промежуточную группу. Ведущим мотивом их обучения в вузе является любознательность, они наиболее обучаемы и более других студентов ориентированы на занятие бизнесом. Таким образом, если выстроить последовательность студентов по степени их идентификации себя с будущим дипломированным специалистом и по чёткости профессиональных ориентиров, то картина будет следующая. Наиболее сформированными профессиональными ориентирами обладают студенты из семей с нестабильным материальным уровнем, наиболее заинтересованные также в получении в вузе конкретной профессии. Несколько более неопределённые профессиональные ориентиры у любознательных и ориентированных на бизнес студентов из семей с улучшившимся материальным положением. Наиболее туманные профессиональные ориентиры у студентов из семей со стабильным материальным положением, видящим главный смысл обучения в вузе в получении диплома. Интересно, что при этом они наиболее склонны расценивать сделанный ими выбор вуза как правильный.

Список литературы

1. Немцов А.А. Отличия в мотивации получения высшего образования и профессиональных приоритетов студентов, являющихся единственными, старшими и младшими детьми в семье (Электронный ресурс)//Прикладная психология и психоанализ: электронный научный журнал. 2015. №1.
[URL:http://ppip.idnc.ru](http://ppip.idnc.ru)

2. Немцов А.А. Психологические проблемы изучения студенчества. Всероссийский форум научной молодежи «Шаг в будущее» - М.: 2011 – ISBN 978-5-900025-64-3 - С.39-43.
3. Немцов А.А., Кансузян Л.В. К проблеме оценки учебной деятельности студента. Объединённый научный журнал 2006 № 26 декабрь – ISSN 1729-3707 – С. 30-37.
4. Немцов А.А., Кансузян Л.В. Особенности высшего образования как процесса трансляции культуры. Интеллигенция в диалоге культур. М.: 2007 – ISBN 978-5-89513-074-2 – С.199-207.

Категория семейной идентичности в психологии семьи

Строкова С.С.

Дергаевская средняя общеобразовательная школа № 23, Раменское, Россия

E-mail: strokovass@gmail.com

Ключевые слова: психология семьи, семья, семейная идентичность, жизненный мир

Семейная психология строит сейчас свои рассуждения таким образом: есть семья, есть человек. Семья включена в контекст общества. Человек включен в систему семьи. Все эти контексты взаимосвязаны, соответственно, задаваясь целью изучения человека, надо, прежде всего, изучать его культурно-исторический контекст. Такая логика предполагает системный подход, который широко развивается в семейной психологии и является на данный момент одним из наиболее развиваемых как в теоретическом аспекте, так и в практическом. Мы же предлагаем рассмотреть всю систему связей, учитывая некий, скорее, третий субъект, появляющийся от соприкосновения индивида с контекстом. Это и не отдельная личность, а человек в системе общественных, в частности, семейных связей. Соответственно, у данного субъекта появляется некая

идентичность, определяющая его переживание относительно себя как члена семьи. Такое переживание мы называем семейной идентичностью [3].

Таким образом, человек, включенный в систему, рассматривает эту систему изнутри, тем самым ментально не вынося себя за рамки рассматриваемого образования, но рассматривая себя внутри этой системы, во всей ее полноте и временной протяженности, рассматривает себя как результат и источник этой системы. Он как бы не крупным планом всматривается в свою семью, а рассматривает ее с дальнего плана, охватывая ее во всем ее многообразии и сложности, оценивает, осознает, вчувствуется в своей опыт нахождения в системе семьи. Безусловно, идея идентичности сама по себе не нова. Достаточно популярно она развивается в психологии личности, рассмотренная наиболее полно впервые Э. Эриксоном [4]. Она представляет собой идею о том, как представляет себя человек, учитывая весь контекст: пространственный и временной.

Мы же ставили себе скромную задачу: понаблюдать: как человек переживает свое нахождение в семье: насколько он, вообще, рассматривает этот вопрос, если рассматривает, то каким образом, с какой «удаленности» – если уж мы выбрали пространственную метафору. И проведя необходимое исследование, мы заметили, что переживание опыта семьи можно рассмотреть с позиции жизненных миров, о которых говорит Ф.Е. Василюк [2]. От инфантильного, эгоцентрического жизненного мира, который проявляется в основном у младших подростков, судя по первичной обработке данных исследования; до творческого жизненного мира, когда человек осмысляет весь контекст собственных переживаний, вписывает их в опыт переживания семейных отношений, понимает, почему ситуация сложилась так, а не иначе. Творческий жизненный мир определяется возможностью посмотреть на весь контекст жизненной ситуации человека с высоты птичьего полета: в его протяженности во времени и пространстве. Такая аналогия соотносится с предложенной нами ранее идеей об условном выделении статусов семейной идентичности, основываясь на дифференциации Дж. Марсиа статусов личностной идентичности [3].

Итак, инфантильный жизненный мир соответствует диффузному статусу семейной идентичности. Реалистический жизненный мир – принятому. Ценностный – статусу моратория. Творческий – достигнутой семейной идентичности. Но более

подробно и аргументированно мы рассмотрим эти соответствия позже, поскольку в данный момент необходимо вести еще одну категорию для более полного осмысления явления семейной идентичности. Мы рассматриваем 4 аспекта семейной идентичности: эмоциональный, поведенческий, ценностный, когнитивный [3].

Итак, представим в наглядном виде все рассматриваемые нами категории, чтобы затем описать их соотношение.

<i>Жизненный мир</i>	<i>Статус семейной идентичности</i>	<i>Аспект семейной идентичности</i>
инфантильный	диффузный	эмоциональный
реалистичный	принятый	поведенческий
ценностный	мораторий	ценностный
творческий	достигнутый	когнитивный

Таким образом, все эти три группы категорий увязываются в одну теорию, предполагающую их взаимное соответствие. Рассмотрим попеременно все 4 возможных соответствия.

Инфантильный жизненный мир, подробно описываемый в работе Ф.Е. Василюка [2], кратко можно определить как пассивное мировосприятие, простое, безынициативное «плавание по течению» обстоятельств. Такой жизненный мир соответствует диффузному статусу идентичности: восприятие ситуации идет изнутри, как она есть, не осмысляя ее. В этом случае не представлены сколько-нибудь полно такие аспекты семейной идентичности, как поведенческий, ценностный, а также когнитивный. Присутствует эмоциональный аспект как основной способ реагирования на ситуацию. Не осмысления ее, не изменения, но лишь эмоционального реагирования. Для такого жизненного мира характерно стремление к получению удовольствия: то есть ребенок, получающий от семьи все, что нужно, у которого все потребности удовлетворены, безоблачно счастлив. Но при неудовлетворении потребностей, он глубоко, полярно несчастлив, неутешен. Но, поскольку человек не может долго находиться в таком

состоянии беспробудного неудовольствия, он пытается избежать ситуации, которая так или иначе помещает его в это состояние, соответственно, он избегает разговоров о семье, упоминаний о семье. Эта тема для него болезненна, и он, как может, защищает себя на уровне инфантильного жизненного мира. Семья и весь окружающий мир представлен у такого субъекта слитно, образ семьи не дифференцирован, отрывочен, как бы намеками пока еще, не выходя целостно на сколько-нибудь осознаваемый уровень, человек не выделяет себя из семьи. Аспект семейной идентичности в таком случае предстает как основной способ переживания семейной ситуации. Здесь мы наблюдаем лишь эмоциональный аспект, выражаемый, в общем-то, оценочными категориями: «мне это нравится»/ «мне это не нравится». Кстати, это является достаточно популярным способом реагирования в сегодняшнем мире: «лайк» или «игнор», «удалить». Но природа такого дихотомического реагирования, его популярности в наши дни, воспитывающего простой, инфантильный, эгоцентрический способ переживания происходящего – не предмет нашего внимания сейчас. Возможно, многие и более взрослые люди ограничиваются таким способом реагирования, характерным для ребенка и большинства младших подростков – судя по первичной обработке данных нашего исследования.

Но мы рассмотрим другие, более сложные варианты реагирования, соответствующие другим введенным категориям. Ф.Е. Василюк описывает *реалистичный* жизненный мир как внешне трудный, но внутренне – простой, что значит присутствие у человека определенного представления о мире, способности реагировать на него не только выражением собственного удовольствия или неудовольствия, но не совсем осознанными, но уже действиями. Такое мироощущение соответствует статусу принятой идентичности, когда не было кризиса, не было осмысления ситуации в семье, собственного переживания семейного опыта, но данные внешним опытом представление о семье есть. Существуют поставленные, возможно, цели, существуют транслируемые обществом и другими членами семьи ценности и т.д. Однако не было их сколько-нибудь полного осмысления и личного принятия, скорее пере-нятие. Такой статус семейной идентичности мы узнаем в «поведенческом» описании семьи: семья представляется как «место, куда все приходят вечером», «работает, учится», «занимается спортом».

При принятом статусе семейной идентичности, при условии, что он сохраняется достаточно долгое время, человек пытается построить привычную для него систему отношений, которую он считает единственно верной, неоспоримой.

Ценностный жизненный мир характеризуется уже внутренней сложностью, но внешней простотой. В применении к семейной идентичности мы говорим о статусе моратория, когда идет борьба ценностей, борьба теорий и предположений относительно того, что есть семья, что есть семья для меня, как я себя в ней чувствую и т.д. В таком случае, мы говорим об основном затрагиваемом аспекте семейной идентичности – ценностном. Признается ценность семьи как таковая, однако нет еще осмысления, а в чем содержательно состоит ценность семьи для данного субъекта. При таком статусе в ответах испытуемых мы наблюдаем сложность, противоречивость образа семьи, однако, в отличие от описанных выше статусов, в этом случае идет активная работа по сопоставлению представленных в сознании ценностей, их компоновке, составлению иерархии, попытке понимания собственного места в семейной системе.

И, наконец, *творческий* жизненный мир, как мы уже описывали, характеризуется внешней трудностью и внутренней сложностью [2], что значит умение рассмотреть целостно переживание семейной ситуации, умение оперировать различными аспектами семейной идентичности, осознавать всю сложность семейной системы и своего положения в ней.

Таким образом, в контексте семьи как основной общественной единицы, в которой воспитывается ребенок, мы анализируем его переживание общения в целом, взаимодействия с внешним миром: от пассивной, принимающей, требующей позиции ребенка – к активной позиции строителя, создателя, творца. В таком случае мы уже говорим о межличностной идентичности, воспитываемой в семье. Семейная идентичность, таким образом, становится основой межличностной идентичности: «я для других» как в тесте «Я в трех проекциях»: как я переживаю себя в отношениях семейных. Говоря о статусе семейной идентичности, необходимо оговориться, что это не окончательное законсервировавшееся определение характера переживания человека, а скорее констатация того состояния, в котором он находился во время исследования его семейной идентичности. К примеру, взрослый сознательный человек, способный к

творческому мироощущению, может иногда находиться и в инфантильном жизненном мире, переживания непосредственно происходящее, не осмысляя, а как бы находясь в этом. повинуюсь происходящему. В другому возрастном периоде человек, наоборот, может быть способен лишь к одному уровню переживания семейной идентичности. Если он не способен пережить «навалившийся грузом» опыт: развод родителей, опыт «оставленности родителями» и другие травмирующие ситуации, он уходит от переживания, но не уходит от опыта: эмоции остаются, но не идет процесс по другим аспектам. Тогда травматический опыт, скорее всего, будет проигрываться, воспроизводиться, если он не осмысляется. И тогда мы видим замечаемую многими тенденцию дочерей-алкоголиков выбирать себе партнеров с зависимостями и младших сиблингов, ищущих партнеров, обладающими чертами старших сиблингов. Здесь наши рассуждения логично приходят к упоминанию позиции М. Боуэна относительно уровня дифференциации [1]. Разница данных размышлений с нашими – в их контекстуальном различии, а также в степени разграничения различных уровней дифференциации, что в нашем тексте мы описываем в частности в категории статуса семейной идентичности. Кроме того, в нашем понимании семейной идентичности нет однозначного оценивания статусов как хорошего или плохого, и что человек должен стремиться к более высокому статусу. Но при психотерапевтической помощи клиенту, к примеру, обладающему диффузным статусом идентичности, стоит попытаться помочь ему встретиться до конца, целостно с его переживанием семейной системы на эмоциональном уровне, затем в описании ситуации – на поведенческом уровне, затем – на ценностном уровне – помочь решить избегаемый до этого конфликт существующих ценностей, затем – осмыслить и принять на когнитивном уровне семейную ситуацию. В таком случае терапевт помогает клиенту постичь культуру переживания себя в семье, что обуславливает его активную позицию в построении дальнейших отношений.

Список литературы

1. Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна// Московский психотерапевтический журнал. 2005. №1. С. 137-146.

2. Василюк, Ф.Е. Психология переживания – М.: МГУ, 1984. – 240с.
3. Строкова С.С. Направления изучения семейной идентичности в психологии// Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т.22. №3. С.8–22.
4. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд., 1963. 200 с.

Субъектные характеристики студентов из разных типов семьи

Токарева И.Н.

Российский государственный гуманитарный университет,

Институт психологии им. Л.С. Выготского;

itokareva65@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы субъектности в психологии и результатов эмпирического исследования субъектности студентов вузов. В данной работе проанализированы особенности включения в учебно-профессиональную деятельность студентов из разных типов родительской семьи. В статье показано, что на форму проявления субъектности личности специфическим образом влияет тип родительской семьи: при увеличении показателей признаков нуклеарной семьи снижается направленность активности на свой субъективный мир, а также активность в выборе способов реализации субъектности.

Ключевые слова: организация субъектности, направленность активности, субъективный контроль, стратегии поведения.

В последние десятилетия в отечественной психологии существенно возрос интерес исследователей к проблеме субъектности личности. Актуальность исследований феномена субъектности обусловлена не только логикой развития самой науки, но и

значимостью, которую организация субъектности личности играет в решении жизненных задач в условиях макросоциальных изменений, которые наука отражает.

В многочисленных исследованиях, посвященных анализу феномена субъектности (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, В.А. Барабанщиков, О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков и др.), подчеркивается его социо-культурная природа. Нами предпринята попытка конкретизировать представление о психологической организации субъектности на примере проявления субъектной активности студентов вузов в зависимости от типов родительской семьи (нуклеарной и расширенной), как первой социальной системы взаимоотношений, в которую ребенок включен с первых дней жизни.

В исследовании (Токарева, И.Н., 2014) за основу принимается представление о субъектности как о способности личности организовывать действие, процессы, в соответствии с определенной логикой (Барабанщиков, В.А. , 2002), (Гальперин, П.Я., 2003), (Леонтьев, А.Н., 1975), (Шабельников, В.К., 2004). Анализ специфики проявления субъектности личности и детальное рассмотрение основных подходов к изучению субъектности позволил нам определить параметры организации субъектности: - направленность активности на объекты внешнего мира или на свой внутренний мир; - субъективная интерпретация и осмысленность жизненных изменений, как личностный фактор контроля, регуляции и организации активности; - выбор способов реализации субъектности в поведении. Изучение организации субъектности студентов осуществлялось с помощью нескольких методик: «Опросник субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях», «Уровень субъективного контроля», «Психологическая автобиография», «Опросник стратегий поведения в значимых ситуациях». Для определения типа семьи использовалась модифицированная методика «Тип семьи».

Эмпирическое исследование направленности активности показало («Опросник субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях»), что у студентов из расширенной семьи сильнее проявляется общая направленность на свой внутренний мир ($,559^{**}$), сильнее выражено стремление к развитию и изменению при взаимодействии с жизненными ситуациями ($,773^{**}$). У них выражено стремление уделять

внимание своему внутреннему миру (579^{**}), сильнее выражена преобразовательная активность в жизненных ситуациях ($,613^{**}$). При этом, в нуклеарной семье, студенты проявляют большую активность в планировании своей жизни ($,482^{**}$). Рассмотрение проблемы взаимосвязи между типом семьи и типом субъект-объектных ориентаций с помощью критерия хи-квадрат показало, что в нуклеарной семье значимо чаще ($p < 0,05$) встречается тип «Пользователь жизненной ситуации». Представители данного типа это люди действия, ориентированные на достижение жизненного успеха. Стремление извлечь практическую пользу из тех или иных занятий отражает их трезвый взгляд на жизнь, определенную прагматичность. В расширенной семье значимо чаще ($p < 0,05$) встречается тип «Гармонизатор жизненной ситуации», характеризующий людей, открытых жизненному опыту, стремящихся согласовывать свои поступки с тем, что предлагает жизнь. Результаты исследования уровня субъективного контроля показали, что интернальность в разнообразных событиях своей жизни у студентов из нуклеарной семьи проявляется значительно слабее ($-,194^{**}$). В интерпретации успехов ($,112^*$) и неудач ($,212^{**}$), а также значимых событий в семье ($,276^{**}$) и на работе ($,118^*$) представители расширенной семьи чаще, чем представители нуклеарной семьи ориентируются на результаты собственных действий.

Анализ результатов исследования особенностей восприятия значимых жизненных ситуаций (отношения и осмысленность событий своей жизни), полученных по методике «Психологическая автобиография», показал, что у студентов из расширенной семьи сильнее выражено стремление воспроизводить образы своей жизни ($,123^*$), сильнее выражена глубина переживаний, связанных с образами значимых событий своей жизни ($,187^{**}$). В оценке жизненных перемен для представителей нуклеарной семьи по сравнению с представителями расширенной семьи менее значим прошлый опыт ($-,176^{**}$), ($-,169^{**}$). При этом у них менее выражено чувство беспокойства за будущее ($,158^{**}$). Что в целом отражает их ориентацию на текущие жизненные изменения.

Анализ результатов исследования организации поведенческой активности, полученных по методике «Опросник стратегий поведения в значимых ситуациях», показал, что активность в выборе способов реализации субъектности в поведении сильнее проявляется у студентов из расширенной семьи. В своей жизни они в большей

степени, чем представители нуклеарной семьи ориентируются на организацию межличностных взаимодействий (,114*), (,110*) и внепрофессиональную деятельность (,150*). Что свидетельствует о более разносторонней и многогранной реализации субъектности в жизненных ситуациях у представителей расширенной семьи. Результаты применения двухфакторного дисперсионного анализа показали, что различия в количестве воспроизведенных субъективных переживаний образов прошлого у мужчин из разного типа семей значимо более выражены, чем у женщин. Т. е. тип семьи в большей степени влияет на изменение организации субъектности у мужчин, чем у женщин. Мужчины из расширенной семьи в организации активности чаще обращаются к истокам, традициям, опыту поколений. Мужчины же из нуклеарной семьи, будучи менее обремененными родовыми связями, свободнее включаются в освоение профессии, быстрее абстрагируются от прошлого опыта. Тип семьи меньше влияет на организацию активности женщин, т. к. в любых условиях женщины не могут изменить свое главное предназначение – быть центром семейного очага, воспитывать детей, что предполагает более сильную зависимость женщин от семейных проблем, что даже в нуклеарных семьях влечет за собой обращение к опыту прошлого.

В целом, полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что субъектность у представителей расширенной семьи связана с более выраженной обращенностью к своему внутреннему миру, а представителей нуклеарной семьи – к внешним условиям жизни. Это связано с тем, что система межличностных отношений в расширенной семье находится в большем раскогласовании со студенческой деятельностью, чем в нуклеарной семье. Представители расширенной семьи более сложно включаются в деятельность за пределами семьи, что требует более активного включения ориентировки личности в организации собственной субъектности. Нуклеарные семьи, в большей степени вовлечены в современные общественные формы деятельности. Субъектность респондентов из нуклеарных семей более автоматизирована и не требует столь сложной ориентировки для своей организации, как у представителей расширенных семей.

Список литературы

1. Барабанщиков, В.А. Восприятие и событие / В.А. Барабанщиков. – СПб.: Алетейя, 2002. – 512 с.
2. Гальперин, П.Я. Психология как объективная наука: избранные психологические труды / П.Я. Гальперин; под ред. А.И. Подольского. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2003. – 480 с. – (Серия «Психологи России»).
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
4. Токарева, И.Н. Особенности проявления субъектности у студентов из разных типов родительской семьи: монография / И.Н. Токарева; под общ. ред. В.К. Шабельникова. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 108 с. ISBN 978-5-7017-2242-0.
5. Шабельников, В.К. Функциональная психология / В.К. Шабельников. – М.: Академический Проспект, 2004. – 592 с.

«Значимый другой – Ожидаемый другой» как модель воспитательных отношений в семье

Усольцева И.В.

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт изучения детства, семьи и воспитания российской академии образования»,
Москва, Россия
iv-usoltseva@yandex.ru*

Целью статьи является рассмотрение теоретической модели семейного воспитания как взаимоотношений между родителями как Значимыми другими и детьми как Ожидаемыми другими. Основное внимание уделяется рассмотрению факторов, которые влияют на эти отношения во время жизни семьи.

Ключевые слова: воспитание, семейное воспитание, родители, дети, ценности.

Для большинства психологов, педагогов, социологов очевидно, что развитие личности ребенка начинается в семье. Большинство исследователей к основным источникам, движущим силам развития ребенка в семейной системе относят отношения между членами семьи, но также и структурные факторы (размер семьи, ее тип, социально-экономические факторы и т.д.), опосредованно влияющие на отношения в семье.

Современная семья достаточно сильно отличается от традиционной семьи, существовавшей еще в начале прошлого века, и по своей структуре, и по своим функциям, и по характеру отношений между ее членами и т.д. Современная семья малодетна, чаще совместно проживает два, иногда три поколения семьи, роли отца и матери сильно трансформированы, а влияние расширенной семьи достаточно слабое. Многие варианты отношений между людьми, юридически пока не относящиеся к семье, фактически рассматриваются членами общества как варианты существования семьи (гомосексуальные, добрачные отношения, раздельное проживание и т.д.).

И хотя мы не в полной мере можем оценить и количественно зафиксировать влияние отношений с каждым из родителей и прародителей, с расширенной семьей, с предками ребенка в широком понимании этого слова, все же семья определяет многие черты личности ребенка, создает условия для освоения им социальных ролей, обретения ценностей и смыслов. И происходит это вне зависимости от типа семьи, исторического, культурного, социального и иного ее своеобразия.

И здесь мы сталкиваемся с острой научной проблемой: сосредотачиваясь только на межличностных отношениях в семье, психологи достаточно хорошо изучили их отдельные проявления (в первую очередь, из-за своих видимых негативных последствий для развития личности ребенка): стили семейного воспитания, детско-родительские отношения, супружеские конфликты и пр.

Однако что же такое семейное воспитание как особое явление, целостный психологический феномен известно существенно меньше. В этом смысле мы наблюдаем

определенный разрыв в научном познании семьи, когда изучением отношений в широком смысле слова занимаются психологи, а таким важнейшим аспектом отношений между членами семьи как воспитание – педагоги.

Существуют определенные проблемы с психологической трактовкой понятия «воспитание» в отечественной психологии, не только концептуально-понятийные, но и эмоционально-ценностные, вытекающие из необоснованного отождествления «воспитания» с наказанием и принуждением. «Исчезновение» воспитания как позитивно окрашенного явления из научных исследований своим следствием имеет и отказ от таких позитивных его коннотатов как «дисциплина», «уважение», «соблюдение правил». Не в этом ли одна из причин сложного состояния нравственности российского общества, зафиксированная в исследованиях ИП РАН (Юревич А. В., Юревич М. А., 2012)?

И для семейного воспитания утрата позитивного значения «воспитания» имеет особенно деструктивный характер с точки зрения пролонгированных социальных последствий. Связь воспитания с будущим составляет одну из смыслообразующих характеристик имплицитных концепций воспитания родителей и старшего поколения семьи. Согласно данным нашего исследования, в котором приняли участие 346 родителей и прародителей, более 65% всех опрошенных ассоциировали понятие «воспитания» с понятием «будущее».

Попытки подменить систематический, взвешенный, учитывающий и положительные и отрицательные моменты анализ семейного воспитания призывами психологов «любите ребенка таким, какой он есть!», на наш взгляд, есть следствие исчезновения категории «общественное» (сознание, действие и т.д.) из психологии.

Вытеснение проблематики воспитания, особенно семейного воспитания, приводит к сужению, редукции отношений «общество-взрослый-ребенок» до отношений «взрослый-ребенок». Как несложно заметить, исчезает общество – необходимая для существования человека и (в условиях современных рисков) всего человечества общность.

В этом случае ребенок будет восприниматься как инородное, можно даже сказать как чуждое и\или враждебное, обществу существо, то есть ребенок с этих

методологических и мировоззренческих позиций не обладает социальной, общественной природой.

Но ребенок, еще не родившись или даже не будучи зачатым, а еще в мыслях о нем и в отношении к нему его будущих родителей, уже член именно этого, а не какого-то другого общества, потому что на эти мысли и отношение к нему родителей общество влияет самым непосредственным образом, (экономическая ситуация, доступность и качество медицины и образования и т.д.). Ребенок принадлежит обществу, он – часть общества, а с исчезновением воспитания из научных исследований логично и закономерно исчезает и общественная (социальная) природа ребенка.

Приведем пример того, как эти методологические установки практически нашли свое отражение в государственном документе – в «Стратегии развития воспитания в РФ», в во второй версии которого можно было прочитать о том, что «воспитание – это деятельность, направленная на интеграцию ребенка в общество ...» (с. 4), «свободный ответственный гражданин» «должен искать свою нишу в условиях реального существования» (с. 7).

Такая позиция авторов документа, будучи редуccionистской по своей методологической природе, низводила все подрастающие поколения России к существованию животных, как раз и характеризуемому в биологии необходимостью адаптации, приспособления, нахождения (экологической) ниши для своего выживания и т.д.

В этой связи принцип субъектности воспитания, заявленный в этом варианте Стратегии (с. 2), оказывался декларативным и не мог быть использован принципиально, поскольку адаптация противоречит активности, приспособление – автономности, выживание – целостности. (Целостность, автономность и активность – системообразующие качества субъекта с точки зрения крупнейшего исследователя психологических проблем субъектности А.В. Брушлинского).

Проблемы собственно человеческого существования, специфики родовой человеческой сущности и проблемы обретения ребенком этой сущности в ходе взросления, которые могут быть отнесены к наиболее общим целям воспитания в любом обществе, в этом документе не ставились

Процитированная вторая версия Стратегии не была, к счастью, принята. Документ был существенно переработан, психологическая «окраска» документа была немного подправлена общественными поправками. Но для нас история этого документа – печальная реальность отечественной психологической науки в области воспитания. В качестве другого «крена» психологических исследований воспитания приведем еще один пример из первого варианта данной Стратегии, в котором цель воспитания была сформулирована как создание условий для личностного роста ребенка.

С методологической точки зрения все правильно: отношения «взрослый-ребенок», прочно ассоциированные в современной российской психологии с отношениями в семье, образовании и т.д., это отношения личности с личностью, которые существуют вне исторического времени, вне социального пространства. Вне общества. Понятие «личностного роста» выступает одним из аспектов общефилософской идеи прогресса, предполагающей, что развитие имеет только положительную динамику, поступательный характер. Идея личностного роста уже в самом названии как бы не допускает регресса, ретардации, акселерации, асинхронии, аномального течения и других вариантов развития личности. На умозрительный характер этой идеи указывают трудности с выделением критериев такого личностного роста, что является, с нашей точки зрения, весьма существенным препятствием для включения личностного роста в цель воспитания.

Развитие личности ребенка в этом случае видится исключительно положительным и управляемым, а реальная малая предсказуемость и часто существующие негативные результаты воспитания трактуются как побочные явления, не имеющие под собой сколько-нибудь серьезных оснований. Построенные на таких ожиданиях прогнозы о результатах воспитания часто демонстрируют свою прогностическую слабость и малую эффективность, поскольку негативные явления не предвидятся как возникающие закономерно и неотвратно, и не регулируются, так как попадают в категорию ошибки, просчета. По отношению к воспитанию такие представления о развитии личности оказываются особенно деструктивными, ведь негативные изменения в личности ребенка и подростка в свете таких представлений воспринимаются как провал воспитания, а не как закономерный процесс всестороннего, а не только поступательного развития.

Таким образом, возможности для беспристрастного психологического исследования воспитания и разработки практических рекомендаций оказываются в психологии нереализованными. И родители, профессиональные воспитатели остаются, по сути, один на один, с необходимостью корректировать свои воспитывающие отношения с учетом требований исторического времени, социального пространства, то есть требований современного общества.

Поэтому разработка теоретических моделей воспитания в психологии с учетом требований общества как полноправного компонента воспитания представляется нам чрезвычайно актуальной научной задачей. В своем докладе мы постараемся представить авторскую модель семейного воспитания как отношений между родителями как Значимыми другими и детьми как Ожидаемыми другими. В нашей модели видение ребенка как Ожидаемого другого и является попыткой интегрировать общество в психологические представления о семейном воспитании.

Наиболее общее представление о воспитании определяет его как целенаправленную (имеющую кем-то цель), сознательно реализуемую (идет от (со)знания и обращено к (со)знанию) и однонаправленную (от взрослого к ребенку) деятельности. Имплицитные теории семейного воспитания, высказываемые родителями, собственно и отражают этот его аспект: ради чего-то в будущем (называется цель: «чтобы был счастлив», «чтобы хорошо учился», «чтобы ладил с другими» и т.д.) необходимо постоянно, систематически (указываются как раз обращенные к сознанию действия: «объяснять», «заставлять», «повторять», «внушать» и т.д.) воздействовать на ребенка. Конечно же, есть и «другой» план воспитания, который реализуется родителями в непосредственном, спонтанном поведении, поступках, эмоциональных высказываниях и оценках. Этот воспитательный план родителями, как правило, не осознается, мало контролируется со стороны их воспитательных установок, но часто именно он оказывается более действенным в семейном воспитании.

Оба плана семейного воспитания предполагают отношения между родителями и детьми, результатом которых выступает личность ребенка как социально детерминированная сущность, в противовес биологической данности ребенка как организма. Характерно, что приставка «вос» («восходить») в слове (вос)питание, как и

приставка «up» (вверх) в английском слове «upbringing» отсылают нас к вершинной психологии по Л.С. Выготскому, охватывающей явления ценностно-смысловой природы, в противовес познавательным и даже социальным (отношениям между людьми) явлениям и процессам.

В литературе высказываются мнения, что именно близкие, эмоционально-ценностные отношения в семье выступают источником семейного воспитания, так как такой характер отношений мало присущ отношениям между субъектами воспитания в других институтах социализации. Однако отношения в семье отнюдь не всегда были и не всегда являются близкими или эмоционально-теплыми, не все отношения между членами семьи имеют воспитательную направленность и воспитывающий эффект. Функции современной семьи (а воспитание – только одна из функций семьи, хотя и выделяемая большинством исследователей) разнообразны, разнообразны и отношения, в которые вступают члены семьи для их реализации. Хотя все они в совокупности обеспечивают условия для реализации воспитательных усилий членов семьи, следует особо выделять те отношения, которые выступают источником, катализатором развития личности в процессе семейного воспитания.

В теоретическом плане нам представляется важным ввести в область психологии семейного воспитания понятие «Значимый другой», которое достаточно успешно используется для изучения и объяснения психологической реальности в других областях психологии. Понятие «Значимый другой» было введено Г. Салливаном для объяснения влияния отдельных личностей на других и в этом качестве прочно вошло в корпус социальной психологии, оказываясь сопряженным с понятиями «референтность», «авторитет», «лидер», «власть», и т.д., отражая различные аспекты межличностного влияния. В отечественной психологии категория «Значимый другой» разрабатывалась И. Г. Дубовым, В. Н. Князевым, А.А. Кроником, М. Ю. Кондратьевым, Ю. М. Кондратьевым, А.В. Петровским, В.А. Петровским, И.В. Усольцевой, Е.А. Хорошилово, Н. Б. Шкопоровым и другими в первую очередь с связи с проблематикой развития личности, особенно в подростковом и юношеском возрастах. Открытость глубинному диалогу с конкретным другим, допускающая возможность изменения личности в ходе этого диалога, обусловлена значимостью этого другого для личности, а само наличие

реальных изменений может служить критерием этой значимости (Леонтьев Д.А., 2003, С. 21). Вместе с тем, эмпирические исследования (Дубов И.Г., 1991, Кондратьев М. Ю., 1994, Князев В. Н., 1983, Хорошилова Е.А., 1984, Шкопоров Н. Б, 1980 и др..) показывают ограниченность круга значимых других, способных оказать на личность воздействие, выходящее за пределы актуального взаимодействия и выражающееся в перестройке ее смысловых структур. В литературе выявляются заметные расхождения при определении средних показателей числа значимых других. Круг значимых других, по данным разных авторов, составляет 5,0 - 7,45 человек (от 5,5 до 8,7 - для женщин и от 5,0 до 7,4 - для мужчин). С нашей точки зрения, характерной особенностью взаимоотношений внутри семьи является то, что каждый из субъектов этих взаимоотношений является для другого личностно значимым, в противном случае при формальном взаимодействии, направленном на решение только режимно-обучающих задач в семье, собственно воспитания не происходит. Исходя из этого понимания связи семейных отношений и семейного воспитания, суть семейного воспитания видится нам в системе отношений «значимый другой – ожидаемый другой».

Личность взрослого входит в круг «значимых других», что означает, что такой взрослый и способен оказать реальное влияние на формирование личности ребенка, (вос)питать в нем социально приемлемую индивидуальность и психологически необходимую стабильность. Изначально это вхождение связано с биологической несамостоятельностью родившегося ребенка, тотальной зависимостью его выживания («питания») от другого. На более поздних этапах возрастного развития круг значимых других расширяется, включая тех, кто обеспечивает ребенку, говоря метафорически, его «питание» новыми мотивами, ценностями и смыслами, реализует его воспитание. Для того, чтобы взрослый стал значимым для формирования личности другим, должен соблюдаться ряд условий: чем младше ребенок, тем выше требования к пространственно-временной близости взрослого и ребенка, чем старше – тем выше требования к содержательной наполненности их отношений, способности взрослого к самораскрытию, готовности к диалогу на равных.

Социальная детерминированность воспитания и находит свое воплощение в понятии «ожидаемый другой». Ожидаемый другой – это идеальный образ, более или

менее осознанный, имеющийся у взрослого, с которым сравнивается ребенок. Этот идеальный образ отражает представления взрослого о том, что ждет общество от ребенка, чтобы ребенок был этим обществом принят. И в этом идеале есть и нереализованные желания родителей, и их представления о счастье, успешности ребенка, и их представления о том, каковы средства достижения этого счастья в условиях жизни данного общества. Именно этот образ ожидаемого другого выступает для родителей стимулом для применения тех или иных воспитательных воздействий, совпадение с ними результатов их воспитания, выраженных в качествах характера ребенка, его школьной и позже - социальной успешности, вызывает удовлетворенность своей воспитательной миссией, рассогласование – недовольство и т.д.

В диаде «значимый другой – ожидаемый другой» не обязательно, чтобы значимым другим выступал взрослый, а ожидаемым другим – ребенок. Конечно, семейные, особенно воспитывающие отношения, ассиметричны – взрослый человек ближе к обществу и его требованиям, но если ребенок – не значимый другой для родителя, воспитание превращается в муштру или осуществляется только на публике.

Но и взрослые для ребенка – ожидаемые другие в области воспитания. Их осознаваемые ожидания более материальны (купят-не купят, отпустят- не отпустят), но есть и менее сознательная жажда видеть, слышать, чувствовать от родителя ожидания в отношении себя, жажда узнать своей идеальный образ, имеющийся у родителей. Именно эта потребность стоит за бесконечными детскими вопросами, обращенными к родителям, о том, ждали ли они девочку или мальчика, хотели ли именно такого, как он, она, являются ли они хорошими с точки зрения родителей и так далее.

С течением времени отношения между детьми и родителями меняются, повзрослевшие дети сами становятся воспитателями и не только для своих детей, но и для своих состарившихся родителей. Наступает новый виток развития в системе отношений «значимый другой – ожидаемый другой» в семье. Взрослые дети ожидают от родителей определенного поведения (заботы о своем здоровье, заботы о своих внуках, их детях, освоения технических новинок и т.д.) и для их достижения они используют разные воспитывающие родителей способы воздействия.

Еще одной характерной чертой семейного воспитания как системы отношений «значимый другой – ожидаемый другой» является воспитательный плюрализм: в семье идеалов достаточно много, ребенок оказывается разным ожидаемым другим для разных членов семьи. Необходимость примирять внутри себя разные требования к себе, разное отношение к себе составляет необходимое условие взросления и обретения автономии подрастающих детей. Существуют трудности в семейном воспитании, обусловленные полярностью отношений значимых других и ожидаемых других. Среди них можно назвать следующие:

- в образе ожидаемого другого не учитываются требования общества, что служит основой для девиаций,

- ожидаемый другой является знаемым, но реально не принимаемым взрослыми идеалом, что ведет к слабости, декларативности воспитательных воздействий,

- отсутствие переживания детьми личностной значимости взрослого, он «должный», а не значимый другой, любые воспитательные воздействия выполняются лишь формально, не приводя к структурным преобразованиям в личности воспитываемого. В литературе, в первую очередь психологической, достаточно часто высказывается мнение, что родительские ожидания являются одним из факторов невротизации ребенка из-за расхождения у родителя образа «ожидаемого другого» и реального ребенка. Но сложно себе представить, что было бы с семьей, обществом, самим ребенком, если бы родители не воспитывают своего ребенка, исходя из своих идеальных (а не идеализированных) представлений о ребенке. Идеальный характер ожидаемого другого является отражением существовавших во все времена моделей должного, определяющих допустимое сочетание требований общества и требований природы человека. Этот образ аккумулирует значимые для семейного воспитания оппозиции «долг-свобода», «обособление-принадлежность», которые обеспечивают семейную целостность и силу эмоциональной привлекательности значимых других в семье. В этих идеальных представлениях, обозначенных нами как «ожидаемый другой», с необходимостью должен существовать «зазор» между реальным ребенком и его идеальным образом, без такого «зазора» ребенку некуда, да и незачем было бы развиваться. Благодаря этому расхождению между реальным ребенком, с его конкретно-

ситуативным уровнем овладения своим телом, обусловленным возрастом, индивидуально-психологическими особенностями, и его идеальным, ожидаемым в будущем, образом другого, задающего ценностно-нормативную стабильность поступков, отношений с собой, миром и другими, поддерживается необходимостью воспитывать, возводить ребенка к этому идеальному образу через преодоление сиюминутных, временных потребностей и желаний. Можно только предположить, что часть затруднений в воспитании связана с тем, что родителей недостаточно учат воспитывать своих детей: ставить реалистичные воспитательные цели, осознавать разницу в требованиях общества и возможностях ребенка и т.д. Ведь основной инструмент семейного воспитания – это личность родителя как воспитателя, его сформированные воспитательные компетенции (знание механизмов воспитания, учет возрастных, индивидуально-психологических особенностей своих детей), осознание и принятие своей воспитательной миссии, наполнение ее эмоционально-ценностным содержанием, систематичность и непротиворечивость своих воспитательных воздействий и т.д. При исследовании семейного воспитания особенно актуален вопрос о видах и формах таких отношений между личностью и другим, которые позволили бы другому выступить для личности условием и источником ее развития, то есть стать личностно значимым, в противном случае развитие личности может и не состояться. Согласно нашим представлениям, механизмом развития личности, связанным с системой отношений «значимый другой – ожидаемый другой», выступает идентификация - самопознание через определение своего места среди значимых других, самопринятие, обретение своих ценностей и смыслов, способность самому производить личностные смыслы, занимая другую позицию в семейной системе. В условиях нарушения взаимодействия в системе отношений «значимый другой – ожидаемый другой» механизмом развития личности в процессе семейного воспитания выступает интроекция - некритическое принятие норм и ценностей других людей, отказ от поиска, а затем и самостоятельного производства ценностей и смыслов. В этом случае выросший ребенок оказывается неспособен перейти из роли ожидаемого другого в категорию значимого другого, оказывается неспособен предложить уже своим детям ориентиры для их развития в конкретном обществе и реализовать их в семейном воспитании. Метафорически можно сказать, что такой

Ожидаемый другой оказывается «ожидающим» другим, отчетливо проявляя слабость социальной позиции «воспитателя» в семье и в обществе.

Таким образом, согласно нашим теоретическим представлениям, в процессе семейного воспитания взрослый выступает в качестве значимого другого для воспитываемого, а воспитанник является ожидаемым другим для самого взрослого. Ожидания взрослого, формирующие ребенка, являются опосредованием требований общества к своим членам. Взаимодействие Значимым другим и Ожидаемым другим выступает в качестве одного из условий и одновременно движущих сил развития личности обоих «участников» этого процесса, обеспечивая воспитание в семье, существующей в историческом времени и социальном пространстве конкретного общества.

Список литературы

1. Дубов И. Г. Проблема «значимого другого»: терминологический аспект // Индивидуальность педагога и формирование личности школьников. Даугавпилс, 1988.
2. Дубов И.Г., Смирнов Л.М. Особенности восприятия значимых других старшеклассниками. // Вопросы психологии. 1991. № 3. С. 30-36.
3. Кондратьев М. Ю. Подросток в системе межличностных отношений закрытого воспитательного учреждения. - М.: ФИСО, 1994.
4. Князев В. Н. Психологические особенности понимания личности значимого другого как субъекта общения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 1983.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла. - М., 2003.
6. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности. // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17-30.
7. Усольцева И.В. Теоретические основы понимания воспитания как отношений между «значимым другим» и «ожидаемым другим» // Мир психологии № 4. 2011.- С. 173-181.
8. Хорошилова Е.А. Феномен субъективной значимости другого человека: Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 1984.

9. Шкопоров Н. Б. Феноменология, динамика и психологические механизмы субъективной значимости другого человека для старших подростков в условиях школы-интерната: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 1980.

10. Юревич А. В., Юревич М. А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв ред. А.Л.Журавлев, А.В.Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 21-41.

Образ семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса

Шведовская А.А., Загвоздкина Т.Ю.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский городской психолого-педагогический университет», Москва, Россия

Ключевые слова: образ семьи, социально-экономический статус, субъективное благополучие, детско-родительские отношения.

Согласно современным представлениям о роли и значении семьи как институте социализации ребенка, семья удовлетворяет потребность ребенка в принятии, признании, защите, эмоциональной поддержке, уважении [2; 3; 8; 10; 11 и др.]. В семье ребенок приобретает первый опыт социального и эмоционального взаимодействия с социальным окружением. Специфика сотрудничества со взрослым состоит, в том числе, в познании и оценке других, а через других – в самопознании и самооценке [2; 8; 11; 18]. Продуктами взаимодействия со взрослым являются образ себя и другого, а также образ взаимоотношений, возникающих в процессе коммуникации [1; 2; 8; 11; 12]. Содержанием образа семьи в данном контексте является субъективная репрезентация части образа мира, а именно – системы значимых отношений в семье,

характеризующейся определенными связями ее членов. Образ семьи представляет собой результат отражения в индивидуальном сознании реального опыта семейного взаимодействия. [7; 8; 9; 14; 16; 17]. Образ семьи у ребенка носит регулирующий, направляющий, контролирующий характер и определяет тактику взаимодействия с родителями и другими членами семьи. Образ семьи передает субъективный, активный и целостный характер переживаний ребенком особенностей внутрисемейных отношений. При этом важно учитывать, что семья включается в более широкий контекст – социальный, экономический, культурный, политический, расово-этнический [4; 5; 13; 14; 19-22]. Зарубежные исследования показывают, что существующие в современном обществе варианты социального неравенства – гендерные, образовательные, расово-этнические, материально-имущественные, территориальные и пр., оказывают существенное влияние на реализацию семьей своих функций [19-22 и др.]. При этом социально-экономический статус семьи взаимосвязан с особенностями внутрисемейных отношений и находит свое отражение в образе семьи у ребенка. Под социально-экономическим статусом семьи понимается общее положение семьи в системе социальной стратификации, определяемое уровнем и структурой среднедушевых доходов и расходов семьи, а также отношениями членов семьи к своему материальному положению (переживанием субъективного экономического благополучия) [15]. Проблема изучения образа семьи у ребенка в современных условиях приобретает особую актуальность по ряду причин. В условиях отмечаемой в обществе тенденции к смене традиционных семейных ценностей, детско–родительских, полорольевых, супружеских ролей, формирование образа семьи у ребенка требует отдельного анализа [6]. Исследования показывают, что в современной семье наблюдаются такие кризисные явления как снижение относительной доли пар, вступающих в брачные отношения, рост числа разводов, количества неполных или альтернативных семей, низкий уровень рождаемости, дисгармония в сфере супружеских, детско–родительских отношений [1]. В настоящее время представляется недостаточно изученной проблема формирования у ребенка образа семьи и соотнесения особенностей образа семьи с социально-экономическими условиями жизни семьи.

Наше исследование посвящено изучению взаимосвязи образа семьи ребенка

старшего дошкольного возраста с социально – экономическим статусом его семьи. Образ семьи – это целостное интегрированное образование, динамически изменяющееся в онтогенезе, а также в связи с изменениями актуальной семейной ситуации. Образ семьи включает в себя два компонента: когнитивно-деятельностный и эмоциональный. Его эмоциональный компонент связан с отношением (оценкой или самооценкой), а когнитивно-деятельностный – с установками и представлениями о себе как о члене семьи, о других членах семьи, а также о семье в целом. Содержанием образа семьи является субъективная репрезентация части образа мира, а именно – системы значимых отношений в семье как первичной малой группе, характеризующейся определенными связями ее членов. Образ семьи у ребенка носит регулирующий, направляющий, контролирующий характер относительно построения взаимодействия с членами семьи. Образ семьи передает субъективный, активный и целостный характер переживаний ребенком особенностей внутрисемейных отношений. Под социально-экономическим статусом семьи понимается общее положение семьи в системе социальной стратификации, определяемое уровнем и структурой среднедушевых доходов и расходов семьи, а также отношениями членов семьи к своему материальному положению (переживанием субъективного экономического благополучия). Говоря о наличии взаимосвязи между материальным благополучием и внутрисемейными отношениями, необходимо отметить, что уровень доходов определяет различия в жизненных стандартах семей – количестве и качестве потребляемых товаров и услуг, удобстве и комфорте микросреды обитания, возможности проведения совместного досуга детей и родителей, приобретении качественного образования и т.д. Различия в жизненных условиях формируют неравные возможности адаптации, способности справляться с физическими и эмоциональными нагрузками. Исследования показывают, что низкое социально-экономическое положение вызывает у людей субъективное восприятие «неравного» положения в обществе и связанные с этим оценки, отношения, переживания. Низкий социально-экономический статус способствует появлению состояния страха, неуверенности, низкой самооценке, социальной изоляции, сложностей в принятии решений и возможностей контроля. Неравенство в жизненных стандартах определяет неравенство возможностей в использовании эффективных мер и способов в

борьбе с возникающими жизненными проблемами [19-22]. Понятия «образ семьи» и «социально-экономический статус семьи» недостаточно операционализированы в отечественных исследованиях. Малоизученными остаются отдельные характеристики образа семьи, его структура и функции, а также особенности в старшем дошкольном возрасте. Поэтому особенно важной и актуальной видится необходимость изучения этих понятий, а также их взаимосвязи в контексте современной психологии развития. Таким образом, *проблема* исследования заключается в недостаточной изученности взаимосвязи психического развития ребенка и условий жизни его семьи, в том числе в необходимости операционализации психологического содержания понятия образа семьи ребенка. Исследование особенностей образа семьи, складывающегося у ребенка старшего дошкольного возраста, во взаимосвязи с социально-экономическим статусом семьи, определяет актуальность заявленной темы.

Цель исследования: выявление психологических особенностей образа семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях с различным социально-экономическим статусом.

Объект исследования: образ семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса.

Предмет исследования: взаимосвязь образа семьи у детей старшего дошкольного возраста и социально-экономического статуса семей, в которых они воспитываются.

Гипотеза исследования: образ семьи у ребенка старшего дошкольного возраста определяется характером отношения ребенка к социально-экономическому статусу его семьи.

Частная гипотеза: существуют типологические особенности образа семьи у детей старшего дошкольного возраста, обусловленные опытом переживания внутрисемейного взаимодействия.

Задачи исследования:

1. Теоретический анализ психологического содержания образа семьи у детей, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса. Выделение компонентов и параметров оценки образа семьи у ребенка.

2. Изучение особенностей объективной и субъективной составляющих социально-экономического статуса в семьях с детьми старшего дошкольного возраста.
3. Исследование особенностей образа семьи у детей старшего дошкольного возраста из семей с различным социально-экономическим статусом.
4. Построение эмпирической типологии образа семьи у детей старшего дошкольного возраста.
5. Выявление взаимосвязи между особенностями образа семьи и показателями субъективного экономического благополучия у детей старшего дошкольного возраста из семей различного социально-экономического статуса.

Методы исследования:

- методы теоретического анализа и обобщения подходов к проблеме исследования;

- методы эмпирического исследования:

для детей: методика «Рисунок семьи»; методика «семейная доска» (автор К. Людевиг); методика «Межличностные отношения ребенка» (автор Р. Жиль); методика «Сюжетно-ролевая игра в семью» (модификация А.А. Шведовской); опросник субъективного экономического благополучия (модификация методики В.А. Хашченко) для детей. Для родителей: Анкета для определения социально-экономического статуса семьи; опросник субъективного экономического благополучия (В.А. Хашченко)

- методы качественно–количественной обработки и интерпретации данных;

- методы статистической обработки данных. На основе теоретического анализа проблемы взаимосвязи образа семьи у ребенка с социально-экономическим статусом его семьи, был разработан *план эмпирического исследования*, включающий три этапа, каждый из которых был направлен на решение соответствующих задач:

1 этап. *Исследование социально-экономического статуса семьи.*

Определение социально–экономического статуса семьи ребенка: измерение субъективной и объективной составляющих социально-экономического статуса.

2 этап. *Исследование образа семьи у ребенка старшего дошкольного возраста.*

Всестороннее исследование образа семьи у детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях различного социально-экономического статуса. Поиск взаимосвязей образа семьи у ребенка с социо-экономическими показателями жизни их семей.

3 этап. Описательно-интерпретационный.

Анализ взаимосвязи образа семьи у ребенка старшего дошкольного возраста с социально-экономическим статусом его семьи.

Результаты 1 этапа исследования. Определение социально-экономического статуса семьи ребенка.

На первом этапе исследования были сформированы 3 группы выборки: 30 семей с низким социально-экономическим статусом (СЭС), и по 30 семей со средним и высоким СЭС. Формирование групп происходило на основании анализа 2 компонентов социально-экономического статуса: объективного и субъективного.

По результатам опроса детей и родителей, выделены объективные показатели СЭС, а также средние показатели по шкалам субъективного экономического благополучия в каждой из групп выборки. Затем проводился корреляционный анализ и попарные сравнения средних значений выборок по шкалам субъективного экономического благополучия: индекс экономического оптимизма и уверенности; индекс субъективной адекватности дохода запросам и потребностям личности; индекс текущего благосостояния семьи; индекс финансовой депривированности; индекс экономического беспокойства и тревожности; общий индекс субъективного экономического благополучия. По всем группам выборки по всем шкалам получены значимые различия ($p < 0,01$). Таким образом, между субъективным и объективным компонентами социально-экономического статуса показана статистически значимая взаимосвязь. Выборки, сформированные на основании объективного и субъективного компонентов, значимо различаются по уровню социально-экономического статуса.

Результаты 2 этапа исследования. Исследование образа семьи у детей старшего дошкольного возраста.

На втором этапе исследования были обследованы дети из 3 групп семей (высокий, средний и низкий СЭС) по всем компонентам образа семьи при помощи выбранных

методик. Корреляционный анализ, сравнение средних показателей, попарное сравнение групп показали наличие значимой взаимосвязи между СЭС семей и компонентами образа семьи у ребенка. В частности, по параметрам методики «*семейная доска*» (автор К. Людевиг) существует значимая взаимосвязь между СЭС и: показателями по шкале «Пространственное отдаление фигур», по параметру пространственное отдаление фигурки отца (значимость на уровне $p \leq 0,05$); по шкале «состав фигур в расстановке» при соотнесении выбранного количества фигур с реальным составом семьи – включение посторонних (значимость на уровне $p \leq 0,01$); по шкале «направление взгляда фигур» при оценке направления взгляда (значимость на уровне $p \leq 0,01$). По методике «*Межличностные отношения ребенка*» (автор Р. Жиль) отмечается увеличение положительных выборов по всем шкалам, характеризующим конкретно-личностные взаимоотношения ребенка (кроме шкалы «отношение к другу/подруге») с увеличением уровня социально-экономического статуса семьи. При сравнении *игры в семью* (модификация А.А. Шведовской) детей из семей низкого социально-экономического статуса с игрой детей из высокого социально-экономического статуса, в образе семьи у детей из первой группы обнаружены признаки неблагополучия во взаимоотношениях с отцом, а также проигрывание сцен, в которых один из членов семьи подвергается унижению. Анализируя эмоциональный и когнитивно-деятельностный компоненты образа семьи у детей из семей с низким СЭС по результатам методик «игра в семью» и «*рисунок семьи*», можно сделать вывод о выборочном предпочтении ребенка в общении с конкретными членами семьи, при этом другие родственники избегаются. В игре это выражается в инициировании окончания, а при проигрывании основного сюжета члены семьи не взаимодействуют друг с другом. При сравнении игры детей из семей среднего социально-экономического статуса с игрой детей из высокого социально-экономического статуса, у детей из семей среднего СЭС отмечается более частое расширение реального состава семьи за счет включения в игру не связанных с ней людей (знакомых, друзей, учителя, няни). Интересно, что по результатам анализа рисунков семьи у детей из данной группы обнаружены сходные тенденции.

Исходя из проведенного анализа, в образе семьи у ребенка нашли свое отражение более гармоничные, положительно эмоционально окрашенные взаимоотношения детей

из семей среднего и высокого социально-экономического статуса со своим семейным окружением, а также со значимым взрослым (учителем, другом семьи и пр.). Анализ данных по всем методикам позволяет сделать выводы об особенностях эмоциональных отношений ребенка с родителями и другими членами семьи, о стратегиях поведения в конфликтных и фрустрирующих ситуациях и переживании благополучия в ситуациях семейного общения. Наиболее напряженной сферой внутрисемейного взаимодействия в группе семей низкого СЭС являются взаимоотношения ребенка с отцом, а также взаимоотношения с другими членами семьи, проживающими с ребенком. Также, в образе семьи у детей данной группы семей находит свое отражение недостаток эмоционально теплого общения всех членов семьи, нехватка совместно проводимого времени, отмечаются признаки тревожности, фрустрации и стресса в ситуациях взаимодействия с членами семьи. *В семьях низкого социально-экономического статуса дети старшего дошкольного возраста часто демонстрируют в образе семьи наибольшее неблагополучие по сравнению с детьми из семей среднего и высокого социально-экономического статуса.*

Результаты 3 этапа исследования. Анализ взаимосвязи образа семьи ребенка дошкольного возраста с социально-экономическим статусом его семьи.

На третьем этапе для достижения поставленных в нашем исследовании задач, а также проверки наших предположений, из всей совокупности полученных данных мы выделили типы образов семьи у ребенка старшего дошкольного возраста.

Для этого проведено следующее:

1. Выделение ключевых параметров использованных в исследовании методик;
2. Проведение кластерного анализа на основе ключевых параметров;
3. Описание эмпирической типологии образа семьи

Итак, из всей совокупности данных по методикам, ключевые параметры для кластерного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Ключевые параметры для кластерного анализа по всем методикам

	Методика	Ключевые параметры
1	Методика «Рисунок семьи»	Общий показатель неблагополучия по данной методике
2	Методика «Игра в семью»	Общий показатель неблагополучия по данной методике
3	«Межличностные отношения ребенка» Рене Жиля	Отношение к матери; отношение к отцу; отношение к матери и отцу как родительской чете; отношение к братьям и сестрам; отношение к бабушке и дедушке
4	Методика «семейная доска» К. Людевига	Пространственное отдаление фигур; состав фигур в расстановке; направление взгляда

Выделение типов образа семьи у ребенка произведено на основании ключевых показателей по методикам, диагностирующим следующие показатели в образе семьи у ребенка:

- особенности эмоциональных отношений ребенка с родителями и другими членами семьи (дистанция, интенсивность, эмоциональная окраска),
- характер переживаний в ситуациях семейного общения (общий, интегрированный показатель благополучия),
- стратегии поведения в конфликтных и фрустрирующих ситуациях (выраженность агрессивно–наступательных или защитных тенденций при общении с близкими).

По результатам кластерного анализа было выделено 5 кластеров, которым соответствуют 5 типов образа семьи ребенка старшего дошкольного возраста:

1. тип - благополучный образ семьи «*Благополучная семья*»
2. тип – образ семьи с элементами неблагополучия «*Неустойчивая семья*»
3. тип – дистантный образ семьи «*Дистантная семья*»
4. тип – конфликтный образ семьи «*Конфликтная семья*»
5. тип – неблагополучный образ семьи «*Неблагополучная семья*»

На Рисунке 1 представлено количество семей каждого социально-экономического статуса в соответствии с типами образов семьи у ребенка.

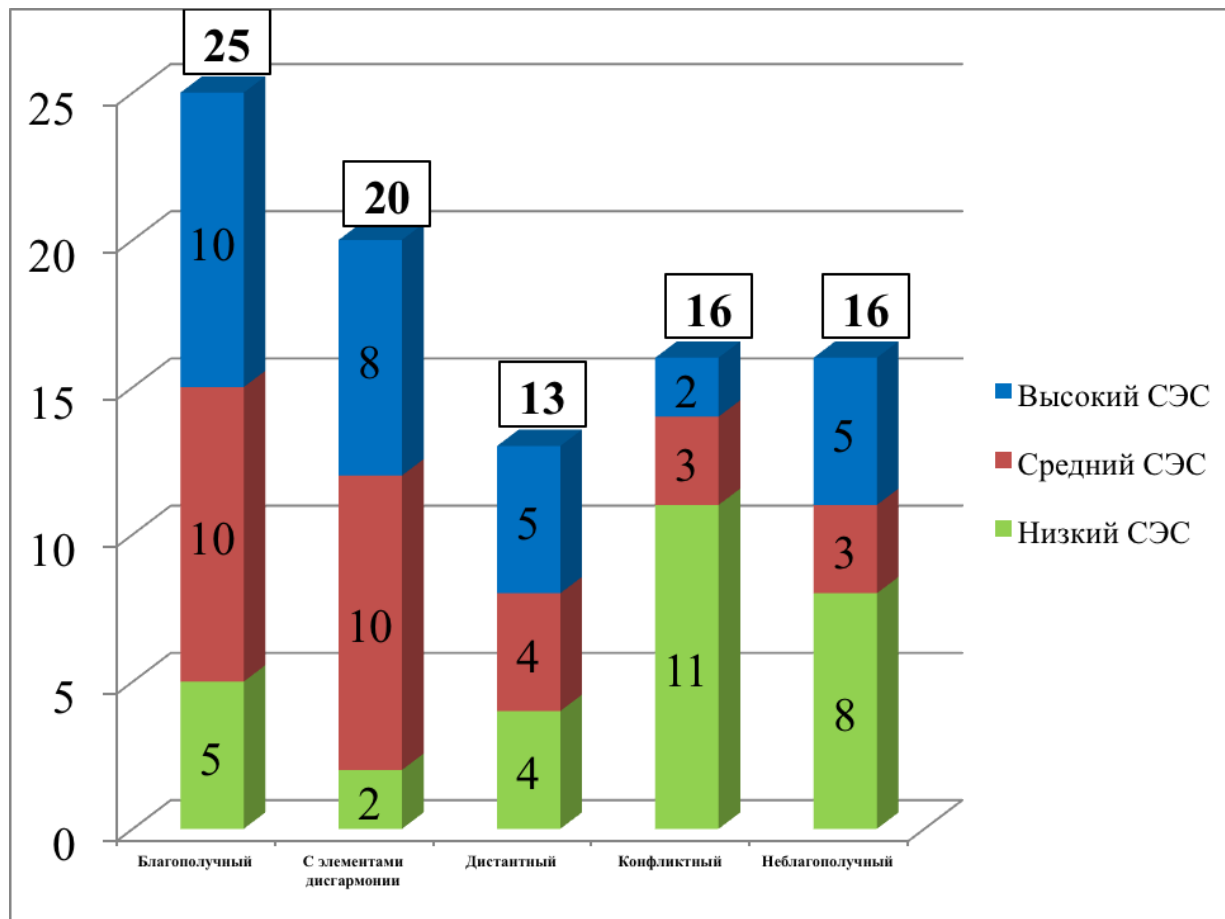

Рис. 1. Количество семей в соответствии с типами образа семьи и в соответствии с уровнем социально-экономического статуса

Процентное соотношение семей в соответствии с типами образа семьи у ребенка представлены на Рисунке 2.

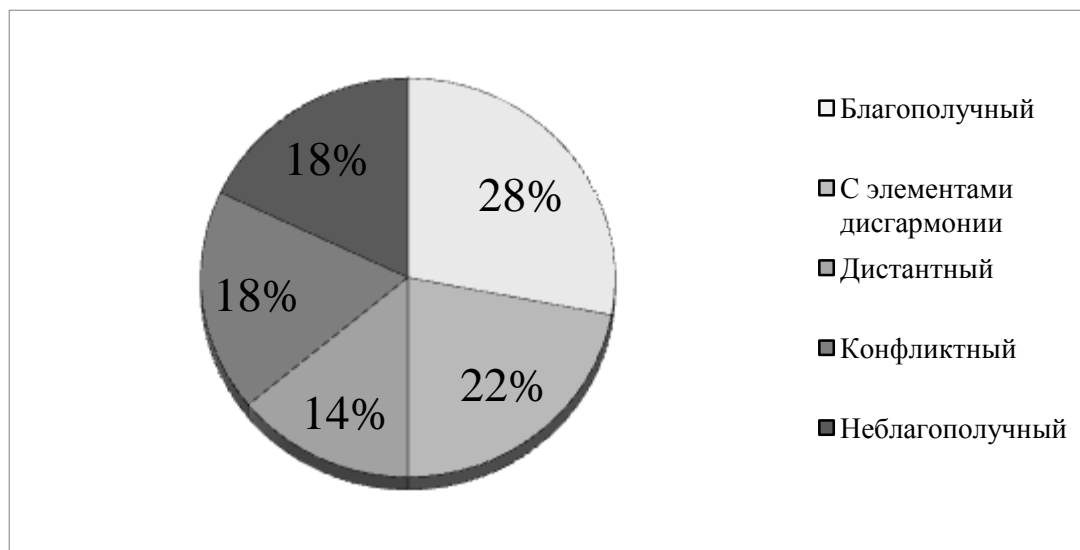

Рис. 2. Процентное распределение семей в соответствии с типом образа семьи у ребенка

На основании статистической обработки данных по средним значениям по всем методикам в каждом из кластеров, а также их попарного сравнения при помощи U-критерия Манна-Уитни, проведено содержательное описание полученных типов образа семьи у ребенка старшего дошкольного возраста.

Выводы. 1. Образ семьи - это целостное интегрированное образование, динамически изменяющееся в онтогенезе, а также в связи с изменениями актуальной семейной ситуации. Содержанием образа семьи является субъективная репрезентация части образа мира, а именно – системы значимых отношений в семье как первичной малой группе, характеризующейся определенными связями ее членов. Образ семьи носит субъективный и целостный характер и отражает переживания ребенком особенностей внутрисемейных отношений. Образ семьи включает в себя когнитивно-деятельностный и эмоциональный компоненты. Социально-экономический статус семьи включает в себя объективный и субъективный компоненты. Объективный компонент социально-экономического статуса – это источники доходов семьи, структура расходов, уровень денежных доходов. Субъективный компонент определяется как субъективное экономическое благополучие и включает в себя: оптимистическую или

пессимистическую оценку внешних и внутренних условий изменений материального благополучия, оценку адекватности дохода запросам и потребностям, субъективную оценки материального положения семьи в целом, степень достатка или недостатка финансовых средств, отсутствие или наличие и определенная степень выраженности финансового стресса. 2. В исследовании проведена апробация диагностических методик, направленных на выявление особенностей компонентов социально-экономического статуса его семьи: опросник субъективного экономического благополучия (В.А. Хашенко) – варианты для родителей и для детей (модификация автора), анкета определения социально-экономического статуса семьи. А также подобран комплекс диагностических методик для выявления особенностей образа семьи глазами ребенка в дошкольном возрасте: «Рисунок семьи»; «Семейная доска» (автор К. Людевиг); методика «Межличностные отношения ребенка» (автор Рене Жиль); методика «Сюжетно-ролевая игра в семью». 3. Субъективный и объективный компоненты социально-экономического статуса статистически значимо взаимосвязаны как у детей, так и у взрослых. В семьях низкого социально-экономического статуса преобладают пессимистические оценки внешних и внутренних условий изменений материального благополучия; доход, по мнению испытуемых, не соответствует запросам и потребностям их семей; они низко оценивают материальное положение своих семей в целом; ощущают острую нехватку денежных средств; при этом имеют сильную степень выраженности финансового стресса. В семьях среднего социально-экономического статуса преобладают средние показатели по шкале экономического оптимизма и уверенности; испытуемые средне или выше среднего оценивают текущее благосостояние своей семьи, по показателям финансовой депривированности не ощущают острого недостатка финансовых средств, однако хотели бы улучшить свое финансовое положение; не имеют крайних проявлений финансового стресса. В семьях высокого социально-экономического статуса продемонстрированы преимущественно высокие значения по шкале экономического оптимизма, испытуемые оценивают внешние и внутренние условия изменений материального благополучия своей семьи как позитивные; доход полностью соответствует потребностям и ожиданиям их семей; текущее благосостояние своей семьи оценивается как хорошее; признаков финансовой

депривированности испытуемые не имеют, также как и признаков беспокойства и тревожности. 4. На основе полученных данных выявлена общая тенденция: чем ниже социально – экономический статус семьи, тем более выражено неблагополучие в образе семьи у ребенка. Таким образом, гипотеза о том, что образ семьи у ребенка дошкольного возраста определяется характером отношения ребенка к социально-экономическому статусу его семьи образ семьи, нашла свое подтверждение. 5. Типы образа семьи у детей из семей среднего и высокого социально-экономического статуса, статистически чаще относятся к более благополучным («Благополучная семья», «Неустойчивая семья»), чем у детей из семей низкого социально-экономического статуса. Таким образом, гипотеза о том, что существуют типологические особенности образа семьи у детей старшего дошкольного возраста обусловленные опытом переживания внутрисемейного взаимодействия, нашла свое подтверждение. 6. На основе предложенной модели, эмпирически выделены пять типов образа семьи ребенка старшего дошкольного возраста, такие как благополучный («Благополучная семья»), с элементами дисгармонии («Неустойчивая семья»), дистантный («Дистантная семья»), конфликтный («Конфликтная семья»), и неблагополучный («Неблагополучная семья»). Типы образов семьи у ребенка различаются общим уровнем благополучия переживания семейной ситуации и характером переживания ребенком семейной ситуации, социальной и эмоциональной дистанцией между членами семьи, эмоциональным отношением ребенка к членам семьи, наличием у ребенка тревоги, фрустрации и стресса при общении с членами семьи. Таким образом, нашла подтверждение гипотеза нашего исследования о том, что существуют типологические особенности образа семьи у детей старшего дошкольного возраста обусловленные опытом переживания внутрисемейного взаимодействия. 7. Тип «Благополучная семья» характеризуется тем, что переживания ребенка отражают чувство семейной целостности и сплоченности. Ребенок ориентируется на поддержку и помощь со стороны семейного окружения в случае необходимости. Испытуемые с благополучным образом семьи открыты для взаимодействия с окружающими, так как имеют адекватную самооценку и чувствуют себя компетентными в ситуациях межличностного общения. В образе семьи у ребенка взаимоотношения с родителями эмоционально насыщены, позитивно эмоционально

окрашены для ребенка. Ребенок ощущает небольшую социальную дистанцию с близкими, обусловленную распределением ролей в семье. При этом, в образе семьи, ребенок чувствует себя полноценным участником общения, свободно выражает свои мысли и эмоции, так как воспринимает родителей принимающими, дарящими заботу. Дети с данным типом образа семьи не испытывают тревоги и страха в ситуациях семейного общения, в ситуациях столкновения интересов с кем – либо из членов семьи находят способы позитивного выхода из них. Тип «Неустойчивая семья» характеризуется тем, что дети могут эпизодически переживать стремление к большей устойчивости семейной системы. На фоне общего эмоционального благополучия, дети в данной группе в образе семьи обнаруживают признаки периодически испытываемого дискомфорта и стресса в ситуациях семейного общения. Эмоциональная и социальная дистанция с родителями является небольшой, однако стабильно интенсивных, положительно эмоционально окрашенных взаимоотношений с родными не отмечается. Испытуемые данной группы могут испытывать беспокойство при общении с кем-либо из членов семьи (чаще с отцом), ощущать давление и неприятие. Тип «Дистантная семья» характеризуется тем, что ребенок испытывает недостаток эмоциональной поддержки и отвержение со стороны родителей, испытывает чувство незначительности в ситуациях семейного общения. В образе семьи у ребенка внутрисемейная ситуация не является позитивной. Ребенок испытывает нехватку постоянного, близкого общения с родителями. Большую часть времени в семье он чувствует себя одиноким. Дети из данной группы испытывают слабое сопереживание своим проблемам. Социальная и эмоциональная дистанция между собой и близкими воспринимается ребенком как очень большая, поэтому он вынужден удовлетворять свои потребности в любви и принятии в ситуациях внесемейного общения. Тип «Конфликтная семья» характеризуется тем, что дети переживают негативно эмоционально окрашенное взаимодействие с членами семьи, в образе семьи у ребенка наблюдаются признаки тревоги и стресса. Обнаружены признаки взаимного (с различными членами семьи) недовольства и раздражения, неспособности эффективно взаимодействовать с семейным окружением. Ребенок не воспринимает свою семью как целое, часто ассоциируя ее с противостоянием и конфликтами. Несмотря на переживаемую ребенком небольшую социальную дистанцию

между собой и родственниками, он зачастую стремится ее увеличить, чтобы избежать психотравмирующего воздействия с их стороны. Дети из данной группы не владеют способами позитивных выходов из конфликтов, часто реагируют на них подавленностью, плачем. Тип «Неблагополучная семья» характеризуется тем, что в образе семьи у ребенка обнаружены признаки того, что ребенок чувствует неполноценность в ситуации семейного общения, а защитные механизмы находят свое отражение в тенденциях к избеганию общения, проявлению самоагрессии, а также в агрессивных проявлениях. Переживания тревоги и стресса, страха перед родными носят постоянный характер и накладывают отпечаток на поведение ребенка в целом – близкие взрослые не принимаются ребенком как авторитетные лица, ребенок старается скрывать свои переживания от них.

Список литературы

1. Богомолова, Т.Ю., Тапилина, В.С. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерение [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина // Социологические исследования. – 1997. – № 9. – С. 28–40.
2. Божович, Л.И. Избранные психологические труды: Проблемы формирования личности [Текст] / Л.И. Божович; под ред. Д.И. Фельдштейн. – М.: Междунар. Пед. Акад., 1995. – 207 с.
3. Боулби, Дж. Привязанность. [Текст] / Дж. Боулби. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
4. Галущинская, Ю.О. Воспитание ценностного отношения к старости у детей дошкольного возраста [Текст]: автореф. Дис. ... канд. пед. наук. / Ю.О. Галущинская. – Екатеринбург, 1998. – 24 с.
5. Грабаровская, Л.В. Педагогические условия развития образа «Я» ребенка старшего дошкольного возраста [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. Наук / Л.В.Грабаровская. –Ростов-н/Д, 1996.
6. Грин, В. Терапевтическая работа по созданию у родителей нового образа ребенка [Текст] / В. Грин // Работа с родителями: психоаналитическая психотерапия с

детьми и подростками / под ред. Дж. Циантиса, С.Б. Ботиуса, Б. Холлерфорс и др. – М.: Когито-Центр, 2006. – С. 43–63.

7. Демидова, Н.И. Формирование образа семьи у старших дошкольников [Текст]: дис. канд. пед. Наук / Н.И. Демидова. – М., 2003.

8. Карабанова, О.А. Социальная ситуация развития ребенка (структура, динамика, принципы коррекции) [Текст]: дисс. ... докт. психол. наук / О.А. Карабанова. – М., 2002.

9. Кулиш, О.Г. Взаимосвязь образа семьи и развития самосознания у детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возрастов [Текст]: ис. ... канд. психол. наук / О.Г. Кулиш. – М., 2005.

10. Леонтьев, А.Н. Психология образа [Текст] / А.Н. Леонтьев // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1979. – №2. – С. 37–46.

11. Лисина, М.И. Формирование личности ребенка в общении [Текст] / М.И. Лисина. – М., 2009.

12. Маценова, Е.Б. Представления о семье в разных группах старшеклассников и студентов [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.Б. Маценова. – М., 2001.

13. Насонова, Е.Б. Влияние внутрисемейных отношений на эмоциональное поведение младших школьников [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.Б. Насонова. – Киев, 1990. – 16 с.

14. Рыжкова, А.В. «Образ семьи» у детей дошкольного возраста и их родителей [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / А.В. Рыжкова. – Москва, 2009.

15. Хащенко, В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация [Текст] / В.А. Хащенко // Экспериментальная психология. – 2011. – Т. 4. – № 1. – С. 106–127.

16. Шведовская, А.А., Загвоздкина, Т.Ю. Диагностика образа семьи у детей дошкольного возраста с помощью методики "Семейная доска" [Текст] // Вопросы психологии. 2014. Т. 2. С. 117-124.

17. Шведовская, А.А., Загвоздкина, Т.Ю. Социально-экономический статус семьи и психическое развитие ребенка: зарубежный опыт исследования [Текст] // Психологическая наука и образование. 2013. №1. С.65–76.
18. Шведовская, А.А. Специфика позиции родителей при различных типах взаимодействия с детьми дошкольного и младшего школьного возраста [Текст] // Психологическая наука и образование. 2006. №1. С.69–84.
19. Amato, P.R. Rural poverty, urban poverty, and psychological well-being [Text] / P.R. Amato, J. Zuo // Socil.Q. – 1992. – Vol. 33. – P. 229–240.
20. Baldwin, M. W. Relational schemas and the processing of social information [Text] / M.W. Baldwin // Psychological Bulletin, 1992. – Vol. 12. – P. 461–484.
21. Bornstein Marc H., C.-S. Hahn, J.T.D. Suwalsky, O.M. Haynes Socioeconomic Status, parenting and child development: the Hollingshead four-factor index of social status and the socioeconomic index of occupations [Text]// Marc H. Bornstein, Robert H. Bradley Socioeconomic Status, parenting and child development. – Taylor & Francis, 2010.
22. Kohn, M.L Class and conformity: a study in values [Text] / M.L. Kohn. – Chicago: University of Chicago Press, 1997.

**Ценность семьи как регулятор личностного адаптационного потенциала
курсанта-летчика**

Щербакова Е.А.

Краснодарский филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил

«Военно-воздушная академия», Краснодар, Россия

E-mail: leliyaom@yandex.ru

Тема профессиональной надежности военного летчика продолжает оставаться актуальной и в условиях современного развития и технического переоснащения военной авиации. Успешность развития авиации определяется не только достижениями технического прогресса, но и возможностями человека, эксплуатирующего эту технику.

В концепции профессионального психологического отбора военных летчиков, разработанной в 80-х годах прошлого века В.А. Пономаренко, Д.В. Гандером и др., определена структура профессионально важных качеств (ПВК) военного летчика-истребителя, в том числе, личностная группа ПВК, куда входят адаптивные способности.

Как и когда начинает формироваться адаптационный потенциал человека, избравшего этот вид профессиональной деятельности? Конечно первое место в ряду факторов, влияющих на формирование базовых адаптационных механизмов личности занимает семья. Семья является одним из институтов первичной социализации человека [4, с.14-23], которая откладывает отпечаток на его личность [1], формируя ее «особенной» – пригодной для профессионального становления и выполнения выбранной профессиональной деятельности [5].

В исследованиях М.Г. Лукиновой установлено, что семья как ценность в общей иерархии ценностей курсантов находится в числе приоритетных [3]. Вместе с тем, отношение к семье и родителям у курсантов с разным уровнем развития личностного адаптационного потенциала (ЛАП) разное [6]. Уточненные М.В. Забоевой профессионально важные качества (ПВК) личностной группы современного военного летчика, такие как уровень притязаний, самооценка, мотивация к успеху, мотивация к избеганию неудач, уровень субъективного контроля, нормативность поведения, ответственность [3] и другие личностные особенности имеют начало своего развития в семье.

В настоящем исследовании в фокусе внимания находится адаптационный потенциал личности в соотнесении с теми представлениями о родителях (матери и отце), которые существуют в сознании курсантов и влияют на учебно-профессиональное бытие в военном вузе.

Исследование личностного адаптационного потенциала (ЛАП) осуществлялось с использованием методики «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина. Исследование системы отношений курсанта в значимых областях его жизни (семья, самовосприятие) осуществлялось с использованием теста «Завершение предложений Сакса». Содержательная

интерпретация теста «Завершение предложений Сакса» осуществлялась на основе теста М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?».

Выборка курсантов была составлена из общего числа первокурсников: курсантов ($n=21$) с высоким и хорошим уровнем развития ЛАП ($m=8\pm 1,38$) и курсантов ($n=24$) со сниженным уровнем ЛАП ($m=5,8\pm 0,29$) (группа 1 и группа 2 соответственно). Все респонденты мужчины, возраст 17 – 20 лет. Исследование проводилось на базе Краснодарского филиала ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина».

Представим полученные результаты.

Выявлено идеализированное отношение курсантов 1 группы к родителям. В группе 2 курсанты идеализировали только образ матери, образ отца представлен в их сознании как отчужденный. Факт наличия семьи имеет большое значение для обеих групп респондентов. Чувство вины у курсантов 1 группы ниже, чем у курсантов 2 группы.

Проведенный корреляционный анализ между показателями методик МЛО и «Завершение предложений Сакса» показал наличие достоверных связей между ЛАП курсантов, их отношением к отцу, матери, семье, чувством вины и др.

Так курсанты с высоким и хорошим уровнем ЛАП отношение к семье выражают через отношение к отцу и матери. Идеализированное отношение к родителям [6] дает основание предполагать о наличии неудовлетворенности курсантов в сфере семейных отношений, что подтверждают выявленные обратные корреляционные связи между диадами: отношение к отцу – чувство вины ($r = -0,57$) и отношение к матери – ЛАП ($r = -0,54$). В свою очередь, отношение к отцу и отношение к матери, между которыми выявлена прямая корреляционная связь ($r = 0,49$), прямо коррелируют с отношением к семье.

В предыдущих исследованиях установлено, что курсанты воспитывались в семьях с доминированием одного из родителей, чаще всего – матери [7, с. 301-305]. Этот вид воспитательного взаимодействия формирует личность невротического типа [2]. Объективизация отношения курсантов к родителям, с одной стороны, повлечет за собой изменения в уровне их чувства вины и ЛАП, с другой стороны, изменит отношение к

семье в целом. Повышение личностного адаптационного потенциала также будет способствовать объективизации представления о родителях, вместе с тем, снижению ценности семьи и повышению чувства вины. Обнаруживается внутрисемейный конфликт, показывающий, что отношения между родителями идеализированы курсантами не случайно. Курсант, имеющий личность невротического типа пытается поддержать в своем сознании иллюзию благополучных отношений между родителями для того, чтобы не соприкоснуться с травмирующим его чувством вины. Становится понятным, что чувство вины у курсантов 1 группы является неким внутренним регулятором его психоэмоциональных процессов, касающихся взаимоотношений между родителями.

У курсантов 2 группы отношение к семье выражено через отношение к матери (0,45). Причем, ЛАП отрицательно связан с идеализированным отношением к матери ($r=-0,44$): объективизация отношения к матери снизит уровень ЛАП. Отношение к отцу прямо связано с отношением к своим способностям ($r=0,45$); отношение к отцу и матери между собой не связаны. Чувство вины у курсантов 2 группы прямо коррелирует с отношением к начальникам ($r=0,43$) и не имеет достоверно значимых корреляционных связей ни с одним из интересующих нас факторов, хотя прослеживается схожая с первой группой тенденция. Повышение ЛАП у курсантов 2 группы влечет за собой снижение ценности семьи и матери, как ее представителя, не влияя на отношение к отцу и способностям. Но, при схожей тенденции с 1 группой, повышение ЛАП может повысить у них чувство вины.

Таким образом, ценность семьи у курсантов с высоким и хорошим уровнем личностного адаптационного потенциала выступает его регулятором, а чувство вины является регулятором внутриличностного конфликта, связанного с неудовлетворенностью отношениями между родителями. У курсантов со сниженным уровнем личностного адаптационного потенциала ценность семьи также является его регулятором, а чувство вины делает их особенно зависимыми от начальников (проекция отца).

С целью повышения профессиональной надежности будущих специалистов с курсантами необходимо проводить психокоррекционную работу, направленную на формирование у них внутреннего локуса контроля и переводение чувства вины в

ответственность, изменение отношения к родителям, и в целом – на изменение отношения к себе. Содержательные и структурные изменения профессионально важных качеств личностной группы будут способствовать объективизации отношения к себе, семье, родителям, повышая при этом личностный адаптационный потенциал курсанта.

Список литературы

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды. - М.; Воронеж, 1995.
2. Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия. Серия: Психология ребенка.
3. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Личность курсанта: психологические особенности бытия». – Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА» (филиал), 2014.
4. Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под общ. ред. Н.Н. Посысоева. – М.: Изд-во ВЛАДОС ПРЕСС, 2004, с.14-23.
5. Сиваш О.Н. Личностно-ориентированная экспертиза профессиональной пригодности летчиков. Автореферат, 2009.
6. Щербакова Е.А. «Связь образа родителей с адаптивностью личности». Автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук, Краснодар, 2011.
7. Щербакова Е.А. Профессионально нормативное поведение как социально-психологический статус личности курсанта-летчика. Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014.

Секция 3. Перинатальная психология

Психологическая готовность к материнству у девушек разного возраста

The psychological readiness for motherhood among girls of different ages

Валитова И. Е.

*доцент кафедры психологии развития Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, Республика Беларусь; кандидат психологических наук, доцент
irvalitova@yandex.ru*

Актуальность изучения психологической готовности к материнству продиктована сохраняющимися негативными тенденциями в сфере семейных отношений, к которым относятся снижение ценности семьи, увеличение числа семей, практикующих сознательно бездетный брак, увеличение возраста первородящих женщин и т.п. Так как современные молодые люди недостаточно ориентированы на выполнение материнских и отцовских ролей, необходимо выявить, в каком возрасте они в наибольшей степени готовы к рождению ребенка.

Психологическая готовность к материнству рассматривается как сложная многокомпонентная структура, а ее формирование осуществляется на протяжении всей жизни женщины [3]. В соответствии с концепцией Э.Эриксона о стадиях психосоциального развития [4] пятая стадия (11-20 лет) является ключевой для приобретения чувства идентичности, а шестая стадия (21-25 лет) знаменует переход к решению уже собственно задач взрослости на базе сформировавшейся психосоциальной идентичности, в частности, девушки решают глобальный вопрос о принципиальном выборе между широким полем установления дружеских и семейных связей с перспективой воспитания нового поколения. Е.Е. Сапогова [2] подчеркивает, что освоение материнской роли – жизненная задача развития женщины в период взросления, однако, освоение женщиной ее роли матери в период взросления осложняется тем, что именно в этом возрасте решается задача развития деловой карьеры.

В нашей работе мы поставили цель выяснить, связан ли возраст девушек с уровнем их мотивационной и личностной готовности к материнству. Мы выбрали только два компонента готовности к материнству, рассматривая их как наиболее значимые для принятия решения о рождении ребенка. Так как в рассматриваемый период девушки могут занимать и разное социальное положение, связанное с получением или завершением образования, необходимо сравнить готовность к материнству у девушек, обучающихся в школе, в университете и начавших профессиональную жизнь.

В исследовании приняли участие девушки в возрасте от 15 до 30 лет, не имеющие детей и не состоящие в браке. Общая выборка исследования составила 90 человек, из них тридцать девушек в возрасте 15-18 лет (группа 1), тридцать девушек 21-24 лет (группа 2), тридцать девушек 25-30 лет (группа 3).

В исследовании использовались три методики. Методика «Кто я?» позволяет выявить представленность разных социальных ролей и качеств в самосознании девушек, определить место и роль материнских качеств в структуре социальных ролей. Рисуночная методика «Мой будущий ребенок» позволяет выявить эмоциональные аспекты отношения к будущему ребенку. Последним испытуемым предлагался разработанный нами опросник, направленный на выявление информированности девушек по вопросам материнства, а также мотивации рождения ребенка. Девушкам предлагалось ответить на 12 вопросов об их отношении к материнству. В первом вопросе опросника испытуемым необходимо провести ранжировку 20 предложенных вариантов ответа, и это позволяет выявить предпочитаемые ими жизненные ориентации.

Результаты методики «Кто я?» М.Куна и Т. Макпартленда позволяют выявить, имеются в образе «Я» исследуемых девушек представления, относящиеся к категории «Я – будущая мать». Оказалось, что в самосознании девушек присутствуют различные представления о себе: «девушка», «дочка», «любимая», «сангвиник», «музыкант», «подруга», «художник», «оптимист», «учитель», «внучка», «спортсменка» а также «будущая мама», «будущая жена», «будущая мать и жена», «в будущем многодетная мать».

Наличие или отсутствие в самосознании образа «Я будущая мать» у девушек трех групп различается. В группе 1 образ «Я будущая мать» в самосознании представлен у

20% девушек, в группе 2 только у 10%, а в группе 3 – у 37%. Мы предполагаем, что это может быть связано с жизненными приоритетами девушек в разном возрасте. По критерию Фишера различия между 2-й и 3-й группами статистически значимы ($\phi^*_{\text{эмфир}} = 2.57$ при $\phi^*_{\text{кр}} = 2.3$, $p=0,01$). Наличие наибольшего числа указаний на образ будущей матери в самосознании девушек 25-30 лет может быть связан с тем, что в этом возрасте создание семьи и родительство являются особенно важными.

Анализ рисунков, полученных с помощью методики «Мой будущий ребенок», показал, что у большинства девушек имеется представление о будущем ребенке. Об этом свидетельствуют изображения детей на рисунках. У девушек всех групп есть рисунки, на которых отсутствует изображение как ребенка, так и матери, они подменяются различными символами: «оберегающие руки», «солнышко», «цветок», «радуга», «коляска», «воздушные шары-сердечки», «зайчик», «котенок». Такая подмена может свидетельствовать о том, что у девушек нет конкретного представления о ребенке, есть только обобщенное представление «ребенок вообще». Предпочтений в половой принадлежности ребенка у испытуемых 2-й и 3-й групп нет, примерно равное соотношение желаний иметь мальчика или девочку, но в 1-й группе предпочтение отдается девочкам. Возраст изображаемого ребенка варьирует от младенчества до взрослости. Девушки всех групп в большинстве изображают младенцев или детей дошкольного возраста. Такое изображение возраста детей соответствует изображению детей в подобных исследованиях беременных женщин (В.И. Брутман [1]). Можно предположить наличие такой же закономерности: чем младше возраст изображаемого ребенка, тем ярче и четче, конкретнее его образ у будущей матери, тем лучше он осознается. Девушки 25-30 лет чаще остальных рисуют беременных матерей. Эмоциональный фон рисунков позитивный.

На рисунках девушек 3-й группы изображение матери присутствует в 9 случаях, во 2-й группе в 3 случаях, а в 1-й группе лишь в одном случае. Связь матери с ребенком отражена на рисунках через расположение: изображены рядом, держатся за руки. Чем ближе друг к другу изображены мать и ребёнок, тем сильнее положительная эмоциональная связь и наоборот. У девушек 1-й группы связь матери с ребенком в рисунках практически не отражена. У девушек 3-й группы эта связь просматривается

более четко. В 3 случаях у девушек 3-й группы и в 2 случаях у девушек 2-й группы есть изображение беременной матери. Из всего выше сказанного можно заключить, что у девушек 3-й группы представления о себе как о будущих матерях более чёткие, осознанные по сравнению с девушками 1-й и 2-й групп. Для определения значимости различий между группами по показателям рисунка был использован критерий Пирсона χ^2 . Различия являются значимыми в изображениях матери и в общем эмоциональном фоне ($p=0.01$). По остальным критериям различия между группами не являются значимыми.

При ранжировании жизненных ценностей у исследуемых всех трех групп наиболее значимой является счастливая семейная жизнь. Для девушек 1-й группы также наиболее значимым является здоровье, самостоятельность, независимость. Для девушек 2-й группы – самообразование, интересная работа, здоровье. Для девушек 3-й группы – реализация родительских функций, духовная и физическая близость с любимым человеком. Наиболее высокий ранг по критерию реализации родительских функций у 3-й группы, затем у 1-й и самый низкий у 2-й группы. Относительно планирования беременности девушками прослеживается следующая закономерность. Большинство девушек 1-й группы планируют родить ребенка в ближайшие 5-10 лет, девушки 2-й группы – в ближайшие 3-5 и 5-10 лет. Девушки 3-й группы планируют рождение ребенка в ближайшее время и в ближайшие 3-5 лет. Чем младше девушка, тем позже она планирует стать матерью. Причиной того, что может заставить отложить решение завести ребенка, для девушек 1-й и 3-й групп является собственное нежелание, чувство неготовности к принятию роли матери. Для девушек 2-й группы это в первую очередь недостаточная материальная обеспеченность, отсутствие собственного жилья.

Проведенное исследование показывает, что именно социальная ситуация развития во многом определяет отношение девушек к родительству на определенном жизненном этапе. Так, возраст 15-18 лет – время становления тесных интимно-личностных отношений, выбора дальнейшего пути, где возможны различные варианты принятия решения, и один из них – создание семьи. Возможно, именно поэтому у некоторых девушек в сознании присутствует образ своего будущего ребенка и себя как будущей матери. Возраст 21-24 лет – это период окончания учёбы, профессионального

самоопределения. Девушки данного возраста менее всего идентифицируют себя с матерью, в их сознании нет четкого образа будущего ребенка. Возраст 25-30 лет – время создания семьи, самореализации в профессиональном плане. Вероятно поэтому девушки данного возраста чаще, чем остальные, видят себя как будущую мать, лучше осознают всю ответственность материнства и хотят в ближайшее время принять на себя новую для них роль – роль матери.

Список литературы

1. Брутман, В.И., Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. № 2. С.79-87.
2. Сапогова, Е. Е. Психология развития человека : Учебное пособие. М : Аспект Пресс, 2001.
3. Филиппова Г. Г. Психология материнства. Учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
4. Эриксон, Э. Идентичность : юность и кризис . М.: Прогресс, 1996.

Особенности эмоционального взаимодействия матери с ребенком, зачатие которого наступило с помощью ЭКО

Долгих А.Г., Захарова Е.И.

Кафедра возрастной психологии факультета психологии МГУ имени

М.В. Ломоносова

ag.dolgikh@mail.ru, e-i-z@yandex.ru

В настоящее время работа по преодолению бесплодия стала предметом исследования не только в медицине, но и в психологической науке, так как бесплодный брак приводит к психологической травме всех членов семьи и сопровождается психологическим дискомфортом. Столкнувшись с бесплодием, женщина становится

заложницей собственных переживаний, накладывающих отпечаток не только на ее психологическое состояние, но и на всю семью в целом. Болезненные процедуры диагностики и лечения бесплодия, необходимость следовать расписанию ведения половой жизни, осуждения близких – все это приводит женщину, страдающую бесплодием к ощущению собственной неполноценности, отражаясь на ее самооценке, повышая уровень тревожности и часто приводя к невротическим нарушениям (3). Поэтому, с одной стороны программа ЭКО – это шанс реализовать репродуктивную и воспитательную функции семьи, а с другой стороны, это большой риск для психологического состояния матери и дальнейшего взаимодействия с ребенком, рождение которого связано с многочисленными переживаниями.

Материнство в жизни женщины играет совершенно уникальную роль. Успешно реализованное материнство наполняет жизнь женщины смыслом, придавая ей все больше уверенности и оптимистического взгляда на жизнь. Для того, чтобы суметь испытать счастье материнства, женщина должна пройти длинный путь формирования внутренней материнской позиции, которую Е.И. Захарова определяет как «форму отражения, принятия и освоения женщиной своей социальной позиции матери» (1). А.С. Спиваковская рассматривает материнство с точки зрения родительской позиции, которую она видит как «реальную направленность, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка ребенка, выражающаяся в способах и формах взаимодействия с детьми» (5).

Родительская позиция подразумевает наличие реального взаимодействия матери и ребенка и раскрывается путем овладения способами и представлениями о роли ребенка в жизни женщины.

Мы предполагаем, что сам процесс зачатия с помощью ЭКО может оказать влияние на эмоциональное взаимодействие между матерью и ребенком, формирование особенностей которого начинается уже в период ожидания ребенка.

Целью нашего исследования являлось выявление специфики материнской позиции женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО, в сравнении с материнской позиции женщин, беременность которых произошла естественным путем. В частности

нас интересовали особенности детско-родительских отношений между матерью и ребенком, зачатие которого произошло с помощью ЭКО.

В исследовании приняло участие 51 женщина.

Первая группа включала в себя 36 женщин в возрасте от 26 до 40 лет, родивших ребенка с помощью ЭКО. 35 женщин данной группы на момент исследования состояли в официальном браке, 1 женщина – в гражданском, имея от 1 до 2 детей в возрасте от 2 месяцев до 2 лет.

Вторая группа испытуемых состояла из 15 женщин от 29 до 39 лет, родивших ребенка естественным путем и имеющих бесплодие в анамнезе. Женщины этой группы на момент исследования состояли в браке и имели одного ребенка от 5 месяцев до 2,1 лет.

Для того, чтобы выявить особенности эмоционального взаимодействия с ребенком, зачатие которого наступило с помощью ЭКО, мы провели сравнительный анализ показателей обеих групп с помощью методики ОДРЭВ (2).

Анализ показателей особенностей детско-родительского взаимодействия свидетельствует о том, что в обеих группах балл по всем шкалам, кроме «безусловное принятие» и «стремление к телесному контакту» находится ниже критериальных значений. Мы склонны квалифицировать такие результаты как следствие низкой чувствительности по отношению к ребенку в обеих группах при наличии позитивного к нему отношения.

Что касается сравнительного анализа обеих групп, то можно отметить, что из 11 параметров опросника ОДРЭВ (3) по 6 имеются значимые статистические различия между группой женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО и группой женщин, беременность которых наступила естественным путем, а именно: шкала «понимание причин состояния ребенка» (U Манна–Уитни=94,000, $p=0,000$), шкала «чувства матери при взаимодействии с ребенком» (U Манна–Уитни=138,500, $p=0,005$), шкала «преобладающий эмоциональный фон» (U Манна–Уитни=109,500, $p=0,001$), шкала «эмоциональная поддержка» (U Манна–Уитни=35,000, $p=0,000$), шкала «ориентация на состояние ребенка» (U Манна–Уитни=170,000, $p=0,029$), шкала «умение воздействовать на состояние ребенка» (U Манна–Уитни=152,000, $p=0,014$)

Различия по характеристике «понимание причин состояния ребенка» могут быть обусловлены тем, что у женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО, чувствительность к проявлениям ребенка в целом ниже, чем у женщин, беременность которых наступила естественным путем. Ребенок по-прежнему воспринимается как «чудо», которое появилось вследствие стараний и переживаний матери. Такое отношение к ребенку находит свое отражение также в низких показателях характеристики «чувства при взаимодействии». Взаимодействие с ребенком может вызывать дискомфорт по причине недостаточной родительской компетентности. Женщины, беременность которых наступила с помощью ЭКО, могут уставать от общения с ребенком и не чувствовать его любовь. Зачастую это связано с непониманием эмоциональных и поведенческих проявлений ребенка по отношению к матери. Данный факт также подтверждается низкими показателями по шкале «умение воздействовать на состояние ребенка».

Анализируя значимые различия по шкале «оказание эмоциональной поддержки», можно сказать, что женщины, беременность которых наступила с помощью ЭКО, демонстрируют амбивалентное отношение к успехам, не уверены в необходимости поддерживать своего ребенка (детей). С одной стороны они рады успехам своего ребенка (детей), с другой – опасаются того, что не готовы поощрять таковых вследствие убежденности в том, что чрезмерная похвала может сделать ребенка непослушным, неуправляемым. избаловать и вывести поведение ребенка из-под их контроля. Такая родительская некомпетентность вызывает трудности для матери как воспитателя и для ребенка как субъекта усвоения норм и правил, установленных в семье.

Непонимание причин поведения ребенка, неудовлетворенность взаимодействием приводит к тому, что общее отношение к наступившему материнству характеризуется женщинами, беременность которых наступила с помощью ЭКО, общим недовольством, повышением голоса на ребенка, уставанием от общения и отсутствием гармоничного взаимодействия между матерью и ребенком.

В целом стоит отметить, что в большей степени различия между группами затрагивают такое качество, как чувствительность к ребенку и роли матери.

Несмотря на то, что женщины после ЭКО уже стали матерями, беременность для них по-прежнему остается ярко-окрашенным положительным событием, доставлявшим радость и счастье. Наступившее материнство оказывается для них более трудным и дискомфортным явлением в следствии эйфорического и нереалистического представления будущего. Собранные в ходе проведения исследования данные говорят о том, что забота о физическом состоянии ребенка (детей) доставляет им удовольствие и осуществляется на достаточно высоком уровне.

Дисгармоничность эмоционального взаимодействия выражается в отсутствии ориентация на состояние ребенка и, как следствие, в неумении воздействовать на него.

Список литературы

1. Захарова Е.И. Роль ценностно-смысловой ориентировки в психологической подготовке женщины к родам // Журнал практического психолога.–2002.- № 4–5. С. 53–60.
2. Захарова Е.И. Эмоциональная сторона детско-родительского взаимодействия // Психолог в детском саду, 2002г. №1, С.3-29.
3. Макарова А. А. Влияние тревожности во время беременности на развитие диады «мать–ребенок»: Автореф. дис. канд. наук. – Архангельск, 2006.
4. Петрова А. А. Материнские представления об индивидуально-психологических особенностях ребенка как фактор детско-родительского эмоционального взаимодействия. Дисс...канд. психол. наук. М., 2008.
5. Спиваковская А.С. Как быть родителями: (О психологии родительской любви). – М.: Педагогика, 1986.

Мотивы рождения первого и второго ребенка у женщин
«The motives of the birth of the first and second child»

Завгородняя И. В.

*доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВПО Воронежский
государственный университет, кандидат психологических наук, доцент
zavgorodnyai@mail.ru*

Современные тенденции общественного развития, связанные с изменениями отношений к семье и внутри самой семьи, с перераспределением традиционных обязанностей мужчины и женщины, их ролевых позиций и семейных установок, а также государственные программы, направленные на повышение рождаемости и численности населения, приводят к увеличению внимания к факторам, влияющим на репродуктивное поведение личности, в частности, к репродуктивной мотивации.

Исследователи оперируют целым рядом понятий, которые отражают различные аспекты репродуктивной мотивации, и в то же время в современной психологии используются как синонимы: репродуктивная мотивация, мотивация рождения ребенка, мотивы зачатия, мотивы сохранения беременности. Это связано со сложностью и многогранностью самого феномена мотивации, а также с трудностями содержательной дифференциации мотивов и их проявлений.

Анализ исследовательских работ позволяет утверждать, что понятия «мотивы зачатия» и «мотивы сохранения беременности» содержательно используются как синонимы. Однако их употребление осуществляется в рамках определенных контекстов.

К исследованию мотивов зачатия авторы обращаются, анализируя ситуацию зачатия, планирование беременности, подготовку к ней. Начало изучению влияния психосоциальных факторов на зачатие и развитие личности будущего ребенка было положено работами Э.Берна, который выделил «зачаточную установку». Мотивы сохранения беременности преимущественно изучаются в контексте решения вопроса о прерывании или отказа от прерывания наступившей беременности, чаще незапланированной. Данные мотивы могут рассматриваться как альтернативные

мотивам аборта. Выявление мотивов сохранения беременности является одной из ведущих задач преабортного психологического консультирования.

Следует отметить, что мотивы зачатия и мотивы сохранения беременности могут соотноситься с потребностью в наступлении беременности, но не обязательно отражать потребность в материнстве и стремление к рождению ребенка. Беременность, а вовсе не рождение ребенка и ее вынашивание, могут стать конечной целью женщины или пары, длительное время лечившейся от бесплодия. При несформированной личностной зрелости беременность может быть средством доказательства собственной фертильности (с возможностью последующего аборта), бегством от внутреннего ощущения одиночества (ни на миг не оставаться одной), уравниванием статуса с собственной матерью. Это приводит к неготовности к принятию ребенка и необходимой перестройке жизни родителей, что создает неблагоприятные условия для психического развития ребенка.

Для того чтобы акцентировать направленность женщины именно на рождение ребенка и реализацию материнства целесообразно обратиться к понятию мотивов рождения ребенка. Мотивы рождения ребенка – психические состояния личности, побуждающие индивида к достижению разного рода целей и личностной реализации через рождение определенного количества детей.

Ведущие мотивы рождения ребенка разнообразны. Как правило, существует несколько мотивов, которыми руководствуются мужчина и женщина, желая родить ребенка, но какой-то из этих мотивов все же станет основным.

Целью исследования является выявление особенностей мотивов рождения первого и второго ребенка у женщин.

В качестве методик исследования выступили: методика «Мотивы зачатия ребенка» (О.А. Урсова), методика исследования мотивов сохранения беременности (Л.Н. Рабовалюк).

Эмпирической базой исследования являются: МБУЗ ГО г. Воронеж, Женская консультация при городской клинической больнице № 16; Перинатальный центр БУЗ «Воронежская областная клиническая больница № 1»; БУЗ ВО «Семилукская РБ им. А.В. Гончарова».

В исследовании приняли участие 162 беременные женщины, среди них 83 – беременные первым ребенком (25 человек – 1 триместр, 28 человек – триместр, 30 человек – 3 триместр) и 79 беременных вторым ребенком (25 человек – 1 триместр, 25 человек – второй триместр, 29 человек – 3 триместр).

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью критерия U-критерия Манна-Уитни с использованием статистического пакета SPSS 11.0 for Windows.

Полученные результаты позволяют говорить о наличии статистически значимых различий между женщинами, беременными первым и вторым ребенком, по следующим мотивам: мотив сплочения семьи ($U = 260$; $\alpha < 0,01$), мотив заботы и любви ($U = 242$; $\alpha < 0,01$) и мотив счастья ($U = 248$; $\alpha < 0,01$). Обозначенные мотивы больше выражены у женщин, ожидающих второго ребенка. Это свидетельствует о том, что рождение ребенка они связывают с установлением взаимопонимания и близости с мужем, сплочением семьи, решением каких-то семейных проблем, направлены на проявление любви, ласки и заботы по отношению к ребенку, рассматривают его как высшее счастье в жизни, испытывают ощущение счастья, ожидая ребенка.

Обратимся к анализу различий мотивов рождения ребенка у женщин по триместрам беременности. Наибольшее число статистически значимых различий прослеживается у женщин второго триместра, ожидающих второго ребенка. Они обладают более высокими значениями по следующим мотивам:

- мотиву полноты семьи по сравнению с беременными первого триместра, ожидающими первого ребенка ($U = 246$; $\alpha < 0,01$), т.е. женщины, ожидающие второго ребенка, считают, что без него их семья не является достаточно полной и им не хватает ребенка;

- мотиву заботы и любви по сравнению с женщинами второго триместра, ожидающими первого ребенка ($U = 260$; $\alpha < 0,01$), следовательно, женщины, ожидающие второго ребенка, хотят выражать ему свою ласку и любовь, считают, что в жизни надо о ком-то заботиться, прежде всего, о ребенке;

- мотиву продолжения рода, мотиву смысла жизни и мотиву счастья по сравнению с беременными третьего триместра, ожидающими первого ребенка ($U = 248$;

$U = 242$; $U = 260$; $\alpha < 0,01$). Это дает основание говорить, что женщинам, беременным вторым ребенком, достаточно важно оставить после себя определенный след в виде потомства, позволяющего продолжить свой род. Они считают, что их жизнь без ребенка не может быть признана состоявшейся, а ребенок является основным смыслом и высшим счастьем в их жизни, без него жизнь тускла и безрадостна.

Наряду с этим установлено, что у женщин, ожидающих первого ребенка, во втором триместре более высокие значения по мотиву ответственности, чем у женщин третьего триместра, ожидающих второго ребенка ($U = 262$; $\alpha < 0,01$). Это проявляется в том, что беременные, ожидающие первого ребенка, готовы воспринимать его как полноценную и самостоятельную личность, а общение с ним как интересный, ответственный и творческий процесс. Можно предположить, что женщины, не имеющие реального опыта общения со своим ребенком, ожидают видеть его более самостоятельным и независимым, чем женщины, уже имеющие ребенка.

У женщин первого триместра, ожидающих второго ребенка, более высокие значения по мотиву заботы и любви и мотиву воплощения нереализованных планов и желаний матери через ребенка по сравнению с женщинами второго триместра, ожидающих первого ребенка ($U = 260$; $U = 246$; $\alpha < 0,01$). Беременные, ожидающие второго ребенка, направлены на проявление любви и заботы по отношению к нему, но в то же время считают, что их жизнь будет продолжаться через детей, беременность и дети позволят им чувствовать себя кому-нибудь нужной, ребенок будет помощником по дому и в старости.

Женщины третьего триместра, ожидающие второго ребенка, обладают более высокими значениями по мотиву смысла жизни, мотиву счастья и одновременно переживаниям тревоги относительно материнства по сравнению с женщинами второго триместра, ожидающими первого ребенка ($U = 248$; $U = 238$; $U = 260$; $\alpha < 0,01$). Следовательно, женщины, ожидающие второго ребенка, с одной стороны, они видят смысл жизни в ребенке и считают его счастьем своей жизни, а с другой стороны, переживают, что не смогут достаточно заботиться и уделять внимания своему ребенку, считают, что дети не позволят проводить время с мужем, доставляют беспокойство и влекут появление новых проблем.

Полученные результаты изучения мотивов рождения первого и второго ребенка у женщин позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Второй триместр беременности можно рассматривать как сензитивный для становления репродуктивной мотивации как по отношению к конкретному вынашиваемому ребенку, так и в целом.

2. Женщины, ожидающие первого ребенка, более ориентированы на его самостоятельность и независимость, чем женщины, уже имеющие опыт реального взаимодействия со своим ребенком.

3. Спектр репродуктивных мотивов у женщин, ожидающих второго ребенка, шире, чем у женщин, ожидающих первого ребенка. Это дает основание утверждать, что опыт материнства и взаимодействия с детьми актуализирует и развивает мотивы рождения ребенка.

4. Рассматривая мотивы как устойчивые личностные образования, следует отметить, что женщины, изначально обладающие более развитой репродуктивной мотивацией, более склонны к рождению второго и последующих детей.

Отношение к беременности у женщин как системообразующий компонент материнской позиции

Завгородняя И.В.

ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия

zavgorodnyai@mail.ru

Ключевые слова: беременность, отношение к беременности, эмоционально-смысло-телесный комплекс беременности, материнская позиция.

Период беременности играет огромную роль в жизни женщины. Основным выступает решение о вынашивании ребенка, за которым следуют телесные изменения, преобразования в эмоциональной сфере и привычном образе жизни. Меняется

социальная роль женщины, ее ценности и приоритеты, представления о себе, что, несомненно, отражается на отношениях беременной с окружающими, и прежде всего, с членами семьи. Интегральным отражением происходящих преобразований становится отношение женщины к беременности.

Отношение к беременности у женщины складывается на основе интрацептивных ощущений плода и комплекса телесных переживаний, эмоционального реагирования на свое состояние и будущего ребенка, комплекса представлений о беременности и личностного смысла ситуации беременности. С одной стороны, это отношение оказывает влияние на внутриутробное развитие психики ребенка, а с другой – играет важную роль в становлении детско-родительских отношений и стиля воспитания.

Основными аспектами отношений, изучаемых в контексте периода ожидания ребенка, выступают: отношение к беременности, отношение к будущему ребенку и отношение к материнству. Они являются составляющими более общего образования – материнского отношения, основы которого закладываются в период беременности, развитие продолжается при первых контактах с новорожденным ребенком и осуществляется после рождения ребенка.

Анализ существующих на сегодняшний день понятий, отражающих различные психофизиологические аспекты беременности, позволяет говорить об их значительном разнообразии и дает возможность разделить их на три условные группы.

В первую группу можно включить понятия, акцентирующие роль физиологических изменений и телесных ощущений в развитии психологических состояний женщины в период беременности: гестационная доминанта (И.А. Аршавский, 1957); телесно-эмоциональный комплекс беременности (В.И. Брутман, 1996); синдром беременности (Н.В. Боровикова, 1998).

Вторую группу составляют понятия, подчеркивающие изменения психологического состояния (прежде всего эмоционального) в ответ на новые условия существования женщины в материнской позиции: психологический компонент гестационной доминанты (И.В. Добряков, 1996); интрапсихическая картина беременности (Н.А. Марфина, 1997); стиль переживания беременности (Г.Г. Филиппова, 1997); внутренняя картина беременности (В.В. Николаева, Е.Б. Айвазян, Е.Г. Арина,

2002; М.А. Нечаева, 2005); внутренняя материнская позиция (Е.И. Захарова, 2002; Е.Б. Айвазян, 2005).

Понятия третьей группы отражают становление системы «мать-ребенок», начиная с периода беременности: перинатальная психологическая общность (Ю.Б. Шмурак, 1994).

В большинстве определений, раскрывающих содержание указанных понятий, присутствует категория отношения, через которую раскрываются психологические проявления беременности. Это дает основание утверждать, что отношение к беременности выступает системообразующим компонентом становления материнской позиции и поведения, направленных на обеспечение благоприятных условий для развития ребенка.

Основные направления исследований беременности, несмотря на существенные содержательные и понятийные различия, обладают общей линией анализа. Они выделяют эмоциональные переживания беременности, возникающие в ответ на смысловую значимость для женщины ожидания ребенка и происходящие в ее организме телесные изменения. Следовательно, можно говорить о существовании «эмоционально-смысло-телесного комплекса беременности», содержание которого позволяет проследить отношение к беременности.

Основанием для выделения данного комплекса являются работы исследователей, изучающих различные аспекты беременности в контексте отношения женщины к ней. Прежде всего, это выделение и описание стилей переживания беременности (Г.Г. Филиппова) и типов психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД) (И.В. Добряков).

Стиль переживания беременности рассматривается как физическое и эмоциональное переживание момента идентификации беременности, динамику переживаний ее симптоматики по триместрам беременности, переживание шевелений и содержание активности женщины по триместрам (6). Типология стилей переживания беременности (адекватный, тревожный, эйфорический, игнорирующий, амбивалентный, отвергающий) основана на содержании эмоционально-смыслового отношения женщины к своей беременности, но также отражает телесные состояния в период ожидания

ребенка. Прослежена преемственность стилей переживания беременности и материнского отношения.

Психологический компонент гестационной доминанты (ПКГД) представляет собой совокупность механизмов психической саморегуляции, включающихся у женщины при возникновении беременности и направленных на сохранение беременности, создание условий для развития будущего ребенка и формирующих отношение женщины к своей беременности, ее поведенческие стереотипы (2). Типология ПКГД представлена оптимальным, тревожным, депрессивным, эйфорическим и гипогестногностическим (игнорирующим) типами. Каждый из них отражает эмоциональные переживания женщины, отношение к своему здоровью и телесным изменениям.

Другой аспект исследований связан изучением и описанием целостных феноменов субъективной картины беременности. Для этого Н.А. Марфиной предложено понятие «интрапсихическая картина беременности» (ИКБ) (3). ИКБ – вся совокупность переживаний и отношений личности в связи с беременностью, интериоризацией материнской роли, трансформацией социальной позиции, обусловленной предстоящим родительством в контексте самоактуализации. Автор предлагает типологию ИКБ, основанную на личностном смысле беременности: гармонический, инфантильно-эгоцентрический, психофизиологическо-самоактуализационный и пассивно-негативный типы. Выделенные типы выступают в качестве социально-психологических факторов, оказывающих влияние на развитие позднего токсикоза. Подчеркивается, что физиологические особенности процесса гестации зависят от содержательной стороны личностных смыслов.

Субъективная картина беременности также изучается в рамках исследований внутренней картины беременности (ВКБер) (4, 5). ВКБер – психологическое новообразование, формирующееся в контексте онтогенеза материнской сферы женщины и проявляющееся развернуто в период беременности. Она характеризуется восприятием, осознанием, переживанием беременности и отношением к этому состоянию.

Третий аспект исследований беременности связан с изучением телесных проявлений во время беременности и отношения к ним женщины. Г.А. Арина (см. 5)

предполагает проявление механизма «когнитивного подтверждения аффективного отношения» у беременных, который заключается в субъективной оценке женщинами размеров собственного живота в соответствии с отношением к беременности. При позитивном отношении наблюдается радость по поводу заметного увеличения живота или разочарование в случае кажущихся недостаточно выраженных размеров фигуры. При негативном отношении к беременности прослеживается отрицательная оценка увеличившегося живота. При амбивалентном отношении присутствует гордость в связи с длительным сохранением стройности.

На восприятие телесных изменений в соответствии с личностным смыслом беременности обратил внимание В.И. Брутман (1). Он описал телесно-эмоциональный комплекс беременности у женщин-отказниц. В случае нежеланной беременности автор выделяет два варианта состояний – атиофориогнозия (игнорировании ее симптомов, «забывании» беременности) и гиперпатия беременности (резко негативные ощущения и переживания, поиск путей плодозгнания, инфантицидные фантазии).

Эмоционально-смысло-телесный комплекс беременности – состояние женщины во время беременности, характеризующееся эмоциональным переживанием симптоматики беременности на фоне ее личностно-смысловой оценки. В его содержании проявляется отношение к беременности.

Отношение к беременности – это личностно значимое эмоционально-образное отражение женщиной состояний беременности, сопровождающееся характерным поведением. Оно является одной из составляющих материнского отношения, наряду с отношением к будущему ребенку и к материнству.

Целью проводимого исследования является выявление отношения к беременности у женщин.

В качестве базы эмпирического исследования выступили МБУЗ ГО г. Воронеж, Женская консультация при городской клинической больнице № 16; БУЗ ВО «Семилукская РБ им. А.В. Гончарова». Объектом эмпирического исследования являются беременные первым ребенком женщины 1-3 триместров в возрасте от 20 до 35 лет, соматически здоровые, с первой неосложненной беременностью, состоящие в первом

браке. Общий объем выборки составил 90 человек (28 беременных 1 триместра, 29 беременных 2 триместра и 33 беременные 3 триместра).

В качестве методик исследования выступили: Тест отношений беременной (ТОБ) (И.В. Добряков); «Цветовой тест отношений» (ЦТО) (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд); Проективная рисуночная методика «Моя беременность» (Г.Г. Филиппова).

Применение методики Теста отношений беременной (ТОБ) (И.В. Добряков) позволило выявить типы психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД) у беременных, дающие возможность проследить их отношение к беременности.

Полученные результаты свидетельствуют о преобладании у беременных женщин оптимального ПКГД (среднее значение – 4,5). Это выражается в том, что большинство беременных с радостью, ответственно, без лишней тревоги относятся к беременности, адекватно реагируют на возникающие трудности, стараются конструктивно с ними справляться. Беременность не заставляет женщину существенно менять образ жизни, поскольку рождение ребенка входило в ее жизненные планы, однако при необходимости она идет на требуемые ограничения. Беременной комфортно в обществе родных и близких, отношения с ними благоприятные. Беременность, как правило, желанна обоими супругами. Отношения с мужем теплые и гармоничные. Женщина старается представлять себе ребенка, общается с ним. Отношение к ребенку характеризуется любовью и ответственностью.

Следующим по мере выраженности является эйфорический тип ПКГД (среднее значение – 2,75). Данный тип характеризуется повышенным тоном настроения женщин, выраженной позитивностью и высокой уверенностью в благополучном течение беременности и исходе родов. Однако эйфория приводит к нечувствительности беременных к объективной реальности. При наступлении беременности женщины становятся претенциозными, требующими к себе повышенного внимания и особого отношения. Нередко это создает напряженность в отношениях с окружающими людьми. При этом беременные считают, что они становятся еще привлекательнее в глазах мужа, могут манипулировать им для изменения отношения к себе. Женщины декларируют чрезмерную любовь по отношению к будущему ребенку, любят фантазировать по поводу того, как он выглядит, каким будет после родов. Они уверены, что ребенок будет

самым лучшим, самым умным, самым красивым. Подобное фантазирование может приводить к разочарованию при первой встрече с ребенком после родов. В целом отношение женщины к возможным проблемам беременности и материнства не критично.

Менее выраженным по сравнению с предыдущими типами является тревожный тип ПКГД (среднее значение – 0,8). Он отличается высокой тревожностью беременных как устойчивой личностной характеристикой. Для них наступление беременности связано с возникновением дурных предчувствий, постоянным нервным напряжением. Женщины боятся осложнений беременности, постоянно беспокоятся о будущем ребенке. Им кажется, что муж стал к ним хуже относиться, возникают опасения остаться одной с ребенком. Полагают, что в родах может что-то нехорошее случиться либо с ними, либо с ребенком, либо с обоими. Они относятся к беременности как к соматическому болезненному состоянию.

Близким по выраженности к тревожному типу является гипогестогнозический тип ПКГД (среднее значение – 0,7), который характерен для женщин с явным или скрытым бессознательным неприятием беременности. Женщины с данным типом ПКГД как бы забывают о беременности, стараются не замечать ее проявления, не склонны менять свой образ жизни. Отношение мужчины к наступившей беременности часто не интересует женщину. Родным и близким о беременности либо не сообщается, либо не придается этому особого значения. Ребенка женщина старается не замечать даже после начала шевелений, не предпринимает попыток установить с ним контакт, не представляет себе, каким будет ребенок.

Наименее выраженным является депрессивный тип ПКГД (среднее значение – 0,1), проявляющийся резко сниженным фоном настроения беременной. Женщина, мечтавшая о ребенке, может утверждать, что не хочет его, не верит в свою способность выносить и вырастить здорового ребенка, боится умереть в родах, стать плохой матерью. Беспокоятся, что их ребенок будет каким-нибудь неполноценным. Часто возникают идеи о собственном уродстве, т.е. дисморфоманические идеи. Женщины считают, что беременность изуродовала их, боятся быть покинутой мужем, часто плачут, если в семье не понимают, что женщина нездорова, это действительно может ухудшить ее отношения

с родными. Это еще больше усугубляет состояние беременной. Такие женщины особенно нуждаются в помощи психотерапевта.

Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о преобладании позитивного отношения женщин к своей беременности, готовности преобразовывать свой образ жизни в соответствии с изменившимся состоянием в связи с ожиданием будущего ребенка. Большинство женщин рады наступившей беременности, направлены на установления контакта с будущим ребенком, положительно воспринимают происходящие изменения. Однако наличие эйфорических проявлений отношения к беременности может создавать излишний оптимизм, вызывать переоценку собственных возможностей и приводить к некритичности в отражении своего состояния и жизненной ситуации в целом.

Изучение отношения к беременности у женщин также осуществлялось с помощью методики «Цветовой тест отношений» (ЦТО) (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд). Согласно полученным результатам наиболее часто выбираемыми женщинами цветами являются желтый, зеленый и красный. Желтый цвет выбран большинством беременных для обозначения отношения к ребенку (55,5 %), к беременности (52,3 %), к грудному вскармливанию (36,7 %), к себе во время беременности (30,0 %) и к близким родственникам (26,6 %). Это подчеркивает позитивность отношения женщин к данным категориям. Беременные испытывают радостные надежды, ожидание большого счастья в связи с вынашиванием и рождением ребенка, а также последующим грудным вскармливанием. Принимают себя и свое состояние, готовы к предстоящим изменениям. Женщины направлены в будущее, стремятся к происходящим изменениям, проявляют веселость и общительность при взаимодействии с близкими родственниками. Для беременных свойственна потребность надеяться на будущее, быть эмоционально вовлеченными в жизненные события и защищенными в социальном плане.

Зеленый цвет выбран беременными преимущественно для обозначения здоровья во время беременности (34,6 %) и образа жизни во время беременности (33,4%). Следовательно, в период беременности для женщин актуальна потребность в самоутверждении, в отстаивании собственных позиций, особенно применительно к складывающемуся образу жизни и состоянию здоровья, что может быть связано с

некоторой сопротивляемостью происходящим изменениям. В плане здоровья и образа жизни беременные могут проявлять настойчивость, упрямство, желание привести все в порядок, испытывать самоуважение и производить впечатление.

Красный цвет преимущественно выбран для обозначения родов (35,6 %), что свидетельствует об активном отношении к данному процессу, необходимости проявления силы воли, целенаправленности, высокой поисковой активности, возможно даже агрессивности. Отношение к родам основано на потребности действовать, добиваться успеха. Однако следует отметить, что именно по отношению к родам присутствует наибольшее количество выборов фиолетового цвета (15,5 %). Это может свидетельствовать о затрудненности адаптации к процессу родов, эмоциональной противоречивости, основанной на потребности в уходе от реальной действительности, сглаживанию предстоящих трудностей. Отношение к мужу связано с выбором двух цветов – синего (23,4 %) и красного (22,2 %). Следовательно, с одной стороны, беременные относятся к мужу с позиции потребности в привязанности и удовлетворенности, в том числе и как к возможности достижения внешней защиты, эмоционального комфорта и покоя. Женщины испытывают по отношению к мужу нежность, спокойствие, доверие, сопереживание. С другой стороны, беременными муж воспринимается как источник активности, силы воли, сексуальности, целенаправленности, возможно даже властности, а также потребности действовать, лидировать. Это подчеркивает важность роли мужа, будущего отца ребенка для ощущения социальной защищенности беременной женщины и гармонизации ее психологического состояния во время ожидания и рождения ребенка.

Следует отметить выбор серого цвета (18,9 %) по отношению к грудному вскармливанию как наиболее часто встречающийся из перечня других категорий отношения к беременности. Это указывает на невключенность некоторых женщин в размышления о предстоящем кормлении грудью ребенка, отсутствие таких обязательств в данный период времени, успокоение и пассивность. Однако такое отношение к грудному вскармливанию может олицетворять его низкую значимость для женщины и отсутствие стремления кормить ребенка грудью, что требует внимательного отношения со стороны специалистов. Применение проективной рисуночной методика «Моя

беременность» (Г.Г. Филиппова) позволило дополнить полученные данные по изучению отношения женщин к беременности.

Результаты свидетельствуют о том, что для большинства женщин в отношении к беременности характерны тревога и некоторая неуверенность в себе (54,5 %). Они могут проявляться в связи с изменениями собственного физического и психологического состояния, в связи с отсутствием навыков установления контакта и ухода за ребенком, в связи с материальными и социальными трудностями. Тревога и неуверенность в себе вполне характерны для первой беременности, поскольку непосредственный опыт вынашивания, рождения и последующего взаимодействия с ребенком отсутствует. Соотношение результатов, полученных с помощью рисуночной методики «Моя беременность» и Теста отношений беременной (ТОБ), позволяет предположить, что проявления эйфории на протяжении первой беременности могут служить своеобразной маскировкой тревожного состояния, выявляемого более четко с помощью проективной методики, нежели с помощью опросника. Это свидетельствует о важности обращения внимания специалистов, работающих с беременными, на наличие эйфорических состояний, снижающих критичность и мешающих адекватной подготовке к рождению ребенка. Принятие беременности выявлено у 28,8 % беременных. Это проявляется в позитивном отношении к беременности, принятии ребенка и своего состояния, что связано с осознанием своего состояния, адаптацией, снижением дискомфорта. Принятие беременности может выступать проявлением психологической готовности к материнству, а также основываться на реальном опыте взаимодействия с детьми родственников и близких. Конфликт с беременностью прослеживается у 16,6 % беременных, что проявляется в виде неприятия беременности, переживания дискомфорта от физического состояния, резких отрицательных эмоций при идентификации беременности и начале шевелений, наличия страхов перед родами, что создает риск развития депрессивных состояний.

Таким образом, в качестве основных выводов по результатам изучения отношения к беременности у женщин можно сформулировать следующие:

1. У большинства беременных первым ребенком женщин наблюдается оптимальное, позитивное отношение к беременности и к будущему ребенку. Они

испытывают радостные надежды и ожидания счастья в связи вынашиванием и рождением ребенка, принимают себя и свое состояние, направлены на общение и взаимодействие с близкими родственниками, испытывают потребность в социальной защищенности. Достаточно часто позитивное отношение к беременности окрашивается эйфорией, которая снижает критичность восприятия своего состояния и возможностей и отражается на взаимодействии с окружающими, прежде всего с мужем.

2. Для периода беременности характерно наличие тревожного отношения к своему состоянию и к происходящим изменениям, что связано с неопределенностью ситуации вынашивания и рождения первого ребенка.

3. У беременных прослеживается настойчивое отношение и стремление отстаивать собственные позиции применительно к образу жизни и здоровью, что основывается на некоторой сопротивляемости происходящим изменениям, потребности в самоутверждении в связи с переходом к новой социальной роли.

4. Для большинства беременных характерно активное отношение к родам, проявляющееся целеустремленностью, высокой поисковой активностью, желанием действовать и добиваться успеха при наличии эмоциональной противоречивости, стремлении минимизировать предстоящие трудности.

5. Отношение к мужу у беременных отличается проявлением нежности, спокойствия, доверия, потребности в привязанности, с одной стороны, и видением в нем источника активности, силы воли, потребности действовать, с другой. Это подчеркивает значимость роли мужа и будущего отца для гармонизации психологического состояния беременной женщины и ее ощущения социальной защищенности.

Список литературы

1. Брутман В. И. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В. И. Брутман, М. С. Радионова // *Вопр. психологии.* – 1997. – № 6. – С. 38–47.

2. Добряков И.В. Перинатальная психология / И.В. Добряков – СПб. : Питер, 2010. – 272 с.

3. Марфина Н.А. Соматопсихологические и психосоматические соотношения при позднем токсикозе с гипертензивными нарушениями у беременных : автореф. дис. ... канд. мед. наук / Н.А. Марфина. – Уфа, 1997. – 24 с.

4. Нечаева М.А. Психологические факторы онтогенеза материнской сферы, внутренней картины беременности и перинатального развития / М.А. Нечаева, Л.Ф. Рыбалова, А.В. Штрахова. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2005. – 60 с.

5. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику / В.В. Николаева. – М. : МГУ, 1987. – 214 с.

6. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учеб. пособие / Г.Г. Филиппова. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.

Качество межличностных отношений как условие принятия родительской позиции

Захарова Е.И.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

E-I-Z@yandex.ru

Появление ребенка в семье становится значимым жизненным событием для любого человека, открывающим для него новый период жизни. Признавая его исключительную значимость, о периоде вступления в родительство приходится говорить как о кризисном для взрослого человека становящегося родителем. Перед ним встает новая задача развития, которая может быть обозначена как освоение новой социальной позиции [1]. Существующая как социо-культурный феномен родительская позиция должна быть не только освоена в ходе осуществления родительской деятельности, но и присвоена. Взрослый человек становится родителем тогда, когда принимает новую для

себя роль в качестве составляющей собственной личности, трансформирует внешнюю социальную позицию во внутреннюю позицию родителя. Успешность этого «превращения» зависит от многих условий.

В данном случае мы хотели сосредоточить свое внимание на одном из них – зрелости личности родителя. С учетом того, что категория «зрелость» определена в психологии далеко не однозначно, приходится говорить о ней как о сложном образовании, в структуре которого можно выделить несколько содержательных компонентов [4]. Выделение видов зрелости обусловлено наличием нескольких линий развития человека, в каждой из которых можно обозначить свои «вершины». Так, представляется возможным наметить такие линии как: развитие межличностных отношений (социальное развитие), совершенствование способности к организации деятельности (познавательное развитие и саморегуляция) и развитие самосознания (личностное развитие).

Целью нашего исследования стал анализ связи успешности становления родительской позиции со зрелостью личности определяющей качество ее межличностных отношений. Традиционно в качестве характеристик зрелости личности в сфере межличностных отношений называют способность любить и заботиться, сочувствие, эмпатия, терпимость, принятие, позитивное самоотношение [2].

В качестве задач исследования выступили:

- анализ связи успешности присвоения родительской позиции с наличием у женщин таких качеств личностной зрелости, как эмпатия, толерантность и близость в межличностных отношениях;

- анализ связи успешности присвоения родительской позиции с наличием у женщин позитивного отношения к себе как качества зрелой личности.

В исследовании приняли участие 40 беременных первым ребенком женщин в возрасте от 21 года до 37 лет, без медицинских проблем в анамнезе. Женщины находились на сроках беременности от 20 до 37 недель.

Средствами реализации задач исследования стали такие методики, как рисуночная методика «Я и мой ребенок», методика незаконченных предложений, направленная на диагностику присвоения родительской позиции в целом и таких параметров

родительской позиции, как зависимость от ребенка; руководство поведением ребенка, ответственность за него; эмоциональная поддержка, удовлетворение потребности ребёнка в любви и уважении. Данные, полученные с помощью указанных средств, отличались высокой степенью согласованности.

С целью определения зрелости в сфере межличностных отношений ожидающих ребенка женщин были использованы такие методики, как методика диагностики уровня эмпатических способностей и методика оценки коммуникативной нетерпимости В.В. Бойко, а также опросник самоотношения В.В. Столина [3].

Анализ качества отношений по группе в целом показал, что для опрошенных характерен низкий уровень эмпатии (ниже среднего), средний уровень коммуникативной нетерпимости, очень высокий уровень глобального самоотношения и почти всех его компонентов. Однако иерархический кластерный анализ показателей позволил разделить выборку на две группы. Первая группа, в которую вошло 80% выборки, отличалась более высоким уровнем таких качеств зрелости личности, как эмпатия, толерантность и позитивное самоотношение. Вторая группа женщин (20% выборки) не обладала указанными качествами, что позволило говорить о низком уровне их зрелости в межличностных отношениях.

Статистический анализ свидетельствует о значимости зафиксированных различий по всем указанным параметрам. Использование критерия Манна-Уитни позволяет с уверенностью говорить том, что женщины первой группы обладают более высоким уровнем идентификации в эмпатии (значение критерия $U = 31,500$ при уровне значимости $p < 0,005$), более высоким уровнем самоуважения (значение критерия $U = 66,000$ при уровне значимости $p < 0,005$) и самопринятия (значение критерия $U = 44,500$ при уровне значимости $p < 0,005$), более высоким уровнем ожидаемого отношения от других (значение критерия $U = 44,000$ при уровне значимости $p < 0,005$), более высоким уровнем саморуководства (значение критерия $U = 62,500$ при уровне значимости $p < 0,005$). Кроме того, женщин из первой группы отличают более низкие значения коммуникативной нетерпимости (различия значимы на уровне $p < 0,001$). Указанные различия свидетельствуют о том, что женщины первой группы обладают способностью понять другого человека на основе сопереживания, поставив себя на его

место. Они в большей степени склонны высоко оценивать себя на основании социально значимых критериев и испытывают более сильное чувство симпатии к себе. Живя в согласии со своими внутренними побуждениями, они в большей степени склонны принимать себя со всеми достоинствами и недостатками. Отношение к себе окружающих людей они видят в большей степени доброжелательным, да и сами они более терпимы во взаимодействии с ними.

Высказанное предположение получило подтверждение при сравнении особенностей присвоения родительской позиции женщинами двух выделенных групп. Анализ результатов рисуночной методики «Я и мой ребенок» показал недостаточную степень присвоения женщинами родительской позиции. В группе женщин с высокой степенью зрелости социальных отношений только в 33% случаев было зафиксировано наличие позитивного отношения к родительской позиции, в то время как принимающие родительскую позицию женщины во второй группе отсутствовали.

Подтверждение зафиксированной тенденции было получено с помощью методики незаконченных предложений. Обладающие высоким уровнем зрелости социальных отношений женщины, в большей степени склонны принимать как отдельные элементы родительской позиции, так и ее в целом.

Среднее количество высказываний, которые относятся к категории «принятие родительской позиции в целом», у зрелых женщин составляет 13,3, у незрелых – 9,6. Эти различия значимы на уровне $p < 0,005$; значение критерия Манна-Уитни составляет $U = 40,500$.

Среднее количество высказываний, которые относятся к категории «принятие ответственности», у зрелых женщин составляет 4,2, у незрелых – 3,1. Эти различия значимы на уровне $p < 0,05$; значение критерия Манна-Уитни составляет $U = 59,000$.

Среднее количество высказываний, которые относятся к категории «принятие эмоциональной поддержки», у зрелых женщин составляет 5,0, у незрелых – 3,5. Эти различия значимы на уровне $p < 0,005$; значение критерия Манна-Уитни составляет $U = 43,500$.

Итак, результаты эмпирического исследования позволяют сделать выводы о том, что:

1. Такие качества зрелой личности, как эмпатия, толерантность и позитивное отношение к себе составляют единый комплекс, наличие которого свидетельствует о зрелости личности в сфере выстраиваемых социальных отношений;

2. Женщины, отличающиеся зрелостью социальных отношений, демонстрируют высокую готовность к принятию родительской позиции. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что:

– Значительный вклад в успешное принятие такого аспекта родительской позиции, как зависимость от ребенка, вносит эмпатия. Наибольшую роль при этом играет развитость у женщины интуитивного канала эмпатии

– Успешность присвоения родительской позиции значимо связана с уровнем таких компонентов самоотношения, как самоуверенность ($p < 0,05$) и отраженное отношение к себе ($p < 0,05$). Данные качества позволяют женщине построить благоприятный прогноз в отношении ее успешности в новой для нее материнской роли. Она более спокойно и уверенно приступает к ее освоению.

– Серьезным препятствием на пути присвоения родительской позиции становится коммуникативная нетерпимость.

Опираясь на результаты исследования можно с уверенностью сказать о том, что успешность овладения родительской ролью подготавливается всем ходом личностного развития.

Список литературы

1. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: науч. моногр. М.: ИИУ МГОУ, 2014.
2. Олпорт Г. Структура и развитие личности // Становление личности: Избр. труды. М.: Смысл, 2002.

3. Практическая психодиагностика : методики и тесты / ред. - сост. Д. Я. Райгородский. - Самара : Бахрах-М, 2011.
4. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.

Психологические особенности девушек, имеющих абортированных сиблингов
Psychological characteristics of women with aborted siblings

Козырева В. В.

доцент кафедры социальной и общей психологии Российского государственного социального университета, кандидат психологических наук, Москва, Россия

val_kozyreva@mail.ru

Проблема абортa находится в числе тех, которые можно оценить как острейшие на сегодняшний день, когда социальный заказ общества на жизнь без абортa, на исправление демографической ситуации необычайно вырос.

История изучения этого вопроса в психологии началась с психоаналитиков. Одной из первых психоаналитиков, кто сосредоточился на ранних отношениях ребенка с матерью как главном факторе развития личности, была Мелани Кляйн. Она подчеркивала, что новорожденный страдает от тревоги преследования, которая актуализируется травмой рождения и утратой внутриутробного состояния. Затянувшиеся же или чем-то осложненные роды могут усилить эту тревогу. Помимо этого, есть и другой источник опасности для ребенка – это фрустрирующие внешние условия и поведение матери, особенно если речь идет о нежеланной беременности. Страх преследования и депрессивная тревога – главные факторы психического развития младенца, а если его появление на свет не приносит радости его матери, то уровень их воздействия намного выше, особенно если учитывать, что именно они лежат в основе формирования психических расстройств [1].

Алисон Хантер и Шерли Уорд, опираясь на гипотезу Франка Лейка о том, что через пуповину плоду передается любой травматичный опыт, пережитый матерью во время беременности, обнаружили, что все события внутриутробного периода и процесса родов навсегда отпечатываются в подсознании в виде некоего первичного сценария. Например, если плод перед рождением был перевернут, такие люди впоследствии в жизни ходят кругами, боятся браться за новое дело. Людям, извлеченным с помощью щипцов, свойственна двойственность, а серьезная болезнь матери во время беременности может привести к тому, что ребенок сам будет всю жизнь болеть, неся ее (болезнь) как воспоминание. Они утверждали, что плод, переживший попытку неудачного аборта, помнит о своей нежеланности и о грозящей ему опасности, и это в будущем может негативно влиять на развитие его личности [6].

Перенесенным абортам большое внимание уделяется в краткосрочной системно-семейной психотерапии и феноменологическом подходе Берта Хеллингера. В ходе работы с расстановками часто вскрывается масса проблем, связанных именно с прерванной в прошлом беременностью. Эти проблемы могут касаться всех членов семьи, в том числе и рожденных в такой семье детей. По его мнению, влияние умерших на живущих, как и живущих на умерших, взаимно. Особенно велико это влияние со стороны исключенных умерших, к которым как раз и относятся абортированные дети. Дети, сиблинги которых были абортированы, имеют ослабленную связь с матерью, у них подавлено чувство близости с ней [7]. М. В. Луковникова обосновывает это существованием между абортированными и живыми детьми сильной лояльности. Для живых детей очень важно, чтобы мама любила всех детей одинаково, а иначе из лояльности к умершим они отказываются брать мамину любовь. Это может стать предпосылкой наркомании или алкоголизма [2]. Кроме того, дети испытывают бессознательный страх, что мама поступит с ними точно также [5, с. 39]. В то же время для таких детей характерен самый жутких страх – потерять маму навсегда.

Филипп Дж. Ней и Мари Э. Питерс-Ней в книге «Уцелевшие от аборта» рассматривают так называемый синдром «уцелевшего от аборта», иначе его еще называют «синдром выжившего». Основной чертой синдрома выжившего, по их мнению, является то, что человек ощущает себя не заслуживающим жить и радоваться

жизни. Кроме того, для них свойственна вина (им представляется нечестным то, что их близких абортiroвали, а они остались в живых), экзистенциальная тревога (выражающаяся в чувстве обреченности), тревожная привязанность, недоверие, подозрительность, трудности с налаживанием преданных отношений, неуверенность, нерешительность, страхи. Среди десяти типов «синдрома выжившего» в качестве одного из типов они выделяют уцелевших сиблингов - тех, в чьих семьях были абортiroваны их братья или сестры либо до, либо после их рождения [3]. О.Ю. Сумарин, изучая влияние абортiroванных детей на членов родовой системы, с помощью авторского метода построения ментальной карты также доказал, что исключенные из родовой системы негативно влияют на остальных ее членов, а это, в свою очередь, приводит к тому, что другие ее участники могут идентифицировать себя с ними, жертвуя собой и приобретая определенную симптоматику [4]. Все данные, которые свидетельствуют о том, что все-таки существует взаимосвязь между опытом прерванной беременности матери и особенностями рожденных ею детей, были получены в основном в ходе наблюдения и работы с такими семьями с точки зрения системного семейного подхода последователями Б. Хеллингера и, соответственно, им самим. Поэтому нами было проведено эмпирическое исследование тех, кто оказался в числе «уцелевших от аборта».

Выборку исследования составили две группы девушек в возрасте 20 - 27 лет без детей. Первая группа состояла из тех, которые имели абортiroванных сиблингов до или после их рождения и знали об этом, вторая – из тех, у матерей которых никогда не было опыта прерванной беременности.

С помощью опросника межличностной вины IGQ (L.E. O'Connor, J.W. Berry, J. Weiss, M. Bush и H. Sampson), методики оценки доверия/недоверия личности миру, другим людям, себе (А.Б. Купрейченко), опросника «Анализ семейной тревоги» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис), опросника «Психологическая готовность к материнству» (Ю.Е. Скоромная), опросника интимности отношений (Д.Д. Бернс), опросника «Профиль аттитюдов по отношению к смерти - переработанный (DAP-R)» (П.Т.П. Вонг, Г.Т. Рикер и Дж. Гессер) были получены интересные результаты. Обозначим лишь некоторые из них.

Итак, значимыми оказались различия по таким шкалам, как «сниженная самооценка», «отчаяние», «семейная вина члена семьи», «семейная тревожность члена семьи» и «общая семейная тревожность», причем все эти показатели оказались значимо выше в группе девушек, имеющих абортированных сиблингов (при $p \leq 0,05$). Кроме того, были изучены взаимосвязи между показателями в группе девушек, имеющих абортированных сиблингов. Так, сниженная самооценка (выражающаяся в ощущении собственной незначительности, безнадежность и отчаяние в попытках улучшить свои взаимоотношения) положительно коррелирует с виной выжившего (0,353 при $p \leq 0,05$) и нейтральным отношением к смерти (0,418 при $p \leq 0,05$). Кроме того, сниженная самооценка отрицательно коррелирует с доверием другим людям в умении сотрудничать (-0,445 при $p \leq 0,01$). Отчуждение и изоляция положительно коррелирует с семейной виной члена семьи (0,384 при $p \leq 0,05$), семейной тревожностью члена семьи (0,365 при $p \leq 0,05$), общей семейной тревожностью (0,417 при $p \leq 0,05$), семейной напряженностью (0,343 при $p \leq 0,05$). Бегство от одиночества положительно коррелирует с семейной виной члена семьи (0,502 при $p \leq 0,01$), семейной тревожностью члена семьи (0,616 при $p \leq 0,001$), общей семейной тревожностью (0,627 при $p \leq 0,001$), семейной напряженностью (0,525 при $p \leq 0,001$). Отчаяние положительно коррелирует с семейной виной члена семьи (0,475 при $p \leq 0,05$), общей семейной тревожностью (0,523 при $p \leq 0,001$), семейной напряженностью (0,418 при $p \leq 0,05$) и обратно коррелирует с доверием другим людям в умении сотрудничать (-0,372 при $p \leq 0,05$). Недоверие миру и другим людям как опасным объектам положительно коррелирует со страхом самораскрытия (0,388 при $p \leq 0,05$), неуверенностью (0,460 при $p \leq 0,05$) и избеганием критики (0,405 при $p \leq 0,05$). Страх связи отрицательно коррелирует с доверием себе в умении строить взаимоотношения с окружающим миром и другими людьми (-0,356 при $p \leq 0,05$) и доверием себе в умении давать оценки и делать прогнозы (-0,349 при $p \leq 0,05$). Депрессия положительно коррелирует с семейной виной члена семьи (0,513 при $p \leq 0,01$), виной выжившего (0,401 при $p \leq 0,05$) и семейной напряженностью (0,456 при $p \leq 0,001$). Семейная тревожность члена семьи отрицательно коррелирует с готовностью к материнству (-0,335 при $p \leq 0,05$).

Выявленные и описанные психологические особенности подтвердили выводы Б. Хеллингера и его последователей относительно того негативного воздействия, который

оказывает опыт прерванной беременности матери на детей. Но, несмотря на это, многие вопросы по-прежнему остаются открытыми. Например, многие противники данного подхода объективно отмечают то, что практически никем не описаны механизмы воздействия абортов матери на ее рожденных детей. Негативные последствия могут быть вызваны и особым отношением самой матери к ее детям, и осведомленностью этих детей об абортах, совершенных в их семье, и, возможно, наличием «генетического следа» в теле матери, как, например, считают волновые генетики. Но экспериментальных доказательств всего этого, к сожалению, пока недостаточно, в связи с чем практическая значимость будущих исследований в этом направлении необычайно высока.

Список литературы

1. Кляйн М. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
2. Луковникова М.В. Аборт [Электронный ресурс] // Психологический центр системного семейного и организационного консультирования. URL: <http://расстановки-нн.рф> (дата обращения 22.12.2014).
3. Ней Ф. Выжившие после абортов [Электронный ресурс] // Реалисты. URL: <http://www.realisti.ru> (дата обращения 22.12.2014).
4. Сумарин О.Ю. Влияние наличия абортированных детей (абортов) на членов родовой системы [Электронный ресурс] // Сумарин Олег Юрьевич. URL: <http://sumarin.ru> (дата обращения 22.12.2014).
5. Уиллке Д., Уиллке Б. Мы можем любить их обоих. Аборт: вопросы и ответы. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2003.
6. Хантер А., Уорд Ш. Развитие терапии родовых и внутриутробных травм // Пренатальная терапия. М.: МИЦЧ «СанРэй», 1998. С. 113-145.
7. Хеллинггер Б. Порядки любви. Как жизнь и любовь удаются вместе. М.: [Институт консультирования и системных решений](#), 2013.

**О материнских представлениях и ожиданиях по отношению к детям раннего
возраста, зачатым спонтанно и при помощи ЭКО**
**Mother perceptions and expectations to early-aged children, conceived spontaneously and
through IVF**

Ланцбург М. Е., Соловьева Е. В.

*доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии образования,
руководитель Научного центра перинатальной психологии, Московский городской
психолого-педагогической университет; кандидат биологических наук, Москва, Россия*

lantsburgme@mgppri.ru

*старший научный сотрудник Научного центра перинатальной психологии, Московский
городской психолого-педагогической университет, Москва, Россия*

solovevaev@mgppri.ru

Взаимодействие ребенка раннего возраста с миром опосредовано близким взрослым. На характер отношения матери к ребенку влияют восприятие ею ребенка и ожидания от него. В последние десятилетия растет число детей, зачатых при помощи вспомогательных репродуктивных технологий, однако до сих пор остается недостаточно изученным характер материнско-детского взаимодействия с такими детьми.

Описание выборки

Выборка была составлена из 170 диад «мать-ребенок»: 80 диад с детьми, зачатыми с помощью ЭКО (группа ЭКО) и 90 диад с детьми от спонтанной беременности (группа СБ). Обследование проводилось в Центре планирования семьи и репродукции г. Москвы и в детских дошкольных учреждениях № 2613, № 1798, № 2336 г. Москвы. Границы возраста детей обеих групп на момент исследования – от 12 до 37 месяцев, средний возраст в группе ЭКО - $20,0 \pm 0,91$ месяца, в группе СБ - $20,6 \pm 0,84$ месяцев. Половозрастные показатели детей, а также основные социально-демографические показатели семей в группах не имеют значимых различий.

Описание методики

Опросник «Родительские оценки детей» (РОД) [1], разработанный М.Е. Ланцбург, является модификацией известной методики диагностики самооценки и уровня притязаний Дембо-Рубинштейн (1970). Наименование шкал было подобрано с учетом психологических характеристик детей раннего возраста и особенностей их восприятия взрослыми. Участницам было предложено дать оценку различным качествам своих детей (актуальная оценка) и указать уровень ожиданий (желаемая оценка) по пяти вертикальным шкалам размером 100 мм: здоровье, сообразительность, характер, самостоятельность, внешность. В соответствии с высотой поставленной отметки ответ получал количественную характеристику в баллах, равную расстоянию в миллиметрах от нижней границы шкалы до соответствующей метки (максимальная оценка, соответственно, равна 100 баллам). По каждой из шкал мы определяли для конкретного ребенка актуальную оценку, уровень ожиданий матери и меру дифференцированности Δ - значение расхождения между уровнем ожиданий и уровнем оценки, и далее рассчитывали среднегрупповые значения по всем трем показателям.

Обработка данных проводилась при помощи программы SPSS Statistics 19. Исследуемые признаки не имеют нормального распределения, поэтому достоверность различий проверялась с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни; расчет корреляций производился с использованием корреляций по Спирмену.

Описание результатов

Все актуальные оценки по всем качествам детей оказались выше 75 баллов, а желаемые оценки - выше 90 баллов, что превосходит характерные значения, отмеченные ранее исследователями при изучении самооценки младших школьников, подростков и взрослых [3; 6]. Такое расхождение может быть объяснено тем, что дети раннего возраста сохраняют черты гештальта младенчества [5], вызывающие позитивные эмоции у ухаживающих за ними взрослых.

В обеих группах по всем показателям медианы оказались выше средних арифметических значений, следовательно, большая половина матерей в обеих группах дают оценки своим детям выше среднегрупповых, и также больше половины матерей обозначают свой уровень ожиданий от детей выше средних значений в группе.

Наибольшие ожидания у матерей обеих групп наблюдаются в отношении здоровья своих детей: по этому качеству получены максимальные оценки. Матери, зачавшие при помощи ЭКО, имеют существенно более высокие ($p \leq 0.01$) ожидания от своих детей в отношении их сообразительности, характера и самостоятельности, чем матери, зачавшие спонтанно. Эти данные согласуются с полученными нами ранее результатами опроса матерей [2]: ЭКО-матери чаще, чем зачавшие спонтанно, хотели бы видеть своих детей послушными, огорчаются из-за их капризов, нарушений правил, то есть поведения, не соответствующего их завышенным ожиданиям и требованиям. Что же касается актуальных оценок качеств детей, то здесь существенные различия ($p \leq 0.05$) отмечены по показателям самостоятельности и характера. Таким образом, ЭКО-матери выше оценивают самостоятельность и характер своих детей и хотят от них большей самостоятельности, сообразительности и лучших черт характера, чем матери группы СБ. Для выяснения взаимосвязи между средними значениями материнских оценок и ожиданий был проведен корреляционный анализ, который показал, что в обеих группах существует статистически значимая ($p \leq 0.01$) положительная взаимосвязь между материнскими оценками и уровнем материнских ожиданий. Далее мы изучили дифференцированность оценок – параметр Δ . Качественно Δ означает степень соответствия ребенка идеальным образам и представлениям матери по тому или иному его качеству. Наименьшие значения Δ в группах ЭКО и СБ наблюдаются по качеству «внешность» (4.4 и 2,7 балла соответственно), причем по этому качеству получены одни из самых высоких среднегрупповых оценок (и актуальных, и желаемых). Это позволяет заключить, что наибольшую удовлетворенность у матерей вызывает внешность детей. Максимальные значения Δ в группах ЭКО и СБ достигают по качеству «здоровье» (20.8 и 18.6 баллов соответственно) и «самостоятельность» (16.9 и 19.7 баллов). Мы полагаем, что большие значения Δ соответствуют тем качествам ребенка, развитию которых мать придает большее значение. Таким образом, можно заключить, что матерей обеих групп в большей степени не удовлетворяет и более всего волнует состояние здоровья и развитие самостоятельности детей. Отметим, что значение Δ по качеству «сообразительность» в группе ЭКО существенно ($p \leq 0.05$) превышает соответствующий показатель в группе

СБ, что говорит о том, что первая группа в большей степени не удовлетворена сообразительностью своих детей и ожидания ее завышены.

В заключение выясним, имеется ли взаимосвязь между материнскими оценками и уровнем познавательного развития ребенка (диагностика была проведена по методике Е.А. Стребелевой [4]). Корреляционный анализ выявил, что оценка матерями обеих групп актуальной сообразительности ребенка положительно коррелирует ($p \leq 0.05$) с уровнем его познавательного развития. Это означает, что матери обеих групп в целом адекватно оценивают уровень развития своих детей. Полученные данные позволяют сделать следующие *выводы*.

1. Для матерей детей раннего возраста характерны завышенные актуальные и желаемые оценки своих детей; при этом уровень ожиданий положительно коррелирует с уровнем актуальных оценок качеств ребенка.
2. Наибольшую удовлетворенность у матерей вызывает внешность детей.
3. Имеется положительная корреляция между материнскими оценками актуальной сообразительности ребенка и уровнем познавательного развития ребенка.
4. Матери детей раннего возраста в наибольшей степени не удовлетворены актуальным состоянием здоровья и самостоятельности ребенка и придают наибольшее значение развитию этих качеств.
5. Группа матерей, зачавших при помощи ЭКО, по сравнению с группой матерей, зачавших спонтанно, выше оценивает самостоятельность и характер своих детей и существенно чаще не удовлетворена сообразительностью своих детей. Одновременно эта группа имеет существенно более высокие ожидания от своих детей в отношении самостоятельности, характера и сообразительности.

Список литературы

1. Ланцбург М.Е., Дудина А.А. Оценка матерью уровня развития ребенка раннего возраста // «Дети и общество: социальная реальность и новации». Сб. ст. по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2014. С. 914-923.

2. Ланцбург М.Е., Соловьева Е.В. Сравнительное исследование материнского отношения к детям раннего возраста, зачатых при помощи ЭКО и спонтанно // У истоков развития. Сборник тезисов участников Четвертой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. М.: ГБОУ МГППУ, 2013. С. 41-43.
3. Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО «ПЭБ», 2007. 56 с.
4. Стребелева Е.А. Методические рекомендации к психолого-педагогическому изучению детей (2-3 лет): Ранняя диагностика умственного развития // Альманах института коррекционной педагогики РАО. М., 2001. № 4.
5. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
6. Яньшин П.В. Клиническая психодиагностика личности. Учебно-методическое пособие. 2-е изд., испр. СПб.: Речь, 2007

Особенности восприятия своего материнства

беременными женщинами с ВИЧ-инфекцией по материалам рисуночного теста «Я и мой ребенок»

Peculiarities of motherhood perception in pregnant HIV infected women, carrying out the drawing test «Me and my baby»

Левина М. Ю.

соискатель ученой степени Московского государственного медико-стоматологического университета, Москва, Россия

m.levina@bk.ru

В настоящее время ситуация по ВИЧ/СПИД в России остается сложной, как и во многих странах мира. Общее число россиян, инфицированных ВИЧ, на 1 ноября 2014 г. составил 864 394 человека (44,5 на 100 тысяч населения), что по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. выше на 10,4%. С 2002 года отмечаются

эпидемиологический рост заболеваемости среди девушек и женщин репродуктивного возраста, в 2014 г. впервые было выявлено 16 детей, зараженных ВИЧ от матерей при грудном вскармливании (0,1% от числа новых случаев с установленной причиной заражения) [4]. Активизировался выход эпидемии из уязвимых групп населения в общую популяцию. В то же время, использование антиретровирусной (АРВТ) терапии позволило существенно увеличить продолжительность и повысить качество жизни ВИЧ-инфицированных лиц. Современные методы профилактики ВИЧ-инфекции во время беременности снизили риск заражения ребенка до 1-2 % [1], в связи с чем женщины, инфицированные ВИЧ, в последние годы всё чаще планируют беременность и рожают детей. Поэтому проблема психической адаптации ВИЧ-инфицированных женщин к вынашиванию и рождению ребёнка приобретает особую актуальность и практическую значимость. Однако психологические особенности ВИЧ-инфицированных беременных женщин и влияние внутренней картины болезни на их эмоциональное состояние и восприятие своего материнства в настоящее время исследуется недостаточно.

Психологическая готовность к материнству во многом обуславливает поведение женщины во время беременности, настрой на роды, особенности взаимодействия с ребенком до и после его рождения [3, 7]. На формирование готовности женщины к принятию новой роли матери влияет огромное количество сложно взаимодействующих факторов: репродукция родительского опыта; личностные особенности женщин; изменения в эмоциональном состоянии под влиянием эмоциональных стрессоров, и многие другие [3, 6, 7].

Целью данного исследования был анализ особенностей восприятия своего материнства беременными женщинами с ВИЧ-инфекцией. Для выявления у испытуемых особенностей восприятия своего материнства и будущего ребенка использовалась проективная методика Г.Г. Филипповой «Я и мой ребенок». Интерпретация данных проводилась по критериям, предложенным автором методики и принятым в психодиагностике для рисуночных тестов [7].

Выборка беременных женщин с диагнозом ВИЧ-инфекция составила 50 человек, в возрастном диапазоне от 17 до 39 лет, состоящих на амбулаторном учете по беременности в женской консультации МУЗ «Одинцовский родильный дом» и на

стационарном лечении при осложнении течения беременности на базе этого родильного дома. Исследование проводилось при индивидуальной беседе и с информированного согласия беременных женщин.

Социальные характеристики женщин: 36 (72%) женщин находятся в зарегистрированном браке, 13(26%) женщин не замужем, но имеющие постоянного полового партнера и 1 (2%) женщина, имеющая беспорядочные половые связи, при этом брак женщин с мужчинами как «равный-равному» составил 68%, дискордантные пары составили 22%, и пары, в которых мужчины не обследованы на диагноз ВИЧ-инфекция, составили 10%. 27 (54%) женщин с высшим и неоконченным высшим образованием, 20 (40%) женщин со средним специальным и средним образованием и 3 (6%) женщин, имеющих неполное среднее образование. Эпидемиологические данные: 33(66%) женщины, заразившиеся половым путем, 15 (30%) парентеральным путем, имеющие в анамнезе потребление наркотических средств, 2 (4%) – случаи заражения ВИЧ, связанные с оказанием медицинской помощи; 15 (30%) женщин имеют в сопутствующих заболеваниях гепатит «С», 2 (4%) сифилис. Женщины, узнавшие диагноз во время беременности, составили 10 (20%) от всей исследованной группы женщин. Гестационные данные: диагноз «угроза прерывания беременности» регистрировалась у 24 (48%) женщин, диагноз СЗРП у 6 (12%) женщин, диагноз гестоз у 5 (10%) женщин, 1 (2%) женщина не проходила обследование по беременности. Из анализа психологических данных: 25 (50%) женщин имеют страх смерти себя и выраженное беспокойство за свое здоровье, 47 (94%) женщин имеют страх передачи ВИЧ-инфекции ребенку и осложнений его здоровья, 10 (20%) женщин имеют выраженных страх сообщения диагноза родным, включая половых партнеров из-за страха отвержения и осуждения.

При анализе рисунков «Я и мой ребенок» были выделены 3 типа рисунков по критериям переживания беременности и ситуации материнства:

1) «Конфликт с беременностью или с ситуацией материнства» у 28 (56%) женщин. Диагностически значимые особенности рисунков: 1 (2%) женщина грубо отказалась выполнять рисунок; у 1 (2%) женщины в рисунке нет изображения себя; 6 (12%) женщин –использовали в рисунке замену образа себя и ребенка на символ, растение, животное; 14

(28%) женщин в изображениях которых, ребенок «спрятан» в коляске, кроватке, в животе матери, 5 (10%) в рисунках отсутствует образ настоящего вынашиваемого ребенка, он заменен на образ ранее рождавшегося ребенка; для 2 (4%) женщин в рисунках характерна пространственная дистанция между фигурами родителя и ребенка, к концу беременности возраст ребенка не снижается.

2) «Выраженные тревога и неуверенность в себе» у 18 (36%) женщин. Для всей категории этой группы характерно наличие на рисунке себя и ребенка без замены образов, наличие контакта с ребенком.

В изображениях рисунков 1 и 2 группы из формальных признаков отмечается плохое качество линий, слабый, прерывистый нажим, в основном отсутствие линии основания, также наличие зачеркиваний, обилие штриховки. Нарушение пропорций фигуры родителя и ребенка (изображение слишком мелко или слишком крупно). Из содержательных признаков: на рисунках преобладают пустые глаза или глаза «точки» (42%), отсутствие у фигур лица (4%) и тела (2%), нижней части тела (10%), частично отсутствуют изображение рук или ног, или их частей одновременно.

3) «Незначительные симптомы тревоги, неуверенности, конфликтности» только у 4 (8%) женщин. В рисунках этих женщин отмечается наличие на рисунке себя и ребенка без замены образа, прямой контакт с ребенком, фигура ребенка прорисованы, все дети в младенческом возрасте. В содержательных признаках этих рисунков симптомы тревожности и неуверенности выражаются в изображениях 3 (6%) женщин: на рисунке нет нижней части тела, 1 (2%) – материнская фигура не устойчивая, без линии основания, у 1 (2%) женщины в рисунке не прорисовано лицо ребенка, нарушены пропорции материнской фигуры. Из формальных признаков также, как и в предыдущих группах, характерны плохое качество линии, прерывистость, штриховка, неоднократная прорисовка линий, что тоже свидетельствует о тревожности.

Таким образом, анализ данных проективной методики «Я и мой ребенок» и клинико-anamnestических сведений позволяет заключить, что в выборке беременных женщин с диагнозом ВИЧ-инфекция нет благополучного восприятия материнства, а наличие в рисуночном тесте симптомов тревожности, неуверенности в себе, конфликтности является устойчивой характеристикой и отражает неблагополучие

переживания ситуации беременности и будущего материнства. У этих женщин отмечается сниженный фон настроения, аффективная напряженность, разнообразные проявления эмоционального и физического дискомфорта, жалобы на различные боли, особенно головные, а также слабость, утомляемость, депрессивные состояния. В отношении к основному заболеванию выявляется нерациональная оценка как актуального состояния, так и прогноза на будущее, в основном они считают, что болезнь может значительно осложнить им жизнь. Это создает дополнительные трудности психической адаптации к беременности и материнству у ВИЧ-инфицированных женщин, осложняет формирование положительного образа будущего материнства и обуславливает субъективно невысокую значимость ребенка как жизненной ценности.

Список литературы

1. А.И. Загайнова, Л.Ю. Афолина, Е.Е. Воронин, Т.А. Епоян Дети со знаком «плюс». Электронный ресурс: http://arvt.ru/sites/default/files/deti_plus.pdf
2. Жданова Т. Н. Особенности эмоционально-личностной сферы наркозависимых и ВИЧ-инфицированных женщин в период беременности: автореф. дис. ... канд. психол. Наук. СПб., 2004.
3. Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18 - 27.
4. Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом. Электронный ресурс: ULR <http://spid-vich.info/vich-infekciya-v-rossiyskoj-federacii-na-1-noyabrya-2014-g>.
5. Сухих Г. Т. Репродуктивное здоровье и ВИЧ-инфекция. М.: Триада, 2009.
6. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
7. Филиппова Г. Г. О нарушениях репродуктивной функции и их связь с нарушениями в формировании материнской сферы // Журнал практического психолога. 2003. № 4-5. С. 83-108.
- 8.

Взаимосвязь характеристик семейной системы и отношения к беременности

Музафарова А.Т.

Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики,

Москва, Россия

muzafarova@gmail.com

Ключевые слова: отношение к беременности, семейная система, гестационная доминанта, структурный подход.

Семья, ожидающая рождения ребёнка, стоит на пороге структурных изменений. Появление ребёнка создает родительскую и детскую подсистему, что создает необходимость изменения во взаимоотношениях между членами семьи, происходят изменения функциональных ролей, интересы и жизненные приоритеты также трансформируются. Развитие перинатальной психологии и широкое распространение программ сопровождения беременности и родов обуславливается наличием запроса на психологическую поддержку не только от самих беременных женщин, но и от их мужей и семей в целом. Отношение женщины к беременности является частью системы отношений женщины и представляет собой комплекс поведенческих, когнитивных и эмоционально-оценочных компонентов, которые в совокупности проявляются как материнское отношение женщины к ребенку.

Актуальность настоящего исследования обосновывается необходимостью разработки психологической мишени для повышения эффективности психотерапии беременных женщин и их семей. Цель данного исследования состоит в том, чтобы обнаружить и описать взаимосвязи между характеристиками семейной системы и отношением женщины к беременности, для выявления возможности формирования оптимального типа психологического компонента гестационной доминанты посредством психотерапевтической работы с семьей в рамках системного структурного подхода.

В соответствии с целями исследования было организовано эмпирическое исследование, в котором был проанализирован и обобщен теоретический материал, отражающий взаимосвязь материнского отношения и отношения женщины к беременности, а затем было проведено исследование особенностей взаимосвязи параметров семейной системы и системы материнского отношения. А именно, исследование структуры семейных систем женщин с разным типом отношения к беременности и исследование отношения женщины к беременности в связи с различными типами семейной структуры, а также выявление корреляции между характеристиками семейной системы и отношениями беременной. Основная гипотеза исследования заключалась в том, что семьи с более адаптивными функциональными характеристиками семейной системы демонстрируют более оптимальное отношение женщины к беременности. Методологическую и теоретическую основу исследования составляют: концепция личности как системы отношений В.Н. Мясищева и положения структурной семейной психотерапии С. Минухина, а также психологические концепции материнства (А.С. Батуев, Д.И. Добряков, Г.Г. Филиппова). Методика сбора эмпирических данных - тест отношений беременной (ТОБ) И.В. Добрякова и шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES –III) Д.Олсона.

Процедура исследования строилась следующим образом. В интернете было выбрано популярное в Москве сообщество матерей и беременных, где женщинам, беременным первым ребенком, было предложено пройти тестирование на определение характеристик семейной системы и отношения к беременности, с возможностью получения обратной связи. Выборку исследования составила 101 женщина в возрасте от 22 до 39 лет, срок беременности от 3 до 39 недель, продолжительность брака от 1 года до 14 лет.

В результате исследования эмпирически доказана взаимосвязь, при которой оптимальным отношениям беременной соответствует сбалансированная структура семейной системы с тенденцией к снижению сплоченности и увеличению адаптации системы.

Теоретический обзор современных взглядов на семейную систему отражает необходимость учитывать динамические особенности структуры семьи как живой

системы и невозможность стандартизации и нормализации каких-либо процессов, происходящих в семье – все индивидуально и субъективно. Семьи с разной структурой по-разному преодолевают кризис и используют различные механизмы адаптации к внешним и внутренним изменениям. Эти идеи подтолкнули исследование к дальнейшему анализу на уровне взаимосвязи между характеристиками семейной системы, составляющими в совокупности тип семейной системы, и отношениями беременной, составляющими в совокупности тип отношения к беременности.

В результате исследования выявлено, что показатель сплоченности отрицательно взаимосвязан с отношением женщины к беременности ($r=-0,210$; $p=0,05$). Наиболее значимая характеристика семейной системы находящаяся во взаимосвязи с типом отношения к беременности - семейные границы: оптимальный тип положительно коррелирует ($r=0,202$; $p=0,05$), тревожный ($r=-0,214$; $p=0,05$) и депрессивный ($r=-0,234$; $p=0,05$) тип отношения к беременности коррелируют отрицательно. Это означает, что мишенью психотерапевтической работы в направлении коррекции отношения к беременности будут паттерны семьи связанные с личными границами и взаимодействием системы с внешним миром. Сбалансированные семейные границы отличаются от несбалансированных, прежде всего, разнообразием существующих паттернов. Проницаемость границ, также как и жесткость способствует повышению тревожности беременной, что является подтверждением необходимости нахождения сбалансированного значения данного показателя для каждой семьи. Отношение к себе беременной в результате анализа не обнаружило значимой связи с характеристиками семейной структуры.

Будущие исследования в этой области будут проводиться с использованием психосемантического подхода, так как субъектная парадигма этого подхода является более релевантной для исследования, чем психометрическая, поскольку процедура построения и сравнения субъективных семантических пространств (структур субъективного опыта) испытуемых сможет освободить исследование от влияния систем значений самого исследователя и авторов, используемых в работе, методик.

Теоретическая значимость данного исследования определяется получением новых знаний о структуре, свойствах и закономерностях семейной системы в условиях

перехода на третью стадию семейного цикла, что способствует углублению системного подхода к изучению семьи, с использованием теоретико-методологических принципов перинатальной психологии. Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут применяться в различных областях практической деятельности: консультативная практика для беременных женщин, семейная психотерапия, работа по психологической коррекции женщин, входящих в группу риска, направленную на формирование оптимальных детско-родительских отношений.

**Переживание горя при перинатальных потерях и потерях своих фантазий
относительно реанимированных детей**

**“Passing through the sorrow at perinatal loss and loss of our fantasies about children
resuscitated”**

Мухамедова Е. В.

*педагог- психолог МАОУ Гимназия №3 ГО Балашиха, председатель благотворительного
фонда помощи семьям детей- инвалидов «Благодарение», консультант*

Перинатального центра ГО Балашиха, Москва, Россия

psycho2014@mail.ru

В нашем обществе утеряна культура горевания в случаях перинатальных потерь и чаще всего женщина остается один на один с не проработанной скорбью. Сложность в прорабатывании перинатального горя в том, что этот объект полностью фантазийный, там нет реальных опор. Более того все фантазии очень пролонгированы, они похожи на тень, которая проникла вглубь всей жизни женщины и затронула практически все аспекты жизни семьи, вплоть до самой смерти. Утрата объекта приводит сначала к идентификации с объектом и к отрицанию утраты и реальности. Если невозможно столкнуться с реальностью скорбь не может развиваться и женщина. Она не может вновь обрести те части себя, от которых отреклась. Остается глубокая расщепленность существования в которой приводит к расщеплению семьи и жизни в целом.

Непсихотик способен выдержать реальность утраты и поэтому проработать скорбь и таким образом вернуть спроецированные части самости в Эго. Это значит, что могут возникать сбалансированные проекция и интроекция. Проективная идентификация происходит гибко, с постоянным проецированием в объекты, за которым следует восстановление самости посредством возврата фрагментов от которых ранее избавились.. Бион говорит о том, что обратимая проективная идентификация необходима для развития способности к мышлению.

Утрата объекта приводит сначала к идентификации с объектом и к отрицанию утраты, а далее, как отметил Фрейд столкновение с реальностью для проработки скорби. Тогда при проверке реальностью каждого из воспоминаний об утраченном объекте, необходимо выдержать именно болезненное распознавание того, что принадлежало объекту, а что самости.

Это различие происходит посредством тщательной работы скорби. Если невозможно столкнуться с реальностью скорбь не может развиваться и пациент не может вновь обрести те части своей самости, от которых отсекся.

Потеря фатальна. Случай из практики- Женщина 26 лет пережила вторую потерю ребенка на 25 неделе. Ребенок жил неделю. Первая реакция –эйфория и отрицание действительности, далее ступор и выход в диссоциацию, далее истерика и агрессия и только после этого смирение и принятие действительности. История такова, что первую свою потерю женщина не пережила, она ее вытеснила, хотя это было не более полутора лет назад. Она ощущала это, как далекое прошлое и говорила об этом –«это было так давно». Отщепленное и непроработанное недавнее прошлое оказывается далеко позади в ее действительности. Реальность смещается, события тоже, нагруженные грузом непроработанного горя и несбывшихся долгосрочных ожиданий. Женщины с трудом расстаются со своими фантазиями относительно будущей жизни с ребенком. Очень часто они говорят о разрушении своих планов. Характерны фразы- «я мечтала, как буду водить в школу», «думала, как буду покупать платья и бантики и умиляться этому», «мы уже планировали, как он будет учиться в хорошем ВУЗе, а я его буду встречать» и т.д.

Порой женщина надолго, а иногда навсегда, застревает в фантазии несбывшейся мечты о не родившемся ребенке. Это приводит к нарушениям партнерских отношений и

детско- родительским, если есть старшие дети. В работе с подобными нарушениями, очень важно вернуть как можно больше отщепленных объектов самости, сократить фантазийную тень и оздоровить психику для дальнейшего функционирования женщины.

Если на момент работы психический аппарат достаточно сохранен и возможны внедрения в виде терапевтического взаимодействия, то происходит принятие реальности, становится возможна работа горя и скорби.

Женщина имеет возможности принять целостно себя, свои возможности и планировать свое будущее и будущее своей семьи.

Потеря ожиданий. Случай из практики. Активная молодая женщина, организовала клуб для родителей детей-инвалидов. Она сама мама ребенка- инвалида (ДЦП). Во время разговора, она рассказала, что всегда мечтала о том, что ее ребенок получит хорошее образование, то чего она была лишена. Она не намерена отказываться от своей мечты и сделает все возможное чтобы ее ребенок учился в обычной школе и поступил в ВУЗ. Все свои силы, ресурсы и время она тратит на развитие своего ребенка, у него почти нет свободного времени. Муж покинул семью год назад, с ее слов «не выдержав напряжения», но с ребенком продолжает общаться и помогает материально.

Горе потери фантазии о здоровом ребенке нуждается в публичности. Жизнь исходно травматична, и в ней случаются ситуации, которые невозможно пережить, и тогда приходится учиться быть с ними. Женщины объединяются в сообщества, где поддерживая друг друга стараются обрести новую реальность в которой они оказались. Этот процесс долговременный, который длится порой несколько лет, но иногда женщина остается не в состоянии принять нарушения своего ребенка и включает различные защитные механизмы, оставаясь в своем фантазийном мире, что сказывается на функционировании и межличностной коммуникации с ребенком.

Наблюдая женщин реанимационного отделения первого этапа, где находятся дети с глубокой недоношенностью и проводя с мамами информативно- терапевтические беседы, анкетирование, арт- терапевтическую работу, могу сделать предварительный вывод, что основные защитные механизмы, которыми они пользуются это- расщепление и отрицание. Тенденция к резкой смене настроения от эйфории, до депрессивно- упаднического. Слишком резкая смена настроения довольно отрицательно сказывается

на состоянии малыша в кювезе, поэтому основная моя задача- это стабилизация и вывод в ресурсное состояние.

В зарождающейся психике младенца ничего не происходит отдельно или непоследовательно пункт за пунктом. Смена среды или первичное горе , способы и скорость прохождения - это важнейший этап для развития психического аппарата. Первичное горе это внутриспсихический процесс, посредством которого одновременно начинают определяться элементы психического аппарата субъекта и запускаются его функции, происходит открытие объекта. Помощь матери в этом процессе трудно переоценить и она должна быть способна «соблазнить ребенка жить» и иметь свои пролонгированные фантазии относительно будущего и в то же время иметь достаточно реалистичное представление об этом, чтобы не нагрузить их единое с малышом психическое пространство расщепленными фантазийными объектами.

Что происходит с женщиной реанимационного отделения, где лежит ее малыш с глубокой недоношенностью. Чаще всего она не может вспомнить, какое событие предшествовало тому, что у нее начались преждевременные роды. Происходит тотальная амнезия относительно недавнего прошлого. Желанные дети , конечно обладают преимуществом, материнская фантазия всесильна и даже когда ей говорят, о том, что глубокие нарушения зрения, слуха итд, мамы чаще всего склонны вычитывать в интернете и находить материалы относительно того, какие гениальные недоношенные дети итд. Я склоняюсь к тому, что психика женщины, которой пришлось пережить стресс потери своей фантазии относительно ребенка вступает в определенную конфронтацию с реальностью и держит «оборону» еще долгие годы. Это очень затрудняет работу с такими детьми и их семьями. Фактически происходит такая же работа горя и скорби, как и в случае реальной перинатальной потери, только растянутая во времени, что усугубляет симптоматику ребенка и материнского восприятия действительности.

Принятие реальности - это является довольно сложной задачей для психики роженицы, с нестабильным гормональным фоном, измененным телом и представлением о себе и своем будущем.

Список литературы

1. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Издательство Института Психотерапии, 2002.
2. Фрейд.З. Психология бессознательного. СПб: Питер, 2010.
3. Racamier Paul- Claude Le genie des origins. Paris: Puyot, 1992.
4. Бион.У. Научение через опыт переживания. М.: Когито-центр, 2008.

Трансформация мотивации на психологическую помощь у пациентов с нарушениями репродуктивной функции
Transformation of motivation for psychological care in patients with impaired reproductive function

Печникова Е. Ю.

*генеральный директор медико-психологической клиники «Семья с плюсом», Москва,
Россия*

semiaplus@mail.ru

Бурное развитие психологии как науки в XX веке и в частности такой ее прикладной части, как психологическая помощь психически здоровым людям, через средства массовой информации привело в начале XXI века к принятию широкими массами людей важности психологических знаний. Психически здоровые люди все чаще прибегают к психологической помощи в конфликтах семейных отношений, трудностях детско-родительских отношений, обучении, бизнесе, появились коучи, медиаторы, и т.д. Все чаще психологи обращаются в своей деятельности к помощи соматически больным (психосоматике). Особый интерес представляет такое экзистенциальное бедствие, как бездетность (бесплодие и привычная потеря беременности). Врачи, все чаще

встречаются с пациентами, которые, разочаровавшись в медицинских подходах, обращаются с проблемой бездетности к психологам.

Современные тенденции информированности о роли психологических проблем в расстройстве соматического здоровья коснулись и врачей. Еще 20-15 лет назад было трудно себе представить, что врач может порекомендовать помощь психолога. Пациенты на приеме врача акушера-гинеколога при назначении консультации психолога приходили в состояние крайнего замешательства. В последние же 5-7 лет пациенты с расстройством репродуктивной функции, бесплодием и не вынашиванием беременности могут сами уже на первом приеме врача сказать, что они подозревают у себя наличие психологической проблемы в основе соматического расстройства. Это первое и важнейшее следствие изменения представлений в обществе.

Известно, что «психологическая проработка основных психологических, патогенных, личностных конфликтов проводятся только при готовности и личном запросе пациента» [1]. Основная масса пациентов с бесплодием и не вынашиванием беременности являются, к сожалению, не мотивированной. И крайне важно, когда пациенты выражают готовность к психологической работе.

Однако, и это второе, не всегда осознание возможностей психологических проблем приводит к ускорению динамики терапевтического процесса и уменьшению сопротивления (проработка и изменение психологических защит).

В-третьих, уже отмечалось, что врачи акушеры-гинекологи, репродуктологи не редко понимают необходимость психологической помощи для пациентов, но они не знают, как правильно их мотивировать на специализированную психологическую помощь. Они имеют слабое представление об этой специализированной помощи, к несчастью, нередко пользуются расхожими штампами («ты не беременеешь, потому что не хочешь!»), что может способствовать психогении.

В-четвертых, современный рынок услуг насыщен психологами разного рода. Анализ объявлений частной практики и психологических центров показывает, что сейчас очень многие занимаются проблемами бездетности. Причем, как правило, только в психологическом пространстве без взаимодействия с врачами акушерами-гинекологами. Существуют собственные «авторские» методики. Задача считается

решенной, когда наступает беременность. Однако, в настоящее время известно, что в репродукции важнейшее значение имеет характер протекания беременности, родов и раннего взаимодействия в диаде. Психологи же часто не имеют специальной подготовки в области репродуктивной психологии и ее части – перинатальной психологии. Без специализированных знаний терапия не может быть достаточно хорошей, она становится затянутой и/или мало эффективной, и к сожалению не профилактирует эпигенетических нарушений. По-прежнему, и в государственной и в коммерческой медицине отсутствуют специалисты психологической помощи (психологи, психотерапевты). Соответственно, если в редких случаях такой специалист-энтузиаст и есть, то нет механизма (методики) взаимодействия медиков и психологов, каждый работает «сам по себе». Это тоже снижает эффективность терапевтического процесса.

Таким образом, можно говорить о том, что происходящая трансформация мотивации на психологическую помощь у пациентов с нарушением репродуктивной функции является позитивным явлением, но пока она не решает всех проблем медико-психологического взаимодействия в области психосоматики репродуктивной системы.

Список литературы

1. И. Г. Малкина-Пых. Психосоматика / Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2003.

Динамика супружеских отношений в перинатальный период: по материалам зарубежных исследований

Савенышева С. С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

owlsveta@mail.ru

Выбор данного периода для анализа не случаен. Исследований динамики супружеских отношений к настоящему времени проведено достаточно. Многие из них

отмечают снижение удовлетворенности браком со стажем. Но многие отмечают, что снижение не является линейным. Так по данным Алешиной Ю.Е. кривая зависимости удовлетворенности от стажа семейной жизни имеет U-образную форму: в течение первых двух десятилетий существования семьи, удовлетворенность браком постепенно понижается, достигая своего минимального значения в парах со стажем семейной жизни от 12 до 18 лет, а затем возрастает, но уже более резко (Алешина Ю.Е., 1999). С. Крадохвил выделяет «стандартное» время наступления таких кризисов в зависимости от стажа брака: в интервалах 3–7 и 17–25 лет стажа (Алешина Ю.Е., 1999). Многие исследователи, рассматривая динамику, этапы развития супружеских отношений связывают их с появлением и воспитанием детей. Чаще всего выделяются 6 стадий динамики семьи: добрачный период, заключение брака и образование новой семейной пары, семья с маленькими детьми, семья с детьми подросткового возраста, период приобретения детьми взрослого статуса и их отделения, период жизни после отделения детей. Переход от стадии подразумевает решение новых задач, ролевую перестройку к новой ситуации, выработку новых способов функционирования. И в связи с этим выделяются нормативные кризисы семьи – трудности, связанные с прохождением семьей основных этапов жизненного цикла (Олиферович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф., 2006).

Одним из наиболее ярких «нормативных» кризисов семьи и является этап развития семьи после рождения ребенка. Это подтверждается современной статистикой разводов, которая показывает, что значительный % распада браков падает на 1-й год после рождения первого и второго ребенка. С чем связан кризис после рождения ребенка? К основным причинам можно отнести: физиологические, психологические и экономические. Психофизиологические: нарастают нагрузки – добавляется уход за ребенком, на переутомление накладывается часто недостаток сна. Экономические – снижение (как правило) уровня материального благосостояния семьи. Психологические: проблема вхождения в родительство, смена образа жизни, ролевая перестройка, снижение количества совместного общения. Так вхождение в родительство сопровождается часто неуверенностью, тревогами, переживаниями за ребенка, конфликтами по воспитанию и уходу за ребенком, что составляет значительную

эмоциональную нагрузку у новоиспеченных родителей. Родительство влечет появление новой функции в супружестве – родительско-воспитательной, что требует ролевой перестройки, которая влечет за собой проблему перераспределения домашних обязанностей. Смена образа жизни подразумевает часто вынужденное отчуждение женщины от сферы самореализации – профессиональной или учебной деятельности, ограничение супругов от привычного образа жизни, досуга. В межличностном общении наблюдается снижение количества времени совместного общения у супругов, для многих женщин характерен так называемый «уход в ребенка», и мужчины чувствуют себя потерянными, не включенными в эти новые отношения; с другой стороны, многие отцы и не стремятся включаться в эти отношения. Молодые матери часто жалуются на перегрузку и недостаток помощи со стороны партнера. Мы решили обратиться к изучению этой проблемы в зарубежных исследованиях в связи с тем, что отечественной психологии этот кризис упоминается многими авторами, но лонгитюдных исследований практически не встречается, тогда как в зарубежных исследованиях тема «transition to parenthood» разрабатывается в последние два десятилетия очень активно.

Наиболее распространенный подход к исследованию динамики супружеских в зарубежных исследованиях – проведение лонгитюдных исследований с этапа беременности до этапа достижения ребенком 1-2-х лет (Belsky J, Rovine M, 1990; Belsky J., Lang M., & Rovine M 1985; Clements M., Markman H.J, 1986; Cowan C., Cowan P, 1995). Все эти исследования показывают снижение в удовлетворенности отношениями с момента рождения ребенка от 20-59% до 70% супружеских пар. Исследования также продемонстрировали, что наблюдается снижение позитивных событий в отношениях, время совместного отдыха, социальной поддержки и увеличение супружеских конфликтов. Однако, у этих исследований есть ограничение, связанное с тем, что в них не исследуется уровень удовлетворенности отношениями до беременности, и многие исследователи объясняют наблюдаемое снижение удовлетворенности просто возвращением к начальному уровню, который был до беременности, когда супруги испытывали подъем в своих отношениях. Другое объяснение снижения – то, что в первые годы брака идет постепенное снижение удовлетворенности отношениями, и это снижение можно перепутать с влиянием только фактора рождения ребенка. Включение

изучение супружеских пар, не имеющих детей, показало, что и те, и другие демонстрируют сходное снижение в качестве отношений [Clements M., Markman H.J, 1986; Kurdek L, 1993; White L.K., Booth A.V., 1985), хотя есть и исключения (Crohan S, 1996; Lawrence E., Nylen K., Cobb RJ, 2007). Однако, супружеские пары, имеющие детей показывают более резкое ухудшение в отношениях, по сравнению с супружескими парами не имеющими детей (Doss B.D., Rhoades G.K., Stanley S.M., Markman H.J, 2009).

К наиболее интересным исследованиям можно отнести исследование Lawrence E., Nylen K., Cobb R.J. в котором было проведено лонгитюдное исследование супружеских пар (молодоженов) до беременности, в период беременности и после рождения ребенка. Исследование показало, что снижение удовлетворенности браком после рождения ребенка было более сильным, чем снижение от момента брака до беременности (Lawrence E., Nylen K., Cobb RJ, 2007). Сходные результаты были получены и в 3-годовалом лонгитюдном исследовании молодоженов Crohan S. она обнаружила, что удовлетворенность браком снизилась с момента заключения брака и у пар с детьми и без детей, но более выраженное снижение отмечалось у пар с детьми (Crohan S, 1996). В 4-х-летнем исследовании Kurdek также отмечается снижение в обеих группах, различие проявилось только во времени и совместной активности проводимой супругами (Kurdek L, 1993). Однако не все супружеские пары демонстрируют ухудшение качества отношений с рождением ребенка. Как было описано выше, от одной трети до половины супружеских пар демонстрируют стабильность или улучшение отношения и любовь после рождения ребенка. В связи с чем, необходимо важно изучить факторы вариабельности в изменениях супружеских отношений после рождения ребенка. К таким факторам чаще всего относят: отношения с супругом(ой) до рождения ребенка (Crohan S, 1996; Doss B.D., Rhoades G.K., Stanley S.M., Markman H.J, 2009; Lawrence E., Rothman A.D., Cobb R.J., Rothman M.T., Bradbury T.N, 2008; Moller K., C. Hwang P. and Wickberg V.2006), супружеский стаж (Belsky J, Rovine M, 1990), тип привязанности сформированный в (Cowan C., Cowan P, 1995); социальная поддержка во время беременности и после рождения ребенка (Doss B.D., Rhoades G.K., Stanley S.M., Markman H.J, 2009; Lawrence E., Rothman A.D., Cobb R.J., Rothman M.T., Bradbury T.N, 2008), не запланированность беременности, участие супруга работе по дому и в заботе о

ребенке (Moller K., C. Hwang P. and Wickberg B.2006), рождение последующего ребенка (Belsky J., Lang M., & Rovine M 1985)., пол родителя (матери демонстрируют более резкое снижение удовлетворенности отношениями после рождения ребенка, чем отцы) (Belsky J., Lang M., & Rovine M 1985).

Таким образом, можно резюмировать, что период после рождения ребенка характеризуется резким снижением удовлетворенности отношениями у супругов, по сравнению с более постепенным снижением удовлетворенности у супругов, не имеющих детей. Но снижение наблюдается не у всех и зависит от целого комплекса социально-психологических факторов.

Исследование поддержано грантом РГНФ «Семья как ресурс психического развития детей в стабильные и критические периоды онтогенеза» №13-06-00480, 2014-2016 гг.

Список литературы

1. Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. М., «Класс», 1999.
2. Олиферович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А, Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006
3. Belsky J, Rovine M. Patterns of marital change across the transition to parenthood: Pregnancy to three years postpartum. *Journal of Marriage and the Family*. 1990; 52: 5–19.
4. Belsky J., Lang M., & Rovine M. Stability and change in marriage across the transition to parenthood. *Journal of marriage and the family*, 1985, 47: 855–866.
5. Clements M., Markman H.J. The transition to parenthood: Is having children hazardous to marriage? In: Vanzetti N, Duck S, editors. *A lifetime of relationships*. Brooks Cole; Pacific Grove, CA: 1996. 290–310.
6. Cowan C., Cowan P. Interventions to ease the transition to parenthood: Why they are needed and what they can do // *Family relations*, 1995, 44(4): 412–424.

7. Crohan S. Marital quality and conflict across the transition to parenthood in African American and White couples //Journal of marriage and the family, 1996? 58(4): 933–944.
8. Doss B.D., Rhoades G.K., Stanley S.M., Markman H.J. The Effect of the Transition to Parenthood on Relationship Quality: 8-Year Prospective Study //Journal of Personality and Social Psychology, 2009, 96(3): 601–619.
9. Kurdek L. Nature and prediction of changes in marital quality for first-time parent and nonparent husbands and wives. Journal of family psychology, 1993, 6(3): 255–265.
10. Lawrence E., Nylén K., Cobb R.J. Prenatal expectations and marital satisfaction over the transition to parenthood. Journal of Family Psychology. 2007, 21: 155–164.
11. Lawrence E., Rothman A.D., Cobb R.J., Rothman M.T., Bradbury T.N. Marital Satisfaction Across the Transition to Parenthood //Journal of Family Psychology, 2008, 22(1): 41-50.
12. Moller K., C. Hwang P. and Wickberg B. Couple relationship and transition to parenthood: Does workload at home matter? //Journal of Reproductive and Infant Psychology, 2006, 26(1): 57–68.
13. White L.K., Booth A.V. The transition to parenthood and marital quality. //Journal of Family Issues, 1985, 6: 435–449.

**Социально-психологическая помощь семье,
ожидающей рождения ребенка**

Савицкая Е.М., Петрова Л.П., Егунькина А.Н.

*ГБУ Самарской области «Областной центр диагностики и консультирования», Самара,
Россия*

lampasha90@mail.ru

В течение целого ряда лет одним из важнейших направлений деятельности Областного центра диагностики и консультирования Самарской области является работа по обеспечению психолого-социальной подготовки женщин к будущему материнству. В

ходе данной деятельности ставится и решается целый ряд задач: углубление социально-психологических знаний будущих родителей о предстоящих родах, формирование эмоциональной привязанности к будущему ребенку, адекватной материнской идентичности во всех ее компонентах, повышение уровня психологической готовности к материнству и отцовству, подведение к осознанному родительству.

В нашем понимании осознанное родительство – это, прежде всего, принятие будущими родителями ответственности за физическое и психическое здоровье ребенка именно во время беременности и родов, а также в весь период детства, начиная с периода новорожденности. На наш взгляд, осознанное родительство включает в себя такие характеристики, как саморазвитие, получение необходимых знаний, умений, установок, эмоций; активная жизненная позиция; бережное отношение к себе и своей семье; стремление к счастливой и здоровой беременности; посещение курсов по подготовке к родам; отношение к родам как к естественному процессу; осознанный подход к физическому уходу и развитию ребенка; формирование благоприятной и гармоничной среды для вынашивания и рождения ребенка.

В данном контексте психологическое сопровождение беременности, осуществляемое на базе нашего центра, способствует раскрытию черт материнства и отцовства, заложенных природой в будущих родителях.

В нашем центре оказание помощи женщинам и семьям в период ожидания рождения ребенка проводится более 10 лет. Организована психо-физиологическая подготовка беременных к родам на программно- аппаратном комплексе БОС. Проводится коррекционно-оздоровительный курс для беременных: укрепление здоровья беременных, создание у них сознательного отношения к беременности, родам, положительной родовой доминанты, умения правильно вести себя во время родов с тем, чтобы по возможности максимально предупредить нежелательные осложнения и обеспечить оптимальный исход родов для матери и плода.

Основными формами работы являются индивидуальная и групповая диагностико-коррекционно-развивающая и консультативно-коррекционная работа, тренинги с беременными женщинами, индивидуальные занятия с психологом и неврологом. По запросу или по результатам анкетирования и психодиагностики перинатальные

психологи проводят индивидуальное и групповое тестирование. Кроме того, организовано он-лайн общение психолога с беременными.

Информация о возможности получения психологической поддержки и помощи вывешена на сайте ОЦДК и на сайте «Самарские родители», а также в поликлиниках и женских консультациях. Специалисты центра уделяют особое внимание работе с первородящими женщинами.

За 2013-2014 гг. в наш центр обратилось более 30 пар, ожидающих рождения первого ребенка. Большинство обратившихся женщин находились на больших сроках беременности, что потребовало, прежде всего, индивидуального подхода. Для каждой пары была составлена индивидуальная программа психологического сопровождения беременности по результатам диагностики готовности к родительству, выявления проблем, связанных с готовностью к вынашиванию, рождению и воспитанию ребенка, анализа супружеских отношений. При психодиагностике использовалась анкета, разработанная психологами центра совместно с членами кафедры возрастной психологии ПГСГА. Эта анкета позволяет увидеть основные характеристики беременности и особенности личности беременной (отношения с матерью, отношения с партнером и др.). Кроме того, использовался тест отношений беременной (И.В. Добрякова), позволяющий определить тип гестационной доминанты и определить направления консультирования (страхи, тревожность, депрессивные настроения, проявляющиеся в различных сферах жизни и др.). В отдельных случаях в работе использовалась методика «Шкала антенатальной материнской привязанности» (Дж. Т. Кондон), позволяющая выявить индивидуальные особенности материнской сферы беременной женщины. После диагностирования проводились индивидуальные консультации. С учетом больших сроков беременности обратившихся было проведено от двух до пяти занятий продолжительностью до полутора часов каждое.

В работе с беременными использовались также проективные методики: рисуночный тест «Я и мой ребенок», арт-терапевтическая техника «Письмо будущему ребенку». На занятиях письмо прочитывалось беременной под тихую, спокойную музыку, что благотворно влияло на эмоциональное состояние будущих матерей. Диалог родителей с пренейтом способствует благополучному родоразрешению. После

подобного общения дородовый опыт пренейта пополняется большим багажом положительных эмоций.

Написание писем благоприятно влияет и на будущих родителей, так как они пробуют проявлять свои родительские чувства и проявляют их, развивая свой эмоциональный опыт, готовясь к родительским ролям. Наблюдения показывают, что эти родители более адекватно и организованно ведут себя после рождения ребенка, более умело с ним обращаются, быстрее адаптируются к новым обстоятельствам жизни вместе с ребенком.

Наибольшей популярностью у женщин во время индивидуальных занятий пользуются следующие темы: физиология и психология родов; психологические установки успешного течения родов; способы взаимодействия с болью и страхом во время родов; способы взаимодействия с ребенком во время беременности и родов; особенности переживания предстоящего кесарева сечения и особенности детей, рожденных этим путем; страхи, связанные с беременностью и родами; профилактика послеродовой депрессии; взаимодействие с мужем во время беременности и при уходе за ребенком; роль мужчины при участии в партнерских родах; особенности послеродового периода; организация грудного вскармливания; развитие ребенка первого года жизни.

Особое внимание уделялось эмоциональному состоянию беременной женщины. К основным методам улучшения эмоционального состояния беременных женщин, используемым в нашем центре помимо посещения курсов дородовой подготовки (групповые тренинги, индивидуальные консультации с психологом, тренировка дыхания во время родов и т.д.), можно отнести чтение специальной литературы для будущих мам (книги, журналы, электронные издания); посещение бассейна / специальной аква-аэробики для беременных (при отсутствии противопоказаний); занятия одним или несколькими хобби (рисованием, вязанием, фотографией и др.); посещение музеев, выставок по интересующей их тематике.

Судя по данным практического опыта индивидуальных консультаций, многие первородящие беременные хотели бы посещать групповые занятия. Это обусловлено такой особенностью женщины во время ожидания рождения ребенка, как «чувство одиночества беременной» (страхи, тревожность, чувство того что окружающим и

близким не понятно состояние беременной женщины). Это послужило причиной того, что в программу по психологическому сопровождению беременности были включены обязательные творческие занятия, помогающие женщинам раскрыться и осознать свои изменения (пение колыбельных, чтение сказок и т.д.)

Имеющиеся на данный момент программы по дородовой подготовке к осознанному родительству, как правило, состоят из большого количества лекционных занятий, растянутых во времени. Чаще всего в этих программах предлагается посещение занятий, начиная с планирования беременности. Несомненно, подобные программы имеют много достоинств. Но, как показывает практика, свыше 70% женщин, обратившихся в центр, имеют возраст старше 30 лет, а более 50% работают даже после ухода в декретный отпуск. На посещение занятий отводится мало времени.

Поэтому, на наш взгляд, экспресс-программа стала бы востребованной. В связи с этим в нашем центре в стадии разработки находится экспресс-программа психологического сопровождения беременности, позволяющая в короткие сроки в сжатом виде давать основную информацию, касающуюся беременности, родов и послеродового периода и дающую возможность подготовиться к предстоящим переменам, в том числе тем женщинам, которые находятся на больших сроках беременности (после 36 недель).

Анализ результатов деятельности нашего центра по оказанию социально-психологической помощи семье, ожидающей рождения ребенка, показал, что наблюдается существенное повышение адекватности психологической адаптации женщин к беременности, снижение уровня тревожности, изменения психоэмоционального состояния и понимание необходимости получать психологическую помощь после рождения детей.

Плавное вхождение в родительство, осознание будущими родителями новых ролей сможет способствовать нормальным родам и гармоничному воспитанию ребенка, который сможет вырасти полноценной, независимой личностью и в дальнейшем создаст крепкую и здоровую семью.

Основными задачами на ближайшее будущее являются следующие: обеспечение будущих родителей методическими материалами – книгой развития ребенка, дневником

родителей, памяткой для беременной (приемы саморегуляции); разработка рекомендаций психологов и врачей (поведенческий аспект и конкретные действия); создание горячей линии для беременных и семей, ожидающих рождения ребенка; организация выпуска Самарского информационного листа психологической поддержки беременной (карта, справочник и т.д.); внедрение в женские консультации бланков «Самодиагностики» для самостоятельной диагностики, доступной обработки и желательных действенных шагов для беременных женщин (бланк ТОБ, САТ, самостоятельная обработка и рекомендации); организация в каждом районе на базе женской консультации курсов родительской компетенции для беременных с выдачей сертификатов «Грамотный родитель»: взаимодействие с внутриутробным ребенком, общение с младенцем, культура родительства (беседы, упражнения, игры); введение психологического патронажа в послеродовой период. Решение вышеперечисленных задач будет способствовать повышению эффективности работы центра.

Пренатальный стресс: усиление риска при современных технологиях ведения беременности и лечения бесплодия

Филиппова Г.Г.

*НОУ ДО «Институт перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы», Москва, Россия
filippova_galina@mail.ru*

В современном обществе проблемы репродуктивного здоровья семьи приобретают парадоксальный характер. С одной стороны резко увеличивается количество женщин и мужчин, имеющих нарушения репродуктивного здоровья. С другой стороны, остается большим количество аборт, увеличивается число социальных сирот, явлений девиантного родительства и даже появились сообщества молодых людей, сознательно отказывающихся от рождения детей – причем в этих случаях нет физиологических нарушений репродуктивной функции. В последние

десятилетия катастрофически растет количество искусственных зачатий. Первый в мире ребенок, зачатый методом ЭКО, родился в 1978 году, в России – в 1986 году. В 1995 году таких детей было 5 000, а в 2010 году людей, рожденных методами ВРТ, уже 5 000 000. В высокоразвитых странах все чаще возникают проблемы, связанные с наступлением и вынашиванием беременности (в некоторых европейских странах ЭКО составляет от 5 до 10% зачатий). В России в настоящее время более 130 клиник ВРТ. На медицинских конгрессах обсуждается проблема здоровья детей, рожденных в результате различных методов ВРТ.

Проблемами рождения и раннего развития ребенка занимается перинатальная психология. За последние четверть века перинатальная психология прошла ряд этапов своего развития от работы с беременными и диадой до системного подхода к психологическим проблемам репродуктивной функции. Развитие этого направления связано с актуальными запросами практики в области нарушений раннего развития ребенка, детско-родительских отношений, психологической неготовности к родительству, нарушений репродуктивного здоровья женщин и мужчин и использования вспомогательных репродуктивных технологий. На современном этапе произошла интеграция этих областей в единое направление, которое занимается разными этапами репродуктивного цикла и разными психологическими аспектами репродуктивной функции. Проблема репродукции стала общим профессиональным полем для психологов, а репродуктивный цикл – общим для этой области объектом науки и практики. В результате в современной психологии выделилось самостоятельное направление, которое можно обозначить как репродуктивная психология. Репродуктивная психология объединяет психологические аспекты осуществления репродуктивной функции и раннего развития человека, включая проблемы нарушения репродуктивного здоровья (5). Связь перинатальной психологии и проблем, возникающих на разных этапах репродуктивного цикла, можно проиллюстрировать на примере влияния пренатального стресса на систему стресс реагирования и репродуктивную систему взрослого человека (7). Пренатальный стресс (ПС) возникает в ситуации физиологических и психических проблем в период беременности. Он связан с повышением стрессовых гормонов у матери и выражается в гипоксии плода и изменении

его метаболизма. Это в свою очередь ведет к изменению системы стресс реагирования в сторону общей астенизации нервной системы и формирования повышенной сензитивности к стрессовым факторам в постнатальном периоде. Одновременно ПС оказывает повреждающее влияние на развитие репродуктивной системы (4). Это связано с тем, что существует эволюционно обусловленная биологическая взаимосвязь системы стресс реагирования с системой размножения. Эффективное размножение возможно только в условиях безопасности. Если условия среды не соответствуют ресурсам родительских особей (в первую очередь материнской), то размножение не целесообразно. Контролирует безопасность стресс система, главным органом которой является надпочечник. Онтогенетически надпочечник закладывается фактически одновременно с гонадами (органами репродуктивной системы) на 3-й неделе внутриутробного развития. В регуляции репродуктивной функции и системы стресс реагирования единой центральной частью является гипоталамо-гипофизарная система. Через нее пересекаются две оси, регулирующие физиологические процессы размножения и психические механизмы, участвующие в регуляции эмоционального реагирования. Это гипоталамо-гипофизарно-гонадная ось и гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая ось.

Таким образом, еще внутриутробно закладывается связь систем размножения и систем эмоциональной регуляции. Исследования конца XX – начала XXI веков показали влияние ПС на репродуктивную функцию. У женщин это влияние проявляется в нарушениях овуляторного цикла, способности к зачатию, вынашиванию беременности, нарушениях в родовой деятельности, лактации, а также в возникновении послеродовой депрессии, которая нарушает диадические отношения. У мужчин ПС связан с феминизацией и нарушением сперматогенеза. Кроме того, ПС связан с нарушением общего метаболизма, является предиктором астенизации нервной системы, формирования психосоматического статуса, он является причиной возникновения симптомов психического диатеза и возможно оказывает влияние на появление расстройств аутистического спектра (1, 2, 3). Все эти проявления усиливаются в последние десять лет, несмотря на повышение медицинских технологий, мер профилактики и реабилитации различных заболеваний. На основании этого

пренатальный стресс можно расценивать как явление, оказывающее системное воздействие на все аспекты развития человека. Таким образом ПС является реальным «узлом», в котором пересекаются проблемы перинатального периода и раннего постнатального развития с последствиями на психику, общее и репродуктивное здоровье человека. В репродуктивной психологии показана связь ПС с нарушениями репродуктивного здоровья у женщин и мужчин. Исследования в течении 10 лет на базе клиники Семья+ и в частном консультировании по вопросам репродуктивного здоровья женщин и мужчин свидетельствуют о том, что при нарушениях репродуктивного здоровья в подавляющей большинстве случаев обнаруживается ПС в раннем периоде беременности матери. По семейной истории у пациентов выявляется стресс у матери (особенно в период узнавания о беременности и адаптации к ней), у самих пациентов (у женщин и мужчин) наличие ПС выявляется по проективным методикам, переживанию жизненных ситуаций, функциональной диагностике методами кинезеологии и по Фоллю (7). Главными причинами возникновения ПС является стресс матери, особенно в первом триместре беременности. Опыт нашей работы позволяет описать различные проявления последствий ПС у женщин и мужчин с нарушениями репродуктивного здоровья.

Проявление ПС у беременных и их партнеров:

- «Страх внедрения» на первых неделях беременности: чувство чужеродности, паники, ночные кошмары с угрозой своей целостности, панические атаки
- Угроза невынашивания, замершие беременности, тревожные состояния и соматизация на тех же сроках, когда был стресс у матери
- Немотивированная агрессия или избегающее поведение у партнера

Проявление ПС при бесплодии у женщин:

- «Страх внедрения», напряжение в области матки при представлении о беременности
- Представления об угрозе своему здоровью или здоровью ребенка во время беременности
- Неосознаваемое избегание зачатия

Проявление ПС при бесплодии у мужчин:

- Нарушение сперматогенеза по типу астеноспермии и олигоспермии

- Чувство иррациональной тревоги, связанной с темой беременности

Эти проявления сами по себе провоцируют стресс в беременности и соответственно ПС у плода, что ведет к трансляции этих проблем в следующее поколение. В современном обществе ПС усиливается в результате целого ряда факторов, причем ряд из них являются следствиями стремления к улучшению родительства и здоровья ребенка как со стороны медицинской, так и психологической. Причем такое усугубление явлений ПС связано не с общим ухудшением жизни – скорее наоборот, чем благополучнее социальный статус семьи, тем больше оснований появляется для возникновения стрессового состояния женщины в период беременности, особенно на ранних сроках. Можно выделить следующие группы факторов:

Общие негативные факторы:

- Общее увеличение неготовности к родительству, в результате чего наступление беременности переживается как кризис
- Представление о беременности как «тяжелой болезни»
- Затягивание возраста рождения первого ребенка, что ведет к повышенной тревожности при наступлении беременности
- Нестабильность семейной ситуации и готовности «буфера» (поддерживающего окружения близких людей)
- Конфликт базовых ценностей у мужчин и женщин, что провоцирует амбивалентное отношение к беременности
- Выбор партнеров без учета их репродуктивного статуса
- Страх рождения ребенка с нарушениями в развитии
- Накопление в популяции женщин и мужчин, имеющих осложнения (в том числе ПС) в анамнезе
- Увеличение нарушений репродуктивного здоровья, что провоцирует тревогу за вынашивание беременности

«Парадоксальные» факторы:

Медицинские факторы:

- Ранний контроль за зачатием и наступлением беременности, в результате чего извращается природное состояние «тайны» наступления беременности: в

естественных условиях женщина узнает о беременности на 4-5 неделе, когда эмбрион уже успешно имплантировался и взаимная адаптация материнского организма и эмбриона уже в целом произошла

- Гипердиагностика угроз бесплодия и невынашивания беременности, что ведет к повышенной тревожности женщины, «сканированию» своих телесных симптомов с усиленной фиксацией на негативных проявлениях

- Скрининговая диагностика нарушений развития плода, которая резко усиливает тревогу беременных и провоцирует опасения по поводу возможных нарушений развития ребенка и страх оказаться перед выбором решения о прерывании беременности

- Сохранение беременностей и выращивание детей, рожденных на ранних сроках гестации с последующим «запуском» их в репродукцию, что способствует трансляции патологического паттерна ПС в следующие поколения

- Развитие репродуктивных технологий, позволяющих иметь потомство людям с нарушениями репродуктивной функции, в результате чего возникает страх за вынашивание беременности и здоровье свое и ребенка, что резко усиливает стресс матери в период беременности, особенно на ранних сроках

- Гиперконтроль за процессом зачатия и ранними сроками беременности, что создает сильное психическое и физическое напряжение женщины, а нередко и мужчины

Психологические факторы:

- Культивирование ценности и сверхценности ребенка, что ведет к повышенной тревоге в период беременности и ощущению невозможности обеспечить для ребенка «идеальные условия»

- Осознанная подготовка к родительству, в ряде случаев провоцирующая перфекционизм и повышенную тревожность в период зачатия и ожидания беременности

- Повышение субъектного отношения к ребенку и привязанности матери к ребенку в период беременности, что резко повышает тревогу матери, часто стимулирует неадекватные представления о необходимости «погружаться» в контакт с ребенком с самых ранних сроков беременности, страх за возможный вред для ребенка малейших отклонений от «идеального» вынашивания беременности

- Культивирование переживания репродуктивных потерь, в том числе беременности на ранних сроках, что провоцирует страх потери и длительное усиленное страдание по этому поводу, часто требующее продолжительной психотерапевтической реабилитации

- Культивирование представлений о стресснеустойчивости беременных, что провоцирует нестабильность их нервно-психического состояния.

Если обратиться к народной практике, то можно обнаружить целый ряд «профилактических» мер, снижающих риск ПС в период беременности матери (6):

- Повышение стрессоустойчивости у женщин в целом, так как жизнь вообще была более тяжелой физически, люди чаще сталкивались с болезнями и смертями близких и другими негативными явлениями

- Естественный отбор, в результате чего выживали дети с гораздо более крепким здоровьем

- Искусственный отбор – приоритет выбора супругов с крепким здоровьем и хорошим репродуктивным статусом

- Психологическая готовность женщин и семьи к рождению ребенка, как результат основных жизненных ценностей и целенаправленного формирования готовности к родительству в онтогенезе

- Организация микросоциума – буфера, с наличием жестких правил поведения беременной и отношения к ней ее близких

- Невозможность контроля зачатия и начального периода беременности, о беременности узнавали только тогда, когда она уже достаточно прочно закрепилась

- «Замалчивание» раннего периода беременности: с женщиной на ранних сроках не принято было говорить о беременности, тем более с посторонними; в результате при ранних потерях не надо было «оправдываться» и вступать в травмирующие женщину объяснения

- Толерантность к перинатальным потерям и рождению детей с нарушениями в развитии

- Наличие ритуалов, регламентирующих формы и сроки переживания перинатальных потерь

- Не культивирование субъектного отношения и привязанности к ребенку до его рождения: ребенок считался не полностью принадлежащим миру живых до 40 дня после рождения, и тем более не было правил и рекомендаций по взаимодействию с ребенком до его рождения, даже называть ребенка следовало только при крещении.

Все это облегчало переживание матери и близких при частых перинатальных и ранних постнатальных потерях. Конечно, слепо переносить народные традиции в современное общество нецелесообразно. Изменилось общество, изменилось и наше отношение к детям и родительству. Однако это серьезный повод задуматься над последствиями «высоких технологий» и позицией специалистов, работающих с будущими родителями при подготовке к беременности и во время беременности. Может быть, увлеченно устремляясь к высоким целям и светлым идеалам, мы невольно «проскакиваем» золотую середину и теряем адекватные ориентиры здравого смысла? Кроме того, даже с позиции психофизиологической теории доминанты, сверхценная мотивация создает патологический очаг напряжения, мешающий рациональной работе функциональной системы не меньше, чем негативные факторы, питающие альтернативную репродуктивной доминанте доминанту тревоги.

Видимо, следует одновременно снижать действие негативных факторов, провоцирующих ПС, и оптимизировать факторы, поддерживающие и усиливающие репродуктивную доминанту.

Список литературы

1. Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С. Психосоматические расстройства и патологические привычные действия у детей и подростков / Ю.Ф. Антропов, Ю.С. Шевченко – М.: Изд-во Института Психотерапии, Изд-во НГМА, 2000. – 320 с.
2. Колоскова М.В. Психическое развитие младенцев с повышенным риском заболевания шизофренией. Дисс. канд. пс. Наук /М.В. Колоскова - М., 1989. – 26 с.
3. Пауэр М.Л., Шулькин Дж. Рождение ребенка, дистресс и риск болезней / М.Л. Пауэр, Дж. Шулькин – М.: «Триада-Х», 2010. – 264 с.
4. Резников А.Г., Пишак В.П., Носенко Н.Д. и др. Пренатальный стресс и

нейроэндокринная патология / А.Г. Резников, В.П. Пищак, Н.Д. Носенко и др. – Черновцы: Медакадемия, 2004. – 351с.

5. Филиппова Г.Г. Репродуктивная психология: психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий /Г.Г. Филиппова // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. – 2014. – №3 (5). – URL: <http://medpsy.ru/climp>

6. Филиппова Г. Г., Василенко Е. В. Представления о возрастной периодизации детства в средневековой Руси/ Г.Г. Филиппова, Е.В. Василенко // Знание. Понимание. Умение. - 2014. - № 3. - С. 277–286.

7. Филиппова Г.Г. Печникова Е.Ю., Перинатальная психотерапия и репродуктивное здоровье семьи: интеграция подходов и расширение границ науки и практики /Г.Г. Филиппова, Е.Ю. Печникова // Психотерапия. – 2013. - №11 (131). Материалы Объединенного Евроазиатского Конгресса по психотерапии «Психотерапия без границ: прошлое настоящее будущее» 5-7 июля 2013г., Москва. – Выпуск № 5. - С. 92.

Репродуктивная психология: современный этап развития перинатальной психологии в России

Reproductive psychology: the current stage of development of perinatal psychology in Russia

Филиппова Г. Г.

*профессор кафедры общей психологии и истории психологии АНО ВПО «Московский гуманитарный университет», доктор психологических наук, профессор,
Москва, Россия*

filippova_galina@mail.ru

Секция перинатальной психологии была организована при Российском Психологическом Обществе, и одновременно при Московском отделении РПО, в 2003 году. Создание секции стало результатом объединения целого ряда направлений

отечественной психологии: психологии раннего развития, психологии родительства (материнства и отцовства), психологии детско-родительских отношений, психологии беременности. В психологической практике основанием для такого объединения стал опыт ведения курсов для будущих родителей по подготовке к родам и родительству, консультирование детско-родительских отношений, тренинги для родителей и др. Все эти научные и практические направления объединились в единое профессиональное поле под общим названием «перинатальная психология». В этот период в профессиональном и даже в бытовом лексиконе появилось словосочетание «перинатальный психолог» - как описательное название, характеризующее профессиональную ориентацию специалиста.

В последнее десятилетие в развитии этого направления произошел ряд изменений, связанных как с развитием науки, так и с изменением запроса практики. Эти изменения в первую очередь связаны с тем, что в начале нашего столетия во всем мире и в России началась эпоха демографических проблем, проявлением которых стало нарастающее нарушение репродуктивного здоровья населения. Как результат - появился запрос на психологическую помощь при нарушениях течения беременности, бесплодии и невынашивании беременности, а несколько позже и при нарушениях репродуктивной функции у мужчин. Активное развитие вспомогательных репродуктивных технологий в медицине также способствовало обращению психологов к вопросам нарушений репродуктивного здоровья и к возможности оказания психологической помощи пациентам репродуктивных клиник [4]. Развитие теоретических подходов в перинатальной психологии, психологии родительства и других смежных областях психологии позволило выделить и обосновать новый предмет науки и практики – психологию репродуктивной сферы человека [2]. Репродуктивная сфера определяется как организация всех систем жизнедеятельности человека для осуществления репродуктивной функции. В репродуктивной сфере выделяются психологическая и физиологическая составляющие, обосновывается их взаимосвязь. В этом подходе физиологические нарушения репродуктивного здоровья стали рассматриваться как психосоматическое проявление нарушений в репродуктивной сфере женщин и мужчин. Теоретической основой этого подхода является теория функциональных систем и учение

о доминанте, в сочетании с классическими и современными подходами в психоанализе и перинатальной психологии [2].

Поиск причин нарушений в реализации репродуктивной функции позволил разработать представление о психологической неготовности к родительству и ее связи с проблемами в диадических отношениях. Сравнение психологических особенностей женщин с диагнозом «бесплодие», «невынашивание беременности», женщин, оттягивающих рождение детей до позднего репродуктивного возраста, а также тех, кто сознательно отказывается от рождения детей, выявило сходство в их психологической неготовности к родительству [1, 2]. Это положение находит свое подтверждение при изучении нарушений раннего развития ребенка, которое в ряде случаев также связано с разными формами искажений детско-родительских отношений. Эти искажения возникают в результате психологической неготовности родителей к рождению и воспитанию детей. Таким образом была обоснована теоретическая и практическая связь проблематики перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы. Еще одним достижением этого периода стало понимание психосоматической природы нарушений репродуктивного здоровья как женщин, так и мужчин, что привело к появлению термина «репродуктивная психосоматика» [3].

Эти явления в современной науке и практике послужили основанием для нового этапа интеграции всех направлений, которые занимаются разными аспектами рождения и развития человека с одной стороны – и тем, как это рождение и развитие обеспечивается женщинами и мужчинами, родителями ребенка – с другой стороны. Сформировалась устойчивая связь нескольких областей психологии и смежных наук, ориентированных на проблемы воспроизводства – рождения и воспитания детей, и репродуктивной функции женщин и мужчин – как способности к рождению и воспитанию детей. Это три основных области, плотно пересекающиеся между собой: перинатальная психология, объединяющая в себе вопросы раннего развития ребенка и родительского (материнского и отцовского) отношения и поведения; психология родительства, изучающая материнство и отцовство как часть личностной сферы взрослого человека; психология репродуктивной сферы, охватывающая психологические и психосоматические вопросы реализации репродуктивной функции.

В результате пересечения означенных проблем в современной психологии появилось новое направление – **репродуктивная психология**, в которую включены все психологические аспекты репродуктивного здоровья. В этом направлении выделяется две взаимосвязанные составляющие репродуктивного здоровья: физиологическая - как способность зачать, выносить и родить здорового ребенка, и психологическая – как способность вырастить и воспитать здорового физически и психически ребенка и подготовить его к реализации репродуктивной функции в будущем. При таком подходе репродуктивная функция рассматривается как рождение и воспитание детей, которые сами смогут продолжить род – то есть смогут сами родить и воспитать здоровое потомство.

В результате произошло логичное объединение тех направлений психологии, которые с одной стороны занимались разными этапами реализации репродуктивной функции (то есть разными этапами репродуктивного цикла - от онтогенеза репродуктивной функции до ее реализации у взрослых женщин и мужчин), а с другой стороны - разными психологическими аспектами репродуктивной функции: психофизиологическими, ценностно-смысловыми, гендерными, поведенческими, психосоматическими и т.п.

Можно заключить, что появился **новый объект** изучения и практического приложения в современной психологической науке – это **психологические аспекты репродуктивной функции человека** – в котором каждое направление выделяет **свой предмет**, но для полноты его понимания стремится к интеграции со смежными направлениями, также выделяющими в этом объекте свои **частные предметы**.

Это означает, что **проблема репродукции** стала общим профессиональным полем для психологов, а **репродуктивный цикл** – как все, что связано с воспроизводством в широком смысле – общим для этой области **объектом** науки и практики. В таком случае для этой области психологии общим **предметом** становятся **психологические аспекты реализации репродуктивной функции**, и каждое направление выделяет в качестве конкретно-научного предмета один из этих аспектов. Это позволяет говорить о выделении нового междисциплинарного (объединяющего разные области психологии) направления в современной психологии, пересекающегося

также со смежными науками - медициной, психосоматикой, философией, педагогикой.

Таким образом за прошедшие четверть века перинатальная психология прошла ряд этапов своего развития от работы с беременными и диадой - до системного подхода к психологическим проблемам репродуктивной функции семьи. Данная область психологии может быть обозначена как **репродуктивная психология**. Она объединяет все психологические аспекты репродуктивной функции – от общего онтогенеза, включающего онтогенез репродуктивной сферы – до реализации репродуктивной функции и нарушений физиологической и психологической составляющих репродуктивного здоровья. Это направление охватывает все этапы репродуктивного цикла, в нем объединяется проблематика перинатальной психологии, психологии материнства и отцовства, психологии репродуктивной сферы и психологии нарушений репродуктивного здоровья. В настоящее время в репродуктивной психологии разработаны теоретико-методологические основы представлений о психологической составляющей репродуктивной функции человека, опирающиеся на эволюционно-системный подход, учение о функциональных системах, психосоматический подход, классические и современные теории раннего развития [2, 3]. В этой области уже сложился свой категориальный аппарат, ориентированный на комплексность знаний, междисциплинарные связи и применение интегративного подхода в практической психологической работе.

Список литературы

1. Захарова Е.И. Ценность материнства у современных женщин и практика осуществления родительской деятельности / Современная российская семья: психологические проблемы и пути их решения: монография. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2013. С.73-86.
2. Филиппова Г.Г. Психология репродуктивной сферы человека: методология, теория, практика [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. N 6. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru)

3. Филиппова Г.Г. Печникова Е.Ю. От перинатальной психотерапии - к репродуктивной психологии: современные тенденции развития модальности // Психотерапия. №9 (141), 2014г. Материалы Международного Конгресса «Отечественные традиции и новации в психотерапии, практической и консультативной психологии» 17-19 октября 2014г., Москва. Выпуск №1. С. 36-41.
4. Филиппова Г.Г. Репродуктивная психология для репродуктивной медицины: психологическая помощь пациентам в программах ВРТ // Материалы XXIV Ежегодной Международной конференции «Репродуктивные технологии сегодня и завтра» 3-6 сентября 2104г., Ярославль. С. 135-137.

**Содержание и структура психологического консультирования в ситуации
перинатальных потерь**
Content and Composition of Psychological Support in Case of Perinatal Death

Чижова М. А.

*первый проректор НОУ «Институт перинатальной психологии и психологии
репродуктивной сферы», репродуктивный психолог, Москва, Россия
marina-chizhova@yandex.ru*

В ситуации перинатальной потери женщина и члены её семьи остро нуждаются в специализированной психологической помощи. Оказание данной помощи особенно эффективно, если психолог прошел соответствующую подготовку не только в области работы с травмой, но и узконаправленное обучение оказанию психологической помощи в ситуации перинатальной потери. Данная ситуация имеет ряд особенностей, недостаточное внимание к которым может приводить к формированию ятрогенных страхов в отношении будущей беременности или родов и осложнению горевания.

Вместе с тем, в современной психологической литературе фактически нет обоснованных и адекватных реалиям нашей страны практических рекомендаций для психологов, работающих с данной темой. Восполнению этого пробела и посвящена эта

статья. В данной статье приводятся практические рекомендации по структуре и содержанию психологического консультирования в ситуации перинатальной потери, актуальные как в случае работы в остром периоде переживания горя, так и в более отдаленном периоде.

Предлагаемая система работы была предложена и реализуется автором данной статьи, а также практикующими психологами, прошедшими обучение в рамках авторского курса «Работа с перинатальными потерями. Психологическая помощь при переживании горя» (30 академических часов) и доказала свою эффективность и практическую значимость.

Отличие состояния клиента в ситуации перинатальной потери от стандартного психологического консультирования и психологического консультирования в ситуации горевания.

Так как структура и содержание консультирования в ситуации перинатальной потери обусловлены особым состоянием клиента необходимо описать специфические черты этого состояния.

В ситуации перинатальной потери клиент может не иметь сознательного запроса на психотерапию, не иметь сил разговаривать с посторонним человеком на болезненную для себя тему, и даже агрессивно реагировать на психолога или других людей, но при этом остро нуждаться в помощи. Это приводит к тому, что терапевтический контракт, явно или имплицитно присутствующий в психологическом консультировании, должен быть адекватным состоянию клиента и направлен в первую очередь на восстановление психического равновесия клиента и его способности войти в свое ресурсное состояние. Апелляция психолога только к сознательной позиции клиента и просьба сформулировать запрос зачастую приводят к потере контакта. Психолог как профессионал, осознающий закономерности процесса переживания горя, обладает ведущей ролью в этой ситуации, объективирует состояние клиента и осознанно направляет клиента к следующему этапу переживания [1].

Общепсихологические закономерности переживания горя актуальны и в ситуации перинатальной потери, и имеют свое специфическое содержание. Психологу необходимо учитывать этап переживания, на котором актуально находится клиент для

построения адекватной стратегии работы [2]. Особенностью переживания перинатальной потери в отличие от других ситуаций горевания, является ощущение уникальности происходящего и полного отсутствия «социально понятных» механизмов действия в этой ситуации. В связи с этим у клиентов присутствует яркий выраженный запрос на формирование адекватной ситуации стратегии поведения. Вместе с тем, горевание зачастую связано с яркими телесными ощущениями и усиливается нестабильным физиологическим состоянием клиента (например, в случае если это беременная или недавно родившая женщина), что вызывает большую субъективную остроту переживания и большую предрасположенность к возникновению психосоматических расстройств.

Условия, необходимые для психологического консультирования в ситуации перинатальной потери.

Для психологического консультирования в ситуации перинатальной потери желательны особые временные и материальные условия:

1. Желательная продолжительность первичной консультации - 1,5 часа и более. Это связано с тем, что клиенту в ситуации перинатальной потери требуется больше времени на установление контакта с психологом и требуется выделение отдельного времени на обсуждение неотложных действий. В идеальной ситуации продолжительность первичной консультации определяется самим клиентом.
2. Необходимый инвентарь (желательно в такой упаковке, которая легко транспортируется в любое место оказания психологической помощи):
 - а) Салфетки бумажные.
 - б) Успокоительные средства (валериана, Успокоительный сбор) и вода.
 - в) Цветные карандаши (для выполнения проективных тестов), ручки (для записи), бумага. Планшет, в случае, если консультация осуществляется прямо в палате.

Структура первичной консультации:

1. Приветствие. Указание места для работы, временного регламента (при необходимости).

2. Выражение соболезнования. Рекомендуемые фразы психолога: «Я Вам очень сочувствую», «Я выражаю Вам своё соболезнование», «Мне очень жаль».
3. Выяснение обстоятельств произошедшего и развития событий до сегодняшнего момента. Побуждающая фраза психолога: «Расскажите мне, что произошло».
4. Информирование об этапах переживания горя и общепсихологических закономерностях переживания. Рассказ иллюстрируется чувствами и мыслями самих горюющих, даются ссылки на те слова, которые клиент(ы) говорили в своем рассказе. Это информирование имеет важнейшее значение для установления контакта, так как клиенту важно чувствовать, что психолог понимает его переживания, обладает знанием о том, что переживания не бесконечны и может помочь пережить.
5. Диагностика. Рекомендуется использовать не более 1-2 коротких методик. Мы рекомендуем использовать модифицированный проективный рисунок «Человек под дождем» с целью выявления актуального эмоционального и телесного состояния и адаптированный опросник «Копинг-механизмы» Е. Хайма для выявления актуальных копинг-стратегий.
6. Психологическая коррекция или психотерапия. Содержание консультирования выстраивается в зависимости от актуального для клиента этапа переживания горя и характерных для ситуации перинатальной потери тем [1, 3]. Могут быть использованы любые терапевтические направления или техники, которыми владеет психолог для коррекции эмоционального состояния клиента. Содержательное наполнение консультирование описано ниже.
7. Подведение итогов консультации, возможно запись основных выводов или необходимых действий.
8. Договоренность о дальнейших действиях и доступности для контакта. На этом этапе очень важно, чтобы психолог сохранялся доступным для контакта в случае появления у клиента неотложных вопросов. Это обеспечивается, например, указанием времени, в которое возможно обращение, или обеспечением дистанционной поддержки по телефону.

Содержание консультирования.

Консультирование в ситуации перинатальной потери включает в себя три сферы работы: эмоциональную, когнитивную и поведенческую.

Цель работы в эмоциональной сфере – поиск ресурсного состояния и помощь в проживании всех этапов горевания. Коррекция состояния осуществляется как целенаправленно, так и в результате работы со смыслами [3].

Работа в когнитивной сфере имеет своей целью осмысление происходящих изменений и выстраивание осознаваемых механизмов реагирования на ситуацию потери. На разных этапах работы выбираются наиболее значимые для клиента темы, обсуждаются наиболее частые вопросы клиентов в этой ситуации [2, 3].

Поведенческая сфера консультирования создает для клиента среду, в которой выстраивается адекватное немедленное реагирование (особенно в ситуации актуальной агрессии или чувства вины) и помогает выработать стратегию действий в различных предстоящих ситуациях (роды; похороны; общение с родными, знакомыми, врачом; возвращение на работу и т.д.).

Наш опыт применения вышеописанной структуры и содержания психологического консультирования показывает, что стойкого улучшения состояния клиента можно добиться в рамках 1,5-3 часовой консультации. Дальнейшее консультирование осуществляется по запросу клиента.

Список литературы

1. Чижова М.А. Особенности позиции психолога при консультировании в случае переживания горя в ситуации перинатальных потерь. // Профессиональная психотерапевтическая газета. № 10 (119) октябрь 2012. Материалы международного конгресса «Психотерапия, практическая и консультативная психология – сплетение судеб». 2012 г., г. Киев, Украина. С. 97.
2. Чижова М.А. Этапы переживания горя у матерей при перинатальной смерти ребенка и их лингвистические маркеры // Перинатальная психология и психология родительства. 2009. №4. С. 113-119.

3. Чижова М.А. Перевод переживания в смысл в психологическом консультировании по поводу перинатальной потери. // Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы. 2012. №3. С. 9-18.
4. Чижова М.А. Психологическая помощь при перинатальных потерях // Психотерапия. 2010. №10. Материалы Всемирного конгресса русскоязычных психотерапевтов «Языки психотерапии». 2010 г., г. Москва. С. 49.

Анализ личностного потенциала родителей, перенесших потерю ребенка
Evaluating of personal potential in parents who have survived the loss of a child

Шлягина Е. И., Гольденберг Т. С.

*ведущий научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
кандидат психологических наук, Москва, Россия*

e.shliagina@gmail.com

*психолог, выпускница факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия*

tatyanagoldenberg@yandex.ru

Проблематика переживания горя от потери ребенка, использование личностных ресурсов, влияние диадического копинга в системе семейных отношений на принятие потери у родителей, стали основными реперными точками нашего исследования. Именно понимание возможностей личностного потенциала родителей и их семейного уклада, рассматриваются как отправные точки для совладания с такой трудной жизненной ситуацией как потеря ребенка.

В отечественной психологии практически нет научных исследований, обращающихся к анализу проблематики переживания ситуации потери ребенка. Хотя потребность в психологическом сопровождении семей, потерявших ребенка – очень высока. Свидетельством тому является появление первого в России информационного ресурса о преждевременных родах и недоношенных детях: www.prematurebaby.ru в 2010

году. Психологическая травма, связанная с потерей ребенка в результате преждевременных родов или в период беременности, одна из самых тяжелых ситуаций в жизни любой семьи.

В зарубежной психологической науке, интерес по отношению к проблематике переживания утраты ребенка родителями, достаточно высок.

Как показывают зарубежные исследования, горюющие родители представляют собой крайне уязвимую группу. Среди них наблюдается высокий риск возникновения аффективных расстройств [3], более высокой смертности, чем среди родителей, не потерявших детей [3], более выраженный эмоциональный дистресс [2, 6].

М. Штребе, предложила модель двойного совладания с тяжелой утратой [4]. По мнению исследователей, изучение феномена утраты предполагает использование людьми двух вариантов копинга: 1) копинг, ориентированный на потерю; 2) копинг, направленный на восстановление. Данное обстоятельство указывает на два вида стрессоров, каждый из которых требует определенных копинг-усилий в процессе совладания с утратой. Копинг, ориентированный на потерю связан с «работой горя» - с воспоминаниями, размышлениями об умершем человеке, об обстоятельствах и событиях, окружающих смерть близкого. Копинг, направленный на восстановление представляет собой источник совладания со стрессом.

Смерть ребенка вызывает не только тяжелейшее чувство утраты, горя, депрессии; это также вызов семейному благополучию, семье как целостности. По данным зарубежных исследований - стресс, возникший вследствие потери ребенка может разрушить супружеские взаимоотношения и приводит к высоким показателям разводов [1].

Разница в родительском опыте отцов и матерей, способствует порождению различий в переживании опыта утраты родителями, тем самым приводя к разному воздействию стресса на супружескую пару [цит. по 6].

Мужчины и женщины выражают горе и справляются с потерей разными способами, мужчины чаще, чем женщины подавляют свои негативные эмоции, а в качестве копинг-стратегии используют избегание [5].

Эмоциональная поддержка внутри семейной пары может оказывать благотворное влияние на психическое и физическое здоровье, и стать буфером от негативных воздействий, вызываемых переживанием утраты.

В 2013-2014 году, нами была предпринята попытка подойти к пониманию того, как в семье, потерявшей ребенка «страдание переплавляется в мудрость» совладания и может становиться источником посттравматического личностного роста.

Наше исследование было проведено на выборке матерей и отцов, перенесших утрату ребенка, как в результате преждевременных родов, так и в случаях неудачно завершившейся беременности. В исследовании приняли участие 10 женщин и 3 супружеские пары (28-40 лет), активные участники форума сайта, посвященного проблематике преждевременных родов и недоношенных детей: www.prematurebaby.ru.

Специально для целей исследования нами была разработана «Анкета»; для диагностики личностного потенциала семейных пар, были использованы проективные и опросные методики.

Мы использовали следующие проективные методики:

1. Методика «Незаконченные предложения» Д.М. Сакса и С. Леви (Сакс Дж. Н., Леви С., 2000) Мы использовали модификацию методики «Незаконченные предложения», направленную на выявление отношения испытуемых к семье и семейным ценностям.

Среди опросных методик, в исследовании были использованы:

1. Опросник «Способы совладающего поведения» Р.Лазаруса, в адаптации Л.И.Вассермана (Вассерман Л.И., 2008)
2. Опросник жизнестойкости С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой (Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., 2006)
3. Тест смысложизненных ориентаций Дж.Крамбо и Л. Махолика, в адаптации Д.А. Леонтьева (Леонтьев Д.А., 2006)
4. Методика исследования самоотношения С.Р. Панталева (Панталева С.Р., 1993)
5. Методика ролевые ожидания и притязания в браке А.Н.Волковой (Волкова А.Н., 1990)

Большой массив полученных результатов, позволяет нам выдвигать гипотезу о предикторах совладания с ситуацией потери ребенка. Этими предикторами могут выступать такие факторы как: наличие значимой супружеской поддержки; такие составляющие личностного потенциала как высокий уровень жизнестойкости, наличие таких смысложизненных ориентаций как аутосимпатия, самоуважение; наличие эффективных стратегий совладания; согласованность неосознаваемых установок супругов по отношению к семейным ценностям, взаимопомощи. Главной опорой для женщины в совладании с горем явилось страдающее участие супруга. В тех случаях, когда испытуемые сообщают об отсутствии поддержки со стороны мужа, принятие потери не произошло.

Мы полагаем важным, продолжение изучения проблематики вопросов, связанных с личностными особенностями семейных пар – матерей и отцов, переживших смерть ребенка. Многостороннее широкое изучение личностных ресурсов и особенностей таких людей, может способствовать разработке программ психологической помощи и поддержки; программ подготовки, направленных на увеличение психологической компетенции медицинских специалистов в родильных домах, перинатальных центрах. Исследование родителей, переживших потерю ребенка продолжается.

Список литературы

1. Buchi, S. Shared on discordant grief in couples 2-6 years after the death of their premature baby: Effects of suffering and posttraumatic growth // *Psychosomatics*. 50 (2). 2009. P.123-130.
2. Dyregrov, K., Nordanger, D., & Dyregrov, A. Predictors of psychosocial distress after suicide, SIDS, and accidents. // *Death Stud*. 27. 2003. P. 143-165.
3. Li, J., Laursen, T.M. Precht, D.H.,Olsen, J.,&Mortensen, P.B. Hospitalization for mental illness among parents after the death of a child // *New England Journal of Medicine*, 352, 2005. P. 1190-1196.
4. Stroebe, M., Schut, H. The dual process of coping with bereavement: Rationale and Description, *Death Stud*. 1999. 23. P.197-224.

5. Song, Jieun, Floyd, Frank J., Seltzer, Marsha Mailick. Long-term effects of child death on parents health related quality of life: A dyadic analysis // Family Relations. Vol.59. July 2010. P. 269.
6. Wingaards-de Meij, M. Stroebe, W. Stroebe, W. Schut, H. Parents grieving the loss of their child: Interdependence in coping// British journal of clinical psychology. 47. 2008. P. 31-42.

Особенности переживания беременности при ЭКО
Features of pregnancy experience in IVF

Якупова В. А. Захарова Е. И.

аспирантка факультета психологии МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия

vera.a.romanova@gmail.com

доцент, к.психол.н., доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-I-Z@yandex.ru

В настоящее время процедура экстракорпорального оплодотворения получила широкое распространение. Благодаря совершенствованию медицинских технологий, родительство стало возможным для пар, которые были обречены на бездетность. Появился и практический запрос на психологическое сопровождение пар, решивших принять участие в программе ЭКО. Формирование внутренней материнской позиции при ЭКО происходит в особенных психологических условиях. Процедуре ЭКО предшествует период бесплодия, сама процедура нередко является последней возможностью самостоятельно родить ребенка. Беременность с использованием ЭКО является стрессовой по многим параметрам, как финансовым, так и эмоциональным. Специалисты во всем мире активно исследуют особенности психического состояния участниц программы ЭКО во время беременности. Остро стоит вопрос о

психологическом сопровождении пар, как готовящихся к ЭКО, так и получивших беременность с помощью ЭКО.

Целью нашего исследования является изучение особенностей переживания женщинами беременности при использовании процедуры ЭКО, а именно, эмоциональное состояние женщин, получивших беременность с помощью ЭКО, их отношение к беременности, будущему ребенку и выполнению родительских функций – к элементам, составляющим материнскую позицию. Для изучения материнской позиции нами был использован опросник Г.Г. Филипповой «Стиль переживания беременности», проективная методика «Рисунок «Я и мой ребенок»», для оценки эмоционального состояния был использован опросник Айзенка «Самооценка психического состояния». В исследовании приняло участие 224 беременных женщины второго и третьего триместра: 62 женщины, получившие беременность с помощью ЭКО, и 162 женщины с физиологической беременностью. Все участницы исследования столкнулись с соматическими осложнениями во время беременности. Исследование проводилось на базе ФГБУ Научного Центра акушерства, гинекологии и перинатологии им. В.И. Кулакова.

Отношение к беременности респонденток как в группе ЭКО можно охарактеризовать как амбивалентно-игнорирующее. Несмотря на возникновение осложнений во время беременности, женщины не демонстрируют выраженной тревоги. Напротив, в группе ЭКО присутствует ярко выраженное игнорирование возникающих сложностей – достаточно большой процент женщин (около 20%) отрицают возникновение каких-либо изменений в своем эмоциональном состоянии. В группе физиологической беременности (ФБ) отношение к беременности и уровень тревоги обладают сходными характеристиками. Женщины с физиологической беременностью, находящиеся в стационаре, также склонны игнорировать возникающие соматические осложнения и изменения с своим эмоциональным и физическим состоянием. В целом по выборке выявлена связь тревоги с наличием репродуктивных потерь в анамнезе. Среди женщин, которые не сталкивались с репродуктивными потерями, уровень тревоги значительно ниже, чем среди женщин, имеющих в анамнезе репродуктивные потери.

Респондентки обеих групп (ФБ и ЭКО) положительно относятся к шевелениям ребенка, к проявлениям его активности, однако в группе ЭКО значимо чаще испытывают амбивалентные чувства и эмоциональное отвержение по отношению к ребенку, чем женщины с физиологической беременностью (критерий фишера 1.78 на уровне значимости 0,05). Что касается образа будущего ребенка, в группе ЭКО преобладает эйфорическое представление о нем. Т.е. четкого представления о ребенке мамы не имеют, склонны его идеализировать, им сложно выделить особенности темперамента ребенка, динамику его шевелений. Когнитивный образ ребенка не является адекватным примерно у 40% респонденток в группе ЭКО (ребенок представляется им старше своего возраста). В группе ФБ также наблюдается тенденция к идеализации и искажению образа ребенка. При этом первородящие женщины, вне зависимости от участия в программе ЭКО, склонны к большей идеализации ребенка, чаще испытывают к нему амбивалентные чувства, чем женщины, имеющие опыт материнства (критерий фишера 2,626).

На фоне идеализации ребенка в группе ЭКО преобладает эйфорическое представление о себе как о матери. Важно отметить, что с возрастом усиливается склонность к идеализации себя в роли матери. В группе ЭКО среди женщин старше 36 лет значимо больше эйфорических ответов, чем среди женщин до 36 лет (критерий Фишера 2.66). Также на представление о себе в роли матери влияет время ожидания беременности, вне зависимости от участия в программе ЭКО: по выборке в целом среди женщин, ожидавших беременности более 5 лет, значимо больше эйфорических ответов (критерий Фишера 2,24 на уровне значимости 0,05).

На ряду с искаженным представлением о ребенке, у большинства женщин в обеих группах наблюдается неадекватная позиция по отношению к ребенку (75% в группе ФБ и 82,5% в группе ЭКО). Хотя в обеих группах преобладает неадекватная позиция по отношению к ребенку, в группе ФБ значимо большее количество женщин демонстрируют готовность и интерес к выполнению родительских функций, чем среди участниц программы ЭКО (хи-квадрат = ,029 на уровне 0,05).

На основе анализа полученных данных можно сделать следующие выводы.

1. Эмоциональное состояние беременной женщины и отношение к связанным с ней физиологическим изменениям определяется не столько способом наступления беременности, сколько картиной реального благополучия протекания беременности, сроком ожидания наступления беременности и возрастом будущей матери.
2. Основным источником тревожных переживаний женщин становится не столько факт зачатия с помощью ЭКО, сколько сопутствующие этому соматические проблемы, что подтверждается сходным эмоциональным состоянием группы женщин соматически осложненной физиологической беременности. Психическое состояние женщин, имеющих соматические проблемы во время беременности, значимо не различается.
3. Наличие опыта репродуктивных потерь способствует интенсификации тревожных переживаний во время беременности.
4. Участницы программы ЭКО склонны игнорировать возникающие и возможные трудности, идеализировать беременность и материнство.
3. Участницы программы ЭКО на фоне ярко выраженного стремления к наступлению материнства не видят себя в роли матери, не готовы принять на себя выполнение родительских функций. Их представления о будущем ребенке и о себе в роли матери далеки от реальности и носят эйфорический характер.

Список литературы

1. Захарова Е.И. Развитие личности в ходе освоения родительской позиции. Культурно-историческая психология. 2008. №2. с.24- 29.
2. Захарова Е.И., Чуваева А.С. Психологические аспекты привычного невынашивания беременности: (тезисы). Журнал акушерства и женских болезней. том LX. Специальный выпуск. Национальный конгресс "Дискуссионные вопросы современного акушерства" Санкт-Петербург, 1-4 июня 2011. С. 41-42.
3. Лебедько А.В. Особенности течения беременности и родов у женщин с экстракорпоральным оплодотворением: автореферат дис. кандидат мед. наук [Белорусский гос. мед. универс.], Минск, 2013.

4. Сидельникова В.М., Ходжаева З.С., Стрельченко М.Б. и др. Особенности течения и тактика ведения беременности после ЭКО и ПЭ. //Лечение женского и мужского бесплодия. Вспомогательные репродуктивные технологии. /Под ред. Кулакова В.И., Леонова Б. В., Кузьмичева Л.Н., М.: Русское информационное агентство. 2005. С. 479-487

5. Филиппова Г.Г. Психология материнства, М.: Учебное пособие. — М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002

6. Judith C. Daniluk "If We had it to Do Over Again...": Couples' Reflections on their Experiences of Infertility Treatments// The Family Journal 2001 9: 122 DOI: 10.1177/1066480701092006

Секция 4. Психология супружеских отношений

Детерминанты удовлетворенности браком в молодых семьях

Адушкина К.В

УрГПУ, Екатеринбург, Россия

korkva@yandex.ru

Кризисное состояние современной семьи, обусловленное как социокультурными и экономическими причинами, ярко проявляется в бракоразводной статистике. По данным Роскомстата в современной России на 100 заключенных браков приходится в среднем 57 разводов (2011-2015 г.г.), при этом чаще всего (34%) распадаются молодые семьи, прожившие вместе от 1 до 4 лет и еще не имеющие детей.

Супруги только что заключившие брак, сталкиваются с множеством не только бытовых, но и психологических проблем: им необходимо установить оптимальный для себя баланс близости или отдаленности, решить вопросы семейной иерархии и сфер ответственности, 13% пар в качестве причины развода указывают отсутствие общих взглядов на жизнь. На этом этапе могут возникать и сексуальные проблемы - как

следствие неопытности, разницы в воспитании, уровне желаний и т.д., что становится причиной 15% разводов. Выстраивание отношений с родительскими семьями также является важной задачей молодой семьи, вмешательство родственников – причина 12% разводов.

В результате совместной жизни должны сложиться отношения, удовлетворяющие основные потребности каждого из супругов, в противном случае брак может распасться. Таким образом, удовлетворенность является одной из ключевых характеристик брака, она рассматривается с позиций двух аспектов: с позиции соответствия между наличным и желаемым и с позиции субъективно переживаемого ощущения удовольствия-неудовольствия при оценке супругами всех аспектов брака.

Разнообразные детерминанты удовлетворенности браком достаточно подробно изучены, их можно условно разделить на две группы:

1. Социально-экономические
2. Психологические

Первая группа объединяет в себе такие показатели, как: стаж совместной жизни (Е.В. Автонюк, Ю.Е. Алешина, М. МакКери, Дж. Медлинг), разделение домашнего труда (Н.Г. Юркевич), статус мужа, материальный доход семьи (Т.В. Андреева, А.В. Толстова) [1,3,4].

Ко второй группе отнесем такие характеристики как, черты личности супругов (Ж.Бушар, О.В. Бузина, Е.Н. Новосельцева, Н.В. Смирнова), отношение супругов к себе и друг к другу (И.С.Адмиральская, Т.В. Андреева), согласованность семейных ценностей (Е.Б. Назарова), ролевые взаимодействия (ожидания), сексуальную удовлетворенность (С. И. Голод) [3] и влияние опыта родительской семьи на формирование супружеских отношений (Е.В. Романова, А.С. Щербакова) [2, 3,4,5].

Формирование неудовлетворенности браком часто рассматривается в контексте кризисных состояний семьи. Причиной снижения удовлетворенности, как правило, является невозможность удовлетворения какой-либо потребности, нахождение одного из супруга в состоянии фрустрации [7].

Наш исследовательский интерес мы сосредоточили на психологических детерминантах удовлетворенности браком в молодых семьях, для этой цели нами были подобраны следующие методики:

1. Тест-опросник удовлетворенности браком (В.В Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко);

2. Многофакторный опросник личности Р. Кеттела;

3. Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой;

Для оценки влияния родительских семей на молодую семью нами была разработана анкета «Отношения с родительской семьей».

Выборку составили 40 молодых супружеских пар со стажем совместной жизни от 1 года до 3 лет, не имеющие детей. Общий возраст участников составляет от 20 до 32 лет.

Все участники исследования были разделены на две группы на основании удовлетворенности браком в первой группе – участники удовлетворенные браком, оценивающие свои отношения как благополучные, во второй группе все участники, неудовлетворенные браком (или имеющие переходную оценку). Сравнение групп проводилось при помощи t-критерия Стьюдента.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. Удовлетворенность браком связана с принятием модели родительских отношений ($t=11,514$, $p=0,001$), можно заключить, что положительная оценка отношений, сложившихся в родительской семье и их принятие повышает уровень удовлетворенности браком в молодой семье;

2. Удовлетворенность браком связана с идентификацией с партнером ($t=2,222$, $p=0,029$), можно заключить, что наличие у супругов общих интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов время препровождения повышает уровень удовлетворенности браком;

3. Удовлетворенность браком связана ценностью эмоциональной функции брака ($t=2,160$, $p=0,034$), можно заключить, что большую удовлетворенность в браке чувствуют супруги, для которых важна моральная и эмоциональная поддержка друг друга;

4. Удовлетворенность браком связана с ролевой адекватностью супругов: мужа ($t=-7,171$, $p=0,001$) и жены ($t=-6,838$, $p=0,001$), совпадение ролевых ожиданий и притязаний супругов повышает уровень удовлетворенности браком.

Таким образом, общность интересов супругов, их восприятие брака как благоприятной среды, совпадение ролевых ожиданий и ориентация на положительный опыт родительских отношений в большей степени связаны с удовлетворенностью браком, чем личностные особенности супругов. Однако прослеживается взаимосвязь между личностными чертами супругов и ролевыми ожиданиями в браке. Так, при помощи критерия Пирсона было выявлено, что фактор «А» (шизотимия-аффектотимия) связан со значимостью сексуальных отношений в супружестве ($r=-0,397$, $p\leq 0,01$), а также со значимостью внешнего облика ($r=-0,274$, $p\leq 0,05$). Т.е. люди, склонные к скептицизму, строгости в оценках, замкнутости, высоко ценят сексуальную гармонию в браке и предъявляют повышенные требования к внешности партнера. Фактор «Е» (конформность-доминантность) связан с ролевой адекватностью супругов ($r=-0,419$, $p\leq 0,01$), т.е. умение уступать, проявлять тактичность и дипломатические способности позволяет соответствовать ролевым ожиданиям партнера по браку.

Фактор «Г» (низкое супер-эго – высокое супер-эго) связан со значимостью внешней социальной активности ($r=0,225$, $p\leq 0,05$) и значимостью эмоциональной функции ($r=0,263$, $p\leq 0,05$), т.е. чем выше ответственность, направленность на дело, дисциплинированность супруга, тем выше как выраженность собственных профессиональных потребностей, так и ориентация на брак как среду, способствующую психологической разрядке и стабилизации.

Фактор «I» (харрия-премсия) связан с идентификацией с брачным партнером ($r=0,272$, $p\leq 0,05$), т.е. чем выше уровень нежности, эмпатии, романтизма, тем больше выражена идентификация с супругом.

Для исследования детерминированности удовлетворенности браком в молодой семье нами был проведен факторный анализ критерий Кайзера. При проведении факторизации матрицы были исключены значения менее 0,300, что объясняется низкой значимостью данных компонентов факторов. Вращение факторов производилось средствами метода варимакс.

В ходе факторного анализа было выявлено, что удовлетворенность браком детерминирована следующими психологическими особенностями: принятием модели родительских отношений, ролевой адекватностью мужчины и женщины, ценностью внешности партнера как для мужчин, так и для женщин, идентификацией с партнером для мужчины, ценностью эмоциональной близости с партнером и адекватной самооценкой супругов.

При этом можно отметить, что детерминированность удовлетворенности браком сформирована положительным восприятием родительских отношений (для мужчин – 0,943, для женщин – 0,926), высокой ценностью идентификацией себя с партнером для мужчин (0,600), ценностью внешности для женщин (0,550).

Кроме этого удовлетворенность браком детерминирована низким уровнем разницы ценности сексуальных отношений (-0,745), тем более выражено сходство ролевого поведения с ожиданиями партнеров (-0,652 для женщин и -0,628 для мужчин), менее выражена ценность внешности для мужчины (-0,647), разница ценностей партнеров в эмоциональной близости с партнером (-0,581), согласованность ценности внешнего облика партнера (-0,514), согласованность ценности социальной активности партнера (-0,478).

На основании этого можно сделать вывод о том, что удовлетворенность браком в молодой семье детерминирована следующими факторами:

1. Влиянием родительских отношений на супружеские отношения в молодой семье, данные указывают на детерминированность удовлетворенности партнеров браком принятием модели отношений между родителями и положительным отношением к данной модели;
2. Идентификацией себя с партнером по браку – наличием общих интересов, взглядов, хобби;
3. Независимостью отношения к супругу от его оценки как сексуального партнера;
4. Соответствием согласованности семейных ценностей мужа и жены: ценности эмоциональной близости с партнером, ценности внешнего облика партнера, ценности социальной активности партнера.

На основании полученных данных нами выделены несколько направлений деятельности по формированию удовлетворенности браком в молодой семье.

1. Необходимо выяснить и проработать особенности восприятия опыта родительской семьи в ходе консультативной работы.

2. Необходимо проводить работу по формированию согласованности ценностей в супружеской паре. Данная работа может производиться средствами идентификации, средствами отождествления себя с партнером, через развитие толерантности и рефлексии, развитие доверия, формирование образа «свой» в восприятии партнера.

3. Необходимо развивать ролевую адекватность мужа и жены. Для формирования ролевой адекватности могут быть использованы методы анализа и интерпретации поведения партнера, а также развитие рефлексии, которая позволит выявить возможности коррекции собственного поведения. Работа может производиться в другом направлении – в снижении требовательности и уровня ожиданий по отношению к супругу, признании его индивидуальности, формировании уважения к нему как к личности, формировании установки, которая может быть выражена в дифференциации личных желаний, требований и личности партнера как независимых.

Таким образом, первые годы совместной жизни являются для семьи психологически сложным периодом, молодой семье нужна психологическая помощь, чтобы грамотно её оказывать, необходимо изучать детерминанты удовлетворенности браком. Проведенное нами исследование выявило некоторые факторы удовлетворенности браком в молодых семьях, полученные данные могут быть использованы в практической работе.

Список литературы

1. Автонюк Е.В. Представления супругов о распределении ролей и становление ролевой структуры молодой семьи [Текст] / Е.В. Автонюк // Дисс. Канд. псих.наук. – М, 2001. – 258 с.

2. Адмиральская И.С. Отношение супругов к себе и друг к другу удовлетворенность браком [Текст] / И.С. Адмиральская // Журнал психологическая наука и образование. - М.-2008, № 4. – С. 45-59.
3. Андреева Т.В. Социальная психология семейных отношений [Текст]. / Т.В. Андреева. - СПб.: СПбГУ, 2010. – 617 с.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и семейного консультирования [Текст] / О.А. Карабанова. – М, «Гардарики», 2005. – 122 с.
5. Романова Е.В. Влияние опыта взаимоотношений в родительской семье на формирование супружеских отношений и удовлетворенность браком [Текст] / Е.В. Романова, А.С. Щербакова // Журнал Вестник СПбГУ. Сер.12 вып.№ 3.2011. – С. 35-56.
6. Смирнова Н.В. Модели взаимодействия супругов и их удовлетворенность браком [Текст] / Н.В. Смирнова // Дисс. Канд. Псих. Наук. СПб.2005. – 267 с.
7. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений [Текст]/ Л.Б. Шнейдер. - М.: Апрель-пресс, 2009. - 498 с.

Семейное самосознание женщин и мужчин. Вопросы и ответы.

Антоненко Н.В.

г. Серов, Россия

nat.ant7@yandex.ru

Аннотация: В данной статье изложены научные данные о семейном самосознании как отражении семейных отношений. Расширены знания об особенностях мужского и женского семейного самосознания. Предложены способы применения знаний об особенностях семейного самосознания в индивидуальном психологическом консультировании с целью гармонизации семейных отношений.

Ключевые слова: семья, семейные отношения, семейное самосознание, смысл семейной жизни, самоотношение как к члену семьи, семейные роли.

Последнее десятилетие политика нашего государства периодически уделяет внимание проблемам семьи. На сегодняшний день происходит попытка решения сложных базовых проблем современной семьи, касающихся в основном неполных семей, семей с детьми с ограниченными возможностями, семей с низким уровнем материального дохода, низким уровнем жилищных условий, помощь в усыновлении и т.п.

На сегодняшний день очень мало уделяется внимания так называемой, среднестатистической семье: полной с одним или двумя детьми, с бабушками и дедушками, с обоими работающими родителями, имеющими жильё и достаточный материальный доход, субъективно благополучных. (Н.Н. Васягина, К.В. Адушкина 2013). Последнее время самым актуальным обращением за психологической помощью стало со стороны именно таких семей. *Поэтому изучение семейных отношений современных семей и их сопровождение является на сегодняшний день актуальным.* Особенностями новой семьи можно считать уникальность каждого союза и семьи в целом. Ни одна семья не похожа на другую, в любом случае будут свои нюансы. Особенности семейного самосознания каждого члена семьи создают уникальную, неповторимую общность людей, начиная со старшего поколения и заканчивая младшими членами семьи. В настоящее время базовые потребности: любви, уважения, признания каждого человека требуют удовлетворения именно в семье. Многие члены нашего общества уже поняли и почувствовали на себе, что эти потребности нельзя компенсировать отношениями вне семьи, вне брачного союза. Их не заменишь ни признанием профессиональных заслуг, ни удовлетворишь в незаконных отношениях, потому что истинная любовь, истинное уважение и признание человеческих качеств рождается только в семье, только в эволюционном развитии отношений, только в многогранном течении жизни.

Что же поможет гармонизировать семейные взаимоотношения? Что способствует единению людей в семье?

На наш взгляд, в нашем обществе очень мало осознаётся значимость и ценность крепкой семьи, остаются без внимания возможности счастливой семьи.

Мы считаем, что все возможности заложены в каждом из нас, в нас как в члене семьи и раскрыть их можно через изучение семейного самосознания каждого члена семьи. Это выведет на свет, сделает осознанным, сделает видимым перспективу развития семьи и как следствие возможным для воплощения, для реализации уникальной счастливой семьи для каждого из нас.

Семью мы рассматриваем как сложную социальную и психологическую систему, которая основана на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, характеризующаяся общим местожительством, общностью быта, экономической кооперацией, воспроизводством, взаимной ответственностью (Адушкина К.В., 2013; Сысенко В.А., 1993).

Надо подчеркнуть, что семья и семейные отношения остаются в сознании современных мужчин и женщин очень значимыми. Основными и наиболее значимыми ролями являются муж-жена, отец – мать, дочь – сын. Однако, надо отметить, что роль сына для мужчин менее значима, чем роль дочери для женщины.

Наши исследования показали, что большая часть уже переросла модель традиционной семьи (Ковалев С.В., 1988), либо стремиться к её разрушению. Период с маленькими детьми погружает членов семьи пусть не на длительный, но достаточный период в условия традиционной семьи. И больше всего неудовлетворённость семейными отношениями у мужчин и женщин именно в этот период. Социальная активность и самодостаточность женщины в своей профессии, значимость в социуме, удовлетворённость своим материальным статусом, ведёт к частичной удовлетворённости женщины самой собой и приводит семью к паритетным отношениям в супружестве, где возможна эмпатия и компромисс. *Но Семья, основанная на сотрудничестве (Ковалев С.В., 1988), где присутствует гибкое распределение ролей в зависимости от конкретной ситуации, взаимная поддержка, взаимопомощь, высокий уровень эмпатии, готовность вместе преодолевать конфликтные ситуации на сегодняшний день практически отсутствует.*

Изучение теоретического материала по вопросу семейных отношений позволило выявить обусловленность специфики семейных ролей и отношений. Особенности семейных отношений определяются:

- историческим и культурным контекстом, текущей социальной ситуацией
- межличностными отношениями супругов и их установками, взятыми из родительской семьи
- составом и количеством членов семьи
- потребностями членов семьи
- выбранным «образцом» ролевого взаимодействия из множества существующих либо формированием уникального «образца».

Под семейным самосознанием, мы понимаем часть самосознания личности, являющиеся отражением семейных отношений, направленно на осознание себя членом семьи, осознание смысла, приоритетов и ценностей семейной жизни, осознание своего способа жизни. В семейном самосознании выделяем когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент отражает самопонимание себя как члена семьи, осознание своей роли, смысла, приоритетов и ценностей семьи. Эмоциональный компонент отражает отношение к себе как члену семьи, самооценку; Поведенческий компонент представлен особенностями взаимодействия с членами своей семьи, выполняемыми семейными ролями (Адушкиан К.В., 2013).

Что в семейном самосознании ведёт к единению, гармонизации, а что к разъединению семьи? По сути, в чём отличия и сходства семейного самосознания мужчин и женщин? Как можно использовать эти особенности семейного самосознания для развития и гармонизации отношений?

Причина разъединения представляется нам в том, что разные по форме проявления ценности и смысла жизни в семейном самосознании растожествляют на сегодняшний день мужчин и женщин. В настоящее время очень много говорится о гендерных особенностях, с детства отношение к мальчикам и девочкам различное, что культивирует разное отношение к себе у мужчин и женщин, и как следствие противопоставление друг другу. Да, разница мужчин и женщин, очевидна. И в семейном самосознании больше всего она проявляется на поведенческом уровне. Так задумано,

что мужчина сильнее, женщина слабее физически, и мы вынуждены выполнять разные семейные роли, либо делить эти обязанности, но в разной степени. И думаем мы по-разному, выражаем мысли по-разному, но в целом мы хотим одного и того же. Мужчины в семье хотят быть «кормильцами», «материально обеспеченными», «владельцами чего-либо», «волшебниками», «наставниками», женщины в свою очередь хотят быть «красавицами», «принцессами», «спасительницами», «творцами», «мечтательницами». Да, на первый взгляд мы хотим разного, но единый смысл, одна цель – хочется быть значимыми, ценными, успешными, *реализованными в своих предназначениях и мужчинам и женщинам*. Самым единым компонентом семейного самосознания является самоотношение, как эмоциональный компонент. Это даёт понимание того, что чувства у всех людей одинаковые и обижают нас одно и то же и нравится нам одно и то же - хочется быть любимым и любящим, уважать и быть уважаемым, заботиться и принимать заботу, как мужчинам так и женщинам. Женщины, в отличие от мужчин особую ценность передают верности.

На сегодняшний день забота и внимание больше адресована мужчинам, а желание отдавать эту заботу больше заложена в семейном самосознании у женщин. Поэтому большой процент мужчин связывает смысл семейной жизни с получением безусловной любви и заботы, а женщины с отдачей. В свою очередь большой процент женщин, которые не получают безусловную любовь чувствуют себя неудовлетворёнными. Поэтому в работе с супружескими парами необходимо помогать избавляться от стереотипа ограниченности «конфетно-букетного периода», в супружестве необходимо его поддержание, при этом важна работа с уровнем самоотношения женщины.

Мужчины, в большинстве, в ответ хотят нести материальную ответственность за семью, эта функция принимается и мужчинами и женщинами. Неудовлетворённость мужчин в этом вопросе связана с их не успешностью. В этом вопросе необходима работа с женским самосознанием, разграничением ответственности и самоотношением женщины.

Женщинам больше чем мужчинам свойственно стремиться и реализовываться в творчестве. Большинство женщин видят себя модельерами, дизайнерами, стилистами и т.п., выполняя свою функцию украшательницы мира, они удовлетворены. Но, когда

женщины пытаются совместить это с финансовой отдачей, не реализовывая это в отношении себя и своей семьи возникает внутренний конфликт.

Мужчинам, в отличие от женщин важно иметь возможность отдыха вне семьи, женщины у себя этой потребности, как правило, не осознают. Это так же приводит к взаимным недопониманиям. В рамках психологической помощи важно помочь осознать женщине ценность отдыха и позволять себе отдыхать, а мужчине брать на себя ответственность за семью в эти периоды. Так же мужчине необходимо переоценить значимость совместного отдыха.

Мужчинам сложно совместить понятие ответственности, долга и главенства. Зачастую мужчины выполняя большой объём семейных ролей, в том числе хозяина дома, воспитания детей, материального обеспечения, организатора досуга ощущают себя «подкаблучниками» и «марионетками», не осознавая ценность и значимость для себя несения ответственности за семью. Желание быть главным в подчинении своим решениям других членов семьи при наличии низкого уровня ответственности приводит к конфликтам супругов. Так же выявлена зависимость самоотношения мужчин от положительного отношения окружающих. В этом случае уместна психологическая помощь мужчинам в возрастании ответственности. А женщинам в навыке стимулирования мужчин через эмоциональную поддержку, эмпатию и благодарность.

Самоинтерес женщин в отличие от мужчин независим. Помимо этого, женщинам свойственен более низкий уровень самообвинения, чем мужчинам. Особенности самоотношения мужчин и женщин подтверждают тенденцию ухода от решения проблем, рационализацию или компенсирование проблем со стороны женщин. А так же большую осознанность, но как правило неготовность делать реальные поступки со стороны мужчин.

Разное отношение к детям со стороны родителей характеризуется большей эмоциональной привязанностью со стороны матери вплоть до симбиотических союзов на фоне отказа от контролирующей функции. Со стороны отца ожидается функция контроля как женщинами так и самими мужчинами. Паталогическая привязанность к ребёнку женщин негативно сказывается на развитии обоих. В этом случае необходимо помочь женщине избавиться от страха одиночества и осознать ребёнка самостоятельной

личностью. Так же важно осознавать, что роль матери не только в безусловной любви, но и в формировании ценностей, т.е. воспитательной функции.

Наибольший резонанс распределения ролей между супругами вызывает функция организатора субкультуры. У большинства женщин выявлена потребность быть непосредственным участником формирования семейных ценностей, но по различным причинам они не дают себе возможности реализовывать её. Выявлена взаимосвязь активной позиции женщины в интимной сфере и активности в организации субкультуры. В свою очередь активные в интимной сфере мужа лишь ожидают ответной активности в интимной сфере от своих партнёров. Вероятнее всего, что оба супруга не осознают ценность женской чувствительности к нравственным принципам, значимость развития обоих супругов, а у мужчин зачастую нет ценности развития, превалирует страх потерять «главенство». В отношениях со своими родителями и мужчины и женщины склонны проявлять заботу, а в ответ ожидать любви и принятия. На неудовлетворенность в отношениях у мужчин в большей степени влияет авторитарность матери, гиперконтроль со стороны отца, у женщин – повышенная требовательность и мониторинг со стороны обоих родителей.

Наша работа является началом и лишь приоткрывает знания об особенностях мужского и женского семейного самосознания. Чтобы постичь истинные возможности и ценности семейной жизни для всех членов нашего общества ещё предстоит раскрывать особенности семейного самосознания с других сторон, а в дальнейшем, систематизировать и обобщать их.

Список литературы

1. Адушкина, К.В. Семейное самосознание женщины [Текст]: монография / К.В. Адушкина; Урал. Гос. Пед. ун-т., – Екатеринбург, 2013 – 187 с.
2. Васягина Н.Н., Адушкина К.В., Структурно-содержательный анализ семейного самосознания женщин [Текст] / Н.Н. Васягина, К.В. Адушкина // Политематический журнал научных публикаций. – 2012. - № 19.

3. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / О. А. Карабанова. – М. : Гардарики, 2007. – 320 с.
4. Ковалев, С.В. Психология современной семьи [Текст]/ С.В. Ковалев.- М.: Просвещение, 1988. - 208 с.
5. Сысенко, В. А. Супружеские конфликты [Текст] / В. А. Сысенко. – М. : Мысль, 1993. – 280 с.
6. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / Л. Шнейдер. – М. : Акад. Проект, 2005. – 768 с.

Образ супружества у современных жителей мегаполиса

Айвазова Д.Г.

Институт психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета; Московская область, г. Люберцы, Россия
ayvasova@gmail.com.

Установление и сохранение стабильных счастливых супружеских отношений является одной из основных задач периода зрелости, а также безусловной ценностью человеческой жизни. Задача изучения современного образа супружества представляет собой один из этапов исследования соотношения между идеальным образом семьи и субъективной удовлетворенности браком в супружеской диаде. С целью выявления максимального количества значимых характеристик брака нами было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 60 испытуемых (33 женщины и 27 мужчин) в возрасте от 18 до 68 лет, проживающих в крупных мегаполисах (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Лондон, г. Уфа, г. Мурманск) и имеющих опыт партнерских отношений. Исследование проводилось анонимно, испытуемым предлагалось в письменном виде ответить на пять нижеуказанных вопросов. Вопрос №1: «Перечислите, пожалуйста, пять самых важных составляющих счастливого супружества». Вопрос №2:

«Приведите, пожалуйста, пять недопустимых в партнерских отношениях вещей, которые могут даже привести к разрыву отношений». Вопрос №3: «Какие внешние влияния могут разрушить брак?». Вопрос №4: «Какие внешние влияния могут укрепить брак?». Вопрос №5: «Что в Вашем понимании «идеальный брак»?».

Результаты проведенного пилотажного исследования обрабатывались двумя отдельными выборками среди мужчин и женщин отдельно. По итогам исследования были выделены основные качественные характеристики брака, влияющие на субъективную удовлетворенность отношениями и оказывающие влияние на принятие партнерами решения о сохранении или разрыве семейного союза. Также был обнаружен ряд различий в представлении мужчин и женщин об идеальном брачном союзе и в расстановке ими приоритетов среди значимых характеристик супружества.

В результате обработки ответов на вопрос №1 нами были выделены восемь самых весомых для респондентов характеристик счастливого брака:

1. Любовь (74% мужчин и 75% женщин).
2. Взаимопонимание (59% мужчин и 64% женщин).
3. Доверие (51% мужчин и 58% женщин).
4. Уважение (48% мужчин и 36% женщин).
5. Наличие детей (26% мужчин и 18% женщин).
6. Поддержка и взаимопомощь (19% мужчин и 27% женщин).
7. Верность (37% мужчин и 9% женщин).
8. Регулярная сексуальная жизнь (33% мужчин и 3% женщин).

Таким образом, и мужчины, и женщины на первое место среди наиболее значимых характеристик брака ставят любовь, взаимопонимание, доверие и уважение между партнерами. При этом значимо чаще чем женщины, мужчины называют значимыми характеристиками супружества верность и наличие регулярной сексуальной жизни. Примерно равную значимость и мужчины, и женщины придают наличию в семье детей, а также поддержке и взаимопомощи между супругами.

Помимо приведенных характеристик счастливого брака респонденты-мужчины в своих ответах наиболее часто называли открытость и искренность в отношениях, совместный досуг, достаток, чувство долга и ответственность перед супругом, умение

прощать, наличие общих интересов, внимательное отношение друг к другу. Респонденты-женщины в качестве важных составляющих счастливого брака выделяли достаток, терпимость друг к другу, постоянное развитие супругов и совершенствование отношений, верность и преданность, открытость и искренность, чувство долга и ответственность перед супругом, умение прощать, наличие общих интересов, желание быть вместе и чувство юмора.

По итогам обработки ответов на вопрос №2 нами были выделены семь недопустимых в партнерских отношениях событий, которые, по мнению респондентов, могут привести к разрыву семейного союза:

1. Измена (78% мужчин и 55% женщин).
2. Ложь (56% мужчин и 64% женщин).
3. Недоверие (33% мужчин и 48% женщин).
4. Алкоголизм и другие виды зависимостей (37% мужчин и 33% женщин).
5. Физическое и психологическое насилие (15% мужчин и 45% женщин).
6. Эгоизм (30% мужчин и 27% женщин).
7. Отсутствие взаимопонимания (19% мужчин и 30% женщин).

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что мужчины и женщины, в целом, сходятся в представлении о недопустимых в семейной жизни событиях. При этом стоит отметить, что в отличие от женщин, мужчины на первое место ставят измену (78% опрошенных), в то время, как только для 55% женщин-респондентов измена может привести к разрыву отношений. Среди женщин первое место занимает ложь. Также разнятся представления женщин и мужчин о недопустимости физического и психологического насилия в отношениях: так считают 45% женщин и только 15% мужчин. Значимым выводом исследования в части анализа ответов на вопрос №2 является заключение о том, что отношения в паре могут быть прекращены, несмотря на наличие чувства любви.

Рассмотрев ответы на вопрос №3, мы выделили следующий ряд внешних влияний, способных, по мнению испытуемых, разрушить брак: влияние тещи/свекрови (22% мужчин и 42% женщин); интриги, сплетни, зависть недоброжелателей (30% мужчин и 24% женщин); появление любовника (26% мужчин и 6% женщин); социальный успех (11

% мужчин и 9% женщин); финансовые проблемы (7% мужчин и 6% женщин). Дополнительно к перечисленным мужчинами внешним факторам, влияющим на стабильность супружеских отношений, женщины называют долгие либо частые разлуки (15% опрошенных), непоправимое несчастье (9% опрошенных) и невозможность иметь детей (9% опрошенных). Также отметим, что 9 % женщин и 4% мужчин ответили, что никакие внешние влияния не способны разрушить брак, если супруги единомышленники и умеют принимать правильные решения в любых ситуациях. В то же время 6% женщин и 4 % мужчин ответили, что любые влияния извне способны негативно сказаться на отношениях, если партнеры предпринимают неверные действия в ответ на внешние события.

В результате обработки ответов респондентов на вопрос №4 нами был составлен перечень потенциально благоприятных для супружеского союза внешних влияний: рождение ребенка (30% мужчин и 18% женщин); позитивное влияние родителей и друзей (7% мужчин и 24% женщин); совместный отдых (15 % мужчин и 9% женщин); совместно пережитые трудности (11% мужчин и 12% женщин); общее дело, интересы (7% мужчин и 15% женщин). Среди женских вариантов ответов, не характерных для ответов мужчин, можно выделить встречу с мудрыми людьми и долгую разлуку.

Для систематизации ответов респондентов на вопрос №5 нами был применен контент-анализ текстов, составленных испытуемыми с целью объяснения понятия идеального брака, за единицу анализа были приняты используемые ими качественные характеристики счастливого семейного союза. В результате выделения наиболее часто встречающихся определений, а также внутренней градации по количеству упоминаний, нами были составлены два обобщенных описания идеального брака по мнению мужчин и женщин.

Идеальный брак для мужчины – это взаимная любовь, взаимопонимание, доверие и верность, обязательное наличие детей, сохранение сексуального влечения друг к другу и регулярный секс, взаимное уважение, спокойствие и отсутствие конфликтов, радость и счастье в отношениях.

Идеальный брак для женщины – это союз двух любящих друг друга людей, совместно проживающих трудности и радости, которым хорошо и счастливо вместе; это

взаимопонимание, уважение, взаимное дополнение жизней друг друга как «двух половинок одного целого», стремление к развитию и совершенствованию отношений, доверие, наличие детей, принятие друг друга со всеми недостатками.

Отметим, что для мужчин при описании понятия идеального брака были характерны короткие емкие определения, включающие любовь, понимание, доверие, уважение, радость пребывания в отношениях, наличие детей и, в отличие от женщин, регулярная сексуальная жизнь и отсутствие конфликтов. У женщин отмечалась тенденция к развернутым длинным фразам и образности, метафоричности описаний, большое внимание уделялось совместности («общий дом», «проводить время вместе», «совместная старость» и т.д.), ощущениям счастья и радости в семейной жизни, а также необходимости развития и совершенствования отношений.

Настоящим пилотажным исследованием мы предприняли попытку выявить основные значимые для современного жителя мегаполиса характеристики брака и степень их влияния на создание счастливого семейного союза. Общим выводом из представлений мужчин и женщин об идеальном браке, по нашему мнению, является подтверждение психотерапевтической значимости супружества как союза равных любящих людей, уважающих, доверяющих, понимающих и поддерживающих друг друга.

Список литературы

1. Обозова А.Н. Психологические проблемы службы семьи и брака / Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С.104-110.
2. Черников А.В. Системная семейная терапия. – Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Класс, 2001. – 208 с.
3. Steven R. Brown. The History and Principles of Q Methodology in Psychology and the Social Sciences / Q Methodology, 1991. <http://qmethod.org>.

Мотивы готовности к браку у мужчин и женщин в предбрачный период

Белановская М.Л.

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, г. Минск,

Беларусь

belanovskaya.marina@gmail.com

Ключевые слова: готовность к браку, внутренние и внешние мотивы готовности к браку, комплементарность мотивов готовности к браку у мужчин и женщин.

На современном этапе развития общества семейные взаимоотношения претерпевают глубинные изменения, испытывая влияние различных факторов, обусловленных трансформацией социума (урбанизация, глобализация, демократизация, эмансипация, индивидуализация и др.). Ситуация нестабильности в обществе, обостряющиеся социокультурные противоречия между традиционными и современными установками и стереотипами поведения, усиление гендерных и межпоколенных конфликтов, размывание социальных норм и ценностных ориентаций привели в итоге к кризису семьи как социального института (Лисовский В.Т., 2003)

Все кризисные явления брачно-семейной сферы отражаются и на социализации подрастающего поколения. Сегодня молодые люди все чаще осознанно отказываются от брака, отдавая предпочтения кратковременным контактам или так называемым «гражданским бракам» (сожительству) (Л.Б. Шнейдер, Т.В. Андреева, А.Р. Михеева и др.), необдуманно заключают браки, часто воспринимая их как пробные попытки, автономизируют брачное, сексуальное и репродуктивное поведение (С.И. Голод), психологически неподготовлены к супружеству и имеют неадекватные брачные установки и ожидания (Т.В. Андреева, Е.С. Калмыкова, С.В. Ковалев, В.Т. Лисовский, В.А. Сысенко, В.С. Торохтий, Л.Б. Шнейдер), что, в конечном итоге, провоцирует разложение традиционного института брака. Брак становится непривлекательным в глазах молодежи, молодые люди все больше ориентируются на внесемейные ценности (Т.И. Дымнова, Е.И. Зритнева, В.Т. Лисовский, Е.М. Черняк, Л.Б. Шнейдер).

В условиях переживания современной семьей кризиса, выражающегося в снижении ее стабильности и уровня рождаемости, увеличении количества разводов и альтернативных форм брака, большую значимость приобретает проблема психологической готовности молодежи к браку и семейной жизни, и, в частности, проблема формирования у молодых людей мотивов готовности к браку. От того, как сегодня молодые люди относятся к браку и семье, какими мотивами они руководствуются при решении о вступлении в брак или отказе от такового, будет зависеть судьба семьи в будущем как социального института. Современные изменения в институте брака и семьи требуют своевременного и целенаправленного изучения. Понимание внутренних механизмов формирования мотивов готовности к браку как элемента психологической готовности к браку, позволит объяснить брачное поведение молодых людей, а также даст возможность увидеть и актуализировать проблемы современного брака.

Вступление в брак является определенным поведением человека. Мотивы в этом случае могут использоваться как объяснительный конструкт, используемый для разъяснения причин поведения людей (того, почему они ведут себя так, а не иначе), его направленности и механизмов осуществления (Гордеева Т.О, 2002).

Рассмотрение конструкта мотивов готовности к браку в научной литературе показало большое количество близких по значению терминов, обозначающих изучаемую проблему. Среди них: мотивы вступления в брак, брачная мотивация, мотивы семейной жизни, мотивы образования брачного союза и др. В связи с наличием более чем одного понятия данного конструкта, в первую очередь следует определить, можно ли воспринимать данные термины как тождественные. Для этого, следует обратиться к понятиям «брак» и «семья». Данные понятия в обыденной жизни употребляются как синонимы. Их значение в сознании людей очень взаимосвязано. Но это скорее не тождественные, а пересекающиеся понятия, так как могут существовать самостоятельно друг без друга. Понятие «брак» интегрируется составной частью в понятие «семья». Брак – это юридическое оформление семейных отношений. Таким образом, представление одного и того же субъекта о семье и о браке и отношение к данным конструктам может значимо отличаться друг от друга.

Однако, несмотря на разность конструкторов «семья» и «брак», такие понятия, как мотивация вступления в брак, брачная мотивация, мотивы семейной жизни, мотивы образования брачного союза могут рассматриваться как синонимичные ввиду их семантического единства. Каждое из обозначенных понятий означает наличие определенных оснований и причин для вступления человека в брак. В нашем понимании в качестве основного конструкта наиболее продуктивно использование категории «мотивы готовности к браку», как наиболее подходящего термина для обозначения мотивационной готовности к браку.

Мотивы готовности к браку являются наиболее значимым компонентом как добрачного, так и предбрачного периода. Первый из данных периодов включает отрезок времени до принятия человеком решения о вступлении в брак, а второй обозначает время до заключения брачного союза (Уч. пособие под ред. Силаевой Е.Г., 2005). Выявление мотивов готовности к браку до заключения брака является важным критерием, позволяющим предположить устойчивость брачного союза в будущем.

Многие авторы выделяют в качестве составной единицы психологической готовности к браку мотивационный компонент (А.Н. Сизанов, В.М. Быков, И.Н. Тюхлова и Е.С. Смирнова, И.В. Гребенников, С.М. Питилин, Е.И. Зритнева, Е.С. Граненкова, П.А. Решетов и др.). Как отмечает О.А. Карабанова, степень адекватности мотивов для создания гармоничной семьи далеко не равнозначна, и судьба вновь созданной семьи в значительной степени, хотя и не фатально, определяется содержанием данных мотивов (Карабанова О.А, 2005). Лишь при наличии адекватных мотивов создания брачного союза, можно говорить о полноценной психологической готовности молодого человека к брачным отношениям. Наибольший интерес в этой связи, на наш взгляд, вызывает определение адекватных мотивов готовности к браку, которые способствуют укреплению семейных отношений, а также выделение нежизнеспособных мотивов готовности к браку, которые могут спровоцировать распад супружеской диады. Также в качестве немаловажного аспекта устойчивости брачных отношений можно выделить степень комплементарности (взаимодополняемости) мотивов готовности к браку у обоих супругов. Сходные или в корне различные мотивы у брачных партнеров могут выступать значимым

фактором устойчивости брачного союза в будущем, а также удовлетворенности супругов браком.

Несмотря на большое количество разнообразных исследований и сконструированных на их основе теорий мотивации и мотивов деятельности, в литературе очень узко обозначена проблема мотив готовности к браку. Представленные в литературе данные по изучению мотивов характеризуют не все стороны данного процесса и сводятся лишь к отдельным, не связанным какой-либо общей концептуальной идеей, исследованиям мотивов брачного выбора и мотивов вступления в брак.

Целостное изучение мотивов готовности к браку, как наличия определенных оснований и причин для вступления человека в брак, предполагает построение обобщенной системы представлений о формировании мотив готовности к браку. Данная задача реализуется в целостном анализе структурно-содержательных характеристик мотивов готовности к браку. Методологическим основанием для построения представлений о структуре и содержании готовности к браку послужили концептуальные идеи Э. Диси и Р. Райана, и в частности теория содержания целей, а также исследования отечественных исследователей (Т.О. Гордеевой, В.И. Чиркова, Д.А. Леонтьева и др.), уточняющие и расширяющие положения теории самодетерминации.

Среди многообразия идей Э. Диси и Р. Райана, а также их многочисленных последователей, наибольший интерес для нашего исследования вызывает теория содержания целей (Т. Кассера и Р. Райана). Нам представляется продуктивным рассмотрение данной концепции в преломлении к такой деятельности человека, как вступление в брак.

Рассмотрение вступления в брак человека как самодетерминированного поведения ставит вопрос о необходимости разграничения тех сил, которые определяют принятие человеком решения о вступлении в брак, а также позволяют реализовать ему эту деятельность. Теория содержания целей позволяет раскрыть данные вопросы с помощью основного конструкта теории - категории жизненных стремлений, понимаемой Э. Деси и Р. Райаном в качестве компонента направленности личности, связанного с

удовлетворением основных психологических потребностей и являющегося фактором личностного роста и психического здоровья.

Конструкт жизненных стремлений можно определить как совокупность устойчивых мотивов, взглядов, ценностей, убеждений, потребностей и устремлений, ориентирующих человека на определенное поведение и деятельность, достижение относительно сложных жизненных целей (Т. Kasser, R.M. Ryan, M. Zax, A.J. Sameroff). В результате проведенного в отечественной литературе сравнительного анализа жизненных стремлений как личностно-мотивационного показателя, было определено его уникальное, не сводимое ни к одной другой характеристике, место в системе представлений о психологическом функционировании человека (Котельникова Ю.А., 2003). Основываясь на взглядах Э. Диси и Р. Райана о содержании жизненных стремлений, выявлена возможность согласования данного понятия с конструктом психологической готовности к браку. Обоснование данного тезиса лежит в оценке значения брака для жизнедеятельности людей. Вступление в брак и создание семьи остается наиболее значимой деятельностью людей возраста ранней взрослости. Таким образом, психологическая готовность к вступлению в брак может выступать в качестве одного из жизненных стремлений человека.

Авторы теории содержания целей придерживаются взгляда о существовании двух типов мотивации – внешней, когда источник активности субъекта деятельности находится вне его самого, и внутренней, в случае, когда деятельность является самоцелью и ее источник находится внутри личности субъекта. В соответствии с этими типами мотивации Э. Деси и Р. Райан выделили две группы жизненных стремлений – внутренние и внешние (Williams G.C, 2000).

Рассмотрение вступления в брак как осознанной деятельности и как жизненного стремления позволяет преломить теорию содержания целей для анализа мотивов готовности человека к браку. Исходя из основных положений теории, можно вывести две категории – внутренние мотивы готовности к браку и внешне мотивы готовности к браку, как внутренние и внешние стремления к определенной деятельности. Выделение данной структуры мотивов готовности к браку ставит вопрос о содержании каждой из выделенных категорий. Вслед за Э. Диси и Р. Райаном, в качестве внутренних мотивов

готовности людей к браку, мы выделяем те мотивы, которые продуцируют вступление в брак как самоцель, когда источник данной деятельности находится внутри личности субъекта. В свою очередь, внешние мотивы готовности к браку провоцируют его не изнутри, а извне. К внутренним можно отнести те мотивы, которые обусловлены стремлением человека к любви и привязанности в отношениях, желанием любить и заботиться о партнере, восприятием брака как варианта саморазвития и личностного роста, а также как источника физического благополучия и здоровья, как способа принести пользу людям и обществу и т.д. Внешние мотивы готовности к браку предполагают восприятие брака как способа достижения материальных благ и какой-либо выгоды, как способа добиться признания или популярности, как источника получения различного рода помощи и благ, а также как возможность приобрести статус и т.д.

Таким образом, сконструированная нами структурно-содержательная характеристика мотивов готовности к браку, предполагает рассмотрение в качестве одного из жизненных стремлений личности психологическую готовность к браку. В основе данного стремления могут лежать либо внешние, либо внутренние мотивы готовности к браку. Значимо в данном аспекте рассмотреть вопрос соотношения типов мотивов готовности к браку в структуре личности индивида. Каждый человек имеет целый набор мотивов готовности к браку. Определяющим фактором в определении типа мотивов может являться определение превалирующих мотивов. Возможность выявления доминирующих типов мотивов и значимость данного процесса исследования при исследовании мотивов отмечалась Д.А. Леонтьевым (Леонтьев Д.А, 2007).

Научный интерес представляет также предложенное Д.А. Леонтьевым различие специфических и неспецифических мотивов, которое он выводит на основе исследования потребностей по отношению к определенной деятельности. В этом ключе, мотивы неспецифического типа Д.А. Леонтьевым обозначаются как внутренне-внешние, поскольку они запускаются мотивами, внешними по отношению к содержанию исполняемой деятельности, но которые, тем не менее, исходят от самого субъекта и побуждают его проявлять усилия, сопоставимые или даже превосходящие усилия, порожденные собственно специфическими потребностями. Стимуляция субъекта по

отношению к деятельности может быть специфична и неспецифична в зависимости от содержания выполняемой им деятельности (Леонтьев Д.А., 2007). На основе утверждений Д.А. Леонтьева, представляется возможным выделение, кроме внешних и внутренних мотивов готовности к браку, внутренне-внешних (смешанных) мотивов готовности к браку, как совмещающих как внешние, так и внутренние мотивы при их равной мотивирующей силе воздействия.

Также в данном ракурсе возможно применение модели мотивации S. Harter (Harter S., 2011) которая выделяла в мотивационном конструкте два полюса мотивационной направленности (экстринсивный и интринсивный). При таком взгляде внутренние и внешние мотивы готовности к браку воспринимаются как векторные полюса. Внутренние и внешние мотивы не взаимоисключающие конструкты, каждый из них имеет свое отражение в структуре мотивов готовности людей к браку. Но соотношение мотивов у отдельных людей различается.

Исходя из многочисленных исследований, подтверждающих, что преобладание внутренне мотивированных жизненных стремлений определяет высокий уровень психологического благополучия, а преобладание внешне мотивированных жизненных стремлений формирует низкий уровень психологического благополучия (Deci E.L., 1999) можно вывести закономерность, что удовлетворенность брачными отношениями, как частный случай психологического благополучия, будет выше для тех, у кого преобладают внутренние мотивы готовности к браку. Уместно привести суждение Т.О. Гордеевой, которая отмечает, что то, что индивид ценит и считает для себя важным, определяет его поведение. Он стремится действовать так, чтобы достигнуть значимого результата и избежать ситуаций, которые не соответствуют его представлениям о значимом результате (Гордеева Т.О., 2002). Таким образом, преломляя вышесказанное к мотивам готовности к браку, следует отметить, что если человек поступает в соответствии со своими желаниями, и его желания продуктивны, то у такого человека будет высоким его психологическое благополучия, что, в конечном итоге, будет способствовать формированию в будущем высокой удовлетворенности браком.

С целью обоснования выдвинутых теоретических положений, было проведено исследование по выявлению мотивов готовности к браку у мужчин и женщин ранней взрослости в предбрачный период, т.е. непосредственно вступающих в брак.

Для чистоты исследования и выявления результатов, максимально приближенных к реальным, диагностика респондентов осуществлялась на базе отделений ЗАГСов г.Минска. В исследовании приняли участие пары, подавшие заявление о регистрации брака и впоследствии вступившие в брак. После первичной обработки полученных данных из выборки были исключены пары не соответствующие условиям исследования (в случае, если возраст одного или обоих будущих супругов выходил за пределы границ ранней взрослости, а также те пары, в которых кто-либо из партнеров ранее уже состоял в браке). Выборка исследования включала 120 респондентов (60 мужчин и 60 женщин, вступающих в первый брак) в возрасте от 20 до 30 лет. Диагностика осуществлялась при помощи экспериментальной методики «Мотивы готовности к браку». Отвечать на предложенные в методике вопросы респондентам предлагалось индивидуально и анонимно, что повышало достоверность полученных результатов. При разработке методики использовался материал, полученный в результате проведения предварительного исследования, изучающего представления мужчин и женщин о существующих мотивах готовности людей к браку.

Обработка материала позволяет судить об актуальных социальных тенденциях в области брачного поведения молодых людей. В результате исследования было установлено, что большинство вступающих в брак пар проживали вместе до брака. По данным исследования 75,0 % респондентов (45 пар из 60) жили вместе до подачи заявления в ЗАГС от одного месяца до четырех лет. При этом средней продолжительностью совместного проживания до брака являлся год и четыре месяца (15,9 месяцев). Чаще всего молодые люди жили вместе с родителями (67,1%) или вдвоем (30,7%), реже – с другими родственниками (2,2%).

Изучение мотивов готовности к браку осуществлялось в нескольких аспектах. Во-первых, респондентам предлагалось обозначить причину вступления в брак именно в данный период времени (открытый тип вопроса). Во-вторых, по 5-бальной шкале исследовалась значимость каждого из предложенных в методике 35 мотивов готовности

к браку. И, в-третьих, изучалась комплементарность, сходство мотивов готовности к браку у мужчин и женщин в будущих супружеских парах.

В связи с полученными в результате исследования данными, возникает необходимость разделения мотивов готовности к браку, как побудителей юридического оформления отношений в данный момент времени, и мотивов готовности к браку, понимаемые респондентами как причины, обусловившие их готовность к брачным отношениям и повлиявших на принятие решения о вступлении в брак. Продуктивно, на наш взгляд, использовать идеи А.Н. Леонтьева, который в своей концепции личности разделяет мотивы-стимулы, т.е. побуждающие, но лишённые смыслообразующей функции, и смыслообразующие мотивы или мотивы-цели, тоже побуждающие деятельность, но при этом придающие ей личностный смысл (Леонтьев, А.Н, 2005). Схожее разделение мотивов, но в контексте системы мотивов заключения брака делает Т.П. Усынина, также выделяя смыслообразующие мотивы и мотивы-побудители (Усынина Т.П, 2014). Основываясь на представлениях А.Н. Леонтьева и вслед за Т.П. Усыниной, мы принимаем в качестве мотивов-побудителей те брачные мотивы, которые побуждают людей к активизации задуманной деятельности, к непосредственной активности, т.е. провоцируют подачу заявления в органы ЗАГСа. Смыслообразующие мотивы готовности к браку, в свою очередь, включают в себя те брачные мотивы, которые обуславливают принятие решения людей о вступлении в брак, которые придают этой деятельности личностный смысл.

Анализ мотивов-побудителей готовности к браку, то есть причин, по которым было принято решение о регистрации отношений именно в данный момент времени, показал, что чаще всего в качестве основного мотива-побудителя, как мужчины, так и женщины называют «любовь» (21,7% женщин, 21,7% мужчин). Вторым по значимости респонденты отмечают такой мотив, как «хорошая дата, удобное время» (16,7% - женщины, 13,3% мужчины), на третьем месте оказывается мотив «пришло время, уже пора» (13,3% женщин, 15,0% мужчин), на четвертом месте стоит «создание полноценной семьи» (11,7% женщин, 11,7% мужчин). Несмотря на то, что ранг причин вступления респондентов в брак несколько отличается в зависимости от пола испытуемых, данное различие незначительно. Весь список мотивов-побудителей

готовности к браку, а также сводные данные по всей выборке в процентном соотношении, представлены в Таблице 1.

Все выделенные респондентами мотивы, с помощью метода экспертных оценок, были разделены на внутренние и внешние (Таблица 1). Методологическим основанием такого деления мотивов на внутренние и внешние выступили концептуальные идеи Э. Диси и Р. Райана, которые выделяли в качестве источника активности субъекта деятельности внутренние и внешние мотивы (Deci E.L, 1999). Исследование показало значимо большее количество внешних мотивов-побудителей готовности к браку у респондентов, по сравнению с внутренними. Преобладание внешних мотивов-побудителей было выявлено у 68 респондентов (56,7%), тогда как внутренние мотивы-побудители преобладали у 52 человек (43,3%). Исходя из этого, можно заключить, что решение о регистрации брака является побуждением, в большей степени спровоцированным извне, под влиянием внешних факторов.

Таблица 1

Иерархия мотивов-побудителей готовности к браку мужчин и женщин

Мотивы-побудители готовности к браку		вся выборка, %	Женщины, %	Мужчины, %	классификация на внутренние и внешние мотивы
1	любовь	21,7	21,7	21,7	внутренний
2	хорошая дата, удобное время (окончание учебы, возвращение жениха из армии и т.д.)	15,0	16,7	13,3	внешний
3	уже пора, время пришло	14,2	13,3	15,0	внешний
4	создание полноценной семьи	11,7	11,7	11,7	внешний

5	желание заключить брак, узаконить отношения	6,7	6,7	6,7	внешний
6	совместное решение, общее желание	6,7	8,3	5,0	внутренний
7	новый этап отношений, жили вместе	6,6	8,3	5	внутренний
8	возраст (невесты или жениха)	4,2	1,7	6,7	внешний
9	готовы к браку	4,2	5,0	3,3	внутренний
10	ребенок, беременность	4,2	3,3	5	внешний
11	невозможность жить друг без друга	3,3	1,7	5,0	внутренний
12	желание иметь детей	2,5	3,3	1,7	внутренний
13	подходящий человек	1,7	1,7	1,7	внутренний
14	просто так, нет причин	1,7	0,0	3,3	внешний
15	удобство	1,7	1,7	1,7	внешний
16	сделали предложение	1,7	3,3	0,0	внешний
17	незачем ждать	1,7	3,3	0,0	внешний
18	очень хочется вступить в брак	0,8	1,7	0,0	внешний
19	готовы к серьезным отношениям, совместной жизни	0,8	0,0	1,7	внутренний
20	общее дело	0,8	1,7	0,0	внешний
21	финансовая возможность	0,8	0,0	1,7	внешний

Изучение смыслообразующих мотивов готовности к браку осуществлялось по методу фиксированных оценок, с помощью «шкалы Лайкерта» (Likert, 1932). Респондентом был предложен список из 35 мотивов готовности к браку, значимость каждого из которых необходимо было оценить по 5-балльной шкале от мотива, который «очень сильно повлиял» (1 балл) на решение о вступлении в брак, до мотива, который

«не повлиял вовсе» (5 баллов). Список мотивов, предложенных для ранжирования респондентам, был составлен на основе анализа теоретических и эмпирических исследований авторов, занимающихся данной проблемой (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, С.И. Голода, О.С. Сермягиной, А.Б. Добрович, С.В. Жолудевой и др.), а также на основе результатов исследования, полученных нами при выявлении представлений мужчин и женщин о возможных мотивах готовности людей к браку.

Анализ результатов показал, что каждый из предложенных для ранжирования смыслообразующих мотивов готовности к браку имеет определенный уровень значимости для респондентов, т.к. ни один из мотивов не набрал абсолютный отрицательный балл. Наибольшей значимостью для респондентов обладали такие мотивы готовности к браку, как «любить, быть рядом с любимым человеком» (1 ранг), «заботиться о близком человеке, поддерживать его» (2 ранг) и «быть любимым» и «создать семью» (3,5 ранг), «получать поддержку, заботу» (5 ранг). Наиболее значимые смыслообразующие мотивы готовности к браку и данные по их ранжированию как мужчинами, так и женщинами отражены в таблице Таблица 2.

Было выявлено, что иерархия смыслообразующих мотивов готовности к браку у мужчин и женщин практически идентична. Лишь три мотива имеют статистически достоверные отличия в уровне своей значимости у респондентов разного пола. Для мужчин более значимым мотивом готовности к браку является желание стать главой семьи ($U = 764,0; p \leq 0,05$) и исполнение долга перед партнером ($U = 1341,5; p \leq 0,05$), в свою очередь для женщин более актуально по сравнению с мужчинами получать в браке поддержку, заботу и защиту ($U = 1177,5; p \leq 0,05$). По всем остальным элементам иерархии мотивов готовности к браку статистически значимых расхождений выявлено не было. Таким образом, можно сделать выводы о высоком уровне сходства смыслообразующих мотивов готовности к браку у мужчин и женщин.

Значимым элементом анализа в рамках данной работы явилось выделение среди смыслообразующих мотивов готовности к браку внутренних и внешних мотивов, а также анализ их распределения в иерархии мотивов у мужчин и женщин. При помощи метода экспертных оценок, вся совокупность выделенных нами мотивов готовности к браку была разделена на внутренние и внешние (Таблица 2).

Таблица 2.

Наиболее значимые смыслообразующие мотивы готовности к браку мужчин и женщин

мотивы готовности к браку		вся выборка, ранг	женщины, ранг	мужчины, ранг	классификация на внутренние и внешние мотивы
1	любить, быть рядом с любимым человеком	1,2	1,3	1,2	Внутренний
2	заботиться о близком, поддерживать его	1,4	1,5	1,3	Внутренний
3	быть любимым	1,5	1,5	1,5	Внутренний
4	создание семьи, домашнего очага	1,5	1,5	1,6	Внешний
5	получать поддержку, заботу, защиту	1,7	1,5	2,0	Внешний
6	эмоциональная близость, общность взглядов и интересов	1,8	1,9	1,8	Внутренний
7	желание продолжить род, стать отцом, матерью	1,9	1,9	1,9	Внешний
8	сексуальная гармония	2,4	2,4	2,4	Внутренний
9	благодарность партнеру	2,9	3,0	2,8	Внутренний
10	привычка быть вместе	3,1	3,2	3,1	Внешний

Анализ иерархии мотивов готовности к браку с учетом деления мотивов на внутренние и внешние показал, что наиболее значимыми для респондентов являются внутренние мотивы, именно они возглавляют иерархическую структуру, тогда как внешние мотивы обладают для респондентов меньшей значимостью (Таблица 2).

Разделение мотивов на внутренние и внешние, предполагает выделение в выборочной совокупности двух категорий респондентов: людей с преобладанием внутренних мотивов готовности к браку, людей с преобладанием внешних мотивов готовности к браку, а также людей, имеющих смешанные мотивы (в равных долях и внутренние и внешние). С помощью математических и статистических процедур у каждого респондента были определены средние ранги по показателям внешних и внутренних мотивов готовности к браку, которые, в дальнейшем, были сравнены между собой. С помощью U-критерия Манна-Уитни проводилось выявление достоверности различий.

Анализ результатов показал, что среди респондентов, подавших заявление для регистрации своих отношений в органы ЗАГС, не выявлено людей с преобладанием внешних смыслообразующих мотивов готовности к браку. При этом, статистический анализ данных позволяет разделить испытуемых на две группы: с выраженным преобладанием внутренних смыслообразующих мотивов над внешними, куда вошел 71 респондент (59,2% от всей совокупности людей, вступающих в брак), и с невыраженным преобладанием смыслообразующих внутренних мотивов, данная группа объединила 49 респондентов (40,8%). Исходя из недостаточной выраженности одного из типов мотивов над другим, мы обозначаем данную группу респондентов как обладающую смешанными (или внутренне-внешними) смыслообразующими мотивами готовности к браку. Было выявлено, что частота встречаемости невыраженного преобладания внутренних мотивов не зависит от пола респондентов ($\varphi^*_{эмп} = 0,186$, при $p > 0,05$).

Полученные данные могут объяснить современную тенденцию к высокому уровню разводов среди молодых людей. Недостаточная сформированность устойчивых внутренних смыслообразующих мотивов готовности к браку может свидетельствовать о формировании неадекватной брачной мотивации, когда создание брака отражает желания, непосредственно не связанные с созданием семьи, а лишь выступает способом достижения иных целей, зачастую неосознаваемых. Кроме того, как отмечали Э. Дисси и Р. Райан, люди, у которых преобладают внутренние стремления над внешними, психологически более благополучны, что проявляется в большей

самоактуализации и самоуважении людей, а значит и в их самоэффективности (Deci E.L., 1999). Данное положение также может явиться свидетельством того, что неадекватные мотивы готовности к браку могут спровоцировать нарушения функционирования сформированной на их основе семьи и повлечь развод в будущем.

Дальнейший анализ результатов исследования мотивов готовности к браку выявил следующую закономерность: и мужчины и женщины выделяют в качестве наиболее значимых смыслообразующих мотивов готовности к браку внутренние мотивы, тогда как, в качестве мотивов-побудителей готовности к браку респондентами чаще отмечаются внешние мотивы. Несмотря на то, что в качестве смыслообразующих мотивов, т.е. тех мотивов, которые придают личностный смысл такой деятельности, как вступление в брак, чаще выступают внутренние мотивы, регистрация брака воспринимается скорее как требование общества и других. Таким образом, заключение брака воспринимается как необходимость, как внешнее, а не внутреннее, стремление, что ставит вопрос о необходимости повышения ценности брака в восприятии людей. Снижение ценности брака может объяснять тенденцию молодых людей к предпочтению сожительства как альтернативы юридического брака, на что указывает высокий процент сожительства людей до брака.

Соотнесение между собой выявленных у респондентов мотивов-побудителей готовности к браку и смыслообразующих мотивов готовности к браку, дало возможность выявить доминирующую направленность мотивов готовности к браку. В соответствии с полученными данными вся выборка респондентов была разделена на три группы (Рисунок 1). В первую вошли респонденты с внутренними смыслообразующими мотивами готовности к браку и внутренними его мотивами-побудителями (34 респондента, что соответствует 28,4%). Вторая группа включила участников исследования со смешанными (внутренне-внешними) смыслообразующими мотивами готовности к браку и внешними мотивами-побудителями (31 респондент, 25,8%). В последнюю группу вошли люди, у которых были выявлены сочетания внутренних смыслообразующих мотивов с внешними мотивами-побудителями и смешанных смыслообразующих с внутренними мотивами-побудителями (55 респондентов, что

соответствует 45,8%). Исходя из полученных данных, следует отметить низкий уровень (около 30%) респондентов, которые имеют внутренний, согласованный тип мотивации готовности к браку. Выявленная тенденция обладает высоким объяснительным потенциалом тенденции к высокому уровню разводов на современном этапе. Кроме того, высокая частота несогласованности смыслообразующих мотивов с мотивами-побудителями готовности к браку свидетельствует о сложной структуре формирования мотивов готовности к браку и частой полимотивированности принятия решения человека о вступлении в брак.

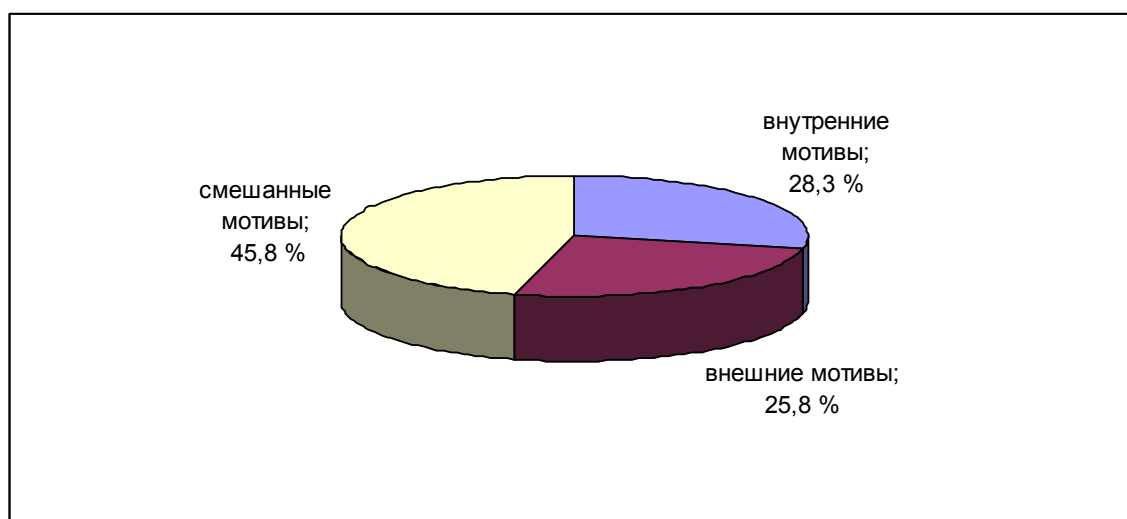

Рисунок 1 - Респонденты, вступающие в брак, с преобладанием внешних, внутренних и смешанных мотивов готовности к браку

Еще одним важным этапом исследования мотивов готовности людей к браку явилось выявление комплементарности их мотивов в будущей супружеской паре. Термин комплементарный [фр. *complementaire* < лат. *Comper* – дополнять] чаще всего понимается как дополнительный, добавочный. В психологии семьи данный термин чаще всего обозначает совместимость, взаимодополняемость, гармоничность пары. В данном случае под комплементарностью брачных мотивов нами понимается совместимость и схожесть мотивов вступления в брак в супружеской паре, которые напрямую связаны с ожиданиями от брака. Реализация ожиданий от брака в будущем определяет устойчивость брака и удовлетворенность им.

Важность выявления сходства или различий в мотивах готовности к браку внутри пары обусловлена значимостью данного конструкта для прогнозирования удовлетворенности людей своими супружескими отношениями, а также устойчивости брака в будущем. Мы разделяем позицию О.А. Карабановой, Э.Г. Эйдемеллера и В.В. Юстицкиса, Н.И. Олифинович, Т.А. Зинкевич-Куземкиной и Т.Ф. Веленты и многих других, отмечавших влияние адекватности мотивов вступления в брак на создание гармоничной и устойчивой семейной системы.

С целью выявления комплементарности мотивов готовности к браку в будущих супружеских парах мы сравнивали, как соотносятся между собой в каждой супружеской паре показатели преобладающего типа смыслообразующих мотивов готовности к браку (внутренние или смешанные смыслообразующие мотивы). Результаты показали, что к имеющим комплементарные смыслообразующие мотивы вступления в брак, можно отнести 35 пар (58,3% респондентов), а к имеющим некомплементарные мотивы – 25 пар (41,7% респондентов). Таким образом, более 40% мужчин и женщин, вступающих в брак, имеют разные, не совпадающие друг с другом мотивы готовности к браку. Различие взглядов в супружеской паре на сам брак и на причины, его побуждающие, может явиться серьезным фактором риска для устойчивости пары в будущем.

Дополнительным аспектом исследования являлось изучение субъективной готовности молодых людей к браку. Факт вступления людей в брак является мотивированным поведением и осуществляется чаще всего при высокой субъективной готовности к браку. Выявление перспективных взглядов людей на свой будущий брак показало, что основное большинство исследованных нами респондентов положительно относятся к своему будущему браку, считают себя готовыми как к браку (84,7%), так и к исполнению функций брачного партнера (84,1%), высоко оценивают совместимость своей пары (88,6%) и считают, что их пара в будущем будет счастливой (92,3%). Выявленная тенденция свидетельствует о высокой субъективной готовности респондентов к браку. Вместе с тем факт вступления в брак, даже при наличии высокой субъективной готовности к нему, не может свидетельствовать об успешности брака в будущем и не дает гарантий устойчивости брачной пары.

Наличие на современном этапе высокого процента разводов ставит вопрос о поиске причин распада супружеских пар. В качестве научного предположения может выступить гипотеза, заключающаяся в том, что устойчивость супружеской пары и ее удовлетворенность браком может быть спрогнозирована выявлением психологической готовности к браку. Однако, данный конструкт имеет сложную структуру и многие параметры психологической готовности к браку остаются скрытыми как от исследователя, так и, очень часто, от самого респондента. Выявленная у всех респондентов тенденция к очень высокому оцениванию своего будущего брака, вне зависимости от того, обладают ли они выраженным внутренним или смешанным типом смыслообразующих брачных мотивов, обладает ли их пара комплементарными мотивами готовности к браку, не дает полноценной информации об уровне психологической готовности испытуемых к браку. Высокие показатели по параметру субъективной готовности к браку, вследствие своей зашумленности, могут диагностироваться под влиянием многих факторов, таких, как наличие у людей психологических защит, идеализации будущего брака или брачного партнера, использование социально желательных ответов и т.д. Полученные данные свидетельствуют о необходимости более глубокого анализа психологической готовности к браку и выявления места мотивов готовности к браку в структуре данного конструкта. Данный аспект требует дальнейшей разработки и дополнительных этапов исследования.

Таким образом, исходя из результатов исследования, можно сделать следующие выводы:

Мотивы готовности к браку являются структурным компонентом психологической готовности к браку и понимаются как совокупность оснований и причин для вступления человека в брак. На основании положений Э.Диси и Р.Райана, в структуре мотивов готовности к браку можно выделить внутренние и внешние мотивы, которые образуют два полюса мотивационной направленности. При равной силе мотивирующего воздействия выделяются внутренне-внешние (смешанные) мотивы готовности к браку, как совмещающие как внешние, так и внутренние мотивы.

Определяющим фактором в определении доминирующего типа мотивов является определение превалирующих мотивов.

В предбрачный период и мужчины, и женщины в качестве наиболее значимых смыслообразующих мотивов готовности к браку выделяют внутренние мотивы, а в качестве мотивов-побудителей готовности к браку - внешние. Лишь 30% от всей совокупности вступающих в брак молодых людей имеют внутренний, согласованный тип мотивации готовности к браку (сочетание внутренних смыслообразующих мотивов готовности к браку и внутренних его мотивов-побудителей). Данная тенденция выступает фактором риска для стабильности заключенного брака в будущем. Исследования комплементарности мотивов вступления в брак в будущих супружеских парах показало, что более 40% мужчин и женщин, вступающих в брак, имеют разные, не согласованные мотивы готовности к браку, что может явиться серьезным фактором риска для устойчивости пары в будущем.

Таким образом, полученные данные подтверждают актуальность изучения мотивов готовности молодых людей к браку и свидетельствуют о наличии сложностей у молодых людей в процессе формирования у них адекватных мотивов готовности к браку. Дальнейшая разработка проблемы мотивов готовности к браку у молодых людей и формирования их психологической готовности к браку позволит семейным психологам оптимизировать межличностные отношения в семьях при оказании консультативной помощи, а также может быть использована при разработке психопрофилактических мероприятий, ориентированных на формирование готовности молодежи к семейной жизни.

Список литературы

1. Гордеева, Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы/ Т.О. Гордеева// Современная психология мотивации/ Под ред. Д.А. Леонтьева.-М.: Смысл, 2002. – 343с. – С. 47-103.
2. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования/ О.А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.

3. Котельникова Ю.А. Личностные корреляты жизненных стремлений [Электронный ресурс]/ Ю.А. Котельникова, А.В. Селин//Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века». - СПб: Издат-во С.-Петербур. ун-та., 2009. – Режим доступа: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/9201318> – Дата доступа: 10.03.2015
4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, Академия, 2005. - 352 с.
5. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности/ Д.А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
6. Лисовский, В.Т. Молодежь: любовь, брак, семья: Социологические исследования/ В.Т. Лисовский. – СПб.: Наука, 2003. – 368 с.
7. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. И.Артамонова, Е. В. Екжанова, Е. В.Зырянова и др.; Под ред. Е. Г. Силаевой. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 192 с.
8. Усынина, Т.П. Мотивация вступления в брак у молодежи [Электронный ресурс]// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 7-8 / Т.П. Усынина. – Режим доступа: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/ru/--gn14-07/1233-a> – Дата доступа: 7.11.2014.
9. Шахотько, Д.В. Брачность и брачная рождаемость в Республике Беларусь/ Д.В. Шахотько // Вопросы статистики. – 2004. – № 7. – С. 57 – 64
10. Deci, E.L. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health /E.L. Deci, R.M. Ryan // Canadian Psychology. 2008b. – Vol. 49. – P. 182–185
11. Harter, S. The Construction of the Self: A Developmental Perspective/ S. Harter. - Guilford Press, 1999. – 413p
12. Williams, G.C. Extrinsic life goals and health risk behaviors in adolescents / G. C.Williams, E. M.Cox, V.Hedberg, E. L.Deci // J. of Applied Social Psychology. 2000. - Vol. 30

Психологические особенности супружеского кризиса в позднем браке

Гонта А.В.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

г. Минск, Беларусь

saved77@gmail.com

Ключевые слова: поздний брак, супруги, кризис

В последние десятилетия отношение общества к браку изменилось. В 2013 году БЕЛТА со ссылкой на Национальный статистический комитет опубликовало данные, в которых отмечается, что с начала XXI века претерпел изменения средний возраст вступления в брак. Если в 2000 году впервые вступали в брак женщины в среднем в возрасте 22,8 года, мужчины – 25 лет, то в 2013-м эти показатели составили для женщин – 25 лет, для мужчин — 27,1 года. В описании к представленным данным отмечается, что данная тенденция характерна для многих европейских государств. В Республике Беларусь и средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился с 23,3 лет в 2000 году до 25,4 года в 2013.

Средние показатели – это медиана, соответственно есть и крайние значения. Иными словами, существуют так называемые ранние и поздние браки. Под ранними браками принято понимать союз молодых людей, не достигших социальной, экономической и психологической зрелости. В нашей статье под поздним первым браком мы будем понимать официально зарегистрированный союз мужчины и женщины, вступивших в брак впервые после 35 лет, не имевших предыдущих браков и детей. Подобные браки описаны в психологии в меньшей степени. Тенденции к позднему вступлению в брак способствует ряд причин. «Выбор времени таких социальных действий, как брак, рождение и воспитание детей, выбор карьеры, широко варьируют у разных людей и культур» [5, с. 561]. Во взрослости присутствуют финансовая стабильность, высокая мотивация именно на создание семьи, в отличие от

юности, где нередки мотивы самореализации за счет кого-то, демонстрации идеи любви, легализации сексуальных отношений. В зрелом браке повышается вероятность, что он будет единственным, появляется желание отдавать, тратиться на кого-то. В обществе нет строгих моральных правил на счет сожительства, поэтому отсутствует острая необходимость заключать брак для удовлетворения сексуальных потребностей, избегания одиночества или отделения от родительской семьи. Приходящие на консультации клиенты рассказывают об опыте жизни в таких отношениях от 3 до 7 лет. Обычно инициатором изменений в статусе отношений является женщина. И тогда отношения переживают кризис, заканчивающийся браком или расставанием. Правда реакция на это событие имеет половую дифференциацию: мужчины чаще всего воспринимают его как появляющиеся новые возможности, а женщины – как развод и гибель возможностей и надежд.

Современные супруги, вступившие в брак в 35-40 лет - это те люди, подростково-юношеский возраст которых пришелся на распад Советского Союза и последовавшую за этим событием эпоху перемен. Время, когда многие юноши ввязывались в сомнительные финансовые предприятия, «зарабатывали» бандитизмом или не могли найти себе место в жизни и профессии. По воспоминаниям современных мужчин и женщин за 35 лет – почти в каждом классе был парень, который отбывал наказание в исправительных учреждениях, был вынужден скрываться или погиб. Подобная ситуация серьезно повлияла на создание семей и рождение детей. Это поколение либо сразу создавало семью, как оплот радости в этом беспокойном мире, с желанием доказать, что еще есть высшие ценности и не все утрачено, что можно и нужно сражаться с кризисом идей и ценностей. Либо приходило к браку позднее, когда построена карьера, восстановлена вера в безопасность мира и собственные силы, произошло переосмысление приоритетов.

Есть еще одна категория поздних браков, не являющаяся предметом нашей статьи, это поздний брак верующих людей. В нее входят те, кто был женат или замужем, разведен и вступает в брак уже согласно своей вере, либо искал партнера исключительно внутри своей конфессии или духовного братства. Иными словами, поздний брак может являться сознательным выбором личности, а может случиться потому, что не были

решены возрастные задачи предыдущих этапов развития в силу травмирующих (кризисных) или тормозящих событий в обществе или на жизненном пути человека.

Первые поздние браки становятся феноменом современности. Супруги в них так же, как и в любых других видах брака, нуждаются в информационной поддержке и социально-психологическом сопровождении. И тут есть ряд теоретико-прикладных вопросов. В психологии развития нет единого подхода к периодизации периода взрослости. Единство достигнуто в основном в понимании примерных границ данного периода, но даже деление его на раннюю, среднюю и позднюю взрослость варьирует у разных авторов. Рассматриваемый возраст специфичен тем, что, в отличие от предыдущих этапов онтогенеза, «изменения в мышлении, личности и поведении взрослых значительно меньше зависят от специфических биологических изменений, чем от личностных, социальных и культурных воздействий или событий. Отличительным признаком зрелости является способность реагировать на изменения и приспосабливаться к новым условиям. Позитивное разрешение противоречий и проблем является основой зрелой взрослой деятельности» [5, с. 561]. Ниже мы рассмотрим периоды ранней и средней взрослости.

Характеристики взрослости определяются социумом в категориях, принимаемых личностью семейных и профессиональных ролей и статусов. Вслед за Г. Крайг мы можем говорить о смене в наше время возрастных часов и социальных норм. В индивидуальный жизненный путь взрослого человека вплетаются события, составляющие его собственный, уникальный жизненный опыт, находящийся, вместе с тем, в связи с исторической эпохой, в которой он живет.

На индивидуальном уровне супруги, у которых поздний брак первый – зрелые люди, у которых сформировано свое представление о жизни. Они отличаются осознанностью поступков, и отсутствием ярко выраженных романтических ожиданий в отношении партнера. Если время вступления в брак приходится на период ранней взрослости, каждый из них, согласно Э. Эриксону, призван пережить кризис интимности-изоляции. Результатом эффективного итога данного кризиса является упрочение личностной идентичности и способности создавать близкие отношения с другим человеком без потери собственной уникальности. В средней взрослости важной

задачей является прохождение кризиса перехода к генеративности или поглощенность собой и стагнация. Чтобы преодолеть чувство неудовлетворенности жизнью, перестать обесценивать свои достижения, либо не останавливаться в постановке и реализации целей, человеку необходимо реализовывать свой творческий потенциал в профессиональном плане и в рамках общественно значимой деятельности, в создании собственной семьи и заботе о последующем поколении. На данном этапе, по К.Г. Юнгу, личность занята поиском или пересмотром смысла собственного существования.

На микросистемном уровне (нуклеарная семья) супругов ожидают кризисы и задачи нормативного кризиса первого года жизни (в нашей статье мы возьмем его для рассмотрения). Специфика данных пар состоит в том, что они находятся на той стадии жизненного цикла, которая предполагает освоение новой роли мужа или жены (невестки, зятя – *на макросистемном уровне* (расширенной семьи), матери и отца при наличии собственных стареющих родителей. Нормативные жизненные события переживаются позже, чем у большинства сверстников, что может порождать, с одной стороны, субъективное ощущение молодости и видение перспектив и больших возможностей впереди. С другой – мысли об упущенном времени и утраченных возможностях, несоответствии социальным нормам и страхе «не успеть». Стереотипы в обществе и в них самих сильны. Женщину, рожающую первого ребенка в данном возрасте скорее всего назовут «старородящей». Знакомые могут транслировать идею о том, что жизнь перешла половину и скоро будет закончена. Родители, если они еще живы, могут выразить беспокойство о том, кто же «поднимет» их внуков, ведь дети и сами уже «в возрасте».

Попробуем разобраться, на примере функций семьи и кризиса первого года официальной совместной жизни, где же поздний брак имеет свои плюсы, а где супругам придется столкнуться с рядом непростых вопросов и затруднений. Первый год совместной жизни, независимо от возраста супругов, предполагает «решение проблем, связанных с установлением оптимальной психологической дистанции», а также «молодым супругам необходимо распределить семейные роли и области ответственности, решить вопросы семейной иерархии, выработать приемлемые формы сотрудничества, разделить обязанности, согласовать систему ценностей, пройти

сексуальную адаптацию друг к другу» [6, с. 40]. Переживание семейного кризиса уникально для каждой семейной системы в том смысле, что не всякая супружеская пара остро переживает кризис и не все его признаки могут иметь место в конкретном случае. Период «снятия масок» в позднем браке проходит обычно легче, чем в молодых семьях, поскольку взрослые супруги имеют более реалистичный взгляд на другого человека. В случае, если этот брак был очень ожидаемым в течение многих лет, то могут быть завышенные ожидания от него, что порождает напряженность после деидеализации долгожданной и в красках придуманной совместной жизни. Происходят «страшные открытия» относительно привычек и пристрастий, реальных убеждений партнера. На смену романтике и новизне обычно приходят монотонность и однообразие [7]. Пережить данный кризис позволяет, как уже упоминалось, реалистичный взгляд на жизнь и партнера. В случае, если супруги обеспечивают *развлекательно-рекреативную функцию*, организовывая совместные (или индивидуальные: встречи с подругами, поездки с друзьями на футбольный матч и проч.) развлечения и досуг, то данный период пара так же способна пройти с наименьшими признаками кризиса. Как видим, в позднем браке, при общей положительной социальной ситуации, все же присутствуют опасные для целостности семьи тенденции.

Установление оптимальной психологической дистанции внутри семьи и внешних границ в поздних браках имеет характеристики, присущие молодым семьям, но и обладает спецификой. Положительным фактором для семьи является то, что взрослые люди имеют сложившиеся характеры и, в целом, обладают умениями в поддержании границ собственного Я и способов коммуникации с окружающими, то есть эффективно и свободно функционируют на уровнях Я и Я, Я и Другие. В большинстве случаев брак заключается в результате сознательного и взвешенного выбора, что является залогом установления прочных партнерских отношений. Обычно взрослый человек уже умеет быть один и вступает в брак не столько для избегания одиночества, сколько потому, что хочет тратить накопленные ресурсы: эмоциональное тепло, заботу, интересы, знания, финансы (вспомним задачу: генеративность-стагнация). Вместе с тем, упомянутый выше индивидуальный кризис интимности – изоляции у супругов может совпадать с задачей установления эмоциональной связи между ними с сохранением контактов с

расширенной семьей (*эмоциональная функция семьи*). В данном случае эти параллельные явления могут либо облегчать, либо усложнять названную задачу. Названные процессы могут принимать причудливую форму. Так, одна клиентка жаловалась, что не может спать, поскольку рядом ночью лежит муж. Она просто физически не привыкла, чтобы рядом кто-то был. Ей даже на какое-то время приходилось уезжать на свою квартиру, чтобы восстановить внутренние и внешние границы и побыть одной.

Фактором риска так же будет являться ригидность и уверенность в исключительности собственного мнения, правильности позиции у супругов, поскольку в семье предполагается *иерархичность, распределение ролей и обязанностей*. Часто употребляемая фраза «не сошлись характерами» отражает опасное для позднего брака место, ведь за прошлые годы сложились привычки, устои, система ценностей, мировоззрение, которые менять не хочется, либо нецелесообразно. Мужчина и женщина привыкли к одиночеству, к самостоятельности и независимости, им теперь представляется сложным перераспределить власть над своей жизнью, доверить ее другому человеку, а также взять ответственность за партнера, выполнять роль мужа или жены. В данном случае на успешность в установлении договоренностей влияют не только опыт родительских семей каждого супруга, но и индивидуальный жизненный стиль, сложившийся на основе жизненного опыта, а также предыдущих отношений. Вместе с тем, положительной чертой взрослых браков является определенная свобода, присущая взрослому, которая идет в паре с ответственностью и умением договариваться. Человек свободен в принятии решений, но и готов принимать их последствия, а также уважать свободу и право выбора другого. Немаловажным фактором является обычно сложившаяся к этому времени карьера, что не требует сильных жертв с чьей-то стороны, хотя тоже предполагает договоренность. Выполняя *хозяйственно-бытовую функцию* такие семьи чаще всего действуют по принципу «кто видит проблему, тот ее и решает», независимо от того, чья сфера ответственности здесь предполагается. Клиентка рассказывала, что приготовление пищи считает своей обязанностью и радостью, но если она приходит поздно с работы – муж всегда приготовит ужин, что позволяет ей чувствовать себя любимой и еще больше уважать его и испытывать нежность.

Сексуально-эротическая функция обеспечивает удовлетворение сексуальных потребностей семьи, регулирует сексуальное поведение ее членов [1]. Сексуальная жизнь во взрослости обычно имеет ряд преимуществ. Каждый супруг имеет опыт во взаимоотношениях с противоположным полом и не стремится изменить другого, понимая специфику мужественности и женственности. Зрелая сексуальность представлена пониманием собственных потребностей и потребностей партнера, умением их удовлетворять. Вместе с тем, различия в насыщенности предыдущей сексуальной жизни, степени индивидуальной потребности в ней, травматичный опыт предыдущих отношений или закрепившиеся годами чувства стыда или вины, подавление агрессии могут сильно затруднять адаптацию супругов друг к другу в сексуальной сфере. Спасают ситуацию терпение и такт, а также умение играть, легкость, свобода в выражении своих желаний и уважительное отношение к потребностям партнера, стремление радоваться и радовать другого. В современном обществе повышается уровень психологической культуры и информированности, благодаря чему супруги способны не только самостоятельно разрешать возникающие проблемы, но и обращаться за профессиональной психолого-сексологической помощью.

Репродуктивная функция в позднем браке имеет свою специфику. Дети чаще всего очень желанны, окружены вниманием и обеспечены. Взрослые женщины и мужчины, в отличие от молодежи, склонны ответственно готовиться к рождению ребенка и планировать беременность. Тем не менее, пары могут столкнуться с принятием ряда решений и признанием определенных объективных фактов, касающихся возраста, желания иметь детей, репродуктивного здоровья, воспитания приемных детей.

Следует также отметить, что в последнее время в социологии стало обсуждаться явление чайлдфри. Чайлдфри, в переводе с английского, означает «свободный от детей» – это «субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным нежеланием иметь детей. Основная идея чайлдфри – отказ от детей во имя личной свободы и пропаганда бездетного образа жизни» [2]. Среди многообразия причин данного явления можно выделить следующее объяснение: «люди стремятся сначала сделать карьеру и устроить жизнь, а уже потом, может быть, рожать детей. Часто постоянное «потом» перерастает в «никогда». Либо они становятся бесплодными (бесплодные — не чайлдфри), либо они

понимают, что настолько выросли в свой образ жизни, что дети в него уже не впишутся» [4]. Однако, данное явление нельзя назвать приметой только поздних браков, поскольку решение состоять в браке без детей может приниматься гораздо раньше. Если в европейских странах и США чайлдфри известно давно, то на постсоветском пространстве его появление связывают с возмужанием «детей 90-х» (поколения «жесть»), являющегося приметой инфантилизации общества [2]. Одна из клиенток, объясняя свою позицию в отношении бездетного образа жизни высказалась так: «я из поколения моральных уродов. Зачем плодить таких же моральных уродов и обрекать их на подобную жизнь?».

Воспитательная и обучающая функции характеризуются с одной стороны наличием жизненного опыта, которым зрелые родители обычно рады поделиться, а с другой – значительной разницей в возрасте, некоторым образом осложняющей взаимопонимание между поколениями. *Экономическая функция* в позднем браке отличается тем, что супруги к данному возрасту обычно имеют собственный капитал и финансовые привычки. За первый год брака, им, как и молодым семьям, необходимо организовать и распределить семейный бюджет, определив добытчиков и распорядителей. Модным явлением в этом плане выступает свадебный контракт – юридический документ, регламентирующий финансовые отношения, который составляют партнеры до брака. Как известно, виды семейного бюджета делятся на три основные категории: совместный семейный бюджет, отдельный и смешанный (долевой) [3]. Поздние браки тяготеют к последней категории бюджета, поскольку это позволяет сохранять привычную финансовую независимость наряду с формированием общего хозяйства и экономических связей. Сохранение личных средств необходимо не только для собственных нужд, но и в случае, если на попечении одного из супругов находятся другие люди (родственники, родители).

Эффективность любого брака, а также позднего, зависит от активизации его *психотерапевтической функции*, позволяющей членам семьи «удовлетворять потребности в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите» [8, с. 64]. Не исключено, что поздний брак будет единственным в своем роде, кроме того у него есть все шансы стать стабильным

оплотом близких эмоциональных отношений, ведь процесс создания семьи – это работа длиною в жизнь. Иными словами, бытовое понятие «счастливая семья» включает в себя баланс в реализации различных функций семьи, причем, значимость каждой из них на различных этапах жизненного цикла семьи изменяется.

Можно заключить, что поздний брак является приметой времени, и обусловлен рядом причин. Чаще всего поздним принято называть первый брак, в который вступают люди после тридцати пяти лет, не имевшие детей. Наряду с нормативными и ненормативными периодами, присущими браку вообще, в позднем браке имеются условия, специфические для возраста зрелости. Социально-психологическое сопровождение первых поздних браков требует операционализации понятий, касающихся данной темы, более детального описания специфики возраста и внутрисемейного функционирования с последующей разработкой рекомендаций для психологов и супругов.

Список литературы

1. Андреева, Т.В. Семейная психология / Т.В. Андреева. – СПб. : Речь, 2004. – 244 с.
2. Антонова, Ю.А. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию childfree: на грани экстремизма / Ю.А. Антонова // Политическая лингвистика. - № 2 (44). – 2013. – С. 170-177.
3. Белый, К. Виды семейного бюджета / К. Белый // Финансовый гений [Электронный ресурс] : Финансовая грамотность, эффективное управление личными финансами. – 2013. – Режим доступа : <http://fingeniy.com/vidy-semejnego-byudzheta/>. – Дата доступа: 25.06.2015.
4. Исупова, О. Феномен чайлдфри в обществе / О. Исупова // ПостНаука [Электронный ресурс] : видео, TV, курсы, проекты. – 2014. – Режим доступа : <http://postnauka.ru/video/31220>. – Дата доступа: 25.06.2015.
5. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 940 с.

6. Олифирович, Н.И. Психология семейных кризисов / Олифирович Н.И. [и др.]. – СПб. : Речь, 2008. – 360 с.

7. Целуйко, В.М. Быть вместе нельзя расставаться: Как спасти отношения / В.М. Целуйко. – Екатеринбург : У-Фактория; М. : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 254 с.

8. Шнейдер, Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций / Л.Б. Шнейдер. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.

**Психотерапевтический потенциал супружеского взаимодействия:
возможности эмпирического исследования**

Жогаль Е.М.

БГПУ, г. Минск, Беларусь

zhohal@mail.ru

Ключевые слова: супружеское взаимодействие, теории объектных отношений, психотерапевтический потенциал, процедура «Совместный Тест Роршаха».

Обзор эмпирических исследований по проблематике супружеского взаимодействия показывает, что научных исследований, непосредственно раскрывающих закономерности и механизмы реализации психотерапевтического потенциала взаимодействия супругов, не проводилось.

Исследования возможностей появления психотерапевтического ресурса в супружеском взаимодействии было предпринято в рамках психоаналитической традиции. В соответствии с основной доктриной классического психоаналитического

подхода к пониманию и объяснению особенностей функционирования семьи, модель родительской семьи и паттерны типичных для нее отношений воспроизводятся супругами в своей собственной семье. Таким образом, признается, что взаимодействие партнеров детерминировано их детским опытом, тогда как ведущая роль в его регуляции отводится бессознательным психическим процессам.

В связи с развитием методологии теории объектных отношений, предметом интереса психоаналитически ориентированных исследователей супружеских отношений явились не только индивидуальные аспекты интрапсихического функционирования партнеров, но и, имеющие место в супружеском взаимодействии, межличностные процессы (Дикс Г., 1950, 1952; Willi. J., 1972; Preuss, 1973 и др.).

Последующая интеграция ключевых концепций теорий объектных отношений с основными положениями психоаналитической теории групповых процессов способствовала существенному расширению психоаналитических способов мышления и смещению акцента с изучения интрапсихических переживаний отдельных индивидов к исследованию межличностных феноменов, затрагивающих функциональные параметры группы как единого целого (Балинт М., 1932; Ференци Ш., 1932; Александер Ф., 1950; Мейснер, 1971; Бион У., 1960; Фукс З., 1964 и др.) [2].

Супружеские отношения, являясь самым близким взрослым эквивалентом первоначальных детско-родительских отношений (Дикс Г., 1963), представляют собой мощный катализатор психологических изменений у взрослых (Валлерстэйн Д. С., 1996). Ряд исследователей отмечает, что любовная жизнь человека, возрожденная с новым объектом, может быть постоянным источником психического развития (Левальд Г., 1960; Rosbrow-Reich, 1988). С этой точки зрения, в браке создаются условия для трансформации дезадаптивных и патогенных паттернов взаимодействия, детерминированных ранним объектным опытом [4].

Так Мейснер (Мейснер 1980, 1986) и О. Кернберг (Кернберг О., 1987) пришли к общему мнению, что интернализированные объектные отношения подвержены влиянию не только бессознательных фантазий и защит. Они могут претерпевать изменения в результате взаимодействия с реальными людьми. Таким образом, супружеские отношения содержат потенциал нового возмещающего (reparative) опыта, создающего

условия для восстановления нарушенного потенциала развития брачных партнеров [1, 5].

Проективная идентификация, является тем механизмом, благодаря которому в процессе взаимодействия супругов осуществляется экстернализация не только дезадаптивных паттернов объектных отношений прошлого, но и воспроизведение конструктивного опыта, рассматриваемого рядом исследователей в качестве основания для переживания супругами нежности и эмпатии в отношении друг друга (Сигел Д.П., 1991, 1992; Фусс, 1995; Соломон, 1997). В таких случаях усилия партнеров направлены на то, чтобы не просто повторить опыт объектных отношений, но вновь воссоздать его таким образом, чтобы появилась возможность для изменения первичных паттернов (Meissner, 1978; Grotstein, 1985; Tansey и Burke, 1989) [5]. В подобных ситуациях способность супругов создать друг для друга «поддерживающее окружение» (Винникотт Д., 1965) выступает в качестве необходимого условия для создания репаративных отношений. Такие отношения способствуют конструктивным процессам интернализации и интеграции, помогая, тем самым, каждому партнеру стать друг для друга новыми объектами и обеспечить эмоциональным опытом, который ранее не был доступен в достаточной мере [3, 4].

Признание важности актуального контекста функционирования супружеской пары как группы позволило выдвинуть в рамках диссертационного исследования предположение о том, что в процессе супружеского взаимодействия в ситуации «здесь-и-сейчас» создаются условия, способствующие психологическому росту брачных партнеров и обуславливающие развитие зрелых форм супружества, свободных от влияния реакций переноса.

С целью изучения динамических процессов, имеющих место в супружеском взаимодействии, была использована экспериментальная процедура «Совместный Тест Роршаха» [7]. В результате были получены и в последующем проанализированы три группы переменных: 1) текст диалога в процессе обсуждения совместной версии ответа; 2) общая версия ответа партнеров по каждой из таблиц; 3) характер супружеского взаимодействия в процессе обсуждения совместной версии ответа.

Наряду с исследованием групповых параметров интрапсихического функционирования супругов, актуализированных в процессе взаимодействия, в рамках экспериментальной процедуры «Совместный Тест Роршаха» было осуществлено также изучение интерактивного аспекта супружеских отношений в процессе организации совместной деятельности, направленной на решение групповых задач. Предметом наблюдения выступили интеракции супругов, актуализированные в процессе обсуждения совместной версии ответа. В качестве способа регистрации данных наблюдения был выбран дескриптивный способ (фактологический), предполагающий фиксацию всех случаев проявления единиц наблюдения [6]. Анализ полученных в результате наблюдения данных осуществлялся в двух направлениях.

С целью исследования характера влияния групповых параметров интрапсихического функционирования партнеров на супружеское взаимодействие в процессе совместной деятельности, интеракции супругов были проанализированы с точки зрения их эффективности или неэффективности в зависимости от позиции, занимаемой партнерами при решении функциональных проблем группового взаимодействия.

С целью исследования влияния на характер супружеского взаимодействия динамических феноменов, связанных с актуальными аспектами функционирования супружеской пары как группы, были проанализированы такие параметры группового супружеского функционирования, как, содержание группового фокального конфликта, групповая культура взаимодействия и психотерапевтический потенциал взаимодействия.

В результате сравнительного анализа динамики индивидуальных и совместного интрапсихических профилей супругов, а так же, на основании сопоставления полученных данных с результатами наблюдения за супружеским взаимодействием, были установлены факторы, определяющие способность супружеской диады к созданию в процессе взаимодействия благоприятных условий для восстановления потенциала развития брачных партнеров. К ним относятся: уровень психологической зрелости супругов, характер культуры взаимодействия супругов, содержание супружеского фокального конфликта и стратегии его разрешения.

Выявлено, что в процессе взаимодействия поведение партнеров определяется их стремлением разрешить супружеский фокальный конфликт, возникающий как следствие необходимости удовлетворения ими соответствующих их уровню психологической зрелости индивидуальных потребностей. Также было установлено, что стратегии поведения супругов, направленные на разрешение супружеского фокального конфликта и характеризующиеся использованием преимущественно разрешительных или же ограничительных приемов, определяют характер культуры взаимодействия в супружеской диаде. Разрешительные действия, предполагающие одобрение, поддержку, принятие партнера, способствуют созданию в процессе взаимодействия атмосферы безопасности, вследствие чего супруги имеют возможность открыто предъявить свои претензии на удовлетворение индивидуальных потребностей, обусловленных их уровнем психологической зрелости. Такие ограничительные действия, как обесценивание, подавление и неприятие, способствуя созданию атмосферы, которая воспринимается партнерами как «небезопасная», в процессе взаимодействия провоцируют эскалацию напряжения, вследствие чего супруги избегают открытой демонстрации стремлений, направленных на удовлетворение индивидуальных потребностей из-за страха возможных негативных последствий. В связи с этим один или оба партнера, используя защитную стратегию избегания эмоционального вовлечения в супружеский конфликт или, наоборот, вступая в открытую конфронтацию, способствуют изменению групповой культуры.

На основании результатов исследования культуры супружеского взаимодействия, а также стратегий поведения партнеров в ситуации супружеского фокального конфликта, в супружеских парах были выделены следующие типы взаимодействия: взаимовыгодный, паразитический и нейтральный.

Взаимовыгодное взаимодействие, характеризующееся наличием благоприятных условий для восстановления потенциала развития брачных партнеров, обладает психотерапевтическим ресурсом. Между партнерами отмечается не только актуализация реакций переноса, обусловленных реактивацией архаичных паттернов объектных отношений, но и происходит их трансформация за счет удовлетворения характерных для

уровня психологической зрелости супругов потребностей и проработки ими соответствующих конфликтов.

Следует, однако, отметить, что для взаимовыгодного супружеского взаимодействия характерна определенная ригидность: использование психотерапевтического потенциала одним из партнеров является обязательным условием для психологического роста другого. В противном случае вероятность создания благоприятных условий для восстановления нарушенного потенциала развития супругов затрудняется или становится невозможной.

Паразитическое взаимодействие, являясь примером проявления деструктивных процессов в супружеской паре, представляет собой вариант супружеского взаимодействия, в рамках которого не создаются благоприятных условий для восстановления нарушенного потенциала развития брачных партнеров. Для паразитирующего взаимодействия характерна следующая динамика: один из супругов использует своего партнера с целью решения соответствующих его уровню психологической зрелости фазово-специфических задач. При этом у «паразитирующего» партнера отмечается актуализация прогрессивных тенденций, детерминированных «успешным решением» собственных фазово-специфических конфликтов во взаимодействии, что, таким образом, создает иллюзию его психологического роста. Однако тот факт, что потенциал развития второго супруга остается ограниченным, навязываемыми ему «паразитирующим» партнером, рамками переноса, что, в конечном счете, приводит его к дестабилизации на уровне интрапсихического и межличностного и функционирования, не позволяет рассматривать данную разновидность взаимодействия как пример взаимодействия, обладающего психотерапевтическим потенциалом. Таким образом, в рамках паразитического взаимодействия у супругов не происходит реорганизации супружеских отношений, следствием чего является сохранение форм супружества, детерминированных реакциями переноса.

Нейтральное взаимодействие представляет собой такой тип супружеского взаимодействия, при котором не создаются благоприятные условия для восстановления потенциала развития брачных партнеров, однако также не происходит дестабилизации на уровне их интрапсихического и межличностного и функционирования. Установлено,

что данный тип супружеского взаимодействия отмечается в парах, в которых культура взаимодействия супругов характеризуется преобладанием таких тенденций защитного характера, как уход или избегание, вследствие чего супруги не предпринимают попыток проработать соответствующие их уровню психологической зрелости фазово-специфические задачи развития.

Таким образом, проведенное исследование супружеского взаимодействия позволило получить достоверные сведения о том, супружеское взаимодействие может обладать психотерапевтическим потенциалом, создавать условия для личностного роста супругов.

Список литературы

1. Вендль-Кемпман, Г. Психоаналитическая терапия супружеских пар / Г. Вендль-Кемпман // Ключевые понятия психоанализа / Под ред. В. Мертенса. СПб.: В&К, 2001. – С. 260–265.
2. Притц, А. Групповой психоанализ. Теория – техника – применения / Пер. М.М. Сокольская, науч. и общ. ред. Д.М. Шанаева / А. Притц, Э. Выкокукаль. – М.: Издательство «Verte», 2009. – 504 с.
3. Райш, К. Пара в кризисе: психоаналитическая терапия пар // Журнал практической психологии и психоанализа [Электронный ресурс]. – №2, 2007. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20070205>. – Дата доступа: 23.06.2009.
4. Райш, К. От объектных отношений к теории отношений: надежда в терапии пар // Журнал практической психологии и психоанализа [Электронный ресурс]. – №4, 2005. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20050405>. – Дата доступа: 14.12.2008.
5. Сигел, Д.П. Идентификация как фокусная точка в терапии пар // Журнал практической психологии и психоанализа [Электронный ресурс]. – №2, 2007. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20070209>. – Дата доступа: 07.05.2009.

6. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности/ В. А. Ядов. – 3-е изд., испр. – Москва: Омега-Л, 2007. – 567 с.

7. Willi, J. La collusione di coppia./ J. Willi. – Milano: Franko Angeli, 1993. – 260 p.

Роль эмпатии в супружеских отношениях

Зеленская М.С., Лидерс А.Г.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

a-lider@mail.ru

Предметом нашего исследования стали особенности отношений у супружеских пар с разным уровнем эмпатийности, характеристики этих отношений (а именно: любовь, удовлетворенность браком, согласованность семейных ценностей и ролевых установок, реакция на конфликтные ситуации, психологические защиты).

Целью исследования стало изучение взаимосвязи эмпатийности супругов с указанными особенностями отношений, влияющих на эффективность функционирования семейной системы.

Гипотезы исследования

1) Эмпатийность супругов связана с согласованностью семейной ценностной структуры, поскольку способствует лучшему восприятию притязаний и ожиданий друг друга в различных сферах семейного функционирования.

2) Умение выслушать, понять точку зрения супруга положительно связано с конструктивностью взаимодействия, в том числе в конфликтных ситуациях. Таким образом, у супругов менее выражены дезадаптивные защитные механизмы, депрессивные, тревожные тенденции, агрессивность и т.д.

3) Способность супругов к эмпатии связана с удовлетворенностью брачными отношениями, поскольку способствует повышению уровня совместимости индивидов в брачном союзе.

И, наконец, *базовой гипотезой* является предположение о связи эмпатии у супругов с эффективностью функционирования семейной системы, выводы о жизнеспособности которой будут следовать из обсуждения предыдущих гипотез.

Проверка гипотезы осуществлялась в ходе обследования 35 супружеских пар, проживающих в Москве и Самаре, брачным стажем от 1 до 38 лет, с детьми и без. Большинство респондентов имеет высшее или неоконченное высшее образование. Среди испытуемых не было пар, обращавшихся за психологической помощью или заявлявших о необходимости такой помощи. Таким образом, можно предположить, что опрошенные семейные пары функциональны или же степень дисфункции недостаточно выражена для обращения в консультацию, что говорит о репрезентативности данной выборки.

В соответствии с задачами исследования, был установлен уровень эмпатических способностей респондентов, состоящих в супружеских отношениях, и проведено измерение таких характеристик, как согласованность семейных ценностей, удовлетворенность браком, а также, с помощью побочных переменных, рассмотрен тип взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях, конструктивность общения.

Мы пришли к следующим выводам:

1) Эмпатийность супругов связана с согласованностью семейных ценностей, причем ролевая адекватность мужчины положительно связана с децентрацией и эмпатической заботой женщины, а вот ролевая адекватность женщины отрицательно коррелирует с децентрацией мужчины. Таким образом, эмпатичные женщины умеют договариваться с мужьями о своих притязаниях и ожиданиях, а также склонны разделять их ценности, идентифицироваться со своим супругом. В свою очередь, эмпатичные мужчины скорее толерантны к ценностно-ролевой рассогласованности.

2) Эмпатия располагает супругов к конструктивному диалогу, эмпатичные супруги более направлены к взаимопониманию, им не приходится скрывать свои переживания как на осознанном уровне (в виде неконструктивных установок на брак), так и не осознанном – в виде дезадаптивных защитных механизмов. Показано, что люди,

способные принять точку зрения другого человека (высокие показатели децентрации), менее склонны к агрессии, отрицанию или избеганию проблем, неконструктивным установкам в общении с супругом, что отражается на выраженности защитных механизмов их брачных партнеров. Если говорить более конкретно, мы не можем однозначно установить, что эмпатия положительно влияет на взаимодействие супругов во время конфликта, однако, установлено, что последствия конфликтных ситуаций в эмпатичных парах не несут за собой деструктивный финал, разрушающий отношения или личность и создающий в семейной системе неблагоприятный климат. Таким образом, можно говорить о правомерности существования гипотезы № 2.

3) Отмечено, что уровень индивидуальной эмпатии слабо коррелирует с удовлетворенностью субъекта брачными отношениями, однако пары, в которых один из супругов обладает высокой эмпатийностью, а другой – средней, демонстрируют наивысший уровень удовлетворенности отношениями. Кроме того, корреляционный анализ внутри пар показал, что имеется тенденция к связи эмпатийности одного супруга с субъективной удовлетворенностью браком другого.

4) Генеральная гипотеза о связи эмпатии супругов с эффективностью функционирования семейной системы может считаться подтвержденной, поскольку мы показали связь уровня эмпатии с объективными и субъективными критериями оценки эффективности семьи.

В данной работе была сделана попытка выделения интегративного понятия эмпатии в контексте супружеских отношений, а также рассмотрения вклада эмпатических способностей в брачный союз. Анализ литературных источников указал на принципиальную важность эмпатии и безусловного принятия, как фундамента развития личности и условия ее здоровья. Эмпатия проявляет себя в таких конструктах, как любовь, обеспечивая душевную близость супругов, психологическая совместимость и фрустрационная устойчивость пары.

В эмпирическом исследовании мы убедились, что эмпатия связана как с объективными, так и субъективными критериями оценки эффективности семейной системы. Эмпатичные супружеские пары более удовлетворены браком, у них меньше выражены дезадаптивные защитные механизмы, депрессивные тенденции, тревожность

и ее соматизация, неконструктивные установки на брак. Такие пары более открыты друг для друга и нового опыта, профессионального развития, выполнения родительских функций. Их устойчивость к фрустрирующим обстоятельствам, таким как межличностные конфликты, выше, чем у других пар, поскольку налажено конструктивное общение, способствующее позитивному выходу из конфликтных ситуаций без негативных последствий. В эмпатичных союзах больше коммуникативных ресурсов для обсуждения ролевой структуры семьи, а также выше толерантность и уважение к ценностям друг друга.

Данное исследование демонстрирует, какую структуру имеет эмпатия в супружеских отношениях, и насколько она отлична от проявлений эмпатии в других сферах жизни. Супружеские отношения отличаются высокой эмоциональной насыщенностью, что делает канал эмпатии, с одной стороны, более ярким, поскольку супруги оба заинтересованы во взаимопонимании, с другой, несколько искаженным за счет собственных эмоций. В этой связи, крайне сложно разделить в брачной диаде эмпатию и конгруэнтность – эмоциональный ответ очень важен для ощущения «понятности». По-разному проявили себя в супружеских отношениях компоненты эмпатии: децентрация, эмпатическая забота, фантазия-вживание и эмпатический дистресс. Децентрация, как толерантность к мыслям и чувствам других, а также умение представлять себя на месте других людей, значительно связана с конструктивным общением, снижением агрессивности; однако, судя по всему, она не требует истощаемых эмоциональных ресурсов, какие тратятся на сочувствие и жалость, свойственные людям с высокими показателями по шкале эмпатической заботы. Кроме того, эмпатическая забота связана с дистрессом, тревожностью с дискомфортом в межличностном взаимодействии, связанном с эмоциями. Таким образом, мы приходим к выводу, что децентрация является более эффективным механизмом взаимодействия, нежели эмпатическая забота. На практике это означает, что методы улучшения коммуникации в семье могут быть построены на обучении семейной пары, с одной стороны, децентрации, то есть когнитивно-аффективной способности принимать точку зрения другого человека, а с другой – выстраивать адекватную психологическую защиту от излишнего сочувствия и жалости к неудачам других людей.

Наша генеральная гипотеза о существовании положительной связи эмпатии и эффективности брачных отношений была подтверждена как в теоретическом, так и эмпирическом плане.

В перспективе работы над этой темой хотелось бы разработать оригинальный формирующий эксперимент, обучающий супругов принимать точку зрения друг друга, как рационально, как и эмоционально. На текущий момент существует множество методик, позволяющих улучшить коммуникацию в паре, «показывая» им картину ситуации с разных сторон, такие как «семейный совет», «скульптура семьи» и прочие. Однако не многие методы, на наш взгляд, дают супругам настоящий инструмент разрешения семейных проблем, гибкий к изменениям ситуации. Мы полагаем, что рассмотрение эмпатии, как высшей психической функции, изучение ее опосредованности и возможностей развития эмпатических способностей планомерно-поэтапным методом, смогут ответить на этот запрос.

Трансляция супружеских отношений от родителей к детям

Ижванова Е.М.

НОУ ВПО Институт психологии и педагогики, Москва, Россия

izhvanova@bk.ru

Не воспитывайте детей, все равно

они будут похожи на вас.

Воспитайте себя

Английская пословица

Ключевые слова: супружеские отношения, родители, дети

Современный брак не контролируется социальными институтами, поэтому качество семейных отношений поддерживается самими супругами с учетом их

способностей и возможностей. Вследствие глобальных изменений в системе общественных ценностей и расслоения общества проблема семьи и семейных отношений приобретает все большее значение. Кризис семьи давно отмечается во многих психологических и социологических исследованиях. Гендерные стереотипы не соответствуют современным реалиям, отношения между полами меняются, родительские модели семьи отчасти теряют свою актуальность.

Накоплен немалый опыт по исследованию семьи, однако знания о семье 20-30-летней давности с практической точки зрения утратили свою актуальность. Возросло число разводов, повторных браков, неполных семей и конфликтов, в числе которых несовпадение гендерных стереотипов современным реалиям. Все большее распространение получает позднее и суррогатное материнство, методы экстракорпорального оплодотворения. Всего этого не было 20-30 лет назад. По этой причине все исследования современной семьи актуальны и вносят свой вклад в практику семейного консультирования.

В данном исследовании рассматривается трансляция супружеских отношений от родителей к детям, проявляющихся в основном в паттернах поведения. Паттерн можно определить как стереотипную поведенческую последовательность действий, которая является неосознаваемой, некритичной и достаточно ригидной. Говоря о супружеских паттернах (моделях, шаблонах) поведения имеются в виду неосознаваемые стратегии взаимодействия с партнером в семье, а также стереотипные эмоциональные и поведенческие реакции на данное взаимодействие [2].

Данное исследование базируется на результатах дипломной работы Субботовской Е.А. «Трансляция супружеских паттернов поведения от родителей к детям», выполненной под руководством автора в 2014 г. в Институте психологии и педагогики.

Выборку испытуемых составили 15 пар мать – взрослая дочь и 15 пар отец – взрослый сын. Средний возраст матерей 54,8 лет, дочерей – 29,3 лет. 67% матерей и 60% дочерей имеют высшее образование, остальные – среднее специальное, 80% матерей и 94% дочерей замужем. Средний возраст отцов 55,3 лет, сыновей – 30,5 лет. 60% отцов и

87% сыновей имеют высшее образование, остальные – среднее специальное, 74% отцов и 87% сыновей женаты.

Исследование проводилось по 5 методикам:

- 1) методика «Принятие гендерных ролей и выбора ролевой иерархии» [5];
- 2) опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) [4];
- 3) методика «Исследование ролевых паттернов отношения к Другому взрослому человека (МИРП)» [1];
- 4) опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» [7];
- 5) метод «Диагностика межличностных отношений (ДМО)» - модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири (модификация и адаптация Л.Н. Собчик) [7].

По методике «Принятие гендерных ролей и выбора ролевой иерархии» были получены следующие результаты.

При когнитивном выборе ролевой иерархии и матери, и дочери наиболее солидарны в роли женщины: почти половина матерей и дочерей (по 47%) ставят ее на первое место. У 47% матерей роль любовницы находится на последнем месте, а примерно у 27% дочерей на последнем месте роли любовницы и матери.

Эмоциональный выбор у матерей аналогичен когнитивному, только роль женщины и любовницы вместо 47% составила 27%, а 33% на последнее место поставили роль деловой женщины. 27% дочерей на первое место поставили роль матери, а на последнее – роль подруги (27%) и любовницы (33%).

Анализ ролевого поведения показал, что у 33% матерей на первом месте находится роль хозяйки, а на последнем - роль любовницы (47%). У 47% дочерей на первом месте роль матери, на последнем месте явно выраженных ролей не выявлено.

Проверка согласованности выборов и ролевого поведения с помощью коэффициентов корреляции Спирмена с достоверностью $\alpha=0,95$ показала следующие результаты. У матерей когнитивный и эмоциональный выборы согласованы средне ($r=0,66$), а ролевое поведение слабо отрицательно связано с когнитивным ($r=-0,25$) и эмоциональным ($r=-0,27$) выборами. Таким образом, поведение у матерей не согласовано с их выборами. У дочерей согласованы только эмоциональный и когнитивный выборы

($r=0,49$), а поведение достоверно не связано ни с когнитивным выбором, ни с эмоциональным. Проверка согласованности иерархии выборов и ролевого поведения между парами мать - дочь показало, что с достоверностью $\alpha=0,95$ у 73% пар согласовано только поведение.

Согласованность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов между матерями и дочерями, рассчитанная с помощью коэффициентов корреляции Спирмена всей женской выборки в целом представлена в табл. 1.

Таблица 1

Согласованность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов иерархии гендерных ролей в женской выборке испытуемых с достоверностью $\alpha=0,95$

<i>Дочери</i>	<i>Матери</i>		
	Когнитивный выбор	Эмоциональный выбор	Поведение
Когнитивный выбор	0,24	Нет значимых корреляций	Нет значимых корреляций
Эмоциональный выбор	0,23	Нет значимых корреляций	Нет значимых корреляций
Поведение	-0,30	-0,37	0,81

Как следует из Табл. 1, когнитивные выборы матерей и дочерей в целом по выборке имеют достоверные, но слабые связи. Тесно и прямо связано только поведение матерей и дочерей. Интересно отметить наличие обратной связи между поведением дочерей и когнитивным и эмоциональным выборами матерей. Можно сказать, что дочери слабо воспринимают то, что говорят матери, и при этом поступают противоположно тому, что они им говорят. Матери, в свою очередь, когнитивно и эмоционально не одобряют поведение дочерей. Несогласованность выборов матерей с поведением отражается и на поведении дочерей.

Анализ выборов и ролевого поведения в мужской выборке показывает следующее. При когнитивном выборе на первом месте у 27% отцов находится роль отца, по 20% роли друга и мужчины, а на последнем месте у 53% роль любовника. У 27% сыновей, как и у их отцов на первом месте роль отца, у 33% на последнем месте роль предпринимателя. При эмоциональном выборе у 33% отцов находится профессиональная деятельность, а на последнем месте у 53% роль любовника. У 20% сыновей на первом месте роли хозяина и мужчины, а у 27% - роль мужа.

В поведении и у отцов (47%), и у сыновей (53%) на первом месте роль мужчины и профессиональная деятельность (по 20%). Проверка согласованности выборов и поведения отцов показала, что эмоциональный и когнитивный выборы умеренно связаны ($r=0,36$), а поведение – умеренно обратно с когнитивным выбором ($r=-0,36$). У сыновей, как и у дочерей, связаны когнитивный и эмоциональный выборы ($r=0,53$), а поведение не связано ни с когнитивным, ни с эмоциональным выборами. Анализ согласованности выборов и ролевого поведения в мужской выборке показал: как и в женской, преобладает согласованность только поведения (у 67% пар).

Корреляции Спирмена между выборами отцов и сыновей для всей мужской выборки приведены в Табл. 2.

Таблица 2

Согласованность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов иерархии гендерных ролей в мужской выборке с достоверностью $\alpha=0,95$

Сыновья	Отцы		
	Когнитивный выбор	Эмоциональный выбор	Поведение
Когнитивный выбор	Нет значимых корреляций	Нет значимых корреляций	-0,26
Поведение	-0,38	-0,28	0,82

Как следует из полученных результатов, поведение сыновей обратно связано с когнитивным и эмоциональным выборами отцов, прямо и тесно связано только

поведение, как и в женской выборке. Следовательно, сыновья в поведении копируют отцов, но отцы и сыновья не одобряют поведение друг друга, причем сыновья только когнитивно, а отцы еще и эмоционально.

Сравнение результатов в мужской и женской выборках показывает большую согласованность в женской выборке по сравнению с мужской. Она проявляется в том, дочери иногда эмоционально принимают когнитивный выбор матерей и иногда эмоционально с ними солидарны, чего нельзя сказать про сыновей. То есть, несмотря на эмоциональное и когнитивное несогласие, дети воспроизводят поведение родителей как в парах «мать – дочь», так в парах «отец – сын».

Рассмотрим теперь результаты по методике *«Ролевые ожидания и притязания в браке»*. В методике под ожиданиями понимается «установка на выполнение супругом своих обязанностей», а под ролевыми притязаниями – «личная готовность и желание соответствовать семейной роли».

Анализ пар мать-дочь показал следующее. И у матерей, и у дочерей ожидания и (притязания) достоверно различаются, то есть дочери в несогласованности ожиданий и притязаний повторяют матерей.

В своих ожиданиях матери прямо связывают привлекательность мужа с хозяйственно-бытовой сферой ($r=0,66$) и социальной активностью ($r=0,52$), а дочери - с родительско-воспитательной сферой. То есть для матерей муж привлекателен, если он помогает по хозяйству и социально активен, а для дочерей - если занимает активную родительскую позицию. Полученный результат можно объяснить тем, что ценности разных сторон семейной жизни на разных ее стадиях отличаются.

Притязания на выполнение различных ролей в семье у матерей не связаны, а притязания дочерей в родительско-воспитательной сфере обратно связаны с ценностью социальной активности ($r=-0,52$), то есть дочери считают: либо дети, либо работа.

У матерей ожидания и притязания связаны следующим образом:

а) притязания в хозяйственно-бытовой сфере прямо связаны с ожиданиями в этой же сфере ($r=0,69$) и обратно – с ожиданиями в родительско-воспитательной ($r=-0,54$), т.е. женщины готовы заниматься домашними делами и ждут, что мужа будут им помогать,

но в то же время они противопоставляют быт и воспитание детей; поскольку дети у них взрослые, скорее всего имеются в виду внуки;

б) притязания в ценности социальной активности прямо связаны с ожиданиями в ней ($r=0,55$), а также с ожиданиями в ценности внешней привлекательности ($r=0,62$), т.е. женщины сами готовы быть социально активными, ждут социальной активности от мужей и оценки их внешней привлекательности;

в) готовность оказывать эмоциональную поддержку мужу прямо связывается с ожиданиями, что муж будет заниматься воспитанием детей ($r=0,73$). Возможно, речь в данном случае также идет о внуках.

Таким образом, для матерей наиболее значима социальная активность и внешняя привлекательность, в семейной жизни они готовы заниматься домашним хозяйством, оказывать эмоциональную поддержку мужу, но не выполнять роль бабушки.

У дочерей ожидания и притязания имеют следующие связи:

а) ожидания социальной активности обратно связаны с хозяйственно-бытовой ($r=-0,54$) и родительско-воспитательной сферами ($r=-0,60$); то есть дочери противопоставляют социальную активность семейной жизни;

б) притязания на внешнюю привлекательность прямо связаны с интимно-сексуальной сферой ($r=0,55$), т.е. внешне привлекательные женщины сексуально активны.

Дочери так же, как матери, ориентированы на социальную активность, только в более радикальном варианте: или социальная активность или семейная жизнь, а в отношениях с мужчинами женщины данной возрастной группы больше претендуют на внешнюю привлекательность и сексуальную активность, чем на семью.

Ожидания дочерей в личностной идентификации с супругом прямо связаны с ожиданиями матерей в ценности хозяйственно-бытовой и внешней привлекательности ($r=0,65$ и $r=0,65$). То есть дочери ожидают от супруга общность ценностей, интересов и потребностей, если, как ждут их матери, они будут внешне привлекательны и хозяйственны.

Ожидания матерей в интимно-сексуальной сфере прямо связаны с ожиданиями социальной активности дочерей ($r=0,54$), а ожидания матерей в родительско-

воспитательной сфере – с ожиданиями в эмоционально-психотерапевтической поддержке у дочерей ($r=0,83$).

То есть у матерей и дочерей ожидания от супругов различны: у матерей они связаны с интимной жизнью и воспитанием детей, а у дочерей - социальной активностью и эмоциональной поддержкой.

Можно высказать предположение, что ожидания дочерей по поводу семейных отношений формируются не только тем, что матери демонстрируют в виде паттернов поведения, но и их ожиданиями относительно как своих собственных супругов, так и дочерей.

Притязания матерей и дочерей между собой не связаны. С одной стороны, это объясняется различием в возрасте, а с другой - можно сделать вывод о том, что матери, ориентированные на социальную активность, дают установки о поводе ожиданий от супругов, но не дают ориентиров, как дочь сама должна выполнять семейные роли.

В парах отец-сын были получены следующие результаты.

В своих ожиданиях отцы прямо связывают ценность интимно-сексуальную с родительско-воспитательной ($r=0,64$) и эмоционально-психотерапевтической ($r=0,54$), а личностную идентификацию с супругой - обратно с родительско-воспитательной ценностью ($r=-0,63$). Таким образом, мужчины в своих ожиданиях по отношению к женам занимают позицию детей, которых надо воспитывать и утешать, не разделяя с ними ценности, интересы, потребности и способы времяпрепровождения.

У сыновей ожидания различных сфер семейной жизни друг с другом достоверно не связаны, также как не связаны и притязания и у отцов, и у сыновей.

Ожидания сыновей относительно внешней привлекательности супруги прямо связаны с ожиданиями отцов, что супруга будет занимать активную родительскую позицию ($r=0,74$), а личностная идентификация с супругой у сыновей – обратно с хозяйственно – бытовой ценностью у отцов ($r=-0,63$). То есть чем меньше отцы ждут от жены активной родительской позиции и выполнения ими роли домохозяйки, тем больше сыновья ожидают, что супруги будут внешне привлекательными и разделять с ними ценности, интересы и потребности. Данные тенденции на практике часто наблюдаются в молодых парах, когда молодые женщины не любят заниматься домашней работой, а

молодые мужчины от них этого и не ждут. Равноправные отношения отца с матерью способствуют установлению равноправных отношений сына со своей женой.

Притязания отцов на социальную активность прямо связаны с притязаниями сыновей на хозяйственно-бытовую сферу ($r=0,55$), т.е. чем больше отцы ориентированы на социальную активность, тем больше сыновья - на домашнюю работу. Данный факт можно объяснить преимущественно женским типом воспитания, поскольку социально активный отец, как правило, не занимается воспитанием детей. Таким образом, ожидания и притязания сыновей формируются под влиянием отцов, даже если они и не занимаются активно их воспитанием.

Сравнение средних значений по тесту РОП в парах отец-сын относительно ожиданий и притязаний показывают, что наименьшие расхождения между отцами и сыновьями в ожиданиях относительно внешней привлекательности супруги, личностной идентификации с ней и эмоционально-психотерапевтической функцией брака. Наибольшие расхождения – в родительско-воспитательной и хозяйственно-бытовой. Отцы в большей степени, чем сыновья, готовы принимать участие в домашних делах, но и те и другие, достаточно низко оценивают свои притязания на оказание эмоциональной поддержки жене и ждут от нее внешней привлекательности.

Наименьшее расхождение между матерями и дочерьми в ожиданиях относительно хозяйственно-бытовой сферой брака, а наибольшее - в сфере воспитания. Низкое среднее значение говорит о том, что женщины не ждут от мужей, что те будут помогать им по хозяйству, хотя, как показывают средние значения притязаний отцов, они все же готовы принимать участие в домашних делах. В притязаниях между матерями и дочерьми наименьшие расхождения в сфере воспитания, а наибольшие – в сфере социальной активности, которая у дочерей выше почти в 2 раза.

Сравнение средних результатов у мужчин и женщин показывает, что ожидания у женщин выше в интимно-сексуальной сфере, личностной идентификации с партнером, а у мужчин – в хозяйственно-бытовой и родительско-воспитательной сферах. У женщин также выше ожидания в социальной активности. Таким образом, женщины ожидают большей близости с мужем и его социальной активности, а у мужчин взгляды на семейные отношения более патриархальны. Притязания на социальную активность выше

у детей, чем родителей, а готовность принимать участие в домашних делах – у родителей.

Таким образом, по результатам теста РОП отличия в представлениях мужчин и женщин в отношении к семейной жизни заключаются в том, что женщины в среднем больше, чем мужчины, ориентированы на равные партнерские отношения. Мужчина, если идентифицирует себя с супругой и занимается воспитанием детей, не придает значения сексуальной сфере.

У детей изменения отношения к семейной жизни относительно патриархальных взглядов выражены сильнее, чем у их родителей. Так дочери ориентированы не столько на семейную жизнь, сколько на секс, а у сыновей интимно-сексуальная сфера связывается с домашними делами и противопоставляется социальной активности, что говорит об инверсии гендерных ролей.

Расчет коэффициентов корреляции Спирмена по методике «*Семья в структуре ролевых паттернов взрослого человека*» с достоверностью 0,95 показал следующие результаты.

Отношение к ребенку опытного родителя (Ор) матери тесно и обратно связано с невротическими паттернами родительского отношения (Пр) у дочери ($r = -0,74$). Это значит, чем больше мать считает себя компетентной, тем меньше дочь воспринимает ее поведение как невротическое. Кроме того, отношение к ребенку опытного родителя (Ор) дочерей тесно и обратно связано с невротическими паттернами родительского отношения матерей ($r=-0,74$). То есть дочери копируют поведение матерей: чем компетентнее себя они чувствуют, тем меньше невротических паттернов в родительском отношении к собственным детям. Отсюда следует важность ощущения родительской компетенции, что обеспечивает более гармоничное взаимодействие между родителями и детьми.

Результаты, полученные для шкал опросника отцов и сыновей, не имеют между собой достоверных связей, но выявлены связи между результатами отдельно для отцов и сыновей. Так у отцов отношение к другому профессионалу (Оп) прямо и тесно связано с отношением к другому (Пп) ($r=0,93$), невротические паттерны родительского отношения

(Пр) прямо и тесно связаны с отношением к ребенку опытного родителя (Ор) ($r=0,93$) и прямо и средне с отношением к партнеру по браку «хорошего семьянина» (Ос) ($r=0,61$).

Таким образом, у отцов отношение к другому, как человека и как профессионала практически не отличаются. В отношении к ребенку и жене отцы демонстрируют невротические паттерны поведения, что говорит о коммуникативных проблемах отцов.

У сыновей выявлено наличие прямой и средней связи отношения к ребенку опытного родителя (Ор) с невротическими паттернами супружеского отношения (Пс) ($r=0,60$). То есть сыновья связывают отношение к детям с невротическим отношением к супруге, копируя поведение отцов и перенося его на отношение к детям.

Сравнение средних значений показывает, что наибольшее расхождение между парами отец-сын в отношении опытного родителя, а наименьшие – в отношении профессионала, в остальном результаты существенно не различаются. У дочерей с матерями средние значения различаются еще меньше.

Таким образом, и дочери, и сыновья, копируют своих родителей в части невротического отношения к детям. Отличие между дочерьми и сыновьями заключается в том, что дочери в воспитательных действиях прямо копируют матерей, а сыновья копируют невротическое отношение отцов к супругам и переносят на отношение к детям.

Расчет коэффициентов корреляции Спирмена по методике «*Шкала семейной адаптации и сплоченности*» с достоверностью $\alpha=0,95$ показал, что у матерей реальные и идеальные адаптация и сплоченность прямо связаны: адаптация реальная и идеальная $r=0,63$; сплоченность реальная и идеальная - $r=0,58$. Реальная сплоченность и идеальная адаптация также прямо связаны коэффициентом корреляции $r=0,54$. Таким образом, матери считают, что в их семейной жизни все вполне благополучно.

У дочерей прямо связаны идеальная адаптация и идеальная сплоченность коэффициентом корреляции $r=0,52$ и нет достоверных связей с реальными адаптацией и сплоченностью. То есть у дочерей представление об идеальной семье не связано с семьей реальной. Кроме того, реальные адаптации матерей и дочерей обратно связаны коэффициентом корреляции $r= -0,64$, то есть представление дочерей о реальной семье

противоположно представлениям матерей: они не считают свою реальную семью благополучной.

Расчет коэффициентов корреляции Спирмена с достоверностью $\alpha=0,95$ показал, что у отцов, как и у матерей, прямо связаны реальная и идеальная адаптация и сплоченность: адаптация $r= 0,54$ и сплоченность $r= 0,64$. Можно сказать, что отцы так же, как и матери, вполне удовлетворены своими семейными отношениями.

У сыновей, так же, как и у отцов, прямо связаны реальная и идеальная адаптация и сплоченность: адаптация $r= 0,76$ и сплоченность $r= 0,71$. Между собой реальная адаптация и реальная сплоченность связаны обратно $r= -0,52$. То есть, для сыновей адаптация в семейной системе противопоставляется сплоченности: каждый сам за себя.

Представления о реальной адаптации отцов и сыновей связаны обратно коэффициентом корреляции $r= -0,63$, а также идеальная адаптация отцов обратно связана с реальной адаптацией сыновей $r= -0,54$, что вполне соответствует предыдущему результату: отцы с женами объединяются и для них адаптация - это сплоченность. Для сыновей адаптация – это разобщенность, т.е. для адаптации сыновьям требуется дистанцирование.

Сравнение средних значений в парах родители-дети по «Шкале семейной адаптации и сплоченности» показывает, что наибольшие различия между отцами и сыновьями в представлениях о семейной сплоченности, как реальной, так и идеальной, и меньше всего - в реальном образе семейной адаптации. Это соответствует предыдущему результату, который указывает, что адаптацию в семейной жизни отцы и сыновья понимают по-разному: для отцов она связана со сплоченностью, а для сыновей – с разобщенностью. Для матерей и дочерей наибольшее расхождение между уровнем реальной семейной адаптации и идеальным образом семейной сплоченности. То есть родители и дети по-разному представляют себе реальную и идеальную семью.

Расчет коэффициентов корреляции Спирмена между результатами **теста Лири** показал следующие результаты. У матерей образ Я дополняется комплементарным образом партнера (авторитарный связан с подозрительным $r=0,54$ и подчиняемым $r=0,59$; подчиняемый тип – с агрессивным $r=0,52$ и подозрительным - $r=0,69$; зависимый тип – с эгоистическим - $r=0,52$). То есть, если муж авторитарен или агрессивен, то жена

подчиняема, зависима и подозрительна. И наоборот, если себя она позиционирует авторитарной и агрессивной, то зависимым, подчиняемым и подозрительным считает мужа.

В отличие от матерей, у дочерей образ Я связан с образом партнера более разнообразно: агрессивный тип – с дружелюбным $r=0,71$ и альтруистическим $r=0,64$; подозрительный – с подозрительным $r=0,53$; подчиняемый - с зависимым $r=0,56$. Можно сказать, что дочери меньше противопоставляют себя и партнера, чем матери.

Образы Я матери и Я дочери имеют следующие связи: эгоистический тип дочери и подчиняемый матери $r=0,66$; агрессивный тип дочери и альтруистический тип матери $r=0,61$; дружелюбный тип дочери и подозрительный матери $r=0,73$. Как следует из приведенных результатов, образы матери и дочери носят комплементарный характер. Можно сказать, что агрессивная и эгоистичная мать способствует формированию альтруистичной и подчиненной дочери, и, в свою очередь, подчиненная и чересчур альтруистичная мать – агрессивной и эгоистичной дочери. Данный результат вполне соответствует жизненным реалиям, когда у эгоистичной матери вырастают нормальные дети и наоборот, если мать стремится к тому, чтобы у ее ребенка было все не хуже, чем у других, получает эгоистов, которым нет дела до других, в том числе и до матери.

Образ Я дочери и образ партнера матери связаны так: агрессивный тип с подозрительным $r=0,66$ и альтруистическим $r=0,55$; эгоистический – с подозрительным $r=0,66$; подчиняемый – с подчиняемым $r=0,53$; зависимый – с дружелюбным $r=0,80$. В данном случае можно наблюдать достаточно широкий спектр того, как дочь связывает образ себя с образом отца или отчима. По-видимому, в данном случае требуются дополнительные исследования с уточнением общесемейной ситуации.

Образ Я матери связан с образом партнера дочери следующим образом: эгоистический образ Я матери обратно связан с агрессивным образом партнера дочери ($r=-0,74$), альтруистический прямо – с альтруистическим образом партнера ($r=0,58$). Можно сказать, что женщины в партнере иногда ищут маму, а не папу. Таким образом, образы Я матери и ее партнера способствуют формированию как образа Я дочери, так и образа ее партнера.

У отцов образ Я связан с образом партнера следующим образом: авторитарный тип прямо связан с агрессивным ($r=0,55$); эгоистический – обратно с дружелюбным ($r=-0,60$); подчиняемый – обратно с авторитарным ($r=-0,55$), прямо – с подозрительным ($r=0,58$), зависимым – ($r=0,58$), альтруистическим – ($r=0,56$). Как видно из полученных данных, связь образа Я отцов с образом партнера отличается от аналогичной связи матерей. Это различие заключается в том, что у матерей образ партнера преимущественно комплементарен, а у отцов авторитарность связывается с агрессивностью, а подчиняемость – с подозрительностью, зависимостью и альтруизмом. То есть если муж авторитарен и эгоистичен, жену он воспринимает как агрессивную и недружелюбную, а если подчиняем, то как подозрительную, зависимую и альтруистичную. И наоборот, если он агрессивен и недружелюбен, то жена для него авторитарна и эгоистична. А если подозрителен, зависим и альтруистичен, жену воспринимает как подчиняемую. Можно сказать, что отцы в отличие от матерей скорее отождествляют себя с женой, чем противопоставляют.

Образ Я сына связан с образом партнера так: подчиняемый тип образа Я связан обратно с подозрительным образом партнера ($r=-0,54$); прямо – с дружелюбным ($r=0,77$) и альтруистическим ($r=0,52$). То есть чем больше подчиняем сын, тем больше он считает свою партнершу дружелюбной и альтруистической и не подозрительной. А чем больше он сам дружелюбен, альтруистичен и не подозрителен, тем больше она для него подчиняема.

Образы Я сына и отца связаны так: подчиняемый образ Я сына прямо связан с подчиняемым образа отца ($r=0,63$) и обратно - с эгоистическим ($r=-0,59$), а дружелюбный – обратно с альтруистическим ($r=-0,55$). Таким образом, если сын ощущает себя подчиняемым или дружелюбным, то отца он видит неэгоистическим или подчиняемым и наоборот. Следовательно, образ Я сына прямо формируется образом отца.

Сравнения средних значений образов Я и партнера между матерями и дочерьми показали различия в образе Я при оценке авторитарного типа, который дочери оценивают выше, а в образе партнера – зависимого и агрессивного, который существенно выше оценивают матери.

Сравнения между отцами и сыновьями показали расхождения в оценке Я в дружелюбии, которые отцы оценивают выше, а в описании партнера – в оценке подозрительного типа, который выше оценивают сыновья.

Таким образом, отношение детей к другим людям связано с отношением родителей к себе и партнеру противоположного пола, при этом дочери противопоставляют себя матерям, а сыновья больше копируют отцов.

Подводя итоги и обобщая результаты полученных исследований, можно сделать следующие *выводы*.

1. Несмотря на эмоциональное и когнитивное несогласие, дети воспроизводят поведение родителей своего пола. При этом дочери иногда эмоционально принимают когнитивный выбор матерей и эмоционально с ними солидарны, а сыновья с отцами – нет.

2. Родители и дети обоего пола ждут от партнера большего выполнения семейных ролей, чем сами готовы их выполнять.

3. Отличие между дочерьми и сыновьями заключается в том, что дочери, не принимая невротическое поведение по отношению к ребенку, делают точно так же по отношению к собственным детям, непосредственно копируя отношение к детям своим матерей. Сыновья копируют невротическое отношение отцов к супругам и переносят его на свое отношение к детям.

4. Адаптацию в семейной жизни отцы и сыновья понимают по-разному: для отцов она связана со сплоченностью, а для сыновей – с разобщенностью. Матери и дочери так же по-разному представляют себе реальную и идеальную семейную систему. У матерей идеальный и реальный образы семьи в большей степени соответствуют друг другу, а у дочерей – нет, кроме того, представление о реальной семье дочерей противоположно представлениям матерей.

5. Матери идентифицируют себя с партнером, а дочери – нет. Образ Я матери дополняется комплементарным образом партнера, и оба этих образа связаны с формированием образа Я дочери и образа ее партнера. То есть на выбор партнера дочери влияет не только отец, но и мать. Отцы так же, как и матери, идентифицируют себя с партнером, а сыновья, как и дочери, – нет.

Как следует из вышеизложенного, отношение выросших взрослых детей к другим людям и их поведение связано с отношением родителей к себе и к партнеру противоположного пола, при этом дети более центрированы на себе, чем родители.

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов позволяет получить следующие усредненные мужские и женские портреты.

Усредненный портрет женщины 55 лет

Она в большей степени ориентирована на домашние дела и ожидает помощи от мужа. Если он оправдывает ее ожидания, то считает его привлекательным и готова оказывать ему эмоциональную поддержку. Она противопоставляет образ себя и образ супруга: если она авторитарна, то считает мужа подозрительным и подчиняемым, а если сама подчиняема и зависима – считает его агрессивным, подозрительным и эгоистичным. При этом она считает, что в семейной жизни все вполне хорошо, воспитанием детей не занимается, поскольку дети взрослые, а бабушкой быть не хочет, поскольку для нее важна внешняя привлекательность, подтверждение которой она хочет получать от мужа. Когда она считает себя компетентной, дочь не воспринимает ее поведение как невротическое.

Усредненный портрет женщины 30 лет (дочь женщины 55 лет)

Она больше ориентирована на выполнение материнской роли и ждет помощи от мужа как отца ее ребенка, однако ее поведение не соответствует когнитивным и эмоциональным предпочтениям гендерных ролей, поскольку ее выбором в большей степени является роль женщины. Ее ожидания относительно семьи формируются не только поведением матери, но и ее ожиданиями. Так если мать ожидает, что муж дочери будет внешне привлекателен и хозяйственен, то дочь ждет, что супруг будет с ней разделять общие ценности, интересы и потребности. Она противопоставляет семейную жизнь и социальную активность, причем если она ориентирована на социальную активность, а не семью, то в отношениях с мужчинами ее больше интересует собственная привлекательность и секс.

Ее представление об идеальной семье совпадает с представлением матери, но оно не связано с реальной семьей. В отличие от матери она не считает, что в семье все

хорошо. Образ Я у нее связан с образом партнера комплементарно в меньшей степени, чем у ее матери, хотя и под ее влиянием. Чем больше дочь агрессивна и эгоистична, тем больше мать альтруистична и подчиняется дочери, а чем больше мать потакает дочери, тем больше дочь эгоистична. Это противопоставление в какой-то степени переносится и на мужа, хотя только в том случае, если считает его агрессивным, а себя - дружелюбной и альтруистической. Если она сама подозрительна или подчиняема и зависима, то и мужа считает таким. В отношении к ребенку дочь копирует поведение матери: чем компетентнее себя она чувствует, тем меньше невротических паттернов в ее отношении к ребенку.

Усредненный портрет мужчины 55 лет

На когнитивном уровне он выбирает роль отца, друга и мужчины, но не любовника. Эмоционально - профессиональную деятельность. В поведении на первом месте у него роль мужчины и профессиональная деятельность. При этом если эмоции и поведение находятся в согласии, то о сознательном выборе и поведении этого сказать нельзя. В своих ожиданиях по отношению к жене занимает скорее позицию ребенка, которого надо воспитывать и утешать, не разделяя с ней ценности, интересы, потребности и способы времяпрепровождения.

Его отношения к Другому как человека и как профессионала практически не отличаются. В отношении к ребенку и жене он демонстрирует невротические паттерны поведения, что говорит о его коммуникативных проблемах не только в семье, но и в профессиональной деятельности, хотя своими семейными отношениями вполне удовлетворен. С женой он себя скорее отождествляет, чем противопоставляет: если он авторитарен, жену воспринимает как агрессивную, а если подчиняем, то как подозрительную, зависимую и альтруистичную.

Усредненный портрет мужчины 30 лет (сын мужчины 55 лет)

На первое место когнитивно ставит роль отца, как его собственный отец, на последнее - роль предпринимателя. Эмоционально он предпочитает роли хозяина, мужчины и мужа. В поведении, как и у отца, на первом месте роль мужчины и профессиональная деятельность, при этом поведение не связано ни с когнитивным, ни с эмоциональным выборами.

Как и для отца, жена для него внешне привлекательна, если она занимает активную родительскую позицию. Чем лучше отец относится к жене, тем и сын лучше относится к своей жене и готов разделять с ней ценности, интересы и потребности. Для него, как и для отца, важна внешняя привлекательность жены.

В отношении к детям копирует поведение отца: свое невротическое отношение к жене переносит на отношение к детям. То есть, если поругался с женой, может отыграться на детях. В семейной системе сын чувствует комфортно, если его лишний раз не беспокоят.

Чем больше жена ему подчиняется, тем больше считает себя дружелюбным, альтруистическим и не подозрительным и наоборот: чем больше он сам подчиняется, тем больше он воспринимает жену дружелюбной, альтруистической и не подозрительной. Фактически он копирует поведение отца: если отец сам склонен подчиняться жене, он делает то же самое. Такое же поведение сына может быть обусловлено и эгоистическим поведением отца.

Взрослые дети воспроизводят поведение родителей, несмотря на эмоциональное и когнитивное несогласие с ними. Как родители, так и дети ждут от партнера одно, а сами готовы вкладывать в отношения другое. Их отношение к другим людям формируется под воздействием отношения родителей к себе и к партнеру противоположного пола. Родители и дети по-разному представляют себе реальную и идеальную семью, при этом родители реальную семью воспринимают более позитивно, чем дети. Можно сказать, что поколение детей, копируя поведение родителей, увеличивают расхождение между собственными представлениями о реальном и идеальном образах семьи. Полученные результаты согласуются с результатами [2, 3, 6]. Так в [6] показано, что женщины повторяют в среднем 70% поведения старших женщин в семье, что не только согласуется с полученными результатами, но и может быть распространено и на мужчин. У Э.Берна говорится о положительном и отрицательном опыте жизни в родительской семье и, соответственно, либо прямого повторения поведенческого образа, либо прямо противоположного [2]. В данном исследовании это явно проявилось в связи образов себя и партнера. У М. Боуэна [3] выбор партнера в значительной степени определяется влиянием родительских моделей поведения, а в собственной семье

происходит повторение опыта прошлых, родительских отношений, при этом рассогласованность родителей у взрослых детей в конфликте ожиданий и притязаний увеличивается, что также отмечается и в данном исследовании.

Подводя итоги, можно сказать, что родительское взаимодействие оказывает непосредственное влияние на будущую супружескую жизнь выросших детей. Соответственно, практическим применением полученных результатов могут быть рекомендации молодым родителям пройти терапию, включающую работу с их родительскими образами.

Список литературы

1. Александрова Ю.В. Методики диагностики отношений взрослого человека: роли, позиции, нравственная сущность. – М.: МПСИ, 2009.
2. Берн Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений – М.: Эксмо, 2002.
3. Боуэн М. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика. – М.: Когито-Центр, 2008. – 496 с.
4. Волкова А. Н., Трапезникова Т. М. Методические приемы диагностики супружеских отношений. - М.: Вопросы психологии, 1985. – 30-37 с.
5. Гаврилица О.А. Ролевой конфликт работающей женщины, диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук, - М.: МГУ, 1998.
6. Ижванова Е.М. Особенности и закономерности принятия женских гендерных ролей // Психотерапия 2006, № 8, С. 32-34.
7. Олифирович Н.И., Велента Т.И. Терапия семейных систем. – М.: Речь, 2012.– 576 с.
8. Эйдемиллер Э.Г. Системная семейная психотерапия. Практикум – Питер: 2002.

Особенности отношения молодых супругов к семье и разводу в период ранней взрослости

Коньшина Т.М.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

konshtan@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена актуальному вопросу – исследованию особенностей отношения молодых супругов к семье и разводу в период ранней взрослости. В статье рассматриваются выявленные гендерные различия в отношении к семье и разводу молодых супругов, а также различия между отношением супругов, состоящих в официальном браке, и супругов, состоящих в фактическом (гражданском) браке.

Ключевые слова: молодые супруги, гражданский брак, отношение к семье, отношение к разводу, качественные методы исследования

В современном мире простые ценности непрестанно претерпевают глобальные изменения, связанные с новым образом жизни и, в частности, с иными «стандартами» межличностных отношений. Создание семьи, в традиционном смысле слова, утратило ту значимость, которую имело в XX веке; процент разводов за последние 50 лет вырос в два раза (Госкомстат России, 2011). Е.П. Белинская в своих работах отмечает рост социальной неопределенности общества (Белинская Е.П., 2008). Увеличивается количество ранних гражданских и юридических браков, когда не решены задачи развития (Карабанова О.А., 2008, Садовникова Т.Ю., 2009). Традиционно этап молодой семьи приходится в российском обществе на период ранней взрослости, когда решена задача построения идентичности и обретена эмоциональная и финансовая автономия от родителей, решена задача самоопределения. Однако в современном российском обществе ранние браки возникают фактически на этапе перехода от юношеского возраста к взрослости. Наша работа заключалась в изучении различных аспектов

отношения молодых супругов к семье и разводу. Особенность нашей выборки – психологический возраст супругов – возраст ранней взрослости, характеризующийся специфичными задачами развития (Havinghurst, 1953).

За последние пятьдесят лет отмечаются значительные изменения в области полоролевого поведения, в том числе, на этапе вхождения во взрослость. Наблюдается ослабление нормативного императива, предписывающего вступление в брак, сохранение брака, рождение детей, ограничение интимных отношений рамками брака и разделение семейных ролей на сугубо мужские и сугубо женские. –Изменения затронули не только сферу добрачного или внебрачного секса, но и представления о нормативности различных вариантов сексуальной ориентации, ответственности родителей и учреждений образования в сфере полоролевого самоопределения ребенка и т.д. Отношение к «сексуальным меньшинствам» становится более терпимым, а принадлежность к ним реже скрывается, хотя однополые браки в России, по-прежнему, считаются браками, выходящими за круг социо-нормативных вариантов семей (Карabanова О.А., 2008). Еще одним проявлением роста лояльности общества в отношении сексуального и брачного поведения является терпимое, и даже, порой, одобрительное, отношение общества к широкому распространению добрачного сожительства («пробных», фактических браков) среди молодежи (Папа О.М., 2012).

Несмотря на отмечаемые явления, говорить о сформированности новой нормативной системы преждевременно. Проблема нахождения критериев для оценки нравственности поведения человека в личной жизни является чрезвычайно актуальной. Существовавшие ранее жесткие нормы создавали четкие ориентиры для оценивания этичности собственного сексуального поведения и поведения других людей. Отсутствие единой системы таких норм в современном обществе ставит перед молодыми людьми трудную задачу выработки своих собственных критериев в период, когда их собственное эго еще не является зрелым, а сексуальное поведение сформированным и когда нормы их родителей не могут служить подходящей основой. (Кон И.С., 2004).

Обобщив тенденции, можно так охарактеризовать изменения ситуации самоопределения молодого человека в сфере интимных и сексуальных отношений на добрачном этапе:

- изменение общественных норм в отношении брака и сексуального поведения;
- снижение регулирующего потенциала этих норм;
- изменение образцов полоролевого поведения;
- возрастание личной свободы и усиление проявлений индивидуальности в полоролевом поведении и выборе брачного партнера.

Это обостряет психологические проблемы выбора и принятия ответственности- (Мацковский М.С., 1995; Фам А., 2015; Леонтьев Д.А., 2008) и ставит перед психологами задачу использования адекватных исследуемой проблеме методов исследования.

Семейные отношения являются широко исследуемой темой в современной психологии. В работе Н.С. Шиповой рассматривается вопрос совладания с изменой в близких отношениях (Шипова Н.С., 2014); в работе Н.Н. Лидовской изучаются взаимоотношения супругов в гражданском браке (Лидовская Н.Н., 2009); О.А. Екимчик пишет о психологических аспектах любви (Екимчик О.А., 2011).

Очевидно, что для исследования эмоциональных отношений в семье требуются качественные методы. Авторы, изучающие такие отношения, разрабатывают методы, которые позволяют более широко, чем опросники, исследовать эмоциональные аспекты отношений в семье. Качественные методы дают возможность расширить категориальный аппарат, изучить и проанализировать данные без их строгой формализации Эти методы подходят для исследования эмоционального отношения, поскольку выявляют не статистические количественные закономерности, а реальное содержание мотивационных и эмоциональных аспектов восприятия информации (Корнилова Т.В., 2002).

Целью нашей работы являлось исследование особенностей отношения молодых супругов к семье и разводу в период ранней взрослости.

Выборка.

В нашем исследовании под определением «молодые супруги» мы подразумеваем молодую семью, под возрастом ранней взрослости – 20-25 лет (периодизация Эриксона Э.).

Количество испытуемых: В исследовании принимало участие 23 пары (46 человек), из них 8 пар состоят в юридическом браке и 15 – в гражданском.

Возраст: Испытуемые возрастом от 20 до 25 лет.

Методы исследования.

В исследовании мы использовали как количественные, так и качественные методы.

Мы использовали такие количественные методы, как:

- *Опросник Мак-Мастерса* (McMasters Family Assessment Device), разработанный группой психологов N. Epstein, D. Bishop, S. Lewin. Методика предназначена для оценки семейной системы испытуемых.
- *Опросник «Диагностика сплоченности и гибкости семейной системы» Д. Олсона* (оригинальный опросник Олсона, основанный на циклической модели Олсона).

Среди качественных методов можно указать следующие:

- *Анкета*, разработанная автором исследования
- *Рисунок «Развод»* (проективная методика)
- *Незавершенные предложения.* Для создания данной методики мы использовали тест Сакса-Леви «Незавершенные предложения». Категории: ценности в семье, отношение к разводу, представления о разводе, отношение к супругу, отношение к семье, отношение к себе. Помимо этого, мы предлагали испытуемым дать определение браку и разводу. Данная методика позволяет проанализировать отношение испытуемых к браку и разводу, их представления о причинах развода и их психологических последствиях.

В данной статье мы подробно остановимся на результатах, полученных путем контент-анализа ответов на методику «Незавершенные предложения».

Мы провели контент-анализ на основе полученных результатов и выделили категории:

1. Оценка семьи как показателя благополучности отношений

2. Оценка семьи как фактора поддержки, заботы о партнере
3. Эмоциональное отношение к семье как социальному институту
4. Внешние признаки семейного института (формальное, традиционное понимание)
5. Восприятие развода у других людей как эмоционального переживания
6. Эмоциональное отношение к разводу
7. Социальное осуждение развода
8. Представление о собственных отношениях с партнером

Мы кодировали категории следующим образом: 0 – негативная оценка, 1 – нейтральная и 2 – положительная оценка.

Таблица 1.

Результаты исследования по методике «Незавершенные предложения» по всей выборке

Категория	Среднее значение	Стандартное отклонение
Семья – благополучность отношений	1,66	0,55
Семья - поддержка	1,43	0,68
Эмоциональное отношение к семье как социальному институту	1,66	0,51
Внешние признаки семьи	0,62	0,63
Развод – эмоциональное переживание	0,60	0,57
Эмоциональное отношение к разводу	0,39	0,49

Социальное осуждение развода	0,60	0,64
Представление о собственных отношениях.	1,56	0,64

Проанализируем данные по Таблице 1.

В рамках отношения к семье высокие показатели были получены по шкалам «*Благополучность отношений*» (1,66;0,55) (пример: По-настоящему счастливая семья...»), «*Поддержка*» (1,43;0,68) (пример: «Самое важное в супружеских отношениях для меня...»), «*Эмоциональное отношение к семье*» (1,66;0,51) (пример: «По-настоящему счастливая семья...»). Такие данные свидетельствуют о том, что для испытуемых, в среднем по выборке, характерна оценка семьи как фактора благополучности отношений, оказания заботы и поддержки партнеру, а также положительное эмоциональное отношение к семье как социальному явлению. Показатель ниже среднего был получен по шкале «*Внешние признаки*» (0,62;0,63) (пример: «Жена в семье...»), что характеризует низкое значение традиционных и официальных атрибутов брака для наших испытуемых, в среднем.

В нашей выборке испытуемые, в среднем, оценивали развод как негативное явление (получены низкие средние значения по шкалам «*Эмоциональное переживание*» (0,60;0,57) (пример: «Развода не избежать, если...»), «*Эмоциональное отношение*» (0,39;0,49) (пример: «Решение о разводе...»), «*Социальное осуждение*» (0,60;0,64) (пример: «Думаю, знакомые разводящихся супругов...»). Это свидетельствует о том, что наши испытуемые представляют развод как тяжелую жизненную ситуацию, применительно к себе оценивают это явление негативно, а также считают, что явление развода порицается современным обществом.

Показатели по шкале «*Представление о собственных отношениях*» (пример: «Мои отношения...») у испытуемых, в среднем, высокие (1,56;0,64), что свидетельствует о положительной оценке собственных отношений в паре.

В Таблице 2 представлены гендерные особенности отношения к семье, разводу и представления о собственных отношениях.

Таблица 2.

Гендерные особенности результатов исследования по методике «Незавершенные предложения»

Шкала	Мужчины		Женщины	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Семья – благополучность отношений	1,58	0,65	1,75	0,44
Семья - поддержка	1,25	0,73	1,62	0,57
Эмоциональное отношение к семье	1,54	0,58	1,79	0,41
Внешние признаки семьи	0,66	0,70	0,58	0,58
Развод – эмоциональное переживание	0,62	0,57	0,58	0,58
Эмоциональное отношение к разводу	0,45	0,50	0,33	0,48
Социальное осуждение развода	0,62	0,71	0,58	0,58
Представление о собственных отношениях.	1,54	0,65	1,58	0,65

Для мужчин, в среднем, важную роль играет показатель «*Благополучность отношений*» (1,58;0,65) как характеристика семьи. Это свидетельствует о том, что мужчины считают семью такой категорией отношений, где функционирование пары можно охарактеризовать как устойчивое и благополучное. Высокий средний балл также был получен по шкале «*Эмоциональное отношение к семье*» (1,54;0,58). Это показывает,

что среди мужчин отношение к семье, как социальному явлению, можно назвать положительным. Низкий показатель был получен по шкале «*Эмоциональное отношение к разводу*» (0,45;0,50), что говорит о восприятии мужчинами развода как негативного явления применительно к их отношениям. Собственные отношения большинство мужчин охарактеризовало как хорошие (как видно из показателей по шкале «*Представление о собственных отношениях*» (1,54;0,65)).

Для женщин также высокие значения были получены по шкалам «*Благополучность отношений*» (1,75;0,44) и «*Эмоциональное отношение к семье*» (1,79;0,41). Также важным для женщин оказался критерий семьи как проявления заботы, поддержки (шкала «*Поддержка*» (1,62;0,57)). Такие данные свидетельствуют о том, что женщинам в нашей выборке характерно не только положительно относиться к семье как социальному явлению, но и воспринимать ее как показатель благополучности отношений и присутствия в отношениях поддержки по отношению к партнеру. Самый низкий средний балл у женщин – по шкале «*Эмоциональное отношение к разводу*» (0,33;0,48), что свидетельствует о том, что среди женщин в нашей выборке есть тенденция к отношению к разводу как негативному явлению, тяжелой жизненной ситуации.

Оценка собственных отношений у женщин преимущественно положительная (высокий средний балл по шкале «*Представление о собственных отношениях*» (1,58;0,65)).

Мы сравнили показатели по всем шкалам для мужчин и женщин. Было замечено, что мужчины более высоко оценивают «*Внешние признаки семьи*» (0,66;0,70), то есть им важнее, чем женщинам (0,58;0,58), социальное значение института брака и соблюдение традиций в данной сфере. У женщин, в свою очередь, выше показатели по шкалам «*Благополучность отношений*», «*Поддержка*», «*Эмоциональное отношение к семье*». Это значит, что для женщин, в среднем, семья представляет большую значимость, чем для мужчин. Кроме того, у женщин ниже показатель по шкале «*Отношение к разводу*», что свидетельствует о том, что для них развод является более сложной жизненной ситуацией, чем для мужчин.

Значимых различий в отношении к семье и разводу по гендерному признаку не выявлено.

Таблица 3.

Результаты исследования по методике «Незавершенные предложения» для двух типов брака: «юридического» и «гражданского».

Шкала	Юридический брак		Гражданский брак	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Семья – благополучность отношений	1,64	0,60	1,67	0,54
Семья - поддержка	1,52	0,71	1,38	0,66
Эмоциональное отношение к семье	1,82	0,39	1,58	0,56
Внешние признаки семьи	0,76	0,75	0,54	0,56
Развод – эмоциональное переживание	0,35	0,49	0,74	0,57
Эмоциональное отношение к разводу	0,29	0,46	0,45	0,50
Социальное осуждение развода	0,82	0,72	0,48	0,56
Представление о собственных отношениях.	1,58	0,61	1,54	0,67

В Таблице 3 представлены особенности отношения к семье, разводу и представления о собственных отношениях у испытуемых, состоящих в юридическом и гражданском браке.

У испытуемых, состоящих в юридическом браке, наиболее высокие показатели – по шкалам «Эмоциональное отношение к семье» (1,82;0,39) и «Благополучие

отношений» (1,64;0,60). Такие данные свидетельствуют о том, что для этих испытуемых свойственно положительное отношение к семье как институту, а также о том, что семья для них является фактором благополучности отношений. Самые низкие показатели – в шкалах «Развод как эмоциональное переживание» (0,35;0,49), «Отношение к разводу» (0,29;0,46). Это можно проинтерпретировать как негативное отношение этих испытуемых к ситуации развода как тяжелой жизненной ситуации, а также как тот факт, что для них развод представляется как негативное эмоциональное переживание для супругов.

Среди испытуемых, состоящих в гражданском браке, наиболее высокие показатели также были замечены по шкалам «Благополучность отношений» (1,67;0,54), «Эмоциональное отношение к семье» (1,58;0,56). Это свидетельствует о том, что данные испытуемые воспринимают семью как фактор благополучности отношений, а также их положительное эмоциональное отношение к семье как явлению. Самые низкие средние данные среди этих испытуемых – по шкалам «Внешние признаки семьи» (0,54;0,56), «Эмоциональное отношение к разводу» (0,45;0,50). Такие показатели значат, что для испытуемых, состоящих в гражданском браке, традиционный, официальный контекст как признак брака не имеет высокой значимости. Также можно сказать, что этим испытуемым свойственно негативное восприятие развода как жизненной ситуации.

Если сравнить средние значения испытуемых, состоящих в юридическом браке, со средними значениями испытуемых, состоящих в гражданском браке, можно отметить некоторые тенденции. Во-первых, у супругов, состоящих в юридически оформленном браке, более высокие показатели по шкалам «Эмоциональное отношение к семье», «Социальное осуждение развода», чем у испытуемых, состоящих в гражданском браке. Такие данные можно интерпретировать, как большую значимость семьи для испытуемых, состоящих в юридическом браке, по сравнению с мнением испытуемых, которые состоят в гражданском. Кроме того, у супругов выше показатель по шкале «Социальное осуждение», что можно охарактеризовать как восприятие ими развода, как более социально неприемлемого явления, по сравнению с мнением испытуемых, состоящих в гражданском браке. Во-вторых, у испытуемых, состоящих в гражданском браке, выше показатели по шкалам «Эмоциональное отношение к разводу», «Развод как

эмоциональное переживание». Это значит, что супруги, чьи браки юридически оформлены, более негативно воспринимают развод как социальное явление, чем испытуемые, состоящие в гражданском браке. Это можно объяснить тем, что для супругов данное явление является более реальным и применимым к их собственной семейной системе, чем для испытуемых, состоящих в гражданском браке, и, как следствие, вызывает более яркое аффективное отношение.

Значимые различия были обнаружены по шкале «*Развод как эмоциональное переживание*» со значимостью 0.025 . Выяснено, что испытуемые, состоящие в браке, оценивают развод как более негативное явление в плане эмоциональной значимости ($0,35;0,49$), чем испытуемые, состоящие в гражданском браке ($0,74;0,57$). Мы связываем это с тем, что супругам свойственно оценивать развод как более сложную жизненную ситуацию, ненормативный кризис, а для испытуемых, состоящих в гражданском браке, развод представляется, возможно, менее травматичным, менее тяжелым событием, т.к. решение о разрыве с партнером не требует многих действий, которые предусматривает законодательство РФ при расторжении юридически оформленного брака.

Выводы:

1. Молодым супругам свойственно положительно оценивать семью как социальный институт, а также иметь представление о собственных отношениях как удачных. Развод как явление молодые супруги оценивают отрицательно.
2. Женщины выше оценивают значимость семьи, чем мужчины и более негативно относятся к явлению развода.
3. Супругам свойственно воспринимать развод как более сильное эмоциональное переживание, чем испытуемым, состоящим в гражданском браке.

Итак, нами было исследовано отношение молодых супругов к семье и разводу в период ранней взрослости. Большинство обследованных испытуемых положительно относятся к семье как социальному институту. Для мужчин важнее социальное значение института брака и соблюдение традиций, для женщин – факторы поддержки и стабильного эмоционального фона в семье. Юридическим супругам свойственно более высоко оценивать значимость семьи, чем испытуемым, состоящим в гражданском браке.

При исследовании отношения к разводу было выявлено, что большинство молодых супругов в период ранней взрослости негативно относятся к разводу как тяжелой жизненной ситуации. Женщины относятся к разводу более негативно, чем мужчины, но одновременно менее тревожно воспринимают данную ситуацию. Официальные супруги воспринимают развод более негативно, чем гражданские супруги.

Существуют значимые различия в отношении к семье и разводу супругов, состоящих в юридическом и гражданском браке. Испытуемым, состоящим в юридическом браке, свойственно воспринимать семью как явление более позитивно, а развод как тяжелую жизненную ситуацию – более негативно, чем испытуемым, состоящим в гражданском браке.

Результаты исследования представляются нам интересными и значимыми в вопросах изучения отношения современной молодежи к семье и разводу.

Список литературы

1. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология. Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов. Изд-е 2-е. - М.: Аспект Пресс, 2008.
2. Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 3.
3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. – М.: Гардарики, 2008.
4. Кон И. С. Сексология. — М.: Академия, 2004.
5. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. 2-е изд. – М.: Академия, 2007.
6. Мацковский М.С. Российская семья в изменяющемся мире – М., 1995.
7. Садовникова Т.Ю. Семейные ценности и идентичность в сфере психологической интимности в юношеском возрасте – М.: 2009.
8. Human development and education, by Robert J. Havighurst. Copyright © 1953 by Longman, Inc.

Связь представлений супругов о функционировании семьи с особенностями семейного главенства

Садовникова Т.Ю.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

tatsadov@yandex.ru

Главенство является одной из объективных характеристик семьи как психологического феномена [2]. Выделяют формальное и фактическое главенство. Возникновение нового типа семьи – эгалитарной семьи, где оба супруга реализуются в профессиональной сфере, отражает новые условия функционирования семьи, ставит новые задачи реализации управления семьей через различные формы главенства. Вторая половина XX в. в нашей стране и за рубежом прошла для исследователей семьи под знаком необходимости изучения изменений, произошедших в современной семье. Предметом исследований становились доминирование, лидерство, ответственность, распределения обязанностей, осуществления властных полномочий в семье, ролевое взаимодействие.

В ситуации, когда фактическое и формальное главенства расходятся, борьба за главенство одного из членов семьи может приводить к конфликтам. Главой семьи является ее член, лидерство которого признается остальными членами. Путь к власти для женщин связан с преодолением множественных препятствий, в то время как для мужчин - с реализацией многочисленных возможностей [4]. С середины 70-х г. XX века активно проводятся исследования в области доминирования-подчинения. Ряд авторов ставили под сомнение, что женщина так же эффективна в роли главы семьи, как и мужчина. Первые исследования семейных лидеров в гендерной психологии были проведены в США Уэстом, Харвелом и другими [1].

Целью данного исследования, выполненного в рамках дипломной работы Д.В. Храмова под руководством автора, стало определение связи особенностей функционирования семьи, как системы, с характером (типом) представлений супругов о

семейном главенстве [5]. В исследовании приняли участие 72 супруга (36 традиционных супружеских пар) в возрасте от 25 до 54 лет. 85% испытуемых имеют высшее образование. Работают 88% (97% от числа обследованных мужчин и 78% от числа обследованных женщин). В 22 семьях есть дети (61% респондентов).

Для исследования особенностей функционирования семьи мы использовали адаптированный нами на отечественной выборке опросник Family Assessment Device (FAD) [3]. Для изучения особенностей семейного главенства была разработана авторская методика, которая представляет собой набор ситуаций, где интересы мужа и жены вступают в противоречие. Ответы кодируются с помощью 5-балльной шкалы Лайкерта. Методика имеет графические элементы, предложенные в исследовании представлений о главенстве в отношениях Д. Нефф и М.-А. Сьюззо [6].

Данная методика отражает представление о семье, как и любой системе, которая реализует ряд функций, отражающих специфику развития семьи на данном этапе ее жизненного цикла. Главенство в семье в нашей работе мы понимали как лидерство / власть супругов (единоличное или совместное) при реализации семьей психологических функций семьи, обеспечивающих ее жизнедеятельность (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В., Соловьев В.Я., Карабанова О.А., Шнейдер Л.Б., Черников А.В. и др.). Были разработаны две версии опросника, мужская и женская, содержащие 21 ситуацию, распространенные в обыденной жизни современной российской семьи (использовался метод экспертных оценок на начальном этапе разработки методики). Методика содержит 8 шкал: 7 шкал, отражающих различные сферы жизнедеятельности семьи, функции, которые реализует семья (экономическую, хозяйственную, репродуктивную, воспитательную, сексуальную, психотерапевтическую, рекреационную) и 8 шкалу (главенство), которая отражает средний показатель по всем шкалам

Результаты исследования представлений супругов о семейном главенстве показали, что представления о структуре семейного главенства у обследованных мужей и жен разные имеют как сходства, так и различия. Сходства проявились в том, что ядром как мужского, так и женского представления о главенстве являются *хозяйственно-бытовая, экономическая и рекреационная* функции. Различия нашли свое отражение в том, что у мужей представление о структуре главенства включает в себя более широкий, чем у жен,

спектр компонентов и обширную структуру их взаимосвязи. В структуре главенства жен наиболее важной является *рекреационная функция*.

В целом, полученные данные свидетельствуют, что *центральными сферами для семейного главенства* являются хозяйственно-бытовая, экономическая и рекреационная, что подтверждает эвристичность определения семьи, предложенного В. Я. Соловьевым (1977), как формы организации личного быта, основанной на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, проживающими вместе и ведущими совместное хозяйство. Выявленная особенность структуры главенства в семье отражает современную ситуацию функционирования семьи: люди стали более свободными, по отдельности большинство функций семьи могут быть реализованы различным образом (с друзьями и т.д. – т.е. возможен выход за пределы семейной системы). Таким образом, важным основанием семьи является общий быт и возможность комплексного удовлетворения потребностей супругов в рамках семейной системы.

Интересным является факт относительно высокой значимости рекреационной функции, что может объясняться ростом ресурсов и возможностей в её осуществлении и логическим и естественным её включением в экономический и хозяйственный конгломерат функций семьи.

В целом, анализируя полученные данные, мы видим, что реально супруги вкладываются в создание экономического базиса семьи и обеспечение ее комфортного функционирования с возможностью отдыха, и восстановления – что отражает современную ситуацию и кризисное общество, в котором силы тратятся на зарабатывание средств, существование и восстановление.

Выявлены различные типы представлений о главенстве в семье у супругов: единоличное мужское 13 семей (36%), единоличное женское 11 семей (31%) и демократическое (эгалитарное) главенство 12 семей (33%). Все типы главенства представлены практически в равной степени. В основе распределения семей по типам главенства лежит сопоставление полученных мужем и женой внутри пары результатов по шкале главенство: если супруги единодушно приписывают главенство мужу или жене, то фиксируется единоличное (мужское или женское) главенство. Если главенство,

по мнению обоих супругов, не приписывается кому-то одному из супругов, то фиксируется демократическое (эгалитарное) главенство. Если мнения супругов о главенстве различается, то вычисляется разница между показателями мужа и жены, значение которой оценивается по модулю: если модуль меньше или равен 0,10, то устанавливалось демократическое (эгалитарное) главенство; если модуль больше 0,10, то в зависимости от того, в чью сторону (мужа или жены) такая разница, устанавливалось единоличное (мужское или женское) главенство.

Представления мужей и жен о распределении главенства в своей супружеской семье отличаются: в представлении мужей главенство, скорее, принадлежит женам, а в представлении жен – мужьям. Отличаются и представления о структуре компонентов главенства по функциям: представления о структуре главенства мужей включает в себя более широкий, чем у жен, спектр компонентов и обширную структуру их взаимосвязи. При этом ядром как мужских, так и женских представлений о главенстве являются хозяйственная, экономическая и рекреационная функции. В отношении представлений супругов о функционировании семьи также выявлены как сходства, так и различия. Общим является выявленная общая структура взаимосвязей между представлениями об Общем функционировании, Коммуникациями, Решением проблем и Аффективной реактивностью (модель МакМастерса). К различиям относятся особенности структур мужской и женских подсистем, заключающиеся в отсутствии связей между определенными компонентами модели функционирования МакМастерса: у женщин Контроль поведения связан с Коммуникацией и не связан ни с Ролями, ни с Аффективной вовлеченностью. Решение проблем связано у мужчин, в отличие от женщин, с Аффективным реагированием. У мужчин Контроль поведения не связан с Коммуникацией. Обследованные семьи были разделены на 6 групп, от наименее функциональных к наиболее функциональным. *Выявлена связь между особенностями функционирования семьи и представлениями супругов о главенстве в семье:* в более функциональных семьях чаще встречается демократическое (эгалитарное) главенство. Разработана и апробирована авторская Методика оценки главенства.

Список литературы

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие - СПб.: Питер, 2006.
2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2008.
3. Садовникова Т.Ю. Адаптация опросника FAD на российской выборке: проверка психометрических характеристик и перспективы работы // Семейная психология и семейная терапия, 2013, № 2. – с. 50 – 79.
4. Смирникова О.В. Социально-психологические особенности доминирования - подчинения в супружеской паре: автореф.. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук (19.00.05) / МОСУ, Москва, 2005.
5. Храмов Д.В. Связь представлений супругов о функционировании семьи с особенностями семейного главенства // Дипломная работа, М.: МГУ, 2014.
6. Neff, K. D., & Harter, S. (2003). Relationship styles of self-focused autonomy, other-focused connectedness, and mutuality across multiple relationship contexts. *Journal of Social and Personal Relationships*, 20, 81–99.

Продуктивность представлений супругов о конфликте и удовлетворенность браком

Скутина Т.В.

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

tvforte@mail.ru

Аннотация: сравнивались индивидуальные представления о конфликте и его разрешении супругов, удовлетворённых и неудовлетворённых браком, с точки зрения соответствия продуктивному подходу к конфликту. Обнаружена значимо более высокая продуктивность представлений о конфликте в парах, где оба супруга удовлетворены браком по большинству изучаемых параметров.

Ключевые слова: семейный конфликт, конфликт, продуктивный подход к конфликту, субъективные представления о конфликте

Природа и функции конфликта в современной семье

С позиций современной психологии конфликта существования бесконфликтных семей невозможно. Все супружеские союзы проходят стадию разногласий. Не отсутствие конфликтов, а наличие конструктивно разрешаемых - показатель психического здоровья семейной системы. Одной из предпосылок необходимости изучения конфликтов в семье выступает также усложнение системы супружеских связей и их стремительная динамика в современном обществе, что является результатом длительной эволюции человечества, развития традиций семьи, политических, экономических и социальных тенденций современного общества.

Если рассматривать семью как сложную динамическую систему важным качеством становится её способность развиваться, т.е. пребывать в такой динамике, которая связана с качественными преобразованиями. «Комплексная система, - пишет А.Н. Поддьяков (Поддьяков А.Н., 2006), - характеризуется внутренней динамикой существенного - изменением собственных системообразующих свойств и зависимостей, т.е., изменениями не только на уровне конкретных проявлений, но и на уровне своей сущности». В контексте развития семьи первостепенным является вопрос об источниках возможной динамики, механизмах развития.

Семья, в ее синхронном функционировании является системой, находящейся в некотором равновесии благодаря установившимся связям. Однако само это равновесие является подвижным, живым, изменяющимся и обновляющимся. Изменение социальной ситуации, развитие семьи или одного из ее членов влечет за собой изменение всей структуры внутрисемейных отношений и создает условия для появления новых возможностей построения взаимоотношений, иногда противоположных.

Эйдемиллер Э.Г. и Юстицкис В.В. утверждают, что немаловажным *фактором интеграции семьи*, согласования между ее членами путей личного развития каждого являются *устойчивые противоречия между ними*. Развитие члена семьи и семьи в

целом – процессы независимые, и противоречия между ними совершенно естественны. Насколько естественны противоречия между семьей и личностью, настолько же естественна и каждодневная необходимость решать эти противоречия (Эйдемиллер Э.Г. и Юстицкис В.В., 1999).

В китайском языке – пишет Н.В. Гришина, - иероглиф «кризис», «конфликт» образован сочетанием двух иероглифов. Один из них означает «риск», «опасность», а другой – благоприятная возможность. В конфликте, бесспорно, есть риск разрушения отношений, опасность не преодоления кризиса, но есть также и благоприятная возможность выхода на новый уровень отношений, конструктивного преодоления кризиса и обретения новых жизненных возможностей. В конфликте заложено мощное конструктивное начало, а значит конфликт – это может быть хорошо (Гришина Н.В., 2000).

Мы рассматриваем продуктивный конфликт как универсальный механизм, "острую форму" развития личности и отношений, в которой противоречие себя являет, предоставляя потенциальные возможности своего разрешения (В.С. Мерлин, Н.В. Гришина, Л.А. Петровская, Б.И. Хасан, Э.Эриксон). А это в свою очередь требует наличия у супругов ресурсов их продуктивно разрешать конфликты – конфликтной компетентности.

Понятие конфликта неразрывно связано с философским понятием противоречия. На связь конфликта с противоречием указывает целый ряд автором (М. Фоллет, М. Дойч, Б.И. Хасан, Л.А. Петровская и др.). Связь конфликта с тем противоречием, выразителем которого он, по сути дела, выступает - ключевой пункт в понимании и описании конфликта в конструктивном подходе: "Это обстоятельство оказывается ведущим, поскольку назначение конфликта в том и состоит, чтобы так представить противоречие, чтобы привлечь именно те ресурсы и в том объёме и порядке, которые приведут к его (противоречия) разрешению" (Хасан Б.И., Сергоманов П.А., 2004). Исходя из этого, разрешение конфликта рассматривается не как феноменальное исчезновение инцидента, не как изживание негативного отношения или переживания. «Разрешение конфликта заключается в снятии способа разрешения и выходе на качественно новый уровень противоречия. Здесь важна рефлексия и психологическая

техника» (Хасан Б.И., 2003).

Самым важным в понимании и описаниях конфликта в этом подходе выступает его связь с тем противоречием, выразителем которого он, по сути дела, является. "Это обстоятельство оказывается ведущим, поскольку назначение конфликта в том и состоит, чтобы так представить противоречие, чтобы привлечь именно те ресурсы и в том объёме и порядке, которые приведут к его (противоречия) разрешению" (Хасан Б.И., Сергоманов П.А., 2004).

Если рассматривать межличностный конфликт не только как открытое столкновение, ссору, драку и т.п., но и как спор, столкновение мнений, выяснение и преодоление разногласий, то с этой точки зрения, конфликт есть не что иное, как *особо значимая ситуация общения*. Более того, позитивный смысл конфликта состоит в раскрытии для самого человека, его участника, собственных возможностей, в активизации личности как субъекта предупреждения, преодоления и разрешения межличностных конфликтов. Наконец, в исследованиях были также найдены связи между эффективными стратегиями решения конфликтов и социальной компетентностью (Noakes M. A., Rinaldi C. M., 2006).

Продуктивный подход к конфликту и конфликтная компетентность

Переживание конфликтов - тяжёлый и болезненный процесс, но как отмечает Ф. Василюк, эмоциональное переживание конфликтной ситуации, сколь бы сильным оно не было, само по себе не ведёт к её преодолению (Василюк Ф.Е., 1984). Разрешение конфликта требует от его участников целенаправленных усилий по его разрешению - конфликт продвигает развитие не сам по себе, как факт столкновения, а лишь по мере продуктивного разрешения.

С этих позиций важным ресурсом развития в любой сфере жизни и деятельности человека, в том числе общения и отношений, выступает конфликтная компетентность, понимаемая как способность к продуктивному разрешению конфликта.

Названные выше авторы единодушны в том, что ключевое значение в конфликтной компетентности имеет отношение-установка: как участники воспримут конфликт, как отнесутся к нему - часто оказывается решающим для его преодоления. *Продуктивный подход* предполагает отношение к конфликту "как шансу решить

назревшие противоречия и тем самым продвинулись в развитии личности и ситуации" (Петровская Л.А., 1997), что и определяет его восприятие не как досадной помехи, а скорее, как задачи, требующей творческого решения.

Продуктивному подходу к конфликту соответствует ориентация на управление конфликтом (Н.В. Гришина, Л.А. Петровская, Б.И. Хасан, Т.И. Привалихина), что подразумевает занятие участником конфликта субъектной позиции: активной, инициативной, осознанной. Субъектная позиция как важнейшая характеристика конфликтной компетентности требует, прежде всего, рефлексивной культуры, которая позволяет выделять предмет конфликта, оценивать наличные и необходимые ресурсы, более или менее адекватно видеть ситуацию, прогнозировать её развитие, выступая тем самым "посредником самому себе". Рефлексия обеспечивает также своевременное распознавание и адекватное понимание противоречия, лежащего в основе конфликта. Продуктивность в разрешении конфликтных ситуаций в общении, в понимании Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, П.В. Растяникова, предполагает:

- а) выраженную установку на учёт позиции другого;
- б) готовность проявить инициативу в принятии ответственности за возникновение и (или) развитие ситуации;
- в) сохранение позиции сотрудничества с партнёром (Жуков Ю.М., Петровская Л.А. Растяников П.В., 1990).

Наше эмпирическое исследование было нацелено на выявление продуктивности представлений супругов о конфликте, его функциях, способах разрешения.

Представление о конфликте, будучи частью индивидуального сознания, является как отражением "внутреннего опыта", так и предвосхищением поведения, установкой, как и другие обыденные представления (Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев и др.). Представления о конфликте могут складываться как под влиянием воспитания, обучения, так и из личного опыта, стихийно. В литературе не обнаружен их анализ представлений о конфликте с точки зрения продуктивности.

Было уже указано выше, что продуктивный подход к конфликту - один из ключевых факторов конфликтной компетентности. Уточним признаки продуктивности/непродуктивности представлений о конфликте. Б.И. Хасан считает, что основной

помехой в реализации продуктивного подхода к конфликту выступает негативное отношение к конфликтам в житейской, а вслед за этим и в образовательной практике, связанное с ошибками в оформлении представления о конкретном столкновении (Хасан Б.И., 1996). Он считает конфликтофобию, обусловленную присущими обыденному сознанию негативными установками по отношению к конфликтам, за которыми стоит страх перед их возможным разрушительным влиянием, основной причиной восприятия конфликта как опасности, угрозы собственному благополучию, отношениям с людьми и т.п. Конфликтофобия проявляется в сильном эмоциональном реагировании на противоречивые и конфликтные ситуации, стремление поскорее избавиться от конфликта, например, с помощью подавления, избегания или ухода.

Напротив, продуктивными, по мнению ведущих специалистов в области психологии конфликта (Н.В. Гришина, Л.А. Петровская, Б.И. Хасан) являются представления о конфликте как нормальном, естественном явлении жизни, имеющем как свои позитивные стороны - потенциальные возможности, так и негативные стороны - угрозы. Представление о необходимости для разрешения конфликта занимать активную разрешающую позицию, ясно излагать и аргументировать свою позицию, пытаться понять основания иных позиций. Стремиться к совместному урегулированию конфликта с учётом интересов всех сторон.

Эмпирическое исследование: цели, организация, основные результаты

Параметр «удовлетворенность браком» использовался нами как показатель внутренней субъективной оценки, отношение супругов к собственному браку. «Удовлетворенность браком, очевидно, складывается как результат адекватной реализации представления (образа) о семье, сложившегося в сознании человека под влиянием встреч с различными событиями, составляющими его опыт (действительный или символический) в данной сфере деятельности», пишет С.И. Голод (Голод С.И., 1998). Нами изучалась связь удовлетворённости браком и представлений супругов о конфликте.

Целью нашего исследования являлось установление сходства и различий индивидуальных представления о конфликте и его разрешении супругов, удовлетворённых и неудовлетворённых браком, с точки зрения соответствия продуктивному подходу к конфликту. Основываясь, на приведённых выше положениях, мы предполагали, что в большей мере продуктивному подходу к конфликту соответствуют представление супругов, удовлетворённых браком.

В эксперименте приняло участие 28 супружеских пар (56 человек), со стажем совместного проживания не менее двух лет, возраст супругов от 25 – 39 лет.

Удовлетворенность браком определялась при помощи «Опросника удовлетворенности браком (ОУБ)» (Столин В. В., Романова Т. А., Бутенко Г.П., 1984).

Для выявления субъективных представлений о конфликте использовался разработанный нами опросник «Субъективные представления супругов о конфликте». Большинство из двадцати одного вопроса в нём составлено по принципу "незаконченных предложений". Например, «Если уж конфликт начинается, то я...»; «Было бы лучше, если бы конфликт...»; «Было бы лучше, если бы люди в конфликте...»; «Считаю, что для наилучшего разрешения конфликта надо...». Заполнить анкету каждому участнику предлагалось индивидуально, анонимно, указывая только пол и возраст. С каждой парой была организована отдельная встреча.

Ответы оценивались по следующим параметрам:

1. Отношение к конфликту.
2. Понимание позитивных и негативных сторон конфликта.
3. Готовность занимать активную разрешающую позицию в конфликте.
4. Способы действия и взаимодействия в конфликте.
5. Ориентация на учет позиции другого, совместное решение конфликта.

Для количественной оценки ответов нами была разработана четырёх балльная порядковая шкала, валидизированная методом экспертных оценок. Так, например, по параметру «Отношение к конфликту» баллы присваивались следующим образом:

0 - конфликт воспринимается как исключительно деструктивное, угрожающее явление;

1 - конфликт воспринимается как нежелательное, но неизбежное явление;

2 - конфликт воспринимается как нормальное, естественное явление;

3 - преобладает отношение к конфликту как потенциально-продуктивному.

По параметру «Ориентация на учёт позиции другого, совместное решение конфликта» критерии оценивания выглядели так:

0 - эгоцентризм: переживание, осознание исключительно своей позиции;

1 - помимо своей, замечается и иная позиция других участников конфликта;

2 - готовность выяснять, понимать позиции других;

3 - ориентация на совместные поиски решения, удовлетворяющего интересы всех участников конфликта.

Полученные результаты.

На основании результатов «Опросника удовлетворенности браком» пары были разделены на три группы:

«удовлетворенные браком» - это пары, участники которых получили баллы, соответствующие градациям «практически полная удовлетворенность» и «значительная удовлетворенность» - 10 пар;

«неудовлетворенные браком» - в неё вошли пары, участники которых получили баллы, соответствующие «полная неудовлетворенность» и «значительная неудовлетворенность» - 6 пар;

«пары с промежуточным результатом» - которую составили пары, участники которых получили по методике «скорее удовлетворенность, чем неудовлетворенность» и «скорее неудовлетворенность, чем удовлетворенность» и пары, результаты супругов в которых разнятся, например, у жены - «полная удовлетворенность браком», а у мужа - «значительно не удовлетворен браком» - 12 пар.

В результате сравнения представлений о конфликте участников первых двух групп были выявлены значительные качественные различия по всем параметрам, кроме «Готовности занимать активную разрешающую позицию в конфликте».

Приведём примеры ответов участников, иллюстрирующих разницу в представлениях супругов из пар, удовлетворённых и неудовлетворённых браком по параметру «Отношение к конфликту».

Для участников пар, удовлетворённых браком характерны, были ответы, отражающие понимание потенциально продуктивной функции конфликта.

Так начало предложения «Я отношусь к конфликту...» было продолжено:

«Иногда он просто необходим» (Алексей, 3б); *«Положительно, т.к. с годами научилась выходить из него с найденным правильным решением проблемы»* (Инна, 3 балла(далее - «б»); *«Спокойно, интересно даже чем он закончится»* (Евгений, 2б); *«Адекватно, в споре рождается истина»* (Анна, 3б).

Начало «Конфликт это...» было продолжено:

«Выяснение отношений, значит, что-то кому-то не нравится» (Алексей, 3б); *«Обоюдное исследование назревших проблем»* (Инна, 3б).

Фраза «С годами, прожитыми с моим супругом конфликт стал для меня...» была завершена:

«Познанием...» (Ксения, 3б); *«Чем-то положительным, мы многое впитали друг от друга»* (Инна, 3б); *«Обычным аспектом отношений»* (Дмитрий, 2б); *«Общением для большего понимания»* (Алексей, 3б).

Участники выделяли следующие «плюсы» конфликта:

«Можно узнать истинные чувства, мысли и эмоции близкого человека»; *«Больше узнаешь друг друга, хороший секс»* (Ксения); *«Через конфликт я лучше узнаю ее. Стараюсь так больше не делать»* (Алексей); *«Зачастую выявление скрытых мотивов, нюансов отношений, определенность»* (Дмитрий).

Среди «минусов» конфликта указывалось: *«Затрачивание эмоциональных ресурсов»* (Инна); *«Мнение иногда высказывается под влиянием эмоций, искажается»* (Дмитрий); *«Нервы!!!»* (Алексей).

Итак, для участников пар, удовлетворенных браком, характерно в целом продуктивное, с пониманием двойственной конструктивно-деструктивной природы конфликта. В отличие от этого, участники пар, неудовлетворённых браком, в меньшей степени выражают инструментальное отношение к конфликту, в большей мере указывают на его негативные стороны.

Для фразы «Я считаю, что конфликты в супружеской жизни...» типичны следующие продолжения: *«Неизбежны»* (Евгения, 2б); *«Не нужны»* (Руслан, 0б);

«Нужны, для выяснения отношений» (Владимир, 3б); *«Отдаляют супругов друг от друга»* (Владимир, 0б).

А для высказывания «Я отношусь к конфликту...» - *«Отрицательно»* (Владимир, 1б); *«Я к нему не отношусь»* (Руслан, 0б); *«Очень плохо»* (Владимир, 1б); *«Как к предупреждению»* (Валентина, 3б).

Начало предложения «С годами, прожитыми с моим супругом, конфликт стал для меня...» завершается следующим образом, например, *«Обыденным, ничего не разрешающим»* (Валентина, 1б); *«Ничем»* (Михаил, 0б); *«Более легко переносим»* (Евгения, 1б).

Полученные данные показали, что супруги, неудовлетворенные своим браком, по первому параметру – «отношение к конфликту», проявили в большей мере отрицательное отношение к конфликту, некоторые проявляют к нему ярко выраженное равнодушие. Но все же нашлось то малое меньшинство супругов, которые воспринимают конфликт как что-то неизбежное в супружеской жизни, из всей выборки только четыре респондента человека видят в конфликте продуктивный потенциал.

В целом в ответах супругов, неудовлетворенных браком, обнаружено значительное преобладание «минусов» конфликта. Отрицательным для участников этой группы является, прежде всего, угроза ухудшения и разрыва отношений, т.е. преобладает отношение к конфликту как к потенциально – деструктивному явлению. Среди положительных сторон конфликта, супруги этой группы выделяют возможность открыто эмоционально высказаться, сбросить с себя груз тяжелых мыслей и обид.

С помощью критерия Фишера была оценена значимость различий между наличием ответов испытуемых, соответствующих продуктивному представлению о конфликте (оцененных в 2 – 3 балла) в группах супругов, удовлетворённых и неудовлетворённых браком. По всем параметрам, кроме «Готовность занимать активную разрешающую позицию в конфликте» обнаружены значимые различия ($p < 0, 05$).

Итак, целью нашего исследования было выявление и описание особенностей представлений о конфликтах в супружеских парах с точки зрения продуктивности. Качественный и количественный анализ данных позволяет выделить значимые различия представлений о конфликте супругов, удовлетворенных и неудовлетворенных браком.

Были выделены следующие особенности представления о конфликте супругов, удовлетворенных браком:

- отношение к конфликту как к потенциально – продуктивному решению противоречий;
- понимание двойственности конфликта: его позитивных и негативных сторон;
- понимание конфликта как средства выяснения причины возникшего противоречия;
- готовность занимать активную, но не разрешающую позицию в конфликте, отстаивание своей позиции;
- ориентация на другого, учет позиции другого в конфликтном взаимодействии.

Особенности представления о конфликте супругов, неудовлетворенных браком:

- отрицательное отношение к конфликту, игнорирование его как естественного явления в семейной жизни;
- отрицание двойственности конфликта: видение только деструктивных сторон конфликта;
- понимание конфликта как средства выяснения причины возникшего противоречия;
- избегающая позиция в конфликте;
- осознание исключительно своей позиции в конфликтном взаимодействии.

В парах, где оба супруга удовлетворены браком, участники готовы ответственно включаться в конфликт, использовать его для разрешения противоречий и проблем. Готовы прислушиваться друг к другу и понимают, что конфликт содержит как негативные стороны, так и позитивные. Участники пар, неудовлетворенные браком, отрицают двойственность конфликта, и преимущественно отмечают его негативные стороны, не используют конфликт для разрешения противоречий, они считают его лишь средством для «разрядки» и «подогрева» отношений. Пары, неудовлетворенные браком, не готовы учитывать позицию своего партнера, они больше сфокусированы на своих нуждах и переживаниях.

Анализ полученных данных обнаруживает, что у супругов, удовлетворенных браком, в целом, представления о конфликте более продуктивные, чем у пар, неудовлетворенных своим браком.

Список литературы

- Василюк Ф.Е. Психология переживания. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - 200 с.
- Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. - СПб. Петрополис, 1998. 272 с.
- Гришина Н.В. Психология конфликта - СПб. Питер, 2000. - 464 с.
- Жуков Ю.М., Петровская Л.А. Растяников П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении - М., 1990.
- Петровская Л. А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // Вестник МГУ. Серия: Психология. - 1997. - № 4. - С. 41- 45.
- Поддьяков А.Н. Методологический анализ парадигм конкуренции в обучении – М.: ПЕР СЭ, 2006, а – 176 с.
- Столин В.В., Романова Т.А., Бутенко Г.П. Опросник удовлетворенности браком // Вестник Московского университета. - Серия 14. Психология. - 1984. № 2.
- Хасан Б. И. Конструктивная психология конфликта. – СПб. Питер, 2003.
- Хасан Б. И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. – Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1996. - 157 с.
- Хасан Б.И., Сергоманов П. А. Психология конфликта и переговоры. - М.: Academia, 2004. - 192 с.
- Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб. Питер, 1999.– 656 с.
- Noakes M. A., Rinaldi C. M. [Age and Gender Differences in Peer Conflict](#) // [Journal of Youth and Adolescence](#). – 2006, [December](#). - V. 35. - N. 6. - P. 523-543.

Секция 5. Психология материнства и отцовства. Телемост «Москва-Екатеринбург»

Основные направления исследования проблемы отцовства в психологии

Архиреева Т.В.

НовГУ им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

tarxireeva@mail.ru

Ключевые слова: отцовство, гендерный подход, личностный подход, детерминанты отцовства

Семья является объектом исследования нескольких отраслей психологии, причем каждая рассматривает семью в интересующем ее аспекте. С развитием психологии семьи как междисциплинарной области оформляются собственно семейные феномены как объекты исследования: родительство (материнство, отцовство), супружество, семейное воспитание. Как отмечает Т.П. Гаврилова [5], психология семьи как область научных исследований в нашей стране складывается на протяжении последних десятилетий лет, начиная с 80-х годов прошлого века. Это небольшой срок, за это время очень многое сделано, но все же многие вопросы психологии семьи остаются неисследованными. К таким малоисследованным вопросам относится и психология отцовства, хотя в последние годы интерес к ней значительно вырос.

Актуальность данной проблемы состоит в том, что в теоретическом плане пока еще нет концепции отцовства, а также недостаточно эмпирических фактов, позволяющих делать какие-либо серьезные заключения в данной области знаний. Психология, как отечественная, так и зарубежная, вообще долгое время не изучала отцов. Одной из причин такого положения на Западе являлась принятая точка зрения, что они менее важны, чем матери для развития детей. Основные теории – психоанализ,

теория привязанности, соответствовали традиционному представлению об отстраненном отце. Большое влияние на западных психологов оказала теория раннего социального развития Зигмунда Фрейда, в которой он говорит о главной роли матери в развитии младенца, а отцы имеют значение только в более поздний период детства, в связи с этим представлением отцов не изучали. Сходные идеи о роли отца были представлены и в более поздних работах основоположников теории привязанности – Д. Боулби и М. Эйнсворт, которые утверждали, что для нормального развития ребенка необходима сформированная безопасная привязанность к одному человеку, которым должна быть мать или лицо ее заменяющее[4].

Отечественные психологи так же долгое время не занимались данной проблемой. Возможно, это связано с социальной ситуацией воспитания ребенка в семье. Изменение в структуре семейного воспитания в 20м веке были проанализированы Б.И. Кочубеем в книге «Мужчина и ребенок»[14]. Автор показал, что разрушение патриархальной семьи привело к тому, что в нашей стране воспитание превратилось в дело женщин, отцам отводилась второстепенная роль. С этой точкой зрения согласен и И.С. Кон [13]. Он обратил внимание на то, что социологи и педагоги всего мира забили тревогу по поводу кризиса отцовства. И.С. Кон полагает, что кризис отцовства можно рассматривать в трех автономных контекстах. Во-первых, как кризис семьи. В этом контексте в центре внимания оказываются такие явления как нестабильность брака, изменение критериев оценки его успешности, перераспределение супружеских обязанностей в мире, где оба супруга работают и т.д. Во-вторых, как аспект кризиса маскулинности: ослабление привычной мужской гегемонии и связанное с этим изменение традиционных представлений о мужественности. И в третьих, как аспект кризиса власти, так как ранее власть была преимущественно мужская, отцовская, патриархальная, предполагающая, что каждый вышестоящий начальник – это символический отец нижестоящей власти, которую он порождает, содержит, контролирует, дисциплинирует и наставляет на путь истинный. Граждане демократических стран не считают своих правителей отцами и готовы брать ответственность за свою жизнь на себя[13].

Возможно, именно такое положение дел и провоцировало отсутствие интереса к изучению психологии отцовства. Но, на наш взгляд, совершенно неправомерно отводить отцам второстепенную роль в воспитании ребенка.

В последние годы интерес к исследованию отцовства несомненно вырос. Можно выделить несколько подходов к этой проблеме. Первое направление исследований – изучение роли отца в развитии ребенка, которое активно реализуется в настоящее время и в отечественной, и в зарубежной психологии. И. С. Кон полагает, что в традиционном обществе отец чаще всего позиционируется как а) кормилец, б) дисциплинатор, в) пример для подражания, г) непосредственный наставник сыновей (но не дочерей) в общественно-трудовой деятельности [13]. О.Г. Калина и А.Б. Холмогорова проделали анализ зарубежных исследований роли отца в развитии ребенка. Ими было обнаружено изучение нескольких аспектов такого влияния. Так, обнаружено, что роль отца велика в процессе сепарации ребенка от матери [по 11]. М. Маркс отмечает, что по сути отец начинает содействовать психологическому отделению ребенка от матери еще до рождения: присутствие рядом любящего мужа означает для будущей матери, что есть еще кто-то, кому вынашиваемый ею ребенок не безразличен. Уже на первом году жизни отец содействует формированию у него чувства идентичности. Стимулирование отцом исследовательской активности ребенка и освоения окружающего пространства ведет к постепенному переходу от исключительных отношений с матерью к общению в триаде, способствует формированию образа тела. Важно отметить, что отец обретает свое значение для ребенка, не в противовес влиянию матери, а благодаря ее посредничеству [по 11].

В большом количестве исследований отмечается роль отца в возникновении у ребенка ощущения своей принадлежности к мужскому или женскому полу. В первых исследованиях в этом направлении изучалась роль отцовской маскулинности в становлении гендерной идентичности сына. Такие исследования носили корреляционный характер, то есть сопоставлялись уровни мужественности отца и сына. Но обнаружилось, что не столько уровень маскулинности отца имеет значение для формирования адекватной полоролевой идентичности, сколько уровень теплоты и эмоциональной вовлеченности отца. Исследования показали, что когда сыновья

чувствуют отцовское принятие, то они были более склонны к проявлению типичных мужских черт, независимо от степени маскулинности отцов. В последнее время было обнаружено, что отец необходим не только для формирования маскулинности сыновей, но и женственности дочерей. Было обнаружено, что фемининность девочек коррелирует с маскулинностью их отцов [24].

Еще одно направление исследований роли отца в становлении гендерной идентичности – это сравнение детей, которые воспитывались в семьях с отцом (полных) и в семьях без отца (неполных, или после развода). Результаты этих исследований обнаружили, отсутствие отца может нарушать становление гендерной идентичности мальчиков, но не обязательно [по11].

Есть исследования, показывающие, что эмоционально вовлеченные отцы в значительной мере способствуют когнитивному развитию своих детей. Было обнаружено, что дети с эмоционально вовлеченными отцами имеют лучшие показатели когнитивного развития, а также лучшие показатели школьной успеваемости [24]. Так, выяснилось, что чем больше отцовская забота, тем в большей степени сын будет интернализировать отцовские способы мышления и разрешения проблемных ситуаций [по11]. Есть мнение, что поскольку отцы проводят с детьми гораздо меньше времени, чем матери, то они хуже знакомы с языком своих маленьких детей, и поэтому говорят с ними на «взрослом» языке, что может стимулировать языковое развитие ребенка [по 11].

Результаты некоторых исследований свидетельствуют о том, что качество отцовства имеет значение для формирования правильного или нарушенного поведения ребенка. Так обнаружилось, что поведение детей, чьи отцы проявляют грубость и физическую агрессию в отношениях с ними, чаще имеет черты асоциальности, чем поведение детей, чьи отцы большую эмоциональную теплоту и вовлеченность. Считается, что равнодушный отец препятствует развитию эмоциональной регуляции у ребенка. Возбужденный ребенок, чей отец не может помочь ему справиться с напряжением, вынужден в итоге пытаться справиться со своими эмоциями сам, что может приводить к агрессивным срывам [по 11].

В тех же исследованиях было показано, что контролирующей отцовский стиль воспитания связан с пониженной социальной компетентностью ребенка, а эмоционально

теплый – с повышенной. Мальчики и девочки, чьи отцы проявляли высокую увлеченность игрой с детьми и проявляли высокий уровень позитивных чувств во время ее, пользуются популярностью среди сверстников. Было выявлено, что уровень популярности ребенка связан с уровнем директивности отца во время совместной игры: чем директивность ниже, тем выше социометрический статус ребенка в группе сверстников [по 11].

О.А. Калина и А.Б. Холмогорова ссылаются и еще на один важный аспект значения отца для ребенка. Знание о своем «отце по рождению» имеет важное значение для формирования того аспекта идентичности, который связан с представлением о себе как о наследнике и продолжателе фамилии [по 11].

Собственное исследование О.Г. Калиной и А.Б. Холмогоровой было посвящено еще одному важному аспекту – влиянию образа отца в глазах подростков на их эмоциональное благополучие и формирование гендерной идентичности. Исследователи обнаружили, что у подростков – мальчиков из неполных семей наблюдается меньшая маскулинность, а у младших подростков девочек больше выражены симптомы депрессии. Мальчики старшего подросткового возраста и девочки младшего подросткового возраста с негативным отцовским образом обладают меньшей маскулинностью и феминностью соответственно, а также имеют более высокий уровень выраженной тревожной и депрессивной симптоматики. Авторы показали, что наличие отца в семье и тип его образа у подростка могут быть независимыми предикторами определенных проблем психического развития, а иногда могут действовать совместно. Так выяснилось, что если в образе отца есть позитивная составляющая, то независимо от наличия отца в семье маскулинность подростка не меняется. Однако, если образ отца негативен, факт наличия отца в семье будет иметь решающее значение. Выявилось также, что снижению уровня маскулинности у подростков мальчиков способствует как негативный образ отца, так его недостаточно дифференцированный образ [11].

Второе направление исследования отцовства осуществляется в рамках гендерного подхода. Так К. Н. Белогай изучала гендерные различия в структуре родительского отношения [1]. Ей удалось выявить различия в мотивационно-потребностной, поведенческой и функциональных сферах материнства и отцовства. Например, в ее

исследовании обнаружилось, что главными мотивами отцовства являются мотивы самоизменения, а мотивами материнства – мотивы, связанные с развитием отношений с партнером. Кроме этого, женщины значительно чаще, чем мужчины видят в ребенке смысл своей жизни. Есть различия и в родительском поведении матерей и отцов. Мамы проводят с ребенком значительно больше времени, чем отцы. Установки на взаимодействие матерей и отцов значительно развиваются: матери в большей мере побуждают словесные проявления ребенка, а отцы в большей мере направлены на поощрение активности своих детей. Сами родители обнаруживают различия и в функциональном назначении материнства и отцовства: матери приписываются функции любви и заботы, отцу – защиты и воспитания [1].

Еще одно направление исследований гендерных аспектов родительства – изучение самоактуализации гендерной идентичности личности. Л. Н. Ожигова [18] в результате исследований убедилась, что к важнейшим смысловым составляющим, задающим направления самореализации мужчин и женщин, относятся семья и профессиональная деятельность. Тема семьи появляется в рассуждениях о самореализации и собственном предназначении и у мужчин, и у женщин. Но если у женщин семья – это пространство реализации и личностных вкладов в других, то для мужчин семья – это опора, место комфорта и отдыха, то, что нужно защищать. При этом Л. Н. Ожигова утверждает, что реализуя себя в различных пространствах своего бытия – семье, профессии, отдыхе и творчестве, женщина и мужчина рискуют попасть в стрессовую и кризисную ситуацию, так как осуществляемый ими выбор и деятельность могут не получить подтверждения окружающими, не соответствовать культурным и социальным ожиданиям [18].

О возможности существования противоречий в гендерной идентичности личности говорит и И. С. Клещина [12]. Она утверждает, что представляется правомерным говорить, по крайней мере, о двух типах гендерной идентичности, присущих российским мужчинам и женщинам: первый тип может быть определен как кризисная идентичность, второй – как некризисная или согласованная идентичность. Проблему согласованности или противоречивости гендерной идентичности мужчин продолжила изучать Е. А. Чикалова [21, 22]. Она исследовала соответствие между типом гендерной идентичности мужчины и его представлениями об отцовстве. В результате исследования

степени приверженности молодых мужчин нормам традиционалистской маскулинности ею было выделено три группы молодых людей: 1) молодые мужчины с низкой степенью приверженности нормам традиционалистской маскулинности (или ориентированные на *модернизированную модель маскулинности*); 2) молодые люди, характеризующихся средней степенью приверженности нормам традиционалистской маскулинности; 3) молодые люди с высокой степенью приверженности нормам *традиционалистской маскулинности*. Ею обнаружены достоверные различия в содержании социальных представлений об отцовстве между группами мужчин, ориентированных на *модернизированную* и *традиционалистскую* модель маскулинности. Так, по параметру *отцовской вовлечённости*, фиксирующему специфику *взаимодействия* отца с ребёнком, для мужчин с высокой степенью приверженности нормам *традиционалистской* маскулинности в большей мере характерны представления об опосредованности контактов отца с ребёнком, а также о возможности реализации доминантно-зависимого стиля взаимодействия; мужчины, ориентированные на *модернизированную* модель маскулинности значительно чаще разделяют представления о том, что взаимодействия между отцом и ребёнком должны строиться на принципах равенства. Результаты исследования Е. А. Чикаловой также показали, что по параметру *отцовской вовлечённости*, отражающему *доступность* отца для ребёнка, у молодых людей, ориентированных на модель *модернизированной маскулинности*, преобладают представления о том, что поведение отца должно характеризоваться высоким уровнем эмоциональной близости и психологической доступности, а для молодых мужчин, ориентированных на модель *традиционалистской маскулинности*, более характерны представления, отражающие эмоциональную дистанцированность отца по отношению к ребёнку. Согласно данным исследовательницы, анализ специфики *распределения родительских обязанностей* выявил различия в представлениях о степени ответственности отца и матери за заботу о маленьких детях. Мужчины, демонстрирующие приверженность *модернизированной* модели маскулинности значительно чаще разделяют представления о важности равного участия отца и матери в заботе о маленьких детях, что менее характерно для мужчин с высокой степенью приверженности нормам *традиционалистской* маскулинности (они чаще придерживаются представлений о том, что уход за маленькими детьми – это сфера ответственности матери) [21, 22]. Полученные Е.А. Чикаловой данные позволяют говорить о

том, что модель традиционалистской маскулинности не позволяет мужчине в полной мере реализовать себя в роли отца, роль «настоящего мужчины» и роль «отца» находятся в конфликте друг с другом.

Еще одним из направлений в исследовании отцовства является подход, реализуемый в рамках исследования личности и ее развития. С этой точки зрения отцовство рассматривается как часть личностной сферы мужчины. Так, Ю. В. Борисенко рассматривает отцовство как категорию, относящуюся к психологии личности и отражающую основные этапы ее развития, включающую в себя комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека [3]. Она предлагает структуру отцовства, включающую следующие компоненты: потребностно-эмоциональный, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; операциональный – осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; и ценностно-смысловой – отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания. Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент – оценочный, в который входят: 1) самооценка, как элемент Я-концепции, принятие или непринятие роли отца и рациональная и эмоциональная оценка себя, как отца, и своего ребенка; 2) социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, т.к. через социальные стереотипы формирует образы Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, т.к. пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры[3].

В рамках психологии развития личности взрослого человека хотелось бы отметить еще один важный подход, реализуемый Е.И. Захаровой [8]. Она утверждает, что в период ожидания ребенка происходят изменения в мотивационной сфере личности, в системе ценностных ориентаций. Ситуация рождения ребенка и его воспитания создает условия для восхождения личности родителя на новый уровень развития. Но это происходит через принятие взрослым человеком родительской позиции, через переход

ее во внутреннюю позицию родителя. Е.И. Захарова анализирует понятие «внутренней позиции родителя», раскрывает ее содержание [8]. Но ее исследования в основном рассматривают процесс принятия родительской позиции женщинами, но с нашей точки зрения такой подход может быть весьма продуктивным и при изучении отцовства. Важным направлением изучения отцовства является проблема детерминант его становления, изучения факторов и условий, которые определяют характер отцовства. При обсуждении данного вопроса встречаются различные точки зрения, но все же ученые приходят к выводу, что в детерминации отцовства решающую роль играет в первую очередь социальный фактор.

Как полагает И.В. Павлов, на сегодняшний день у большинства исследователей данной проблемы почти не оставляет сомнения тот факт, что отцовство, равно как и материнство имеет социально и культурно обусловленный характер [19]. Автор проанализировал исследования, посвященные влиянию культурных факторов на становление отцовства и выделил следующие факторы, влияющие на становление отцовства, каждый из которых может быть условно обозначен как культурно-исторический или социальный:

1. Тип семьи, характерный для данной определенной культуры или этапа развития определенного общества
2. Верования народа, его мифология и религия..
3. Экономические условия: уровень дохода, экономическая стабильность в обществе, общий уровень безработицы, условия разделения труда.
4. Социальные стереотипы маскулинности и феминности, отцовства и материнства характерные для данного общества.
5. Отношения мужчины с собственной семьей – своими родителями, супругой, ребенком .
6. Личность ребенка: его пол, возраст, особенности развития и поведения [8].

Борисенко Ю.В. и Портнова А. Г. все многообразие факторов, влияющих на становление отцовской роли, классифицируют на 4 большие группы. К *первой группе* авторы относят факторы, связанные с взаимоотношениями в супружеской диаде. Ко *второй группе* относятся факторы, связанные с влиянием матери ребенка (супруги

мужчины) на становление мужчины в роли отца. *Третья группа* включает в себя средовые факторы. К *четвертой группе* относятся факторы, связанные с личностью самого ребенка – полом, возрастом, индивидуально-психологическими особенностями [2]. Детерминацию отцовства изучал американский психолог Д. Р. Парк [23], который выделил факторы, определяющие участие отца в воспитании ребенка. Это:

- индивидуальные факторы

- 1) Отношения, убеждения и мотивация отца.
- 2) Взаимоотношения с семьей, в которой вырос.
- 3) Возраст, когда принял родительскую роль.
- 4) Пол ребёнка.

- фактор семьи

- 1) Взаимоотношения матери и ребёнка и взаимоотношения отца и ребенка.
- 2) Взаимоотношения мужа и жены.
- 3) взаимоотношения отец-мать – ребёнок.

- внесемейные факторы, неформальная поддержка системы

- 1) Взаимоотношения с родственниками.
- 2) Взаимоотношения с соседями.
- 3) Взаимоотношения с друзьями.

- общественные или формальные факторы.

- 1) Взаимоотношения с коллегами по работе.
- 2) Система здравоохранения, роддома.

- культурные факторы

- 1) Культура детства мальчиков и девочек
- 2) Отношение к отцовской/ материнской ролям.
- 3) Убеждения и ценности семьи, связанные с национальными особенностями.

Еще одним важным направлением в психологии отцовства становится разработка технологий работы с мужчинами, помогающими в формировании сознательного отцовства. В последние годы психологи, педагоги и социальные работники при изучении проблемы отцовства уделяют много внимания разработке социального, психолого-педагогического сопровождения становления сознательного отцовства. Можно выделить

три направления такой работы. Первое – работа с молодыми людьми, целью которой является формирования предпосылок отцовства. На этом этапе - формирования предпосылок отцовства (подростковый и юношеский возраст), как мы полагаем, целями социальной и психологической помощи молодым людям в становлении отцовства могут быть следующие: 1) формирование позитивных стереотипов отцовства в рамках представлений о мужественности; 2) психологическая поддержка становления ответственности за свое поведение.

Возможными формами работы с подростками и молодыми людьми могут быть: уроки и внеурочные мероприятия, клубы для подростков, психологические тренинги. Так в Великом Новгороде имеется опыт проведения уроков по подготовке к родительству в рамках «Школы здорового образа жизни».

Второе направление при работе с отцами – это поддержка при вхождении в родительскую роль. На этом этапе целью социальной и психологической работы может быть формирование родительской позиции отца и подготовка к перестройке семейной системы в связи с рождением ребенка и начало реализации такой перестройки. Возможными формами работы такой работы могут быть:

- Совместные тренинги для будущих родителей (подготовка к родительству) (Примером может служить программа тренинга зрелого отцовствования и материнства Н.В. Боровиковой [по 17]).
- Папа-школы
- Консультирование отцов через интернет.

Большой интерес вызывает такая форма социальной работы с отцами, помогающая освоить родительскую роль, – как «папа-школы» [7, 10]. Папа-школы или «папа-группы» – явление достаточно новое для нашей страны. Конечно, попытки подготовить мужчин к появлению ребенка в семье предпринимались давно, но они носили локальный и эпизодический характер. Не существовало ни единой программы, ни методики работы с будущими отцами. В 2007 г. в Санкт-Петербурге появилось добровольное объединение специалистов-мужчин, которые начали создавать группы для взаимодействия с будущими папами на основе шведской модели работы с отцами в системе социальной защиты. В настоящее время папа-группы функционируют во многих

районах Санкт-Петербурга. Что же такое папа-группа? Папа-группа представляет собой добровольное объединение мужчин, собирающихся для обсуждения их общих проблем в связи с ожиданием рождения или недавним появлением ребенка в семье.

Разработчики данной формы работы с отцами утверждают, что есть несколько мотивов, по которым будущие или молодые отцы посещают такие группы: отсутствие возможности поделиться опасениями, тревогами, переживаниями, сомнениями, связанными с рождением малыша; обменяться своими мнениями по поводу «правильного» поведения отца в контактах и взаимодействии с ребенком; посоветоваться с более компетентными людьми по поводу своих представлений о воспитании сына или дочери и др.

Главную цель папа-группы можно сформулировать следующим образом: подготовка мужчин к активной роли родителя и равноправным отношениям с партнершей, соблюдая и ставя интересы ребенка в центр внимания. Задачами таких групп являются следующие: во-первых, предоставить возможность мужчинам поделиться проблемой с собеседниками, которые наверняка его поймут, и таким образом обеспечить получение психологической поддержки, которая нужна мужчинам.

Вторая важнейшая задача – помочь получить знания о том, как вести себя в определенных ситуациях. Понимая, что происходит, разбираясь в ситуации, человеку легче справляться с возможными трудностями.

Третье направление практической работы с отцами – это помощь и поддержка при реализации отцовской роли. Специфика отцовского поведения при реализации родительской роли определяется всей системой культурных, личностных и ситуационных факторов и условий, которые определяли становление мужчины в роли отца, но при этом добавляется еще один очень важный фактор – это особенности самого ребенка – возрастные и индивидуальные. Эти черты ребенка могут вызывать сложности в отношениях с ребенком, конфликты во взаимодействии с ним. В соответствии с этой целью социальной и психологической работы с отцами может быть повышение их компетентности в воспитании и взаимодействии с детьми. В настоящее время активно разрабатываются различные формы и методы повышения родительской компетентности отцов.

Целью работы третьего этапа родительства является повышение родительской компетентности отцов. Для того чтобы конкретизировать эту цель важно понять, что же такое родительская компетентность. Н.Д. Михеева полагает, что родительская компетентность – это система знаний, установок, навыков и умений, обеспечивающим родителю возможность эффективного взаимодействия с ребенком. С ее точки зрения, основной признак эффективного и компетентного родительского поведения – способность обеспечить позитивное направление когнитивного, социального и личностного развития ребенка [16].

Г.И. Репринцева пытается конкретизировать данное понятие и определить его составляющие. Она считает, что формирование родительской компетентности в качестве общих теоретических социально-педагогических основ предусматривает дифференциацию и индивидуализацию развития материнства, отцовства и супружества как социокультурных феноменов; комплексный и непрерывный характер процесса их развития; осознание родителями границы своей компетентности и необходимости ее расширения и обогащения; учет общих и специфических социальных факторов поликультурной среды в семье и вне ее и их влияние на развитие детей на разных этапах онтогенеза. Г.И. Репринцева рассматривает специфические основы формирования компетентности родителей, к которым относит:

- адекватность воспитания детей специфике, задачам и индивидуальным возможностям их развития на каждом возрастном этапе в поликультурной среде;
- ориентацию на возрастание воспитательного, социокультурного и охранно-защитного потенциала семьи в поликультурной среде как основного ресурса формирования позитивных семейных ценностей и традиций социального развития детей и семейно-соседского сообщества;
- мотивированность родителей на взаимодействие со специалистами для более успешного социального развития ребенка и семейно-соседского сообщества в поликультурной среде;
- овладение родителями гуманными методами социального воспитания детей, способных к благополучной адаптации к меняющимся социальным ситуациям, на разных стадиях жизненного цикла семьи [20].

Пути повышения родительской компетентности являются психологические тренинги [15, 6], клубы [9], родительские лектории, использование интернет-ресурсов, совместных мероприятий для отцов и детей; для отцов, матерей и детей. Такую работу проводят и социальные службы (центры помощи семье и детям, кризисные центры, и т.д.), образовательные учреждения – детские сады и школы, психологические службы и т.д.

Подводя некоторые итоги анализа состояния проблемы психологических аспектов отцовства, можно говорить о том, что в настоящее время происходит несомненный рост исследований в этой области.

Список литературы

1. Белогай К. Н. Некоторые аспекты изучения гендерных различий в структуре родительского отношения // Перинатальная психология и психология родительства. – 2004. – № 2. – С. 31-49.
2. Борисенко Ю.В., Портнова А.Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. – 2006. – №3. – С.122-130.
3. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. — Москва-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. - 220 с.
4. Боуби Дж. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003.– 477с.
5. Гаврилова Т.П. Краткое предисловие от составителя // Психология семьи: Сборник статей/ Сост. Т.П. Гаврилова. М.: ООО « Вопр. психологии», 2002.
6. Гиппенретер Ю. Б. Общаться с ребенком. Как? – Издание 3-у, исправленное и дополненное. – М.: «ЧеРо», 2002. – 240 с.
7. Еремин Н.Н. Папа-школы: Гендерно-чувствительные формы социальной работы // Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. Пособие. – СПб., 2010. С.29-45.
8. Захарова Е.И. Родительство как ресурс личностного развития в зрелости // Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы. Электронное

периодическое издание. – 2010. С. 29 – 37. [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://perinataljourn.ru/>. - Дата доступа: 9.12.12.

9. Значков Д. В., Гаевский А.А. От папа-групп к клубу отцов // Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. Пособие. – СПб., 2010. С.56- 64.

10. Казанский С.Г. Технология работы в папа-группах // Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. Пособие. – СПб., 2010. С.46 – 51.

11. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. – М.: Форум, 2011. – 112с.

12. Клецина И. С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам // Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. Пособие. – СПб., 2010. С. 7-28.

13. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496с.

14. Кочубей Б.И. Мужчина и ребенок. – М.: Знание, 1990.– 80с.

15. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми: цели, задачи, основные принципы. – СПб.: Речь, 2005. — 150с.

16. Михеева Н.Д. Методика незаконченных ситуаций для диагностики родительской компетентности [Электронный ресурс] – Режим доступа http://creativity.ipras.ru/texts/books/social IQ 2009/miheeva_social IQ 2009.pdf Дата доступа: 9.12.12.

17. Овчарова Р.В. Психология родительства: Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 368 с.

18. Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности личности. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 290с.

19. Павлов И.В. Психология отцовства: обзор исследований и некоторые выводы о современном состоянии проблемы // Перинатальная психология и психология родительства. – 2008. №4. – С. 78-95.

20. Репринцева Г. И. Социально-педагогическая парадигма повышения родительской компетентности средствами дополнительного сетевого образования

//Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. 8 (123) с, 114–119 [Электронный ресурс] – Режим доступа http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/2012_8.pdf Дата доступа: 9.12.12.

21. Чикалова, Е.А. Взаимосвязь норм маскулинности и социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли / И.С. Клёцина, Е.А. Чикалова // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер. психология. – 2013. – №2, т.5. – С. 24–36.

22. Чикалова, Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения / Е.А. Чикалова // Женщина в российском обществе. - 2012. - №2. - С. 43-53.

23. Parke R. D. Fatherhood. – Harvard: Harvard University Press, 1996.– P 3 - 179.

24. The role of the father in child development / Edited by M. E. Lamb. – New Jersey, 2010. – 544 p.

Позитивные родительские чувства отцов

Басимов М.М., Падурин Е.А.

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Курганский государственный университет, Курган, Россия

basimov_@mail.ru

Ключевые слова: отцовство, позитивные родительские чувства, родительство, множественное сравнение.

Позитивные родительские чувства – это система чувств родителя характеризующихся сочетанием позитивного содержания и позитивной социальной значимости, имеющих направленность на родителя, на ребенка, на супруга(у) как родителя, и на родительство в целом. Позитивные родительские чувства как компоненты одной системы обладают сходными свойствами: полярность, субъективность, интенсивность, устойчивость и/или прочность, широта, генерализованность и дифференцированность, обобщенность [8].

Опираясь на концепцию родительства как психологического феномена

(Р.В. Овчарова) и системный подход (Б.Ф. Ломов и др.), была разработана модель структуры системы позитивных родительских чувств. Модель структуры позитивных родительских чувств как системы чувств родителя включает следующие компоненты – позитивные родительские чувства к ребенку, позитивные чувства к себе как родителю, позитивные чувства к супругу(е) как родителю, позитивные чувства к родительству и составляющие – когнитивную, эмоциональную и поведенческую (Рис.1) [8].

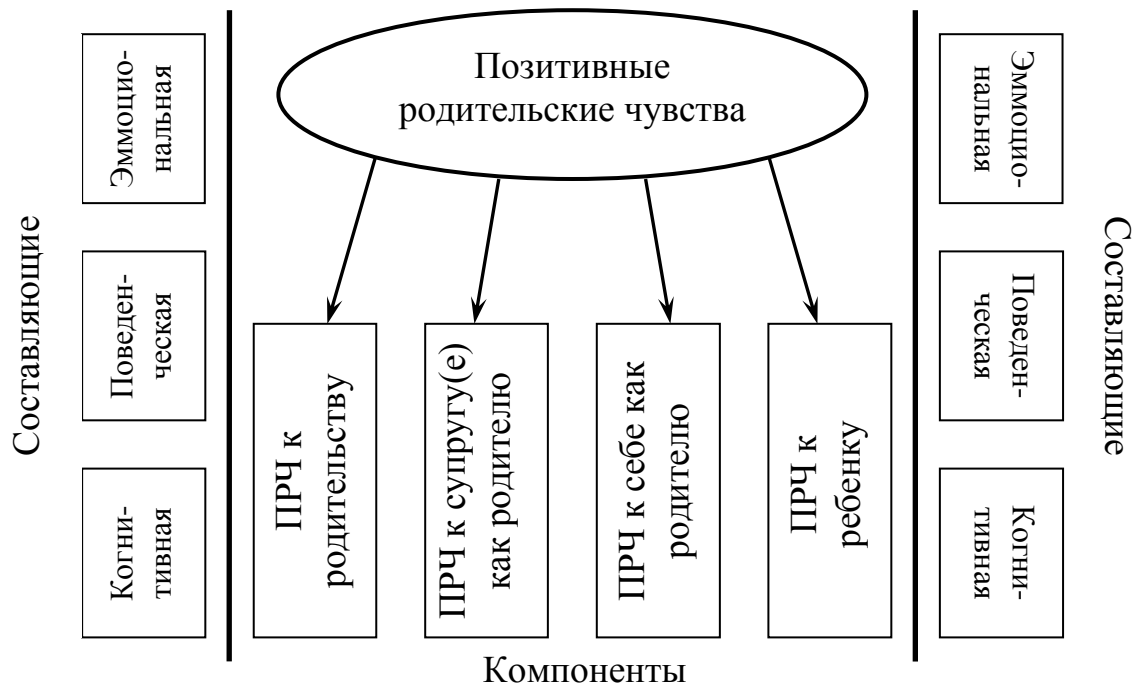

Рис.1. Модель структуры системы позитивных родительских чувств

Опираясь на знание структуры системы позитивных родительских чувств, можно оказывать на нее влияние. Наиболее эффективным для развития системы позитивных родительских чувств будет подход, охватывающий все выделенные компоненты и составляющие в их взаимосвязи друг с другом.

Первоначально эмпирическое исследование особенностей позитивных родительских чувств осуществлялось с использованием традиционных методов в рамках линейных представлений (Падурина Е.А., 2008). Затем для изучения феномена позитивных родительских чувств был использован авторский метод изучения связей

(Басимов М.М., 2008) [1], который реализуется через множественное сравнение (Басимов М.М., 2005) [5] квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных (объектов) по каждому измеряемому параметру. В итоге определяется сила связи и форма зависимости, а линейные зависимости определяются как частный случай. [3, 4]. Полученные далее в исследовании результаты позволили говорить о влиянии ряда параметров на особенности проявления позитивных родительских чувств и самооценку ребенка дошкольника не столько на основе линейных связей, но в значительно большей степени на основе нелинейных зависимостей [9, 10, 11, 12].

Соотношение понятий «материнство» и «отцовство» изучалось нами через множественное сравнение 10 сформированных по внешним факторам групп (гендерному, образованию родителей, возрасту детей, дошкольным заведениям), что дает более содержательную картину специфики гендерного отношения к родительству, чем простое парное сравнение групп отцов и матерей. Каждый испытуемый описывался 52 психологическими показателями. Рассмотрены наиболее значимые отличия (по задаче множественного сравнения) в проявлении позитивных родительских чувств между группами отцов (POL-M) и матерей (POL-W).

Рассмотрим поочередно составляющие системы позитивных родительских чувств у отцов.

Представляет интерес положение в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателя «когнитивная составляющая позитивных родительских чувств». Сравнительная весомость группы POL-W равна 99, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -298. Когнитивная составляющая связана с осознанием своего эмоционального отношения к ребенку, себе как родителю, супругу как родителю и родительству в целом. Когнитивная составляющая имеет тесную связь с влиянием социума, с ее помощью определяется социальная значимость испытываемого родительского чувства. Происходит соотнесение испытываемого родительского чувства с требованиями, предъявляемыми обществом к родителю и его эмоциональной сфере. Исходя из полученных данных, у отцов в недостаточной степени представлены когнитивные репрезентации, содержанием которых являются определенные знания и представления о том, что такое «позитивные родительские чувства» (каждое из этих

чувств); каковы их проявления (способы выражения); какое влияние они и каждое чувство в отдельности оказывают на ребенка и на родителей; каким образом можно регулировать позитивные родительские чувства; а также знание личностных особенностей ребенка, себя как родителя, супруги как родителя, которые вызывают весь спектр позитивных родительских чувств.

Похожие результат и интерпретацию имеют взаимные положения групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) в общем распределении 10 сравниваемых групп для следующих показателей:

1. «Способность воспринимать состояние ребенка»: сравнительная весомость группы POL-W равна 172, сравнительная весомость группы POL-M равна -465.

2. «Понимание причин состояния ребенка»: сравнительная весомость группы POL-W равна 36, сравнительная весомость группы POL-M равна -167.

3. «Способность к сопереживанию»: сравнительная весомость группы POL-W равна 51, сравнительная весомость группы POL-M равна -409.

Далее рассмотрим положение в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателя «эмоциональная составляющая позитивных родительских чувств». Сравнительная весомость группы POL-W равна 147, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -329. Эмоциональная составляющая позитивных родительских чувств характеризуется совокупностью положительных эмоций и положительного эмоционального фона, сопровождающих оценки ребенка, себя как родителя, супруга(и) как родителя и родительства в целом. Эмоциональная составляющая имеет наиболее тесную, по сравнению с другими составляющими системы позитивных родительских чувств, связь с физиологией человека, а именно с принципом удовольствия. Итак, получается, что отцы по сравнению с матерями испытывают недостаток положительных эмоций и положительного эмоционального фона, сопровождающих оценки ребенка, себя как родителя, супруги как родителя и родительства в целом.

Похожие результат и интерпретацию имеют положения в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателей:

1. «Чувства, возникающие во взаимодействии с ребенком». Сравнительная весомость группы POL-W равна 46, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -439.

2. «Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия». Сравнительная весомость группы POL-W равна 7, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -185.

3. «Гедонические чувства». Сравнительная весомость группы POL-W равна 88, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -324.

4. «Сближающие чувства». Сравнительная весомость группы POL-W равна 181, а сравнительная весомость группы POL-M имеет значение -160.

5. «Альтруистическая эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 10, а сравнительная весомость группы POL-M равна -129.

6. «Коммуникативная эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 76, а сравнительная весомость группы POL-M равна -245.

7. «Практическая эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 144, а сравнительная весомость группы POL-M равна -20.

8. «Гностическая эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 28, а сравнительная весомость группы POL-M равна -207.

9. «Гедонистическая эмоциональная направленность». Сравнительная весомость группы POL-W равна 38, а сравнительная весомость группы POL-M равна -338.

Таким образом, у отцов недостаточно развита эмоциональная составляющая системы позитивных родительских чувств, в связи с чем, они в меньшей степени, чем матери испытывают удовольствие, радость, восторг, спокойствие, единство, дружелюбие, счастье, бодрость во взаимодействии с ребенком. Также можно отметить, что эмоциональная направленность личности отцов характеризуется слабой выраженностью некоторых эмоций, чувств, состояний, а именно: альтруистических (возникают при содействии, помощи, покровительстве ребенку или другому родителю, например: чувство участия, нежности, любви, симпатии, и т.п.), коммуникативных (возникают в процессе общения с ребенком, с другим родителем как реакция на удовлетворение стремления в эмоциональной близости, например: чувство

близости, привязанности, доверия и др.), практических (вызываются деятельностью по воспитанию ребенка, изменением её в течение времени, её успешностью, трудностями её осуществления и завершения, например: чувство гордости, чувство удовлетворения и пр.), гедонических (связаны с удовлетворением потребности родителя в телесном и душевном комфорте, детерминированном семейными, в частности, детско-родительскими, взаимоотношениями, например: чувство безопасности, безмятежности), гностических (возникают в результате познания своего ребенка, себя и супруга как родителя, например: интерес, удивление).

Как интересный результат можно отметить положение в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателя «поведенческая составляющая позитивных родительских чувств». Сравнительная весомость группы POL-W равна 172, а сравнительная весомость групп POL-M имеет значение -338. Поведенческая составляющая включает доверительность, эмоциональную близость, заботу о ребенке, аффективные стереотипы контактирования с ребенком. Таким образом, для отцов по сравнению с матерями менее характерно проявление заботливости, эмоциональной близости и доверия к ребенку. Также стоит отметить, что для группы отцов, как и для группы матерей поведенческая составляющая является конгруэнтной по отношению к эмоциональной составляющей позитивных родительских чувств.

Похожие результат и интерпретацию имеют положения в общем распределении групп отцов (POL-M) и матерей (POL-W) для показателей:

1. «Стремление к телесному контакту»: сравнительная весомость группы POL-W равна 102, сравнительная весомость группы POL-M равна -258.

2. «Оказание эмоциональной поддержки»: сравнительная весомость группы POL-W равна 59, сравнительная весомость группы POL-M равна -296.

3. «Умение воздействовать на состояние ребенка»: сравнительная весомость группы POL-W равна 91, сравнительная весомость группы POL-M равна -360.

4. «Отсутствие сотрудничества – сотрудничество»: сравнительная весомость группы POL-W равна 14, сравнительная весомость группы POL-M равна -356.

Итак, поведение отцов при переживании позитивных родительских чувств значительно отличается от поведения матерей. Отцы в меньшей степени, чем матери

склонны сотрудничать со своими детьми, эффективно воздействовать на состояние ребенка, оказывать ему эмоциональную поддержку, обнимать, поглаживать, держать за руку.

В заключение стоит отметить, что личностный профиль системы позитивных родительских чувств отцов имеет свои отличительные особенности и характеризуется слабым развитием всех составляющих системы позитивных родительских чувств. Отсутствие у родителя развитой системы позитивных родительских чувств приводит к нарушению семейного воспитания и негармоничному развитию личности ребенка, а также к эмоциональным проблемам самого родителя, переходящим в проблемы со здоровьем и семейным благополучием в целом. Поэтому становится актуальной работа с современными отцами по профилактике негативных родительских чувств и развитию позитивных.

Таким образом, с помощью метода множественного сравнения [2] было реализовано гибкое (не просто парное) сравнение групп отцов и матерей в рамках различных психологических параметров и были выявлены интересные зависимости изучаемых психологических показателей (интервальные переменные) от номинального параметра «Гендерная принадлежность родителей».

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Работа выполнена в рамках гранта Правительства Курганской области «Разработка программы развития позитивных родительских чувств и профилактики негативных родительских чувств».

Список литературы

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва – Воронеж, 2008. – 432 с.
2. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

3. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
4. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183с.
5. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.
6. Демчук Н.А. Формирование психологической готовности юношей к отцовству : Дис. ... канд. психол. наук: Казань, 2006 . – 223 с.
7. Овчарова Р.В. Психология родительства / Р.В. Овчарова. – М.: Академия, 2004. – 339с.
8. Падурина Е.А. Развитие позитивных родительских чувств как фактор коррекции самооценки дошкольников: диссертация ... кандидата психологических наук – Екатеринбург, 2008. – 231с.
9. Падурина Е.А. Позитивные родительские чувства: линейная и нелинейная психология: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. – 188 с.
10. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of understanding of the reasons conditions on parental feelings // The 28th International Congress of Applied Psychology, 08-13 July 2014, France, Paris, IAAP
11. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of positive feelings to the spouse as to the parent on parental feelings // The 28th International Congress of Applied Psychology, 08-13 July 2014, France, Paris, IAAP
12. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of the gnostic emotional orientations on parental feelings // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 403.

Особенности родительского отношения отчимов

Борисенко Ю.В.

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

evseenkova@mail.ru

Ключевые слова: родительство, отцовство, родительское отношение, отчим.

В современной психологической литературе отцовство обычно исследуется с двух позиций [2]. С одной стороны, отцовство рассматривается как социальный институт, определяющий требования и ожидания общества по отношению к родительской роли мужчины. С другой стороны, отцовством проявляется в практической деятельности мужчины по воспитанию детей и уходу за ними, что описывается понятием, отцовские практики или стили воспитания [7]. Такая научная традиция объясняет характерное для отцовства различие между отцовством как родительским статусом и отцовством как родительским поведением и идентичностью. Большинство авторов считает, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития [6]. В древних культурах мужчина до рождения своего первого ребенка считался отроком [2]. Для мужчины – это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости. В целом, существует определенное количество качественных эмпирических исследований отцовства, в основном – узких направлений. В качестве теорий дающих материал для исследования факторов оптимизации развития личности ребенка, и мужчины, выросшего в условиях неполной семьи, выделяются: а) теория жизненного пути (которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в связи с различными периодами жизни); б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы и роли); и в) теория социальной идентичности (которая сосредотачивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей). В терминах Э. Эриксона

отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий, для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи [7]. Кроме того, большинство современных работ утверждает, что родительство не является просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями [6, 8]. Эта идея не нова и для российских семейных психологов, однако в основном она постулируется в работах, основанных на практике семейной психотерапии. Теоретическое обоснование данного постулата дается в терминах системной семейной терапии. В американской традиции исследования отцовства выделяются работы [6, 7], в которых акцент смещается на роль женщины-матери, как партнера мужчины-отца, во многом определяющего отцовское поведение последнего. W. Doherty, например, предлагает специально учить женщин «обучать» мужчин ответственному отцовству [6]. Дж. Плек доказывает, что вовлеченность отца в жизнь ребенка прямо взаимосвязана с вовлеченностью матери [7]. Дж. Плек высказывает идею о том, что собственная родительская идентичность может быть определена только в тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. Таким образом, то, каким мужчиной является отцом, тесно связано 1) с его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который дает маскулинный образец (то есть, модель ролевого поведения мужчины [8] и 2) с настоящими взаимоотношениями с супругой, в отношениях с которой эта модель реализуется, оценивается и трансформируется. В этой связи совершенно особый интерес вызывает родительское отношение отчима к ребенку супруги. За рубежом исследования взаимоотношений отчимов и приемных детей являются весьма распространенными [5, 9], для нашей страны данная тематика не менее актуальна [1, 3, 4]. Предпринятое нами пилотажное исследование, в котором приняли участие 40 мужчин-отцов (20 родных отцов и 20 отчимов), было направлено на выявление специфических особенностей родительского отношения отчимов по сравнению с родным (биологическими) отцами. Обе группы были уравнены по образовательным и статусным характеристикам. Средний возраст мужчин 34 года. В рамках исследования применялся метод глубинного интервью, а также следующие методики: Методика Р.Г.Овчаровой «Представления об

идеальном родителе»; «Опросник принятия родительской позиции» Е. И. Захаровой, А. И. Строгалиной; Опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI); Опросник родительской идентичности Дж. Плека и специально разработанная анкета, направленная на изучение отношений родных отцов и отчимов с детьми. Согласно нашим данным, все мужчины принимают родительскую роль в отношении родного ребенка и 86 % респондентов принимают ее в отношении неродного ребенка. Мужчины считают, что главной родительской функцией является ответственность родителя. Отцами-отчимами описываются и другие родительские функции: руководство ребенком, поддержка в освоении социокультурных норм. Однако мужчины считают, что эти функции необходимо реализовывать в большей мере в отношении родного ребенка. Отцы-отчимы отмечают у себя низкий уровень потребности в заботе о ребенке, в общении с ним.

Согласно данным по методике PARI, в родительском воспитании в семьях отцов доминируют установки на уравнивание отношений между родителями и ребенком (89,8%) и развитие активности ребенка (85,5%); в семьях отчимов – свехавторитет родителей (87,8%). Проверка по t-критерию Стьюдента при 5 %-ном уровне значимости показала, что существуют значимые различия между мужчинами отцами и отчимами по следующим параметрам: ощущение самопожертвования и свехавторитета родителей, вербализация стремление ускорить развитие ребенка, подавление сексуальности, подавление агрессивности, чрезмерное вмешательство в мир ребенка и исключение внесемейных влияний. Интересные данные дает сравнение иерархии родительских установок в двух группах, представленных в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1.

Иерархия родительских установок в группе отцов (20 человек)

	Название шкал	Среднее значение в группе n=20
	Супружеские конфликты	17
	Зависимость от семьи	16,67
	Вербализация	16,6
	Товарищество	16,2
	Доминирование отца	15,8
	Несамостоятельность отца	15,6
	Жертвенность	15,33
	Раздражительность	14,73
	Поощрение активности ребенка	14,73
0	Подавление воли ребенка	14,6
1	Сверхавторитет отца	14,33
2	Опасение обидеть ребенка	14,13
3	Безучастность жены	13,73
4	Чрезмерная забота	13,4
5	Неудовлетворенность ролью хозяина	13,07
6	Навязчивость	13,07
7	Партнерство	12,73
8	Стремление ускорить развитие	12,53

9	Подавление сексуальности	12,2
0	Подавление агрессивности ребенка	12,07
1	Уклонение от конфликта	12,07
2	Зависимость от отца	12
3	Строгость отца	11,47

Некоторая ролевая неопределенность более заметна в выборке отчимов.

Таблица 2

Иерархия родительских установок в группе отчимов (20 человек).

	Название шкал	Среднее значение в группе n=20
	Сверхавторитет отца	16,8
	Вербализация	16,73
	Опасение обидеть	16,67
	Товарищество	16,6
	Поощрение активности ребенка	16,27
	Подавление воли ребенка	16,2
	Строгость отца	15,93
	Несамостоятельность отца	15,8
	Зависимость от семьи	15,73
0	Жертвенность	15,73
1	Чрезмерная забота	15,2
2	Супружеские конфликты	14,87
3	Зависимость от отца	14,8
4	Раздражительность	14,33
5	Доминирование отца	14,2
6	Партнерство	14,07
7	Навязчивость	13,93
8	Безучастность жены	13,8

9	Подавление агрессивности ребенка	13,07
0	Стремление ускорить развитие	13
1	Подавление сексуальности	12,87
2	Уклонение от конфликта	11,13
3	Неудовлетворенность ролью хозяина	10,73

Сравнение выборочных отцов и отчимов по тесту PARI показало, что существуют значимые различия по таким признакам как «Суровость, излишняя строгость» и «Раздражительность, вспыльчивость». Отчимы в среднем имеют более высокие баллы по этим шкалам, чем отцы, что также свидетельствует о более дистанцированных отношениях со своими приемными детьми. В выборке биологических отцов в большей степени, чем в выборке небологических отцов (отчимов), выражены показатели «эмоциональность коммуникативная», «нейротизм – эмоциональная стабильность», «нетребовательность – требовательность родителя» и «мягкость – строгость родителя».

Сравнение результатов в группах отцов и отчимов по методике ОРИ Плека показало значимые различия по всем шкалам методики (Таблица 3) .

Таблица 3

Результаты по опроснику родительской идентичности Дж. Плека

	О тцы	О тчимы	t- test
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	3 .66	3 .54	2 7.583*
2.Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком	3 .35	3 .14	2 7.359*
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга (и)	3 .36	3 .18	2 8.857*
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца	3 .45	3 .22	6 .304*
5.Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца	3 .18	3 .11	8 .611*
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга(и)	3 .13	3 .10	7 .389*

Отцы и отчимы различаются не только по основным шкалам, определяющим ролевой выбор родителя: шкала родительской идентичности в уходе за ребенком и шкала родительской идентичности в роли кормильца, но и по всем шкалам, определяющим отношение к ролевой позиции супруги в отношении ребенка. Оказывается, что отцы и отчимы различно оценивают родительскую идентичность супруги в уходе за ребенком и в роли кормильца. Возможно, это связано с особенностями ролевой структуры в семьях повторного брака. Кроме того, отчимы и отцы отличаются по параметрам оценки родительской идентичности в глазах супруги. Для отцов эти параметры являются не менее значимыми, чем для отчимов, однако, имеют другую ролевую нагрузку в отношениях к собственному ребенку. И если в норме отношения отца с ребенком строятся в рамках отношений отца с матерью ребенка, опосредованно через эти отношения то в случае неродного ребенка, роль отношений с матерью ребенка становится еще более значимой и нагруженной. Отчим выстраивает отношения с ребенком только потому, что существуют отношения с его матерью, и

качество супружеских отношений определяет контекст и возможность развития детско-родительских.

Согласно данным анкеты, все мужчины, независимо от того, родной ребенок растет в семье или приемный, считают, что достаточно любят детей, недостаточно терпеливы и внимательны к нему. Мужчины считают, что главной родительской функцией является ответственность родителя. При этом принятие родительской роли и родительские функции (забота, руководство развитием ребенка) значительно легче реализуются по отношению к родному ребенку. Образ родного ребенка более позитивен, при взаимодействии с родными детьми отцы более доброжелательны, а к неродному ребенку отчимы относятся более критично и требовательно, большей степени подавляют неродного ребенка. В целом отцы более удовлетворены отношениями с родным ребенком.

Таким образом, полученные эмпирические данные позволяют утверждать, что родительское отношение отчимов отличается от родительского отношения отцов. Все отличия связаны с особенностями семей повторного брака, необходимостью налаживать отношения с ребенком, имеющим свой опыт жизни с родным отцом, часто достаточно взрослым для того, чтобы иметь собственную точку зрения на ситуацию в семье. Отчимы чувствуют себя отцами, признают себя отцами и ведут себя как отцы в значительно меньшей степени, чем это наблюдается по отношению к родному ребенку.

Однако проведенное исследование поставило больше вопросов, чем дало ответов о специфике родительского отношения отчимов. Думается, что дальнейшее исследование данной проблемы требует более широкой выборки, с учетом возраста отчимов и детей, стажа повторного брака, отношений в предыдущем браке матери и наличия параллельных отношений с биологическим отцом у ребенка, наличия собственных детей у отчима, наличия совместных детей в повторном браке. Значимость подобных исследований определяется широким кругом вопросов психологической практики: полученные в исследовании данные помогут выстроить систему работы с семьями повторного брака, а также с диадами «отчим-ребенок» в рамках муниципальных и частных медицинских и семейных психологических центров; могут быть широко использованы в программах профилактики девиантного отцовства.

Список литературы

1. Алексеева Е.Е., Захарченко Е.В. Типы привязанности к отчиму детей в повторном браке родителей //Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов: Юком, 2013. - С. 14-16.
2. Борисенко Ю.В., Белогай К.Н. Специфика формирования отцовства как психологического феномена // Сибирский психологический журнал, 2007. - №26. – С. 102-108
3. Евсеенкова Ю.В., Н.В. Дмитриева Опыт исследования феномена отцовства в рамках групповой работы//Семейная психология и семейная терапия, 2004. - №4. – С 55-69.
4. Шевченко И. О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология, 2011 . – № 2. - С. 186-192.
5. Goldberg W., Edwin T. Tan Kara L. Trends in Academic Attention to Fathers, 1930-2006 // Fathering, Vol. 7, No. 2, Spring 2009, 159-179.
6. Doherty, W. J. Family theories and methods: A contextual approach. [Text] / W. J. Doherty, P. G. Boss, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz // P. G. Boss, W J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz Family theories and methods: A contextual approach. – New York: Plenum Press, 1993.
7. Pleck, J. H. Paternal Involvement Revised Conceptualization and Theoretical Linkages with Child Outcomes. InM. E.Lamb (Ed.), The role of the father in child development (5rd ed), NewYork:Wiley, 2010. - p. 58-93
8. Pleck, J. H., & Hofferth, S. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents // Fathering, 20086, 267–286.
9. Wallerstein, Judith; Lewis, Julia M. Disparate Parenting and Step-Parenting with Siblings in the Post-Divorce Family: Report from a 10-Year Longitudinal Study // Journal of Family Studies Vol. 13, No. 2 , 2007 p. 224-237.

Особенности субъектности женщины-матери

Васягина Н.Н.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

г. Екатеринбург, Россия

vasyagina_n@mail.ru

Аннотация: На основе концепции субъектного становления матери в современном социокультурном пространстве России, автором описаны результаты исследования актуального субъектного состояния (субъектности) женщины–матери. Показано, что наряду с выраженностью отдельных компонентов субъектности у матерей отсутствует целостная и связная выраженность этого свойства, зафиксировано преобладание низкого уровня субъектности, преобладают незрелые типы субъектности.

Ключевые слова: материнство, субъектность, уровень субъектности женщины-матери, типы субъектности.

Кардинальные изменения в российском социокультурном пространстве, модернизация образовательной политики обусловили особую значимость матери в формировании личности ребенка. Являясь первым педагогом, проводником ребенка в мир социокультурной реальности, посредником между ребенком и социокультурным пространством, по силе педагогического воздействия мать имеет преимущество по сравнению с иными субъектами образования, а потому особую актуальность приобретает осознанное материнств (Н.Н. Васягина, Т. В. Леус, С. Ю. Мещерякова, М. Ю. Чибисова, Г. Г. Филиппова и др.), основанное на личностной зрелости (А. С. Спиваковская, Л. Б. Шнейдер), высоком уровне рефлексивности (В. И. Брутман, Ж. В. Завьялова, Ю. И. Шмурак), готовности к активному изменению «мира» и «себя в мире» (Н.Н. Васягина, О. А. Карабанова, В. С. Мухина, Р. В. Овчарова, Т. Н. Счастливая), конструирующей характеристикой личности матери становится мера ее субъектности

(Н.Н. Васягина, 2010). В связи с этим назрела необходимость изучения особенностей субъектного становления матери, осознающей свою миссию, готовой к осуществлению социально значимой воспитательной деятельности, обладающей самостоятельным потенциалом, обеспечивающим ее способность к самоопределению, самопреобразованию, самореализации в материнстве.

Нами разработана концепция субъектного становления матери (Васягина Н.Н., 2013), раскрывающая взаимосвязь ее личностного и деятельностного самоосуществления в современном социокультурном пространстве. Их соотношение выступает фундаментальным условием, обеспечивающим высший уровень организации и синтеза сложно взаимосвязанных в системное целое субъектных характеристик, выявляется субъектность существования матери.

Субъектное становление матери определяется нами как ее самоизменение, определяющее момент перехода к себе как к иному, новому уровню целостности посредством актуализации самостоятельных процессов, потенциал которых обеспечивает освоение матерью своего нового субъектного состояния и задает возможные траектории изменения себя как открытой саморазвивающейся системы и изменения социокультурного пространства. Психологическая сущность субъектного становления матери заключается в том, что оно обусловлено ее самостоятельным (внутренним) потенциалом.

Предпосылки для такого понимания субъектного становления матери созданы в исследованиях, выполненных на основе *системно-эволюционного подхода*, в котором сформулированы принципы бытия и становления человека как субъекта, а также положения о многовариативности изменений субъекта как открытой саморазвивающейся системы (Н.Н. Моисеев, И. Пригожин, В.С. Степин); *субъектно-деятельностного подхода*, где становление субъекта рассматривается как процесс, раскрывающий человеческую природу, установлена связь понимания субъектом мира и себя в мире, раскрыто значение внутреннего потенциала как необходимого условия субъектного становления (А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн); *лично – ориентированного подхода* в котором становление субъекта рассматривается через реализацию собственной активности личности, «самости», способность к творческой

самореализации (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, А.В. Петровский, К. Роджерс, А. Маслоу). Также были учтены положения о самосознании как смыслообразующей составляющей субъектности (Л.И. Анцыферова, Н.Н. Васягина, В.В. Знаков, В.И. Слободчиков и др.); о материнстве как личностном образовании, особой стадии идентификации и развития самосознания женщины (Н.Н. Васягина, В.С. Мухина, Т.Н. Счастливая, Г.Г. Филиппова, М.Ю. Чибисова и др.).

Исходными пунктами для раскрытия субъектности матери являются идеи К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, В.В. Знакова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, согласно которым субъектная природа человека проявляется в его способности изменять окружающий мир и себя вместе с ним, измерять и оценивать последствия этих изменений, а также положения, признающие собственную активность матери, способность сознательно действовать, осуществлять самоопределение, самоидентификацию, саморазвитие как совокупность условий, необходимых в выборе путей реализации индивидуальной активности. Такое понимание позволяет определить *сущность матери-субъекта* через проблемное поле ее самостного потенциала, подчеркивая те аспекты отношения матери к миру, в которых оно, по С.Л. Рубинштейну, раскрывается со стороны своего источника – внутренних условий, как «основания, через которое всегда только и действуют все внешние причины и влияния» (А.В. Брушлинский). В качестве такого внутреннего источника мы обозначаем самосознание матери, исследование которого мы рассматриваем как путь познания психологических аспектов субъектного становления матери современном социокультурном пространстве. Самосознанию принадлежит смыслообразующая роль в процессе построения матерью социокультурного пространства и себя как части этого пространства, осознания ценностно-смысловых оснований материнства, а также при реализации социально значимой воспитательной деятельности.

Идея социокультурной детерминации субъектного становления матери (Vasyagina N.N., 2013) и приоритетности деятельностно-преобразующего способа ее существования позволяет обозначить *рефлексию* и *антиципацию* как составляющие психологического механизма ее субъектного становления. *Суть психологического механизма* субъектного становления матери состоит в том, что он связывает воедино

актуальную и потенциальную педагогические ситуации материнства: рефлексия обуславливает осознание матерью себя в пространстве социокультурной реальности, позволяет отобрать из социокультурного пространства значения и смыслы культуры, а антиципация - построить обобщенный образ себя и диады «Мать - Ребенок» как части мира в будущем, спрогнозировать необходимые самоизменения для достижения целей воспитательной деятельности. *Действие* данного механизма состоит в придании личностного смысла воспринимаемой социокультурной реальности и формировании потенциальностей, порождающих психологические новообразования, посредством которых мать созидает себя, прогнозирует и реализует воспитательную деятельность.

Центральным в концепции является понятие *субъектное становление матери*, которое определяется нами как ее самоизменение, определяющее момент перехода к себе как к иному, новому уровню целостности, достижение высшего уровня личностной зрелости. Актуальное субъектное состояние матери отражает качественное своеобразие субъектности матери в конкретный момент времени, которое отражено в ее самосознании. Исследование самосознания матерей позволило описать общие особенности выявить уровни и типы их субъектности.

В исследовании приняли участие 850 матерей, отобранные методом случайной выборки, проживающие в разных городах России. Все респонденты состоят в браке, имеют собственных детей. 50% женщин имеют высшее образование, 50% - средне-специальное и неоконченное высшее образование. Средний возраст респондентов 31 год.

Согласно плану исследования сначала были изучены *общие особенности самосознания матерей*, раскрывающие их субъектную сущность (%):

– высокий уровень ценности материнства (76,1%), значимость материнской сферы для женщины («материнство – высшее предназначение женщины», «быть матерью – это великое счастье», «смысл моей жизни - моя дочка»);

– низкий рефлексивный опыт материнства, преобладание высказываний «я об этом никогда не задумывалась», «даже не знаю, что и сказать» и т.п. (69,3%);

– слабая дифференциация образа «Я – мать», преобладание обобщенных характеристик: «как все», «нормальная», «обычная» и т.п. (63%);

– наличие ролевого конфликта в сферах мать, жена, профессионал, свободно реализующаяся женщина. При этом наиболее яркая конкуренция наблюдается в семейной и профессиональной сферах (68,8%);

– обобщенный образ «Я – мать» представлен преимущественно совокупностью положительных личностных качеств (73%): добрая, ласковая, благоразумная, практичная, доверчивая, сотрудничающая, прощающая, ответственная (когнитивный компонент); счастливая, любящая, жалостливая, одобряющая, принимающая, взрывная (эмоциональный компонент); воспитывающая, обучающая, одобряющая, поддерживающая, помогающая, командующая (поведенческий компонент);

– рассогласование образов «Я – мать» – «Идеальная мать» (69,6%). Незначительное совпадение данных образов проявляется в качествах ответственная, любящая, ласковая, воспитывающая, помогающая ребенку. Прочие качества идеальной матери находятся в зоне конфронтации с образом «Я – мать», порождая множество конфликтов: когнитивные («не все знаю», в то время как идеальная мать «должна знать все»; «не всегда понимаю своего ребенка», тогда как идеальная мать «всегда понимает»; «не всегда знаю, как повлиять на ребенка», в то время как идеальная мать «всегда может оказать влияние» на него); регулятивные («не всегда справедлива», идеальная мать, «всегда справедлива по отношению к ребенку»; «не всегда терпелива», тогда как идеальная мать «всегда терпелива»; «кричу на ребенка», тогда как идеальная мать «говорит спокойно»; «раздражена», идеальная мать «всегда уравновешена»; «уставшая», идеальную мать видит «отдохнувшей»); личностные (связаны с неприятием своих качеств: отмечают свою слабость, неблагоразумность, непрактичность, в то время как идеальная мать должна быть сильной, благоразумной, практичной);

– доминирование ситуативного избирательного отношения к себе (44,5%). Самоотношение матерей определяется конкретной ситуацией: в стабильных привычных ситуациях отношение к себе позитивное: женщины уверены в себе, ориентированы на успех, а в нестандартных ситуациях возникает беспокойство, тревожность, уверенность в себе снижается, актуализируются механизмы психологической защиты;

– незрелость материнской позиции, которая проявляется в эмоциональной значимости ребенка для матери, с одной стороны, и неумении открыто выражать свои переживания по поводу взаимодействия с ним, с другой стороны (75,6%);

– отсутствие перспективы будущего, потребности и готовности самоисследования и самоанализа (92,4%).

Обнаруженные особенности свидетельствуют о противоречивом, конфликтном характере осознания респондентами себя как матери.

Аналогичную картину мы получаем и при исследовании *уровней субъектности матерей*: преобладающим в выборке является *низкий уровень субъектности* (63,12% от общего числа респондентов), который характеризуется недостаточной дифференцированностью образа «Я-мать», что не позволяет респондентам понять сложность и многообразие своего внутреннего мира, лишает возможности гибко реагировать на происходящие события, блокирует возможности познания мира, сравнения себя с ним и, как следствие, изменение мира и себя; закрытостью по отношению к новому опыту, стремлением «сохранить все как есть»; отсутствием в образе «Я-мать» необходимого разнообразия характеристик отражающих собственную позицию матери; непринятием роли матери и как следствие обесценивание себя в роли матери; недостаточной воспитательной компетентностью; не сформированностью воспитательных навыков и умений, позволяющих принимать эффективные решения при реализации воспитательной деятельности; отсутствием навыков самопроектирования будущего; отсутствием осознания посреднической функции между ребенком и обществом.

Наряду с общими особенностями, на основе комбинации элементов самосознания были выделены *типы субъектности матерей*. На данном этапе исследования статистическая обработка результатов осуществлялась на основе кластерного и факторного анализа. Сначала ко всему массиву исходных данных применялся кластерный анализ (метод Уорда), позволяющий разделить выборку на качественно однородные группы. Исходные переменные респондентов каждой группы по единой методической процедуре, для выявления и объяснения взаимосвязей между ними подверглись факторному анализу (метод главных компонент, вращения Varimax). На

основании критериев Кетелла и Кайзера в каждой группе были выделены факторы, рассмотренные как причины совместной изменчивости входящих в них переменных, что позволило выделить и описать факторную структуру типов субъектности матерей. Поскольку согласно теоретическому обоснованию нашей концепции типологические особенности субъектности обусловлены степенью овладения матерью единым механизмом рефлексии и антиципации, образовавшиеся в результате статистической обработки данных типы были проанализированы экспертами (n=15) на предмет их дифференциации по принципу сформированности психологического механизма субъектного становления матери. Проверка согласованности экспертных оценок осуществлялась с помощью критерия Альфа Кронбаха ($\alpha=0,76$). Получившиеся в результате типы представлены в таблицах 1-4.

При несформированных механизмах рефлексии и антиципации были выделены два типа субъектности матерей: субъектно-жертвенные и субъектно-противоречивые (Таб.1).

Таблица 1

Факторная структура типов субъектности матерей при несформированных механизмах рефлексии и антиципации

Основания анализа	Типы субъектности матерей			
	<i>Субъектно-жертвенные матери</i> (19% от выборки)		<i>Субъектно-противоречивые матери</i> (15,5% от выборки)	
Номер фактора	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)
1	Отсутствие сотрудничества - самолюбование	18,7	Эмоциональная холодность во взаимодействии с	18,9

			ребенком саморуководство	–
2	Саморуководство	14,7	Формирование зависимости активности	развитие 8
3	Склонность к идентификации	13,2	Отвергающее к ребенку	отношение 5
4	Отвержение роли матери	11,2	Удовлетворенность отношениями с ребенком	8
5	Стремление к доминированию	10,2	Самопринятие – принятие ребенка	6
6	Игнорирование эмоций ребенка	8,96	Самоценность – развитие ребенка	9,92
7	Инфантилизация ребенка	7,65	Непоследовательность – когнитивная сложность	6,64
8	Излишняя строгость	6,31	Несамостоятельность – вмешательство во внутренний мир ребенка	6,61
9	Самопринятие	4,88	-	-
<i>Общий % от всех дисперсий</i>		95,9	<i>Общий % от всех дисперсий</i>	
				100

Субъектно-жертвенные матери характеризуются отвергающим с явлениями инфантилизма стилем взаимодействия с ребенком. Низко оценивают индивидуально-личностные особенности ребенка, приписывают ему социально не одобряемые черты и наклонности. Высоко ценят и принимают себя во всей полноте своих проявлений, ожидая признания окружающих. Конфликтные ситуации и неудачи не являются основанием для самосовершенствования. Несмотря на общий положительный фон самовосприятия, негативно относятся к материнским функциям, ощущают самопожертвование в роли матери.

Субъектно-противоречивые матери непоследовательны и непостоянны при реализации воспитательной деятельности, что проявляется в эмоциональной холодности, отвержении ребенка, с одной стороны, и удовлетворенности отношениями с ребенком, его принятием – с другой; в одних ситуациях матери стремятся развить активность ребенка, в других – инфантилизируют его. Характеризуются позитивным самоотношением и самопринятием, ощущают ценность собственной личности и силу «Я». Супруга воспринимают как безучастного, не включенного в дела семьи.

При преобладании механизма рефлексии также выделены два типа субъектности матерей (таб.2): *субъектно-нормативные* и *субъектно-неуверенные*.

Таблица 2

Факторная структура типов субъектности матерей с преобладанием механизма рефлексии

Основания анализа	Типы субъектности матерей			
	<i>Субъектно-нормативные матери</i> (17,2% от выборки)		<i>Субъектно-неуверенные матери</i> (15,5% от выборки)	
Номер фактора	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)
1	Недовольство – контроль	20,78	Противоречивость матери	20,98
2	Зависимость матери	16,47	Личностная незрелость	19,66
3	Принятие ребенка	14,55	Ригидность Я - концепции	14,55
4	Понимание ребенка	11,8	Безучастность мужа –	12,7

			забота о ребенке	7
5	Конфликтность	9,74	Умение воздействовать на состояние ребенка	11,3 8
6	Выполнение обязанностей	8,44	Принятие ребенка - самообвинение	8,65
7	Самоценность	6,97	Амбивалентная самооценка – партнерские отношения	7,01
8	Эмоциональная близость с ребенком – отрицание вины	5,87	Отрицание своей вины в болезни ребенка	5,03
<i>Общий % от всех дисперсий</i>		<i>94,6</i> <i>6</i>	<i>Общий % от всех дисперсий</i>	<i>100</i>

Субъектно-нормативные матери привержены социальным нормам и ценностям. Отношения с ребенком характеризуются теплотой, пониманием, принятием, близостью и руководством. Уверены в себе, ощущают ценность собственной личности, однако неразрешенные внутриличностные конфликты не позволяют им чувствовать себя счастливыми. Не удовлетворены жизнью, но не предпринимают усилий для того, чтобы что-либо изменить: недовольны ролью хозяйки дома, но продолжают выполнять свои функции; недовольны позицией мужа, но не идут на конфронтацию с ним. При этом не склонны к самообвинению, ответственность за неудачи переносят на окружающих.

Субъектно-неуверенные матери характеризуются противоречивостью субъектной позиции. В них сочетаются ригидная «Я – концепция» и склонность к самокопанию; неуверенность в себе и притязания на достижения; положительное самоотношение в целом и противоречивое в роли матери; стабильность, последовательность при реализации воспитательной деятельности, принятие ребенка и негативные чувства, возникающие в процессе взаимодействия с ним. Таким образом, матери, вошедшие в данную группу, отличаются значительной напряженностью и конфликтностью

самосознания. Факторная структура типов субъектности матерей с преобладанием механизма антиципации представлена в Таблице 3.

Таблица 3

Факторная структура типов субъектности матерей с преобладанием
механизма антиципации

Основания анализа	Типы субъектности матерей			
	<i>Субъектно-деятельные матери</i> (13,8% от выборки)		<i>Субъектно-благополучные матери</i> (7% от выборки)	
Номер фактора	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)
1	Доминирование и контроль	26,23	Субъективное благополучие	30,57
2	Амбивалентность чувств	20,64	Субъективно высокая самооценка	24,91
3	Стремление к самосовершенствованию	15,14	Представление о несчастной матери, которой не буду никогда	23,14
4	Саморуководство	12,21	Потребность быть идеалом для ребенка	21,35
5	Воспитательная деятельность	11,23	-	-
6	Материнско-детские взаимоотношения	8,01	-	-
7	Самопринятие	5,24	-	-
<i>Общий % от всех дисперсий</i>		98,74	<i>Общий % от всех дисперсий</i>	99,98

Субъектно-деятельные матери самокритичны, рациональны, принимают ответственность за себя и свои поступки, обладают положительным самоотношением, стремятся к саморазвитию и самосовершенствованию. Ярко проявляется тенденция к доминированию и стремление контролировать все сферы жизни. Супруг воспринимается как безучастный, а его влияние на дела семьи обесценивается. Обладают четко сформулированной воспитательной позицией, устанавливая отношения зависимости с ребенком, стремятся быть непререкаемым авторитетом для него. Отсутствие рефлексивного анализа и ориентации на состояния и потребности ребенка порождает множество конфликтов при реализации воспитательной деятельности.

Субъектно-благополучные матери характеризуются переживанием субъективного благополучия и отсутствием критичности в оценке отношений с собой, с ребенком, с супругом, с окружающими. Обладая ригидностью образа «Я – мать», стремятся сохранить в неизменном виде свои качества, требования к себе, а главное – видение и оценку себя. Ощущение самодостаточности и достижения идеала мешает реализации возможности саморазвития и самосовершенствования. Имеют ярко выраженные позитивные самоотношение и отраженное отношение, не склонны к самообвинению. Ощущение удовлетворенности собой сочетается с порицанием других, приписыванием им ответственности за неудачи. Принимают и одобряют ребенка, но требуют от него социальных успехов. Стремятся быть непререкаемым авторитетом, пытаются исключить все, что может помешать ребенку воспринимать мать как идеальную. Всеми силами поддерживают образ благополучия и удовлетворенности. Все, что может угрожать самооценке, отвергается и не принимается. Факторная структура субъектности матерей при сформированных механизмах рефлексии и антиципации отражена в Таблице 4.

Таблица 4

Факторная структура субъектности матери при сформированных механизмах рефлексии и антиципации

Основания анализа	Тип субъектности матерей
	<i>Субъектно-зрелые матери</i> (12 % от выборки)

Номер фактора	Название фактора	Доля объяснимой дисперсии (%)
1	Принятие роли матери – принятие ребенка	22,4 7
2	Жизненная позиция – воспитательная позиция	18,2
3	Кооперация с ребенком	21,1 4
4	Эмоциональная близость – рефлексия	17,5 2
5	Эмоциональное сопровождение процесса взаимодействия с ребенком	11,9
6	Адаптивность	8,73
<i>Общий % от всех дисперсий</i>		<i>100</i>

Субъектно-зрелые матери уверены в себе, принимают себя. Обладая развитой рефлексией и способностью к антиципации, достаточно критично относятся к себе. Конфликт между реальным и идеальным «Я» является стимулом для саморазвития и самосовершенствования. Принимают роль матери и хозяйки дома и удовлетворены ей. Характеризуются гармонией в отношениях с собой, с ребенком, с супругом, с другими людьми. Безусловно принимают ребенка во всей полноте его проявлений, не стремятся ускорить его развитие или инфантилизировать. Отношения с ребенком характеризуются эмоциональной близостью и доверием.

Исследование особенностей субъектного становления женщины-матери, представленное в настоящей работе показывает, что наряду с выраженностью отдельных компонентов субъектности, у них отсутствует целостная и связанная выраженность этого свойства, в самосознании выявлены существенные деформации, препятствующие субъектному становлению, несформирован психологический механизм субъектного

становления матери, что предопределяет преобладание низкого уровня и незрелых типов субъектности матерей. Полученные данные свидетельствуют о необходимости реализации системы психолого-педагогического сопровождения, способной объективировать значимые составляющие субъектного становления женщины-матери.

Список литературы

1. Васягина, Н.Н. Диагностика и коррекция самосознания матери : учеб. Пособие (Гриф УМО по педагогическому образованию) / Н.Н. Васягина, Е.Н. Рыбакова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010.
2. Васягина, Н.Н. Мать как субъект социокультурного пространства : монография / Н.Н. Васягина; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 21,2 п.л.
3. Васягина, Н. Н. Социокультурная детерминация материнства (статья) / Н.Н. Васягина // Актуальные проблемы психологии личности : сб. науч. трудов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013.
4. Васягина, Н. Н. Специфика и условия эффективности воспитательной деятельности родителей / Н.Н. Васягина // Педагогическое образование в России. – 2013. – №2.
5. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст] : монография / Н. Н. Васягина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 309 с.
6. Васягина, Н.Н. Теоретико-методологические основания субъектного становления матери в социокультурном пространстве / Н.Н. Васягина // Мир науки культуры и образования. – 2010. – №4. – 0,8 п.л.
7. Vasyagina, N. N. The influence of contemporary social and cultural space of Russia on the value-semantic content of motherhood [Текст] / N. N. Vasyagina // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – №2.

**Субъектное становление женщины-матери:
основные концептуальные положения**

Васягина Н.Н.

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

г. Екатеринбург, Россия

vasyagina_n@mail.ru

Кардинальные изменения в российском социокультурном пространстве, модернизация образовательной политики обусловили особую значимость матери в формировании личности ребенка. Являясь первым педагогом, проводником ребенка в мир социокультурной реальности, посредником между ребенком и социокультурным пространством, по силе педагогического воздействия мать имеет преимущество по сравнению с иными субъектами образования. В связи с этим особую актуальность приобретает осознанное материнство, требующее от матери большей зрелости, готовности к самореализации, личностному развитию, активному изменению «мира» и «себя в мире», а конструирующей характеристикой личности матери становится мера ее субъектности.

Нами разработана концепция субъектного становления матери (Н.Н. Васягина), раскрывающая взаимосвязь личностного и деятельностного самоосуществления женщины-матери в современном социокультурном пространстве, соотношение которых выступает фундаментальным условием, обеспечивающим высший уровень организации и синтеза сложно взаимосвязанных в системное целое субъектных характеристик матери.

Субъектное становление матери определяется нами как ее *самоизменение*, определяющее момент перехода к себе как к иному, новому уровню целостности посредством актуализации самостных процессов, потенциал которых обеспечивает освоение матерью своего нового субъектного состояния и задает возможные траектории изменения себя как открытой саморазвивающейся системы и изменения социокультурного пространства.

Предпосылки для такого понимания субъектного становления матери созданы в исследованиях, выполненных на основе *системно-эволюционного, субъектно-деятельностного* и *личностно-ориентированного подходов*. Учет ключевых моментов обозначенных подходов послужил ориентиром и при создании обобщенной модели субъектного становления матери в социокультурном пространстве.

В основу модели заложена идея взаимосвязи и взаимообусловленности меняющихся бытия и самой матери, включенной в бытийствование как активный преобразующий фактор, а также выполнение матерью социально значимой воспитательной деятельности, при реализации которой наиболее отчетливо проявляется ее субъектность. Разделяя позицию Е. Г. Зинкова, С. В. Панченко, Л. Л. Редько, Р. М. Чумичевой и др., в качестве целостной характеристики бытия российской матери мы рассматриваем современное социокультурное пространство России, представленное формой существования культуры в единстве ее материально-вещественных и духовно-смысловых результатов и образцов, сложившимися в настоящий момент культурными смыслами различных видов деятельности и отношений людей. Являясь сложноорганизованной и неоднородной системой, социокультурное пространство представлено непрерывным взаимодействием и взаимообусловливанием его *общественной и индивидуальной* плоскостей.

Социокультурное пространство общества включает макро- (государственное, этническое, региональное и т.п.) и микро- (семейное, материнско-детское) уровни, на каждом из которых закреплены более или менее обобщенные представления о матери, ее предназначении и роли в воспитании ребенка, выраженные в ценностно-смысловом наполнении материнства как психолого-педагогического явления современного социокультурного пространства. Обращение к общекультурным смыслам и ценностям создает условие для рождения новых индивидуально-смысловых структур матери, закрепленных в ее *индивидуальном социокультурном пространстве* - сложившемся на данный момент образе мира, определяющим для матери значение и смысл восприятия, понимания и преобразования социокультурной реальности.

Принципиальное значение для нашей концепции имеет позиция, согласно которой активная деятельность субъекта является условием, благодаря которому тот или иной

фрагмент объективной реальности выступает как объект, данный субъекту в форме деятельности (В. А. Лекторский). Поскольку главной функцией социокультурного пространства является воспитание (Н. Б. Крылова, Б. В. Савченко), а в мировоззрении мирового социокультурного пространства сущность матери выражается через реализацию воспитательных функций (И. Кант, В. А. Рамих, А. Белый, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов и др.), становление матери как субъекта социокультурного пространства возможно только при условии реализации ею *воспитательной деятельности*, сущностный смысл которой заключен в «преобразовательной активности», направленной на формирование у ребенка «смысловых образований», где как бы «записаны эффекты воспитательного воздействия», «вклады» (В. А. Петровский) матери.

Для отражения сути субъектного становления матери важно охарактеризовать *актуальное состояние, отражающее субъектную сущность матери* в конкретный момент времени. В связи с этим возникает необходимость обоснования критериев, позволяющих утверждать, что мы имеем дело с матерью-субъектом. Заметим, что атрибутивные характеристики субъекта, описанные в литературе, отличаются значительной вариативностью, однако проведенный анализ позволяет утверждать, что субъектное становление матери начинается с различения в себе некоторой внутренней инстанции, которая распоряжается всем наличием личностных потенциалов. Опираясь на работы, раскрывающие сущность субъекта через активно-преобразующую функцию личности (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Л. И. Божович, А. В. Петровский, В. Э. Чудновский и др.), и исследования самосознания личности как смыслообразующей основы субъектности (В. В. Знаков, Ю. В. Слюсарев, В. В. Столин и др.), в качестве такой инстанции мы обозначаем *самосознание матери, исследование которого мы рассматриваем как путь познания психологических аспектов субъектного становления матери в современном социокультурном пространстве*. В свете высказанного замечания критериями субъектности матери будут являться результирующие характеристики ее самосознания.

Рассматривая процессуальные характеристики становления матери как субъекта, следует подчеркнуть, что субъектное становление матери происходит в проблемных ситуациях, где заостряются противоречия между той или иной плоскостью

социокультурного пространства, необходимостью реализации воспитательной деятельности и возможностями матери. Такие ситуации являются своего рода точками бифуркации, характеризуются состоянием неудовлетворенности ролью матери, собой, ребенком и т.п. и сопровождаются бессознательным или сознательным поиском путей преодоления психологического дискомфорта, совладание с которым открывает перед матерью новые вариативные траектории самоизменения. В первом случае срабатывают механизмы психологической защиты, которые блокируют процесс субъектного становления матери, во втором особую значимость приобретает самосознание как основа целостного субъектного становления матери.

Идея детерминации субъектного становления матери общественной и индивидуальной плоскостями социокультурного пространства и приоритетности деятельностно-преобразующего способа ее существования позволяет обозначить рефлексию и антиципацию как составляющие психологического механизма субъектного становления матери. Суть психологического механизма субъектного становления матери состоит в том, что рефлексия обуславливает осознание матерью себя в пространстве социокультурной реальности, позволяет отобрать из социокультурного пространства значения и смыслы культуры, а антиципация - построить обобщенный образ себя и диады «Мать - Ребенок» как части мира в будущем, спрогнозировать необходимые самоизменения для достижения целей воспитательной деятельности. Действие механизма состоит, во-первых, в придании личностного смысла воспринимаемой социокультурной реальности, в построении матерью индивидуального социокультурного пространства и себя как части этого пространства; во-вторых, в актуализации самостных процессов, посредством которых мать созидает себя, достигает высшего уровня личностной зрелости; в-третьих, обеспечивает матери выход на уровень устойчивой самореализации посредством изменения себя, и, как следствие, ребенка и социокультурного пространства в целом.

Таким образом, субъектное становление матери осуществляется посредством преодоления границ «Я», когда мать, всматриваясь «в себя», попадает в режим особого взаимодействия – духовно-личностный, оказываясь в пространстве «между», на границах «Я» - «не Я», что связано с усилением рефлексивного действия, осмыслением оценок,

основанном на антиципации выбором. Субъектное становление обеспечивает определенный «разбег самости» матери по вектору «конечное – бесконечное»; переход от реальной формы (достигнутой формы культуры) к идеальной; предстает как конкретная мера связи всеобщего и особенного, условие преобразования социокультурного пространства, в которое женщина-мать включена как его активная сторона.

Список литературы

1. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст] : монография / Н. Н. Васягина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 309 с.
2. Васягина, Н. Н. Социокультурная детерминация материнства (статья) / Н.Н. Васягина // Актуальные проблемы психологии личности : сб. науч. трудов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013.
3. Vasyagina, N. N. The influence of contemporary social and cultural space of Russia on the value-semantic content of motherhood [Текст] / N. N. Vasyagina // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – № 2.

Перспективы изучения родительской позиции

Горлова Е.Л.

Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, г. Москва, Россия

el_gorlova@mail.ru

В статье обсуждаются сложности формирования родительской позиции в современной семье и перспективы ее исследования. Родительская позиция рассматривается как формирование в семье согласованного матерью и отцом образа

развития ребенка (в системе существующих дискурсов и пространстве потребностей ребенка).

Ключевые слова: родительская позиция, потребности развития.

Внимание исследователей к проблеме становления родительской позиции неслучаен. Во-первых, вместе с трансформацией семьи, как целостности, меняется и одна из составляющих семейного института – институт родительства. Например, при сохранении большого спектра традиционных функций семьи, связанных с удовлетворением потребностей ее членов, меняется их иерархия. Так, несмотря на значимость рождения и воспитания детей, все же на главенствующее место в идеально-нормативном образе семьи выходит психотерапевтическая функция – эмоционально-психологической супружеской взаимоподдержки. Патриархальное устройство меняется на эгалитарное, а на смену расширенной многопоколенной семье приходит нуклеарная, состоящая, либо из супружеской пары (с детьми или без), либо из родителя с ребенком. Эта тенденция связана с нарушениями преемственной передачи опыта воспитания от старшего поколения младшему.

Во-вторых, противоречие между релятивистской системой отношений и ценностей в обществе и жесткой системой оценок родительской «дееспособности» со стороны образовательных учреждений приводит к рассогласованному поведению родителей по отношению к тому или иному поведению ребенка. Например, один из родителей строит свое взаимодействие с опорой на максимальное удовлетворение потребностей ребенка (детоцентристский паттерн), а другой направлен на поддержание нормосообразного, социально-одобряемого поведения ребенка (патриархальный взгляд). Воспитание ребенка – становится плацдармом для войны разных конкурирующих в обществе идей, разделяемых матерью и отцом. Довольно часто эти же споры происходят не между родителями, а внутри, в диалоге родителя с самим собой, когда мать или отец пробуют совместить несколько взаимоисключающих альтернативных ценностей, демонстрируя непоследовательное поведение, переживая тревогу в ситуации выбора своей реакции на то или иное содержание деятельности и общения ребенка, испытывая чувство вины и собственной несостоятельности.

В-третьих, в обществе сохраняется тенденция предъявлять требования к семье как институту первичной социализации, но не помогать ей в родительском самоопределении. Обучение родительству все еще воспринимается как нонсенс, довольно часто видится в негативном ключе и связывается с родительской некомпетентностью, где при отсутствии помощи семье окончательной оценкой обществом родительского краха становится лишение родительских прав. Родительская самооценка – позднее образование молодости и зрелости человека, подвержена влиянию внешних оценок особенно сильно. При этом уровень притязаний родителя связан в первую очередь не с саморазвитием, а с достижениями, успехами ребенка. Такое опосредование родительской самооценки (через качество социализации ребенка) держит родителей в заложниках все новых и новых требований к развитию ребенка.

В-четвертых, само содержание развития ребенка сегодня не имеет однозначных систем координат, и родитель сталкивается в информационном пространстве со значительным количеством и качеством описаний нормативных портретов ребенка в том или ином возрасте. Вместо естественной среды общения и совместной деятельности со своим ребенком родитель начинает сличать его способности и способности, умелости и дефициты с неким среднестатистическим представителем данного возраста, привлекает для усиленного развития множество специалистов, заменяя свое общение с ребенком искусственно созданной средой в виде специальных развивающих предметов, занятий и т.д. Вместе с тем, следует отметить, что на другом полюсе находятся семьи, неудовлетворяющие витальные потребности ребенка, не говоря о его потребностях в нормальном развитии.

Описанные тенденции обсуждаются не только на страницах СМИ, в научных работах экспертов, но и в интернет-сообществах, как специалистов, так и родителей. Просвещение родителей – одна из ведущих задач создания таких сообществ в интернет-среде.

Наш анализ показал, что современные исследования родительской позиции могут быть разделены на два типа – оценочно-контролирующие и обучающе-развивающие, а имеющиеся описания сферы родительства носят феноменологический характер и

терминологически релятивны, изменчивы. Границы использования терминов и понятий диффузные.

Вместе с тем, наиболее частый вариант связан с отождествлением родительской с отцовской и материнской позициями, хотя, конечно, с выявлением в эмпирических исследованиях различий материнства и отцовства. В нашей работе мы рассматриваем родительскую позицию как вектор, «результатирующую силу» образующуюся в процессе согласования отцовского и материнского взглядов на развитие ребенка, их ожиданий, оценок того или иного конкретно-свободного поведения ребенка. На наш взгляд, родительская позиция – это общая позиция, складывающаяся у отца с матерью в определенном пространстве дискурсов, сосуществующая с их индивидуальными (материнской и отцовской) позициями.

Итак, в данном контексте родительская позиция – это не данность, обусловленная рождением ребенка в семье, а формирующийся на пересечении отцовской и материнской позиций с потребностями ребенка согласованный образ его развития в конкретных обстоятельствах жизни семьи. Это путь обретения семьей способа соотнесения важного и несущественного в развитии и поведении, женского и мужского, общественного и личного, детского и взрослого миров. Это семейно-общественный полилог, в котором сегодня наиболее отчетливо и претенциозно звучит голос общественных институтов, научного сообщества, на другом полюсе есть голос ребенка с его ситуативностью и ведущими направлениями свободного движения. В семье именно мать и отец исследуют и соотносят эти голоса, объединяют их в «звучание» общей родительской позиции. На наш взгляд при таком понимании родительской позиции открываются новые возможности ее эмпирического изучения и построения помогающих ресурсов семье с ребенком.

**Познание матерью индивидуальности ребенка
в зависимости от характеристик семейной среды**

Жданова С.Ю., Аликина Е.Л.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия*

svetlanaur@gmail.com, alikinart@yandex.ru

Аннотация: Представлены результаты исследования особенностей познания матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды. Показано, что влияние факторов семейной среды на познание матерью индивидуальности ребенка неравнозначно.

Ключевые слова: познание матерью индивидуальности ребенка, общесемейная, индивидуальная среда, дискриминантный, дисперсионный анализ, взаимодействие факторов.

Семья на всех этапах жизни человека – один из важнейших компонентов в микросоциуме (Людкина Т.В., 2003). Однако в последнее время, специалисты по проблемам семьи отмечают трансформации семейных отношений, которые вызваны изменениями во всех сферах общественной жизни, произошедшими за последние два десятилетия в России. Современные родители испытывают огромные затруднения в процессе воспитания ребенка. Новые научные подходы, рекомендации, программы в сфере родительства, материнства, отцовства крайне востребованы обществом.

Актуальным научным направлением является исследование специфики материнства в русле субъектной парадигмы, которое позволяет изучать данный феномен «как психологическое явление высокой степени сложности, раскрывающее связь личностного и деятельностного самоосуществления женщины-матери в социокультурном пространстве» (Васягина Н.Н., 2013). Более полно и всесторонне раскрыть феномен материнства позволяет обращение к изучению особенностей материнства через аспект познания ею индивидуальности ребенка.

Как отмечал А.В. Брушлинский, взаимодействуя с миром, субъект проявляет активность, одной из форм которой является познание (Брушлинский А.В., 1994). Проблема познания всегда интерсубъективна, то есть предполагает диалог, общение с другим (Бахтин М.М., 1979; Брудный А.А., 2006), понимание другого (Ахиезер А.С., 2001; Бодалев А.А., 2001; Таганова А.А., 2004; Юшачкова Т.Б., 2006; Петровский В.А., 2010; Знаков В.В., 2011). Однако, как отмечают ряд авторов (Кохановский В.П., 2005, Лекторский В.А., 2001), познание другого и понимание другого не отождествляются. Познание помимо процесса понимания включает в себя процесс интерпретации (объяснения). Обе составляющие и понимание, и интерпретация – в соответствии с субъектным подходом, где не всегда законы рациональности имеют силу, оказывают значительное влияние на результаты познания. (Сергиенко Е.А., 2011).

«В основе понимания мира лежит процесс ментализации событий и их моделирование» (там же). Тогда как интерпретация может быть раскрыта через анализ механизмов, воздействующих на процесс познания (Кохановский В.П., 2005).

Как отмечают Н.К. Радина, А.В. Поршнева (2014) для эмпирического психологического исследования наибольшую операциональность несет определение понимания как «набрасывания смыслов» (М. Хайдеггер), а также определение понимания как структуры коммуникации, задающей интерсубъективную значимость познания (Ю. Хабермас). Соответственно в ситуации эмпирического психологического исследования с практическим использованием герменевтических инструментов актуальным является вопрос о категориальной матрице интерпретации. В качестве актуального ответа может служить обращение к генерации новых идей на стыке научных направлений. Одна из них – методология исследования индивидуальности с позиции субъекта (Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 1997).

Идея заключается в том, что познавая, субъект обязательно направляет свое познание, как на собственную индивидуальность, так и на индивидуальность окружающих его людей. Таким образом, синтез двух научных направлений открывает новое исследовательское поле – познание индивидуальности с позиции субъекта её познающего, позволяя получать рефлексивное знание об индивидуальности (Жданова С.Ю., 2005).

Исследования, проводимые по данной проблеме (Жданова С.Ю., 2005; Зарипова Л.З., 2013) показывают, что на процесс познания влияют особенности познающего субъекта: индивидуальные различия, профессиональная направленность, позиции познающего субъекта. Соответственно, результат познания индивидуальности субъектом будет значительно отличаться в зависимости от сопутствующих факторов.

В контексте проблемы познания другого, особый интерес представляет изучение особенностей познания матерью индивидуальности ребенка. Мать как самостоятельный субъект (Филиппова Г.Г., 2002; Васягина Н.Н. 2013) обладает статусом Значимого Другого (Петровский А.В., 1991). Процесс познания матерью индивидуальности ребенка происходит в специфической семейной среде. Влияние семейной среды неоднородно: ряд факторов, которые отражают непосредственное прямое взаимодействие матери и ребенка (количество детей в семье, порядковая позиция ребенка в семье) образуют индивидуальную среду, факторы, влияние которых проявляется одинаково во взаимодействии со всеми членами семьи (уровень образования, возраст матери, состава семьи) образуют общесемейную среду (Равич-Щербо И.В., 2000; Силина Е.А., Баландина Л.Л., 2005; Корниенко Д.С., 2011).

Своеобразие познания матерью индивидуальности ребенка (присущий ей статус Значимого Другого, влияние семейной среды) проявляется в специфическом осмыслении индивидуальных особенностей ребенка, которое формируется под действием присущих данному субъекту механизмов познания: идентификации (Мухина В.С., 2006), прототипизации (Янчук В.А., 2009), социального сравнения (Бескова Т.В., 2013), рефлексии и антиципации (Знаков В.В., 2003; Васягина Н.Н., 2013), эмоциональной индикации (Филиппова Г.Г., 2002), трансформации психического образа (Леонтьев Д.А., 2003). Соответственно, результаты познания матерью индивидуальности ребенка будут зависеть от особенностей самого субъекта, факторов семейной среды и влиять на взаимодействие матери и ребенка.

Таким образом, актуальность в плане изучения данной проблемы, приобретают вопросы о том, как осуществляется познание матерью индивидуальности ребенка, какие характеристики индивидуальности ребенка оказываются вовлеченными в процесс познания и являются для матери значимыми, как зависит познание матерью

индивидуальности ребенка от факторов семейной среды количества детей в семье, порядковой позиции, уровня образования, возраста матери, состава семьи. Ответы на эти вопросы помогут выявить как общие закономерности в познании индивидуальности. Значимым Другим, так и специфические особенности в познании матерями индивидуальности детей в зависимости от видов семейной среды (индивидуальная, общесемейная).

Организация исследования. Исследование, проводилось в период с 2008 по 2011 г. на базе муниципального образовательного учреждения Усть-Качкинская средняя общеобразовательная школа. Общее количество обследованных составило 132 человека. Основным критерием деления на группы явилось количество детей в семье.

Первую группу составили женщины, имеющие одного ребенка (44 человека), вторую группу – женщины, имеющие двоих детей (48 человек), третья группа была представлена женщинами (40 человек), имеющими троих и более детей. Выборка была уравновешена по поло-возрастному составу детей.

В качестве методик, направленных на изучение познания матерью индивидуальности ребенка были выбраны метод свободного описания (Laljee M., Angelova R., 1995), метод направленного ассоциативного эксперимента (Серкин В.П., 2004), метод рисунка (А. Л. Венгер, 2005), метод Q-сортировки (В. Стеффонсона, 1958), анкетирование респондентов.

Выбранные методы образуют необходимый каркас исследования и отражают различные формы познания субъекта: невербальная форма познания (метод рисунка), нерелексивная вербальная форма познания (направленный ассоциативный эксперимент), релексивная вербальная форма познания (метод свободного описания М. Лалджи и стандартизированный метод изучения особенностей познания (метод Q-сортировки). Соответствующий выбор методик позволяет наиболее комплексно исследовать особенности познания матерями индивидуальности ребенка/детей и изучить эксплицитные и имплицитные знания респондентов об индивидуальности детей.

В ходе исследования было получено и подвергнуто анализу более 200 текстовых описаний матерями индивидуальности детей, около 600 ассоциаций, более 250 рисунков. В основу категориальной матрицы интерпретации была положена

категориальная сетка (Жданова С.Ю., 2005), в которой категории контент-анализа выделены в соответствии с целостным представлением об индивидуальности, пониманием индивидуальности в широком смысле слова, рассмотрением её как динамической системы, выражающей индивидуальный характер взаимосвязей всех свойств человека (Мерлин В.С., 1986; Вяткин Б.А. 2000), с включением в данную структуру характеристик индивидуальных свойств индивидуальности на основе подхода Б.Г. Ананьева, 1968, а также интеллектуальных особенностей в соответствии с М.Р. Щукина 1995 и др.).

На основании результатов сравнительного анализа данных, полученных при проведении метода свободного описания, метода направленного ассоциативного эксперимента и метода рисунка были установлены общие тенденции и специфические особенности познания матерью индивидуальности ребенка.

Общие тенденции проявляются в том, что наибольший удельный вес в структуре познания матерью индивидуальности ребенка занимают характеристики, отражающие психологические особенности ребенка (характер (85%), интересы (64%), темперамент (37%), мотивационную сферу (33%)), особенности общения (80%), а также социальные роли (75%). В меньшей степени при познании детской индивидуальности матери обращают внимание на особенности индивидуальных характеристик ребенка (внешность (10%), пол (28%), возраст (24%)), особенности общения между сиблингами (21%), обращение к имени ребенка (28%) и обращение к особенностям учебной деятельности (24%). Наличие в структуре индивидуальности ребенка категории, указывающей его имя, можно интерпретировать как проявление действия механизма идентификации (фиксация отличительных особенностей и содержательных характеристик, полученных в индивидуальном опыте).

Результаты, полученные с помощью метода свободных ассоциаций, подтверждают данные, полученные с помощью метода свободных описаний. Они свидетельствуют о том, что ассоциативное семантическое поле в процессе познания матерями индивидуальности ребенка/детей в наибольшей степени отражает черты характера (24%), особенности общения (13%) и социальные роли (10%). Данная

структура показывает, что процесс познания на ассоциативном уровне направлен на характеристики, которые помогают матери во взаимодействии с ребенком.

Результаты исследования показывают, что изображения матерей характеризуются хорошо прорисованными частями тела, в том числе рук и ног. То есть большинство матерей представляют своего ребенка коммуникативным, уверенным, общительным, активно взаимодействующим с внешним миром. При изображении ребенка испытуемые рисуют предметы, отражающие интересы ребенка (мяч, гитару, скакалку, машинку и т.д.), что подтверждает значимость для матерей интересов ребенка в процессе познания его индивидуальности.

Общие закономерности в познании индивидуальности ребенка проявляются в том, что все женщины независимо от количества детей выделяют единые категории при познании индивидуальности, которые соответствуют теоретической структуре индивидуальности: индивидные характеристики, психодинамические и психологические особенности, особенности общения, социально-психологические особенности индивидуальности и характеристики, отражающие особенности ребенка в деятельности. Познавая индивидуальность ребенка, матери всех групп в равно пропорциональной степени уделяют внимание интересам ребенка/детей и их учебной деятельности.

В ходе исследования были обнаружены особенности познания матерями индивидуальности ребенка в зависимости от количества детей в семье.

Как показывают результаты сравнительного анализа, данных, полученных при проведении метода свободного описания, существуют специфические особенности в познании индивидуальности ребенка однодетными матерями. В первую очередь, это наиболее высокий удельный вес характеристик, отражающих индивидные особенности ребенка. Почти половина однодетных матерей (45%) в процесс познания ребенка указывает его пол ($\varphi=4,58$; $p<0,01$). Например, однодетные матери пишут: «мой ребенок очень добрый, ласковый, чуткий, отзывчивый, любознательный мальчик» или «у меня трудолюбивая, внимательная, рассудительная, ласковая, заботливая дочь». Значительная часть (21%) однодетных матерей обращают внимание на особенности внешности. Описывая особенности внешности, респонденты указывают цвет глаз, волос, черты лица, особенности телосложения и рост.

Однодетные матери в процессе познания индивидуальности ребенка уделяют внимание таким характеристикам, как имя ребенка (34%) и его возраст (34%). Как правило, эти характеристики используются синхронно. Значимо чаще по сравнению с респондентами других групп в описаниях однодетных матерей присутствует ссылка на отца ($\phi=4,05$; $p<0,01$), а также на родственников ребенка ($\phi=3,14$; $p<0,01$). Ссылаясь на отца, матери пишут: «в семье есть папа-левша», «помогает папе по хозяйству», «свободное время проводит с папой». В ссылках на родственников чаще присутствует эмоциональный компонент: «любит дедушку», «любит родственников». Познание индивидуальности ребенка однодетными матерями отличается высоким уровнем эмоциональности. Для этой группы характерны наиболее развернутые тексты, включающие наибольшее количество слов ($t=2,60$; $p<0,01$).

При анализе семантического поля однодетных матерей выявлено, что в категориях, характеризующих особенности мотивационной сферы, общения и темперамента ребенка, получены двойные ассоциации: «настойчивый ребенок», «общительный ребенок» и «спокойный ребенок». Так, в ассоциативном ряду однодетных матерей значимо чаще используются ассоциации, отражающие особенности мотивационной сферы ($\phi=1,84$; $p<0,05$). Особенность познания однодетных матерей проявляется в том, что характеристики, отражающие психологические особенности индивидуальности ребенка и особенности общения ребенка, однодетные матери в большей степени отмечают на уровне ассоциаций, т.е. процесс познания происходит менее эксплицировано, чем в группе многодетных матерей, и соответственно менее рефлексивно.

Результаты анализа рисунков показывают, что для однодетных матерей ребенок является более субъективно значимым. Это проявляется в изображении ребенка увеличенного размера ($\phi=2,00$; $p<0,01$) во весь полный лист, с использованием цветного изображения ($\phi=1,83$; $p<0,05$).

Интересен факт, согласно которому изображение ребенка (26%) часто не соответствует его биологическому возрасту: дошкольник может изображаться взрослым, а дети юношеского возраста – маленькими детьми. Данный факт наглядно демонстрирует действие механизма трансформации психического образа. Действие

этого механизма проявляется в искажении отдельных соотношений (пространственных, временных и др.) и соответствует теоретическому положению Д.А. Леонтьева.

Половина испытуемых на рисунке семьи (50%) изображают ребенка, держащимся за руки с матерью ($\phi=2,04$; $p<0,05$), что можно интерпретировать как проявление механизма идентификации матери с ребенком.

Таким образом, особенностью познания однодетных матерей является высокий удельный вес категорий, отражающих особенности индивидуальных характеристик, имени ребенка, взаимоотношений с отцом и родственниками. В этой группе получены наиболее развернутые тексты, включающие наибольшее количество слов. Наряду с механизмом идентификации процесс познания индивидуальности ребенка однодетными матерями включает в себя механизм прототипизации (установление эталонов, в результате которых оценивается семейное сходство ребенка с отцом), эмоциональной индикации (эмоциональная окраска процесса познания) и трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением или уменьшением его возраста). Познание индивидуальности ребенка однодетными матерями фрагментарно, неполно, отличается высоким уровнем эмоциональности и тревожности.

Познание индивидуальности детей в группе двухдетных матерей характеризуются наиболее низким уровнем эмоциональной окрашенности по сравнению с познанием индивидуальности ребенка в группе однодетных ($\phi=6,04$; $p<0,01$) и многодетных ($\phi=2,59$; $p<0,01$) матерей. Тексты-описания индивидуальности ребенка в группе двухдетных матерей являются краткими, отличаются наименьшим количеством слов ($t=2,60$; $p<0,01$). Двухдетные матери в меньшей мере уделяют внимание индивидуальным характеристикам детей (возраст, пол, внешность) в сравнении с однодетными матерями. Наиболее заметно это проявляется в отношении характеристики, отражающей особенности внешности ($\phi=1,73$; $p<0,05$). Познание двухдетных матерей переключается с индивидуальных характеристик на характеристики, отражающие психологические особенности ребенка (черты характера, мотивационная сфера, интересы). То есть с увеличением количества детей происходит изменение структуры познания индивидуальности ребенка. Описывая интересы детей, в отличие от однодетных матерей, оперируют понятием «нравится», что можно интерпретировать как показатель

снижения уровня эмоциональности. Они пишут: «нравится, когда ему читают книги», «нравится помогать папе», «нравится конструировать, рисовать».

Для матерей данной группы значимым показателем в структуре познания индивидуальности ребенка становится его общение. Двухдетные матери при познании индивидуальности детей отмечают различные черты их характера: «веселый, общительный», «трудолюбивый, очень обидчивый» или «легкая на подъем, добрая, скрытная, впечатлительная», «строптивая, энергичная, стеснительная», «сентиментальная, наблюдательная, иногда нерешительная». Однако основная направленность познания в категории, характеризующей особенности характера, проявляется через ассоциативную семантическую универсалию, полученную только в группе двухдетных матерей – «самостоятельный ребенок». Анализ ассоциативного семантического поля показал, что в этой группе получено максимальное количество (шесть) ассоциативных семантических универсалий с высокой групповой мерой выраженности в отношении каждого ребенка. Данный факт демонстрирует особенность познания двухдетных матерей, которая выражается в наибольшем единообразии.

Анализ графических продуктов показал, что двухдетные матери чаще изображают своих детей улыбающимися. Тогда как однодетные и многодетные матери чаще изображают детей с нейтральным лицом (47% при $\phi=1,74$; $p<0,05$ и 44% при $\phi=2,59$; $p<0,01$). Если интерпретировать улыбку как символ благополучия, то познание двухдетных матерей о детях более оптимистичны и менее тревожны по сравнению с представлениями других групп. Подтверждение снижения тревожности в общении с детьми проявляется через увеличение количества рисунков, где дети изображаются с полностью нарисованными руками.

На познание двухдетных матерей оказывают влияние механизмы, которые не наблюдаются в группе однодетных матерей: механизм социального сравнения (сопоставление детей друг с другом), механизм рефлексии и антиципации (понимание ребенка и прогнозирование его поведения).

В целом, можно утверждать, что процесс познания в группе двухдетных матерей становится более глубоким и всесторонним.

Специфическая особенность познания многодетных матерей проявляется в том, что в структуре познания индивидуальности детей характеристики, отражающие индивидуальные особенности детей, занимают наименьший удельный вес. Наибольший удельный вес в структуре познания многодетных матерей составляют категории, отражающие особенности психологической сферы, особенности общения, социальные роли детей. Мотивационная сфера – основная категория, через которую происходит расширение познания многодетных матерей. Почти половина респондентов (45%) в своих описаниях характеризует мотивационную сферу детей значимо чаще по сравнению с группами однодетных (28%, $\varphi=2,52$; $p<0,01$) и двухдетных матерей (23%, $\varphi=3,33$; $p<0,01$). Для характеристики мотивационной сферы используют следующие фразы: «начатое дело доводит до конца», «упрям в достижении своей цели», «имеет упрямый характер, если решит, то не сдвинешь». Для многодетных матерей значимыми в процессе познания индивидуальности являются особенности общения между сиблингами ($\varphi=3,23$; $p<0,01$). Важность данной категории впервые проявляется в этой группе испытуемых. Например, они пишут, что «дети маленькие всегда беспокойные, но он старается к братьям и сестре найти подход», или «у сестер непререкаемый авторитет», или «легко подвержена влиянию брата и сестры», «водится с младшим братиком». Помимо общения с сиблингами, для многодетных матерей высока значимость общения ребенка с другими детьми. Социальные роли ребенка – одна из основных категорий, отмечая которую многодетные матери ($\varphi=5,81$; $p<0,01$) познают индивидуальности детей. В основном матери видят детей в роли помощников по домашнему хозяйству: «помогает по хозяйству», «типичная няня», «труженик», «незаменимый помощник на огороде», но также отмечают в своих детях роли, в которых проявляются индивидуальные особенности ребенка: «тараторка», «мечтатель», «шалун», «маленький мужчина».

Особенность познания многодетных матерей заключается в том, что с увеличением количества детей происходит отказ от опоры, состоящей из ближайшего окружения – отца детей или родственников семьи.

В результате анализа ассоциативного ряда многодетных матерей обнаружено наибольшее соответствие полученной структуры характеристик индивидуальности

ребенка структуре характеристик индивидуальности ребенка, полученной в результате обработки метода свободного описания. Данный факт говорит о повышении уровня эксплицированности в познании многодетных матерей.

В группе многодетных матерей преобладают рисунки среднего размера, выполненные четкими линиями простым карандашом, что подтверждает тенденцию роста реалистичности, снижения тревожности и повышения уверенности в процессе познания индивидуальности детей.

В процессе познания многодетных матерей действуют механизмы социального сравнения (сопоставление детей друг с другом), рефлексии и антиципации (понимание ребенка и прогнозирование его поведения), эмоциональной индикации (специфическая эмоциональная окраска процесса познания) и трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением или уменьшением его возраста). Наличие психологических механизмов различного спектра воздействия позволяет осуществлять процесс познания индивидуальности детей многодетными матерями более широко, охватывая различные свойства индивидуальности каждого ребенка. Процесс познания индивидуальности детей в группе многодетных матерей отличается наибольшей осознанностью, рефлексивностью и реалистичностью.

С целью изучения влияния фактора индивидуальной среды матери (количества детей в семье) на познание матерями индивидуальности детей данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты дискриминантному анализу.

Дискриминирующая способность модели «Влияние количества детей в семье на особенности познания матерью индивидуальности ребенка» имеет высокую статистическую значимость: Wilks' $\lambda = 0,51$; $F(24,320) = 5,37$ при $p < 0,001$. В модель вошли 12 из 17 категорий, составляющих структуру познания матери. Пять характеристик, которые не вошли в модель (особенности здоровья, внешности, интересов, характера и учебной деятельности), в структуре познания индивидуальности во всех группах матерей имеют равно пропорциональный удельный вес и отражают общие тенденции познания. Результаты дискриминантного анализа подтверждают выводы, полученные на основании обработки метода свободного описания, метода ассоциаций и метода рисунка: с увеличением количества детей в процессе познания

матерями индивидуальности ребенка/детей происходят изменения в структуре познания индивидуальности. Удельный вес индивидуальных характеристик снижается, тогда как удельный вес характеристик, отражающих особенности личностного и социально-психологического уровня индивидуальности, увеличивается.

В соответствии с теоретическими положениями (А. Адлер, У. Тоумен, Т. Хомескаускас, Т.В. Андреева) было выделено четыре позиции ребенка в семье: единственный ребенок, старший ребенок, средний ребенок, младший ребенок

Полученные результаты свидетельствуют о существенных различиях в познании матерью индивидуальности ребенка, в зависимости от позиции ребенка в семье. В отношении единственного ребенка выявлены наиболее значимые отличия в познании матерями индивидуальности ребенка. Особенностью познания матерью индивидуальности единственного ребенка является наиболее высокий удельный вес характеристик индивидуального уровня – пол, возраст, особенности внешности ребенка. В процессе познания индивидуальности единственного ребенка матери уделяют большое внимание имени ребенка, что подтверждает наличие механизма идентификации матери с ребенком. В отсутствие сиблингов действует механизм прототипизации, когда для сравнения ребёнка матери используют индивидуальные характеристики отца.

Среди характеристик психологического уровня индивидуальности в процессе познания матерью индивидуальности единственного ребенка предпочтение отдаётся интересам ребенка.

Специфической особенностью познания индивидуальности единственного ребенка является высокий уровень эмоциональности. Данная особенность отражает влияние на процесс познания индивидуальности единственного ребенка механизмов эмоциональной индикации (эмоциональная окраска процесса познания) и трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением или уменьшением его возраста).

Изменения в структуре познания индивидуальности старшего ребенка проявляются в снижении значимости индивидуальных характеристик и повышении значимости характеристик психологического и социально-психологического уровня. В процессе познания индивидуальности старшего ребенка мать концентрирует своё

внимание на особенностях индивидуальности, значимых для семейной жизнедеятельности, описывает качества старшего ребенка, в которых он предстаёт хозяйственным помощником, заботливой няней, ожидает от него самостоятельности и ответственности. Основным механизмом познания матерями индивидуальности старшего ребенка выступает механизм рефлексии и антиципации (понимание ребенка и прогнозирование его поведения).

Структура познания матерью индивидуальности среднего ребенка включает в себя в меньшей мере характеристики, отражающие индивидные особенности и в большей мере – характеристики, отражающие психологические особенности и особенности социально-психологического уровня индивидуальности. Наиболее высокий удельный вес характеристик, отражающих имя ребёнка и особенности его общения с сиблингами, подтверждает активное действие механизма социального сравнения.

Особенностью познания индивидуальности младшего ребенка является позиционирование его как маленького и беззащитного, что свидетельствует о наличии механизма трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением, или уменьшением его возраста). В структуре познания индивидуальности младшего ребенка наибольший удельный вес занимают характеристики, отражающие особенности психологической и социально-психологической сферы индивидуальности. Вместе с тем удельный вес характеристик индивидного уровня в структуре познания индивидуальности младшего ребенка по сравнению со старшими сиблингами увеличивается. Познание индивидуальности младшего ребенка является схожим с познанием индивидуальности единственного ребенка.

С целью изучения влияния фактора индивидуальной среды матери (порядковая позиция ребенка в семье) на познание матерями индивидуальности детей данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты дискриминантному анализу.

Как показывают результаты исследования, дискриминирующая способность модели «Влияние порядковой позиции ребенка в семье на особенности познания матерью его индивидуальности» имеет высокую статистическую значимость: Wilks' $\lambda = 0,57$; $F(27,474) = 3,69$ при $p < 0,001$. В модель вошли 9 из 17 категорий, составляющих структуру познания матери. Среди восьми характеристик, не вошедших в модель, пять

характеристик (особенности здоровья, внешности, характера, интересы, особенности учебной деятельности) совпадают с характеристиками из дискриминантного анализа, с помощью которого определялась зависимость познания матерью индивидуальности ребенка от количества детей в семье. Таким образом, познание индивидуальности ребенка матерями всех групп по пяти определенным характеристикам является схожим.

По результатам дискриминантного анализа «Влияние порядковой позиции ребенка в семье на особенности познания матерью его индивидуальности» было установлено, что фактор индивидуальной среды матери (порядковая позиция ребенка в семье) оказывает значительное влияние на познание индивидуальности ребенка. Отсутствие влияния фактора «порядковая позиция ребенка в семье» на познание матерями индивидуальности ребенка выявлено по трём характеристикам – возраст ребенка, отражающий индивидуальную особенность, и упоминание родственников и имени ребенка, отражающие социально-психологические особенности.

Результаты дискриминантного анализа подтверждают выявленные тенденции. С увеличением порядковой позиции ребенка происходят изменения в структуре познания матери: удельный вес индивидуальных характеристик снижается, а удельный вес характеристик, отражающих личностный и социально-психологический уровень, в структуре индивидуальности возрастает. Влияние образования матери на результаты исследования особенностей познания матерью индивидуальности ребенка анализируются результаты двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалась взаимосвязь факторов «образование матерей» (среднее, средне-специальное, высшее) и «количество детей в семье» на результаты познания матерями индивидуальности детей.

В соответствии с задачами было изучено влияние факторов общесемейной среды матери (состав семьи, образование, возраст) на познание матерями индивидуальности детей. По результатам двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалась взаимосвязь факторов «образование матерей» (высшее, среднее специальное, среднее) и «количество детей в семье», было обнаружено, что уровень образования матери оказывает сквозное влияние на вовлеченность в процесс познания по двум характеристикам: интересы ребенка ($F = 2,91, p < 0,06$) и упоминание отца ребенка ($F =$

3,02, $p < 0,054$). Так, матери со средним образованием в меньшей мере ориентированы в процессе познания индивидуальности на интересы ребенка, чем матери со средним специальным ($p < 0,018$) и высшим ($p < 0,009$) образованием во всех трех группах, независимо от количества детей. Матери, имеющие высшее образование, в большей мере ориентированы в процессе познания индивидуальности ребенка на мнение отца ребенка, чем матери со средним ($p < 0,008$) и средним профессиональным ($p < 0,016$) образованием во всех трех группах, независимо от количества детей.

Дополнительно в ходе двухфакторного дисперсионного анализа было обнаружено, что в группе многодетных матерей уровень образования оказывает влияние на вовлеченность в процесс познания характеристик, отражающих темперамент ребенка ($F = 2,28$, $p < 0,10$) и пол ребенка ($F = 3,61$, $p < 0,01$).

По результатам двухфакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалась взаимосвязь факторов «возраст матерей» (молодой (18–30), средний (31–40), зрелый (41–55) и «количество детей в семье» и их влияние на результаты познания матерями индивидуальности детей. В основу используемой периодизации положена периодизация Г.С. Абрамовой (1999).

По результатам двухфакторного дисперсионного анализа обнаружен внутригрупповой эффект влияния возраста матерей. В группах матерей среднего и зрелого возраста, проявляется снижение значимости характеристик, конкретизирующей пол ребенка ($F = 2,61$, $p < 0,042$) и повышение значимости характеристики, отражающей особенности мотивационной сферы ($F = 3,27$, $p < 0,05$).

Таким образом, полученные внутригрупповые эффекты в группах матерей среднего и зрелого возраста, демонстрируют тенденции снижения значимости индивидуальных характеристик (пол ребенка) и повышения значимости характеристик, отражающих его психологические особенности (мотивационная сфера) пропорционально увеличению возраста респондентов.

По результатам однофакторного дисперсионного анализа, в рамках которого изучалось влияние фактора «состав семьи» (полная, неполная, вторичная) на результаты познания матерью индивидуальности ребенка. Обнаружено, что в группе однодетных матерей, воспитывающих ребенка в полных семьях в отличие от группы матерей,

воспитывающих ребенка в неполных семьях, значимыми в процессе познания индивидуальности ребенка являются такие показатели, как пол ребенка ($F = 4,25, p < 0,05$) и упоминание отца ($F = 3,63, p < 0,10$). В группе многодетных матерей женщины, воспитывающие детей с приемным отцом, чаще, чем женщины, воспитывающие ребенка в полных семьях с родным отцом, включают в структуру познания индивидуальности ребенка упоминание родственников ($F = 4,42, p < 0,05$) и социальные роли ребенка ($F = 2,92, p < 0,10$).

С целью подтверждения влияния семейной среды на познание матерью индивидуальности ребенка были изучены особенности познания матерью индивидуальности ребенка в условиях внесемейной среды, которые полученные в результате обработки метода Q-сортировка.

Обработка результатов диагностики по данной методике осуществлялась в три этапа. На первом этапе был применен конфирматорный факторный анализ и тесты надежности, с целью исследования конструктивной валидности и надежности шкал данной методики на исследуемой выборке матерей.

В результате эксплораторного факторного анализа были выявлены общие тенденции познания матерями особенностей поведения ребенка в группе сверстников, которые проявляются в том, что во всех группах матерей обнаружен высокий уровень познания о наличии лидерских качеств у ребенка, средний уровень познания о навыках ребенка в бесконфликтном взаимодействии и низкий уровень познания об умении ребенка налаживать контакты в группе сверстников.

В результате дискриминантного анализа были определены специфические особенности познания индивидуальности ребенка в группах однопородных, двухдетных, многодетных матерей в условиях внесемейной среды, которые обусловлены факторами её индивидуальной среды (количество детей и порядковая позиция ребенка).

В результате дискриминантного анализа были определены специфические особенности познания индивидуальности ребенка. Так особенности познания матерей о поведении единственного ребенка в группе проявляются в рассогласованности и заключаются в определении противоположенных типов его поведения: большинство однопородных матерей отмечает агрессивный тип поведения ребенка в форме

настойчивости, меньшая часть однопородных матерей отмечает бесконфликтный тип поведения ребенка в форме зависимости.

С увеличением детей особенности познания матерей о поведении старшего ребенка в группе становятся более схожими: большинство двухдетных матерей отмечают компромиссный тип поведения ребенка, меньшая часть двухдетных матерей и многодетные матери отмечают бесконфликтный тип поведения старшего ребенка.

Особенности познания многодетных матерей о поведении среднего ребенка в группе заключаются в наибольшей согласованности и определении типа поведения ребенка как наиболее агрессивного в форме соперничества. Особенности познания матерей о поведении младшего ребенка заключаются в определении типа поведения ребенка как наиболее бесконфликтного.

С целью соотнесения данных о познании матерями индивидуальности ребенка в семейной и внесемейной среде был проведен корреляционный анализ (по Спирмену). Его результаты показывают, что данные, полученные в результате изучения особенностей познания матерью индивидуальности ребенка в условиях внесемейной среды, согласуются с данными, полученными в результате изучения особенностей познания матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды.

Таким образом, результаты исследования особенностей познания матерью индивидуальности ребенка свидетельствуют: процессуальная сторона познания, представлена механизмами познания, присущими матери как самостоятельному субъекту, результативная сторона познания, представлена в виде структуры познания индивидуальности ребенка, которая включает характеристики и уровни индивидуальности ребенка, вовлеченные в процесс познания; и позволяют сделать следующие выводы:

1. В познании матерью индивидуальности ребенка существуют общие тенденции и специфические различия, обусловленные воздействием средовых факторов. Общие тенденции в познании индивидуальности ребенка проявляются в том, что во всех группах матерей в процессе познания индивидуальности ребенка обнаружено действие механизма идентификации. Специфические различия проявляются в том, что для

однородных матерей характерно действие механизмов эмоциональной индикации, трансформации психического образа и прототипизации; в группе двухдетных матерей – социального сравнения, рефлексии и антиципации; в группе многодетных матерей – механизмов социального сравнения, рефлексии и антиципации, эмоциональной индикации и трансформации психического образа.

2. К общим тенденциям познания матерью индивидуальности ребенка относится яркая эмоциональная насыщенность процесса познания. Наибольший удельный вес в структуре познания матерью индивидуальности ребенка приходится на характеристики, отражающие психологические особенности: характер, интересы ребенка. Менее значимыми для матерей являются характеристики, отражающие особенности учебной деятельности и характеристики индивидного уровня индивидуальности ребенка (внешность и здоровье ребенка).

3. Ведущая роль в познании матерью индивидуальности ребенка принадлежит индивидуальной среде матери (количество детей в семье, порядковая позиция ребенка в семье). С увеличением количества детей в процессе познания матерями индивидуальности детей обнаружена тенденция к нарастанию рефлексивности, детализации и психологизации. В структуре познания матерей удельный вес характеристик индивидного уровня (пол, возраст) снижается, а удельный вес характеристик, отражающих особенности темперамента, мотивационной сферы, общения, социальных ролей возрастает.

Познание матерью индивидуальности единственного ребенка в большей мере направлено на индивидные характеристики, познание индивидуальности старшего ребенка – на характеристики социально-психологического уровня. Познание матерью индивидуальности среднего ребенка направлено на свойства психологического уровня индивидуальности (темперамент, характер, мотивационная сфера). Познание матерью индивидуальности младшего ребенка в многодетной семье является наиболее целостным и структурированным.

4. Влияние общесемейной среды на познание матерью индивидуальности ребенка незначительно. Матери с высшим образованием в процессе познания больше уделяют внимания интересам ребенка, особенностям его темперамента и включенности

отца в воспитательный процесс, чем матери со средним и средне-специальным образованием.

Матери зрелого и среднего возраста чаще обращают внимание на особенности мотивационной сферы, а матери молодого возраста – на характеристику, конкретизирующую пол ребенка.

Состав семьи оказывает влияние на познание матерями индивидуальности детей. Однодетные матери из полных семей чаще обращают внимание на характеристику, конкретизирующую пол ребенка и на включенность отца в воспитательный процесс, чем однодетные матери из неполных семей. Многодетные матери из вторичных семей чаще обращают внимание на характеристику, отражающую социальные роли ребенка и используют сравнение с родственниками, чем многодетные матери из полных семей.

5. Изучены особенности познания матерью индивидуальности ребенка в условиях внесемейной среды. Обнаружено, что в условиях внесемейной среды познание матерью индивидуальности ребенка становится фрагментарным, отражает особенности общения и поведения ребенка в группе.

Список литературы

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / пер с англ. А.А. Валеева и Р.А. Валеевой. – Ростов н/Д.: 1998. – 448 с.
2. Аликина Е.Л. Познание матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. Л. Аликина – Екатеринбург: 2015. – 27 с.
3. Андреева Т.В. Психология современной семьи. СПб. Речь, 2005. – 244 с.
4. Ахиезер А.С. Между Я и Другим /А.С. Ахиезер // Мир Психологии. – 2001. – № 3. – С. 17.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

6. Бескова Т.В. Структурная организация отношения зависти с позиции системного подхода // Социальная психология и общество. – 2013. – №1. – С. 15–26.
7. Бодалев А.А. Феномен понимания другого и определяющие факторы /А.А.Бодалев //Мир психологии 2001. – № 3. – С. 12–16.
8. Брудный А.А. и др. Тезисы о понимании // Понимание: опят мультидисциплинарного исследования / под общ. ред. А.А. Брудного, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. – М.: Смысл, 2006. – С. 14–20.
9. Брушлинский А.В. Психология субъекта / А.В. Брушлинский. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
10. Васягина Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст]: монография / Н.Н. Васягина; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б.и.] , 2013. – 364 с.
11. Вяткин Б.А. Лекции по психологии индивидуальности человека /Б.А. Вяткин / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2000, 179 с.
12. Вяткин Б.А., Шукин М.Р. Развитие учения об интегральной индивидуальности: проблемы, итоги, перспективы // Психол. журн. –1997. – Т. 18,– №3. – С. 126 –138.
13. Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека / С.Ю. Жданова. – Пермь, 2005. – 190 с.
14. Жданова С.Ю., Аликина Е.Л. Влияние социальных характеристик матери на особенности познания индивидуальности ребенка / С.Ю. Жданова, Е.Л. Аликина // Вестн. Костром. государственного ун-та им. Н.А. Некрасова. 2011. № 3. С. 271–275.
15. Жданова С.Ю., Аликина Е.Л. Особенности представлений матери об индивидуальности ребенка в связи с количеством детей в семье / С.Ю. Жданова, Е.Л. Аликина // Вестн. Костром. государственного ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер.: Психология. 2010. № 4. С. 140 –144.
16. Зарипова Л.З. Особенности познания индивидуальности у лиц социономических профессий: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Лина Зефаровна Зарипова – Екатеринбург: 2013. – 28 с.
17. Знаков В. В. Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – С. 9–44.

18. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия / В.В. Знаков // Психол. журнал. – 2003. – Т. 24, № 2. – С. 95-106.
19. Знаков В.В. Понимание, постижение и экзистенциальный опыт / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 2011. – № 6. – С. 15–24.
20. Корниенко Д.С. Психогенетические основы интегральной индивидуальности: автореф. дисс. ...д-ра психол. наук: 19.00.01/ Дмитрий Сергеевич Корниенко. – Екатеринбург, 2011. – 43 с.
21. Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук / В.П. Кохановский. – Ростов н/Д, 2005. – 320 с.
22. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / А.В. Лекторский. – М.: Эдиториал, 2001. – 256 с.
23. Леонтьев Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М.: 2003. – С. 118
24. Лодкина Т.В. Социальная педагогика. Защита семьи и детства. / Т.В. Лодкина. М., 2003. С. 38.
25. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. – М., 1986. – 254 с.
26. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития / В.С. Мухина. – М.: Академия, 2006. – 608 с.
27. Петровский А.В. Трехфакторная модель значимого другого // А.В. Петровский // Вопросы психологии. – 1991. № 1. С.7.
28. Петровский В.А. Человек над ситуацией /А.В. Петровский. – М.: 2010. – с. 212.
29. Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / под ред. Б.А. Вяткина, Л.Я. Дорфмана, М.Р. Щукина. – М.: 2011– 636 с.
30. Равич-Щербо И.В. Психогенетика / И.В. Равич-Щербо, Т.М. Марютина, Е.Л. Григоренко; под ред. И.В. Равич-Щербо. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 447 с.
31. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 2003. – 512 с.
32. Радина Н.К., Поршнева А.В., Психология и герменевтика: Герменевтический анализ понимания в математических схемах и моделях Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 90–119.

33. Сергеевко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива / Е.А. Сергеевко // Психологический журнал. – 2011 – Т. 32. №1. – С. 130.
34. Силина Е.А., Баландина Л.Л. Какие они, дети из многодетных семей? (Психологический очерк индивидуальности детей из многодетных семей) / Е.А. Силина, Л.Л. Баландина. – Пермь, 2005. – С. 8 – 38.
35. Таганова А.А. Личностная идентичность и понимание значимых Других: автореферат дисс. канд. психол. наук: 19.00.01 / Анна Александровна Таганова. – Краснодар, 2004. – С. 6–20.
36. Филиппова Г.Г. Психология материнства / Г.Г. Филиппова. – М.: 2002. – 175 с.
37. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология». М.: 2007.
38. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. М.: 2003.
39. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет. М.: 1993.
40. Хайдеггер М. Бытие и время / М Хайдеггер. – М: «AD Marginem», 1997. – 451 с.
41. Хоментаскас Т. Семья глазами ребенка / Т. Хоментаскас. – М.: Педагогика, 1989. – 154 с.
42. Юшачкова Т. Б. Личностные детерминанты способности к пониманию других людей: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Татьяна Борисовна Юшачкова. – СПб.: 2006. – 26 с.
43. Янчук В.А. Прогресс в понимании психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива. Прогресс в психологии: Критерии и признаки / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Марцинковской, А.В. Юревича. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – С. 262-285.

Метод исследования ожиданий принимающих родителей с помощью техники репертуарных решеток

Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С.***, Рыжов А.Л.******

** Институт Интегративной Семейной Психотерапии, ** ГБУЗ Научно-Практический Центр Психического Здоровья Детей и Подростков им. Г.Е.Сухаревой ДЗМ,*

**** МГУ имени М.В.Ломоносова*

e.b.zhuykova@gmail.com; pech56@mail.ru; andrey.ryzhov@gmail.com

Аннотация. Подчеркивается значимость комплексного рассмотрения проблемы мотивации приема, недостаточность выделения продуктивных и неконструктивных мотивов для оценки риска дисфункциональности семьи и вторичного отказа. Описываются возможности использования техники репертуарных решеток для исследования ожиданий и мотивации принимающих родителей. Приводятся данные контент-анализа используемых приемными родителями конструктов.

Ключевые слова: принимающие семьи, мотивация принимающих семей, профилактика вторичных отказов, репертуарные решетки

Проблема вторичных отказов имеет высокую актуальность и является обратной стороной социальной политики, направленной на развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечительства родителей. Многие вторичные отказы связаны с разочарованием, которое испытывают принимающие родители, когда их представления о будущем ребенке оказываются существенно отличающимися от его действительных особенностей и потребностей, а ожидания от взаимодействия не подкрепляются реальным опытом. Специалистами делаются усилия по снижению процента вторичных отказов. Для этого необходимо развитие как системы сопровождения семей на разных этапах усыновления и других форм приема, а так же психологической оценки и диагностики. Новой тенденцией является разработка системы подбора семьи для ребенка

и ребенка для семьи. В этом случае возрастает роль профессиональной деятельности психолога на этапе предшествующем началу официального процесса оформления отношений семьи и приемного ребенка.

Важным аспектом является оценка мотивации и ожиданий принимающих родителей. В исследованиях представлены два основных направления оценки мотивации принимающих родителей (см.: Печникова, Жуйкова, 2014). В зарубежных работах принят формализованный подход, в котором мотивом называется предъявляемые самой семьей причины, побудившие их прийти к решению о принятии ребенка (Malm, Velti, 2010). Это могут быть конкретные события, рациональные соображения, эмоциональные установки, религиозные убеждения, которые часто определяются социальными работниками и не ставятся под сомнение. Глубинная мотивация в большинстве современных работ не рассматривается. В противоположность, в отечественных работах мотивы принимающих родителей обычно понимаются глубже, с учетом системы личностных смыслов и мотивационной иерархии (Ослон, 2006). С этой точки зрения акцент ставится на том, что означает для потенциальных родителей принятие ребенка, какие значимые для них потребности это событие позволяет реализовать, с какими ожиданиями связано. Соответственно в качестве примеров мотивации приемных родителей может выступать желание «заглушить горе, связанное с потерей родного ребенка», стремление «сохранить брак», «преодоление возрастного кризиса» и пр. При этом существует тенденция выделять положительные, способствующие успешности принятия ребенка типы мотивов, и негативную, неконструктивную мотивацию, приводящую к дисфункциональности и повышающую риск вторичного отказа (Палиева, Савченко, Соломатина, 2011, Евстратова 2013).

Практический опыт сопровождения и консультирования семей, однако, показывает, что мотивация приемных родителей, успешно справляющихся со своими функциями, может быть очень разнообразной. Нередко у функциональных приемных семей мотивы принятия ребенка не являлись теми, которые считаются желательными или даже здоровыми. И напротив, адекватные мотивы, побуждающие взять в семью ребенка, не определяют того, что взаимодействие будет гармоничным, а родители не будут жалеть о принятом решении и обдумывать пути его отмены. Проведенное ранее

исследование (Печникова, Жуйкова, 2013) показало отсутствие связи между типом мотивации, определяемой по материалам структурированного интервью, и экспертной оценкой базовых характеристик функционирования семейной системы. Мы пришли к выводу, что определяющими являются не содержание ведущего мотива, а особенности мотивационной системы в целом, оцениваемые с точки зрения полимотивированности, возможных конфликтов значимых мотивов и развитости механизмов саморегуляции (не только и не столько на интра-индивидуальном уровне, сколько на уровне семейной системы).

Эта гипотеза ведет к практическим следствиям в области психологической оценки принимающих семей. Важными критериями является существование у семьи, кроме ведущего, ряда других значимых мотивов, которые в динамике оказывают влияние на формирование отношения к ребенку, гибкость смысловых образований, адекватность процессов целеполагания, позволяющих принимать решение ориентируясь не только на неодолимые внутренние побуждения, но и учитывая реальность, прогнозируя последствия, допуская различие между субъективным представлением и положением дел в действительности. В эмпирических исследованиях подчеркивается важность готовности принимающих родителей к изменению установок по отношению к ребенку (Nissim, 1996). Среди причин, ассоциированных с расторжением приема, выделяются особые потребности ребенка, трудности адаптации, и специфические виды проблемного поведения (Brown, Vednar, 2006). В то же время, по замечанию К. Дейра, не то, что делает ребенок, а то, какие чувства он вызывает в родителе определяет сохранность принимающей семьи (по Thomas, Philpot, 2009, с. 78).

Разработка инструментария, который могли бы использовать психологи в практической работе для оценки мотивации принимающих родителей, является важной задачей. На данный момент наиболее популярны опросники, позволяющие лишь выделить основной мотив, не минуя при этом полностью социальной желательности ответов. Методологические сложности оценки мотивации широко известны. На наш взгляд, одним из методов, который может быть продуктивно использован для поставленных задач является метод исследования системы личностных конструктов с

помощью репертуарных решеток Келли, позволяющий исследовать влияние мотивации на ожидания и представления (потенциальных) приемных родителей о детях.

Использование репертуарных решеток в отечественной практической диагностике сегодня встречается не так часто. Во многом это связано с тем, что классический тест ролевых конструктов, описанный Келли и используемый в практикуме при обучении студентов, является длительной и трудоемкой процедурой, тяжелой не только для психолога, но и для обследуемого. Однако вариаций техники репертуарных решеток существует множество, в том числе для решения технических задач в области эргономики, маркетинга и т.п., где используются достаточно простые и наглядные процедуры. Создание решеток рассматривается, как один из способов интервьюирования, а не как строгая методика. С этой точки зрения рекомендация включения репертуарных решеток в арсенал семейного психолога не должна рассматриваться как непрактичная.

В ряде публикаций описан опыт применения репертуарных решеток в работе с принимающими семьями, где ставились, однако, другие задачи. Так, исследовались представления социальных работников с разным опытом (Lifshitz, 1974), оценка профессиональных качеств и требований к специалистам (Morrison, 1991), самоотношение приемных детей (Hicks, Nixon, 1989, Butler, Green, 2007), восприятие родителями проблемных ситуаций с приемными детьми (Nissim, 1996).

Нами была разработана методика другого характера, направленная на исследование родительских ожиданий. В ней испытуемым (приемным родителям или кандидатам в приемные родители) предлагаются портреты детей, которые необходимо сравнить между собой, выделить индивидуальные основания для сравнения (конструкты), а затем проранжировать. Идея методики подкреплена реальностью – потенциальные приемные родители в действительности проводят много времени на интернет-сайтах, изучая фотографии и профили детей. Это можно считать достоинством методики с той точки зрения, что она в известной степени позволяет «актуализировать умственные операции, которыми пользуется человек в своей жизнедеятельности, его мотивы, побуждающие эту деятельность» (Зейгарник, 1987, с. 21). Методически схожее задание использовалось в исследовании мыслительных процессов при шизофрении

(Bannister, Salmon, 1966 – по Fransella, Bell, Bannister, 2004), мотивации при невротических состояниях (Соколова, Федотова, 1986).

Отличительной особенностью предлагаемой методики является то, что конструкты могут выделяться не одним человеком, а парой. При исследовании пар с помощью техники репертуарных решеток обычно каждый член диады заполняет отдельную матрицу, а затем они сравниваются между собой (например, матрицы могут включать общие элементы, но разные конструкты для сравнения, или быть полностью идентичными; так же используется прием заполнения матрицы «от лица» партнера – см. Fransella, Bell, Bannister, 2004). В нашем случае создается только одна матрица, а конструкты формулируются родителями совместно, и совместно производится ранжирование элементов. Это обосновано тем, что субъектом принятия решения в данном случае является не один человек, а пара. Отметим, что Дж.Келли (Kelly, 1955) указывал, что процедуру составления решетки следует понимать не как стандартную процедуру, а как интервью, в котором конструкт формулируется субъектом в взаимодействии с психологом, и психологу отводилась довольно активная роль (например, уточнение и прояснение конструктов). С этой точки зрения предложение исследовать конструкты, используемые парой, не противоречит методологическому подходу, лежащему в основе техники репертуарных решеток. В том случае, когда пара с трудом приходит к согласию, это может быть специально отмечено, а затем можно провести методику с каждым по отдельности. Такие случаи, однако, крайне редки.

Стимульный материал (элементы) методики

Стимульный материал был сформирован на основе результатов предварительного исследования. В рамках групп подготовки принимающих родителей было проведено интервьюирование 27 родителей, имеющих приемных детей и планирующих принять в семью ребенка. Все родители имели опыт просмотра фотографий в банке данных, с целью поиска ребенка. Родителям были адресованы вопросы: (1) на что вы обращаете внимание при просмотре фотографий, (2) какие черты детей вызывают у вас эмоциональную реакцию (позитивную или негативную)? Полученные в качестве ответов признаки распределились по 8 группам:

- пол,
- черты внешности (цвет волос, глаз и т.п.),
- возраст ребёнка,
- признаки национальности,
- признаки болезни,
- место, где сделана фотография,
- эмоции (негативные, позитивные) на лице ребёнка,
- признаки готовности к коммуникации (открытость/закрытость).

Вслед за этим в открытом доступе в интернете, на сайтах, посвященных приемному родительству, были найдены портреты детей ориентировочно от старшего дошкольного возраста до ранне-подросткового возраста (приблизительно 5-12 лет). Портреты выбирались тремя психологами, таким образом, чтобы были представлены изображения детей с различиями по группам признаков, выделенных выше.

В результате было отобрано 80 портретов, которые были распечатаны в формате 10x15 см и составили стандартный набор стимульного материала. Каждому портрету присвоен номер, зафиксированный на обратной стороне фотографии.

Процедура проведения методики

Проведение методики состоит из трех этапов: (1) составления списка элементов; (2) выделения конструкторов и (3) ранжирования элементов.

Составление списка элементов

Родителям предлагаются 80 портретов со следующей инструкцией:

«Посмотрите на эти фотографии. На них изображены дети из детских домов и приемных семей. Выберите из них 20 портретов, которые вызывают у вас какую-либо (позитивную или негативную) эмоциональную реакцию». При необходимости, родителям в свободной форме разъясняется, что они могут потратить необходимое количество времени на это, выбрав любую стратегию (последовательно перебирать фотографии, или разложить их все на поверхности стола и выбрать из общей массы). Также при уточняющих вопросах родителям разъясняется, что следует понимать под

«эмоциональной реакцией» («вам могут какие-то портреты очень нравиться, не нравиться, вызывать раздражение, умиление, жалость», «возможно, это будут те портреты, на которых вы задерживаете взгляд» и т.п.). Если методику выполняла пара родителей, им предстояло совместно решить, какие портреты будут выбраны. После того, как выбраны 20 портретов, остальные карточки откладываются в сторону.

Выделение конструкторов

Конструкторы выделяются классическим методом «триад» (Kelly, 1955). Семье предлагаются три портрета со следующей инструкцией: «Посмотрите на эти фотографии, выберете из них два портрета детей, которые чем-либо похожи и отличаются от третьего». После сделанного выбора, задается вопрос: «Чем похожи два этих ребёнка на фотографиях и чем они отличаются от третьего?». Вслед за этим, просят сформулировать противоположный полюс конструктора: «Что является противоположностью (назывался признак)? Что находится на другом полюсе этого признака?». Психолог должен занимать активную позицию, задавая уточняющие вопросы, помогая найти удовлетворяющую участника формулировку, но не навязывая своих идей. Если предлагается несколько вариантов (в том числе, когда методика проводится с парой), то психолог перечисляет все варианты, предлагая выбрать тот, который подходит лучше всего. Все это происходит до тех пор, пока не выделяется конструктор с двумя полюсами. Если значение конструктора не понятно психологу, он может задать уточняющие вопросы, целью которых является не сведение конструктора к более понятному для психолога, а прояснения вложенного туда испытуемыми значения. В случае, если конструктор является формальным (пол, цвет волос), следует уточнить, имеет ли он значение для испытуемого, однако в целом в данном варианте методики формальные конструкторы так же считаются пригодными (в связи с особенностями задачи, стоящей перед испытуемыми). После выделения первого конструктора предлагается новая тройка портретов. Тройки подбираются в свободном порядке, так, чтобы каждый из 20 выбранных портретов был равномерно представлен в разных сочетаниях. Количество предъявлений варьируется от 10 до 15, в зависимости от способности испытуемых предложит новые конструкторы. При повторении конструкторов при работе с первыми 10

триадами испытуемым предлагается сформулировать новый вариант на той же триаде или предлагалась новая. Таким образом должно быть выделено 10-15 конструктов.

Ранжирование и составление решетки

Из 20 элементов, использовавшихся на предыдущем этапе, испытуемым предлагается отобрать 10, вызывающих наибольшую эмоциональную реакцию. Эти 10 элементов используются при дальнейшем ранжировании (оптимальное количество элементов было определено эмпирически, так, чтобы с одной стороны позволить использование количественных методов обработки решетки, а с другой стороны не усложнять избыточно процедуру для семей). К выделенным карточкам-элементам добавляются так же карточки с дополнительными элементами для ранжирования – актуальными членами семьи (карточки распечатываются заранее). Количество элементов, таким образом, может различаться (но не менее 12-ти).

Испытуемым (семье) называется выделенный ими конструкт и предлагается разложить карточки (элементы) по порядку, от одного полюса конструкта к другому, так чтобы это отражало мнение испытуемых относительно степени выраженности заявленного признака у элемента.

После того, как все элементы проранжированы по всем выделенным испытуемым конструктам, им предлагается еще один, заданный, конструкт для ранжирования элементов: «легко могли бы быть приняты в нашу семью/с трудом могли бы быть приняты в нашу семью».

Все этапы проведения методики фиксируются в протоколе. Результативной частью протокола являются:

- a. Краткая информация о семье;
- b. Выбранные элементы для выделения конструктов (числовые обозначения);
- c. Триады элементов и сформированные на их основе конструкты (следует указать, к какому полюсу конструкта относится каждый элемент триады);
- d. Выбранные элементы для ранжирования;

е. Ранжирование (список элементов в выбранном порядке) по каждому конструкту.

Затем по результатам составляется ранговая решетка. На этапе составления решетки полезно упорядочить конструкты, то есть расположить полюса так, чтобы слева все время был условно «положительный», а с права – «отрицательный» полюс. Это делает матрицу более наглядной.

Обработка решетки

Полученная ранговая решетка является стандартной и к ней могут применяться известные методы анализа репертуарных решеток (см., например, Jankowicz, 2004; Франселла, Баннистер, 1987). В зависимости от «рельефности» наблюдаемых феноменов и от задач психолога, матрица может анализироваться «на глаз», с приблизительным подсчетом основных индексов от руки, или с использованием специального программного обеспечения и статистических пакетов. Мы использовали возможности Microsoft Excel© и бесплатного пакета для анализа репертуарных решеток OpenRepGrid (Heckmann, 2014). В статье выделены базовые диагностические показатели, соответствующие нашему пониманию основных задач оценки ожиданий принимающих родителей, но важно подчеркнуть, что ими возможности метода не исчерпываются и неформальный качественный анализ каждой решетки может принести большую пользу.

А) Анализ системы конструктов позволяет определить наиболее значимые параметры оценки, разнообразие используемых критериев и их гибкость. Первое, на что следует обратить внимание – это значимые корреляции заданного конструкта («может/не может легко быть принят в нашу семью») с выделенными конструктами (при подсчетах от руки достаточным может быть определение дистанций, т.е. средней разницы в оценках всех элементов по двум конструктам). Конструкты с высокой корреляцией предположительно имеют большую личностную отнесенность, большее значение в формировании ожиданий от принимаемого ребенка. Более подробно структура этих связей может быть исследована при помощи кластерного анализа конструктов (программное обеспечение для анализа репертуарных решеток обычно позволяет сделать визуальное представление решетки с данными кластеризации как конструктов, так и

элементов). По числу и содержанию кластеров можно судить о полимотивированности, разнообразии ожиданий. Количественно эту характеристику можно определить с помощью индексов, указывающих на степень взаимосвязи конструкторов между собой, таких, как показатель «когнитивной сложности» по Бири, процент дисперсии, объясняемый первым фактором. Наиболее удачным представляется «индекс интенсивности», предложенный Баннистером, представляющий собой среднее значение суммы квадратов коэффициентов корреляции Спирмена всех возможных пар конструкторов. Чем выше средний показатель интенсивности, тем более однообразными, негибкими, однородными являются оценки детей родителями. Крайне низкие показатели, напротив, могут свидетельствовать о хаотичном, неупорядоченном оценивании, спутанности представлений. Полезно так же определить индексы интенсивности отдельных конструкторов, т.е. то, какую роль отдельный конструктор вносит в распределение оценок. Более «интенсивные» конструкторы рассматриваются, как более значимые, центральные в оценке, отражающие глубинные критерии и в этом плане этот индекс имеет схожее значение с оценкой корреляции конструкторов с заданным – их различие может указывать на то, что позитивные ожидания от принятия ребенка мало связаны с другими значимыми критериями оценки, что может рассматриваться, как один из признаков амбивалентности или искаженной мотивации родителей. Отметим, что все указанные параметры позволяет рассчитать программа OpenRepGrid.

2. Оценка элементов имеет подчиненное значение, но позволяет уточнить, как именно используются конструкторы. Наибольший интерес представляют оценки «реальных» элементов, т.е. жена, муж, уже имеющиеся дети. Сами оценки по значимым конструкторам, т.е. характеристики этих объектов, представляют интерес для качественного анализа. Вычисление дистанций между родительскими объектами и детьми (как реальными, так и с высокими показателями по заданному конструктору, т.е. предпочитаемые в плане выбора) позволяет оценить степень слитности представлений, где низкие дистанции могут говорить о тенденции игнорировать реальные качества ребенка. Результаты кластерного анализа элементов могут указывать на тенденцию к исключению, противопоставлению одного из членов семьи другим и, например,

рассматриваться как индикатор риска вторичного отказа от уже проживающего в семье ребенка.

3. Анализ содержания конструкторов позволяет качественно охарактеризовать содержание родительских ожиданий. Учет содержания конструкторов, безусловно, является важным компонентом как при исследовании системы конструкторов, так и при исследовании оцениваемых элементов, но существуют и особые методы, где акцент ставится именно на исследовании того, что именно используют испытуемые в качестве оснований для оценки. Здесь используются неформализованные методы, в большей степени опирающиеся на клинико-экспертную оценку, и формализованные, такие, как контент-анализ. Процедура контент-анализа упрощает и типизирует качественный материал, что, с одной стороны, приводит к потере смысла, с другой – позволяет стандартизировать субъективные оценки. Одной из вариаций, контент-анализа, используемых при работе с репертуарными решетками, является метод, предложенный П. Хани (по Jankowicz, 2004), где выделенные с помощью контент-анализа категории получают также оценку их релевантности для исследуемой тематики в решетке конкретного испытуемого, что определяется по проценту совпадения оценок (т.е. усредненному показателю средних дистанций) конструктора с заданным конструктором, который отражает исследуемую проблему. Использование заданного конструктора в предлагаемой методике полностью соответствует этому требованию. В соответствии с поставленными задачами, в исследовании конструкторов принимающих родителей важными аспектами является (а) связь категорий с особыми мотивационными тенденциями принимающих родителей, (б) степень эмоциональной включенности родителей в оценку, способность дифференцировать привносимые субъективные искажения от реальных качеств ребенка. Попытки использования уже существующих категорий контент-анализа, как наиболее популярной в работе с личностными конструкторами классификации Ланфильда (по Winter, 1992), шкалы тематического содержания для описания значимых других Блатта (Blatt, Auerbach, Levy, 1990), категорий характерных признаков эмоций категории эмоций (Reizenzein, Hoffman, 1990) показали их непригодность, так как охватывали недостаточное число конструкторов, выделенных родителям (менее 60%).

В связи с этим была проведена эмпирическая классификация 184-х конструкторов с целью установления категорий контент-анализа. Эмпирическая классификация проводилась согласно предложениям, изложенным в руководстве Янковича (Jankowicz, 2004). На первом этапе эксперты производят независимые группировки карточек с конструкторами. Затем результаты их группировки сопоставляются, определяются категории, показавшие высокую и недостаточную надежность экспертных оценок. Далее, процедура повторяется с карточками из категорий, показавших недостаточную надежность. Данная процедура была проведена с участием трех экспертов. После того, как были получены приемлемые показатели надежности для всех категорий, по отдельным конструкторам, по которым оставались разногласия, принималось консенсуальное решение. В результате были получены следующие эмпирические категории контент-анализа конструкторов:

1. Характеристики настроения и эмоционального состояния - 38 конструкторов;
2. Характеристики личностных черт (за исключением тех, которые относятся к трудностям установления контакта) – 17 конструкторов;
3. Указания на трудности установления контакта – 14 конструкторов;
4. Указания на медицинские проблемы, различия в способностях – 16 конструкторов;
5. Описания внешних черт, пола, возраста ребенка – 7 конструкторов, согласованность;
6. Описания активности ребенка в данный момент, - 25 конструкторов, согласованность;
7. Указания на национальность – 3 конструктора, согласованность;
8. Приписывание мотивов, глубинных особенностей личности, указания на прошлый опыт, о которых невозможно судить по фотографии (за исключением отсылок к опыту депривации) – 19 конструкторов, согласованность;
9. Приписывание потребности (или ее отсутствия) в заботе, указания на депривационный опыт и/или актуальную брошенность, - 22 конструктора, согласованность;

10. Странные, своеобразные, труднодоступные для понимания – 8 конструкторов, согласованность;

11. Прочие – 15 конструкторов.

Выделенные категории, с одной стороны, обладают достаточной надежностью для того, чтобы использоваться разными профессионалами. Коэффициенты согласованности, определяемые, как отношение для каждой пары экспертов числа совпавших ответов для категории к числу конструкторов, которые хотя бы один эксперт отнес к категории, варьировались, но в конечном счете не опускались ниже 6,2 (для «странных конструкторов»). Для однозначно определяемых конструкторов согласованность была на уровне единицы (национальность, внешность), высокие показатели надежности так же у конструкторов относящихся к настроению и указаниям на медицинские проблемы и трудности со способностями. Более четкое описание категорий с примерами и формулировкой правил отнесения может позволить еще более повысить показатели надежности. Диагностическое значение отдельных контент-категорий должно быть уточнено в дальнейших исследованиях. На данный момент по результатам обследования небольшого количества приемных семей⁶, включающих как успешно функционирующие, так и отчетливо дисфункциональные, можно отметить, что позитивным индикатором является представленность разнообразных категорий, среди которых – характеристики настроения и эмоционального состояния, описания внешних черт, описания активности, в то время как преобладание конструкторов только одной категории и большое число конструкторов, в которых происходит приписывание мотивов и глубинных личностных особенностей, указания на медицинские проблемы, трудности установления контакта и наличие труднодоступных конструкторов является неблагоприятным признаком. Обоснованность выделения в отдельную группу конструкторов, связанных с «депривационным» содержанием связано с особой ситуацией, в которой находятся обследуемые семьи, у которых происходит заострение внимания на

⁶ Результаты основаны на обследовании 15 приемных семей в разных ситуациях: часть – в рамках семейного консультирования и сопровождения, часть – в ходе семейной терапии при нахождении на стационарном лечении на базе острого подросткового отделения ГБУЗ НПЦ ПЗДП им. Г.Е.Сухаревой ДЗМ.

вопросах, связанных с брошенностью, лишенностью, противопоставлением семейного и институционального опыта опеке.

Контент анализ позволяет осуществить приблизительную классификацию конструктов, по наиболее явным, не вызывающим разногласий у разных специалистов признакам, однако в ряде случаев полезным является использовать так же и аналитические категории, позволяющие более точно понять значение того или иного конструкта. Мы попытались выделить различные типы конструктов, на основе разной степени эмоциональной вовлеченности родителей и склонности к субъективным искажениям воспринимаемого.

(1) **Дескриптивные конструкты** – конструкты формально-описательного характера, относящиеся к особенностям изображения, характеризующие позу, пол, мимические проявления, внешние качества ребенка или особенности самой фотографии. Это объективированные конструкты, с дистанцированием от непосредственной эмоциональной реакции.

(2) **Квалифицирующие конструкты** – конструкты, в которых содержится обобщающее суждение об изображенном ребенке. Среди них отчетливо выделяются два типа:

(а) квалификации актуального (эмоционального) состояния, где более выражена связь с изображением,

(б) квалификации устойчивых черт (характер, личностные черты), где более представлено влияние установок, предвзятого отношения и обобщение имеет поспешный характер,

(3) **Дискриминативные конструкты** – конструкты, с помощью которых происходит типологизация, сведение к заданному стереотипу. Использование данного конструкта позволяет. Примером являются конструкты о медицинской норме/патологии, сложных/простых детях, детях своей/чужой национальности.

(4) **Интерпретативные конструкты** – конструкты, содержание которых определяется привнесенным личностным содержанием, субъективными проекциями. Это конструкты, которые содержат выводы, которые заведомо не могут быть сделаны по

фотографии (например, добрый – мстительный, травмированный в детстве – с благополучным опытом).

(5) Интуитивно-оценочные конструкты – конструкты, представляющие собой переходную форму между квалифицирующими и интерпретативными. В них делается попытка квалификации конструкта, но в то же время это обобщение оказывается подверженным сильным субъективным искажениям. Это квалификации с избыточными уточнениями, конкретизацией, часто в форме придания особого значения взгляду, внешнему виду ребенка. По значению эти конструкты ближе к интерпретативным, выражающим неконтролируемое вмешательство аффективного отношения в процессы суждения.

(5) Идиосинкразические конструкты – конструкты ярко выраженного индивидуального характера, которые либо жестко связаны с особенностями конкретных изображений на фотографиях и отражают тонкие нюансы, либо отражают эксцентричность оценок. Это конструкты, трудные для однозначного понимания, которые невозможно использовать другому человеку.

(6) Конструкты, содержащие оценочные высказывания – нравятся - не нравятся, приятные – не приятные. Так же выражают поспешность эмоционального реагирования.

Наиболее адекватными, указывающими на способность к регуляции аффективно-мотивационных процессов, являются квалифицирующие конструкты.

В целом предлагаемый метод дает широкие возможности в исследовании ожиданий и мотивации приемных родителей. Он позволяет как количественную оценку, так и качественный анализ полученных данных. Гибкость метода позволяет его использовать как в практических, так и научных целях. Важную роль метод может играть в развитии адресных программ подготовки и сопровождения приемных семей. За рамки статьи вышло обсуждение возможностей использования репертуарных решеток в контексте консультирования и психотерапии, позволяющего вынести вовне присущие принимающим родителям особенности отношения к приемным детям и ожиданий от них, и сделать их предметом обсуждения.

Список литературы

Евстратова Ю. В. Исследование мотивации приема ребенка у кандидатов в замещающие родители // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. Сборник текстов. М. МГППУ, 2013. – С. 26-28.

Зейгарник Б.В. Принципы построения патопсихологического исследования // Практикум по патопсихологии (под ред. Б.В.Зейгарник, В.В.Николаевой, В.В.Лебединского). Издательство Московского Университета, 1987. С. 12-35.

Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот. М.: Генезис, 2006. – 247 с.

Палиева Н.А., Савченко В.В., Соломатина Г.Н. Мотивация принятия приемного ребенка в замещающую семью // Terra Umana, 1, 2011. – С. 132-137.

Печникова Л.С., Жуйкова Е.Б. Проблема внутрисемейной мотивации к воспитанию приемного ребенка в семье // Ананьевские чтения - 2013, Психология в здравоохранении, Материалы научной конференции. СПб: 2013. – С. 237-238

Печникова Л., Жуйкова Е. Психологическая характеристика мотивации к воспитанию приемного ребенка в семье // Психологическая наука и образование. — 2014. — № 4.

Похилько В.И. Психодиагностика индивидуального сознания. // Общая психодиагностика, ред. А.А. Бодалев, В.В. Столин. СПб.: Речь, 2006. – С. 232-245.

Соколова Е.Т., Федотова Е.О. Влияние мотивационного конфликта и когнитивной недифференцированности на устойчивость самооценки // Вестник МГУ. Сер.14, Психология. 1986; № 1. – С. 20-26.

Франселла, Ф. Баннистер, Д. Новый метод исследования личности. Руководство по репертуарным решеткам. М.: “Прогресс”. 1987 – 234 с.

Blatt S., Auerbach J., Levy, K. (1990) Mental Representations in Personality Development, Psychopathology, and the Therapeutic Process // Review of general psychology, vol. 1, No. 4. – pp. 351-374.

Brown, J. Bednar, L. (2006) Foster parent perceptions of placement breakdown // Children and Youth Services Review, 28 (2006). – pp. 1497–1511.

Fransella, F., Bell, R., Bannister, D. (2004) A manual for repertory grid technique. 2d. ed. NY, L., John Wiley and sons, 2004. – 266 p.

Heckmann, M. (2014). OpenRepGrid: An R package for the analysis of repertory grids. ZENODO. doi:10.5281/zenodo.8492

Hicks, C., Nixon S. (1989) The use of a modified repertory-grid technique for assessing self-concept of children in Local Authority foster care // *British Journal of Social work*, 19. 203-216.

Jankowicz, D. (2004) The easy guide to repertory grids. NY, L., John Wiley and sons, 2004. – 308 p.

Kelly G. (1955) The psychology of personal constructs. Vol one. A theory of personality. NY, Taylor and Francis. - 404 p.

Butler R., Green D.(2007) The child within. John Wiley and sons, 2007. – 228 p.

Lifshitz, M. (1974) Quality porofessional does training make a difference? // *British Journal of Social and Clinical Psychology*, 13. – pp. 183-189.

Malm K., Welti K. (2010) Exploring Motivations to Adopt // *Adoption Quarterly*, 13: 3-4, - pp. 185-208

Morrison, P. (1991) The caring attitude in nursing practice% a repertory grid study of trained nurse's perceptions. // *Nurse education today*, 1991, 11. – pp. 3-12.

Nissim, R. (1996). What makes for successful fostering? Using repertory grids to answer this question // *Educational and Child Psychology*, 13(4), 36–43.

Reizenzein, R., Hoffman, T. (1990) An Investigation of Dimensions of Cognitive Appraisal in Emotion Using the Repertory Grid Technique // *Motivation and Emotion*, Vol. 14, No. 1., 1990. – pp. 1-26.

Thomas, M., Philpot T. (2009) Fostering a child's recovery : family placement for traumatized children. L.: Jessica Kingsley Publishers, 2009. – 156 p.

Winter D. (1992). Personal Construct Psychology in Clinical Practice: Theory, Research and Applications. London: Routledge. – 480 p.

Позитивное родительство – путь к сотрудничеству и развитию

Карabanова О.А.

МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

okarabanova@mail.ru

Рассмотрены цели и основные характеристики позитивного родительства, условия и факторы, определяющие эффективность родителя и качество родительства. Выделены причины девиантного родительства. Сформулированы положения, опровергающие стереотипы представлений о факторах риска реализации родительства.

Ключевые слова: родительство, позитивное и девиантное родительство, эффективность родителя

Говоря о родительстве, сегодня принято выделять крайние варианты успешности реализации воспитательной функции – позитивное/эффективное и девиантное родительство. Параметры позитивного родительства имеют социо-культурную историческую природу. Характеристики позитивного и девиантного родительства различаются в разных культурах и на протяжении истории человечества. Само понятие «child abused» определяется социальным и историческим контекстом, теоретическими взглядами на закономерности развития ребенка и функционирования семьи, социальными установками в отношении воспитания ребенка и родительства.

Ярким примером являются дебаты, которые ведутся вокруг проблемы применения физического наказания ребенка. Несмотря на то, что в большинстве европейских стран физические наказания официально находятся «вне закона», существует, достаточно широкая практика их применения как воспитательного средства. Так, по данным исследования Sawson et al. (2000), что 72% обследованной выборки молодых людей 18-24 лет в Великобритании сообщили о том, что в детстве они подвергались телесным наказаниям как средству поддержания дисциплины.

Родительство сегодня рассматривается как процесс содействия прогрессивному развитию ребенка и достижению им автономии в доброжелательной, безопасной и психологически комфортной среде, создаваемой поведением родителя. Общество занимает достаточно активную позицию в отношении неэффективного или девиантного родительства, реализуя интервенцию (вмешательство) с целью компенсации неэффективного родительства. Временами такое вмешательство оказывается несвоевременным, неэффективным и даже разрушающим семейные связи и отношения. Примером может служить неадекватная деятельность отдельных органов системы ювенальной юстиции, реализуемая вопреки ценностно-целевым установкам ее создания как в нашей стране, так и за рубежом.

Основной целью родительства является обеспечение условий оптимального умственного и личностного развития ребенка. Родительство представляет собой длительный многолетний процесс развития системы компетенций в сфере воспитания ребенка. Родительское поведение изменяется по мере взросления ребенка и развития самого родителя. Родительство – процесс, реализуемый на протяжении долгого отрезка жизненного пути. На различных возрастных этапах для развития ребенка необходимы различные паттерны родительского поведения. Родительство представляет собой двусторонний процесс взаимодействия, в который и родитель, и ребенок вносят свой значимый вклад. Качество родительства определяет будущее психологическое благополучие обеих взаимодействующих сторон. Каждый родитель потенциально может стать хорошим родителем, однако реализация этого потенциала зависит как от истории отношений в семье, так и от актуальных событий.

Основными составляющими родительства являются:

- забота (удовлетворение витальных, социальных, эмоциональных потребностей ребенка и защита от болезней, вредностей, ущерба, отвержения, насилия и пр.)
- контроль (определение и выстраивание границ поведения и деятельности);
- развитие (содействие в реализации потенциала ребенка в различных сферах) (Hoghughí, 2004).

Эффективность родителя определяется такими характеристиками родителя как

- знание, информированность, компетентность (в удовлетворении потребностей ребенка, потенциале и возможностях развития ребенка, интерпретации и понимании особенностей ключевых моментов поведения ребенка, осведомленность об источниках угрозы и факторах риска);
- мотивация (наличие потребностей, удовлетворение которых обуславливает поведение родителя);
- ресурсы (материальные и личностные);
- возможности (время и место для общения и взаимодействия с ребенком).

Кроме того, родители должны обладать умениями справляться с дистрессом, непослушанием, разрешать конфликты и устанавливать позитивные межличностные отношения.

Качество родительства определяется личностными особенностями самого родителя, личностными и индивидуальными особенностями ребенка, а также тем социальным контекстом в котором осуществляется родительство – в первую очередь, характером супружеских и брачных отношений, социальными связями семьи и профессиональной занятостью родителей.

Отметим, что ключевым условием эффективности родительства выступает взаимодействие родителя с ребенком, в котором сам ребенок оказывается активным участником и строителем детско-родительских межличностных отношений. Другими существенными условиями являются уровень психологического благополучия самих родителей, их опыт воспитания других детей и собственный опыт детско-родительских отношений.

В исследовании Бельского и Вондры (Belsky and Vondra, 1989) были выявлены факторы, влияющие на качество родительства, выделив 3 основных сферы – психологические особенности Родителя, психологические особенности ребенка, контекст. Со стороны Родителя важнейшими факторами являются

- *сенситивность* (чувствительность) родителя, включая чувствительность к возможностям ребенка, задачам развития и трудностям; способность к эмпатии, ориентацию в воспитании; реалистичные ожидания и адекватная поддержка намерений ребенка.

- *психологическая зрелость родителя* (устойчивое Я, самооценка и интернальный локус контроля; удовлетворенность психологических потребностей; способность открыто и адекватно выражать свои чувства; умение передавать свой опыт; активные стратегии совладания с трудностями; понимание результатов своего поведения);

- *психологическое здоровье*, включая теплоту, инициативность и естественность общения и взаимодействия с ребенком, стабильность и организованность образа жизни;

- *история собственного родительства*, включая опыт отношений со своими родителями.

Со стороны Ребенка – такими факторами выступают физическое здоровье, благополучие развития, особенность темперамента (легкость темперамента для родителя, возможность установления и реализации родительского контроля).

Контекстные факторы это поддержка, получаемая от партнера, социальных сетей и совместимость профессиональной занятости с выполнением родительских функций.

Все перечисленные факторы действуют не изолированно, а взаимодействуют, усиливая, нивелируя и компенсируя друг друга, и определяя в конечном итоге уровень родительской компетентности. Девиантное родительство можно считать следствием стрессового воздействия, опосредованного факторами риска, создающими чрезмерную уязвимость ребенка.

Исследования случаев дисгармоничного и девиантного родительства позволили выявить его причины. К ним относятся:

- нарушения мотивационной сферы (случайный характер зачатия ребенка; отсутствие или слабость потребности иметь детей и быть родителем; наличие у родителя более сильных «конкурирующих потребностей», чем потребность в реализации родительской любви; фрустрация жизненно важных потребностей родителя в связи с рождением воспитанием ребенка);

- семейный анамнез – отрицательное отношение к рождению ребенка супруга, родителей, других значимых членов расширенной семьи; высокая конфликтность и негативное отношение супругов друг к другу; негативный детский опыт общения с собственными родителями, прежде всего опыт отвержения и игнорирования; развод родителей; трудности сиблинговых отношений;

- позднее включение в уход и заботу о ребенке с момента его рождения; чрезмерно раннее делегирование в собственной семье функций ухода за младшим сиблингом;

- личностные особенности родителя (инфантилизм и личностная незрелость, низкий уровень ответственности, эгоизм, наличие у родителя ряда неразрешенных психологических проблем);

- индивидуальные особенности ребенка - индивидуально-типологические особенности ребенка такие, например, как трудный темперамент (А.Томас, С.Чесс), несоответствие ребенка ожидаемому родителями образу, физические недостатки, дефекты;

- низкий неудовлетворительный уровень психолого-педагогической компетентности родителя, игнорирование возрастных особенностей ребенка, либо искаженное представление о них, приводящее к мистификации и грубым нарушениям системы воспитания.

Можно выделить следующие варианты нарушений родительского отношения к ребенку:

- доминирование чувства долга в отношении к ребенку и его воспитанию, отсутствие у матери интереса к ребенку, сознательное приспособление матери к потребностям ребенка, недостаток непосредственности в ее поведении;

- непоследовательность системы воспитания, противоречивость действий по отношению к ребенку;

- эмоциональное отвержение, безразличие, гиперопека, сверхтребовательность;

- чрезмерная ориентация на социальные требования и долженствования без учета индивидуальных особенностей ребенка, гиперсоциализация, выражающаяся в повышенных требованиях к ребенку без учета индивидуальных особенностей, эгоцентризм, формирующий ребенка по типу «кумир семьи», «смысл жизни»;

- чрезмерность или недостаток протекции - потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, эмоциональное отвержение, жестокое обращение, гипопротекция;

- тревожный тип отношения матери к своему ребенку, отличающийся ситуативным и ограничивающим контролем, непоследовательность воспитания;
- отвержение ребенка, межличностная дистанция родителя и ребенка, авторитарная гиперсоциализация, инфантилизация (Захаров А.И., Варга А.Я., Эйдемиллер Э.Г.)

Признавая значение индивидуальности родителя для развития ребенка, авторы большинства исследований, выполненных в последние 20 лет, приходят к единому мнению о приоритетности отношений в семье и социальной поддержке как ключевом условии успешности развития ребенка. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд положений, позволяющих по-новому оценить воздействие неблагоприятных семейных факторов на развитие ребенка и имеющих принципиальное значение для работы психолога с семьей.

Сам факт воспитания ребенка в неполной семье не является фактором риска для развития и психологического благополучия ребенка. Гораздо больший ущерб наносит развитию ребенка и его эмоциональному статусу продолжающийся родительский конфликт, а не сам факт развода, или ухудшение материального положения неполной семьи.

Отцы столь же способны к эффективному и сенситивному родительству, как и матери. В силу этого оба разведенных родителя могут равно успешно осуществлять заботу о ребенке. Не пол родителя, а совокупность обстоятельств определяют преимущества той или иной стороны в воспитании ребенка. Присутствие или отсутствие отца в семье само по себе не определяет фатальным образом развития гендерной идентичности ребенка и его психологические характеристики.

Искусственное зачатие не создает ребенку и родителю проблем или рисков эмоционального развития ребенка и детско-родительских отношений. В то же время недостаток исследований суррогатного материнства не позволяет сделать аналогичного вывода.

Психическое развитие ребенка определяется социальными отношениями, но не генетической связью.

Эмоциональное развитие и психологический статус ребенка определяется скорее целостным интегрированным опытом, а не отдельными событиями, как бы значимы

они не были. Однако влияние на развитие того или иного события определяется временем – в раннем возрасте ребенок, как правило, оказывается более уязвимым.

Постоянство отношений значимо для ребенка и позволяет ему в дальнейшем устанавливать новые социальные и межличностные отношения. *Разлука и сепарация* делает ребенка более уязвимым, но не предопределяет нарушений в развитии.

Список литературы

1. Варга А.Я. Типы родительского отношения. — Самара, 1997.
2. Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков – СПб. - 2006.
3. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. — СПб - 1999.
4. Belsky, J., & Vondra, J. (1989). Lessons from Child Abuse: the Determinants of Parenting. In D. Cicchetti & V. Carlson (Eds.), Current Research and Theoretical Advances in Child Maltreatment (pp. 153-202). Cambridge, MA: Cambridge University Press.
5. Cawson P., Wattam, C.; Brokers, S.& Kelly, G. (2000) Child maltreatment in the United Kingdom NSPCC, ISBN 1-84228-006-6, London, United Kingdom.
6. Hoghughi, M. & Long, N, Handbook of Parenting: Theory and Research for Practice - 2004.

Модели отцовства как фактор различий в детско-родительских отношениях

Красильникова Е.Н.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

e-mail: ekaterina_n_e@mail.ru

В качестве внутрисемейных факторов формирования индивидуальных различий выступают личностные характеристики родителей, особенности сиблинговых

(близнецовых) отношений и показатели детско-родительского взаимодействия.

Исследования показали, что эмоциональная стабильность родителей, открытость опыту, доброжелательность и контроль импульсивности положительно связаны с позитивной родительской поддержкой, контролем и теплотой в отношениях [3]. Матери с высоким уровнем невротизма чаще демонстрируют сверхконтроль в отношении более застенчивого ребенка [3]. Различия близнецов по уровню психометрического интеллекта напрямую связаны с показателями личностной сферы матерей, а показатели вербального интеллекта, в свою очередь, зависят от порядка рождения детей [1]. Распределение ролей в паре определяет высокий уровень развития показателей когнитивной сферы [1]. Характер sibлинговых отношений связан с экстраверсией и уровнем субъективного контроля старшего sibлинга [2]. Эмоциональная близость родителей к одному из детей положительно влияет на личностные характеристики старшего sibлинга, и отрицательно – на характеристики младшего [2]. Разная степень контроля со стороны родителей связана с эмоциональным балансом и со склонностью к депрессивным настроениям [1].

Краткий обзор исследований позволяет заключить, что различия между детьми одной семьи обусловлены разными факторами. В частности, глубокому анализу подвергаются вопросы влияния личности матерей на поведенческие, эмоциональные и интеллектуальные особенности детей. Вместе с тем, исследования показывают, что отцовские характеристики также определяют различия между детьми. Например, участие отца в жизни семьи связано с развитием эмпатии у детей, близкие отношения с отцом обуславливают более высокую самооценку и стабильность «образа Я» ребенка, дети эмоционально вовлеченных отцов характеризуются лучшим когнитивным развитием, дети, отцы которых демонстрировали положительный ранний контроль, имеют меньше проблем с поведением в школе [5].

В данном исследовании в качестве фактора индивидуальных различий рассматриваются представления мужчин об отцовстве. Предполагается, что дети отцов, демонстрирующих разные типы отцовства, отличаются друг от друга по оценке параметров взаимодействия с родителем.

Организация исследования

В исследовании приняли участие 67 двухдетных полных семей (N = 201). 67 отцов

в возрасте от 35 до 51 лет ($M = 41,1$; $SD = 3,5$) и 134 ребенка. Возраст младших детей от 7 до 15 лет ($M = 10,5$; $SD = 1,2$), возраст старших - от 12 до 18 лет ($M = 14,7$; $SD = 0,9$). Отцы проживают совместно с детьми. Все дети родные.

С целью изучения параметров взаимодействия ребенка с отцом использовался опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» И.М. Марковской [4].

Для статистической обработки использовались Т-критерий Стьюдента для зависимых групп. Парно сравнивались показатели детей отцов разных групп. При обработке данных исследования использовался пакет статистических программ Statistica 6.0. Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 14-3601332.

Результаты и их обсуждение

В прошлых исследованиях были выделены группы отцов с разными представлениями об отцовстве (Красильникова Е.Н., Корниенко Д.С. в печати). «Ответственные» отцы вовлечены в семью, стремятся к равенству с матерью в распределении родительских обязанностей, демонстрируют средний уровень главенства. «Традиционные» отцы ориентированы на лидерство и поддержание дисциплины в семье, они отстранены от воспитания детей, родительские функции предпочитают передавать матери. «Отсутствующие» отцы в некоторой степени участвуют в жизни семьи, при этом стремление занимать главенствующую роль и разделять с матерью домашние обязанности находится на низком уровне.

Различия между детьми отцов разных групп

Рассмотрим различия между старшими детьми отцов трех групп – «ответственных», «отсутствующих», «традиционных».

Показатели детей «ответственных» отцов значительно отличаются от показателей детей «отсутствующих» и «традиционных» по таким параметрам, как «мягкость-строгость», «отвержение – принятие», «авторитетность родителя» и «удовлетворенность отношениями с родителем». Дети «ответственных» отцов считают, что отцы не применяют суровых мер и жестких правил во взаимодействии с ними. Кроме того, дети высоко оценивают степень принятия отцом их личностных особенностей и поведенческих проявлений, воспринимают отца как авторитетного человека, мнением которого дорожат и в целом демонстрируют более высокую удовлетворенность

отношениями с отцом, нежели дети из семей «отсутствующих» и «традиционных» отцов. Данные различия связаны с тем, что «ответственные» отцы вовлечены в семью, проводят с детьми больше свободного время и занимаются их воспитание, соответственно, дети воспринимают отношения с ними в позитивном ключе. Также обнаружены различия между детьми «ответственных» отцов и «традиционных» по показателю «эмоциональная дистанция – близость». Дети «традиционных» отцов не чувствуют эмоциональной близости с родителем, что, вероятно, является следствием высокой степени отстранения отца от воспитания, которая создает дистанцию и барьер в отношениях. Различий между старшими детьми «отсутствующих» и «традиционных» отцов обнаружено не было.

Рассмотрим различия между младшими детьми отцов разных групп.

Дети «традиционных» отцов значительно отличаются от детей «ответственных» и «отсутствующих» по показателю «нетребовательность – требовательность». Младшие школьники, которых воспитывают «традиционные» отцы, считают, что родитель предъявляет к ним много требований и ждет высокого результата в деятельности. Такое восприятие детьми взаимоотношений связано с высоким уровнем доминирования отца в семье, для которого требовательность является одним из важных компонентов дисциплины. Младшие школьники, отцами которых являются «ответственные» родители, отличаются от детей «отсутствующих» и «традиционных» отцов по таким параметрам взаимодействия, как «отвержение – принятие», «воспитательная конфронтация в семье» и «удовлетворенность отношениями с родителем». Можно предположить, что дети «ответственных» отцов высоко оценивают степень воспитательной конфронтации, поскольку отец не стремится быть лидером и главой семьи, соответственно, его мнение и поступки могут быть оспорены другими членами семьи. Также дети «ответственных» отцов демонстрируют наиболее высокий уровень «эмоциональной близости» из всех трех групп. Кроме того, обнаружены различия по показателям «отсутствие сотрудничества – сотрудничество», «непоследовательность – последовательность» между оценками детей «ответственных» отцов и «традиционных». Дети «традиционных» отцов в меньшей степени ощущают себя равноправными членами семейной системы, мнение которых учитывают, также они низко оценивают

последовательность воспитательных действий отца. «Традиционный» отец характеризуется средним уровнем равенства и высоким уровнем главенства, следовательно, в семейных отношениях не склонен к сотрудничеству, предпочитает принимать решения самостоятельно.

Итак, дети отцов, обладающих разными представлениями об отцовстве, отличаются друг от друга по восприятию особенностей взаимодействия с отцом.

Отцы, ориентированные на вовлечение в семью и равенство с матерью, демонстрируют поведение, которое оценивается детьми, как мягкое, принимающее, доверительное, последовательное и основанное на сотрудничестве. Дети воспринимают такого отца как авторитетного человека, отношения с которым вызывают удовлетворение.

Отцы, стремящиеся к доминированию и отстранению от воспитания, выстраивают взаимодействие таким образом, что ребенок чувствует отвержение своей личности, строгость семейных правил, требовательность, эмоциональную дистанцию отца и непоследовательность его воспитательных действий. Наблюдается низкий уровень конфронтации членов семьи друг с другом и низкий уровень удовлетворенности ребенка отношениями с отцом.

Список литературы

1. Генотип. Среда. Развитие. [Текст] / М.С. Егорова, Н.М. Зырянова, О.В. Паршикова и др.: Монография. – М.: ОГИ, 2004. – 377 с.
2. Козлова И.Е. Особенности сиблинговых и детско-родительских отношений и характеристики личностной сферы сиблингов [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2(2). URL: <http://psystudy.ru>
3. Козлова И.Е., Алексеева О.С. Личностные характеристики родителей и особенности родительско-детских отношений // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 32. С. 11. URL: <http://psystudy.ru>
4. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми / И.М. Марковская. СПб.: ООО Издательство «Речь», 2005. –150 с.

5. Pougnet, E., Serbin, L., Stack, D., Schwartzman, A. Fathers' Influence on Children's Cognitive and Behavioural Functioning: A Longitudinal Study of Canadian Families. Canadian Journal of Behavioural Science 2011, Vol. 43, No. 3, 173–182.

Психология материнства в неполной семье

Овчарова Р.В., Мяжкова М.А.

ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет», г. Курган, Россия

oraissa@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании материнство трактуется как система осознанных отношений женщины к материнству в целом, к себе как к матери, материнской роли, к своему ребенку, проявляющихся в материнской позиции, стиле семейного воспитания и родительской ответственности. Материнство в неполной семье характеризуется изменением содержания: снижением степени проявления материнской любви, осознанности и ответственности стиля воспитания, материнских позиций и установок; более негативном образе идеальной матери; негативном отношении к отцу.

Анализ подходов к изучению понятия «материнство» показал, что ученые в большинстве случаев определяют его как систему отношений, процесс, генетическую предрасположенность, этап в жизни, самостоятельный феномен:

- материнство как *генетическая предрасположенность* каждой женщины с целью распространения генов в популяции;

- материнство как *биологический процесс*, который реализуется через опыт, возникает из любви, преданности ребенку и самой себе;

- материнство как *главный этап в жизни женщины*, находящий свое отражение в процессе идентификации со своей матерью;

- материнство как *самостоятельный психологический феномен*;

- материнство как *система отношений матери и ребенка* понимается в виде системы чувств, поведенческих стереотипов, особенностей восприятия и понимание поступков ребенка.

По мнению многих отечественных психологов, материнство является не только самостоятельным психологическим феноменом, но и составной частью родительства. Оно неотделимо от отцовства. Родительство – это многогранный феномен, который можно рассматривать на двух уровнях: как сложное комплексное субъективно-личностное образование и как надындивидуальное целое, которое, как правило, является совокупным, т.е. включает двух человек – отца и мать.

Выполнение взаимодополняющих отцовских и материнских функций приводит к правильному воспитанию и развитию гармонично развитой личности ребенка, приспособленной к жизни в обществе.

Если женщина воспитывает ребенка в одиночку, то ей приходится выполнять не только традиционные материнские функции, но и брать на себя частично или полностью функции отца, которые будут трансформироваться через призму женского восприятия. Это естественно сказывается на особенностях личности ребенка, таких как заниженная самооценка, повышенная тревожность, раздражительность, агрессивность, эгоизм, грубость, неуверенность в себе, в общении с противоположным полом, неразвитость мужественности у мальчиков и женственности у девочек. Трансформации материнских функций могут быть двух видов:

1. Выполнение матерью отцовских функций в чистом виде – квазиотцовские функции.
2. Мать выполняет функции отца в женском варианте, не стараясь полностью копировать поведение мужчины в семье – компенсаторные функции.

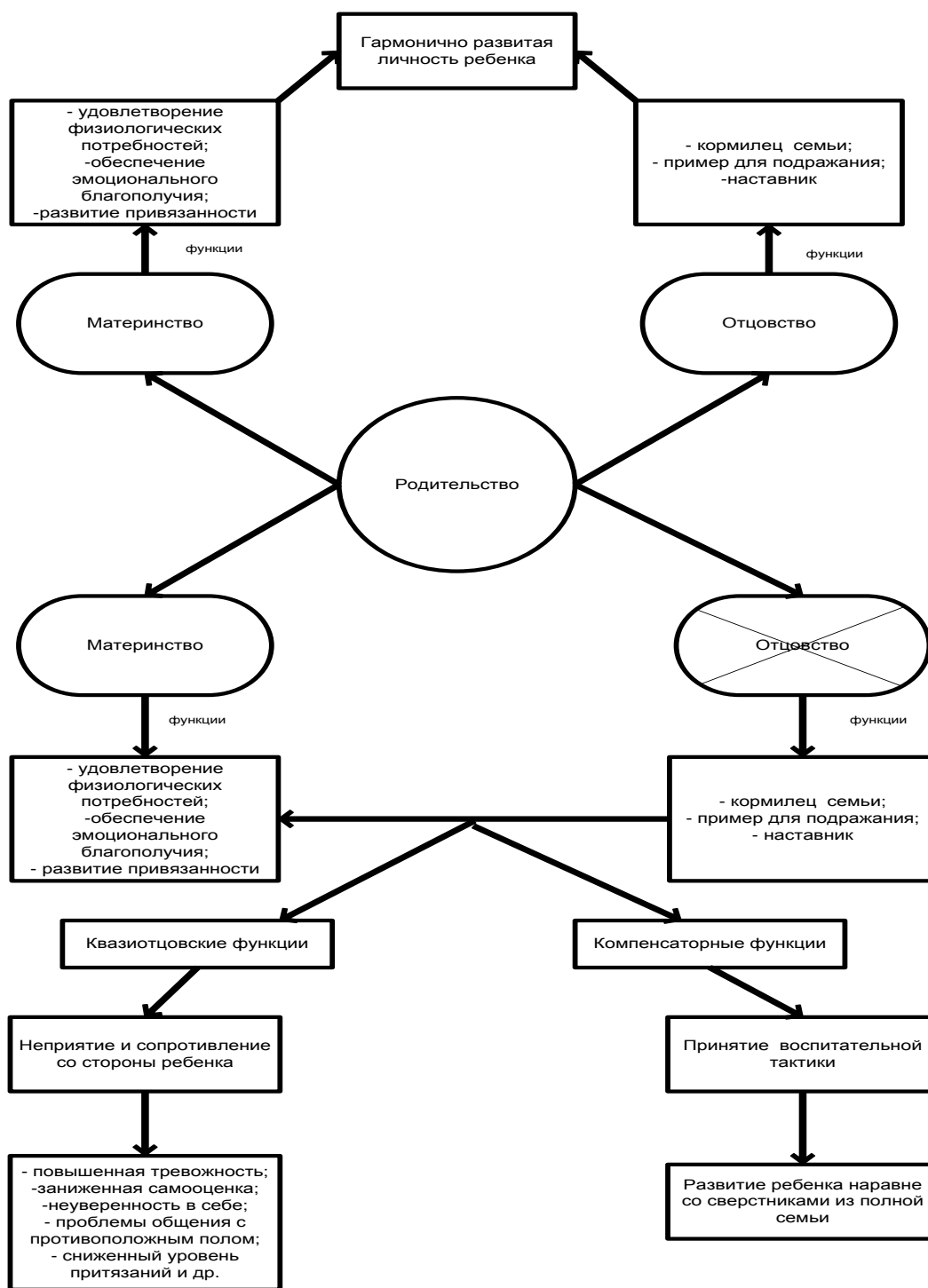

Рис.1. Особенности выполнения родительских функций в полной и неполной материнской семье

По мнению Е.Е.Ромициной, выполнение отцовских функций матерью в чистом виде вызывает у ребенка внутреннее неприятие и сопротивление, что

естественно понижает эффективность процесса воспитания. Именно поэтому женщина, воспитывающая ребенка в одиночку, должна постараться сбалансировать в своем поведении функции отца и матери. Это поможет ей компенсировать недостатки воспитания детей без мужчины (Ромицина Е.Е., 2004) (рис. 1).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что неполное материнство может быть осознанным и неосознанным. Женщины с высоким уровнем осознанности родительства (материнства) сознательно относятся к воспитанию ребенка без отца, стараясь развить все необходимые качества для его успешной адаптации в обществе. Для достижения этой цели данная группа матерей выбирает реализацию компенсаторных функций. Женщины с низким уровнем осознанности материнства отличаются низким уровнем осознанности родительства (материнства) и выполнением квазиотцовских функций при воспитании.

Таким образом, неполное материнство может быть осознанным или неосознанным. Дети при поддержке матери в отсутствии отца могут также благополучно развиваться, не уступая своим сверстникам.

Материнство – это система осознанных отношений матери к материнству в целом, к себе как к матери, материнской роли, к своему ребенку, проявляющихся в материнской позиции, стиле семейного воспитания и родительской ответственности. Психологическая структура материнства представлена тремя компонентами: когнитивным, эмоциональным и поведенческим.

Когнитивный компонент предполагает наличие определенных знаний, представлений об особенностях материнства, способах его проявления в соответствии с культурными нормами, предписаниями общества и учетом индивидуальных особенностей, ценностей и мотивации матерей. Данный компонент включает в себя материнские отношения, ценности и представления о материнстве. *Представление о материнстве* является собой совокупность взглядов, убеждений, представлений матери о системе воспитания в целом и в конкретной ситуации в частности. Оно выражается в конкретно созданном образе идеального и реального родителя с набором личностных качеств, необходимых для воспитания гармоничной и психологически здоровой личности, таких, как бескорыстность, доброта, сила,

альтруистичность, благоразумность, эмпатичность и многие другие. *Материнские ценности семейного воспитания* отражают основные убеждения, цели, идеалы и другие мировоззренческие проявления женщины по отношению к семье, детям, процессу воспитания и, конечно, материнству в целом. Они являются мощным интегрирующим фактором для семейной системы, как на уровне взаимодействия супругов, так и на уровне взаимодействия родителей и детей. *Материнское отношение* имеет собирательный характер, поскольку, с одной стороны, представляет собой часть личностной сферы женщины, сформированной в процессе воспитания в родительской семье, с другой стороны, зависит от возраста, пола, социального статуса, уровня образования и других социальных характеристик. Независимо от влияния внешних факторов на формирование представлений о материнстве в индивидуальном плане материнское отношение должно быть сознательно проработано, основываться на общепринятых человеческих ценностях с учетом особенностей семейной ситуации, личностных особенностей членов семьи, стремления родителя к самореализации и самосовершенствованию себя в новой для него роли.

Эмоциональный компонент представлен доминирующим эмоциональным фоном, сопровождающим любое взаимодействие с ребенком, и эмоциональной оценкой образа ребенка, себя и супруга как родителя. Данный компонент состоит из материнских чувств и переживаний. *Материнские чувства* включают в себя степень их осознанности, материнскую симпатию, любовь и три ее составляющие – когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Материнская любовь рассматривается в качестве психической реальности, субъективная сторона которой дана родителю посредством эмоционально-чувственного переживания, связанного с отражением образа ребенка, а объективная выражается в отношении любви родителя к ребенку (Милюкова Е.В., 2004).

Любовь представляет собой одно из главных эмоциональных состояний, проявляющееся у матери по отношению к ребенку, поскольку оно способствует созданию психологического комфорта, необходимого для его нормального развития, поэтому степень ее проявления очень сильно отражается на ребенке:

- эмоционально-чувственный компонент содержит в себе аффективные состояния, эмоции, чувства, проявляющиеся у родителя по отношению к ребенку. Благодаря этому компоненту налаживается эмоциональная связь в детско-родительских отношениях;
- когнитивный компонент включает в себя представление родителей о любви и способах ее проявления с учетом индивидуальных особенностей ребенка;
- поведенческий компонент представляет собой реальные проявления данного чувства в поведении родителя.

Материнские переживания отражают эмоциональное состояние женщины по отношению к родительству в целом, к ребенку, к отцу ребенка как к родителю.

Любое переживание матери вне зависимости от его направленности должно нести положительный характер, чем больше степень его выраженности, тем лучше как для самой матери, так и для развития ребенка.

Поведенческий компонент непосредственно проявляется в конкретных действиях, поступках матери по отношению к ребенку. В его состав входят стиль семейного воспитания, материнская ответственность, позиции, установки и материнская роль.

Выполнение *материнской роли* основано на преобладании одного из видов идентичности:

1. Культурного, при котором родитель воспитывает своих детей, строго ориентируясь на принятые в его культуре нормы и традиции.

2. Социального, в котором главной ценностью для родителя является развитие ребенка и собственной личности, основанное на жизненных интересах и связанное с обеспечением благополучного будущего.

3. Личностного, основанного на индивидуальной мотивации родительства, воспринимаемого как один из способов самореализации личности.

Также для матери важны такие характеристики, как:

- устойчивость, которая говорит о приоритетности данного вида роли над всеми другими социальными ролями и нежелании от нее отказываться;

- стереотипизация, которая выражается в стремлении матери осуществлять процесс воспитания в соответствии с достаточно упрощенным и схематичным представлением о выполнении родительских функций, сложившемся в обществе;

- внезапность перехода к исполнению материнской роли отражает степень значимости и плановости материнства в системе жизненных ценностей одинокой матери;

- присвоение примера родителя предполагает применение способов, приемов, методов и форм воспитания, использованных, в свою очередь, в родительской семье.

Таким образом, мы видим, что материнская роль – это набор шаблонов поведения по отношению к ребенку в семье. Естественно, что с возрастом ребенка она должна претерпевать определенные изменения. До семи лет мать играет роль учителя, поскольку именно через родителя ребенок познает основы мира, поэтому очень важно сфокусировать свое внимание на социальном, эмоциональном, интеллектуальном, физическом, духовном развитии ребенка. В подростковом возрасте родитель должен попытаться помочь ребенку найти себя и ответы на многие интересующие его вопросы, а не давать их в готовом виде.

Материнская ответственность выражена в высоко развитом чувстве долга, распространяющемся на все сферы семейной жизни: уход за ребенком, кормление, забота о его здоровье, обучении, воспитании, материальном обеспечении и др. Степень проявления материнской ответственности будет зависеть от системы ценностей человека, взглядов на жизнь, условий формирования и зрелости личности. Для женщины ответственность заключается, прежде всего, в создании благоприятной атмосферы в доме, душевного комфорта, но чрезмерное ее проявление может выражаться в повышенной тревожности за ребенка или гиперопеке, что не всегда положительно сказывается на ребенке.

Стиль воспитания отражает совокупность способов и приемов общения матери и ребенка.

Материнская установка является сознательной (бессознательной) оценкой ребенка, его поведения, личностных особенностей, которые существенно влияют на выстраивание взаимоотношений с ним в будущем.

Материнская позиция - это сознательно проработанная система отношений женщины к процессу воспитания детей, отражающаяся в конкретных действиях и поступках.

Выраженность гендерной специфики родительской позиции основана на выделенных Д.Пэйнзом трех основных видах родительских позиций:

- материнская воспитательная позиция основана на любви, заботе и безоценочном принятии ребенка;

- отцовская воспитательная позиция отражает воспитательные позиции со строго традиционными мужскими ценностями, основана на требовательности, строгости, необходимой для развития самостоятельной, состоявшейся и преуспевающей во всем личности;

- лишенная крайностей воспитательная позиция включает в себя гармоничное сочетание двух вышеперечисленных воспитательных позиций (Д.Пэйнс, 1997).

В целом для полной семьи содержание материнства должно характеризоваться адекватным представлением о материнстве, осознанностью материнского отношения, семейных ценностей, лежащих в основе воспитания, выраженностью материнской любви и симпатии, позитивных материнских переживаний, осознанностью материнских чувств, принятием материнской роли, осознанностью стиля воспитания, позиций, установок и родительской ответственности.

Возникает вопрос: что же оказывает влияние на одно из распространенных явлений в современном обществе – появление неполных материнских семей?

Анализ работ западных и отечественных ученых по заданной тематике позволяет выделить ряд *условий, оказывающих влияние на появление неполных материнских семей*, количество которых растет с каждым годом: искажение полоролевых позиций, стремление к самореализации, сложности процесса идентификации, стремление к моральной независимости

В данной работе автором также были выделены условия формирования материнства в неполных семьях на основании вышеперечисленных мнений и концепции А.Г.Асмолова о становлении личности как субъекта деятельности (А.Г.Асмолов, 1990). По его мнению, формирование личности, с одной стороны, происходит под влиянием общества, в котором он находится, на основе усвоения им выработанных традиций, норм, ценностей. С другой стороны, человек сам является творцом своей жизни, своего пути, реализующегося в деятельности, направленной на преобразование окружающей действительности. Таким образом, было выделено два типа условий.

Социальные условия, включающие в себя:

- *социокультурные особенности общества*. Женщине на протяжении существования человечества всегда отводилась одна из важнейших ролей – роль матери, которая являлась хранителем, носителем основных духовных и нравственных ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Такое отношение мы встречаем в работах русских религиозных философов где дается описание образа матери, которая отражает в себе такие качества, как забота, жалость, скромность, целомудрие, терпение, сострадание, любовь и многие другие (С.Н.Бердяев, 1989). Однако происходящие со временем социальные, экономические, политические изменения в обществе существенным образом оказали влияние на поведение женщины-матери, которую стали воспринимать, прежде всего, как субъект, способный к личностному развитию и самостоятельному выбору жизненного пути, либо не связанного с материнством, либо связанного с выбором новых форм отношения к семье, браку, существенно отличающегося от традиционного. К такой форме как раз и относятся неполные материнские семьи;

- *обстоятельства жизни*, не зависящие от человека, к которым мы можем отнести смерть супруга в результате несчастного случая, болезнь и другие обстоятельства, которые привели к ситуации вынужденного одиночества женщины, ставшей единственным родителем для своего ребенка.

Психологические условия, в состав которых входят:

- *психологические особенности семейного воспитания*, которые оказывают влияние на развитие и становление женщины как будущей матери, на формирование ее характера, личностных качеств, необходимых для успешного воспитания своих детей;

- *индивидуально-типологические особенности материнства* включают в себя семейные ценности, установки и ожидания, материнское отношение, чувства, позиции, ответственность и стиль воспитания, сформированный под влиянием внешних и внутренних факторов.

Совокупность этих двух условий формирует систему взглядов на природу и общество (мировоззрение), которые и составляют основу поведения женщины и отражают ее отношение к себе как к матери (Рис.2).

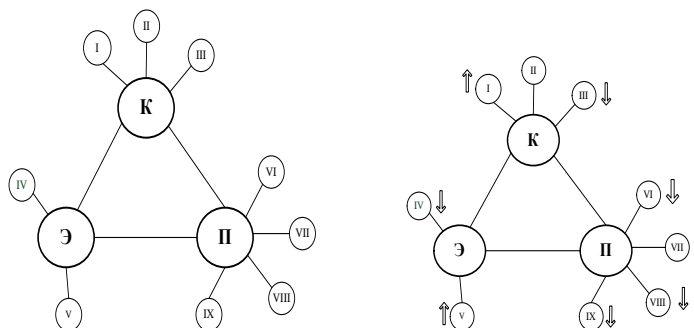
Рис.2. Условия формирования материнства в неполных материнских семьях

Под влиянием всех этих условий происходит формирование структурно-содержательных компонентов неполного материнства: когнитивного, эмоционального, поведенческого.

Таким образом, анализ теоретических положений позволяет предложить структурно-содержательную модель материнства в неполной семье. В ее основе лежит уже предложенная нами модель полного материнства, основанная на

концепции родительства как психологического и социокультурного феномена (Кон И.С., 1988; Овчарова Р.В., 2005).

Рассмотрев истоки формирования материнства, мы с уверенностью можем сказать, что его структура не будет зависеть от социального положения женщины-матери и состоять из трех компонентов: когнитивного, эмоционального, поведенческого, а вот их содержание существенно изменится *как в сторону увеличения значений*: когнитивный образ идеальной матери, эмоциональный образ реальной матери, поведенческий образ реальной матери, материнские роли, материнские переживания, *так и в сторону уменьшения показателей*: осознанность материнских позиций и установок, материнского отношения, материнских чувств, стиля воспитания и материнской ответственности. Эти изменения связаны с необходимостью женщины выполнять функции по воспитанию ребенка за двоих родителей - традиционно мужские и женские, как это было заложено многовековыми традициями общества. Схематическое изображение модели представлено на Рис. 3.

а-Материнство в полной семье

б-Материнство в неполной семье

Рис. 3. Структурно-содержательная модель материнства в полной и неполной семье:

Примечание: К – когнитивный компонент; Э – эмоциональный компонент; П – поведенческий компонент; I – представление о материнстве; II – материнские ценности; III - материнское отношение; IV- материнские чувства; V – материнские переживания; VI – стиль воспитания; VII – материнские роли; VIII – материнская

ответственность; IX – материнские позиции и установки. ↓- смещение функций в сторону уменьшения; ↑- смещение функций в сторону увеличения.

Выводы

В полной семье содержание материнства характеризуется адекватным представлением о материнстве, осознанностью материнского отношения, семейных ценностей, лежащих в основе воспитания (*когнитивный компонент*); выраженностью материнской любви и симпатии, позитивных материнских переживаний, осознанностью материнских чувств (*эмоциональный компонент*); принятием материнской роли, осознанностью стиля воспитания, материнской позиции и установками, родительской ответственности (*поведенческий компонент*).

В неполной семье содержание материнства характеризуется смещением показателей по всем компонентам *как в сторону увеличения значений*: когнитивный образ идеальной матери, эмоциональный образ реальной матери, поведенческий образ реальной матери, материнские роли, материнские переживания, *так и в сторону уменьшения показателей*: материнские позиции и установки, материнское отношение, материнские чувства, стиль воспитания и материнская ответственность.

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Психология личности: учебник [Текст] / А. Г.Асмолов. – М. : МГУ, 1990. – 367 с.
2. Бердяев, С. Н. Эрос и личность (Философия любви и пола) [Текст] / С. Н. Бердяев. – М. : Прометей, 1989. – 157 с.
3. Вассерман, Л. И. Родители глазами подростка. Психологическая диагностика в медико-педагогической практике [Текст] /Л. И. Вассерман, И. А. Горьковская, Е. Е. Ромицина. – Спб. : Речь, 2004. – 256 с.
4. Кон, И. С. Ребенок и общество [Текст] / И. С. Кон. – М. : Наука, 1988. – 270 с.
5. Милюкова, Е. В. Формирование когнитивного, эмоционального, поведенческого компонентов родительской любви: автореф. дис....канд-та психол. наук [Текст] / Е. В. Милюкова. - Екатеринбург, 2004. - 27с.

6. Овчарова, Р. В. Психология родительства [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Р. В. Овчарова. – М. : Академия, 2005. – 368 с.
7. Пайнз, Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. Психоаналитический подход [Текст] / Д. Пайнз. – СПб. : Питер, 1997. – 193 с.

Особенности содержательных представлений мужчин об идеальном отцовстве

Романова Н.М.

Саратовский государственный университет

имени Н.Г.Чернышевского, Саратов, Россия

romanovanm@info.sgu.ru

Проблемы семьи, материнства и отцовства являются одними из наиболее актуальных и социально важных для современного российского общества. В условиях кризиса традиционной семьи, снижения значимости родительских функций, постепенной утраты традиций детско-родительских взаимодействий, ослабления родительского внимания возрастает значимость поиска причин указанных явлений и стратегий их преодоления.

Одно из важнейших направлений современного научного поиска – исследование роли отца в воспитании ребенка в условиях меняющихся социальных реалий, особенностей отношения отцов к выполнению родительских функций и их представлений об образах идеального отца.

В психологической литературе достаточно хорошо изучены и описаны явления патернальной депривации (ситуация «лишения отца»). Это ситуации, когда отец присутствует в жизни ребенка физически, но эмоционально не вовлечен в процесс развития и воспитания. В результате зачастую происходит нарушение традиционной идентификации ребенка с моделями материнства и отцовства [5, 6, 7].

Роль отца в развитии и воспитании ребенка исследователи связывают со следующими факторами: доступность для ребенка отца на протяжении его жизни,

вовлеченность отца в совместную деятельность с ребенком и его практическая включенность в эту деятельность [3].

Следует отметить, что в современном обществе институт отцовства подвержен существенному изменению. Отцовство постепенно утрачивает свой преимущественно экономический смысл, как было ранее [1].

В связи с этим, представления общества о функциях отца в семье, моделях личности отца постепенно меняются и дополняются новым содержанием. Каждое из поколений демонстрирует свой собственный образ идеального отцовства. Он зависит как от времени, так и от условий формирования образа, и каждое последующее поколение сталкивается с несоответствием между традиционной «культурой» отцовства и реальным поведением отцов в семье [2], [4].

Если изучение материнства представлено достаточно обширным полем исследований, то изучение отцовства как психологического явления проводится не столь активно.

Более того, малоисследованными являются содержательные аспекты представлений об идеальном отцовстве у современных мужчин. Проведенное исследование направлено на изучение содержательных представлений мужчин об идеальном отцовстве.

Объект исследования – отцовство как социально-психологическое явление.

Предмет исследования – содержательные аспекты представлений об идеальном отце мужчин, имеющих детей.

Испытуемые. В экспериментальном исследовании принимало участие 40 мужчин в возрасте 25-45 лет, имеющих 1-2 детей.

Все испытуемые имеют высшее образование, достаточно высокий социальный, профессиональный и экономический статус (работники банковской сферы, программисты, бизнесмены). 95% из них состоят в официальном браке, 5% – в гражданском браке. Более половины из них воспитывались в полных родительских семьях.

Методы исследования:

1. Тест Кеттела (16PF-опросник) форма С.

2. Тест «Кто я?». Тест двадцати высказываний (М.Кун, Т.Макпартленд, модификация Т.В.Румянцевой).
3. Методика «Представление об идеальном родителе» (Р.Г.Овчарова).
4. Рисуночная техника «Рисунок идеального отца». Эта техника дает возможность выявить особенности содержательных представлений об идеальном отце.
5. Контент-анализ сочинения на тему «Идеальный отец». Метод использовался для качественно-количественного анализа содержательных представлений об идеальном отце.
6. Беседа с каждым из участников исследования. Цель – выявить особенности содержания образа идеального отца и степень соответствия личности данному образу.
7. Биографическая анкета. Анкета направлена на выявление образовательного, социального, экономического и профессионального статуса испытуемых.

Результаты эмпирического исследования.

Результаты беседы:

На вопрос: «Какие качества личности присущи идеальному отцу?», испытуемые ответили следующим образом:

1. Порядочный, ответственный и справедливый человек – 18%
2. Пример для своих детей – 18%
3. Глава семьи – 18%
4. Не знаю – 13%
5. Тот, кто ставит интересы детей выше своих – 10%
6. Таких отцов не существует – 8%
7. Любящий и строгий одновременно – 5%
8. Хороший муж – 5%
9. Образец мужественности – 5%

На вопрос: «Каким основным требованиям должен, по вашему мнению, отвечать идеальный отец?» испытуемые ответили следующим образом:

1. Дать хорошее воспитание ребенку (научить полезному, передать свои знания) – 19%.

2. Самому вести себя достойно, чтобы быть примером для детей – 17%.
3. Не знаю - 14%
4. Быть гарантом комфорта в семье (создавать атмосферу уважения и любви) – 12%
5. Проводить много времени с детьми, разделять с ними радости и горести – 12%
6. Направлять ребенка, развивая его сильные стороны и подтягивая слабые – 12%
7. Материально обеспечивать семью – 8%
8. Приучать детей к спорту, трудолюбию и уважению к людям – 6%

На вопрос «Насколько Вы сами готовы соответствовать образу идеального отца?»

испытуемые ответили следующим образом:

1. Нужно стараться соответствовать – 37%
2. Я стараюсь соответствовать – 34%
3. Не знаю – 12%
4. К сожалению, у меня не получается – 7%
5. Не готов – 5%
6. Дети и так всегда считают родителей идеальными – 5%

Результаты исследования по методике Тест Кеттела (16PF-опросник, форма С).

По результатам исследования индивидуально-психологических особенностей личности получено следующее: исследуемые мужчины имеют достаточно высокий уровень интеллекта, эмоционально стабильны, отличаются высокой нормативностью поведения, смелы, активны в социальных контактах, имеют развитые интеллектуальные интересы, обладают высоким уровнем самоконтроля и низкой напряженностью.

Результаты исследования по тесту «Кто я?».

65% исследуемых мужчин включают в структуру своей идентичности социальную роль «отец». Они рассматривают ее в качестве важнейшей.

12,5% - не прямо, а косвенно включают социальную роль отца в структуру собственной идентичности (они описывают себя следующим образом: «я люблю детей», «мне нравится играть с детьми», «я хотел бы иметь двоих детей» и др.).

22,5% мужчин не включают в структуру идентичности социальную роль «отец».

Результаты исследования по методике «Представления об идеальном родителе», (Р.Г.Овчарова).

Испытуемые имеют достаточно высокие показатели представлений об идеальном родителе по всем параметрам: когнитивному, эмоциональному и поведенческому.

Результаты исследования с использованием рисуночной техники «Рисунок идеального отца».

82,5 % испытуемых имеют хорошо сформированные представления об образе «идеального отца». Их рисунки можно условно разделить на 2 группы:

1 группа – в рисунках передается идея совместного времяпрепровождения родителя с ребенком (например: большой и маленький человечки играют в мяч; отец гуляет в парке с детьми; отец занимается с ребенком развивающими играми),

2 группа - рисунки, на которых отцы символически обозначают принятые на себя родительские обязательства (например: голова отца с подведенными к ней стрелками-мыслями: позаниматься, поиграть, научить и т.д.; рисунок ребенка и надпись «успел!» ; рисунок мужчины, гуляющего с коляской).

При проведении пострисуночного опроса отцы охотно рассказывают о придуманных ими образах идеального отца, поясняют содержание изображенного, раскрывают собственные представления о соответствии себя как родителя предъявленному идеалу, делятся мыслями и эмоциональными переживаниями по исследуемой проблеме.

В 10 % случаев мужчины отказались от рисования, мотивируя свое поведение неумением рисовать.

7,5 % респондентов имеют слабо выраженные представления об «идеальном отце». На их рисунках изображена часть человека (голова или человек по пояс), либо человек целиком. В пострисуночном опросе они сообщают, что это знакомый им человек, которого они считают «идеальным отцом». На вопросы по содержанию рисунка затрудняются дать пояснения.

Результаты обработки сочинений испытуемых методом контент-анализа:

82,5% испытуемых имеют сформированные представления об «идеальном отце».

Они написали развернутые сочинения, в которых подробно и обстоятельно отразили свое представление об идеальном отцовстве. 17,5 % испытуемых не имеют отчетливых содержательных представлений об идеальном отце.

Вместе с тем представления об «идеальном отце» в 45 % случаев характеризуются традиционностью, стереотипностью. Содержание их сводится к следующему: мужчина «обязательно должен быть центром семьи», «главой семьи».

25% мужчин разделяют содержание указанного стереотипа, но включают дополнительно в содержание «идеального отцовства» еще и представления о значимости коммуникативной, обучающей и развивающей функции отца (например: обучать ребенка полезным навыкам, показывать на собственном примере, играть с ребенком, читать вместе с ним и др.).

30% мужчин демонстрирует отличные от сложившихся традиций представления (выполнение функций, сходных с материнскими).

Таким образом, содержательные представления современных мужчин об идеальном отцовстве выглядят следующим образом:

1. Традиционные, стереотипные представления об идеальном отце («глава семьи», «центр семьи», «кормилец») у современных мужчин сочетаются с представлениями об идеальном отце в контексте значимости коммуникативной, обучающей и развивающей функции отца (он - «пример для своих детей», «порядочный, ответственный и справедливый человек», «любящий и строгий одновременно»).
2. Испытуемые определяют основные функции идеального отца следующим образом: он должен дать ребенку хорошее воспитание (научить полезному, передать свои знания), быть образцом достойного поведения, проводить много времени с детьми, разделять с ними радости и горести. Треть мужчин рассматривают идеального отца как выполняющего функции, сходные с материнскими.
3. Подавляющее большинство отцов имеют сформированные представления об «идеальном отцовстве».
4. Большая часть испытуемых включает в структуру своей идентичности социальную роль «отец». Они рассматривают ее в качестве важнейшей.

5. Отцы имеют достаточно высокие показатели представлений об идеальном родителе по всем параметрам: когнитивному, эмоциональному и поведенческому.

Список литературы

1. Гурко Т.А. Критика концепции половых ролей // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. /Под ред. О.А.Ворониной. М., 2001.
2. Зидер Р. Социальная история семьи // Основы гендерных исследований. Хрестоматия. /Отв. ред. О.А. Воронина. М., 2001.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб, 2002.
4. Кон И.С. Российский мужчина и его проблемы // Гендерный калейдоскоп. М., 2002.
5. Овчарова Р. В. Психология родительства. М., 2005.
6. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. М., 2003.
7. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. М., 2006.

Сравнительный анализ психологической готовности к материнству у женщин разного возраста

Солдатова Н.В., Авдулова Т.П.

Клиника «Практика здоровья», г. Москва; МПГУ, г. Москва

natashav.sol@gmail.com; avdulova@bk.ru

Аннотация. На основании методик «Тест отношений беременной», «Анкета по онтогенезу материнства», рисуночного теста «Я и мой ребенок» исследована психологическая готовность к материнству, которая меняется в зависимости от возраста беременной женщины. Показано, что существуют различия в уровне и особенностях компонентов готовности

к материнству у женщин разных возрастных групп, а именно: в ранней зрелости люди легче находят свое призвание в родительстве, адаптируются к условиям совместной жизни, рождению ребенка.

Ключевые слова: материнство, психологическая готовность, беременность, онтогенез, социограмма, рисуночный тест.

Развитию исследований проблематики психологической готовности к материнству способствуют как противоречивая картина современного материнства, так и внутренние тенденции развития психологической науки, направленной на интенсивное изучение прикладных аспектов знания. О психологическом неблагополучии в сфере материнства свидетельствует по-прежнему значительное количество беременностей среди несовершеннолетних, аборт у женщин, не имеющих детей, отказ от материнства в социально благополучных семьях и другие тревожные моменты.

Психологическая готовность к материнству, настроенность на эффективное поведение в родах, особенности общения с ребенком в перинатальный период, во многом обуславливаются поведением женщины во время беременности (О.В. Баженова, Л.Л. Баз, И.В. Добряков, Е.И. Захарова, О.А. Копыл, С.Ю. Мещерякова, Г.Г. Филиппова, и др.). В то же время показатели психологической готовности к материнству меняются в зависимости от возраста беременной женщины.

Гипотеза исследования: существуют различия в уровне и особенностях компонентов готовности к материнству у женщин разных возрастных групп, а именно: в ранней зрелости люди легче находят свое призвание в родительстве, адаптируются к условиям совместной жизни, рождению ребенка.

Методики исследования: «Тест отношений беременной» (ТОБ) (Добряков И. В., 2010), адаптированный для мужей беременных тест «Тест отношений мужа беременной (Добряков И.В., 2010), «Анкета по онтогенезу материнства» (Филиппова Г. Г., 1996), рисуночный тест «Я и мой ребенок» (Филиппова Г.Г., 2001), социограмма «Моя семья», адаптированная для беременных (Ланцбург М. Е., 2001).

Характеристика выборки. Выборку испытуемых составили 54 замужних беременных

женщины в возрасте от 19 до 45 лет, находящихся на втором, третьем триместре беременности, ожидающих первенца и состоящих на учете в женских консультациях г. Москвы и Московской области. В период проведения исследования они проходили оздоровление в санатории «Ерино» г. Москва. Женщины составили три возрастные группы: 1 группа от 19 до 25 лет, 2 группа от 26 до 35 лет и 3 группа от 36 до 45 лет.

Беременные женщины от 19-25 лет, относящиеся к ранней зрелости, вошли в первую группу исследуемых нами женщин. В ранней зрелости люди легче адаптируются к меняющимся условиям совместной жизни, а создание семьи в данный период очень важно для личностного развития. Рождение ребенка имеет огромное значение, так как с его ожиданием и рождением уклад семейной жизни меняется, появляются новые обязанности и ответственность за жизнь и развитие ребенка, которому они готовятся дать жизнь, семья частично традиционализируется. В период ранней зрелости закладывается фундамент для достижения зрелости в последующие периоды развития личности и одним из важнейших оснований для этого является родительство.

Вторая группа исследуемых нами беременных женщин относится к средней зрелости от 26 до 35 лет. На смену романтическим ориентирам юности приходят практические ценности. Женщина реальнее оценивает свои возможности, корректирует свои жизненные цели и уровень притязаний. Характеризуя этот период развития женщины, Д. Левинсон подчеркивает смену интересов и общей направленности развития личности женщины, которая не редко начинает осознавать нереализованность отдельных сторон своей личности и дефицитность развития. Для среднего возраста характерна стадия ответственности, стадия исполнения социальных обязанностей.

В настоящее время все большее число людей, становятся отцами или матерями после 40 лет и проходят через нормативные жизненные события позднее, чем большинство представителей других поколений. В нашем исследовании в данную возрастную группу вошли беременные женщины от 36-45 лет. В этом возрасте впервые готовятся к материнству, обычно, деловые женщины, которые в качестве первоочередной решали задачу построения карьеры и поздно решили стать матерями. Кроме того, можно поставить открытым вопрос о том, почему до этого возраста в жизни

женщины не было условий для материнства, насколько она действительно оказалась психологически готова к этому решению или оно диктуется соображениями возраста.

Центральным механизмом становления психологической готовности к материнству является изменение отношения женщины к материнству, наделение субъективного содержания материнства новым смыслом. Комплексное изучение состояния женщины во время беременности учитывает разнообразные факторы, связанные как с успешностью адаптации женщины к материнству, так и обеспечение адекватных условий для развития ребенка. В исследовании психологической готовности будущих матерей нас интересовала зависимость готовности к материнству от возраста. Для изучения взаимоотношения беременной женщины и ребенка до рождения (отношение женщины к себе, отношение в формирующийся диаде мать-ребенок, отношение к окружающим) мы использовали «Тест отношений беременной» И.В. Добрякова.

«Тест отношений беременной» применялся для определения типа психологического компонента гестационной доминанты и был предложен испытуемым беременным женщинам на первом этапе работы. Полученные данные обрабатывались с помощью ключа к тесту. Анализируя полученные данные можно выделить из пяти типов психологического компонента гестационной доминанты (оптимальный (О), гипогестогнозический (Г), эйфорический (Э), тревожный (Т), депрессивный (Д)) два (оптимальный и эйфорический), которые являются определяющими для всех исследованных нами беременных женщин. Среди наших респондентов такие типы ПКГД как гипогестогнозический, тревожный и депрессивный. Они оказались дополнительными к двум основным типам доминант. Соотношение (в процентах) всех типов доминант для трех возрастных групп беременных женщин по результатам проведения «Теста отношений беременной» представлено в Таблице 1.

Обратимся к полученным результатам первой, второй и третьей возрастной группы. Результаты исследования показали, что как в первой, так и во второй и в третьей группах, большинство составили будущие родители, имеющие оптимальный тип отношений к себе, к формирующейся в течение беременности системе «мать — дитя», по отношению к ним окружающим.

Таблица 1

Сравнительные показатели типа гестационной доминанты
у беременных трех возрастных групп (%)

Возраст т, годы	О	Г	Э	Т	Д
19-25	54	4	33	9	–
26-35	51	5,4	11.3	32.3	-
36-45	50	2.8	27.8	16.6	2,8

Оптимальный тип ПКГД и самый высокий отмечается у 54% женщин из первой возрастной группы (самые молодые), 51% у женщин из второй возрастной группы и чуть ниже - у 50 % у женщин из третьей возрастной группы. Женщины, у которых выявлен оптимальный тип ПКГД, находятся в состоянии психологического комфорта. Они ответственно относятся к своей беременности, уровень тревоги не повышается.

Нам удалось выделить проценты, приходящиеся на гипогестогнозический тип доминанты. Самый высокий процент гипогестогнозического типа ПКГД выявлен во второй возрастной группе женщин, он составил 5.4%. Женщины с гипогестогнозическим типом ПКГД нередко скептически относятся к своей беременности и не склонны менять жизненный стереотип.

Эйфорический тип ПКГД также приходится преимущественно на вторую возрастную группу женщин от 19-25 лет и составляет 33% . Женщины данного типа в период беременности ждут от окружающих повышенного внимания, эгоцентричны и сосредоточены на своих переживаниях и состояниях. Эйфорическому типу ПКГД в дальнейшем, как показывают исследования, соответствуют такие характеристики стиля воспитания как расширение сферы родительских чувств к ребенку, потворствующая гиперпротекция, предпочтение детских качеств. Нередко отмечается вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания.

Гипогестогнозический, тревожный и депрессивный типы ПКГД ни для одной испытуемой не являются определяющими. Данные типы ПКГД являются составляющими основных выделенных типов эйфорического и оптимального. Вместе с тем, у разных возрастных групп отмечается дифференцированное проявление дополнительных составляющих ПКГД. Нами выделены проценты тревожного типа доминанты, которые приходятся на три возрастные группы беременных женщин. Так тревожный тип доминанты выше во второй возрастной группе и составил 32.3% . Депрессивный тип отсутствует полностью в первой и второй возрастных группам испытуемых, а в третьей он составил 2,8 %.

Таким образом, отношение к беременности у всех женщин нашей выборки разворачивается по общим закономерностям доминирования оптимального типа ПКГД, некоторой представленности эйфорического типа и вспомогательных вариантов гипогестогнозического, тревожного, депрессивного типов ПКГД. Однако одновременно наблюдается тенденция к менее благоприятным типам ПКГД у женщин старшей возрастной группы. Младшая возрастная группа продемонстрировала наиболее благоприятный вариант ПКГД.

Следующим этапом нами были проанализированы результаты рисуночного теста «*Я и мой будущий ребенок*» в трех возрастных группах. Рисуночный тест позволил определить эмоциональные особенности отношения и отклонения в стиле переживания беременности по типу наличия тревоги и конфликта с беременностью. Также рисуночный проективный тест позволяет определить отношение к ребенку в структуре психологической готовности к материнству.

В нашей работе мы использовали рисуночный тест « Я и мой ребенок» Г.Г. Филипповой. На основании критериев данной методики нами были выделены типы рисунков, которые соответствуют следующим особенностям переживания беременности и ситуации материнства:

1. Благоприятная ситуация.
2. Незначительные симптомы тревоги, неуверенности, конфликтности.
3. Тревога и неуверенность в себе.
4. Конфликт с беременностью или с ситуацией материнства.

По результатам рисуночного теста «Я и мой будущий ребенок» в трех возрастных группах нами была составлена таблица 2 сравнительного анализа особенностей переживания беременности и ситуации материнства. Рисуночный тест прошли 47 беременных женщин, 7 женщин отказалось рисовать. Данные представлены в процентах.

Таблица 2

Сравнительная таблица результатов проективного рисуночного теста будущих мам « Я и мой ребенок» по трем возрастным группам (%)

Факторы	1 гр.	2гр.	3гр.
1. Благоприятная ситуация	0	22	25
2. Незначительные симптомы тревоги	60	32	25
3. Тревога и неуверенность в себе	20	22	25
4. Конфликт с беременностью и ситуацией материнства	20	32	25

На основании результатов, представленных в таблице 2, обнаружен самый высокий процент благоприятной ситуации (25 %), который относится к третьей возрастной группе 36-45 лет, 24% во второй возрастной группе 36-45 лет и отсутствует в первой возрастной группе испытуемых 19-25 лет. Беременные женщины первой возрастной группы испытывают незначительную тревогу в 60 %, в третьей возрастной группе этот показатель составил 25%, а во второй возрастной группе испытуемых – 24%.

Нами были объединены 1 и 2 показатели благоприятной ситуации переживания беременности и 2 и 4 показатели неблагоприятной ситуации по рисуночному тесту для

сравнения результатов и выявления психологической готовности каждой из возрастных групп.

На основании полученных данных для наглядности полученных результатов нами составлена Гистограмма 2 . Этот подход позволил выявить наиболее низкие показатели эмоционального отношения к беременности и будущему ребенку у женщин самой старшей возрастной группы, тогда как не смотря на незначительную тревогу, женщины младшей возрастной группы демонстрируют, в целом, эмоциональное принятие ситуации беременности и будущего ребенка.

На следующем этапе нашего исследования испытуемым предлагалась *социограмма «Моя семья»*. Критерии оценки совокупности факторов для определения благоприятной ситуации материнства были выделены на основании работ М.Е. Ланцбург, «Социограммы» Э. Эйдемиллера и тест Брутмана «Фигуры». На основании полученных данных по трем возрастным группам нами выделена психологическая готовность к материнству в период ожидания ребенка, незначительные симптомы тревоги и конфликтная ситуация, связанная с беременностью и материнством. По результатам социограммы «Моя семья» по трем возрастным группам составлена таблица 3. Данные представлены в процентах.

Таблица 3

Сравнительная таблица данных трех групп испытуемых по результатам социограммы «Моя семья» (%)

Факторы	1	2	3
	.гр.	гр.	гр.
1. Психологическая готовность к материнству	3 6	3 3	0
2. Незначительные симптомы тревоги	4 1	4 1	2 5
3. Конфликт с беременностью и ситуацией материнства	2 3	2 6	7 5

Из Таблицы 3 мы видим, что самый высокий процент благоприятной ситуации психологической готовности к материнству по социограмме «Моя семья» - в первой возрастной группе беременных женщин и составляет 36%. В третьей возрастной группе наших исследуемых высокий процент неблагоприятной ситуации - 75%. По социограмме «Моя семья» более благоприятная ситуация психологической готовности к материнству сложилась в первой возрастной группе, а более неблагоприятная у беременных женщин третьей возрастной группы.

Четвертым этапом нашей работы были проанализированы результаты опроса «Анкеты по онтогенезу материнства» в трех возрастных группах беременных замужних женщин для проведения количественного анализа психологической готовности к материнству, анализа особенностей стадий онтогенеза. В «Анкету по онтогенезу» Г.Г. Филипповой содержатся вопросы об особенностях развития материнской потребностно-мотивационной сферы женщины в онтогенезе на этапах взаимодействия с собственной матерью, игровом периоде, этапе нянчания, этапе дифференциации мотивационных основ материнской и половой сфер. В результате анализа нами получены данные по трем возрастным группам испытуемых, которые приведены в Таблице 4.

Таблица 4

Сравнительная таблица данных трех возрастных групп беременных женщин по «Анкету по онтогенезу»

Группы				
Факторы				
Сформированность материнской сферы.	полноценн	о	8	5.4
	частично		5	6.4
	отсутствует	т	7	8.2
			5	

Полученные данные теста «Анкета по онтогенезу» позволяют подтвердить, что на формирование психологической готовности к материнству влияет прохождение всех этапов раннего онтогенеза. Важными являются этапы отношения с матерью и их полноценность, которые продолжаются на протяжении всей жизни, игра в дочки-матери, нянчание, отношение матери к ранним родам и прерыванию беременности, а в дальнейшем и к ценности материнства и ценности будущего ребенка. На основании этих критериев мы отмечаем полноценную сформированность материнской сферы в первой возрастной группе и с небольшой разницей во второй группе. Однако в третьей возрастной группе по данным анкеты полноценной сформированности нет. Мы видим, что также как в рисуночном тесте и в социограмме значительно большую распространенность (в 75%) неблагоприятных вариантов у женщин в третьей возрастной группе.

Проведенное нами эмпирическое исследование позволяют сделать следующие выводы. Наша гипотеза о том, что «существуют различия в уровне и особенностях компонентов готовности к материнству у женщин разных возрастных групп, а именно: в ранней зрелости люди легче находят свое призвание в родительстве, адаптируются к условиям совместной жизни, рождению ребенка», подтвердилась. На основании проведенного эмпирического исследования женщин трех возрастных групп выявлено, что женщины первой возрастной группы от 19-25 лет устойчиво демонстрируют более благоприятный вариант психологической готовности к материнству по результатам всех проводимых нами методик.

Менее благоприятный вариант по всем исследовательским методикам продемонстрировала третья возрастная группа от 36-45 лет. В этой группе выявлена частично депрессия в переживании беременности, не сформирован адекватный образ будущего ребенка, обнаруживаются сложности в эмоциональном принятии ребенка.

Список литературы

Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010.

Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2005.

Ланцбург М.Е. Раскрытие темы родов в групповой подготовке к родам. // «Перинатальная психология и медицина»: сборник межрегиональной конф.- СПб.: АМСУ, 2001.

Филиппова Г.Г. Метод рисуночного теста в психологической работе с беременными. Исследовательский Центр Семьи и Детства РАО. Научный Центр Психического Здоровья РАМП. (http://www/psymama.ru/print_articles/f8.html)

Филиппова Г.Г. Развитие материнского поведения в онтогенезе. // Психология сегодня. – Ежегодник Рос. Психол. об-ва, Т.2 вып.3. –М. – 1996.

Особенности мотивационной сферы матерей дошкольников в условиях форсирования детского развития

Старостина Ю.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

star-red@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования мотивационной сферы матерей дошкольников, стремящихся к форсированию развития ребенка. Показано, что лидирующие позиции в мотивационной сфере всех исследуемых женщин, занимают мотивы достижения счастья ребенка. Но матери, форсирующие развитие детей, при воспитании руководствуются также и инструментальными мотивами материнства, в отличие от матерей из контрольной группы, для которых более важным является стремление к собственному благополучию. Делается вывод о том, что стремление матери к форсированию развития ребенка связано с инструментальными мотивами материнства.

Ключевые слова: мотивационная сфера, ведущий мотив, материнство, форсирование развития, дошкольный возраст

Материнство существенно преобразует женщину. Наряду с чисто физиологическими изменениями, происходят и заметные изменения в личностной сфере, такие как перестройка мотивационной сферы женщины. Лидирующие позиции, как правило, занимают мотивы, связанные с материнством, и стремление к достижению счастья ребенка становится ведущим на длительный период времени (Захарова, 2011). Это особенно характерно для матерей раннего и дошкольного возраста.

В последние годы в обществе завоевывает все большую популярность идеи раннего развития ребенка. Требования со стороны начальной школы к уровню овладения элементарными учебными навыками у будущих первоклассников постоянно и неуклонно возрастают. Родители, что естественно, стремятся дать детям лучший старт, лучшее образование, обучать их в престижных учебных заведениях. Спрос рождает разнообразные предложения. Основным лозунгом большинства детских центров и развивающих программ, является такое утверждение: «Чем раньше, тем лучше» и занятия стараются проводить в форме игр. Однако зачастую эти занятия являются скорее «стратегией акселерации под маской амплификации» (Трифонова, 2006). Поэтому, мы говорим о форсировании развития ребёнка, понимая под этим под «форсированием развития» ребенка мы понимаем желание родителя искусственно ускорить развитие собственного ребенка, за счет как можно более раннего перехода ребенка на последующую возрастную ступень развития (Старостина, 2012, 2013). Это может осуществляться путем систематической организации специальных занятий, и предполагает стремление родителя ускорить переход к видам деятельности и обретение качеств и личностных особенностей, свойственных более взрослым детям. Особенно это характерно для родителей дошкольников.

Никто не будет спорить, что для благополучного развития дошкольника жизненно необходима действенная родительская любовь, то есть теплое эмоциональное отношение к ребенку, принятие его личности, поведения, активное внимание к его интересам, уважение его прав и признание обязанностей, оказание помощи при разумной требовательности. Такое отношение к ребенку согласуется с мотивационной направленностью матери на психологическое благополучие ребенка (Захарова, 2011).

Цель данной работы заключалась в изучении особенностей мотивационной сферы матерей дошкольников, стремящихся к форсированию развития ребенка.

Гипотеза: стремление матери к форсированию развития ребенка может быть связано с инструментальными мотивами материнства.

Было опрошено 114 матерей детей дошкольного возраста (5,5 – 7 лет). Выборка была поделена на две равные группы (по 57 человек) в связи с направленностью матерей на форсирование развития ребенка. В первую группу вошли женщины, стремящиеся к форсированию развития детей (прямо заявляющие о том, что хотят, чтобы их ребенок развивался быстрее, чем сверстники и для этого либо сами занимаются с ребенком, либо водят его в различные кружки и секции).

Методики: Содержание мотивационной сферы матерей выявлялось с помощью авторской модификации методики мотивационных предпочтений Ступак А.В. (2012). Методика направлена на выявление основных мотивационных предпочтений матери дошкольника. Женщинам предлагалось выбрать «свои» мотивы из ряда предложенных ей вербализованных мотивов, что позволяет осознать имеющиеся у нее, но недостаточно осознанные мотивы.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод, что большинство матерей в сравниваемых группах руководствуются мотивами материнства, связанными с достижением благополучия ребенка. Эти результаты, свидетельствующие о том, что для матерей дошкольников ведущим является стремление к достижению счастья ребенка, согласуются с результатами, полученными в исследованиях, проведенных под руководством Захаровой Е.И. (2011). Заметим, что первый *мотив любви и заботы*, связанный с достижением благополучия ребенка, поставили на первые позиции более 50% матерей в обеих группах испытуемых. То есть абсолютное большинство матерей заявляют о своем желании видеть своих детей счастливыми и чувствующими их любовь и заботу.

Вместе с тем, можно отметить, что *мотив самооценности ребенка*, входящий в блок мотивов, направленных на достижение благополучия ребенка, чаще ставят на лидирующие позиции женщины, которые форсируют развитие ребенка, и эти различия статистически значимы ($p < 0,05$ по критерию U Манна-Уитни для двух независимых

выборки). То есть для матерей, стремящихся к форсированию развития, в принципе, важнее находиться с ребенком, чтобы быть свидетелем его изменений, отмечать их, так как они представляются для них более уникальными и неповторимыми, чем для матерей из второй группы.

Мотивы же, связанные с воспитанием ребенка как предмета гордости, для избегания одиночества в старости и стремления к высоким достижениям ребенка в тех областях, где сама женщина не смогла себя реализовать, выбрали незначительное количество испытуемых из обеих групп. Ни одна испытуемая не поставила на первые 3 лидирующие позиции мотив, связанный с реализацией определенной воспитательной системы.

Обратимся к оставшимся мотивам. Мотив *создания близких отношений*, воспитания ребенка как близкого человека значимо чаще выбирали как приоритетные, матери из второй группы, не склонные к форсированию ребенка ($p < 0,05$ по критерию U Манна-Уитни для двух независимых выборок). Видимо, для этих женщин более высока значимость близких эмоциональных отношений с ребенком. Это можно рассматривать скорее как ориентацию на собственное эмоциональное благополучие, чем на благополучие ребенка. И вместе с тем, это может приводить к более благополучным и позитивным детско-родительским отношениям.

Мотив же *соответствия социальным ожиданиям*, значимо чаще ставили на первые три позиции матери из первой группы, стремящиеся к форсированию развития ребенка ($p < 0,05$ по критерию U Манна-Уитни для двух независимых выборок). Таким образом, для них очень важно, чтобы ребенок вел себя подобающим образом, чтобы за него не было стыдно перед другими людьми, чтобы он ни в коем случае не отставал от сверстников по развитию. То есть важны не абсолютные достижения ребенка, а относительные (не просто «быть лучшим», а «быть лучше остальных»).

Теперь подробнее остановимся на *инструментальных мотивах* материнства, которые были представлены в мотивационной сфере женщин из обеих групп. В группе 1 инструментальные мотивы материнства, предположительно побуждающие к форсированию, стоят на втором месте у 10% матерей, и у 20% - на третьем. В группе 2 также присутствует выбор инструментальных мотивов материнства: но только 5%

считают этот мотив приоритетным и ставят его на третье место. Эти различия являются значимыми статистически: $p < 0,05$ по критерию хи-квадрат Пирсона для второго мотива и $p < 0,01$ по критерию хи-квадрат Пирсона для третьего мотива.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в мотивационной сфере матерей, форсирующих развитие детей, инструментальные мотивы представлены более весомо. Среди этой группы мотивов преобладает мотив соответствия социальным ожиданиям. Именно эти мотивы и могут побуждать женщин к форсированию развития собственного ребенка. Другие инструментальные мотивы представлены менее широко и статистически значимых различий между группами не установлено по таким мотивам как, самоутверждение матери путем достижений ребенка в той области, где ей не удалось себя реализовать и реализация определенного типа воспитания. Тем не менее, среди матерей, стремящихся к форсированию развития ребенка, встречаются те, у кого мотив самоутверждения за счет интересов ребенка занимает ведущие позиции. Среди матерей второй группы таких женщин нет (самый высокий ранг этого мотива во второй группе – 5).

Значимые различия мы получили, при сравнении частоты встречаемости мотива - *воспитание ребенка как предмета гордости* - между исследуемыми группами ($p < 0,01$ по критерию U Манна-Уитни для двух независимых выборок). То есть для матерей, форсирующих развитие ребенка дошкольного возраста, более характерно отношение к своему ребенку как к предмету гордости, а именно: воспитание его как самого лучшего, желание, чтобы ребенок был предметом восхищения окружающих и его ставили в пример другим. Этот мотив действительно может обуславливать стремление матери к форсированию развития ребенка, как к активному стремлению искусственно ускорить развитие ребенка. Определенные требования, предъявляемые матерью к ребенку, действительно являются в обществе важным критерием эффективности ее как воспитателя. Однако если уровень предъявляемых требований и желаний матери не учитывает возраст, возможности и интересы ребенка, это может привести к неблагоприятным последствиям.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Подавляющее большинство матерей в сравниваемых группах руководствуются мотивами материнства, связанными с достижением благополучия ребенка; хотят, чтобы их дети были счастливы и чувствовали их любовь и заботу.

2. Стремление к форсированию развития ребенка связано с наличием ведущих инструментальных мотивов материнства. Среди этой группы мотивов преобладает мотив соответствия социальным ожиданиям и воспитание ребенка как предмета гордости.

Список литературы

1. Захарова Е.И. Особенности мотивационной сферы матерей с детьми младенческого, раннего и дошкольного возраста // Вестник Московского университета. – Серия «Психология». – 2011. - №2. – С. 97-110.
2. Старостина Ю.А. Материнские представления о развитии ребенка как основа стремления к его форсированию // Вестник Московского государственного областного университета. - Серия "Психологические науки". - 2012. - №4. - С. 40–43.
3. Старостина Ю.А. Особенности эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия в условиях форсирования детского развития // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). — 2013. — № 10. — С. 169–172.
4. Ступак А.В. Особенности мотивационной сферы матерей в связи с возрастом ребенка // Актуальные проблемы психологии развития: возрастной, образовательный и семейный аспекты. К 40-летию кафедры возрастной психологии. – М.: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2012. – С.105-112.
5. Трифонова Е.В. Проблема самостоятельной игры в контексте основных идей А.В. Запорожца // Культурно-историческая психология. – 2006. - №1. – С. 44-82.

Условия и факторы реализации отцовства в воспитательной деятельности

Токарева Ю.А.

Уральский Федеральный Университет, г.Екатеринбург, Россия

ulia.tokareva@yandex.ru

Аннотация. Психолого-педагогические условия реализации отцовства в воспитательной деятельности включают в себя внешние и внутренние образования, влияющие на качество выполняемой отцом роли. Структурными элементами отцовства как воспитательной деятельности являются: мотивы, цели и воспитательные действия родителя, положительно коррелирующие друг с другом. Системообразующим фактором реализации отцовства как воспитательной деятельности является мотивационно-потребностная сфера, включающая в себя четыре ведущих побудителя: мотивация получения социального одобрения, мотивация саморазвития, мотивация достижения высоких результатов в развитии ребенка и мотивация самоутверждения, обуславливающих дальнейшую воспитательную стратегию отца.

Ключевые слова: условия реализации отцовства, воспитательная деятельность, мотивационно-потребностная сфера отца, стиль воспитания ребенка, родительское отношение, смыслообразующие элементы воспитательной деятельности.

Анализ психолого-педагогического аспекта отцовства показал, что характер воспитательной деятельности отца и отношение к ней, тесным образом связаны с устройством общества, его развитием и требованиями, предъявляемыми к отцу как воспитателю (Кон И.С., 2003). Воспитательная роль отца, его поведение, изменялись вместе с общественными нормами и устоями. В то время, когда большую часть времени отец проводил дома с семьёй, он традиционно устанавливал дисциплину в семье, ему принадлежало естественное право «карать и миловать». Отец, управлял жесткими авторитарными методами, так как суровая реальность и практическая необходимость

требовала, чтобы отец был авторитетен (Васягина Н.Н., 2007). Как результат – не самостоятельность, зависимость детей от родителей, «патологическая привязанность», стереотипность поведения и деятельности, страх родителей за судьбу детей (Шнейдер Л.Б., 2000). Условия реализации воспитательной функции отца изменились после промышленной революции. Сложившаяся система трудовых отношений изменилась, отцы в большинстве случаев стали работать вдали от своих семей и детей, и это обстоятельство привело и к изменениям в роли, принадлежащей отцу в поддержании дисциплины, к появлению синдрома: «Погоди, вот придет папа, и я ему все расскажу» (Дружинин В.Н., 2000). В.Н. Дружинин, отмечает, что отец превращался в тяжелую артиллерию, в силу поддержания порядка, в то время как мать такая ситуация устраивает, так как позволяет избежать чувства вины, которое неизбежно возникает, когда приходится наказывать ребенка. Грязная работа перекладывается на отца (Васягина Н.Н., 2007). Наказание достигает ребенка, только тогда, когда он уже успел забыть о своем поступке. И на долю отца выпадает одна часть заботы о воспитании - обучение ребенка. Обучение ребенка, это именно та часть, которая наиболее болезненно воспринимается как воспитателем (отцом), так и воспитуемым (ребенком), в силу отсутствия у родителя необходимых знаний о способах научения и умений обучать в различные возрастные периоды. Как следствие – установление дистантных отношений между отцом и ребенком, стабильное недоверие и открытый конфликт «Отцов и детей» (Дружинин В.Н., 2000; Токарева Ю.А., 2009).

Некоторые факторы, вызывающие чрезмерную строгость, особо ясно проявились, когда отца стали возвращаться домой после войны, во время которой они должны были беспрекословно подчиняться военной дисциплине (Дружинин В.Н., 2000). Авторитарный отец формировал авторитарного сына. Но, иногда случалась и другая ситуация, когда сын вырастал полной противоположностью отцу, был мягкий, конформный, в данном случае мы можем говорить о ломке характера ребенка, под тяжестью отцовского влияния («Марьин утес», сын Игната).

На сегодняшний день, достаточно распространенным является то, когда мама является главой и стражем порядка, а папа – всеобщий любимец, проводящий, вечера и

выходные дни в забавах с детьми. Многие отцы весьма дорожат своей популярностью у своих сыновей и дочерей и боятся, что утратят ее, если станут делать им замечания и наказывать их. Другие же отцы просто чувствуют себя неуютно в роли утверждающего дисциплину, избегают этой роли, уклоняются от нее или же просто не чувствуют себя способными к ней (Овчарова Р.В., 2003; Сатир В., 2000). Известный семейный психолог и психотерапевт В. Сатир отмечает, что следствием демократизации семейных отношений, сокращения дистанции между отцом и ребенком, является проявления более стабильной, нежели к матери любви, уважения и внимания к отцу. Она замечает наиболее близкие отношения ребенка с отцом, а не с матерью. Причину подобных реакций психолог видит в качестве выполнения воспитательной функции (Сатир В., 2000). Требовательность и контроль отца воспринимается ребенком как забота, вызывающая уважение и любовь. Требовательность и контроль матери, воспринимаются, как чрезмерная опека и недоверие, вызывающие раздражение, неприятие (Сатир В., 2000; Токарева Ю.А., 2009).

Очевидно, что деятельность, связанная с воспитанием ребенка, как и любая другая, представляет собой сложный процесс, со свойственной ему совокупностью действий и последовательной сменой отношений к воспитанию, воспитаннику и к себе как воспитателю, в ходе достижения цели воспитания. Деятельность по воспитанию ребенка связана с активным взаимодействием родителя и ребенка, направленным на разностороннее развитие и саморазвитие, социальное развитие и становление (Овчарова Р.В., 2003). Сущность воспитательной деятельности отца, с точки зрения отечественных и зарубежных психологов различная, в том случае, когда речь идет о воспитании детей различного пола и возраста. Специфика связана с той ролью, которую играет отец в жизни сына и дочери (Шнейдер Л.Б., 2000). В большинстве семей отцы не так строги к дочерям, как к сыновьям, и дочери слушаются отца охотнее, он часто занимает более авторитетную позицию, нежели мать. А матери, пожалуй, предпочитают быть мягче с сыновьями, они проявляют к ним лояльность и терпеливость (Шнейдер Л.Б., 2000). Таким образом, воспитательная деятельность отца играет роль не только фактора, но и условия развития личности, она выступает в качестве микросреды формирования базовых психологических характеристик личности (Кон И.С., 2003)

Анализ научных источников, по проблеме становления деятельности, позволил определить два важных психолого-педагогических условия, обуславливающих стратегию её реализации. В нашем случае под условиями реализации отцовства, понимается внешняя и внутренняя сторона организации жизненного пространства личности, способствующая формированию отцовства как особой воспитательной деятельности. Внешние и внутренние условия деятельности в качестве особого её структурного момента, или фактора, выделяются многими исследователями (Леонтьев А.Н., 1983; Рубинштейн С.Л., 1998), однако попытка определения психолого-педагогических условий реализации отцовства как воспитательной деятельности представлена впервые. В основе построения модели условий и факторов реализации отцовства лежат принципы деятельностного подхода отечественной психологии, представленные в трудах С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева (Леонтьев А.Н., 1983; Рубинштейн С.Л., 1998).

Таблица 1

Психологические условия реализации отцовства в воспитательной деятельности

Внутренние условия	Внешние условия			
Индивидуальные особенности личности	Внутрисемейные факторы			
	Воспитательный потенциал семьи			
Система ценностей и отношений личности	Мотивы родительства и система отношений отца	Цели родительства и поведение отца	Организация внутрисемейного взаимодействия, особенности взаимодействия отца с ребенком	Подготовка будущего родителя (целенаправленная и спонтанная)

Состояние организма	Социальные факторы			
Психофизиологические особенности личности	Установки общества, определение функций семьи	Социальная поддержка семьи и отцовства	Представление и определение роли отца в семье, создание условия для реализации	Специальные мероприятия по развитию семьи, повышение статуса отца в семье

Внешние условия формирования деятельности – это, прежде всего физическое окружения отца (или будущего родителя), включающие в себя все возможные процессы, в которые включен и вовлечен будущий родитель или мужчина-отец, реализующий данную функцию. В отношении реализации отцовства данная группа условий может быть представлена благополучными и неблагополучными для развития личности условиями. Так В. Дружинин к числу благополучных для развития ребенка условий относит: участие в жизни ребенка, как матери, так и отца; планирование и осуществление родителями, специально направленной для подготовки ребенка к семейной жизни, к осуществлению мужской и отцовской роли деятельности и входящих в неё мероприятий (Дружинин В.Н., 2000). Другой аспект внешних условий – социальный. В нашем случае социальный аспект связан с участием «макро и микро уровней» в формировании отцовства как особой деятельности (Токарева Ю.А., 2009). Наиболее сложно дать оценку влияния на формирование отцовства «макроуровня», как более опосредованного и непредсказуемого, включающего в себя комплекс когнитивного, эмоционального и поведенческого воздействия. С.Л. Рубинштейна, пишет: «Известно, насколько легче бывает делать свое дело в доброжелательном, чем в недоброжелательном окружении. Недоброжелательное окружение сразу сковывает, парализует, особенно очень чувствительных и неустойчивых людей. Почувствовав доброжелательную атмосферу, они сразу находят себя, овладевают своими силами и

проявляют себя с самой положительной стороны. Но и в отношении менее чувствительных людей должно быть признано то положение, что технически, объективно одна и та же задача является психологически задачей различной трудности, когда её приходится решать в различных социальных ситуациях» (Рубинштейн С.Л., 1998).

Эффективной реализации воспитательной деятельности соответствует следующая средовая направленность: наличие в обществе установок позволяющих мужчине положительно настроится (мотивировать) на рождение детей и их воспитание; присутствие факторов, возможно законодательных актов, поддерживающих воспитательную активность мужчины; специально направленных для подготовки к отцовству и последующей реализации данной роли общественных программ.

Социальная среда «микроуровневой» системы, понимается как деятельность отдельно взятой семьи, в отношении мальчика, сына, мужчины, связанная с подготовкой его к роли отца, к деятельности, связанной с воспитанием собственных детей. В данном случае речь также может идти как о благоприятном, так и неблагоприятном влиянии условий (Овчарова Р.В., 2003; Сатир В. , 2000).

Придание внешним и внутренним психолого-педагогическим условиям статуса самостоятельного структурного момента воспитательной деятельности и её реализации представляется оправданным, так как содержит в себе, пусть и условно, ряд моментов:

Во-первых, эта реальность имеет собирательный, суммарный характер участвующих в формировании воспитательной деятельности объектов: внешние и внутренние условия составляют самые разнообразные объекты окружающей мужчину среды со всеми их параметрами.

Во-вторых, при дальнейшем рассмотрении оказывается, что объекты, составляющие внешние условия, сами являются структурными элементами действий, направленных на генезис субъекта, предмета либо средства данной деятельности. На генезис субъекта направлено обеспечение многих физических компонентов внешних условий. Без совокупной группы условий мужчина был бы не способен к осуществлению воспитательной деятельности, являющейся важнейшей в жизнедеятельности отца и ребенка (Токарева Ю.А., 2009).

В исследовании факторов реализации отцовства как деятельности по воспитанию ребенка приняли участие 750 отцов, детей четырех возрастных групп: дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста. Для выделения ведущих факторов воспитательной деятельности использовался пакет, включающий в себя 13 психодиагностических методик. Все методики сгруппированы по трем блокам отражающим структуру воспитательной деятельности, а именно: исследование мотивационно - потребностного компонента, исполнительного и контрольно-оценочного компонента деятельности.

С целью выделения системообразующих элементов воспитательной деятельности отца проведен кластерный, корреляционный и факторный анализ. Обработка проводилась с использованием статистического пакета Statistika 6.1.

В структуре воспитательной деятельности отцов воспитывающих детей дошкольного возраста было выявлено три основных фактора следующего порядка: воспитательные действия – мотивы отцовства – цели отцовства. Установленный порядок воспитательной активности отца можно объяснить отсутствием у родителя четкого представления о себе как об отце – воспитателе. Исходя из того, что изучаемая выборка включала в себя отцов детей 3-3,5 лет, требующая большего внимания матери, связанного с уходом за ребенком, возможно отцы руководствуются в воспитании ребенка не собственно поставленными целями, а теми задачами, которые ставит перед ним мать ребенка. Таким образом, в дошкольный период развития ребенка, воспитательная деятельность отца носит поддерживающий характер и напрямую соотносится с воспитательными намерениями матери. Личные воспитательные мотивы и цели отцовства выступают на втором плане взаимодействия отца с ребенком.

1 Фактор «Воспитательные действия отца» охватывает большую часть дисперсии 25,2 % и является системообразующим элементом воспитательной деятельности отца детей дошкольного возраста. Значимые веса в нем имеют шесть показателей, связанных с отражением конкретных воспитательных действий отца, реакций отца, характеристиками стиля воспитания ребенка.

II Фактор «Мотивы отцовства» охватывает 19,5% дисперсии. Значимые веса в нем имеют три из четырех мотивов отцовства, а также поведение отца, имеющее отношение к причинам родительства.

III Фактор «Воспитательные цели отцовства» охватывает 14,3% дисперсии. Значимые веса в нем имеют четыре показателя, связанных с целями отцовства и результатом воспитательной деятельности.

В структуре воспитательной деятельности отцов воспитывающих детей младшего школьного возраста было выявлено три основных фактора.

I Фактор «Мотивы отцовства» охватывает большую часть дисперсии 20,1 % и является системообразующим элементом воспитательной деятельности отца детей младшего школьного возраста. Значимые веса в нем имеют два из четырех мотива отцовства, а также поведение отца, имеющее отношение к причинам родительства.

II Фактор «Воспитательные цели отцовства» охватывает 17,4% дисперсии. Значимые веса в нем имеют шесть показателей, связанных с отражением целей воспитательной деятельности отца, а также её предполагаемым результатом.

III Фактор «Воспитательные действия отца» охватывает 15,4% дисперсии. Значимые веса в нем имеют четыре показателя, связанных с конкретными стратегиями воспитания, стилями воспитания ребенка младшего школьного возраста.

Факторный анализ, использованный для определения особенностей реализации отцовства в воспитании ребенка подросткового возраста, установил следующие факторы и их порядок.

I Фактор «Мотивы отцовства» охватывают большую часть дисперсии 21,3 % и является системообразующим элементом воспитательной деятельности отца детей подросткового возраста. Значимые веса в нем имеют два из четырех мотива отцовства, а также поведение отца, имеющее отношение к причинам родительства. Для отца воспитывающего подростка характерна мотивация получения социального одобрения, принятия со стороны окружающих. Самоутверждение отца посредством подавления воли, сексуальности.

II Фактор «Воспитательные цели» охватывает 16,3% дисперсии. Значимые веса в нем имеют девять показателей, связанных с отражением воспитательных целей

отцовства, а также предполагаемых результатов. Воспитание ребенка детерминировано стремлением отца к самореализации, саморазвитию в процессе воспитательной деятельности, достижению высоких результатов в развитии ребенка и в отношениях с ним, установлению контакта и партнерских отношений, проявлению внимания и заботы.

III Фактор «Воспитательные действия отца» охватывает 14,9% дисперсии. Значимые веса в нем имеют четыре показателя, связанных с конкретными стратегиями воспитания, стилями воспитания ребенка подросткового возраста, а именно проявление излишней строгости, раздражительности, конфликтности.

В структуре воспитательной деятельности отцов воспитывающих детей юношеского возраста были выявлены следующие факторы.

I Фактор «Мотивы отцовства» охватывают большую часть дисперсии 21 % и является системообразующим элементом воспитательной деятельности отца детей юношеского возраста. Для отца воспитывающего ребенка юношеского возраста характерна мотивация самоутверждения, требование сверх авторитета родителей.

II Фактор «Воспитательные цели» охватывает 18,7% дисперсии. Значимые веса в нем имеют восемь показателей, связанных с отражением воспитательных целей отца, а также предполагаемым результатом воспитания ребенка, а именно: достижение высоких результатов в развитии ребенка и в отношениях с ним, развитие его активности, установление партнерских отношений с ребенком, выстраивание кооперации, проявление отцовского внимания и заботы.

III Фактор «Воспитательные действия отца» охватывает 15,8% дисперсии. Значимые веса в нем имеют четыре показателя, связанных с конкретными стилями воспитания ребенка юношеского возраста, а именно проявление гиперопеки, доминирования, развитие ребенка как субъекта сознания, субъекта общения и деятельности.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Деятельность, связанная с воспитанием ребенка, как и любая другая деятельность, сложный процесс, со свойственной ему совокупностью действий и последовательной сменой отношений к воспитанию, воспитаннику и к себе как воспитателю, в ходе достижения цели воспитания.

2. Сущностными условиями реализации отцовства в деятельности по воспитанию ребенка является наличие характерного взаимодействия родителя и ребенка, использования различных средств и способов воспитания, с целью разностороннего развития и саморазвития, становления социальности ребенка.

3. Внешними факторами реализации отцовства в воспитательной деятельности, являются условия семейного воспитания, в которых растет (или рос) будущий отец, а также условия для реализации мужчины в роли отца. Внутренними факторами реализации отцовства, является психологическая готовность к родительству и мотивация на достижение высоких результатов в развитии ребенка в отношениях с ним.

4. Внешние и внутренние факторы реализации отцовства обуславливают характер воспитательной деятельности отца, при условии их сочетания между собой, высокой интенсивности или относительной стойкости и длительности воздействия.

5. Структурными элементами отцовства как воспитательной деятельности являются: мотивы, цели и воспитательные действия родителя, положительно коррелирующие друг с другом. Системообразующим фактором реализации отцовства в воспитательной деятельности является мотивационно-потребностная сфера, включающая в себя четыре ведущих побудителя: мотивация получения социального одобрения, мотивация саморазвития, мотивация достижения высоких результатов в развитии ребенка и мотивация самоутверждения, обуславливающих дальнейшую воспитательную стратегию отца.

Список литературы

1. Васягина Н.Н. Содержание ценностно – смысловой сферы мужчин с разным стажем отцовства в районах с разным уровнем урбанизации // Актуальные проблемы психологии личности : сб. науч. трудов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007.
2. Дружинин В.Н. Психология семьи. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 208 с.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – 320 с.

4. Кон И.С. Современное отцовство: мифы и проблемы // Семья и школа. - 2003. - № 4. - С.17-20.
5. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 319с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 680 с.
7. Сатир В. Вы и ваша семья. Руководство по личностному росту. – М.: Апрель Пресс, 2000. – 320 с.
8. Токарева Ю.А. Рефлексивный анализ эффективного отцовства. //Психотерапия. – 2009.- № 10.- С. 88 – 95.
9. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. – М.: Апрель-Пресс, 2000. – 512с.

Развитие самосознания женщины на этапе материнства

Устинова Н.А.

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург,

Россия

ustinova-natulya@inbox.ru

Аннотация. В данной статье анализируются основные подходы к феномену самосознания, обосновывается подход к материнству как к особой стадии идентификации, адаптации и развития самосознания женщины, выделяются детерминанты развития самосознания матери, раскрываются особенности формирования самосознания матери, описывается тренинг гармонизации самосознания матери.

Ключевые слова: материнство, самосознание, образ-Я, самоотношение, самореализация.

Изучение материнства и его отражение в самосознании женщины – актуальная проблема XXI века. Исследование самосознания матери в центре внимания психологов и ученых не случайно.

Достаточно важно на сегодняшний день изучение внутреннего мира современной матери, ее отношения к воспитанию ребенка. Более углубленно рассматривая проблему материнства, наталкиваешься на тот факт, что самосознание матери во многом детально не изучено, и поэтому необходимо выделить и исследовать детерминанты самосознания матери в современном обществе.

Необходимость в психолого-педагогическом сопровождении материнства обсуждается в последнее время не только в средствах массовой информации, но так же становится объектом исследования и изучения различными школами и направлениями в психологии, и данный факт отражает актуальность и значимость данной проблемы для современного общества.

В последние годы возросло количество проблем, связанных с девиантным материнством, с отказом от детей. Так же современный ритм жизни накладывает неизгладимый отпечаток на выполнение материнских функций, их, как правило, берут на себя няни, гувернантки, бабушки и т.д. Данная проблема является особенно актуальной и значимой для жителей больших мегаполисов, где к женщине как профессионалу предъявляются такие же требования, как и к мужчине, при этом ей необходимо наряду с профессиональными обязанностями выполнять функции матери и супруги. Женщина все в большей степени стремится к независимости, личностному росту и саморазвитию, и для многих женщин карьера становится первоочередной, чем семья.

С другой стороны, подобный интерес обусловлен вниманием к проблемам личности самой матери, к формированию родительских качеств, которые, несомненно, заслуживают особого внимания и изучения, так как «современный ребенок» нуждается в более качественном и эмоционально-насыщенном внимании со стороны родителей.

Следует так же признать, что со временем семья претерпела значительные перемены. В последнее время в большей степени можно встретить неполные семьи, в

которых женщина берет на себя функции и отца и матери, тем самым компенсируя ребенку недостаток общения и взаимодействия, который присутствует в полной семье (В.С. Мухина, Е.О. Смирнова, В.С. Собкин).

Имеющиеся в научно-публицистической литературе факты свидетельствуют о том, что современные женщины крайне мало ориентированы на выполнение материнских ролей (N.N. Vasyagina, 2013). Функции матери не занимают центрального места в самосознании современной женщины – этот тревожный факт отмечают многие отечественные и зарубежные учёные (Чибисова М.Ю., 2003). Женщина рождает ребёнка, но считает его обузой (Бердникова Т. В.)

С точки зрения Г. Г. Филипповой, материнство как самостоятельная реальность, требует дальнейшей разработки в рамках целостного научного подхода для его исследования (Филиппова Г.Г., 2000). Таким образом, материнство может быть рассмотрено как этап переосмысления и переоценки своего детского опыта с точки зрения приобретенного родительского опыта, как новая и уникальная ситуация развития самосознания женщины на этапе материнства (М. М. Бахтин, В. С. Библер, М. Бубер).

Во время исследований феномена самосознания матери Н.Н. Васягина, Т.В. Леус, Г.Г.Филиппова, М.Ю. Чибисова пришли к единому мнению: «Материнство есть особая стадия идентификации, адаптации и развития самосознания женщины» (Васягина Н.Н., 2013).

Одна из главных причин изучения самосознания матери, состоит в том, чтобы создать психологические условия (организация и проведение тренингов, индивидуальных консультаций) для осознания женщиной собственной родительской позиции, проанализировать, принять или же не принять эту позицию и выработать перспективы развития отношений с ребенком.

Наше исследование базируется на научных трудах по проблеме самопознания личности (Д. А. Леонтьев, Л. С. Выготский, В. А. Ядов, и др.), по проблеме психологии материнства (Н.Н. Васягина, З. Фрейд, К. Хорни, Дж. Боулби, Д. Винниконт). При рассмотрении проблемы самосознания мы основываемся на точке зрения отечественных и зарубежных психологов, определяющих самосознание как социальный феномен, и предлагающих выделять в структуре самосознания три компонента: когнитивный,

поведенческий и эмоциональный (К. Роджерс, Р. Бернс, Э. Эриксон, А. Н. Леонтьев, В. С. Мухина, С. Л. Рубинштейн, М. И. Лисина, И. И. Чеснокова и др.) (Барановская Т.И., 2002).

Материнство мы рассматриваем как особую стадию идентификации, адаптации и развития самосознания женщины и опираемся на концепции таких авторов как: Н.Н. Васягина, В. Бергум, С. Фанти, М. Д. Марконе, Д. Пайнз, Г. Г. Филиппова, Т. В. Леус, М. Ю. Чибисова, Н.А. Устинова и др. (Устинова Н.А. 2009).

Нашей целью было исследование и развитие самосознания женщины на этапе материнства.

Для доступности эмпирической проверки нами была выдвинута гипотеза: специально разработанный тренинг будет способствовать развитию самосознанию матери: повисит уровень рефлексии, самопостижения и уровень родительской компетентности.

Исследование проводилось в январе 2014 г. и реализовывалось в три этапа:

- констатирующий – разработка методологии, подбор и проверка методов исследования;
- формирующий – подготовка специально-ориентированной тренинговой программы направленной на развитие самосознания матери;
- контрольный – проведение контрольного эксперимента.

В исследовании приняли участие 40 матерей, отобранные методом случайной выборки, проживающие в г. Снежинске Челябинской области. Все испытуемые состоят в браке и имеют одного ребенка в возрасте от 3 до 6 лет. Среди матерей 65 % имеют высшее образование, 35 % среднее специальное.

Используя выбранные нами методики, такие как: техника репертуарных решеток Д. Келли; опросник исследования самоотношения личности С. Р. Панталева; методика PARI (parental attitude research instrument) Е.С. Шеффера и Р. К. Белла, адаптированная Т.В. Нещерет и проанализировав результаты, мы рассмотрели содержание самопостижения, составили представления женщины о себе, как о матери, о качестве выполнения материнских функций, о способах взаимодействия с ребенком, о доминирующем эмоциональном фоне взаимодействия, которые интегрируются в

обобщенный образ «Я» и характеризуется высоким уровнем внутриличностных конфликтов, противоречивостью чувств и переживаний; выяснили, что структура самоотношения так же характеризуется высоким уровнем конфликтности. Внутриличностные конфликты между «Я – реальным» и «Я – идеальным», сомнения, несогласие с собой, отрицательные эмоции обуславливают включение механизмов психологической защиты личности. Выявлена амбивалентность в отношении женщины к себе: с одной стороны женщина принимает себя такой, какая есть, с другой стороны чрезмерно критично относится к себе. Смогли охарактеризовать самореализацию двойственностью отношений с ребенком, что, вероятно, связано с нарушениями в структуре материнско-детского взаимодействия. Наличие противоречий в воспитательной позиции матери (принятие – отвержение ребенка, развитие – инфантилизация ребенка, авторитарность – сотрудничество и т. д.) так же связано с механизмами психологической защиты. Проведенный анализ выявил наличие значительных противоречий и внутриличностных конфликтов в содержательной наполненности структурных компонентов самосознания матери, что, по всей видимости, связано с наличием вытесненных переживаний и неразрешенных, на более ранних стадиях развития, эмоциональных конфликтов.

Анализ исследования компонентов самосознания женщины: самопостижения, самоотношения и самореализации, показал, что каждый из этих компонентов представлен в самосознании конкретной женщины уникальной комбинацией и индивидуальным своеобразием элементов, что явилось основанием для выделения и описания типов матерей.

Проведенное эмпирическое исследование позволило подтвердить гипотезу о *влиянии изменений самопостижения на самоотношение и самореализацию*. Становится очевидной тесная взаимосвязь между самопостижением, самоотношением и самореализацией. Так, самопостижение осуществляется женщиной в процессе выполнения своих материнских функций и взаимодействия с окружающими людьми, в первую очередь с ребенком и супругом. Вместе с познанием женщиной себя, в процессе выполнения функций по уходу и воспитанию ребенка, происходит постоянное соотнесение образов реального и идеального «Я», результатом которого является

формирование отношения к себе как к матери. В свою очередь, самоотношение выступает необходимым внутренним условием регуляции поведения и деятельности (самореализации) и влияет на доминирующий эмоциональный фон взаимодействия с ребенком (Устинова Н.А., 2009).

На основе результатов эмпирического исследования был разработан и апробирован тренинг гармонизации самосознания матери «В поисках совершенства».

Тренинга включает 36 часов: 9 занятий по четыре часа. Перерыв между занятиями дает возможность осмысления полученных знаний и умений, а так же соотношение их с обыденной реальностью. Так же перерывы между занятиями слишком маленькие, чтобы у участников тренинга оставался настрой на психологическую работу.

Организационный принцип тренинга. Развитие самосознания матери, источником которого выступает рефлексия, осуществляемая в процессе осознание сильных и слабых сторон, своих возможностей, ресурсов, за которым следует побуждение к саморазвитию и желание личностного роста, что приводит к достижению поставленных целей и задач. Формируется адекватной самооценки, повышается ценность материнства, происходит принятие роли матери. Для успешности этого процесса необходима атмосфера доверия в группе, так как это, по мнению К. Роджерса, способствует исследованию личностью своего внутреннего мира и выбору правильного направления развития. Так же одним из обязательных условий изменения является постоянная обратная связь от группы, способствующая выявлению скрытых недостатков. Все упражнения построены по схеме: самопознание, следствием которого является побуждение к самопостижению, и программирование личностного роста которое в конечном итоге приводит к самореализации.

В тренинге нами использованы идеи и упражнения Сидоренко Е. В (2002), Копытина А. И., Вилюнаса В. К., Марковской И. М., Левитова Н. Д (2002), Сакович Н. А., Овчаровой Р. В., Якобсон П. М., Изарда К., Кипниса М. (2005). При разработке тренинга мы использовали работы, в которых затрагиваются аспекты групповой работы с матерями (Н.Н. Васягина, А. Я. Варга, Д. В. Винникот, Р. В. Овчарова, Л. А. Петровская, Эйдемиллер и др.).

Целью тренинга является развитие самоотношения и самореализации через самопостижение. Проведение тренинга позволило подтвердить наше предположение о том, что специально разработанный тренинг будет способствовать развитию самосознания матери: повысить уровень рефлексии самопостижения и уровень родительской компетенции.

Экспериментальная группа приняла участие в тренинге развития самосознания матери, направленном на изменение представлений о себе, как матери, модификацию поведения и формирование адекватной самооценки через развитие навыков рефлексии. Данный тренинг проводился в течение пяти недель, по два занятия в неделю с интервалом в 2 – 3 дня. Ретест в обеих группах производился при соблюдении интервала в 2 недели. Это связано с тем, что применяемые опросники предполагают рефлексию, осознание, анализ предыдущего поведения человека. Сразу после окончания тренинга его участники еще не обладают подобным опытом и не могут адекватно отразить произошедшие с ними изменения.

Проверка достоверности сдвига показателей в экспериментальной и контрольной группах проводилась с помощью Т-критерия Вилкоксона.

Наиболее чувствительными к гармонизирующему воздействию тренинга для самопостижения оказались «идентификация со счастливой матерью», «идентификация с идеальной матерью» (в среднем увеличение на 2, 2,6 балла соответственно); «идентификация с матерью которой была раньше», «идентификация с матерью, которой не буду никогда» (в среднем уменьшение на -2, -2,2, балла соответственно); менее статистически значимым оказалось изменение переменной «идентификация с несчастной матерью» (в среднем уменьшение на - 1,1 балла). Данные изменения свидетельствуют о сближении образов «Я-реальное» и «Я-идеальное», «Я-реальное» и образа счастливой матери. Уменьшение идентификации с матерью, которой была раньше, с матерью, которой не буду никогда и несчастной матерью так же свидетельствует о гармонизации «Я-концепции» матерей. Снижение идентификации с матерью, которой была раньше, свидетельствует о пересмотре женщинами образа реального Я и нахождении значительных отличий между двумя образами.

Обращает внимание отсутствие динамики переменных, описывающих категории конструктов. Это может быть связано с тем, что конструкты представляют собой достаточно устойчивую систему, позволяющую описывать и прогнозировать реальность. Они пересматриваются человеком лишь тогда, когда перестают выполнять свою описательно-прогностическую функцию. Мы можем предположить, что конструкты испытуемых являются эффективными в описании и прогнозировании реальности.

Таким образом, по окончании работы в экспериментальной группе и на основании результатов повторного исследования можно констатировать, что матери стали более открытыми и честными в отношениях с самой собой, более развитой стала рефлексия. Они стремятся к более глубокому пониманию себя и развитию собственной личности. Женщины стали более уверенными в себе, появилось ощущение силы собственного «Я».

Они более довольны собой, своими начинаниями и достижениями, ощущают свою компетентность и способность решать многие жизненные вопросы. Основным источником собственной активности, результатов и достижений, источником развития собственной личности женщины видят в себе. Матери стали ощущать ценность собственной личности и воспринимать себя принятыми окружающими, чувствовать, что их любят и ценят за личностные и духовные качества. В целом, они более положительно стали относиться к себе. Появилось ощущение баланса между собственными возможностями и требованиями окружающей реальности, между притязаниями и достижениями, вполне довольны сложившейся жизненной ситуацией и собой.

Изменения затронули и переменные, описывающие самореализацию. Перестройка отношения матерей к воспитательной практике выразилась в побуждении словесных проявлений, вербализации, опасение обидеть, уклонение от конфликта, (увеличение в среднем на 3,3; 2; 3,6; балла), установлении партнерских и уравнительных отношений с ребенком (в среднем увеличение на 2,3; 3,2 балла соответственно).

Самосознание матери представляет собой систему, состоящую из трех компонентов – самопостижения, самоотношения и самореализации. Наиболее важной стороной самосознания матери является самопостижение, включающее в себя представление о себе как о матери, о выполнении материнских функций, о способах

взаимодействия с ребенком, о доминирующем эмоциональном фоне взаимодействия сформировавшееся в обобщенный Я-образ.

Самоотношение представляет собой специфический вид эмоциональных переживаний, в которых отражается собственное отношение матери к тому, что она узнает, понимает и открывает о себе.

Самореализация понимается нами как процесс организации матерью своего поведения, форма регуляции взаимоотношений с ребенком, которая предполагает момент включенности в него результатов самопостижения и самоотношения. Содержание данного компонента представлено эмоциональным сопровождением процесса взаимодействия с ребенком, реагированием на поведение и эмоции ребенка, стилями и способами взаимодействия с ним, типом детско-родительских отношений. Психологические механизмы самосознания матери имеют интегративную природу: в каждый акт самосознания вовлекаются не только отдельные психические процессы в различной их комбинации, но также и вся личность в целом – система ее психологических свойств, особенностей мотивации, приобретенный опыт.

На основе результатов эмпирического исследования, был разработан и апробирован тренинг развития самосознания матери «В поисках совершенства», целью которого явилось развитие самоотношения и самореализации через самопостижение.. Реализация программы позволила подтвердить предположение о том, специально разработанный тренинг будет способствовать развитию самосознания матери: повысит уровень рефлексии самопостижения и уровень родительской компетенции.. Эффективность тренинга доказывают произошедшие достоверные изменения в сторону развития самосознания матери.

Список литературы:

1. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст] : монография / Н. Н. Васягина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 309 с.

2. Барановская Т.И. Развитие базовых качеств матери и психологическое развитие младенца в возрасте 3-4 и 7-8 месяцев (лонгитюдное исследование) дисс. кан. псих. наук - Шуя, 2002. 280 с.

3. Попцова Е.В. Качества матери и психологическое развитие ребенка раннего возраста. Дисс канд.псих.наук. – М.: 1995. 285 с.

4. Устинова Н.А. Внутриличные детерминанты самосознания матери Авт.... канд. психол. наук. ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» . – Екатеринбург, 2009. 23 с.

5. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Сравнительно-психологический анализ: Дисс. ... докт. психол. наук / Институт молодежи. - М.- 2000. 449 с.

6. Чибисова М.Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современной женщины.: Дис.... канд. психол. наук. / МПГУ. – М., 2003. 272с.

7. Vasyagina, N. N. The influence of contemporary social and cultural space of Russia on the value-semantic content of motherhood [Текст] / N. N. Vasyagina // Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – №2.

Рисунок «Я и мой ребенок» в работе с людьми разного возраста и репродуктивного статуса

Филиппова Г.Г.

НОУ ДО «Институт перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы», Москва

filippova_galina@mail.ru

Рисуночный тест «Я и мой ребенок» уже около 25 лет активно используется в психологических исследованиях и в психологической практике. Он хорошо зарекомендовал себя в диагностическом, прогностическом и терапевтическом аспектах. За это время получено много данных на разных контингентах испытуемых и клиентов:

мужчинах и женщинах, взрослых и детях, беременных, родителей с детьми и людях, не имеющих детей. Выявлены показатели и особенности рисунков, характеризующие особенности родительской сферы у людей разного возраста и статуса и имеющих различные проблемы.

История методики

Впервые я использовала эту методику в 1991 году при изучении материнской сферы беременных женщин в условиях женской консультации и при индивидуальном консультировании матерей с младенцами. В это время специальных методик для диагностики и практической работы с проблемами материнства еще не было. За основу были взяты рисуночные тесты «Рисунок семьи» и «Кинетический рисунок семьи» [13]. После публикации статьи Р.Ф. Беляускайте [1], в которой были описаны симптомокомплексы теста «Рисунок семьи», была проведена работа по анализу признаков и выделению симптомокомплексов рисунка «Я и мой ребенок». Было выделено четыре основных симптомокомплекса: благоприятная ситуация родительства; незначительные признаки тревожности, неуверенности и конфликтности; тревожное переживание ситуации родительства; конфликт с ситуацией родительства [5, 6].

Впоследствии этот рисунок был опробован на самых разных респондентах, начиная с детей с 5 лет (в форме «Я и мой будущий ребенок»), при работе с будущими родителями (планирующими рождение ребенка и беременными) [2, 3, 7, 9, 10, 11] родителями с детьми разного возраста [3, 4, 5, 6], женщинами, отказывающимися от новорожденного [6], женщинами и мужчинами с разными формами бесплодия, пациентами клиник вспомогательных репродуктивных технологий. Были проведены как срезовые, так и лонгитюдные исследования (по триместрам беременности и после рождения ребенка), а также использованы данные практической психологической работы на семьях, периодически обращающихся за консультациями в течение нескольких лет. В 2001-2002 году эта методика была опробована в лонгитюдном исследовании (со второго триместра беременности до 1 года после рождения ребенка) [2].

В исследовательской работе и в практике психологического консультирования диагностическая и коррекционная ценность этой методики были подтверждены целым

комплексом психологических методов: наблюдение, интервью, личностно-ориентированные методики, другие проективные графические методики, ЦТО, исследование материнско-детского взаимодействия, контент-анализ родительских сочинений, семантический дифференциал др.) [2, 3, 6, 12]. Обобщение этих данных были представлены в докторской диссертации автора [6]. С 2006 года рисуночный тест «Я и мой ребенок» и его модификации («Я и мой ребенок сейчас» для второго триместра беременности, «Я и мой ребенок в первый месяц после родов» для третьего триместра беременности) используется для скрининговой диагностики при ведении беременности в медико-психологической клинике «Семья с плюсом». В этом исследовании накоплен огромный материал сочетаний признаков рисунка с другими психологическими методиками и данными медицинских обследований.

Особенности интерпретации методики

Поскольку задание предполагает наличие персонажей, изображенных в виде людей, то любое отклонение в изображении персонажей интерпретируется как показатель тревоги и конфликтности с темой рисунка. Это подтверждено многочисленными исследованиями рисуночных методик с персонажами («Рисунок семьи» и др.). Важно отметить, что в ряде исследований рисунки с заменой персонажей на животных, растения и символы нередко интерпретируются как адекватные. Наши исследования показывают, что обычно это оказывается выражением защитной тревоги при конфликте с родительством или какой-либо из родительских функций. Интересными являются примеры обедненного и схематизированного рисунка (не прорисовка деталей тела, «головоноги», фигуры из линий и кругов). Обычно респонденты объясняют такой рисунок тем, что не умеют рисовать. При предложении рисунка на другую, интересную для человека тему, рисунки получаются объемными и подробными. Такой же эффект наблюдается после психологической коррекции. Поэтому такого рода рисунки также свидетельствуют о наличии тревоги и конфликта с темой рисунка.

Помимо этого можно описать ряд особенностей при использовании рисунка «Я и мой ребенок» для разных контингентов респондентов.

Дети (старше 5-6 лет)

Для детей характерно изображение себя с будущим ребенком в соответствии со своей семейной ситуацией. Это обнаружилось при сравнении этих рисунков с рисунком «Моя семья» и «Я и моя мама». При этом отношения с матерью больше ассоциированы с представлением о своем будущем ребенке, чем отношения с отцом. Для детей характерно наличие совместной деятельности с ребенком, в некоторых случаях компенсаторного характера (то, что не хватает в своей семье).

Женщины и мужчины фертильного возраста, не имеющие детей

В целом у женщин и мужчин, не имеющих детей, но планирующих их рождение в будущем, и не имеющих репродуктивных проблем, рисунки очень похожи на таковые у беременных. В целом чаще рисуют ребенка раннего или дошкольного возраста, у мужчин чаще появляется опосредование взаимодействия с ребенком предметами: велосипед, мяч, другие спортивные и бытовые предметы. Для этого контингента рисунки достаточно хорошо отражают готовность к рождению ребенка, отношение к нему и восприятие ситуации родительства.

Беременные женщины и мужчины в период беременности жены

Для женщин в беременности характерна определенная динамика по триместрам беременности. Для первого триместра беременности в рисуночном тесте нормальными являются незначительные симптомы тревожности, неуверенности в себе, конфликтности. Выраженные проявления этих качеств, а также их устойчивое сохранение во втором и третьем триместрах отражают неблагополучие в отношении к беременности и материнству. В процессе беременности при адекватном стиле переживания беременности и адекватной ценности ребенка возраст ребенка на рисунке постепенно приближается к младенческому. Наиболее диагностически значимыми являются следующие особенности рисунка: отсутствие на рисунке себя; отсутствие на рисунке ребенка; замена образа себя и/или ребенка на символ, растение, животное; ребенок «спрятан» в коляске, кровати, животе матери; изоляция ребенка;

пространственная дистанция матери с ребенком; наличие большого количества дополнительных деталей, украшательств, символов (сердечки, солнышки и т.п.).

У будущих отцов часто обнаруживаются признаки тревожности, изображение ребенка на руках у матери или в коляске. Популярны сюжеты взаимодействия с ребенком дошкольного возраста, опосредованного спортивными или бытовыми предметами. Это свидетельствует о готовности будущих отцов к деятельностному контакту с ребенком более старшего возраста, но обычно не говорит прямо об их неготовности к контактам с новорожденным. Непосредственный контакт и прямое взаимодействие с младенцем обычно встречается у мужчин с хорошим опытом нянчания.

Особенности рисунков при замершей беременности

В скрининговых диагностиках были получены рисунки женщин, у которых вскоре после рисования произошло замирание беременности. В большинстве случаев (но не во всех!) эти рисунки можно было квалифицировать как вполне адекватные. На них изображена женщина с младенцем на руках и особых признаков потери беременности не обнаруживается. При тщательном анализе анамнеза и материалов индивидуального консультирования этих женщин мы предположили, что это может быть тема «возврата в свою материнско-детскую диаду», что возможно было неосознаваемой целью данной беременности. В некоторых случаях при последующей потере беременности появлялись характерные признаки рисунка: ребенок в виде ангелочка, «улетающий» от фигуры матери; улетающий воздушный шарик; «пустое» место в животе женщины, изображение ребенка в форме «скелета» и другие признаки.

Особенности рисунков при бесплодии

В целом при женском и мужском бесплодии по рисунку «Я и мой ребенок» выявляются проблемы готовности к родительству. Часто встречаются рисунки обедненные и схематичные, без использования цвета, фигура матери инфантильная, много замен образов, «не получается» прорисовка тела, ребенок чрезвычайно редко

оказывается младенцем, затруднен контакт с ребенком, много признаков тревожности и конфликтности. Такие рисунки характерны как для женщин, так и для мужчин.

Особенности при предшествующих репродуктивных потерях

При планировании рождения ребенка в случаях предыдущих репродуктивных потерь (выкидыши, аборты, перинатальные потери) часто появляется тема «потерянного ребенка», которым заменяется образ будущего ребенка. Это может быть образ ребенка с левой стороны от матери, воздушный шарик или другой предмет (их количество часто соответствует количеству потерь), или другие символы. Такие признаки свидетельствуют о том, что переживание потери еще не окончено, и планируемый ребенок призван заменить предыдущего.

Помимо уже хорошо известных преимуществ рисуночной методики «Я и мой ребенок», ее использование при различных проблемах родительства, при работе с нарушениями репродуктивного здоровья женщин и мужчин, в том числе при подготовке к ЭКО позволяет не только диагностировать целый ряд особенностей родительской сферы, но и осуществлять эффективную коррекционную работу.

Список литературы

1. Беляускайте Р.Ф. Рисуночные пробы как средство диагностики развития личности ребенка. // Детский практический психолог, 1994, № 1, С. 30-35.
2. Брутман В.И., Филипова Г.Г., Хамитова И.Ю. Методики изучения психического состояния женщин во время беременности и после родов. // Вопросы психологии, 2002, №3, С. 110-118.
3. Вшивкова И.В. Рисуночные тесты как метод исследования агрессивной материнской позиции // Перинатальная психология и психология родительства, 2004, №1. С. 12-43
4. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: науч. моногр. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 258с.

5. Филиппова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. Учебное пособие. - М.: Жизнь и мысль, 1999. - 192с.
6. Филиппова Г.Г. Психология материнства (сравнительно-психологический анализ). Дисс. докт. психол. наук., М., 2000
7. Филиппова Г.Г. Метод рисуночного теста в психологической работе с беременными. // Психотерапия в России: школы, научные исследования и практические достижения. Тез. Всер. н-пр. кон. -М., 2000. – С. 41-42
8. Филиппова Г.Г. Комплексная диагностика материнской сферы в период беременности и раннего развития ребенка. //Перинатальная психология и медицина. Сб. мат. конф. по перинатальной психологии. СПб., 2001, С. 62-64
9. Филиппова Г.Г. Диагностика материнского отношения до рождения ребенка. // Материнство. Психолого-социальные аспекты (норма и девиация). Мат.5 Всер. н-пр. конференции. Иваново – Плес, 6-9 сентября 2002г. – Иваново: Иван. Гос. Ун-т., 2002. - С. 94-98
10. Филиппова Г.Г., Васичкина Е.В. Образ будущего ребенка у беременной женщины: особенности содержания и средства формирования. // Перинатальная психология и психология родительства, 2007, №1, С. 14 – 41
11. Филиппова Г.Г., Милехина Н.В. Особенности представлений матери и отца о будущем ребенка. //Перинатальная психология и психология родительства, 2006, №2, С. 82 - 94
12. Филиппова Г.Г., Черткова И.Н., Сапарова И.М., Антонов М.В., Соколова О.А., Рябухина А.В., Пашкова Ю.В., Николаева Ю.А.. Исследование психологических особенностей переживания беременности у женщин с патологией беременности // Перинатальная психология и психология родительства. Тем. выпуск «Журнала практического психолога». - М.: 2003, С. 64-83
13. Хоментаскас Г.Т. Семья глазами ребенка. М.: Педагогика, 1989. - 160с.

**Отцовство, как фактор превенции и профилактики психических расстройств
и
поведенческих нарушений**

Черткова О.А., Устянина Ж.Г., Селедцов А.М.

ГКУЗ КО «Кемеровская областная клиническая психиатрическая больница».

ГБОУ ВПО «Кемеровская Государственная Медицинская Академия»

Минздрава России, г. Кемерово, Россия

olga.alex.chertkova@mail.ru

В статье раскрывается причинно-следственная обусловленность возникновения психических расстройств депривацией базовых потребностей в условиях слабого отцовского начала в семейных отношениях с рассмотрением точек зрения разных направлений психологических школ, которые подтверждают гипотезу детерминации неврозов, девиаций в отношениях разного уровня, акцентуации черт с психопатоподобным рисунком поведения и защитной агрессии, вне зависимости от гендерных различий пациентов. Статья может представлять интерес для практикующих психологов, психотерапевтов, врачей, заинтересованных педагогов, ищущих ответов родителей.

Ключевые слова: феномен отцовской депривации, невроз, девиантный паттерн, агрессия, полоролевые отношения, ценностно-смысловая сфера семейного круга.

Предотвращение психических расстройств на сегодняшний день выступает приоритетом общественного здравоохранения и вопрос качественной профилактики встаёт с особой напряжённостью в силу многогранности аспектов проблемы. Социология и биология внесли существенную ясность в понимание роли факторов риска и защиты в формировании путей развития психических расстройств и неудовлетворительного состояния психического здоровья. Многие из этих факторов поддаются, всё же, воздействию и являются потенциальными областями приложения для

профилактических и других соответствующих мер. Для внедрения в практику доступен широкий спектр основанных на доказательствах принципов и стратегий (в дополнение к специфическим для конкретных психических расстройств), которые позволяют предотвращать развитие психических расстройств и поведенческих нарушений. Установлено, что превентивные стратегии смягчают факторы риска, усиливают защитные ресурсы, редуцируют психопатологическую симптоматику и даже предотвращают развитие некоторых психических расстройств; они также улучшают состояние психического и физического здоровья и генерируют социальные и экономические преимущества. По данным исследований, факторы риска и защиты и их связи с развитием психических расстройств по своему характеру подразделяются на индивидуальные, семейные, социальные, экономические и средовые. Наличие множественных факторов риска в отсутствие защитных и взаимодействие опасных и защитных ситуаций в основном дают кумулятивный эффект, что предрасполагает индивидов к нарушениям в психической сфере, далее к повышенной уязвимости, затем возникает психическое расстройство и наконец, развернутая клиническая картина тяжелого психического заболевания.

В этой статье мы не будем говорить об основных социально-экономических и средовых детерминантах психического здоровья и среди индивидуальных и семейных факторов риска и защиты из биологических, эмоциональных, когнитивных, поведенческих и межличностных или связанных с семейным контекстом, которые могут оказывать самое сильное влияние на психическое здоровье в особенно чувствительные периоды жизни в силу их влияния на передачу опыта от одного поколения другому, рассмотрим феномен отцовской депривации. По нашим наблюдениям и результатам экспериментально-психологических исследований, он выступает одним из главных в череде факторов риска у потомства по возникновению эмоционально-волевых и поведенческих расстройств, алкоголизации и наркомании.

В отсутствие необходимого компонента межличностного семейного общения, у индивида формируется дефект интерактивного культурогенеза с дефицитом условий развития личности и возникает ситуация девиантного паттерна, в силу чего личность

субъективно ощущает свою ущербность и компенсирует её в различных формах девиантного поведения и виктимности.

Индикаторами указанных нарушений выступают: 1) тревожность, определяемая в большей степени, не реальной ситуацией, а личностными свойствами человека, что препятствует нормальному адаптивному поведению, вызывая чрезмерные функциональные сдвиги в психофизиологической системе организма; 2) напряжённость с гиперестезическими реакциями на ранее нейтральные раздражители, превышающими значение стимула.

Условием активизации девиантного паттерна с ростом компенсаторных тенденций, по мнению Эриксона, представляется «базовое недоверие», которое является ключевым для понимания многих проблем современного человека. Большинство фобий и неврозов, некоторые виды криминального поведения объяснимы, если подходить к ним с точки зрения - доверяет или нет индивид миру, людям и, в конечном итоге, себе самому. Человек, доверяющий себе и миру, строит долговременные теплые отношения, он более успешен в работе, его поведение отличается большей гибкостью, он легче воспринимает все новое. Люди, выросшие без отцов, априори отверженные ими без вины и так до конца не разобравшиеся с противоречивыми чувствами потребности в принятии и любви, высокой оценки своей личности и демонстрацией широкого спектра защит с регрессией, вытеснениями, рационализацией, зачастую сексуализацией и агрессивными вымещениями под масками жажды справедливости по эксплозивному типу внешних проявлений у возбудимых эпилептоидов, Непринятые вчерашние дети чувствуют себя ущербными, не понимая источника дефицита, не уверены в себе и имеют крайне низкую самооценку и уровень притязаний. Отсюда вполне рельефно выступает корреляция роли семьи в этиологии неврозов, что подтверждают и наши экспериментально-диагностические исследования, и мнения корифеев (Карвасарский Б. Д.1982; Мягер В.К; Мишина Т.М. 1979; Захаров А.И. 1982), которые также большое внимание уделяют роли семейных факторов в этиологии различных форм невротических расстройств. Особенно показательны в этом отношении данные клинического изучения проблемы с акцентом на рассмотрении семейных взаимоотношений пациентов (Свядош А. М., 1982), где доказано, что заболеваемость

человека неврозом в немалой степени зависит от условий, в которых он воспитывался, стиля, типа воспитания. При этом воздействие родительской семьи простирается весьма далеко, проявляясь, в то время, когда индивид уже сформировал и собственную семью, где особенно значимо воздействие на него системы сформированных в детстве ценностей и отношений и уже взрослый больной проживает в настоящее время (супружеской семьи, взаимоотношении между родителями и детьми, а также старшим поколением, семьями бабушек и дедушек).

При проведении экспериментально-психологических обследований на этапе сбора анамнестических сведений у наших пациентов, вопросам их отношений в семье, и, в частности, отношений обследуемых с их отцами, мы уделяем особое внимание: на каком этапе жизни последний исчез из поля зрения ребёнка. Драматизм частных ситуаций подтверждает общую тенденцию и складывается при этом в общую мозаику: от первоначального неприятия с равнодушием, в лучшем случае, или вообще отказом от факта, до позднего подросткового возраста отверженного ребёнка с отсутствием отца в особенно чувствительные моменты социального научения и принятием потомством уже к себе полоролевых расстановок в собственных, искажённых девиациями, отношениях.

Психоаналитический подход корни формирования заявленной проблемы видит в реализации верхнего блока личностных структур - Супер-Эго, который обеспечивает социальную приемлемость внешнего поведения, контроль, цезуру над проявлениями энергетических резервуаров «либидо» и представляет собой интернализированную версию общественных норм и стандартов поведения, становясь результатом «присвоенных» родительских ценностей. В то время, когда мать даёт ребёнку безусловные любовь и принятие, любовь отца – служит «наградой» за выполнение каких-либо предписаний и одновременно предоставляет защиту.

И с точки зрения Э. Фромма, отцовская любовь по сравнению с материнской - любовь "требовательная", условная, которую ребенок должен заслужить. Она не является врожденной, а формируется на протяжении первых лет жизни ребенка. Для того чтобы заслужить отцовскую любовь, ребенок должен соответствовать определенным социальным требованиям и отцовским ожиданиям в отношении способностей, достижений, успешности, что также соотносится с психоаналитической

традицией. Любовь отца служит как бы наградой за успехи и хорошее поведение. В ребенке для отца воплощена возможность продолжения рода, поскольку в соответствии с традиционными нормами, мужчина должен воспитать наследника как продолжателя рода, хранителя традиций и родовой памяти. Таким образом, отец выполняет функцию социального контроля и является носителем требований, дисциплины и санкций.

Согласно представлениям А. Адлера, роль отца в воспитании заключается в поощрении активности, направленной на развитие социальной компетентности. Если мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, то отец проторяет ему путь к человеческому обществу. Отец является для детей источником познаний о мире, труде, технике, способствует формированию социально полезных целей и идеалов, профессиональной ориентации.

Отсутствие же отца отрицательно сказывается на учебной успеваемости и самоуважении детей, как девочек, которые со временем становятся лёгкой добычей для разного рода манипуляций - чаще именно эти девочки подвергаются насилию и строят отношения с мужчинами маргинального склада, так и мальчиков, которым труднее дается усвоение мужских половых ролей и соответствующего стиля поведения. Поэтому они чаще других гипертрофируют свою маскулинность, проявляя агрессивность, грубость, драчливость и т.д. Наличие статистической связи между отсутствием или слабостью отцовского начала и гипермаскулинным или агрессивным поведением (насилие, убийства и т.п.) демонстрируют и кросскультурные исследования. Анализ протоколов экспериментально-психологических обследований пациентов и анамнестических сведений показывают отсутствие отцов у 93% респондентов и когда опыт подражания социальному поведению взрослых мужчин своего круга уже приобретён, наряду с индивидуальными чертами характера и межличностными отношениями в семье, на качество жизни взрослого уже мужчины влияет также и память о собственном отце, если он был знаем вчерашним ребёнком. Моделируя отца по законам функционирования бессознательной сферы и в зависимости от содержания и качества межличностных отношений в близком кругу, человек «присваивает», интериоризует социальные роли, что, чаще всего, определяет рисунок поведения взрослого мужчины.

Также и в отношениях женщин, стереотипы чего закладывается с детства, а поддерживается и формируется всю жизнь. В воспитании отношения к женщине самую большую роль играет именно пример родителя – отца, все слова которого об уважении к женщине моментально теряют смысл, если он сам проявляет грубость по отношению к жене. Отмечено, что в неполных или полных проблемных семьях имеются и другие проблемы: материальные трудности, суженный круг внутрисемейного общения, от которого немало зависят воспитательные возможности. Женщина - мать, лишенная мужской поддержки, часто психологически травмирована, что отражается и на ее отношении к детям. Имитируя отцовскую строгость и требуя от детей дисциплины, некоторые одинокие матери больше заботятся о формальном послушании, успеваемости, вежливости и т. п., нежели об эмоциональном благополучии ребенка. Другие, напротив, прямо признают свое бессилие. Третьи чрезмерно опекают детей, особенно единственных, пытаясь оградить их от всех действительных и воображаемых опасностей. Хотя такое невротическое чувство кажется бескорыстным и даже жертвенным, оно крайне эгоистично и отрицательно сказывается на ребенке. Чрезмерно опекаемый, заласканный ребенок вырастает пассивным, физически и морально слабым или же начинает бунтовать. Сильная зависимость от матери часто сочетается и с чувством враждебности к ней. Взаимосвязь между психическим и физическим здоровьем существует и в этиологии сердечно-сосудистых заболеваний. Вообще, психическое и соматическое самочувствие также может быть связано общими факторами риска, например, даже плохое жилье может усугублять ситуацию.

Зачастую дети идеализируют отсутствующего отца, наделяя воображаемые отношения с ним романтическим содержанием и отказываясь принять, как факт, незаслуженную депривацию родного человека.

Формирование «Я-концепции» как восприятие человеком самого себя в результате опыта и его интерпретации, полученной от окружающих людей, в условиях отцовской депривации происходит одновременно с социальной стигмой по типу «гадкого утенка», непринятого средой и готового на смерть, чтобы не терпеть мучительной боли отверженного. Сформированные концепции о себе на основе личного опыта и идентификации со значимыми другими, о том, как функционирует мир, подкрепляются

опытом научения и, в свою очередь, влияют на формирование других убеждений, ценностей и позиций, замыкая порочную круговую зависимость отношений. Здесь, в том числе, и следует искать корни девиаций, когда морально-нравственные ценности не сформированы или подверглись жестокой деструкции, но «переживание глубокой смыслоутраты вследствие неудовлетворения потребностей в признании, понимании, самоактуализации, уважении собственного достоинства и других духовных и социальных потребностей» (Франкл В) фрустрирует человека и в результате экзистенциального вакуума возникают ноогенные или экзистенциальные депрессии и неврозы, с непреодолимой потребностью компенсации в любой доступной форме, которая зачастую носит девиантный характер. В свете изложенного, вопрос коррекции семейных представлений и патологизирующих ролей представляется крайне важным превентивным фактором поведенческих нарушений и психических расстройств непсихотического регистра особенно в работе с молодёжью с ранних этапов идентификации и нравственного самоопределения, что рекомендовано и в сугубо практических целях (Семинович С.Б., 1990) - «это имеет значение ещё и потому, что открывает существование таких внезологических факторов, которые способны определять течение и исход заболевания в большей мере, чем биологические закономерности, присущие болезни», тем более, что описанные нарушения возникают, в первую очередь, в ситуации «духовного кризиса личности и этот диагноз является правомерным и служит дополнением к психиатрическому диагнозу» (там же). Как утверждает основоположник отечественной психосоциальной реабилитации Мелехов Д.Е (1977): «духовное выздоровление может привести к психиатрическому и физическому выздоровлению» и высказывание В. Франкла, одного из основоположников экзистенциального направления, звучит почти в унисон: «Духовное измерение - высшее измерение человеческого бытия. Духовное бездействие ведёт к заболеванию психики, дезорганизации психики и личности» (1990). Хочется также привести цитату из недавно изданной монографии В.П. Коханова и В.Н. Краснова «Психиатрия катастроф и чрезвычайных ситуаций», которая вселяет надежду на дальнейшее развитие гуманитарных основ и аспектов российской психиатрии: «Неспособность личности... найти личностный смысл, а также невозможность

реализовать свои жизненные и морально-нравственные потребности приводят к развитию устойчивых состояний, в основе которых лежат переживания отчаяния, тоски, безнадежности, апатии. В то же время переживания, связанные с высокими устремлениями, идеалами, как и социальные эмоции и чувства, способны не только повысить устойчивость психики человека к различным внешним воздействиям, но и преодолеть его собственную биологическую ограниченность» (Коханов В.П., Краснов В.Н., 2008).

В заключении хочется сказать, что профилактические вмешательства должны быть направлены на поддающиеся воздействию детерминанты, в том числе и специфические для болезни, а также на более типичные факторы риска и защиты, общие для некоторых нарушений в психической сфере и психических расстройств. Вмешательства, эффективно воздействующие на указанные типичные факторы, могут давать широкий спектр превентивных эффектов. Следует принять во внимание, что в выборе профилактических мероприятий указанных расстройств прослеживается устойчивая корреляция с рядом вопросов бытийного порядка, что требует комплексного подхода с глубоким изучением болезненных проявлений и организации психопрофилактических мероприятий, ориентированных, главным образом, в психопросветительском и образовательном направлении с освещением вопросов идентификации и гендерных ролей в семейных отношениях.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
2. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.
3. Батаршев А.В. Тестирование. – М.: Дело, 2003 . – 240с.
4. Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Соколова Е.Д. Методика много-стороннего исследования личности. — М., 1994.

5. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание жизненного поля личности старшего подростка // Мир психологии и психология в мире. - 1995.
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2004. – 509с.
7. Коханов В.П., Краснов В.Н. Психиатрия катастроф и чрезвычайных ситуаций.–Практическая медицина. 2008. – 448с.
8. Мелехов Д.Е. «Теоретические и организационные основы реабилитации психически больных в СССР». - М., 1977.
9. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. – М.: Академия, 2003 . – 480с.
10. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Питер, 2002. – 720с.
12. Столяренко Л.Д. Основы психологии. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 448с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
14. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 2. — М., 1986.
15. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. — СПб., 2002.
16. Ясперс К. Об условиях и возможностях нового гуманизма. – СПб., 1962.

Социокультурная реабилитация семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (опыт взаимодействия семьи и школы)

Шумакова О.А.

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южно-Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Челябинск, Россия

olgash37@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен опыт деятельности образовательного учреждения по поддержке семьи, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Раскрыты типичные проблемы, встречающиеся в инклюзивной практике, ключевые позиции по преодолению трудностей социокультурной реабилитации с учетом уникальных характеристик школы. Представлен перечень мероприятий взаимодействия семьи и школы по обеспечению позитивной вертикали инклюзии (позитивного движения вперед) детей с ОВЗ.

Ключевые слова: инклюзия, дети с ограниченными возможностями здоровья, социокультурная реабилитация.

Категория детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии – это особая категория обучающихся. Для них характерны, как правило, низкие показатели обучаемости, адаптивности, здоровья в целом. До последнего времени считалось, что система образования не может оказывать продуктивную помощь этим детям, и их обучение сводилось в большинстве случаев к надомному и проведению посильных коррекционно-обучающих мероприятий. Образование и «вхождение в жизнь» так называемого «сложного» ребенка оставалась трудноразрешимой задачей его семьи. Опыт зарубежных стран (Германии, Японии, Испании, Италии и др.), напротив, указывает на то, что дети с ограниченными возможностями здоровья, в том числе со

сложными сочетанными нарушениями в развитии успешно адаптируются в социуме, становятся не только социальными, но и социально успешными. Российский опыт пока в решении проблемы недостаточно широко представлен, но уже отмечаются поступательные шаги в комплексном решении проблемы, например, в 2013 году в Законе «Об образовании в РФ» отдельным пунктом закреплено осуществление инклюзивного образования, что в правовом поле снимает барьеры-ограничения в получении образования детьми-инвалидами.

Особое внимание работе с детьми, имеющими различные нарушения в развитии, уделено в системе отечественного образования посредством реализации принципов доступности и качества коррекционного образования. Об этом, в частности, свидетельствуют действующие руководящие документы разного уровня: Закон РФ «Об образовании» с изменениями и дополнениями; национальная образовательная инициатива «Новая школа»; Типовое положение о специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья, региональные и муниципальные нормативные документы и др.

Анализируя нормативно-правовую базу и ресурсы нашего учреждения, мы поставили *особые акценты в понимании проблемы инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов со сложными сочетанными нарушениями в развитии (далее – дети с ОВЗ):*

во-первых, для успешной инклюзии требуется последовательное, поэтапное, поуровневое социальное и профессиональное взаимодействие, что может быть обеспечено в процессе сетевой согласованной деятельности учреждений образования, культуры, здравоохранения и др. на всех ступенях образования – дошкольного, школьного и постшкольного;

во-вторых, необходим новый подход к принципиальным позициям учебно-воспитательной системы коррекционного учреждения с оптимальной ориентацией на социокультурную среду, интериоризация которой способствует гармоничному созреванию личности;

в-третьих, социальная интеграция детей как высшая ступень социализации успешна при одновременной дифференциации, способствующей поддержанию и укреплению «ресурса безопасности» в индивидуальном и личностном аспекте ребенка-инвалида.

Опыт традиционной системы коррекционно-развивающей деятельности с данной категорией детей заключается в создании адаптивной образовательной среды с представленным комплексом психолого-педагогических и медико-социальных услуг в целях дальнейшей социализации либо социально-средовой адаптации учащихся и воспитанников коррекционного учреждения.

Проблемно-ориентированный анализ теории и практики воспитания и социализации детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии, выявил следующий ряд ключевых проблем, которые затрудняют положительную динамику инклюзии:

1. Достаточно высокая степень социальной пассивности обучающихся, преобладание позиции «потребителя» социальных услуг, а не активного их создателя или «со-трудника». Данная позиция проявляется в школьной жизнедеятельности обучающихся и экстраполируется после окончания школы в личную, общественную и трудовую жизнь, а зачастую приводит и к изоляции от социума.

2. Недостаточная сформированность социокультурных качеств, приводящая к рассогласованию личностной зрелости ребенка и интенсивно изменяющегося социума, отставание траекторий личностного развития от требований социокультурной среды, смещение акцентов на медико-реабилитационные способы сопровождения социализации вместо гармонизированного, учитывающего все стороны воспитательного коррекционно-развивающего процесса социализации личности совместно с социальным окружением. Исследование мнения родителей обнаружило заинтересованность в необходимости эффективного решения данных вопросов.

3. Слабая координация звеньев педагогической системы образовательного учреждения на уровне внутреннего взаимодействия, «замыкания» проблемы работы со «сложными» детьми на службе медико-психолого-педагогического сопровождения, что ограничивает ресурсы инклюзии детей с ОВЗ.

4. Эффект деятельности образовательного учреждения является «парниковым», когда ребенок-инвалид может жить полноценно только в стенах образовательного учреждения, и выход в социум воспринимается и проживается ребенком и его семьей как стресс, в результате которого принимаются решения отчуждения от социума, происходит угасание социализации.

Вполне очевидно, что такой подход отражает реализацию минимальных возможностей образовательного учреждения и способствует лишь ситуационному, неустойчивому результату социальной адаптированности личности ребенка с ОВЗ. Нашей же стратегией в решении проблемы стала социокультурная реабилитация семьи в совместных целенаправленных действиях образовательного учреждения по обеспечению позитивной вертикали инклюзии (позитивного движения вперед) детей с ОВЗ. Наше образовательное учреждение – школа-интернат № 4 г. Челябинска – активно разрабатывает и реализует программы социальной инклюзии детей-инвалидов в совместном взаимодействии с семьей. Мы предлагаем ознакомиться с нашим опытом. Поясним нашу *идею*. При проектировании инклюзивного образовательного процесса школы-интерната мы исходили из следующих позиций:

- *образовательный процесс должен быть открытым*; открытость подразумевает под собой способность и возможность всей учебной и воспитательной системы учреждения быть взаимосвязанной с реальным социумом, гармонично и гибко меняться в соответствии с изменяющимися социальными условиями и культурной средой; социального партнерства – непрерывного сотрудничества с организациями разного типа, вида, формы собственности, а также с физическими лицами;

- *педагогические действия должны быть адресными*, то есть должны отражать потребности детей с разным исходным уровнем обучаемости, разным темпом и особенностями развития, вариациями включения в процесс обучения (в отличие от ориентированности на «среднего» ученика со сходной патологией), быть составной частью индивидуальной программы инклюзии ребенка с ОВЗ; толерантности – принятия и понимания потребностей и особенностей всех участников инклюзивного образовательного процесса;

• *коррекционно-образовательные технологии должны сосредотачивать целесообразное единство инвариантных, традиционно сложившихся и позитивно зарекомендовавших себя способов коррекционно-развивающей, медико-реабилитационной, социально-педагогической, психолого-педагогической деятельности, и вариативных, инновационных, новаторских и экспериментальных разработок (например, нами разработанные разноуровневые элективные курсы, поэтапные программы социально-трудовой подготовки и др.);*

• *процесс инклюзии должен быть непрерывным и охватывать дошкольную, школьную и постшкольную ступени развития ребенка с ОВЗ, опираясь на идею объединения основных аспектов социальной инклюзии – социально-психологического (самопознание и освоение микросоциума), социально-бытового (позиционирование себя в семье и освоение мезосоциума), социально-трудового (обучение общественно-полезному труду и освоение макросоциума);*

• *здоровьесбережения и безопасности – учета индивидуальных резервов здоровья всех участников образовательного процесса, приоритет ценности здоровья в деятельности и отношениях;*

• *целью и результатом инклюзивного образовательного процесса должна стать семья и каждая личность, активно включенные в социальные отношения, способные быть самостоятельными, востребованными и удовлетворенными в социальных отношениях.*

Цель деятельности учреждения: разработка, апробация и распространение психолого-педагогических, методических разработок, способствующих эффективной социокультурной реабилитации семьи, обеспечивающей позитивную инклюзию детей с ОВЗ.

Задачи педагогического коллектива школы-интерната:

1. Разработка методик и технологий организационно-педагогического, методического и психолого-педагогического сопровождения процесса инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

2. Консультационная и научно-методическая поддержка деятельности образовательных учреждений региона по развитию инклюзивного образования.

3. Проведение информационно-просветительской работы среди педагогических работников и социального окружения.

4. Реализация инклюзивной образовательной практики в образовательном учреждении с публикацией ее результатов.

5. Распространение опыта инклюзивной образовательной практики путем участия в научно-практических конференциях, проведения обучающих семинаров, мастер-классов с использованием современных информационных технологий, публикации выводов передового опыта.

Внутренние ресурсы учреждения: научные, методические, информационные, кадровые, организационные укрепляют уникальные возможности школы-интерната, которые позволяют наиболее полно и всесторонне решать задачи социокультурной реабилитации семьи:

- комплексная адресная помощь ребёнку (медико-психолого-педагогическое сопровождение ребёнка) на протяжении всего процесса обучения;
- наличие в штате специалистов всех профилей (учителя-логопеды, психологи, учителя-предметники, воспитатели, педагоги дополнительного образования, социальный педагог, врачи - ортопед, психиатр, невропатолог, педиатр, стоматолог, офтальмолог, иглорефлексотерапевт, инструктор ЛФК);
- обширный спектр бесплатных медицинских услуг (дети получают 2-3 полных курса лечения в год) – массаж, озокерит, подводный душ-массаж, лечебные ванны, различные виды электролечения и т.д.;
- охват детей в возрастном диапазоне от 3 лет до 21 года;
- обучение и воспитание по ступеням: дошкольное образование, начальное общее образование, основное общее образование, среднее (полное) общее образование;
- опыт реализации четырех вариантов учебного плана СКОУ VI вида:
 - для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата;
 - для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и задержку психического развития;
 - для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и умственную отсталость;

- для детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата и умеренную умственную отсталость;

- опыт обучения и воспитания детей, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата (различные патологии) в сочетании с задержкой, нарушением умственного развития, ранним детским аутизмом, нарушениями зрения и слуха, различными психопатическими расстройствами;

- охват детей, проживающих в Челябинске и Челябинской области (наличие интернатного отделения с круглосуточным пребыванием детей);

- непрерывное взаимодействие с семьей.

Механизмы реализации задач

Система социокультурных взаимосвязей. Проведение непрерывной социальной информационно-просветительской работы. Создание целесообразной базы данных организаций, социальных партнеров, физических лиц, привлекаемых к решению поставленных задач. Разработка и реализация технологии социального партнерства и диалога с обществом.

Активизация кадрового ресурса. Создание условий позитивного профессионального развития педагогов, обеспечение комфортного для творческой деятельности микроклимата в педагогическом коллективе, проведение педагогических мастерских, материальное стимулирование.

Обновление информационных ресурсов. Пополнение библиотечного фонда, еженедельное обновление сайта учреждения. Поиск и внесение в базу данных информации о тенденциях развития инклюзивного образования в регионе, стране, за рубежом.

Совершенствование методических ресурсов. Организация разработки и апробации учебно-методических комплексов по обучению и воспитанию детей с умеренной умственной отсталостью. Систематизация учебно-методического обеспечения по классам обучения (с первого по двенадцатый). Разработка структуры и содержания индивидуальных программ инклюзии и их реализация на практике.

Обновление организационных ресурсов. Создание и поддержка творческих инициативных групп педагогов и родителей. Использование современных информационных и коммуникационных технологий при решении основных задач

деятельности. Повышение компьютерной грамотности участников образовательного процесса.

Оптимизация экономических ресурсов. Привлечение бюджетных средств для выполнения проекта. Оснащение ресурсного центра с учетом содержания процесса достижения поставленных целей.

Деятельность образовательного учреждения распределяется относительно цели и задач в четыре компонента:

- социокультурный; научно-практический; психолого-педагогический; учебно-методический.

Реализация каждого компонента осуществляется в двух направлениях: проектирование инклюзивной практики и ее распространение в системе образования; осуществление инклюзивной практики во взаимодействии с семьей. Другими словами, социокультурная реабилитация семьи, воспитывающей ребенка с ОВЗ не является специально «насаждаемым» процессом, а «мягко», на основе психолого-педагогического взаимодействия семья включается в социальные отношения, снимая внутренние психологические барьеры и находя новые пути приобретения социального благополучия. Этот процесс подкрепляется психолого-педагогической, научно-практической и учебно-методической поддержкой со стороны школы.

Социокультурный компонент программы

Социокультурный компонент – отражает разработку технологии проектирования системы внешних связей учреждения на основе принципа открытости образовательного процесса, создания инвариантной социокультурной части содержания индивидуальной траектории инклюзии.

Продуктом реализации компонента является:

- технологическая карта системы внешних связей образовательного учреждения;
- инвариантное содержание программы инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии
- реальное включение семьи в социокультурные отношения.

<i>Планируемые мероприятия</i>	<i>Имеющийся у учреждения методический ресурс</i>
Разработка и проведение социальных акций с привлечением социальных информационных партнеров	
<p>1) Межведомственные акции:</p> <ul style="list-style-type: none"> • «Образование всем детям» • «Защита» • «Дети улиц» • «За здоровый образ жизни» • «Подросток» <p>2) Активизация внешних связей с профильными кафедрами высших образовательных учреждений.</p> <p>3) Привлечение благотворительной и спонсорской помощи организаций-партнеров.</p> <p>4) Актуализация информационного партнерства со средствами массовой информации (сайты , телевидение)</p>	<p>Разработаны рабочие программы для работы с детьми с умеренной умственной отсталостью:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Практикум по освоению окружающего мира (с выходом в естественную социокультурную среду). 2. Знакомство с искусством (с приглашением театральных групп в учреждение). 3. Ролевая игра «Профессия». <p>Разработаны программы социальной инклюзии для детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии в условиях воспитательной работы учреждения</p>
Разработка методов и приемов привлечения общественности к совместным социокультурным мероприятиям	
<p>-Фестиваль рисунков на асфальте «Моя мечта».</p> <p>-Дистанционное взаимодействие с детьми с ОВЗ из других школ города и области</p>	<p>Разработаны рабочие программы проведения фестивалей.</p> <p>Внедрена методика дистанционного взаимодействия.</p> <p>Разработаны технологические карты деятельности привлеченных волонтеров, студентов, старшеклассников к сопровождению детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии в социокультурных мероприятиях</p>
Проектирование программ социального просвещения путем активизации сайта учреждения	
<p>Создание интерактивной странички «Наши достижения» для размещения проделанной работы, фотографий, видео.</p> <p>Привлечение студентов вузов города для наполнения информации о событиях в культуре и искусстве региона</p>	<p>Функционирует сайт с еженедельным обновлением информации.</p> <p>Создан документальный фильм о наших детях</p>
Проведение областного дистанционного конкурса творческой деятельности (номинации-фото, поделка, презентация)	

Разработка Положения о проведении областного интерактивного дистанционного конкурса детского творчества «Мой мир» с номинациями «Фото», «Презентация», «Поделка». Проведение конкурса. Распространение информации о конкурсе в социуме и образовательной системе	Разработана и проводится ежегодная акция «Лепка из пластилина «Слепи жизнь»». В учреждении работают непрерывные конкурсы изобразительного творчества, фотодела, компьютерного дизайна
Выставка работ (с социальным заданием «Подпиши рисунок»)	
Разработка Положения о проведении областной выставки рисунка детей-инвалидов с социальным заданием «Подпиши мой рисунок». Проведение выставки	В учреждении на постоянной основе проводится выставка рисунков детей-инвалидов со сложными сочетанными нарушениями в развитии
Информирование и подготовка к участию в конкурсах разного уровня и содержания детей с ОВЗ	
Создание красочной, «пульсирующей» доски объявлений на официальном сайте школы	Действующие мероприятия в учреждении: -раздел новостей на сайте учреждения; -родительские собрания; -активная электронная почта; -активный интернет-форум; -буклеты и т.п.

Научно-практический компонент

Научно-практический компонент – представляет систему научно-практических мероприятий по обобщению передового отечественного и зарубежного опыта в решении проблемы, разработки программ обмена опытом, педагогических мастерских; разработки и проведения тематических конференций, круглых столов, текущих и итоговых совещаний, консультаций; продвижение публикаций опыта ресурсного центра в научно-практических изданиях.

Продуктом реализации компонента являются:

- -разработанная и поведенная открытая интерактивная лекция-семинар «Инклюзивная практика детей с ОВЗ в России и за рубежом»;
- -разработанные и проведённые научно-практические мероприятия;
- публикации педагогического коллектива;

- рекомендации по интеграции учебных планов и составлению части образовательной программы «Психолого-педагогическая реабилитация».

<i>Планируемые мероприятия</i>	<i>Имеющийся у учреждения методический ресурс</i>
Содержание и мультимедийное демонстрационное наполнение по теме лекции «Инклюзивная практика детей с ОВЗ в России и за рубежом»	
Разработка и проведение интерактивной лекции-семинара с педагогами школы и региона с размещением дидактических мультимедийных материалов на сайте учреждения	Проведен подбор теоретического материала и аналитических данных по проблеме инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов
Разработка и реализация программ обучающих семинаров, тренингов для педагогов, тьюторов, реализующих инклюзивную практику	
Разработка рекомендаций для управленческого аппарата учреждения по обучению педагогического коллектива основам педагогического проектирования процесса инклюзии ребенка с ОВЗ	Рабочие программы по повышению отдельных профессиональных компетенций педагогов
Разработка рекомендаций по интеграции учебных планов и составлению части образовательной программы «Психолого-педагогическая реабилитация»	
Разработка рекомендаций. Обсуждение рекомендаций на открытом педагогическом совете учреждения. Распространение рекомендаций в образовательной системе региона	Разработана образовательная программа учреждения. Разработаны программы психолого-педагогического сопровождения адаптации и реабилитации детей со сложными сочетанными недостатками в развитии
Участие в форумах и конференциях	
Программа работы круглого стола в контексте целей и задач проекта и режима работы форума	Разработана и используется технология проведения круглого стола с различным составом участников
Программа мастер-класса в контексте целей и задач проекта и режима работы конференции	Разработана и используется технология проведения мастер-класса
Проведение тематических педагогических мастерских для педагогов системы образования региона	

Комплекс педагогических мастерских: 1) Мастерская директора. 2) Мастерская педагога-организатора. 3) Мастерская психолога. 4) Мастерская учителя-воспитателя. 5) Мастерская педагогического проектирования	Технология проведения педагогической мастерской с использованием современных мультимедиа технологий
---	---

Психолого-педагогический компонент

Психолого-педагогический компонент – отражает систему мероприятий по поддержке семьи ребенка со сложными сочетанными нарушениями в развитии, психопрофилактику и психокоррекцию профессионального выгорания педагогов, работающих с данной категорией обучающихся.

Продуктом реализации компонента являются:

- программы психологической поддержки семьи и педагогов, осуществляющих инклюзивную практику;
- программы и рекомендации для педагогов-психологов по психолого-педагогическому сопровождению инклюзивного образования детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

<i>Планируемые мероприятия</i>	<i>Имеющийся у учреждения методический ресурс</i>
Разработка программы психологического обучения родителей ребенка с ОВЗ	
Программа тренинга межличностного общения в семье, воспитывающей ребенка-инвалида	Разработан и апробирован курс «Школа родительского успеха»
Разработка перечня актуальной тематики психологических консультаций для педагогов-психологов образовательных учреждений, осуществляющих инклюзивную практику	
Выявление локуса потребностей субъектов образовательного процесса с инклюзивной практикой. Разработка тематики консультаций на основе выявленных потребностей. Разработка пакета мультимедийного сопровождения к психологическим консультациям	Разработаны рекомендации по актуальным проблемам коррекционного образовательного процесса. Разработан и включен в деятельность психологической службы комплект раздаточного информационного материала по

	разработанным темам
Рекомендации по профессионально-личностному росту и активизации факторов удовлетворенности от собственной деятельности педагогов инклюзивной практики	
Составление личностного компонента профессиограммы педагога инклюзивной практики	Разработана и апробирована деловая игра для педагогов по освоению позитивной педагогики. Проводятся психологические консультации по запросу педагогов
Реализация психологических методик профилактики эмоционального выгорания педагогов инклюзивной практики	
Разработка и проведение тренинга предупреждения эмоционального выгорания педагогов	Проводятся плановые и по запросу деловые игры по профессиональному росту педагогов

Учебно-методический компонент

Учебно-методический компонент – включает систему мероприятий по разработке, апробации, корректировке эффективных программ инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии. В качестве основного вида деятельности выступает педагогическое проектирование.

Продуктом реализации компонента являются:

- учебно-методические рекомендации;
- рабочие программы по проблемам инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии;
- комплектование мультимедийными дидактическими средствами рабочих программ инклюзии детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

<i>Планируемые мероприятия</i>	<i>Имеющийся у учреждения методический ресурс</i>
Формирование навыков самообслуживания у детей	
Программа системы обучающих игр по формированию навыков гигиены, приема пищи, культуры одежды, самостоятельности в выполнении поручений от элементарных до индивидуально возможных сложных	Технологии игр по темам: -Гигиена -Питание -Одежда Компетентность педагогов в формировании самостоятельности ребенка со сложными сочетанными нарушениями в развитии

Формирование навыков самопрезентации детей	
Программа системы обучающих игр, используемых на учебных занятиях и в домашней работе	<p>1) Технологии игр по темам: «Я в семье» «Кто на свете всех милее?» «Улыбнись маме» «Найди на фотографии своего любимого человека» «Как мама свою детку любит» «Мой любимый дом — как уютно в нем».</p> <p>2) Программы бесед на темы: «Моя семья» «Основы семьи — любовь» «Мой любимый, светлый дом — хорошо и чисто в нем» «Уважение к взрослым» «Помощь малышам»</p> <p>2) Проводится социально-семейный проект «Создание Семейного древа»</p>
Разработка программы эмоционального развития ребенка со сложными сочетанными нарушениями в развитии	
Разработка программы и сопровождающего дидактического материала по эмоциональному развитию детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии. Реализация программы в инклюзивной практике учреждения	Технологии игр, занятий, индивидуальных заданий; разработана структура учебно-методического пособия; комплект дидактических материалов, в том числе мультимедийных
Разработка и совершенствование элективных курсов по социально-трудовой подготовке	
Составление программы элективного курса по социально-трудовой подготовке с дидактическим наполнением. Реализация программы в инклюзивной практике учреждения	Рабочие программы формирования трудовых навыков обучающихся. Опыт привлечения детей с умеренной умственной отсталостью к общественно-полезному труду
Разработка элективных курсов по освоению способов социализации на основе современных информационных технологий для детей с ОВЗ	
Составление рабочей программы формирования умений общаться с другими на основе компьютерных технологий (освоение на доступном ребенку уровне компьютерных игр, электронной почты).	Опыт обучения детей работе на компьютере в режиме «печатания»

Реализация программы в инклюзивной практике учреждения	
Разработка элективных курсов по формированию прочных коммуникативных навыков детей с ОВЗ	
Составление программы элективного курса по формированию коммуникативных навыков	Психолого-педагогические программы индивидуального развития детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии

Анализ деятельности нашего учреждения в течение трех последних лет привел к констатации того, что нам удалось следующее:

- охватить образовательными услугами детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии, что привело к повышению социальной активности их родителей, преодолению изоляции семей детей-инвалидов;
- повысить уровень и качество жизни семей детей-инвалидов и детей с ОВЗ в целом, эффективность их включения в социокультурное пространство;
- активизировать включенность общественных организаций и бизнес-сообщество в решение проблем инклюзии детей-инвалидов;
- повысить компетентность педагогов системы образования в области инклюзии детей с ограниченными возможностями и детей-инвалидов со сложными сочетанными нарушениями в развитии;
- осуществить обмен передовым педагогическим и родительским опытом;
- активизировать педагогических работников к поисковой и исследовательской деятельности в области проблем инклюзивного образования детей с ОВЗ и детей-инвалидов и усилить их взаимодействие с семьей;
- приобщить педагогических работников к педагогическому проектированию, позволяющему создавать новые программы и учебно-методические пособия;
- разработать и реализовать программы психолого-педагогического сопровождения инклюзивного образования детей с ОВЗ и детей-инвалидов;
- осуществить психолого-педагогическую поддержку семьи и педагогов инклюзивной практики;

- разработать и апробировать частные методики по осуществлению инклюзивной практики в образовательном учреждении для детей со сложными сочетанными нарушениями в развитии.

Секция 6. Отношение молодежи к семье

Причинно-следственные связи в рамках проблемы отношения молодежи к гражданскому браку

Басимов М.М.

Российский государственный социальный университет, Москва

basimov_@mail.ru

Ключевые слова: гражданский брак, номинальные и интервальные переменные, причинно-следственные связи, множественное сравнение

Брак – особый общественный институт для регулирования отношений между его гражданами. Это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между полами, между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству [1]. Другими словами, брак – традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, один из способов самосохранения и развития общества.

Однако одной из характеристик современного российского общества принято считать распространение незарегистрированных союзов, которые в народе обозначают как «гражданский брак». Под «гражданским браком» понимается – сожительство, или фактический брак, или незарегистрированный брак – отношения между партнёрами – «супругами», не оформленные в установленном законом порядке. Отношение

общества к гражданским бракам становится все более лояльным, поэтому такая форма отношений стала распространенной.

В рамках плана работы социологической лаборатории КГУ (Курганский государственный университет) было проведено социологическое исследование феномена «гражданского брака». Для анализа причинно-следственных связей одновременно для интервальных и номинальных переменных применялся новый вариант авторского метода.

Чтобы одновременный анализ номинальных и интервальных параметров в рамках множественного сравнения (при изучении связей) стал более строг в плане отбора тех или иных результатов для описания и интерпретации, необходимо было ввести критерии такого отбора. Это удалось сделать при объединении двух задач в одну: задачи изучения связей для интервальных переменных через множественное сравнение квантильных разбиений данных по каждому параметру [2,5] и задачи множественного сравнения тех же интервальных параметров для групп по многозначным номинальным признакам (вопросы с номинальными ответами для выбора) [3,4]. Объединяя квантильные разбиения по интервальным параметрам и группы по номинальным ответам в одну задачу множественного сравнения, получаем результат для номинальных и интервальных параметров по единой шкале сравнительной весомости. После чего (триады или кварты) по интервальным параметрам, как и раньше, позволяют построить коэффициенты силы связи и нормировать их на аналог единичной корреляции (зависимость интервального параметра от самого себя). Той же нормировке необходимо подвергнуть и аналоги коэффициентов связи для групп по номинальным ответам. Отметим, что в случае с номинальными переменными о зависимости можно говорить только в одном направлении: как от номинальных параметров зависят интервальные параметры.

Таким образом, стало возможным говорить о зависимости интервального параметра от многозначной номинальной переменной и отбирать нужные по силе связи, исходя только из числовых значений.

При построении коэффициентов силы связи (после общей задачи множественного сравнения для всех параметров) предлагаются две стратегии:

1. Берется два номинальных ответа, соответствующих максимальному и минимальному значениям сравнительной весомости интервального параметра, зависимость которого от номинального параметра определяется.

2. Берется каждый раз (перебор всех вариантов) три (в случае триад для интервальных параметров) или четыре (в случае кварт) номинальных ответа, далее определяются аналоги коэффициента связи для трех (четырех) номинальных ответов, после чего коэффициенты связи усредняются по всем перестановкам, т.к. номинальные ответы между собой равноправны и операция упорядочения для них не реализуется.

Первая стратегия, очевидно, более жесткая и определяет, как значимые меньшее количество связей. Мы рассмотрим как эта стратегия определила значимые связи в случае, когда причина – это три номинальных переменные:

1. Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку
2. Причины вступления молодых людей в гражданский брак
3. Недостатки гражданского брака

1. Независимый (номинальный) параметр "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)" определяется вопросом анкеты:

Когда «гражданский брак» должен уступить место законному браку?

1. Когда партнеры решают завести ребенка
2. *Когда позволяет материальное положение*
3. Когда партнеры убеждены в прочности союза
4. *Когда партнеры прожили уже много лет вместе*
5. *Никогда*
6. Другое

Определилось четыре значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку (X01)" от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)":

Коэффициент силы связи = 0.54

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 777 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -5860 Никогда (G07-05)

Наиболее положительно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +777).

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)" от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)"

Коэффициент силы связи = 0.62

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 2106 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -5514 Никогда (G07-05)

Наиболее высоко приемлемость гражданского брака как формы отношений также оценивают респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +2106).

3. Зависимость интервального параметра "Возможность рождения ребенка в гражданском браке (X03)" от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)":

Коэффициент силы связи = 0.71

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 4272 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -4490 Когда партнеры прожили уже много лет вместе (G07-04)

Возможность рождения ребенка в гражданском браке наиболее высоко оценивают

респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +4272).

А совершенно не допускают возможности рождения ребенка в гражданском браке респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, когда партнеры прожили уже много лет вместе (сравнительная весомость = +4490).

4. Зависимость интервального параметра "Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка (X04)" от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)":

Коэффициент силы связи = 0.55

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 4464 Когда партнеры прожили уже много лет вместе (G07-04)

min -2319 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

На этот раз экстремальные группы по номинальному вопросу те же, что и в предыдущей зависимости, но необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка они оценивают противоположно по сравнению с возможностью рождения ребенка в гражданском браке.

Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка отвергают прежде всего респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = -2319).

А регистрацию брака в случае рождения ребенка считают крайне необходимой респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, когда партнеры прожили уже много лет вместе (сравнительная весомость = +4464).

II. Независимый (номинальный) параметр "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)" определяется вопросом анкеты:

Какие, по Вашему мнению, могут быть причины вступления молодых людей в «гражданский брак»?

1. В гражданском браке партнерам формально легче разойтись
2. *Препятствия со стороны родственников*
3. Финансовые затруднения
4. *Уход от ответственности*
5. Партнеры не уверены в своих чувствах
6. Возможность сохранить свободу
7. Проверка совместимости характеров
8. Проверка бытовой совместимости
9. *Проверка сексуальной совместимости*
10. Попытка репетиции семейных отношений
11. Другое

Определилось три значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку (X01)" от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)":

Коэффициент силы связи = 0.73

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 3448 Препятствия со стороны родственников (G08-02)

min -5563 Уход от ответственности (G08-04)

Наиболее положительно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной вступления молодых людей в гражданский брак являются препятствия со стороны родственников (сравнительная весомость = +3448).

Наиболее отрицательно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной вступления молодых людей в гражданский брак является уход от ответственности (сравнительная весомость = -5563).

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)" от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)":

Коэффициент силы связи = 0.69

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 3116 Препятствия со стороны родственников (G08-02)

min -5386 Уход от ответственности (G08-04)

Аналогично эти две группы по номинальным ответам (G08-02 и G08-04) дают оценку приемлемости гражданского брака как формы отношений.

3. Зависимость интервального параметра "Возможность рождения ребенка в гражданском браке (X03)" от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)":

Коэффициент силы связи = 0.84

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5834 Проверка сексуальной совместимости (G08-09)

min -4551 Уход от ответственности (G08-04)

III. Независимый (номинальный) параметр "Недостатки гражданского брака. (G09)" определяется вопросом анкеты:

Какие недостатки гражданского брака имеют значимость для Вас?

1. У людей, состоящих в гражданском браке, нет социального статуса
2. У людей, состоящих в гражданском браке, нет ощущения серьезности отношений
3. У людей нет ощущения стабильности своего положения
4. Это юридический риск
5. Против такой формы брака обычно активно возражают родители – мои и (или) моего партнера
6. У гражданского брака нет недостатков
7. Другое

Определилось две значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку (X01)"

от номинального параметра "Недостатки гражданского брака. (G09)":

Коэффициент силы связи = 0.72

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5360 У гражданского брака нет недостатков (G09-6)

min -3502 У людей состоящих в гражданском браке нет ощущения серьезности отношений (G09-02)

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений (X02)" от номинального параметра "Недостатки гражданского брака. (G09)":

Коэффициент силы связи = 0.72

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5268 У гражданского брака нет недостатков (G09-6)

min -3573 У людей состоящих в гражданском браке нет ощущения серьезности отношений (G09-02)

Таким образом, появляется возможность анализировать связи одновременно и в единой системе мер между интервальными и номинальными переменными. В статье рассмотрены примеры, позволяющие без широкого описания, продемонстрировать метод анализа причинно-следственных связей.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Список литературы

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи: монография. Санкт-Петербург: Речь, 2005. – С. 19.
2. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
3. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

4. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.

5. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.

6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.

7. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.

8. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

9. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

10. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

11. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

12. Basimov M.M. Nominal variables as external factors of the group for multiple comparison of interval variables // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – М.: Maska, 2009. – С. 185-188 p.

13. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociological research // European

Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – M.: Maska, 2009. – С. 196-199 p.

14. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

15. Basimov M.M. Method of multiple comparison in sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

16. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

17. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

18. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

19. Basimov M.M. Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

**Репродуктивное самоопределение молодежи
как «болевая точка» современной семьи**

Беляева М.А.

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

marysia@e343.ru

Аннотация: в статье представлена авторская трактовка понятия «репродуктивное самоопределение молодежи», которое взаимосвязано с таким

культурным конструктом как «репродуктивная культура». На основании теоретического анализа в рамках культурологических и психолого-педагогических исследований, а также практического опыта преподавательской деятельности автор разработал концепцию «прокреационного образования», направленного на профилактику актуальных демографических проблем современной семьи.

Ключевые слова: молодежь, репродуктивная культура, репродуктивное самоопределение, пронатальный и антинатальный репродуктивный сценарий, семья, прокреационное образование, демографическая политика.

Молодежь – особая группа населения (от 14-до 29 лет), от которой зависит будущее страны и, прежде всего, демографическая ситуация. Сегодня в странах Европейского сообщества отчетливо прослеживается парадоксальная тенденция: на фоне роста благосостояния идет снижение рождаемости, но хорошие условия жизни сами по себе не могут подавлять потребность в детях, усиливая демографические проблемы современной семьи.

По мнению российских социологов и демографов, представителей фамилистического подхода в изучении репродуктивного поведения (Б.Ц. Урланис, А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.А. Борисов, А.И. Кузьмин, В.М. Медков, А.Б. Синельников и др.), все дело в системе ценностей индустриальной цивилизации, при которой все большее число социальных ценностей носит внесемейный характер и требует активного участия индивидов во внесемейной деятельности, которая трудно сочетается с задачами рождения и воспитания детей.

Чтобы современное поколение молодежи смогло внести положительный вклад в решение демографических проблем стареющего российского общества, необходимо так изменить всю культуру, весь образ жизни, чтобы семейные ценности оказались во главе угла мировоззрения наших юношей и девушек, а ценность детей для родителей в количественном аспекте приблизилась до общественно необходимого уровня (3-4 ребенка в семье).

Мало вероятно, что этот баланс возникнет самопроизвольно. Возможность влияния на процессы рождаемости и сложившуюся систему ценностей, определяющих малодетный образ жизни, тесно связана с целенаправленным воспитанием у молодежи *репродуктивной культуры*.

В моем понимании *репродуктивная культура представляет собой динамическую ценностно-нормативную систему, предназначенную для регуляции исторически трансформирующихся репродуктивных потребностей человека и общества за счет амбивалентной направленности сдерживания и реализации способности продолжения рода*. Репродуктивная культура по мере ее интериоризации индивидом становится важнейшим регулятором репродуктивного поведения, позволяя минимизировать биосоциальные риски, противоречащие нуждам общества и личности в такой форме человекотворчества как продолжение себя в детях (Беляева М.А., 2011).

Репродуктивная культура определяет репродуктивный сценарий индивида, его выбор числа и сроков рождения детей, подготовку к их рождению, предпочтение тех или иных видов и способов контрацепции, отношение к собственным репродуктивным возможностям (фертильности), их планомерное разумное использование на благо собственной самореализации и благополучия общества.

По отношению к сексуальному поведению человека репродуктивная культура является той технологией, которая реально отделяет потребность продолжения рода от других потребностей, реализуемых за счет сексуальной активности. Репродуктивная культура, сама порожденная страхами перед опасностями, связанными с деторождением, сегодня служит средством освобождения сексуальных отношений от страха возможных репродуктивных итогов этих отношений. Но освобождение от страха не есть освобождение от ответственности, поскольку в своей технологической части репродуктивная культура построена на сознательных самоограничениях и самоконтроле (подробнее о соотношении сексуальной и репродуктивной культуры см.: Беляева М.А., 2011, с. 93-99).

Репродуктивная культура наряду с другими факторами определяет процесс репродуктивного самоопределения индивида. *Репродуктивное самоопределение – это один из аспектов культурной идентификации личности, который выражается в согласовании индивидом собственных репродуктивных потребностей с существующими в обществе социокультурными нормами детности, а также с доступными возможностями их реализации.* Превентивное репродуктивное самоопределение личности – это одно из принципиальных условий *сознательного родительства*, основанного на целенаправленном содействии или противодействии способности продолжения рода.

Полагаю, что репродуктивное самоопределение зависит от: 1) социальной зрелости человека; 2) его выбора в системе социальных норм, регулирующих число детей в семье; 3) освоения целого ряда социальных ролей (гендерной, брачной, родительской, профессиональной ролей); 4) социокультурного воздействия, ограничивающего репродуктивное самоопределение индивида в рамках тех или иных ценностей, принятых в обществе.

В результате репродуктивного самоопределения рождается некий план или иначе – *репродуктивный сценарий* с двумя основными «сюжетными линиями»: содействие природному предназначению продолжения рода или противостояние этой биосоциальной функции человека. В рамках первой – *пронатальной* (от лат. *natalis* – относящийся к рождению) или *продетной составляющей репродуктивного самоопределения* индивид намечает число детей и сроки их рождения, определяется с условиями при которых рождение детей оценивается как благоприятное событие, т.е. рефлексировать свои репродуктивные потребности, репродуктивные установки и мотивы, какие-то из них могут быть четко и однозначно определены (например, рождение детей только в поной семье, или наоборот, принятие возможности внебрачных рождений), другие совершенно не определены (например, допустимость использования донорских клеток, в случае возможного обнаружения бесплодия), а третьи могут варьировать в определенных пределах (желаемое количество детей от 1 до 4, например).

В рамках второй – *антидетной (или антинатальной)* линии репродуктивного поведения, индивид откладывает или полностью исключает рождение детей и

соответственно должен сделать выбор, т.е. самоопределился относительно средств контроля над собственной фертильностью, сообразно своему мировоззрению, образу жизни, доступной информации и соответствующих медицинских услуг.

Термин «сценарий», заимствованный из сферы искусства, активно используется в психологии и педагогике для отражения тех или иных характеристик поведения личности. В частности, Э. Берн использовал понятие «сценарий» для обозначения скрытых смыслов межличностных взаимодействий, при этом он определяет сценарий «как постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей» (Берн Э., 1988), которое называл «родительским программированием», но, с другой стороны: «Судьба каждого человека определяется в первую очередь им самим, его умением мыслить и разумно относиться ко всему происходящему в окружающем его мире. Человек сам планирует собственную жизнь. Только свобода дает ему силу осуществлять свои планы, а сила дает свободу осмысливать, если надо их отстаивать или бороться с планами других» (см.: там же).

Построение репродуктивного сценария в ходе репродуктивного самоопределения девушек и юношей начинается еще в раннем детстве вместе с осознанием собственной половой принадлежности (3 года), в дальнейшем по ходу полового созревания формируются идеальные представления о социальном функционировании в рамках мужской или женской ролей, о брачно-семейных отношениях, о будущем материнстве/отцовстве и т.д. В данном вопросе существуют заметные гендерные различия, в частности, репродуктивное самоопределение женщин коррелирует с такой категорией, как их семейное самосознание (подробнее об этом см.: Васягина Н.Н., Адушкина К.В., 2012). Влияние родителей на идеалы детности неоспоримо, однако репродуктивное самоопределение – процесс, тесно соотнесенный с другими составляющими социализации (профессиональное самоопределение, гражданское самоопределение, брачное самоопределение), и по мере накопления собственного жизненного опыта, а также комплекса объективных биологических и социальных условий, изначальное «родительское программирование» в вопросах, касающихся репродуктивного поведения, на мой взгляд, утрачивает свое влияние.

По мере взросления у молодежи формируются различные репродуктивные сценарии, но в рамках одной и той же культуры они похожи, так как репродуктивные установки и мотивы находятся под влиянием стереотипов массового сознания, ретранслируемых различными институтами социализации, прежде всего, семьи, СМИ и системы образования. Главные переменные репродуктивного сценария – это не столько количество детей, сколько сроки и условия их рождения с учетом брачности, биологических возможностей, сексуальной активности, собственных предпочтений и предпочтений партнера, с учетом микро-, мезо-, и макросоциальных условий, которые индивид расценивает как благоприятные или неблагоприятные.

Репродуктивное самоопределение может четко осознаваться и манифестироваться в диалоге с самим собой, потенциальным или реальным брачным партнером, другим ближайшим окружением (друзья, родители) или в ходе случайных социологических опросов. Но может и не осознаваться, тогда соответствующие представления, а вместе с ними и решения в сфере репродуктивного поведения (выбор контрацепции, решение о сохранении или прерывании беременности) принимаются конформно, подчиняясь общепринятым нормам или прямому влиянию каких-либо социальных субъектов, авторитетных для данного индивида, или от которых он (она) находится в прямой зависимости (брачный партнер, родительская семья, медицинское или другое учреждение, представляющее государство, а также конфессиональные учреждения и общественные организации).

Пока что юношам и девушкам приходится самостоятельно разбираться с вопросами репродуктивного самоопределения. Никто не занят этой проблемой специально, процесс формирования репродуктивной культуры идет стихийно, но, если государство действительно заинтересовано в повышении рождаемости, оно должно отражать ценностную предопределенность репродуктивного самоопределения граждан (в первую очередь, молодежи) и находить, во-первых, действенные способы реализации демографической политики по поддержке семейных ценностей, являющихся основой многодетного образа жизни и, во-вторых, целенаправленно использовать систему образования для воспитания необходимых репродуктивных установок.

В этой сфере, как и во многих других, естественной реакцией на глобализацию является обращение к культурным истокам, чтобы понять, что же мы все-таки теряем и далее, либо расстаться с этим наследством без сожалений, либо сохранять его, встраивая в новую культурную реальность современной городской жизни. В самом желании внести в будущее что-то из прошлого, нет ничего противоестественного, так как: «История культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии» (Д.С. Лихачев, 1987).

Среди существующих механизмов возврата прошлого в настоящее (музеи, искусство, фольклористика, СМИ, образование и др.) образование играет особую роль, поскольку является массовым и целенаправленным социокультурным институтом, обеспечивающим непрерывную социализацию и инкультурацию поколений. Насколько успешно оно справляется с этой функцией, в данном контексте не обсуждается, но российская система образования в принципе никогда не предполагала (в силу сексофобии и ряда других причин) обеспечения культурной преемственности в *прокреационной сфере* (т.е. сфере биологического воспроизводства общества), перекладывая эту миссию на семью и учреждения здравоохранения. Однако, депопуляция, добавляя аргументов в поддержку пессимистических перспектив человечества, вступившего в «эпоху Вырождения», заставляет пересмотреть отношение системы образования к репродуктивной культуре, к демографическим проблемам современной семьи и, в частности, проблеме репродуктивного самоопределения молодежи.

К сожалению, диахронический диалог культур (современной и традиционной) нарушен именно в *пронатальной подсистеме* репродуктивной культуры, регламентирующей действия, направленные на рождение детей; тогда как прошлое *антинатальной подсистемы*, отвечающей за противодействие способности продолжения рода с целью поддержания обратимой или необратимой инфертильности, как раз не было забыто в постмодернистскую эпоху, а наоборот, многие архаичные методы, подкрепленные новыми технологиями (например, хирургическая стерилизация, метод ВМС и др.) стали эффективными, относительно

безопасными и массовыми спутниками жизни современной молодежи. Что касается пронатальной подсистемы репродуктивной культуры, то она постепенно лишается национальных особенностей. Предметное окружение младенцев, беременных и кормящих женщин увеличивается, становится единообразным, подчиняясь всеобщим модным трендам, быстро завоевывающим потребительский рынок в разных странах, в том числе в России. *Тенденции медиализации и невротизации репродуктивных процессов* выхолащивают их духовное содержание.

В русской культуре с миром материнства и детства (особенно с его самым ранним – младенческим периодом) связано уникальное устное народное музыкально-поэтическое творчество: «За конкретными текстами, доносящими до нас уже во многом экзотические формы семейных обрядов родин и крестин, за своеобразием и мудростью народных примет в период зачатия и вынашивания ребенка, за прелестью колыбельных песен, детских пестушек, потешек и прибауток, за чаровством и поэзией заговоров, простотой, рациональностью и особой эстетикой детских игрушек, одежды и утвари стоят не «более или менее интересные частности ушедшего быта», а слагаемые народной души, народного характера, которые вырастают в семье, а затем творят историю отдельного человека, народа и в конечном счете – человечества» (Г.М. Науменко, 1998). Объективная ценность психотерапевтических возможностей данного социокультурного опыта и его потенциальное влияние на репродуктивное самоопределение молодежи убеждает в необходимости поиска форм его передачи через современные образовательные практики.

В постсоветский период в больших городах получили развитие культурно-просветительские программы для будущих родителей, существенно отличающиеся по содержанию и принципам своей деятельности от официальных «школ матери», функционировавших на базе медицинских учреждений. Некоторые из таких альтернативных программ несут в себе, в том числе и этно-национальный компонент, вовлекая слушателей в процесс этно-национального творчества (изготовление кукол-оберегов, крестильной рубашки, игрушек и т.д.). Но в силу своей специфики (посещение занятий в свободное время, на добровольной и, как правило, коммерческой основе) программы дополнительного образования взрослых не могут стать массовыми и оказать

существенное влияние на репродуктивное самоопределение молодежи, тем не менее они востребованы среди относительно благополучных слоев городского населения.

Но главный ресурс представляет профессиональное образование, т.к. обучающиеся в этой системе имеют полный «пакет» репродуктивных прав и владеют общекультурной базой, позволяющей обеспечивать культурную преемственность в прокреационной сфере. Для реализации этой цели необходимо развивать особую область образования – *прокреационное образование* (термин мой – БМ.), представляющее собой целостную систему полисубъектной культурно-просветительской деятельности, направленной на формирование репродуктивной культуры у молодежи и влияние на ее репродуктивное самоопределение (Беляева М.А, 2014).

В задачи прокреационного образования (далее ПО) входит:

1. Пропаганда ценностей (витальных, социальных, нравственных, эстетических), лежащие в основе *репродуктивной культуры*.
2. Формирование представлений об этических, биологических и правовых нормах репродуктивного поведения.
3. Трансляция знаний и умений, необходимых на стадии подготовки к рождению ребенка и его воспитания на первом году жизни, т.е. транслировать *перинатальную культуру*, причем с учетом ее национальных особенностей.
4. Сохранение национального наследия, связанного с миром материнства и детства, на уровне вещного окружения, обрядов, традиций, песенного фольклора и других этнографических характеристик культуры репродуктивного поведения.
5. Формирование представления о возможностях и целесообразности регулирования фертильности.
6. Понимание конструктивных и деструктивных мотивов рождения детей, содействие осмыслению комплекса потребностей (физиологических, психологических, социокультурных, экономических, духовных), определяющих интегративную потребность в рождении и воспитании детей, т.е. *прокреационных потребностей*.

7. Формирование установки на сознательное родительство, которое основано на ответственном отношении к выполнению родительских функций и предполагает беспокойство за судьбу ребенка, его здоровье, духовное и физическое развитие задолго до его появления на свет.
8. Трансляция позитивного имиджа многодетного образа жизни (3-4 ребенка).
9. Содействие своевременному репродуктивному самоопределению молодежи и выбору конструктивных репродуктивных стратегий, отвечающих принципам здорового образа жизни.
10. Стимулирование самообразования и самовоспитания личности в данной области повседневной жизни человека.

ПО обладает инновационным содержанием, т.к. не подменяет существующих (по крайней мере, в теории) сексуального, экологического, семейного и иных смежных областей воспитания и обучения подрастающего поколения. Содержание ПО отвечает целям гуманизации и гуманитаризации образования, которые не новы с теоретической точки зрения, но их практическому воплощению препятствует восприятие человека (обучающегося, воспитанника, слушателя и т.д.) в качестве «изделия», которое в своей «готовности», должно отвечать требованиям рынка, работодателя, производственного процесса и т.д., т.е. мера совершенства человека как «продукта образования» лежит вне его самого, вне его потребностей. ПО носит проблемно-ориентированный, а не предметно-ориентированный характер. Проблемно-ориентированное обучение остается инновационной областью для отечественного образования, трудной для освоения в массовой практике. Наличие в ПО этнокультурной задачи сохранения национального наследия, связанного с миром материнства и детства, разительно отличает предлагаемый концепт ПО от других проектов модернизации образования, ориентированных на некий «общеевропейский» стандарт. Интимность содержательных аспектов ПО обуславливает необходимость использования инновационных методов и приемов обучения, которые позволяют развивать потребность в самообразовании, саморефлексии, самоопределении личности.

Помимо теоретического обоснования культурных и психосоциальных феноменов, обозначенных в данной статье: «прокреационное образование», «репродуктивная

культура», «репродуктивное самоопределение», мной был разработан и прошел многолетнюю апробацию (2005-2015 гг.) учебно-методический комплекс элективного курса «Репродуктивная культура молодежи», который предназначен для реализации в высших учебных заведениях независимо от профиля профессиональной подготовки.

Таким образом, *репродуктивное самоопределение молодежи* – это одна из актуальных «болевых точек» современной семьи, тесно связанная с глобальными и локальными демографическими процессами. В результате пролонгированного согласования репродуктивных потребностей юношей и девушек с существующими социокультурными нормами детности, а также с их собственными биологическими и социальными возможностями, создается репродуктивный сценарий, в котором отражается уровень *репродуктивной культуры* (т.е. ценностно-нормативной системы, регулирующей репродуктивное поведение человека). Одним из способов целенаправленного влияния на репродуктивное самоопределение молодежи является развитие особого направления образования, которое мы назвали *прокреационным*; его миссия заключается в формировании репродуктивной культуры – ее пронатальной и антинатальной подсистем, создании условий для выбора конструктивных репродуктивных стратегий, отвечающих личным и государственным интересам. В современной России, в первую очередь, необходима поддержка *пронатальной* подсистемы репродуктивной культуры. Содействие репродуктивному самоопределению молодежи в рамках прокреационного образования следует рассматривать как одно из проявлений гуманизации образования, как форму реагирования на злободневные проблемы общества, в данном случае – демографические проблемы семьи.

Список литературы

1. Беляева М.А. Культура репродуктивного поведения в российской повседневности: монография – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2011. – 256 с. – С. 123. – С. 93-99.

2. Беляева М.А. Половое воспитание и прокреационное образование: сравнительный понятийный анализ // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 3. – С. 197-201.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ./ Общ. ред. М. С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с. – С. 175.
4. Васягина Н.Н., Адушкина К.В. Структурно-содержательный анализ семейного самосознания женщины // Дискуссия. – 2012 – №1. – С. 116-123.
5. Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. – Л., 1987. С. 26.
6. Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник статей / Отв. Ред. А.И. Антонов. – М.: КДУ, 2009. – 380 с.
7. Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов / под ред. Г.М. Науменко. – М., Беловодье, 1998. – 390 с. С. 5-15.

Представления об успехе современных подростков

Бухаленкова Д.А.

факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

dawikbox@gmail.com

Аннотация. Данное исследование было посвящено изучению представлений об успехе современных подростков: выделены семантические универсалии, описывающие понятие «успех», выявлены наиболее значимые для подростков характеристики успеха. Наиболее интересной частью исследования является анализ примеров успешных людей и ответов подростков на вопрос о том, как они видят себя через 15 лет. В результате проведения данного исследования удалось установить связь представлений подростков

об успехе с такими личностными особенностями как самооценка и переживание осмысленности своей жизни. А также значимость семьи для современных подростков.

Ключевые слова: успех, самооценка, старший подростковый возраст, семья.

В наше время наиболее актуальным и значимым стало стремление к успеху. Современного человека обычно представляют, как стремящегося к достижению определенного статуса, положению, престижу, достижению высоких результатов во всех сферах его жизни. Представления об успехе отчасти формируют и во многом определяют систему ценностей личности, оказывая влияние на ее установки, самосознание, уровень притязаний и картину мира. Именно в подростковом возрасте происходит активное развитие и становление личности (Обухова Л.Ф., Кле М., Выготский Л.С., Эльконин Д.Б., Лисина М.И.). Представление о собственной успешности, отношение к своим достижениям являются очень важными для формирования представлений подростка о себе, его самооценки и его психологического благополучия в целом (Лисина М.И. 1997).

Целью настоящего исследования стало выявление связи особенностей представлений подростков об успехе с самооценкой и степенью осмысленности жизни.

В исследовании приняли участие 328 человек (195 девушек и 133 юноши) в возрасте от 15 до 17 лет, ученики 10-11 классов московских школ и гимназий. Изучение представлений подростков об успехе проводилось на основе методики семантического дифференциала Ч. Осгуда в модификации Петренко В.Ф. (1983) и созданных нами двух опросников. Один из опросников направлен на прямое исследование представлений об успехе на основе разработанных в социальной психологии классификаций видов успеха (Тульчинский Г.А. 1990, Рикель А.М. 2012), тогда как второй был разработан нами для косвенного исследования самооценки успешности подростков. Также мы просили подростков выбрать наиболее значимые для них сферы жизни, привести 5 примеров успешных людей и описать, как они видят себя через 15 лет. Для изучения личностных особенностей подростков нами были использованы: модификация методики определения уровня самооценки Дембо-Рубинштейн, тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО)

Леонтьева Д.А. Результаты использования методики семантического дифференциала показали, что подростки ассоциируют понятие успеха с такими прилагательными, как сильный (-1,98), активный (1,96), приятный (-2,19), счастливый (1,76), оптимистичный (1,74), полезный (-2,02). По мнению подростков, понятию «успех» наиболее всего соответствует характеристика «достижение поставленных целей», что согласуется со словарным определением этого понятия. Также подростки определяют успех как переживание удовлетворения и радости от результата проделанной работы и как личный рост, самосовершенствование. В оценках подростков осмысленности собственной жизни имели место значимые различия, что позволило нам на основе кластерного анализа выделить две группы. В первую группу вошли 152 подростка с низким уровнем осмысленности жизни, имеющие мало устремлений и целей, воспринимающие свою жизнь как не достаточно интересную и осмысленную. Во вторую группу – 176 подростков со средним и относительно высоким уровнем осмысленности, т.е. это подростки, удовлетворенные своей жизнью, которые считают, что уже достаточно многого добились в прошлом и также многого рассчитывают достичь в будущем, чувствующие себя способными построить свою жизнь по своему усмотрению и в соответствии с собственными убеждениями. В результате рассмотрения отличий двух выделенных групп подростков получились интересные и статистически значимые различия ($p < 0.05$) как в их представлениях об успехе, так и в уровне самооценки (реальной, идеальной, отраженной).

Исследование показало, что подростки, оценивающие свою прошлую, настоящую и будущую жизнь как недостаточно осмысленную и свободную, не чувствующие в себе сил управлять своей жизнью, воспринимают себя как мало успешных людей, у них относительно низкая самооценка. Они не чувствуют, что они могут реализовать свои способности и желания в жизни, поэтому сам успех они воспринимают как менее чистый, изменчивый, менее теплый и приятный, также менее веселый и счастливый, неограниченный. Кроме того, подростки с низким уровнем осознанности жизни считают, что успех связан с везением, удачей и характеризуется признанием значимыми людьми сильнее, чем подростки с большим числом смысло-жизненных ориентаций. Интересно, что подростки, ощущающие свою жизнь как более осмысленную, в большей степени

ассоциируют успех со счастьем. Наиболее интересные результаты были получены нами в результате анализа примеров успешных людей. Наибольшее количество примеров успешных людей относится к трем категориям: семья (24%), шоу-бизнес (23% - в основном зарубежные актеры) и бизнес (17% - Билл Гейтс, Стив Джобс). Сфера политики менее популярна (15%), однако именно к данной сфере относится наиболее популярный пример успешного человека – это наш нынешний президент, В.В. Путин. Сферы науки, искусства и спорта редко становятся для подростков источниками примеров успеха (по 7 и 8%).

Таким образом, мы видим, что представления подростков об успехе формируются в основном на основе СМИ, которые показывают нам и рассказывают об успешных предпринимателях, шоуменах и политиках, которые и становятся для современных подростков основными примерами успешных людей. Большую роль также играет семья подростков – многие с гордостью указывают в качестве примеров успешных людей своих родителей, бабушек и дедушек или других членов и знакомых семьи. Значимость семьи для современных подростков также показывают результаты анализа ответов подростков на вопрос о том, какими они видят себя через 15 лет. Одной из наиболее часто встречающихся категорий (54%) была именно семья. Подростки, дававшие развернутое описание своего будущего, в большинстве случаев описывали не только свою будущую семью, но и говорили о детях (в 73%): «выйду замуж, рожу двоих детей», «вижу себя семейным человеком», «успешный семьянин», «успешная женщина, у которой отличный, понимающий муж и двое детей». В описаниях подростков чаще семьи встречалась только категория будущей работы (61%), что может быть связано не столько с большей значимостью карьеры для подростков, сколько с тематикой исследования – успехом. Ценности семьи для старших подростков подтверждают результаты использованной в данном исследовании методики, направленной на изучение значимости для подростков разных сфер их жизни. Подростки должны были ранжировать их в порядке убывания значимости. Результаты исследования показали, что сфера семьи и любви стоит на первом месте. На втором месте для них дружба, а на третьем – личностный рост. Данное исследование позволяет немного дополнить психологическую картину знаний о современных подростках, их представлений об

успехе с учетом особенностей их самооценки и смысло-жизненных ориентаций, их отношения к своей семье, как нынешней (родительской), так и будущей, которую они стремятся создать.

Список литературы

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. – М.; Наука: Смысл, 1999.
2. Лисина М.И. Общение, личность и психическое развитие ребенка / Под ред. А.Г. Рузской. М.; Воронеж, 1997.
3. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.; Издательство Московского университета, 1983.
4. Рикель А.М. Некоторые аспекты социально-психологической проблематики успеха // Вестник Московского университета, сер. 14 Психология, №1, 2012.
5. Тульчинский Г.А. Разум, воля, успех: О философии поступка. Л., 1990.

Исследование взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и типов семьи студентов психологов

Григорьева С.И.

Московский государственный областной университет г. Москва, Россия

GRSW60@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи типов семьи и системы личностных ценностей студентов-психологов. Она раскрывает особенности типов семьи - родовой и городской нуклеарной, а также рассматриваются параметры, определяющие включенность в семейные отношения. Представлены системы ценностей, соответствующие определенному типу семьи.

Ключевые слова: типы семьи, родовая семья, городская нуклеарная семья, детерминация деятельности, функциональный подход, личностные ценности.

На данный момент проблема семьи как детерминирующей системы развития личности приобретает всё большую актуальность, что связано с возникновением нового типа общества. Функция духовного, морального, нравственного и др. развития вновь ложится на семью. Именно поэтому тема значимости и значения семьи в формировании личности человека становится все более востребованной и актуальной. Назрела настоятельная потребность перехода на качественно более высокий уровень исследований роли семьи в развитии личности индивида. Так как по свидетельству множества исследований именно она играет самую главную роль в формировании личности вначале ребенка, а затем взрослого человека.

На семью, как основополагающий фактор социального становления человека, указывают такие отечественные и зарубежные исследователи как С. Кратохвил, Э. Арутюнянц, А.С. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер, В.В.Юстицкий, Е.А. Личко, В.С.Мухина, Е.Т.Соколова, Т.С. Когарян, М. Мид и многие другие.

Родовая система общества обеспечивает не только рождение человека, но и систему его мотивов, смыслов, стремлений и привязанностей, а также играет огромную роль в становлении мировоззрения. А это структурирует жизнь и деятельность каждого человека от рождения до смерти.

Как пишет Кон И.С., на формирование личностных качеств ребенка влияют не только сознательные воспитательные воздействия родителей, но и общий тонус семейной жизни. Он замечает, что если родители живут большими общественными интересами, это способствует расширению кругозора и у детей, которые из услышанных разговоров взрослых извлекают нередко больше уроков, чем из специальных бесед. То есть ребенок, взаимодействуя с обоими родителями, интериоризирует в себя их кругозор, их культуру, интересы (Кон И.С., 2003)

Рассматривая семью в русле функционально-системного подхода, необходимо отметить, что семья – это система, которая локализует в себе наиболее важные общественные функции, необходимые для первоначального формирования и

развития человека. Говоря о семье, мы должны выделить два типа семьи. Традиционная семья – это довольно мощное образование, включающее не только супругов и их детей, но также братьев, сестер, дедушек и бабушек, а также множество других родственников, для определения которых в народной культуре существует множество терминов. Это, по сути дела, целостный родовой ствол или клан, образованный множеством людей и включенный в общую этническую систему. И совсем иное образование – это современная городская нуклеарная семья, состоящая только из родителей и детей или вообще из одного или двух человек. Впервые название «нуклеарная» применил к семье американский социолог Ж.П. Мурдок. В нуклеарной семье супруги и их дети составляют ядро взаимоотношений, а кровные родственные связи отходят на второй план. Традиционная семья – это структура, создающая основу этнической системы. Любые формы деятельности, как производство условий жизни, включаются в логику жизни семьи, обеспечивая ее выживание и развитие. Охотится ли человек, ловит ли рыбу или убирает урожай, строит ли что-то – все это определяется интересами семьи. Такая семья, как целостный, широко разрастающийся организм, организует своими потребностями все формы деятельности. Сама же семья направлена на воспроизводство и развитие рода, живет интересами рождения и воспитания детей, обеспечивает усиление своей этнической системы в природе и в общем пространстве человечества.

Современная городская семья живет совсем иначе. Она включена в современные формы деятельности и производства, которые сами уже никак не включены в ее собственную структуру. Профессиональные деятельности рабочего, ученого или актера создают свои особые пространства взаимоотношений, где люди действуют как участники этих новых форм производства жизни, общаются и создают семьи. Эти семьи формируются в ритмах городской жизни как ее малые элементы, но сами семьи не определяют своей глобальной структурой и напряжениями логику организации общей деятельности. Общество и производство лишь включают в себя семью. Профессиональные деятельности захватывают людей своими мотивами и целями, заданными вовсе не семейной организации. Традиционный тип семьи – это многоуровневая семейная система, лежащая в основе родовых и этнических социальных

систем. Она отличается сложными внутрисемейными и межсемейными отношениями, создающими устойчивую структуру общества (рода, этноса, клана). Современный тип семьи – это локальные семейные системы, включенные в современные формы государственной и профессиональной деятельности. Отличается от традиционной семьи, прежде всего, разрушенностью стабильных межсемейных родовых отношений (Шабельников В.К., 2004).

Согласно культурно-исторической теории Л.С.Выготского и его последователей Л.И.Божович, А.В.Запорожца, Л.А.Венгера и др., психика имеет внешнюю детерминацию, при этом важную роль играют межсубъектные отношения. Не каждый человек будет значимым для другого, а только тот, кто помогает в его саморазвитии, принимает судьбоносные решения (Выготский Л.С., 1960).

Мировой опыт исследования ценностей предлагает различные подходы к этой проблеме. Г. Олпорт и другие ученые основываются на системе интересов, фундаментальных для формирования структуры ценностей. Он также утверждал, что философия основана на ценностях, то есть на убеждении человека в том, что поистине важно в жизни, а что - нет. Полагая, что усилия человека найти порядок и смысл в жизни определяются ценностями. По А. Маслоу у современного человека существует три уровня ценностей: 1) Общечеловеческие, на которых формируются ценности, «общие для всех здоровых людей», поскольку порождаются они фундаментальными потребностями нашего организма; 2) Уровень ценностей определенных групп людей; 3) Уровень ценностей «специфических индивидов». Ценность оказывалась, таким образом, избирательной установкой, производной от потребностей, а иногда попросту отождествлялась с ними, «потребности или ценности связаны друг с другом иерархически и эволюционно» (Маслоу А., 1997).

Основополагающими ценностями культуры, которые взрастили людей, А. Маслоу считает: честность, гуманизм, уважение к личности, служение обществу, демократическое право каждого человека на свободу выбора, право на жизнь, право на получение медицинской помощи, взаимопомощь, порядочность, справедливость и т.д.

В современной литературе выработаны различные подходы к определению понятия «ценности». Однако до сих пор нет однозначного понимания ценности. Ряд

авторов предложили различать два класса ценностей – ценности цели жизнедеятельности или терминальные ценности и ценности принципы жизнедеятельности или инструментальные ценности.

М. Рокич определяет ценности как выделяет два класса ценностей: ценности-цели (терминальные) и ценности-средства (инструментальные). Это деление носит условный характер. Человеческие ценности, по мнению М. Рокича, характеризуются следующими основными признаками: 1) Общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико; 2) Все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени; 3) Ценности организованы в систему; 4) Истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах и личности; 5) Влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения. Многие авторы говорят о взаимосвязи ценности и потребностей.

По мнению А. Маслоу, за каждым осознанным человеческим желанием, «стоит какое-то другое, более функциональное желание, которое правильнее было бы назвать целью или ценностью». Ценности отдельного человека являются таковыми лишь в отношении его потребностей и интересов. Поэтому В.П. Тугаринов говорил, что первым существенным признаком, по которому можно определить понятие «ценность» это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов. В.А. Василенко прямо подчеркивает связь категории ценности с понятием значимости, а также с потребностями, интересами, стремлениями, идеалами.

Некоторые авторы рассматривают ценности в связи со смыслом. По Г.Олпорту, ценности - это некий личностный смысл. Ребенок осознает ценность всякий раз, когда смысл имеет для него принципиальную важность. Ценность - это «категория значимости», а не «категория знания». Зубов О.Е. рассматривает ценности как непреложные факты бытия человека, что приобретает для человека смысл в его жизнедеятельности, что является существенным. Б.С. Братусь определяет ценности личности как осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни. Яковлев В.В., рассматривая смысловую структуру внутреннего мира личности (смысловые сферы), говорит об источниках смыслов, в которые включает потребности, ценности, отношения.

Куницына В.Н. рассматривает ценности как идеи, идеалы, цели, к которым стремится человек и общество. Существуют общепринятые ценности: универсальные (любовь, престиж, уважение, безопасность, знание, деньги, вещи, свобода, здоровье); внутригрупповые (политические, религиозные); индивидуальные (личностные). Ценности объединяются в системы, представляя собой определенную иерархию структуру, которая меняется с возрастом и обстоятельствами жизни. Одновременно в сознании человека существует не более дюжины ценностей, которыми он может руководствоваться. Некоторые авторы связывают ценности с субъектно-объектными отношениями, где объект (материальный или духовный) вступает в отношения и является значимым для субъекта (человека или социума).

А.К.Саитова придерживается такого определения ценностей: «Ценности - явления объективной действительности с качеством, не зависимым от субъекта, но не само по себе, а в своей значимости для субъекта. Иначе говоря, ценность есть объект потребностей субъекта, явления объективной действительности в его способности при приобщении к нему (при его употреблении при использовании)». Ценности, по мнению С.А. Касаткиной, могут выступать в качестве норм, целей и идеалов, то есть регуляторов межсубъектных отношений именно потому, что являются их отражением в ценностных формах сознания, определяющих уровень культуры. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, предопределяет и влияет на структуру потребностей и интересов.

Интересен подход Ф.Е. Василюка к проблеме ценностей, который считает, что ценность не может быть сведена ни к норме, ни к установке. «ценность - это не предмет моего желания или потребности, не мотив, потому что мотив всегда «корыстен», мотив всегда «мой», «твой» или «его», и во мне он борется только за свой интерес. Ценность же, во первых, может быть «наша», во-вторых, и в интрапсихическом пространстве внутри личности она выполняет не дифференцирующие, а интегрирующие, собирающие, «оцельняющие» функции. Это не означает, что она объединяет все без разбора. Ценность - это не эмоция. Эмоция капризна и неустойчива, зависит от сиюминутной ситуации и сиюминутного состояния, ценность же стабильна, устойчива, надситуативна. Ценность - не правило, не норма. Норма существует как нечто внешнее, пришедшее

извне, как долг, более или менее внедренный в меня, даже сросшийся со мной, но всегда ощущаемый как имплантация другого или других в меня. Источник же ценности внутренний, она переживается как рождающаяся изнутри». По мнению Ф.Е. Василюка, ценность - это тайна, которую нельзя раскрыть и разгадать. В обыденном сознании ценность может являться в отблесках чувства, и в регулятивном правиле, и в значимости предмета, и множества других форм и отражений, на которые в основном и ориентируется человек, решая проблему выбора.

Практически все авторы, рассматривающие вопрос функции ценностей, сходятся на том, что ценности являются, прежде всего, регулятором человеческой деятельности, но различным образом: как нормы, как идеалы, как критерии выбора и оценки нравственных действий (М.И. Бобнева, Л.И. Божович, Д.А. Леонтьев, В.А. Ядов).

В.К. Боярчук, изучая динамику в иерархии ценностных ориентаций в зависимости от возраста и курса обучения студентов, определил, что к 22-23 годам появляется ценность семейной жизни, а к 24 годам - ценность действия.

Л.А. Поварницына, исследуя связи ценностных ориентаций с выбором профессии студентами педагогических вузов, определила, что у 36,2% проявляется профессиональная дезориентация. И.И. Шеремет проанализировал особенности ценностных ориентаций первокурсников на различные виды деятельности в вузе. Выводы, полученные автором, свидетельствуют о том, что студенты плохо осведомлены о конечном результате своей деятельности, слабо представляют то, каким должен быть современный специалист.

Автором было проведено исследование жизненных ценностей и их взаимосвязи с типами семьи у студентов 3 курса педагогического университета факультета психологии. Результаты этих исследований подтвердили, что существует взаимосвязь между типами семьи и жизненными ценностями. Так в родовой семье преобладают такие ценности как любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь. А в городской семье ценности оказались совершенно другими: активная деятельная жизнь, уверенность в себе, развитие себя, свобода.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М., 1960.
2. Кон И.С. Ребёнок и общество. М.: Академия, 2003.
3. Шабельников В.К. Функциональная психология. М., 2013.
4. Шабельников В.К. Функциональная психология. Гл. Социо-биосферная детерминация личности. М., 2004.

Роль эмоционального взаимодействия матери и дочери в формировании представлений о материнстве у девушек-студенток

Дейниченко Л.Б.

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Luba_deyn@mail.ru

Ключевые слова: представления о материнстве, самоопределение в отношении материнства, эмоциональное взаимодействие матери и дочери

В настоящее время родительство занимает далеко не первое место в иерархии ценностей молодых девушек. Новая модель личности, предполагающая стремление к высокому профессионализму, карьере, благосостоянию, не всегда вписывается в модель родительства. Девушки-студентки, получающие высшее образование, эмоционально откладывают свое «материнство» на будущее, т.к. обучение в ВУЗе, требует полного сосредоточения на профессиональном саморазвитии. Совмещение обучения и материнства требует определенных объективных условий (материальное благосостояние, помощь близких), но прежде всего, здесь необходима личностная готовность девушки к изменению своего социального статуса и преодолению всех тех сложностей, которые неизбежно встанут на пути студентки-матери. Для того, чтобы девушка-студентка

приняла решение стать матерью, важен тот образ материнства, который сформировался у нее к этому времени.

Вопрос о механизмах, закономерностях и условиях формирования представлений о материнстве у девушек до сих пор является актуальным. Исследование процессов становления родительства у молодежи, готовности стать родителями – это одно из важных направлений решения демографической проблемы средствами психологической науки. Потеря традиционных способов передачи опыта детского-родительского взаимодействия, характерных для патриархальной, расширенной семьи и уменьшение количества детей в семье приводит к тому, что девушки на пороге родительства оказываются неосведомленными об элементарных особенностях развития ребенка и своих функциях в уходе за ним.

Мать как первая, встречающая ребенка в этой жизни еще на этапе пренатального материнства, начинает ощущать потребность в повышении своей родительской компетентности, осознает, что должна быть готова к выполнению материнских функций. Женщина интересуется тем, что она должна чувствовать, какую роль это играет в развитии ребенка, зачем ей это надо самой и что надо делать для развития этих чувств. Психологическая готовность женщины к материнству еще до рождения ребенка не только позволяет легче переносить беременность, но и принять ребенка после его рождения, с любовью растить и воспитывать его и в дальнейшем.

Родительство как социально-психологическое явление признается многими авторами интегральным психологическим образованием, включающим совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания. Каждый из перечисленных выше компонентов содержит когнитивные, эмоциональные и поведенческие составляющие (Овчарова Р.В., 2005). Большинство исследователей сходятся во мнении, что именно родительские семьи выступают в качестве образца или антиобразца родительского поведения. Однако влияние родительской семьи обязательно проходит через призму собственных взглядов и убеждений ребенка, его жизненного опыта и индивидуальных особенностей. Стиль семейного воспитания по отношению к ребенку, полноценность эмоциональных связей между ребенком и родителями также

становятся фильтрами, через которые взгляды отца и матери на родительские функции проникают в сознание ребенка.

Проблема становления родительства в студенческом возрасте должна рассматриваться в контексте общих возрастных задач развития в юности, основных психологических новообразований данного возраста. Самыми важным новообразованием юности является достижение социальной зрелости, понимаемой как овладение полным комплексом социальных функций взрослого человека, формирование новой взрослой идентичности. Для достижения социальной зрелости молодому человеку нужно разрешить проблему личностного самоопределения — основную задачу развития в юности. Самоопределение предполагает активное определение своей позиции относительно общественно выработанной системы ценностей и выяснение на этой основе смысла собственного существования в различных жизненных сферах: профессиональной, общественной, семейной, родительской (Гинзбург М.Р., 1994).

По мнению многих исследователей, развитие в юности имеет кризисный характер. Наиболее остро «кризис встречи со взрослостью» выражен у студентов, у которых он растянут во времени: от окончания школы (детства) до поступления на работу (взрослая жизнь). Все это время происходит осмысление важнейших вопросов выбора собственного жизненного пути. Роль студенческого периода для развития человека двояка. Студенческий период, давая время молодому человеку на осмысление важнейших вопросов выбора собственного жизненного пути, может стимулировать его развитие, тем самым снизить остроту протекания последующих жизненных кризисов. Но может содействовать закреплению инфантильной позиции, страху перед будущей взрослой жизнью и собственной самостоятельностью.

Приведенные выше рассуждения мы считаем важными для анализа представлений молодежи о родительских функциях и предполагаем, что в представлениях девушек-студенток об «идеальном родителе» должна отразиться система представлений их матерей о родительстве. Однако, прямой перенос материнских знаний о родительстве невозможен, знания обязательно опосредованы детско-родительскими отношениями, специфика которых регулирует степень согласованности «образа родителя» у обоих поколений. Одним из важных регуляторов трансляции взглядов от старшего поколения к

младшему является степень удовлетворенности детей эмоциональным взаимодействием с родителями. Мы предположили, что существует единство, согласованность представлений о материнстве при позитивном эмоциональном взаимодействии матери и дочери. Представим результаты исследования, направленного на доказательство данного предположения.

В качестве испытуемых выступили 72 диады «мать – дочь студенческого возраста». Средний возраст матерей 45 лет, возраст дочерей – 18-21 год. Все девушки-студентки учились в гуманитарных ВУЗах, еще не имели собственных семей, проживали либо с родителями, либо в общежитии.

Необходимо было выявить особенности представлений девушек-студенток об «идеале матери», о наиболее значимых качествах матери. Для этого мы, на основе исследования Р.В.Овчаровой (2005), выделили 25 содержательных характеристик материнства, и предложили испытуемым проранжировать их в зависимости от степени важности в структуре родительства. При этом ранжирование характеристик девушки проводили относительно 2-х ситуаций: 1. выявление значимости каждой из характеристик родительства для «идеальной матери» (идеальная мать в глазах дочери (ИМ-Д)); 2. ранжирование данных характеристик родительства относительно собственной матери (реальная мать в глазах дочери (РМ-Д)). Далее процедуру ранжирования тех же самых характеристик осуществляли и матери каждой испытуемой студентки. Матери должны были: 1. определить значимость каждой из характеристик родительства для «идеальной матери» (идеальная мать в глазах матери (ИМ-М)); 2. оценить значимость каждой из характеристик родительства в своем собственном материнском поведении (реальная мать в глазах матери (РМ-М)).

Мы выявляли степень схождения, согласованности представлений о материнстве у студенток и их матерей (ИМ-Д / ИМ-М и РМ-Д / РМ-М). Кроме того, сравнивая представления студенток об «идеальной матери» с образом собственной матери (ИМ-Д / РМ-Д), мы могли выявить степень принятия испытуемыми поведения своей матери. Уже это позволяло нам судить об оптимальности семейных отношениях внутри диады «мать-дочь».

Для выявления характера эмоционального компонента детско-родительского

взаимодействия в качестве основы мы воспользовались методикой Е.И.Захаровой (2002) - опросник ОДРЭВ. Опросник был адаптирован к целям нашего исследования и предлагался как студенткам, так и их матерям, которые должны были оценивать реально существующие внутрисемейные отношения в диаде «мать-дочь». В результате корреляционного анализа было выявлено, что в диадах, где эмоциональное взаимодействие оценивалось позитивно и дочерью, и матерью, уровень согласованности профилей «идеальной матери» был высоким, в диадах с негативным эмоциональным взаимодействием - единства представлений об «идеале матери» не было. Недостаток любви к ребенку, отсутствие безусловного принятия ребенка, неспособность к оказанию эмоциональной поддержки – именно это испытывают девушки данной группы в отношениях со своими достаточно прагматичными матерями.

Остается открытым вопрос об устойчивости выявленного образа «материнства» у студенток данной группы. Данное исследование не раскрывает, носит ли этот образ матери компенсаторный характер, как проявление неудовлетворенных потребностей девушек в любви и принятии, или это уже сформированное отношение к материнству, которое будет реализовываться девушкой в дальнейшем.

Однако проведенное нами ранее изучение представлений первокурсниц и выпускниц ВУЗов о качествах матери выявили различия во взглядах по нескольким показателям (Дейниченко Л.Б., 2006). Студентки 1 курса считали, что мать должна проявлять больше доверия к ребенку, не критиковать его, а высоко оценивать его достижения. Студентки 5 курса больший акцент, чем студентки 1 курса, ставили на обязанности матери воспитывать ребенка, не баловать его, быть рядом с ним. Это свидетельствует о большей социальной зрелости выпускниц, их идентификации с родительской позицией при оценке детско-родительских отношений. Первокурсницы же давали ответы с позиции взрослеющего ребенка, требующего от матери понимания, желающего не критических оценок, а одобрения своих достижений. Результаты исследования показали, что в студенческом возрасте происходит смена позиции молодых людей с детской на взрослую в отношениях «родитель-ребенок», как следствие, родительские качества начинают оцениваться не с позиции «ребенка», а с позиции «родителя».

В настоящее время мы проводим сравнительное исследование отношения студенток 1-2 курсов и 4-5 курсов к возможности стать матерью в процессе получения высшего образования и возможности совмещения обучения в университете с воспитанием ребенка. Как показывает предварительный анализ уже полученных результатов, для студенток начальных курсов получение образования является более значимым, чем создание семьи и рождение детей, которое почти все из них откладывают на пока неопределенное время (надо закончить университет, устроиться на хорошую работу, купить квартиру и т.п.). Подавляющее большинство отрицают возможность, либо продуктивность обучения при его совмещении с воспитанием ребенка, роль матери-студентки по отношению к себе многие из них категорически отвергают, отношение к студенткам, имеющим детей, достаточно неодобрительное («зачем так жизнь усложнять», «ребенок маму не видит»). Студентки старших курсов менее категоричны, отношение к студенткам, имеющим детей, было разным: высказывалось и неодобрение, и восхищение. К рождению собственного ребенка отношение старшекурсниц было также разным. Наряду с нежеланием стать матерью в ближайшие 3-5 лет, появились девушки, которые относились к рождению ребенка как возможной реальности. Все приведенные выше исследования свидетельствует о том, что в студенческом возрасте у девушек изменяется отношение к себе как будущей матери, представления о материнстве становятся более зрелыми и реалистичными, обуславливая личностное самоопределение в отношении материнства, способствуя формированию психологической готовности к выполнению функций матери.

Список литературы

1. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков //Г.В. Бурменская, Е.И. Захарова, О.А. Карабанова и др. – М.: Академия, 2002. – 416 с.
2. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения //Вопросы психологии, 1994. № 3.- С. 43-52.
3. Дейниченко Л.Б. Динамика идеалов и ценностей родительского поведения в представлениях студенческой молодежи // Психология образования: культурно-

исторические и социально-правовые аспекты. Материалы Национальной научно-практической конференции.- М., 2006. Т.1. – С.170-172.

4. Овчарова Р.В. Психология родительства: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2005. – 368 с.

Совладание с трудностями завершения романтических отношений у подростков: применение методики IOS «Включенность Другого в шкалу Я-концепции»

.Захарченко Д.Н., Крюкова Т.Л.

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова,

Кострома, Россия

darya.zakharchenko.95@mail.ru, tat.krukova44@gmail.com

Подростковый возраст не случайно считают сложным, переломным, критическим возрастом, возрастом эмоционального неблагополучия и сильных привязанностей, увлечений, любви (Варга, 2006; Обухова, 2004; Крайг, Бокум, 2005; Реан, ред., 2002 и др.). Это стадия развития между детством и взрослостью, которая характеризуется качественными изменениями, связанными с половым созреванием и вхождением во взрослую жизнь (Эриксон, 1996; Харламенкова, 2004). По словам Кона, юность — период завершения физического созревания человека, бурного роста его самосознания, формирования мировоззрения, выбора профессии и начала вступления во взрослую жизнь (Кон, 1979).

Одной из главных потребностей в подростковом возрасте является потребность в общении, принадлежности, эмоционально-личностных связях с другими (Боулби, 2004; Гозман, 1988; Кон, 1988; Регуш, ред., 2005). Нередко общение с близкими людьми, с семьей, общение сводится до минимума.

Особо возрастает в подростковом периоде значение групп сверстников. Тинэйджеры ищут поддержки от других, чтобы справляться с физическими,

эмоциональным социальными изменениями подросткового возраста. Возрастает близость в однополой дружбе, а также формируются и дружеские отношения с представителями противоположного пола (Крайг, 2005). Иногда знакомство перерастает не просто в дружеские отношения, а в любовь-страсть. Такая любовь зачастую представляет собой невероятное смешение экстаза и тревоги, возвышенных чувств и боли (Майерс, 1997). У подростков начинается период первых романтических отношений.

Романтические отношения - высоко избирательные и относительно устойчивые отношения между мужчиной и женщиной, основанные на сильных положительных эмоциях, физиологически обусловленные сексуальными потребностями и выражающиеся в стремлении каждого из партнеров быть уверенным во взаимности чувств (Кроник, Кроник, 1989, Екимчик, 2013).

У девочек интерес к противоположному полу возникает раньше, чем у мальчиков: о собственных симпатиях тайно сообщается единственной подруге, но часто и группе сверстниц. Даже при взаимных симпатиях открытые дружеские отношения проявляются редко, так как для этого подросткам необходимо не только преодолеть собственную скованность, но и быть готовым противостоять насмешкам и поддразниванию со стороны сверстников (Кон, 1988, Мухина, 2000).

Охлаждение страстной романтической любви зачастую приводит к разочарованию, в особенности тех, которые считали такую любовь существенно необходимой как для заключения брака, так и для его стабильности в дальнейшем (Майерс, 1997).

Завершение романтических отношений – реальная стрессовая ситуация и трудность на жизненном пути подростков, не имеющих развитых социальных навыков. Распад эмоциональных отношений является для человека исключительно тяжелым переживанием и оказывает серьезное деструктивное воздействие на его психическое и соматическое состояние (Боулби, 2004; Кроник и Кроник, 1989; Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005). Это реально трудная жизненная ситуация для многих подростков, требующая совладания, эмоциональной, когнитивной и поведенческой перестройки.

Тема совладающего поведения в романтических отношениях у подростков актуальна в связи с тем, что жизнь подростка в подобного рода отношениях настолько динамична, сложна и противоречива, что ему постоянно приходится преодолевать разного рода препятствия и сложности, находить наиболее выгодные выходы из трудностей. Все чаще в наше время юноши и девушки не справляются с эмоциями, которые появляются у них после завершения отношений, все чаще случаются суициды в подростковом возрасте именно из-за завершения романтических отношений (Alexander, 2008; Крюкова, 2013; Реан, ред., 2002; Регуш, ред., 2005; Харламенкова, 2004).

Цель данного исследования – выявить и описать особенности совладания с трудностями завершения первых романтических отношений у подростков.

Среди задач назовем следующие:

1. Выяснить особенности совладания с трудностями завершения первых романтических отношений у подростков; 2. Выявить уровень близости и интимности романтических партнеров - подростков в первых романтических отношениях как возможный фактор переживания стресса при их разрыве/завершении, апробируя методику *IOS – Inclusion of Other in the Self Scale* или «Включенность Другого в шкалу Я-концепции» в сочетании с интервью. Мы предположили, что некоторые подростки воспринимают завершение первых романтических отношений как трудность или стрессовую ситуацию разного уровня сложности, совладая с которой, они отличаются стратегиями поведения с переживаниями и стрессом. Данные стратегии связаны со степенью психологической близости/интимности Другого по отношению к субъекту романтических отношений или с тем, насколько сильно испытуемый «впускал» романтического партнера в свою жизнь, и поменялось ли это с завершением отношений.

В пилотажном исследовании добровольно приняли участие 20 человек (10 юношей и 10 девушек) в возрасте 17-22 лет, средний возраст – 19,9 лет. Все они имели опыт завершенных первых романтических отношений некоторое время назад. На момент

начала их романтических отношений лет испытуемым было: 13-15 лет (11 чел.), 16 -19 лет (8 чел.); на момент их завершения: 14-16 лет (12 чел.), 17-20 лет (6 чел.), 21-23 года (3 чел.). Романтические отношения длились меньше года у 10 чел., 1-2 года у 6 чел., и более двух лет у 4 человек.

Метод

Использовались: интервью, направленное на изучение качества романтических отношения; особый интерес и главную цель описания в данной статье представляла апробация *IOS – Inclusion of Other in the Self Scale* или «Включенность Другого в шкалу Я-концепции» авторов А. Арон, Э. Арон, и Д. Смоллан, 1992.

Она представляет собой проективный рисунок как способ измерения степени психологической близости Другого к субъекту, направленный непосредственно на чувство межличностных взаимосвязей. Он предлагает 7 вариантов расположения пар колец, по сути, это разновидность социометрии Дж. Леви Морено. Шкала имеет целью выявление чувства взаимосвязанности одного человека с другим. Это чувство может возникнуть из различных процессов, как сознательных, так и бессознательных, и включение Другого в себя может быть или не быть одним из таких процессов. Предназначение шкалы – отражение восприятия респондентом своих отношений (Aron, Aron, Smollen, 1992).

Ранее было установлено, что подобные диаграммы могут быть использованы в качестве меры близости. Близость и объем перекрываемой области тесно связаны со значениями по шкале любви и дружбы (Pipp и др., 1985 – см. Aron, Aron, Smollen, 1992). Идея близости как перекрывающихся друг друга «самостей» свойственна довольно широкому спектру подходов к близости в социальной психологии (Майерс, 1997).

Понятие близости как области перекрытия Я было достаточно популярно, начиная с Джемса (1890/1948). Например, Юнг (1925/1959) подчеркивал важность отношений партнеров для развития недоступных сторон души, обретения большей целостности. Маслоу считал, что любящие люди могут быть «соединены в одно целое» (1967, с. 103). С точки зрения символического интеракционизма, МакКолл описал привязанность как

включение действий и реакций Другого в содержание различных концепций собственного Я (McCall, 1974).

Специфическое определение близости как включенности Другого в свое Я (Agon и Agon, 1986; Agon, и др., 1991), на котором и построена шкала включенности, подразумевает, что в близких отношениях человек ведет себя так, как будто некоторые или все особенности партнера частично являются и его собственными. Дополнением может выступать ощущение некоторой общности себя и Другого.

По шкале включенности IOS респонденты выбирают картинку, наиболее полно отражающую их отношения. Картинки представляют собой набор диаграмм Вена, представляющих различные степени перекрытия двух кругов. Фигуры нарисованы таким образом, что общая площадь каждого рисунка остается постоянной (таким образом, когда увеличивается область перекрытия, увеличивается и диаметр), и степень перекрытия увеличивается линейно, создавая семишаговую, равноинтервальную шкалу.

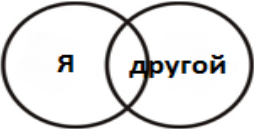

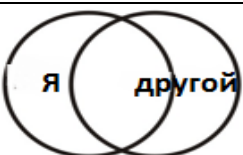

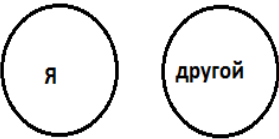
В исследовании мы устанавливали с помощью данного метода роль близости/интимности и психологической дистанции с романтическим партнером, как это связано с последствиями – совладанием с разрывом отношений. Затем результаты перепроверялись в интервью.

В ходе исследования мы модифицировали данную методику, добавив 2 набора диаграмм и дав каждому свои названия.

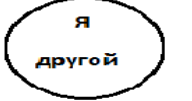
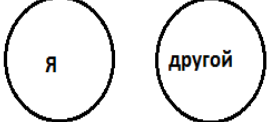
Испытуемым предъявлялось два рисунка, в каждом из которых было девять картинок, представляющих собой диаграммы, символизирующие Я и Другого. В первом случае (на первом рисунке) предлагалось обвести ту картинку, которая лучше всего описывает отношения испытуемого с романтическим партнером *во время первых романтических отношений*, во втором (на втором рисунке) – ту, которая лучше описывает отношения с партнером *после завершения* первых романтических отношений

Результаты и их обсуждение

1 случай: близость во время отношений

Рисунок	Кол-во ответов
	2
	0
	0
	5
	2
	3
	5
	2
	0

2 случай: близость после завершения отношений

Рисунок	Кол-во ответов
	3
	3
	0
	0
	0
	0
	0
	0
	14

Описывая результаты, мы также опираемся на данные интервью. Часть испытуемых (5 чел.) в первом случае отметила картинку №7, которую мы

метафорически назвали «потеря собственной личности». Это говорит о том, что испытуемые были зависимы от своих партнеров, отношения «Мы» намного вытеснили собственное «Я», испытуемые намного больше уделяли внимания романтическим отношениям, партнеру, нежели себе, им не хватало времени и сил на свои личные дела, так как вся энергия была направлена на отношения. Еще одна часть испытуемых (5 чел.) выбрала картинку №4 «Взаимосвязи», что означает, что партнеры находятся в выгодных взаимосвязях друг другом, на паритетной психологической дистанции. Они больше уделяют времени себе. Они с радостью проводят время вместе, вместе что-то делают, но никогда не жертвуют своим личным временем или силами для отношений. Отношения строятся на взаимной выгоде и удобстве. Другая часть испытуемых (3 чел.) выбрала картинку № 6 «Потеря собственных границ». Можно предположить, что в романтических отношениях «Мы» захватывает каждое «Я». Это не вредит ни одному из партнеров, но все же в каких-то случаях испытуемый может пренебречь своими личными делами, своим временем ради отношений, готов в чем-то где-то уступить партнеру. Следующие испытуемые (2 чел.) выбрали картинку №8 «Полное слияние», об их отношениях можно сказать, что каждый испытуемый мог быть полностью зависим от своего романтического партнера, их психологические границы размыты. Всегда жертвовал чем-то своим ради партнера. Малейшая разлука, ссора приводили его к большому стрессу. Постоянно присутствовал большой страх потерять партнера. «Это доходило до сумасшествия», по высказыванию испытуемого. Казалось, что ничего кроме этих отношений вокруг не существует. Человек ничего не замечал, не слышал, был весь в мыслях и чувствах о своем партнере. Другие испытуемые (2 чел.) выбрали картинку № 5 «Гармония» - «Мы» равно «Я». Можно сказать, что партнеры уделяли время друг другу столько же, сколько и личным делам. Они не нарушали личностное пространство друг друга, «отдавали» друг другу одинаково, не лезли в жизнь вне отношений друг друга. Царила гармония, покой и взаимопонимание. И, наконец, 2-е испытуемых выбрали картинку № 1 «У каждого свои границы», что означает, что испытуемый закрыто себя вел по отношению к своему партнеру: не все доверял, не все рассказывал, не впускал в свою жизнь, которая находится за границами их романтических отношений. Они вместе проводили время, но испытуемый не мог довериться полностью, между

ними были недопонимания, недомолвки, много недосказанного. Партнеры находились рядом, но не вместе.

Что касается второго случая, в котором испытуемые выбирали картинку, которая бы наилучшим образом описывала их отношения с романтическим партнером после завершения их отношений, то, испытуемые выбрали картинку №1 «У каждого свои границы» (3 чел.). После завершения отношений испытуемый стал закрыто себя вести по отношению к своему партнеру: меньше доверять, рассказывать, перестал впускать партнера в свою личную жизнь; №2 «Я больше чем Мы» (3 чел.). Эти испытуемые после завершения отношений с романтическим партнером стали отдаляться от них, но все же, не переставали общаться, где-то что-то рассказывали, чем-то делились, но не многим, возможно, самым неважным, уделяли бывшим партнерам мало времени, может быть, даже избегали встреч с ними; №9 «Дистанцирование» (14 чел.): у испытуемого появилась большая дистанция от романтического партнера, независимость. Испытуемый больше не нуждается в общении, встречах с ним. Но, возможно, присутствуют какие-то мысли об этом человеке, воспоминания из прошлого, малозначительные, «есть и есть».

Таким образом, следует отметить, что после завершения отношений в большинстве случаев испытуемый так или иначе дистанцировался от своего бывшего романтического партнера, стал холоднее к нему, перестал жертвовать своим «Я» ради «Мы». Также, результаты данного исследования мы сопоставили с ответами интервью, проведенным ранее для данной выборки. Результаты Шкалы IOS (Включенности Другого в Собственное Я) символически олицетворяют ответы испытуемых на вопросы интервью. Юноши и девушки, выбрав картинку №9 «Дистанцирование» во втором случае (после завершения романтических отношений) говорили о том, что они достаточно долго и сильно переживали завершения своих первых романтических отношений. Их ответы подчеркивали, что испытуемые отнеслись к завершению отношений не как к нормативной ситуации, для них расставание стало большим стрессом. Завершение отношений сильно повлияло на их психическое состояние, они «были на грани», им было очень тяжело пережить сложившуюся ситуацию, не видели дальнейшего смысла в жизни. А те испытуемые, которые и в первом и во втором случае выбирали картинки №1, №2, говорили, что к завершению своих романтических

отношений они отнеслись с легкостью или даже с облегчением. Завершение романтических отношений для них не стало трудной стрессовой ситуацией, они восприняли это как норму.

Завершение романтических отношений – реальная стрессовая ситуация и трудность на жизненном пути подростков, не имеющих развитых социальных навыков. Распад эмоциональных отношений является для человека исключительно тяжелым переживанием и оказывает серьезное деструктивное воздействие на его психическое и соматическое состояние (Боулби, 2004; Кроник и Кроник, 1989; Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005). Мы выяснили, что большинств подростков справиться со своими негативными эмоциями после завершения романтических отношений было довольно непросто. Справлялись они по-разному: одни старались больше времени проводить со своими друзьями, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, другие обращались к психологам.

В целом, все испытуемые совладали с ситуацией завершения романтических отношений. Самыми трудными были 3 случая, когда возникали мысли о суициде, но к специалистам они не обращались.

Кроме того методику «Включенность Другого в шкалу Я-концепции» также использовала В. Никитина, студентка для своего исследования (27 испытуемых). Эта методика была проведена ею с целью выяснения, как юноши и девушки представляют свою будущую супружескую жизнь, насколько сильно испытуемые могут «впустить» своего супруга в свою жизнь. Перед испытуемыми был представлен рисунок из семи картинок, представляющих графическое соотношений кругов, символизирующих Супруга и Супругу. Испытуемым предлагалось выбрать ту картинку, которая наиболее точно описывала бы их будущие супружеские отношения. В этом исследовании большинство юношей (5 чел.) выбрали картинку №6 «Потеря собственных границ», также многие юноши (4 чел.) выбрали картинку №5 «Гармония» - «Мы» равно «Я». Некоторая часть испытуемых (2 чел.) выбрали картинку №4 «Взаимосвязи» и всего 1 юноша выбрал картинку №3 «Контролирование границ». Результаты ответов девушек отличаются от ответов юношей. Большинство девушек (6 чел.) выбрали вариант №7 «Потеря собственной личности», часть девушек (3 чел.) выбрали картинку №6 «Потеря

собственных границ», другая часть девушек (3 чел.) выбрали картинку № 5 «Гармония», еще одна часть девушек (3 чел.) выбрали картинку №3 «Контролирование границ», небольшая часть опрошенных девушек (2 чел.) выбрали вариант №4 «Взаимосвязи», и всего одна девушка выбрала картинку № 1 «У каждого свои границы». Из чего следует вывод, что девушки представляют свою супружескую жизнь более слаженной, а степень близости с партнером большим. Они готовы «впустить» в свою жизнь мужчину ближе, чем их ровесники противоположного пола. Девушки готовы жертвовать большим ради своих будущих супругов, нежели юноши, готовы отдавать супружеской жизни больше своего личного времени.

Таким образом, можно говорить о том, что данная методика работает с разными целями и выборками - выясняет то, как испытуемые представляют свою будущую жизнь или то, как они оценивают свое прошлое, свои прежние романтические отношения.

Мы можем сказать о том, что сделан первый шаг на пути исследования совладания с трудностями завершения первых романтических отношений у подростков. Исследование имеет немало ограничений, например, невозможность получить более глубокое представление о близости, интимности испытуемых в их романтических отношениях, невозможность более подробно и точно описать отношения испытуемых, недостаток адаптации для русскоязычной выборки. Необходимы исследования для усовершенствования и объективизации Шкалы IOS («Включенность Другого в шкалу Я-концепции») для полноценной адаптации ее для русскоязычной выборки.

Список литературы

1. Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей: пер. с англ. М.: Академический проект, 2004.
2. Варга, А.Я. и др. Современный ребенок. Энциклопедия взаимопонимания / ред. А.Р. Зарецкий. – М.: Изд-во ОПИ, 2006.
3. Василюк, Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) - М.: Изд-во Московского университета, 1984.
4. Гозман, Л.Я., Ажгихина, Н.И. Психология симпатий. – М.: Знание, 1988.

5. Екимчик, О.А., Григорова, Т.П., Смирнова, Н.С. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. – Т.19. - №3. С. 144 – 150.
5. Крайг, Г., Бокум, Д. Психология развития. – СПб.: Питер, 2005.
6. Кон, И.С., Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности). – М.: Просвещение, 1979.
7. Кроник, А.А., Кроник, Е.А В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. – М.: Мысль, 1989.
8. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова Т. 19. № 5. – Кострома, 2013. С. 184-188.
- 9 Крюкова, Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк, Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними – СПб: Речь. 2005.
10. Майерс, Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997.
11. Обухова, Л.Ф. Детская (возрастная) психология – М.: Педагогическое общество России, 2004.
- 12.Реан, А.А. (Ред.) Психология подростка. Полное руководство. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
- 13.Психология современного подростка / Под ред. Л.А. Редуш, СПб, 2005.
- 14.Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011.
- 15.Харламенкова, Н.Е. Самоутверждение подростка. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
16. Эриксон, Э.Г. Идентичность: Юность и кризис.- М.:Изд-ва Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006.
17. Alexander, A.L. (2008). Relationship resources for coping with unfulfilled standards in dating relationships: Commitment, satisfaction, and closeness // Journal of Social and Personal Relationships, October 2008; vol. 25, 5: pp.725-747.

18. Aron, A., Aron E. N., & Smollan, D. (1992). Inclusion of other in the self scale and the structure of interpersonal closeness // *Journal of Personality and Social Psychology*, 63, 596-612.

Опыт использования проективной методики «Рисунок на тему “Развод”» в исследовании отношения к разводу молодых супругов в период ранней взрослости.

Коньшина Т.М.

Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

konshtan@gmail.com

В современной психологии развод рассматривается как ненормативный кризис семьи (4). В последние два десятилетия, в постперестроечный период развития общества в России, семейные ценности претерпевают значительные изменения, и нам представляется важной темой исследование отношения молодых супругов к семье и разводу.

В исследовании приняли участие двадцать пять супружеских пар, из которых девять состоят в зарегистрированном браке и шестнадцать – в фактическом. Возраст испытуемых относится к периоду ранней взрослости по периодизации Э.Эриксона – 20-25 лет. Отметим, что среди испытуемых не было людей с художественным образованием.

В работе был проведен анализ семейных систем испытуемых по моделям Д. Олсона (2000) и МакМастера (1984) (Э.Г. Эйдемиллер). Отношение испытуемых к семье и разводу исследовалось с использованием следующих методик: «Анкета» (авторская), «Незавершенные предложения» (модифицированный вариант), а также проективной методики «Рисунок на тему “Развод”». Проективные рисуночные методики широко используются в современных исследованиях для психологической диагностики различных сторон развития личности человека, системы взаимоотношений личности, а также отношения человека к каким-либо социальным явлениям (Битюцкая Е.В.,

Буякас Т.М., Захарова Е.И., Мельникова Е.В., Петрушин С.В. и др.). К данному классу методик относятся, например, широко известные методики ТАТ (тематический апперцептивный тест, авт. Мюррей Г., Морган К.), рисунок человека (Гудинаф Ф.), рисунок семьи (Бернс Р., Кауфман С.) (2, 5, 6, 7). Остановимся более подробно на одной из задач нашей работы – изучении отношения испытуемых к разводу. Поскольку тема является аффективно насыщенной, мы считаем, что использование проективной методики адекватно поставленной задаче, так как позволяет выявить плохо осознаваемые аспекты эмоционального отношения к явлению развода, когнитивного образа ситуации развода, а также представления о поведенческих стратегиях супругов в ситуации развода. Мы предположили, что полученные результаты могут дополнить данные о восприятии молодыми супругами ситуации развода, в том числе неосознаваемые супругами аспекты.

В инструкции испытуемому предлагается нарисовать рисунок под названием «Развод». Для анализа нами были использованы формальные и содержательные параметры. Система параметров для анализа рисунка на тему «Развод» была разработана с учетом идей, предложенных авторами проективных методик «Родительское сочинение» (1), рисуночной проективной методики «Я и мой ребенок» (3). Мы разработали системы балльных оценок для каждого параметра, причем большее значение отражает большую выраженность параметра. Формальные параметры оценки полученной продукции: размер рисунка, расположение рисунка по вертикали, расположение рисунка по горизонтали, тип рисунка, детализация, характер линии, наличие штриховки. Содержательные параметры анализа рисунка – наличие на рисунке изображений фигур партнеров, вербализация (негативная), негативное влияние развода на детей, отражение когнитивного представления супругов о разводе как разрушении в семейной системе, дополнительные символы, контакт фигур партнеров, направленность изображений супругов друг на друга, эмоциональное состояние мужа, эмоциональное состояние жены, символ контакта, символ опоры, причина развода, эмоциональное отношение к ситуации развода, попытка сохранить брак, сходство партнеров.

Приведем анализ основных результатов.

Значение выше среднего наблюдается по параметрам *«Размер рисунка»*, *«Расположение рисунка по вертикали»*, *«Тип рисунка»*, *«Детализация»*, *«Характер линий»*, *«Наличие партнера»*, *«Символ разрушения»*, *«Дополнительные символы»*, *«Символ контакта»*, *«Символ опоры»*. Рассмотрим значение каждого из этих параметров. То, что размер рисунка в среднем по выборке приближен к большому, свидетельствует об аффективной насыщенности и значимости его для испытуемых. Большинство испытуемых нарисовали символичное изображение, что свидетельствует о высокой развитости абстрактного мышления, высоком уровне обобщения понятий данного проблемного поля. Склонность к детализации может характеризовать значимость работы для испытуемых (тщательная прорисовка может говорить не только об интересе к теме, но и высокой аффективной «заряженности» темы). Характер линий ближе к тревожному, что еще раз говорит об аффективной насыщенности данной ситуации для испытуемых. В большинстве рисунков изображен партнер, что свидетельствует о привязанности к собственному супругу (гражданскому или юридическому), значимости отношений с ним.

Значение параметров оценки рисунка на тему *«Развод»* ниже среднего наблюдается по следующим шкалам: *«Штриховка»*, *«Вербализация»*, *«Негативное влияние на детей»*, *«Контакт партнеров»*, *«Направленность друг на друга»*, *«Эмоциональное состояние жены»*, *«Эмоциональное состояние мужа»*, *«Эмоциональное отношение к разводу»*, *«Сходство партнеров»*. Отсутствие штриховки может означать не сильно представленную в выборке тревожность, но, поскольку характер линий, как можно заметить выше, преимущественно был тревожным, мы интерпретируем относительно редкое использование штриховки испытуемыми, как стремление скрыть возникшие эмоции, высокий уровень контроля.

Низкие средние значения в сферах контакта и сходства изображений партнеров, что, отчасти, можно интерпретировать, как идентификацию супругов друг с другом, их направленности друг на друга могут означать центрированность испытуемых на себе. Низкие средние значения показателей по шкалам эмоциональных состояний жены и мужа, а также эмоционального отношения к разводу означают, на наш взгляд,

негативные состояния и отношения, соответственно, что свидетельствует о восприятии развода большинством испытуемых как негативного явления.

Самые высокие средние показатели параметров оценки рисунка на тему «Развод» для мужчин получены по шкалам *«Расположение по вертикали»*, *«Символ контакта»*, *«Детализация»*. Такие показатели свидетельствуют, во-первых, о том, что мужчины стремятся нормализовать такую жизненную ситуацию, как развод, и готовы устанавливать контакт, и во-вторых, о том, что тема имеет значимость для испытуемых-мужчин. Самые низкие средние показатели параметров оценки рисунка на тему «Развод» получены, для мужчин, по шкалам *«Характер линий»*, *«Эмоциональное состояние жены»*, *«Эмоциональное состояние мужа»*, *«Эмоциональное отношение к разводу»*, *«Направленность друг на друга»*, *«Причина развода»*. Низкое среднее значение параметра, отражающего характера линий, свидетельствует о тревожности, вызванной данной ситуацией. Все эмоциональные показатели оцениваются мужчинами как негативные, что говорит о восприятии развода как сложной, эмоционально тяжелой жизненной ситуации. Низкий средний показатель по параметру направленности друг на друга супругов свидетельствует о том, что мужчины, в среднем, воспринимают развод как явление, в котором коммуникация с партнером отсутствует или слабо выражена. Причину развода большинство мужчин не указали; мы связываем это с относительно низким уровнем рефлексии, или с возможно высоким уровнем защит у испытуемых (Тулупьева Т.В.).

Для женщин, выполнивших задание, наиболее высокие показатели можно было наблюдать по параметрам *«Дополнительные символы»*, *«Символ опоры»*, *«Сходство партнеров»*. Такие данные свидетельствуют о том, что женщинам в нашей выборке свойственно использовать символы в своих рисунках, а также о том, что они чувствуют себя уверенно, представив ситуацию развода (видят для себя некоторую опору). Женщины воспринимают развод как разрыв равноценных партнерских отношений, поскольку в сфере сходства с партнером показатели были высокими. Самые низкие показатели – по шкалам *«Характер линий»*, *«Негативное влияние на детей»*, *«Вербализация»*. Такие показатели можно проинтерпретировать, как нежелание обсуждать проблемы в ситуации ссоры.

Важным аспектом, на который хотелось бы обратить внимание, является содержательная сторона рисунка и гендерные различия. Мужчины, в среднем, чаще изображают развод как крах, крушение. У женщин же встречаются изображения развода как дороги к чему-то новому, надежды на новое начало.

По результатам анализа анкетирования и методики «Незавершенные предложения» можно сделать вывод, что большинство молодых супругов в период ранней взрослости негативно относятся к разводу, как сложной, эмоционально тяжелой жизненной ситуации. Согласно нашим результатам, женщины относятся к разводу, в среднем, более негативно, чем мужчины. Данные, полученные с помощью методики «Рисунок на тему «Развод», подтверждают эти результаты. Важным дополнением для нас явилось, что для женщин выявлено амбивалентное отношение к разводу: одновременно с более негативным отношением к разводу, по сравнению с мужчинами, женщины, в среднем, менее тревожно воспринимают данную ситуацию. Если соотнести эти данные с результатами, полученными с помощью других методик, можно увидеть, что отношение к разводу у молодых супругов вербально позиционируется как резко негативное, однако в рисунках прослеживается другой аспект отношения – вероятность развода как некоторой ситуации, приводящей в итоге к чему-то новому, положительному эффекту.

Таким образом, мы считаем, что для изучения отношения молодых супругов к таким аффективно насыщенным темам, как развод, является важным использование проективных методик в качестве дополнительно инструментария для исследования переживаний партнеров.

Список литературы

1. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков / Под ред. Бурменской Г.В., Захаровой Е.И., Карабановой О.А., Лидерса А.Г. М.: Академия, 2002.
2. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.

3. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: науч. моногр. М.: ИИУ МГОУ, 2014.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. – М.: Гардарики, 2004.
5. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. 2-е изд. – М.: Академия, 2007.
6. Снегирева Т. В. Смысл и символ в проективном рисунке. – Вопросы психологии № 6, 1995.
7. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. – М., 2002.

**Актуальное отношение к родительству у юношей и девушек, имеющих статус
социальных сирот**

Кранц И.И.

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
Минск, Беларусь*

Ключевые слова: осознанное родительство, статус идентичности, социальные сироты, профиль идентичности, актуальное родительство.

Переживания взрослых людей, в качестве родителей, обыкновенно появляются задолго до того момента, когда у них рождаются дети. Личностная и родительская компетентность развиваются не одновременно, но и корреляционной связи между ними не обнаруживалось. Создается впечатление, что различные направления психологии изучают специально выделенные аспекты человеческого бытия, искусственно разделяя и рассматривая чаще всего вне общего контекста жизни индивида.

Подобное разделение имеет смысл для определения причин или прослеживания связей между различными психологическими явлениями и объектами. В случае

целостного взгляда на ситуацию в фокус внимания попадает огромное количество факторов, которые не являясь статистически существенными, тем не менее оказывают решающее влияние на прогнозируемое поведение той или иной группы людей.

В психологической литературе сложилось скептическое и в целом настороженное отношение к тому, какими характеристиками обладают социальные сироты, и в частности, к социальному благополучию их будущих семей. Справедливо полагают, что негативный опыт детско-родительских отношений не может не повлиять на становление супружества и родительства этих юношей и девушек (Прихожан А. М., Толстых Н. Н., 2005). В то же время, и молодые люди из социально благополучных семей не всегда демонстрируют черты осознанного родительства (Ермихина М.О, 2004).

Кроме беспокойства о судьбе и счастье ребенка, очевидно, существует и вторая сторона: эмоциональное благополучие и счастье родителей. Возможно, на внутреннюю структуру переживаний родителя не обращается так много внимания: взрослые ответственные люди справятся сами. Однако, психотерапевтическая практика показывает, что наибольшие сложности испытывают те дети, чьи родители не смогли быть «достаточно хорошими». Разумеется, взрослый человек может справиться с тревогой одиночества и отсутствия поддержки, страхом потери или болью утраты, обидой за неблагодарность того, кого вырастил и кто легко ушел и так далее. Осознавание того, как именно сможет справиться со своими переживаниями этот взрослый и что именно транслирует своему ребенку, во многом зависит и от опыта взросления в родительской семье, и безусловно, от зрелости личности, устойчивой идентичности и собственно интегрального переживания себя как родителя.

Наше исследование было посвящено определению признаков осознанного отношения к родительству юношей и девушек, имеющих статус социальных сирот с разным профилем личностной идентичности. На основе проведенного контент-анализа было предложено использовать понятие "профиля идентичности" - комплексного динамического показателя, учитывающего статус идентичности и феноменологию гетерохронности в достижении идентичности в отношении различных ее сфер. При этом выявляемый "профиль идентичности" имеет как содержательные, так и структурные

различия у испытуемых, имеющих опыт семейных и интернатных условий взросления. (Кранц И.И., 2011)

В практической работе, семейном консультировании и терапии зачастую приходится сталкиваться со стереотипным восприятием родительства: "Я воспитываю своего ребенка и поэтому лучше знаю, что надо делать и как себя вести". Признавая, что "было бы неплохо узнать что-нибудь новое", многие не готовы признать необходимость особой подготовки взрослых людей к тому, чтобы становиться родителем.

Уже более десятилетия специалисты говорят о целенаправленном воспитании и обучении людей, собирающихся стать родителями. Целью такой подготовки – осознание взрослым человеком себя как будущего или актуального родителя: матери или отца.

Согласно М.О. Ермихиной, «осознанное родительство» понимается как идеальный вариант реализации себя личностью в родительстве (Ермихина М.О., 2004). Определение осознанного родительства по Е.Г. Смирновой - интегральное психологическое образование личности отца и/или матери; оно представляет собой систему взаимодействия ценностных ориентаций, родительских установок, чувств, отношений, позиций и родительской ответственности, способствующих формированию гармоничного стиля семейного воспитания (5). А.А. Абрамова отмечает, что "сознательное родительство", "ответственное родительство" характеризуется активной, избирательной позицией отца и матери в отношении выбора ими оздоровительных, коммуникативных, воспитательных, образовательных практик. Противоположность "осознанному", "сознательному", "ответственному" родительству - пассивная или инфантильная родительская позиция: неосознанность отцом или матерью родительских установок, позиций и ценностей, спонтанность, неразборчивость в способах общения и приёмах воспитания, низкая готовность принять на себя ответственность за последствия воспитательных воздействий. В рамках такого подхода помощь в формировании оптимального отношения к родительству может исходить как со стороны специалистов, так и от более опытных, сознательных, ответственных родителей (Абрамова А.А., 2012). Таким образом, в понимании специалистов нет различий в качестве осознания биологического и приемного родительства. Однако в рамках социокультурного контекста родительство зачастую рассматривается через призму парадигмы кризиса, что

фокусирует внимание на девиантных или асоциальных аспектах детско-родительских отношений, и как следствие, в общественном сознании закрепляется идея необходимости особым образом контролировать родительство через систему образования, надзора и т.д.

Категория социальных сирот неоднородна. Среди них те, чьих родителей лишили родительских прав, чьи родители отказались от своих детей, признаны пропавшими без вести, погибли, а также те, чьи родители добровольно отказались от родительских прав с целью финансово облегчить себе жизнь и т.д. История жизни у каждого из таких детей по-своему уникальна и в то же время довольно типична – насколько может быть типичным семейное неблагополучие. Ранние детские воспоминания, количество лет, проведенных в школе-интернате, условия проживания, обучения и коллективного общения с одноклассниками и взрослыми, выезды за границу, особенности общения с близкими родственниками – все это накладывает свой отпечаток на процесс развития индивидуума и, так или иначе, формирует психологический профиль личности. Того самого человека, который по выходу из учебного заведения должен будет занять свое место в экономике и производстве своей страны, потреблении товаров и услуг, создании семейной ячейки и воспитании своих собственных детей.

И здесь мы сталкиваемся с тем, что прежде плотно опекаемый человек оказывается во многом один на один с той жизнью, которую надо проживать самостоятельно, где нет внимания социального работника, педагога или психолога. И в эту самостоятельную взрослую жизнь человек, потеряв статус социальной сироты, входит тоже самостоятельно, имея лишь тот багаж опыта, убеждений, надежд и, в целом, личностных особенностей, которые были накоплены к этому моменту. Об этом моменте можно знать, но прожить его каждому приходится самому.

Говоря об этом интегрирующем личностном образовании, можно обратиться к позитивистской психологии, а именно постмодернизму, и определить его как идентичность личности со следующей дефиницией: «личностную динамическую структуру, интегрирующую на индивидуальном уровне результаты онто- и социогенеза, включая неосознаваемые индивидом аспекты, и обеспечивающую целостность и субъектность индивида в подверженном изменениям... внешнем мире. Качественные

характеристики данной структуры, ее эффективность и функциональность, обуславливаются (но не исчерпываются) результатами разрешения первых четырех кризисов детства.» (В.А.Ильин, 2007). Не претендуя на окончательность данного определения, мы, тем не менее, пользуемся им в своем исследовании личностной идентичности юношей и девушек с различным семейным статусом.

Достижения современной научной мысли позволяет говорить об идентичности не только как интегральной характеристике личности, раскрытой в работах Э.Эриксона (Э.Эриксон, 1996), но и совокупности предложенных Дж. Марсия (J.E Marcia, 1966) критериев, характеризующих актуальный статус идентичности юноши или девушки. При этом психологические конструкты, феноменологически свидетельствующие о структуре и содержании личностной идентичности молодых людей, не только являются результатом семейного и социального воздействия, но и сами способны воздействовать на качество психосоциальной адаптации личности и психологическое здоровье семьи в частности и общества в целом.

В результате проведения диагностических процедур было показано, что четыре статуса идентичности, предложенные Дж. Марсия, различаются не только по указанным автором критериям наличия/отсутствия кризиса и выполнения выбора, но также по сочетанным с этими критериями семи сферам идентичности: самоотношение и самопрезентация; гендерная; социальная; профессиональная; морально-нравственная; ценностно-ориентационная ("Идеологическая" согласно определению Дж. Марсия); духовное развитие и автономность. Критерий оценивания появлялся при ответах, которые соответствовали описанной Э. Эриксоном эпигенетической теории развития и положениями о кризисах, а также дополненным Дж. Марсия концепцией о статусах идентичности. Отсутствие стереотипной привязки к определенным сферам привело к тому, что ответы на каждый вопрос использовались как для определения статуса идентичности, если это было возможно, а также – в качестве дополнительной оценки – при определении сформированности показателей каждой из сфер идентичности: самопрезентации (формально-биографические, качества внешности, увлечения), гендерная (отношение к себе как представителю определенного пола, семейные полоролевые отношения и др.), социальная (групповая принадлежность, отношения с

окружающими людьми), профессиональная, морально-нравственная (убеждения, принципы, мотивы, чувства, переживания), ценностно-ориентированная (идеологическая), духовное развитие и автономность (жизненные планы и цели, самооценка, принятие себя как личности, качества характера, зрелость, самостоятельность). Обсуждая особенности формирования идентичности, нельзя обойти вниманием гетерохронность достижения идентичности в отношении различных сфер самоопределения, т.е. неравномерность развития и скорости включения в интегральную идентичность различных ее структурных составляющих. Также, проводившееся ранее исследования психологического состояния детей, лишенных родительского попечения, дают основания предполагать, что у социальных сирот в юношеском возрасте может наблюдаться более значимо выраженная гетерохронность формирования разных сфер идентичности, представляющую собой по-разному проявляющуюся неравномерность во времени закрепления в структуре идентичности различных проявлений личностной идентичности, что несомненно приводит к искажениям личностного развития. Но что особенно важно для общества, членами которого становятся взрослеющие юноши и девушки, что те особенности проявления нарушенной автономности – как социальной, так и эмоциональной, - являются результатом формирования неадекватной идентичности.

На основании полученных в ходе эмпирического исследования данных, иногда парадоксально относящихся к теоретическим воззрениям различных авторов, мы имеем возможность предложить концепцию профиля личностной идентичности. Эмпирическое исследование включало в себя авторскую методику диагностического интервью, созданного на основе работ Э. Эриксона и Дж. Марсия, а также следующие диагностические методики: «Тест 20 утверждений» М. Куна и Т. МакПартланда, методика семейной социогаммы Э.Г. Эйдемиллера, социометрия (в описании Я.Л. Коломинского), тест «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской, и два варианта эссе «Каким я вижу себя» и «Какой я в глазах других», предложенные Н.Н. Толстых и А.М. Прихожан. При этом необходимо уточнить, что психометрический подход позволяет использовать принцип полуструктурированного интервью в создании адаптированной версии с целью дать исследователю возможность задавать прямые

вопросы по исследуемой теме с учетом современного русскоязычного менталитета опрашиваемых. С другой стороны, с помощью метода контент-анализа становится возможным выявлять в ответах определенные темы, характерные для каждой из указанных сфер идентичности. Изучение профессиональной перспективы показало, что выпускники интернатных учреждений испытывают определённые трудности в постановке дальних и ближних профессиональных целей, определении адекватных способов реализации своих жизненных и профессиональных планов. Нами было выявлено, что у учащихся отсутствуют реальные представления о своих возможностях и способностях, что они редко умеют планировать и осуществлять программу дальнейшего развития и саморазвития в процессе подготовки к предстоящей трудовой деятельности. Многие дети-сироты не осознают свои недостатки, которые могут помешать им в достижении профессиональной цели, или они имеют минимально конкретизированные представления о негативных сторонах личности.

Таким образом, на основании количественного и качественного анализа данных, с использованием метода контент-анализа ответов испытуемых, была предложена концепция профиля личностной идентичности, который определяется нами как комплексный динамический показатель, учитывающий статус идентичности и феноменологию гетерохронности в достижении идентичности в отношении различных ее сфер. А также разработаны критерии отнесения результатов диагностики испытуемых к одному из четырех статусов идентичности. При этом выявляемый "профиль идентичности" имеет как содержательные, так и структурные различия у испытуемых, имеющих опыт семейных и интернатных условий взросления.

По результатам исследования было выявлено, что среди социальных сирот достоверно чаще встречается статус предрешенности, и с равной частотой - диффузный и мораторий. Среди воспитывающихся в неполных семьях больше всего тех, кто имеет статус моратория, чуть реже встречается предрешенный и достигнутый. Свыше трети юношей и девушек из полных семей имеют статус предрешенности и около четверти их – статус моратория. Те, кто живет в полной семье с одним неродным родителем чаще всего характеризуется статусом моратория. Предварительный вывод довольно парадоксален: ранние статусы идентичности чаще были характерны молодым людям из

групп сирот и полных семей, а наибольшие – молодым людям, которым пришлось расти хотя и в полных семьях, но как минимум с одним не родным родителем.

Интерпретация подобной ситуации представляется нам следующей. Наличие обоих родителей становится фактором, замедляющим достижение личностной идентичности в юношеском возрасте, возможно, в силу сверхзаботливости родителей, желания помочь и решить задачи планирования вместо них, и связанным с этим нежелание покидать отчий дом и начинать собственную жизнь у детей. А это, в свою очередь, приводит к замедлению процессов сепарации и связанных с ним эмоциональной и социальной автономности личности. Актуальное родительство таких юношей и девушек, имеющих статус социальных сирот, создается через интегрирование в текущем статусе идентичности.

С другой стороны, полное семейное неблагополучие – а именно отсутствие опыта длительных близких отношений со значимыми взрослыми и, соответственно, родительская депривация – также замедляет процесс достижения личностной идентичности. Однако это происходит уже в силу отсутствия или малого личного опыта в сфере установления и изменений эмоциональной дистанции с близкими значимыми людьми, а также отсутствия необходимости сепарации, и как следствие – препятствует созданию эмоциональной и социальной автономности личности, необходимые для общественно-эффективного и семейно-благополучного развития личности на следующем возрастном этапе. Таким образом, формирование собственной родительской позиции в дальнейшем, на следующих этапах жизненного пути, неоднозначно связано с достигнутым статусом идентичности и сформированным профилем идентичности к моменту решения о рождении ребенка и переходе в состояние родителя.

Список литературы

1. Абрамова А.А. Несознательное родительство? (Электронный ресурс) // Образовательный ресурс Слово. – 2012. - URL: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/45934.php> (дата обращения: 21.02.2015).

2. Ермихина Е.О. Формирование осознанного родительства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. (Электронный ресурс) //Курганский государственный университет. - Казань, 2004. - URL: <http://osp.kgsu.ru/ermix.htm> (дата обращения 20.02.2015).
3. Кранц И.И. Профиль идентичности юношей и девушек, имеющих статус социальных сирот. // Журнал практического психолога, № 6, 2011. – С. 106-120.
4. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. – СПб.: Питер, 2005.- 400 с.
5. Смирнова Е.Г. Психолого-педагогическое сопровождение формирования осознанного родительства в молодой семье: автореф. ... канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.
6. Тенденции психосоциального развития в российском обществе (Текст) : Монография / Ильин В.А.. – Уфа : Вагант, 2007. – 312 с.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. - М. : Прогресс, 1996 – 344 с.
8. Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status // J. of Personality. – 1966, p.551-558.

Становление супружеской идентичности у девушек в период ранней взрослости

Лысюк Л.Г., Голиков В.В.

Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, Брест Белоруссия

alysiuk@list.ru, psy.golikov@yandex.ru

В рамках периодизации психосоциального развития Э. Эриксона, одной из ключевых задач молодости (18-30 лет) является формирование близких отношений с противоположным полом. Суть этой стадии заключается в способности слить воедино собственную идентичность с идентичностью другого человека без опасения потерять нечто в себе. Развитие близких отношений, согласно Эриксону, зависит от уровня

сформированности общей эго-идентичности. Ряд исследований 1967-68 гг. показал, что глубина и характер отношений подростка со сверстниками обоего пола действительно взаимосвязаны с уровнем развития идентичности [3]. Исходя из этих данных, можно предположить, что и готовность к созданию семьи будет определяться степенью зрелости общей эго-идентичности будущих супругов.

Вместе с тем известно, что общая эго-идентичность складывается из частных подвидов идентичности (профессиональной, религиозной, политической, гендерной и др.). Супружеская идентичность, которая составляет основу развития близких отношений, теоретически также является одной из составляющих личностной идентичности. Однако в отличие от других подвидов идентичности супружеская идентичность и характер ее взаимосвязи с общей эго-идентичностью остается практически неизученной. В этой связи целью представленного исследования было выяснение особенностей становления супружеской идентичности у незамужних девушек и ее взаимосвязи с общей эго-идентичностью.

Супружеская идентичность, рассматриваемая в контексте теории эго-идентичности, определяется нами как внутренняя организация смыслов, ценностей, потребностей и ролей, посредством которых индивид осознает себя как супруга и реализует свой супружеский образ в подготовке себя к браку и в браке.

Изучение супружеской идентичности осуществлялось с помощью полуструктурированного интервью, разработанного Дж. Марсиа, и адаптированного С.А. Татарко [2]. Для исследования общей эго-идентичности была использована методика Дж. Марсиа «Незавершенные предложения», стандартизированная В.Р. Орестовой [1].

В исследовании приняло участие 64 девушки, которые были объединены в две возрастные группы: 20 – 25 лет (32 девушки) и 26 - 30 лет (32 девушки).

Анализ полученных данных показал, что в исследуемой выборке представлены разные типы супружеской идентичности. Чаще всего девушки демонстрируют *предрешенную идентичность* (39,1% выборки). 37,5 % респонденток всей выборки демонстрируют *диффузную идентичность*. 20,3% респонденток находятся в *статусе моратория*. Статус достигнутой идентичности был обнаружен у 3,1%

Статистический анализ представленности статусов идентичности в двух возрастных группах показал отсутствие значимых возрастных отличий между девушками 20-25 лет и 26-30 лет ($\chi^2=5,837$; $n = 2$, $p>0,05$). Вместе с тем сопоставительный анализ представленности каждого типа идентичности в двух возрастных группах обнаружил, что у девушек в возрасте 20-25 лет статистически значимо чаще встречается предрешенная идентичность ($\chi^2=6,731$; $n = 1$, $p <0,01$), а девушки в возрасте 26-30 лет чаще демонстрируют статус моратория ($\chi^2=4,73$; $n = 1$, $p <0,05$). Для выяснения факторов, влияющих на становление супружеской идентичности, были проанализированы: 1) возраст, в котором девушки начали задумываться о себе как будущей жене; 2) обстоятельства, побудившие их к этому; 3) источники, в которых они искали элементы содержания супружеской идентичности. Согласно полученным данным, незамужние девушки начинают серьезно задумываться о себе как о будущей жене в возрасте около 22 лет. При этом девушки 20-25 лет полагают, что начали осмысливать образ жены в возрасте около 19 лет, а девушки 26-30 лет в среднем около 25 лет. Все ответы об обстоятельствах, побудивших к размышлениям над собственным образом жены, были объединены в шесть категорий. К категории «*Влияние значимых людей*» относятся ответы, в которых девушки указали на прямое или косвенное влияние значимых для них людей. На этот фактор влияния указали 32,8% респонденток. Вторая категория «*Опыт травматических отношений с противоположным полом*» состоит из указаний на случаи собственного травматического опыта: эти причины назвали 25% девушек. В категорию «*Реальные отношения*» (указали 15,6% девушек) входят ответы, указывающие на причины, обусловленные наличием самого факта отношений и необходимостью некоего дальнейшего развития отношений с партнером, к которому девушки испытывают сильные чувства. К категории «*Взаимодействие с психологом*» были отнесены ответы 15,6% девушек, указавших на то, что прямым или косвенным катализатором начала поисков супружеской идентичности явилась информация, полученная от психолога. В категорию «*Самостоятельная жизнь*» включены ответы 9,4% девушек, связанные с отделением от родителей, переездом на новое место жительства и началом самостоятельной, независимой с материальной точки зрения жизни. Статистический анализ показал отсутствие значимых возрастных отличий ($\chi^2=4,224$; $n=3$; $p>0,05$) в

указании на причины, вызывающие поиск супружеской идентичности. Однако опыт травматических отношений является причиной зависящей от возраста респонденток ($\chi^2 = 4,947$; $n=1$; $p < 0,05$). Все ответы, касающиеся источников информации для поиска собственной супружеской идентичности, были объединены в шесть групп.

Полученные данные показывают, что основным источником содержания образа жены для большинства респонденток является специальная литература (46,9%). Вторым по значимости источником можно считать отношения родителей (29,7%) и успешных супружеских пар (26,6%). Третье место занимают тренинги и образовательные курсы, а также мнение подруг (18,8% и 18,2%). Сравнение двух возрастных групп с помощью критерия Хи-квадрат не выявило возрастных различий. Вместе с тем сопоставление значимости источников поиска собственной супружеской идентичности со статусами показало, что девушки, находящиеся в статусах диффузной и предрешенной идентичности наиболее часто указывают на родительскую семью (73,5%), специальную литературу (38,8%) и успешные отношения (30,6%). Для девушек же в статусах мораторий и достигнутая идентичность наиболее значимыми источниками супружеской идентичности являются тренинги и курсы (60%), специальная литература и примеры успешных отношений (по 53,3%).

Исследование общей эго-идентичности показало, что около трети девушек имеют средний уровень общей эго-идентичности, а две трети – высокий, однако количественные показатели тяготеют, скорее, к нижнему диапазону этого уровня, что свидетельствует о становлении идентичности. Сопоставление общей эго-идентичности и супружеской идентичности с использованием коэффициента взаимной сопряженности Чупрова показало, что между ними существует положительная взаимосвязь, однако она является очень слабой ($K=0,11$). Также очень слабыми оказались взаимосвязи между общей и супружеской идентичностью у девушек, продемонстрировавших диффузную и предрешенную идентичность ($K=0,12$), равно как и у девушек в статусах мораторий и достигнутая идентичность ($K=0,22$).

Таким образом, уровень развития общей идентичности фактически не связан с уровнем развития супружеской идентичностью. Эти факты могут быть объяснены тем, что супружеская идентичность развивается относительно независимо от общей

идентичности, и соответственно высокий уровень развития идентичности не гарантирует развитие образа себя как супруги. Эти данные со всей определенностью указывают на необходимость проведения специальной консультационно-профилактической работы, направленной на развитие зрелой супружеской идентичности.

Список литературы

1. Орестова, В.Р. Формирование личностной идентичности в подростковом и юношеском возрасте: дис. канд. псих. наук: 19.00.13 / В.Р. Орестова - Москва, 2001. - 207 л.
2. Татарко, С.А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии / С.А. Татарко // Психологическая диагностика. – 2009. - №1. - С.1-39.
3. Orlofsky, J.L., Marcia, J.E., Lesser, I.M. Ego identity status and intimacy versus isolation crisis of young adulthood // Journal of Personality and Social psychology. – 1973. - №27, p.2. P. 211-219.

Представления молодежи об идеальном партнере на разных этапах семейных отношений

Маленова А.Ю.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

malyonova@mail.ru

Проблема создания семьи в целом, и выбора супруга(и) в частности, не теряет своей актуальности в любые времена. Однако особенности развития общества на том или ином этапе вносит свои коррективы в данный процесс, определяя критерии и влияя, в конечном счете, на его результат. Особый интерес в данном случае представляет обсуждение требований, предъявляемых к партнеру современной молодежью, которые не могут не отличаться от прежних, свойственных старшему поколению,

осуществляющему аналогичный выбор в иных социально-экономических и политических условиях. Кроме того, сама сфера брачно-семейных отношений претерпела значительные трансформации, неминуемо меняя облик семьи, формируя ее новые особенности, отличные от закрепленных в многовековой истории этого института. Одной из черт современного супружества является упразднение полоролевой дифференциации обязанностей, внедрение эгалитарной модели организации семейной жизнедеятельности. В связи с этим, логично предположить, что традиционное представление о маскулинных и феминных паттернах поведения, закрепленных за партнером определенного пола, теряет свои приоритетные позиции, уступая андрогинным чертам супругов, как наиболее релевантным новым условиям.

Вместе с тем, эмансипация от «устаревших» представлений о мужчинах и женщинах, демократизация и эгалитаризация отношений, в том числе семейных, не исключает того, что это может быть признак лишь первоначального этапа их формирования. Переоценка значимости традиционной модели семьи, предполагающей иерархичность отношений, четкое закрепление зон ответственности, ценность родительства и родства, актуализируется появлением у семьи новых задач. Прежде всего, это может быть обусловлено переходом от «супружеских» отношений к «детско-родительским» в связи с появлением ребенка и, как следствие, изменением функционально-ролевой структуры семьи. Полагаем также, что переход от «добрачного» этапа к «супружескому» также может влиять на требования, предъявляемые к партнеру и интимно-личным отношениям.

Таким образом, мы планировали выявить различия между молодыми людьми, находящимися на разных этапах семейных отношений – добрачном, супружеском и родительском. Все эти стадии, так или иначе, выделяются в периодизациях семейной жизни, критериями которых могут выступать возраст супругов, стаж отношений, отсутствие / наличие детей, круг решаемых задач, типы нормативных стрессоров и пр.

Суть добрачного периода достаточно точно передается в терминах, используемых авторами в разное время, для его наименования - «ухаживание» (Дж. Хейли, 1986), «добрачное общение» (Г. Навайтис, 1999), «вовлечение» (Э. Дювалль, 1977), «страстная влюбленность» (В.И. Зацепин, 1984), «выбор партнера» (В.В. Юстицкис, Э.Г.

Эйдмиллер, 1989), «добрачная пара» (С.А. Седракян, 2011). Согласно моделям выбора брачного партнера, одним из важных «фильтров» выступает сходство брачно-семейных установок и ценностей (А. Кергкофф, Р. Дэвис, 1962; Дж. Удри, 1974), а также оценка комплементарности удовлетворения значимых потребностей (Б. Мюрстейн, 1976). Именно преодоление этого «фильтра» партнером позволяет рассматривать его как наиболее привлекательный вариант в контексте будущих супружеских отношений, в том числе через их функционально-ролевую структуру. Следующий этап – «зарождения семьи» (Э.К. Васильева, 1981), «принятия и развития новых ролей» (Э. Дювалль, 1977), «молодого супружества» (Fanta, 1972), «совсем молодых браков» (В.А. Сысенко, 1981), прежде всего, предполагает адаптацию супругов к условиям семейной жизни и друг другу, в том числе формирование реальной ролевой системы, за счет соотношения и уточнения ролевых ожиданий и притязаний. В свою очередь, появление детей как очередной нормативный кризис (В. Сатир, 1992), содействует перестройке семейной системы за счет перераспределения зон ответственности, формирования и реализации новых ролевых установок, возникших благодаря изменению потребностей молодых родителей, с одной стороны, и появлению особой семейной ситуации для их удовлетворения, с другой.

Таким образом, главной целью нашего исследования стало изучение брачных установок молодежи на разных этапах семейных отношений, гипотетически отличающих молодых людей между собой. Для проверки данного предположения мы, совместно с К.В. Королевой, организовали достаточно масштабное сравнительное исследование. Согласно нашему замыслу, его характер предполагал участие нескольких целевых групп молодежи, критериями включения в которые выступали возраст, пол и семейный статус. Общая выборка составила 270 человек от 20 до 30 лет, разделенных на три группы (90 в каждой, по 45 мужского и женского пола): юноши и девушки, не состоящие в браке, молодые супруги без детей (стаж брака до 5 лет) и супруги с детьми дошкольного возраста. В нашем случае ключевыми критериями выступают наличие или отсутствие брачных отношений, а также детей в них, через которые мы и будем рассматривать особенности брачных установок современной молодежи.

Программа исследования была довольно обширна, что соответствовало решению поставленных задач:

1. Изучить представления молодежи об идеальном партнере на разных этапах семейных отношений;
2. Выявить семейные ценности, ролевые ожидания и притязания у молодых мужчин и женщин на разных этапах семейных отношений;
3. Исследовать семейные установки молодежи в зависимости от этапа жизнедеятельности семьи;
4. Определить психологический пол молодых людей и установить его связь с семейными установками, ролевыми ожиданиями и притязаниями, представлениями об идеальном супруге на разных этапах семейных отношений.

Решение каждой задачи предполагало использование соответствующего методического инструментария. Для определения специфики установок на самого партнера (в нашем случае – идеального) была использована методика личностного семантического дифференциала О.Л. Кустовой, позволяющая оценить его по следующим критериям: сила личности; внешняя привлекательность; эмоциональность; социальный статус; зависимость; эмпатия; современность; феминность; маскулинность; андрогинность [6]. Для изучения семейных ценностей и ролевых установок был использован опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой, позволяющий оценить значимость таких сфер отношений, как сексуальная, хозяйственно-бытовая, воспитательная, психотерапевтическая, социальной активности, внешней привлекательности и идентификации с партнером [3]. Для более целостного представления об установках личности в инструментарий был включен опросник «Измерение установок в супружеской паре» Ю.Е. Алешиной, И.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской [1], ориентированный на замер показателей мужчин и женщин относительно отношения к людям в целом, детям, деньгам, долгу, совместной деятельности, любви, разводу, сексу, устройству семьи. Определение психологического пола личности осуществлялось с помощью классической методики С. Бем [2].

В рамках данной работы мы остановимся на обсуждении закономерностей, обнаруженных при решении первой задачи, а именно – изучении представлений

молодежи об идеальном партнере на разных этапах семейных отношений (с остальными результатами можно ознакомиться в рамках других наших публикаций [4; 5]). Обработка данных сравнительного исследования осуществлялась с помощью программ вычисления MS Excel, SPSS, основные математические методы – первичная описательная статистика (средние значения и стандартные отклонения), U-критерий Манна-Уитни.

Начнем с того, что методика личностного семантического дифференциала О.Л. Кустовой, применяемая нами для решения первой задачи, построена на базе прилагательных и некоторых описательных утверждений, обозначающих черты личности, характера и поведения (всего 40 биполярных и 5 униполярных шкал), благодаря которым, заданные образы, в конечном итоге, оцениваются по 10 факторам [6], указанным ранее. Инструментарий особенно эффективен при изучении специфики гендерных взаимоотношений, в том числе через сопоставление оценок партнера реального и идеального, позволяя тем самым, изучать, как особенности восприятия значимого другого, так и самого себя.

Поскольку в нашем случае была задействована группа молодых людей, не имеющих собственные семьи, на ней могли быть изучены только особенности представлений о будущем партнере. Это внесло некоторые коррективы при обследовании двух других групп – сопоставление оценок всех участников исследования было возможно только при сравнении оценок образа идеального партнера. Кроме этого, предложение оценить партнера реального, на наш взгляд, могло бы внести некоторую негативную окраску, способную повлиять на результаты всего исследования, предполагающего заполнение нескольких достаточно объемных опросников. В связи с этими условиями, мы в качестве фактора, мотивирующего потенциальных участников, указывали, что изучаем представления о браке и семье современной молодежи (без конкретизации их реальных супружеских отношений). Одновременно с этим, мы полагаем, что достаточно абстрактные и обобщенные инструкции при изучении брачно-семейных установок и ценностей, все же содействовали проекции на реальную семейную ситуацию, через которую и давалась оценка предлагаемым утверждениям. Таким образом, есть основания предполагать, что за исследованием установок в области

семьи и брака, лежат реальные ролевые и поведенческий паттерны, реализуемые партнерами непосредственно в этих отношениях.

Итак, данный этап исследования брачно-семейных установок, предположительно отличающихся у молодых людей с разным семейным статусом, был направлен на изучение представлений мужчин и женщин о качествах идеального партнера, отражающих систему требований к современным супругам. Установлено, что независимо от этапа семейных отношений мужчины высоко оценивают супругу, обладающую качествами «Сила личности» и «Современность», а женщины, также указывая «Современность», отдают предпочтение качеству «Маскулинность» (по этим шкалам не было обнаружено статистически достоверных различий). Таким образом, образ современного супруга, независимо от его пола, скорее имеет маскулинные черты, видимо позволяющие решать задачи, стоящие перед современной семьей, на более высоком уровне. В то же время, предпосылкой подобной тенденции может выступать актуальная для современного социума эгалитарная модель семейных отношений, предполагающая равенство партнеров. Поскольку это, прежде всего, предполагает бесконфликтное распределение ответственности и ее реализацию во всех сферах, в том числе материальной, скорее от женщин будут требоваться «мужские» черты, чем от мужчин – женские.

Вместе с тем, были обнаружены особенности, отличающие людей, имеющих разный семейный статус. Так, мужчины и женщины, состоящие в браке, в целом дают более низкие оценки своему идеальному партнеру. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что вступая в брак и начиная жить со своим избранником, партнер, возможно впервые, сталкиваются с противоречием: несоответствие образа супруга(и) до брака и после. Более близкое знакомство с человеком, адаптация к его привычкам, ценностям, чертам личности, в том числе сопровождается новой и не всегда приятной информацией. Поскольку каждый имеет недостатки, это не является фатальным для супружества, если, конечно, эти особенности попадают в зону «индивидуальной нормы». Однако, при совместном проживании, становится все сложнее поддерживать первоначальный «идеальный» образ, который, вместе с тем, становятся ближе к реальности.

На мужской выборке больше всего различий было обнаружено между неженатыми и женатыми людьми: они коснулись таких шкал, как «Внешняя привлекательность» ($U=133,0$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональность» ($U=86,50$ при $p \leq 0,01$), «Социальный статус» ($U=93,50$ при $p \leq 0,01$), «Зависимость» ($U=148,50$ при $p \leq 0,01$), «Эмпатия» ($U=759,50$ при $p \leq 0,05$), «Феминность» ($U=562,0$ при $p \leq 0,01$), «Маскулинность» ($U=253,00$ при $p \leq 0,01$), «Андрогинность» ($U=317,0$ при $p \leq 0,01$). Общая тенденция такова: неженатые мужчины по всем указанным параметрам предъявляют более высокие требования к идеалу (см.: Таблицу 1).

Таблица 1

Особенности представлений молодых мужчин об идеальной супруге на разных этапах семейных отношений (ср. значения, %)

№	Шкалы (качества)	Мужчины		
		неженатые	женатые	женатые с детьми
1.	Сила личности	73 ($\pm 17,3$)	71 ($\pm 9,7$)	70 ($\pm 25,5$)
2.	Привлекательность	83 ($\pm 21,2$)	54 ($\pm 10,9$)	79 ($\pm 26,5$)
3.	Эмоциональность	55 ($\pm 14,6$)	26 ($\pm 8,2$)	40 ($\pm 15,8$)
4.	Социальный статус	69 ($\pm 17,2$)	36 ($\pm 6,9$)	63 ($\pm 22,3$)
5.	Зависимость	52 (± 14)	30 ($\pm 7,3$)	50 ($\pm 19,7$)
6.	Эмпатия	68 (± 13)	63 ($\pm 10,6$)	65 ($\pm 21,7$)
7.	Современность	75 ($\pm 14,8$)	70 ($\pm 12,8$)	69 ($\pm 23,5$)
8.	Феминность	67 ($\pm 10,9$)	59 ($\pm 8,8$)	61 (± 20)
9.	Маскулинность	71 ($\pm 13,6$)	53 ($\pm 10,3$)	63 ($\pm 20,6$)
10.	Андрогинность	74 ($\pm 14,9$)	62 (± 8)	69 ($\pm 23,3$)

В целом, подтверждается идея о том, что наиболее привлекательной в качестве будущей супруги является женщина, имеющая высокие показатели андрогинности, то есть у которой присутствуют и ярко выраженные феминные (красивая, чувственная,

эмотивная, сопереживающая, покорная), и маскулинные (активная, уверенная, целеустремленная достигающая) черты. Собственно, на этапе формирования семьи, большинство параметров, за исключением таких, как «сила личности», «эмпатия», «современность», резко «снижают» свои показатели. Возможно, осознав невозможность, да и отсутствие необходимости, отношений с Идеальной женщиной, мужчины понижают свои притязания и вступают в брак с более «земным» партнером, может быть менее привлекательным, по сравнению с идеалом, но в то же время более эмоционально устойчивым и автономным. С другой стороны, женившись, мужчины могут изменить и представление об идеале, приблизив его к образу собственной жены и сделав его, тем самым более реалистичным. Однако, динамика идеала на этом не закачивается: с появлением детей мы вновь обнаруживаем картину за редким исключением, сходную с тем, как оценивалась идеальная супруга мужчинами на добрачном этапе отношений (различия обнаружены только по шкале «Эмоциональность» $U=475,50$ при $p \leq 0,01$, ценность с которым с возрастом снижается, тогда как по шкале «Эмпатия» результаты не имеют различий). Это подтверждается и при сравнении женатых мужчин с детьми и без них: обнаружены различия по шкалам «Внешняя привлекательность» ($U=312,50$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональность» ($U=446,0$ при $p \leq 0,01$), «Социальный статус» ($U=277,00$ при $p \leq 0,01$), «Зависимость» ($U=352,50$ при $p \leq 0,01$), «Феминность» ($U=720,50$ при $p \leq 0,01$), «Маскулинность» ($U=533,50$ при $p \leq 0,01$), «Андрогинность» ($U=519,0$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, мужчины с детьми дают идеальной супруге более высокие баллы по 8 из 10 шкал (с подтверждением различий по 7 из них), чем супруги без детей. Без лонгитюдного исследования трудно утверждать о том, что это именно динамика представлений, и установление этого в дальнейшем, на наш взгляд, выступает интересной исследовательской перспективой, однако можно все же выдвинуть некоторые гипотезы относительно обнаруженной закономерности. Например, появление новых ролей – матери и отца, заставляет пересмотреть прежние ориентиры, которые могут, как «возвысить» собственную супругу до идеала, так и, наоборот, содействовать более критическому взгляду на нее через выдвижение более высоких требований. Подобная двойственность может быть также обусловлена не только ролевой трансформацией отношений, но и их длительностью: если они устраивают партнера, то

их ценность и значимость в связи с этим супруги, повышается, если напротив муж и отец устал от них, то появляется усиленный образ, идеализированной женщины, которую хотелось бы видеть рядом вместо супруги. Но и в этом случае, наши предположения весьма умозрительны, поскольку мы не изучали представление о партнере реальном и не имеем возможности сопоставить в действительности эта два образа, сформированные в сознании мужчин.

Что касается женской выборки, то на ней были получены результаты аналогичные по характеру данным мужчин: за редким исключением «пик» идеала приходится на предбрачный период отношений, при вступлении в брак показатели значительно уменьшаются, чтобы затем повыситься с появлением в семье детей (см.: Таблицу 2).

Таблица 2

Особенности представлений молодых женщин об идеальном супруге
на разных этапах семейных отношений (ср. значения, %)

№	Шкалы (качества)	Женщины		
		незамужние	замужние	замужние с детьми
1.	Сила личности	87 (±8,5)	69 (±9,98)	82 (±18,60)
2.	Привлекательность	84 (±8,4)	64 (±7,64)	81 (±17,87)
3.	Эмоциональность	52 (±9,9)	23 (±6,46)	49 (±15,46)
4.	Социальный статус	82 (±10,9)	43 (±7,37)	78 (±18,77)
5.	Зависимость	39 (±14,4)	18 (±7,13)	48 (±17,44)
6.	Эмпатия	66 (±11)	52 (±10,15)	70 (±17,93)
7.	Современность	83 (±10,4)	80 (±11,32)	77 (±18,38)
8.	Феминность	68 (±11,8)	40 (±7,24)	74 (±33,96)
9.	Маскулинность	80 (±10,5)	78 (±11,04)	77 (±18,42)
10.	Андрогинность	76 (±8,9)	63 (±8,94)	74 (±16,44)

Таким образом, предположения, выдвинутые нами ранее на мужской выборке, уместны и в этом случае – динамика функционально-ролевой структуры отношений способна оказывать влияние и на образ партнера, в том числе идеального. Поэтому остановимся на анализе типично женских требований к супругу, которые, очевидно, должны отличаться от мнения мужчин.

Сравнивая незамужних и замужних женщин, различия были обнаружены по таким шкалам как «Сила личности» ($U=163,00$ при $p \leq 0,01$) «Внешняя привлекательность» ($U=78,00$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональность» ($U=30,50$ при $p \leq 0,01$), «Социальный статус» ($U=00,00$ при $p \leq 0,01$), «Зависимость» ($U=213,00$ при $p \leq 0,01$), «Эмпатия» ($U=328,50$ при $p \leq 0,01$), «Феминность» ($U=157,00$ при $p \leq 0,01$), «Андрогинность» ($U=260,50$ при $p \leq 0,01$). Девушки ставят более высокие баллы предполагаемому партнеру, что позволяет описать идеального супруга как сильную и привлекательную личность, с высоким социальным статусом, скорее независимую и в меру эмоциональную, при этом скорее андрогинного типа с ярко выраженной тенденцией к маскулинности. В свою очередь, замужество «меняет» идеал супруга, который, скорее не обязан проявлять «силу» характера и иметь яркую внешность, даже может не иметь высокий доход и статус, однако все же должен быть независим и весьма эмоционально устойчив. Предпочтение, таким образом, в большей степени отдается маскулинным чертам, тогда как «женское» поведение супруга не поощряется. И если на данном этапе партнер не имеет реальных достижений, то это в идеале и не требуется, но при этом сохраняется его оценка, как способного к ним, достаточно перспективного и амбициозного. Кардинальным образом картина меняется с появлением детей – от мужчины одновременно требуется усиление и маскулинных, и феминных черт, о чем свидетельствуют различия по шкалам «Сила личности» ($U=326,00$ при $p \leq 0,01$), «Внешняя привлекательность» ($U=174,00$ при $p \leq 0,01$), «Эмоциональность» ($U=174,50$ при $p \leq 0,01$), «Социальный статус» ($U=102,50$ при $p \leq 0,01$), «Зависимость» ($U=146,00$ при $p \leq 0,01$), «Эмпатия» ($U=260,0$ при $p \leq 0,01$), «Феминность» ($U=150,00$ при $p \leq 0,01$), «Андрогинность» ($U=325,50$ при $p \leq 0,01$). Особый интерес, в данном случае, представляет фактор «Зависимость»: было установлено, что только он один существенно отличает незамужних девушек и замужних женщин с детьми ($U=680,00$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, несмотря на требования «мужского» поведения с элементами

«андрогинного типа», все же, независимость мужчины, по мнению женщины, более уместна на этапах привлечения партнера и формирования отношений с ним, тогда как с появлением детей автономное поведение воспринимается скорее как конфликтное.

Таким образом, особенности отношений на разных этапах, а также появление детей, дают своеобразную проекцию на образ идеального партнера, который, очевидно, не может не сопоставляться с реальным супругом(ой), что, в свою очередь, способно влиять на качество брачно-семейных отношений. Общую картину дополняют также результаты гендерного характера, позволяющие сопоставить оценки молодых мужчин и женщин на каждом этапе семейных отношений, что представляет особую ценности при организации психологической работы с конкретными парами (см.: Таблицу 3).

Таблица 3

Гендерные особенности представлений об идеальном партнере
на разных этапах семейных отношений (ср. значения, %)

Шкалы (качества)	Добрачный этап		Супружеский этап		Родительский этап	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Сила личности	73(±17,3)	87(±8,5)	71(±9,7)	69(±9,98)	70(±25,5)	82(±18,60)
Привлекательность	83(±21,2)	84(±8,4)	54(±10,9)	64(±7,64)	79(±26,5)	81(±17,87)
Эмоциональность	55(±14,6)	52(±9,9)	26(±8,2)	23(±6,46)	40(±15,8)	49(±15,46)
Социальный статус	69(±17,2)	82(±10,9)	36(±6,9)	43(±7,37)	63(±22,3)	78(±18,77)
Зависимость	52(±14)	39(±14,4)	30(±7,3)	18(±7,13)	50(±19,7)	48(±17,44)
Эмпатия	68(±13)	66(±11)	63(±10,6)	52(±10,15)	65(±21,7)	70(±17,93)
Современность	75(±14,8)	83(±10,4)	70(±12,8)	80(±11,32)	69(±23,5)	77(±18,38)
Феминность	67(±10,9)	68(±11,8)	59(±8,8)	40(±7,24)	61(±20)	74(±33,96)
Маскулинность	71(±13,6)	80(±10,5)	53(±10,3)	78(±11,04)	63(±20,6)	77(±18,42)
Андрогинность	74(±14,9)	76(±8,9)	62(±8)	63(±8,94)	69(±23,3)	74(±16,44)

Интересно, что до брака, девушки и юноши, в целом скорее наделяют будущего супруга(у) похожими чертами, независящими от пола: современный, внешне привлекательный, личностно сильный человек, в меру эмоциональный и эмпатичный, с преобладанием черт андрогинного типа (высокий уровень развития и маскулинных, и феминных качеств) с тенденцией к маскулинности. Одновременно с этим, девушки ожидают от партнера более современных (и, видимо, менее традиционных) взглядов на отношения ($U=672,50$ при $p \leq 0,01$), однако, при сохранении маскулинности ($U=611,50$ при $p \leq 0,01$), силы его личности ($U=471,10$ при $p \leq 0,01$) и статуса ($U=527,50$ при $p \leq 0,01$). В свою очередь, юноши, в целом, ориентируясь на равноправие в отношениях, все же считают себя доминирующими в них, полагая, что женщины чаще должны демонстрировать свою зависимость от мужчин ($U=561,50$ при $p \leq 0,01$). Последнее относится и к мнению мужчин женатых, требующих от женщин еще большей зависимости ($U=256,00$ при $p \leq 0,01$). В целом, именно на этой группе – молодые супруги, не имеющие детей, были обнаружены самые многочисленные различия в оценках идеального партнера между мужчинами и женщинами. Помимо уже указанной черты «зависимость», в идеале, жена должна быть более эмоциональна ($U=742,00$ при $p \leq 0,05$), эмпатийна ($U=434,00$ при $p \leq 0,01$) и, в целом, более женственна ($U=108,00$ при $p \leq 0,01$). Тогда, как молодые жены, хотят видеть рядом с собой в меру привлекательного ($U=412,50$ при $p \leq 0,01$) и современного ($U=482,50$ при $p \leq 0,01$) мужчину маскулинного типа ($U=70,00$ при $p \leq 0,01$), достаточно честолюбивого для достижения поставленных целей ($U=460,50$ при $p \leq 0,01$). С появлением детей, женщины чаще, в отличие от мужчин, ожидают проявления силы в поведении супруга ($U=739,50$ при $p \leq 0,05$), реальных социальных достижений, закрепленных соответствующим статусом ($U=555,00$ при $p \leq 0,01$), истинной мужественности ($U=556,00$ при $p \leq 0,01$), но, как ни парадоксально, и одновременного проявления феминных черт ($U=761,50$ при $p \leq 0,05$), в частности, способности к глубоким эмоциональным переживаниям ($U=614,50$ при $p \leq 0,01$). Разрешение обнаруженного противоречия, на наш взгляд, возможно при разведении внутри- и внесемейной активности супруга: например, его ориентация на маскулинный образец в профессиональной сфере при концентрации на феминном в области супружеских и детско-родительских отношений. Следует также отметить, что именно на

женской выборке была установлена закономерность, отличающая ее от обследуемых мужчин и независимая от этапа супружеских отношений: в идеале партнер всегда должен иметь уровень маскулинности и социальный статус выше, чем у супруги.

Подводя общий итог результатов этой части нашего исследования, можно выделить ряд тенденций, позволяющих описать портрет идеального партнера с учетом возраста и этапа семейных отношений. С одной стороны, данные подтверждают, что для современной молодежи традиционная патриархальная модель семьи и, как следствие, качества партнера, ее обеспечивающие, утрачивают свои приоритетные позиции. Большую популярность приобретает эгалитарная структура отношений, предполагающая равноправие партнеров, и, соответственно, отдающая предпочтение личности андрогинного типа с тенденцией к маскулинному, независимо от пола супруга. С другой стороны, подтверждается, что такое представление о взаимозаменяемости партнеров, ориентированных не только и не столько на внутри-, но и на внесемейную самореализацию, более свойственно молодежи на добрачном периоде, предшествующем формированию реальных семейных отношений. Тогда как при их появлении вновь обнаруживаются «отголоски» патриархальных взглядов – попытки удержать женщину в семье, обращаясь к эволюционной целесообразности ее поведения, направленного на усиление черт, необходимых для вынашивания и выращивания потомства, поддержания эмоционально благоприятного климата в семье, и, собственно, самореализации в ее пределах. Несмотря на то, что женщины на этом этапе в принципе проявляют готовность к независимости мужчин, признанию их ответственности за социальное, экономическое благополучие семьи, они уже не хотят и не могут «довольствоваться» исключительно феминными образцами поведения, составляя достойную конкуренцию мужчинам в области социальной активности до момента появления детей. На наш взгляд, примером этого является популярность, так называемых, «бикарьерных семей», в которых супруги преимущественно ориентированы на самореализацию вне семьи, «откладывая» решение задач, стоящих перед семьей как социальным институтом, на будущее. Этому также способствует отказ от семейных отношений в принципе (осознанное «холостячество» или «одиначество»), а также увеличение возрастных границ вступления в брак. Другими словами, маскулинные образцы поведения наиболее целесообразны для мужчин и

женщин, либо «не обремененных» семьей, либо уже ее имеющих, но пока без детей (видимо и семью сейчас «заводить» целесообразно попозже, когда остро встает вопрос о необходимости продолжения рода). В свою очередь, решение задач репродукции и первичной социализации подрастающего поколения, ненадолго «удерживает» феминность женщин, актуализируя «возвращение» к собственному развитию, в том числе профессиональному, через несколько лет после появления ребенка. Помощи в этом они ожидают от мужчин, которые должны, одновременно сохраняя социальные позиции и достижения, усиливать свою роль и в семейных отношениях, повышая собственную эмоциональную компетентность в общении с супругой и детьми. Интересным в данном случае является то, что женщины рассчитывают на развитие феминных черт у мужчин в большей степени, чем сами мужчины ожидают проявления женственности от супруги.

Таким образом, изменения коснулись не только реальных личностных особенностей современных мужчин и женщин, но и гендерных идеалов. Следствием эмансипации представителей обоих полов, как стремления освободиться от навязываемой и не устраивающей роли, можно считать модифицированные типы идеальных супругов. Локализация проявлений черт последних, независимо от их пола, четко определена: маскулинные черты более целесообразны за пределами семьи (работа, карьера, социальные достижения, доход), феминные – внутри нее (эмотивная, коммуникативная, воспитательная функции). Результаты нашего исследования, в том числе показывают, что возвращение к «эволюционным истокам» полоролевого поведения в настоящее время является временным явлением, срок которого определен границами решения репродуктивных задач (на физическом и духовном уровнях), требующих перераспределения зон ответственности супругов, в том числе, с учетом их биологического пола.

Список литературы

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. МГУ, 2009.- 120 с.

2. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003 - 544 с.
3. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. – 2-е изд., – М. : Академия, 2007. – 432 с.
4. Маленова А.Ю., Королева К.В. Психологический пол личности и его взаимосвязь с брачно-семейными установками на разных этапах семейных отношений // Вестник ОмГУ. Серия Психология. №1, 2015. С. 67-78.
5. Маленова А.Ю. Брачно-семейные установки молодежи на разных этапах семейных отношений: тенденции и перспективы // Психология отношений в постнеклассической парадигме: сб. ст. участников II Международной научно-практической конференции «Психология отношений в постнеклассической парадигме» (1–7 июня 2015 г.). / Филиал КузГТУ в г. Белово. – Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, Россия; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико-Тырново, Болгария, 2015. С. 69-77.
6. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. — СПб.: Питер, 2003. — 479 с.

Особенности психологической готовности к браку у девушек из неполных семей

Мошкович О.С. Гольменко А.Д.

Педагогический институт Иркутского государственного университета,

г. Иркутск, Россия

osm91@bk.ru; a.golmenko@mail.ru

В современных условиях расслоения общества семья как динамическое образование претерпевает определенные изменения, отражающиеся, прежде всего, на структуре и характере супружеских отношений. Возникают нарушения во внутрисемейном общении, учащаются кризисы семьи, растет неудовлетворенность

браком, изменяется стиль взаимодействия между родителями и детьми, что обусловлено психологической неготовностью к браку.

Анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме психологической готовности к браку показал, что в современном обществе происходит переосмысление отцовства. Различные научные школы (А.И. Захаров; Р.Скиннер, Д.Клииз и др.), приходят к похожим выводам: отец влияет на психическое развитие ребенка, способствуя формированию идентичности сына и дочери, их эмоциональному благополучию, когнитивному развитию [3],[8]. Отец является таким же важным и необходимым для ребенка человеком, как и мать.

В литературе можно выделить два подхода к определению сущности понятия – готовность к браку и семейной жизни. Представители первого подхода Б.М. Борлакова; Н.М.Галимова; Е.И.Зритнева; О.Ф.Ковалева; С.М.Питилин и др. настаивают на определении готовности молодых людей к семейной жизни до их вступления в брак, что является педагогически целесообразным [1],[2],[4],[5],[6]. Представители второго подхода (П.А. Решетов) ориентируются только по установлению конечного результата – успешности брака, гармонии межличностных отношений в семье, правильному воспитанию детей, но при таком подходе сложность заключается в отсутствии возможности оценить результаты подготовки, т.к. они отодвинуты во времени [7].

Теоретическое изучение проблемы и анализ практического опыта позволил сформулировать гипотезу, согласно которой можно предположить, что существуют психологические особенности готовности к браку у девушек из полных и неполных семей. Мы исходили из следующих допущений: что готовность к браку у девушек из неполных семей проявляется эмоциональной зрелостью, высоким интеллектуальным развитием, определенной жесткостью, мужественностью, недоверчивостью, подозрительностью. Девушки склонны к личной автономии, не считают родительство главной ценностью, и им характерно стремление к рождению ребенка вне брака, т.к. у них сформировано специфическое понимание роли отца.

Нами было проведено исследование, направленное на выявление особенностей психологической готовности к браку у девушек из полных и неполных семей. В

исследовании приняли участие 110 студенток иркутских вузов. В возрасте от 17 до 23 лет, 49 из которых воспитывались в неполных семьях, 61 – в полных.

Диагностика личностных особенностей девушек из полных и неполных семей осуществлялась с помощью методики 16PF Кеттелла, которая позволила определить ряд особенностей характера девушек. При помощи Висбаденского опросника к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии рассматривали сферу их межличностных, в первую очередь, семейных отношений. Представления девушек о значимости в семейной жизни родительских обязанностей, моральной и эмоциональной поддержки; представление девушек о желаемом распределении ролей позволил определить опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке».

В ходе исследования при помощи методики 16 PF было выявлено на уровне средних значений факторов, что у девушек, воспитывающихся в полных семьях, лучше выражены такие качества как: чувствительность, импульсивность, энтузиазм, эмоциональность. Они недостаточно самостоятельны, зависимые, доверчивые, женственные, нежные и им присуща высокая групповая зависимость. Девушки из неполных семей демонстрируют более высокий интеллект. Они эмоционально устойчивы, трезво оценивают действительность, активные, зрелые, независимые, агрессивные, упрямые. Как правило, они осторожные, серьезные, молчаливые. Им присуща сдержанность, застенчивость, предпочитают иметь 1-2 близких друзей. Девушки из неполных семей более мужественные, ответственные, сильные, не терпят бессмысленности. Отсутствие отца приводит к чувству вины, тревожности, депрессивности.

При помощи Висбаденского опросника к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии было выявлено на уровне средних баллов, что при вступлении в брак девушкам из полных семей присущи следующие особенности: дружелюбие, неспособность отказать. Они упорядоченно распределяют время, ищут общения, стремятся к близости с другими людьми, привязанности к ним. Семья, для них – целостная структура, а отношения между супругами – терпимые, открытые, внимательные. Девушкам из неполных семей при вступлении в брак характерны такие особенности, как недоверчивость, подозрительность, неуверенность. Отсутствие отца

приводит к отвержению, холодности, бесчувственности, равнодушию. Кроме того, они стремятся решать проблемы при помощи активной деятельности, углубления в учебу, работу, им характерно одиночество. Отношение к матери у них менее теплое, а к отцу – холодное, индифферентное, отверженное. Семью воспринимают как отчужденную, а отношение родителей к окружающему миру скорее замкнутым и нетерпимым.

По результатам опросника «Ролевые ожидания и притязания в браке» мы выявили на уровне средней оценки по шкале, что для девушек из полных семей характерна общность интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения от своих супругов. Они придают большое значение роли матери и отца, считают родительство основной ценностью, концентрирующей вокруг себя жизнь семьи. Для девушек важна не только собственная внешняя привлекательность, но и привлекательность партнера. Девушки из неполных семей стремятся к большей личной автономии. Они не считают родительство главной ценностью, брак, по их мнению, не способствует психологической разрядке и стабилизации.

В ходе контент-анализа мы выявили, что, девушки из полных семей считают, что отец должен принимать активное участие в воспитании девочки, которое заключается в помощи с учебой, чувстве защищенности и спокойствия. Благодаря отцу, девушки приобрели такие качества как: доброта, умение постоять за себя, уверенность в себе, целеустремленность, ответственность, умение общаться с противоположным полом. Для них отец является эталоном будущего мужа, эталоном мужественности. Своего избранника девушки хотели бы видеть любящим семью, добрым, похожим на отца, верным, защитником семьи, мужественным, надежным. Отношения между супругами должны быть доверительными, гармоничными, искренними. Идеальный брак для девушек из полных семей заключается в совместном отдыхе, это брак по любви.

Девушки из неполных семей своего будущего избранника для создания семьи видят добрым, верным, заботливым, любящим, мужественным. Некоторые девушки отметили, что не хотят замуж. Отношения между супругами должны быть доверительными, дружескими, свободными, равноправными, основанными на любви. Идеальный брак для девушек из неполных семей – это крепкая дружная семья, брак без обязательств. Некоторые девушки отметили под идеальным браком – отношение мужа как к дочери,

считают, что супруги должны быть, прежде всего, друзьями. Они предпочитают родить для себя и хотят жить одной.

В результате выполненного нами научного исследования выявлено, что при сравнении готовности девушек к браку из полных и неполных семей существуют значимые особенности. Так, у девушек из неполных семей выражена эмоциональная зрелость, высокое интеллектуальное развитие, определенная жесткость, мужественность, недоверчивость, подозрительность. Девушки склонны к личной автономии, не считают родительство главной ценностью, и им характерно стремление к рождению ребенка вне брака, т.к. у них сформировано специфическое понимание роли отца. Выявленные особенности позволили нам выйти на разработку программы по формированию женственности, мягкости, большей эмоциональности, доверия к окружающим. Также необходима коррекция жесткости, тревожности, агрессивности. Девушкам из неполных семей необходимо осознать, что семья способствует психологической разрядке и партнеры должны идентифицировать себя друг с другом (гендерная идентичность).

Список литературы

1. Борлакова, Б.М. Формирование у старшеклассников потребности в создании семьи и воспитании детей: автореф. дис. канд. пед. наук / Борлакова Б.М. – Карачаевск, 1999.
2. Галимова, Н.М. Подготовка умственно отсталых старшеклассников к будущей семейной жизни: дис. канд. пед. наук. – М., 2000.
3. Захаров, А.И. Предпосылки патогенетически обоснованной семейной психотерапии детей с невротическими расстройствами//Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях.— Л., 1978. - С. 75 – 86.
4. Зритнева, Е.И. Формирование готовности старшеклассников к браку и семейной жизни: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.01. Ставрополь, 2000.
5. Ковалева, О.Ф. К вопросу о готовности студенческой молодежи к семейной жизни и родительству: Материалы третьей Международной конференции «Психологические проблемы современной семьи», в 2-х частях. Часть 1. Под общей ред. канд. псих. наук Лидерса А.Г., М., 2007.

6. Питилин, С.М. Формирование готовности студентов к созданию семьи: дис. канд. пед. наук: 13.00.08. Астрахань, 2005.
7. Решетов, П.А. Педагогические условия совершенствования подготовки студентов вузов к семейной жизни: дис. канд. пед. наук: 13.00.08. Москва, 2004.
8. Скиннер, Р., Клииз, Д. Семья и как в ней уцелеть/ Перев. с англ. Н.М. Падалко. - М.: Независимая фирма "Класс", 1995.

Психологическая готовность юношей к браку

Музыченко А.В., Каленик Е.В

БГПУ, г. Минск, Беларусь

Ключевые слова: готовность к браку, составляющие психологической готовности к браку, ранняя и поздняя юность

Проблема изучения психологической готовности к браку представляет интерес как феномен, интегрирующий в себе задачи возрастного и личностного развития, социализации и воспитания молодежи, отражающий особенности социальной ситуации развития нового поколения в конкретных культурно-исторических условиях. При множественности контекстов, задающих содержательную наполненность психологической готовности к браку, родовым понятием выступает психологическая готовность личности. Появившись в экспериментальной психологии, понятие было перенесено в сферу педагогических и социально-психологических исследований. В отличие от установки психологическая готовность предполагает развитие субъекта деятельности и ориентировочной основы той деятельности, формирование готовности к которой рассматривается. Как личностное образование характеризуется иерархичностью и координируемостью, которые обеспечивают вариативность поведения личности, относительное свободное полагание себя в ситуациях межличностного взаимодействия.

Вступление в брак (с греческого как производное от глагола брать) предполагает принятие человеком обязательств перед собой, другим и обществом. Психологическая готовность к браку как личностное новообразование связано с такими психологическими новообразованиями, как готовность к самоопределению: жизненному и профессиональному. Нерешенность задач развития каждого возрастного периода создает кумулятивный эффект и препятствует решению задач следующих возрастных периодов. В зависимости от потребностей, которые осознанно или неосознанно стремится удовлетворить человек, желая вступить в брак, от целей и вкладываемого смысла, содержательные аспекты брака могут смещаться в акцентах: на сексуальные отношения, ценность социального статуса и круга общения, родительство, хобби и образ жизни и т.п.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что молодые люди принимают решение о вступлении в брак необдуманно, не осознавая принимаемой на себя ответственности, не научившись эффективно обращаться с партнером. Подтверждением тому является статистика разводов. Современные тенденции технократизации, демократизации, эмансипации, индивидуализации и др. вносят изменение отношения молодежи к роли семьи и брака в жизни человека. Возникает больше сомнений: вступать ли в брак, создавать ли семью? Часто они предпочитают решать вначале свои профессиональные проблемы, откладывая семейную жизнь на «потом». Возможно, при тенденции инфантилизации и недостаточной личностной и социальной зрелости, так интуитивно продлевается период взросления. Как альтернатива традиционному браку появились новые формы отношений и виды браков (гостевой брак, «гражданский» брак, брак на время и т.д.). Трансформировалась и сама семья как социальный институт. Изменилась иерархия функций, которые выполняет семья и каждый ее член, на первый план вышли психологическая и воспитательная, обеспечивающие гармонию семейных взаимоотношений.

В современных исследованиях наиболее раскрыта проблема изучения готовности к браку среди девушек. У девушек более традиционное представление о браке, о семье, и чтобы уловить тенденции социокультурных изменений по данной проблеме, целесообразным явилось изучение именно юношей. Цель исследования состояла в том,

чтобы охарактеризовать психологическую готовность к браку у юношей. Объектом исследования выступила психологическая готовность к браку, предметом – особенности психологической готовности к браку в ранней и поздней юности. Гипотеза состояла в том, что существуют значимые различия в уровне и особенностях развития структурных компонентов психологической готовности к браку у молодых людей в ранней и поздней юности. Методологической основой исследования выступили: положения о социокультурной детерминации развития личности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), концепция отношений (В.Н. Мясищев), концепции подготовки молодежи к браку (Ю.Е. Алешина, И.В. Гребенников [1], И.М. Желдак, В.И. Зацепин, А.Н. Сизанов [2], В.А. Слостенин и др.).

Эмпирической базой исследования являлся «Минский государственный колледж электроники». В исследовании в 2013 году приняли учащиеся 1 и 3 курсов колледжа, в количестве 80 человек. Обращая внимание на современную тенденцию возросших нравственно-психологических требований супругов друг к другу, акцент сделан на ценностно-ориентационную и эмоциональную составляющую готовности к браку. Испытуемым были предложены методики «Ценностные ориентации» (М. Рокич), «Диагностика уровня эмпатийных способностей» (В.В. Бойко), «Исследование семейных установок» (А.Н. Сизанов). Обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью методов описательной статистики, корреляционного анализа Спирмена, критерия Манна-Уитни.

И.Ю. Зудилина [3] рассматривает психологическую готовность к браку как интегральную характеристику, объединяющую психологические мотивы, знания, умения, навыки и качества личности, которые обеспечивают построение отношений супругов в браке и выражены в когнитивном, мотивационном, операциональном, эмоциональном и поведенческом компонентах. Поэтому в программе подготовки студентов к брачным отношениям она ставит следующие задачи: формирование системы знаний и представлений о предназначении семьи и брака, их функционировании, роли в человеческом общении и жизни каждой отдельной личности, мотивов, направленных на создание и сохранение брака; формирование системы практических умений, навыков и

качеств личности, необходимых для общения и взаимодействия с партнером; развитие самосознания студентов.

А.Н. Сизанов в более широкое понятие «готовность к семейной жизни» включает социально-нравственную, мотивационную, психологическую и педагогическую готовность, а также, сексуальную.

Несмотря на разнообразие позиций о составляющих психологической готовности к браку, ряд исследователей (Т.В. Андреева, И.В. Гребенников, В.А. Сысенко) приходят к согласию относительно ступеней этой готовности: физическая зрелость, социальная зрелость, этико-психологическая готовность к браку. Эта логика развития психологической готовности является общей закономерностью возрастного развития – от кризиса пубертатного периода до становления нравственного сознания в юности и требовательного поиска родственной души. После переживания изменений физического Я, достижения определенного статуса в системе межличностных отношений сверстников и старших, обнаружив временную перспективу будущего и интерес к мировоззренческим вопросам, юноша решает задачи самоопределения. Поэтому в комплекс психодиагностических методик были отобраны те, которые позволяют выявить приоритеты в терминальных и инструментальных ценностях, установки на брак и семейную жизнь, а также развитость эмоциональной сферы через проявление эмпатийных способностей. Уровень эмпатийных способностей выше, как правило, у девушек. Однако при различиях в параметрах структуры эмпатии юношей и девушек, эмпатийная способность является необходимой во взаимопонимании.

Анализируя результаты эмпирического исследования, следует отметить, что в ранней и поздней юности выявлен средний общий уровень развития эмпатии. Однако, у первокурсников колледжа по сравнению с третьекурсниками статистически значимо отличаются показатели эмоциональной эмпатии ($U=465$ при $p=0,001$), интуитивной ($U=594,5$ при $p=0,043$) и общего ее уровня ($U=517$ при $p=0,06$). Возможно, в этот возрастной период динамично изменяются гендерные характеристики личности, эмоциональная юношеская дружба уступает задачам профессиональных достижений. При этом из всех показателей структуры эмпатийной способности у юношей преобладает рациональный канал эмпатии, проникающая способность как

коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Если в ранней юности преобладает интуитивный канал эмпатии, то в поздней – формируются установки, способствующие или препятствующие эмпатии. Развитость идентификации в ранней и поздней юности у учащихся колледжа находится на среднем уровне.

При ранжировании ценностей юношами одно из первых мест заняла ценность «здоровье», как первокурсников, так и третьекурсников (среднее значение 4,125 и 4,7 соответственно), что составляет современную тенденцию ценностных ориентаций молодежи, и, возможно, эта ценностная ориентация усиливает свою значимость в условиях обучения в одной группе с ровесниками-инвалидами, что имело место при исследовании. Далее следуют ценности «наличие хороших и верных друзей» (5,025 и 5,475), «любовь» (7,075 и 6,45), «интересная работа» (6,925 и 7,7), «материально обеспеченная жизнь» (8,05 и 7,7).

Менее всего учащиеся колледжа, особенно первокурсники, ценят в жизни «творчество» (среднее значение 13,474, у учащихся третьего курса – 12,35). Также к мало значимым относятся отвлеченная ценность «красота природы и искусства» (12,375 и 12,075), «счастье других» (11 и 13,725), что отражает как снижение общего уровня художественно-эстетического развития и просоциальной направленности, так и специфику профиля профессиональной подготовки.

По уровню значимости ценность «счастливая семейная жизнь» для парней в поздней юности значительно превосходят показатели в ранней юности (среднее значение 7,7 и 11,075 соответственно).

В иерархии среди терминальных ценностей промежуточное положение заняли ценности «активная деятельная жизнь», свобода», «жизненная мудрость», «уверенность в себе», «познание», «общественное признание», «развитие», «удовольствия», «продуктивная жизнь».

Из инструментальных ценностей в ранней юности более значимой оказалась «воспитанность» (среднее значение 5,175), а в поздней юности – «жизнерадостность» (среднее значение 4,974) как предпочтительные в любой жизненной ситуации. Далее

следуют: «аккуратность» (6,275 и 6,225 соответственно ранней и поздней юности), «независимость» (6,9 и 6,575).

Менее всего в ранней юности учащиеся склонны ценить «честность» (13,2, в поздней юности – 10,8), «эффективность в делах» (12,825, в поздней юности – 12,05). Это связано с тем, что они еще не начали свою профессиональную карьеру, и не считают эту сферу жизни значимой для себя в настоящее время; больше погружены в учебную деятельность. Интересно, что следующим по уровню отвержения является такая ценность как «твердая воля» (среднее значение 12,625 и 10,85). Возможно, специфика профессиональной подготовки и ситуация в обществе не задает таких ориентиров. Что подтверждается незначимостью ценности «непримиримость к недостаткам в себе и других» (11,875 и 12), Отказываясь от непримиримости в отношениях, юноши все же далеки от понимания важности «терпимости» (12,9 и 11,675), «широты взглядов» (12,125 и 11,4), «чуткости» (11,55 и 11,325), что необходимо в выстраивании супружеских взаимоотношений.

Промежуточное положение в иерархии инструментальных ценностей заняли «высокие запросы», «исполнительность», «ответственность», «образованность», «смелость в отстаивании своего мнения», «рационализм», «самоконтроль».

С помощью методики «Исследование семейных установок» выявлялись следующие аспекты психологической готовности к браку: отношение к людям (позитивность); альтернатива между чувством долга и удовольствием; отношение к детям (значение детей в жизни для человека); ориентация на преимущественно совместную или преимущественно раздельную деятельность; отношение к разводу; отношение к любви романтического типа; оценка значения сексуальной сферы в семейной жизни; отношение к «запретности секса», «представление о запретности сексуальной темы»; отношение к патриархальному или эгалитарному устройству семьи (ориентация на традиционные представления); отношение к деньгам (легкость трат или бережливость).

В структуре семейных установок можно отметить выраженный интерес к теме развода. В ранней юности отношение к разводу более лояльное, чем в поздней юности (средние значения шкал 1,98 и 2,54 соответственно). Наименьший интерес в ранней юности вызвали вопросы о значении сексуальной сферы в семейной жизни (1,74), в

поздней юности на последнем месте оказалась установка по отношению к людям (2,20), однако по сравнению с ранней юностью (1,78) у них более позитивное, оптимистическое представление о людях в целом.

В поздней юности более выражена ориентация на долг, по сравнению с ориентацией на удовольствие в ранней юности. В поздней юности более выражены установки на любовь романтического типа (в среднем 2,4 и 1,8 соответственно).

Сексуальная тема не является запретной как в ранней юности, так и в поздней (в среднем 1,8 и 2,38 соответственно). В поздней юности более традиционные представления об устройстве семьи (среднее значение 2,38), чем в ранней юности (1,78), учащиеся колледжа склоняются скорее к ее эгалитарному устройству. В поздней юности более бережное отношение к деньгам, чем в ранней юности.

Обращаясь к описательной статистике, можно увидеть, что наибольший разброс в ранней юности имеют установки по отношению к любви романтического типа (диапазон от 0,50 до 3,70), что говорит о большом разнообразии мнений по этому вопросу, поэтому нельзя с достаточной уверенностью заключить о значимости данного показателя в семейной жизни. Наименьший разброс имеют установки по отношению к людям (диапазон от 0,50 до 2,50).

В поздней юности наибольший разброс имеют показатели значения сексуальной сферы в семейной жизни (диапазон от 1,50 до 3,70), что также говорит о большом количестве отличающихся мнений и затрудняет сделать однозначный вывод о значимости данного вопроса в семейной жизни. Наименьший разброс имеют установки по отношению к людям, как и в ранней юности (диапазон от 2,00 до 3,00).

Статистически доказана значимость различий по всем шкалам семейных установок (с использованием U-критерия Манна-Уитни, при $p \leq 0,001$), что свидетельствует о целесообразности выделения в юношеском возрасте двух периодов: ранняя и поздняя юность. Так, с возрастом меняются ценности, установки молодых людей. К периоду поздней юности накапливается моральный и жизненный опыт, изменяется социальное положение – необходимые для создания семьи. Процесс формирования системы ценностных ориентаций стимулируется значительным расширением общения, столкновением с многообразием форм поведения, взглядов, идеалов.

Полученные данные в общей логике возрастного развития согласуются с выводами С.В. Жолудевой [4], исследовавшей психологическую готовность к браку на разных этапах периода взрослости и влияние опыта совместного проживания на развитие компонентов психологической готовности к браку. Она в заключении отмечает, что «в поздней юности (17-21 год) только начинают дифференцироваться понятие брака, образ брачного партнера и себя как будущего мужа (жены). Этот возраст характеризуется смешанными установками, что касается вопросов брака, построения отношений с партнером (распределение ролей, главенства и т.д.) и воспитания детей. Нет четкой доминирующей мотивации к заключению брака. Партнер рассматривается, прежде всего, как партнер для общения. Молодость (21-40 лет) характеризуется высоким уровнем психологической готовности к браку. В этот период формируются представления о супружеских отношениях, о партнере не только для общения, но и для построения семьи. Большое внимание уделяется отношениям между супругами и их эмоционально-психотерапевтическим связям. Доминирующей мотивацией является мотивация на определенного человека. Этот период можно охарактеризовать как лояльный по отношению к партнеру, т.к. партнер для общения превращается в партнера для брака и с ним строятся брачные отношения». Вместе с тем, С.В. Жолудева указывает на не линейность повышения уровня психологической готовности к браку, а качественное ее своеобразие в возрастных тенденциях.

Для того, чтобы проанализировать особенности структуры психологической готовности юношей колледжа, выявлялись взаимосвязи ее компонентов с помощью метода ранговой корреляции.

В ранней юности выявлена положительная корреляционная связь между переменными «рациональная эмпатия» и «общественное признание» ($r=0,515$, при $p \leq 0,01$), это отражает особенности завоевания уважения окружающих. Связь между общественным признанием и исполнительностью ($r=0,413$, при $p \leq 0,01$) объясняется тем, что в ранней юности уважением и общественным признанием пользуется те юноши, которые более дисциплинированы, исполнительны. Отрицательная корреляционная связь наблюдается между переменными удовольствие и самоконтроль ($r=-0,432$, при $p \leq 0,01$). Юноши, предпочитаемые приятное, необременительное времяпрепровождение,

привыкшие ни в чем себе не отказывать, не умеют в достаточной степени вовремя остановиться, они характеризуются несдержанностью и низким уровнем развития самодисциплины.

Рассматривая положительную связь между позитивным отношением к людям и альтернативой между чувством долга и удовольствием ($r=0,706$, при $p \leq 0,01$) можно сказать, что в ранней юности, молодые люди, позитивно воспринимающие окружающих более ориентированы на долг, чем на удовольствие. Альтернатива между чувством долга и удовольствием положительно связана и с отношением к детям. У них уже сформировано представление о том, что находясь в браке, существуют обязательства перед семьей, перед детьми и это важнее, чем приятное, необременительное времяпрепровождение, без всяких обязательств. Положительная корреляционная связь между отношением к детям и отношением к разводу ($r=0,654$, при $p \leq 0,01$) характеризуется тем, что если дети имеют большое значение в установках юноши, тогда он будет менее лояльно относиться к разводам, считая, что ребенку будет гораздо лучше расти в полной семье.

Отношение к любви романтического типа и ценность «любовь» имеет отрицательную корреляцию ($r=-0,422$, при $p \leq 0,01$), а отношение к любви романтического типа и значения сексуальной сферы в семейной жизни – положительную корреляцию ($r=0,708$, при $p \leq 0,01$), что отражает конфликт духовного и чувственного. Это может быть связано с тем, что в ранней юности романтические отношения не всегда являются показателем любви, скорее это теплые, трепетные отношения к партнеру, в данном возрасте юношам достаточно трудно признаться в своих чувствах.

Отрицательная связь между наличием хороших и верных друзей и продуктивной жизнью ($r=-0,447$, при $p \leq 0,01$) объясняется тем, что дружба является важнейшим видом эмоциональной привязанности и межличностных отношений юношеского возраста. Общение со сверстниками выходит на передний план, а остальные жизненные ценности остаются позади, поэтому в данном возрасте дружба может препятствовать максимально полному использованию своих возможностей, сил и способностей в построении карьеры.

Рассматривая корреляционные связи между компонентами психологической готовности к браку в поздней юности, можно отметить следующее. Отрицательные корреляционные связи переменной «отношение к деньгам» с такими переменными как «свобода» и «независимость» ($r=-0,541$, $r=-0,481$, при $p\leq 0,01$ соответственно) объясняются тем, что в поздней юности молодые люди становятся более независимыми, самостоятельными. Они способны действовать решительно, их суждения и поступки независимы от кого-либо, они не привыкли следить за бюджетом, бережно относиться к деньгам. В поздней юности большинство молодых людей уже имеют работу, у них нет финансовой зависимости от родителей, поэтому они считают возможным легко тратить деньги.

В поздней юности установлена положительная связь между ценностями «активная деятельная жизнь» и «жизненная мудрость» ($r=0,416$, при $p\leq 0,01$). Юноши, живущие полной эмоционально-насыщенной жизнью, более зрелы в своих суждениях, т.к. они разносторонне развиты, у них накоплен богатый жизненный опыт. Ценности «счастливая семейная жизнь» и «непримиримость к недостаткам в себе и других» имеют отрицательную корреляцию ($r=-0,410$, при $p\leq 0,01$). В семейной жизни большое значение имеет умение подстроиться под своего партнера, принимать его недостатки, без этого семейная жизнь превратится в постоянные упреки, претензии друг к другу. В поздней юности молодые люди отмечают, что семейная жизнь не будет счастливой, если в ней присутствует непримиримость к недостаткам партнера по жизни.

Инструментальные ценности «жизнерадостность» и «самоконтроль» имеют отрицательную корреляцию ($r=-0,543$, при $p\leq 0,01$), тогда как «высокие запросы» и «непримиримость к недостаткам в себе и других» – положительную ($r=0,472$, при $p\leq 0,01$), что характеризует учащихся колледжа в поздней юности как сформировавшихся личностей с своими приоритетами и значительным максимализмом. Однако, определенный конфликт отборе и поиске инструментальных ценностей отражают отрицательные корреляции «жизнерадостности» и «эффективности» ($r=-0,406$, при $p\leq 0,01$), «исполнительности» и «честности» ($r=-0,567$, при $p\leq 0,01$), «исполнительности» и «твердой воли» ($r=-0,470$, при $p\leq 0,01$), «аккуратности» и «рационализма» ($r=-0,482$,

при $p \leq 0,01$). Самоопределение в инструментальных ценностях возможно обусловлено спецификой их будущей профессии (типа «человек–техника»).

На повышение осознанности и ответственности брачных отношений указывает слабая взаимосвязь установки отношения к детям и ценности «образованность» ($r=0,332$, при $p \leq 0,05$), отношения к деньгам и ценности «аккуратность» ($r=0,341$, при $p \leq 0,05$), ценностей «активная деятельная жизнь» и «счастливая семейная жизнь» ($r=-0,353$, при $p \leq 0,05$) и др.

Таким образом, проведенное исследование психологической готовности юношей к браку на примере учащихся колледжа электроники позволило охарактеризовать ее особенности в ранней и поздней юности. К периоду поздней юности у парней снижается эмоциональность, интуитивность в понимании другого человека, приобретают устойчивость установки к семье и браку, в структуре превалирует рациональный канал эмпатии при общем среднем уровне развития эмпатийных способностей.

При планировании и разработке программ подготовки молодых людей к браку, результаты данного исследования помогут правильно расставить акценты в просвещении, учитывая юношеский возраст и социально-экономическую ситуацию. Интерес к теме развода выступает преобладающий в совокупности установок к семье и браку, вероятно, как напряженная проблема многих семей и показатель неготовности к браку, неверного самоопределения. В поздней юности увеличивается количество традиционных установок к семье и браку, что демонстрирует необходимую социализацию и податливость возраста к закреплению стереотипов восприятия будущего брачного партнера и семейных ценностей. Следовательно, период юности особенно значим для реализации психолого-педагогических программ подготовки к браку и семейной жизни, которые необходимо разрабатывать с учетом психологических особенностей готовности к браку в ранней и поздней юности. Содержательный анализ разнообразных программ данной проблематики, позволил наметить перспективу дальнейшего исследования. Значимым является выявление стрессоров в ситуации накопления опыта межличностных отношений с представителями противоположного пола, поиск конструктивных путей разрешения конфликтов, планирование задач саморазвития. Построение личной жизненной перспективы, по аналогии с

профессиональной, может задавать примерку готовности к браку и выявлять ориентировку в информационной основе необходимых компетенций. Вместе с тем, видится необходимым предостережение от «программирования» супружеской и семейной жизни, сохраняя ценность непосредственности и открытости, искренности и терпимости во взаимодействии. Принятие ценностей самоактуализации личности является общим ориентиром построения такой программы.

Список литературы

1. Гребенников, И.В. Основы семейной жизни: учебное пособие для педагогических институтов / И.В. Гребенников. – М.: Просвещение, 1991. – 156 с.
2. Сизанов, А.Н. Здоровье и семья: психологический портрет / А.Н. Сизанов. – Беларусь, 2008. – 325с.
3. Жолудева, С.В. Психологическая готовность к браку на разных этапах периода взрослости: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / С.В. Жолудева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 21 с.
4. Зудилина, И. Ю. Формирование психологической готовности студентов к брачным отношениям : Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / И.Ю. Зудилина. – Самарский государственный педагогический университет, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uchebana5.ru/cont/2983033-pall.html>. – Дата доступа: 28.08.2015.

Проявление тенденций копинг-поведения в образе семьи юношей и девушек

Плотникова В.Ю.

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

viktori19-89@yandex.ru

Аннотация. Окружающая среда является достаточно агрессивной средой для молодого поколения. Социум требует от юношей и девушек не только успешного

существования, но способности подпитывать свою успешность. Все это является достаточно стрессогенным фактором жизни. Поэтому жизненно необходимо вырабатывать конструктивное копинг-поведение. Данная статья посвящена исследованию образа семьи и копинг-поведению как части межличностных взаимоотношений.

Ключевые слова: семья, образ семьи, межпоколенная связь, копинг-поведение.

Семья – это малая социальная группа общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т. е. на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство (Шнейдер, 2003). По нашему мнению, семья это не только малая социальная группа, объединенная родством, но и динамический живой организм, который функционирует согласно специфическим законам. Здоровье и благополучие семейного организма зависит от многих факторов, в частности от тенденции копинг поведения.

В ситуации создания семьи молодыми людьми происходит столкновение двух воспитательных семейных систем, мировоззренческих картин и способов совладения со стрессовыми ситуациями. Чаще всего в сложной жизненной ситуации индивиды склонны выбирать копинг-стратегии, характерные для родительской и прародительской семей. Не секрет, что молодое поколение, начиная с младенчества, усваивает модели поведения родителей, в силу возраста ребенок, а в будущем семьянин не может критически оценивать правильность или неправильность поведения родителей. Корректировку деструктивных семейных сценариев в дальнейшем осуществляет социум.

То, каким образом каждая личность реагирует на стрессовые ситуации и справляется с жизненными трудностями, в частности, с трудностями в семье, зависит от семейных примеров копинг-поведения. Не последнюю роль в этом процессе играет межпоколенная связь. Она является сложным феноменом, который активно изучается психологами. То, насколько члены семьи близки друг другу, детерминирует их коллективную стрессоустойчивость. Другими словами, стрессовая ситуация может их

разобщать и делать уязвимыми или сплачивать и делать жизнестойкими. Неоспоримым фактом является то, что с одной стороны, связь между поколениями необходима для нормального функционирования и развития общества. С другой стороны, прогрессивное развитие общества невозможно без отказа или замены «старого» на «новое» (Введение в практическую социальную психологию, 1999).

Касаясь вопроса образа семьи в юношеском возрасте, следует отметить, что ближайшее окружение оказывает сильное развивающее и модифицирующее воздействие на развитие образа семьи в юношеском возрасте. Н.А. Круглова считает, что семья является той средой, в которой ребенок в первые годы жизни осознанно или неосознанно вовлекается в семейные взаимоотношения и идентифицирует наиболее приемлемые для себя сценарии поведения. В семье ребенок усваивает нормы и правила поведения, получая вербальные или невербальные оценки своих действий. Представление об особенностях семейных взаимоотношений связано с формирующимся образом семьи. Сначала образ семьи определяется теми признаками идеальной семьи, которые транслируются ребенку посредством детских рассказов и сказок, мультфильмов, слов и реакций взрослых, затем уже с возрастом на первый план выходят рефлексивные процессы. Собственные семейные взаимоотношения могут соответствовать образу идеальной семьи, а могут и противоречить, но до подросткового, а впоследствии и юношеского возраста, ребенок этого не осознает, считая свою семью идеальной. По мере взросления ребенок начинает осознавать особенности отношений в своей семье и их соотношение с тем образом идеальной семьи, который был бы предпочтительнее (Круглова, 2006). Под воздействием группы сверстников и социума идеальный образ семьи шлифуется и оформляется.

В процессе семейной жизни человек сталкивается со многими стрессами и совпадающее поведение играет очень большую роль. Копинг поведение – форма поведения, проявляющаяся в готовности индивида решать жизненные проблемы. Представляет собой поведение, направленное на приспособление к обстоятельствам (Психологический словарь, 1990). В системе факторов совладающего поведения особо выделяется сфера отношений личности. Близкие отношения в процессе копинга обеспечивают субъекту рефлексивную почву и возможности для конструктивного

саморегулирования, т.е., выбора копинг-стратегий. Особая ценность близких взаимоотношений заключается их включенном влиянии на психическое развитие личности и на развитие системы копинг поведения.

Принимая во внимание тот факт, что детско-родительские отношения являются условиями становления и развития системы совладающего поведения детей, логично предположить, что совладающее поведение родителей представляет собой модель поведения, которая воспринимается не критически. Идентификация является основным механизмом, лежащим в основе, приобретения социального опыта. В процессе передачи и усвоения опыта совладающего поведения участвуют все типы идентификации. Пути передачи родительских копинг стратегий через механизм идентификации различны:

1. Может возникнуть ситуация в которой родитель отождествляя себя с ребенком, воспринимает его трудности как свои собственные и сам совладевает с ними, демонстрируя ребенку образцы копинга; Иной путь представляется в том случае, если родитель отождествляет ребенка с собой, приписывая ему собственные черты и фиксирует внимание ребенка на своих действиях и предлагает ему использовать те же самые стратегии копинга.

2. Наиболее конструктивным путем, по нашему мнению, является тот, когда родитель, желая понять переживания ребенка, «ставит себя на его место», предлагает свою помощь, опираясь при этом на собственный опыт совладания (Сапоровская, 2012).

Д. Боумбрин, изучая родительский контроль и эмоциональное принятие, пришел к выводу о том, что:

- 1) наличие в родительском отношении контроля, требовательности к социальной зрелости и эмоционального принятия способствует формированию у ребенка стремления к исследованию, а не избеганию фрустрационных ситуаций;
- 2) более контролирующее и требовательное, но менее теплое отношение родителей способствует формированию у ребенка стремления избегать

трудных ситуации;

- 3) неприятие ребенка и неспособность к контролю детского поведения в силу эмоциональной незрелости родителей, опосредует у ребенка реакции отказа от фрустрационных ситуаций (Сапоровская, 2012).

Особенно актуальными являются современные исследования копинга в семьях состоящих из трех поколений потому, что молодое поколение формируют и воспитывают не только родители, но и ближайшие кровные родственники. В современном обществе чаще всего молодое поколение предпочитает самостоятельное проживание и построение семейных взаимоотношений. В тех случаях, если молодая семья вынуждена жить с родителями и/или прародителями, на первый план выходит материальная зависимость и неустойчивость молодых семей. Столкновение идентификационных семейных паттернов и сценариев трех поколений провоцирует конфликты, которые стрессируют членов семьи и заставляют выявлять наиболее типичные копинг-стратегии.

Исследование Т.Л. Крюковой и М.В. Сапоровской посвященное копингу в российских семьях, в частности совладанию с изменой партнера показало, что в диадическом совладании с ситуацией измены преобладает конфликтный стиль, уход в собственные переживания и интересы. В данной ситуации больше помогает индивидуальный копинг, так как совместные усилия супругов исключаются из арсенала стратегий. Индивидуальные и групповые копинг-стратегии слабо взаимодействуют между собой у партнеров в ситуации измены. Хотя надо признать, что групповой копинг может включать в себя способность и попытку понять в стрессовой ситуации аффективный мир другого человека и это понимание разделить (Крюкова, 2014).

Что касается передачи копинг-стратегий из поколения в поколение, то в условиях эмоционального отвержения родителями ребенка, непоследовательности стиля воспитания у ребенка младшего школьного возраста формируются такие деструктивные состояния и характеристики как: тревожность, эмоциональное напряжение, нередко проявляющееся в страхах, недостаток социальной нормативности, выражающийся в негативизме.

Е.В. Куфтяк в своем исследовании показала, что дети из семей, в которых регулярно используют физические наказания как воспитательный метод, совладают с жизненными трудностями, сочетая копинг-стратегии, направленные на проявление деструктивной эмоциональной экспрессии и поиск социальной поддержки. Ситуации, когда человек начинает выстраивать собственную семью и проявлять подобные деструктивные стратегии, могут провоцировать распад взаимоотношений.

Изучая дисфункциональные семьи, Т.В. Гущина выявила особенности совладающего поведения детей разных возрастов, связанные с деструктивностью материнского отношения к ним. В условиях хронической потребности в любви и принятии, дети-дошкольники предпочитают социально неодобряемые стратегии эмоциональной разрядки, направленные на восстановление физических сил. Младшие школьники оказываются наиболее уязвимыми к стрессу и совладают только с помощью деструктивных способов копинга, опять таки предпочитая деструктивные и социально неодобряемые стратегии. В подростковом возрасте использование деструктивных копинг-стратегий приводит к формированию устойчивой системы девиантного поведения личности (Сапоровская, 2012). Вслед за Т.В. Гущиной мы можем предположить, что в юношеском возрасте при отсутствии регулярной рефлексии или продолжении фрустрирующих отношений с родителями подобные деструктивные стратегии закрепляются и неосознанно транслируются на взаимоотношения с окружающими.

Более сложным совладающее поведение родителей и детей младшего раскрывается в условно благополучных семьях. Матери в таких семьях чаще предпочитают стратегии проблемно-ориентированного копинга, положительную переоценку происходящего и социальную поддержку. Отцы, в свою очередь, выбирают различные стратегии проблемно-ориентированного копинга (планирование, самоконтроль, принятие на себя ответственности) и копинг, ориентированный на получение социальной поддержки. Как видно родители в таких семьях склонны к кооперации в процессе совладания.

Копинг-поведение может быть как конструктивным, так и деструктивным. По мнению М.В. Сапоровской, совладающее поведение может быть эффективным и конструктивным. В том случае, если человек справляется с трудной ситуацией, не растрачивая при этом весь потенциал копинг-ресурсов, проявляя стрессоустойчивость, проявляется конструктивное преодоление. Эффективным, но деструктивным копингом является ситуация, когда для совладания человеку требуются психоактивные вещества. И деструктивный копинг проявляется в тех случаях, когда человек не справляется с травмирующей ситуацией, не приобретает конструктивного опыта и находится в состоянии повышения уровня невротизации.

По нашему мнению, в вопросах семьи копинг-поведение тоже бывает конструктивным и деструктивным. Конструктивность копинг-поведения в образе семьи проявляется в стремлении к сотрудничеству, компромиссу, взаимответственности членов семьи. Деструктивность совладания может проявляться в желании переложить ответственность на другого, эгоизме, взаимных упреках.

В нашем исследовании приняли участие 212 респондентов: 130 студентов Воронежского государственного университета и 82 студента Воронежского колледжа «Номос». Возраст участников 18-20 лет. Исследование копинг-поведения в рамках образа семьи осуществлялось с помощью проективной методики (сочинение «Моя будущая семья»).

По результатам исследования (рис. 1), многие студенты колледжа показывают деструктивное копинг-поведение, а именно: 7,5% юношей и 27,7% девушек. Конструктивное копинг-поведение показали 0,9% юношей и 2,5% девушек-студентов колледжа. Среди студентов университета наблюдается похожая тенденция, большинство девушек (24,9%) и юношей (24,4%) отмечают деструктивное копинг-поведение. Конструктивное копинг-поведение отмечено у 8,9% девушек и 3,0% юношей.

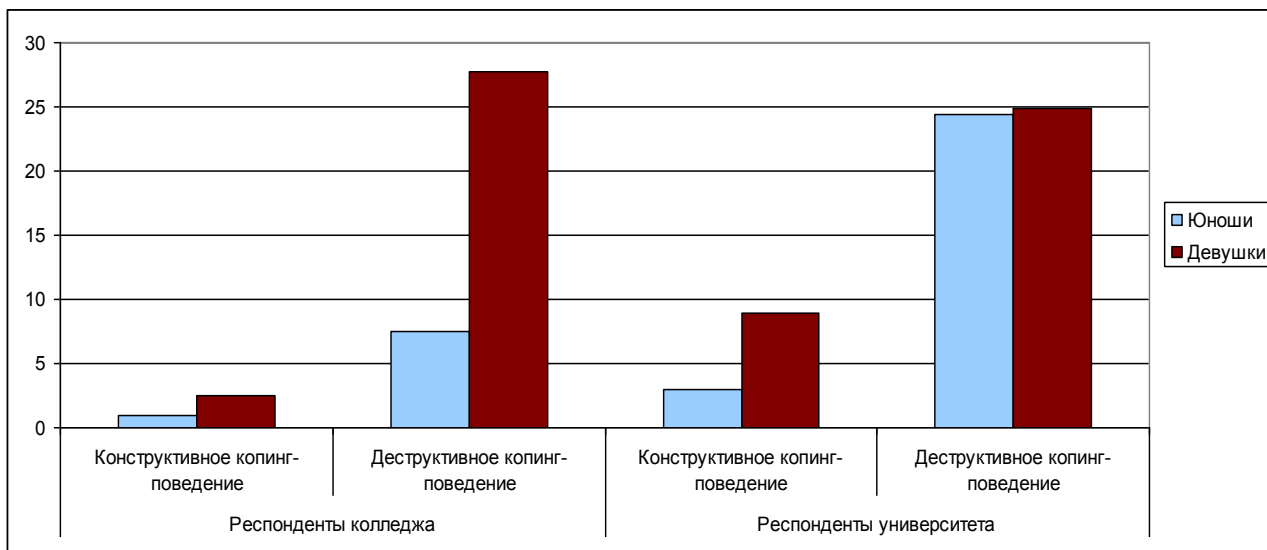

Рис. 1. Дифференцированные группы юношей и девушек – студентов университета и колледжа по сформированности копинг-поведения в образе семьи.

Согласно соотношению распространенности в группах респондентов студентов колледжа и университета, деструктивное и конструктивное копинг-поведение имеет похожие тенденции: в большей степени наблюдаются деструктивное копинг-поведение. Мы предполагаем, что такое распределение тенденций может быть связано с особенностями семейной идентификации и восприятия мира в юношеском возрасте. Следует отметить, что проведенное исследование требует уточнения, включения других методик и расширения самой выборки.

Таким образом, мы можем констатировать, что изучение копинг тенденций в образе семьи является весьма актуальным. Для молодых семей более характерны индивидуальные и разобщенные копинг-стратегии. Для молодого поколения совладающее поведение родителей и детей, как в дисфункциональных, так и условно благополучных семьях имеет общие характеристики, подтверждающие возможность межпоколенного наследования копинга в семье. Однако каждая конкретная личность не просто усваивает опыт семейной группы, но в силу индивидуальных особенностей, рефлексии, личного опыта, перерабатывает «чужой

опыт», приобретая собственный опыт совладания с трудностями в процессе «состыковки» собственных представлений и опыта окружающих людей. Следует отметить, что механизмы идентификации являются не единственным источником воспроизводства моделей совладающего поведения в семье. Наше исследование показало, что юноши и девушки в возрасте 18-20 лет склонны к проявлению деструктивного копинг-поведения. Это может быть связано с недостаточной психологической просвещенностью, избеганием рефлексии, большей доступностью проявления деструктивных копинг-стратегий в семье. В связи с этим педагогам и психологам важно обращать внимание на формирование конструктивных копинг-стратегий.

Список литературы

1. Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. – М. : Смысл, 1999. – 377 с.
2. Копинг поведение – (URL: <http://www.psyline.ru/?mod=dictionaries&id=1037>)
3. Круглова Н.А. Особенности осознания семьи у детей с девиантным поведением : диссертация кандидата психологических наук : 19.00.01 / Н.А. Круглова. – Москва, 2006. – 206 с.
4. Крюкова Т.Л. Индивидуальные и групповые тенденции совладания с трудностями в российских семьях / Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Том 20. – С. 71-77.
5. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в современной российской семье / М.В. Сапоровская. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – 430 с.
6. Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии / Л.Б. Шнейдер. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 928 с.

**Оценка значимости семьи
в построении сетевой идентичности молодыми людьми**

Мустафина В.С., Мустафин Р.Д.

Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

vsmustafina@mail.ru

Аннотация. Обсуждение результатов сравнительного анализа отдельных параметров сетевой идентичности в двух возрастных группах, выполненных на материале шкалы «Аспекты идентичности» (Дж. Чик и др.). Подтверждение гипотезы о различии значимости семьи и семейных отношений в построении сетевой идентичности у подростков и молодых людей. Выявлены возрастные отличия в показателях по шкалам идентичности для социальной и коллективной идентичности в сети.

Ключевые слова: идентичность, интернет, социальная сеть, сетевая идентичность, самопрезентация.

В последнее время опосредствованные Интернетом формы общения занимают всё большее место в современном мире.

Основу электронного общения для молодежи составляют широко распространенные на данный момент социальные сети — информационные и коммуникационные технологии, на которых строится личностное, деловое, групповое и массовое общение. В нашей стране это, прежде всего, ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Twitter, Skype, YouTube.

Распространение общения посредством социальных сетей поднимает много вопросов, к которым мы можем отнести и проблему управления процессами социальной перцепции, включая один из основных ее механизмов, а именно, массовое конструирование самопрезентаций молодежи, что является основой сетевых (виртуальных) идентичностей. Конструирование собственного образа в сети строится на

основе вербального и визуального (фотографии, видеоизображения) материала, часто с использованием аудиофайлов.

Феномен массового виртуального конструирования собственного образа, несомненно, привлек внимание значительного количества исследователей не только в области психологии, но и социологии, маркетинговых и культурологических исследований и т.д. Большая часть подобных исследований сосредоточилась на изучении соотношения виртуальной и реальной идентичности участников общения в социальных сетях, а также на изучении мотивационной составляющей в создании того или иного виртуального образа, учитывающей цели, благодаря которым и создается виртуальный образ. (Асмолов А.Г., 2007, Белинская Е.П., 2000, Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю., 2013).

Значение семьи в формировании идентичности ребенка ни у кого не вызывает сомнения, вне зависимости несколько это осознается или не осознается самим ребенком, а вот значение семьи в создании своего виртуального, в некотором смысле, искусственного образа, где все подчинено, как бы, воле самого создателя своей идентичности, остается открытым. Несомненно, сетевая идентичность всегда вторична по отношению к реальной идентичности, некоторые исследователи рассматривают ее как производную от реальной идентичности. И тогда, сама постановка вопроса о значимости семьи как бы переходит в другую плоскость, начинает рассматриваться с позиции, насколько сетевая идентичность может быть независимой от реальной идентичности, и соответственно от влияния семейного фактора. В этом случае, мы можем проследить изменения в трактовке исследовательских работ роли сетевой идентичности в виртуальном общении.

Первое на что обратили внимание исследователи феномена сетевой идентичности, это на то, что массовое стихийное конструирование в сети собственного виртуального образа привело к появлению такого явления, как наличие разнообразных, порой расходящихся с реальностью, альтернативных способов самопрезентаций. В условиях отсутствия у партнеров электронного общения привычных каналов, позволяющих классифицировать и корректировать искусственно сконструированный образ, перед участниками Интернет-общения открываются возможности сознательной манипуляции.

Для каждого участника социальных сетей открыта перспектива нацеленного выстраивания и презентации другим людям целого ряда расходящихся, несовпадающих (противоречащих один другому или совпадающих лишь частично) образов.

Согласно многочисленным отзывам участников Интернет-общения, в настоящее время, удачные манипуляции не являются редкостью, их успех зачастую связан с тем, что в новых условиях привычные способы осуществления социальной перцепции недостаточны. Изучение характера создания сетевой идентичности приобретает в данной ситуации особую значимость. Исследования этой тематики позволит лучше понять ценностные ориентации молодых людей в процессе конструирования собственной сетевой идентичности в условиях электронного общения.

В последнее время наблюдается сокращение исследований связанных с изучением сетевой идентичности как альтернативой реальной идентичности. Психологические исследования не выявили значимых результатов, подтверждающих «расщепление» или «множественность личностей» у активных пользователей Сети. Напротив, в научной литературе, посвященной этой проблеме, все больше присутствует и находит свое подтверждение гипотеза о том, что социальные сети могут рассматриваться как эффективный ресурс для выражения реальной идентичности. В 2010 году американскими и немецкими учеными было проведено экспериментальное исследование, которое подтвердило данную гипотезу. Удалось доказать, что «социальные сети транслируют различные аспекты личности, такие как ближайшее окружение, внешность, интересы, симпатии и антипатии, образы поведения, которые в целом представляют достоверную информацию о человеке, хотя отдельные положения и могут быть идеализированы» (Back M.D., Stopfer J.M., 2010). Проведенное исследование не подтвердило утверждение, что в Сети происходит конструирование альтернативной, по сути, ложной идентичности. Это, и подобные исследования (Соколов М.М., 2007; Костерина И.В., 2008; Зудилина Н.В., 2012), полностью поменяли объяснительные принципы в подходах трактовки определения «сетевая идентичность». Теперь на первый план выходит утверждение о стремлении личности к самоутверждению, к обозначению своей подлинности, как в реальной жизни, так и в пространстве компьютерных сетей. Исходя из этого вектора трактовки, все формы самопрезентации субъекта в Интернете,

будь то аватар или страница в социальной сети, теперь рассматриваются исследователями как возможность конструирования символического объекта, отражающего подлинную сущность «Я». Другими словами, в Сети человек конструирует не саму идентичность, но как бы «виртуальную оболочку» для нее, при этом она выступает как проекция реальной идентичности. Несомненно, и исследователи это понимают, человек способен задать ложные параметры такой проекции, причинами которыми он будет руководствоваться при этом, могут быть разные, однако общее настроение в исследованиях передается предельно ясно — такие качества как, анонимность и возможность примерить на себя другую социальную маску, не является привлекательными для пользователей Сети. То, что раньше обозначалась в исследовательских программах как привлекательные возможности Сети для сокрытия подлинного «Я», теперь трактуются как дополнительные возможности в конструировании образа, стремящегося отразить реальную сущность человека.

Таким образом, мы видим существенное смещение в исследовательских интерпретациях темы соотношения реальной идентичности и сетевой идентичности — от конструирования альтернативных идентичностей к конструированию символического объекта, отражающего подлинную сущность «Я». Теперь, мы можем вернуться к поставленному нами вопросу о значении семьи в построении сетевой идентичности, введя еще один важный фактор, без которого невозможно говорить о процессе формирования идентичности, речь идет о возрасте участников социальных сетей. Мы взяли в качестве испытуемых молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет и разбили их на две возрастные группы. Введение в исследование возрастного фактора не было выбрано случайно. Многие исследователи утверждают, что подростковый и ранний юношеский возраст является ключевым в приобретении чувства идентичности. К 22-24 годам молодые люди, зачастую, уже могут решать взрослые проблемы на основании сформировавшейся психосоциальной идентичности. Таким образом, выбирая в качестве испытуемых молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, мы, как бы, охватываем важный период в становлении их собственной идентичности. Целью нашей работы было выявление специфики сетевой идентичности молодежи в социальных сетях. В рамках проведенного исследования рассматривался и вопрос о значимости семьи и семейных

отношений для построения собственной презентации в сети. Одной из гипотез, проведенного исследования было предположение о том, что для испытуемых в возрасте от 15 до 17 лет значимость семьи и семейных отношений для своего самоопределения в сети будет менее значимой, нежели для старшей группы — 20-24 года. И напротив, отношения со сверстниками, принадлежность к различным социальным группам в младшей группе будет выше, чем в старшей группе. В своем предположении мы исходили из возрастных особенностей подросткового и раннего юношеского возраста, для которых общение со сверстниками является приоритетным типом деятельности. Отсюда встает вопрос, можно ли предположить, что возрастные особенности, характерные для указанного возраста, проявятся и при построении сетевой идентичности в сети. При этом нами учитывается тот факт, что пользователи Сети вольны проделывать любые эксперименты со своей идентичностью — менять внешний облик, пол, возраст, редуцировать для достижения поставленных целей невербальные проявления. Возможности экспериментирования, по сути, могут быть ограничены лишь способностью конструирования как можно более достоверной сетевой идентичности, способностью перевоплощения и желанием поддерживать альтернативную вымышленную социальную маску. Нам представляется важным еще один взгляд на соотношение сетевой идентичности и реальной идентичности, который связан с обозначением возможности получения дополнительного нового опыта. Эта особенность отражает такое состояние идентичности, для которой характерен поиск альтернатив дальнейшего развития. В итоге, множественность виртуальных идентичностей может быть связана с открытостью реальной идентичности, а также, с процессом ее формирования. Процесс формирования реальной идентичности также нуждается в возможности переживания нового опыта, попыток идентификации себя с различными сообществами, задающими ориентиры и для социальной идентичности.

Учитывая все выше сказанное, и исходя из того, что подростковый и ранний юношеский возраст является самым активным возрастом пользователей Сети, в исследовании сетевой идентичности не может быть проигнорирован тот факт, что именно этот возраст является наиболее сенситивным в плане самоопределения, поиска своей идентичности, формирования собственного «Я». Психологические исследования

подросткового возраста выделяют одну из основных его характеристик — «В течение этого периода ломаются и перестраиваются все прежние отношения ребенка к миру и к самому себе...» (Божович Л.И., 1968). Иными словами, в этот период развиваются процессы самосознания и самоопределения, которые и предопределяют вступление подростка во взрослую жизнь. Все эти изменения происходят на фоне разворачивания «ведущей деятельности» подростка, пользуясь психологическим языком, которую характеризуют как интимно-личностное общение со сверстниками. Таким образом, именно в подростковом возрасте выделяются две значимые переменные — стремление к самоопределению и, превалирующую над всеми другими видами деятельности, значимость общения. Обе эти переменные и выступают объектом пристального внимания исследователей к построению сетевой идентичности в подростковом возрасте.

Для подтверждения значимости семьи и семейных отношений в построении сетевой идентичности молодыми людьми в социальных сетях нами было проведено анкетирование 72 испытуемых, которых мы разделили на две возрастные группы, обозначенных в дальнейшем как подростки и молодых взрослые. В качестве материала исследования использовался опросник «Аспекты идентичности» Дж. Чика (Cheek J.M., Briggs S.R., 1982). Опросник содержит в себе 45 вопросов, которые позволяют различать на эмпирическом уровне сразу несколько аспектов или «ориентации» важных для конструирования собственной самопрезентации, формированием сетевой идентичности.

Среди выделяемых параметров идентичности, для решения поставленной нами задачи — выяснения значимости семьи и семейных отношений в построении сетевой идентичности молодыми людьми, особый интерес представляют полученные результаты по параметрам реляционная идентичность, социальная идентичность и коллективная идентичность.

Реляционная идентичность (Relational Identity Orientation) направлена на оценку значимости межличностных отношений (например, «Мои отношения с близкими мне людьми» или «Развитие доверительных отношений с моими близкими»). Причем в вопросах акцентируются отношения с близкими людьми, прежде всего, членами семьи, и качество отношений описано, по большей части, как «заботливое», «участливое», «глубокое».

Социальная идентичность (Social Identity Orientation) показывает значение для испытуемых социальной оценки и включает вопросы, отражающие восприятие своей оценки в глазах других людей. Это имеет отношение и к вопросам оценки репутации, и привлекательности внешности и особенности поведения. К примеру, «как другие люди реагируют на то, что я говорю и делаю», «моя репутация: что другие думают обо мне» или «мои манеры, особенности поведения и то, какое впечатление я произвожу на других».

Коллективная идентичность (Collective Identity Orientation) отражает переживание принадлежности к семье, расе, культуре — светской или религиозной, а также политической. К примеру, «принадлежность к роду, ко многим поколениям моей семьи», «моя этническая принадлежность», «гордость за мою страну, гордость, что я гражданин».

Полученные нами результаты распределения значимости параметров идентичности в двух возрастных группах меняются в зависимости от возраста испытуемых, что позволило нам подтвердить ранее выдвинутую гипотезу о влиянии возраста участников социальных сетей на формирование сетевой идентичности. Мы еще раз убедились, что подростки и молодые люди используют разные техники самопрезентации в создании своего образа в сети. Разными оказались и результаты, имеющие отношение к отражению значимости семьи и семейных отношений в самоопределении себя в сети испытуемыми в двух возрастных группах.

Результаты проведенного исследования показали наличие разницы в оценке значимости семьи и семейных отношений в двух возрастных группах. Как и ожидалось, подростки продемонстрировали меньшую значимость этого фактора для своего самоопределения в сети. Отвечая на вопросы, касающиеся важности восприятия себя частью своей семьи, выстраивания доверительных отношений со своими близкими, обозначения этнической принадлежности, а также, важности дома, где живет опрашиваемый или провел свое детство, большая часть респондентов подростков оценила эти вопросы по пятибалльной шкале ниже, чем это сделала старшая группа. Напротив, те вопросы, которые имели отношение к выявлению значимости дружеских отношений со сверстниками, фиксировали чувство принадлежности к какой-либо

социальной группе, желание быть хорошим другом, получили в группе подростков, как и ожидалось, более высокую оценку, нежели это продемонстрировали молодые взрослые.

Таким образом, говоря о значении семьи и семейных отношений в построении сетевой идентичности молодыми людьми, сравнивая между собой результаты опроса в двух возрастных группах, мы получаем, по крайней мере, на уровне вербальной оценки испытуемых ту же возрастную закономерность, которая наблюдается и в ходе формирования реальной идентичности подростков и юношей. Мы видим сохранение важных закономерностей в отношении молодых людей в реальной действительности, и их переноса в оценку значимости виртуальной действительности.

Учитывая полученные результаты, можно ли согласиться с утверждением ряда исследователей сетевой идентичности, что последняя является проекцией реальной идентичности человека, принимая во внимание тот факт, что главное отличие сетевой идентичности от реальной, связано с возможностью ее конструирования. Ведь сетевая идентичность не порождается сама собой в процессе взросления и старения, она конструируется с тем, чтобы быть эксплицитно представленной другим людям, и это ее качество становится объектом повышенного исследовательского интереса, социокультурным феноменом, изучение которого допускает междисциплинарность исследовательских подходов.

В завершении, хотелось бы отметить, еще одно важное направление в исследованиях сетевой идентичности. В этом направлении несколько иначе рассматривается вопрос соотношения реальной и виртуальной идентичности. Как правило, вопрос формулируется о влиянии реальной идентичности на виртуальную, однако, включение фактора становления и поиска себя в подростковом возрасте, обозначает возможность обратного влияния, а именно, влияние виртуальной идентичности на реальную идентичность. Примером может служить, наиболее часто встречаемая среди подростков особенность, включение принадлежности к определенному сетевому сообществу в реальную социальную идентичность. В этом случае, можно предположить, что участие в виртуальной коммуникации вносит вклад в становление определенного содержания личной идентичности. В результате, между виртуальной

самопрезентацией и реальной идентичностью могут существовать отношения взаимовлияния, и это может быть характерно не только для подросткового возраста

Подводя итоги исследованию значимости тех или иных параметров сетевой идентичности в контексте изучения Веб-коммуникаций, можно говорить о том, что для каждого отдельного участника виртуального общения этот вопрос остается открытым. Проводя эмпирическое исследование, нам приходилось слышать от активных пользователей Сети, что для них сетевая идентичность является основной, жизненно важной и приоритетной, в сравнении с той, которая, как нам объясняли, воспринимается как рутинная, скучная, да к тому же навязанная другими людьми. В настоящее время, конструирование собственной идентичности, неважно, связано это с компенсацией, неудовольствием своим собственным «Я» или ролевыми играми, поисками самого себя и/или опытом саморефлексии и тому подобное, вне зависимости от скрытых и явных мотивов, переживает процесс стихийного становления. И одной из основных задач электронного общения, как справедливо полагает Белинская Е.П. [25] является решение задачи самоидентификации, поиска идентификации.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл. 2007. С. 528.
2. Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. //Образование и информационная культура. — М., 2000.
3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М., 1968. С. 38
4. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю., 2013.
5. Костерина И.В. Публичность частных дневников: Об идентичности в блогах Рунета // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. — 2008. № 3. С. 183–191
6. Соколов М.М. Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // Личность и межличностное

взаимодействие в сети Internet // Под ред. Волохонского В.Л., Зайцевой Ю.Е., Соколов М.М. СПб.: СПбГУ. 2007. С. 9–39.

7. Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S.C., Egloff1 B., Gosling S.D. Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization // Psychological Science. — 2010. № 3, P. 372–374.
8. Cheek J.M., Briggs S.R. Self-consciousness and aspects of identity // Journal of Research in Personality. 1982. 16. 4. 401–408.

Секция 7 . Этнопсихология семьи и проблемы многонациональной семьи

Психологические причины трудностей в детско-родительских отношениях у подростков-правонарушителей в условиях их пребывания в республиканской специальной школе г. Душанбе

Абдурашитов Н.Ф.

Институт развития образования им. Абдурахмана Джамии

Академии образования Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

a_naimjon_f@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются психологические причины трудностей детско-родительских отношений между подростками-правонарушителями и их родителями в условиях пребывания детей в республиканской специальной школе г. Душанбе. Анализ научной психолого-педагогической и учебной литературы в Таджикистане указывают недостаточную разработку основных подходов к преодолению трудностей в детско-родительских отношениях и создание условий гармонизации отношений в семье. Мы можем предположить, что психологические

трудности в детско-родительских отношениях у подростков-правонарушителей связано с проблемой отношений в семье.

Ключевые слова: родители, подросток, родитель-ребенок отношений, права, подросток, правонарушитель, несовершеннолетних, семьи, специальная школа, отрицательные и положительные черты характера.

Проблема противоправного поведения подростков является одной из центральных психолого-педагогических проблем. В настоящее время детское правонарушение – явление, распространенное в Таджикистане и это представляет серьезную угрозу общественной безопасности.

Изменения социально – экономической ситуации в Таджикистане, произошедшие за годы гражданской войны (1992-1997 гг.), привели к негативным последствиям в различных социальных сферах жизни. Социальная ситуация развития в этих лет характеризовалась как кризисная в экономической, политической, духовной жизни таджикского общества. Особенно тяжело оказалось подрастающему поколению. На поведение подростков повлияли все аспекты ситуации в стране, и эти факторы создали благоприятные условия для развития отклонений в поведении подростков. Среди молодежи усилился нигилизм, демонстративное и вызывающее поведение, в крайних формах стали проявляться жестокость и агрессивность. Резко увеличилось преступность среди подростков. Одной из тенденций в жизни общества стало изменение института семьи, следствием чего является неуклонный рост количества детей с противоправным поведением.

Также следует сказать и о нравственной стороне жизни. За эти годы широкое распространение получили неконтролируемый детский труд, компьютерные игры и порнография, расширился прокат видеофильмов эротического и порнографического содержания, который провоцировал подростков на противоправные действия, в том числе совершения преступлений на сексуальной почве.

Таким образом, увеличилось число несовершеннолетних правонарушителей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Наибольшую склонность к поведению

подростки, проживающие в неблагополучных семьях, с напряженными отношениями между членами семьи низкой заботой о воспитании детей. Поэтому можно отметить, что почти все психологические и социальные проблемы детства замыкаются на проблеме семейного благополучия или неблагополучия. Наиболее острые социальные проблемы, такие как: безнадзорность, бродяжничество, недисциплинированность, жестокость, преступность, несовершеннолетних и уж тем более – социальное сиротство связано с проблемой семейного неблагополучия. А также выросло рост родители не выполняющих полноценно свои воспитательные функции, не справляющихся с внутрисемейными проблемами, противоречиями и не осознающих в полной мере их серьезность.

Однако родители не ищут помощи у психологов и педагогов, считая свою семью вполне благополучной. Для них правонарушение, совершённое их ребенком - полная неожиданность, событие, не имеющее причин. Они могут видеть причину во влиянии улицы, школы, но очень редко в собственных ошибках в воспитании. Поэтому проблемы таджикской семьи выходят на поверхность, становятся заметными не только для специалистов, но и для широкого круга общественности.

Семья и, происходящие в ней, детско-родительские взаимоотношения занимают важное место в социальной структуре любого народа. Они представляют собой исторически возникшую, сформировавшуюся форму и способ организации человеческого общежития. Она является важнейшей средой формирования личности любого подростка и ключевым звеном в профилактической работе с детьми, находящимися в конфликте с законом.

Однако работа с семьей на современном этапе усложнилась и требует новых форм и методов, новых подходов. Воспитательная функция семьи серьезно нарушена, она задавлена проблемой выживания, поиском средств к существованию, значимость семьи поколебалась. Образ жизни семьи во многом связан с её материальным положением, но, даже имея хороший материальный достаток, многие семьи переживают духовный кризис в межличностных отношениях, как между супругами, так и в отношениях с детьми.

Детско-родительское отношение, являющееся подсистемой многообразных семейных отношений, очень актуальная проблема для современной семьи. В психолого-

практической литературе практически отсутствуют исследования, посвященные нормализации детско-родительских отношений подростков находящихся в учреждении закрытого типа.

Роль семьи в обществе и жизни человека несравнима по своему значению ни с какими другими социальными институтами. На протяжении длительного времени семья и играет одну из определяющих ролей в формировании ребенка, однако, на каждом возрастном этапе роль и значение её меняются и имеют свои специфические особенности. Семья, в силу глубокой специфичности ее воздействия на ребенка служит обязательным фактором нормального воспитания. Ребенок, воспитывающийся без участия семьи, в гораздо большей мере подвержен опасности одностороннего развития, чем дети, которые являются членами семейных коллективов (Реан А.А., 2003).

Детско-родительские отношения – одно из значимых сфер отношений подростков. Нуждаясь в родителях, и их поддержке, в их мнении, подростки испытывают желание быть самостоятельными, равными с ними в правах. То, как сложатся взаимоотношения в этот трудный период, зависит главным образом от детско-родительских отношений, сложившихся в семье, и возможностей родителей перестроиться – принять чувство взрослости своего ребенка.

На протяжении всего периода взросления родители являются для ребенка чрезвычайно значимыми людьми. При этом по отношению к ребенку взрослые выступают, по мнению И.С. Кона, в разных «ипостасях». По мере взросления соотношение этих функций и их психологическая значимость изменяются (Кон И.С., 1989).

Термин «детско-родительские взаимоотношения» известен в науке и позволяет объяснить феномен взаимодействия подростков и их родителей. Проблема детско-родительских отношений рассматривается в рамках клинико-психологических и социологических исследований (Антонов А.И., 1998; Гарбузов В.И., 1994; Дюркгейм Э., 1995; Карабанова О.А., 2004; Смелзер Н., 1994; Эйдемиллер Э.Г., 2003).

В психологических исследованиях семьи ключевое значение имеет проблема межличностных отношений, прежде всего отношение между детьми и родителями в подростковом возрасте (Карабанова О.А., 2004; Эйдемиллер Э.Г., 2003). Именно этот период развития ребёнка детско-родительские отношения вступают в особенно

ответственную фазу, когда перестраивается и структурируется вся система внутрисемейных отношений подростка и его родителей. Это обусловлено не только возрастными признаками, но и теми социальными процессами, которые наблюдаются в современном таджикском обществе.

Отношение подростка к родителям является одной из сторон структуры взаимоотношений в семье. Эти отношения представлены на различных уровнях психики подростка и влияют на многие сферы его повседневной жизни. Член семьи, и прежде всего родители, играют самую главную роль в достижении подростком идентичности и, как правило, являются самыми значимыми для других. Именно образы значимых людей и взаимоотношений с ними определяют самосознание и поведение подростка.

Отношение родителей с подростками-правонарушителями нередко сводятся к запретительным, даже карательным мерам воздействия, которые не только не устраняют причин отклоняющегося поведения, но напротив, способствуют развитию подростков аффективных состояний, приводящих к общественно – отрицательным поведенческим актам и формам поведения.

С наступлением подросткового периода эмоциональная дистанция между родителями и ребенком все более увеличивается и это способствует дальнейшему развитию его самостоятельности и формированию его идентичности. Однако при всем этом нельзя сказать, что у подростков происходит отчуждение от родителей. На вопрос, где они чувствуют наибольшую защищенность, ответ «в семье» встречается почти так же часто, как и ответ «среди друзей» (Психология подростка от 11 до 18 лет, 2009).

В Таджикистане в настоящее время система профилактики представляет 2-х уровневую модель: учреждения, осуществляющие первичную профилактику (средние школы, детские центры и т.д.) и осуществляющие вторичную (непосредственную) профилактику (спецшкола, специальное профессионально-техническое училище и детские колонии). По решению инспекции по делам несовершеннолетних, комиссиям по правам ребенка и решение суда, по ходатайству ОВД, либо по постановлению прокуратуры дети, находящиеся в конфликте с законом, после совершения правонарушений могут быть направлены в исправительные учреждения системы образования.

Республиканская специальная школа г. Душанбе работает на основе «Типового положения о специальной школе», утвержденного Министерством образования Республики Таджикистан. Она является единственным в республике воспитательно-образовательным учреждением закрытого типа для подростков-правонарушителей. Подавляющее большинство воспитанников – дети из социально-неблагополучных семей, сироты или социальные сироты, не имеющие места жительства. Специфичность этого контингента учащихся этой школы заключалась в том, что там собирается так называемые трудные дети и подростки-правонарушители, не поддающиеся педагогическому воздействию в условиях обычной общеобразовательной школы, а также второгодники и неуспевающие, не имеющие устойчивых трудовых навыков и интереса к учебе, в большинстве своём отрицательно относящиеся к любому виду труда (Эйдемиллер Э.Г., 2003).

Организация учебно-воспитательной деятельности в специальных учреждениях имеет ряд особенностей:

- она санкционирована, то есть предусматриваются определенные санкции общества, а именно, принуждение в применении мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним и изоляция от общества, а следовательно, на первых порах у воспитанников вызывает сопротивление с их стороны;

- она является видом социально-коррекционной деятельности, так как включает в себя: работу по формированию изменений в психике подростков, разрушение ранее сформированных мотивов, ценностей, стереотипов, имеющих асоциальную направленность;

- в оценке результативности имеет во многом вероятностный, прогностический характер. Оказание помощи подросткам в достижении уровня психологической зрелости, который позволил бы им вступать во взаимоотношения с другими людьми, не вымещая на них свои собственные страдания и лишения (Бобоев Н.Р., 2011).

Анализ научной психолого-педагогической и учебно-методической литературы в Таджикистане свидетельствуют о недостаточной разработанности основных подходов к преодолению отрицательных черты характера и созданию условий гармонизации детско-

родительских взаимоотношений и системы семейной адаптации детей, находящихся в учреждениях закрытого типа.

В данном случае, применение традиционных методов обучения и воспитания в новых условиях не позволяют решить в полной мере задачи, стоящие перед системой образования и воспитания.

На наш взгляд, недостаточно изучен вопрос об особенностях внутрисемейных отношений и согласованности или разобщенности родительских воспитательных установок, связанных с поведением подростка.

Таким образом, перед нами стоит задача изучения тех факторов семейных взаимоотношений, которые порождают отклоняющееся поведение подростка. Анализ этих внутренних связей позволит увидеть феномен противоправного поведения подростков в комплексе порождающих его условий, разработать методы диагностики, предупреждения и коррекции отклонений в поведении подростков. Такая работа позволит оказать действенную психологическую помощь, основанную на научных данных тем семьям, родителям и подросткам, которые в этой помощи нуждаются.

Для получения соответствующих данных был использован «Метод серийных рисунков и рассказов в психологической диагностике и консультировании детей и подростков». Актуальность разработки метода серийных рисунков и рассказов обусловлена необходимостью формирования новых процедур, которые одновременно могли бы решать задачи психологического исследования и задачи психологического воздействия на психику человека в лечебных и профилактических целях, способствуя, тем самым, сближению клинической психодиагностики и психотерапии. Этим требованиям в полной мере отвечает метод серийных рисунков и рассказов, который можно рассматривать и как проективную психодиагностическую, и как арт-терапевтическую технологию (Никольская И.М., 2009).

У несовершеннолетних правонарушителей наблюдаются различные психические аномалии: задержка психического развития, эмоциональные расстройства, нарушение адаптации и др. У многих подростков значительно изменена эмоциональная сфера и нечувствительность к страданиям других. Одновременно отмечается эмоциональная неуравновешенность, склонность к неадекватной ситуации, эмоциональным реакциям.

Часто отмечаются также негативные изменения волевых качеств. А также, они остро нуждаются в поддержке со стороны родителей, специалистов.

У таких подростков выявлены такие черты характера, как отрицательные так и положительные (см. Табл. 1). Они непосредственно влияют на отношения между подростками и их родителями.

Отрицательные черты характера ребенка определяются по всем методикам «Серийных рисунков и рассказов в психологической диагностике и консультировании детей и подростков». Как нам видно из выше указанных черт характера (Таблица 1) больше всего зафиксированы такие черты характера, как агрессивность, тревожность, зависимость, недисциплинированность и др. Такие черты характера усложняет нормализацию детско-родительских отношений. Но фиксированные черты характера не всегда устойчивы. Некоторый черты характера отражаются больше, чем остальные

Таблица 1

Проявление отрицательных черт характера у подростков

ОЧХ	Методики										ОЧХ	Методики									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Обидчивость		*				*		*			Глупость						*				
Легкомысленность	*								*	*	Тупость						*				
Нецелестремленность	*			*							Ленивость		*			*					
Агрессивность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Замкнутость				*					*	
Неуклюжий	*		*				*				Грубость	*			*				*		
Медлительность	*	*		*		*		*			Злость										
Неотзывчивость			*		*		*	*	*		Фантазер	*			*				*		
Несправедливость		*		*		*					Жестокость		*			*			*		
Недобросовестность				*	*	*					Заносчивость	*			*						
Непослушность		*				*		*		*	Хитрость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Нестарательность					*	*					Большой	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Невыносливость	*			*					*		Ранимость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Бесчувственность			*				*				Жадность	*	*	*			*				
Неприветливость		*						*			Лживость		*			*					
Бездельность	*	*	*		*	*					Упрямость			*						*	
Тревожность	*	*	*	*	*	*	*	*		*	Болтливость	*	*		*		*			*	*
Вспыльчивость	*	*			*	*					Капризность			*					*		
Эгоистичность	*	*			*		*	*		*	Слабость	*	*	*		*	*	*	*	*	*
Нерешительность									*		Вредность	*			*						
Неряшливость	*		*			*		*			Не учится			*			*				
Нестарательность											Трусливость					*			*		
Задиристый	*	*	*	*		*	*	*	*		Грустность	*			*			*			

Нетерпеливость	*			*	*			*				Нежность			*			*				*		
Недисциплинированнос		*	*			*						Нервность		*		*		*		*				
Чувствительность	*	*	*		*	*	*	*	*			Воровство			*		*		*					
Невыносливость												Скрытность	*					*	*					
Бесхитрость		*			*		*					Подпольность		*		*				*				
Несообразительный												Забывчивость			*			*		*				
Хвастливость				*			*	*				Мнительность	*		*			*	*		*		*	
Бродяжничество		*			*				*			Молчаливость	*	*		*	*	*	*	*	*	*	*	*
Интернетзависимость			*						*			Рассеянность		*		*								
Раздражительность		*	*	*	*	*	*	*																

ОЧХ - Отрицательные черты характера ребенка. Цифрами обозначено методики: 1 – «Мой автопортрет в полный рост»; 2 – «Моя семья»; 3 – «Семейная социограмма»; 4 – «Если бы у меня была волшебная палочка...»; 5 – «Я переживаю»; 6 – «Я боюсь»; 7 – «Сон, который меня взволновал»; 8 – «Я об этом не хочу вспоминать»; 9 – «Я такой довольный, я такой счастливый»; 10 – «Мне 25 лет, я взрослый и работаю на своей работе».

Как мы отметили, у подростков-правонарушителей вместе с отрицательными чертами характера имеются и положительные (см. Табл. 2). Данные качества характера подростка влияют на развитие личности ребенка и облегчают нормализацию отношений между подростками и их родителями.

Мы полагаем, что психологические причины трудностей в детско-родительских отношениях у подростков, находящихся в республиканской специальной школе - это уровень нежелательных и отрицательных черт характера детей, которые создают неблагоприятные условия во внутрисемейных отношениях. В данном этапе развития именно родителям видны только отрицательные черты характера ребенка, а не положительные.

Изучение и диагностика внутрисемейных взаимоотношений характеризуются высокой значимостью в контексте исследования детско-родительских взаимоотношений. Однако наиболее важным они являются тогда, когда речь идет о воспитательном взаимодействии родителя с формирующейся и развивающейся личностью подростка. Многие особенности противоправного поведения развиваются при таких обстоятельствах, когда процесс детско-родительских взаимоотношений ведет к ненормальному характеру.

Таблица 2.

Положительные черты характера ребенка

ПЧХР	Методики										ПЧХР	Методики									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сообразительность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Умность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Застенчивость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Серьезность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Талантливость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Активность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Целеустремленнос	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Щедрость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Настойчивость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Терпеливость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Трудолюбивость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Стильность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Решительность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Честность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Сосредоточенност	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Добрый	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Добросовестность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Скромность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Старательность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Отзывчивость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Послушность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Мягкость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Справедливость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Ласковость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Приветливость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Деятельность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Обаятельность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Одарённость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Откровенность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Выносливость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Общительность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Спокойность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Жизнерадостность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Смелость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Невредность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	Ловкость	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
											Подвижность	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*

ПЧХР - Положительные черты характера ребенка. Цифрами обозначено: 1 – «Мой автопортрет в полный рост»; 2 – «Моя семья»; 3 – «Семейная социограмма»; 4 – «Если бы у меня была волшебная палочка...»; 5 – «Я переживаю»; 6 – «Я боюсь»; 7 – «Сон, который меня взволновал»; 8 – «Я об этом не хочу вспоминать»; 9 – «Я такой довольный, я такой счастливый»; 10 – «Мне 25 лет, я взрослый и работаю на своей работе».

Как показывал анализ работы в условиях учреждения, большинство правонарушений и преступлений со стороны подростков связаны с семейным и социальным неблагополучием: из-за отсутствия должного контроля, внимания и заботы со стороны родителей у них постепенно снижается интерес к учебе, пропуски в школе, бродяжничество, кража и др., ослабевает понимание положительного авторитета взрослых, в том числе, педагогов. А также у таких ребят наблюдается нарушение связи с семьей. Среди воспитанников, поступающих в закрытые учреждения, много неграмотных (по оценкам учителя, большинство из них не знают алфавита и цифр).

Эти данные свидетельствуют о том, что сегодня подростки особенно нуждаются в помощи специалистов: воспитателей, психологов, социальных работников и юристов. С

такими подростками необходимо систематически проводить целенаправленную индивидуально-профилактическую работу, привлекать их к общественной жизни, спортивной и другой внеклассовой работе, укреплять связь с родителями и общественными организациями. Анализируя документы, позволяющие отслеживать жизнь ребенка после специальной школы, мы видим, что практически большая часть детей возвращается к прежнему образу жизни. Подростки - правонарушители, после окончания срока перевоспитания, снова попадают в общество, законы которого они должны соблюдать, но в силу ряда причин, они не всегда могут их выполнить.

Наши результаты убедительно показывают, что эффективная профилактика правонарушителей должна предполагать комплекс мероприятий, в том числе и психологического характера, направленных на оздоровление семейной среды и коррекцию поведения несовершеннолетних правонарушителей.

Влияние родителей на развитие ребенка очень велико. Практика показывает, что дети, растущие в атмосфере любви и понимания, имеют меньше проблем со здоровьем, трудностей в обучении в школе, общении со сверстниками, у них, как правило, успешнее складывается сценарий взрослой жизни и построение собственной семьи. Нарушение детско-родительских отношений ведет к формированию различных психологических проблем. Причинами сложных детско-родительских отношений в подростковом возрасте являются новообразования психологического возраста; субъективного отношения взрослых к подросткам; несоответствие ценностных представлений у родителей и подростков; возрастные изменения, происходящие у родителей; экономические факторы; социокультурные условия; неадекватная трансформация ролевых отношений в семье. Важно отметить, что в любом случае семья остается для подростков важнейшим институтом социализации. Таким образом, в семье удовлетворяется значительная часть потребностей подростка, в том числе в эмоциональной поддержке. А также, семья осуществляя функцию сознательного контроля по отношению к подросткам, может оказать помощь в трудных жизненных ситуациях. Любовь и забота родителей позволяют ребенку чувствовать себя желанным, делают уверенным в себе. Для развития у ребенка позитивной самооценки родителям необходимо поощрять его успехи. Предъявление завышенных требований, неадекватных возможностям ребенка,

постоянная критика, даже за объективно неправильные, заслуживающие осуждения поступки, негативно влияют на формирование личности ребенка, ведут к утрате веры в себя, развитию тревожности. Ребенок нуждается также и в том, чтобы ему помогли научиться положительным способам решения проблем повседневной жизни. В нормальных социальных и психологических условиях подросток никогда не станет преступником. Нельзя забывать, что несовершеннолетние правонарушители – это обыкновенные дети, которые в результате неправильного воспитания и дурного примера стали правонарушителями.

Подводя итоги, можно сказать: несовершеннолетний преступник стал преступником именно потому, что он в свое время не ощутил поддержку родителей общества. Именно исходя из этого и должна строиться профилактика противоправного поведения подростков, которая могла бы ему помочь приспособиться к социальной среде. Так как на данном этапе развития отношения взрослого с подростком должны строиться на основе дружбы, сотрудничества, уважения, доверия и помощи. Главным в их отношениях должно быть единство интересов и сотрудничество в разных видах деятельности. Причем взрослый должен выступать как образец и друг, а подросток в положении равноправного помощника.

Список литературы

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи: Методология исследования структур и процессов. М.: «Нота Бене», 1998. 360 с.
2. Бобоев Н.Р. Об ответственной воспитательной работе коллектива Республиканской специальной школы по перевоспитанию трудных подростков / Н.Р. Бобоев // Журнал: Русский язык и литература в школах Таджикистана. – 2011, №1. – С. 4-12.
3. Гарбузов В. И. Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье. Санкт-Петербург: АО «Сфера», 1994. 160 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Закон, 1995. 352 с.

5. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования М.: Гардарики, 2004. 195с.
6. Кон И.С. Психология ранней юности: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 111 с.
7. Никольская И.М. Метод серийных рисунков и рассказов в психологической диагностике и консультировании детей и подростков: учеб. пособие для врачей и психологов. СПб.: Изд-во СПб МАПО, 2009. 51 с.
8. Психология подростка от 11 до 18 лет: / сост. С. Костромина, А.А. Реан; под ред А. А. Реана. М.: РГБ, 2009. 124 с.
9. Реан А.А. Психология подростка. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 377 с.
10. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
11. Социальная работа с семьей: Учебное пособие / сост. Е.И. Холостова. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2011. 113 с.
12. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В, Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: Учебное пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2003. 336 с.

Специфика восприятия и разрешения проблемных ситуаций женщинами мусульманками из традиционной многопоколенной и современной городской семьи

Алиева (Рамазанова) Л.Н.

РГГУ, г.Москва, Россия.

Larisa.psi.prof@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается взаимосвязь типов общества и семьи с адаптационными механизмами соблюдающих женщин мусульманок. Выявлена специфика защитно-совладающего поведения представительниц из многопоколенной и нуклеарной семьи, также обнаружены значимые различия между девушками в характеристике жизнестойкости и субъективном психологическом благополучии.

Ключевые слова: жесткий и жидкий тип общества, традиционная и нуклеарная мусульманская семья, защитно-совладающее поведение женщин, жизнестойкость, психологическое благополучие.

Сегодня процессы, происходящие в мире, требуют к себе осмысленного подхода со стороны психологической науки. Увеличение скорости миграции населения, глобализация, урбанизация и т.д. приводят к изменению в целом социальных устоев, а, следовательно, оказывают колоссальное влияние на формирование личности каждого отдельного человека.

В своих работах В.К. Шабельников выделяет два типа общества: с жесткой и жидкой структурой (Шабельников В.К., 2002; 2007). Первый, традиционный (этнородовой), характеризуется строгой иерархией и субординацией между разными группами людей, ясностью и стабильностью уклада жизни, а также крепкими обширными семейными узами. Больше всего он распространен на Кавказе, в странах Магриба, Китае и Индии. Второму типу общественного устройства присуща большая динамика и возможность движения по социальным лифтам, размытость социальных и гендерных ролей, а также сужение семейного круга, в который теперь включаются только родители и дети. Яркими представителями стран с жидкой структурой являются Америка и Европа. Россия занимает промежуточное положение. Регионы нашей страны могут сильно отличаться друг от друга по своей структуре общества.

Специфика социума обуславливает тип семьи. Жесткая структура порождает традиционную многопоколенную семью, а жидкая, современную городскую ячейку общества. Стоит отметить, что в настоящий момент под влиянием мировых процессов происходит постепенное разрушение этнородового типа социума, которое в нашей стране больше всего представлено в мусульманских регионах. Следствием этого процесса является то, что сегодня можно говорить о новом социальном явлении – мусульман из городской нуклеарной семьи.

Два типа общества и семьи, каждый согласно своей логике функционирования, обуславливают специфику восприятия личностью проблемных ситуаций и способов совладания с ней. Так, согласно культурно-исторической концепции Л.С Выготского

личность формируется благодаря включенности в уникальную социальную ситуацию развития (ССР). Особое значение имеет ССР ребенка в условиях семьи. Она задает особенности взаимодействия с окружающим миром и влияет на направление, содержание и характер развития человека (Выготский Л.С, 1960). От типа семьи зависит внутрисемейная ситуация, которая формирует уникальную конфигурацию защитных механизмов и стратегий совладания.

Изучение процессов распада этнородовой системы, формирования нового типа общества и влияния этих процессов на то, как личность воспринимает и перерабатывает поступающую извне информацию, строя на основе этого свое поведение, представляется очень важной и мало разработанной темой. В связи с этим актуальным является изучение защитных механизмов и стратегий совладания у представителей из родовой и нуклеарной семьи.

Термин «защитные механизмы» (далее ЗМ) ввел З.Фрейд. (Фрейд. З, 1989). Многие авторы занимались разработкой этого понятия (Фрейд А. 2008; Зотова О.И., Кряжева И.К., 1979 г.; Налчаджан А.А., 2010; Романова Е.С., Гребенников Л.Р., 1996; Соколова Е.Т., 2007 и мн.др). Ученые единогласны в том, что ЗМ активируются в состояниях фрустрации и конфликта, действуя на подсознательном уровне посредством искажения воспринимаемой реальности с целью сохранить значимые стабильные представления человека о себе самом и об окружающем его мире.

Многие исследователи отличают стратегии совладания от защитных механизмов по критерию их осознанности. Совладание с проблемной ситуацией гибко по своей сути, т. к. связано с процессом выбора, который соответствует реальной ситуации и возможностям индивида (Вассерман Л. И., Абабков В.А., Трифонова Е.А., 2010; Акимова М. К., Семенов С. Ю., 2008; Абабков В.А., Трифонова Е.А., 2012; Сирота Н.А. 1994; Стрельцова И.П., 2003; Реан А.А., 1995; Агеев В.С., 1982 г.; Ялтонский В.М., 1995; Шкатурова И. П., Анненкова Е. А., 2007 и мн.др.).

Ниже представлены результаты специфики защитно-совладающего поведения женщин мусульманок из разных типов семьи.

Исследование было проведено в г. Москве. В нем приняли участие женщины-мусульманки. Первую выборку составили представительницы традиционной семьи (80

человек), вторую - девушки из нуклеарной (55 человека). Средний возраст 24 года. Разделение испытуемых осуществлялось посредством стандартизированной методики на определение типа родительской семьи Григорьевой С.И. [2]. Анализ групп испытуемых на достоверность различий проводился с помощью критерия Манна-Уитни.

Результаты.

Для исследования конфигурации защитных механизмов был использован опросник Р. Плутчика «Индекс жизненного стиля». Получены различия по следующим шкалам: отрицание (0), регрессия (0,006), проекция (0,02), замещение (0,01), интеллектуализация (0).

Девушки из расширенного типа семьи значимо чаще при столкновении со сложной жизненной ситуацией используют отрицание и интеллектуализацию. Так, с одной стороны, они блокируют возможность восприятия неприятной информации из внешнего мира путем ее отрицания, а с другой, благодаря работе интеллектуализации накладывают на происходящие с ними события рациональные схемы объяснения ситуации. Функциональная обоснованность действия данных механизмов для представительниц этнородовой семьи заключается в том, что совместная работа этих защит способствует сохранению традиционного общества и его стабильной картины мира с устоявшимися взглядами на разного рода факты и их интерпретацию.

Иная специфика защитных механизмов свойственна девушкам из современной городской семьи, которые значимо чаще используют проекцию, замещение и регрессию. В совокупности работа, представленных трех механизмов, выглядит следующим образом: благодаря проекции выносятся отвергаемые части «Я» на других людей, перенаправляя, таким образом, психическую активность с себя на окружающий мир, а регрессия, образуя пару с замещением, может выливаться в импульсивность поведения и слабость эмоционально-волевого контроля. Стоит отметить, что в отличие от мусульманок из родовой семьи, для которых функциональная обоснованность использования защитных механизмов заключается в поддержании закрытости социального устройства, девушки из городской среды в большей степени открыты внешнему воздействию со стороны окружающего мира, и, следовательно, более чувствительны к его действию.

Изучение способов совладания проводилось с помощью опросника С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций». Были выявлены различия по двум шкалам методики. Мусульманки из современной городской среды значимо чаще используют избегание (0,01) и агрессивные действия (0,07) по сравнению с представительницами из традиционной семьи. Действие первой стратегии заключается в стремлении уйти от проблем. Оно также проявляется в желании переключиться на другие дела, дабы не решать возникшую сложность, сделать вид, будто её не существует. Второй способ совладания с проблемной ситуацией связан с агрессивным восприятием и интерпретацией поведения окружающих. Данная модель поведения способствует возникновению конфликтных отношений между людьми. В целом, можно утверждать, что обе выявленные стратегии совладания нельзя считать конструктивными. Объяснение специфики выявленных значимых различий между выборками в способах разрешения проблемных ситуаций связано с тем, что мусульмане из нуклеарной семьи являют собой молодое кризисное явление разрушения традиционной этнородовой системы общества.

В дополнение к исследованию защитно-совладающего поведения мусульманок из разных типов семей был проведен анализ такой характеристики как жизнестойкость личности, а также была проведена оценка субъективного психологического благополучия двух групп испытуемых.

По методике «Тест жизнестойкости» С.Мадди были получены значимые различия по всем шкалам. Представительницам нуклеарной семьи в целом в меньшей степени свойственно проявление качеств жизнестойкости (0,002), чем мусульманкам из этнородовой. Они реже ощущают себя вовлеченными в активную деятельностную жизнь (0,002), в меньшей степени стремятся взять под свой контроль и управление происходящие события (0,003) и готовы идти на риск (0,04), связанный с отсутствием гарантий положительного результата от предпринимаемых усилий в делах. Из полученных результатов можно сделать вывод о том, что в целом, женщины мусульманки из традиционной многопоколенной семьи в большей мере оказываются способными противостоять сложным жизненным ситуациям. Девушкам из современной городской среды гораздо труднее справляться с возникающими трудностями, т.к. они в

меньшей мере ощущают себя включенными в жизнь, верят в то, что они могут повлиять на ход событий, а также не готовы к принятию риска.

Исследование психологического благополучия проводилось по методике Ferrudet – Badoux «Шкала субъективного психологического благополучия (ШСПБ)». Значимые различия получены по следующим параметрам: общая ШСПБ (0,001), значимость социального окружения (0,003), самооценка здоровья (0,001), удовлетворенность повседневной деятельностью (0,002). Мусульманки из нуклеарной семьи в целом в меньшей степени переживают ощущение субъективного психологического благополучия, они реже обращаются за помощью к людям из своего окружения, удовлетворены состоянием своего здоровья и получают удовольствие от ведения повседневной деятельности. Из всего вышеописанного можно заключить, что девушки из современной городской среды чаще испытывают внутренний дискомфорт по сравнению с представительницами из традиционной многопоколенной семьи.

Вывод. В целом, результаты всех опросников указывают на то, что женщинам мусульманкам сложнее справляться со стрессовыми ситуациями. На это указывает большая напряженность психологических защит, использование неконструктивных стратегий совладания, меньшая жизнестойкость и ощущение субъективного психологического благополучия.

Следует отметить, что, современная городская мусульманская семья – достаточно новый феномен, представляющий из себя кризисное явление разрушения этнической культуры и основы общества. Процесс отмирания и перерождения в новый тип социума, безусловно, оказывает большое влияние на способность представительниц ядерной семьи противостоять трудностям.

Список литературы

1. Абабков В.А., Трифонова Е.А. Стратегии совладания со стрессом и соматическое здоровье человека: теоретические подходы и эмпирические исследования. Ж.: Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Выпуск № 145 / 2012.

2. Агеев В.С. - Атрибуция ответственности за успех и неудачу группы в межгрупповом взаимодействии. Ж: Вопросы психологии. № 6. 1982 г., с.101-106.
3. Акимова М. К. , Семёнов С. Ю.: Стили защитно - совладающего поведения у зависимых и не зависимых от психоактивных веществ подростков. Ж.: Вопросы психологии. М.: НИИТ МГАФК. 2008 г. № 5 С. 54-63.
4. Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А. Совладание со стрессом. Теория и психодиагностика. СПб: Речь, 2010.
5. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций.М: Академия педагогических наук, 1960.
6. Григорьева С.И. Методика «Тип семьи»: Учебно-методическое пособие.- М.: Изд. МГОУ, 2012.
7. Зотова О. И., Кряжева И.К. Психологические механизмы регуляции поведения. М: Наука 1979 .
8. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии 2-ое издание М:Эксмо, 2010.
9. Реан А.А. К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПбГУ. Серия 5. В. 3. № 20. 1995 г., С. 74-79.
10. Романова Е.С, Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант, 1996.
11. Сирота Н. А Копинг-поведение в подростковом возрасте. дис. канд. псих наук. Бишкек-СПБ: ПНИ, 1994.
12. Соколова Е.Т Феномен психологической защиты. Вопросы психологии. Выпуск 4, 2007.
13. Стрельцова И. П. Представления подростков и юношей о трудных ситуациях и стратегиях совладающего поведения в них. Дис... канд. псих. наук. М. 2003., 192 с.
14. Фрейд А. Эго и механизмы психологической защиты. М: ООО «Астель», 2008.
15. Фрейд З. Психология бессознательного М.: Просвещение, 1989.

16. Шабельников В. К. Семья в геополитическом конфликте. Ж.: семейная психология и семейная терапия. М.: ООО Исследовательская группа «социальные науки». 2007. № 4.
17. Шабельников В.К. Этнос, семья, личность в геополитическом конфликте // Наука и образование на современном этапе развития общества. Алма-Ата: Мектеп, 2002.
18. Шкатурова И. П, Анненкова Е. А. Личностные ресурсы как фактор совладания с кризисными ситуациями. Опубликовано: психология кризиса и кризисных состояний. Междисциплинарный ежегодник. 2007. Вып 4 с. 17-23.
19. Ялтонский В.М. Копинг - поведение здоровых и больных наркоманией. Дис... канд. псих. наук. Спб., 1995.

**Особенности воспитания горских (черкесских, осетинских) и русских
старших подростков**

Бедрединова С.В., Тацёва А.И., Шаова Р.А.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

gridneva-sveta@mail.ru, annaivta@mail.ru, rshaova@list.ru

Аннотация. В статье приводятся сведения об особенностях воспитания городских семей.

Ключевые слова: родители, семейные традиции, типы родительно-детские отношения, воспитание.

Известно, что ведущим фактором формирования личности подростков являются их родители (Карабанова О.А., 2004; Лидерс А.Г., 2004; Яремчук М.В., 2002 и др.). Психологи объясняют это тем, что родители обеспечивают полноценное проживание

подростков в соответствии с их возрастными особенностями и ориентируют молодое поколение на подготовку к жизни.

Согласно представлениям психологов, этнографов, педагогов, горские подростки традиционно воспринимают своих родителей как самое святое в жизни, как людей, достоинство которых несомненно в силу высокой значимости их личных духовных и нравственных качеств, их преданности семье, роду, своему народу (Бетрозов Р. Ж., 1996; Васягина, 2013; Мафедзев С.Х., 200; Мыжей М, 2010; Накохова Р. Р., 2007; Тащёва А. И., 2007 и др.). Отец и мать для детей и подростков, в частности, всегда выступали в качестве идеала совершенного человека.

Восприятие черкесскими подростками своих родителей носит своеобразный характер, проявляясь в значительном доверии; общение детей с родителями и взрослыми в целом характеризуется достаточной непринужденностью, свободой, взаимным почитанием и любовью, а сам подросток выступает как самостоятельная, самоуправляемая личность (Бетрозов Р. Ж., 1996). Подобные родительско-детские отношения способствует взаимопониманию, являются важным средством сближения представителей разных поколений. Типичными формами общения родителей и подростков являлось общение у домашнего очага, у костра в поле, гостеприимство (Мафедзев С.Х., 2000).

Семейные традиции, обычаи запрещают наказывать собственных детей физически, оскорблять их достоинство. Вместе с тем, родители стараются не показывать чужим людям и старшим родственникам свои чувства к своим детям (Унарокова М. Ю., 2010). Плохим тоном считается ругать или хвалить своих детей в присутствии посторонних людей. Подростки знают, что родители не должны хвалить их на людях, но все же понимают, что любой хороший поступок дочери или сына вызывает у их родителей чувства гордости и морального удовлетворения (Пашты М., 2010).

Исследование показало, что общение черкесских родителей и подростков характеризуется выраженными эмоциями (принятие/отвержение и т.д.); когнитивной динамичностью воспитательных установок родителей (гибкость/ригидность и т.д.); определенным уровнем контроля (требовательность / отсутствие требований) и т.д. (Яремчук М. В., 2002). По мнению М.В. Яремчука причинами конфликтов в

подростково-родительских отношениях являются согласие или несогласие между родителями в вопросах воспитания; использование эффективной системы наказаний и запретов. Автор доказывает, что лучшим гарантом хорошего самообладания и адекватного поведения подростков служит умение родителей владеть собой. В основном дети воспроизводят те модели выражения или подавления гнева, которым следуют их близкие.

Психологи выделили гармоничные и негармоничные типы родительско- детских отношений (Карабанова О.А., 2004; Лидерс А.Г., 2004; Пашты М, 2010 и др.). К гармоничному типу отнесен авторитетный; к негармоничным - сверхопекающий (воспитание «в культе болезни», по типу «кумира», симбиоз и их подвиды); авторитарный (воспитание по типу «Золушки», жестокость, повышенная моральная ответственность и их подвиды); противоречивый и попустительский виды родительско- детских отношений.

В свою очередь, анализ литературы свидетельствует о существенных различиях в воспитании подростков у разных народов России. Так, русские подростки в значительно большей мере склонны проявлять самостоятельность и свободу в поведении, что, с одной стороны, является проявлением их ответственности за свои поступки и действия; а, с другой стороны, отражает факт признания родителями возрастных особенностей детей и учета потребности подростков в самостоятельности (Накохова Р. Р., 2007). Принимая своего ребенка таким, какой он есть, родители проявляют уважение к индивидуальности ребенка, предоставляют ему свободу выбора, осознавая, что чрезмерное давление может привести к нарушению отношений.

В черкесских же семьях родители, напротив, стараются постоянно контролировать и дисциплинировать своих детей, что проявляется в жестком и дисциплинирующем отношении к ним (Мыжей М., 2009). А сами родительско-детские отношения в черкесских семьях строятся по принципу «доминирования и подчинения» (Шебзухов. М. Х., 2010). Подростки должны считаться с интересами родителей и соблюдать любое их решение. Традиционно считается, что таким образом подростки получают эмоциональную поддержку от родителей, что в значительной степени предопределяет благополучие психологического развития ребенка. Черкесские

подростки зависимы от родительского мнения, которые требуют от своего ребенка безоговорочного соблюдения всего, что они ему навязывают; невыполнение родительских требований ребенком, его протестное поведение, вызывает у родителей раздражение и обиду (Гулиева С. М., Смык Ю. В., 2014). Р. Р. Накохова убеждена, что адыгская поговорка «Детей надо растить так, чтобы они чувствовали боязнь и стыд за свое непристойное поведение (шынэрэ ук1ытэрэ)» несет мощный гуманистический смысл, что корни подобного воспитания, хотя и не глубоки, но крепки (Накохова Р. Р., 2007).

Б. Бгъажнокъуэ подчеркивает, что взаимоотношения родителей определяет качества их детей, так как последние берут пример со своих родителей (Бгъажнокъуэ Б., 2010). И, согласно обычаям, если ребенок соблюдал адыгэ намыс (адыгейский этикет), то его останавливали на улице и спрашивали, из какого он рода, как его фамилия и публично хвалили его за это.

По мнению М. Ю. Унароковой, в основе человеческих взаимоотношений, в конечном итоге, лежит взаимная любовь родителей и детей (Унарокова М. Ю., 2010). Но в то же время, по хабзэ, свою нескрываемую любовь должна проявить не мать, а наоборот, - ее дети: при этом девочки должны делать это открыто, нежно и любезно; мальчики - более сдержанно, без видимого восторга, то есть по-мужски (Унежев К. Х., 2003). Авторитарное мнение отца сопровождает черкесских детей в течение всей их жизни (Гулиева С. М., Смык Ю. В., 2014). Если провинившегося русского ребенка наказывают, запрещая ему выходить из дома; то черкесский, абхазский и японский отцы наказывают непослушных детей, запрещая им приходить домой (унэм укъыщ1эмыхьэ) (Накохова Р. Р., 2007).

Болеющие девочки, девушки, заболевая, приходили к матерям, которые хорошо знали народные средства для лечения таких болезней, как корь, ветрянка, оспа, желудочно-кишечные заболевания, а также снимали «дурной глаз» с помощью молитв (Унарокова М. Ю., 2010).

Считалось, что, если существует хабзэ, то вполне вероятно, что встречаются люди, которые его нарушают (Унежев К. Х., 2003). Однако, полагали черкесы, что дни такого этноса сочтены. Предотвратить беду могло пристальное внимание родителей к

подросткам: ведь, в соответствии с черкесской пословицей, «надо остерегаться молодых людей, не наставленных отцом и не воспитанных матерью».

Вместе с тем, наш опыт работы с жертвами теракта в Беслане свидетельствует о том, что вековые воспитательные традиции народа, система родительско-детских отношений могут трансформироваться как результат тяжелой трагедии (Тащёва А.И., 2007). Данное явление было описано А.И. Тащёвой как симптомы вторичного плана посттравматического синдрома. После теракта осетинские подростки и юноши стали демонстрировать публичный нигилизм по отношению к родителям, старшим сиблингам, посторонним взрослым. Например, подростки перестали вставать, когда старший по возрасту мужчина заходит в комнату, когда за праздничным столом взрослый говорит тост. Осетинские подростки впервые стали публично спорить с отцами, грубить родителям, отстаивая перед отцом собственные интересы; дети с семи лет перестали принимать поручения от своих старших сиблингов, взрослых и пр. Трансформировался и характер общения в осетинских семьях: из закрытого - в открытое (Тащёва А.И., 2006). В традиционных осетинских семьях было не принято делиться чувствами, информацией о состоянии здоровья друг друга, причём этот закрытый тип общения предписывался и мужчинам, и женщинам. Но после сентябрьских событий 2004 года в Беслане и в Северной Осетии в целом общение в семьях от закрытого, монологического стало меняться на более открытое, диалогическое.

Таким образом, очевидно, что система воспитания черкесских, осетинских и русских детей и подростков, их отношение к родителям имеет выраженное своеобразие, обусловленное национальными традициями и полом и может трансформироваться под влиянием фенотипических условий.

Список литературы

1. Бгъажьнокъуэ Барасби. Адыгэ Хабзэ шэин (Адыгский этикет)/ Материалы научно-практической конференции. Нальчик
2. //АГУ, 2010. № 1. С. 50- 55.

3. Бетрозов Р. Ж. Этническая история адыгов [Текст] / Бетрозов Р. Ж. Нальчик: «Эльбрус», 1996. - 278 с.
4. Васягина Н.Н. Специфика и условия эффективности воспитательной деятельности родителей // Педагогическое образование в России. – 2013. – №2.
3. Генгер М. А. Классификация детско-родительских отношений // Материалы научно практической конференции//АГУ, 2010. № 3. С. 112-117.
4. Гулиева Сима Мурсал-кызы, Смык Ю. В. Особенности отношения родителей в семьях христианского и исламского вероисповедания // Материалы научно - практической конференции. Иркутск: ИГУ, № 1. 2014. С. 143-147. (12).
5. Карабанова О.А. и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 320с.
6. Лидерс А.Г. Семья как психологическая система. Очерки психологии семьи. – Москва-Обнинск» ИГ-СОЦИН», 2004. -296с.
- 7.Мафедзев С.Х. Адыги. Обычаи, традиции [Текст] / Мафедзев С.Х. Обычаи, традиции. «Эль-фа», 2000. - 343 с.
- 8.Мыжей Михаил. Адыгэ хабзэхэмрэ ди зэманымрэ (Черкесские традиции и наше время) // Материалы научно-практической конференции. Майкоп: АГУ, 2010. № 1. С. 44-59.
9. Накохова Р. Р. Ценностные ориентации как составляющий компонент психологических особенностей народов // Психологическая наука: теоретические и прикладные аспекты исследований: материалы международного научной конференции. – Карачаевск: КЧГУ, 2007. С. 240-246.(30).
10. Пашты Мадинэ. «Хабзэ» и этническая перспектива черкесов // Материалы научнопрактической конференции. Майкоп: АГУ, № 1. 2010. - С. 88-93.
11. Тащёва А. И. Бесланский теракт: от закрытого к открытому характеру общения/Материалы международной конференции «Психология общения -2006: на пути к энциклопедическому знанию».- М.: Изд-во «Академия имиджелогии», 2006. С. 208-211.(43).
12. Тащёва А. И. Ретроспектива своеобразия психологических проблем жертв бесланского теракта.- Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРГИ, 2007. С. 201- 230.(46).

13. Унарокова М. Ю. К истории изучения черкесского этикета // Материалы научно-практической конференции. Майкоп: АГУ. 2010. № 1. С. 116-123.
14. Унежев К. Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев [Текст] / Унежев К. Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 2003. - 495 с.
15. Шебзухов. М. Х. Как воспитать черкеса сегодня? //Общественно – политическое газета Хабезского района. 2010. №3. С. 1-8. (52).
16. Яремчук М. В. Исследование особенностей привязанности в детско-родительских отношениях в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2002. № 5. С. 144-153.

**Особенности взаимодействия подростков с родителями как показатель
сплоченности и гибкости семейной системы
(На примере русской и узбекской городской культуры)**

Перетолчина Д.С., Лидерс А.Г.

*Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет
психологии, Москва, Россия*

a-lider@mail.ru

Целью исследования послужило изучение связи взаимодействия подростков с родителями с восприятием ими семейной сплоченности и гибкости.

Предмет исследования: исследование особенностей семейных факторов, особенности взаимодействия подростков с родителями, находящихся в различных контекстах социальной ситуации развития (различных по взаимоотношениям и семейным функциям, в условиях обучения в открытых школах специализированного типа).

Методики исследования: 1. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми И. Марковской. (Использовался вариант для подростков и родителей). 2. Диагностика сплоченности и гибкости семейной системы – методика Олсона Д. В данном случае Опросник Д. Олсона заполняли подростки и их родители. 3. Опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин).

Выборка исследования: Всего в исследовании приняли участие 116 подростков из средних школ города Ташкента, 53 подростка из специализированных школ открытого типа, 48 родителей подростков, обучающихся в средних школах Ташкента и 10 родителей подростков, обучающихся в специализированных школах открытого типа для девиантных подростков (всего 227 человек).

Относительно московской выборки - в исследовании приняли участие 99 подростков из средней школы города Москвы, 39 подростков из специализированных школ открытого типа для девиантных подростков, 20 родителей подростков, обучающихся в средней школе города Москвы и 8 родителей подростков, обучающихся в специализированных школах открытого типа для девиантных подростков (всего 164 человека).

Общее количество испытуемых подростков и родителей – 391 человек.

Гипотезы исследования: 1. Особенности семейной ситуации в семьях обычных и девиантных подростков из Москвы и Ташкента различны и характеризуются различными профилями воспитательных компетенций родителей. 2. Существует связь между проявлениями таких родительских дисфункций, как: эмоциональная дистанция, отвержение, непоследовательность, отсутствие сотрудничества, неудовлетворенность браком с низким уровнем восприятия сплоченности и гибкости у девиантных подростков.

Полученные эмпирические результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Родители подростков из специализированных учреждений города Ташкента считают, что они недостаточно требовательны в отношении своего ребенка, мягки с ним, проявляющие несогласие со своим ребенком, имеющие низкий авторитет для своего ребенка, недостаточный уровень принятия, низкий уровень гибкости (реальной и идеальной).

2. У девиантных подростков (Москва) по сравнению с их сверстниками из общеобразовательных школ присутствуют такие параметры взаимодействия с родителями: мягкость в воспитании, недостаточный уровень требовательности, сотрудничества, согласия, последовательности, реальной сплоченности и гибкости.

3. У родителей девиантных подростков (Москва) присутствует низкая требовательность, мягкость, принятие, сотрудничество, низкий авторитет у своего ребенка, низкий уровень гибкости (реальной).

4. Подростки из общеобразовательных школ города Ташкента отличаются от своих сверстников по параметрам взаимодействия с родителями: требовательность, автономность, последовательность, авторитетность, удовлетворенность общением с родителем, а также таким параметром семейной системы как сплоченность (реальная).

5. Подростки из специализированных школ для подростков с девиантным поведением (Москва) различаются от своих сверстников по параметрам: требовательность, эмоциональная близость, принятие, сотрудничество, согласие (для мам), последовательность, авторитетность (для мам).

6. Подростки из специальных учреждений для девиантных подростков из Ташкента и Москвы по всем параметрам взаимодействия с родителями и сплоченности и гибкости семейной системы не отличаются друг от друга, в то время как у подростков из обычных общеобразовательных школ присутствует большое разнообразие воспитательных компетенций родителя.

Осознание критериев оценивания подростками из восточных и западных семей

Резванцева М.О.

РГГУ Институт психологии им. Л.С. Выготского Москва Россия

m-re@mail.ru

Аннотация. В статье представлена часть исследований автора по психологии оценивания с учетом региональных различий. Осознание критериев оценивания

подростками из разного типа этнических семей является производным от различного характера организации деятельности в восточном и западном регионах СНГ. Подростки восточного региона чаще используют в описаниях оценочных категорий типовые тавтологические определения, типовые конкретизирующие определения и в меньшей степени – самостоятельные, эгоцентрические и абстрактные, т.е. меньше осознают критерии оценивания. Подростки западного региона - в большей степени используют типовые альтруистические определения, оригинальные, индивидуальные сравнения, эгоцентрические определения, а также абстрактные описания категорий. Степень осознания оценочных категорий у западных подростков значимо выше.

Продолжая цикл исследований по психологии оценивания в разных этнических системах (Резванцева М.О., 2012), рассмотрим вопрос о различном осознании критериев оценивания восточными и западными подростками. Напомним, что опираясь на идеи Л.С. Выготского и Д.Б. Эльконина об интерпсихическом генезисе психических процессов, мы рассматриваем автоматическое оценивание взрослых как развернутый процесс освоения его у детей в ходе учебного действия по усвоению эталонов (Выготский Л.С., 1983; Эльконин Д.Б. 1971).

Оценивание включает в себя не только узнавание и категоризацию объектов и явлений окружающего мира, но и их качественную субъективную оценку. В предыдущих работах показано, что эта субъективная оценка во многом определяется характером взаимодействия в группе подростков в разных социальных ситуациях развития (Резванцева М.О., 2011-2014). Такой первой социальной группой, где складываются эталоны оценивания является семья.

В.К. Шабельников выделяет в современном обществе два типа семей по характеру организации деятельности: восточная и западная, с различными промежуточными формами (Шабельников В.К., 1997, 2010). В восточной семье в силу относительно стабильном образе жизни в биосфере, субъектом деятельности выступает не отдельный субъект, а группа или род и каждый человек усваивает с детства основы тесного взаимодействия и соответственно ценности и эталоны оценивания семейной группы.

Соответственно, характер взаимодействия с группой – принятие и

сотрудничество. В западной семье в связи с частой сменой социальных групп и урбанизированном образе жизни каждый человек в той или иной степени является индивидуальным субъектом деятельности, т.е. относительно самостоятельно осуществляет профессиональный и др. значимые выборы в жизни. Характер взаимодействия с группой в этом случае не только сотрудничество, но и индивидуальное самоутверждение. Этим определяются выявленные нами различия в оценивании старших подростков восточного и западного регионов (Резванцева М.О., 2012).

В восточном регионе оценка подростком объекта или ситуации в большей степени совпадает с общегрупповой оценкой, а в западном регионе степень совпадения индивидуальных оценок с оценками группы значительно меньше. Соответственно, мы предполагаем, что и критерии оценивания также будут осознаваться испытуемыми не одинаково. У восточных подростков, которые разделяют общегрупповые критерии, меньше необходимость в их индивидуальной рефлексии. Западные подростки, решая задачу утверждения в группе сверстников в качестве знающего, умеющего и т.д., должны в большей степени анализировать и осознавать критерии оценивания.

Цель данной статьи показать, как именно осознаются критерии оценивания подростками из семей с разными типами организации деятельности. Испытуемыми выступили старшие подростки (15-18 лет по классификации Д.Б. Эльконина) из восточного (Кызыл и Алма-Ата) и западного (Москва и Подмосковье) регионов СНГ в количестве 684 и 660 человека. По данным Л.И. Божович и Д.И. Фельдштейна для подростков характерно развитие логического мышления и осознанного оценивания.

Основным требованием к испытуемым выступали: обучение в школе на русском языке, а также факт знания друг друга и учеба в одном классе не меньше двух лет.

Использовалась модификация методики «Незаконченные предложения», а именно предлагалось ответить, что именно означают общеоценочные категории – прилагательные: красивый, простой, добрый, теплый, веселый и категории, обозначающие отдельные качества (трудолюбивый, полезный, смелый, нежный, уверенный) в оценке другого человека и в оценке геометрической фигуры. Выбор прилагательных проводился в пилотажном эксперименте. Временные ограничения испытуемым не вводились, т.к. фактор времени не является существенным при оценке

степени осознания оценочных качеств объектов. Каждый ответ оценивался в 1 балл и вычислялся процент от общего числа ответов.

В результате первичной обработки результатов оказалось, что общее число ответов на 23% больше у подростков западного региона в отношении осознания категорий оценивания одноклассников и на 36% больше ответов применительно к фигурам. Это определенный показатель большей активности в осознании категорий оценивания у подростков западного региона.

Подростки восточного региона характеризуют оценочные категории по внешним проявлениям, описывают отдельные стороны взаимоотношений людей, а также ими указываются внутренние качества одноклассников, приводятся много сравнений и конкретных примеров. Особенно кызыльскими испытуемыми дается не общее определение качеству, а оно используется ситуативно, для характеристики определенного человека.

Так Красивым, по их мнению, считается человек «с хорошими внешними данными», «с правильными чертами лица, как Чараш», «мускулистый, с шоколадным лицом» (43%), который прилагает для этого усилия - «ухаживает за собой, моя мама», «опрятно одевается», «аккуратный» (31%); внутренне красивый, «имеет приятную внешность и высоко духовный», «у которого сочетаются и внешние и внутренние качества в одном» (27%), или «человек с большими карими глазами, губами «бантиками», длинными волосами и пушистыми ресницами», «человек хорошо учиться, красивая Ай-Суу».

Нежный – это ласковый, милый и душевный человек, «теплый», «мягкий по характеру», «ласковый, понимающий», «хороший, не ругающийся матом» (31%); чувствительный и добрый, «неженка, в душе может быть ранимым», «его легко обидеть», «понимающий» (23%), делится с людьми и заботится о них, «проявляет нежность и ласку к окружающим», «нежно обнимает», «говорит ласковые слова», «все делает для тебя тихо и аккуратно» (9%).

Подростки Москвы и московской области оценивают качества одноклассников также по внешним признакам, но в большей степени указывают их эмоциональные характеристики в общении и взаимодействии, а также обобщенно оценивают качества

одноклассников в действии: умение брать ответственность и постоять за других и др.

Красивый одноклассник – это «внешне привлекательный, на которого приятно смотреть», «близкий к идеалу», «внешне симпатичный», «кто соответствует принятым критериям» (63%); «внешне и внутренне красив» (11%); «следит за собой», «ухаживает, опрятный», «повседневно следит за своей внешностью» (11%). Нежный – «ласковый, чувствительный, отзывчивый, приятный», «скромный, вызывает желание его защитить», «человек с добрым сердцем» (43%); «ласковый, заботливый с другими», «кто всегда может успокоить», «делиться своей заботой и любовью» (26%), «кто не грубит», «с которым приятно» (9%).

Отличительной чертой осознания категорий оценивания является то, что подростки восточного региона больше соотносят оценочные качества с другими людьми. Например, трудолюбивый понимается ими как «трудящийся на благо другим», веселый – «умеет развеселить окружающих», теплый – «делиться душевным теплом» и т.д. В данной группе можно выделить ряд оригинальных описаний.

Красивый – это человек, кто «делает все красиво, но красивый может быть тупым», «красивый – это когда глаза у него постоянно смеются, душа красивая, свободный, умный, разговорчивый».

Веселый - «КВН-щик», «интеллигентный человек, не унывающий, думающий о хорошем».

Теплый – «греющий», «любимый», «кто умеет разговаривать со взрослыми, всегда говорит комплементы», «наиболее домашний человек, кто редко выходит из дома».

Добрый - «герой из сказки», «глупый», «во всем себя показывает положительно, не говорит, что он крутой».

Простой – «деревенский», «который знает свои плюсы и минусы», «наивный».

Смелый - «кто заступится за девушку и будет этим гордиться», «человек немного безумный, выходящий за рамки толпы», «человек, который может с чувством страха справиться и сделать что-то полезное».

Уверенный – «вещь сама в себе», «гаишник», «точный», «умеет находить свои пределы».

Полезный – «плохо, если считать человека полезным, появляются алчность и расчет», «который умеет сохранить секрет», «одноклассник талантливый и понимающий».

Нежный – характеризуется подростками как «мямля (в основном)», «все девчонки», «который умеет ухаживать за девочками», «говорит мягко, если парень, то он похож на девочку», «люди, которые выросли без отца».

Трудолюбивый – «как муравей», «зря времени не теряет», «кто понимает, что трудиться в жизни обязательно нужно».

Из приведенных примеров видно, что осознание категорий оценивания одноклассников происходит у восточных подростков, с учетом морально-нравственных оценок и культурных традиций.

Так «нежный» большинством тувинских подростков оценивается как отрицательное качество и количество описаний этой категории значительно меньше, т.е. она хуже осознается. Во время проведения методики тувинские подростки отказывались ее описывать, т.к. считают эту черту женской в отличие от категории «смелый», которая характерна для мужчин, защитников и воинов. «Смелый» – «когда полезет в горящий дом и даже не испугается», «когда не боится злой собаки».

Определяя категорию «смелый» алмаатинцы называют Брюса Уиллиса, Робин Гуда, своих друзей, себя. Полезный – по данным алма-атинской выборки в основном тот, кто приносит пользу обществу и другим людям, а не только себе, «думает об окружающих» «теплый» – тот, кто может согреть других. С позиций подростков Алматы, в отличие от московских старшеклассников, о человеке нельзя говорить, что он полезный, т.к. тогда рассматриваешь его прагматически.

Были оригинальные ответы и в западной группе. Например: красивый - «человек красивый внутри», «ему самому нравится, как он выглядит». Теплый - – «человек, который ценит дружбу и всегда поможет», «тот, у кого дома можно попить горячий чай из большой чашки. Это так приятно». Простой – «человек, который не ожидает помощи от других», «равный со всеми»; добрый - «готовый простить», «кто скидывает тебе новые детали для компа бесплатно», «не существует в пространстве класса». Нежный – «кто ценит каждый миг и не боится проявлять чувства» «тот, кто ест йогурт «Нежность»

«туалетная бумага «Зева». Трудолюбивый – «кто способен к волевому напряжению сил в труде», уверенный – «кто не покажет свой страх», «тот, кто знает и добивается своей цели», «кто в любой ситуации отстаивает свое мнение», «тот, кто плюнул в Тайсона». Смелый – «кто может постоять за себя и других», «одноклассник, который может прогулять урок», веселый – «шут», «хохотун», «наш староста». Простой – «в ком нет загадок», «никакой», «без пафоса, нет никаких «заморочек» с этим человеком», «карандаш». Ответы свидетельствуют о том, что старшие школьники осмысливают внутренние качества одноклассников, морально-этические стороны взаимоотношений с окружающими, проявляют юмор (теплый – «тот, после кого садишься на стул, а он теплый»).

Степень осознания предложенных качеств в оценке геометрических фигур в обеих группах испытуемых ниже, чем осознание качеств одноклассников. Об этом свидетельствует меньшее количество ответов (разница составляет 34%).

В осознании качеств, при оценке геометрических фигур восточными подростками были получены разнообразные характеристики. Приведем примеры сгруппированных ответов. Красивыми названы волнистая линия «вся изгибающаяся по отношению к предмету», «симметричная», «плавная», «как волна», «похожа на кудрявую», «женственная», (30%); шестиугольник – «углы острые», «многоугольное, блестящее», «многогранник, ограненный камень», «правильная, приятная на вид», «многогранная фигура, способная вытягиваться в линию» (12%); круг – «такой ровненький, красивый», «не имеет отрицательных черт, она и так гладкая и круглая», «потому, что я люблю круг» (10%). Веселый – это волнистая линия – «это, как бы, улыбка, всегда смеется и никогда не идет прямо», «бегает зигзагом, веселясь», «игривая» (12%); шестиугольник – «много углов, класс, весело», «смешная, много углов, причудливая», «смешная, напоминает какое-то существо» (10%); параллелограмм – «беззаботный», «как бы, веселый человек, стоит не ровно», «игривая, смешная веселая» (9%). Теплым считаются круг – «как солнце», «в нем можно согреться», «как сфера, в которой живут люди» (35%); овал – «как большая батарея», «как бы панорама, все вместе со стороны», «смотрится тепловатым» (12%); квадрат – «как батарея», «фигура, с которой связаны хорошие воспоминания» (9%). Добрый – это круг – «колобок»,

«сглаженные углы», «только смайлик с улыбкой» (35%), овал – «мягкая», «никого не трогает», «замкнутость, защищенность, без углов», «похожа на яичко» (32%); отрезок – «как улыбка», «безобидный», «как лицо доброго человека» (8%). Простой – это прямая, «без углов, закорючек», «простого устройства», «просто линия (лучше была бы точка), «черточная, сделать только черточку» (35%); отрезок – «просто палка», «уклонившийся отрезок» (9%); квадрат – «не меняет своей формы», «обычен, одинаков и ровен со всех сторон», «ничего особенного, простой квадрат» (3%). Смелый – треугольник «потому, что острые углы», «он везде, и в воздухе, и на земле и в воде», «все нарисовано смело», «резкие черты, острые края, углы» (6%); отрезок – «смелость ограничена, не бесконечность», «короткий и длинный и не вынуждает других фигур говорить, что он не красивый» (5%); угол «всегда идет напролом», «остер», «дает знать, что готов на более смелые поступки», «острому углу – все нипочем» (3%). Уверенный – треугольник «потому, что устремлен на небо», «смотрится уверенно», «как стрелка, бегущая в будущее», «один угол точно смотрит в свою сторону», «три опоры самые прочные», «острый» (21%); шестиугольник, «с точно очерченным контуром», «красивый дизайн и большие формы», «похожа на ограду», (17%); угол – «уверен в своем направлении», «как клюв у орла», «высокомерный и угловатый» (5%). Полезная фигура – это квадрат, «точный», «может пригодиться в жизни», «нужен в решении задач», «используется где угодно», «как дом, комната полезная, в ней можно жить», «площадь всех объектов фигур вычисляется квадратом» (21%); прямая «палка», «легко рисуется», «составляет все изображения», «правильная фигура», «линейная, много работает на уроках» (9%); отрезок – «полка для книг», «можно что-нибудь измерить» (5%). Нежная фигура – это волнистая линия «напоминающая перелив шелка», «изогнутая линия, как будто тронешь – все испортиться», «не способная на изломы», «плавные линии, легкие на вид» (10%); круг – «нет острых углов», «все гладко», «нежные круговые движения», «потому, что все гладко» (7%); овал – «больше подходит к нежному золотистому сыру», «нежная, как мягкое мороженное», «как подушка», «без острых углов» (6%). Трудолюбивый – это шестиугольник, т.к «многосторонний», «в связи с многочисленными знаниями», «мотор в машине» «четкая фигура с определенными границами» (10%); прямая – «подобно вектору», «целеустремленная», «может быть большого размера» (7%); треугольник –

«загадочное трудолюбие», «как бермудский треугольник, много знает», «похож на дорожный знак», «его используют строители», «как в палеолите, каменные изделия» (7%).

Оригинальных ответов не много: красивая волнистая линия, «которая у себя имеет недостаток, как спираль», «окружность, потому, что она ассоциируется с дальними планетами, галактиками, например; солнцем и луной», уверенный шестиугольник - «как бы шестое чувство, уверен в себе» и др.

В большинстве случаев в характеристике оценочных качеств геометрических фигур в группе восточных подростков происходит эмоциональная оценка этих фигур и описание сравнение их форм с похожими по свойствам предметами.

Осознавая качества оценивания геометрических фигур, подростки западного региона показали следующие результаты. В первой группе общих качеств красивая фигура это – «волна, она плавная, изящная, нестандартная, красивой формы», «приятна глазу» (31%); «круг, т.к. он гармоничен, правильная форма со всех сторон», «идеально ровная и симметричная фигура» (20%); «шестиугольник – необычный, многозначный» (17%). Веселая фигура – это «шестиугольник, т.к. за гранью возможного, дарит радость» (17%); параллелограмм – «словно перекосясь от веселья, выходит за грани, не похож на других» (14%); треугольник «напоминает веселую шапочку, интересен» (14%). Теплая фигура – это круг «похож на солнце» (40%); овал «похож на солнце, приятный на вид, без углов» (17%); волна «теплые волны, плавная» (11%); Добрая – это овал «линии плавные, мягкие» (34%), шестиугольник т.к. «доброта многогранна» (11%); параллелограмм – «не сложная, неоднозначная фигура» (9%). Простую фигуру охарактеризовали по набору элементов: прямая – «проста в изображении, обычная на вид» (40%); отрезок – «легко изобразить» (20%); квадрат – «простая фигура» (14%). Смелая - это угол «не похож на других, четкий» (34%); треугольник – «стремиться только вперед, готов на любые рискованные поступки» (29%), прямая – «движение вверх, вперед» (11%). Уверенная – треугольник «устойчив, смотрит свысока, имеет углы» (20%); квадрат – «устойчив и надежен» и отрезок «уверен в себе и имеет свои собственные грани» (по 17%). Трудолюбивый – это угол «лидер, знающий свою цель» (20%); шестиугольник «многогранный, трудно изобразимый» (20%); параллелограмм -

«фигура, выходящая за грани, имеет свой характер» (14%). Полезный – квадрат «часто используется на практике», «любит труд» (29%); прямая – «часто используется для других фигур», «помогает в геометрии» (26%); отрезок – «часто используется и может служить мерой» (11%). Нежная – волнистая линия «плавная, веющая доброту» (49%); овал – «плавные линии» (20%); круг «без углов, плавный» (17%).

При осознании качеств геометрических фигур у большинства испытуемых московской группы проявилось оценивание формы, линий, их изображения, связь этой формы с характером человека, а также эмоциональная оценка фигур и их сравнение с реальными предметами. Количество оригинальных ответов – единично. Волнистая линия - «сама бесконечность во всем», «аккуратность и доведение всех начинаний». Параллелограмм – красивый, т.к. «вызывает симпатию, не такой, как все», квадрат – веселый, т.к. «многогранен и многолик и от этого интересен», «похож на смеющийся рот»; волнистая – «напоминает то, как рисуют звуковые волны, т.е. музыка, шум, разговоры». Круг, треугольник, квадрат - трудолюбивые, т.к. «наиболее трудящиеся фигуры». Шестиугольник – «уверенный, т.к. у него много сторон, как будто он много знает и поэтому не боится», «напоминает гайку», «как витамины». Угол – «целеустремленный, не боится никого», «не дорисована, можно добавить еще что-то».

Таким образом, в осознании исследуемых качеств испытуемыми западного региона проявился большой разброс ответов, что говорит об более разнообразном и индивидуальном осознании предложенных категорий. Качественный анализ позволил выявить следующие группы осознания оценочных категорий:

1) категория характеризуется по отношению к себе, эгоцентрическое использование (трудолюбивый – «человек, даже если устал, но я его о чем-то попрошу, он всегда выполнит просьбу», красивый – «я, когда выплюсь»);

2) категория характеризуется по отношению к другим, альтруистическое использование (трудолюбивый – «тудяга, который помогает девочкам» или «трудиться на благо общества»);

3) прочие определения - общее описание и уточнение отдельных качеств человека (трудолюбивый – «человек, который любит процесс труда», «любит свое дело»); название конкретной ситуации или человека (трудолюбивый – тот человек,

которого я очень люблю и уважаю и она очень уважает меня – моя подруга Ай-Су у) и др.

Проведенная математическая обработка с помощью критерия Хи квадрат (для оценки сдвига значений исследуемого признака при трех и более замеров на одной и той же выборке испытуемых), показала существование значимых различий между характером осознания критериев оценки подростками восточного и западного регионов.

Направление полученных различий можно проследить на Рисунке 1.

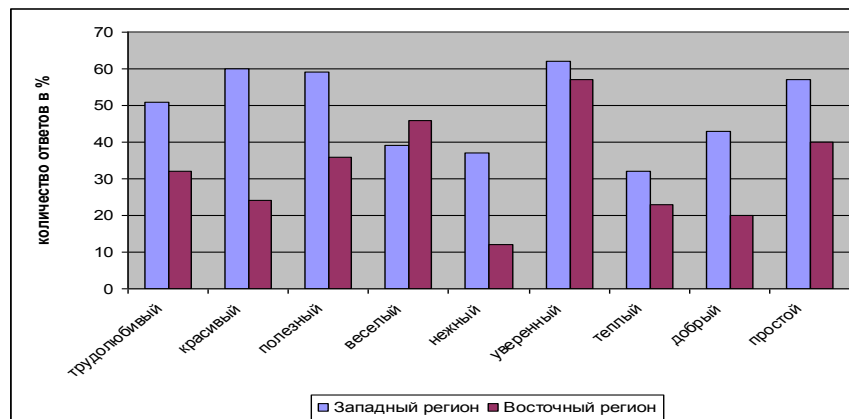

Рисунок 1 – Показатели количества эгоцентрических определений подростков западного и восточного регионов (в % к общему числу ответов)

Как показано на Рисунке 1, эгоцентрические определения при характеристике оценочных категорий больше характерны для школьников западного региона. Наибольшие различия получены по категориям: красивый (60% и 24%), полезный (59% и 36%), нежный (37% и 12%), трудолюбивый (51% и 32%) добрый (43% и 20%) Наименьшие различия в количестве эгоцентрических определений подростками получены по категориям веселый (39%, 46%), уверенный(62% и 57%) и теплый(32 и 23%). Это означает различную степень осознания указанных категорий с эгоцентрической позиции. Восточные старшие школьники проявляют менее эгоцентрическую позицию в их определении.

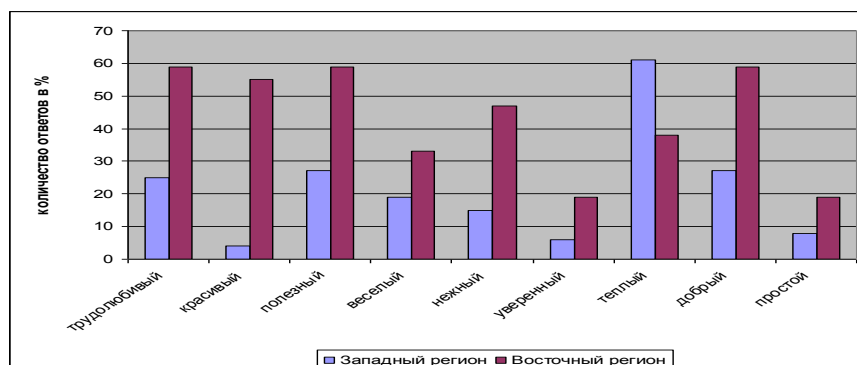

Рисунок 2 – Показатели количества альтруистических определений, данных подростками западного и восточного регионов (в % к общему числу ответов)

Как показано на Рисунке 2, количество альтруистических определений представленных категорий значительно выше в восточном регионе. Наибольшие различия получены по категориям красивый (4% и 55%), трудолюбивый (25% и 59%) нежный (14% и 47%), полезный (27% и 59%). По категории «теплый» альтруистические определения больше использовали школьники западного региона (61% и 38%). Полученные результаты подтверждают предварительное предположение о том, что для подростков восточного региона групповое взаимодействие предполагает выработку совместных критериев оценивания и принятия их членами группы, поэтому и количество определений оценочных категорий «для других» у испытуемых восточной группы выше. В группе западных подростков преобладают описания использования оценочных категорий в их собственном опыте, что позволяет высказывать мнение, не всегда совпадающее с мнением группы. Затем проводилось более детальное рассмотрение представленных ответов испытуемых, т.к. их деление на альтруистические-эгоцентрические определения, хотя и показало некоторые данные, но все же характер различий в осознании категорий проявился не полно. Были выделены следующие подгруппы:

1). Нормативно-групповое осознание категорий

а) типовое, тавтологическое определение (прямое повторение определяемого качества), («трудолюбивый» - любящий труд, «веселый»-веселое лицо);

б) конкретизирующие определения, штампы (используют наиболее употребляемые устойчивые выражения, идиомы) («нежный» – нежный и ласковый, «красивый» – красивая внешность);

в) типовое, альтруистическое определение (формальное определение качества для других людей или группы) («трудолюбивый» – тот человек, который помогает родителям, «полезный» – тот человек, который дает что то полезное для других)

г) определяется конкретная ситуация (качество описывается с помощью конкретного примера) («красивый» – моя подруга Ай-Сулу)

2). Нормативно-индивидуальное осознание категорий

д) используются оригинальные сравнения («красивый» – обаятельный, «мажор», «красивый» – тот, кто об этом знает)

е) определения с дополнительными признаками («нежный» – тот, кто любит детей и это редкость)

ж) эгоцентрические определения («нежный» – я, «добрый» – я, когда даю списать)

з) абстрактные определения («простой» – понятный другим, открытый, доступный для понимания, «простой»- человек, у кого не завышена самооценка)

Наличие признака обозначалось 1 баллом, а его отсутствие 0. Затем с помощью критерия Стьюдента проводилось сравнение ответов старших школьников из разных регионов СНГ и были получены следующие результаты. Параметры, по которым имеются значимые различия между регионами, выделены в таблице 1 жирным курсивом.

Таблица 1

Сравнение регионов по характеру определения оценочных категорий

Описание групп			
	Регион	размер	среднее
Нормативно-групповое осознание	Западный	70	3,5714
	Восточный	75	6,1733
Нормативно-индивидуальное осознание	Западный	70	7,3143
	Восточный	75	4,3733
Тавтологическое определение	Западный	70	1,3429
	Восточный	75	2,0533
Штамп	Западный	70	1,0714
	Восточный	75	3,6133
Альтруистическое определение	Западный	70	1,2429
	Восточный	75	,7467
Конкретно-ситуативное определение	Западный	70	,2286
	Восточный	75	,2400
Оригинальность определения	Западный	70	1,5857
	Восточный	75	1,5733
Самостоятельность определения	Западный	70	3,2429
	Восточный	75	2,1600
Эгоцентричность определения	Западный	70	,8714
	Восточный	75	,2133
Абстрактность определения	Западный	70	1,8714
	Восточный	75	,4667

Величина и значимость статистики Стьюдента

	t	df	значимость
Нормативно-групповое осознание	-7,244	143	,000
Нормативно-индивидуальное осознание	7,972	143	,000
Тавтологическое определение	-2,400	143	,018
Штамп	-8,451	143	,000
Альтруистическое определение	2,762	143	,006
Конкретно-ситуативное определение	-,076	143	,940
Оригинальность определения	,038	143	,970
Самостоятельность определения	3,629	143	,000
Эгоцентричность определения	4,634	143	,000
Абстрактность определения	6,870	143	,000

Из приведенных в Таблице 1 данных понятно, что существуют значимые различия в осознании критериев оценивания. Для подростков восточного региона характерно нормативно-групповое осознание. Они больше использовали типовое тавтологическое определение, формальные определения, штампы и т.д. Подростки западного региона преимущественно использовали индивидуальное определение оценочных критериев ($p < 0,01$). Подростки восточного региона значимо отличаются от подростков западного региона по показателям типового тавтологического определения ($p < 0,05$), конкретизирующего определения и использования штампов ($p < 0,01$), альтруистического определения, самостоятельного, эгоцентрического и абстрактного определений ($p < 0,01$).

Полученные различия и их направление можно проследить на Рисунке 3.

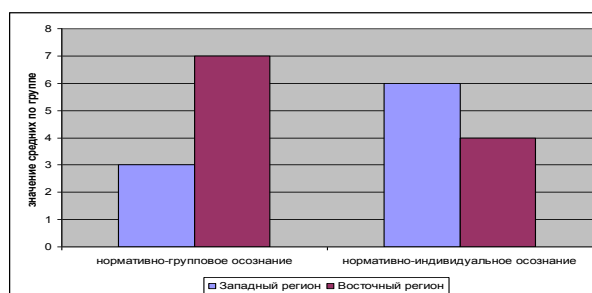

Рисунок 3 – Сравнение нормативно-группового и нормативно-индивидуального осознания критериев оценивания подростками западного и восточного регионов

На Рисунке 3 показано, что для подростков восточного региона преобладающим является нормативно-групповое осознание, а для подростков западного – нормативно индивидуальное. Полученные данные сопоставимы с ранее выявленными результатами

и подтверждают предположение о существовании различий в степени осознания критериев оценивания объектов испытуемыми разных регионов СНГ.

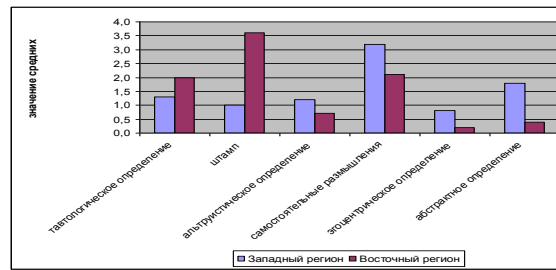

Рисунок 4 – Сравнение различных степеней осознания критериев оценивания подростками западного и восточного регионов

Как показано на Рисунке 4, для подростков восточного региона характерны в большей степени использование штампов и готовых речевых выражений (ср. значение по группе 3,6), типовых тавтологических определений (ср. значение 2), что свидетельствует о определенной формальности в ответах и соответственно более низкой степени осознания оценочных категорий. Подростки западного региона давали больше самостоятельных оригинальных определений предложенных качеств (ср. 3.2), абстрактных определений (ср. 1.8) а так же немного больше альтруистических определений (ср.1.2). Полученные данные свидетельствуют о том, что подростками западного региона в большей степени осознаются критерии оценки.

Итак, получены значимые различия по показателю осознания критериев оценивания у подростков восточного и западного регионов СНГ. Подростки восточного региона чаще используют в описаниях категорий оценивания типовые тавтологические определения, типовые конкретизирующие определения и в меньшей степени – самостоятельные, эгоцентрические и абстрактные, что свидетельствует о меньшей степени осознанности критериев оценивания. Подростки западного региона в большей степени используют для описания предложенных оценочных категорий типовые альтруистические описания, оригинальные, индивидуальные сравнения, эгоцентрические определения, а также абстрактные описания категорий. Степень осознания категорий в этой группе – выше. Полученные данные связаны с различным характером организации деятельности в восточных и западных типах семей. Восточный

подросток в семейном взаимодействии остается субъектом – исполнителем и принимает критерии оценивания, выработанные в семье. Похожий тип отношений он переносит и в подростковую группу, поэтому его оценки в большей степени совпадают со средними оценками группы и нет необходимости самостоятельно осмысливать критерии и содержание оценивания. В западной семье взаимодействуют индивидуальные субъекты деятельности и от подростка требуется «взросление», предполагающее становление его индивидуальной позиции, самооценки, помогающей правильно осуществить профессиональный выбор. Подобная модель отношений переносится и в подростковую группу, в которой подростки благодаря усвоенным критериям оценивания могут проявить свое мнение и утвердиться в группе. Поэтому им необходимо в большей степени осознавать и анализировать оценочные категории, в отличие от восточных подростков.

Список литературы

1. Выготский Л.С. История развития высших психических функций М.: Педагогика, 1983. – Т.3. – С. 145.
2. Резванцева М.О. Психология оценивания в социальном взаимодействии / М.: МГОУ – 2012. ISBN 97857017-18898 – 292 с.
3. Резванцева М.О. Социально-психологические характеристики оценивания объектов в процессе формирования / М.: МГОУ – 2012. ISBN 97857017-18891-1 – 218 с.
4. Резванцева М.О. Изучение социально-психологических и операционально-технических характеристик оценивания в процессе его формирования у детей. Международная научная конференция "Новая жизнь классической теории: к 110 летию со дня рождения П.Я. Гальперина" - М.: МГУ 2012. ISBN 978-5-9903305-3-5 – С. 150-166.
5. Шабельников В.К. Демократизация Востока: психологические проблемы. Журнал Развитие Личности – М.: Народное образование. – 1997. - №1.- С.84-99.
6. Шабельников В.К. История психологии М.: Академический проект.- 2011. - 389 с.

7. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6-20.

Трансформация семейных отношений в социокультурной реальности России и Казахстана

Суворова К.Р.

Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,

Петропавловск, Казахстан

karaf84@mail.ru

Аннотация: В статье выделены и проанализированы общие для социокультурной реальности России и Казахстана признаки трансформации современных семейных отношений со специфическими этнокультурными особенностями.

Ключевые слова: социокультурная реальность, семейные отношения, профиль семейных отношений.

В условиях глобальных социальных изменений мирового пространства семья трансформировалась, перестала существовать как целостная хозяйственная единица, как ячейка общества, повторяющая его прообраз, уступая место пониманию её самоценности и неповторимости.

Прежде всего, это связано с переменами, происходящими в различных культурно-исторических условиях, а также с семейными ценностями и традициями каждого общества, страны, нации. Особую актуальность приобретает социокультурное осмысление психологических основ трансформации семейных отношений.

Понятие «*социокультурная реальность*» интегрирует в себе социальные и культурные стороны каждого общества, являясь основанием, как указывает Э.А. Орлова, для изучения микродинамических процессов и изменений, связанных с современным

состоянием, как в повседневном совместном существовании людей, так и в глобальном масштабе (Орлова Э.А., 2008).

Социальная сторона представляет собой совокупность связей человека со всеми группами населения и их членами; устойчивых форм, способов взаимодействий, характерных для людей, составляющих данное социальное целое, и закрепленных в их практике с помощью норм и ценностей. Культура, как система ценностей, социально-психологический конструкт, призвана организовать общественную жизнь, поддерживать целостность и стабильность общества, при этом, как область человеческой деятельности - связана с самовыражением человека, проявлением его субъектности.

В свою очередь *семейные отношения* представляют собой совокупность межличностных отношений членов семьи, субъектную оценку этих отношений и себя в них, особенности взаимодействия супругов, их детей и других родственников. Они отражают структурную, функциональную, ценностную, смысловую, динамическую наполненность семьи как некую совокупность эмоционально значимых друг для друга людей в системе родства и супружества.

Являясь коллективным носителем социокультурных традиций семья, по справедливому утверждению Е.Е. Сапоговой, создает самобытное микросоциальное пространство: «это внутреннее для семьи и первоначально внешнее для ребенка пространство малой культуры является своеобразным осколком, проекцией внешнего человеческого опыта, свернутого в «большой» культуре» (Сапогова Е.Е., 2002, с. 97). То есть, семейные отношения не просто отражают культуру окружающего её общества, но и своё внутреннее приспособление к ней.

Таким образом, представление о семейных отношениях формируются в сознании каждого человека на основе усвоения системы общественно выработанных значений, закреплённых в предметах культуры, языке, этнических нормах и эталонах взаимодействия с членами семьи.

Для того чтобы понять и оценить изменения в формах и моделях семьи и семейных отношений, необходимо учитывать специфику современного этапа развития каждого конкретного общества, характера национальных и религиозных традиций.

В неустойчивой переходной ситуации Российского и Казахстанского общества для большинства людей семейная и этническая принадлежность становится наиболее приемлемым способом ощутить себя частью некоего целого, найти психологическую поддержку. Что особенно важно для наших стран, единых историческим прошлым и столь близких территориально.

До приобретения нашими странами статуса «советских», традиционные семейные ценности сохраняли свое влияние, как в Российском, так и в Казахском обществе.

В русской и казахской культурах на протяжении многих веков сложился традиционный образ многопоколенной (расширенной), патриархальной семьи, характеризующуюся следующими признаками: хозяйственная и нравственная основа правильного образа жизни, направлена на развитие рода и преемственность поколений; наличие института мужской власти и привилегий; строгое распределение семейных ролей и функций; ценности рождения и воспитания детей; обеспечение усиления своей этнической и религиозной системы; укрепление семейных уз за счёт следования традициям, обычаям, культуре и др. (Шабельников В.К., 2002; Шнейдер Л.Б., Соломатина Е.М., 2012; Кабакова М.П., 2011 и мн. др.).

В традиционной модели интересы семьи являлись выражением личных интересов. Человек в её рамках осознавал свою коллективную идентичность в отношении этой локальной кровнородственной группы, но кроме чувства сопричастности и гарантии от одиночества она встраивала индивида в жестко иерархические отношения господства и подчинения, и подчиненной стороной обычно выступали женщины и дети.

Главной причиной трансформации семейных отношений авторитетные учёные связывают с тем, что интеграция в мировое сообщество происходит по западному образу жизни, где распространены ценности индивидуализма, профессиональной системы отношений, а также массовое включение женщин в активную трудовую и общественную жизнь (так называемое равноправие). Женщина вышла из узкого семейного мира и получила равные права на образование, труд, социальное обеспечение, участие в общественно-политической жизни.

Профиль семейных отношений современной России и Казахстана разнообразен. При внешнем сходстве сохранились свои национальные традиции и обычаи, связанные с

преимуществом социально значимых форм поведения, сознательно поддерживающихся и закрепляющих семейные отношения.

При этом можно отметить наличие согласия и поляризации семейных установок на уровне традиционных и современных представлений, как между разными этническими группами, так и среди одной и той же этнической группы в зависимости от возраста, социально-экономического статуса, места проживания, уровня образования, религиозности и др.

Кардинальные перемены в общественной жизни привели к изменениям в современной семье в структуре, в выполняемых функциях и семейных ролях, на всех этапах жизненного цикла семьи, а также к качественным изменениям внутрисемейных отношений.

1. Место расширенной семьи устойчиво заняла *нуклеарная семья*, состоящая из двух поколений - родителей и их детей, родственные отношения отходят на второй план. Главными отношениями становятся отношения между супругами (супружеский тип семьи), где остаются значимыми и отношения с детьми (Андреева Т.В., 2005 и др.).

Индустриализация и урбанизация обуславливает все более частое отделение супругов и образование «малой семьи». Совместное проживание с родительской семьей, как правило, вызвано экономической слабостью молодой семьи.

Также изменяет число членов внутри нуклеарной городской семьи. Уменьшается число детей, в большинстве семей их не больше двух или сознательный отказ от детей. Появляются неполные (чаще материнские) и смешанные семьи.

Расширенные многодетные семьи встречаются в менее урбанизированных районах, селах и аулах, где сохраняются традиционные семейные обычаи. Так, например, к особенностям казахских семей относится традиция, когда один из сыновей (чаще младший сын) остаётся жить с родителями и создаёт свою собственную семью в родительском доме, тем самым пропуская стадию монады (минорат) (Бибчук М.А., Корсун Т.В, Римхаер Е.А, 2008). Обычно, в многодетных семьях, когда подрастает младший сын, родители достигают старости. Получается, что не он живет с родителями, а они с ним - он заботится о них.

2. Другая тенденция, связанная с изменением семейных функций и ролей - преобладание *эгалитарного типа* семейных отношений.

Указанный тип отношений характеризуется следующим рядом признаков:

- совместное принятие всех важных решений;
- пропорциональный вклад в материальное благосостояние семьи;
- совместно ведение домашнего хозяйства;
- взаимозаменяемость ролей и функций между мужем и женой;
- в равной степени занимаются воспитанием детей;
- развитие взаимопонимания, позволяющее каждому свободно проявлять свои чувства и др.

В городских семьях, как правило, отсутствуют жестко закрепленные роли, супруги согласуют личные планы и стереотипы поведения относительно друг друга. основополагающие семейные ценности формируются во взаимоотношениях мужа и жены и лишь впоследствии становятся естественной базой для родительско-детских отношений.

Репродуктивные функции уступают место функциям эмоциональной поддержки и принятию. При этом произошла передача важной воспитательной функции семьи государственным и общественным институтам (детским садам, школам, СМИ, няни).

Идеология равноправия, связанная в большей степени с активной общественной деятельностью и независимостью современной женщины, по сравнению с Западом в России и Казахстане имеет довольно противоречивый характер, что связано со сложившимися в тысячелетней культуре нормами патриархата и сохранившемся влиянием религий, где мужчина занимает главенствующие позиции. Сохраняются определённые авторитарные отношения, когда решающее слово остаётся за главой семьи – муж, отец, старший по мужской линии. Жёны становятся тем более доминирующими (или равными с мужьями), чем дольше существует брак (Бендас Т.В, Нурышева Б.С., 2001, 2006).

3. *В урбанизированной городской среде сохраняются многие традиции организации брачно-семейных отношений, при качественном изменении внутрисемейных отношений.*

Родители по-прежнему достаточно часто вмешиваются в отношения и расстраивают нежелательные браки и ориентируют на «одобряемые», опираясь на социально-экономический статус семьи, этническую идентичность и др. В казахском обществе сохраняется традиция «семи поколений», а в русском – запрет на инцест, что способствует предупреждению кровнородственных смешений и обеспечивает здоровое потомство и процветание нации. Наиболее желательными остаются этнически однородные браки. Однако, национальное размежевание этносов, в прошлом составлявших «единый советский союз», привёл к появлению межнациональных и межконфессиональных браков. Успешное функционирование таких семей зависит во многом от индивидуальных способностей и желаний самих супругов в налаживании взаимоотношений, поддержании их стабильности.

В целом можно обнаружить, что свадебная обрядность как в русской, так и в казахской культуре на сегодняшний день сохраняет традиционную структуру: сватовство, период свиданий молодых и свадьба. Религиозные браки в первую очередь освещаются в церкви и мечети.

Супружеские отношения. Партнеры выбираются на основе личных предпочтений, а взаимоотношения мужа и жены, как правило, основываются на взаимной любви, уважении, взаимопомощи и поддержке. Во главе угла супружеских отношений – индивидуальные свойства супругов.

Заключение брака становится самостоятельным и добровольным решением молодых, что обусловило появление альтернативных форм брака (сожительство, дистантные браки и др.). Казахское право левирата и сорората (аменгерство), а также полигамия утратили свою жизнеспособность, хотя и встречаются в религиозных южных районах страны также как и умыкание невесты.

Профессиональная ориентация молодых людей и как следствие высокий материальный достаток, влияет на изменение матримониального поведения, которое предопределяет нацеленность отсрочить создание семьи, на малодетный образ жизни и свободу в сохранении брака.

Средний возраст вступления в брак постепенно повышается. Однако большинство молодых людей России и Казахстана вступают в брак достаточно рано по сравнению с

развитыми странами Европы (25-30 мужчины, 22-28 женщины) (Шнейдер Л.Б., Соломатина Е.М., 2012; Кабакова М.П., 2011).

Так как большинство супругов ориентированы в семье на достижение счастья и возможностей для личностной самореализации, женщины и мужчины готовы разорвать брачные отношения, если они их не устраивают. Инициаторами развода всё чаще выступают женщины.

Другой важной причиной увеличения числа разводов является готовность к браку. Сегодня родители все дольше несут материальную, моральную и правовую ответственность за своих детей. При этом дети испытывают потребность отделиться от родителей, стать самостоятельными, независимыми, но при первых же проблемах в собственной семейной жизни (элементарные бытовые условия) вызывают трудности и молодые люди не способны с ними справиться.

4. Отношения родителей и детей можно охарактеризовать в рамках доминирующей детоцентрической модели семьи. Дети – главная жизненно-нравственная ценность семьи, среди прочих, определяется экономическими причинами. Родители заинтересованы обеспечить детям более высокий уровень жизни, чем когда-то был у них. При этом семейное воспитание всё больше становится гуманистическим (уважение, эмоциональная и духовная близость с ними), что требует от родителей огромной отдачи. (Шнейдер Л.Б., Соломатина Е.М., 2012).

В свою очередь, главная обязанность детей - любовь к родителям, послушание в детстве и юности и забота о них в старости. Уважение к старшим, и, прежде всего, к родителям, почитание матери - выступают одним из главных канонов в воспитательном кодексе подрастающего поколения, являясь основой формирования национального самосознания.

Общим для казахской и русской культур является отношение к появлению и воспитанию мальчика. Именно сын является продолжателем отцовского рода, наследником семейного имени. Девочка по-прежнему считается ближайшей помощницей матери и замещает её в обслуживании и социализации младших детей.

Традиционно казахи, в отношении к старшим детям, инициировали ребёнка в семью «старших родителей» (аталычество). В городских условиях жизни данный обычай

часто вызывает несогласие членов семьи (Давлетова А.Д., 2003). Основным аргументом является несоответствие возможностей стариков в подготовке ребёнка к современным условиям жизни. Нередко встречаются ситуации возврата первенцев в семью родителей

5. Новые ритмы жизни способствуют росту социальной мобильности, территориальной удалённости взрослых детей и родителей.

Пространственная удалённость, нуклеаризация современных семей, воспитание с отсутствующим родителем (чаще отцом), недополучение внимания и поддержки в раннем возрасте способствует сокращению встреч и их продолжительности взрослых детей с родителями, но не приводит к разрыву связей с ними

Родовая идентичность продолжает быть одним из основных этнических символов казахов и русских, активно пропагандируемых государством и поддерживаемых обществом. Межпоколенные отношения остаются интенсивными и близкими, особенно в трудные времена, связанные с рождением в молодой семье детей, болезни и т.д., соотнося планы и цели своей жизни с событиями семьи.

Другая особенность связана с тем, что молодые мамы очень часто рано возвращаются на работу, рассчитывая на помощь бабушек. Но и тут не всё так гладко. Сейчас в период появления внуков старшее поколение предпочитает работать и, скорее, гораздо больше помогает детям и внукам (Васягина Н.Н., 2013).

Наряду с оказанием некоторой помощи, бабушки и дедушки выступают в роли связующего звена между прошлым и настоящим семьи, передают традиции, семейные ценности и историю, окружают внуков безусловной любовью и покровительством.

Отметим, что внутри супружеской семьи межличностные отношения опосредованы в большей степени современными представлениями, установками и моделями поведения, в то время как родственные – традиционными, основанными на «национальном этикете». Старшее поколение в семье активно участвует в брачно-семейных обрядах, передавая и сохраняя историю, народные традиции, преемственность поколений.

За короткое историческое время, произошёл переход от большой многопоколенной семьи, нередко включающей побочных родственников, к нуклеарной, состоящей только из родителей с детьми; от семей старшего поколения, где рождение

детей не планировалось, к современной городской семье, в которой вопрос о числе детей сознательно решают сами супруги, а патриархальные отношения с непререкаемым главенством мужа уступили место отношениям между супругами, родителями и детьми, строящимся на демократических началах (Васягина Н.Н., Адушкина К.В., 2009).

На основании проведённого анализа, можно констатировать тот факт, что современная семья приобрела инновационный характер, сохранив черты традиционности. Особенностью казахских и русских семей по-прежнему остаётся следование своим культурным традициям и обычаям. Некоторые из них способствуют укреплению и развитию семейных отношений (венчание, крещение детей, уважение и забота о престарелых, семейные имена и др.), другие тормозят и разрушают (воровство невест, многожёнство, жёсткий патриархат и др.).

Безусловно, каждая культура порождает определённые модели семьи с составляющими её людьми, каждый из которых характеризуется определённой позицией, ролью, правами и обязанностями. Изменения старых и появление новых форм современной семьи есть переход к новым способам взаимоотношений - более разнообразным и более подходящим для современных мужчин и женщин (Шнейдер Л.Б., 2000, 2012; Жолубаева А., 2011 и др.).

Возникновение новых моделей семьи - нормальный и естественный процесс, который даёт возможность согласовывать актуальные и возможно более прогрессивные тенденции развития общества с культурными традициями. В любом варианте семья сохранит свою социокультурную сущность и останется звеном, соединяющим индивида с обществом и вводящим его в свою культуру.

Список литературы

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи. Монография. – СПб.: Речь, 2005. – 436с.
2. Бебчук М.А., Корсун Т.В., Рихмаер Е.А, Психология семьи и семейная психотерапия в кросскультурном аспекте (республика Казахстан) // Альманах современной науки и образования. Научно-теоретический и прикладной журнал широкого профиля.

- «Педагогика, психология, социология и методика их преподавания». – 2008. – С. 19-22.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб. : Питер, 2006. – 431 с.
 4. Васягина Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России : монография / Н. Н. Васягина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург :, 2013. – 309 с.
 5. Васягина Н.Н., Адушкина К.В. К вопросу о семейном самосознании // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2009. – №7.
 6. Давлетова А.Д. Ориентировка личности в психологическом пространстве родительской семьи (на материале исследования казахской семьи): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М.: 2003. – 22 с.
 7. Жолубаева А. Современная семья как феномен культуры. // Мысль. – 2011. – № 5. – С. 23-28.
 8. Кабакова М.П. Ценности и традиции современной казахской семьи //Диалог Евразия Казань : Международный культурно-интеллектуальный журнал. <http://bit.ly/hJiG0z> 2011-03-01
 9. Орлова Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Том II. Вып. 1(2). – М.: 2008. – С. 160-175.
 10. Сапогова Е.Е. Семейный нарратив как прецедентный текст для ребёнка // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции «Социокультурная герменевтика: теоретико-методологическое обоснование в контексте развития толерантности». – Кемерово : Графика, 2002. – С. 97-101.
 11. Шабельников В.К. Семья в геополитическом конфликте 21 века // Семья в России. – 2002, – №3. – С. 28-36.
 12. Шнейдер Л.Б., Соломатина Е.М. Практикум по психологии семьи и семейному консультированию: учебное пособие. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2012. – 496 с.

Воспитание в семьях Нишских студентов⁷

Тодорович А.Е.

Департамент по психологии Философский факультет,

Нишский Университет, г. Ниш, Сербия

jelisaveta.todorovic@filfak.ni.ac.rs

Демократизация в современном обществе является глобальным процессом, что находит своё отражение в создании определённых отношений в современной семье. Теории, занимающиеся воспитанием, всё чаще подчёркивают важность демократического воспитания в семье. Настоящее исследование основывается на разделении воспитательных стилей, в соответствии с теоретической концепцией Дианы Баумринд, которая выделяет авторитетный (демократический), авторитарный и разрешающий воспитательные стили. Чтобы понять компетентность родительского функционирования, очень важны исследования взаимосвязи воспитательного стиля родителей с успеваемостью подростков. Одной из первых исследование такой взаимосвязи провела Баумринд [1]. Наблюдения в ходе лонгитюдного исследования за детьми от дошкольного до подросткового возраста, она нашла, что дети авторитетных родителей являются более зрелыми, социально независимыми, более активными и более успешными, чем дети неавторитетных родителей. Она также обнаружила, что дети дошкольного возраста, которые имеют родителей с разрешающим стилем воспитания, показали низкий уровень уверенности в себе, а также низкий уровень самоконтроля и компетентности. Чтобы определить, являются ли эти данные стабильными, она снова провела исследование в подростковом возрасте и обнаружила, что взаимосвязь стилей родителей со школьной успеваемостью соответствует ранее полученным данным [2]. По сравнению со своими сверстниками, подростки из авторитетных семей были

7

Работа была написана в рамках проекта 179002 "Показатели и модели гармонизации ролей на работе и в семье" при поддержке Министерства образования и науки Республики Сербии.

мотивированы и целеустремленны в познавательной деятельности, добивались самых высоких результатов в тестах словесных и математических достижений. Они также были социально ответственными, имели высокую самооценку и внутренний локус контроля.

Результаты многочисленных исследований показывают, что подростки, воспитанные в семьях, где родители применяли авторитетный стиль, имеют более высокую успеваемость в школе, чем их сверстники. Стейнберг с сотрудниками [6] ссылаются на исследования, которые предполагают, что существует причинная связь между авторитетностью и успеваемостью в школе, как у младших, так и у старших подростков. В своём исследовании, Стейнберг обнаружил, что авторитетное воспитание тесно коррелирует с успеваемостью, хотя есть и исключения: для подростков, происходящих из афро-американских семей отсутствует связь между авторитетным воспитанием и школьной успеваемостью. Эти результаты показывают, что культура играет очень важную роль между воспитательными родительскими стилями и академической успеваемостью подростков. По данным исследования Матеевич и Стойкович [5] обнаружено, что существует низкая, но статистически значимая взаимосвязь между демократическим воспитательным стилем матерей и очень хорошей школьной успеваемостью подростков ($p=0.283$, $p<0.05$); между демократическим воспитательным стилем матерей и отличной успеваемостью подростков в школе ($p=0.248$, $p<0.01$). Результаты исследования свидетельствуют о том, что вклад матерей в школьную успеваемость подростков более существенен.

Исследование Ламборн и его сотрудников [4] показывает, что подростки, которые приходят из авторитетных семей, имеют значительно более высокую академическую компетентность, значительно более низкий уровень проблемного поведения и значительно более высокий уровень психосоциального развития.

Баумринд и Томпсон [3] отмечают, что авторитетная модель является наиболее эффективной для достижения как высокого уровня индивидуальности, так и для сплоченности детей, за исключением воспитания детей в Европе и Америке.

С учетом культурного контекста в отношении к авторитарному стилю воспитания, приходится сделать заключение, что не все исследования свидетельствуют о том, что он может быть вреден или мало эффективен. Исследования показывают, что существуют

культурно-специфические особенности родителей, которые считаются адекватными и в тоже время могут быть связаны с авторитарным стилем воспитания, такие как [3]: глубокая и неизменная приверженность к роли родителя, глубокое знание ребёнка и его потребностей развития, уважение индивидуальности и потребностей ребёнка, регулирование режима и структуры семьи так, чтобы оно соответствовало характеристикам развития ребёнка, готовность принять и обеспечить соблюдение правил поведения, когнитивная стимуляция и эффективная коммуникация, а также использование обоснований для того, чтобы дети поняли цели своих родителей и их дисциплинарные поступки.

Принимая во внимание особенность авторитарного воспитательного стиля, мы хотели проверить - происходят ли студенты Нишского Университета из семей с авторитарным стилем воспитания.

Поставленная цель предполагает следующие специфические задачи:

1. Изучить степень присутствия воспитательных стилей в выборке студентов Нишского Университета;
2. Изучить существуют ли различия в степени присутствия воспитательных стилей в зависимости от влияния на экзаменуемого отца или матери;
3. Изучить есть ли различия степени представленности воспитательных стилей в семье у студентов из разных факультетов Нишского Университета.

Ожидалось, что в выборке студентов Нишского Университета доминирующим стилем будет являться авторитарный (демократический). Кроме того, предполагалось, что в отношении воспитательного стиля будут установлены существенные различия между разными факультетами Нишского Университета (Философский, Электронный, Естественно-математический и Машиностроительный факультеты).

Чтобы изучить воспитательные стили, были использованы опросник PSDQ, Опросник родительских стилей и размеров (Parenting Styles & Dimensions Questionnaire, Robinson, Mandlaco, Olsen, & Hart, 2001). Он направлен на выявление таких показателей, как:

1. Размеры авторитарного воспитательного стиля: Поддержка (Отец/мать поощрял/ла меня, чтобы свободно выражать свое мнение), Регулирование (Отец/мать

указывал/ла на причины определённых правил) и Автономия (Отец/мать разрешал/ла мне влиять на правила в семье) и они составляют первый фактор опросника.

2. Размеры авторитарного стиля: Принуждение (Отец/мать наказывал/ла меня, если я не слушался/лась), Словесная враждебность (Отец/мать кричал/ла на меня, если я плохо вёл/ла себя) и Отсутствие объяснений (Отец/мать наказывал/ла меня давая частичное объяснение или без объяснений) составляют второй фактор опросника.

3. Разрешающий или снисходительный стиль воспитания в опроснике (Отец/мать избаловал/ла меня) не имеет большой представленности, хотя и составляет третий фактор опросника. Этот стиль представляют четыре элемента.

В ходе исследования было опрошено 316 студентов и 268 студенток. Результаты показали, как у отцов, так и у матерей показатели авторитарного стиля более выражены, чем показатели авторитарного и разрешающего стилей. Это означает, что большинство студентов оценили, что доминирующим воспитательным стилем в их семьях является авторитарный или демократический. Интересно, что матери чаще используют принуждение используя требования и санкции, чем отцы, хотя эти различия очень малы и статистически незначимы. Снисходительность в воспитании более характерна для матерей. Основываясь на этих результатах, можно сделать вывод, что изучаемые факторы стилей воспитания более представлены среди матерей опрашиваемых студентов, даже в случае авторитарного стиля воспитания, и это является неожиданностью.

Авторитарный стиль матерей достоверно более выражен среди студентов Философского факультета по отношению к студентам Факультета электроники, а авторитарный стиль значительно более распространён среди студентов Факультета электроники, который по половому составу является "мужским" факультетом.

Авторитарный стиль воспитания отца более выражен у студентов Естественно-математического факультета, чем у студентов других факультетов (Философского факультета, Факультета электроники и Машиностроительного факультета), в то время как авторитарный стиль отца более выражен среди студентов Факультета электроники по отношению к студентам Философского и Естественно-математического факультетов.

В отношении перmissive стиля нет разницы.

Список литературы:

1. Баумринд, 1968: D. Baumrind, "Authoritarian vs. Authoritative Parental Control", *Adolescence*, Berkeley, vol. 3, 11. 255-272.
2. Баумринд, 1991: D. Baumrind, "The influence of parenting style on adolescent competence and substance use", *Journal of Early Adolescence*, Berkeley, vol. 11, 56-95.
3. Баумринд, Томпсон, 2002: D. Baumrind, A.R. Thompson, "The Ethics of Parenting", In M. Bornstein (Ed.), *Handbook of Parenting*, Vol. 5. Practical Issues in Parenting, LEA, Mahwah, New Jersey London.
4. Ламборн, 1991: D.S Lamborn et al., "Patterns of Competence and Adjustment among Adolescents from Authoritative, Authoritarian, Indulgent, and Neglectful", *Child Development*, vol. 62. 1049-1065.
5. Матеевич, Стойкович Воспитательный стиль родителей и школьная успеваемость младших подростков./ *Инновации в обучении*, 2012, №. 25. С. 37-46.
6. Steinberg, et al, "Impact of Parenting Practices on Adolescent Achievement: Authoritative Parenting, School Involvement, and Encouragement to Succeed", *Child Development*, vol. 63, 1266-1281.

Особенности стилей семейного воспитания в крымско-татарской семье

Хамматова Р.С.

*ГБОУ ВО Первый Московский государственный
медицинский университет им. И.М.Сеченова, Москва, Россия
rinakham@mail.ru*

Ключевые слова: крымско-татарская семья, стили семейного воспитания, национальная культура, традиции, нравы.

Роль семьи в обществе несравнима по своей силе, ни с какими другими социальными институтами, так как, именно в семье формируется и развивается личность человека, происходит овладение им социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации ребенка в обществе. Семья выступает как первый воспитательный институт, связь с которым человек ощущает на протяжении всей своей жизни. Именно в семье закладываются основы нравственности человека, формируется нормы поведения, раскрываются внутренний мир и индивидуальные качества личности. В каждой семье объективно складывается определенная, далеко не всегда осознанная ею система воспитания. Здесь имеется в виду и понимание целей воспитания, и формулировка его задач, и более или менее целенаправленное применение методов и приемов воспитания, учет того, что можно и чего нельзя допустить в отношении ребенка. Могут быть выделены 4 тактики воспитания в семье и отвечающие им 4 типа семейных взаимоотношений, являющиеся и предпосылкой, и результатом их возникновения: диктат, опека, "невмешательство" и сотрудничество. Вслед за А.Л. Венгером [1] определим само понятие «стиль воспитания» как «стиль взаимоотношений с ребенком в семье, характеризуемый степенью контроля, заботы и опеки, теснотой эмоциональных контактов между родителями и ребенком (эмоционально теплый – эмоционально холодный), характером руководства поведением ребенка со стороны взрослых (демократический – авторитарный), количеством запретов (ограничительный – попустительский) и т.п.». М.И. Лисина проследила развитие самосознания дошкольников в зависимости от особенностей семейного воспитания. Дети с точным представлением о себе воспитываются в семьях, где родители уделяют им достаточно много времени; положительно оценивают их физические и умственные данные, но не считают уровень их развития выше, чем у большинства сверстников; прогнозируют хорошую успеваемость в школе. Этим детей часто поощряют, но не подарками; наказывают, в основном, отказом от общения. Дети с заниженным представлением о себе растут в семьях, в которых с ними не занимаются, но требуют послушания; низко оценивают, часто упрекают, наказывают, иногда – при посторонних; не ожидают от них успехов в школе и значительных достижений в дальнейшей жизни [2].

Остановимся на наиболее распространенных стилях семейного воспитания, определяющего особенности отношений ребенка с родителями и его личностное развитие. Демократичные родители ценят в поведении ребенка и самостоятельность, и дисциплинированность. Они сами предоставляют ему право быть самостоятельным в каких-то областях своей жизни; не ущемляя его прав, одновременно требуют выполнения обязанностей. Контроль, основанный на теплых чувствах и разумной заботе, обычно не слишком раздражает; он часто прислушивается к объяснениям, почему не стоит делать одного и стоит сделать другое. Формирование взрослости при таких отношениях проходит без особых переживаний и конфликтов. Авторитарные родители требуют от ребенка беспрекословного подчинения и не считают, что должны ему объяснять причины своих указаний и запретов. Они жестко контролируют все сферы жизни, причем могут это делать и не вполне корректно. Дети в таких семьях обычно замыкаются, и их общение с родителями нарушается. Часть детей идет на конфликт, но чаще дети авторитарных родителей приспособливаются к стилю семейных отношений и становятся неуверенными в себе, менее самостоятельными. На выбор родителями стиля семейного воспитания оказывают влияние: обычаи, традиции, семейный климат, культура в которой воспитывались сами родители [5, 6].

Нами проводилось исследование в 2013 году в Крыму (еще до присоединения Крыма к России). В нашем исследовании принимали участие 28 семей (56 супругов) крымско-татарской этнической принадлежности. В исследовании представлены полные семьи, т.к. необходимо было выявить влияние обоих родителей на формирование определенного стиля воспитания при складывающихся взаимоотношениях. В качестве стратегии формирования выборки использовалась рандомизация – случайный отбор семей различной этнической принадлежности. Социальный состав характерен для городского населения (предприниматели, служащие, рабочие, домохозяйки). В качестве региона по отношению к этносам была избрана республика Крым (г. Симферополь). При этом изучались семьи крымских татар. Исследование складывалось из нескольких этапов:

1. Проведение первичной беседы, анкетирование родителей и детей.

2. Тестирование родителей для выявления стиля воспитания в семье.

3. Статистическая обработка полученных результатов и формулировка основных выводов.

В исследовании нами были применены следующие методики: «Диагностика характерологических свойств личности» В.М. Миниярова, карта беседы с родителями и анкета [3]. В ходе исследования была создана доброжелательная атмосфера доверительного психологического контакта между родителями и исследователями, заинтересованности в правдивости собственных ответов. Каждому родителю предлагался текст анкеты и теста. Также родителям предлагалось сообщить сведения о себе и своем ребенке: возраст, кто занимается воспитанием детей, какие методы воспитания используются и др. В ходе работы респонденты проявляли заинтересованность, следили за соблюдением всех пунктов инструкции, интересовались оценкой результатов. Изучая стили воспитания в семьях крымско-татарского этноса, мы столкнулись с малоизученностью (практически отсутствием социально-психологических исследований) данной этнической группы. На эволюцию крымско-татарского этноса, по сравнению с другими этносами, влияние окружающей среды было чрезвычайно большим, начиная с эпохи присоединения Крыма к Российской империи и кончая депортацией крымских татар из Крыма во времена Советского Союза. В этих случаях внешняя сила (государство) брала и разом изменяла весь уклад жизни, характер человеческих, общественно-социальных отношений. Крымские татары оказывались снова и снова в принципиально новых условиях существования и в Российской империи, и в Советском Союзе, а затем в Украине. Депортации этносов были, скорее, исключением из правил, так как подвергались ей не все народы. Поэтому влияние внешней среды в СССР на крымско-татарский этнос было несравненно большим, чем влияние на любой другой этнос. Последовательное (один за другим, через определенное время) воздействие двух грандиозных деформаций на этногенез крымских татар наложило заметный отпечаток на самосознание. Первая деформация – присоединение Крыма к Российской империи – привела к изменению социальной окружающей среды крымских татар, которая

повернула вектор существования и дальнейшего развития крымско-татарского этноса от азиатско-мусульманского к европейскому. Вторая деформация – депортация – означала для крымских татар лишение всех прав в объеме советского государства и перевод целого этноса на самый низкий уровень общественного положения – полное бесправие. Крымские татары стали отверженными, лишились всех формальных и политических прав. Но самое страшное – то, что их лишили главного природного основания этноса – его этнической собственности, то есть среды обитания. Крымский татарин не мог быть самим собой до конца, он вынужден был играть роль, ему навязанную. Это имело положительную сторону – формировался профессионализм, высокая порядочность, толерантность, независимость, активность. Крымские татары это – миролюбивые, доброжелательные и степенные люди, открытые для дружбы. Очень уважительно относятся к старшим и обращаются строго на «вы». Крымские татары очень трепетно относятся к старикам и детям. Стремительное, буквально за несколько лет, возвращение крымских татар – еще один переломный момент в судьбе народа. Предыдущее развитие полностью европеизировало крымских татар [4]. В семьях крымских татар преобладают состязательный – 28,6 %, рассудительный – 19,6 % и контролирующий – 17,9 % стили семейного воспитания. Гармоничный – 12,5 %, предупредительный – 10,7 %, попустительский – 7,1 % и сочувствующий – 3,6 % стили семейного воспитания.

Таблица № 1.

Стили воспитания в семьях крымских татар

Стиль воспитания	Кол-во	%
Гармоничный	7	12,5
Рассудительный	11	19,6
Состязательный	16	28,6
Сочувствующий	2	3,6
Предупредительный	6	10,7
Контролирующий	10	17,9
Попустительский	4	7,1
Всего	56	100

Рассмотрим особенности состязательного, рассудительного и контролирующего стилей семейного воспитания, которые преобладают в исследуемых семьях.

Преобладающий состязательный стиль семейного воспитания характеризуется тем, что родители видят в своем ребенке, прежде всего суперличность. Они следят за внешним видом ребенка, обучают хорошим манерам и этикету и требуют демонстрации своих умений в обществе. С ребенком взаимодействие происходит на равных и в основном родители руководствуются поощрительным методом воспитательного воздействия. В семьях крымских татар главенство обоих родителей является непререкаемым, что связано со сложившимся многовековым укладом семейных отношений. На современном этапе в крымско-татарских семьях возрастает значение ценностей успеха в современном обществе, личных достижений, что обуславливает возрастание роли состязательного стиля семейного воспитания.

Другой преобладающий вариант развития взаимоотношений между родителями и детьми в семьях крымских татар (рассудительный стиль семейного воспитания) предполагает, что между ними чаще складываются ровные и спокойные взаимоотношения, однако они носят не фамиллярный характер, то есть существует определенная дистанция между ребенком и взрослыми. Теплые, добрые взаимоотношения проявляются в совместной деятельности. Родители не считают необходимым поощрять ребенка за любые, даже самые незначительные, успехи. Они считают, что можно обходиться без внешних стимуляторов активизации детей, так как активность есть естественная потребность каждого человека. Наиболее предпочтительными методами воспитания оказываются пример, убеждение, беседа. Следующим преобладающим вариантом развития взаимоотношений между родителями и детьми (контролирующий стиль семейного воспитания) предполагает, что в этих семьях родители вынуждены наказывать детей за неправильное поведение и поощрять за правильное, так как осуществляют постоянный контроль за ребенком. Однако чаще приходится наказывать либо для упреждения возможных негативных поступков ребенка, либо по поводу уже свершившихся. Мало того, родители считают,

что за один и тот же проступок мера наказания должна постоянно возрастать. Широко применяя меры наказания, родители добиваются послушания ребенка. У родителей имеется целый арсенал оправдательных мотивов своего жесткого обращения с ребенком: «нет терпения», «если не наказывать, совсем отобьется от рук», «нас пороли, и мы выросли достойными людьми». Родители, как правило, неласковы, бывают скупы на похвалу, поддержку ребенка. Характер и степень влияния на ребенка определяет множество отдельных факторов и прежде всего личность самого родителя как субъекта родительско-детского взаимодействия, пол, возраст, характер, вероисповедание, национально-культурная принадлежность, социальный статус, профессия и др. Рассматривая стили семейного воспитания, принятые в семьях крымско-татарской национальности с учетом факторов можно определить характерные особенности воспитания.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы: превалирование определенных стилей семейного воспитания находят свое объяснение в том, что длительное вынужденное проживание (депортация), борьба за свою территорию, и социальные трудности, все это наложило отпечаток на родительско-детские отношения. Стили семейного воспитания могут отражать этнопсихологические особенности и эти особенности играют роль в формировании индивидуальных отличий представителей этнической группы, где этнический фактор играет важнейшую роль в выборе стиля семейного воспитания. Необходимо сохраняя прогрессивные традиции своего народа изучать опыт других этносов и стремиться к межнациональному сотрудничеству в решении проблем семьи.

Список литературы

1. Венгер А.Л. Психологическое консультирование и диагностика. – М.: Генезис, 2007. – 160 с.
2. Лисина М.И. Формирование личности ребенка. – СПб.: Питер, 2009. – 320 с.

3. Минияров В.М. Педагогическая психология: Учебно-методическое пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 383 с.
4. Мустафаев Ш.У. Некоторые моменты этногенеза крымских татар // История и современность. – 2007. - № 1. С. 204-211.
5. Хамматова Р.С. Социально-психологический климат семьи: Монография. – Самара: СГПУ, 2006. – 97 с.
6. Хамматова Р.С. Этнопсихологические особенности семьи: монография. – Самара: ПГСГА, 2011. – 268 с.

Состав семьи и академическая успеваемость детей: кросс-культурное исследование

Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Зырянова Н.М., Гейдарова Л.М.

Московский Государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Бакинский филиал МГУ имени М.В.Ломоносова, Баку, Азербайджан

y_chertkova@mail.ru

В работе рассматривается академическая успеваемость близнецов и одиночнорожденных детей - учащихся средних школ Российской Федерации и Республики Азербайджан с учетом двух факторов семейной среды: воспитания детей одним или двумя родителями (полная-неполная семья) и наличия сиблингов. Показано, что близнецы к средней школе догоняют одиночнорожденных по успеваемости за исключением предмета «родной язык». Состав семьи оказывает влияние на школьную успешность детей в России в большей мере, чем в Азербайджане, что может быть связано с культурными особенностями страны – меньшим количеством нуклеарных семей и большей включенностью в воспитание детей широкого круга родственников.

Ключевые слова: близнецы, академическая успеваемость, состав семьи, кросс-культурное исследование.

Целью данного исследования является сопоставление показателей академической успешности учащихся школ Российской Федерации и Азербайджана. Задачи исследования: 1) определить, существуют ли различия в академической успеваемости близнецов и одиночнорожденных учащихся; 2) выявить роль семейных факторов, которые могут влиять на школьную успеваемость школьников - близнецов и одиночнорожденных в России и Азербайджане.

Количество близнецовых рождений в мире в последние годы значительно возросло. Так, согласно отчётам Национального центра статистики народонаселения США в 1980-ом году там родились 68339 близнецов, на каждую 1000 новорождённых приходилось по 19 близнецов. В 2000-ом году число родившихся близнецов увеличилось на 74% (118916 близнецов) по сравнению с 1980-ым годом, т.е. на каждую 1000 новорождённых приходилось уже 29 близнецов (Зырянова, 2006).

В России по данным Госкомстата в 1959–2008 гг. частота многоплодия нелинейно варьирует в пределах 0,6-1,4 %. Начиная с 1999 г., уровень и частота многоплодия демонстрируют устойчивую тенденцию к повышению (Егорова, Пьянкова, 2010).

Частота рождения близнецов в Азербайджане также возрастает. Так, по данным Госкомстата Азербайджана в 2012 году родились 175400 детей, из них 753 двоен и 11 троен. За первые 8 месяцев 2014 года на 112000 новорожденных приходилось 993 двойни и 15 троен. (REGNUM)

Этому способствуют разные факторы. К примеру, распространение процедуры экстракорпорального оплодотворения (четверть всех родов после ЭКО – близнецовые), повышение среднего возраста рожениц (осознанное планирование беременности на более позднее время, связанное с получением образования, устройством карьеры женщины и пр.), применение гормональных средств для стимуляции овуляции при лечении бесплодия и другие.

Дети, появившиеся на свет в результате многоплодной беременности, представляют собой группу риска из-за повышенной вероятности патологий в пренатальном и перинатальном периоде развития (недоношенность, низкий вес при рождении, родовые травмы и др.) и специфики психического развития в условиях близнецовой ситуации. Вследствие целого комплекса неблагоприятных факторов

близнецы могут отставать в когнитивном развитии от одиночнорожденных детей в первые годы жизни и иметь сложности как с усвоением школьной программы, так и с адаптацией к школьной жизни. Таким образом, близнецы должны рассматриваться как особая группа, которая нуждается в специальном внимании медиков, психологов, педагогов. Анализ особенностей развития близнецов важен как для родителей, так и для педагогов, поскольку учет этих особенностей в воспитании и обучении позволяет максимально смягчить неблагоприятное влияние близнецовой ситуации.

Многочисленные эмпирические исследования когнитивного развития близнецов, проводимые на протяжении уже более 100 лет, демонстрируют отставание близнецов от одиночнорожденных сверстников по показателям общего интеллекта и академической успеваемости. Так, средние оценки общего IQ близнецов оказываются примерно на 5 пунктов ниже оценок одиночнорожденных индивидов. В качестве примера можно привести исследование Record R. с соавторами, выполненное в середине прошлого века (Record et al, 1970), или более позднее, проведенное через 30 лет, - исследование Deary I. с соавторами (Deary et al., 2005).

Но в последние десятилетия в результатах анализа особенностей когнитивного развития близнецов произошли изменения. Определяются две основные закономерности: 1) отставание близнецов от одиночнорожденных индивидов уменьшается с возрастом; 2) в развитых странах близнецы-школьники перестают демонстрировать более низкие показатели интеллектуального развития и академической успешности по сравнению с одиночнорожденными учащимися (что объясняется достижениями в развитии пренатальной, перинатальной и неонатальной медицины и педиатрической практики, а также наличие педагогической и психологической поддержки родителей детей из групп риска).

Авторы отмечают, что в целом близнецы, рожденные в 50-х годах прошлого века, и сегодня сохраняют свое отставание от одиночнорожденных сверстников по показателям общего интеллекта и оценкам академической успешности (например, Posthuma et al., 2000; Ronalds et al., 2005). В одной из таких работ - кросс-культурном исследовании Voracek M. и Haubner T. (Voracek, Haubner, 2008) - сравнивались показатели когнитивного развития 30000 близнецов с 1,6 миллионами

одиначнорожденных индивидов из шести стран мира. Оказалось, что по показателям общего интеллекта одиначнорожденные индивиды превосходят близнецов на 4,2 пункта (что составляет 28% SD). Полученные различия значимые и проявляются независимо от пола и зиготности близнецов не только в показателях IQ, но и во всех других анализируемых в данном исследовании областях когнитивных способностей. Но отставание близнецов от одиначнорожденных уменьшается по мере взросления близнецов.

В исследовании Eriksen W. с соавторами проведенном в Норвегии, сопоставлялись показатели когнитивного развития близнецов и их одиначнорожденных сиблингов из тех же семей в возрасте 18-20 лет. Получено некоторое отставание близнецов от одиначнорожденных, но меньшее, чем в более ранних работах. После учета веса близнецов при рождении различия между ними и одиначнорожденными исчезают совсем (Eriksen et al., 2012). Аналогичные результаты демонстрирует и исследование академической успешности близнецов, выполненном в Дании в 2006 г. Christensen K. с соавторами (Christensen et al., 2006).

В Нидерландском лонгитюдном исследовании близнецов (Webbink et al., 2008) приняли участие 6 тысяч близнецов и 188 тысяч одиначнорожденных учащихся, поступивших в начальную школу с 1994 по 2003 гг. Предыдущее исследование подобного рода в Нидерландах было проведено 35 лет назад и выявило значительное отставание близнецов от одиначнорожденных сверстников по когнитивному развитию и академической успеваемости. Результаты, полученные в 2008 г., демонстрируют отставание близнецов от одиначнорожденных по успеваемости по предметам "родной язык" и "арифметика" на 16-17% SD в 6-летнем возрасте. Но по мере взросления испытуемых различия между близнецами и одиначнорожденными по этим предметам уменьшается. Так, в возрасте 8 лет отставание близнецов составляет уже только от 2 до 5% SD, а в 10-12 лет практически исчезает совсем. Различия в баллах общего интеллекта (по IQ тестам) в целом были не значительными, максимальная разница составила всего 1 пункт.

Сопоставимые данные были получены Calvin C. с соавторами в Великобритании (Calvin et al., 2009). Исследование было выполнено на большой репрезентативной

выборке 11-летних учащихся государственных школ Великобритании. Результаты свидетельствуют о том, что близнецы в этом возрасте не отличаются от одиночнорожденных одноклассников по всем показателям когнитивных способностей и результатам школьных экзаменов.

Тем не менее, в развивающихся странах отставание близнецов от одиночнорожденных индивидов сохраняется и в настоящее время. Например, Tsou M. T. с соавторами продемонстрировали, что в Тайване 18-летние близнецы и их одиночнорожденные ровесники отличаются по уровню общего интеллекта. Следует учесть, что в этом исследовании среди испытуемых не было испытуемых с очень низким IQ, поскольку все они были набраны из числа сдавших вступительные экзамены в колледжи (Tsou et al., 2008).

Другой пример - сравнение близнецов и одиночнорожденных школьников в Нигерии (Hur, Lynn, 2013). Одиночнорожденные оказались более успешными по сравнению с близнецами по всем когнитивным тестам. Величина различия соответствует различиям между близнецами и одиночнорожденными индивидами, получаемым в развитых странах в прошлые годы. Авторы исследования делают вывод, что отставание близнецов в развивающихся странах в области когнитивного развития можно объяснить, прежде всего, низким социально-экономическим уровнем развития этих стран (плохое питание, низкий уровень медицинского обслуживания населения, бедность и др.), а не фактором близнецовости самим по себе.

Структура семьи - наличие и количество сиблингов, порядок их рождения, разница в возрасте между сиблингами - является значимым фактором, влияющим на когнитивное развитие детей. Исследования эффектов порядка рождения берут начало от работ Ф. Гальтона (1874 г.), который выяснил, что среди выдающихся личностей больше всего единственных детей и первенцев. Во многих эмпирических исследованиях было получено, что, в целом, дети из многодетных семей имеют более низкие когнитивные показатели по сравнению с детьми из малодетных семей, и в многодетных семьях уровень интеллекта снижается с каждым последующим ребенком (например, Schachter, 1963; Belmont, 1977).

Единственные дети оказываются, как правило, обладателями более высокого интеллекта, достигают наилучших успехов в обучении, имеют больше шансов получить высшее образование по сравнению с детьми, имеющими сиблингов. А среди детей, у которых есть братья или сестры, в наиболее благоприятном положении в отношении когнитивного развития являются старшие (первые) дети. Единственные дети преимущественно общаются со взрослыми членами семьи, получая от них знания, усваивая полезные умения и навыки, что обогащает их когнитивную сферу. А старшие дети, наоборот, развиваются сами, обучая младших сиблингов.

Имеется ряд попыток теоретически обосновать механизм действия этих эффектов. Наиболее разработанной является модель R. Zajonc и G. Markus (Zajonc, Markus, 1975). Авторы этой теории считают, что уровень интеллекта каждого ребенка, рожденного в семье, зависит от среднего уровня интеллекта всех членов этой семьи (включая и самого ребенка) на момент его рождения. Следовательно, единственные дети и первенцы обладают наиболее высокими интеллектуальными показателями, а с каждым последующим ребенком показатели интеллекта снижаются, поскольку снижается средний уровень интеллекта в семье. То же самое происходит, когда из семьи уходит кто-то из ее взрослых членов.

Есть и другие теории влияния семейной структуры на когнитивное развитие детей. Например, модель растворения, согласно которой первый ребенок в семье получает все возможности для своего развития, а появление каждого нового ребенка приводит к истощению семейных ресурсов (материально-экономического уровня, возможностей родителей уделять ребенку достаточно внимания, заниматься его развитием и т.д.). В результате происходит снижение показателей интеллекта каждого последующего ребенка (Downey, 2001).

Higgins и Reed предлагают теорию смешения (Rodgers, Cleveland et al, 2000). В многодетных семьях более низкий интеллект детей объясняется тем, что уровень интеллекта родителей отрицательно коррелирует с количеством детей, и, следовательно, чем ниже интеллект родителей, тем ниже интеллектуальные показатели детей.

Следует отметить, что эти закономерности выявляются в большинстве исследований, но не во всех. Оказывается, что имеется ряд факторов, опосредующих

связи между структурой семьи и интеллектуальным развитием детей. Один из этих факторов - социально-экономический уровень семьи, важным параметром которого является уровень образования родителей. Чем выше образовательный и профессиональный статус родителей, тем выше интеллектуальные показатели и лучше академическая успеваемость детей (например, Marjoribanks, Walberg, 1976; Weiss, 1982; Belmont, 1977; Андреева, 1994).

В нашем исследовании рассматривается вопрос о наличии или отсутствии специфики влияний семейной среды на близнецов по сравнению с одиночнорожденными.

Выборка и методы исследования.

Выборка формировалась путем почтовой рассылки в школы анкет, адресованных администрации школы. В них классных руководителей детей просили привести годовые оценки близнецов и двух детей из того же класса по всем предметам, заполнить ряд опросников, посвященных определению зиготности близнецов, наличию лидера в близнецовой паре, конфигурации семьи (полная/неполная семья, наличие братьев и сестер у близнецов, их возраст), а также отметить возраст и образование родителей на момент опроса. Подобный способ получения информации, с одной стороны, ограничивает набор параметров семейной среды для последующего анализа, с другой – позволяет проводить популяционные исследования и большим количеством испытуемых.

В Российской Федерации (РФ) были получены данные об академической успеваемости 2282 пар близнецов (2% от всех близнецов школьного возраста нашей страны) и более 4 тысяч одиночнорожденных детей.

В Республике Азербайджан (АР) к настоящему времени собраны сведения об успеваемости 1400 близнецовых пар и 1445 их одиночнорожденных сверстников.

Поскольку в разных классах у учащихся различный набор предметов, то были выделены три возрастные группы: младшая, средняя и старшая школа. Следует отметить небольшое расхождение между Россией и Азербайджаном в делении на эти подгруппы, которое связано с особенностями учебного процесса. К младшей школе в обеих странах

относятся 1-4 классы, к средней – 5-6 классы в РФ и 5-7 в АР, и, соответственно 7-11 (8-11) классы относятся к старшей школе.

Несмотря на небольшие расхождения в перечнях школьных дисциплин, основные предметы в РФ и АР совпадают. Оценка успеваемости идентична – пятибалльная система, где 5 является высшей оценкой. На основании годовых оценок по всем предметам нами подсчитывался средний балл – среднее арифметическое по всем школьным дисциплинам.

В исследовании проводился дифференциально-типологический анализ, при котором выделялись подгруппы близнецов в зависимости от особенностей структуры семьи, и оценивалась различия по академической успеваемости детей. Оценка значимости различий проводилась по t-критерию и хи-квадрату (статистический пакет SPSS 18).

Результаты и обсуждение

1. Сопоставление успеваемости близнецов и одиночнорожденных.

Сравнение показателей академической успеваемости близнецов и одиночнорожденных учащихся в России и Азербайджане не выявило различий между странами.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что российские близнецы, отставая от одиночнорожденных сверстников в начальной школе, нагоняют их уже к 5-му классу и далее учатся практически так же. Сравнение близнецов и одиночнорожденных по отдельным предметам показало, что в начальной школе значимыми являются различия по предметам "русский язык" и "математика", а в старшей школе - только по русскому языку.

В Азербайджане, как и в России, близнецы отстают по показателям академической успешности от одиночнорожденных школьников только в начальной школе. К старшей школе близнецы нагоняют одиночнорожденных учащихся по всем предметам, кроме родного языка. (Более подробно – Черткова и др., 2013).

2. Анализ влияния конфигурации семьи на академическую успешность.

В работе рассматриваются два параметра состава семьи – полная/неполная семья и наличие/отсутствие сиблингов. Напомним, что выбор именно этих составляющих

семейной структуры обусловлен как тем, что они являются одними из основных факторов семейной среды и наличием данных об их влиянии на академическую успеваемость детей, так и тем, что эти параметры отражены в школьных журналах и известны классным руководителям детей.

К сожалению, при проведении эксперимента в Российской Федерации по техническим причинам не собирались данные о структуре семьи одиночнорожденных детей, поэтому рассматриваются три группы – близнецы РФ, близнецы АР и одиночнорожденные дети АР.

Полная-неполная семья

В обеих странах большинство детей растут в полных семьях. Однако, в Азербайджане процент неполных семей значительно ниже. Если в РФ без одного из родителей (чаще отца) воспитывается каждый пятый ребенок, то в АР – каждый десятый (см.: Рис. 1 и 2).

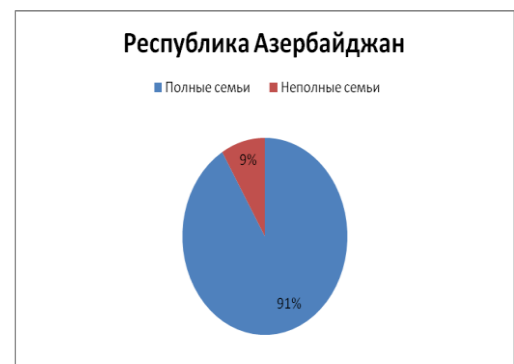

Рис.1 Соотношение полных и неполных семей в выборке (%) Рис.2

Рассмотрим успеваемость детей из полных и неполных семей во всех трех подгруппах отдельно в младшей, средней и старшей школе (см.: Табл. 1-3). Приводятся данные только по предметам, преподавание по которым ведется как в РФ, так и в АР.

Табл. 1

Успеваемость детей из полных и неполных семей в младшей школе

Школьный предмет	Близнецы РФ		Близнецы АР		Одиночнорожденные АР	
	Полная семья	Неполная семья	Полная семья	Неполная семья	Полная семья	Неполная семья
Родной язык	3,81*	3,66*	4,36*	4,07*	4,37	4,35
Математика	3,93*	3,74*	4,19	3,93	4,28	4,20
Ин. язык	4,17	4,02	4,19	3,96	4,38	4,30
ИЗО	4,66*	4,52*	4,64*	4,39*	4,68	4,65
Физкультура	4,72*	4,64*	4,71*	4,42*	4,77	4,84
Ср.балл	4,25*	4,11*	4,45*	4,20*	4,52	4,52

* отмечены различия, достигающие уровня значимости при статистическом анализе

Табл. 2

Успеваемость детей из полных и неполных семей в средней школе

Школьный предмет	Близнецы РФ		Близнецы АР		Одиночнорожденные АР	
	Полная семья	Неполная семья	Полная семья	Неполная семья	Полная семья	Неполная семья
Родной язык	3,63	3,60	3,96	3,78	4,00	3,91
Литература	4,05	4,03	4,12	3,88	4,15	4,07
Математика	3,72	3,69	3,81	3,56	3,75	3,73
География	4,08	3,96	3,78	3,58	4,01	3,88
Биология	4,05*	3,92*	4,01	3,89	3,93	3,50
Ин. язык	3,96	3,90	3,94	3,72	4,11	3,86
Искусство	4,51	4,51	4,34	4,25	4,50	4,36
История	4,06	4,03	4,02	3,70	3,98	3,50
Физкультура	4,61*	4,52*	4,57	4,41	4,57	4,55
Ср. балл	4,07	4,02	4,05	3,80	4,17	4,08

* отмечены различия, достигающие уровня значимости при статистическом анализе

Табл. 3

Успеваемость детей из полных и неполных семей в старшей школе

Школьный предмет	Близнецы РФ		Близнецы АР		Одинокорожденные АР	
	Полная семья	Неполная семья	Полная семья	Неполная семья	Полная семья	Неполная семья
Родной язык	3,62*	3,54*	3,96	3,88	3,84	3,92
Литература	3,92*	3,81*	4,09	3,98	3,90	3,92
Алгебра	3,67*	3,54*	3,83	3,63	3,92*	3,66*
Геометрия	3,68*	3,56*	3,78	3,63	3,92*	3,56*
География	4,00*	3,85*	4,02	3,71	3,91	3,79
Биология	3,98*	3,84*	3,99	3,87	3,77	3,75
Физика	3,76*	3,63*	3,85	3,71	3,63	3,67
Химия	3,76*	3,60*	3,85	3,56	3,92*	3,60*
Ин. язык	3,87*	3,76*	3,91	3,88	3,80	3,75
История	3,97*	3,86*	4,00	3,79	3,74	3,67
Граждановедение	4,11*	3,99*	4,17*	3,69*	3,94	4,17
Физкультура	4,48*	4,37*	4,54	4,42	4,39	4,50
Ср. балл	3,90*	3,78*	4,02	3,83	3,88	3,92

* отмечены различия, достигающие уровня значимости при статистическом анализе

Дети, растущие в полных семьях, в среднем в школе учатся лучше, чем их сверстники из неполных семей. Вместе с тем, можно отметить следующие закономерности: 1) различия между близнецами из полных и неполных семей более выражены, чем между одинокорожденными детьми; 2) различия наиболее ярко проявляются в младшей школе, несколько менее выражены в старшей и практически

отсутствуют в средней школе; 3) в России эти различия наблюдаются в большей степени, чем в Азербайджане.

Основными факторами, которые снижают академическую успеваемость детей из неполных семей, являются более низкий социо-экономический статус семьи и меньшее количество психологических ресурсов у единственного родителя.

Косвенно это подтверждается разной выраженностью различий в успеваемости между учениками разных классов из полных и неполных семей. В младшей школе детям из неполных семей может не хватать внимания, они чаще остаются в группах продленного дня или находятся дома самостоятельно, им пока может не хватать собственных навыков для того, чтобы учиться. Постепенно дети адаптируются к школе, у них улучшается саморегуляция, они могут заниматься самостоятельно. В старшей школе различия снова возникают за счет включения финансового фактора – возможностей семьи оплатить дополнительные занятия с репетитором, курсы подготовки в вузы и т.п.

Большие различия между близнецами и одиночнорожденными в полных и неполных семьях могут объясняться тем, что двое детей одного возраста в семье требуют больше ресурсов, чем один, и это в конечном счете накладывает отпечаток на успеваемость детей.

То, что в Азербайджане состав семьи оказывает несколько меньшее влияние на успеваемость школьников, может быть связано с культурными особенностями страны в силу двух аспектов. Только 9% школьников в АР живут в неполных семьях, в значительной части случаев это случается в силу смерти одного из родителей, а не развода. Таким образом, с одной стороны, малое количество детей из неполных семей в выборке приводит к тому, что различия не достигают уровня значимости, с другой стороны, в Азербайджане в неполной семье родитель редко воспитывает ребенка в одиночку. Ему оказывают значительную помощь родственники, что смягчает влияние неблагоприятных факторов среды.

Наличие сиблингов

В России 48% близнецов имеют еще братьев и сестер кроме со-близнеца, в Азербайджане их число выше и составляет 77%. Это соотносится с демографическими данными по обеим странам, согласно которым в России в 2012 году в семье было в среднем 1,7 ребенка, а в Азербайджане – 2,2 ребенка (см.: Рис. 3 и 4).

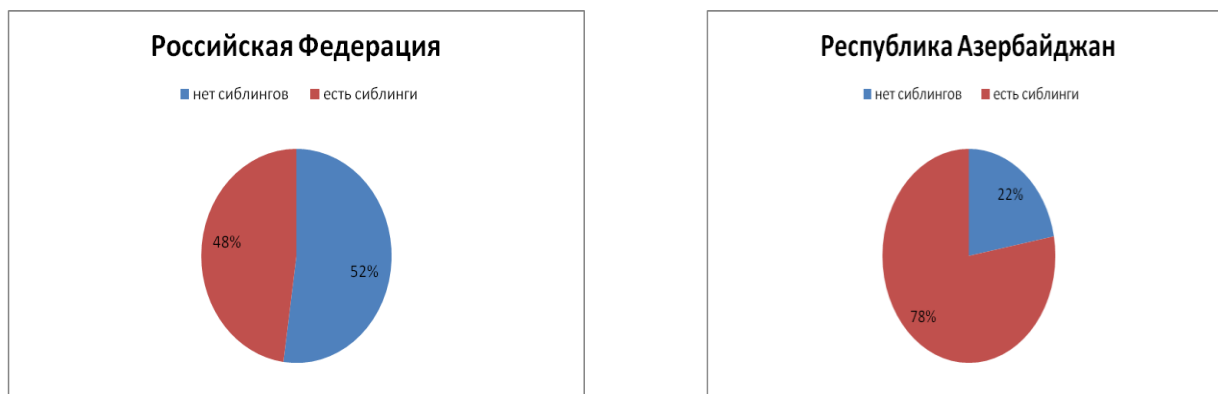

Рис 3. Соотношение семей, где пробанды имеют и не имеют сиблингов. Рис 4.

В Таблицах 4-6 приведены данные об успеваемости детей, у которых есть сиблинги и у которых сиблингов нет.

В группу «нет сиблингов» включены дети, не имеющие младших/старших сиблингов. В группе «есть сиблинги» - дети, у которых есть хотя бы один сиблинг кроме со-близнеца. Следует отметить, что при таком делении есть разница между подгруппами близнецов и одиночнорожденных, т.к. в группе близнецов в эту подгруппу попадают двудетные семьи (имеющие 2 детей –близнецов), а у одиночнорожденных – имеющие единственного ребенка. Вместе с тем, как показало экспериментальное исследование, эта методическая проблема не имеет особого значения, т.к. в AP значимые различия между детьми из семей с разной структурой обнаружено только в трех случаях.

Табл. 4

Успеваемость детей в зависимости от наличия/отсутствия сиблингов в младшей школе

Школьный предмет	Близнецы РФ		Близнецы АР		Одиночнорожденные АР	
	Нет сиблингов	Есть сиблинги	Нет сиблингов	Есть сиблинги	Нет сиблингов	Есть сиблинги
Родной язык	3,85*	3,65*	4,40	4,28	4,56*	4,35*
Математика	3,95*	3,78*	4,25	4,11	4,34	4,27
Ин. язык	4,14*	4,01*	4,26*	4,11*	4,56	4,41
ИЗО	4,64	4,58	4,71	4,56	4,63	4,67
Физкультура	4,74*	4,65*	4,72	4,66	4,79	4,78
Ср.балл	4,29*	4,11*	4,50*	4,39*	4,60	4,51

* отмечены различия, достигающие уровня значимости при статистическом анализе

Табл. 5

Успеваемость детей в зависимости от наличия/отсутствия сиблингов в средней школе

Школьный предмет	Близнецы РФ		Близнецы АР		Одиночнорожденные АР	
	Нет сиблингов	Есть сиблинги	Нет сиблингов	Есть сиблинги	Нет сиблингов	Есть сиблинги
Родной язык	3,68*	3,55*	4,12	3,94	3,94	3,84
Литература	4,14*	3,95*	4,28	4,10	4,08	4,00
Математика	3,79*	3,62*	3,90	3,82	3,77	3,62
География	4,10*	3,97*	3,95	4,08	3,98	4,09
Биология	4,04	3,97	4,03	4,09	3,92	3,91
Ин. язык	4,01	3,86*	4,07	3,92	3,90	3,83
Искусство	4,58*	4,45*	4,42	4,32	4,38	4,44
История	4,17*	3,91*	4,10	4,05	3,93	4,08
Физкультура	4,61	4,56	4,55	4,58	4,57	4,58
Ср. балл	4,13*	3,98*	4,14	4,05	4,09	4,11

* отмечены различия, достигающие уровня значимости при статистическом анализе

Табл. 6

Успеваемость детей в зависимости от наличия/отсутствия сиблингов в старшей школе

Школьный предмет	Близнецы РФ		Близнецы АР		Одинокорожденные АР	
	Нет сиблингов	Есть сиблинги	Нет сиблингов	Есть сиблинги	Нет сиблингов	Есть сиблинги
Родной язык	3,65*	3,55*	3,98	3,95	3,87	3,64
Литература	3,94*	3,85*	4,10	4,07	3,91	3,79
Алгебра	3,68*	3,60*	3,75	3,83	3,69	3,50
Геометрия	3,68*	3,62*	3,73	3,80	3,61	3,43
География	4,04*	3,90*	3,83	4,05	3,82	3,71
Биология	4,01*	3,88*	3,91	4,03	3,79	3,57
Физика	3,76*	3,69*	3,76	3,84	3,64	3,43
Химия	3,77*	3,68*	3,87	3,80	3,64	3,31
Ин. язык	3,83	3,82	3,92	3,92	3,81	3,71
История	4,02*	3,87*	3,99	3,90	3,75	3,43
Граждановедение	4,14*	4,03*	4,13	4,15	3,96	3,85
Физкультура	4,46	4,44	4,42	4,52	4,41	4,14
Средний балл	3,91*	3,82*	3,97	4,02	3,87	3,771

* отмечены различия, достигающие уровня значимости при статистическом анализе

В семьях из Российской Федерации фактор наличия сиблингов оказывается значимым для академической успешности близнецов во всех классах школы. Это обусловлено особенностями семейной среды, которые связаны с количеством детей в семье, – родительским вниманием, установками на образование, материальными затратами на обучение ребенка и др.

В Азербайджанской Республике различия в годовых оценках между школьниками, имеющими и не имеющими сиблингов, наблюдаются только по отдельным предметам и

по среднему баллу у близнецов начальной школе. Вероятно, здесь, как и в случае с неполными семьями, оказывает влияние малое количество нуклеарных семей и более тесные взаимоотношения между родственниками.

Таким образом, российские и азербайджанские близнецы демонстрируют сходные тенденции в показателях академической успеваемости, но влияния семейной среды на успеваемость более выражены в РФ.

Выводы

- Близнецы в обеих странах несколько отстают от одиночнорожденных детей по школьной успеваемости в начальной школе, но догоняют их к 5 классу. Единственным предметом, по которому между близнецами и одиночнорожденными детьми сохраняются различия в годовых оценках в средней и старшей школе – «родной язык» (русский язык в РФ и азербайджанский язык в АР).
- Состав семьи оказывает большее влияние на успеваемость детей в начальной и старшей школе, в средней школе его влияние мало.
- В РФ состав семьи оказывается более значимым для развития когнитивных способностей детей, чем в АР. Предположительно, это связано с особенностями азербайджанской культуры, предполагающей включение в воспитание детей широкого круга родственников.

Список литературы

1. Андреева Т.Н. Когнитивные и личностные характеристики детей в многодетной семье. Дисс. канд. психол. наук. М., 1994.
2. Зырянова Н.М. Близнецы. Учебное пособие для вузов. М. 2006.
3. Черткова Ю., Зырянова Н., Гейдарова Л. Сравнительный анализ академической успеваемости близнецов и одиночнорожденных детей: кросс-культурное исследование // Материалы международной научной конференции "Человек, субъект, личность в современной психологии"(к 80-летию А.В.Брушлинского). — Т. 1. — ИП РАН Москва, 2013. — С. 225–228.

4. Anastasi A. Intelligence and family size. *Psychological Bulletin*, 1956. 53, 187–209.
5. Belmont L. Birth order, intellectual competence, and psychiatric status // *Journal of Individual Psychology*. 1977. 33(1), 97–104.
6. Calvin C., Fernandes C., Smith P., Visscher P. M., Deary I. J. Is there still a cognitive cost of being a twin in the UK? *Intelligence*, 2009. 37, 243–248.
7. Christensen K., Petersen I., Skytthe A., Herskind A. M., McGue M., Bingley P. Comparison of academic performance of twins and singletons in adolescence: Follow-up study. *British Medical Journal*. 2006. 333, 1095–1097.
8. Deary I., Pattie A., Wilson V., Whalley L. The cognitive cost of being a twin: two whole-population surveys. *Twin Res Hum Genet*. 2005. 8, 376-83.
9. Downey D.B. Number of siblings and intellectual development: The resource dilution explanation. *American Psychologist*. 2001. (6/7), 497–504.
10. Eriksen W., Sundet J. M., Tambs K. Twin-singleton differences in intelligence: A register-based birth cohort study of Norwegian males. *Twin Research and Human Genetics*. 2012. 15, 649–655.
11. Hur Y.-M., Craig M. J. Twin studies worldwide: An important resource for scientific research. *Twin Research and Human Genetics*. 2013. 16, 1–12.
12. Hur Y.-M., Lynn R. Twin–Singleton Differences in Cognitive Abilities in a Sample of Africans in Nigeria, *Twin Research and Human Genetics*. 2013. 16, 4, 808-815.
13. Marjoribanks, K., Walberg, H. J. Mental abilities: Sibling constellation and social class correlates. *British Journal of Clinical and Social Psychology*. 1975. 74, 109-116
14. Posthuma D., De Geus E.J., Bleichrodt N., Boomsma D.I. Twin-singleton differences in intelligence? *Twin Research and Human Genetics*. 2000. 3, 83-87.
15. Record R.G., McKeown T., Edwards J.H. An investigation of the difference in measured intelligence between twins and single births. *Ann Hum Genet*. 1970.34, 11-20.
16. Rodgers J. L., Cleveland H. H., Oord E., Rowe D. C. Resolving the Debate Over Birth Order, Family Size, and Intelligence// *American Psychologist*. 2000. 55, 6., 599-612
17. Ronalds G.A., De Stavola B.L., Leon D.A. The cognitive cost of being a twin: evidence from comparisons within families in the Aberdeen children of the 1950s cohort study. *Intelligence*. 2009. 37, 3, 243-248.

17. Schachter S., Birth order, eminence and higher education //American Sociological Review. 1963. 28(5), 757-768.
18. Storfer, M. D. Intelligence and giftedness: The contributions of heredity and early environment. 1990. San Francisco: Jossey-Bass.
19. Tsou M. T., Tsou M.W., Wu M. P., Liu J.T. Academic achievement of twins and singletons in early adulthood: Taiwanese cohort study. BMJ 2008. 337 doi: <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.a438> (Published 21 July 2008).
20. Voracek M., Haubner T. Twin-singleton differences in intelligence: A meta-analysis. Psychological Report. 2008. 102. 951–962.
21. Webbink D., Posthuma D., Boomsma D.I., DeGeus E. J. C., Visscher P. M. Do twins have lower cognitive ability than singletons? Intelligence. 2008. 36, 539–547.
22. Zajonc R., Markus G. Birth Order and Intellectual Development. Psychological Review. 1975. 82(1), 74–88.

Секция 8. Воспитание и развитие личности ребенка в семье

Позиция родителя в ситуациях нарушения моральных норм детьми раннего возраста

Авдулова Т.П.

*Кафедра возрастной психологии Московского педагогического государственного
университета, Москва, Россия*

avdulova@bk.ru

«Всякое отступление от нормы сильнее укрепляет ребенка в норме»

К.И. Чуковский

Психическое развитие ребенка представляет собой диалектический процесс, где позитивные стороны развития могут порождать определенные риски или даже

негативные новообразования. Психологические особенности всякого литического периода принято анализировать исключительно с позитивной стороны, с позиции становления новых видов деятельностей, специфичных для данного возраста, психологических новообразований в познавательной и личностной сферах, формирования навыков и приобретения знаний. Даже те стороны психического развития ребенка, которые выступают как утрата чего-то (например, утрата детской непосредственности), одновременно выступают и преподносятся как приобретение чего-то нового. Однако если мы посмотрим на процесс развития объективно, то увидим и «темную» сторону развития, неизбежное возникновение определенных рисков или даже явно негативных новообразований.

Развитие двусторонний процесс и каждое новообразование предполагает формирование определенных условно «отрицательных» достижений, оборачивающихся факторами психической устойчивости ребенка и адаптированности. Например, каждое из новообразований психосоциальных кризисов развития в теории Э. Эриксона имеет своей противоположностью негативный вариант развития, а полноценное формирование личности предполагает частичное закрепление и негативных новообразований. Так, компонентом базального доверия к миру становится определенный элемент недоверия, проявляющийся как минимум в дифференциации свой/чужой.

Именно негативный аспект развития в общем диалектическом процесс и хотелось бы рассмотреть применительно к раннему возрасту и в отношении такого направления как моральное развитие ребенка. За последние десятилетия картина видения ребенка раннего возраста кардинально изменилась. В противовес нецивилизованному требовательному дитя, представленному З. Фрейдом и эгоцентричному, ригидному малышу, изображенному Ж. Пиаже, появился сопереживающий, эмпатийный, интеллектуально активный ребенок, важной составляющей развития которого уже на втором году жизни становится моральное развитие. Некоторые исследователи предполагают, что моральное чувство возникает на втором году жизни. Эти работы подчеркивают, что дети 2-3 лет демонстрируют естественный интерес к социальным нормам, задаваемым взрослыми, а также к объектам или событиям, нарушающим эти нормы (Lamb S., 1991; Dahl A., 2011).

Моральное развитие в раннем возрасте представляет собой вызов родителю со стороны ребенка, который еще не владеет речью, не регулирует собственное поведение, не подчиняется логике, но достаточно активно вмешивается в мир. Вместе с тем, именно в раннем возрасте возникает широкий диапазон эмоций, которые принято называть моральными эмоциями: сопереживание, эмпатия, вина, стыд, гордость. Такие авторы как Eisenberg N., Spinrad T., Sadovsky A., Emde R.N., Biringen Z., Oppenheim D. считают способность к элементарной форме сочувствия врожденной (Eisenberg, N., 2006; Emde, R. N., 1991). Эта способность проявляется уже в плаче новорожденных, который начинается в ответ на плач других детей и формально носит характер эмоционального заражения, но по сути, может являться основой сопереживания. Формирование эмпатии начинается со способности опознавать специфические состояния другого человека, в первую очередь, эмоциональные состояния. Именно такого рода способность мы обнаруживаем в поведении заражения плачем младенцев.

По-видимому, вслед за Н. Айзенберг, можно ставить вопрос о возникновении зачатков эмпатии в раннем детстве на основе совпадения эмоций у субъектов общения. По мере развития ребенка ранние формы сочувствия трансформируются в сложные моральные чувства, подкрепленные представлениями о себе и о других. Как подчеркивали М. Hoffman и L. Kohlberg, первичная хаотичная форма эмоциональной активности обеспечивает в дальнейшем основу для развития способности встать на позицию другого, то есть становится фундаментом альтруистического поведения (Hoffman, M. 2000; Kohlberg, L., 1981).

Описание данных закономерностей позволяет обратить особое внимание именно на эмоциональное общение с детьми. Эмоциональное взаимодействие становится основным пространством развития ребенка и формирования у него базовых моделей поведения. Средствами морального развития становится мимика родителя, интонации голоса, эмоциональный отклик в ответ на различного рода ситуации морального значения, возникающие в жизни ребенка. В раннем моральном развитии, на втором году жизни эмоциональная коммуникация составляет основной маршрут регуляции родителем поведения ребенка в соответствии с моральными требованиями и нормами. В движении по этому маршруту возникает ряд важных задач.

Прежде всего, это задача внимания к моральным проблемам, что для позиции многих родителей не столь очевидно. Восприятие ребенка как «еще маленького», «безответственного» и попустительское отношение к ситуациям нарушения моральных норм «пусть пошалит, ничего страшного», «мне не больно, ничего не случилось», «это он не в серьез» оказывает деструктивное влияние на сензитивный процесс формирования базовых эмоциональных моральных откликов у ребенка.

Вторая задача – это восприятие ситуации нарушения моральных норм как позитивный опыт и возможность достаточно рано осмыслить подобные ситуации, расставить акценты и использовать их как обучающие. Ребенок на втором году жизни активно строит отношения с миром и пробует разные способы воздействия, в том числе, нарушающие этические законы. Этот опыт парадоксальным образом способствует моральному развитию, так как позволяет наглядно открывать ребенку правила социального и этического взаимодействия и побуждать его находить способы справляться с нарушениями, исправляя ситуации, проявляя сочувствие или предлагая помощь. В исследованиях Dahl A., Campos J.J., Witherington D.C. показано, что дети раннего возраста начинают испытывать моральную радость, помогая другим, и включаются в помогающее поведение именно через эмоциональный отклик родителя (Dahl A., 2011).

Нарушения правил часто носят исследовательский характер, что находит отражение в пристальном внимании ребенка к родительским реакциям на нарушения. Нередко дети создают ситуацию игривого, пробующего нарушения запрета, направленного на осознание правил и присвоение границ.

Роль нарушений морали сложнее оценить в дальнейшем ходе нравственного развития, так как влияние этих ситуаций не столь очевидно. Однако исследования раннего возраста показывают первоочередное значение именно ситуаций нарушения как модельных, как ситуаций морального познания и приобретения эмоционально насыщенного персонифицированного опыта.

Наконец, третьей принципиальной задачей, реализуемой в позиции родителя, должно стать предоставление мощной обратной связи в моральных ситуациях как положительных (проявление морального поведения), так и отрицательных (нарушения

моральных требований). Интересно, что традиционные поощрения в виде награды, похвалы и ласки оказываются не столь эффективны в моральном развитии в раннем возрасте, тогда как «радостное лицо» и выраженный эмоциональный отклик на просоциальное поведение являются действенной обратной связью (Warneken F., 2008; Eisenberg, 2006). Эффективной обратной связью является также совместное выполнение с ребенком действий помощи, совместное осуществление просоциальной активности именно в этот период развития.

Кроме того, дети раннего возраста еще плохо распознают различные эмоциональные состояния, поэтому важно демонстрировать очень четкие сигналы, например, страдания, чтобы стимулировать помогающее поведение ребенка, или демонстрировать однозначные эмоциональные проявления возмущения и гнева в ответ на нарушение ребенком базовых норм коммуникации. Так же задачей родительской позиции является привлечение внимания ребенка к моральным нарушениям с целью ориентации ребенка в переживаниях другого человека, в его состояниях.

Список литературы

1. Dahl A., Campos J.J. & Witherington D.C. (2011). Emotional Action and Communication in Early Moral Development. *Emotion Review*, 2011, 147.
2. Eisenberg, N., Spinrad, T., & Sadovsky, A. (2006). Empathy-related responding in children. In M. Killen & J. Smetana (Eds.), *Handbook of moral development* (pp. 517–549). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
3. Emde, R. N., Biringen, Z., Clyman, R. B., & Oppenheim, D. (1991). The moral self in infancy: Affective core and procedural knowledge. *Developmental Review*, 11, 251–270.
4. Hoffman, M. (2000). *Empathy and moral development: Implications for caring and justice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press
5. Lamb, S. (1991). First moral sense: Aspects of and contributors to a beginning morality in the second year of life. In W. M. Kurtines &
6. Kohlberg, L. (1981). From is to ought: How to commit the naturalistic fallacy and get away with it in the study of moral development. In L. Kohlberg (Ed.), *The philosophy of moral*

development: Moral stages and the idea of justice (pp. 101–189). New York, NY: Harper Collins.

7. Warneken, F., & Tomasello, M. (2008). Extrinsic rewards undermine altruistic tendencies in 20-month-olds. *Developmental Psychology*, 44, 1785–1788.

Межличностные отношения дошкольников и родительский макиавеллизм

Авдулова Т.П., Жарова Т.А.

Кафедра возрастной психологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия

avdulova@bk.ru

Аннотация. Рассматривается проблема влияния родительского макиавеллизма на особенности межличностного общения детей старшего дошкольного возраста со сверстниками. Анализируется склонность к макиавеллизму отцов и матерей.

Ключевые слова: ребенок дошкольного возраста, родительско-детские отношения, макиавеллизм, межличностные отношения, общение.

Проблема исследования

Семья была и продолжает оставаться принципиальным фактором социализации детей дошкольного возраста, а взрослый – источником развития основных форм общения в детстве. Подчеркивая роль общения в жизни людей, С.Л. Рубинштейн определял сущность бытия через отношения между людьми: «... человек – это люди в их взаимоотношениях друг к другу» (Рубинштейн С.Л., 2012, с. 5).

В семье ребенок овладевает первыми формами взаимоотношений. Дети легко усваивают принятые семьей жизненные ценности, социальные желания и модели поведения. Семья является важным звеном системы воспитания, где начинается процесс

становления личности в системе межличностных отношений, поскольку именно в семье происходит непосредственно-личное и эмоциональное общение между детьми и родителями и вследствие этого облегчается процесс передачи установок, целей и ценностей общения от одного поколения к другому. Еще Платон отмечал: «Относительно того, что справедливо и хорошо, у нас с детских лет имеются взгляды, в которых мы воспитаны под действием наших родителей, - мы подчиняемся им и почитаем их» (Платон, 1994, с. 320).

Вместе с тем, ребенок-дошкольник, уже интериоризировав определенные нормы и ценности отношений, транслирует их в общество и строит отношения с окружением, опираясь на родительские социализационные модели. Пространство общения ребенка, в первую очередь сверстники, предоставляют ему обратную связь о степени адекватности и эффективности его системы отношений, и разные нормы могут вступать в конфликт друг с другом, ориентируя действия ребенка и заставляя его меняться. Дошкольник и дальше – школьник, подросток – должен вырабатывать способы сочетания знания об отношениях (основу которых составляет семья) и поведение, действия, чувствительные к реальным отношениям с окружением, то есть непрерывно обогащаемые опытом новых отношений. Г.М. Андреева подчеркивает: «от того, как сложатся отношения между этими двумя типами норм, зависит складывающийся стиль поведения, или – шире – стиль жизни» (Андреева Г.М., 2005, с. 238).

Семья является для ребенка как фактором поддержки в психическом развитии, стимулируя все направления развития, так и фактором риска, через неадекватные стили воспитания, проблемные эмоциональные связи или не эффективную систему требований и запретов. Родители всей системой совместной жизни развивают общение ребенка, ориентируя его на монолог или диалог в общении. Важной характеристикой отношений является не противоречивость, согласованность позиций отца и матери в отношении задач развития ребенка и способов реализации этих задач. Единство принципов или взаимно дополняющие гармоничные убеждения родителей, демонстрация сходных ценностных образцов задают необходимые условия для развития личности, что предполагает исследование влияния не только матерей, но и отцов (Авдулова Т.П., 2011).

Матери и отцы, очевидно, оказывают дифференцированное влияние на развитие отношений ребенка. Так, матери определяют, в первую очередь, эмоциональное отношение к миру и ориентацию на других людей, ценность человека. Отцы традиционно обеспечивают когнитивное освоение окружающего социального пространства и стимулируют «чисто познавательную сторону в определении ребенком своего места в мире» (Андреева Г.М., 2005, с. 240).

Наше исследование было посвящено изучению того, как взрослые влияют на развитие отношений ребенка старшего дошкольного возраста со сверстниками. В качестве параметра влияния была определена такая характеристика личности и системы общения взрослых как макиавеллизм.

В настоящее время проблема манипуляции как индивидуальным, так и общественным поведением и сознанием, изучается в двух основных аспектах: обращение с человеком как с объектом, а не с субъектом общения (1), и непосредственно манипулятивное поведение (2), являющееся одной из причин нарушения взаимопонимания между людьми.

С точки зрения одного из создателей методики измерения манипулятивного отношения «Мак-шкалы» Р. Кристи «макиавеллизм представляет собой психологический синдром, основанный на сочетании взаимосвязанных когнитивных, мотивационных и поведенческих характеристик» (Знаков В.В., 2000, с.16).

В психологии макиавеллизм рассматривается как личностная черта и одновременно набор стратегий поведения. Отношения макиавеллиста характеризуются осознанным манипулированием окружающими, хорошим пониманием намерений и интересов партнера по общению, сокрытием собственных намерений и целей общения, отсутствием негативных переживаний в связи с объектным отношением к людям (Знаков В.В., 2002).

Структура и методы исследования

Эмпирическое исследование было направлено на изучение влияния макиавеллизма матерей и отцов на особенности межличностных отношений детей старшего дошкольного возраста со сверстниками. В общей сложности исследование строилось на данных 84 респондентов. В исследовании участвовали 28 полных семей. Респондентами

выступали 28 детей дошкольного возраста (из них 13 девочек и 15 мальчиков); 56 взрослых (из них 28 отцов и 28 матерей). Возраст детей от 6,0 до 7,5 лет. Исследование проводилось на базе МДОУ д/с № 38 г. Красногорска.

Для выявления особенностей отношений дошкольников со сверстниками нами была использована методика незаконченных предложений «Особенности межличностных отношений» (ОМО) в модификации Хузеевой Г.Р. (Социализация детей и подростков, 2010). Для оценки склонности родителей манипулировать другими людьми (детьми) была предложена русскоязычная версия шкалы Мак-IV в адаптации Знакова В.В. (Знаков В.В., 2000). Достоверность полученных данных была обеспечена репрезентативной выборкой и математико-статистическими методами анализа данных (использовался стат. пакет SPSS 20.0).

Результаты исследования

Результаты проведения методики ОМО с детьми анализировались и оценивались по семи критериям. *Первый критерий* - содержание общения, где выделялся ведущий компонент общения детей: деловой, личностный, игровой. У 93% испытуемых присутствует игровой мотив общения со сверстником, что вполне объясняется содержанием развития в дошкольном возрасте, так как игра является одним из наиболее значимых видов детской активности. Именно в игровом поле происходит формирование опыта межличностных взаимоотношений. Проявили деловой мотив общения со сверстником 7% детей, интересно, что среди них оказались только девочки. *Второй критерий* - отношение к сверстнику. Опрос показал, что в 100% ответов детей отношение к сверстнику положительное. Широта круга общения (*третий критерий*) у 93% достаточно большая и только 7% имеют узкий круг общения. Эти семь процентов составили исключительно мальчики, имеющие трудности в общении. Стоит отметить, что в нашем исследовании матери всех детей, имеющих выраженные сложности в общении со сверстниками, реализовывали жесткий, директивный стиль воспитания.

Стремятся к лидерству (*четвертый критерий*) в группе сверстников, не боятся брать на себя ответственность 72% детей. Они дают следующие ответы: «быть главным в группе это очень хорошо», «когда мне предлагают придумать и провести игру, я провожу ее». Наблюдения показывают, что большинство этих детей очень инициативны,

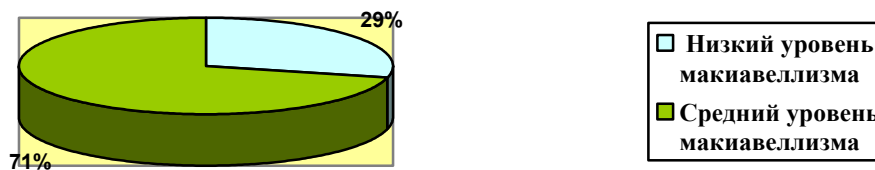
активны в познавательной, игровой и трудовой деятельности. Избегают принимать на себя ответственность 28% детей. Об этом свидетельствуют следующие ответы: «быть главным в группе ... я не знаю что это», «быть главным в группе я не хочу». Эти дети не проявляют высокой активности на занятиях и в игровой деятельности, предпочитают присоединяться в уже сложившиеся игры, бояться проявить инициативу.

По критерию автономия-подчинение (*пятый критерий*), ответы 68% детей были отнесены к полюсу подчинения. Автономность продемонстрировали 32% дошкольников. Эти дети имеют свою точку зрения, могут повести других за собой, достаточно устойчивы в своем мнении. Все испытуемые включены в группу сверстников (*шестой критерий*), хорошо адаптированы в коллективе. У 100% детей выявилась склонность к подчинению взрослому (*седьмой критерий*): «когда взрослые обсуждают мое поведение, я извиняюсь», «когда взрослые обсуждают мое поведение, я не должен сердиться», «когда взрослые обсуждают мое поведение, я должна слушаться». Авторитет взрослого для старших дошкольников сохраняет свое доминирующее значение. Ребенку важен результат, который одобрен значимым для него взрослым.

Анализ склонности родителей к манипулированию позволил выделить три уровня макиавеллизма личности: низкий, средний, высокий. Знаков В.В. предложил называть испытуемых с низким показателем по Мак-шкале «немакиавеллистами», испытуемых с высоким показателем по Мак-шкале - «макиавеллистами» (Знаков В.В., 2000). Распределение мак-коэффициентов матерей и отцов по уровням представлены на Гистограммах 1 и 2.

Гистограмма 1

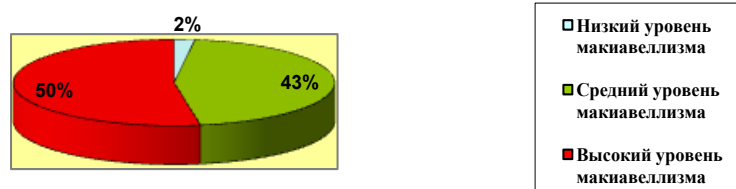
Уровень макиавеллизма матерей

Среди матерей нами не был обнаружен высокий уровень макиавеллизма. Доминирует позиция умеренного макиавеллизма (71% матерей).

Гистограмма 2

Уровень макиавеллизма отцов

Среди отцов 50 % обладает высоким мак – коэффициентом, что означает уверенность, отсутствие эмоциональности, направленность на достижение цели, холодную рациональную инициативу, более частые, но менее короткие контакты с окружающими, готовность манипулировать окружающими. Эмоции окружающих, собственные желания, давление со стороны оставляют «макиавеллиста» невозмутимым. Обычно именно люди с высоким уровнем макиавеллизма являются лидерами, независимы и свободолюбивы. Реальность иллюстрирует наши показатели: все отцы-макиавеллисты занимают руководящие должности на государственной службе, в крупных компаниях или имеют свой бизнес.

Средним мак - коэффициентом обладают 43% отцов, что означает, согласно психологическим интерпретациям, относительную доверчивость, восприимчивость к социальному влиянию, ориентацию на личность другого человека, принятие социальной структуры группы и следование ей (Знаков В.В., 2000). Такие люди могут быть как манипуляторами так и жертвами манипуляций одновременно.

Низким мак - коэффициентом обладают 2% отцов и 29% матерей. Это группа людей, которые быстро увлекаются, эмоциональны, что мешает им рационально оценивать ситуации. Они наиболее эффективно взаимодействуют в условиях с четко

определенными «правилами игры». Немакиавеллисты подвержены давлению со стороны.

Мы провели сравнительный анализ особенностей межличностных отношений дошкольников в зависимости от уровня родительского макиавеллизма. Были выделены семьи пяти типов, в которых варьировался от низкого до среднего уровень макиавеллизма матерей и от низкого до высокого – уровень макиавеллизма отцов. В показателях межличностных отношений дошкольников мы рассматривали отношение к лидерству и автономность от сверстника как наиболее чувствительные, на наш взгляд, к манипулятивным образцам показатели. Сводные результаты представлены в Таблицах 1-5.

Таблица 1

Стратегии поведения детей в отношениях со сверстниками у родителей с низким уровнем макиавеллизма личности

Уровень макиавеллизма		Поведение ребенка в отношении со сверстниками			
матери	отца	Автономия или подчинение сверстнику		Отношение к лидерству и доминированию в группе	
низкий	низкий	Подчинение	Автономия	Отрицательное	Положительное
		100%	0%	100%	0%

Таблица 2

Стратегии поведения детей в отношениях со сверстниками: уровень макиавеллизма личности матери – низкий, отца - средний

Уровень макиавеллизма		Поведение ребенка в отношении со сверстниками			
матери	отца	Автономия или подчинение сверстнику		Отношение к лидерству и доминированию в группе	
низкий	средний	Подчинение	Автономия	Отрицательное	Положительное
		100%	0%	66%	34%

Таблица 3

Стратегии поведения детей в отношениях со сверстниками: уровень макиавеллизма личности матери – низкий, отца – высокий

Уровень макиавеллизма		Поведение ребенка в отношении со сверстниками			
матери	отца	Автономия или подчинение сверстнику		Отношение к лидерству и доминированию в группе	
низкий	высокий	Подчинение	Автономия	Отрицательное	Положительное
		0%	100%	0%	100%

Таблица 4

Стратегии поведения детей в отношениях со сверстниками: уровень макиавеллизма личности матери – средний, отца – средний

Уровень макиавеллизма		Поведение ребенка в отношении со сверстниками			
матери	отца	Автономия или подчинение сверстнику		Отношение к лидерству и доминированию в группе	
средний	средний	Подчинение	Автономия	Отрицательное	Положительное
		85%	15%	43%	47%

Таблица 5

Стратегии поведения детей в отношениях со сверстниками: уровень макиавеллизма личности матери – средний, отца – высокий

Уровень макиавеллизма		Поведение ребенка в отношении со сверстниками			
матери	отца	Автономия или подчинение сверстнику		Отношение к лидерству и доминированию в группе	
средний	высокий	Подчинение	Автономия	Отрицательное	Положительное
		57%	43%	21%	79%

Результаты, полученные в результате сопоставления позиции родителей в семье и особенностей межличностных отношений детей, показали выраженные закономерности. Действующим фактором, очевидно, является уровень макиавеллизма отцов в зависимости от которого меняются показатели автономности и стремления к лидерству у дошкольников.

Наиболее яркие результаты получены в семьях, где отцы продемонстрировали высокий уровень макиавеллизма, а матери – низкий. Такая контрастная позиция позволила проявиться у всех дошкольников семей этого типа выраженному стремлению к лидерству (100%) и автономии от сверстников (100%). Средний уровень макиавеллизма матерей при высоких показателях у отцов несколько «смягчает» результаты: 43% детей проявляют автономию и 79% - стремление к лидерству. Однако этот результат также очень высокий, в сравнении, например с показателями дошкольников из семей, где оба родителя демонстрируют низкий уровень макиавеллизма. В семьях «немакиавеллистов» 100% детей проявляют подчиненность сверстнику и 100% детей отрицательно относятся к лидерству.

Нами был проведен корреляционный анализ зависимости уровня межличностных отношений детей от уровня макиавеллизма личности родителей. Обнаружена значимая положительная корреляция в показателях уровня общения детей (суммарный балл по всем компонентам методики ОМО) и уровня макиавеллизма отцов (0,538, при $p \leq 0,01$). Соответственно, существует прямая связь между уровнем макиавеллизма отцов и уровнем межличностных отношений ребенка со сверстниками. В отношении материнской позиции значимых корреляций не обнаружено.

Анализ результатов

Склонность родителей манипулировать окружающими людьми влияет на особенности межличностных отношений дошкольников со сверстниками. Родительский макиавеллизм, преимущественно позиция отцов, предоставляет детям образец уверенного активного взаимодействия с окружающими и создает условия для более высокого уровня коммуникабельности и социальной адаптированности дошкольников. Дети, растущие в семьях выраженных макиавеллистов, стремятся лидировать в группе и

демонстрируют независимую от сверстников позицию. В противовес этому дети из семей «немакиавеллистов» более пассивные, зависимые.

Однако остается открытым вопрос о внутренних ценностных ориентирах общения дошкольников: присваивают ли они объектное отношение к людям и готовность использовать общение как средство достижения поставленных целей или мотивационно-личностный компонент общения развивается независимо от манипулятивной позиции родителей. Очевидно, что необходимо учитывать и другие факторы развития межличностных отношений: индивидуальные особенности ребенка, культурные традиции, отношения привязанности в семье, состав семьи и др.

Список литературы

1. Авдулова Т.П. Роль семейного фактора в познавательном развитии младших школьников. // Психология обучения № 12, 2011.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс, 2005.
3. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002 № 6. Электронная версия: <http://courier.com.ru/vp/vp0602znakov.htm>.
4. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. № 5.
5. Платон. Государство // Собр. соч.: В 4 т. - М.: 1994. – Т.3.
6. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2012.
7. Социализация детей и подростков. Методический сборник. Под ред. Т.Д. Марцинковской, М.: МПГУ, 2010.

Семейные риски формирования аддикций у детей

Барцалкина В.В.

Лаборатория «Медико-психологическая реабилитация» МГППУ, Москва, Россия

bartsalkina50@mail.ru

Важнейшей, но еще недостаточно изученной характеристикой родителей как субъектов воспитания является мотивация отношения к ребенку и ее субъективное осознание.

Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что воспитательная позиция родителей обусловлена сложным взаимодействием осознаваемых и неосознаваемых мотивов. Реально действующие мотивы, которые определяют взаимоотношения с детьми, могут вытесняться или быть представлены в сознании родителей замещающими, социально одобряемыми мотивами, имея при этом аддиктивную природу. В этом случае воспитание приобретает элементы аддиктивного поведения по созависимому типу, создавая условия для формирования аддикций у детей. Созависимость рассматривается как патологическое пристрастие одного человека к другому. Термином «патологическое» обозначается тот факт, что результатом созависимого поведения становится разрушение физического, психического и духовного здоровья человека, чего он сам уже не может осознать и критически оценить. В силу комплексной природы созависимость соотносится с целым рядом различных психологических особенностей личности, из которых достаточно четко выделяются следующие: низкая самооценка, зависимость от внешних оценок, затрудненность в осознании и описании своих эмоций и определении их у других людей, сниженный уровень личностной рефлексии, эмпатии, осознанности границ своей личности и личности другого.

Таким образом, созависимость – это один из видов аддикций. Однако элементы аддиктивного поведения при отсутствии самой болезни зависимости могут быть свойственны любому человеку, имеющему психологические особенности личности,

перечисленные выше. В случае созависимого поведения другой человек (будь то ребенок, супруг, подопечный и т.д.) выступает в качестве средства для поддержания самооценки. Вследствие этого происходит развитие нездоровых отношений по созависимому типу, что мы и попытаемся показать на примере развития детско-родительских отношений.

Наше исследование родительской мотивации отношения к ребенку показало, что в роли мотива, как правило, выступает представление об «Идеальном ребенке» как цели воспитания. Идеальное представление о ребенке, являясь основной движущей силой в процессе воспитания, включает в себя длинный перечень положительных качеств, которые каждый родитель хотел бы видеть в своем ребенке. Этот перечень представляет собой своеобразную «матрицу», с ориентацией на которую происходит сравнение и дается оценка «Реальному ребенку». Если поведение ребенка не вписывается в эту матрицу, родитель, ориентируясь на «Идеального ребенка», испытывает целый ряд негативных эмоций: обида, досада, разочарование, раздражение, возмущение, гнев, которые становятся основой для последующих действий со стороны родителей.

Рассмотрим данную ситуацию с помощью «Драматического треугольника созависимости» С. Карпмана (Москаленко В.Д., 2011). Вершина треугольника будет обозначать родительскую роль «Героя-Спасателя», которая оказывается особенно значимой для людей с низкой самооценкой и недостаточно развитым уважением к себе, что порождает повышенные ожидания от ребенка: послушания, уважения, понимания, благодарности и т.д. Если ребенок оправдывает эти ожидания, то самооценка родителя повышается. Если же нет (в случае с поведением, которое не вписалось в представление об идеальном ребенке), то поведение ребенка воспринимается родителем как личное оскорбление, сопровождаемое обидой, разочарованием, страхом, одиночеством, саможалостью, эмоциональной болью. В этом случае родитель незаметно для себя превращается в «Жертву» (правый нижний угол треугольника) чужого непослушания, неуважения, обесценивания, жестокосердия и т.д. Ответные действия «Жертвы» по отношению к ребенку можно проиллюстрировать на примере различных стилей семейного воспитания.

«Пассивная жертва» может выбрать, например, *попустительский стиль воспитания*, как способ ухода от негативных переживаний, связанных с воспитанием ребенка. В этом случае ребенок практически не будет знать запретов и ограничений со стороны родителя или не будет выполнять его указаний. Становясь взрослым, такой ребенок конфликтует с теми, кто не потакает ему, он не способен учитывать интересы других людей, устанавливать прочные эмоциональные связи, не готов к ограничениям и ответственности. С другой стороны, воспринимая недостаток руководства со стороны родителя как проявление равнодушия и эмоционального отторжения, он чувствует страх и неуверенность. Неспособность родителя контролировать поведение ребенка может привести к вовлечению его в асоциальные группы с риском развития ранней наркотизации, поскольку психологические механизмы, необходимые для самостоятельного, ответственного поведения в обществе, у него не сформировались. Для «Пассивной жертвы» может подходить и *опекающий стиль воспитания*, в котором ярко проявляются элементы созависимого поведения в форме навязчивой помощи и сверхконтроля с целью заслужить внимание и любовь ребенка, которые «призваны» заполнить недостающее самоуважение родителя. На поведенческом уровне это выражается в стремлении постоянно быть около ребенка, брать на себя ответственность за решение его проблем. Несмотря на внешнюю заботу, подобный стиль воспитания приводит к формированию у ребенка тревожности, беспомощности, запаздыванию социальной зрелости, которые являются факторами риска аддиктивного поведения (Реан А.А., 2004).

«Активная жертва», переживая отрицательные эмоции (обида, раздражение, гнев), будет нуждаться в их отреагировании, в получении своеобразной сатисфакции, в результате чего «Жертва» становится «Обидчиком» (левый нижний угол треугольника) по отношению к своему ребенку, используя различные методы эмоционального и физического наказания. Стиль воспитания «Обидчика» скорее будет *авторитарным*, при котором все решения принимает родитель, считающий, что ребенок во всем должен подчиняться его воле и авторитету. «Активная жертва», поведение которой характеризуется жестоким обращением, негативными оценками, пренебрежением и отвержением, постоянно концентрирует внимание ребенка на его слабостях, провоцируя

формирование неуверенности в себе, низкую самооценку и переживание внутренней дисгармонии, дискомфорта, ощущение «Я-плохой». С целью избавления от этой эмоциональной боли ребенок может прибегать к различным защитным средствам: «обезболивающим» (еда, алкоголь, наркотики, медикаменты, секс, табак) или «отвлекающим» (школа, работа, религия, спорт, музыка, телевизор, компьютер, навязчивая забота о других, азартные игры, постоянная занятость). Предназначенные для временного облегчения боли и стресса, при неблагоприятной социальной ситуации развития ребенка эти средства могут стать постоянными, трансформируясь в различные виды аддикций. Поведение родителей по созависимому типу может выражаться и в других стилях воспитания. Так, «Обидчик», получив сатисфакцию с помощью физического или эмоционального наказания ребенка и, тем самым, «заглушив» свою эмоциональную боль, может затем испытать чувство вины и стыда, а также жалости к своему ребенку, в результате чего у него появится желание загладить вину за счет поощрения ребенка, что означает возвращение в позицию «Героя-Спасателя». Это метод «кнута и пряника» при котором отсутствует единый подход к воспитанию. Противоречивость родительских реакций лишает ребенка ощущения стабильности и провоцирует повышенную тревожность, тормозит формирование самоконтроля и ответственности, способствует развитию заниженной самооценки.

Таким образом, описанные стили воспитания по созависимому типу имеют под собой глубинные причины, относящиеся к изначально имеющимся дефицитам личностного развития у самих родителей. Выстраивание отношений по созависимому типу приводит к тому, что жизнь детей сопровождается переживанием сильных негативных чувств: тревога, пустота, апатия, вина, стыд, никчемность, страх, злость, которые, по мнению современных исследователей, лежат в основе всех аддиктивных расстройств. Следует обратить внимание на то, что при любом из описанных стилей воспитания ребенок оказывается в условиях, которые не обеспечивают в должной мере удовлетворение одной из важных базовых потребностей ребенка – потребности в эмоциональной безопасности (Барцалкина В.В., 2010).

Предложенная модель, описывающая один из возможных психологических

механизмов влияния созависимых детско-родительских отношений на развитие аддикций у детей, указывает на необходимость квалифицированной психологической помощи и целенаправленной профилактической работы с родителями по осознанию ими истоков своей созависимости и ее роли как в построении отношений с детьми в целом, так и в формировании аддикций у детей.

Список литературы

1. Барцалкина В.В. Терапия последствий детских травм, депривации и насилия как профилактика аддиктивного поведения // "Психологическая наука и образование: Электронное специализированное научно-практическое периодическое издание (Psyedu.ru)". М.: МГППУ, 2010
2. Москаленко В.Д. Зависимость: семейная болезнь. М.: 2011.
3. Реан А.А. Психология подростка. СПб.: 2004.

Родительская строгость как причина смысложизненных ориентаций ребенка

Басимов М. М.

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

basimov_@mail.ru

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, строгость, синергетический, семейное воспитание

Синергетический стиль мышления – это стиль мышления постнеклассической науки. Он представляет собой современный этап развития системного и кибернетического мышления, многие элементы которого подвергаются существенной

переделке. «Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой парадигмы. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности (Князева Е.Н., Курдюмов С.П., 2005).

Исследование любых психических явлений будет искусственно крайне упрощено и сужено внешними рамками, если исследователь, изучая многомерное психологическое явление, будет оставаться только в рамках линейных представлений (Крылов В.Ю., 2000).

Основные характерные свойства линейных систем можно сформулировать в виде следующих свойств (Крылов В.Ю., 2000).

1. Для линейных систем сила реакции системы пропорциональна силе внешнего воздействия на систему: если какое-либо воздействие на систему приводит к некоторой реакции системы, то воздействие в несколько раз более сильное приведет к возрастанию реакции во столько же раз.

2. Реакция на одновременное применение к системе нескольких воздействий равна сумме реакций системы на каждое из этих воздействий.

Наличие указанных двух свойств является определением линейности системы. Нелинейность психических явлений по сравнению с многомерностью, для изучения которой разработан широкий спектр методов, представляет собой гораздо более глубокое свойство психического, которое в настоящее время изучено недостаточно. Нелинейные системы по своим свойствам радикально отличаются от линейных. Мир нелинейных систем настолько богаче мира линейных систем, что даже любое перечисление свойств нелинейных систем никогда не будет полным, исчерпывающим.

Мы предлагаем новый подход к пониманию понятия «Статистическая связь» в психологических исследованиях (Басимов М.М., 2011а; Basimov M.M., 2008в), который реализуется через использование метода множественного сравнения (Басимов М.М., 2004; Basimov M.M., 2008б) для квантильных разбиений данных (объектов) по каждому измеряемому психологическому параметру. При этом, можно себе позволить сознательно отказаться от предварительного выдвижения гипотезы о форме самой зависимости (линейной или какой-то конкретной нелинейной зависимости). То есть,

метод позволяет для изучаемой матрицы данных определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках тестовых шкал в единой системе измерения, достигаемой нормировкой коэффициентов силы связи, в результате которой аналоги единичной корреляции (зависимость параметра от самого себя) принимают значения равные или близкие единице.

Но перед тем как перейти к обсуждению заявленной темы рассмотрим одну показательную зависимость из идеализированной математической задачи, где каждый из параметров представляет собой значения одной из 36 элементарных функций в интервале, симметричном относительно нуля с равномерным шагом аргумента. Для изучения зависимостей между этими функциями был применен авторский статистический метод изучения связей (Басимов М.М., 2012). Коэффициенты силы связи **SV** нормируются таким образом, чтобы значение **SV=1** соответствовало бы единичной линейной корреляции **R=1**, полученной для линейной функции (например, **Y=X**).

Рассмотрим четную функцию (зависимость **Y=X²** от **X**), для которой коэффициент линейной корреляции равен нулю, но в тоже время не только нельзя сказать, что связь между переменными отсутствует, а следует отметить, что она очень сильная.

Зависимость параметра **Y=X²** от параметра **X** в виде сравнительных весомостей параметра **Y** для кварт по шкале **X**:

X-1 (+3720); X-2 (-3798); X-3 (-3798); X-4 (+3720)

Коэффициент силы связи = 1.69

Коэффициент корреляции = 0

Изучение нелинейных связей по авторскому методу апробировалось в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков (юношей) (Басимов М.М., 2007б), педагогическая психология (Басимов М.М., 2005; Басимов М.М., 2007а), этнопсихология (Басимов М.М., Хромов А.Б., 2009), психология стресса (Басимов М.М., Достовалов С.Г., 2011; Басимов М.М., 2011в), пятифакторная модель личности (Басимов М.М., 2011г), психология профессий (Басимов М.М., 2011б), психология доверия (Basimov M.M., Dostovalov S.G., 2011), психология родительства (Basimov M.M.,

Padurina E.A., 2011), психология обучения (Басимов М.М., 2007в,г), измерение ценностных отношений личности «Я-другие» (Basimov M.M., Nikolaeva I.A., 2011) и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричны, для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования. Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны, и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

Но именно такие зависимости человек в силу своей обычной исследовательской логики предвидит, формулирует в виде гипотез исследования, логически выводит и ему часто кажется, что других закономерностей просто не существует. А более сложные закономерности психологического или социологического содержания в основном непредсказуемы и требуют экспериментального изучения, дальнейшей аналитической работы, которая не ограничивается линейными представлениями.

В исследовании Ю.В. Ильиных «Взаимосвязь стиля семейного воспитания с особенностями преградного влияния смысловой установки подростка» (Ильиных Ю.В., 2004) мы также можем проследить нелинейные эффекты в возрастной психологии. В диссертационном исследовании использовались следующие диагностические методики: «Пределных смыслов» (Д.А. Леонтьев); «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев); «Взаимодействие ребенок-родитель» (И.М. Марковская) (Леонтьев Д.А., 1999; Леонтьев Д.А., 1992; Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., 2006; Марковская И.М., 2000).

Тест "Смысложизненные ориентации" (методика СЖО) Д.А. Леонтьева позволяет оценить "источник" смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни.

При анализе шести параметров (Y) смысложизненных ориентаций ребенка (методика «Смысложизненные ориентации личности») и параметра X «Строгость» (методика «Взаимодействие ребенок-родитель») нами выявлено синергетическое влияние последнего на смысложизненные ориентации ребенка, описываемое

зависимостями в виде несимметричных колебаний. Общее у этих зависимостей – это форма: максимум параметра Y на второй квинте X и дальнейший спад Y с элементами незначительного колебания.

Шкала «Мягкость-строгость родителя» методики «Взаимодействие ребенок-родитель» интересна прежде всего тем, что она является причиной (все зависимости односторонние) для трех параметров смысложизненных ориентаций ребенка. По результатам этой шкалы можно судить о суровости, строгости мер, применяемых к ребенку, о жесткости правил, устанавливаемых во взаимоотношениях между родителями и детьми, о степени принуждения детей к чему-либо.

Рассмотрим три зависимости влияния родительской строгости на смысложизненные ориентации ребенка.

1. Зависимость параметра «*Результативность жизни*» (Y) от параметра «*Строгость*» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X:

$X-1 (+2); X-2 (+1068); X-3 (-420); X-4 (+263); X-5 (-398)$

Коэффициент силы связи = 0.75 (0.19)

Коэффициент корреляции = -0.15

Зависимый параметр – результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией. Баллы по этой шкале отражают оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Низкие баллы – неудовлетворенность прожитой частью жизни.

Начнем с общего описания полученной зависимости. Незначительный рост родительской строгости (переход с 1 на 2 квинту) дает положительный эффект, когда наблюдается резкий рост параметра «Результативность жизни» (с +2 до +1068 по сравнительной весомости). Дальнейший рост строгости дает только отрицательный эффект: спад зависимого параметра (до -420) и дальнейшие его колебания (-420, +263, -398), причем при значениях значительно меньших, чем значение параметра «Результативность жизни» на 2 квинте родительской строгости (+1068).

Таким образом, только незначительное увеличение родительской строгости (переход с низкого уровня на уровень ниже среднего) решает полезные воспитательные

задачи (резкий рост параметра «Результативность жизни», удовлетворенность самореализацией), дает положительный эффект, а вот строгость среднего и высокого уровня уже неэффективна, и в основном приводит к противоположным последствиям. Но традиционно большинство психологов, оставаясь в рамках линейных представлений, как их учили в университете, а потом в аспирантуре при проведении исследований и анализе их результатов не находят нужных линейных корреляций тогда, когда по их мнению на основе качественного анализа должны быть связи между изучаемыми психологическими параметрами. А на самом деле связи есть, но они нелинейные.

И самый простой вариант – это монотонные зависимости, когда рост одного параметра способствует росту (или убыванию) другого параметра, зависимость прямая или обратная в терминологии линейной корреляции, но скорость роста (убывания) зависимого параметра от независимого уже не является постоянной величиной, как это имеет место для линейной зависимости (графически – отрезок прямой линии).

В этом случае психолог-исследователь в подавляющем большинстве случаев делает вывод, что связи между изучаемыми параметрами нет, т.к. коэффициент корреляции мал по величине. Этому обучают студентов в университете, далее аспирантов и круг замыкается.

Монотонные зависимости, несмотря на простоту, в отличие от зависимостей с максимумом или минимумом, и удобную интерпретацию, уже отличаются от линейных тем, что направление связи в подавляющем большинстве преимущественно одностороннее, математически можно определить, что является причиной, а что следствием в рамках сильной связи двух параметров. Исследователю нет необходимости выбирать на основе качественного анализа, какой параметр для него лучше объявить причиной, а какой следствием. Хотя, как и в случае с рассматриваемым базовым (независимым) параметром «Родительская строгость», многим психологам скорее понятно, что строгость родителей в основном только в ограниченных рамках полезна при воспитательном влиянии на ребенка, это подтверждает практика семейного воспитания.

Но реализация исследования в рамках линейной парадигмы (вначале гипотеза линейного содержания, потом корреляционный анализ данных) приводит к результату

об отсутствии причинно-следственных связей. Хотя опыт подсказывает о другом, а значит можно сделать вывод, либо, что статистические методы примитивны и не могут дать правильной аналитики изучаемого явления, либо, что изучаемый процесс настолько сложный, что изучать его с помощью диагностических методов неперспективно, а, значит, – это возможно понять только на качественном уровне и традиционное психологическое исследование не может привести к содержательному результату. Рассмотренная выше зависимость говорит об обратном, данные диагностики при более глубоком анализе дают результаты, непротиворечащие практике семейного воспитания: только строго дозированная строгость полезна, чрезмерная в большинстве случаев приводит к обратным результатам.

Коэффициент силы связи $SV=0.75$. Обратная зависимость слабая (коэффициент силы связи = 0.19). Коэффициент линейной корреляции не представляет интереса ($R= -0.15$), хотя он и не нулевой.

2. Зависимость параметра «Цель в жизни» (Y) от параметра «Строгость» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X:

$X-1 (+122)$; $X-2 (+1133)$; $X-3 (-330)$; $X-4 (-63)$; $X-5 (-118)$

Коэффициент силы связи = 0.54 (0.18)

Коэффициент корреляции = -0.10

Следующий зависимый параметр – цели в жизни. Баллы по этой шкале характеризуют наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Низкие баллы по этой шкале даже при общем высоком уровне осмысленности жизни будут присущи человеку, живущему сегодняшним или вчерашним днем. Вместе с тем высокие баллы по этой шкале могут характеризовать не только целеустремленного человека, но и прожектера, планы которого не имеют реальной опоры в настоящем и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию.

Зависимость похожа на предыдущую. Незначительный рост родительской строгости (переход с 1 на 2 квинту) также дает положительный эффект (даже несколько большой), когда наблюдается резкий рост параметра «Цель в жизни» (с +122 до +1133 по

сравнительной весомости). Дальнейший рост строгости дает также только отрицательный эффект (причем в большей степени, чем в зависимости (1): спад зависимого параметра (до -330) на 3 квинте и дальнейший слабый рост в области отрицательных сравнительных весомостей (-63, -118) параметра «Цель в жизни».

Таким образом, только незначительное увеличение родительской строгости (с низкого уровня на уровень ниже среднего) решает полезные воспитательные задачи (резкий рост параметра «Цель в жизни»), дает положительный эффект: осмысленность жизни, направленность и временная перспектива, а вот строгость среднего и высокого уровня уже неэффективна, приводит к противоположным последствиям.

Коэффициент силы связи $SV=0.54$. Обратная зависимость слабая (коэффициент силы связи = 0.18). Коэффициент линейной корреляции не представляет интереса ($R= -0.10$).

3. Зависимость параметра «*Эмоциональная насыщенность жизни*» (Y) от параметра «*Строгость*» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X:

$X-1 (+34)$; $X-2 (+447)$; $X-3 (-765)$; $X-4 (+244)$; $X-5 (-206)$

Коэффициент силы связи = 0.59 (0.30)

Коэффициент корреляции = -0.10

Зависимый параметр – процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни. Содержание этой шкалы совпадает с известной теорией о том, что единственный смысл жизни состоит в том, «чтобы жить». Этот показатель говорит о том, воспринимает ли испытуемый сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Высокие баллы по этой шкале будут характеризовать гедониста, живущего сегодняшним днем. Низкие баллы по этой шкале – признак неудовлетворенности своей жизнью в настоящем; при этом, однако, ей могут придавать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее.

Зависимость параметра «*Эмоциональная насыщенность жизни*» от параметра «*Родительская строгость*» наиболее похожа на колебание. Незначительный рост родительской строгости (переход с 1 на 2 квинту) вначале (в отличие от двух

предыдущих зависимостей) способствует хотя и росту зависимого параметру «Эмоциональная насыщенность жизни», но значительно менее резко (с +34 до +447 по сравнительной весомости). Дальнейший рост строгости дает также только отрицательный эффект (причем в большей степени, чем в предыдущих двух зависимостях): сильный спад зависимого параметра (до -765) на 3 квинте и дальнейшее слабое колебание параметра «Эмоциональная насыщенность жизни» (+244, -206).

Таким образом, только незначительное увеличение родительской строгости (с низкого уровня на уровень ниже среднего) решает воспитательные задачи (рост параметра «Эмоциональная насыщенность жизни», если в этом видится необходимость), дает эффект, когда единственный смысл жизни состоит в том, «чтобы жить», когда испытуемый воспринимает сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом.

Дальнейший рост родительской строгости (3 кварта) приводит к резкому спаду зависимого параметра (с +447 до -765 по сравнительной весомости), что можно отметить как признак неудовлетворенности своей жизнью в настоящем. Но при этом наблюдается небольшой максимум на 4 квинте (+244 по сравнительной весомости).

Коэффициент силы связи $SV=0.59$. Обратная зависимость значительно слабее (коэффициент силы связи = 0.30). Коэффициент линейной корреляции не представляет интереса ($R= -0.10$).

В заключение отметим, что именно родительская строгость является причиной, а не следствием в трех рассмотренных зависимостях, влияющей на три параметра смысложизненных ориентаций ребенка, т.к. коэффициенты силы связей для обратных зависимостей $X(Y)$ значительно меньшие по величине и равны соответственно 0.19, 0.18, 0.30. Линейные корреляции трех рассмотренных зависимостей интереса для исследователя не представляют (-0.15, -0.10, -0.10).

Таким образом, можно отметить общее в рассмотренных трех зависимостях: только незначительный рост родительской строгости (переход с 1 на 2 квинту) может

дать положительный эффект (зависимости 1–3) – значительный прирост того или другого зависимого параметра, а вот дальнейший ее рост ведет уже к резкому спаду и дальнейшим колебаниям в области значительно меньших значений зависимых переменных, представляющих жизненно важные сферы в формировании личности ребенка: результативность жизни или удовлетворенность самореализацией; цели в жизни; процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни.

Постепенно психология проникает во все более сложные сферы человеческой психики, а это требует нелинейного анализа изучаемых параметров, т.к. в отдельных исследованиях (например, изучение доверия или Я-образа) линейные зависимости практически не регистрируются.

Таким образом, при подготовке специалистов на факультетах психологии, и прежде всего это касается дипломного проектирования, диссертаций в магистратуре и аспирантуре, не следует отдельным преподавателям оставаться приверженными идеалам научного знания в классической науке конца XVIII века: простота, линейность, полное исключение неопределенности (случайности), когда жестко детерминистическая картина мира – так называемый лапласовский детерминизм – осознается с точки зрения нашего времени как чрезмерно упрощенная теоретическая схема. Хотя в заключение стоит заметить, что многие стереотипы классически ориентированного разума – стереотипы линейного мышления – в основном не изжиты до сих пор.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а

Список литературы

1. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
2. Басимов М.М. Изучение психологической типологии школьников по фактору успеваемости (на примере школы-гимназии N57) – Москва-Курган: каф. психологии

- труда и инженерной психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, Курганский гос. ун-т, 2004. – 432 с.
3. Басимов М.М. Изучение психологической типологии дошкольников по фактору усвоения образовательных программ ЦРР – Курган: Курганский гос. ун-т, 2005. – 176 с.
 4. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
 5. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
 6. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.
 7. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.
 8. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.
 9. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.
 10. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.
 11. Басимов М.М. Стресс как явление нелинейной психологии. Курган: Изд-во Курганского Гос. Ун-та, 2011.- 43 с.
 12. Басимов М.М. Синергетические подходы в образовательной работе со старшеклассниками (учебно-методическое пособие Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – 53 с.
 13. Басимов М.М. Синергетические подходы в образовательной работе с

- дошкольниками учебно-методическое пособие Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – 40 с.
14. Басимов М.М. Пятифакторная модель личности с позиции нелинейной психологии. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – 48с.
 15. Ильиных Ю.В. Стиль родительского воспитания как фактор формирования смысловой сферы старшего подростка: Дис. ... канд. психол. наук – Москва, 2004.
 16. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
 17. Крылов В.Ю. Методологические и теоретические проблемы математической психологии. – М.: Янус-К, 2000. – 376 с.
 18. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (методическое руководство). М.: Смысл, 1999. – 38 с.
 19. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентации. М.: Смысл, 1992 б. – 16 с.
 20. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. Методическое руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков. – М.: Смысл, 2006.
 21. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб.: ООО Издательство «Речь», 2000. – 150 с.
 22. Basimov M.M. Analysis of different form statistical dependence in psychological research (nontraditional methods). Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2008.
 23. Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2008.
 24. Basimov M.M., Dostovalov S.G. Studying of the personality trust crisis in the context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1439.
 25. Basimov M.M., Nikolaeva I.A. Graphic representations of valuable relations of the person "I-others" as the object of nonlinear psychology // The 12th European Congress of

Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1438.

26. Basimov M.M., Padurina E.A. Positive parental feelings in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1297.

Родительское принятие-отвержение и формирование взаимоотношений между сиблингами

Бурменская Г.В.

*Кафедра возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

burmenska@list.ru

Среди исследований последнего десятилетия в сфере семейной психологии проблема взаимоотношений между сиблингами (братьями и/или сестрами) все чаще привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных психологов. При этом до сих пор отчасти сохраняется заложенная еще на заре становления психологии (Ф. Гальтон, А. Адлер, Х. Шуберт, М. Вагнер и др.) тенденция связывать многообразные психологические особенности сиблингов прежде всего с влиянием таких «объективных» условий их развития, как порядок рождения ребенка (сиблинговая позиция), общее число детей в семье, их пол, разница в возрасте и др. Заметно более продуктивным и более психологическим представляется иной подход, в русле которого формирование отношений между сиблингами рассматриваются в контексте общей семейной системы и родительско-детских отношений. Подобные исследования позволяют существенно дальше продвинуться в анализе собственно психологических механизмов

межличностного взаимодействия в семье, например, в понимании влияния характера супружеских, детско-родительских отношений и общей атмосферы в семье на эмоциональные, поведенческие и коммуникативные стороны взаимоотношений в сиблинговых парах.

Ранее в наших исследованиях (совместно с Н.В. Царевой и Д.А. Ежковой) было показано, что важную роль в становлении позитивных взаимоотношений между сиблингами с 3-х до 12-ти лет играет фактор *психологического благополучия матери*, воздействующий опосредованно – через гармоничный либо дисгармоничный стиль воспитания и взаимодействия с детьми (Бурменская Г.В., 2013). Была установлена тесная связь таких показателей гармоничного материнского воспитания, как высокое принятие детей, эмоциональная близость с ними, удовлетворенность детьми и последовательность с преобладанием у сиблингов отношений сотрудничества, обучения/руководства и эмпатия. В то же время проявления у сиблингов агрессии, соперничества и дистанцирования друг от друга уверенно коррелировали с признаками дисгармоничного стиля воспитания (непоследовательность, неудовлетворенность матери своими детьми и др.).

В целом высокий уровень психологического благополучия матерей как правило сочетался с адекватным уровнем требовательности в воспитании и высоким показателем принятия ребенка, а также со склонностью сиблингов к сотрудничеству и эмпатии. Напротив, одним из существенных источников проблемных взаимоотношений между сиблингами служило дисгармоничное воспитание матерей с низкими показателями психологического благополучия.

Данная линия исследований была продолжена в представляемой работе, проведенной нами совместно с А.И. Плякиной (Плякина А.И., 2014). *Целью* работы стало изучение родительского принятия/отвержения как ключевой характеристики взаимодействия в семье и его роли в формировании сиблинговых взаимоотношений в детском возрасте.

Оценка фактора принятия/отвержения строилась на основе концепции и методики Р. Ронера (Rohner R.P., 1999). Хотя психологическое значение принятия обсуждается в работах многих влиятельных авторов (К. Роджерс и др.), тем не менее именно

исследования Р. Ронера содержат наиболее развернутое описание многообразия проявлений принятия-отвержения, а главное, им разработан эффективный диагностический инструмент для дифференцированной оценки соотношения компонентов принятия и отвержения в поведении родителя. При этом *принятие* традиционно понимается как «теплота, ласка, нежность, забота... участие, поддержка и само чувство любви, которое родители испытывают и проявляют по отношению к своим детям», а *отвержение* – как «отсутствие или существенный недостаток теплоты, привязанности, заботы, участия, поддержки и любви..., а также эмоциональные проявления и действия, вызывающие боль и/или обиду» (Rohner, 1999). Р. Ронер выделил три специфические компонента (показателя) отвержения: враждебность/агрессия, безразличие/пренебрежение и недифференцированное отвержение. В результате обширных и длительных исследований, проведенных во многих странах на разных континентах планеты, он пришел к убеждению, что *потребность* детей в получении *принятия со стороны своих родителей – очень определенного и очень ясного по форме* – носит универсальный характер и мало зависит от конкретных социокультурных особенностей среды, в которой растут дети. Недостаточное удовлетворение этой фундаментальной и по сути абсолютно нормативной потребности неизбежно продуцирует у детей тревогу, враждебность, агрессию, эмоциональную нестабильность, зависимость и другие явления вплоть до развития различных форм психопатологии.

В нашем исследовании приняли участие 43 родителя в возрасте от 23 до 48 лет (34 матери и 9 отцов), имеющие двух или трех детей с разницей в возрасте от 2-х до 8-ми лет. Помимо русскоязычной версии Опросника родительского принятия/отвержения (PARQ) Р. Ронера (Rohner, 1999) также применялись Опросник сиблинговых взаимоотношений (Hetherington, 1999) и Опросник изучения взаимодействия родителей с детьми (Марковская, 2005). Контроль велся с помощью Шкалы социальной желательности Марлоу-Кроуна.

Исследование показало, что в целом уровень принятия (по оценкам самих родителей) заметно превышает проявления отвержения, однако в выборке имеется немалая часть родителей – около 40% в отношении старших сиблингов и 23% в

отношении младших, – которые признают за собой проявления отвержения ребенка (в той или иной степени).

Родительское *принятие обнаруживает тесные положительные корреляции с уровнем эмпатии между сиблингами, а также с их сотрудничеством в форме руководства-подчинения старших-младших.* В то же время имеет место четкая обратно пропорциональная зависимость принятия от частоты проявления агрессивного или конфликтного поведения сиблингов. Иначе говоря, высокие показатели принятия практически исключают дисгармоничное взаимодействие сиблингов в виде соперничества, конфликтности и избеганием друг друга, но в то же время *родительское отвержение провоцирует соперничество и избегание* между братьями и сестрами.

Отметим также, что хотя в целом родители демонстрируют очень близкую родительскую позицию по отношению и к старшим, и к младшим детям, некоторое различие в качестве этого отношения имеет место: обычно респонденты проявляют больше теплоты и привязанности к младшим детям, но более строги к старшим, допуская в отношении их несколько больше критики, раздражения и/или безразличия. Т.о., старшие сиблинги несколько больше подвержены риску недостаточного родительского принятия.

По поводу гендерных различий стоит обратить внимание на то, что возраст детей также отражается на особенностях сиблинговых отношений. В частности, мы увидели, что младшие сиблинги больше так сказать «тянутся» к старшим, тогда как старшие дети имеют тенденцию больше сторониться младших. Эта тенденция к избеганию наиболее сильно проявляется в начале подросткового возраста под влиянием процессов подростковой автономизации.

Сравнение наших данных на основе методики Р. Ронера с аналогичными результатами в других социокультурных выборках показало, что российские родители демонстрируют (признают) несколько более высокий уровень отвержения по отношению к своим детям, чем, например, родители-респонденты из США или Кипра (Плякина, 2014).

Таким образом, общая гипотеза исследования о наличии тесной связи между родительским принятием/отвержением детей и характером формирующихся между сиблингами взаимоотношений получила весомое эмпирическое подтверждение: гармоничное родительское воспитание, основанное на принятии, ведет к формированию между братьями и сестрами преимущественно дружелюбных отношений, тогда как отвержение со стороны родителей способствует конфликтным и/или отстраненным отношениям. Можно полагать, что дети, которые чувствуют любовь и одобрение родителей, поддержку, защиту и эмоциональную безопасность, легче устанавливают контакты и успешнее взаимодействуют не только в сиблинговой подсистеме, но и вне ее, а в дальнейшем лучше реализуют себя во взрослых отношениях, супружеской и родительской роли.

Отношение родителя к ребенку – сложный и многомерный феномен, включающий в себя не только определенное соотношение принятия и отвержения, но и психологические разные оттенки их проявлений (в отношении последнего это враждебность/агрессия, безразличие/пренебрежение и недифференцированное отвержение). Исследование показало целесообразность выделения разных компонентов в структуре отвергающего отношения к ребенку, что позволяет более дифференцированно и полно характеризовать этот проблемный аспект детско-родительских взаимоотношений.

Список литературы

1. Бурменская Г.В. Материнское воспитание и особенности взаимоотношений между сиблингами // *Материалы V Съезда РПО*, Москва, 14-18 февраля 2012 г. С. 128-129.
2. Марковская И.М. *Тренинг взаимодействия родителей с детьми*. - СПб.: Речь, 2005.
3. Плякина А.И. *Влияние родительского принятия/отвержения на формирование взаимоотношений между сиблингами*. – *Дипломная работа*. М., МГУ, 2014.
4. Rohner, R. P. Acceptance and rejection // In D. Levinson, J. Ponzetti, P. Jorgensen (Eds.), *Encyclopedia of human emotions*, Vol. 1 (of 2), 6-14. New York: Macmillan. 1999.

Роль привязанности к матери в онтогенезе взаимоотношений сиблингов

“The role of attachment to mother in siblings’ relationships ontogenesis”

Бурменская Г. В., Алмазова О. В.

доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ имени

М.В. Ломоносова, кандидата психологических наук, доцент, Москва, Россия

burmenska@list.ru

аспирант кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ имени М.В.

Ломоносова, Москва, Россия

almaz.arg@gmail.com

С середины XX века понятие «*привязанность к матери*» (ПМ) служит ключевым конструктом психологии развития, значение которого выходит далеко за рамки раннего возраста. Многочисленные данные западных и отечественных исследований свидетельствуют об исключительно глубоком и разностороннем воздействии на формирование индивидуально-личностных, коммуникативных и познавательных особенностей человека его эмоциональных связей с близким взрослым в детстве (Дж. Боулби, М.И. Лисина, М. Main, J. Cassidy, M. Greenberg, M. Mikulincer, R. Fraley и мн. др.) [2, 3, 4].

В то же время онтогенетическое значение привязанности на разных возрастных этапах становления личности раскрыто еще далеко не полностью. Например, это прямо относится к такому важному и пока слабо изученному компоненту системы семейных отношений, как *взаимоотношения между сиблингами* (братьями и/или сестрами). Сиблинговые взаимоотношения, как правило, весьма продолжительны по времени, носят характер глубоких, эмоционально насыщенных и доверительных уз, но в то же время нередко противоречивы, проникнуты ревностью и конкуренцией. Уже в детстве они обычно получают весьма разную эмоционально-смысловую окраску и, развиваясь, с течением

времени образуют сложное *многообразие* психологически очень разных вариантов отношений между взрослыми сиблингами (сокращенно ВВС).

В данном исследовании нас интересовало, какова роль качественных особенностей привязанности сиблингов к матери (надежной либо ненадежной) в формировании их взаимоотношений в детстве, в затем – во взрослости. *Гипотеза* о том, что взаимоотношения между взрослыми сиблингами сохраняют связь с характером (типом) их привязанности к матери в детском возрасте, основывалась на многочисленных сведениях об особом онтогенетическом значении ПМ: установлено, что многие структуры личности ребенка возникают («закладываются») и затем формируются в условиях того или иного типа ПМ, и, следовательно, характер привязанности (наряду с иными факторами) накладывает на них свой отпечаток. Сложившись в виде надежной либо ненадежной, привязанность к матери становится базовым личностным образованием, опосредствующим процесс накопления у ребенка внутреннего опыта, формирование других, более поздних новообразований и модели построения взаимоотношений с миром. Глубокие качественные различия между надежным и ненадежными типами ПМ во многом обуславливают типологическое своеобразие «траекторий» индивидуального хода возрастного развития [3].

Целью данного исследования стало определение связи особенностей взаимоотношений между сиблингами с характером (типом) их привязанности к матери как во взрослом возрасте, так и в детстве (ретроспективно) [1]. В исследовании приняли участие 289 человек (195 женщин и 94 мужчины) в возрасте от 18 до 58 лет ($M = 29,9$; $SD = 11,0$), имеющие одного и более сиблингов. 57% респондентов описывали свои отношения с *младшими* братьями или сестрами, 43% – со *старшими*; половина респондентов состояли в браке, половина – нет.

Изучение *взаимоотношений* между сиблингами и их личностных особенностей проводилось на основе Опросника взрослых сиблинговых отношений К. Стокера, Шкалы сиблинговых отношений Х. Риггио и Пятифакторного опросника индивидуальных различий М. Дэйви и В. Икера. Тип *привязанности* к матери определялся с помощью Модифицированного опросника М.В. Яремчук, а также Опросника родительского принятия/отвержения Р. Ронера.

Результаты показали, что отношения сиблингов во взрослом возрасте отличаются значительным *многообразием* как по степени принятия, привязанности, близости, доверия, эмоциональной и практической поддержки, так и по проявлениям конкуренции, конфликтности, противоборства и агрессии. В оценках сиблингов имели место значимые различия, что позволило нам на основе кластерного анализа выделить четыре *типа* ВВС: 1) эмоционально-позитивные (сердечные, неконфликтные), 2) амбивалентные (сердечные, конфликтно-конкурирующие); 3) отстраненные (не близкие и не конфликтные); 4) конфликтные (не близкие, конкурентные). Соотношение типов в обследованной выборке – 39%, 32%, 18% и 11%.

Отметим интересный факт: в качестве существенной особенности ВВС выступила их явная тенденция к *взаимности*. Действительно, в подавляющем большинстве случаев сиблинги оценивали свое отношение друг к другу очень сходным («симметричным») образом. При этом 67% пар сиблингов дали столь близкие описания своих отношений с братом или сестрой, что они попали в один тип ВВС; 24% пар попали в смежные типы ВВС и только у 9% пар сиблингов отношение друг к другу было отчетливо разным – *не* взаимным.

Исследование также показало примерно равное соотношение числа сиблингов с надежной и ненадежной привязанностью: 49% и 51% соответственно, среди последнего 10% относилось к амбивалентному, 10% – избегающему и 31% – к смешанному типу. Корреляционный анализ результатов обнаружил тесные связи степени надежности привязанности к матери с оценкой теплого принимающего поведения матери по отношению к сиблингу в детстве ($r=0,719$; $p=0,000$), обратные связи имели место между надежностью привязанности и проявлениями материнского безразличия ($r=-0,565$; $p=0,000$), враждебности ($r=-0,575$; $p=0,000$) и отвержения ($r=-0,540$; $p=0,000$). В случае амбивалентной привязанности имели место высокие значимые связи с проявлениями со стороны матери враждебности ($r=0,622$; $p=0,000$) и недифференцированного отвержения ($r=0,541$; $p=0,000$). При избегающем типе привязанности самыми тесными оказались прямые связи с проявлениями безразличия со стороны матери ($r=0,505$; $p=0,000$) и обратные связи с ее теплом и принятием ($r=-0,567$; $p=0,000$).

Для определения онтогенетической динамики взаимоотношений сиблингов – соотношения меры стабильности и изменчивости – проводилось сравнение ретроспективных оценок респондентами своих взаимоотношений *в детстве и взрослом возрасте* по степени *доверительности, эмоциональной доминанте и интенсивности сотрудничества* (взаимодействия). Результаты показали статистически значимые корреляционные связи умеренной силы (от 0,380 до 0,416 при $p=0,000$) по всем трем параметрам. Таким образом, указанные характеристики отношений с сиблингом обнаруживают уверенную тенденцию *сохраняться и переходить из детства во взрослую жизнь*. При этом, однако, имеют место и некоторые особенности: у большинства респондентов сотрудничество выше в детстве и падает с возрастом, тогда как доверие и эмоциональное отношение с возрастом укрепляются и переходят на более высокий уровень. Таким образом, несмотря на неизбежное во взрослости (по сравнению с детством) снижение «объема общей жизни» (более редкое общение и сотрудничество), роль эмоционально-личностного общения и доверительных взаимоотношений у большей части сиблингов возрастает.

Тенденция к сохранению по мере взросления «ядра» сиблинговых отношений по мере взросления получила косвенное подтверждение при сопоставлении типов ВВС и характера привязанности к матери. Результаты показали наличие между ними тесной и высоко значимой статистической связи (критерий Хи-квадрат=34,106; $p=0,000$). И хотя встречались отдельные сиблинги с надежной привязанностью к матери при отстраненных или конфликтных взаимоотношениях, подобные случаи были редкими и скорее подтверждали отчетливую тенденцию: надежная привязанность к матери сочетается с позитивными ВВС, а ненадежная – с отстраненными и конфликтными. Сказанное, разумеется, не означает, что ПМ – единственный фактор, оказывающий существенное влияние на формирование основ взаимоотношений между сиблингами. Среди факторов, способных влиять на сиблинговые отношения, следует назвать различия в приобретаемом индивидуальном жизненном опыте, индивидуально-личностное и характерологическое своеобразие, наконец, различия морально-нравственных установок и др.

В целом проведенное исследование свидетельствует о

1) влиянии эмоциональной *привязанности к матери* на характер *сиблинговых взаимоотношений во взрослом возрасте*, т.е. далеко за пределами периода детства и совместного проживания сиблингов в семье;

2) явных признаках онтогенетической *преемственности* сложившегося в детстве характера взаимоотношений между братьями и/или сестрами;

3) повышении в них с возрастом *эмоционально-личностного* компонента и доверительности, несмотря на закономерное *уменьшение практического сотрудничества* (в силу естественной автономизации от семьи по мере взросления).

Указанные тенденции отмечаются более чем у половины респондентов (около 70%) и ярко контрастируют с вектором возрастных изменений у другой части респондентов (около четверти выборки), где отношения с возрастом становятся более отчужденными или устойчиво конфликтными. Отчетливая связь возрастной дифференциации ВВС с надежным либо ненадежным типом привязанности сиблингов к матери дает весомое подтверждение ее ключевой роли в качестве типологического основания онтогенеза сферы взаимоотношений.

Список литературы

1. Алмазова О.В. Типология взаимоотношений взрослых сиблингов // Вестн. Моск. ун-та. Психология. 2013. № 2. С. 134-146.
2. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
3. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестн. Моск. ун-та. Психология. 2009. № 4. С. 17—31.
4. Лисина М.И. Общение, личность и психическое развитие ребенка / Под ред. А.Г. Рузской. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997.

Детско-родительские отношения как фактор формирования неэффективных копинг-стратегий у подростков с отклоняющимся поведением

Вартанян Г.А., Горбатов С.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

g.a.vartanyan@gmail.com, s.gorbatov@bk.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования неэффективных копинг-стратегий у несовершеннолетних правонарушителей, рассмотрены особенности копинг-поведения и механизмов психологической защиты подростков с отклоняющимся поведением, детско-родительских отношений в их семьях. Представлены результаты исследований различий в механизмах совладания подростков с отклоняющимся поведением и школьников, адаптирующихся успешно. Показана степень влияния семьи на формирование неэффективных копинг-стратегий у подростков-правонарушителей.

Ключевые слова: копинг-поведение, механизмы психологической защиты, детско-родительские отношения, подростки, отклоняющееся поведение.

Целенаправленное поведение, позволяющее справиться с трудной жизненной ситуацией, является важным для социальной адаптации человека. Однако не у всех формируется такой набор копинг-стратегий, который позволял бы эффективно совладать со стрессорами. Поэтому изучение причин, влияющих на процесс социальной адаптации и вызывающих формирование неэффективных копинг-стратегий и психологических механизмов совладания со стрессом у подростков с отклоняющимся поведением является особо актуальным и значимым, в том числе для понимания их индивидуально-психологических особенностей (Яницкий М.С. и др., 2007). К социальным причинам отклоняющегося поведения подростков в психологической литературе, как правило, относят следующие: нарушения детско-родительских отношений; фрустрацию базальных потребностей; усвоенные еще в детстве паттерны поведения, жестокие по

сути, но являющиеся, по мнению подростков, эффективными; педагогическую запущенность; трудности социальной адаптации в коллективах, сочетающиеся зачастую с поисками признания в альтернативных асоциальных группах, одобряющих агрессивное поведение (Горбатов С.В., Шукайло В.В., 2005).

Общеизвестно, что подростковый возраст характеризуют сложные биосоциальные процессы, такие, как становление характера, проявляющиеся зачастую акцентуации, психопатии, невротические и психосоматические расстройства, что делает переход ко взрослой жизни достаточно тяжелым. Особенно чувствителен подростковый возраст к различного рода нарушениям отношений, в том числе взаимоотношений в семье. Ведь именно семья оказывает решающее воздействие на формирование и развитие детей и подростков. В частности, семья обеспечивает базисное чувство безопасности, являющееся одним из основных условий нормального развития растущего человека, его взаимодействия с окружающим миром без опасений и страха. При этом именно в подростковом возрасте отношения с родителями переходят на качественно новый уровень, и теперь уже модели поведения родителей являются не только источником необходимого жизненного опыта детей, но используемый в семье копинг-стиль совладания с жизненными трудностями становится образцом копинг-поведения и для детей-подростков.

Таким образом, изучая причины отклоняющегося поведения подростков, важно проследить, какую роль играют при формировании у подростков неэффективных копинг-стратегий именно детско-родительские отношения и их нарушение. Результаты исследований в этой области будут иметь, на наш взгляд, как теоретическую, так и практическую значимость и принесут несомненную пользу при организации профилактической работы по предотвращению подростковой преступности.

С этой целью нами был проведен ряд исследований по изучению влияния детско-родительских отношений на особенности копинг-поведения несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних (далее – КДН), осужденных за умышленное убийство и половые преступления. Сравнительно-сопоставительный анализ результатов исследования осуществлялся с группой школьников, не имеющих криминального анамнеза.

Предметом исследований являлись детско-родительские отношения, копинг-поведение, механизмы психологической защиты и некоторые относительно стабильные личностные и социальные характеристики несовершеннолетних, обеспечивающие психологический фон для преодоления стресса, которые можно отнести к копинг-ресурсам.

В основу исследований были положены гипотезы о различиях в механизмах совладания (копинг-поведение, копинг-стратегии и копинг-ресурсы) подростков с отклоняющимся поведением и школьников, адаптирующихся успешно, а также о влиянии нарушений детско-родительских отношений в семьях правонарушителей на выработку неэффективных, малопродуктивных стратегий совладания со стрессами.

В первом исследовании приняли участие учащиеся 9-х классов средней общеобразовательной школы г. Санкт-Петербурга, численностью 28 человек (нормативная группа) в возрасте 14–15 лет, и несовершеннолетние правонарушители, численностью 25 человек в возрасте 14–15 лет, состоящие на учете в КДН г. Санкт-Петербурга за кражи и хулиганство (экспериментальная группа).

Анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. По методике «Индекс жизненного стиля» Х. Келлермана, Р. Плутчика выявлены значимые различия в группах подростков с отклоняющимся поведением и правопослушных школьников (таблица 1). Полученные данные свидетельствуют о преобладании неэффективных видов психологических защит у подростков-правонарушителей. Неприемлемые для них и вызывающие тревогу желания, мысли и чувства становятся бессознательными и могут проявляться в невротических и психофизиологических симптомах. Наиболее часто вытесняются многие свойства, личностные качества и поступки, не делающие подростка привлекательным в собственных глазах и в глазах других людей. Подавленные эмоции (как правило, это враждебность и гнев) подростки направляют на объекты, которые представляют меньшую опасность или более доступны. В стрессовых ситуациях подростки могут совершать неожиданные и даже бессмысленные действия, которые разрешают внутреннее напряжение.

2. Данные, полученные по методике «Индексатор копинг-стратегий» Д. Амирхана позволяют говорить о том, что подростки-правонарушители в трудных ситуациях значительно чаще используют копинг-стратегию «избегание» по сравнению с учащимися школы (при $p \leq 0,01$). Для таких подростков характерно избегание контакта с окружающей действительностью, уход от решения проблем, что формирует у них дезадаптивное, псевдосовладающее поведение.

3. Анализ данных, полученных по методике «Тест фрустрационных реакций» С. Розенцвейга, показывает, что учащиеся средней школы значительно чаще проявляют экстрапунитивные реакции с доминантным типом реагирования (при $p \leq 0,01$) и импунитивные реакции с упорствующим типом реагирования (при $p \leq 0,01$), тогда как подростки-правонарушители значительно чаще проявляют интропунитивные реакции с самозащитным типом реагирования (при $p \leq 0,01$). Реакции подростков-правонарушителей в ситуациях фрустрации направлены на самих себя с принятием вины или ответственности за исправление возникшей ситуации. Такие подростки принимают фрустрирующую ситуацию как благоприятную для себя, а отрицание или признание собственной вины направлены на защиту своего «Я».

4. Анализ полученных данных по методике «Готовность к риску» А. М. Шуберта позволяет говорить о том, что склонность к риску (при $p \leq 0,05$) в группе подростков, состоящих на учете в КДН, значительно выше (более чем в два раза) по сравнению с учащимися средней школы. Это означает, что подростки-правонарушители в ситуациях, сопряженных с неопределенностью и опасностью для жизни, готовы к нарушению установленных норм и правил.

5. Результаты опросника «Диагностика состояния агрессии» А. Басса, А. Дарки показывают, что такая форма проявления агрессии и враждебности, как обида (зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия), более свойственна группе несовершеннолетних правонарушителей (при $p \leq 0,05$), нежели школьникам. Значение «Индекс враждебности» также выше у подростков-правонарушителей, чем у школьников (при $p \leq 0,05$). Подростки, состоящие на учете в КДН, склонны к проявлению зависти и ненависти к окружающим, что обусловлено

чувством горечи, гнева и недовольства кем-то конкретным или в целом ситуацией или людьми за действительные или мнимые страдания.

6. Результаты исследования по методике «Подростки о родителях» Э. Шафера (в адаптации Л. И Вассермана и др.) позволяют говорить о том, что такие качества, как директивность (при $p \leq 0,01$) и непоследовательность (при $p \leq 0,05$) в восприятии образа матери, а также враждебность в восприятии образа отца (при $p \leq 0,05$) преобладают у подростков с отклоняющимся поведением. Директивность матери по отношению к сыну подростки видят в навязывании им чувства вины по отношению к ней. Простые же формы проявления отзывчивости, симпатии отрицательно коррелируют с директивной формой взаимодействия матери и подростка. Непоследовательность проводимой матерью линии воспитания оценивается подростками как некоторое чередование таких психологических тенденций, как господство силы и амбиций и покорность (в адаптивных формах), деликатность и сверхальтруизм и недоверчивая подозрительность (с максимальной амплитудой колебаний). Отцы, по мнению подростков, суровы и педантичны по отношению к ним. Подростки постоянно находятся в состоянии тревожного ожидания низкой оценки своей деятельности и наказания отцовским отвержением и постоянным недовольством, скептическим отношением к достижениям сына, что неизбежно снижает мотивацию их деятельности.

7. Анализ полученных данных по методике «Кинетический рисунок семьи» Р. Бэнса, С. Кауфмана позволяет говорить о том, что тревожная (при $p \leq 0,05$), конфликтная (при $p \leq 0,01$), неполноценная (при $p \leq 0,01$) и враждебная (при $p \leq 0,05$) семейные ситуации встречаются в группе трудных подростков гораздо чаще, чем в группе школьников. Эти данные свидетельствуют в целом о неблагоприятной семейной ситуации в группе правонарушителей.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о различиях в изучаемых феноменах в группе несовершеннолетних правонарушителей и группе несовершеннолетних школьников, адаптирующихся успешно. Наиболее используемыми механизмами психологической защиты подростков-правонарушителей являются вытеснение, регрессия, замещение и отрицание. В стрессовых ситуациях подростки чаще используют копинг-стратегию избегание и проявляют интропунитивные реакции с

самозащитным типом реагирования. В ситуациях, сопряженных с неопределенностью и опасностью для жизни, они готовы к нарушению установленных норм и правил. Семейную ситуацию подростков можно оценить как тревожную, неполноценную и враждебную, особенно выделяется показатель конфликтности. Трудные подростки гораздо чаще приписывают своей матери такие качества, как директивность и непоследовательность проводимой линии воспитания, а отцам – враждебность по отношению к ним.

В попытке изучить взаимосвязь выявленных особенностей личности и детско-родительских отношений в группе несовершеннолетних правонарушителей были получены следующие результаты:

- отчетливо прослеживается взаимосвязь между непоследовательностью применяемых отцом воспитательных мер, непредсказуемостью его реакций и повышенным уровнем враждебности подростков ($r=0,50$ при $p\leq 0,05$), общей склонностью к риску ($r=0,76$ при $p\leq 0,01$). Данный показатель также положительно взаимосвязан с таким негативным чувством, как раздражение ($r=0,65$ при $p\leq 0,01$), и малоадаптивным защитным механизмом замещение ($r=0,79$ при $p\leq 0,01$), а также с конфликтной семейной ситуацией ($r=0,40$ при $p\leq 0,05$). Непоследовательность применяемых матерью воспитательных мер отрицательно взаимосвязана с эффективной копинг-стратегией поиск социальной поддержки ($r=0,43$ при $p\leq 0,05$).

- защитный механизм замещение взаимосвязан с автономностью в отношениях родителей с детьми, которая у матерей выражается в невосприятии ребенка как личности, отсутствии требований-запретов ($r=0,41$ при $p\leq 0,05$), а у отцов – в отгороженности ($r=0,6$ при $p\leq 0,01$). Автономность родителей также способствует выработке у подростков неэффективной стратегии избегания ($r=0,42$ при $p\leq 0,05$ – мать, $r=0,70$ при $p\leq 0,01$ – отец). Автономность матерей у трудных подростков положительно взаимосвязана с такой формой проявления агрессии, как раздражение ($r=0,57$ при $p\leq 0,01$) и склонностью к риску ($r=0,69$ при $p\leq 0,01$). Автономность отцов у трудных подростков положительно взаимосвязана с защитным механизмом отрицание ($r=0,55$ при $p\leq 0,01$).

- директивность в родительских отношениях с детьми положительно взаимосвязана с выработкой у последних чувства вины ($r=0,48$ при $p \leq 0,05$ – мать, $r=0,42$ при $p \leq 0,05$ – отец). Директивность матери отрицательно взаимосвязана с адаптивной копинг-стратегией поиск социальной поддержки ($r=0,62$ при $p \leq 0,01$), в то время как директивность отца тесно взаимосвязана с такими негативными чувствами, как раздражение ($r=0,52$ при $p \leq 0,01$) и подозрительность ($r=0,51$ при $p \leq 0,01$), а также с общим показателем враждебности подростков ($r=0,54$ при $p \leq 0,01$). Враждебность отца взаимосвязана с таким защитным механизмом, как отрицание ($r=0,47$ при $p \leq 0,05$), обида ($r=0,56$ при $p \leq 0,01$) и общим показателем враждебности несовершеннолетних ($r=0,43$ при $p \leq 0,05$).

- неполноценная семейная ситуация положительно взаимосвязана с негативизмом ($r=0,59$ при $p \leq 0,01$) и регрессом ($r=0,61$ при $p \leq 0,01$) у несовершеннолетних правонарушителей. Враждебная семейная ситуация способствует раздражительности ($r=0,62$ при $p \leq 0,01$), регрессу ($r=0,65$ при $p \leq 0,01$), использованию неэффективной копинг-стратегии избегание ($r=0,61$ при $p \leq 0,01$), а также положительно взаимосвязана с индексом агрессии ($r=0,59$ при $p \leq 0,01$). Конфликтная семейная ситуация положительно взаимосвязана с раздражением ($r=0,76$ при $p \leq 0,01$) и обидой ($r=0,44$ при $p \leq 0,05$), с проявлениями косвенной агрессии ($r=0,44$ при $p \leq 0,05$) и общим индексом агрессии ($r=0,69$ при $p \leq 0,01$) и враждебности ($r=0,67$ при $p \leq 0,01$). Тревожная семейная ситуация положительно взаимосвязана с обидой ($r=0,44$ при $p \leq 0,05$) и чувством вины ($r=0,42$ при $p \leq 0,05$).

В целом, сравнивая корреляционные плеяды успешных и неуспешных в социально-психологической адаптации подростков, следует отметить следующие различия:

- у учащихся школы выявлено меньше взаимосвязей в целом. Признаки дезадаптации у нормативной группы практически не имеют значимых взаимосвязей.

- детско-родительские взаимоотношения характеризуются как благоприятные. Такие подростки для преодоления возможных проблем склонны использовать эффективную копинг-стратегию поиск социальной поддержки, т.е. позитивный интерес

родителей к ребенку позволяет ему не бояться общества и активно использовать помощь других людей.

Таким образом, полученные данные позволяют судить о том, что существует вероятностная тенденция влияния неблагополучной семейной ситуации, нарушений детско-родительских отношений на формирование неэффективного преодоления стрессов (избегание, конфликтность), неэффективных копинг-стратегий, склонность к проявлению агрессии и степень готовности к риску подростков с отклоняющимся поведением.

Во втором исследовании приняли участие учащиеся 9 – 11-х классов в возрасте 14–16 лет средней общеобразовательной школы г. Санкт-Петербурга, численностью 30 человек (нормативная группа), и несовершеннолетние в возрасте 14–16 лет, осужденные за умышленное убийство, численностью 30 человек, отбывающие наказание в Колпинской воспитательной колонии (экспериментальная группа).

Анализ результатов данного исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. По методике «Копинг опросник» К. С. Карвера показатели, указывающие на преобладание определенных видов психологической защиты, распределились следующим образом: поиск социальной поддержки (содействие) (при $p \leq 0,01$), положительная переоценка и развитие (при $p \leq 0,05$) в группах школьников значимо выше, чем у несовершеннолетних осужденных, а такие значения, как обращение к Богу (религии) (при $p \leq 0,01$), избегание (на поведенческом уровне при $p \leq 0,05$ и алкоголь, наркотики при $p \leq 0,01$) значимо выше у правонарушителей. В трудных ситуациях осужденные не видят и не ожидают позитивного результата процесса преодоления стресса, а стараются «спрятаться» от стрессора в алкоголе или наркотиках. При этом религия (вера) для несовершеннолетних осужденных может служить источником эмоциональной поддержки, помощью в положительной переоценке и развитии или же являться тактикой активного преодоления влияния стрессора.

2. Результаты проведения родительского опросника Дж. Янга показывают, что нарушенные границы в восприятии образа матери преобладают в группе несовершеннолетних осужденных (при $p \leq 0,05$).

3. По методике «Подростки о родителях» Э. Шафера (в адаптации Л. И. Вассермана и др.) выявлено, что такие качества, как директивность, враждебность и непоследовательность в восприятии образа матери (при $p \leq 0,01$), а также директивность и непоследовательность в восприятии образа отца (при $p \leq 0,01$) преобладают у несовершеннолетних, осужденных за умышленное убийство. Как и в предыдущем исследовании, директивность матери по отношению к себе подростки видят в навязывании им чувства вины по отношению к ней. Враждебность матери в их восприятии выражается в агрессивности, чрезмерной строгости, ярко выраженной подозрительности и склонности к чрезмерной критике в адрес сына. Непоследовательность проводимой матерью линии воспитания также оценивается подростками как некоторое чередование таких психологических тенденций, как господство силы и амбиций и покорность (в адаптивных формах), деликатность и сверхальтруизм и недоверчивая подозрительность с максимальной амплитудой колебаний. Отцы, по мнению подростков, суровы и педантичны по отношению к ним. Подростки постоянно находятся в состоянии тревожного ожидания низкой оценки своей деятельности и наказания родительским отвержением и постоянным недовольством, скептическим отношением к достижениям сына, что неизбежно снижает мотивацию деятельности подростков. Поведение отца для подростков непредсказуемо, для них сложно предвидеть, как отец отреагирует на ту или иную ситуацию, событие: подвергнет суровому наказанию за мелкие проступки или наоборот наказание не будет сильным за что-нибудь существенное.

4. Анализ полученных данных с помощью методики «MAPS» Э. Шнейдмана позволяет говорить о яркой выраженности в разделе «Чувства» у подростков, совершивших умышленное убийство, таких тем, как физическая привязанность, депрессия, уход (бегство), фрустрация, смерть, враждебность замещения, враждебность наказания, страдания, боль, пренебрежение, необычность тем (таблица 2). У школьников значимо выше (более чем в два раза) тема удовольствия. В разделе «Межличностные отношения» у подростков экспериментальной группы наблюдается значительная выраженность в показателях по теме драка, нежели у школьников. По результатам раздела «Основные темы» видно, что такие темы, как любовь, дружба, помощь другим,

жизнь, родители, мать, отец, радость, жалость к другим, будущая работа, отдых, школа, детство, будущее, доверие, свобода в группах школьников значительно выше, чем у убийц, для которых, в свою очередь, значимыми оказались темы грех, смерть других, печаль и убийство.

В целом, на основе полученных данных можно сделать вывод о следующих различиях в изучаемых феноменах в группах подростков, а именно: несовершеннолетние, осужденные за умышленное убийство, в стрессовых ситуациях используют малоэффективные механизмы психологической защиты, среди которых избегание (на поведенческом уровне и алкоголь, наркотики), обращение к Богу (религии), а также такую неэффективную копинг-стратегию, как избегание. Семейную ситуацию в группе осужденных подростков можно оценить как тревожную, неполноценную и враждебную. В их восприятии образ матери характеризуется директивностью, враждебностью и непоследовательностью, образ отца – директивностью и непоследовательностью.

В ходе изучения взаимосвязи выявленных особенностей личности и детско-родительских отношений в группе несовершеннолетних, осужденных за умышленное убийство, были получены следующие результаты:

- усиление директивности со стороны матери уменьшает их самоидентификацию ($r=0,53$ при $p \leq 0,01$) и жалость к себе ($r=0,47$ при $p \leq 0,01$), увеличивая страдания ($r=0,49$ при $p \leq 0,01$) и вербальную агрессию ($r=0,50$ при $p \leq 0,01$). Вследствие этого мы можем говорить о том, что директивность матери ведет к аутодеструктивным тенденциям. Директивность отца ведет к состоянию интернализированной враждебности ($r=0,61$ при $p \leq 0,01$), потере самостоятельности ($r=0,51$ при $p \leq 0,01$) и эмоциональной неуравновешенности ($r=0,64$ при $p \leq 0,01$);

- враждебность матери в восприятии осужденных подростков приводит к несогласованным тенденциям чувства превосходства над другими ($r=0,51$ при $p \leq 0,01$) и страху наказания ($r=0,49$ при $p \leq 0,01$), к увеличению значимости темы смерти ($r=0,56$ при $p \leq 0,01$), направленности на других ($r=0,52$ при $p \leq 0,01$) и вместе с тем желания смерти другим людям ($r=0,56$ при $p \leq 0,01$);

- проявления непоследовательности отца усиливают чувство близости расплаты у осужденных ($r=0,55$ при $p \leq 0,01$), фиксацию на препятствии ($r=0,56$ при $p \leq 0,01$), значение собственности ($r=0,68$ при $p \leq 0,01$), увеличивая внутреннюю враждебность ($r=0,47$ при $p \leq 0,01$) и принятие ($r=0,47$ при $p \leq 0,01$). Непоследовательность матери усиливает чувство превосходства ($r=0,51$ при $p \leq 0,01$), потребность в удовольствии ($r=0,47$ при $p \leq 0,01$) и желание доминировать ($r=0,49$ при $p \leq 0,01$), снижая при этом направленность на исправление ошибок ($r=0,50$ при $p \leq 0,01$);

- нарушенные взаимоотношения с матерью приводят к недостаточному самоконтролю ($r=0,41$ при $p \leq 0,01$) и самодисциплине ($r=0,43$ при $p \leq 0,01$) у подростков, у них проявляется высокая значимость таких тем, как нападение ($r=0,361$ при $p \leq 0,05$), месть ($r=0,293$ при $p \leq 0,05$), преступление ($r=0,57$ при $p \leq 0,01$), драка ($r=0,301$ при $p \leq 0,05$), тюрьма ($r=0,219$ при $p \leq 0,05$) и смерть других ($r=0,250$ при $p \leq 0,05$), что позволяет говорить о формировании установок на деструктивное поведение;

- у несовершеннолетних, совершивших умышленное убийство, усиление значимости образа матери, отца и семьи (по $r=0,49$ при $p \leq 0,01$) в целом обуславливает уменьшение фрустрации, связанной с их изоляцией.

Сравнивая корреляционные плеяды несовершеннолетних, осужденных за умышленное убийство, и школьников, адаптирующихся успешно, можно отметить некоторые различия. В частности, у школьников нарушение взаимоотношений с родителями, связанное с непоследовательностью родительского поведения, нарушением границ подростка матерью, ведет к широкому диапазону механизмов психологических защит, таких, как замещение, проекция, регрессия, компенсация, рационализация. У несовершеннолетних, совершивших умышленное убийство, отсутствуют взаимосвязи между нарушениями взаимоотношений с родителями и избранием каких-либо механизмов психологической защиты и копинг-стратегий, исключая стратегию принятия, которая характеризуется состоянием внутренней враждебности. Однако описанные нами взаимосвязи позволяют сделать вывод о формировании установок на деструктивное поведение, которому, как правило, способствует использование неэффективных и малопродуктивных копинг-стратегий и механизмов психологической защиты.

Таким образом, полученные данные позволяют судить о том, что существует вероятностная тенденция влияния неблагополучной семейной ситуации на неэффективное преодоление стрессов, формирование неэффективных копинг-стратегий и проявление агрессии у подростков.

В третьем исследовании приняли участие несовершеннолетние, осужденные за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, отбывающие наказание в Омской и Колпинской воспитательных колониях, численностью 15 человек, что составляет 24% от всей численности несовершеннолетних, осужденных за половые преступления в РФ, в возрасте 16–17 лет.

Анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Используя методику «Индекс жизненного стиля» Х. Келлермана, Р. Плутчика, мы выявили, что наиболее используемым механизмом психологической защиты несовершеннолетних осужденных в стрессовых ситуациях является механизм реактивные образования (таблица 3). Подростки стараются предотвратить выражение неприятных или неприемлемых для себя мыслей, чувств или поступков за счет преувеличенного развития противоположных чувств. Например, жестокость или эмоциональное безразличие проявляется как жалость или заботливость. Наименее используемым механизмом психологической защиты является механизм регрессии. При этой форме защитной реакции подростки, подвергающиеся действию фрустрирующих факторов, заменяют решение субъективно более сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившихся ситуациях, что существенно обедняет потенциально возможные способы преодоления в конфликтных ситуациях.

2. По методике Копинг опросник К. С. Карвера показатели, указывающие на преобладание определенных видов психологической защиты, распределились следующим образом: наименее используемыми копинг-стратегиями несовершеннолетних осужденных являются активный копинг, планирование, концентрация на проблеме, сдерживающий копинг, поиск социальной поддержки в качестве содействия, поиск социальной поддержки в качестве утешения, положительной переоценки и развития, принятие (таблица 4). Такие подростки не склонны к принятию активных действий для преодоления стрессора или изменения его воздействия.

Осужденные подростки не стремятся обдумывать, как преодолеть влияние стрессора, какие шаги следует предпринять и как лучше всего справиться с проблемой, не откладывают в сторону другие дела для скорейшего преодоления стрессора. В трудных ситуациях такие подростки не ищут совета, помощи, внимания и понимания у других людей, не используют действий, направленных на управление эмоциональным дистрессом. Наиболее используемыми копинг-стратегиями в группе несовершеннолетних осужденных являются обращение к Богу, отрицание, избегание (на всех уровнях). Обращение к Богу (религия) может служить для осужденных подростков источником эмоциональной поддержки, помощью в положительной переоценке и развитии или являться тактикой активного преодоления влияния стрессора. Отрицание же может проявляться в трех вариантах. С одной стороны, отрицание может способствовать преодолению, с другой – лишь создавать дополнительные проблемы, так как отрицание реальности происходящего события позволяет событию стать более угрожающим, что усложняет процесс преодоления. И, наконец, с третьей стороны, отрицание является полезным на ранних этапах стрессового взаимодействия, но препятствует процессу преодоления в дальнейшем. Помимо этого для осужденных подростков характерно избегание от преодоления стрессора на всех трех уровнях: поведенческом, сознания и употребления алкоголя и наркотиков.

3. Анализ данных, полученных по методике «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, показал, что среди несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления сексуального характера, наиболее используемыми копинг-стратегиями являются бегство-избегание и дистанцирование (таблица 5). Подростки стараются преодолевать негативные переживания за счет отрицания проблемы, фантазирования, необоснованных ожиданий, отвлечения и т.п. У осужденных подростков в стрессовых ситуациях могут наблюдаться неконструктивные формы поведения: полное игнорирование проблемы, уклонение от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, пассивность, нетерпение, вспышки раздражения, погружение в фантазии, переживание, употребление алкоголя и т.д. Наименее используемой копинг-стратегией несовершеннолетних осужденных является стратегия самоконтроля.

Подростки не стремятся к самообладанию, сдерживанию эмоций, не скрывают от окружающих свои переживания, потребности и побуждения.

4. Данные, полученные по методике «Тест руки» Э. Вагнера, свидетельствуют о незначительной готовности осужденных к высшему проявлению агрессивности, нежеланию приспособиться к окружению (таблице 6). В целом, полученные результаты отражают тенденцию к действию, направленную на приспособление к социальной среде. Установки на социальное сотрудничество и зависимость преобладают над агрессивными, доминантными тенденциями. Интересным и значимым, на наш взгляд, является соответствие полученных данных агрессивности средним значениям и среднеквадратическому отклонению агрессивности в группе нормативных подростков (Елисеев О.П., 2008).

5. По методике «Смыслоразностные ориентации» Д. А. Леонтьева ниже нормы оказались субшкалы «Цель в жизни», «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией», «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)» и «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» (таблица 7). Осужденные за половые преступления характеризуются отсутствием жизненных целей, которые придавали бы жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Такие подростки живут сегодняшним или вчерашним днем, при этом своей жизнью в настоящем они не удовлетворены. Кроме того они не просто не верят в свои силы контролировать события собственной жизни, а убеждены в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

6. По методике «Ценностные ориентации» М. Рокича выявлены доминирующая направленность ценностных ориентаций, жизненные идеалы, иерархия жизненных целей, ценностей-средств и представлений о нормах поведения, которые осужденные рассматривают в качестве эталона. Так, анализируя иерархию ценностей, сгруппированную осужденными в содержательные блоки на тех или иных основаниях, мы можем сделать следующие выводы:

- в блоке терминальных ценностей, представляющих собой убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться, наиболее значимыми являются группы конкретных ценностей и ценности личной жизни.

При этом в группе конкретных ценностей наибольшее значение отдается ценности здоровье, в группе ценности личной жизни – любви;

- блоке инструментальных ценностей, представляющих собой убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации, наиболее значимыми являются группы ценности общения, конформистские ценности и ценности принятия других. Анализ значимой ценности внутри этих групп в отдельности позволяет выделить следующие выводы: в группах ценности общения и конформистских ценностей наибольшее значение придается воспитанности, а в группе ценности принятия других – честности.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что эталоном жизненных целей, средств и норм поведения для осужденных выступают самоконтроль, аккуратность, рационализм, воспитанность, чуткость и честность в общении, а также непримиримость к недостаткам в себе и других людях. Доминирующей направленностью являются здоровье, любовь и интересная работа. Данные выводы подтверждаются и личными наблюдениями автора статьи. Несовершеннолетних, осужденных за половые преступления, действительно можно, на первый взгляд, характеризовать как воспитанных, скромных, робких личностей, для которых важными являются общие цели группы. В общении они сдержанны, не проявляют ярких эмоциональных реакций. Однако, на наш взгляд, нельзя делать однозначные выводы о природе такого поведения, поскольку оно может быть только внешней маской, скрывающей личность противоположного типа, что выявляется методами психологической диагностики. Помимо этого, немаловажным фактором выступают условия нахождения подростков и их статус в учреждении, играющий, по нашему мнению, непосредственную роль в поведении всех несовершеннолетних.

7. По методике «Подростки о родителях» Э. Шафера (в адаптации Л. И Вассермана и др.) выявлено, что восприятие образа матери осужденными данной группы совпадает с восприятием предыдущих групп испытуемых (таблица 8). В межличностных отношениях подростки также воспринимают свою мать как агрессивную и чрезмерно строгую. По их мнению, мать воспринимает их как соперника, которого необходимо подавить, чтобы утвердить свою значимость. Непоследовательность проводимой

матерью линии воспитания оценивается подростками как некое чередование таких психологических тенденций, как господство силы и амбиций и покорность (в адаптивных формах), деликатность и сверхальтруизм и недоверчивая подозрительность (с максимальной амплитудой колебания). В восприятии образа отца у осужденных преобладают такие качества, как позитивный интерес и непоследовательность. Позитивный интерес в отношениях с сыном рассматривается подростками как отсутствие грубой силы, стремления к нераздельной власти в общении с ним. Психологическое принятие сына отцом основано, прежде всего, на доверии. Непоследовательность применяемых отцом воспитательных мер подростки видят в непредсказуемости, невозможности предвидеть реакцию отца на ту или иную ситуацию, событие.

Таким образом, на основе полученных данных можно сделать вывод о том, что наиболее используемым механизмом психологической защиты в стрессовых ситуациях у несовершеннолетних, осужденных за половые преступления, является механизм реактивные образования, обращение к Богу, отрицание, избегание (на всех уровнях). Наиболее используемыми копинг-стратегиями являются бегство-избегание и дистанцирование. Для осужденных характерны установки на социальное сотрудничество и зависимость. Такие подростки живут сегодняшним или вчерашним днем, в настоящем своей жизнью они не удовлетворены. В качестве эталона жизненных целей, средств и норм поведения для осужденных выступают самоконтроль, аккуратность, рационализм, воспитанность, чуткость и честность в общении, а также непримиримость к недостаткам в себе и других людях. Доминирующей направленностью являются здоровье, любовь и интересная работа.

В попытке изучить взаимосвязь выявленных особенностей личности и детско-родительских отношений в группе несовершеннолетних, осужденных за половые преступления, были получены следующие результаты:

- усиление враждебности и непоследовательности со стороны матери и отца у несовершеннолетних осужденных уменьшает использование подростками такого механизма психологической защиты, как компенсация ($r=0,79$ и $r=0,88$ соответственно при $p \leq 0,05$);

- усиление директивности со стороны матери ведет к уменьшению использования отрицания как копинг-поведения в стрессовых ситуациях ($r=0,76$ при $p \leq 0,05$). Использованию копинг-стратегии принятие способствует позитивный интерес со стороны матери ($r=0,90$ при $p \leq 0,01$), уменьшению использования данной копинг-стратегии способствуют автономность и фактор близости матери ($r=0,79$ и $r=0,81$ соответственно при $p \leq 0,05$). Фактор близости и автономность со стороны матери также способствуют уменьшению использования положительной переоценки ($r=0,91$ и $r=0,90$ при $p \leq 0,01$). Помимо этого, снижению использования положительной переоценки способствует позитивный интерес матери ($r=0,80$ при $p \leq 0,05$).

- позитивный интерес со стороны отца усиливает планирование решения проблемы ($r=0,91$ при $p \leq 0,05$) и снижает положительную переоценку трудной ситуации ($r=0,88$ при $p \leq 0,05$). Фактор критики со стороны отца снижает использование такой копинг-стратегии, как отрицание ($r=0,95$ при $p \leq 0,05$), в то время как фактор близости способствует использованию таких разнополярных копинг-стратегий, как дистанцирование, самостоятельность, принятие ответственности, бегство-избегание ($r=0,91$, $r=0,88$, $r=0,96$ при $p \leq 0,05$ соответственно и $r=0,96$ при $p \leq 0,01$). Враждебность со стороны отца к осужденным подросткам снижает использование ими принятие ответственности как копинг-поведения ($r=0,92$ при $p \leq 0,05$). Автономность отцов способствует использованию планирования решения проблемы ($r=0,97$ при $p \leq 0,01$);

- фактор близости со стороны матери к подросткам положительно взаимосвязан с субшкалой 2 «процесс жизни», т.е. восприятием осужденными процесса своей жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом;

- враждебность со стороны матери способствует проявлениям аффектации в общении несовершеннолетних осужденных ($r=0,91$ при $p \leq 0,05$), т.е. повышенной способности к активной социальной жизни, желанию подростков сотрудничать с другими. Враждебность со стороны отца способствует проявлениям пассивной безличности в общении ($r=0,96$ при $p \leq 0,05$). Снижение активной безличности в общении осужденных подростков обусловлено непоследовательностью со стороны отца ($r=0,93$ при $p \leq 0,05$).

Исходя из полученных данных, мы также можем сделать вывод о наличии вероятностной тенденции влияния неблагополучной семейной ситуации на неэффективное преодоление стрессов, формирование неэффективных копинг-стратегий и проявление агрессии в группе несовершеннолетних, осужденных за половые преступления.

Таким образом, все три проведенных и описанных нами исследования подтверждают наше предположение о взаимосвязи неблагоприятной семейной ситуации и формирования неэффективных копинг-стратегий, малоэффективных механизмов психологической защиты у подростков с отклоняющимся поведением. Свидетельствуют результаты проведенных нами исследований и о некоторых относительно стабильных личностных характеристиках, обеспечивающих психологический фон для преодоления стресса, которые можно отнести к копинг-ресурсам.

Все вышесказанное, на наш взгляд, указывает на очевидность проблемы формирования у подростков эффективных копинг-стратегий и значимость семьи как определяющего фактора правильного их формирования. Проблема нарушения детско-родительских отношений, выступающего в свою очередь фактором формирования неэффективных копинг-стратегий у подростков с отклоняющимся поведением, требует пристального внимания ученых, проведения комплексных исследований с целью научно-методического сопровождения и консультирования при организации практической деятельности психологами, педагогами и другими специалистами, занимающимися вопросами воспитания и профилактики отклоняющегося поведения.

Список литературы

1. Горбатов С.В., Шукайло В.В. Методика «СОРЕ» в психологическом исследовании подростков с отклоняющимся поведением//Развитие специальной (коррекционной) психологии в изменяющейся России: Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения–2005». СПб., 2005.
2. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. – 2-е изд., испр. и перераб. – СПб.: Питер, 2008.

3. Коцюбинский А.П., Аристова Т.А., Дитятковский М.А., Горбунова С.Л. Методики психологической диагностики больных с эндогенными психическими расстройствами (усовершенствованная медицинская технология), СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2007.

3. Паршина Т.О. Структурная модель социально-психологической адаптации человека // СОЦИС: Социологические исследования, «Наука» М., 2008, №8, с.11-106

4. «Практическая психодиагностика» под. ред. Райгородского Д.Я.: Самара, «БАХРАХ-М», 2008.

5. Яницкий М.С., Портнова А.Г., Богомолов А.М. Психологическая адаптация: функциональные, структурные и динамические аспекты // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Приложения

Таблица 1

Показатели преобладания определенных механизмов психологической защиты (по методике «Индекс жизненного стиля» Х. Келлермана, Р. Плутчика)

Вид психологической защиты	Показатель		p
	Правонарушители	Школьники	
«Вытеснение»	6,11	4,65,	p≤0,05
«Регрессия»	11,28	7,85,	p≤0,01
«Замещение»	6,38	4,05,	p≤0,05
«Отрицание»	7,00	5,88	p≤0,05

Таблица 2

Показатели преобладание определенных тем (по методике Э. Шнейдмана)

Темы	Показатель		р
	Правонарушители	Школьники	
Чувства			
Привязанность физическая	0,43	0,10	$p \leq 0,01$
Депрессия	0,20	0,03	$p \leq 0,05$
Уход (бегство)	0,60	0,07	$p \leq 0,01$
Фрустрация	0,37	0,13	$p \leq 0,05$
Смерть	0,47	0,13	$p \leq 0,01$
Враждебность замещения	0,37	0,10	$p \leq 0,01$
Враждебность наказания	0,53	0,20	$p \leq 0,05$
Страдания	0,27	0,07	$p \leq 0,05$
Удовольствие	0,40	0,87	$p \leq 0,05$
Необычность тем	0,13	0,00	$p \leq 0,05$
Боль	0,40	0,13	$p \leq 0,05$
Пренебрежение	0,27	0,07	$p \leq 0,05$
Межличностные отношения			
Драка	0,50	0,13	$p \leq 0,01$
Основные темы			
Любовь	0,63	1,50	$p \leq 0,01$
Грех	0,43	0,07	$p \leq 0,01$
Смерть других	0,47	0,13	$p \leq 0,01$
Дружба	0,43	1,33	$p \leq 0,01$
Помощь другим	0,37	1,10	$p \leq 0,01$
Жизнь	0,33	1,53	$p \leq 0,01$

Родители	0,63	1,03	p≤0,01
Мать	0,63	0,97	p≤0,01
Отец	0,63	0,93	p≤0,01
Радость	0,60	1,60	p≤0,01
Печаль	0,47	0,17	p≤0,01
Жалость к другим	0,10	0,37	p≤0,01
Будущая работа	0,10	0,57	p≤0,01
Отдых	0,43	0,90	p≤0,05
Школа	0,23	1,00	p≤0,01
Детство	0,20	1,27	p≤0,01
Будущее	0,37	1,00	p≤0,01
Доверие	0,20	0,90	p≤0,01
Свобода	0,43	1,03	p≤0,01
Убийство	0,40	0,13	p≤0,05

Таблица 3

Показатели преобладания определенных механизмов психологической защиты (по методике «Индекс жизненного стиля» Х. Келлермана, Р. Плутчика)

Показатель	Среднее значение	Показатель	Среднее значение
Отрицание	69	Проекция	59
Подавление	73	Замещение	61
Регрессия	45	Интеллектуализация	70
Компенсация	56	Реактивное образование	81

Показатели преобладания определенных видов копинг-стратегий (по методике
«Копинг-просник» К.С. Карвера)

Показатель	Среднее значение
Активный копинг	5
Планирование	6
Концентрация на проблеме	4
Сдерживающий копинг	5
Поиск социальной поддержки (содействие)	5
Поиск социальной поддержки (утешение)	4
Положительная переоценка и развитие	6
Принятие	7
Обращение к Богу (религии)	3
Концентрация на эмоциях и эмоциональный выход	5
Отрицание	5
Избегание (на поведенческом уровне)	4
Избегание (на уровне сознания)	4
Избегание (алкоголь, наркотики)	3

Таблица 5

Показатели преобладания определенных видов копинг-стратегий
(по методике «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса)

Показатель	Среднее значение
Конфронтация	49
Дистанцирование	53
Самоконтроль	39
Поиск социальной поддержки	44
Принятие ответственности	45
Бегство-избегание	53
Планирование решения проблемы	44
Положительная переоценка	46

Таблица 6

Показатели преобладания особенностей межличностного взаимодействия (по методике «Тест руки» Э. Вагнера)

Показатель	Среднее значение
Агрессия	3,4
Директивность	2,4
Страх	0
Аффектация	7,5
Коммуникация	1,6
Зависимость	0,3
Экзбеционизм	3,1
Калечность	0,8
Активный безличный	18,1

Пассивный безличный	2,6
Описание	0
Описание	39,8
Итоговые значения агрессивности/директивности	28,7
Итоговые значения коммуникативности/зависимости	22,85
Коэффициент коммуникативности – агрессивности	0,8

Таблица 7

Показатели преобладания определенных смысложизненных ориентаций (по методике «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева)

Показатель	Цели жизни	Процесс жизни	Результативность жизни	Локус контроля Я	Локус контроля – жизнь	Общий показатель
Значение	22,0	21,6	20,6	15,6	19,6	77,5

Таблица 8

Показатели преобладания определенных оценок своих родителей (по методике «Подростки о родителях» Э.Шафера)

Оценка своих родителей	Среднее значение	Оценка своих родителей	Среднее значение
Директивность – мать	4,0	Позитивный интерес – отец	4,0
Враждебность – мать	4,0	Непоследовательность – отец	4,0
Непоследовательность – мать	4,0		

Особенности само- и мировосприятия ребенка в ситуации повторного брака родителей

Ворошила И. В.

*БГПУ им. М. Танка, факультет психологии, кафедра прикладной психологии,
г. Минск, Беларусь
voirva@mail.ru*

Изменения в мире, в жизни современного общества и в умах людей приводят не только к открытию чего-то нового, но и проверке на прочность старого, казалось бы, привычного, но не всегда совершенного, способного выстоять под давлением обстоятельств. К разряду такого «устоявшегося старого» можно отнести и семью, которая сегодня переживает не самые простые времена. Понятно, что она меняется, но какие из перемен ей идут на пользу, а какие нет? Вот, в чем вопрос. Все более распространенными становятся повторные браки. При этом взгляды на них кардинально разнятся у разных слоев населения в зависимости от возраста, социального статуса, профессиональной принадлежности, места проживания, национальности, вероисповедания.

Противники повторных браков, апеллируя к статистике, утверждают, что они, как правило, еще менее успешны, чем первые. Причина тому – устоявшиеся паттерны поведения и ошибки, которые переносятся в новые отношения. Кроме того, достаточно уязвимо положение и будущее развитие ребенка в такой семье.

Сторонники повторных браков говорят о том, что они желательны и для мужчин, и для женщин, поскольку человек не должен оставаться одиноким. И сопротивление на первых порах ребенка, перенесшего травму развода родителей, позже сменяется благосклонностью или, по крайней мере, нейтралитетом, если в семью возвращается радость и спокойствие.

Принимая во внимание противоположные точки зрения, в статье ситуация повторного брака будет рассматриваться изнутри, «взглядом» ребенка. То, как он

чувствует, воспринимает и оценивает себя в семье (самовосприятие), а также видит мир вокруг (мировосприятие).

Термин «самовосприятие» многозначен. Как результат *это совокупность мнений человека о себе*. Как процесс предполагает *ориентировку личности в собственном внутреннем мире в результате самопознания и сравнения себя с другими*. Этими «другими» изначально становятся члены семьи, а затем и общество в целом. Внешний облик, образцы поведения, способы переживания кризисных событий и система ценностей семьи становятся тем ресурсом, к которому по мере становления и развития прибегает личность в первую очередь. Одновременно с самовосприятием и через призму его складывается картина мира и отношение к нему. Так осуществляется круговорот взаимовлияний. *Мировосприятие помогает в формировании мнений о себе и в то же самое время зависит от самовосприятия и сложившихся внутренних конструктов*.

Итак, что же происходит «внутри» ребенка и насколько это связано с повторным браком родителя? Для объективности в оценке ситуации и проведения сравнительных параллелей в исследовании были задействованы дети из первичных семей в таком же (раннем юношеском) возрасте и в равном количестве (87 человек; всего 174).

В качестве инструментария выступили модифицированный тест Сакса-Леви «Незаконченные предложения», метод группировки (по сходству) и ранжирования (по убыванию признака).

Были выделены 3 блока для качественного анализа:

I – *самовосприятие* – критерии оценки: *личностный потенциал, недостатки, представления о счастье, страхи, реагирование в стрессовой ситуации;*

II – *восприятие семьи* – критерии оценки: *отношение к матери, отцу, отчиму/мачехе, сиблингу, супружеству и семье в целом;*

III – *мировосприятие* – критерии оценки: *отношение к окружающим, лицу противоположного пола и миру в целом.*

Самовосприятие

Личностный потенциал ребенка из первичной (КГ) и семьи повторного брака (ЭГ). Детям из семей повторного брака важно состояться в будущем, уметь обеспечивать себя и отстаивать собственные интересы.

Респонденты контрольной группы больше нацелены на получение удовольствия от жизни и склонны порой принижать свои силы в достижении каких-либо результатов.

Сильные стороны личности	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>самостоятельность в принятии решений</i>	3	1
<i>способен добиться успеха в учебной или профессиональной деятельности</i>	1	2
<i>обеспечить себя, быть успешным в будущем</i>	7	3
<i>добиться поставленной цели</i>	2	4
<i>изменить свою жизнь к лучшему /себя</i>	4	5,5
<i>помогать/ поддерживать других людей</i>	5,5	5,5
<i>помогать семье</i>	8	7,5
<i>постоять за себя</i>	-	7,5
<i>создать собственную семью</i>	10	9,5
<i>делать что-то своими руками</i>	10	9,5
<i>жить так, как хочется и не переживать</i>	5,5	11
<i>не способен чего-то достичь, обесценивание себя</i>	10	-

Недостатки юношей/девушек из первичных (КГ) и семей повторного брака (ЭГ).

Первые – контрольная группа – более склонны «капаться в себе», признавая в качестве слабостей особенности своего характера. Но и в отношении других они столь же категоричны и внимательны, поэтому более обидчивы и подозрительны.

Вторые – экспериментальная группа – доверчивы и открыты миру, а значит и более уязвимы, поэтому рассматривают эту черту как недостаток. Есть среди них небольшой процент (9%) и тех, кто отрицает в себе слабые стороны.

Слабые стороны личности	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>доверчивый</i>	8	1
<i>плохие привычки (курение, переедание)</i>	1	2,5
<i>нет</i>	-	2,5

сложный характер (взрывной, самоуверенный)	2,5	6
<i>влюбчивость</i>	9,5	6
<i>слабохарактерность (неумение отказать)</i>	2,5	6
<i>неуверенность себе, страх ошибок, самокритика, низкая самооценка, застенчивость, несовершенство</i>	4,5	4
обидчивость	4,5	8,5
<i>лень</i>	6,5	8,5
<i>неуспеваемость в учебе</i>	11	10
<i>слишком спокойный</i>	-	11,5
недоверчивость, подозрительность	6,5	13
<i>беззаботность, люблю погулять</i>	9,5	11,5

Представления о счастье

Дети из семей повторного брака принимают жизнь такой, какая она есть, и, помня об опыте прошлых потерь, воспринимают себя вполне счастливыми, вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств.

Характеристики счастья	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>и так все хорошо, счастлив, все есть</i>	6	1
<i>была бы настоящая/ родная семья/ родной отец</i>	-	2
<i>все получалось, не было проблем</i>	7,5	4
<i>жить отдельно, самостоятельно</i>	3	4
<i>было бы более понимания, поддержки, внимания от окружающих</i>	4,5	4
<i>если бы не прошлое, утраты</i>	-	7
<i>не я сам (мысли, характер, точеная фигура, был оптимистом, бесстрашным, уверенным в себе)</i>	4,5	7
<i>иметь зарплату, много денег, работу</i>	10	7
<i>делать то, как, что и когда хочу</i>	11	9,5
<i>рядом был любимый человек</i>	1	9,5
<i>ушел отчим</i>	-	11,5

<i>нет ссор и разногласий в семье, крепче, лучше</i>	2	11,5
<i>проводить больше времени с друзьями</i>	9	-
<i>добиться авторитета, известности</i>	10	13,5
<i>хорошо учиться, разбираться во всем</i>	7,5	13,5

«Мерилом» счастья для детей из первичных семей является благоприятная обстановка в семье, наличие рядом любимого человека и времени для развлечений с друзьями. А также они признают собственное несовершенство для достижения удовлетворенности жизнью.

Способы реагирования в стрессовой ситуации

Перечень реакций при стрессе	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>нервничать</i>	1	1
<i>задуматься</i>	2	3
<i>останавливаться, сдаваться</i>	3	8
<i>делать необдуманные поступки, глупости</i>	4	2
<i>грустить, отчаиваться, унывать</i>	5	6,5
<i>плакать</i>	6,5	4,5
<i>быть активной, действовать, рисковать</i>	6,5	4,5
<i>смеяться над страхами, обесценивать</i>	8	10,5
<i>избегать, уходить, фантазировать</i>	9	6,5
<i>психосоматика (болит голова, бессонница)</i>	10	12
<i>кричать, злиться</i>	12	10,5
<i>суицидальные мысли (покончить с собой)</i>	12	-
<i>комплексовать, стесняться, сомневаться</i>	12	9

Способы реагирования на неприятные события во многом тождественны для обеих групп. Единственным интересным различием является присутствие противоположных стратегий: «фатальной» (сдаться) у детей из первичных семей и в

большой мере «жизнеутверждающей» (не сдаваться) у респондентов из экспериментальной группы.

Список наиболее актуальных страхов

Перечень страхов	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>природные (глубины, темноты, высоты и т.д.)</i>	1	3
<i>провала, неудач, ошибок</i>	2	9,5
<i>критики, непринятия, непонимания, мнения окружающих</i>	3	5,5
<i>одиночества</i>	4	2
<i>биологические (пчел, пауков, собак и др.)</i>	5,5	5,5
<i>ничего</i>	5,5	1
<i>потеря/неприятности с близкими</i>	7	4
<i>предательство, обман</i>	8	9,5
<i>людей, мира вокруг, окружающих</i>	10	13
<i>будущего, неизвестности, перемен</i>	10	9,5
<i>смерти</i>	10	9,5
<i>разногласия/ потеря друзей</i>	14	7
<i>взаимоотношений с противоположным полом</i>	12,5	13
<i>свое здоровье, судьба, благополучие</i>	12,5	13
<i>распад семьи</i>	-	15

По содержанию страхи схожи, но значимость их разная. У детей из первичных семей преобладают страхи относительно собственных достижений. Детей из семей повторного брака больше пугает отсутствие сети социальной поддержки (близких, друзей), а также есть беспокойство по поводу вторичного распада семьи.

Восприятие семьи

Восприятие матери

В целом для всей выборки характерна позитивная оценка матери. При этом респонденты из экспериментальной группы особо подчеркивают ее женственность и красоту как женщины и вместе с тем силу духа и значимость в их жизни.

<i>Характеристики матери</i>	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>хорошая, заботливая, добрая, близкая</i>	1,5	1
<i>самая лучшая, идеал</i>	1,5	2
<i>любящая, дорогая, счастливая</i>	3	3
<i>красивая, женщина</i>	8	4
<i>умная, мудрая, понимающая</i>	4	6
<i>глупая, непонимающая, далекая, холодная</i>	6,5	6
<i>сложный характер, вспыльчивая, нервная, слабая</i>	5	6
<i>важная, сильная личность</i>	-	8,5
<i>друг</i>	6,5	8,5

Восприятие отца

Неоднозначность в оценке отца присутствует в обеих выборках. Дети из семей повторного брака в основном остаются в материнских семьях, а отец часто устраняется из поля зрения ребенка, поэтому есть много негативных оценок родителя.

<i>Характеристики отца</i>	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>отзывчивый, добрый, заботливый, помогает мне</i>	1	1
<i>глупый, плохой, странный, эгоист, не знает, чего хочет</i>	6	2
<i>не замечает, не думает, забыл о нас, не знаю о нем</i>	-	3
<i>любит меня</i>	4	4
<i>слабохарактерный, ничего не добился, несчастливый</i>	8	5
<i>самый лучший</i>	2	6,5
<i>вредные привычки (пьет, гуляет)</i>	10	6,5
<i>любит маму</i>	-	8,5
<i>жесткий, строгий, злой, нервный</i>	3	10,5
<i>непривлекательный, некрасивый</i>	-	10,5
<i>лидер, сильный, глава семьи, настоящий мужик</i>	5	-
<i>озабоченный проблемами, делами</i>	8	-
<i>умный, статусный, способный сделать что-то стоящее</i>	8	8,5

<i>ленивый</i>	10	-
----------------	----	---

Но те отцы, которые умерли или остаются рядом и поддерживают ребенка, признаются важной составляющей его жизни, влияющей на формирование мировоззрения и отношений с другими. Некоторые респонденты все еще надеются на воссоединение прежней семьи.

Дети из первичных семей часто рассматривают отца как «самого лучшего» и, как к идеалу, предъявляют больше требований, подмечают мелкие недостатки и более болезненно реагируют на его занятость, директивность и подавление собственной свободы и самостоятельности.

Восприятие сиблинга

Взаимоотношения с братом/сестрой	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>дружба</i>	1	1
<i>хорошие отношения, общение</i>	3	2,5
<i>напряженные отношения, не похожи, враги</i>	2	2,5
<i>понимание друг друга</i>	6	4,5
<i>любовь</i>	-	4,5
<i>совместные дела и времяпрепровождения</i>	4	6
<i>поддержка, волнение друг за друга</i>	5	7,5
<i>похожи</i>	-	7,5

Первые – контрольная группа – менее склонны описывать сиблинговые отношения категориями «любовь» и «сходство». Для вторых – экспериментальная группа – важно подчеркнуть сильные чувства, привязанность и стремление рассматривать брата/ сестру как единое целое с собой. Это делает сиблинговую подсистему более сплоченной и терапевтической в кризисной для жизнедеятельности семьи ситуации.

Восприятие приемного родителя

Характеристики отчима/мачехи	Ранги ЭГ	%
<i>хороший, нормальный, хорошо относится, любит, как родной, заботливый, с ним весело, друг</i>	1	53
<i>нехороший, несправедлив, недоброжелателен, не понимает, эгоист, самолюбивый, мешает, не подходит, ненавижу мачеху, не родная</i>	2	30
<i>редко отдыхает, замкнутый, отстраненный, слишком правильный, требовательный, имеет вредные привычки (курит, пьет)</i>	3	17

Несмотря на наличие негативных оценок приемного родителя, большинство респондентов относятся к нему позитивно или нейтрально.

Отношение к супружеству

Дети из семей повторного брака больше понимают про взаимоотношения между супругами и насколько это серьезная и непростая работа, а также то, что наличие ребенка не является критерием, определяющим брак и способным его сохранить вопреки всему.

Отношение к браку	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>хорошо, тепло, доброе, уютно, преданность</i>	1	1
<i>наполнено любовью, счастьем, заботой, ценное</i>	2	4
<i>интересное, новое</i>	3,5	6
<i>тяжелое, проблемное, уничтожающее личность</i>	3,5	2
<i>не готов, в далеком будущем, не актуально</i>	5	9
<i>скудное, нудное, лишнее развлечений</i>	6	7
<i>радужно, красиво, сказка, привлекает</i>	7,5	5
<i>сложное, серьезное, то взлеты, то падения</i>	7,5	3
<i>ответственный шаг, много обязательств</i>	9,5	9
<i>естественное, полезное, обычное, нормальное</i>	9,5	9
<i>непонятное</i>	11,5	-
<i>для воспитания детей</i>	11,5	-

<i>близкое</i>	13	11
----------------	----	----

Восприятие семьи.

Семья рассматривается испытуемыми двух групп приблизительно одинаково. Лишь небольшой процент респондентов от всей выборки (3%) сделали акцент на тех структурных изменениях, которые с ней произошли или могли бы произойти.

Характеристика семьи	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>лучшая, любящая, искренняя</i>	1	1,5
<i>счастливая, хорошая, взаимопонимающая</i>	2	3
<i>сплоченная, крепкая, дружная, надежная</i>	3	5
<i>обычная, такая как все, не хуже, чем другие, средняя</i>	4	1,5
<i>не идеал, не похожа на семью</i>	5	4
<i>необычная, неординарная</i>	6	6,5
<i>неуравновешенная, с разногласиями, ужасная</i>	7	6,5
<i>полноценная</i>	8	-
<i>большая</i>	9	8,5
<i>неполная, неполноценная</i>	-	8,5

Подавляющее большинство детей в ситуации повторного брака родителей воспринимают свою семью как «самую лучшую» или «не хуже, чем остальные».

Мировосприятие.

Отношение к противоположному полу юношей/девушек из первичных (КГ) и семей повторного брака (ЭГ). Первые больше всего признают затруднения в понимании лиц противоположного пола, а в качестве одной из причин несладывающихся отношений видят эгоизм и неспособность партнера встать на место другого, уступить и понять его точку зрения.

Вторые приписывают неудачи в любовных отношениях несовершенству и «плохому характеру» партнера. В целом для всей выборки характерно амбивалентное

отношение к лицам противоположного пола и выявление скорее недостатков друг у друга, нежели достоинств.

Характеристики юношей/ девушек	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>хорошие, искренние, любимые</i>	1	2,5
<i>глупые, деградируют</i>	2	1
<i>симпатичные, красивые</i>	3	3
<i>самовлюбленные, своенравные, эгоисты</i>	4	13
<i>легкомысленные, все упрощают в отношениях</i>	5,5	4,5
<i>изменищики, бабники, думают лишь о сексе</i>	5,5	4,5
<i>не знают, что хотят, трудно понять</i>	7	14
<i>врут</i>	8,5	7
<i>плохо поступают, плохой характер, злые</i>	8,5	2,5
<i>не умеют ценить другого</i>	12,5	7
<i>имеют вредные привычки</i>	12,5	7
<i>умные</i>	12,5	10
<i>безответственные, несерьезные</i>	12,5	11,5
<i>наглые, грубые, плохо поступают</i>	14	11,5

Взаимоотношения с посторонними

Характеристики людей вокруг	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>доброжелательные, хорошие, счастливые</i>	1	1
<i>разные</i>	2	4
<i>думают плохо о других, не ценят, не понимают</i>	3,5	3
<i>злые, плохие, глупые</i>	3,5	2
<i>эгоисты, думают только о себе</i>	5	8,5
<i>плохо поступают, обманывают, подводят</i>	7	7
<i>серые, неинтересные, недовольные</i>	7	8,5
<i>сошли с ума, странные, не понимают, что творят, с причудами</i>	7	10

<i>обычные, плывут по течению, люди как люди</i>	9	5
<i>верят, любят, поддерживают, принимают</i>	-	6

Респонденты из семей повторного брака более склонны видеть и ценить принятие и поддержку со стороны окружающих в свой адрес, чем испытуемые из первичных семей.

Отношение к миру вокруг

Характеристика окружающего мира	Ранги КГ	Ранги ЭГ
<i>удовлетворяет, добрый, хороший, радует</i>	1	1
<i>интересный, яркий, красивый, разнообразный</i>	2	2
<i>суровый, агрессивный, жестокий, злой, ужасный</i>	3	3
<i>серый, скучный, однообразный, пессимистичный</i>	4	4,5
<i>велик, большой, безграничный</i>	5	-
<i>раздражает, волнует, беспокоит, непонятный</i>	6,5	6,5
<i>противоречивый, изменчивый</i>	6,5	4,5
<i>неизвестный, таинственный</i>	8	6,5
<i>все живое</i>	9	8

В целом мировосприятие юношей и девушек обеих выборок схоже. За исключением того факта, что дети из семей повторного брака не видят мир огромным и, возможно, не принимают в расчет свои возможности в плане его покорения или исследования.

Выводы

Юноши и девушки из семей повторного брака выглядят более зрелыми и целеустремленными. Опыт потерь учит их не загадывать на будущее, жить настоящим и тем, что имеешь, полагаться на самих себя и отстаивать свои права и интересы. Вместе с тем они менее склонны искать причины неудач в себе, более ориентированы на социальное окружение и внешний мир. В этом одновременно их сила и слабость. С одной стороны, они проще относятся к жизни, принимая ее такой, какая она есть и себя в

том числе, с другой стороны, они более восприимчивы к мнениям окружающих: членов семьи, друзей и просто посторонних лиц.

В качестве семейного ресурса для них важны мать как любящий родитель и пример для подражания, отец, участвующий в их жизни, и сиблинг как близкий друг, понимающий и поддерживающий в трудной ситуации.

Роль семьи в формировании психологического благополучия и безопасности у подростков

Захарян В.В.

*Кафедра общей психологии и социальных коммуникаций СГУ, частнопрактикующий психолог, г. Сочи, Россия
psycholog.zaharjan@mail.ru*

За последнее десятилетие в нашей стране, произошел целый ряд политических экономических и социальных изменений, которые сильно повлияли и влияют на образ жизни граждан. В частности, в области семейных отношений также произошли некоторые "сдвиги": переосмысление некоторых функций семьи, ее уклада и динамики взаимоотношений. Однако согласимся здесь с положениями структурного-функционализма, по-прежнему, основная задача семьи - воспроизводство и адаптация индивидов в общество - сохраняется и наоборот все более и более формирует напряжение вокруг проблемы репродукции, воспитания, эмоциональной поддержки и обучения детей (Бейкер К., 1991).

Так первый опыт взаимоотношений с миром ребенок получает в семье. Родитель выступает эталоном, образцом, знания о социальных нормах: что хорошо, а что плохо, где и как себя правильно вести и наоборот. Родители являются тем ориентиром,

благодаря которому ребенок начнет выстраивать взаимоотношения с другими людьми (Карabanова О.А., 2005).

Родительская семья в большей степени определяет особенности формирования различных представлений о мире и себе, в том числе и об особенностях вступления в брак, о распределении семейных обязанностей, восприятии себя и других, формировании тех или иных черт личности и ее смысложизненных ориентиров (Обухова Л.Ф., 1996).

То есть актуальным является исследование вопросов влияния родителей на особенности общения детей с противоположным полом, формирование взглядов на дальнейшую жизнь, психологическую готовность к вступлению в брак, а также развитие представлений о будущем супруге, становление и развитие семейных взаимоотношений (Карцева А.В., 2003).

В ряду исследований проблематики семьи, семейных взаимоотношений особое место занимает благополучие и психологическая безопасность ребенка. Психологическая безопасность ребенка – такое состояние, когда личность переживает устойчивое ощущение стабильности (возможность контроля или прогнозирования) в удовлетворении большинства своих жизненно важных потребностей. Психологическая безопасность обеспечивает успешное развитие ребенка. Это одно из главных условий психологического, физического и нравственного его здоровья.

Психологическая безопасность во многом определяется внутренним микроклиматом семьи, в которой растет ребенок, а так же взаимоотношениями между родителями и детьми. Детско-родительские взаимоотношения начинаются практически с самого рождения человека и проходят через всю его жизнь. На разных этапах развития человека они соответственно претерпевают изменения и трансформируются (Ожигова Л.Н., 2010).

Мы привыкли рассматривать семью как очаг мира и любви, где человека окружают самые близкие и дорогие люди, но на практике не всегда так. Семья бывает часто раздираема спорами, конфликтами и противоречиями где встречаются обвинения, угрозы и нередко доходит и до применения физической силы то есть физического и психологического насилия в отношении ребенка. Психологическое насилие -

это воздействие, причиняющее обиду, вызывающее гнев, страх, эмоциональную неуверенность в собственной значимости и неспособность защитить себя от этого.

Особенно в подростковом возрасте, когда усиливается само внутреннее напряжение растущей личности, семья должна поддержать подростка, который нередко оказывается в трудной, психологически небезопасной жизненной ситуации.

Но сама по себе семья не может становиться местом психологической защиты, спокойствия и теплоты. Всем этим семью наполняют взаимоотношения. Дети разных возрастов, а особенно подростки очень чувствительны к влиянию психологического насилия, опасности, дискомфорта, "вселяемого" родителями. То есть главную роль в наполнении детско – родительских отношений выполняют родители, их опыт - установки ценностей и убеждений - во многом будут формировать эмоциональный, психологический климат в семье. Будет ли во взаимоотношениях правильным употребление бранных слов родителями, оскорблений, крика, жесткой критики, постоянных «допросов» подростка о времяпровождении, проявления грубости по отношению к друзьям. Либо отношения будут наполнены поддержкой, любовью, теплыми словами, воспитанием в подростки чувства ответственности, самостоятельности и управлением собственной свободой.

Все это в равной степени будет влиять на психологическую безопасность подростка и прогнозирование им будущего. Только в одном случае – у подростка будет развиваться внутренняя пустота, ненужность, отчужденность, ощущение тревоги и напряженность, а в другом случае он будет стремиться к построению отношения гармоничных семейных отношений, желанию к самоутверждению здоровой социальной конкурентности, личностному и профессиональному самоопределению, внутренней гармонии и построению счастливого будущего.

Нами было проведено небольшое пилотажное исследование, направленное на изучение особенностей стиля родительского воспитания. Выборка составила: 100 подростков из них 55 мальчиков и 45 девочек в возрасте 14-15 лет.

Диагностические методики: опросник С. Степанова «Стили родительского поведения» и методика диагностики родительского отношения (А.Я. Варга и В.В. Столин).

В итоге выявлено, что по мнению 37 % подростков их родители достаточно авторитетны, то есть родители поощряют личную ответственность и самостоятельность своих детей (методика С.Степанова). Авторитарный стиль воспитания используют 34% родителей в отношении своих детей, что проявляется в родительском доминировании. Либеральный стиль воспитания 18% исследуемых семей, что проявляется в максимальным удовлетворением потребностей ребенка, потаканием его капризам и желаниям. Индифферентный стиль воспитания наблюдался у 8% исследуемых родителей снижен интерес к детям. Примерно 3% исследованных не определились в доминирующем стиле.

Анализ результатов проведенного исследования по методике «исследование родительских взаимоотношений» В.В. Столина А.Я. Варги показал следующее: 23% выборки подростков считают, что родители их "отвергают", то есть воспринимают плохим, неприспособленным, неудачливым, неуспешным человеком. 14% (принятие) подростков считают, что родители принимают их, заботятся. 19% (кооперация) подростков уверены, что родители поощряют их инициативу и самостоятельность, ценят способности. 27% от всей выборки (симбиоз) подростков считают, что родители ощущают себя единым целым. 38% подростков, считают, что родители проявляют к ним авторитаризм, требуют послушания, безоговорочной и дисциплины, навязывает свою волю и не принимают точку зрения ребенка. 9% от всей выборки подростков, считают, что их родители несколько инфантильны, не имеют четкой позиции в воспитании и в социальной адаптации в целом.

Таким образом, при всем разнообразии полученных результатов, мы видим, что большинство подростков так или иначе ощущают доминирование и давление со стороны родителей. Способствует ли такой стиль родительского отношения формированию психологического благополучия личности подростка? Как в таких отношениях формируется самостоятельность или ответственность подростка, когда вариативность поведения не приветствуется, а договоренности будут выполняться только в одном направлении: от родителя к ребенку. Ответы на эти вопросы - цель следующих исследований.

Список литературы

1. Бейкер К. Теория семейных систем М.Боуена //Вопросы психологии. 1991. - № 6.
2. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005.
3. Карцева А.В. Модель семьи в условиях трансформации Российского общества // Социологические исследования. – 2003. - №7. С.92-99.
4. Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1996.
5. Ожигова Л.Н. Безопасность как базовая потребность личности в системе семейных отношений Личность и бытие: субъектный подход. V Матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 284-291.

Развитие субъектности у детей младшего школьного возраста

Иовлева Т.Е., Рудомазина В.М.

ГБОУ школа №1095, ГБОУ ЦПМСС «Взаимодействие», Москва, Россия

tania_iov@mail.ru, vikon86@mail.ru

Аннотация. Тезисы посвящены изучению субъектности в младшем школьном возрасте. Представлен анализ субъектности, как побудительного механизма становления личности. Анализ исследований позволил выявить пять атрибутов субъектности: активная позиция, инициативность, надситуативность, прогнозирование, рефлексия. Представлены результаты коррекционно-развивающей программы, на основании которой составлены рекомендации для родителей и учителей по развитию личности ребенка с учетом степени выраженности тревожности.

Ключевые слова: младший школьный возраст, атрибуты субъектности.

В настоящее время в образовательной среде отмечается повышенный интерес к личности учащегося, его успешности и психологическому благополучию. Интересным с научной и педагогической точки зрения является младший школьный возраст, в котором закладывается основной фундамент для развития и становления личности ребенка. Современная ситуация такова, что среди регулярных требований, правил и недоверия со стороны взрослых, растут неуверенность, переживания и как следствие тревожность школьников.

В ходе проведения пилотажного исследования (Иовлева Т.Е., Рудомазина В.М., 2012, 2013) было установлено, что реакциями на состояние тревоги, могут служить различные поведенческие паттерны ребенка. Такие как «избегание», проявляющееся в неуверенности в себе, замкнутости, чувствительности, повышенной эмоциональности, обидчивости, покладистости, заниженных требованиях к себе и окружающим; и «преодоление» – поведение характеризующееся активностью, уверенностью в себе, общительностью, умением прогнозировать ситуацию, анализировать поступки собственные и окружающих. В представленном исследовании форма человеческой активности «преодоление» трудностей и проявление инициативности в поиске решения задач нашло свое выражение в феномене субъектности.

В связи с чем, представленный материал посвящен проявлению субъектности в младшем школьном возрасте.

Теоретическое обоснование феномена субъектности по словам И.С. Якиманской (Якиманская И.С., 1994) определяется, как: «...приобретаемое, формируемое свойство, но существующее благодаря сложившейся природе жизнедеятельности человека, кристаллизованной в потенциях учащегося».

По мнению А.К. Осницкого (Осницкий А.К., 1995) субъектность определяется как активность человека в деятельности и поведении, как основная характеристика этой активности и ее «оживление», что способствует формированию основных жизненных целей и решений конфликтных ситуаций. Роль субъектности в младшем школьном возрасте соответствует третьей ступени формирования личности «персонализации» и, по

мнению В.И. Слободчикова, является фундаментальной для качественных изменений развития личности (Слободчиков В.И., Исаев Е.И., 2000).

Таким образом, активность субъекта в представленном исследовании понимается как побудительный механизм к преобразованию себя и окружающего мира, как жизненная позиция и образ жизни. Активная позиция ребенка принципиально отличается от противоположной - пассивной, избегающей, безинициативной, закрытой для получения опыта извне.

Основой для гипотезы нашего исследования послужили результаты проведенных исследований современных ученых-психологов (Азлецкая Е.Н., 2001, Лапкина О.С., 2007, Пыжьянова М.А., 2006, Якиманская И.С., 1994). Это позволило в качестве основных характеристик субъектности выделить атрибуты, которые, по мнению авторов, а также на основе опыта работы с детьми младшего школьного и подросткового возраста, считаются первостепенными и важнейшими при диагностике и развитии субъектности ребенка: *активная позиция, инициативность, надситуативность, прогнозирование и рефлексия*. Основная гипотеза исследования заключалась в том, что преодоление тревожности различных уровней у детей младшего школьного возраста связано с развитием субъектности, проявляющейся в активной позиции ребенка, инициативности, надситуативности, способности к прогнозированию, рефлексии по отношению к себе и реальности.

Также были выдвинуты и частные гипотезы, в которых представлены поведенческие характеристики детей младшего школьного возраста на различных уровнях тревожности («низкий», «оптимальный», «завышенный»). Под «*оптимальным уровнем тревожности*», основываясь на данных теоретических и эмпирических исследований (Иовлева Т.Е., Рудомазина В.М., 2012, Прихожан А.М., 2000) понимается побуждающий механизм, способствующий проявлению активности субъекта деятельности. Такая адаптивная тревога противопоставляется как чрезмерно ярко выраженной тревожности (завышенный уровень), подавляющей какую-либо активность, так и низкому уровню тревожности, способствующему торможению какой-либо деятельности за счет снижения активности ребенка.

Перечисленные в гипотезе атрибуты являются смысловыми компонентами, раскрывающими суть субъектности, послужившие для основы выбора методов и методик, а также для формирования выборки исследования.

Диагностический этап исследования проводился на базе нескольких общеобразовательных школ ЮЗАО г. Москвы. В целом выборка составила 271 ребенок и 11 взрослых. В основном эмпирическом исследовании приняли участие 241 учащийся младшей школы с 1 по 4 класс. Развивающую программу прошли 30 детей 2 класса. Возраст детей, участвовавших в исследовании с 7-11 лет. Психологические и физиологические показатели развития детей соответствовали возрастной норме. Дополнительно в диагностике приняли участие классные руководители девяти классов младшей школы. Исследование проводилось в конце учебного года.

В программу исследования были включены следующие методики:

1. *Методика незаконченных предложений М. Ньюттена в модификации А.Б. Орлова*, основанная на словесных ассоциациях, применяется автором для определения мотивации учения детей младшего школьного возраста и состоит из 25 незаконченных фраз. Анализ основных методик, изучающих субъектность (Азлецкая Е.Н., 2001, Лапкина О.С., 2007, Пыжьянова М.А., 2006) позволил модифицировать «Незаконченные предложения» А.Б. Орлова таким образом, чтобы каждое из них предоставляло ребенку выбор одной из форм поведения: проявление «активной позиции»/«пассивной позиции», «инициативности»/«безинициативности», «умение прогнозировать»/ «отсутствие прогнозирования», «надситуативность»/«ситуативность», «рефлексия»/«отсутствие рефлексии». Обработка данных проводилась на основании экспертной оценки «присутствия/отсутствия» атрибутов в утверждениях детей.

2. *Приём «сочинения сказки»* применялся для определения основных атрибутов субъектности детей младшего школьного возраста. «Сочинение сказки» предполагает творчество ребенка и свободное фантазирование. Работа со сказкой использует метод катарсиса, который предполагает душевную разрядку и эмоциональный выплеск подавленных переживаний ребенка, что вызвано переносом собственной тревоги на героя сказки и проживанием своих чувств через выбранный образ. Процедура сочинения сказки проводилась с ребенком в индивидуальной форме: сказка записывалась

экспериментатором со слов рассказчика, либо оформлялась самим ребенком в присутствии взрослого. При интерпретации сказок описывался характер поведения главного героя сказки. Также принималась во внимание степень его компетентности, проявляющаяся в способе реагирования и решении жизненных задач. В результате выявилось содержание субъектности и её атрибуты.

3. Для объективности полученных данных о характере проявления субъектности был создан *опросник учителей*, в котором оценивались качества личности ребенка, исходя из степени проявления у него атрибутов субъектности.

В результате диагностики субъектности младших школьников в течение 2013-2014 учебного года, были получены следующие результаты, которые представлены в таблице.

Таблица 1

Значение уровней субъектности по трем методикам у детей младшего школьного возраста

<i>«Незаконченные предложения»</i>									
<i>Уровни субъектности</i>	<i>Количество во детей</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>	<i>Возраст</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>	<i>Класс</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>
Высокий	54	20	34	7	3	4	1	6	6
				8	4	10	2	3	10
				9	5	8	3	5	10
				10	6	8	4	6	8
				11	2	4			
Средний	143	73	70	7	8	16	1	14	19
				8	16	20	2	19	16
				9	20	15	3	21	16
				10	21	16	4	19	19
				11	8	3			
Низкий	44	28	16	7	8	5	1	9	6
				8	6	4	2	7	5
				9	9	4	3	8	0

				10	5	2	4	4	5
				11	0	1			
<i>Прием «сочинение сказки»</i>									
<i>Уровни субъектности</i>	<i>Количество детей</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>	<i>Возраст</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>	<i>Класс</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>
Высокий	40	15	25	7	1	4	1	3	5
				8	2	5	2	3	6
				9	9	6	3	4	5
				10	3	6	4	5	9
				11	0	4			
Средний	90	47	43	7	7	8	1	11	12
				8	12	15	2	12	11
				9	12	6	3	10	11
				10	11	12	4	14	9
				11	5	2			
Низкий	111	58	53	7	11	13	1	14	15
				8	12	14	2	14	14
				9	13	16	3	20	10
				10	18	7	4	10	14
				11	4	3			
<i>Опросник учителей</i>									
<i>Уровни субъектности</i>	<i>Количество детей</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>	<i>Возраст</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>	<i>Класс</i>	<i>Мальчики</i>	<i>Девочки</i>
Высокий	45	15	30	7	1	7	1	2	10
				8	3	10	2	3	9
				9	6	9	3	9	8
				10	5	4	4	1	3
				11	0	0			
Средний	138	76	62	7	13	12	1	18	14
				8	18	14	2	20	12

				9	20	11	3	18	14
				10	19	19	4	20	22
				11	6	6			
Низкий	58	28	30	7	5	6	1	8	8
				8	5	11	2	6	11
				9	7	7	3	6	4
				10	8	3	4	8	7
				11	3	3			

В Таблице 1 представлены данные описательной статистики, полученные в результате проведения диагностики показателей субъектности по трем представленным методикам, позволяющие оценить динамику развития субъектности в зависимости от гендерных условий и социальной ситуации развития.

По результатам диагностики методом *«Незаконченные предложения»* крайние уровни субъектности (низкий, высокий), в целом, имеют близкое значение, находящееся в одинаково низких границах проявления, исключение составляет 3 класс. Интересно, что средний уровень субъектности количественно превосходит остальные уровни, оставаясь при этом примерно одинаковым во всех классах младшей школы. Это объясняется характером и содержанием данной проективной методики. Перед учащимися стояла задача: продолжить часть предложения, соответственно своим представлениям об учебной ситуации, поведенческими особенностями, образу жизни и ценностным ориентациям. Ответы на незаконченные предложения, относящиеся к учебной и социальной ситуации, являются показателем процесса формирования у ребенка «внутренней позиции школьника» и созревания осознанного отношения к школьной жизни, которое имеет побудительный характер, желание выглядеть в глазах взрослых чуть лучше, чем есть на самом деле.

Результаты по *«Сочинению сказки»* отличаются от данных метода *«Незаконченные предложения»* выраженностью значений субъектности. На первый план выступает низкий уровень субъектности, стабильно проявляющийся в 1-2 классах (48%,47%), делающий незначительный скачок вверх в 3 классе (50%) и опускающийся к

4 классу (39%). Похожим образом представлен средний уровень субъектности, незначительно поднимающийся к 4 классу. В свою очередь, высокий уровень субъектности имеет наименьшее количество проявлений, но более стабильную динамику развития, незначительно меняющуюся в сторону возрастания с 1 по 3 классы (13%-15%), в конце младшей школы резко повышается (23%).

Интересно, что по гендерному признаку присутствуют закономерности: низкий уровень субъектности преобладает в основном у мальчиков, в особенности в 3 классе (10 лет), а высокий уровень, напротив, - у девочек - в течение всего обучения в младшей школе (см.: Табл. 1.).

В целом показатель субъектности по приему *«Сочинение сказки»* имеет стабильную, возрастающую к концу младшей школы динамику. В 3 классе уровень субъектности падает незначительно, что, скорее всего, связано с формированием мышления: происходит переход от наглядно-образного к словесно-логическому типу мышления. Это подтверждается и содержанием сказок, представляющих в основном бытовой сюжет и характеризующимся отсутствием волшебного персонажа и сюжета. В 4 классе ребенок становится более поливалентным и учится успешно решать задачи во всех планах: практическом, действенном и вербальном. Мало того, к 4 классу вновь появляется социальная желательность и стремление продемонстрировать свои способности, что связано с подготовкой к переходу в среднюю школу и появлением конкуренции среди учеников.

«Сочинение сказки» также позволило выявить степень развития атрибутов субъектности младшего школьника.

На протяжении всего младшего школьного возраста наиболее ярко выражен атрибут *«Активная позиция»*, где представлен примерно в равном значении. Активность в сказках проявляется как с позиции главного героя (напрямую), так и с позиции самого рассказчика (косвенно). В сюжете большинства сказок главный герой встречает на пути к достижению желаемого результата череду преград, создающих проблемную ситуацию, выступая препятствующим фактором на пути к успеху. *«Активность-пассивность»* – это реакция героя на происходящее вокруг, позиция, заключающаяся в решении проблемной ситуации собственными силами, либо безучастное покорное ожидание ее разрешения.

Пример №1

Мальчик, 8 лет

«Жили-были две подружки. Пошли они как-то в лес. Потом они увидели кустик. За кустиком грибы, да ягоды. Видят волка, испугались, влезли на дерево. Стали бросаться шишками в волка. Они убежали. Белка орехи грызет. Залезли на дерево, а там еще больше волков. Слезли подружки с дерева, и пошли обратно в деревню...».

Важно отметить, что проявление данного атрибута больше обнаруживается у мальчиков, что становится заметно ко 2 классу (9 годам). Интересно, что к 3 классу активная позиция учащихся уменьшается, но снова увеличиваясь к 4 классу.

Следующий атрибут субъектности, который выражен в среднем значении, – это *«Инициативность»*. Он имеет более простую линию развития. В 1 и 2 классе инициативность детей имеет самые высокие значения, стремительно уменьшаясь к 3 и 4 классу. Это объясняется наличием в 1 и 2 классе социальной желательности, эффекта новизны учебной ситуации. Инициативность проявляется в сказках детей в сознательном решении поступать тем или иным образом, в моментальной реакции на проблемную ситуацию каким-либо действием.

Пример №2

Мальчик, 7 лет

«Жила-была Баба-Яга. Однажды ей встретился мальчик, и хотела она его съесть. Тут мальчик придумал, как ее обхитрить. Мальчик придумал сделать яму. Он сделал, Бабка-Ежка прилетела и сказала: «Пора бульон варить. Встань вот тут». Она подошла к яме и провалилась. Пошел потом домой мальчик к своим родителям».

Гендерный анализ показал, что *ник* проявления инициативности младшего школьника приходится на второй класс (8 лет) и больше относится к девочкам, чем к мальчикам. Это подкрепляется и фактами из наблюдений, где девочки чаще предлагают помощь, стремятся ответить у доски.

Атрибут субъектности *«Надситуативность»* проявляется в сюжетах сказок детей, как нестандартное выполнение поставленной задачи. Например, испытуемый рассказывает историю про мальчика, который очень любил сочинять сказки и приводит одну из них, то есть выполняет задание исследователя более интересно и проработано,

чем требовалось. Также ребенок может проявить свою надситуативность, оформляя свою сказку, дополняя ее рисунком или обложкой. Поскольку герой сказки обычно наделяется качествами самого рассказчика, либо у героя проявляется нестандартность мышления в достижении успеха, либо он мыслит шаблонно и делает только то, что его попросили сделать. Пример №3 раскрывает суть надситуативности, выражающейся в необычности и неожиданности в повороте сюжета.

Девочка, 7 лет

«Жили - были волк и лиса. Видят они заяц навстречу идет. Лиса говорит: «хорошая добыча, ты иди с этой стороны, я с той. Так и схватим его». Схватили зайца, а оказался это не заяц вовсе, а медведь в костюме зайца. «Сегодня же маскарад»— говорит медведь, - «Вы чего без костюмов? Быстрее переодевайтесь!». Волк с лисой переоделись: лиса в костюме волка, а волк в костюме лисы. Пришли на маскарад, а он уже кончился».

Надситуативность детей младшего школьного возраста изменяется по мере взросления, и к 3 классу существенно увеличивается, оставаясь на том же уровне и в 4 классе.

Атрибут «Прогнозирование» имеет низкую границу проявлений и волнообразный график развития, выражаясь в пиках в 1 и 3 классе, хотя разница в значениях между классами незначительная (1% - 4%). Способность к прогнозированию в сказках детей проявляется в умении главного героя анализировать ситуацию и просчитывать возможные трудности.

Пример №4

Девочка, 7 лет

«Жили-были старик со старухой. И был у них сын, Ваня. Увидел однажды Ваня, что медведь с лисой прощался. Что-то они затевали! Ваня побежал из дома и заблудился. Он убежал от лисы, и спросили тогда его: «От кого ты убежал?», «От лисы, она хотела меня съесть»». Здесь есть предвосхищение опасной ситуации для героя сказки.

Атрибут субъектности «Рефлексия» проявляется у детей по мере взросления с 1 по 3 класс, лишь к 4 классу опускаясь на несколько процентов. Рефлексия по отношению

к себе и реальности выражается в способности главного героя сказки анализировать ситуацию, поступки и отношение окружающих к себе. Например: главный герой сказки, ошибившись в чем-то, приходит к выводу, что он поступил неправильно и озвучивает, что в следующий раз будет действовать по-другому.

Пример №5

Девочка, 8 лет.

«В дверцу все время заходили. Потом она рассердилась, ведь ей не нравилось, что ее все время открывали и закрывали. Мальчик, правда, ее не послушал и все равно продолжил хлопать. Дверцы на самом деле говорят...»

Для объективно наблюдаемого характера проявления субъектности в младшем школьном возрасте была проведена методика, в которой субъектность детей оценивалась учителями.

Результаты по «Опроснику учителей» схожи с результатами, полученными по методике «Незаконченные предложения». Наиболее ярко выраженный уровень субъектности – «средний», возрастающий к 4 классу. Причем, мальчиков, по мнению учителей, имеющих средний уровень субъектности, больше чем девочек. Особенно это становится заметно во 2 классе (9 лет). Крайние уровни субъектности – «низкий» и «высокий» так же, как в методике «Незаконченные предложения», представлены в низком значении.

«Высокий» уровень субъектности имеет также волнообразную динамику проявления. В начале младшей школы показатель субъектности держится на одинаково низкой границе и, в большей степени, выражен у девочек. К 3 классу «высокий» уровень субъектности проявляется более значительно и, по мнению учителей, именно в этот период имеет свой пик развития. Интересно, что к 4 классу «высокий» уровень субъектности значительно уменьшается, что существенно отличает результаты данной методики от приема «Сочинение сказки». Это объясняется изменением характера требования учителей к учащимся, в связи с завершением младшей школы. В этом периоде оценка ребенка в основном основывается на его школьных достижениях, тогда как в «Сочинении сказки» дети демонстрируют свои личностные качества.

Процедура проведения *«Опросника учителей»* предполагала также и оценку атрибутов субъектности.

Результаты *«Опросника учителей»*. Значение атрибутов субъектности находятся близко друг к другу. Это связано с расширенной шкалой по каждому атрибуту в опроснике (0-5 баллов), где за каждое качество ребенка присваивалось в основном больше 1-го балла, в результате чего подсчитывались средние значения. Среди пяти атрибутов субъектности с минимальным отрывом превосходят *«Активная позиция»*, *«Инициативность»* и *«Надситуативность»*. Во время проведения опросника учителям подробно объяснялся смысл всех атрибутов и особенности их проявления в поведении ребенка. Интересно, что к 3 классу дети младшего школьного возраста становятся менее активными, инициативными, но более надситуативными.

Атрибут субъектности *«Прогнозирование»* имеет волнообразную динамику от увеличения до уменьшения. «Пики» атрибута наблюдаются в 1 и 3 классе, что связано с началом обучения и длительной подготовкой к школе, которая к 3 классу сменяется адаптацией и устойчивыми навыками обучения.

Атрибут *«Рефлексия»* имеет наименьшее количество проявлений, увеличиваясь к 3, и снижается к 4 классу. Значения изменений атрибута считаются незначительными.

В данном исследовании было выявлено, что в период 3 класса показатель субъектности по методике *«Оценка учителей»* совпадает с данными по методике *«Незаконченные предложения»*. Данное личностное качество постепенно увеличивает свои показатели и выражается в атрибутах *«Надситуативность»*, *«Прогнозирование»* и *«Рефлексия»*, что соответствует результатам исследования Ю.В. Зарецкого, В.К. Зарецкого, И.Ю., Кулагиной [4], где к 3 классу наблюдается наиболее выраженная *«субъектная позиция»*, которая к подростковому возрасту уменьшается за счет снижения активности, осознанности и включенности в учебную ситуацию.

Результаты коррекционно-развивающей программы

Программа состоит из 8 блоков, рассчитана на 25-30 встреч. Блоки программы: *«Команда»*, *«Доверие»*, *«Активная позиция»*, *«Инициативность»*, *«Надситуативность»*, *«Прогнозирование»*, *«Рефлексия»*, *«Завершение»*. В результате программу прошли 30 детей второго класса. Цель программы заключалась в преодолении тревожности детей

младшего школьного возраста, развитии психологических ресурсов для осознания собственных переживаний. *Задачи:* 1) Преодоление травмирующих переживаний; 2) Формирование атрибутов субъектности: активной жизненной позиции, инициативности, надситуативности, способности прогнозирования, рефлексии; 3) Развитие потенциала и навыков самоконтроля; 4) Развитие позитивного отношения к миру; 5) Развитие личностно-ориентированных партнерских взаимоотношений.

Выводы

В результате проведения исследования субъектности в младшем школьном возрасте можно сделать следующие выводы:

1. Субъектность по методике «*Незаконченные предложения*» в основном представлена показателями, соответствующим среднему уровню. Субъектность, диагностируемая приемом «*сочинения сказки*» в основном представлена показателями, соответствующими низкому и среднему уровню субъектности.

2. В исследовании удалось обнаружить динамику развития атрибутов субъектности (активная позиция, инициативность, надситуативность, прогнозирование и рефлексия) при помощи вышеназванных методик.

3. Показатель субъектности увеличивается к 3 классу, что проявляется по методикам «*Незаконченные предложения*» и «*Опросник учителей*», выражаясь атрибутами «*надситуативность*», «*прогнозирование*» и «*рефлексия*».

Рекомендации для родителей и учителей

1. Проявлять большее внимание и понимание к проявлениям тревожности у детей младшего школьного возраста. Не вся тревожность плоха.

2. Использовать тревожащую ситуацию для развития субъектности ребенка, обучая его встречаться с собственными страхами и неуверенностью.

3. Преодоление тревожности возможно при правильно организованной поддержке и доверия ребенка к миру. Хорошо срабатываемыми способами преодоления тревожности являются: сочинение волшебной сказки и инсценирование собственных историй. Необходимым способом закрепления навыка преодоления является построение «мостов» между выдуманной реальностью и действительностью. Здесь необходимо сопровождение психолога.

Список литературы

1. *Азлецкая Е.Н.* Личностные и средовые детерминанты формирования субъектности личности: дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар., 2001. 194 с.
2. *Иовлева Т.Е., Рудомазина В.М.* Проявление тревожности младших школьников в сюжетах сочиненных сказок. Возможности и ограничения приема сочинительства // Наука и школа. 2013. № 4. С. 139–143.
3. *Иовлева Т.Е., Рудомазина В.М.* Сочинение сказки как диагностический прием исследования уровня тревожности младших школьников // Научное обозрение. Гуманитарные науки. 2012. № 6. С. 118–123.
4. *Зарецкий Ю. В., Зарецкий В. К., Кулагина И. Ю.* Методика исследования субъектной позиции учащихся // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 98–109.
5. *Лапкова О.С.* Психолого-педагогическое развитие субъектности младших школьников и подростков: дисс. ... канд. психол. наук. Воронеж., 2007. 216 с.
6. *Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5-19.
7. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с. (Серия «Библиотека педагога-практика»).
8. *Пыжьянова М.А.* Психолого-педагогические условия развития субъектности в младшем школьном возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. Новгород., 2006. 160 с.
9. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основные ступени развития субъектности человека // *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. М.: Школьная Пресса, 2000. С. 212 – 385.

10. Якиманская И.С. Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 64-76.

Влияние семьи на формирование речевого поведения ребенка

Перменова Д.С.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

daria220190@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждается проблема влияния семейной микросреды на речевое поведение ребенка и его дальнейшее формирование. Проанализирована взаимосвязь речевого поведения и социального развития личности. Описаны характеристики речевого поведения, как индикатора социально-культурного развития индивидуума и особенностей семейного воспитания.

Ключевые слова: речевое поведение, семья, речь, общение.

Семья - это один из главных социальных институтов и одновременно сложная и многофункциональная система отношений. Одной из важных функций семьи является развитие и воспитание детей и их дальнейшая социализация. Именно в семье заключается множество условий и факторов, которые оказывают длительное влияние на формирование и развитие у ребенка определенных качеств, знаний, умений и навыков, которые он, в свою очередь, будет использовать всю свою дальнейшую жизнь.

Н.Л. Москвичева говорит, что семья - это не только многофункциональная система, в которой создаются условия (благоприятные или неблагоприятные) для формирования и дальнейшей реализации потенциала ребенка, но первая социальная среда, окружающая ребенка длительное время и закладывающая основы для формирования его личности, характера, поведения, социализации. Здесь ребенок

получает первый опыт социального взаимодействия, на примере членов семьи усваивает опыт межличностного общения и поведения [Н.Л. Москвичева, электронный ресурс].

Одним из важнейших факторов социализации ребенка является его овладение речью и использование ее в межличностном общении. Именно речевое общение и речевое взаимодействие играет ключевую роль в становлении ребенка как социальной личности и социального индивидуума. Речевое поведение - неотъемлемая часть речевого взаимодействия. Как и поведение в целом, речевое поведение также подвержено существенному влиянию факторов семейной микросреды, где ребенок усваивает систему ценностей и норм, особенности социального окружения и социального общения.

К.А. Вагнер считает, что речевое поведение - одна из составляющих общения (коммуникации) и формируется в процессе овладения речью и осуществляется в неразрывной связи с социумом, в первую очередь с ближайшим социальным окружением, т.е. семьей (Вагнер К.А., 2013, с. 240-241).

Речевое поведение, как таковое, - феномен сложный и многогранный, трактуемый по-разному различными исследователями. Например, И.А. Зимняя трактует речевое поведение как особую и неотъемлемую часть поведения в целом, в котором проявляется вся совокупность речевых действий и актов индивидуума (Зимняя И.А., 2001, с. 56). А.Е. Супрун подразумевает под речевым поведением весь комплекс отношений, включенных в коммуникативную деятельность, а также ситуацию, в контексте которой происходит речевой акт (Супрун А.Е., 1996, с. 125).

Таким образом, речевое поведение играет существенную роль в становлении личности ребенка, его социализации, а также является индикатором семейной микросреды, взаимоотношений и семейного воспитания (традиций, норм и т.д.). Ведь в семейном общении дети воспринимают не только слова, фразы и темы общения между взрослыми и ребенком и другими взрослыми, но и сам стиль общения, те чувства и эмоции, которые сопровождают речь. Конечно, с возрастом ребенок начинает усваивать и перенимать новые стереотипы поведения в новом социальном окружении, но основы, заложенные на первых этапах развития поведения и личности в целом, продолжают играть важную роль на протяжении всей жизни. Так, проблемы в межличностном общении в семье могут отразиться на развитии ребенка, трудности в эмоциональном и

речевом взаимодействии (например, его нехватка или искажение) может привести к задержке психического развития ребенка или трудностям в социальной адаптации и межличностном общении со сверстниками.

Проведя теоретический анализ литературы по проблеме, нами были выделены следующие компоненты речевого поведения, которые могут служить для более комплексного его наблюдения и описания:

- вербальный - совокупность высказываний, мнений, суждений, а также словарный запас, обороты речи, устойчивые фразы индивидуума, которые, могут наблюдаться объективно;
- эмоциональный - совокупность чувств и эмоций, сопровождающих речевой акт и речевое поведение в контексте определенной речевой ситуации;
- этический (нравственный) - совокупность морально-нравственных норм, правил, запретов в социуме, которые знает и понимает индивидуум, а также культура общения;
- мотивационный - совокупность факторов (внутренних и/или внешних), побуждающих индивидуума выбирать тот или иной способ речевого и межличностного взаимодействия;
- смысловой (когнитивный) - понимание индивидуумом конкретной коммуникативной ситуации, контекста, коммуникативных партнеров, а также способность прогнозировать развитие коммуникативной ситуации и планирование своих дальнейших действий в контексте этой ситуации.

Мы полагаем, что выделение данных компонентов речевого поведения позволит более полно описать феномен речевого поведения ребенка, выявить особенности семейной микросреды и семейного воспитания и исследовать влияние семейных факторов на речевое поведение и, как следствие, на личность ребенка в целом.

Планируется проведение исследования феномена речевого поведения, в качестве объекта исследования выбраны дети младшего школьного возраста с задержкой психического развития (церебрально-органического генеза). Данная категория испытуемых была выбрана с целью выделить и описать особенности речевого поведения при задержке психического развития, поскольку такие дети наименее адаптированы в

социуме и испытывают значительные трудности в межличностном общении, а в семья с детьми с задержкой психического развития требует особых условий воспитания и общения, способствующих их развитию и формированию важных умений и навыков, необходимых для дальнейшей социализации.

Список литературы

1. Вагнер К.А. Агрессивное речевое поведение детей младшего школьного возраста // Вестник ИГЛУ. 2013. С. 239-244.
2. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001.
3. Москвичева Н.Л. Семья как среда формирования и развития ребенка [Электронный ресурс] Федеральный проект «Крепкая семья», 2013, URL: <http://ks-er.ru/moskvicheva-n-l-semya-kak-sreda-formirovaniya-i-razvitiya-rebenka/>
4. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск : БГУ, 1996.
5. Чеботникова Т.А. Речевое поведение как один из способов актуализации личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №28 (243). С.138-143.

Роль семьи в возникновении коммуникативных трудностей ребенка

Самохвалова А.Г.

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова,

Кострома, Россия

samohvalova@kmtn.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль семьи в возникновении коммуникативных трудностей ребенка. Представлены результаты исследований, подтверждающие взаимосвязь ошибок родительского воспитания и воспроизводства

ребенком неконструктивных паттернов общения родителей с возникновением у детей разнообразных коммуникативных трудностей в ситуациях межличностного общения.

Ключевые слова: коммуникативные трудности ребенка, стиль семейного воспитания, ошибки родительского воспитания, воспроизводство.

Развитие современного ребенка происходит в парадоксальных и противоречивых социальных условиях (Абраменкова В.В., 2001). Основными парадоксами Детства являются: демократизация жизни, расширение свободы ребенка, с одной стороны, и ограничение пространства детской жизнедеятельности, фактическое лишение неотъемлемого права ребенка на игру, на доверительное общение с семьей, с другой стороны (Е.О. Смирнова, Е.Е. Кравцова, А.И. Захаров); повышение уровня жизни ребенка и снижение качества его жизни (субъективного психо-эмоционального и духовного благополучия ребенка) (Л.Ф. Обухова, А.Я. Варга). Эти и другие новейшие парадоксы Детства имеют существенный психологический компонент, ориентируя исследователя на изучение субъективных трансформаций и переживаний современного ребенка в ситуациях общения с самыми близкими людьми – родителями, которые в большей степени обуславливают характер социализации и развитие субъектности ребенка на ранних этапах онтогенеза.

В рамках статьи мы остановимся на описании роли семьи в возникновении коммуникативных трудностей ребенка. Главной функцией семьи является оказание социальной поддержки, которая является «социальным капиталом», обеспечивающим эффективность адаптационных процессов членов семьи (Сапоровская М.В., 2013), а следовательно, и эффективность коммуникативного поведения ребенка в ситуациях межличностного взаимодействия. Мы полагаем, что неблагоприятные условия и ошибки воспитания, отсутствие адекватной социальной поддержки со стороны родителей, неконструктивные паттерны общения взрослых имеют высокую степень риска в возникновении у ребенка многообразных коммуникативных трудностей. Высокая степень риска обусловлена не только огромной значимостью для ребенка

взаимоотношений с родителями, но и постоянным, хроническим характером их влияния, поскольку применительно к разным типам вредностей установлено, что факторы хронического действия обычно приводят к более тяжелым последствиям по сравнению с факторами хотя и сильного, но однократного действия (например, острыми психологическими травмами) (Крюкова Т.Л., 2010).

Негативное воздействие стиля семейного воспитания на развитие личности ребенка было установлено в исследованиях Э.Г. Эйдемиллера, который выявил деструктивное влияние властности матери и попустительства отца на самооценку детей; возникновение у них застенчивости, устойчивых страхов, повышенной тревожности и излишней покорности в межличностном общении (Эйдемиллер Э.Г., 1999); И.М. Никольской, которая описала негативный эффект демонстративного стиля общения родителей в развитии самостоятельности и ответственности детей (Никольская И.М., 2010); А.С. Спиваковской, подчеркивающей разрушительные функции сверхзаботы и сверхконтроля со стороны взрослых, которые приводят к лживости, жестокости, доминантности, демонстративности ребенка (Спиваковская А.С. 1999).

В нашем исследовании проверялась гипотеза о том, что ошибки родительского воспитания и воспроизводство ребенком неконструктивных паттернов общения родителей обуславливают возникновение у детей разнообразных коммуникативных трудностей в ситуациях межличностного общения со взрослыми и сверстниками.

В *классификации коммуникативных трудностей* мы выделяем четыре группы. К *базовым* относятся трудности, связанные с личностными качествами ребенка, обуславливающими процесс общения – трудности эмпатии, вступления в контакт, трудности, связанные с детским эгоцентризмом, с отсутствием положительной установки на другого человека, с неадекватной самооценкой ребенка, с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению. К *содержательным коммуникативным трудностям* ребенка относятся трудности, связанные с недостатком коммуникативных знаний, трудности прогнозирования, планирования, перестройки коммуникативной программы. *Инструментальные коммуникативные трудности* проявляются в неумении ребенка эффективно реализовывать на практике намеченные

программы коммуникативных действий. Это вербальные, невербальные, просодические, экстралингвистические трудности, трудности построения диалога. К *рефлексивным* относятся трудности самоанализа, самонаблюдения, самоизменения (Самохвалова А.Г., 2014).

В первой серии исследования была выявлена взаимосвязь неконструктивных стилей родительского воспитания с возникновением коммуникативных трудностей младших подростков. Выборка исследования включала в себя 40 младших подростков в возрасте 11-12 лет (20 девочек и 20 мальчиков), учащихся общеобразовательной школы, все подростки воспитываются в полных, кровных семьях, являются единственным ребенком; их матерей (n=40) и отцов (n=40).

Для определения стратегий и ошибок воспитания родителей использовался опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса; для выявления характера затрудненного общения подростков – проективный метод интерпретации фотографии «Подросток, которому трудно общаться» (Самохвалова А.Г., 2014). Взаимосвязь переменных устанавливалась с помощью корреляционного анализа Спирмена.

Результаты исследования позволяют утверждать, что различные неконструктивные воспитательные стратегии матерей и отцов связаны с возникновением базовых, содержательных, инструментальных и рефлексивных коммуникативных трудностей подростков.

Гиперпротекция матерей связана с возникновением *содержательных* ($r = 0,27$; $p = 0,03$) и *инструментальных* ($r = 0,31$; $p = 0,01$) трудностей подростков, т.е. чем сильнее мать опекает ребенка, предостерегает от всех жизненных проблем, тем более подросток испытывает трудности в самостоятельном планировании коммуникативных действий, поиске вариативных способов разрешения трудной ситуации общения, использовании адекватных ситуации средств влияния.

Потворствование матери приводит к избалованности ребенка, доминированию индивидуалистических тенденций, что связано с возникновением *базовых*

коммуникативных трудностей ($r = 0,25$; $p = 0,03$), прежде всего с эгоизмом, эготизмом, завистью, недоброжелательностью, проявляющимися в общении подростка.

Чрезмерность санкций, излишняя строгость матери, склонность к запретам, регламентациям, наказаниям связаны с возникновением *рефлексивных трудностей* ($r = 0,38$; $p = 0,003$), подросток плохо себя понимает, самостоятельно не может анализировать коммуникативные действия и давать им адекватную оценку, не способен без воздействия матери изменять паттерны неконструктивного поведения в ситуации общения. *Рефлексивные трудности* связаны с *воспитательной неуверенностью* матери ($r = 0,30$; $p = 0,02$), т.е. непоследовательность, спонтанность, противоречивость ее действий в отношении к ребенку создают когнитивный диссонанс у подростка, затрудняя процессы самоанализа и самоизменения.

Такие стратегии как *фобия утраты ребенка* ($r = 0,33$; $p = 0,01$) и *предпочтение в нем детских качеств* ($r = 0,29$; $p = 0,02$) связаны с актуализацией *инструментальных коммуникативных трудностей*, в первую очередь с инфантильностью, вербальными трудностями подростка, неумением строить конструктивный диалог, отстаивать свою позицию. Кроме того, *предпочтение матерью детских качеств* в подростке связано с возникновением *содержательных трудностей* ($r = 0,37$; $p = 0,003$), затрудняет целеполагание и планирование коммуникативных действий, перестройку программы общения в соответствии с требованиями социальной ситуации.

Если матери, в основном, пытаются чрезмерно опекают ребенка, все решать за него, авторитарно регламентировать его социальные проявления, то *ошибки воспитательных воздействий отцов* связаны, в большей степени, с безразличием, с попустительским отношением к ребенку, с нежеланием выстраивать с ним партнерские отношения, эмоциональной холодностью и неразвитостью отцовских чувств. Данные стратегии воспитания связаны с возникновением у подростка вариативных коммуникативных трудностей.

Так, *недостаточность требований* со стороны отцов связана с возникновением *содержательных* ($r = 0,38$; $p = 0,003$) и *инструментальных* ($r = 0,32$; $p = 0,01$) *трудностей* в общении. Отсутствие социальных рамок, морально-нравственных ограничений, заинтересованности отца жизнью подростка приводят к социальной

нечувствительности, неспособности гибко перестраивать коммуникативные программы в соответствии с изменяющимися условиями ситуации общения, хаотичности и неадекватности коммуникативных действий.

Неразвитость отцовских чувств связана с *рефлексивными трудностями* подростка ($r = 0,35$; $p = 0,007$), причем в высказываниях детей отмечалось, что «подросток переживает, как посмотрит на это папа», «не хочет думать о себе, т.к. всем на него наплевать», т.е. неспособность отца дать оценку действиям ребенка, принять участие в решении его проблем затрудняет самоанализ и мотивацию самосовершенствования подростка в коммуникативной сфере.

Предпочтение в ребенке мужских качеств является типичной ошибкой отцов при воспитании дочерей, стремление развить в них жесткость, директивность, напористость, «борцовские качества» связано с возникновением *базовых* ($r = 0,32$; $p = 0,01$) и *инструментальных* ($r = 0,28$; $p = 0,02$), коммуникативных трудностей, в первую очередь с развитием агрессивности, доминантности, упрямости, эгоизма (особенно когда дочь является «папиной любимицей»), что, несомненно, проявляется на поведенческом уровне в прямолинейности, ригидности, безапелляционности, трудностях слушания, взаимопонимания и сотрудничества.

Гипопротекция отцов, их лояльность, невмешательство в жизнь ребенка, предоставляет подростку свободу самостоятельного выбора паттернов общения, ребенок не ждет от родителей исправления ошибок, регламентации коммуникативных действий, а сам учится на своих ошибках, стремясь эффективно решать трудные задачи общения, что снижает риск возникновения инструментальных трудностей ($r = - 0,26$; $p = 0,04$).

Таким образом, была установлена *взаимосвязь ошибок материнского* (гиперпротекция, потворствование, чрезмерность санкций, воспитательная неуверенность, фобия утраты ребенка) и *отцовского воспитания* (недостаточность требований, неразвитость родительских чувств, предпочтение в ребенке мужских качеств) с возникновением коммуникативных трудностей у подростков (базовых, содержательных, инструментальных и рефлексивных) в процессе решения задач общения.

Во второй серии исследования проверялась гипотеза о том, что стратегии поведения ребенка в ситуациях затрудненного общения и его коммуникативные трудности являются результатом воспроизводства паттернов общения родителей. Как было доказано в исследовании М.В. Сапоровской, воспроизводство родительского опыта может быть «прямым» и «обратным». *«Прямое» воспроизводство* основано на неосознанном воспроизведении детьми отражаемых паттернов поведения родителей в собственных коммуникациях. *«Обратное» воспроизводство* предполагает обесценивание, отвержение, отказ потомков от опыта предков (Сапоровская М.В., 2013).

Выборка включала 60 младших подростков в возрасте 12-13 лет, из них 30 девочек и 30 мальчиков, учащихся лицея, воспитывающихся в полных кровных семьях.

В качестве инструментария исследования использовался проективный метод незаконченных предложений (Самохвалова А.Г., 2014), направленный на сравнение особенностей общения подростков с характеристиками общения их родителей; на выявление воспроизводства мальчиками-подростками паттернов общения отцов (табл. 1), девочками-подростками – паттернов общения матерей (табл. 2).

Таблица 1

Примеры и частотные показатели воспроизводства мальчиками паттернов коммуникативного поведения отцов

Параметры анализа	Прямое воспроизводство	Обратное воспроизводство
1. «Мой папа в общении...»	«Такой же, как я», «как и я спокойный (справедливый, веселый, вспыльчивый и др.)», «очень похож на меня», «не спорит с мамой, как и я», «мы с ним близнецы-братья».	«Совсем не похож на меня», «полная моя противоположность», «какой-то не такой», «непонятно вообще какой»
	37% по отношению к общему числу ответов	23,3 % по отношению к общему числу ответов

2. «Если сравнивать мое общение и общение моего папы, то.....»	«Мы очень похожи», «сразу видно, что мы родные», «заметно, что мы оба добрые (замкнутые, грубые, можем накричать и др.)»	«Оно совсем разное», «мы отличаемся друг от друга», «понятно, что я похож не на него, а на маму», «я совсем другой (по-другому общаюсь, разговариваю с людьми и др.)»
	63,3% по отношению к общему числу ответов	36,4% по отношению к общему числу ответов
3. «Мне бывает трудно общаться с папой, потому что...»	«Мы оба упрямые», «мы не интересуемся проблемами друг друга», «он не слышит меня, а я его», «если у нас плохое настроение»	«Потому что я хочу поговорить, а он избегает меня», «мы очень разные», «мы не понимаем друг друга», «он зануда», «он отстал от жизни»
	26,7% по отношению к общему числу ответов	20% по отношению к общему числу ответов
4. «Когда я стану отцом, то со своими детьми я буду общаться...»	«Так же, как мой отец общается со мной», «часто (хорошо, правильно, строго и др.), как мой папа», «так же свысока»	«Чаще, чем мой отец», «не так, как мой папа общается со мной», «лучше, стараться понять детей», «как моя мама»
	20% по отношению к общему числу ответов	40% по отношению к общему числу ответов

Выяснилось, что у мальчиков-подростков реализуется как прямое, так и обратное воспроизводство паттернов коммуникативного поведения отцов, однако преобладает прямое – они подчеркивают наличие общих коммуникативных качеств, трудностей общения (резкость, властность, эгоизм, трудности понимания, неумение сочувствовать, неумение признавать ошибки и др.); признают, что их сходство в коммуникациях замечают и другие люди.

В целом это свидетельствует об удовлетворительном характере общения подростков с отцами, однако, проецируя свое «коммуникативное Я» в будущее, большее число подростков не хотели бы воспроизводить модели общения своих отцов при взаимодействии со своими детьми (40% опрошенных), что говорит о бессознательном отвержении паттернов «отцовского» общения, не смотря на общность некоторых коммуникативных качеств.

Интересно, что девочки-подростки (Табл. 2) чаще отказываются от опыта общения своих матерей, не признают сходство паттернов коммуникативного поведения, однако подмечают *сходство коммуникативных трудностей* (невнимательность, вербальная агрессия («острая на язык»), завистливость, неумение слушать, импульсивность, непоследовательность, неумение убеждать, признавать свои ошибки). Трудности общения объясняют в большей степени существующими различиями в коммуникативной сфере, не хотят актуализировать паттерны общения матерей в своих будущих семьях – т.е. наиболее выраженным является *обратное воспроизводство*. Это, на наш взгляд, обусловлено, с одной стороны, недовольством девочек характером общения с матерями на данном возрастном этапе, фрустрацией их коммуникативных потребностей в процессе взаимодействия с ними; с другой стороны, более интенсивным, по сравнению с мальчиками, темпом взросления девочек-подростков, развития субъектных свойств, рефлексивности; их стремлением к самовыражению в процессе общения.

Таблица 2

Примеры и частотные показатели воспроизводства девочками паттернов коммуникативного поведения матерей

Параметры анализа	Прямое воспроизводство	Обратное воспроизводство
1. «Моя мама в общении...»	«Мне очень нравится, я стараюсь быть похожа на нее», «как и я хитрая (добрая, обаятельная,	«Другая, чем я», «отличается от всех членов нашей семьи», «не похожа на меня», «особенная»

	вредная, всех поучает и др.)», «похожа на меня»	
	40% по отношению к общему числу ответов	43,3 % по отношению к общему числу ответов
2. «Если сравнивать мое общение и общение моей мамы, то.....»	«Оно очень похоже», «видно, что мы обе общительные (болтушки, любим посплетничать, немного вредные, часто уступаем)», «мы одинаково улыбаемся (качаем головой, шутим)»	«Я общаюсь с друзьями не так, как мама со мной», «оно не похоже на мамино», «я даже не хочу сравнивать, мы обе – личности!»
	26,7% по отношению к общему числу ответов	73,3% по отношению к общему числу ответов
3. «Мне бывает трудно общаться с мамой...»	«Потому что мы обе раздражительные (любим поспорить, не уступаем друг другу)», «потому, что ее не интересует моя жизнь, а меня – ее жизнь», «ей не нравится, как я разговариваю, но мне ведь тоже не нравится, как она разговаривает!»	«Ведь мы такие разные», «она не понимает, чего я от нее хочу», «она кричит, а я замыкаюсь», «она обижается, а мне смешно», «она не любит много говорить, а я люблю поболтать»
	26,7% по отношению к общему числу ответов	46,7% по отношению к общему числу ответов
4. «Когда я стану мамой, то со своими детьми я буду общаться...»	«Так же, как моя мама со мной», «так же ласково, (хорошо, много, строго), как моя мама», «по-маминому»	«Побольше, чем моя мама», «буду для детей другом, а не надсмотрщицей», «по-другому, буду понимать, что у них есть свое мнение»
	33,3% по отношению к общему числу ответов	43,3% по отношению к общему числу ответов

Обобщая результаты двух серий исследования, можно сделать следующие *выводы*:

1. Неконструктивный стиль семейного воспитания повышает риск возникновения коммуникативных трудностей у ребенка. Высокая степень риска обусловлена не только огромной значимостью для ребенка взаимоотношений с родителями и другими членами семьи, но и хроническим характером их влияния.

2. Коммуникативные трудности при решении сложных для ребенка задач общения могут возникать, во-первых, как результат воспроизводства демонстрируемых родителями образцов затрудненного общения (застенчивость, грубость, доминантность, нелогичность высказываний, трудности слушания и влияния и др.); во-вторых, как следствие негативного воздействия на ребенка со стороны родителей – ошибки воспитательных воздействий, недостаточное удовлетворение потребностей, гиперконтроль, безнадзорность, авторитарность.

3. У мальчиков-подростков более выражено прямое воспроизводство паттернов коммуникативного поведения отцов, сходство коммуникативных трудностей (резкость, властность, эгоизм, трудности понимания, неумение сочувствовать, неумение признавать ошибки и др.); у девочек-подростков, не смотря на сходство некоторых коммуникативных трудностей с особенностями общения их матерей (невнимательность, вербальная агрессия, завистливость, неумение слушать, импульсивность, непоследовательность, неумение убеждать, признавать свои ошибки), преобладает обратное воспроизводство паттернов коммуникативного поведения матерей.

4. Главной ошибкой воспитания, как отмечал К. Роджерс, является недостаток безусловного внимания родителей к ребенку. Только безусловное принятие ребенка, независимо от совершаемых им поступков, дает полноценное развитие его личности; только диалогический стиль семейного общения развивает у ребенка позитивную Я-концепцию, готовность к конструктивному общению (Роджерс К., 2002).

Ошибки материнского воспитания (гиперпротекция, потворствование, чрезмерность/минимальность санкций, воспитательная неуверенность, фобия утраты ребенка, потворствование) и отцовского воспитания (недостаточность требований,

неразвитость родительских чувств, предпочтение в ребенке мужских качеств) нарушают гармонию детско-родительских отношений, являются фактором затрудненного общения ребенка, вызывая у него различные коммуникативные трудности в процессе решения задач общения.

Список литературы

1. Абраменкова, В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре / В.В. Абраменкова. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2001. – 416 с.
2. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни / Т.Л. Крюкова. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 296 с.
3. Никольская, И.М. Психологическая защита у детей / И.М. Никольская, Р.М. Грановская. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.
4. Роджерс, К. Искусство консультирования и терапии / К. Роджерс. – М.: Апрель-Пресс; Изд-во Эксмо, 2002. – 976 с.
5. Самохвалова, А. Г. Коммуникативные трудности ребенка: феноменология, факторы возникновения, динамика / А.Г. Самохвалова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – 358 с.
6. Сапоровская, М.В. Психология межпоколенных отношений в семье: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / М.В. Сапоровская. – Кострома, 2013. – 442 с.
7. Спиваковская, А. С. Психотерапия: игра, детство, семья: в 2 т. / А.С. Спиваковская. – М.: Эксмо-пресс, 1999. – Т. 1. – 304 с.
8. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис. – СПб.: Питер, 1999. – 656 с.

Переживание учебной деятельности и семейные отношения подростков

Фахрутдинова Л. Р.

Казанский (Поволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

liliarf@mail.ru

Ключевые слова: переживание, учебная деятельность, семейные отношения, подростки.

В свете современных вызовов политической ситуации России приобретает все большее значение проблема воспитания молодежи. Перед психологическим сообществом стоит ответственная задача исследования среды формирования подрастающего поколения, и, конечно, в качестве одной из ключевых проблемных зон является изучение взаимоотношений семейных отношений подростков и характеристик социальной ситуации развития в школе.

Л.С. Выготский отмечал, что одной из двух сторон любой ситуации развития является внутренняя сторона, представленная переживанием данной ситуации. Нами исследовались переживание подростком учебной деятельности и факторы семейной жизни, оказывающие влияние на данное переживание (Выготский Л.С., 2000).

То, что семейные отношения оказывают влияние на учебный процесс подростка, подсказывает здравый смысл. Проблема исследования заключалась в выявлении особенностей и закономерностей этого влияния на внутренний план учебной деятельности подростков. Нашей целью было выявление закономерностей влияния параметров семейных отношений на пространственно-временные и информационно-энергетические характеристики переживания учебной деятельности подростков в течение учебной недели.

Объектом исследования является изучение взаимоотношений параметров семейной системы и переживания подростком учебной деятельности.

Предмет исследования: влияние феноменов семейных отношений на пространственно-временные и информационно-энергетические характеристики переживания учебной деятельности подростков.

Методы исследования: для изучения влияния феноменов семейных отношений был применен опросник для родителей «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ). Данная методика позволяет определять различные нарушения воспитания, выявить тип негармоничного патологизирующего воспитания и установить некоторые психологические причины этих нарушений (Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М., 2003).

Данный опросник включает:

I. *Шкалы, предназначенные для диагностики нарушений воспитания и для выявления типов негармоничного (патологизирующего) семейного воспитания:*

- шкалы по изучению протекции в процессе воспитания: «Гиперпротекция» и «Гипопротекция»),

- шкалы по изучению степени удовлетворения потребностей ребенка: «Потворствование» и «Игнорирование потребностей ребенка»,

- шкалы по изучению количества требований, предъявляемых к ребенку в семье: «Чрезмерность требований – обязанностей», «Недостаточность требований – обязанностей», «Чрезмерность требований – запретов», «Недостаточность требований – запретов», «Чрезмерность (строгость) санкций (наказаний)», «Минимальность санкций (наказаний) за нарушение требований ребенком»,

- шкала по изучению неустойчивости стиля воспитания: «Неустойчивость стиля воспитания» (Н) (Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М., 2003).

II. *Шкалы по изучению психологических (личностных) проблем родителей, решаемых за счет ребенка:*

шкалы «Расширение родительских чувств» (РРЧ), «Предпочтение в подростке детских качеств» (ПДК), «Воспитательная неуверенность родителя» (ВН), «Фобия утраты ребенка» (ФУ), «Неразвитость родительских чувств» (НРЧ), «Проекция на ребенка (подростка) собственных нежелательных качеств» (ПНК), «Вынесение конфликта

между супругами в сфере воспитания» (ВК), «Сдвиг в установках родителя по отношению к ребенку в сторону предпочтения женских качеств» (ПЖК), «Сдвиг в установках родителя по отношению к ребенку в сторону предпочтения мужских качеств» (ПМК) (Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М., 2003).

Для изучения характеристик переживания применялся опросник «Градусник переживания», который включает характеристики: энергетические, пространственные, временные и информационные. Он сделан по принципу теста «САН» (Рогов Е.И., 1995). Каждый градусник имеет градуировку от 1 до 5 и соответствует одной из четырех вышеупомянутых характеристик. Данный тест имеет преимущество в оперативных возможностях применения, например для диагностики динамики переживания. Рассмотрим описание шкал «Энергетическая характеристика», «Пространственная характеристика», «Временная характеристика» и «Информационная характеристика» (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Шкала «Энергетическая характеристика» отражает интенсивность, силу, яркость, мощь переживания субъекта. *Высокие показатели* по данной шкале показывают, что субъект испытывает очень интенсивные, энергетически заряженные переживания, которые придают человеку очень сильное вдохновение, энергию, силы, подъем, потрясают сами основы его бытия, или переживания высокой интенсивности, которые полностью поглощают все силы субъекта, его переживания фактически изымают всю энергию из его остальной психической жизни. *Низкие показатели* отражают вялотекущие переживания очень малой интенсивности, самые низкие показатели отражают, что фактически у субъекта происходящее никаких переживаний не вызывает (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Шкала «Пространственная характеристика» показывает объем, широту и глубину охвата переживаниями внутренней жизни человека. *Высокие значения* по данной шкале означают, что данное переживание фактически полностью захватило субъекта, высокий уровень «захваченности» данным переживанием. Если сравнить с пожаром в помещении: огонь пожара охватил практически все помещение. *Низкие значения* по данной шкале означает, что субъект отводит данному переживанию

небольшое место в своей внутренней жизни. В его внутренней жизни гораздо больше других для него более важных внутренних событий (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Шкала «Временная характеристика» означает, как влияет на течение внутреннего времени данное переживание. *Высокие значения* показывают, что данное переживание вызывает субъективное ощущение убыстрения времени, насыщения его событиями. Время течет быстро и незаметно. Очень высокий уровень временной характеристики связан с ощущением, что субъект просто не успевает за временем, не может контролировать слишком быстро происходящие события. Временная последовательность для него нарушается, он теряется в этом хороводе событий. *Низкие значения* означают, что переживаемые события вызывают ощущение замедления времени, его тягучести и мучительно медленного протекания. Но в то же время этот показатель может означать выпадение из временного потока, отстраненность от происходящего, созерцательность (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Шкала «Информационная характеристика» показывает значимость данного переживания для субъекта, степень личностной вовлеченности в происходящее, насколько его данное переживание меняет, дает знание. *Высокие показатели* отражают очень высокую значимость переживания для субъекта, его высокую информационную насыщенность. Испытуемый ощущает, как данное переживание его изменяет. *Низкие показатели* означают, что данное переживание мало, что субъекту дает в плане опыта, знания, информации. Оно для субъекта малозначимо (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Испытуемые. Исследования взаимоотношений феноменов семейных отношений и переживания учебной деятельности проводились на учащихся 6 классов 11-12 лет школ города Казани количеством 34 мужского и женского пола.

Процедура изучения переживания у школьников заключается в применении теста «Градусник переживаний» (ГП), включающего шкалы «Энергетический», «Пространственный», «Временной», «Информационный». Переживания учащихся замерялись в начале, середине и конце урока. Аналогичные процедуры проводились на первом, третьем и пятом уроках в понедельник, среду и пятницу в течение одной учебной недели. Таким образом, изучалась динамика переживаний в течение учебного урока (начало, середина, конец), учебного дня (начало, середина, конец) и учебной

недели (начало, середина, конец). Инструкция включала просьбу описать переживание происходящего на уроке в данный момент времени. Предварительно проводилось пробное исследование, где подростков обучали пользоваться опросником во время урока. Отдельно изучались семейные отношения учащихся с применением опросника для родителей с помощью теста «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ). Итого, для каждого ребенка было собрано 56 показателей, которые подверглись корреляционному анализу посредством статистического пакета Statistic 6,0 и множественному регрессионному анализу посредством статистического пакета SPSS 13,0 (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Результаты исследования достоверно показали что, параметры семейных отношений оказывают влияние на энергетические, пространственные, временные и информационные составляющие переживания учебной деятельности у подростков. Данное влияние зависит от временных координат в течение учебного урока, учебного дня и учебной недели. К концу учебной недели влияние патологизирующих факторов семейной системы на учебную деятельность подростков возрастает. Наиболее интенсивному влиянию подвержены показатели энергетической, пространственной и временной составляющих переживания в начале и середине урока в начале и середине учебного дня, но к концу недели влияние со стороны параметров семейных отношений распределяется равномерно в течение урока. Эти влияния обусловлены в основном количеством требований, предъявляемых ребенку в виде обязанностей и запретов. Сильное влияние оказывают параметры, связанные с удовлетворением потребностей ребенка. На переживание учебного процесса в начале учебного дня может оказывать влияние нестабильность, противоречивость, контрастность методов семейного воспитания в сторону увеличения включенности подростка в учебный процесс (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Было выявлено и обратное влияние подростка, как части семейной системы, через собственные переживания во время учебного урока на семейные отношения. Данное воздействие к концу учебного дня снижается, подросток меньше может влиять, сопротивляться патологическому воздействию семейной системы. Регуляция переживаний подростками или у подростков в учебной деятельности может повлечь за

собой определенные изменения в семейной системе. Так, переживание подростка в начале первого урока в конце учебной недели может привести к изменению в гендерных предпочтениях и установках в семейной системе. Включенность подростка в начале первого урока в учебный процесс приводит изменениям в воспитательной неуверенности родителей, при которой происходит перераспределение власти между родителями и ребенком в пользу последнего. Полученные результаты представляют интерес с позиции теории хаоса, поскольку наглядно показывают, как незначительные изменения в одной из частей системы может привести к изменениям всей макросистемы (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Эксперимент обнаружил сильное воздействие со стороны патологизирующих факторов семейного воспитания на включенность подростка в учебный процесс. Данное воздействие может оказывать как благоприятное, так и неблагоприятное воздействие на учебную деятельность ребенка. Так, чем больше родители игнорируют потребности ребенка, тем лучше ребенок обучается в конце учебной недели. Чем меньше запретов в семье, тем меньше подросток включен в учебный процесс. Страх или нежелание взросления детей родителями, а также фобия утраты ребенка, нестабильность, неустойчивость, противоречивость и контрастность воспитания приводят к увеличению включенности подростка в учебный процесс (Фахрутдинова Л.Р., 2012).

Список литературы

1. Выготский Л. С. Психология. М., Педагогика, 1982. Выготский Л.С. Психология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
2. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. СПб: Речь, 2003. 336 с.
3. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании: Учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 1995. 529 с.
4. Фахрутдинова Л.Р. Дисс на соиск уч.степ. докт.психол.наук «Структурно-динамическая организация переживания субъекта». Казань, 2012. – 535 с.

Экономическая социализация в современной семье

Фоломеева Т.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

tfolomeeva@gmail.com

Аннотация. В статье представлено исследование экономической социализации, показавшее, что экономические установки детей, проживающих только с родителями (два поколения вместе) отличаются от установок детей, живущих с родителями и более старшими родственниками (три - четыре поколения вместе). В исследовании использовались качественные методы – фокус-группы и нарративные интервью. Описаны стадии потребительской социализации, институты, в которых проходит потребительская социализация, а также факторы, влияющие на нее.

Ключевые слова: экономическое поведение, потребительская социализация, экономическая социализация, факторы потребительской социализации, экономические установки, домохозяйство

Социальная психология экономического и, в частности, потребительского поведения является сегодня одной из наиболее востребованных прикладных областей социальной психологии. В фокусе внимания исследователей широкий круг вопросов, затрагивающий личностные особенности потребителей, мотивационные и когнитивные факторы, опосредующие потребительский выбор. Изучение потребительской социализации связано не только с возрастной психологией, но и с психологией труда, инженерной и экономической психологией. Эта область изучения потребительского поведения только начинает развиваться, и является очень важной для понимания поведения потребителей, поскольку многие привычки, особенности поведения закладываются еще в детстве. Прикладная значимость такого исследования очевидна. На сегодняшний день многие дети уже самостоятельно могут совершать покупки для всей

семьи. Дети из неполных семей выполняют больше домашних обязанностей, чем дети из полных семей, поэтому можно сказать, что дети составляют немалую часть покупательского населения. Кроме того, известно, что взрослые покупатели проявляют лояльность маркам, которые они привыкли покупать в детстве. В теоретическом плане актуальность исследования потребительской социализации определяется тем, что изучение особенностей потребительской социализации поможет понять механизмы выбора товара не только детей, но и взрослых. Кроме того, потребительское поведение как частный случай социального поведения, представляет собой доступную «площадку» для изучения общих закономерностей социального поведения (Фоломеева, 2012).

Целью нашего исследования было изучение потребительской социализации в детском и подростковом возрасте.

Потребительская социализация определялась как процесс приобретения молодыми людьми умений, знаний и отношений, затрагивающих их функционирование на рынке в качестве потребителей. Потребительская социализация происходит как передача культурных ценностей от одного поколения к другому в нуклеарной или расширенной семье (Алешина, 2006, стр. 202); представляет собой освоение норм культуры потребления: познания и принятия норм, ценностей и средств общения, характерных для потребительской культуры (Блекуэлл, Миниард, Энджел, 2007; Вяткин, 2011; Лыгина, Макарова, 2005).

Таким образом, потребительская социализация – это социализация человека в сфере потребления. Социализация личности представляет собой двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения индивида в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду (Андреева, 2004, с. 269). Этот нормативный процесс дополняется социальным творчеством, т.е. созданием человеком чего-то нового, ненормированного, продиктованного актуальной ситуацией социального развития (Белинская, Тихомандрицкая, 2001). Итак, мы будем понимать под потребительской социализацией – двусторонний процесс, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта относительно потребительского

поведения, с другой стороны, процесс активного воспроизводства норм, ценностей, установок потребительского поведения и создания собственных индивидуальных паттернов поведения.

Наше исследование состояло из двух этапов. На первом этапе был применен качественный метод - фокус-группы с целью изучения субъективного опыта потребительской социализации в детском возрасте. На этом этапе было установлено, что наибольшее влияние на формирование потребительских установок оказывают ровесники и родители. Родители информируют детей о наилучших с их точки зрения товарах и услугах, «учат» их покупать те товары, которые они сами предпочитают (например, составляют для детей список покупок), формируют мнение о товарах и услугах, которые дети еще не покупали. В тоже время дети, общаясь с ровесниками, начинают слушать и их мнение относительно товаров, и часто конкурировать за определенное социальное положение, в том числе демонстрируя свои игрушки, сладости и другие покупки. На втором этапе исследования детально изучалась роль семьи в экономической социализации детей. В качестве основного метода использовался количественный метод – опрос. Основой для разработки методического инструмента (анкет) явились стенограммы первого этапа.

Первый этап исследования – фокус группы . Предметом нашего поискового исследования выступила потребительская социализация как процесс усвоения, воспроизводства и создания уникального потребительского опыта. В качестве базовой методологии был выбран метод фокус-групп. Этот качественный метод позволяет выявить те категории, которыми оперирует индивид в своем сознании и описать феноменологию предмета исследования. На этом этапе важно было изучить все возможное содержание процессов, факторов и агентов социализации, получить максимальный спектр мнений. *Предметом* данного этапа исследования выступили стадии, этапы, институты, а также факторы потребительской социализации, а *объектом* – потребительская социализация. В исследовании были выдвинуты следующие задачи:

1. Выделить возрасты потребительской социализации
2. Описать, происходящие в каждом возрасте процессы
3. Определить агенты влияния в каждом возрасте

4. Оценить влияние удачных и неудачных покупок на социализацию

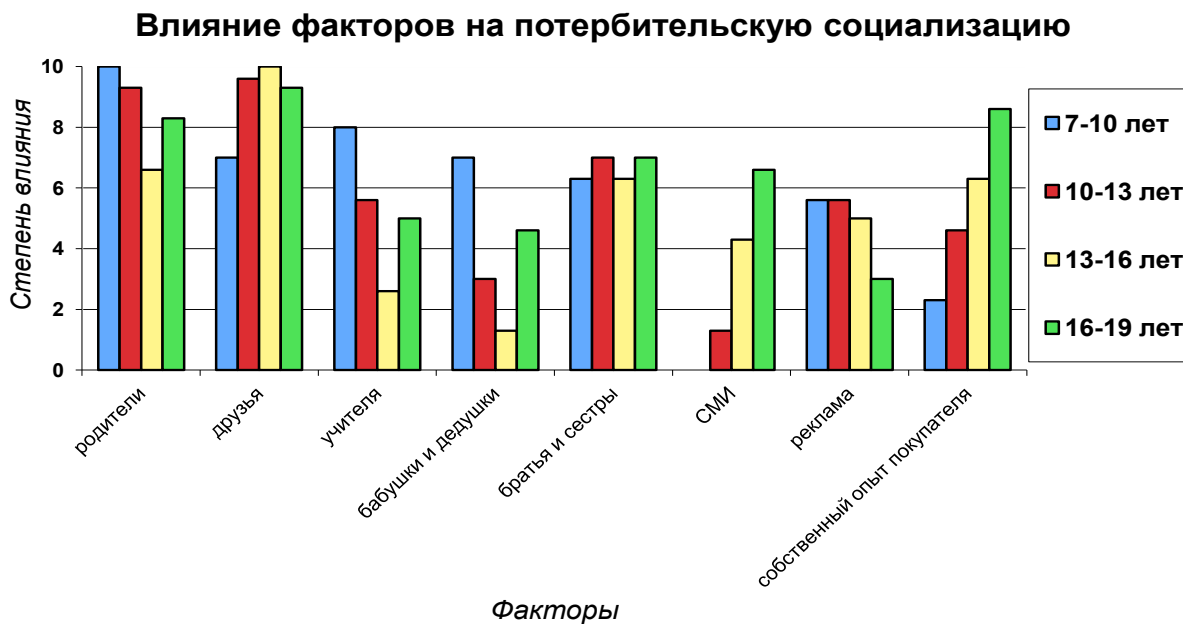
Подвергались проверке две гипотезы:

1. Потребительская социализация – часть общего процесса социализации, проходит те же стадии и институты социализации, подвержена влиянию тех же факторов.

2. В процессе потребительской социализации происходит накопление потребительского опыта и расширение потребительского репертуара.

Выборка составляла 17 человек (Фокус-группа №1 состояла из 4 женщин 20-25 лет, фокус-группа №2 состояла из 8 женщин 25-40 лет и одного мужчины 40 лет, фокус-группа №3 состояла из 5 мужчин от 19 до 21 года.). Все участники фокус-групп были студентами (дневного или вечернего отделений), среди них были как работающие, так и неработающие лица с разным уровнем доходов. Результаты нашего исследования показали, что

1). Потребительская социализация является частью общего процесса социализации. Субъективно в ней выделяются те же возрастные периоды. В данных возрастах влияют те же факторы, что и в общей социализации (методики «mapping», «коллаж», «направленная дискуссия»)

Таким образом, в возрасте 7-10 лет на покупки ребенка больше всего влияют мнения родителей, высоко значение влияния таких факторов как учителя, друзья, бабушки и дедушки – это те люди, с которыми ребенок постоянно общается. В 10-13 лет имеют значение мнения друзей и родителей. На покупки подростков в 13-16 лет влияют, в основном, друзья. В 16-19 лет люди начинают прислушиваться и анализировать информацию от многих источников, в этом возрасте значение многих факторов повышается, но доминирующими остаются мнения друзей, резко повышается значение собственного мнения.

Из Гистограммы видно, что на потребительскую социализацию влияют те же факторы, что и на профессиональную, гендерную социализацию и механизм влияния данных факторов одинаков. Это частично подтверждает гипотезу №1 о том, что потребительская социализация является частью общего процесса социализации.

2. Были выделены и описаны 4 этапа потребительской социализации, а также проанализированы процессы, происходящие на каждом из них (по данным методик «mapping», «коллаж», «направленная дискуссия», «направленные мечты»).

Младший школьный возраст (7-10 лет)

Ребенок живет, опекаемый родителями, они обеспечивают его всем необходимым, поэтому такое большое значение имеют родители для потребительского выбора ребенка, являются для него авторитетом. Ребенок тратит небольшие деньги на покупки сладостей. Некоторые дети уже в младшем школьном возрасте начинают копить деньги.

Первый период отрочества (11-13 лет)

Ребенок делает свои первые попытки самостоятельных покупок, поскольку ему еще трудно разобраться со всем ассортиментом, он прислушивается к мнению родителей и друзей. Родители в данном возрасте продолжают обеспечивать ребенка всем необходимым.

Второй период отрочества (14-16 лет)

Для подростка особо важным является мнение окружающих его сверстников. Одним из способов добиться их расположения является совершение определенных покупок, имеющих значение в данном возрасте, поэтому для подростка наиболее значимыми мнениями являются мнения друзей. Подростки на данном этапе покупают

продукты, которые имеют определенный социальный статус. Однако существует еще и реальность, т.е. ограниченность подростка в средствах. Он при совершении покупок начинает опираться и на собственное мнение. Также многие в данном возрасте пытаются начинать самостоятельно зарабатывать, чтобы не испытывать дискомфорта, прося деньги у родителей. Родители уже больше дают денег на самостоятельные покупки, а сами могут покупать подросткам предметы первой необходимости, могут совершать дорогие покупки для подростков, учитывая их мнение.

Юность (17-19)

Люди данного возраста делятся на две группы: тех, кто самостоятельно зарабатывает и тех, кто продолжает жить за счет родителей. Но вне зависимости от этого покупки совершаются самостоятельно, при этом родители могут давать деньги. В этой возрастной группе решения о покупке принимаются самостоятельно, предварительно анализируются многие источники информации: мнения родителей, друзей, братьев и сестер, СМИ.

3. Монетарные установки зависят от количества и способа получения денег. Дети относятся к деньгам родителей экономно. Это отношение, как правило, меняется после того, как появляются первые самостоятельно заработанные деньги. Девушки более склонны потратить свою первую зарплату на то, чтобы получить удовольствие, юноши более склонны к ведению накоплений (методика «направленные мечты»)

4. В процессе потребительской социализации происходит накопление потребительского опыта и расширение потребительского репертуара (методики «коллаж», «направленная дискуссия»). Однако ежедневный потребительский репертуар взрослых ограничен. Категории ежедневных трат: продукты, одежда, развлечения, мелочи, проезд, косметика, оплата мобильного, коммунальные платежи, подарки (заполнение карточек с описанием собственного опыта потребления)

5. Удачные и неудачные покупки не играют большой роли в социализации. Более актуальны эмоционально окрашенные покупки, совершенные в недавнем времени (методика «психологический рисунок»)

6. Одним из механизмов потребительской социализации является подражание, которое проявляется в монетарных установках (дети относятся к деньгам также как их

родители) (методика «направленная дискуссия»). Причем, монетарные установки детей проживающих с родителями и бабушками (дедушками) более оформлены и наполнены содержательно, нежели у детей, живущих только с родителями.

Таким образом результаты позволяют нам сделать некоторые *выводы*:

1. Первая гипотеза исследования о том, что потребительская социализация является частью общего процесса социализации, подтвердилась. Выделенные возрасты потребителей совпадают с возрастными, на которые традиционно делят отрезок развития от 7 до 19 лет. На потребительскую социализацию влияют те же факторы и институты, что и на общий процесс социализации.

2. Было выделено четыре возрастных категории потребительской социализации и описаны процессы, происходящие на каждом из этапов: младший школьный возраст, первый период отрочества, второй период отрочества и юность.

3. Вторая гипотеза исследования также подтвердилась. В процессе потребительской социализации, действительно происходит накопление потребительского опыта и расширение потребительского репертуара. Однако обнаружилось ограничение ежедневного потребительского репертуара взрослых. В процессе потребительской социализации потребительское поведение меняется в сторону более рационального.

Обнаруженные в исследовании различия в монетарных установках детей из семей разного типа позволили предположить, что тип семьи также может быть важным фактором экономической социализации детей. Именно эта идея легла в основу следующего этапа исследования, задачей которого было выделение факторов, отражающих различия типов семьи и, одновременно, связанных с дифференциацией экономического поведения детей.

В качестве объекта исследования были выбраны 7 семей, имеющих детей 12-16 лет: 4 семьи состоят из трех человек (папа, мама и ребенок), две семьи проживают и ведут совместное хозяйство с бабушками и дедушками (пять членов) и одна семья проживают и ведут совместное хозяйство с бабушкой, дедушкой и прабабушкой (шесть членов). Все семьи, имеют сходный социально-экономический статус, взрослые члены

семьи имеют высшее образование. Оба родителя работают, старшее поколение – пенсионеры, дети учатся в средней школе.

Основным методом исследования были автобиографическое и нарративное интервью, сфокусированные на ведении домашнего хозяйства, привычных экономических стратегиях и повседневных потребительских привычках. В качестве заданий для нарративных интервью были темы: значимые для семьи экономические события, события, повлиявшие на изменение потребительского поведения, самая важная/ запомнившаяся покупка, семейный и личный бюджет, первая самостоятельная покупка, чем отличается экономика нашей семьи. В интервью участвовали все члены семьи. Всего было проведено 37 интервью. Обработка данных осуществлялась с помощью контент анализа.

Результаты интервью показали, что:

1. Восприятие экономических событий детьми во многом отражает отношение к этим событиям взрослых членов семьи. Если родители связывают изменения экономического положения и, как следствие, собственных потребительских привычек с какими-то внешними событиями, (например, изменение курса рубля), дети также отмечают эти события как важные. В семьях, где изменения собственной экономической жизни взрослые объясняют своими достижениями, или, наоборот, ошибками, дети выделяют в качестве значимых экономических какие-то семейные события (например, переезд на новую квартиру, ремонт, или повышение должности одного из родителей). Оценка экономической ситуации в стране как позитивной или негативной также соотносима у всех членов одной семьи).

2. В семьях, где родители и старшее поколение выбирают в качестве основной стратегии экономического поведения сбережение, дети больше склонны экономить собственные деньги, выбирая товары с более низкой ценой, откладывать средства на покупку желаемого. Интересно, что если стратегии родителей и старшего поколения различаются, дети выбирают стратегию бабушек и дедушек, оценивают ее как правильную, но в повседневной жизни придерживаются потребительских привычек родителей.

3. В целом дети демонстрируют стремление к экономии и рациональному объяснению своего потребительского поведения, гордятся своими экономическими достижениями («накопил на подарок деду», «купил дешевле, чем мама»).

4. Дети, живущие в семьях из трех/четырех поколений более экономны, бережно относятся к вещам и продуктам. Им свойственны рассуждения о ценности сделанных покупок, значимости бережного отношения к продуктам питания, отношение к деньгам скорее как к необходимому ресурсу. Дети, которые живут только с родителями, более расточительны, менее рациональны в своих покупках, больше опираются на эмоции и желания. В то же время они зачастую декларируют самостоятельную ценность денег и работу ради денег.

5. Все члены больших семей (3-4 поколения живут вместе) в своих историях часто апеллируют к семейным и национальным традициям («в нашей семье так принято», «мы же русские», «мусульмане так не делают»), говорят от лица всей семьи, вспоминают исторические события («мы и голод пережили, и дефицит», «когда я родился, в магазинах только начинали появляться продукты, а у людей – деньги»). Важные экономические решения обсуждаются в семье, дети в таких семьях чаще, чем их сверстники советуются с родителями в своих потребительских выборах. Представители маленьких семей (вместе живут только родители и дети) более индивидуалистичны, они распоряжаются своими деньгами, не учитывая интересы семьи.

Полученные предварительные результаты позволяют нам предположить существование особого механизма экономической социализации, связанного с семейным дискурсом, важную роль в котором играют разные поколения. С другой стороны, мы зафиксировали некоторые особенности современных домохозяйств, которое также могут быть важным фактором экономической и, в частности, потребительской социализации их членов. Проблема изменения экономики и психологии домохозяйства активно изучается в США и европейских странах (Grossbard, 2015) и актуальна для России.

Список литературы

1. *Алешина И. В.* Поведение потребителей: учебник. – М.: Экономистъ, 2006.

2. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для высших учебных заведений, - 5-е изд., М.: Аспект Пресс, 2004.
3. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности: учебное пособие для вузов – М.: Аспект Пресс, 2001.
4. *Блекуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж.* Поведение потребителей. 10-е изд. / Пер с англ. – СПб.: Питер, 200.
5. *Вяткин А.П.* Психология экономической социализации личности в условиях изменяющегося общества. Автореферат диссертации на соискание уч. степени доктора психол. н. СПб. 2011. 46с.
6. *Лыгина Н.И., Макарова Т.Н.* Поведение потребителей: учебник. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2005.
7. *Фоломеева Т.В.* Потребительские аттитюды и лояльность/ Вестник СПбгу, Серия 12, 2012, выпуск 2, С.184-193.
8. *Фоломеева Т.В.* Социально-психологический подход к исследованию потребительского поведения / Вестник Московского университета. Сер.14. Психология. 2012. № 1.
9. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. – 2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.
10. *Grossbard S.* Household Economics: a field in motion / IAREPS for ABEJ International Conference, Sibiu, 3 – 6 September 2015.

Развивающий эффект чтения в контексте детско-родительских отношений в раннем и дошкольном возрасте

Чеснокова О.Б.

Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

olgach1234@googlemail.com

Семейное чтение и рассказывания сказок является достаточно устойчивой семейной и культурной практикой во многих странах мира в разное историческое время

(Рейблат 2001, Olmedo 2004). Традиционно, за семенным чтением были закреплены образовательные и воспитательные функции (Рубакин 1928/1977, Ульяновский 2008, Kyratzis 2005). В этом контексте семейному чтению придавалось большое значение для приобщения ребенка к книжной культуре. Однако чтение как особая совместная деятельность и его функции в контексте детско-родительских отношений практически не анализировались. Между тем, развивающий эффект чтения не сводится только к развитию речевой и познавательной сфер ребенка. Собеседование с ребенком в процессе совместного чтения, ответы на его вопросы, анализ его переживаний, ассоциативно связанных с содержанием прочитанного важны для развития и укрепления отношений привязанности детей и родителей и обеспечения эмоционального комфорта ребенка, особенно в те периоды, когда у ребенка практика самостоятельного чтения еще отсутствует.

В рамках нашего исследования мы изучали развивающий эффект относительно малоизученной формы семейного чтения – чтения перед сном и ответной реакции ребенка на разные типы и формы семейного чтения и сказок перед сном в раннем и дошкольном возрасте (2.8-6 лет).

Традиционными направлениями исследования роли чтения в развитии ребенка является изучение восприятия детьми текста, читаемого взрослыми, вербальное реагирование на текст в форме спонтанных вербальных реакций и ответных детских нарративов, развитие навыков и мотивации самостоятельного чтения.

Нарратив определяется как разновидность цельного и связанного повествовательного текста, имеющую определенную лингвистическую структуру и обладающий эмоциональной, ценностной и познавательной значимостью (Слышкин 2000, Сапогова 2002, Эйсмонт 2008, Ягунова 2012). Опираясь на существующие определения нарративов, мы определяем *детские устные спонтанные нарративы* в условиях семейного общения как 1) устные тексты, возникающие спонтанно (а не индуцировано как в ситуациях учебных заданий по сочинению историй), 2) опирающиеся на краткосрочный и эмоционально значимый опыт, 3) обладающие своеобразной смысловой и лингвистической структурой (например, грамматическое несовершенство и объективную содержательную неполноту, поэтому они часто сжаты

до семантически маркированных элементов коммуникации); 4) участвующие в создании особого контекста взаимопонимания между ребенком и взрослым и нацеленные на эмоциональное отреагирование и осознание личностно значимых элементов действительности.

Самостоятельное изучение детских нарративов существует в рамках трех основных подходов: когнитивно-лингвистического, социо-культурного и социально-психологического (Bamberg 1997). *В когнитивно-лингвистического подходе* традиционно акцент делается на изучение структурно-лингвистических аспектов детских нарративов, значение которых состоит в развитии и отработке речевых умений и навыков (Karmiloff-Smith 1981, Stein, Albro 1997, Эйсмонт 2008, Ягунова 2012).

Социо-культурный подход фокусируется на анализе вербальных текстовых коммуникаций как особой формы социо-культурной репрезентации. Через порождение текста ребенок усваивает, воплощает семантические культурно-закрепленные смыслы, организует, обобщает и категоризирует элементы действительности, обладающие для него личностным смыслом (Vygotsky 1978, 1987, Bakhtin 1981, Bruner 1986, 1989, 1996, Nelson 1989, 2003, Kyratzis 2005, [Nicolopoulou](#) 2011).

В социально-психологический подходе анализируется содержание устных и письменных текстов – как спонтанных, так и индуцированных - содержание и структура которых (последовательность, временная организация, ...) может быть понята только в контексте анализа коммуникативного обмена в рамках социальной ситуации взаимодействия (кому адресована, в рамках какой ситуации общения возникает и существует – например, в рамках семейного общения, в рамках детской референтной микрогруппы,) (McNamee 1979, McCabe, Peterson 1991, Bamberg, Reilly 1996, Peterson, McCabe 1996 Brockmeier 2005, Fivush 1993, Fivush, Haden 2003, Reese, Sparks, Leyva 2010). Обмен такими текстами позволяет ребенку идентифицировать себя с участниками такой ситуации и осознать свою позицию в рамках взаимоотношений с ними (Bamberg 1997, Brockmeier, Harre 1997, Harre & Van Langenhove 1991, 1999).

В реальности, в этих подходах не ставилась специальная задача изучения возрастных особенностей не только спонтанных нарративов как формы вербальной коммуникации, но и других форм взаимодействия ребенка с родителями в контексте

вечернего общения. Кроме того, отсутствовал анализ таких нарративов как естественного элемента самого процесса детско-родительских отношений и взаимодействий. Какое значение такая форма общения ребенка с родителями имеет для его психического развития? Какую функцию в каждом возрасте они выполняют? Постановка таких вопросов в рамках этих подходов отсутствовала. Поэтому мы подошли к изучению этих вопросов с позиций возрастно-психологического подхода.

Возрастно-психологический подход предполагает: (1) изучение такой практики чтения в контексте детско-родительских отношений и взаимодействий, (2) учет возрастной специфики взаимодействия по поводу чтения (интерес к чтению в сочетании с неумением читать), (3) описание функций чтения перед сном для решения сложных коммуникативных задач (Chesnokova 2009, Чеснокова, Субботский 2010).

Для изучения этих вопросов вначале было необходимо рассмотреть чтение перед сном как элемент детско-родительских взаимодействий. Иными словами, какие коммуникативные задачи решаются взрослым и ребенком в процессе вечернего чтения? Вечернее чтение часто вплетено либо как дополнительный, либо как самостоятельный компонент взаимодействия ребенка и родителей перед сном. Традиционно в западной культуре взаимодействие с ребенком 21-36 месяцев перед сном – это своеобразная борьба в форме рациональных и иррациональных доводов в пользу быстрого и автономного от родителей засыпания (John Dore in "Monologue as Reenforcement of Dialogue" in "Narratives from the crib" Ed.by Nelson K. (1989)). Характерными родительскими тактиками в этом процессе являются: ответы на детские вопросы, противопоставление поведения маленьких и больших, обещание награды утром, обещание кратковременного чтения или рассказывания сказки. Распространенными ответными детскими тактиками являются: просьбы попить, сходить в туалет, просьбы полежать рядом, почитать, рассказать сказку (Heron 1994). Однако, это может присутствовать в одних культурах и отсутствовать в других. Например, на Тайване дети спят с родителями или братьями/сестрами до школы, и там отсутствует практика чтения перед сном (Wan-Ksiang Chou 2009). Однако, в последнее время взаимодействие ребенка с родителями перед сном (в основном, вербальное) привлекает особое внимание исследователей (pre-sleep talk) в контексте изучения детских спонтанных вербальных

коммуникаций (childrens' narratives). Например, показано, что именно с конца раннего-начале дошкольного возраста (после 3-х лет) родители часто используют чтение и устные рассказы как способ обеспечения эмоционального комфорта и стимулирования автономного засыпания (Morrel, Cortina-Borja 2002).

Анализ литературы позволяет выделить и описать семь основных функций такого вечернего взаимодействия.

- **Первая функция:** режим бодрствования и сна (Mindell, Owens 2003)
- **Вторая функция:** в западных культурах традиционно дети спят отдельно от родителей, и взаимодействие перед сном снижает страх перед сепарацией с родителями в ночное время. Чтение перед сном (книги с картинками) – как символическая подготовка к сепарации и последующей дневной встрече (символический переходный период) (Burke, Brett, Kuhn B., Peterson J. 2004).
- **Третья функция:** стимуляция речевого развития и мотивации чтения на стадии пред-чтения, развитие творческого мышления (Taylor 1983, Allor, McCathren 2003, Jiryung, Filipenko 2007, Blake 2008). Классическим примером такого взаимодействия как культурной традиции может быть описание общения Пушкина и Арины Родионовны (Рейтблат 2001, Lombardo 2005, Ульяновский 2008).
- **Четвертая функция:** время совместной релаксации и успокоения как переходный период после дневной гиперстимуляции (Nelson 1986, Wolraich et al 2007)
- **Пятая функция:** развитие эмоциональной привязанности (Nelson 1986, Fivush 1993, Reese 2008)
- **Шестая функция:** обсуждение эмоционально-значимых событий дня, включая конфликты в детско-родительских отношениях,... (Bamberg, Reilly 1996, Peterson, Biggs 2002, Chang 2004, Blake 2008)
- **Седьмая функция:** развитие самосознания и самооценки (Baumeister, Newman, 1994 McAdams 1996, Reese, Bird Tripp 2007).

Таким образом, совместное чтение перед сном – одна из форм детско-родительского взаимодействия. Чаще всего за пределами 2-х лет – это поощрение

автономии, обеспечение эмоционального комфорта и подведение итогов дня с помощью чтения на ночь, сказок перед сном, колыбельных.

Ситуация чтения перед сном обычно описывается как следующая:

- Вначале взрослый рассказывает или читает ребенку на ночь, затем ребенок перед сном просит рассказать сказку или почитать на ночь - в процессе чтения он начинает дополнять или совместно сочинять историю (children's spontaneous narratives)
- Это типично для детей, как только они начинают говорить в условиях нормативного речевого развития (конец второго- начало третьего года жизни- ранний возраст)
- Эта просьба вплетена во взаимодействие родителей и детей перед сном, имеющее свои функции и структуру (bedtime interaction)

В современных исследованиях описана специфика взаимодействия детей с родителями во время вечернего чтения. Чтение перед сном вплетено во детско-родительское взаимодействие в форме спокойных видов активности, направленных на переход в другое состояние (сон и отдых) и обеспечение ребенка чувством любви и безопасности. Просьба о сказке перед сном сочетается с близким телесным контактом с родителями, приглушенным светом, просьбой полежать, отходом ко сну, доверительными разговорами. Такое взаимодействие возникает с любым членом семьи, связанными с ребенком отношениями привязанности (бабушки-дедушки, няни). Просьба почитать или посмотреть книгу с картинками сочетается с состоянием активности ребенка и родителей, ярким светом, настроенностью на дневные виды деятельности. Детско-родительское взаимодействие перед сном не только *возрастно-специфично* (Wheeler 1983, Cornell, Broda 1995), но и *культурно-специфично* (Heath 1986, Morreli et al. 1992, McKenna 2002, Morrel, Wolraich, Drotar, Dworkin, Perrin 2007, Wan-Ksiang Chou 2009).

В исследованиях последних лет есть данные о том, что стиль детско-родительского взаимодействия перед сном влияют на продолжительность и качество

детского сна (Mindell, Owens 2003). Развивается особое направление психотерапии-нарративная терапия (White, Epston, D. 1990, White, Morgan 2006, White 2007).

Однако, несмотря на большое количество исследований на пересечении многих подходов относительно малоизученным в контексте возрастно-психологического подхода являются следующие вопросы : 1) каково психологическое значение чтения или рассказывания сказки перед сном для развития ребенка в раннем и дошкольном возрасте 2) В чем состоит разница дневного чтения и чтения перед сном 3) какова спонтанная реакция ребенка на разные литературные жанры (pre-sleep children's spontaneous narratives). С целью ответа на эти вопросы и было проведено наше исследование.

Исследование

Исследование проводилось на базе трех детских садов г. Москвы и состояло из 3-х основных этапов.

На первой стадии исследования отбирались семьи с детьми 3-6 летнего возраста ($M = 4.3$, $SD = .59$) без проблем засыпания и без нарушений речевого развития. В исследовании принимали участие взрослые и дети из 125 полных однодетных семей. Уровень речевого развития оценивалась логопедами, работающими на базе детских садов, в которых проводилось исследование. Отбор детей без проблем засыпания происходил с помощью двух опросников: Опросник по выявлению проблем засыпания (Identification of Sleep Problem Questionnaire (Morrel 1999)) и Краткий опросник проблем засыпания для детей младенческого и раннего возраста (Brief Screening Questionnaire for Infant Sleep Problems (Sadeh 2004)) . Опросники являются сензитивными для детей и старше 3-х летнего возраста – с 4-6 летними детьми (Sadeh et al. 2009). Основными показателями проблем засыпания было: их почти ежедневное наличие в течение более 2-х месяцев (не менее 5 дней в неделю), более чем 30-минутное противодействие разнообразным семейным стратегиям перехода ко сну в режимное время, внезапное пробуждение и повторные трудности засыпания в течение более 30- минут перед сном, физическая активность в период внезапного пробуждения (хождение,...), длительный плач более 15 минут более 3-х раз в течение ночи.

На второй стадии с помощью специально-разработанных дневников и опросника Стратегий родительского взаимодействия с ребенком перед сном (**The 17-item Parental Interaction Bedtime Behavioral Scale=PIBBS** (Morrel, Cortina-Borea 2002)) мы выявили наиболее типичные для каждой семьи стратегии взаимодействия с ребенком перед сном. К наиболее распространенным относятся следующие способы взаимодействия : активное обеспечение физического комфорта (покачивания, поглаживание,), пассивный физический комфорт (нахождение в непосредственной близости от ребенка без взаимодействия с ним), разрешение засыпания вместе с родителями, стимулирование автономного засыпания (игнорирования плача), обещание возможных санкций и наказаний, обеспечение социо-эмоционального психологического комфорта (Social- emotional comforting strategy). Вариантами этой стратегии являются: тихие непродолжительные игры с ребенком в постели, напевание колыбельных, использование аудио-книг и музыкальных дисков как заместителей присутствия родителей, тихие разговоры с ребенком о событиях дня, чтение книг, рассказывание сказок (как дополнительный модифицированный вариант).

Нами было выявлено 65 семей, использующих преимущественно стратегии социо-эмоционального психологического комфорта, и только 39 из них использовали вечернее чтение или рассказывание сказок как ежедневный вечерний ритуал перед засыпанием ребенка. Именно эти семьи и приняли участие в основном исследовании. Во время проведения беседы с использованием опросников родители отмечали, что спонтанные нарративы возникают неоднократно в процессе бесед родителей о событиях дня, чтения книг или рассказывания историй или сказок как эпизоды этих активностей, не имеют четко-оформленной структуры. Однако, нарративы , вплетенные в контекст бесед о событиях дня (детские комментарии или обрывочные воспоминания) отличаются от нарративов, связанные с реагированием на чтение книг или рассказывание историй.

На заключительной и основной стадии 39 семей, использующие чтение перед сном и рассказывание сказок как основную стратегию общения перед сном, подробно фиксировали, что читалось и рассказывалось ребенку, и как ребенок отвечал на разные типы и формы текстов чтения перед сном.

Предметом нашего исследования было содержание детских нарративов и их коммуникативная функция в контексте взаимодействия со взрослыми.

- Основным объектом нашего основного исследования были спонтанные детские нарративы, которые возникали в процессе паузы или перерыва в чтении или рассказывании истории не позднее, чем через 10-20 секунд после высказывания или (этот временной критерий введен Peterson, McCabe 1983). Содержательно детские нарративы могли быть повторением родительского нарратива, развитием и модификацией родительской темы, быть связанным с ним ассоциативно или быть связано с совершенно посторонней темой.
- В качестве методов исследования мы использовали следующие. Мы просили взрослого, постоянно укладывающего ребенка, записывать на магнитофон и вести ежедневный дневник в течение 2-х недельного периода, в котором необходимо было детально записывать взаимодействие с ребенком в процессе вечернего укладывания. После этого записи расшифровывались и дополнялись записями из дневников. Особо мы анализировали детские нарративы в моменты использования стратегий обеспечения социального комфорта. Мы также просили фиксировать суммарное время укладывания (с момента помещения ребенка в постель при наличии освещения до момента засыпания) (Sleep onset) ((Burke, Brett, Kuhn, Peterson 2004). Из всех дневников и записей только 11 мы рассматривали как детальное описание взаимодействия с ребенком перед сном и описание диалогических нарративов. Один дневник и записи велись в течение 6 недель. Остальные участники заполняли каждый день опросник Стратегий родительского взаимодействия с ребенком перед сном (**The 17-item Parental Interaction Bedtime Behavioral Scale=PIBBS** (Morrel, Cortina-Borea 2002). Эти данные использовались нами для количественного анализа. В дополнение к этому эти участники фиксировали тип ответных детских нарративов в соответствии с предложенной классификацией.

Для анализа **нарративов взрослых, бесед перед сном, книг и историй**, рассказываемых детьми, мы использовали следующие категории:

- Книги: 1) Информационные фактологические без сюжета (энциклопедии,...) (non-fiction fact books) 2) Информационные с сюжетом (реалистические истории) (non-fiction story books) 3) Нереалистические истории с сюжетом (fairy tales and fantasy stories) 4) Стихи
- Нарративы взрослых: 1) пересказы сказок и нереалистических историй 2) реалистические истории с реалистическим персонажем (автобиографические, воспоминания,... «когда я был маленьким мальчиком,...») 3) истории, создаваемые взрослыми, когда в ткань нереалистического сюжета был включен реалистический персонаж (сам ребенок, член семьи или близкий друг) (приключения с участием ребенка, преодолевающего препятствия и побеждающего врагов) 4) реалистические истории с нереалистическим персонажем (воссоздающие события дня ребенка «если бы в ваш детский сад пришел Чебурашка и»).
- Колыбельные и рифмованные малые фольклорные формы (потешки, пестушки, прибаутки), рассказываемые взрослыми (Евсюкова 2012)
- Аудио-книги в отсутствие взрослых
- Беседы (беседа о событиях дня, аргументы, почему нужно спать,...)
- Другое

Детские нарративы анализировались с помощью следующих категорий (Labov, Waletzky 1967, Peterson., McCabe C. 1983, Dore 1989, Emde, Wolf, Oppenheim 2003).

- Детские нарративы как беседа с взрослым, связанная только с актуальной ситуацией (narratives as spoken discourse- вопросы, просьбы, требования, аргументы против необходимости засыпать, отказ идти спать,...).
- Детские нарративы как обсуждение личного опыта и событий дня, обсуждение чувств и настроений (narratives as mental representation of experience)
- Детские нарративы как продолжение историй взрослого (narratives as specially organized story) (продолжение или модификация сказки)

- Детские нарративы как самостоятельно созданная история (narratives as specially organized story)
- Другое

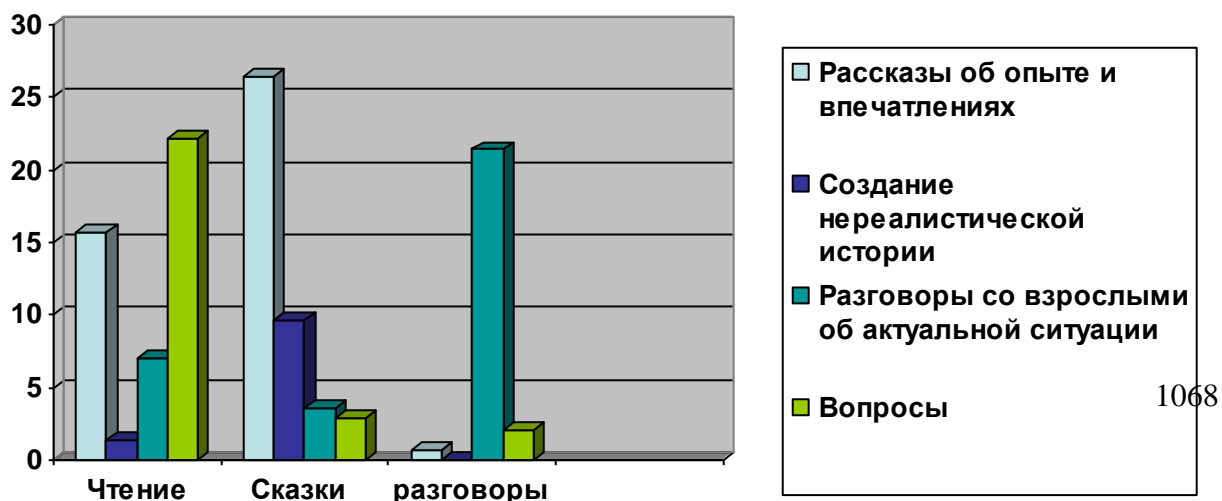
Нами были получены следующие *результаты*:

- 1) Во-первых, в 39 семьях только 10 % отцов принимают участие в вечерних ритуалах перед сном. 40% -бабушки и няни и 50% - мамы.
- 2) Во-вторых, все взрослые, принимающие участие в вечернем укладывании детей, 49.% преимущественно используют чтение книг как важную часть ежедневного ритуала, 15% используют рассказывание сказок и историй, 3 % - малые фольклерные формы, беседы и игры – 24%, 3% используют аудио-сказки в отсутствии взрослых и 6 % используют смешанные и стихийные формы обеспечения психологического комфорта.
- 3) Третьим результатом были ответ на вопрос – как различные формы обеспечения социального комфорта взрослым стимулируют различные формы детских нарративов.

На Рис. 1 показано распределение форм детских нарративов в ответ на использовании взрослыми различных форм обеспечения психологического комфорта перед сном.

Рис. 1

Детские нарративы как функция основных типов обеспечения психологического комфорта взрослыми

Мы выявили следующие закономерности. По способу реагирования чтение перед сном имеет свою специфику по сравнению с дневным чтением. При чтении информационного текста и демонстрации ярких иллюстрированных текстов время засыпания увеличивалось дети активизировались и часто рассказывали о возникающих у них ассоциациях, задавали вопросы. Это влияло на развитие общих представлений о мире. В ответ на рассказывание сказок с классическими сюжетами без модификаций дети пытались дополнять сказку, и фактически, часто переходили к совместному сочинительству, что способствовало их языковому развитию и развитию воображения. При модификации взрослым классических сказок и добавлении в сюжетную линию значимых событий дня ребенка или рассказу взрослым автобиографической истории дети могли воспроизводить значимые события дня, что выполняло психотерапевтическую функцию. Дополнительными эффектами чтения перед сном или рассказывания сказок было развитие привязанности между ребенком и взрослым, формирования ценностного отношения к чтению и устному рассказу, и трансляция смысла и значения многих явлений и событий. Эти результаты позволяют сделать следующие *выводы*.

Во общении родителей с ребенком перед сном целесообразно гибко использовать различные стратегии обеспечения социо-эмоционального психологического комфорта в зависимости от событий дня ребенка и целей такого взаимодействия.

Детские нарративы выполняют различные функции в развитии ребенка (применительно к нашему исследованию – в 3-6 летнем возрасте), не сводимые только к прогрессу в речевом развитии. Важным является развитие воображения и способности к созданию вымышленных сюжетов. Другой функцией является успокоение и саморегуляция своего состояния перед сном. Еще одной важной функцией является выражение своих проблем, тревог, конфликтов через нарративы как способ начальных форм рефлексии своего дневного опыта. Это способствует осознанию себя и своего места в системе значимых отношений. Наиболее продуктивным в этом возрасте для реализации этой важнейшей функции является именно рассказывание (а не только чтение) детям модифицированных сказок или историй, которые могут быть продолжены ребенком на основе ассоциаций с событиями дня. Очень важно, если

взрослые рассказывают нереалистические истории со знакомым сюжетом (модифицированные сказки) с введением персонажей и событий, в которых ребенок может узнать себя и события дня, что помогает ему вербализовать проблемы и переживания дня. Однако, учитывая специфику именно общения перед сном, взрослый, как правило, не стремится через вечернюю сказку подсказать ребенку новые способы разрешения проблемных ситуаций (что более адекватно для дневного общения). От взрослого требуется, скорее, успокоение ребенка, эмоциональная поддержка и придание уверенности в своих силах на следующий день найти решение проблемы. Фактически, это сближает эти интуитивные родительские тактики обеспечения социо-эмоционального комфорта перед сном со сказкотерапией и нарративной терапией (White, Epstein, D. 1990, White, Morgan 2006, White 2007). Однако, в отличие от дневной целенаправленной практики индуцированного создания психотерапевтических историй и метафор (с целью вербализации, осознания и нахождения новых альтернативных способов разрешения проблемных ситуаций), эта форма общения с ребенком стимулирует спонтанные ассоциации с проблемными ситуациями и успокоение, освобождение от напряжений. Достигается это за счет экстернализации проблемы, отделения ее от личности ребенка и выражения безусловного эмоционального принятия взрослым ребенком.

Таким образом, в отличие от дневного чтения, стимулирующего, в основном, как накопление информации и знаний об окружающем мире, так и познавательное и языковое развитие, вечернее чтение имеет свою специфику. Главными функциями являются осознание себя, разрешение конфликтов, репрезентация и вербализация опыта, развитие отношений привязанности, усвоение ценностей и норм. Это также позволяет решить дополнительную в контексте общения с ребенком перед сном задачу – стимулирование познавательного и речевого развития. Реализация функций стимулирования социо-эмоционального и личностного развития ребенка зависит не только от того, что читают и рассказывают детям перед сном, но и как это делают.

Данное исследование позволяет сформулировать направления дальнейших исследований - кросс-культурное сравнение стратегий семейного чтения, его формы и функции в различных возрастах и индивидуальные различия в стилях семейного чтения.

Список литературы

Межрегиональный Центр Библиотечного сотрудничества: *Национальная программа поддержки и развития чтения*. (<http://www.mcbs.ru/chtenie.htm>)

Евсюкова А.Н. (2012) Влияние малых фольклорных жанров на развитие речи детей в раннем возрасте. Фестиваль педагогических идей\ Работа с дошкольниками. Первое сентября, 2012 (<http://festival.1september.ru/articles/525229/>)

Рейтблат А. Чтение вслух как культурная традиция // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: НЛЮ, 2001. С. 30-35.

Рубакин Н.А. *Психология читателя и книги*. - М.: Всесоюзная книжная палата, 1928/1977.- 230 с.

Е.Е.Сапогова (2002) *Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза*. Индивидуальные и стилевые особенности личности / Отв. Ред. Т.Ю.Синченко, В.Г.Ромек. – Ростов-на-Дону: ЮРГИ, 2002. – С. 177-190.

Слышкин Г.Г. *От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. М.: Academia, 2000. - 128 с.

Ульянский А. И. (2008) *Няня Пушкина*. — СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

Чеснокова О.Б., Субботский Е.В. (2010) *Развивающий эффект семейного чтения в раннем возрасте: возрастно-психологический подход*. Журнал международного института чтения им. А.А.Леонтьева, № 9, С. 139-141.

Эйсмонт П.М. (2008) *Семантика и синтаксис спонтанного нарратива :экспериментальное исследование на материале русского языка*. Автореф. канд. дисс. СПб, 2008.

Е.В.Ягунова (2012) *Спонтанный нарратив у детей и у взрослых*. Проблемы онтолингвистики-2012: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского и 120-летия со дня рождения А.Н.Гвоздева (24-26 апреля 2012 г., Санкт-Петербург) – СПб.: Златоуст, 2012, С. 360-368

- Allor, J. H., & McCathren, R. B. (2003). *Developing emergent literacy skills through storybook reading*. *Intervention in School and Clinic*, 39(2), 72-79.
- Bakhtin M. (1981). *The dialogic imagination* (M. Holquist, Ed.). Austin: University of Texas Press.
- Bamberg, M., & Reilly, J. (1996). *Emotion, narrative, and affect: How children discover the relationship between what to say and how to say it*. In D. I. Slobin, J. Gerhardt, A. Kyratzis, & J. Guo (Eds.), *Social interaction, social context, and language* (pp. 329–341). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Bamberg M. *Narrative development: Six approaches*. Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Assoc., 1997
- Baumeister, R. F., & Newman, L. S. (1994). *How stories make sense of personal experiences: Motives that shape autobiographical narratives*. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 20, 676-690.
- Blake J. (2008) *No fairytale ... The benefits of the bedtime story*. *Psychologist*, v. 21 (5), pp 386 -388
- Brockmeier, J., & Harre, R. (1997). *Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm*. *Research on Language and Social Interaction*, 30, 263-283.
- Brockmeier, J. (2005). *Pathways of narrative meaning construction*. In B.D. Homer & C. Tamis-LeMonda (Eds.), *The development of social cognition and communication*. (pp. 291–313). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Bruner J. (1986) *Actual minds, possible words*. Cambridge, MA:Harward University Press.
- Bruner J., Lucariello J. (1989) *Monologue as narrative recreation of the world*. In Nelson K.(Ed.) (1989) *Narrative from the crib*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Bruner J. (1996) *Frames of thinking: Ways of making meaning*. In Olson D., Torrance N. (Eds.) *Modes of thought: exploration in culture and cognition*(pp.93-105). Cambridge, UK:Cambridge University Press.
- Burke R.,Brett R. Kuhn B., Peterson J. (2004) *A "Storybook" Ending to Children's Bedtime Problems—The Use of a Rewarding Social Story to Reduce Bedtime Resistance and Frequent Night Waking*. *Journal of Pediatric Psychology* 29(5) pp. 389-396.

- Chang, C. J. (2004). *Telling stories of experiences: narrative development of young Chinese children*. *Applied Psycholinguistics*, 25, 83-104.
- Chesnokova O.(2009) *Bedtime stories narrated by preschool children: developmental approach*. Developmental psychology seminar. Lancaster University, UK . 22-23 June 2009.
- Cornell E., Broda L. (1995) *Age-related differences in the organization of parent-infant interaction during picture-book reading*. *Early Childhood Research Quarterly*, v 10 (3), 317-337.
- Dore, J. (1989). *Monologue as reenforcement of dialogue*. In K. Nelson (Ed.), *Narratives from the crib* (pp. 231 - 260). Cambridge; MA: Harvard University Press.
- Fivush, R. (1993). *Emotional content of parent-child conversations about the past*. In C. A. Nelson (Ed.), *Memory and affect in development: The Minnesota Symposia on Child Psychology* (Vol. 26, pp. 39-77). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Emde R., Dennis P. Wolf D., Oppenheim D. *Revealing the Inner Worlds of Young Children: The MacArthur Story Stem Battery and Parent-Child Narratives*. NY: Oxford University Press, 2003.
- Fivush, R., & Haden, C. A. (Eds.). (2003). *Autobiographical memory and the construction of a narrative self: Developmental and cultural perspectives*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Jiryung A., Filipenko M. (2007) *Narrative, Imaginary Play, Art, and Self: Intersecting Worlds*. *Early Childhood Education Journal* , v. 34 (4), pp 279-289.
- Harré R. , van Langenhove, L. (1991). *Varieties of positioning*. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 21(4), 393-407.
- Harré R., van Langenhove L. (1999). *The dynamics of social episodes*. In Rom Harré & Luk van Langenhove (Eds.), *Positioning theory: Moral contexts of intentional action* (pp.1-14). Oxford: Blackwell.
- Heath, S. B. (1986). *Taking a cross-cultural look at narratives*. *Topics in Language Disorders*, 7(1), 84-94.
- Heron P. (1994) *Nonreactive Co-sleeping and Child Behavior: Getting a Good Night's Sleep All Night Every Night*. Masters Thesis, University of Bristol, Bristol, United Kingdom , 1994.

- Karmiloff-Smith, A. (1981). *The grammatical marking of thematic structure in the development of language production*. In W. Deutsch (Ed.), *The child's construction of language*. New York: Academic Press.
- Kyratzis, A. (2005). *Language and culture: Socialization through personal story-telling practice*. *Human Development*, 48, 146-150.
- Labov W., Waletzky J (1967). *Narrative analysis*. *Essays on the Verbal and Visual Arts*, ed. J. Helm, 12-44. Seattle: U. of Washington Press..
- Lombardo, M. (2005). *Rhythmic reading and role playing*. *Library Media Connection*, 38-39.
- Morelli G., Rogoff B., Oppenheim D., Goldsmith D. (1992) *Cultural variation in infants' sleeping arrangements: questions of independence*. *Developmental Psychology*, v 28, pp 604-613.
- Morrell, J. M., & Cortina-Borja, M. (2002). *The development change in strategies parents employ to settle young children to sleep, and their relationship to infant sleeping problems, as assessed by a new questionnaire: The parental interactive bedtime behaviour scale*. *Infant and Child Development*, 11, 17-41.
- McAdams, D. P. (1996). *Personality, Modernity, and the Storied Self: A Contemporary Framework for Studying Persons*. *Psychological Inquiry*, 7(4), 295-321.
- McCabe, A., & Peterson, C.(1991). *Getting the story: A longitudinal study of parental styles in eliciting narratives and developing narrative skill*. In A. McCabe and C. Peterson (Eds.), *Developing narrative structure* (pp. 217-253). Hillside, NJ: Erlbaum.
- McKenna J. (2002) *Cultural Influences on Infant and Childhood Sleep Biology, and The Science that Studies It: Toward a More Inclusive Paradigm*. In Loughlin J., Carroll J, Marcus C. , (Eds.)*Sleep and Breathing In Children: A Developmental Approach*. Marcell Dakker 2000
- McNamee, G. D. (1979). *The social interaction origins of narrative skills*. *Quarterly Newsletter of the Laboratory of Comparative Human Cognition*, 1, 63-68.
- Mindell J., Owens J. *Pediatric Sleep: A Practical Guide: Diagnosis and Management of Sleep Problems*. Philadelphia: Lippincott Williams & Wilkins, 2003
- Nelson K.(Ed.) (1989) *Narrative from the crib*. Cambridge, MA: Harvard University Press
- Nelson, K. (2003). *Narrative and self, myth and memory: emergence of the cultural self*. In R.

Fivush, & C.A. Haden (Eds.), *Autobiographical Memory and the Construction of a Narrative Self: Developmental and Cultural Perspectives* (pp.3-28). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

[Nicolopoulou](#) A. (2011) *Childrens' storytelling: towards an Interpretive and Sociocultural Approach*. *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*, v 3, pp. 25-48.

Olmedo, I.M. (2004) *Storytelling and Latino elders: what can children learn?* In Gregory, E., Long, S. and Volk, D. (Eds.) *Many pathways to literacy: young children learning with siblings, grandparents, peers and communities*. New York: RoutledgeFarmer.

Ortiz, R.W. (2001) Pivotal parents: Emergent themes and implications on father involvement in children's early literacy experiences. *Reading Improvement*, 38(2), 132-144.

Partridge, H. A. (2004). *Helping parents make the most of shared book reading*. *Early Childhood Education Journal*. 32(1), 25-30.

Peterson, C., & McCabe, A. (1983). *Developmental psycholinguistics: Three ways of looking at a child's narrative*. New York: Plenum.

Peterson, C., & McCabe, A. (1996). *Parental scaffolding of context in children's narratives*. In C. E. Johnson & J. H. V. Gilbert (Eds.), *Children's language* (Vol. 9, pp. 183 – 196). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Peterson, C., & Biggs, M. (2002). "I was really, really, really mad!" *Children's use of evaluative devices in narratives about emotional events*. *Sex Roles*, 45, 801-825.

Reese, E., Bird, A., & Tripp, G. (2007). *Children's self esteem and moral self: Links to parent-child conversations about emotion*. *Social Development*, 16, 460-478.

Reese, E. (2008). *Maternal coherence in the Adult Attachment Interview is linked to maternal reminiscing and to children's self concept*. *Attachment and Human Development*, 10, 451-464.

Reese, E., Sparks, A., & Leyva, D. (2010). *A review of parent interventions for preschool children's language and emergent literacy*. *Journal of Early Childhood Literacy*, 10, 97-116.

Sadeh, A., Gruber, R., & Raviv, A. (2002). Sleep, neurobehavioral functioning, and behavior problems in school-age children. *Child Development*, 73, 405-417.

Sadeh, A. (2004). *A brief screening questionnaire for infant sleep problems: Validation and findings for an internet sample*. *Pediatrics*, 113, pp 570- 577.

Sadeh, A., Mindell, J. A., Luedtke, K., & Wiegand, B. (2009). Sleep and sleep ecology in

- the first 3 years : A web-based study. *Journal of Sleep Research*, 18, 60-73.
- Stein, N. L.& Albro, E. R. (1997). *Building complexity and coherence: Children's use of goal-structured knowledge in telling stories*. In Bamberg M. (Ed.) , *Narrative development: Six approaches*. Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Assoc.
- UNESCO (2001) *Reflecting on lifelong learning discourses and practices across the world*. Hamburg: UNESCO Institute for Education.
- Taylor, D. (1983) *Family literacy; young children learning to read and write*. Portsmouth, NH: Heinemann Educational Books.
- Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Vygotsky L. (1987)** Thinking and Speech. In: R. W. Rieber and A. S. Carton (eds.). *The Collected Works of L. S. Vygotsky*. (Trans. by N. Minick.) New York, Plenum Press.
- Wan-Hsiang Chou (2009) *Co-sleeping and the Importation of Picture Books About Bedtime*. *Children's Literature in Education*. Vol. 40 Issue 1, pp 19-32.
- Wheeler P. (1983) *Context-related age changes in mothers' speech: joint book reading*. [Journal of Child Language](#), v 10 (1), pp 259-263.
- White, M. & Epston, D. (1990). *Narrative means to therapeutic ends*. New York: WW Norton
- White, M., & Morgan, A. (2006). *Narrative therapy with children and their families*. Adelaide, South Australia: Dulwich Centre Publications.
- Wolraich M., Dennis D. Drotar D., Paul H. Dworkin P., Ellen C. Perrin E. *Developmental-behavioral pediatrics: evidence and practice*. Philadelphia, PA : Mosby Elsevier, 2007.

Приемы воображения в практике семейного воспитания и образования детей

Чурбанова С.М.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
svetlanatch@mail.ru

Особый интерес психологов к развитию творческих процессов в детском возрасте связан с актуальной педагогической задачей подготовки детей к будущему. Именно в ориентировке в построении поведения, опирающегося на будущее, видится функция творческого воображения. Л.С. Выготский замечает, что «...всякое построение воображения, исходя из реальности, стремится описать полный круг и воплотиться в реальность», отражая единство внешнего и внутреннего типов воображения (Л.С. Выготский, 1991, с. 34). Изучение же представлений юношей о таких понятиях как творческое воображение, фантазия, мечта и их роль в жизни человека, показывает, что они привыкли думать скорее об обычных явлениях. О воображении же и его роли в духовной жизни задумываются только при попытках представить свое будущее, при чтении художественной литературы или размышлениях о космосе (И.П. Фарман, 1994).

До сих пор остается открытым вопрос о новых психолого-педагогических методах, способствующих развитию таких жизненно важных человеческих качеств, как интерес к познанию, внутренней мотивации, творческому отношению к процессу обучения, творческому воображению, умению осуществлять самостоятельный профессиональный выбор и решать задачи личностного роста. На наш взгляд, новые возможности для обучения подрастающего поколения в широком смысле открывает практика *осознанного* семейного воспитания и образования детей, в ходе которой ребенок может овладеть новым культурными средствами, способами, которые "изобретают" и "творчески воображают" родители, чтобы помочь своему ребенку справиться с трудностями, например, школьного обучения. За простыми жизненными событиями детско-родительских отношений происходят "факты глубочайшего значения" - культурные знаки изменяют поведение ребенка (Л.Ф. Обухова, 2012). Например, это сказанные слова матери: "Раз, два, три", когда ребенок открывает рот, чтобы выпить лекарство или же не желает вставать в школу и т.д. Другими словами, именно эти формы культурного воздействия на ребенка можно рассмотреть как некоторые приемы воображения, опирающиеся на образ будущего волевого действия, которое первоначально организуется взрослым по отношению к ребенку, а потом, согласно, культурно-исторической психологии, ребенок начинает применять их по отношению к себе самому. "Творческие изобретения" взрослыми различных приемов воображения, направленных на организацию волевого действия ребенка таким образом описывают полный круг и воплощаются в реальность, превращаются в приемы и методы развития внутренней мотивации действия. Представляется интересным в эмпирическом исследовании описать и систематизировать приемы культурного воображения, которые родители используют в жизнедеятельности детей различных возрастов и культурной среды.

Секция 9. Теория и практика семейной психотерапии и консультирования

Осознанное проживание и вербализация чувств в семье и уровень агрессии у детей дошкольного возраста

Анохин П.А., Третьякова Е.В., Кондрашенко Е.А.

Центр психологической помощи и психологического развития человека «Лаборатория новых психологических технологий»

pavel.anokh@gmail.com

Непрекращающиеся локальные войны в Сирии, Ираке, Ливии, военный конфликт в Украине, особенно затрагивающий всех жителей России, общемировой терроризм и пропагандистская деятельность организации ИГИЛ влияют на общество в целом и на отдельных людей. Растёт агрессивный настрой общества, выражающийся в протесте, несогласии и борьбе: против другой страны, против различных социальных групп (этнические и расовые предрассудки), против руководителей и лидеров государств, против правил, законов и устоев и даже против членов своей семьи. В итоге на первый план выходят «тяжёлые» эмоции, которые ассоциируются с понятием агрессии - злость, ярость, желание навредить другому человеку, стремление оскорбить другого человека, - формируются деструктивные установки и деструктивные модели поведения.

Одной из ключевых проблем, осложняющих сложившуюся ситуацию, является отсутствие в обществе культуры экологичного обращения со своими эмоциями и чувствами, а скорее их отрицание и подавление либо острое проживание (например, в форме истерики) - отсутствие культуры психологической гигиены. Становится всё более очевидным, что традиционные стратегии оказываются неэффективными и скорее приводят к обострению конфликтов, усугублению состояний стресса и депрессии, что активно проявляется в семейной среде [1]. На этом фоне возникают серьёзные опасения за нравственное, эмоциональное и физическое настоящее и будущее детей.

Целью данной работы являлось исследование эффективности стратегии осознанного проживания и вербализации чувств и эмоций у детей дошкольного возраста.

Гипотеза: обретение навыка различения, социально-приемлемого, конструктивного проживания своих эмоций и чувств способствует снижению уровня эмоционального возбуждения, напряжения, конфликтности у детей дошкольного возраста.

Диагностика и коррекционная работа проводились на основе показателей такой характеристики, как агрессивность.

В исследовании приняло участие 25 детей дошкольного возраста (4-5 лет) и 6 воспитателей Муниципального дошкольного образовательного учреждения центра развития ребёнка детский сад № 91 «Родничок», Люберецкий муниципальный район Московской области.

Исследование состояло из двух этапов: диагностико- констатирующего этапа и этапа коррекционной работы по результатам диагностики.

Методики первого этапа:

1. проективная методика «Рисунок несуществующего животного»;
2. проективная методика «Кинетический рисунок семьи»;
3. тест Розенцвейга для изучения особенностей поведения ребёнка в конфликтных ситуациях;
4. тест «Сказка» Л. Дюсс;
5. анкетирование воспитателей;
6. структурированное наблюдение.

Результатом первого этапа стало выявление среднего и высокого уровня агрессии у 18 из 25 детей (72%), что говорит о высоком уровне напряжённости и конфликтности группы в целом (учитывался высокий и средний уровень агрессивности, если показатели хотя бы одной из используемых методик были выше нормы).

Результаты анкетирования воспитателей отличаются от результатов структурированного наблюдения и тестов и в целом характеризуются более низкими показателями уровня агрессивности детей. Возможно, здесь играет роль личное отношение каждого воспитателя к ребёнку, а также стремление сгладить своё

восприятие деструктивного поведения и проявлений детей. Это предположение требует более тщательного анализа.

Задача этапа коррекционной работы: с помощью ряда развивающих игр снизить уровень агрессивности, научить детей базовым навыкам распознавания, проживания и вербализации своих эмоций и чувств. Для психокоррекционной работы были отобраны следующие методики: игра «Камушек в ботинке», игра «Тух-тиби-дух» (Фопель К.), игра «Два барана» (Кряжева Н. Л.), игра «Прогулка с компасом» (Коротаяева Е. В.), игра «Попроси игрушку» - вербальный и невербальный варианты (Карпова Е. В., Лютова Е. К.), игра «Маленькое привидение» (Игумнов С. А.).

В дополнение к играм были даны специальные инструкции, с целью помочь детям ощущать, распознавать, называть свои эмоции и чувства. Ведущий проговаривал вместе с ребёнком или вместо него: «Похоже, ты сейчас злишься...», «Обидно, когда Маша не хочет играть вместе» и т.п. Задавал вопросы: «Ребята, бывает так у нас в жизни, когда мы чем-то недовольны и даже злимся на кого-то?», «Как ты себя чувствовал, когда Вася отнял у тебя игрушку?» и т.д. После коррекционной работы была проведена повторная диагностика детей, используя те же методики, что и на первом этапе. Общий уровень агрессии, напряжённости и конфликтности в группе снизился на 24,5%. Стоит отметить, что во многом данная тенденция обусловлена получением детей навыка распознавать и проживать свои эмоции и чувства при поддержке всей группы и систематическом подкреплении со стороны психолога-ведущего и воспитателей, участвующих в процессе исследования.

В ходе исследования подтверждено, что систематическая, осуществляемая в разных формах, в том числе в игровой, работа в направлении повышения уровня психологической грамотности в сфере чувств и эмоций у детей ведёт к улучшению их эмоционального фона в целом, коррекции деструктивного поведения и к уменьшению уровня агрессивности (коэффициент корреляции $r = 0,92$). Похожий эксперимент провели зарубежные коллеги, психологи Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. В ходе работы с людьми, страдающими арахнофобией (страх пауков), было выявлено, что проговаривание эмоций ужаса, паники, тревоги, отвращения способствует уменьшению страха перед пауками [2].

Итогом проделанной работы является доказательство эффективности стратегии осознанного проживания и вербализации чувств и эмоций и снижения уровня агрессивности, эмоционального возбуждения, напряжения, конфликтности у детей дошкольного возраста.

Результаты данного исследования могут найти применение в разработке комплексной программы работы с детьми с высоким и средним уровнем агрессивности и для профилактики девиантного поведения; стать основанием для разработки программы подготовки педагогов, воспитателей, специалистов в работе с эмоционально-чувственной сферой детей. Нельзя недооценить влияние семьи на формирование характера ребёнка, в частности на модели его поведения с другими людьми и с самим собой. Без поддержки ближайшего окружения ребёнка, без ответственной позиции родителей, как помощников в развитии гармоничной личности и индивидуальности, психокоррекционная работа будет малоэффективна.

Общая задача стоит перед родителями и всеми специалистами «помогающих» профессий - позаботиться о будущих поколениях: помочь освоить культуру экологичного обращения с собственными эмоциями и чувствами, помочь в формировании высокого уровня самосознания и нравственности, осознании собственной ответственности за все процессы, происходящие в обществе, и за процессы, способствующие развитию на принципах сотрудничества и гармонии.

Список литературы

1. Хей Л. Исцели себя сам. / Хей Л. – М. ОлмаМедиаГрупп, - 2015, – 192 с.
2. К. Kircanski: «Feelings Into Words. Contributions of Language to Exposure Therapy» [Электронный ресурс] / К. Kircanski, M.D. Lieberman, M. G. Craske – LA, University of California, - Psychological Science journal (XX(X) 1–6), - 2012, – Режим доступа: [http://www.scn.ucla.edu/pdf/Kircanski\(inpress\)PsychSci.pdf](http://www.scn.ucla.edu/pdf/Kircanski(inpress)PsychSci.pdf)

Особенности функционирования семейной системы в семьях девушек с алиментарным ожирением

Билецкая М.П., Полумеева Д.С.

Кафедра психосоматики и психотерапии Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета (Санкт-Петербург)
biletskyv@mail.ru Jillaren@mail.ru

Аннотация. В данной статье приведены результаты исследования особенностей функционирования семейной системы в семьях девушек, страдающих алиментарным ожирением. Алиментарное ожирение является расстройством пищевого питания, вызванное переизбытком. В семьях детей и подростков с психосоматическими расстройствами симптом семейной системы чаще всего выполняет морфостатическую функцию. Данная статья освещает особенности функционирования семейной системы в семьях девушек с алиментарным ожирением.

Анализ результатов психодиагностического, корреляционного и клинико-биографического методов, позволил выявить специфику семейной дисфункции и выделить мишени психокоррекции девушек-подростков с алиментарным ожирением. На основе этих мишеней была разработана и проведена программа семейной психокоррекции, эффективность которой подтверждают результаты психодиагностического и катamnестического методов.

Ключевые слова: алиментарное ожирение, функционирование семейной системы, семейная дисфункция, детско-родительские отношения

Введение

Взгляд на алиментарное ожирение, как проблему возник не так давно. Только в 1989 году Всемирная Организация Здравоохранения признала алиментарное ожирение не косметическим неблагополучием, а болезнью. В развитых странах эта проблема

коснулась не только взрослых, но и детей, из которых 16% уже имеют ожирение и 31% входят в группу риска [3, 6]. Алиментарное ожирение – расстройство питания, вызванное перееданием. Для данного контингента характерно прибегать к еде, как средству снижения тревоги, что позволяет рассматривать алиментарное ожирение, как психосоматическое заболевание [1, 4].

Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис [9] в качестве источника психической травматизации личности, приводящего к психосоматическим заболеваниям, видят нарушения основных сфер жизнедеятельности семьи, где растет и развивается ребенок. Выделяют следующие функции семьи: воспитательная, хозяйственно-бытовая, эмоциональная, духовного (культурного) общения, функция первичного социального контроля и сексуально-эротическая функция. Семьи, в которой выполнение функций оказываются нарушенными, что препятствует личностному росту, называются дисфункциональными.

Дисфункциональность отношений в семьях определяется патологизирующими стилями семейного воспитания и дисфункциональными паттернами внутрисемейного взаимодействия. Существование семейной дисфункции на протяжении длительного время формирует симптомы семейной системы, и способствует появлению в семье идентифицированного пациента. Симптомы в семейной системе выполняют морфостатическую и морфогенетическую функции. Морфостатическая функция симптомов в семье – это неосознанная попытка членов семьи с помощью симптомов преодолеть дезинтеграцию, т. е. заклеить «трещину» в семейных отношениях. Блокирование отрицательных эмоций между членами дисфункциональной семьи создает ситуацию перенапряжения, вследствие чего у одного из членов семьи формируется симптом, позволяющий семье редуцировать напряжение и тем самым сохранять семейный гомеостаз. Морфогенетическая функция симптомов представляет собой обратную связь в семейной системе, вследствие чего происходит усиление колебаний в ней и семейная система переходит на другую стадию в своем развитии [9, 2, 7, 8, 10]. Отмечено, что в семьях детей и подростков с психосоматическими расстройствами симптом семейной системы чаще всего выполняет морфостатическую функцию [5].

С целью изучить особенности функционирования семейной системы в семьях девушек с алиментарным ожирением, нами было проведено исследование, в котором приняло участие 90 человек. В основную группу вошли девушки-подростки в возрасте 15-16 лет, страдающие алиментарным ожирением II степени (15 человек), и их родители (30 человек). Контрольную группу составили условно здоровые девушки-подростки в возрасте 15-16 лет (15 чел.) и их родители (30 чел.). Все исследуемые семьи полные. Состав нуклеарной семьи 3 человека.

Нами были использованы следующие *методы исследования*:

1) Клинико-биографический метод.

2) Психодиагностический метод:

1. Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.)

2. Методика «Родителей оценивают дети» (Фурманов И.А., Аладьин А.А.)

3. Методика изучения родительских установок и реакций (Шефер Е.С., Белл Р.К.; адаптация Т.В. Нещерет)

4. Опросник «Подростки о родителях» (Шафер Е.С.; адаптация Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицыной)

5. Опросник «Анализ семейной тревоги» (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.)

6. Личностная шкала проявлений тревоги (Дж. Тейлор, адаптация Т.А. Немчина).

3) Статистический метод: непараметрический метод сравнения средних Манна-Уитни; корреляционный анализ с применением критерия Спирмена.

Анализ результатов

Клинико-биографический метод позволил выявить наличие неадаптивных семейных копинг-стратегий, нарушение процессов общения на вербальном и невербальном уровнях и диффузность границ семейных подсистем, в семьях девушек-подростков, страдающих алиментарным ожирением. Наличие семейных традиций, таких как поощрение посредством еды, совместные трапезы, обязательные праздничные

застолья, закрепляют реакцию совладания со стрессом по типу «заедание», что наблюдается у 98,9% исследуемых девушек.

Психодиагностический метод позволил выявить у матерей девушек с алиментарным ожирением, по сравнению с матерями девушек контрольной группы, значимые различия по шкалам: «гиперпротекция» ($5,6 \pm 2,6$; $2,8 \pm 1,6$; $p < 0,01$), «недостаточность требований-запретов» ($3,6 \pm 1,7$; $2,0 \pm 1,3$; $p < 0,01$), «воспитательная неуверенность» ($3,9 \pm 1,7$; $2,2 \pm 1,2 \pm 1,2$; $p < 0,01$), «проекция на подростка собственных нежелательных качеств» ($4,0 \pm 2,3$; $2,0 \pm 0,8$; $p < 0,01$). Такие результаты говорят о тенденции к патологизирующему стилю семейного воспитания «потворствующая гиперпротекция» у матерей больных девушек. А достоверные различия по шкалам «потворствование», «чрезмерность требований-обязанностей», «чрезмерность санкций» и высокие средние значения по шкалам «игнорирование потребностей ребенка», «недостаточность требований-обязанностей ребенка» и «минимальность санкций» подтверждают неустойчивость стиля воспитания, что видно по высоким показателям шкал «воспитательная неуверенность» и «неустойчивость стиля семейного воспитания».

У отцов девушек, страдающих ожирением, по сравнению с отцами девушек контрольной группы, более выраженными являются такие показатели, как: «потворствование» ($4,7 \pm 3,3$; $2,6 \pm 1,4$; $p < 0,05$), «чрезмерность требований» ($2,8 \pm 1,6$; $2,0 \pm 1,2$; $p < 0,05$) «чрезмерность санкций» ($3,2 \pm 1,8$; $1,8 \pm 1,5$; $p < 0,05$), «фобия утраты ребёнка» ($3,3 \pm 1,7$; $2,0 \pm 1,2$; $p < 0,05$), «предпочтение в подростке детских качеств» ($3,0 \pm 1,5$; $1,1 \pm 1,4$; $p < 0,05$). Такие патологизирующие характеристики свидетельствуют о наличии в воспитательной практике отцов гиперпротекции с сочетанием черт доминирования и потворствования. Также выявляется воспитательная неуверенность и неустойчивый стиль семейного воспитания, что подтверждается высокими показателями по данным шкалам. Как у матерей, так и у отцов средние значения по шкалам «фобия утраты» и «предпочтение детских качеств» выше, чем у родителей условно здоровых девушек, это позволяет предположить, что посредством таких патологизирующих характеристик родители инфантилизируют девушек, что способствует закреплению психосоматического компонента данного заболевания.

Девушки, страдающие алиментарным ожирением, отмечают в стиле родительского воспитания такие дисфункциональные характеристики, как «гиперпротекция» ($3,7 \pm 2,9$; $2,5 \pm 0,9$; $p < 0,05$); «потворствование» ($4,9 \pm 2,0$; $2,9 \pm 1,6$; $p < 0,01$), «недостаточность запретов» ($3,8 \pm 2,1$; $2,7 \pm 0,8$; $p < 0,01$), «минимальность санкций» ($4,3 \pm 2,0$; $2,9 \pm 1,3$; $p < 0,01$), «воспитательная неуверенность» ($3,5 \pm 2,2$; $1,2 \pm 1,1$; $p < 0,05$). Такие результаты свидетельствуют о субъективном восприятии девушек воспитательной практике родителей как «потворствующая гиперпротекция». Девушки так же отмечают наличие «фобии утраты», а колебание недостаточности требования к ребёнку и чрезмерность требований подтверждают наличие воспитательной неуверенности родителей.

Изучение родительских установок у матерей девушек, страдающих ожирением, позволило выявить такие патологизирующие характеристики как: «зависимость от семьи» ($11,8 \pm 2,0$; $6,8 \pm 2,8$; $p < 0,001$), «ощущение самопожертвования» ($11,8 \pm 1,9$; $7,6 \pm 2,1$; $p < 0,001$), «семейные конфликты», ($12,4 \pm 3,0$; $7,0 \pm 1,1$; $p < 0,001$), «опасение обидеть» ($10,8 \pm 2,7$; $6,8 \pm 1,3$; $p < 0,001$), «подавление сексуальности» ($11,2 \pm 1,7$; $6,8 \pm 1,3$; $p < 0,001$), «чрезвычайное вмешательство в мир ребёнка» ($11,8 \pm 1,8$; $6,5 \pm 1,8$; $p < 0,001$). Таким образом, такие установки как: подавление сексуальности, чрезмерное вмешательство в мир ребёнка, а так же излишняя концентрация на ребёнке у матерей, могут проявляться в опасении обидеть и чрезмерном стремлении создания безопасности, что также способствует закреплению инфантильных черт личности больных девушек.

Для отцов больных девушек характерны высокие показатели по шкалам «зависимость от семьи» ($11,8 \pm 1,2$; $6,0 \pm 1,2$; $p < 0,001$), «развитие активности ребёнка» ($11,8 \pm 3,4$; $6,2 \pm 2,0$; $p < 0,001$), «уклонение от контакта» ($12,2 \pm 2,3$; $6,6 \pm 1,5$; $p < 0,001$), «опасение обидеть» ($12,2 \pm 3,2$; $5,8 \pm 1,4$; $p < 0,001$), «чрезвычайное вмешательство в мир ребёнка» ($11,4 \pm 2,1$; $7,2 \pm 1,0$; $p < 0,001$). Таким образом, наличие дисфункциональной характеристики «уклонение от контакта» говорит об эмоциональной дистанции с ребёнком. А наличие таких родительских установок, как: чрезмерное вмешательство в мир ребёнка, создание безопасности, опасение обидеть, обуславливает внутреннюю конфликтность, что подтверждает воспитательную неуверенность. Это свидетельствует

о патологизирующем характере воспитания и отцовско-детского взаимодействия в целом.

Анализ особенностей родительского отношения с точки зрения подростков позволил выявить, что девушки, страдающие алиментарным ожирением, в отличие от условно здоровых девушек, считают, что их матерям свойственен позитивный интерес ($3,0 \pm 1,1$; $2,4 \pm 1,0$; $p < 0,05$). Так же отмечаются высокие показатели по шкале «непоследовательность» на уровне средних значений, что подтверждает данные, полученные при оценке субъективного представления о типе семейного воспитания матерей. Наряду с этим, девочки отмечают фактор потворствования, который отражается в стиле семейного воспитания и характеризуется наличием высоких показателей по шкалам гиперпротекция и потворствование.

Девушки, страдающие ожирением, характеризуя отцовское отношение, отмечают высокие показатели по шкале «фактор критики» ($3,5 \pm 0,8$; $2,0 \pm 0,6$; $p < 0,001$). Это создаёт зону напряжения во взаимодействии между девушками-подростками и их отцами, что может отражаться на уровне семейной напряжённости и является одной из причин нарушения функционирования семейной системы.

Анализ уровня семейной тревоги позволил выявить высокий уровень «общей семейной тревоги» ($10,9 \pm 2,6$; $6,7 \pm 3,4$; $p < 0,05$) и «семейной тревожности» ($4,1 \pm 1,3$; $2,2 \pm 1,2$; $p < 0,05$) у матерей девушек, страдающих ожирением. Показатели по шкалам «семейная напряженность» и «семейная вина» выше, чем у матерей контрольной группы, на уровне средних значений. Таким образом, матери девушек, страдающих ожирением, испытывают на системном семейном уровне тревожные переживания в большей степени, чем матери условно здоровых девушек.

У отцов больных девушек, выявлен высокий уровень «семейной тревожности» ($13,8 \pm 3,7$; $6,3 \pm 2,2$; $p < 0,001$), «семейной напряжённости» ($5,3 \pm 1,4$; $2,4 \pm 1,3$; $p < 0,001$) и «общей семейной тревоги» ($6,3 \pm 2,2$; $13,8 \pm 3,7$; $p < 0,001$).

Таким образом, отцы девушек страдающих ожирением оценивают ситуацию в семье, как не зависящую от их усилий, а выполнение семейных обязанностей является непосильной задачей. Попытки взять всё под свой контроль могут проявляться в таких

дисфункциональных характеристиках, как чрезмерность санкций и запретов, а так же способствовать излишнему вмешательству в жизнь ребёнка.

У девушек, страдающих ожирением, в отличие от условно здоровых девушек, отмечаются более высокие показатели по шкалам «семейная тревожность» ($2 \pm 1,6$; $3,8 \pm 2,2$; $p < 0,05$) и «общая семейная тревога» ($2 \pm 1,6$; $3,8 \pm 2,2$; $p < 0,05$), а также результаты по шкале «семейная вина» у больных девушек выше на уровне средних значений. Можно предположить, что это связано с тем, что девушки с ожирением прибегают к еде, чтобы снизить свою тревогу, что является проявлением эмоциогенного пищевого поведения и подтверждается данными клинико-биографического анализа.

Анализ тревоги на индивидуально-личностном уровне позволил выявить, высокий уровень личностной тревожности ($21,7 \pm 1,6$; $14,8 \pm 2,5$; $p < 0,05$) у отцов девушек, страдающих алиментарным ожирением. У матерей ($26,4 \pm 2,2$; $17,6 \pm 1,3$) и девушек-подростков ($20,4 \pm 2,3$; $23,5 \pm 1,2$) показатели выше, чем у матерей и девушек контрольной группы, на уровне средних значений.

Таким образом, у всех членов семей девушек, страдающих ожирением, в отличие от семей с условно здоровыми девушками, отмечается высокий уровень, как личностной тревожности, так и структурных компонентов семейной тревоги, что закрепляет психосоматический компонент заболевания.

Корреляционный анализ позволил выявить характеристики материнско-детского взаимодействия. «Семейная тревожность» у девушек с ожирением имеет сильную положительную взаимосвязь с «семейной тревожностью» ($r = 0,62$; $p < 0,05$), «гиперпротекцией» ($r = 0,60$; $p < 0,01$), «чрезмерностью требований» ($r = 0,61$; $p < 0,05$), и обратную взаимосвязь с «семейной виной» ($r = -0,62$; $p < 0,05$) и «опасением обидеть» ($r = -0,55$; $p < 0,001$) у их матерей. Таким образом, ощущение девушками-подростками семейной тревожности взаимосвязано с семейной тревожностью их матерей и с их дисфункциональными характеристиками воспитания, такими как: гиперпротекция, чрезмерная требовательность, вина, неустойчивость стиля воспитания и игнорирование потребностей ребёнка.

«Гиперпротекция» матерей, имеет положительную взаимосвязь с семейной тревожностью ($r = 0,60$; $p < 0,05$) и с субъективными представлениями о таких

характеристиках материнского воспитания как потворствование ($r=0,62$; $p<0,01$), предпочтение в подростке детских качеств ($r=0,58$; $p<0,05$) и недостаточность требований ($r=0,51$; $p<0,05$) девушек-подростков. Таким образом, гиперпротекция матерей взаимосвязана с тревогой у девушек-подростков и с субъективными представлениями у девушек о дисфункциональных характеристиках воспитания их матерей.

Так же было выявлено, что ощущение отцами семейного напряжения, имеет сильные положительные взаимосвязи с чрезмерностью требований ($r=0,66$; $p<0,05$), чрезмерностью санкций ($r=0,52$; $p<0,05$) и фобией утраты ($r=0,51$; $p<0,05$) у отцов, по мнению девушек, страдающих ожирением. Таким образом, ощущение семейной напряжённости у отца взаимосвязано с представлением о дисфункциональных характеристиках воспитания отца у девушек.

Корреляционный анализ так же позволил выявить взаимосвязь между характеристиками детско-родительских отношений в семьях условно здоровых девушек. Личностная тревога девушек имеет сильные положительные взаимосвязи со шкалами «потворствование» ($r=0,68$; $p<0,05$) и «игнорирование потребностей» ($r=0,65$; $p<0,05$), сильные взаимосвязи со шкалами «чрезмерность запретов» ($r=0,61$; $p<0,05$), «вынесение конфликта» ($r=0,56$; $p<0,05$) и «гиперпротекция» ($r=0,61$; $p<0,05$), а также обратные взаимосвязи со шкалами «семейная вина» ($r=0,55$; $p<0,01$), «семейная тревожность» ($r=0,62$; $p<0,05$) и «общая семейная тревога» ($r=0,52$; $p<0,05$) у матерей. Таким образом, ощущение тревоги у девушек взаимосвязано с дисфункциональными характеристиками воспитания и структурных компонентов общей семейной тревоги матерей.

«Чрезмерность запретов» с точки зрения условно здоровых девушек имеет сильную положительную взаимосвязь с «неразвитостью родительских чувств» ($r=0,66$; $p<0,05$) и положительные взаимосвязи со шкалами «семейная вина» ($r=0,60$; $p<0,01$) и «общая семейная тревога» ($r=0,52$; $p<0,05$) у отцов.

Таким образом, можно говорить о том, что в семьях условно здоровых девушек, существуют свои дисфункциональные особенности внутрисемейного взаимодействия, отличающиеся от особенностей семей девушек страдающих алиментарным ожирением.

С целью разработать и провести программу психокоррекции для девушек с алиментарным ожирением, были выделены следующие *мишени семейной психокоррекции*:

1. Высокий уровень общей семейной тревоги.
2. Патологизирующий тип семейного воспитания (гиперпротекция и неустойчивый тип семейного воспитания).
3. Неадаптивные семейные копинг-стратегии.

Нами были использованы *методы и техники*: метод системной семейной психотерапии; метод арт-терапии; метод медитативных техник;

Структура программы семейной психокоррекции создана согласно модели «ромбовидной» векторной семейной психотерапии М.П. Билецкой [5] и состоит из 3-х этапов.

Структура программы психокоррекции:

I. Организационный этап. Работа с семьёй, как системой.

Цель: Первичная психодиагностика, семейная консультация.

Задачи: присоединение, сбор семейного анамнеза; провести первичную семейную психодиагностику; обозначить мишени семейной психокоррекции и обсудить их; выработать мотивацию для дальнейшей работы.

II. Основной этап.

1 блок: Групповая работа с подростками.

Цель: Психокоррекция эмоционально-поведенческих паттернов у девушек с алиментарным ожирением.

Задачи: снизить уровень тревожности и эмоционального напряжения; выработать адаптивные способы совладающего поведения.

2 блок: Психокоррекция в родительской подсистеме.

Цель: Повышение родительской компетентности и психокоррекция стиля воспитания.

Задачи: снизить уровень семейной тревоги у родителей; повысить родительскую компетентность; провести коррекцию стиля воспитания.

3 блок: Семейная психокоррекция.

Цель: Реконструкция семейных отношений.

Задачи: снизить уровень тревожности и напряжённости в семье; выработать тенденцию к формированию гармоничного стиля семейного воспитания; психокоррекция детско-родительских отношений; выработать адаптивные семейные копинг-стратегии.

III. Заключительный. Работа с семьёй, как системой.

Цель: подведение итогов и отсоединение.

В ходе проведения программы психокоррекции Д.С. Полумеевой были апробированы авторские упражнения («Послушай своё тело», «Проблемная ситуация»), эффективность которых была подтверждена катамнестическим методом. В качестве примера рассмотрим упражнение «Послушай своё тело», которое применяется на четвёртой сессии основного этапа программы (первый блок, групповая работа с подростками) и рассчитано на 30-40 минут.

Цель: релаксация, направленная на повышение самоощущения. Данное упражнение направлено на снижение ситуативной тревожности и коррекцию копинг-стратегии по типу «заедание», посредством релаксации и визуализации.

Описание упражнения: участникам предлагается устроиться поудобнее и спокойным голосом даётся инструкция.

Вступление: Бывали ли у вас моменты, когда вы ели не потому, что хотелось есть, а, например, для получения удовольствия или от скуки?

А как вы обычно понимаете голодны вы или нет?

У меня есть такой вариант: Чтобы понять, голоден ты или нет, надо научиться слушать своё тело. Давайте потренируемся!

Сядьте поудобнее. Попробуйте принять положение, в котором вы могли бы расслабиться. Закройте глаза. Представьте, в каком положении находится сейчас ваше тело. Где находятся ваши руки, как расположены ноги, удобно ли вашему телу в таком положении. Вот уже начинают расслабляться пальцы ног. Один за другим. Начиная с большого, заканчивая мизинцем. Расслабляются ваши голени, икры, бёдра. Это ощущение поднимается снизу вверх по вашему телу. Оно приближается к животу и растекается по спине и груди. Представьте это ощущение, какого оно цвета. Холодное

оно или тёплое. Это ощущение растекается по вашим рукам до кончиков пальцев и поднимается вверх до самой макушки. Вы полностью расслаблены. Прислушайтесь к своему телу. Вы можете почувствовать, как пульсирует ваша кровь. Услышать, как бьётся сердце. Представьте, что сейчас вы сидите в ресторане. Перед вами как по волшебству оказывается ваше любимое блюдо. Какое оно на вид, какой формы и цвета. Попробуйте, какое оно на вкус. Что сейчас происходит с вашим телом. Какие ощущения во рту, что чувствует ваш язык, что происходит в живое. Чувствуете ли вы голод или сытость. Какое это чувство. Где оно располагается в вашем теле. Запомните это ощущение. А сейчас пришло время возвращаться. Не торопитесь. Можете открыть глаза, когда будете готовы.

Кто готов поделиться тем, что он чувствовал? Отличаются ли ощущения до проведения упражнения и сейчас. Когда мы расслаблены, нам легче почувствовать всё тело. Бывают случаи, когда мы едим, потому что нам грустно или тревожно. Это называется эмоциогенным пищевым поведением, так как желание есть провоцируется не организмом, а эмоциями. Можно вспомнить любой американский фильм, в котором героиня, когда её бросает парень, грустит и ест мороженое. Я предлагаю вам попробовать сделать это упражнение ещё раз дома, самостоятельно, когда вам захочется перекусить и поделиться своим опытом с группой в следующий раз.

Для определения *эффективности психокоррекционной программы* были использованы следующие *методы*:

1) Психодиагностический метод:

1. опросник «Анализ семейной тревоги» (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.)
2. опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3; Олсон Д. Х., Портнер Дж, Лави И., адаптация М. Перре)
3. опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.)

2) Статистический метод: непараметрический метод сравнения средних Манна-Уитни

3) Катамнестический метод.

Психодиагностический метод позволил выявить снижение уровня общей семейной тревоги и уровня семейной тревожности у всех членов семьи, через 1 месяц и через 3 месяца после проведения коррекционной программы. У матерей наблюдается снижение уровня общей семейной тревоги ($9,9\pm 2,6$; $7,3\pm 2,2$; $4,7\pm 1,6$; $p<0,05$), уровня семейной тревожности ($5\pm 1,3$; $3,5\pm 1,1$; $2,1\pm 0,8$; $p<0,01$). У отцов отмечается снижение уровня общей семейной тревоги ($7,75\pm 2,3$; $5,5\pm 1,7$; $4,8\pm 1,2$; $p<0,05$) и уровня семейной тревожности ($3,5\pm 1,4$; $2,5\pm 1,08$; $2,25\pm 0,9$; $p<0,001$). У девушек-подростков - снижение уровня общей семейной тревоги ($8,5\pm 2,1$; $6,2\pm 1,9$; $4,9\pm 2,1$; $p<0,05$) и уровня семейной тревожности ($3,8\pm 1,19$; $2,8\pm 1,1$; $2,5\pm 1,6$; $p<0,01$).

Так же отмечается повышение семейной сплочённости и семейной адаптации, что может говорить о сбалансированности семейной системы и адаптивности копинга в целом после проведения психокоррекционной программы. У матерей наблюдаются высокие показатели по шкале семейной адаптации ($18,25\pm 2,06$; $29,1\pm 2,8$; $29,1\pm 2,5$; $p<0,005$). У отцов наблюдаются улучшения показателей по шкалам семейная сплочённость ($19,4\pm 2,8$; $22,4\pm 2,9$; $30,6\pm 2,6$ $p<0,005$) семейной адаптации ($14,25\pm 2,7$; $21,8\pm 3,6$; $24,5\pm 3,8$; $p<0,005$). У девушек-подростков показатели по шкалам семейной сплочённости ($19,5\pm 2,6$; $21,5\pm 1,04$; $31,7\pm 2,4$; $p<0,005$) и семейной адаптации ($14,8\pm 2,6$; $23,6\pm 2,8$; $25,6\pm 2,3$; $p<0,001$) через 3 месяца выше, чем через месяц после проведения программы и выше, чем до начала психокоррекционной программы. Также были проработаны дисфункциональные характеристики семейного воспитания как у матерей, так и у отцов: значительно снизился уровень протекции, потворствования, расширения сферы родительских чувств, предпочтение детских качеств и фобия утраты. Стиль семейного воспитания стал приближаться к гармоничному. Снизились показатели по шкале «неразвитость родительских чувств», что говорит о повышении родительской компетентности.

Катамнестический метод показал, что через 3 месяца 58,3% девушек отметили улучшение физического состояния и снижение веса. Так же 75% девушек утверждают, что используют техники, полученные в процессе проведения программы. В 83,3%, все члены семьи отмечают положительные улучшения, которые характеризуют, как улучшение «взаимопонимания».

Заключение

Анализ функционирования семейной системы в семьях девушек, страдающих алиментарным ожирением, позволил выявить наличие семейной дисфункции и её специфические особенности.

Клинико-биографический метод позволил выявить наличие неадаптивных семейных копинг-стратегий, нарушение процессов общения на вербальном и невербальном уровнях и диффузность границ семейных подсистем, в семьях девушек-подростков, страдающих алиментарным ожирением.

Психодиагностический метод выявил дисфункциональный тип семейного воспитания по типу «потворствующая гиперпротекция» у матерей и неустойчивый, колеблющийся между потворствующей и доминирующей гиперпротекцией, стиль семейного воспитания у отцов больных девушек, которые подтверждаются отношением больных девушек к воспитательной практике родителей.

У матерей больных девушек выявлены такие установки, как чрезмерное вмешательство в мир ребёнка, а так же излишняя концентрация на ребёнке, что проявляется в опасении обидеть и чрезмерном стремлении создания безопасности. Патологизирующие родительские установки отцов подтверждают воспитательную неуверенность.

Девушки, страдающие ожирением, отмечают высокие показатели по шкале «фактор критики» у отцов, это создаёт зону напряжения во взаимодействии между девушками и их отцами, что может отражаться на уровне семейной напряжённости.

У всех членов семьи девушек, страдающих алиментарным ожирением, отмечается высокий уровень, как личностной тревожности, так и структурных компонентов тревоги.

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязь между характеристиками детско-родительских отношений в семьях девушек, страдающих алиментарным ожирением. Полученные данные позволяют предположить, что девушки, страдающие алиментарным ожирением, используют эмоциогенное пищевое поведение, чтобы снизить высокий уровень тревоги, а алиментарное ожирение выступает в качестве симптома семейной системы.

На основании анализа проведённого исследования были выделены мишени семейной психокоррекции, разработана и проведена психокоррекционная программа, которая позволяет снизить уровень тревоги в семье, проработать дисфункциональные паттерны детско-родительских отношений и способствует снижению «заедания», как способа совладания с психотравмирующими ситуациями.

Список литературы

1. Алмазов В.А. Ожирение. — М., 1999.
2. Балаболкин М.И., Клебанова Е.М., Креминская В.М. Дифференциальная диагностика и лечение эндокринных заболеваний. — М., 2002.
3. Бессесен Д.Г., Кушнер Р. Избыточный вес и ожирение. — М.: БИНОМ, 2006.
4. Билецкая М.П., Полумеева Д.С. Тревога в семьях девушек-подростков с алиментарным ожирением // Психология и педагогика в XXI веке. Очерки научного развития — М., 2014, — С. 52.
5. Билецкая М.П. Семейная психотерапия детей с психосоматическими расстройствами (ЖКТ) – Санкт-Петербург : Речь, 2010. – 192 с.
6. Бутрова, С.А. Ожирение. Современная тактика ведения больных // Лечащий врач. – 2000. – №5. – С. 30-33.
7. Зубцова Т.Н., Князев Ю.А. Психологический портрет детей с ожирением и его значимость в процессе реабилитации // Проблемы эндокринологии. — 1992. – №4. – С. 57.
8. Лейкок Д.Ф., Вайс П.Г. Основы эндокринологии. — М., 2000.
9. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008 — 672 с.
10. Doherty W., Harkaway J. Obesity and Family Systems; A Family FIRO Approach To Assessment and Treatment Planing // Journal of Marital and Family Therapy. — 1990. — P. 287–298.

Семейная психотерапия и психокоррекция подростков с психосоматическими расстройствами

Билецкая М.П., Шемет В.Е.

*Санкт-Петербургский Государственный Педиатрический Медицинский
Университет, г. Санкт-Петербург, Россия*

Ключевые слова: психосоматические расстройства, патологизирующее семейное воспитание, семейная тревога и копинг, семейная психотерапия и психокоррекция.

Введение

В настоящее время заболевания желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) и бронхиальная астма (БА) являются наиболее часто встречающейся патологией у детей и подростков, для которой характерна социально-биологическая, психосоматическая обусловленность [1, 2, 4, 7]. К психосоматическим расстройствам желудочно-кишечного тракта, как правило, относят дискинезию пищеварительного тракта (дискинезия желчевыводящих путей и кишечника) и гастродуоденит (психосоматический вариант), которые рассматриваются с позиции биопсихосоциального подхода и приводят к эмоциональной неустойчивости, вызывают нарушение поведения в семье, а также снижают возможности социальной адаптации. Хроническое течение этих заболеваний, частые обострения, выраженный болевой синдром, необходимость соблюдать жесткую диету усугубляют психологическое состояние ребенка, который находится в постоянном напряжении. Психоэмоциональное напряжение усиливает спазм кишечника, желчевыводящих путей, дисрегуляцию системы их сфинктеров, а также усиливает секрецию желудочного сока, который при снижении факторов защиты травмирует слизистую желудка и двенадцатиперстной кишки [2, 3]. Бронхиальная астма является классическим примером полиэтиологического заболевания, в патогенезе которого взаимодействуют разнообразные компоненты: психосоматические, инфекционные и аллергические [5, 6, 7]. Основой бронхиальной астмы является повышенная

чувствительность дыхательных путей к самым разнообразным воздействиям, в результате которой после какого-либо разрешающего стимула происходит спазм бронхов. Одним из наиболее частых стимулов такого рода является также хроническое психоэмоциональное напряжение, обуславливающее включение психосоматического компонента реагирования на стрессорные воздействия при данном заболевании.

Для детей и подростков многие жизненные обстоятельства (нахождение в длительных психотравмирующих ситуациях, дисфункциональные взаимоотношения в семье, семейные кризисы, межличностные конфликты) могут сыграть роль условий, благоприятствующих развитию психосоматических заболеваний в том случае, если биологическая сопротивляемость организма и социально-психологическая защита личности окажутся несостоятельными [2, 4, 7].

В настоящее время изучение психологических особенностей больных детей и подростков с позиции системного семейного подхода остается по-прежнему актуальным, так как остаются недостаточно изученными особенности детско-родительских взаимоотношений и семейного копинга в семьях с подростками, страдающими психосоматическими расстройствами. Копинг-стиль, используемый в семье, как правило, является моделью развития копинг-навыков ребенка [8, 12]. При обострении заболевания ребенка семья может усилить стрессорное воздействие или, наоборот, ослабить его [3, 7, 9]. Поиск семейных ресурсов создает возможность для использования саногенного эффекта семьи, в основе которого лежит формирование комплексов стратегий совладания, предотвращающих дезорганизацию психической деятельности и поведения, что необходимо для сопротивления ребенка развитию болезни [2, 7, 9].

Необходимость включения семейной психотерапии в комплексное лечение подростков с психосоматическими расстройствами обусловлено тем, что дисфункциональные семьи в ряде случаев могут способствовать манифестации, а также усугублять течение данной патологии [2, 3, 5, 6, 10].

Цель: изучение психологических особенностей семей подростков с психосоматическими расстройствами и апробация авторских программ семейной психотерапии и психокоррекции.

Всего было исследовано 340 семей. Основную группу составили 90 семей подростков с психосоматическими расстройствами ЖКТ (по 30 семей подростков с дискинезией желчевыводящих путей, с гастродуоденитами, с неврогенной формой дискинезии кишечника) и 80 семей подростков с атопической формой БА среднетяжёлой степени тяжести. Сходные результаты, полученные при исследовании семей детей с гастроэнтерологической патологией, позволили рассматривать их как семьи детей с психосоматическими расстройствами ЖКТ. Контрольная группа – 170 семей условно здоровых подростков. Возраст подростков – 15-16 лет, все исследуемые семьи полные.

Методы исследования: клинико-биографический метод; психодиагностический метод: опросники «Анализ семейных взаимоотношений», «Анализ семейной тревоги» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса; методика «Родителей оценивают дети» И.А. Фурманова, А.А. Аладьина; «Опросник родительского отношения» А.Я. Варга, В.В. Столина; опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера, адаптированный в СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева; «Шкала семейной адаптации и сплочённости» Д.Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави, адаптированная М. Перре; методы математической статистики.

На основе анализа полученных результатов были выделены следующие **мишени психотерапии (психокоррекции)**: патологизирующий тип семейного воспитания, высокий уровень общей семейной тревоги в семьях подростков с психосоматическими расстройствами, малоадаптивные копинг-стратегии больных подростков и их родителей, неадаптивность семейного копинга в целом, нарушение структуры компонентного состава семейной сплоченности и семейной адаптации: баланс между всеми компонентами (эмоциональная связь, семейные границы, принятие решений, совместное время, общие друзья интерес и отдых, лидерство, контроль, дисциплина, семейные роли и правила) [2, 3, 5, 6]. На основании клинико-биографического метода выявлены особенности семейных коммуникаций, определяющие семейную дисфункцию: разводы в ряду поколений, гипернормативность членов семьи, невысказанность эмоций. Границы между подсистемами в данных семьях не дифференцированы, плохо структурированы. Боль в животе или астматический приступ у подростков – симптом, выполняющий морфостатическую функцию. При этом «идентифицированный пациент»

(подросток) сохраняет гомеостаз семейной системы [2, 5]. Полученные данные свидетельствуют о семейной дисфункции, вследствие чего данные семьи не могут реализовать саногенную роль в период обострения заболевания у подростков и нуждаются в оказании им психотерапевтической (психокоррекционной) помощи.

Результаты данного исследования позволили М.П. Билецкой разработать модель «ромбовидной» векторной семейной психотерапии и включить ее в комплексное лечение детей с психосоматическими расстройствами. В ходе системной семейной психотерапии психосоматических расстройств основным направлением является психотерапия детско-родительских отношений [2, 3, 9, 10].

Данная модель семейной психотерапии основана на принципах системной семейной психотерапии, теории адаптивного копинг-поведения [2, 3, 9, 10, 13] и предназначена для специалистов, чья работа непосредственно связана с лечением детей и подростков с психосоматическими расстройствами, а также членов их семей. «Ромбовидная» векторная семейная психотерапия может быть реализована в рамках амбулаторного лечения и на базе консультационно-диагностических центров или реабилитационных отделений.

Выбор модели семейной психотерапии при работе с детьми и подростками, страдающими бронхиальной астмой или психосоматическими расстройствами желудочно-кишечного тракта, был обусловлен следующими **факторами**:

- необходимостью работы с семьей пациента с целью снижения семейной тревоги и нормализации детско-родительских взаимоотношений;
- необходимостью объяснения «психосоматическим» семьям, что проблемы имеются не только у больного ребенка, но и у семьи, как системы в целом;
- необходимостью эмоционального отреагирования боли, своего отношения к болезни, тревоги и страхов больного ребенка, как члена семьи, так и индивидуально, как личности.

Целью реализации модели является обеспечение адаптивного функционирования семейной системы в момент обострения психосоматического расстройства, выявление и использование саногенного эффекта семьи для

выздоровления или длительной ремиссии заболевания ребенка.

Задачи: принятие ответственности за существующие проблемы каждым членом семейной системы; повышение ответственности за свое поведение и здоровье у каждого члена семьи; повышение родительской компетентности; поиск и активизация семейных ресурсов, развитие на их основе адаптивных стратегий совладания; ориентация не на причины заболевания, а на его лечение.

Модель строится, исходя из следующих **принципов:**

- психосоматическое расстройство у ребенка – проблема не «идентифицированного» пациента, а всей семьи;
- ориентация на совладание с болезнью, а не на «культ болезни», существующий в семье;
- преодоление алекситимических барьеров – задача всей семьи;
- четкая дифференцированность внутрисемейной структуры, правильное функционирование подсистем в семье – основа адаптивного совладающего поведения и саногенной роли семьи в лечении заболевания;
- семья воспринимается способной нести ответственность за поведение своих членов и решение своих проблем.

Задача состоит не в решении всех проблем в семье, а в создании адаптивного внутрисемейного функционирования в период обострения заболевания. При желании семьи продолжить дальнейшую психотерапию заключается новый психотерапевтический контракт, выходящий за рамки модели «ромбовидной» векторной семейной психотерапии.

Модель рассчитана на 46 часов, состоит из четырех этапов и реализуется в течение пяти месяцев, включая поддерживающий этап. Частота встреч определяется задачами этапа.

Принципы и техники психотерапии, интегрированные в модель: семейная системная психотерапия, аналитико-системная семейная психотерапия, семейная арт-терапия, ролевые игры, свободный проективный рассказ, семейная дискуссия, психогимнастические упражнения.

В ходе проведения семейной психотерапии психотерапевт изменяет

равновесие в семейной системе, подготавливая ее к изменениям, что вначале может приводить к усилению симптома, поэтому необходимо провести ряд сессий с детской и родительской подсистемами отдельно. Это помогает снизить семейную тревогу, возросшую в начале перестройки семейных ролей, а также снизить тревогу и напряженность ребенка, который при этом может эмоционально отреагировать свои проблемы [2, 3].

Данная модель семейной психотерапии называется «ромбовидной» векторной, так как предусматривает проведение лечения по направлениям, условно обозначающим ромб:

На первом этапе проводится работа с семьей, как с системой: активное вовлечение семьи в работу (присоединение, «семейный диагноз» [9]), заключение психотерапевтического контракта, осознание членами семьи внутрисемейной напряженности и закрепление мотивации на дальнейшую психотерапевтическую работу.

На втором этапе психотерапевтическая работа проводится по направлениям-векторам – с родительской и детской подсистемами отдельно. Данное выделение векторов обусловлено особенностью «психосоматических» семей образовывать «недифференцированную эго-систему» [11]. Было отмечено, что семьи с ребенком, страдающим психосоматическим расстройством, находятся в тесной взаимозависимости, отношения носят конфликтно-симбиотический характер, границы между подсистемами мало дифференцированы. С целью снижения напряженности связей во внутрисемейной структуре и реконструкции границ каждой подсистемы было принято решение о проведении ряда психотерапевтических сессий по векторам детской и родительской подсистем [2, 3].

На третьем и четвертом этапах психотерапия проводится с семьей, как системой в целом. Содержание третьего этапа – реконструкция семейных отношений и выработка адаптивного совладающего поведения в период обострения заболевания. Четвертый этап необходим как поддерживающий, итоговый. В ходе него также происходит отсоединение психотерапевта от семьи.

Этап I. Подготовительный

Рассчитан на 3 семейные сессии с периодичностью один раз в неделю по 2 часа.

Цель: активное вовлечение семьи в работу по программе комплексного лечения ребенка с психосоматическими расстройствами при бронхиальной астме или заболеваниях желудочно-кишечного тракта.

Задачи:

1. Присоединение психотерапевта к семейной системе.
2. Семейная диагностика.
3. Выработка мотивации у членов семьи на участие в семейной психотерапии.

Методы: семейная системная психотерапия.

Этап II. Работа по векторам с родительской и детской подсистемами

Второй этап рассчитан на 28 часов, работа ведется параллельно, по двум векторам: 16 часов (8 сессий по 2 часа) в родительской подсистеме и 12 часов (8 сессий по 1,5 часа) в детской подсистеме. Регулярность встреч – два раза в неделю.

Цель: снижение напряженности внутрисемейных связей, снижение личностной тревожности у членов семьи.

Задачи:

1. Повышение информированности о проблеме психосоматических расстройств при бронхиальной астме или при заболеваниях ЖКТ.
2. Знакомство с проблемой алекситимии в «психосоматических» семьях и снижение степени ее выраженности у каждого члена семьи.
3. Диагностика особенностей совладающего поведения и индивидуально-психологических особенностей каждого члена семьи.
4. Снижение уровня личностной тревожности в родительской и, особенно, в детской подсистемах.
5. Осознание членами родительской подсистемы патологизирующей роли существующего воспитания в семье.

Особенностью работы на данном этапе является параллельное проведение психотерапии по двум векторам: родительской и детской подсистем.

Методы и техники:

- элементы рациональной психотерапии (беседа психотерапевта, разъяснение особенностей психосоматических расстройств при заболеваниях ЖКТ (дискинезии желчевыводящих путей и кишечника, гастродуоденит) или при бронхиальной астме (подробно рассказать о психосоматических и соматопсихических соотношениях при бронхиальной астме), повышение информированности о проблеме алекситимических барьеров);
- клинико-психологический метод (диагностика совладающего поведения и индивидуально-психологических особенностей членов семьи);
- техника свободного проективного рассказа;
- арт-терапия;
- психогимнастические упражнения.

Этап III. Реконструкция семьи, как системы в целом

Рассчитан на четыре семейные сессии: 1 раз в неделю по 2 часа.

Цель: реконструкция внутрисемейных отношений и закрепление адаптивных стратегий совладания с трудными ситуациями в семье.

Задачи:

1. Реконструкция границ в семейных подсистемах.
2. Профилактика ситуаций, провоцирующих конфликт в семье.
3. Преодоление алекситимических блоков в семье.
4. Совладание с конфликтными ситуациями с помощью семейного психотерапевта.
5. Проигрывание возникающих напряженных ситуаций, закрепление адаптивного семейного функционирования.

Методы: аналитико-системная семейная психотерапия; системная семейная психотерапия; семейная арт-терапия.

Этап IV. Поддерживающий

Данный этап рассчитан на две сессии (по 2 часа), частота встреч – 1 раз в месяц.

Цель: поддержание адаптивного семейного функционирования для лечения и профилактики психосоматических расстройств при бронхиальной астме или заболеваниях желудочно-кишечного тракта у подростков.

Задачи:

1. Закрепление сформированного адаптивного совладающего поведения в семье больного ребенка;
2. Проработка оставшихся алекситимических блоков;
3. Домашние задания (даются для закрепления созданных новых систем внутрисемейных коммуникаций);
4. Подведение итогов психотерапии, достижения сформированных целей и задач, соблюдение оговоренного контракта, проведение «экологической проверки»: техника совместного рисования «Моя семья счастлива», обсуждение результатов.

Методы: семейная системная психотерапия.

Комментарии: данный этап необходим для закрепления и поддержания адаптивных стратегий совладания в семье, сформированных при реализации предложенной модели психотерапии. В ходе поддерживающего этапа происходит осознание каждым членом своего места в семье и места семьи в собственной жизни, осознание необходимости собственных действий для личностного роста и развития семьи как гармоничной системы.

Домашние задания являются приемом, позволяющим семье начать отделение от семейного психотерапевта и самостоятельно устанавливать конструктивные внутрисемейные коммуникации.

Оценка эффективности модели «ромбовидной» векторной семейной психотерапии проводилась через три месяца после завершения лечения. Анализ результатов позволил отметить значимое снижение до средненормативных показателей уровня гиперпротекции, как в материнском ($p < 0,001$), так и в отцовском ($p < 0,01$) стиле воспитания. Те же закономерности были отмечены у подростков при оценке ими стиля воспитательной практики их родителей. В ходе реализации данной модели были проработаны основные причины нарушения воспитания и дисфункциональные паттерны

детско-родительского взаимодействия. У родителей отмечается значимое снижение показателей по шкалам: «воспитательная неуверенность» ($p < 0,01$), «фобия утраты ребенка» ($p < 0,05$), а также у отцов – «проекция нежелательных качеств» ($p < 0,05$), а у матерей мальчиков – «расширение сферы родительских чувств» ($p < 0,01$).

Выявлены значимые различия по всем шкалам («вина», «тревожность», «напряжённость»), свидетельствующие о снижении уровня общей семейной тревоги у всех членов семьи ($p < 0,001$). Анализ семейного копинга позволил отметить, что после проведения психотерапии у всех членов семей с подростками, страдающими психосоматическими расстройствами, выявляется переход к умеренным (сбалансированным) уровням семейных сплоченности и адаптации, что свидетельствует о повышении адаптивности внутрисемейного функционирования.

Завершением «экологической проверки» модели явилось проведение катамнестического исследования: через 6 месяцев после окончания лечения 90% семей отмечают снижение частоты и степени выраженности конфликтов в семье, преобладание конструктивных решений проблем. У 80% подростков отмечается стойкая ремиссия заболевания, у остальных 20% – снижение выраженности болевого синдрома или интенсивности протекания приступов удушья. Полученные данные свидетельствуют о гармонизации детско-родительских взаимоотношений и большей адаптивности внутрисемейного взаимодействия, что позволяет сделать вывод об эффективности проведения в ходе семейной психотерапии вторичной психопрофилактики психосоматических расстройств у подростков.

Таким образом, модель «ромбовидной» векторной семейной психотерапии помогает снять запрет на высказывание и отреагирование чувств в дисфункциональных семьях детей и подростков с психосоматическими расстройствами, позволяет выработать оптимальные способы семейного функционирования, провести коррекцию стиля воспитания и способствует установлению адекватных детско-родительских отношений. Проведение семейной психотерапии позволяет значительно повысить эффективность лечения и играет важную роль в реабилитации детей с психосоматическими расстройствами.

В связи с тем, что эффективность психотерапии материнско-детских взаимоотношений в диадах «мать – сын с БА» была доказана в ходе апробации модели «ромбовидной» векторной семейной психотерапии М.П. Билецкой [2, 3, 5], представляется актуальным проведение психологической коррекции диадных взаимоотношений в семьях с больными девочками. На основе данной модели была разработана авторская программа, целью которой является проведение психологической коррекции материнско-детских взаимоотношений в диадах «мать – дочь, страдающая бронхиальной астмой».

Методы и техники: методы системной семейной и аналитико-системной семейной психотерапии, элементы семейной арт-терапии, элементы когнитивно-поведенческой терапии, ролевые игры, элементы телесно-ориентированной терапии.

Программа рассчитана на 35 астрономических часов (с учётом параллельной работы с материнской и детской подсистемами на II этапе), продолжительность и количество встреч определяется целью и задачами каждого из этапов.

I этап. Подготовительный

Проводится работа в диадах «мать – дочь, страдающая бронхиальной астмой».

Цель: активное вовлечение в процесс психологической коррекции.

Задачи: присоединение психолога к группе, установление контакта между участниками; ознакомление участников с особенностями взаимодействия родителей и подростка; осознание внутрисемейной напряженности и разногласий в материнско-детских взаимоотношениях; выработка мотивации на участие в психологической коррекции материнско-детских взаимоотношений.

В ходе каждой из сессий происходит выработка мотивации на дальнейшую психокоррекционную работу по детской и материнской подсистемам отдельно (параллельно по «векторам»). Акцентируется внимание на то, что в каждой семье заложен саногенный фактор и подчеркивается важность работы именно в диаде «мать – ребёнок».

II этап. Работа по «векторам» с родительской и детской подсистемами

На данном этапе работа проводится по двум «векторам» параллельно: «вектор детской подсистемы» (дочери) и «вектор родительской подсистемы» (матери), активно используется групповая динамика и позитивное подкрепление друг друга участниками в каждой из групп.

Детская подсистема

Цель: снижение у девочек с БА уровней семейной вины и общей семейной тревоги, коррекция их дисфункциональных установок взаимодействия с матерью.

Задачи: снизить уровень общей семейной тревоги; снизить выраженность алекситимических блоков; способствовать развитию навыка к рефлексивному поведению; проработка дисфункциональных установок в системе отношений у дочерей.

Материнская подсистема

Цель: снижение у матерей уровня общей семейной тревоги с учётом её структурных компонентов, коррекция дисфункциональных родительских установок и паттернов материнского воспитания.

Задачи: снизить уровень психоэмоционального напряжения и выраженности алекситимических блоков; повышение родительской компетентности; проработка дисфункциональных родительских установок; провести коррекцию стиля материнского воспитания.

III этап. Основной

Проводится работа в диадах «мать – дочь с БА», также продолжается формирование навыков эффективной эмоциональной регуляции и саморефлексии, происходит закрепление приобретённых на предыдущих этапах знаний и умений.

Цель: психологическая коррекция взаимоотношений в диадах «мать – дочь с БА».

Задачи: снизить уровень общей семейной тревоги в диадах; способствовать развитию эмоциональной связи между матерью и дочерью и выработке оптимального материнско-детского взаимодействия; способствовать выстраиванию

функциональных (адаптивных) границ в материнско-детской подсистеме; способствовать повышению эффективности семейного копинга в диадах.

IV этап. Завершающий

Проводится работа в диадах «мать – дочь с БА». В ходе работы происходит подведение итогов психокоррекционных занятий, поддержка более адаптивного функционирования материнско-детской подсистемы и закрепление приобретённых на предыдущих этапах навыков и умений. В ходе него также происходит отсоединение психолога от семейных подсистем и группы в целом с использованием урежения частоты встреч, домашних заданий и их обсуждения.

Цель: подведение итогов психокоррекции и закрепление более адаптивного функционирования внутрисемейной подсистемы.

Задачи: закрепление функционального материнско-детского взаимодействия и более адаптивного внутрисемейного копинга в диадах; рефлексия, анализ результатов и отсоединение психолога от материнско-детских подсистем и группы в целом.

Проверка эффективности проходила через месяц после проведения психологической коррекции. По итогам в диадах наблюдается значимое снижение у дочерей показателей по шкалам «чрезмерность требований-обязанностей» ($p < 0,05$), «неразвитость родительских чувств» ($p < 0,1$), «проекция нежелательных качеств» ($p < 0,05$). Также анализ средних значений показал изменение показателей характеристик материнского воспитания и его восприятия дочерью, с учётом выравнивания выраженности данных параметров до среднего уровня, что свидетельствует о гармонизации взаимоотношений в диадах. Таким образом, результаты проведения психологической коррекции свидетельствуют о проработке основных причин нарушения стиля материнского воспитания и его восприятия дочерью, а также коррекции дисфункциональных паттернов материнско-детского взаимодействия, что подтверждает тенденцию к гармонизации внутрисемейных взаимоотношений в материнско-детской подсистеме.

Также в диадах наблюдается значимое снижение уровня общей семейной тревоги ($p < 0,01$) с учётом её структурных компонентов («вина», «тревожность», «напряжённость»), что возможно отражает динамику изменений в материнско-детской подсистеме.

В соответствии с «циркулярной (круговой) моделью» Д.Х. Олсона, у матерей девочек с бронхиальной астмой выявляются «разделённый» (на уровне средних значений) уровень семейной сплочённости и «хаотичный» уровень семейной адаптации ($44,05 \pm 1,7$; $37,82 \pm 0,9$; $p < 0,05$). В свою очередь, для их дочерей являются характерными «разделённый» ($28,75 \pm 1,43$; $33,91 \pm 0,82$; $p < 0,01$) уровень семейной сплочённости и «гибкий» уровень семейной адаптации ($34,3 \pm 1,73$; $29,7 \pm 1,2$; $p < 0,05$). Следовательно, в диадах «мать – дочь с БА» после проведения психокоррекции выявляется тенденция к сбалансированности уровней семейных сплочённости и адаптации, что характеризует успешность функционирования внутрисемейной подсистемы и повышение адаптивности семейного копинга в целом.

Также включённое наблюдение в ходе проведения психологической коррекции и катамнестическое исследование через месяц после её завершения, позволило отметить снижение частоты конфликтов при внутрисемейном взаимодействии в диаде, снижение выраженности алекситимических блоков и повышение уровня эмоциональной связи в материнско-детских взаимоотношениях, а также преобладание конструктивных способов разрешений проблемных ситуаций.

Заключение

Изучение психологических особенностей семей подростков с психосоматическими расстройствами позволило:

- выявить дисфункциональные паттерны взаимодействия членов данной семейной системы;
- определить эмоционально-личностные особенности «идентифицированного пациента» – больного ребенка;
- доказать, что астматический приступ или боли в животе выполняют морфостатическую функцию симптома семейной системы;

- определить основные параметры семейной системы, закрепляющие семейную дисфункцию;
- выявить особенности защитно-совладающего поведения, как членов семьи, так и семейного копинга в целом.

Таким образом, в семьях с подростками с психосоматическими расстройствами желудочно-кишечного тракта и бронхиальной астмой детско-родительские взаимоотношения носят дисфункциональный характер, вследствие чего данные семьи не могут реализовать саногенную роль в период обострения заболевания и нуждаются в оказании им психологической помощи. Модель «ромбовидной» векторной семейной психотерапии подростков с психосоматическими расстройствами и программа психологической коррекции материнско-детских взаимоотношений в семьях подростков с психосоматическими расстройствами помогают снять запрет на отреагирование чувств в дисфункциональных семьях, позволяют провести коррекцию стиля воспитания и выработать оптимальные способы семейного функционирования. Проведение семейной психотерапии позволяет значительно повысить эффективность лечения и играет важную роль в реабилитации данного контингента больных. Таким образом, в системе комплексного лечения следует проводить семейную психотерапию, которая позволяет снизить рецидивы заболевания, семейную тревогу, а также оптимизировать внутрисемейные отношения. Полученные данные могут обеспечить специалистов (практических психологов, психотерапевтов и педагогов) знаниями, необходимыми для разработки методов выявления детей и подростков с повышенным риском заболевания и его ранней профилактики, а также психотерапевтической и психолого-педагогической помощи больным с психосоматическими расстройствами.

Список литературы

1. Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С. Лечение детей с психосоматическими расстройствами. – СПб.: Речь, 2002. – 560 с.
2. Билецкая М.П. Семейная психотерапия детей с психосоматическими расстройствами (ЖКТ). – СПб.: Речь, 2010. – 192 с.

3. Билецкая М.П. Семейная психотерапия психосоматических расстройств у детей и подростков. Учебно-методическое пособие. – СПб.: СПбГПМА, 2011. – 80 с.
4. Билецкая М.П., Мельникова Н.О. Бронхиальная астма у детей и подростков и семейная психотерапия. – СПб.: «СОТИС», 2008. – 124 с.
5. Билецкая М.П., Шемет В.Е. Семейная психотерапия и психокоррекция подростков с бронхиальной астмой // «Психология человека в условиях здоровья и болезни: материалы V международной научно-практической конференции». – Тамбов: изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2015. – С. 183-188.
6. Билецкая М.П., Шемет В.Е. Семейная тревога и стиль воспитания в диадах «мать – подросток, страдающий бронхиальной астмой» // Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященный 80-летию КГМУ / Под общей редакцией проф. В.Б. Никишиной. / Курск: Изд. КГМУ, 2014. – С. 36-40.
7. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. – СПб.: Речь, 2005. – 400с.
8. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозр. психиат. и мед. психол. – 1994. – №1. – С. 63-74.
9. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. – СПб., 2003.
10. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 672с.
11. Bowen M. Family Therapy in Clinical practice. New-York: Aronson, 1978.
12. Kliewer W. Coping in Middle Childhood: Relations to Competence, Type A Behavior, monitoring, blunting and Locus of Control // Dev. Psychol.– 1991.– V.27, №4.– P.689-697.
13. Lazarus R.S. Coping theory and research: Past, present and future // Psychosomatic Medicine. – 1993. – Vol. 55. – P. 234-247.

Возможности использования терапии реальностью в психологическом сопровождении приемных родителей в рамках российско-германского проекта

«Родительское Кафе»

Булыгина Т.Б.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,

Архангельск, Россия

tatiana.bulygina@mail.ru

Аннотация: В работе представлены понятие и основные характеристики психологического сопровождения семьи, показано, что Родительское Кафе является формой кризисного, активного, стабильного и систематического психологического сопровождения семьи. Описаны задачи психологического сопровождения приемной семьи, доказана возможность терапии реальностью использования в психологическом сопровождении приемных родителей в рамках российско-германского проекта «Родительское Кафе».

Ключевые слова: психологическое сопровождение семьи, проект, «Родительское Кафе», групповой подход в консультировании, терапия реальностью.

Известно, что психологическое сопровождение в научном знании понимается, с одной стороны, как поддержка психически здоровых людей, у которых на определенном этапе развития возникают личностные трудности или помощь субъекту в формировании ориентационного поля развития, ответственность за действия в котором несет сам субъект. С другой, как один из видов социального патронажа — социально-психологический патронаж, предполагающий не исправление недостатков, а поиск скрытых ресурсов развития человека, опору на его собственные возможности и создание на этой основе психологических условий для восстановления связей с миром людей. В-третьих, как процесс особого рода бытийных отношений между сопровождающим и теми, кто нуждается в помощи, а также это движение вместе с изменяющейся личностью

(Битянова М.Р., 1998; Казакова Е.И., 2001; Мухина В.С., Осухова Н.Г., 2001; Щербанец Е.Ю., 2007).

В свою очередь, психологическое сопровождение семьи можно рассматривать как интегративную технологию, суть которой состоит в создании условий для поддержки семьи на всех этапах формирования новых отношений человека с собой и миром, восстановления потенциала развития и саморазвития членов семьи. В процессе психологического сопровождения семьи происходит ее адаптация к жизни, эффективное выполнение отдельным человеком или семьей своих основных функций. Основными характеристиками психологического сопровождения семьи являются процессуальность, пролонгированность, недирективность, погруженность в реальную повседневную жизнь человека или семьи, особые отношения между участниками этого процесса, переход личности и (или) семьи к самопомощи (Мамайчук И.И., 2001; Осухова Н.Г., 2001).

Известно, что современные родители не оправдывают ожиданий общества из-за низкого уровня их психолого-педагогической компетентности, социальной зрелости, передачи ответственности за воспитание своих детей школе, обществу, неравномерного распределения воспитательной активности между отцом и матерью, появления феномена социального сиротства и т.п. Поэтому необходимо осуществлять поиск новых форм психологического сопровождения семье.

Такой новой формой можно считать Родительское Кафе. Подобная форма работы с родителями существует в дошкольных учреждениях и начальных школах г. Эмден (Германия) с 2004 г. и в школах Архангельской области России с 2009 года. С 2011 года психологическая поддержка оказывается приемным семьям на базе Архангельской региональной общественной организации «Приемная семья» при сотрудничестве с Центром охраны прав детства г. Архангельска. Научно-методическое сопровождение российско-германского проекта «Родительское Кафе» с немецкой стороны осуществляют преподаватели и студенты отделения социальной работы и здоровья университета прикладных наук г. Эмден/Леер; с российской – преподаватели и студенты кафедры психологии института педагогики и психологии САФУ.

Цель создания таких родительских кафе состоит в усилении ответственности родителей в области воспитания детей через совместную деятельность в Родительском

Кафе в группах родители - родители, родители – дети, родители – специалисты системы образования, учреждений культуры. В качестве задач выступают: 1) повышение психологической компетентности родителей в области воспитания; 2) приобретение родителями опыта группового обсуждения проблем, связанных с воспитанием детей; 3) развитие воспитательных ресурсов семьи, навыков самопомощи через непосредственное сотрудничество родителей друг с другом, а также потребности к саморазвитию через воспитание своих детей; 4) оптимизация детско–родительских отношений; 5) формирование способности предупреждать появление сложных кризисных ситуаций, связанных с воспитанием подрастающего поколения; 6) развитие непрерывных отношений со школой с целью оказания психолого–педагогической поддержки родителей.

Встречи в родительских кафе проходят в течение учебного года 1 раз в неделю. Их организует модератор, который является, как правило, специалистом этого учреждения или волонтером Родительского Кафе. В группы в зависимости от темы встреч могут входить родители, их дети разного возраста, другие члены семьи, специалисты образовательных, культурных и социальных учреждений. Непосредственно саму психологическую работу с родительскими группами осуществляет практический психолог/групповой консультант, роль которого заключается в сопровождении или фасилитации взаимодействия между членами группы, создании условий для установления личных целей, перевода инсайта в конкретный план действий, который будет реализован вне группы и т.п.

Специфика реализации проекта «Родительское Кафе» состоит в использовании группового подхода, который является более эффективным, поскольку группа объединяет людей разных по возрасту, полу, профессии, статусу, интересам, происхождению и типу проблем. В этом случае, группа представляет собой образец реальности, в котором члены группы могут увидеть себя глазами разных людей, испытывать симпатию и антипатию друг к другу, смоделировать проблемную ситуацию, поэкспериментировать с альтернативными формами поведения, отработать более эффективные социальные навыки, приобрести чувство принадлежности и сплоченности. В таких группах происходит обмен опытом, обучение тому, как решать проблемы,

оказание помощи в развитии системы внутренней поддержки, которая будет действовать внутри группы и за её пределами, что создает условия для появления родительских групп самопомощи. Группы могут быть использованы для обучающих, терапевтических, превентивных и оздоравливающих целей и чаще являются проблемно-ориентированными (Булыгина Т.Б., 2013, 2015). Формирование группы осуществляется на принципах добровольности участия, приоритета интересов родителей, активности, открытости, партнерского общения, свободы и ответственности за выбор варианта решения своей актуальной проблемы, осознания своего родительского поведения. Опираясь на принцип приоритета интересов, родители самостоятельно определяют тему встреч в Родительском Кафе, что в дальнейшем и снижает риск возможных уходов из групп.

Предпочитаемыми темами родителей являются:

- как «правильно» общаться со своими детьми, близкими;
- как научиться принимать свои чувства и доверять им;
- как стать сильным родителем и что это значит;
- как «правильно» любить себя и своих близких;
- как научиться заботиться о себе;
- как принять себя и своих детей, стать более чувствительным к потребностям и чувствам своих детей и т.п.

Информацию о формировании группы и тематике встреч родители получают на родительских собраниях, в ходе бесед с классными руководителями, психологом-педагогом и школьниками, а также через чтение объявлений школьного стенда «Родительское Кафе», записей в дневниках учащихся и т.п. При этом, наш опыт психопрактической работы доказывает целесообразность использования среди таких методов группового обучения, как социально-психологический тренинг, семинар-тренинг, семинар-практикум и др., метод анализа конкретных случаев, т.к. родители совместными усилиями группы научаются анализировать ситуацию, осуществлять поиск стратегий её разрешения, определять последствия её разрешения или не разрешения, работать на едином проблемном поле. К преимуществам этого метода относится также получение навыков работать в команде, развитие коммуникативных навыков, навыков самоанализа, актуализации знаний своих особенностей и особенностей детей,

презентации своего мнения и т.п. Это способствует развитию уверенности при выборе воспитательного воздействия, его осознанности, развитию позитивного мышления и оптимизма (Матвеева А.В. и др., 2012; Зайкова Д.А. и др., 2012; Евсеева Ю.А. и др., 2014). Кроме того, Родительское Кафе также может выполнять функцию «скорой помощи». В данном случае используется групповой метод кризисной интервенции. За весь период реализации проекта на разных площадках было организовано более 34 краткосрочных, чаще обучающих/темоцентрированных групп (в рамках проекта их называют «мобильными» родительскими кафе, которые организуются на базе одного из школьных классов) и действовало 4 постоянно-действующие общешкольные родительские группы, на основе которых появились 2 группы самопомощи. При формировании новой (краткосрочной) группы участниками проекта определяются её цели и задач, типы участников, способы объявления о наборе в группу, тип группы (открытая или закрытая), методы воздействия, объем часов. Обязательным условием является включение в новую группу родителей-волонтеров из состава постоянно-действующих групп, которые, имея опыт групповой работы и решив часть своих проблем, становятся ассистентами в развитии навыков, направленных на решение конкретных ситуаций или даже со-консультантами. Они усиливают группу и работу группового консультанта, выступая иногда в качестве своего рода модели для подражания, идентификационным образцом, помогая усвоить, например, новый стиль взаимоотношения с ребенком, членами семьи или педагогическим коллективом. Наш опыт психопрактической работы показывает, что родители, имеющие негативный опыт взаимодействия со школой или психологами, не справляющиеся с воспитанием своих детей и т.п., лучше «слышат и видят» такого же родителя, сидящего рядом «за чашкой чая», чем специалиста. Часто родители-волонтеры становятся дополнительным ресурсом родителей, оказавшихся в сложной кризисной ситуации, помогая им не впасть в отчаяние и сопровождая их до тех пор, пока не будет пройден кризисный период (Булыгина Т.Б., 2015).

Таким образом, сегодня можно утверждать, что Родительское Кафе является формой кризисного, активного, стабильного и систематического психологического сопровождения семьи, что предполагает создание условий для поддержки семьи на всех

кризисных этапах её становления, эффективного выполнения членами семьи своих основных функций, восстановления потенциала развития и саморазвития членов семьи. Кроме того, психологическое сопровождение семьи означает процесс взаимодействия сопровождающего и сопровождаемого, результатом которого является решение или действие, ведущее к прогрессу в развитии сопровождаемого. В качестве основных принципов психологического сопровождения семьи мы рассматриваем приоритет потребностей каждого члена семьи, целей и ценностей его развития, веру в их силы, автономию и независимость, опору на ее ресурсы, квалифицированную помощь и поддержку естественного развития.

Известно, что приемным родителям справиться с кризисными этапами становления их семьи, со своими функциями в большинстве случаев сложнее, чем родным. Поэтому они нуждаются в пролонгированном формировании специфических родительских компетенций (Ослон В.Н., 2010). Как уже указывалось выше, волонтеры АРОО «Приемная семья» и специалисты Центра охраны прав детства г. Архангельска в 2011 году решили принять участие в реализации российско-германского проекта «Родительского Кафе». Одной из целей объединения ресурсов вузов, НКО России и Германии является психологическое сопровождение приемных семей на всех достаточно сложных этапах её становления и развития. К этапам становления и развития приемной семьи относятся: подбор семьи и ребенка, подготовка семьи и ребенка к процедуре приема, функционирование семьи в качестве приемной, «выход» подопечного из семьи. В.Н. Ослон в качестве задач психологического сопровождения на первых двух этапах выделяет подбор достаточно ресурсной семьи для ребенка, подготовка к семейной жизни, помощь в создании психологического пространства для приемного ребенка в семье, а в качестве психологических мишеней - взаимные ожидания и страхи, мотивация приема, актуализация ресурсов семьи. В свою очередь, задачами психологического сопровождения этапа функционирования семьи в качестве приемной по её мнению являются интеграция ребенка в приемную семью и другие социальные институты, профилактика и коррекция кризисных состояний, поддержка идентификации ребенка с биологической семьей, если это не противоречит его интересам, подготовка к самостоятельной жизни. Психологические мишени этого этапа: взаимная идентификация

ребенка в приемной семье, переструктурирование семейной системы, родительское (материнское) отношение, контролирующее поведение родителей и их навыки «контейнирования» тревоги, специфические родительские компетенции, поведение семьи как системы, формирование позитивного отношения к приемному ребенку и т.п. (Ослон В.Н., 2010). В свою очередь, наш опыт показывает, что в качестве психологических мишеней этапа «выхода» подопечного из семьи выступают страх ухода ребенка в биологическую семью, невозможности сохранить с ним отношений, неудовлетворенность результатами воспитания, ощущение тщетности приложенных усилий. Групповые встречи в течение первых лет в Родительском Кафе позволили также определить, что приемные родители оказались не готовыми к:

- отсутствию поддерживающей среды для приемных семей в обществе, в частности, на территории их проживания, в ближайшем окружении;
- перераспределению семейных ролей, образованию новых коалиций, изменению в семье внешних и внутренних границ, уровне близости между ее членами;
- депривационным нарушениям в развитии у приемного ребенка, пережившего серьезную психологическую травму;
- нарушению баланса между автономией и симбиозом в воспитании детей;
- определению личных ресурсов, собственной силы, слабостей и ограничений.

Кроме того, в данном проекте большинство приемных матерей не замужем, не имеют партнера, который бы оказал им поддержку. Есть и такие женщины, которые выполняют свою роль в отношении приемного ребенка в более старшем возрасте, чем биологические. Для них характерно стремление «заместить» отсутствующие или неудовлетворяющие их эмоциональные отношения со значимыми другими сверхблизкими отношениями с приемным ребенком, смешение родительских ролей (материнских и отцовских, родительских и прародительских) в одной семье; тревога по поводу бесполезности собственных усилий по воспитанию ребенка, мистификация образа ребенка и собственной «спасительной миссии» и т. д.

Специфика реализации проекта «Родительское Кафе» на базе АРОО «Приемная семья» состоит в том, что состав группы является постоянным в количестве 10-12 человек, при этом группа является открытой и её состав в зависимости от темы встреч

может составлять до 25 человек. В течение 5 лет были проведены семинары-тренинги «Как поощрять и наказывать своих детей» (16 час.), «Как общаться с моим ребенком» (16 час.), «Как стать хозяином своих эмоций» (14 час.), «Встречи с собственным детством» (8 час.); семинары-практикумы «Как мы создаем проблемы себе и своим детям и как можно их решать» (18 час.), «Кто такой отец и зачем он нужен» (12 час.), «Поговорим о любви» (12 час.); тренинг «Оптимизация детско-родительских отношений средствами арт-терапии» (12 час.) и др. При такой постоянной системе поддержки у приемных родителей появился общий опыт анализа и решения кризисных ситуаций, накопился потенциал самостоятельного решения своих проблем, сформировался положительный «Я-образ», расширилось количество воспринимаемых альтернатив, появилась возможность получения обратной связи, оказания помощь другим.

Опыт работы с приемными семьями в рамках российско-германского проекта «Родительское Кафе» доказывает эффективность использования таких теоретических подходов к групповому консультированию, как бихевиористский, когнитивный, психодинамический, гештальт-подход, драматерапии. Но в рамках данной статьи рассмотрим возможность применения терапии реальностью в объеме 16 часов в групповом консультировании родителей из приемной семьи.

Терапия реальностью, возникшая в 1960-е годы с целью психокоррекционной работы с молодыми правонарушительницами, была разработана У. Глассером и исходит из того, что изначальное поведение клиента неадекватно, нереалистично и безответственно. Поэтому именно поведение должно стать предметом анализа и коррекции. Центральным понятием в данном подходе является чувство реальности, при этом игнорируются понятия, связанные с объяснением причин расхождения между планами человека, касающихся его поступков и их реализации ("защитные механизмы", "неосознаваемые влечения" и т.д.). В результате ослабления чувства реальности у клиента резко понижается чувство ответственности перед самим собой за результаты своих действий. Человек начинает считать себя "игрушкой в руках судьбы". Во главе этого подхода стоит побуждение клиента брать на себя ответственность и добиваться поставленных целей, если они реальны.

Суть терапии реальностью заключается в том, чтобы помочь клиентам:

- стать психологически сильными, практичными, самостоятельными;
- оценить свое поведение с точки зрения того, носит ли поведение характер соперничества, может ли действие совершаться без значительного умственного усилия, без посторонней помощи, не прибегая к самокритике, является ли оно значимым для человека, имеется ли убежденность в том, что в результате подобного поведения произойдут улучшения образа жизни;

- осознать, что каждое действие человека является попыткой удовлетворить потребности в выживании, любви и принадлежности, силе и власти, свободе и удовольствии;

- осознать, чего они хотят в своей жизни и принять ответственность за то, как они проживают свою жизнь, сосредотачивая внимание членов группы на способах изменения прежнего поведения, достижении целей и на том, чтобы не мешать другим;

- выбрать отношение к себе и другим;

- сосредоточиться на решении проблем и приспособлении к социальной реальности посредством осуществления более эффективных выборов;

- выработать реалистичный план удовлетворения личных потребностей и желаний;

- обучиться делать более эффективные выборы, изменить свое поведение, усилить контроль над своей жизнью, полноценно удовлетворяя свои потребности;

- изучить альтернативные формы поведения, решений и результатов и заключить контракт;

- научиться предотвращать проблемы;

- исследовать собственные возможности в достижении избранных целей, возможность поддержки или её отсутствия со стороны окружающих;

- приобрести идентичность успеха, которая позволяет жить более продуктивно и гармонично;

- делать акцент на действиях «теперь», в настоящем;

- устанавливать значимые отношения в группе, основанные на понимании, одобрении, эмпатии и готовности консультанта выразить веру в способность клиента измениться (Глэддинг С., 2002; Кори Д., 2003).

В качестве ключевых процедур терапии реальностью выступает WDEP-система (Кори Д., 2003). Каждая из букв означает кластер стратегий: W (want) - желания, D (direction) – действия и направление действий, E (evaluation) – самооценка, P (plan) – планирование, которые обеспечивают изменения. Так, стадия W (want) направлена на выяснение желаний членов группы и того, что они делают в настоящее время: «Чего вы хотите? Чего вы хотите от жизни, но пока не получили? Если бы вы изменились, чем бы вы ваша жизнь отличалась от нынешней? Если вы изменитесь, будете ли вы чувствовать себя лучше? Что вы можете сделать для того, чтобы изменить существующее положение дел?» или «Каким человеком ты хотел бы быть? На что похожа была бы твоя семья, если бы её и твои желания совпадали? Что бы ты делал, если бы жил так, как хотел?» и т.п.

На стадии D (direction) продолжается дальнейшее исследование направления жизни клиентов. Их просят посмотреть на свое нынешнее поведение и определить, соответствует ли оно их желаниям: «Что вы делаете сейчас? Что именно вы делали на прошлой неделе? Что бы вы хотели изменить в прошедшей неделе? Что останавливает вас и не дает сделать то, о чем вы сказали? Что вы будете делать завтра?» Пока человек не оценит свое поведение, он не измениться. На стадии E (evaluation) осуществляется помощь в оценивании своего поведения, определении того, насколько ответственным оно является: «Что я делаю сейчас? Позволяет ли мне это поведение достичь того, что я хочу? Работает ли оно так, как предлагалось? Конструктивный ли выбор я сделал?». Действия клиента, которые не вносят вклад в удовлетворение им своих потребностей, зачастую приводят к отчуждению его от самого себя и от значимых других. Если клиент признает свое поведение непроизводительным, он становится заинтересованными в его изменении. Если не происходит такого осознания, терапевтический процесс может прерваться.

На стадии P (plan) клиент сосредоточивается на составлении плана изменения поведения. Лучшими являются простые, достижимые, реалистичные, конкретные, поддающиеся измерению, безотлагательные, последовательные и повторяемые планы

(Wubbolding, 1998). Здесь задаются вопросы: «Что? Где? Когда? С кем? Как часто?» или «Что вы можете сделать сегодня, чтобы начать изменять свою жизнь? Что вы можете сделать сегодня, сейчас, чтобы доставить себе удовольствие?». План нужно оценить в группе с точки зрения его достижимости, реалистичности и записать в виде письменного контракта, где расписываются сроки выполнения тех или иных задач, разъяснены альтернативы. Его выполнение должно контролироваться клиентами. Затем необходимо взять обязательство следовать плану действий. В этом случае, можно произвести самооценку уровня готовности следовать согласно выработанному плану действий:

1 уровень: «Я не хочу быть здесь. Оставьте меня в покое».

2 уровень: «Я хотел бы дойти до конца, но я не хочу ничего менять».

3 уровень: «Я попытаюсь. Я могу. Я смогу».

4 уровень: «Я буду делать все, на что способен».

5 уровень: «Я буду делать это, что бы не происходило».

Если клиент честно следует своему плану, то он становится моделью для остальных членов группы. Если же он не выполнит план действий, то никаких обвинений или наказаний со стороны консультанта не последует, никакие оправдания не будут приняты. Тем самым, ответственность полностью возлагается на клиента (Кори Д., 2003). В терапии реальностью используются такие техники, как обучение, ролевая игра, конфронтация с теми, которые живут нереалистично, использование юмора, метафоры, прием самораскрытия, моделирование поведения, ориентированного на успех, обратная связь, вовлечение, прием раскрытия информации о себе формулировка определенных планов действий и контрактов. При этом, единственная стратегия, которую используют в терапии реальностью – это позитивность: терапевт обсуждает, обращает внимание и подкрепляет только позитивное и конструктивное планирование и поведение (Глэддинг С., 2002; Кори Д., 2003).

Таким образом, терапия реальностью, во-первых, является формой экзистенциальной терапии, поскольку поощряет клиентов принять доступную им свободу, не забывая о своей ответственности и делая акцент на самооценке, потребностях, желаниях, выборе. Во-вторых, её можно отнести к когнитивно-поведенческому подходу из-за акцента на системе восприятия и поведении. В-третьих,

она направлена на понимание субъективного внутреннего мира человека, активизацию его чувства оптимизма в реализации своего потенциала при построении отношений клиент/терапевт, что позволяет терапию реальностью отнести к феноменологическому подходу. Возможность использования терапии реальностью в психологическом сопровождении приемных родителей в рамках российско-германского проекта «Родительское Кафе» обусловлена тем, что она является гибким, мощным и действенно-ориентированным подходом в групповом консультировании и является профилактической по своей природе. Терапия реальностью не является обобщенной, она конкретна, активна, директивна, дидактична и отличается кратковременностью применения, обычно ограничивается относительно небольшим количеством сессий (напомним, в данном случае в объеме 12 час.), позволяет оценить консультанту и клиентам, какой достигнут прогресс и в каких областях. И, наконец, терапия реальностью может применяться при работе с различными категориями населения и, в частности, подходит для группового семейного и супружеского консультирования. При этом полезность терапии реальностью зависит от установления хороших отношений между клиентом и консультантом, а также качества двусторонней связи уровня вербального взаимодействия, поэтому от членов группы требуется адекватное выражение своих потребностей, выборов и планов. Опыт группового обсуждения проблем, приобретенный приемными родителями в ходе проведенных психологических мероприятий, позволяет это делать.

Соотнесем цели и задачи проекта «Родительское Кафе» с основными положениями терапии реальностью.

Цель и задачи проекта «Родительское Кафе»	Основные положения терапии реальностью
--	--

<p>Усиление ответственности родителей в области воспитания детей через совместную деятельность в Родительском Кафе в группах родители - родители, родители – дети, родители – специалисты системы образования, учреждений культуры</p>	<p>Обучение членов группы реалистичным и ответственным формам поведения, что означает удовлетворение своих потребностей таким способом, который не лишает других возможности удовлетворять свои потребности. Потребность сотрудничать, участвовать (разделять с кем-либо что-либо) и любить, потребности в свободе, в интересном (развлечении, забаве) и могуществе являются фундаментальными потребностями человека.</p>
<p>Повышение психологической компетентности родителей в области воспитания</p>	<p>Мы являемся творцами своей судьбы, а не ее жертвами. Формирование активной жизненной позиции клиентов осуществляется через принятие ответственности, повышение внутренней свободы в конкретных жизненных ситуациях, активизацию "чувства реальности" и помощь в преодолении разрыва между их планами и их осуществлением в реальной жизни. Освоение стратегий WDEP-системы. Развитие способности быть рассудительными, эмоционально устойчивыми.</p>
<p>Приобретение родителями опыта группового обсуждения проблем, связанных с воспитанием детей. Развитие воспитательных ресурсов семьи, навыков самопомощи через непосредственное сотрудничество родителей друг с другом, а также потребности к саморазвитию через воспитание своих детей</p>	<p>Групповая атмосфера приглашает членов группы к сотрудничеству, которое обеспечивает одновременно поддержку и вызов к честной оценке неэффективного поведения, к обучению составлению плана действий и оказанию помощи друг другу в принятии ответственности через эффективный выбор. Без реализации своей потребности в принадлежности невозможно достичь контроля над своей жизнью.</p>

<p>Оптимизация детско– родительских отношений.</p>	<p>Отношения консультирования характеризуются причастностью, состраданием, заботой, честностью и отсутствием разочарования в клиентах. Задача консультанта состоит в том, чтобы создать доверительные и ответственные отношения с клиентами без принуждения.</p>
<p>Формирование способности предупреждать появление сложных кризисных ситуаций, связанных с воспитанием подрастающего поколения</p>	<p>Помочь клиентам научиться предотвращать проблемы, самостоятельно формировать свою судьбу, контролировать свое поведение, изменять собственные паттерны поведения и мышления.</p>
<p>Развитие непрерывных отношений со школой с целью оказания психолого– педагогической поддержки родителям</p>	<p>Люди действуют с целью придать своей среде форму и согласовать её со своими внутренними представлениями о том, что чего они хотят, что требует напряженной работы.</p>

Как можно убедиться, соотнесение цели и задач проекта «Родительское Кафе» с основными тезисами терапии реальностью доказывает целесообразность её использования в групповой работе с родителями.

Список литературы

1. Битянова М.Р. Психолог в школе: содержание и организация работы. - М.: Сентябрь, 1998. – 127 с.
2. Булыгина Т.Б. Психологическое сопровождение семьи в рамках российско-германского проекта «Родительское Кафе»: опыт и перспективы // Казанский педагогический журнал. - 2015. - №4 (111). - Часть 2. - С. 389-392.
3. Глэддинг С. Психологическое консультирование.– СПб: Питер, 2002. – 736 с.

4. Евсева Ю.А., Булыгина Т.Б. Формирование продуктивных копинг-навыков у матерей подростков с девиантным поведением средствами социально-психологического тренинга и через освоение метода кейс-стади // Психология и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Вып. 7. Ч. 1 / Сост. и отв. ред.: О.Е. Кузнецова. – Архангельск: КИРА, 2014. – С. 64-66.

5. Зайкова Д.А., Булыгина Т.Б. Метод решения конкретных ситуаций как средство оптимизации детско-родительских отношений // Психология и современный мир: материалы научной конференции с международным участием. Вып.4. Ч.1 / Сост. и отв. ред. Е.В. Казакова – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. – С.174-178.

6. Казакова Е.И. Сопровождение развития – новая образовательная технология // Психолого-педагогическое и медико-социальное сопровождение развития ребенка: Материалы Российско-фламандской конференции. – СПб: Институт специальной педагогики и психологии, 2001. – С. 9-14.

7. Как стать сильным родителем: учебное пособие / Под ред. Т.Б. Булыгиной. - Архангельск: Кира, 2013. - 256 с.

8. Кори Д. Теория и практика группового консультирования. - М.: Эксмо, 2003. - 640 с.

9. Мамайчук И.И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии. - СПб: Речь, 2001. – 220 с.

10. Матвеева А.В., Булыгина Т.Б. Метод анализа конкретных случаев при работе с родителями как условие предупреждения психологических проблем их детей школьного возраста // Психология и современный мир: материалы научной конференции с международным участием. Вып.4. Ч.1 / Сост. и отв. ред. Е.В. Казакова – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. – С. 184-186.

11. Ослон В.Н. Психологическое сопровождение семьи с приемным ребенком: концепция, инновационные технологии // Психологическая наука и образование. - 2010. - № 5. – С. 148-156.

12. Осухова Н.Г. Психологическое сопровождение семьи и личности в кризисной ситуации // Школьный психолог: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». - 2001. - № 31 (вкладыш).

13. Щербанец Е.Ю. Соотношение психологической поддержки и психологического сопровождения в процессе психологической помощи родителям и детям с отклонениями в развитии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. - 2007. - № 3. - С. 351-354.

Психодинамика межпоколенческой передачи травматического опыта в условиях семьи: история и современность

Бурлакова Н.С.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

naburlakova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу психодинамики межпоколенческой передачи травматического опыта в условиях семьи на примере наиболее исследованного в зарубежной психологии прецедента психоисторической травмы – межпоколенческой трансляции опыта Холокоста второму и последующим поколениям, что позволило сделать ряд важных выводов, осознать фундаментальность культурного явления межпоколенческой трансмиссии, не связанного исключительно с темой еврейской национальной идентичности. Анализ передачи опыта одного поколения другому должен стать необходимым методологическим и смысловым моментом важным для каждого культурно-исторического клинико-психологического исследования.

Ключевые слова: Межпоколенческая передача, семья, травматический опыт, культурно-исторический анализ.

Передача опыта, понимаемого в широком смысле, от одного поколения к другому, являясь областью междисциплинарного интереса разных наук, по-прежнему наиболее сложна в плане исследования. Антропология, история, культурология, социология, педагогика, психология, а также ряд других дисциплин постоянно имеют дело с разными вариантами трансляции опыта, осуществляемом как на непосредственном уровне взаимодействия между людьми (например, представленных в характере отношений членов семьи разных поколений и рассказываемых ими историй), так и на уровне рефлексивной передачи опыта (обучение, педагогические и воспитательные стратегии, типы наиболее востребованного опыта для передачи в политическом и историческом дискурсе, меморализация, организация общественных дебатов (какие уроки необходимо извлечь из тех или иных исторических событий) и пр.). Вопрос об исторической памяти, идентификации, культурных и социальных механизмах передачи важных смысловых содержаний, составляющих остов жизни того или иного поколения, впоследствии так или иначе оказывающих влияние на становление национальной, социальной, личностной идентичности в последующих поколениях заострен и актуален в реалиях сегодняшней жизни (Йейтс Ф., 1997; История и память, 2006; Хальбвакс М., 2005; Хаттон П., 2003). Отдельный интерес представляет частный ракурс этой проблемы - передача особых эмоциональных типов опыта, связанных с глубокими травматическими переживаниями, в условиях семьи, и шире – из поколения в поколение. Обратимся к психологическим и клинико-психологическим исследованиям, которые так или иначе заостряют внимание на социальном и культурном контексте передачи травматического опыта от членов семьи одного поколения к последующему поколению. Классический психоанализ, открывший в неврозе взрослого историю детства, а также линию преемственности, психологической наследуемости неврозов, открывает тем самым и связь между поколениями. Впоследствии изучение механизма бессознательной идентификации с родительскими объектами в ходе детского развития также дало новый импульс для разработки данной темы. Отдельным аспектом в классическом психоанализе являлось обсуждение трансляции запретов (прежде всего на инцест и отцеубийство) и вины, что реализовано посредством социальных и культурных механизмов и структур, как по отношению к родителям, так и их детям. Таким образом вопрос о межпоколенческой

передаче конкретизировался в психодинамической психологии со стороны особых эмоциональных угроз и социальных запретов; истоков и содержания невроза; механизмов, участвующих в передаче такого рода (Фрейд «О нарциссизме», «Толкование сновидений», «Тотем и табу» и др.). Проблема, обозначенная Фрейдом, не потеряла своей актуальности и поныне, но полем ее рассмотрения стали преимущественно психотерапевтические случаи. Психоаналитики, а несколько позже и психотерапевты других направлений, прежде всего представители семейной психотерапии (Теория семейных систем..2005 и др.), неоднократно показывали в своем анализе случаев различные социальные механизмы трансляции опыта, прежде всего патогенного, в жизни семей от поколения к поколению. В этой связи с положением о существовании социальных и культурных механизмов передачи опыта сегодня никто всерьез спорить, вероятно, не будет. Проблема состоит в том, чтобы поднять уровень такого рода исследований от частных наблюдений психотерапевтов до уровня систематических культурно-исторических исследований, которые остаются малочисленными в отечественной психологии (Бейкер К., Гиппенрейтер Ю.Б., 2005).

Вопрос о передаче опыта одного поколения к другому и вкладе данного процесса в становление психической организации стал усиленно разрабатываться в зарубежной психологии в связи с опытом мировых войн и болезненных разрывов в преемственности поколений, а позже в связи с сексуальной революцией 60-ых, со свойственной ей отрицанием родительской морали. Введение в психоанализ социологического и социально-психологического модуса мышления позволило ввести его в широкий круг социальных наук, так в связи с историей поколений, в том числе стала рассматриваться проблематика идентичности и ее кризисов (Эриксон Э., 1996; Андреева Г.М., 2011; Бурлакова Н., Олешкевич В. 2011). В связи с обозначенным контекстом постепенно в социальных науках, психологии стало все шире обсуждаться, возникшее на стыке культурных, социальных и групповых исторических реалий с одной стороны, и индивидуальных жизненных историй, - с другой, понятие «исторической травмы», «мультигенерационной травмы», «культурной травмы» (Danieli, Y. (Ed.),1998; Александер Дж., 2013; Травма: пункты, 2009). Во всех этих понятиях подчеркивается вынужденное переживание членами некоторого социального сообщества каких-либо

катастрофических событий, впечатывающихся в их групповое и личное сознание и «коренным и необратимым образом изменяющих их будущую идентичность» (Александр Дж., 2013, с. 255). Все чаще в современных психологических исследованиях стали использоваться понятия «социальной, коллективной виктимизации» (подчеркиваются процессуально-объективные характеристики коллективного принуждения и насилия одной социальной группы над другой с целью достижения политических экономических и социальных целей) и «коллективной виктимности» (субъективно воспринимаемое и переживаемое состояние виктимности в ответ либо на актуальные, либо на удаленные во времени социальные катастрофы) (Vollhardt J.R.). В этой связи обращение к конкретным исследовательским материалам, собранным применительно к прецеденту исторической травмы, а именно к межпоколенческой трансляции опыта Холокоста второму поколению, культуре выживания и возможности справиться с ужасным следом пережитого, является актуальным как для области клинической психологии, так и для семейной психологии, социальной психологии, а также для *социальной терапии (в самом широком смысле этого слова) последствий такого рода социальных катастроф, а также их предупреждения*. В психологических исследованиях, посвященных теме межпоколенческой передачи травматического опыта Холокоста, одной из первых появились работы А. Фрейд, написанные в соавторстве с Д. Барлингем и С. Данн в 40-50-е гг. Первоначально основанием для обсуждения стала тема ранней потери значимого объекта у детей-сирот, освобожденных из концентрационного лагеря Терезин и лечившихся в Англии. Опыт наблюдений за этими детьми, а также попыток их психотерапии позволил А.Фрейд сформулировать и ныне актуальный вопрос о принципиальной возможности восполнения дефицита эмоционального опыта, относящегося к достаточно ранним детским переживаниям, на который впоследствии по-своему пытались отвечать многие из известных психотерапевтов (Б. Беттельхейм, Ф. Александер, М. Малер и др.). Впоследствии тема травматического опыта и его влияния на жизнь последующих поколений стала активно разрабатываться применительно как ко второму поколению выживших после Холокоста, так и применительно к группе евреев, успевших иммигрировать из Германии, нашедших вторую родину в Канаде, США, других странах, однако переживания их детей, память

также травматично окрашены стыдом и виной (Freund, A., 2009). Пытаясь содержательно определить, что же являет собой сущностно «второе поколение» психотерапевт Е. Хоффман (2004) - потомок выживших, отмечает два момента: «Сознание войны, в самых экстремальных и жестоких проявлениях, казалось пришедшее с первым пробуждением самосознания» без собственного «прямого» опыта смерти и коллективного насилия, а также различные «парадоксы косвенных» (р.27), мощных и опосредованных форм знаний, преследующих второе поколение, делающих его носителем травм, которые предшествовали ему. У второго поколения - поколения детей выживших - исследователи видели те же самые симптомы, что и у актуально переживших ужасы Холокоста (Varocas С., Varocas Н., 1973; Тарабрина Н.В., Майн Н.В., 2013). Речь шла о своеобразном психологическом увековечивании Холокоста, его «продолжении» в личных историях последующих поколений, охваченных травматическим опытом, выпавшим на долю их родителей (Fonagy, P. 1999; Gruenberg К., Rosental N., 2007). Эти наблюдения сподвигли к пониманию, что в данном случае речь идет не только о собственно передаче травматического опыта, но и о некоторой *психодинамике*: родителям важно изжить, справиться с сильными негативными переживаниями, в таком случае ребенок часто воспринимается как некоторый материал для канализации этого опыта, и этот опыт задает некоторые своеобразные «формы», в которые он может быть вылит в ходе воспитания и в индивидуальном, и в национальном, масштабе. В этом будет состоять некоторая общая родительская идеология: выжившим важно передать этот сложный и катастрофичный опыт, говорить о нем, чтобы он не повторился. Но даже в том случае, если взрослый молча, наедине хотел изжить все выпавшие на его долю ужасы и лишения, все равно это особым образом окрашивало его отношение к своему ребенку (Adelman А., 1995). И действительно, к детям, рожденным сразу после Холокоста, практически не относились как к индивидуальностям, а скорее как к некоторому символу того, ради чего выжили их родители, символу победы над нацистами (Wardi D., 1992). Для многих ребенок был способом реконструировать, в первую очередь, свою идентичность, что, однако, мешало детям создать свою идентичность и быть личностями. Во многом они были способом избавиться от пустоты, оставленной войной и Холокостом, и от внутреннего хаоса,

задача второго поколения состояла в воссоздании семьи, нации. Часто второе поколение сравнивают с одновременно присутствующей надеждой на будущее и памятью о прошлом, восстанавливающим для своих родителей связь с исчезнувшим членом семьи (Randolph L. Braham, Ed. 1992). Израильский психотерапевт Дина Варди (1992) называет таких детей «мемориальными свечами Холокоста», вынужденным делом жизни которых стало настойчивое создание определенного поколенческого продолжения. Дети должны во что бы то ни стало воспринять этот опыт, чтобы с ними не произошло подобного. Тем самым поневоле внедрялся страх вместе с ощущением некоторой обязанности: продолжить семью, семейную историю, восстановить связь поколений, сопряженный и с не менее актуальным другим обязательством: многого достигнуть в жизни, чтобы оправдать страдания ушедших и выживших, и отчасти тем самым утешить родителей. Это, конечно, создавало высокое внутреннее напряжение, уводило от своих собственных переживаний и порождало ряд проблем у потомков. Kellermann N. (2000), суммируя, пишет в этой связи о «проблемных областях», с которыми сталкивается второе поколение, относя их к следующим психологическим составляющим: проблемы Я и идентичности; особенности мышления; аффективные переживания; интерперсональные отношения. Соответственно для второго поколения характерны: 1) заниженная самооценка с постоянными проблемами в идентичности, излишняя идентификация с образом жертвы/выжившего, необходимость сверхуспешности для того, чтобы восполнить утрату погибших, кого родители потеряли во время Холокоста; 2) катастрофическое мировоззрение, страх нового Холокоста, постоянное обращение к теме смерти, доминирование травматического опыта Холокоста во внутреннем мире; 3) подавление возбужденности, постоянные ночные кошмары на тему преследования, неразрешенные конфликты вокруг гнева, сформированного чувством вины; 4) сверхпривязанность к семье и сверхзависимость от нее, сложности в личных отношениях и в разрешении межличностных конфликтов.

Наиболее часто описываемые в исследованиях типы родительского отношения выживших после Холокоста к своим детям (второе поколение), это: 1) гиперопека со стороны родителей, которые пытаются создать гиперзащищенную среду для своих детей по принципу «пусть у вас будет все, чего не было у нас», следствием же

гиперзащищенности является страх самостоятельности, страх перейти границы, ригидность, откуда в дальнейшем может происходить комплекс неполноценности; 2) гиперконтроль с утрированным модусом долженствования, постоянным наблюдением, поскольку в своих детях видится реализация себя, и все это сопряжено с недоверием миру и закрытостью от него в силу его хаотичности и опасности, хроническая печаль, постоянный страх, серьезное давление на детей в области успехов в учебе и карьере. Н.Мак-Вильямс (1998) отмечает, что сообщение «пусть у вас будет все то, чего были лишены мы» психологически крайне деструктивно, как в силу своей гипертрофированной нереалистичности (ведь каждое поколение будет сталкиваться с теми преградами, которые выпали на его долю), так и по причине вреда, наносимого самоуважению. Именно в этом передаваемом деструктивном поколенческом послыле, заставляющем детей выполнять некую функцию, возложенное на них предназначение, за счет оттеснения «своего» опыта, переживаемого аутентично и непосредственно, исследователи видят исток нарциссической личности, «ложного Я» (Винникотт 1960; Миллер 2012; Соколова Е.Т., 2009).

Второе поколение вместе с тем большей частью не только достигает успеха, но и хорошо умеет справляться со сложными ситуациями (Wardi D.б 1992). Впрочем, вопрос о том, насколько эти люди личностно счастливы, несмотря на свои возможности преодоления сложных ситуаций, остается. Ведь это люди, достигшие успеха в условиях колоссального внутреннего напряжения, давшие внутреннюю клятву родителям достигнуть успеха во чтобы то ни стало. Для них, как и для первого поколения, характерны некоторый внутренний раскол и дезинтеграция личности, проявляющиеся в амбивалентных отношениях между «там» (события, связанные с Холокостом) и «тут» (непосредственно окружающие события), а также определенный конфликт между переживанием Холокоста как личной, семейной трагедии и его переживанием как национального, исторического события (Laub D., Auerhann N.б 1984). Этот конфликт, как представляется, связан с недостаточной интегрированностью личного и национального, кроме того – это все же разноуровневые переживания (личное это «свое», индивидуальное, национальное же обычно воспринимается как идея, идеология).

Laub, Auerhahn (1993), обсуждая ведущие темы (своего рода принципы, организующие личность) второго поколения, и тем самым пытаюсь ответить на вопрос о характере выживания и преодоления негативного опыта, с одной стороны, и о дифференцированном характере реагирования на травматический опыт, с другой, выделяют два жизненных стиля: адаптивный и негативный. Адаптивный жизненный стиль присутствует у потомков, которые проявили интерес к сокрытому родителями (секретам), предприняли усилия по расшифровке, и стремились к тому, чтобы помочь страдающим от подобных тайн. Часто эти люди выбирали так называемые помогающие профессии, в том числе в сфере психологии. Негативный жизненный стиль развился у тех представителей второго поколения, которые утратили надежду на безопасность, понимание и доверие, чувствовали полное обесмысливание человеческих отношений. Впоследствии психологами были выделены типы семей, в которых по-разному транслировался травматический опыт Холокоста, а также типы личных историй, что существенно облегчило психотерапевтическую помощь этим людям и их потомкам. В индивидуальной межпоколенческой передаче травматического опыта, начиная от очевидцев Холокоста к их потомкам и последующим поколениям, скрываются оттесненные на задний план сложные и напряженные переживания национальной идентичности. И трудно в целом сказать, какими путями пойдет изживание травматического опыта в последующих поколениях, если оставлять эти явления в рамках их естественно-психологического хода развития. Общественно-политическое сознание Израиля нелегко справлялось с интеграцией проблематики Холокоста в рамки национально-этнического дискурса национальной идентичности и самосознания, есть свои особенности и в Восточной Европе (Бурлакова Н.С., Олешкевич Е.В., 2014). Анализ имеющейся литературы показывает, что идентичность представляет собой даже в рамках одного этноса в связи с его неоднозначной реакцией на травматическое для народа событие достаточно неоднозначный и противоречивый феномен. В ответ на события Холокоста формируются различные и даже противоречивые идентичности. Но самое главное, что следует отметить, то что идентичность имеет диалогический характер, или точнее она складывается из различных специфическим образом диалогически ориентированных идентификаций и по своей структуре в конечном счете представляет

сложный свернутый внутренний диалог, диалог собственного самосознания с окружающим миром или специфическими проекциями этого самосознания на окружающий мир и на различные социальные и культурные группы людей (Бурлакова Н.С., Олешкевич Е.В., 2014). Исследования травматического опыта Холокоста - прецедента исторической травмы - открывают новые ракурсы и закономерности в истории культуры, на которые раньше столь пристального внимания не обращали. Речь идет о разности поколений, характере передачи опыта от одного поколения к другому и особой психодинамике этого процесса, причем включая не только его увековечивание, проявление травматического в настоящем, но и трансформацию, специфическую сублимацию, что с необходимостью погружает исследователей в поле культурно-исторического анализа. В осуществленных исследованиях по нашему мнению открыты некоторые фундаментальные явления, важные для нового типа культурно-исторического видения, актуального для психологии. Об этом писали антропологи и социологи (И.С. Кон), психологи-психоаналитики (Де Моз), но это не стало общепсихологической концепцией, не обрело некоторую методологическую основу в исследованиях по психологии развития и клинической психологии. Собственные наши исследования показывают, что связь поколений и характер передачи опыта от одного поколения к другому имеют колоссальное значение, но по-прежнему не построена методологическая основа для объяснения того, что в наблюдаемых клиничко-психологических феноменах связано с межпоколенческой передачей опыта, а что нет.

Описываемые выше исследования открывают культурно-историческую основу патопсихологических явлений: обнаруживается не только болезненность некоторого опыта внутри семьи, которая передается по «наследству» или же дурно повторяется (например, факт инцеста), но собственно порождение культурой данных патопсихологических проявлений, когда их ареной становятся целые географические пространства и национальности, социальные группы. Такого рода культурно-исторический анализ патопсихологических явлений отходит от уровня изучения отдельного индивида к изучению семьи, групп, в конечном же счете можно говорить о культурно-исторической патопсихологии целых наций. Обращение с нашей стороны к трагическому опыту Холокоста связано и с другим важным вопросом: как меняется

передача опыта от одного поколения к другому в условиях ускорения исторического времени, когда последнее явно движется быстрее, чем передача опыта? Как происходит межпоколенческая передача опыта, когда все больше исследователей начинают рассуждать о префигуративной культуре (М. Мид), построенной на доминировании поколения детей, у которых учится старшее поколение? Как окружающий современного человека «разлитой» травматический опыт (насилие, опыт экологических потрясений, локальных войн, вооруженных конфликтов и пр.), входящий в резонанс с различными болезненными историческими «впрыскиваниями» с давними корнями, но гораздо более динамичный по своему характеру может влиять на сдвиги в психической организации, структуре самосознания, наблюдающиеся у последующих поколений? Передача опыта Холокоста – явление, при глубоком изучении которого, удастся проникнуть в динамику культуры и ее структуры, в том числе и в культурно-историческую психологию, осознать фундаментальность культурного явления межпоколенческой трансмиссии, не связанного исключительно с темой еврейской национальной идентичности. Анализ передачи опыта одного поколения другому должен стать необходимым методологическим и смысловым моментом, введенным в основу каждого культурно-исторического клинико-психологического исследования.

Список литературы

Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций// Психологические исследования (электр.журнал), 2011, № 6.

Бейкер К., Гиппенрейтер Ю.Б. Влияние сталинских репрессий конца 30-ых годов на жизнь семей в трех поколениях// Теория семейных систем Мюррея Боуэна. М., Когито_Центр, 2005. С. 419-452.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания). Монография. М.: ООО «ИПЦ «Маска»», 2011.

Бурлакова Н.С., Олешкевич Е.В. Травматический опыт Холокоста как часть исторической памяти и идентичности второго поколения//*Психология и психотехника*, 2014, № 9, с. 922-931 DOI10.7256/2070-8955.2014.9.12781

Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997.

История и память / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.

Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 1998.

Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М., Корвет, 2012.

Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3.

Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // *Вопр. психол.* 2009. №1. С. 67–80.

Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы// *Консультативная психология и психотерапия*, 2013, №3.

Теория семейных систем Мюррея Боуэна. М.: Когито_Центр, 2005.

Травма: пункты / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина, М., НЛЮ, 2009.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3.

Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Adelman A. Traumatic Memory and the Intergenerational Transmission of Holocaust Narratives. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 1995, Yale University Press Vol. 50, p. 343-367.

Barocas C., Barocas H. Manifestations of Concentration Camp Effects on the Second Generation. *Amer. J. Psychiatry*, 1973, 130, 820-821.

Danieli, Y. (Ed.). International handbook of multigenerational legacies of trauma. N. Y., 1998: Plenum Press.

Fonagy, P. The transgenerational transmission of Holocaust trauma: Lessons learned from the analysis of an adolescent with obsessive-compulsive disorder. *Attachment and Human Development*, 1999,1, 92–114.

Freund, A. A Canadian family talks about oma's life in Nazi Germany: Three-generational interviews and communicative memory. *Oral History Forum*, 2009,29, 1–26.

Frie R. Memory and Responsibility. *Navigating Identity and Shame in the German-Jewish Experience*. *Psychoanalytic Psychology*, 2012, Vol. 29, No. 2, 206–225.

Gruenberg K., Rosental N. Contaminated generativity: Holocaust survivors and their children in Germany.// *American J. of Psychoanalysis*, 2007, 67, 89-96.

Hoffman, E. *After such knowledge: Memory, history, and the legacy of the Holocaust*. New York, 2004: Public Affairs.

Kellermann N. Transmission of Holocaust Trauma. – National Israeli Center for Psychosocial Support of Survivors of the Holocaust and the Second Generation, 2000 [Http://www.yadvashem.org/yv/en/education/languages/dutch/pdf/kellermann.pdf](http://www.yadvashem.org/yv/en/education/languages/dutch/pdf/kellermann.pdf)

Laub D., Auerhann N. Reverberations of Genocide: Its Expression in the Conscious and Unconsciousness of Post-Holocaust Generations. In: Luel S., Marcus P., eds. *Psychoanalytical Reflections on the Holocaust: Selected Essays*. NY, KTAV. 1984. Pp. 151 – 167.

Randolph L. Braham, Ed. *The Psychological Perspectives of the Holocaust and of its Aftermath*. New York: Columbia University Press, 1988.

Wardi D. *Memorial Candles: Children of Holocaust*. Routledge, 1992.

Особенности социально-психологической и психотерапевтической помощи семье с проблемой онкологического заболевания

Делеви В.С.

Медицинский университет РЕАВИЗ

Самара, Россия

delevi@mail.ru

Ключевые слова: онкология, семья, процессуальная терапия

Любое тяжёлое хроническое заболевание, так или иначе, сказывается на остальных членах семьи больного.

Особая психологическая ситуация складывается в семьях, где существует проблема онкологического заболевания. Это обусловлено объективно существующим характером самого заболевания, а также, что очень важно, мифологией, исторически сопутствующей всему, что связано с онкологией. Несмотря на успехи онкологии в последние годы, относительно большое количество благоприятных исходов, существует устойчивое представление о раке как о болезни с неизбежным летальным исходом.

В последнее время имеется большое количество описаний и исследований психологического состояния больных раком, в том числе, периодизация восприятия больными своего заболевания. Это способствует повышению эффективности психологической помощи больным.

Это же касается и психологического состояния членов семьи больного и всей семьи как системы. Обратим внимание на некоторые важные аспекты процесса восприятия членами семьи факта онкологического заболевания в их семье.

Фаза получения первичной информации о болезни члена семьи. Есть своеобразие в семьях, которых уже, так или иначе, коснулась эта проблема: кто-то из родственников уже болел раком или умер от этой болезни и в тех, где это происходит впервые. Причем, говоря о семьях, необходимо иметь в виду широкий круг: не только ближайших родственников, но и дальних, имеющих не прямое родство. Когда речь идет об онкологическом заболевании, ДУХ, призрак этого заболевания и опасности этого заболевания настолько силен, что распространяется на большое фамильное поле.

В семьях, где кто-то из родственников был болен раком или умер от этого заболевания, даже если это было давно, или это был дальний родственник, всё равно призрак заболевания присутствует. Этот призрак часто не осознаётся, но он проявляется в отношении к болезни - к любой болезни, в нюансах поведения, причём даже в ситуациях, не связанных с болезнью, проявляются в виде более или менее заметных сигналов.

В такой семье, когда кто-то заболевает или только появляются первые, ещё спорные признаки какого бы то ни было заболевания, первой реакцией бывает настороженность по поводу причины заболевания.

Психологический фон семьи характеризуется следующими признаками.

Ощущение неизбежности, неотвратимости болезни. Это ощущение проявляется и на осознаваемом уровне, присутствует в качестве навязчивых мыслей, и на неосознанном, сновидческом уровне, в виде образов, спонтанно разыгрываемых сценариев, как правило, с негативным развитием и вызывающих чувства, которые принято считать негативными: тоску, страх, подавленность, обречённость и т.п. Обречённость связана с мыслями о том, что, рано или поздно, эта болезнь должна проявиться у кого-то из родственников и в постоянном неосознаваемом ожидании появления этого заболевания у кого-то из близких или у себя самого. Члены семьи больного испытывают страх, ощущение своего рода «родового проклятия». При этом страх болезни имеет двойственный характер:

страх – и неосознанное притяжение;

страх – и стремление избежать, избавиться от тревожащих мыслей о болезни и её неотвратимости.

Анализ динамики взаимоотношений в семьях, где есть больной онкологическим заболеванием, обнаруживает принципиальное сходство с динамикой взаимоотношений в семьях, где существует зависимость от психоактивных веществ и которые принято называть созависимыми.

Анализ существующих дефиниций созависимости позволяет выделить некоторые существенные параметры этого феномена:

1. Созависимость связана с нарушением возможности открытого выражения чувств и обсуждения личностных и межличностных проблем.
2. На поведенческом уровне созависимость проявляется в виде стереотипных форм.
3. Созависимость связана с выхолащиванием и обеднением эмоциональной сферы личности.
4. Созависимость выражается в перемещении фокуса ответственности и

контроля со своей жизни на жизнь другого человека.

5. Созависимость - это реактивный процесс, смысл и цель которого заключается в снятии внутриличностного конфликта способом саморазрушающего поведения.

В семье, где есть человек с тяжелым, долго протекающим заболеванием, зачастую обостряются внутренние противоречия, нарастает количество и глубина взаимных претензий; начинают раздражать отдельные личностные особенности друг друга, которые раньше не замечались или не создавали неудобств. Причем на начальных этапах болезни это скрывается, не проявляется внешне, но у отдельных членов семьи актуализируются, часто на неосознаваемом уровне. Далее постепенно раздражение становится всё более осознанным, но его проявление вовне тщательно скрывается. При этом наличие такого раздражения вызывает чувство вины, так как, по общепринятым нормам, семейная трагедия должна спланивать членов семьи и побуждать к взаимной доброжелательности.

Терапия.

В процессе психотерапии (психологической помощи) членов семьи, где есть проблема онкологического заболевания, можно выделить несколько фаз, связанных с их отношением к психологической помощи.

Часто решающей становится 1 фаза. В этот период семьи в большинстве случаев отвергают помощь. (Здесь есть сходство с созависимыми, но часто ещё более выраженное). Это связано с их взглядом на своё состояние как незначимое по сравнению с состоянием больного, чувством вины перед больным. Они пытаются найти свою вину причинах заболевания и недостаточной помощи больному. При внимательном исследовании можно обнаружить у них неосознаваемую ими суицидальную настроенность как своеобразную форму наказания себя за происходящее.

В беседе с таким человеком нельзя ни в коем случае пытаться обесценивать, упрощать ситуацию, умалять тяжесть и значение болезни, явившейся причиной семейного стресса (высказывания типа: «Ну, что уж тут поделаешь...»).

Важно продемонстрировать искреннее понимание всей глубины горя. Важный и действенный довод: сохранив себя, вы сможете более эффективно помочь больному (то

есть направляем фокус внимания на больного, что соответствует переживанию самого члена семьи, но при этом создаём возможность ему позволить себе принять помощь, это становится оправданным и не противоречащим моральным нормам, как они их понимают). То же самое: сохранив доброжелательные взаимоотношения в семье, исключив взаимные обиды, обвинения, подозрения, тревоги, страх и т. п., вы в большей степени сохраните себя и с большей вероятностью сможете помочь больному, в том числе создав благоприятный повседневный эмоциональный фон для основного лечения и выздоровления. Даже в самой трагической ситуации, если больной находится в терминальной стадии и трагический исход объективно неизбежен, необходимо создание условий для наименее травматичного ухода.

Создание такого эмоционального фона чрезвычайно важно для всей семьи и каждого её члена в случае смерти больного. Это создаст базу для того, чтобы они могли справиться с тяжёлой психической травмой, названной А. Тадевосян термином «антропогенный психоэмоциональный стресс» (АПЭС). А. Тадевосян отметила в структуре АПЭС важное свойство – «его способность сохранять стрессовые события в виде психического эхо – «эхо-стрессор» (А. Тадевосян, 2011). Умение справляться с этим явлением создаёт возможность для продуктивного переживания последствий психотравмирующей ситуации, профилактики соматизации состояния членов семьи, облегчения переживания горя – не вытесняя его, а сумев его пережить, сохранив в памяти самого ушедшего человека и всё позитивное, с вязанное с ним. Очень важно помочь человеку сделать эти воспоминания для дальнейшей плодотворной жизни и развития.

При работе с больными детьми необходимо соблюдение следующего условия: работа должна быть направлена на то, чтобы изменить вектор стрессового влияния (воздействия) на ребёнка: помочь ему не погрузиться в переживание горя, а выявить, максимально актуализировать его творческие ресурсы. Это, помимо проявления творческих возможностей, поможет мобилизовать собственные ресурсы – интеллектуальные, эмоциональные и т.д. – для борьбы с болезнью и выздоровления. Необходимо, чтобы не создавалось, или уменьшалось, если оно есть, чувство обречённости, безысходности, фатальности. Это возможно только при условии создания

соответствующего семейного фона, основными признаками которого являются . Виды и средства психотерапии могут варьироваться на разных этапах работы.

На первом этапе, условно назовём его «скорая помощь» работа направлена на создание условий для понимания членами семьи необходимости помощи им самим. Далее, когда эта цель в большей или меньшей степени достигнута, можно перейти к обучению способам и приёмам, позволяющим справляться с конкретными, текущими психотравмирующими ситуациями, моментами. Здесь используются достаточно простые и доступные психотерапевтические техники (определённые виды дыхания, переключение внимания, визуализация и т.д.)

Когда понимание необходимости принятия психологической помощи становится осознанным и стабильным, люди убеждаются в необходимости психотерапевтической работы, овладевают какими-то элементарными психогигиеническими навыками, становится возможной более фундаментальная работа с проблемами. Эта работа подразумевает исследование глубинных причин происходящих процессов, возможностей и вариантов разрешения проблем, личностное развитие. Если говорить о психотерапевтических методах, необходимо учитывать своеобразие заболевания и описанные особенности отношения к нему членов семьи. Ситуация усугубляется, если больной – ребёнок. Характер психологической помощи ребёнку имеет свои особенности. Удельный вес рациональной терапии должен быть значительно меньше, чем при работе со взрослыми. При этом взрослые должны обратить внимание на искренность проявлений в общении с больным ребёнком, то есть не играть оптимизм, но действительно достичь этого состояния, быть в общении с ребёнком убедительным, что может быть основано только на собственной убеждённости.

Учитывая сложность психологических состояний больных, а также сложность психологического состояния членов их семей и отношений между ними, в психотерапии необходим интегративный подход, включающий всё многообразие методов и технологий психотерапии. один из новых, современных методов – метод процессуальной терапии, успешно зарекомендовавший себя, в частности, при работе с различными стрессовыми состояниями.

Процессуальная психотерапия – это направление, которое родилось как симбиоз юнгианской психологии и принципиальных положений квантовой физики и далее объединило многие психотерапевтические школы, беря из каждой самое ценное; кроме того, оно обращается к восточному взгляду на мир (к буддизму, даосизму). Автором этого подхода и метода является американский психолог, философ и физик Арнольд Минделл (Arnold Mindell) Процессуальная психотерапия исходит из того, что любую форму существования человека и связанных с этим проявлений, событий и отношений можно рассматривать как непрерывный, видоизменяющийся процесс. При этом любой происходящий с нами процесс содержит изначально заложенный в нём смысл.

Опишем содержание основных терминов процессуальной терапии.

Выделяют две формы процесса: **первичный и вторичный**.

Первичный – это то, с чем мы обычно отождествляемся, наши роли и поступки, которые мы осознаём и можем вербализовать.

Вторичный – то, с чем мы себя обычно не идентифицируем, то, что находится вне нашего осознания, но является источником большинства наших проблем: телесных, проблем во взаимоотношениях и т.д. Вторичный процесс – это непознанное нами в самих себе, часто отрицаемое и проецируемое на других, кого мы считаем виновниками наших проблем. Вторичный процесс содержит в себе огромный творческий потенциал. Задачей терапии в этом подходе является создание условий для увеличения осознанности пациента. Развитие осознанности поможет ему преодолеть **край** – опыт ограничений, препятствий в движении к чему-либо значимому, страхов и т.п.; край – это граница между тем, что кажется нам понятным, и тем, что пугает неизвестностью, непредсказуемостью, риском перемен. Преодоление края позволит интегрировать опыт вторичного процесса в повседневную жизнь и достичь эффективного проживания в соответствии со своими действительными потребностями. Край – это то место, где появляется возможность важных изменений.

Информацию о состоянии пациентов терапевт получает, наблюдая **сигналы**. Они могут проявляться в самых разных формах, например, в виде телесных проявлений, часто мало заметных; особенностей речи; умолчаний и так далее.

В настоящее время накоплен довольно обширный опыт процессуальной психотерапии онкологических больных на разных этапах заболевания – от психотерапии состояний, связанных со страхом возможного заболевания до помощи терминальным больным, в том числе, находящимся в коматозном состоянии. Разумеется, психологическая и психотерапевтическая работа на каждой из стадий имеет различные цели: от формирования преодолевающих копинг-стратегий, которые будут способствовать выздоровлению или, по крайней мере, продлению продуктивной жизни, до создания условий для минимизации страданий при неизбежном уходе (в терминальной стадии). Кроме того, важной составляющей психологической помощи онкологическому больному является психологическая реабилитация после этапа активного медицинского вмешательства с применением оперативных или иных специфических методов. Решающим достоинством процессуального подхода является то, что он позволяет больному осознать суть и глубинные причины болезни. В данном случае осознание связано не с простым накоплением информации, а с эмоциональным переживанием различных состояний, осмысления и переосмыслением своей идентичности, привычных установок и стереотипов, отношений, скрытых до сих пор от осознания мотивов и движущих сил, целей, инсайтами и т.п. Это обстоятельство чрезвычайно важно, учитывая специфичность заболевания, его экзистенциальный характер. Кроме того, важным, часто решающим является преодоление страха смерти и чувство обреченности. Это осознание создаёт новые возможности для преодоления стрессовой нагрузки, связанной с болезнью, что с большой вероятностью может способствовать выздоровлению, или, по крайней мере, существенному улучшению физического и эмоционального состояния и продлению активной жизни. Наряду с глубинной работой процессуальная терапия даёт возможность работы с телесными симптомами.

Процессуальная терапия показала эффективность при работе с семьями. В этом методе разработана методология терапевтической работы с отношениями в группе, в том числе, семейной группе, а также в парах, работа с конфликтами внутри групп. Метод позволяет выявить суть конфликтов и создать условия для их разрешения. Метод процессуальной терапии показал свою эффективность при работе с семьёй на каждом из

этапов: как инструмент профилактики, для психологического сопровождения в период протекания болезни у члена семьи на всех этапах – от узнавания ими диагноза до выздоровления, как средство психологической реабилитации после выздоровления больного вместе с реабилитацией самого больного, психологической реабилитации членов семьи в случае летального исхода заболевания. Метод располагает обширным набором средств, позволяющих обеспечить профессиональную гибкость в работе с любыми клиническими случаями.

Отношение к матери у девушек с нарушениями пищевого поведения

Макушина О.П., Власова С.В.

ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»,

г. Воронеж, Россия

helga00@yandex.ru, polaris_astrum@mail.ru

Ключевые слова: пищевое поведение, пищевые нарушения, отношение к матери, детско-материнские отношения

В современном обществе с каждым днем растет число заболеваний, основными характеристиками которых являются нарушения пищевого поведения. В век продовольственного изобилия общество демонстрирует огромное разнообразие неоднозначных отношений с едой. Анорексия, булимия, компульсивное переедание – еще несколько лет назад эти термины были неизвестными для широкого круга людей, однако в современном обществе обсуждение пищевых расстройств и их последствий принимает пугающие масштабы. Одна из причин роста общественного интереса к данной теме – трагический итог, который могут иметь эти заболевания. В цивилизованных странах от одной только анорексии страдают две из ста девушек в возрасте от 12 до 24 лет. При этом одна треть, к сожалению, погибает. Что касается

нашей страны, сегодня от пищевых нарушений в России страдает каждая двадцатая девушка. Основная группа риска — девушки в возрасте от 12 до 24 лет, их среди больных примерно 90% [1]. И что самое печальное – цифры эти ежегодно растут.

Что же является причиной пищевых нарушений? Современные исследования убедительно показывают, что именно психологические факторы являются первопричиной возникновения данных проблем. Согласно Погонцевой Д. В., роль семьи, родителей и матери, в частности, тесно связана с развитием нарушений пищевого поведения на фоне сформированной неприязни своего тела у дочерей [5].

Необходимость изучения данной темы продиктована тем, что, несмотря на достаточное количество исследований в области нарушений пищевого поведения, в которых упор был сделан именно на психологические факторы развития недуга, такими авторами как И. Г. Малкина-Пых, Р. Комер, Е. Е. Балакирева и др., остаются нечетко обозначенными особенности самоотношения и отношения к матери, которые ведут к проблемам пищевого спектра у современных девушек. Многочисленные исследования вышеуказанных авторов иллюстрируют тот факт, что, избирая неверную тактику диалога с ребенком, мать, сама того не ведая, подталкивает своего ребенка к негармоничному, нездоровому восприятию себя в этом мире и влияет на самоотношение будущей женщины.

На отношение дочери к матери влияет характер межличностных взаимоотношений с ней, которые понимаются как субъективно переживаемые взаимосвязи между дочерью и матерью, проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых друг на друга в процессе совместной деятельности и общения. Эти отношения строятся на системе установок, ориентаций, ожиданий, стереотипов и др. диспозиций, через которые люди воспринимают и оценивают друг друга.

Плохие эмоциональные отношения с матерями увеличивают опасность того, что их дети в последующие годы будут иметь проблемы личностного характера и трудности в выстраивании межличностных отношений. Негативное отношение к матери, хранящее в себе огромное количество обиды и невысказанности, зачастую приводит девушек к деструктивному аутоагрессивному поведению, в первую очередь, к нарушениям

пищевого поведения.

Под пищевым поведением понимается ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса, поведение, ориентированное на образ собственного тела, и деятельность по формированию этого образа [4].

Пищевое поведение включает в себя установки, привычки, формы поведения, а также эмоции, чувства, касающиеся еды, которые формируются у каждого человека в течение жизни и трудно поддаются изменениям и корректировке. Так как пищевая привычка представляет собой способ поведения, приобретающий характер потребности, она формирует устойчивую программу поведения, которой человек следует практически в любых условиях.

Одно из первых знакомств младенца с миром происходит через процесс питания. Новорожденного ребенка прикладывают к груди матери, он чувствует тепло ее тела, комфорт, защищенность и одновременно с этим насыщается – так закрепляется прочная связь между процессом принятия пищи и положительными эмоциями. Далее ни одна другая биологическая функция в ранние годы жизни не будет играть столь важной роли в эмоциональном состоянии человека, как питание. Для ребенка ситуация насыщения эквивалентна ситуации «меня любят, обо мне заботятся» [4].

Также важно в жизни человека социальное значение еды. Питание с самого рождения связано с межличностным взаимодействием. Впоследствии еда становится неотъемлемой составляющей процесса общения, социализации: празднования различных событий, встреча с давними друзьями, шумное застолье, установления и формирования деловых и дружеских взаимоотношений. В свою очередь, традиции, различные пищевые привычки отражают уровень развития культуры, национальную, территориальную и религиозную принадлежность, а также семейное воспитание в сфере пищевого поведения.

Самой простой формой пищевого поведения является прием пищи с целью удовлетворения потребности в питательных веществах, когда еда становится средством поддержания энергетического и пластического равновесия. Субъективно это потребность ощущается организмом как чувство голода. Однако, пищевая потребность,

будучи чисто биологической по своей природе у животных, у человека предстает в более сложном виде, являясь средством:

- разрядки психоэмоционального напряжения;
- чувственного наслаждения, выступающего как самоцель;
- общения, когда еда связана с пребыванием в коллективе;
- поддержания определенных ритуалов или привычек (религиозные, национальные, семейные традиции);
- компенсации неудовлетворенных потребностей (потребность в общении, родительской заботе и т. д.);
- награды или поощрения за счет вкусовых качеств пищи;
- удовлетворения эстетической потребности [3].

Наиболее распространенными и губительными видами пищевых нарушений являются нервная анорексия, нервная булимия и компульсивное переедание.

В своем исследовании мы сосредоточили внимание таких нарушениях пищевых паттернов как экстернальное, эмоциогенное и ограничительное пищевое поведение. Данные нарушения встречаются гораздо чаще, чем анорексия и булимия, протекают в более легкой форме и не рассматриваются как патологические нарушения, однако они также наносят серьезный психологический и организменный вред.

Экстернальный вид пищевого поведения своим названием обязан латинскому слову «externus», которое в переводе на русский означает «внешний». В основе экстернального пищевого поведения лежит особенное отношение к тому, как именно выглядит то или иное блюдо на столе. То есть огромную роль играют так называемые внешние признаки или стимулы, связанные с принятием пищи. Это может быть празднично сервированный стол, тонкий аромат готовящегося блюда, красиво оформленное на тарелке кушанье, просто витрина в супермаркете, заставленная всякими вкусностями. Все это вызывает в человеке желание поесть, даже если чувство голода отсутствует.

Про людей с экстернальным пищевым поведением можно смело сказать, что они «едят глазами». Однако, если желудок такого человека, оставаясь пустым, подает сигналы о том хозяину, последний может не обращать на это внимания. По сути, он

просто не понимает, что голоден (ведь в поле зрения нет ничего съедобного и по-настоящему интересного).

Таким образом, человека, страдающего экстернальным пищевым поведением, можно определить по следующим признакам:

1. Желание есть появляется всегда, когда в поле зрения попадает доступная еда.
2. Аппетит просыпается даже тогда, когда желудок ощущает себя сытым.
3. Чувство насыщения запаздывает во времени и приходит лишь тогда, когда желудок полностью заполнен.
4. Вид красиво оформленных блюд или продуктов в магазине вызывает желание тут же съесть их или купить, чтобы сделать это дома.

Другим типом нарушения пищевого поведения является эмоциогенное пищевое поведение. Такое нарушение встречается у людей любого пола с абсолютно нормальным весом. Стимулом к приему пищи является не голод, а эмоциональный дискомфорт: человек ест не потому, что голоден, а потому, что тревожен, раздражен и т. д. При эмоциогенном пищевом поведении человек «заедает» свой стресс. Для этого используются разные виды пищи, но в основном преобладают легкоусвояемые высококалорийные продукты, богатые углеводами и жирами (сладкое). Продукты питания для людей с эмоциогенным пищевым поведением являются своеобразным лекарством, так как приносят им не только насыщение, но и успокоение, удовольствие, релаксацию, снимают эмоциональное напряжение, повышают настроение.

Ограничительному пищевому поведению подвержены люди, буквально помешанные на всевозможных диетах и ограничениях в еде. В основе их горячего желания избавиться от лишнего веса лежит убеждение в том, что похудеть можно, занимаясь подсчетом калорий и сокращая их ежедневное потребление до минимума. В результате все сигналы, подаваемые организмом, такими людьми игнорируются.

Часто такие люди становятся жертвами того, что получило название «диетическая депрессия». Она возникает в связи с не прекращающимися периодами стресса, которым человек себя подвергает, недополучая что-то или, наоборот, получая сверх меры. Следствием такого состояния становятся излишняя раздражительность, нервозность, вспыльчивость, агрессивность и жуткое настроение.

Кроме того, человек с ограничительным пищевым поведением достаточно часто испытывает чувство стыда, также не придающее ему уверенности и чувства самодостаточности. Чувство вины вызывает подавленность, являясь причиной агрессивности и раздражительности [4].

Теперь необходимо обратиться к причинам появления расстройств питания. Как отмечалось нами ранее, многие аспекты самоотношения у девушек формируются на основе их взаимоотношений с матерью. Особенно это касается таких аспектов, как оценка собственной физической привлекательности и женственности, самопривязанность, уровень самопринятия и удовлетворенности собой в целом.

Что касается девушек с нарушениями пищевых паттернов поведения, их взаимоотношения с матерью складываются в большинстве случаев непростым образом. Соответственно, и отношение к матери часто несет на себе печать непонимания, прошлых обид и недосказанности. Наличие нарушения пищевого поведения обнажает и усиливает все сложности детско-материнских отношений.

У девушек с ограничительным и эмоциогенным пищевым поведением часто наблюдается подобная ситуация: властная и деспотичная мать постоянно подавляет волю детей и лишает их всякой инициативы. Такие матери отличаются, кроме того, большим аффективным зарядом с высоким уровнем самоутверждения и честолюбия. Часто из-за нереализованных в прошлом возможностей они всю свою энергию и властность проявляют в семье. Мать ведет себя так, как будто желания и чувства дочери не важны, при этом от девушки постоянно требуют достижений, она растет с осознанием того, что материнскую любовь нужно заслужить. Отношение к такой матери у девушки часто характеризуется страхом и ненавистью в сочетании с сильнейшей привязанностью и зависимостью.

В этом случае отношения со своим телом и с едой становятся той единственной областью, с которой девушка может экспериментировать, делать собственный выбор и ни перед кем не нести за него ответственность. В самоотношении формируются такие черты, как неустойчивая самооценка, неприятие своих особенностей и отдельных черт, повышенная самокритичность. Девушка, стремясь к собственному представлению совершенства, переносит все лишения и самоистязания, не давая себе расслабиться. Весь

негатив, который она накапливает из семейной ситуации перерастает в аутоагрессию.

Другой крайностью является гиперопекающая мать, которая своей всеобъемлющей любовью привязывает к себе дочь, лишая ее возможности жить своей, отдельной от матери жизнью. Такой патологический материнско-дочерний симбиоз часто приводит девушку к страху перед взрослением. Нарушения пищевых паттернов в этом случае приводят девушку к тому, что она становится «больной и маленькой одновременно». В этом случае мать продолжает опекают дочь, чувствуя свою незаменимость и значимость. Дочь, в свою очередь, испытывает благоговейный страх перед матерью, усиленный сильной психологической зависимостью от нее.

Отцы в семье, как правило, «находятся на вторых ролях» и обладают прямо противоположными чертами характера: они неактивны, мрачны, необщительны. Часто, еще будучи подростками, девушки уходят в болезнь, чтобы обратить на себя внимание вечно ссорящихся родителей. Уход в болезнь как бы снимает конфликтную ситуацию в семье, перенаправляя энергию родителей на ребенка.

По мере взросления, девушка может переживать эмоциональные взрывы, общение с матерью все чаще сопровождается скандалами, криками и сильными эмоциональными переживаниями. Отношение к матери может меняться вплоть до крайней ненависти и отвращения, что влияет на закрепление патологических пищевых паттернов и может привести к крайним формам их проявления – анорексии или булимии. При этом отношение к себе характеризуется самообвинением и неприятием своей женственности.

У девушек с экстернальным и частично эмоциогенным типами пищевого поведения в отношениях с матерью наблюдается следующая картина: с детства они чувствовали недостаток материнского тепла и контактов с матерью. Время, которое семья проводила за обеденным столом, часто являлось единственным средством коммуникации с членами семьи. Мать у таких девушек часто отличалась либо чрезмерной деспотичностью и контролем, либо непоследовательностью в поведении с дочерью. Отношения с матерью у девушек с экстернальным типом пищевого поведения часто натянутые. Враждебность во взаимоотношениях временами сменяется холодностью и отчужденностью. Девушка не чувствует поддержки от матери, не может доверить ей свои проблемы, отсутствует эмоциональная близость и здоровый детско-

родительский контакт. Привычка «заедать» эмоции часто становится причиной набора лишнего веса, что в свою очередь ведет к еще большей дистанции между дочерью и матерью. Лишний вес становится причиной комплексов, которые формируют у девушки заниженную самооценку, низкий уровень самопринятия и недовольство собой. Часто эти аспекты самоотношения возникают на фоне жалости к себе, ощущения своей слабости. Девушка винит мать в своей проблеме и перестает контролировать эмоциональные вспышки, возникающие все чаще. В результате чего их взаимоотношения окончательно портятся, а в отношении девушки к матери преобладающим чувством становится гнев [2]. От того, каким образом складываются отношения с матерями, зависит степень риска, увеличивающего вероятность развития нарушения пищевых паттернов у девушек. Отсутствие эмоциональной связи, привязанности и взаимопонимания между матерью и дочерью зачастую негативно влияет на отношение девушки к себе как личности, на принятие своих особенностей и способно привести девушек к проблемам, связанным с приемом пищи.

Целью нашего исследования является выявление особенностей отношения к матери у девушек с нарушениями пищевого поведения.

В качестве *гипотезы* исследования выступило предположение о том, что существуют некоторые аспекты, характеризующие отношение к матери у девушек с разными видами нарушений пищевого поведения.

Девушки с ограничительным пищевым поведением демонстрируют отношение к матери как проявляющей меньше позитивного интереса и более отстраненной по сравнению с отношением к матери у девушек без нарушений пищевого поведения. Девушки с эмоциогенным пищевым поведением проявляют отношение к матери как к более непоследовательной в воспитании, по сравнению с отношением к матери у девушек без нарушений пищевого поведения. Девушки с экстернальным пищевым поведением демонстрируют отношение к матери как к более критичной и соблюдающей большую дистанцию в отношениях с дочерью по сравнению с отношением к матери у девушек без нарушений пищевого поведения.

Общими аспектами, характеризующими все типы нарушений будут являться: отношение к матери как к более директивной и враждебной по сравнению с отношением

к матери у девушек без нарушений пищевого поведения. Мы предполагаем, что у девушек со смешанными типами пищевого поведения будут вариативно проявляться указанные нами признаки самоотношения и отношения к матери.

Базой эмпирического исследования выступил факультет философии и психологии ВГУ. Общий объем выборки составил 151 студентку 1, 2 и 3 курсов по специальностям Психология, Философия и Культурология возрастом от 17 до 19 лет.

В качестве методов исследования нами использовались следующие психодиагностические опросники.

1. С целью изучения отношения к матери у девушек нами был выбран опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера. Опросник предназначен для изучения отношения ребенка к матери и отцу. Эта методика была апробирована на подростках 13-19 лет в России. Возраст наших испытуемых находится в пределах 17-19 лет, что позволяет нам воспользоваться данной методикой в целях нашего исследования. Опросник используется в нашей работе для изучения установок, поведения и методов воспитания родителей так, как видят их дети. Основываясь на предмете нашего исследования, мы пользовались частью данной методики, направленной на изучение отношения к матери у девушек. Данная часть методики является полностью автономной, не требует дополнительных преобразований и может быть использована как отдельная методика. Основой служит опросник, который создал Е. Шафер в 1965г. Базируется эта методика на положении Е. Шафера о том, что воспитательное воздействие родителей (так, как это описывают дети) можно охарактеризовать при помощи трех факторных переменных: «принятие – эмоциональное отвержение», «психологический контроль – психологическая автономия», «скрытый контроль – открытый контроль». Под принятием здесь подразумевается безусловно положительное отношение к ребенку вне зависимости от исходных ожиданий родителей. Эмоциональное же отвержение рассматривается как отрицательное отношение к ребенку, отсутствие к нему любви и уважения, а порою и просто враждебность. Понятие психологического контроля обозначает как определенное давление и преднамеренное руководство детьми, так и степень последовательности в осуществлении воспитательных принципов.

2. Для диагностики пищевых нарушений нами использовался Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ). Данный опросник был создан в 1986 году голландскими психологами на базе факультета питания человека и факультета социальной психологии Сельскохозяйственного университета (Нидерланды) для выявления ограничительного, эмоциогенного и экстернального пищевого поведения. Полученные данные обрабатывались методами математической статистики. В частности, для выявления различий между выборками нами использовался t-критерий Стьюдента.

По результатам проведенной нами методики исследования отношения девушек к их матерям с помощью опросника «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера мы получили следующие уровни выраженности аспектов отношения к матери, определяемых нижеперечисленными шкалами (Таблица 1).

Таблица 1

Результаты исследования отношения к матери
по всей выборке

Шкалы	Низкий уровень, %	Норма, %	Высокий уровень, %
1. Позитивный интерес	60,3	21,2	18,5
2. Директивность	6,6	26,5	66,9
3. Враждебность	14,6	18,5	66,9
4. Автономность	16,5	63,6	19,9
5. Непоследовательность	7,9	41,1	51
6. Фактор близости	53	29,1	17,9
7. Фактор критики	15,9	15,2	68,9

Из полученных данных мы можем увидеть, что большинство испытуемых демонстрирует отношение к матери как к проявляющей недостаточно позитивного интереса по отношению к дочери, не находящейся в непосредственной близости, хотя и

контролирующей проблемы и личную жизнь своего ребенка. Девушки относятся к матери как к враждебной, директивной, чрезмерно строгой и критикующей, демонстрирующей холодность и подозрительное отношение к семейной среде. Кроме того, отношение к матери у большинства девушек характеризуется относительной автономностью матерей от состояния и требований детей. Мать характеризуется большинством испытуемых как непоследовательная в своем поведении, резко меняющая стиль воспитания, переходя от очень строгого к либеральному, от психологического принятия дочери к эмоциональному ее отвержению.

В результате использования Голландского опросника пищевого поведения мы получили следующие группы, отражающие наличие разных видов пищевых нарушений по всей выборке (Таблица 2).

Таблица 2

Наличие нарушений пищевого поведения по всей выборке

Пищевые нарушения	Количество испытуемых, показавших данный результат	Количество испытуемых, показавших данный результат, в %
Отсутствуют	28	18,6
Ограничительное поведение	32	21,2
Эмоциогенное	31	20,5
Экстернальное	31	20,5
Эмоциогенное и экстернальное	16	10,6
Ограничительное и экстернальное	13	8,6

Исходя из данных таблицы и рисунка, можно увидеть, что наибольшее количество испытуемых получило высокие результаты по трем шкалам: ограничительное пищевое поведение (21%) эмоциогенное (20,5%) и экстернальное пищевое поведение (20,5%).

Девушки с ограничительным пищевым поведением имеют склонность строго контролировать количество и калорийность потребляемой пищи. Они часто ограничивают себя в питании, игнорируя внутренние сигналы голода (или жажды) и придерживаются достаточно строгих режимов питания, которые, как предполагается, приведут к потере веса, либо к его удержанию.

Для девушек с эмоциогенным пищевым поведением стимулом к приему пищи является не голод, а эмоциональный дискомфорт. Часто они «заедают» свои волнения, несчастья и стрессы, выбирая для этого в основном легкоусвояемые высококалорийные продукты, богатые углеводами и жирами (пирожные, мороженое, пирожки, конфеты, торты, шоколад).

У испытуемых с экстернальным пищевым поведением желание поесть стимулируется не реальным чувством голода, а внешним видом еды, ее запахом или видом других людей, принимающих пищу.

У 18,6% участников не обнаружено каких-либо пищевых нарушений. Для них еда является в первую очередь средством утоления голода и поддержания жизненных сил. Однако при этом не исключается возможность желания этих девушек сесть на диету, сбросить пару лишних килограммов или, наоборот, желание побаловать себя чем-то вкусным.

У 10,6% участников обнаружилось и эмоциогенное и экстернальное пищевое поведение. По шкале ограничительного и экстернального пищевого поведения обнаружены высокие результаты у 8,6% испытуемых. Такие результаты объясняются тем, что нередко одни нарушения пищевых паттернов ведут за собой другие нарушения. Сильные эмоции могут подтолкнуть девушку к периоду продолжительного переедания. После обильного количества съеденной пищи возникают негативные эмоции, связанные с осуждением себя, страхом поправиться, которые могут привести к другой крайности – жесткой диете.

Теперь наглядно обозначим выявленные аспекты отношения к матери у девушек с разными видами пищевых нарушений (Таблица 3).

Таблица 3

Средние значения показателей отношения к матери по разным шкалам
у девушек с разными видами пищевых нарушений

Пищевые нарушения	Средние значения показателей отношения к матери по разным шкалам						
	позитивный интерес	директивность	враждебность	автономность	непоследовательность	фактор близости	фактор критики
Отсутствие уют	4,6	2,8	1,9	2,9	2,9	4,2	1,9
Ограничительное	2,1	4,3	4,3	3,7	3,8	1,8	4,5
Эмоциональное	2,3	4,4	3,9	3,3	3,9	2,6	4,5
Экстернальное	1,8	4,1	4,3	2,9	4,3	2,3	4,2
Эмоциональное и экстернальное	2,1	4,6	4,4	3,4	4,4	2,2	4,4
Ограничительное и экстернальное	2,3	4,9	3,3	3,6	3,3	1,3	4,4
Все нарушения	2,1	4,4	4,3	3,1	3,8	2,2	4,3

Результаты статистической обработки данных с использованием t-критерия Стьюдента приведены в Таблице 4.

Статистические различия в отношении к матери
у девушек с разными видами пищевых нарушений

Группы	Без нарушений и ограничительное пищевое поведение	Без нарушений и эмоциональное пищевое поведение	Без нарушений и экстернальное пищевое поведение	Без нарушений и эмоциональное и экстернальное пищевое поведение	Без нарушений и ограничительное и экстернальное пищевое поведение	Без нарушений с нарушениями пищевого поведения
	$t_{\alpha 0,0} = 2,006,$ $t_{\alpha 0,01} = 2,673$	$t_{\alpha 0,0} = 2,006,$ $t_{\alpha 0,01} = 2,673$	$t_{\alpha 0,0} = 2,006,$ $t_{\alpha 0,01} = 2,673$	$t_{\alpha 0,0} = 2,023,$ $t_{\alpha 0,01} = 2,709$	$t_{\alpha 0,0} = 2,034,$ $t_{\alpha 0,01} = 2,732$	$t_{\alpha 0,0} = 1,960,$ $t_{\alpha 0,01} = 2,578$
	$T_{эм}$ n	$t_{эмп}$ n	$t_{эмп}$ n	$t_{эмп}$ n	$T_{эм}$ n	$t_{эмп}$ n
Шк алы						
1. Позитив- ный интерес	8,2* *	7,5* *	10,5 **	7,3* *	6,6* *	10,9 **
2. Дир ективность	8,7* *	10* *	7,8* *	9,7* *	6,7* *	11,6 **
3. Враждебно сть	11,1 **	10* *	11,3 **	10,2 **	6,9* *	12,4 **
4.А	1,2	0,2	1,6	1,3	0,2	1,1

ВТО- номность						
5.Н эпос- ледова- тельность	4,7*	4,6*	5,3*	5,4*	2,7*	5,6*
6.Ф актор близости	13,2	8,1*	10,9	9,6*	13,7	12,6
7.Ф актор критики	15,4	15,4	12,7	9,6*	10,9	16,7

** – при $t_{эмп} > t_{\alpha 0,01}$

* – при $t_{эмп} > t_{\alpha 0,05}$

Из таблиц видно, как похожи показатели отношения к матери у девушек с разными пищевыми нарушениями, и насколько эти показатели отличаются от демонстрируемых группой без нарушений пищевого поведения. У группы девушек без нарушений пищевого поведения мы видим следующую картину: они относятся к матери как к проявляющей позитивный интерес, основанный на психологическом принятии, соблюдающей близкую дистанцию с дочерью, проявляющей участие в жизни дочери. При этом отмечается низкий уровень враждебности и критики. Мать оценивается как проявляющая умеренную директивность и строгость, дающая достаточную автономность дочерям и последовательная, но не слепо принципиальная в установлении правил. Все это является иллюстрацией здоровых и доверительных взаимоотношений между матерями и дочерьми, и как следствие – отсутствие проблем в пищевом поведении последних.

У девушек с ограничительным пищевым поведением мы видим иную ситуацию. Девушки относятся к матери как к демонстрирующей недостаточно позитивного интереса и принятия, соблюдающей дистанцию в отношениях с дочерью, при этом резко

критикующей ее, проявляющей директивность, строгость, враждебность по отношению к дочери. При этом мать оценивается как дающая достаточную автономию дочерям и последовательная, но не слепо принципиальная в установлении правил.

Все эти особенности отношения к матери могут отражать довольно отстраненные и холодные детско-родительские взаимоотношения. Критика и повышенная требовательность, которую ощущает дочь со стороны матери, возможно, нашли отражение в повышенной самокритике, желании соответствовать идеалам и стремлении похудеть – характерных особенностях девушек с данным типом пищевого поведения.

Девушки с эмоциогенным пищевым поведением относятся к матери как к демонстрирующей недостаточно позитивного интереса и принятия, соблюдающей дистанцию в отношениях с дочерью, дающей ей достаточно свободы, однако критикующей ее, проявляющей директивность, строгость, враждебность по отношению к дочери. Кроме того, мать оценивается ими как непоследовательная в поведении, непредсказуемая и демонстрирующая резкие переходы от психологического принятия дочери к эмоциональному ее отвержению. Все эти особенности могут быть причинами неблагоприятного психологического климата в семье, что сказывается на эмоционально чувствительных девушках и заставляет их прибегать к еде как к средству успокоения.

Девушки с экстернальным пищевым поведением относятся к матери как к демонстрирующей недостаточно позитивного интереса и принятия, соблюдающей дистанцию в отношениях с дочерью, критикующей ее, проявляющей директивность, строгость, враждебность и непоследовательность в поведении. На фоне такого отношения к матери, она отмечается девушками как дающая достаточно свободы, снисходительная, нетребовательная. Эти особенности могут являться причиной переедания девушек. Чувствуя отсутствие материнского интереса к себе, испытывая психологическое давление, и ощущая при этом неограниченность в действиях, такие девушки все чаще прибегают к перееданию, пытаясь заглушить потребности в материнском принятии и поддержке.

Девушки с эмоциогенным и экстернальным пищевым поведением относятся к матери похожим образом: как к демонстрирующей недостаточно позитивного интереса и принятия, соблюдающей дистанцию в отношениях с дочерью, критикующей ее,

проявляющей директивность, враждебность и непоследовательность в поведении, однако дающей достаточно свободы. Такое отношение к матери отражает неблагоприятные детско-родительские взаимоотношения, следствием чего может быть привычка заедать сильные эмоции, а не обсуждать их с мамой.

У девушек с ограничительным и экстернальным пищевым поведением мы видим несколько иную картину. Они также относятся к матери как к демонстрирующей недостаточно позитивного интереса и принятия, соблюдающей дистанцию в отношениях с дочерью, при этом резко критикующей ее, проявляющей директивность, строгость, враждебность по отношению к дочери. Однако при этом мать оценивается как дающая достаточную автономность дочерям и последовательная, но не слепо принципиальная в установлении правил. Все эти особенности отношения к матери отражают достаточно холодные и отстраненные детско-материнские отношения. Возможно поэтому девушки испытывают потребности съесть больше, чем им необходимо. Несмотря на это, страх поправиться и получить критические отзывы от матери, заставляют девушек строго ограничивать себя в еде.

Рассмотрев группу девушек с нарушениями пищевого поведения в целом, мы можем отметить следующее: в основном они относятся к матери похожим образом: как к демонстрирующей недостаточно позитивного интереса и принятия, соблюдающей дистанцию в отношениях с дочерью, критикующей ее, проявляющей директивность, враждебность и непоследовательность в поведении, однако дающей достаточно свободы. Такое отношение к матери отражает неблагоприятные детско-родительские взаимоотношения, следствием чего могут являться нарушения пищевого поведения. Девушки по-разному выстраивают свое отношение к пище, однако общей тенденцией выступает замещение едой либо мыслями о еде потребности в тепле, принятии и одобрении.

Результаты исследования дают нам возможность сделать следующие выводы:

1. Мы обнаружили, что и в самоотношении, и в отношении к матери у девушек с нарушениями пищевого поведения наблюдаются значительные различия в сравнении с девушками без таковых нарушений.

2. У девушек с ограничительным, эмоциогенным и экстернальным типами нарушений пищевого поведения наблюдается довольно сходная картина, характеризующая их отношение к матери. Девушки с ограничительным, эмоциогенным и экстернальным типами пищевого поведения демонстрируют отношение к матери как проявляющей меньше позитивного интереса, более директивной и враждебной, более отстраненной, более непоследовательной в воспитании, более критичной и соблюдающей большую дистанцию в отношениях с дочерью по сравнению с отношением к матери у девушек без нарушений пищевого поведения.

5. У девушек со смешанными типами пищевого поведения, а именно: эмоциогенным и экстернальным, ограничительным и экстернальным, вариативно проявляются все указанные нами аспекты отношения к матери, характерные для групп с нарушениями пищевого поведения.

Практическим выходом результатов данного исследования выступает осознание необходимости углубленного анализа ключевых причин возникновения нарушения пищевого поведения у девушек, таких как социальные и психологические причины, и коррекция их влияния на пищевое поведение. Учет роли отношения девушки к себе и ее взаимоотношений с матерью требует пересмотра подходов к профилактике и терапии пищевых нарушений. В ряде случаев психологическую помощь таким девушкам следует начинать с коррекции внутрисемейных, детско-материнских отношений.

Список литературы

1. Андреева Н. Ю. Психологические подходы к профилактике зависимостей среди подростков и молодежи / Н. Ю. Андреева // Материалы областной научно-практической конференции «Здоровый образ жизни: теория и практика». – Костанай, 2003. – С. 43–47.
2. Гоголева А. В. Аддиктивное поведение и его профилактика / А. В. Гоголева. – Москва : Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – 240 с.
3. Малкина-Пых И. Г. Лишний вес. Освободиться и забыть. Навсегда / И. Г. Малкина-Пых. – Москва : Эскмо, 2007. – 256с. (С. 17-20).

4. Малкина-Пых И. Г. Терапия пищевого поведения (Справочник практического психолога) / И. Г. Малкина-Пых. – Москва : Эксмо, 2007. – 1040 с.
5. Погонцева Д. В. Мать как образ женской красоты у женщин / Д. В. Погонцева // Гуманитарные научные исследования. – Сентябрь, 2011. – №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2011/09/61>

Системные аспекты профилактики суицидального поведения у подростков

Медведев С.Э., Бутома Б.Г.

*Отделение биопсихосоциальной реабилитации психически больных
ФГБУ СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева г. Санкт-Петербург, Россия
sem2001@bk.ru*

Аннотация. Современная профилактика подростковых суицидов требует системной организации взаимодействия специалистов работающих в сфере социальной и психологической помощи и модернизации службы психического здоровья с активным участием самих пациентов и их социального окружения.

Ключевые слова: суицид, психотерапия, системный подход, профилактика.

Системная теория утверждает, что любое поведение в присутствии другого является коммуникацией. Таким образом, акты агрессии и аутоагрессии так же являются коммуникационными актами. Очевидной трудностью анализа случаев завершенного суицида является отсутствие возможности контакта с суицидентом. Недостаточная информированность части населения и некоторых социальных институтов приводит к

формированию негативного и нетолерантного отношения к их семьям. В связи с тем, что имеется устойчивая тенденция обвинения семьи, родители и близкие суицидента зачастую не получают поддержки и даже становятся объектами упреков и подозрений. Часта практика необоснованного возбуждения уголовных дел, приводящая к блокированию контактов членов семьи с помогающими службами и препятствующая получению достоверной психологической информации.

По данным Генпрокуратуры РФ (<http://svpressa.ru>) 62% самоубийств несовершеннолетних связано с семейными конфликтами и неблагополучием, боязнью насилия со стороны взрослых, конфликтами с учителями. То есть проблемы возникают в отношениях с взрослыми людьми. Из-за конфликтов со сверстниками и по любовным причинам дети кончают с собой в 13,6% случаев. Еще реже причиной становится конфликт с одноклассниками.

Нами был проведен анонимный опрос 54 помогающих специалистов. Состав испытуемых – 54 специалиста. Из них семь (13%) психотерапевтов, 19 (35%) психологов и 28 (52%) социальных педагогов.

Было предложено два вопроса:

– В чем причина?

– Что делать?

Ответы распределились следующим образом:

Причины видели в семье 25%, в отношениях с другими взрослыми 37,5%, в личности ребенка 25%, а в трудностях отношений со сверстниками – 12,5%.

Предложения по поводу преодоления сложившейся ситуации объединялись в аналогичные группы. Предлагалось работать с семьей в 16%, с отношениями с взрослыми внешнего окружения в 24%, с личностью ребенка в 52%, а с трудностями отношений со сверстниками – 8% ответов.

Обобщая результаты можно отметить характерную тенденцию, отражающуюся в реальной практической деятельности помогающей службы. В оценке причин помогающие специалисты близки к статистике генпрокуратуры: основную часть трудностей в жизни детей составляют отношения с взрослыми, как внутри семьи, так и

во внесемейном окружении. Парадоксально, акцент в работе, направленной на преодоление трудностей и профилактику суицидального поведения будет сделан на коррекцию личности ребенка.

В отечественной практике широко применяется лечение детей до 15 лет в закрытых стационарах. По официальной статистике сроки госпитализации составляют в среднем до 60-70 дней. Круглосуточное наблюдение гарантирует безопасность жизни ребенка, но может приводить его к формированию экстернального локуса контроля. Отсутствие активной вовлеченности родителей в процесс преодоления трудностей взаимодействия с «проблемным» ребенком приводит к формированию у них обученной беспомощности.

Следует также предположить снижение информативности данных инструментальных исследований, получаемых в условиях закрытого стационара.

Выводы.

Представляется необходимым:

- организовать системное взаимодействие помогающих специалистов;
- отработать механизмы психологической помощи и профилактики эмоционального сгорания психолого-педагогического состава психолого-педагогических учреждений;
- создать систему эффективного общественного контроля над деятельностью закрытых психиатрических учреждений с последующей их модернизацией в современном реабилитационном формате.

Литература

1. Бейтсон Г. Экология разума: избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии: пер. с англ. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.
2. Вилкен Ж.П., Холландер Д. Восстановление и реабилитация. Пер с англ. И. Темирбулатова, Д. Шукурова. – Глобальная инициатива в психиатрии. – 2011. – 296 с.
3. Коцюбинский А.П., Гусева О.В. Интегративная модель психотерапии эндогенных психических расстройств. – СПб.: СпецЛит. 2013. – 287 с.

4. Медведев С.Э., Коцюбинский А.П. Биопсихосоциальная реабилитация при психических расстройствах (системные и трансгенерационные аспекты) / Трансляционная медицина – инновационный путь развития психиатрии: тезисы конф. 19-21 сентября 2013 г. Под ред. проф. Н.Г. Незнанова, проф. В.Н. Краснова — Самара, 2013. – С.70-71.

5. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). – Москва: Мир, 2004. – 368 с.

6. Шлиппе А. фон, Швайтцер Й. Системные интервенции. – СПб.: Издательство Вернера Регена. Немецкая школа коучинга и медиации; Gera: VWR-Verlag, 2013. – 184 с.

7. Seikkula J., Olson M.E. Family process. – FPI. – 2003. – Vol 42. – 3. – С. 404-418.

Проект «Клуб приемных родителей» как фактор долгосрочного целевого многофункционального сопровождения семей, растящих приемных детей

Минайчева Н.В.

*ГАОУ ВПО Московский институт открытого образования; ГБУ Московская служба психологической помощи населению г. Москва, Россия
nminaycheva@yandex.ru*

Аннотация. В статье обобщается многолетний опыт автора, участвовавшего в разработке проекта и организации работы «Клуба приемных родителей» на базе территориального отдела ГБУ «Московская служба психологической помощи населению» в ЗелаО. Рассматриваются актуальные проблемы, с которыми сталкиваются приемные родители на стадии адаптации ребенка в замещающей семье, возможные варианты их эффективного разрешения.

Ключевые слова: приемные родители, ребенок, опека, замещающая семья, адаптация, психологическая помощь, комплексное сопровождение.

В последнее время вопросы профилактики социального сиротства в России вошли в число приоритетных социально значимых задач. Сегодня практически ни у кого не возникает сомнений в том, что семье с приемными детьми необходимо комплексное сопровождение и специфическая психологическая поддержка. Специализированная подготовка граждан, выразивших желание стать замещающими родителями из необязательного дополнения к процессу оформления необходимых документов, наконец превратилась в приоритетный процесс, на котором строится принятие решения об усыновлении. Это обусловлено тем, что люди, желающие растить приемного ребенка, зачастую не представляют, какие изменения ждут их семью, с какими трудностями им придется столкнуться, в результате чего семья может не справиться с задачей создания благоприятных условий для развития приемного ребенка, удовлетворения его базовых потребностей. Опыт показывает, что нередки случаи, когда при возникновении сложных жизненных и конфликтных ситуаций приемные родители и опекуны отказываются от ребенка, прерывая его размещение в семье. Прохождение подготовки дает возможность кандидатам в замещающие родители более взвешенно и осознанно принять решение о приеме ребенка в семью. Знание психолого-педагогических основ родительства позволяет взглянуть на организацию взаимоотношений в семье, как на воспитательную среду, создать микроклимат, способствующий формированию доверительных отношений между всеми ее членами.

Разумеется, родительству невозможно научить. Это состояние можно только прожить. Появляется ребенок, и все накопленные за жизнь знания, весь опыт и все навыки оказываются недостаточными для того, чтобы порой справиться с его «малышовой» проблемой, ответить на, казалось бы, пустяковый вопрос. И все-таки приемные родители оказываются сильнее страха и сомнений, сильнее бюрократических барьеров и чиновного безразличия – в борьбе за счастье свое и своего ребенка, который еще вчера был общим, а теперь уже свой, родной и самый любимый. Наш опыт показывает, что компетентность в методологии родительской психологии проявляется в устойчивой

мотивации замещающих родителей, в успешном формировании и развитии личности приемного ребенка, в знании и понимании приемными родителями, что воспитательном процессе «личность формирует личность» [4]

Анализ многочисленных программ обучения приемных родителей показывает, что основное место в подготовке отводится психологическим вопросам построения взаимодействия в диаде «приемный родитель – ребенок», раскрывающим основы воспитания ребенка-сироты. При этом базовым элементом процесса обучения является общение, направленное на развитие психического мира ребенка, как своеобразного сплава общественного и индивидуального в бытии человека [5]. Общение, как передача жизненного опыта, знаний не только в предметной но и в духовной сфере, задает ориентиры социальной адаптации в обществе, семье, способствует самораскрытию и укрепляет доверие ребенка не только к значимым Другим, но и к собственному Я. Можно утверждать, что при всем многообразии, программы подготовки объединены главной целью – минимизировать риск возникновения деструктивных отношений в диаде «приемный родитель – ребенок». Программы обучения направлены на информирование потенциальных родителей об особенностях поведения и чувствах детей-сирот, а так же предполагают формирование у них установки на осознание необходимости управления своим поведением как показателя социально-психологической зрелости личности.

«Психологическая Школа приемных родителей» - обучающая программа разработанная в Московской службе психологической помощи населению регулярно проводится с 2007 г. во всех административных округах Москвы. Практической основой выводов и рекомендаций приведенных в статье стал пятилетний опыт автора, принимавшего активное участие в организации и работе Школы в ЗеоАО и удостоенного за эту деятельность звания лауреата XIV Национального конкурса «Золотая Психея» в номинации « Проект года в психологическом образовании».

Опыт выпуска первой же группы, проходившей у нас подготовку, показал, что как бы максимально полно мы не старались информировать своих слушателей, вопросов после окончания Школы у них остается больше, чем появляется ответов. И еще страх перед будущим и неуверенность в своих силах. Именно это поставило перед

сотрудниками отдела в ЗелАО главный вопрос: «А что же дальше?» Сможем ли мы оставить этих людей, с которыми мы проработали три месяца, в проблемы которых мы были включены, наедине с их страхами и заботами?

О важности комплексного сопровождения семей самых разных категорий говорится уже не один год. На уровне города и округов выстраивается и развивается система межведомственного взаимодействия по преодолению социального сиротства, по сопровождению приемных и патронатных семей, семей попавших в группу риска, создаются экспериментальные и методические площадки и т.п. Это важная работа, которая, несомненно, со временем даст положительный результат. Но наши первые 12 выпускников, из которых 8 к моменту выпуска имели приемных детишек, как быть с ними? Чем именно мы можем помочь этим конкретным людям, не дожидаясь судьбоносных правительственных решений. Мы остановились на идее Клуба для приемных родителей как форме постшкольного психологического сопровождения семей с приемными.

Идея Клуба приемных родителей совсем не нова. В разных территориальных отделах Службы предпринимались попытки такие клубы организовать. Предпринимались и постепенно угасали. Но мы все же решили попробовать. Параллельно с занятиями второй группы Школы мы приступили к изучению клубного опыта коллег. И ознакомившись с ним, поняли, что мы делать не будем. Все программы родительских клубов, которые мы проанализировали, были жестко структурированы и по формату напоминали стандартные тренинг-семинары. Это вызвало сомнения в том, что такой подход будет оптимальным для пространства нашего Клуба. Ведь во время занятий в Школе мы уже проинформировали слушателей по самому широкому спектру вопросов, касающихся приемного родительства, и многое дали почувствовать на собственном опыте в процессе практикума. Мы обучали наших слушателей, как максимально комфортно пройти адаптационный период, как правильно реагировать на те, или иные особенности поведения детей. Рассказывали, с какими трудностями они могут столкнуться и как с ними справляться, говорили о типичных родительских ошибках, ожиданиях и разочарованиях. Помогали реально оценить свои силы и возможности принятия ребенка в семью. Мы стремились максимально широко ориентировать

будущих приемных родителей по всему спектру проблем, с которыми они столкнутся в процессе адаптации. А главное, стремились помочь осознать мотивы, которые ими движут. Как показывает практика, желание взять в семью ребенка может возникнуть по самым разным причинам: от потребности наполнить свою жизнь новым смыслом до стремления решить собственные психологические или бытовые проблемы.

Казалось бы, когда человек предупрежден — он вооружен, по крайней мере, не должно быть той беспомощности и испуга, с которыми сталкиваются семьи, не прошедшие курса Школы приемных родителей. Опыт показывает иное. В семье появляется собственный выстраданный и вымечтанный малыш и уровень тревожности у родителей зашкаливает. Различия между теорией и личным опытом фрустрируют многих. На старте приемным родителям кажется, что главное — это договориться между собой, принять решение и пройти все круги бюрократических процедур. Они даже не догадываются, что, с обретением долгожданного чада, их проблемы только начинаются. Что же происходит? Полтора - два месяца ребенок ведет себя идеально, он всячески старается расположить родителей к себе. На самом деле это — период адаптации, который мы называем «пусканием корней». Затем, когда ребенок получает вербальное и невербальное подкрепление, что его позиции достаточно укреплены, он начинает предъявлять приемным родителям все те претензии, которые успел накопить за свою маленькую чудовищно обездоленную жизнь. И к кровным родителям, и к тем, кто за ним ухаживал, и к социуму в целом... Кровные родители, с которыми ребенок провел первые годы жизни и лишенные родительских прав, могут идеализироваться ребенком. Приемные родители зачастую бывают к таким переменам не готовы, они не понимают, что же произошло со вчерашним ангелочком... И новые лекции вряд ли помогут.

Разумеется, можно, предложить индивидуальное психологическое консультирование и эффект его вполне очевиден. И все же мы предпочли иной путь — работу по принципу «научись помогать себе сам». Разбираясь с собственными проблемами, наши бывшие слушатели помогают и поддерживают друг друга. Под чутким наблюдением и при помощи психологов, разумеется. Мы решили делать «Клуб приемных родителей» интерактивным, изначально не загонять его в жесткие тематические и временные рамки, а следовать за потребностями конкретных участников Клуба и их семей.

Поэтому клубное пространство поделено на две приблизительно равные части: в первой половине каждой встречи ведущие представляют какую-либо конкретную тему, волнующую большинство приемных родителей. Они кратко знакомят участников с информацией по этому вопросу, а потом предлагают поделиться мнениями или личным опытом, с ним связанным. И подбирают упражнения, которые позволили бы на практике попробовать найти выход из непростой ситуации, «на собственной шкуре» ощутить, что чувствуют другие вовлеченные в нее люди, и главное – их дети, осознать и принять собственные чувства. А после чаепития, которое само по себе тоже очень важно, родителям предоставляется возможность поделиться новостями, обменяться опытом или запросить помощи группы, если возникли неразрешимые собственными силами проблемы. Ведущие выступают здесь как модераторы, умело направляя обсуждение, и иногда снижая накал страстей, ведь равнодушных во время клубных встреч не бывает. Мы начинали работу Клуба в августе 2009 года в период отпусков. Однако потребность наших слушателей в общении и поддержке была столь очевидной, что мы решили не откладывать. Установили регламент клубных встреч: 1 раз в месяц по три с половиной часа, путем опроса потенциальных участников Клуба выбрали первую тему. И стартовали, пугаясь собственной храбрости... Клуб приемных родителей существует и поныне. Программа не только выжила и доказала свою актуальность, но в процессе развития и нас научила многому, дала возможность найти новые решения, позволяющие эффективно помогать приемным родителям справляться с их непростыми ситуациями. Заставила теснее взаимодействовать со всеми городскими структурами, вовлеченными в межведомственное взаимодействие по преодолению социального сиротства.

Еще в процессе обучения в Школе или практически сразу после него многие семьи взяли приемных детей, и мы уверены, что они сделали это более осознанно, чем до прихода к нам. Сегодня большинство наших выпускников - это сплоченная группа единомышленников. На клубных встречах они обмениваются информацией, приобретают новые знания и навыки, необходимые для воспитания приемного ребенка, делятся не только тревогами, но и своим позитивным опытом, пусть маленькими, но собственными «ноу-хау», которые, если это касается дорогого тебе человечка, важнее любых грандиозных открытий.

Одно из достоинств Клуба — атмосфера доверия. Наши встречи проходят в небольшой группе, где у каждого есть возможность поделиться собственным мнением, спросить о наболевшем и получить ответы. Подготовка и сбор документов, изучение базы данных, первые визиты в Дом малютки или интернат – где еще можно поделиться своими впечатлениями в кругу единомышленников и найти поддержку? Живое общение порой оказывается не менее важными, чем методические рекомендации. Пищу для жаркого обсуждения приносят и специально подобранные фильмы – о жизни малышей в Доме малютки, о том, как меняются дети, когда попадают в семью. Некоторые кадры так пронзительно-реалистичны, что их невозможно забыть: как на конвейере ждут своей очереди государственные дети – ловкими движениями одного за другим пеленает их медицинская сестра и уходит, оставляя без внимания крики и капризы, потребность в маминой ласке и человеческом тепле. Здесь не до нежностей – эти дети с первых дней должны привыкать к самостоятельности!

Клуб является незаменимой информационной и психологической базой. По просьбе участников мы приглашаем на встречи самых разных специалистов. Разумеется, главным направлением клубной программы остается психологический аспект этого сложного процесса, но не оставлены без внимания и смежные: экономические, юридические и медицинские вопросы, тема игротехники. Не секрет, что на определенных этапах своего развития ребенок познает мир через игру, и сделать ее не просто интересной, но познавательной – не обладая специальными навыками непросто. А в случае с приемными детьми, у которых в силу вполне понятных причин может быть отставание в развитии – это самая эффективная и безопасная форма коррекции, доступная семье. Неизменной популярностью пользуется у наших участников специалист по игротехнике, который обучает родителей, как правильно играть с детьми, чтобы облегчить процесс адаптации ребенка в семье, снять эмоциональное напряжение и рассеять страхи малыша.

За время работы Клуба его гостями были социальные работники, сотрудники муниципалитетов из ООП и комиссий по делам несовершеннолетних, поскольку проблемы, связанные с алкогольной и наркотической зависимостью, наследственная предрасположенность к ним по вполне понятным причинам интересуют многих

приемных родителей. Очень полезным нам представляется участие в клубных встречах медиков - проблемы со здоровьем и снятием диагнозов актуальны для приемных детишек. Коллеги из окружного управления ДСМП как правило, рассказывают о различных материальных льготах и выплатах, социальных программах, в которых не всем родителям просто разобраться самостоятельно. Когда на привычной для себя территории, которой является пространство Клуба, приемные родители знакомятся с представителями окружных управлений, муниципалитетов, то в последствии им значительно проще обращаться к ним за помощью. Наше сотрудничество с Центром медико-психолого-педагогического сопровождения, специализирующимся на вопросах детской гиперактивности и аутизма, позволяет приглашать на клубные встречи специалистов этой организации. Информация, которую приемные родители узнают «из первых рук», дает им возможность сориентироваться в том, какого рода помощь могут получить их дети в случае необходимости.

Участники характеризуют Клуб, как зону безопасности. Они утверждают, что каждая клубная встреча, даже если на ней не касались непосредственно их проблемы, неизменно снижает уровень личной тревожности. Бывает, что бездетные пары или люди одинокие принимают решение усыновить ребенка, но, поделившись с близкими или друзьями, получают вместо поддержки недоуменные вопросы, негативные комментарии, а иногда даже оскорбительные выпады. В результате к своим собственным сомнениям у них добавляются страхи, навязанные родными-друзьями-соседями. Клубное общение помогает разобраться не только с первичной неуверенностью в своих силах, но и поддерживать родительский энтузиазм. Гораздо проще искать ответы на глобальные вопросы в кругу заинтересованных и доброжелательных соратников. Так важно понять, как помочь ребенку войти в семью, как влияют генетические и социальные факторы на развитие ребенка. Что делать, когда поведение ребенка непонятно, каковы отличительные особенности поощрения и наказания при воспитании приемных детей. Как все-таки относиться к тайне усыновления: скрывать или гордиться. А главное как помочь ребенку стать счастливым именно в вашей семье.

Мы сами рассматриваем Клуб как форму профилактики родительской неуспешности. В этом отношении интересна обратная связь, которую дают родители,

уже вырастили собственных детей, и нашедшие в себе силы и желание подарить семейное тепло приемному ребенку. Они с огромным интересом анализируют прошлые ошибки, результаты которых пожидают в настоящем. Рефрен «Если бы мы раньше знали!» стал традиционным сопровождением практически всех встреч. Некоторым, кто параллельно с собственным ребенком воспитывает или опекает приемного, мы успеваем помочь «здесь и теперь». Таким образом, Клуб актуален не только в решении узкой специфической проблемы приемного родительства, но и в более широком смысле профилактики семейного неблагополучия в целом.

Не секрет, что приемные родители, столкнувшись с как им кажется, неразрешимыми проблемами в поведении ребенка, нередко решают их кардинально – возвращая его в государственное учреждение. Ситуация обычно развивается по стандартному сценарию и проходит несколько стадий. Сначала исчезает удовольствие от присутствия ребенка, от общения с ним. Причем состояние это не ситуативное, а устойчивое. В этот период все внимание сосредотачивается на проблемах, которых не видели раньше. Они актуализируются и постоянно раздражают. Затем уже сам ребенок становится проблемой, и родители начинают во всем обвинять именно его. Далее следует обнародование проблемы, «вынос сора из избы» с целью получения одобрения и поддержки окружения. Поворотный пункт – это когда друг на друга вылито столько негатива, что эмоционально семья оказывается на пороге кризиса и возврата к прежним отношениям быть не может. После чего следует четкое предъявление ультиматума ребенку, оглашение условий его присутствия в семье и установление временных критериев. Чаще всего финиширует этот процесс повторным возвратом ребенка.

Приемные родители, несомненно, должны быть проинформированы обо всех этих стадиях, они должны отдавать себе отчет, в том, что с ними происходит в каждый момент процесса. И к психологам и сотрудникам органов опеки обращаться за помощью нужно на первой, в крайнем случае, на второй стадии и не позже. Это в идеале, на деле к нам они попадают во второй половине этого процесса, если не в финале, со словами: «Все, больше не могу, забирайте!..» И это крик отчаяния. Это катастрофа. Причем не только для ребенка – это вне обсуждения, но и для самих приемных родителей. Не стоит забывать, что зачастую это люди, которым природа отказала в собственном потомстве,

или же те, кто не удовлетворен результатами воспитания собственных детей. То есть у них уже присутствует ощущение неуспешности на этом поприще и приемное родительство является «последним шансом» реализоваться в роли успешного родителя, доказать себе и миру, что ты тоже можешь. Случившийся «провал» чреват огромным чувством вины, разочарованием, отчаянием и другими психологическими осложнениями. Именно поэтому так важно, чтобы родители могли вовремя заметить признаки проявления неблагополучия в своих отношениях с приемным ребенком, его реакция, и своевременно обратиться к специалистам. Однако, словно стыдясь чего-то, возможно надеясь, что «само как-нибудь пройдет», многие семьи с приемными детьми не торопятся за помощью. И здесь Клуб является незаменимым чутким инструментом. Ведь для приемных семей, объединенных пространством клубных встреч, сама тема обращения за помощью воспринимается безопасно, а у специалистов есть возможность заметить начальные признаки зарождающегося кризиса и поддержать семью.

Хотелось бы особо подчеркнуть принципиальное отличие Клуба приемных родителей от Школы. Психологическая школа приемных родителей – это, прежде всего, обучающий проект с утвержденной программой, целью которой является максимальное информирование слушателей по целому спектру проблем приемного родительства. В рамках Школы мы стремимся дать нашим слушателям как можно больше навыков и знаний, всесторонне подготовить их к проблемам, с которыми они могут столкнуться в процессе усыновления и адаптации, при воспитании ребенка с опытом депривации. Могут, но столкнуться ли?... Задача Клуба гораздо шире - долгосрочное целевое многофункциональное сопровождение семей, растящих приемных детей. Мы вместе в радостях, достижениях и успехах, мы помогаем совладать с тревогами и трудностями, и готовы своевременно оказать поддержку. Тем не менее, Школа и Клуб являются нерасторжимыми элементами системы сопровождения приемных родителей.

На клубных встречах много нового и важного взрослые могут узнать о себе, об особенностях своего характера, привычных реакциях и особенностях поведения, а так же приобрести навыки самопомощи. Это дает возможность правильно выстроить или наладить взаимоотношения с кровными детьми, с мужем или с собственными родителями. Поэтому встречи Клуба наполнены не только интересным, но актуальным

содержанием, они помогают гармоничному проживанию в семье и дают родителям возможность почувствовать себя уверенно. Мы стремимся не только удовлетворять информационный голод наших участников, но создать обстановку уюта и комфорта, атмосферу безусловной любви, которую многие из нас щедро получали в детстве от собственных родителей и дефицит которой во взрослой жизни мы постоянно ощущаем. Разумеется, не все выпускники наших Школ стали постоянными, активными участниками программы Клуба. Как не все в конце концов отважились принять в семью ребенка после прохождения обучения. Существует актив Клуба – это примерно 33% наших выпускников, еще 50% окончивших Школу участвуют в работе Клуба ситуативно, приходят на тематические встречи со специалистами. Опыт показывает, что на собрания клуба в основном приходят семьи, которые уже обзавелись приемными детьми. Для них это не только получение новой информации, но и сформированный круг интересного и безопасного общения. Очевидно, что для потенциальных приемных родителей, пока не решившихся на принятие ребенка в семью, Клуб менее интересен. Некоторые из них посещают одно или несколько клубных собраний с целью составить представление о Клубе и о возможностях его посещения в будущем, когда это станет для них актуальным. И уже несколько раз к нам возвращались слушатели из первых выпусков, нашедшие наконец своего малыша.

Есть у нашего Клуба и свои особенности. В частности, команда волонтеров, созданная из выпускников Школы. Волонтер, синоним русского слова «доброволец», произошло от французского «volontaire», что означает желающий, выразивший желание. Вовлеченность, сознательность, ответственность – основные характеристики добровольчества

Изначально, еще на этапе занятий в Школе мы приветствовали активность наших слушателей. В каждой группе находились те, кто готов был взять на себя некоторые организационные функции. Однако по достоинству мы смогли оценить их усилия, когда начал работу Клуб. Очевидно, что выпускников становится все больше и контакты с ними требуют значительных временных затрат. Наших собственных ресурсов уже не хватило бы даже на их информирование и получение обратной связи. Именно волонтеры являются тем связующим звеном, которое позволяет нам поддерживать контакты с

приемными семьями и помогает в совместной работе. Благодаря активности и чуткости волонтеров мы постоянно обладаем актуальной информацией о семьях наших выпускников. Таким образом, есть возможность своевременно и адресно оказывать необходимую помощь, как на клубных встречах, так и в процессе индивидуального консультирования, не дожидаясь возникновения критической ситуации.

На волонтеров Клуба возложено несколько задач. Прежде всего, в их обязанности входит приглашение своей группы на очередную клубную встречу и информирование о ее тематике. Регулярно общаясь со своими подопечными, как по Интернету, так и лично, волонтеры получают информацию об актуальной ситуации в их семьях. Обратная связь, полученная от волонтеров, служит основой для планирования очередных клубных встреч. Это позволяет ведущим чутко реагировать на запросы участников.

Наши волонтеры - это самые активные члены Клуба, они аккумулируют у себя всю бытовую информацию, бесценный поученный на практике опыт: где и какую медицинскую помощь могут получить родители для своих детишек, куда и кому лучше обращаться, если возникли проблемы с устройством в детский сад, приемом в школу, другую информацию. Обмениваясь ею, наши родители, сплоченные общими целями при активной помощи волонтеров охотно общаются за рамками школьных и клубных встреч обмениваются информацией и приобретенным опытом.

Подбор волонтеров мы осуществляем по нескольким параметрам:

- прежде всего это женщины очень общительные, вовлеченные, заинтересованные; их активность становится очевидной еще в процессе школьных занятий.
- они рассматривают волонтерство как возможность получить внешнее подтверждение собственной значимости, нужности.
- не испытывают затруднений пользуясь интернетом для поиска и обмена информацией и развития контактов
- волонтеры открыты для общения и охотно делятся полученным личным опытом
- активная жизненная позиция, присущая волонтерам проявляется и в том, что они стремятся использовать все ресурсы Службы: индивидуальное консультирование, реабилитацию, фильмы, книги, и проявляют доверие к специалистам.
- участвуют в других программах отдела – стремятся к саморазвитию и самопознанию.

- еще в период занятий в Школе волонтеры выстраивают неформальные отношения с членами своей группы, стремясь не замыкаться на теме детей и как правило сохраняют это общение. Им присущи коммуникативная компетентность, личное обаяние, умение выстраивать и поддерживать отношения с очень разными людьми.

На свете есть немало добрых людей, желающих отогреть одинокие детские сердца. Однако путь к родительству тернист и сложен. Его заполняют духовные и физические испытания, неожиданные препятствия и преграды, сомнения и ошибки. На поверку далеко не все будущие родители оказываются готовыми сражаться до последнего за свои добрые помыслы и светлые идеи. Думается, что Клуб, не ставя перед собой каких-то глобальных задач, тем не менее, оказывает поддержку людям, отважно ступившим на этот путь. Одиночество – один из самых сильных человеческих страхов. Понять и принять его под силу не каждому взрослому. Что же говорить о детях, волею злой судьбы оставшихся без ласки и заботы родителей. И пусть они накормлены и одеты, обеспечены медицинской помощью и жильем. Но никто не гладит по голове, не целует на сон грядущий, не шепчет ласковое слово – никто не говорит, что ты – самый лучший, самый любимый и дорогой... Не секрет что на каждом из нас большими буквами написано, как нас любили в детстве. Через всю жизнь мы несем эстафету любви-нелюбви, принятую от родителей и передаем ее своим детям. Эрик Фромм определял любовь как «...деятельную озабоченность, заинтересованность в жизни и благополучии того, кого мы любим...» [3]. И именно сейчас, в кризисный период, особенно важно «всем миром» проявлять эту деятельную озабоченность, чтобы социальное сиротство стало неприглядным, но минувшим этапом нашей истории.

Список литературы

1. Бебчук М.А., Жуйкова Е.Б. Системный подход к психологии семьи. – М.: ДСиМП, 2009.
2. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. Курс лекций. -С-Пб.: Речь, 2001.
3. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия, -С-Пб.: Питер, 2000.

4. Ушинский К.Д. О пользе педагогической литературы. Соч., т.2, М., 1949.
5. Хрусталькова Н.А. Формирование педагогической компетентности родителей профессионально-замещающей семьи. Автореферат дисс.док.пед.н. Саранск, 2009.

Экология развода

Обобщение опыта психологического консультирования

Минайчева Н.В.

ГАОУ ВПО МИОО, ГБУ МСППН, Москва, Россия

nminaycheva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты развода: его основные причины, статистика, полоролевые различия в мотивации, особенности принятия решения о разводе и способы совладания с травмирующей ситуацией. Особое внимание уделяется взаимодействию детей и родителей, переживающий развод или постразводный период. Обобщается практический опыт автора, специализирующегося, в частности, на работе с горем, утратой и психологической помощи в чрезвычайных ситуациях.

Ключевые слова: развод, травма, семья, супруги.

По-разному складывается у людей семейная жизнь. Счастливый брачный союз, основанный на любви и взаимопонимании, разумеется, добро. Означает ли это, что развод - зло? Практика показывает - не всегда. Развод выполняет по отношению к браку двоякую роль. Он может выступать средством утверждения равноправия между мужчиной и женщиной, если направлен против патриархальных пережитков в брачных отношениях, против подавления и морального унижения одного из супругов, но он может стать и своего рода антиподом брака, если является следствием этих пережитков, нравственной незрелости супругов...

Бесспорно, что в наше время развод перестал быть исключением, как ранее - позорным, и приобрел статус явления привычного, даже универсального. Как ни печально, около половины заключенный браков заканчиваются разводом. Его зачастую используют как кардинальное решение всех разногласий, возникающих между супругами. В то же время, это событие никого оставляет равнодушным. Американцы, создавшие так называемую Шкалу стресса (от 1 до 100) оценивают развод в 75 баллов. Правда, вступление в брак – в 76 баллов.

В жизни однажды наступает момент, когда повседневность прорастает корнями проблем, расцветают крупные и мелкие неприятности, созревая плодами конфликтов. И вдруг муж понимает, что жена не чистый белый ангел, а жена обнаруживает, что рядом – не рыцарь на белом коне... Подобный шок от реальности переживают практически все супружеские пары. Но одни начинают разбираться в себе, искать зоны согласия, обращаются за профессиональной психологической помощью и выходят из предразводной ситуации, вновь обретая друг друга, строят новые взаимоотношения не на иллюзорной основе влюбленности, а на вполне реальном фундаменте взаимопонимания и доверия. Другие же убеждены, что причиной создавшейся тупиковой ситуации является исключительно партнер, но никак не они сами. Тогда конфликты превращаются в норму бытия, и выход видится только один – развод.

Причины разводов разные. Чаще всего это:

- материальные проблемы - меркантильные претензии одного из партнеров, которые второй не может или не желает удовлетворить;
- супружеская неверность, невозможность простить измену (реальную или воображаемую);
- коммуникативная некомпетентность – неумение общаться и договариваться, разрешать конфликты мирным путем, иногда повышенная агрессивность одного из партнеров, переходящая в домашнее насилие;
- болезненная зависимость одного из партнеров (пьянство, наркомания, игромания и т.п.);
- отсутствие детей в браке;
- несхожесть жизненных позиций, серьезные разногласия по поводу стиля жизни, антагонизм базовых жизненных ценностей, целей, смыслов;

- новая любовь - эмоционально значимые отношения вне брака;
- разочарование, однообразие и скука семейной жизни;
- психологическая, биологическая, сексуальная несовместимость или сексуальная неудовлетворенность одного из партнеров;
- ревность и зависть;

Практика психологического консультирования со всей очевидностью демонстрирует, что отношение к разводу у мужчин и женщин так же различное. По данным многочисленных исследований женщины более эмоционально переживают распад семьи: «Жизнь закончилась», «Я не вижу смысла», «Я никому больше не нужна». Именно это чаще всего приходится слышать при появлении очередной клиентки, проживающей ситуацию развода. Женщины, согласно статистике, чаще становятся инициаторами развода, и в то же время, они больше боятся неопределенности: «Верно ли я поступаю?», «Что скажут дети, родители?», «Как жить без материальной поддержки?», «Не пожалею ли я потом о принятом решении?» эти и многие другие вопросы тревожат женщин, отважившихся на развод. Не секрет, что в первый год после развода именно женщины принимают половину продаваемых во всем мире антидепрессантов. Нередко женщина после развода так и остается одинокой.

Мужчины в первые месяцы после развода, как правило, не склонны драматизировать ситуацию. Но уже через полгода 30% из них обращаются к психотерапевтам с жалобами на подавленность, одиночество, появившуюся склонность к перееданию и пьянству, потерю интереса к работе и жизни, снижению сексуальной активности. Более 50% мужчин сожалеет об уходе из семьи и хотели бы вернуться. Каждый четвертый разведенный повторно женится на своей бывшей жене, каждый третий к этому стремится. 65% мужчин вступают в брак вторично через 3-5 лет после развода, причем, более половины из них уверены, что предыдущая жена была лучше. И только 20% мужчин избегают брака в течение 10 лет и более.

По результатам одного из опросов на вопрос “Можно ли было, по Вашему мнению, предотвратить развод?” утвердительно ответили 67,6% мужчин и 43,6% женщин, что с достаточной степенью свидетельствует о неоднозначности чувств к бывшему партнеру. Интервал между первым и вторым браком в среднем составляет 5,5

лет, поскольку сложно обрести душевное равновесие после первой семейной катастрофы...

При исследовании причин развода его можно рассматривать как изменение баланса сил, поддерживающих и деформирующих брак, то есть обеспечивающих гомеостаз и динамику семейной системы. К первым относятся морально-психологические и отчасти экономическая заинтересованность супругов друг в друге, а также социальные нормы, ценности, санкции. Ко вторым - проявление взаимного недовольства и неприязни супругов, чувства раздражения, ненависти, а также внешние факторы, стимулирующие развитие и обострение внутрисемейных конфликтов (неприятности на работе, противоречия с родственниками и т.п.).

Из-за многообразия вышеприведенных причин развода описать их все невозможно, поэтому остановимся подробно на наиболее актуальных из них.

В современной России примерно четверть всех разводов связана с нарушением супружеской верности. Измена затрагивает область супружеских чувств, являясь антиподом любви. В наше время любовь - нередко единственное основание для создания и существования семьи. Мотив "измены" наблюдается чаще всего при расторжении молодых браков, что свидетельствует скорее о незрелости, легкомыслии супругов, о непонимании семейных ценностей. С некоторых пор укоренилось мнение о том, что измена, случайная связь заставляет человека понять, что в семье была любовь, измена вдруг высвечивает это. По данным опросов, 75% мужчин не находят в случайном партнере того, что ожидали, и начинают больше ценить свою жену. Среди неверных жен число таких, кто не испытал ничего, кроме разочарования и чувства вины, оказалось еще больше - 90%. В результате, изменивший супруг осознает, что совершил страшную ошибку, что предал близкого человека, и впредь будет больше дорожить семьей.

И все же в большинстве случаев измена не идет на пользу браку. Практика показывает, что измену простить труднее всего. И трудно... даже невозможно забыть. В браке щекотливые моменты иногда лучше обойти молчанием. Чрезмерная искренность, желание рассказать правду о физической измене может вызвать у супруга тяжелую депрессию. Находясь под гнетом своего поступка, "грешник" стремится очистить совесть, исповедаться, раскрыть душу "пострадавшему". Вот тут-то все и начинается.

Для того, кто слушает исповедь, она словно гром среди ясного неба. А “грешник” после исповеди становится свидетелем страданий человека, которому изменил. Принцип “лучше горькая правда, чем сладкая ложь” в таких случаях не срабатывает. Тот, кому изменили, до конца жизни может потерять психическое равновесие, и перенесенные страх и боль навсегда изменят не только его отношение к партнеру, но восприятие противоположного пола в целом. Вероятно, лучше не травмировать партнера своей искренностью.

В каждом конкретном случае необходимо иметь в виду мотивы, толкающие мужчину или женщину на измену. С одной стороны, это может быть тщеславие, жажда личной “свободы”, распущенность, утрата нравственных ценностей, с другой стороны: слабых характерность, склонность к подчинению, социальная незрелость, неустойчивая жизненная позиция. В современных исследованиях делаются попытки проанализировать причины супружеской неверности. Приведем одну из классификаций:

Новая любовь. Эта причина супружеской неверности характерна для браков, где любовь не имела большого значения или вовсе отсутствовала (рассудочные, рациональные или вынужденные браки, основанные на выгоде, страхе одиночества, случайной беременности).

Возмездие. При помощи измены реализуется желание отомстить за неверность супруга, чтобы восстановить чувство собственного достоинства.

Отвергнутая любовь. В брачных отношениях отсутствует взаимность. Один из супругов страдает от неприятия его любви, безответственности чувства. Это побуждает утолить чувство в другом партнерстве, где возможна взаимность. Иногда изменяющий сам не любит нового партнера, но откликается на его чувство, как из сочувствия, так и по причине обслуживания собственных вторичных выгод.

Поиск новых любовных переживаний. Как правило, характерен для супругов со значительным стажем, когда чувства в браке поблекли, утратили свою остроту и привлекательность. Либо в семьях с моральными устоями, позволяющими брать от жизни все возможное. Вариантом может быть подражание “красивой жизни” по зарубежным образцам, транслируемой СМИ, сексуальной свободе.

Воспоминание. С помощью супружеской неверности человек компенсирует дефицит любовных отношений, который возникает под влиянием длительных разлук, болезни супруга и иных ограничений на полноту любви в браке.

Тотальный распад семьи. Измена здесь фактически результат создания новой семьи, когда первая семья воспринимается нежизнеспособной.

Случайная связь, когда измена не характеризуется регулярностью и глубокими любовными переживаниями. Обычно она бывает спровоцирована определенными обстоятельствами (настойчивость “партнера”, “удобным случаем” и т.д.).

По данным социологических опросов, подтверждаемых практикой консультирования из-за неудовлетворенности интимной стороной брака, разводятся довольно часто молодые пары в первые 2-3 года семейной жизни. Нередко определяя это как “не сошлись характерами”. У них еще нет понимания того, что нужно определенное время, чтобы узнать особенности характера, темперамента, привычки друг друга, совместить свои биоритмы, чтобы ощущать себя наедине с партнером уверенно и спокойно, чтобы отсутствовали всякие сомнения в правильности поступков и действий.

Во взаимоотношениях – любовных, семейных, дружеских – люди тянутся друг к другу в силу сходства характеров или по принципу дополнения. Помимо характерологических особенностей, любовные отношения и брак цементирует наличие общности целей, близкая ценностная ориентация, которая помогает людям более терпеливо и снисходительно относиться к несходству характеров. У разных людей может быть разное представление о том, что такое налаженный быт, должное воспитание детей, уважение, внимание, доверие. Такие ситуации достаточно распространены во многих семьях и могут явиться причиной семейных конфликтов. А они, в свою очередь, причиной развода. Развод, в современном мире, по видимому, становится распространенным и социально приемлемым способом разрешения серьезных противоречий между супругами, которые существовали всегда, но раньше улаживались иначе. Но что же делать, когда люди, как стало модно говорить, «психологически не совместимы»?

На практике все не так уж сложно... В каждом из нас существует специфическое женское и мужское начало. Пол влияет на нашу психическую структуру, мышление и

способ восприятия жизни. Конечно, всегда существуют индивидуальные различия, о которых следует помнить и принимать их во внимание. Женщина и мужчина отличаются друг от друга, а мы так часто об этом забываем. Мы чувствуем по-разному, мы любим по-разному, мы по-разному воспринимаем мир. Так заложено природой. Женщина существо эмоциональное, мужчина – рациональное, мужчина добытчик, женщина – хранительница очага. Женщинам для сексуальных отношений нужны хорошие межличностные взаимоотношения, для мужчины сексуальные отношения то же самое, что хорошие взаимоотношения. Это главное противоречие, которое сложно понять мужчинам и женщинам, но осознание его поможет обоим.

Столкновение с инаковостью всегда порождает неуверенность и тревогу. Требуется смелость, чтобы испытывать страх и признавать это. Только так мы можем прийти к реальным взаимоотношениям друг с другом. Страх подразумевает смелость в том, чтобы видеть и принимать различия. Если мы не можем быть терпимыми к различиям, то начинаем требовать подобия, и стремимся принудить к нему партнера. На деле же просто хотим управлять своим партнером, контролировать его. Это не идет на пользу отношениям. Мы теряем возможность ощутить полноту жизни совместно с другим человеком, который отличается от нас как физически, так и ментально. Мы теряем реальный шанс - разделить нашу жизнь с ним или с ней. Если мы не можем принять различия, мы теряем любовь...

Группа ученых из Великобритании, суммировав данные исследований, проводившихся в разное время в разных странах, сформировали перечень наиболее ярких признаков того, что брак находится под угрозой. Руководителем исследований выступил известный психотерапевт Джон Готтман, в течение сорока лет занимающийся разрешением конфликтов между супругами. По его наблюдениям, если хотя бы три из четырех следующих признаков характерны для семьи, то риск развода в ближайшее время максимален.

1. Семья на грани развода, если хотя бы один из супругов всегда избегает конфликтов. Особенно опасно это в том случае, если раньше все было иначе. Если один из супругов начинает «спускать на тормозах» все конфликты в то время как второй супруг пытается найти решение проблемы, у него возникает ощущение недосказанности,

непонятости, которое в последствии перерастает в равнодушие. Эмоции, даже во время скандала, как это ни парадоксально, могут быть полезны для укрепления брака. Безразличие же крайне опасно для его существования.

2. Согласно современной теории конфликта самым опасным для брака коммуникативными приемами являются сарказм, насмешки, унижения. Когда супруги в пылу ссоры «переходят на личности», после остается обида, которая будет напоминать о себе при каждом подходящем случае.

3. Постоянная критика и обвинения заставляет партнера защищаться, порождает агрессию, либо приводит в подавленное состояние и провоцирует депрессию.

4. Наличие латентного конфликта так же является мощным фактором, способным серьезно нарушить семейное равновесие. Пары, которые долго не могут решить конфликт, «застревают» в нем без продвижения вперед. Отложенные проблемы во много раз повышают вероятность негативного итога.

Утрата любви, уважения и взаимной поддержки делает невозможным эффективное функционирование семьи и успешное преодоление семейных кризисов, которые возникают при переходе от одного жизненного семейного цикла к другому. Жизненный цикл семьи – это закономерная последовательность смены событий и стадий, которые проходит любая семья. Коротко приведем их:

Стадия монады – одинокий, финансово самостоятельный молодой человек/девушка, живущий независимо от родителей, тем не менее, реализуя правила, усвоенные им в родительской семье.

Стадия диады. Это первый кризис, когда люди начинают жить вместе и должны договориться о том, по каким правилам это будет происходить. Есть правила, о которых договариваться проще (например, бытовые), а есть те, по поводу которых договариваться труднее (проявления любви).

Российской семье присущи свои особенности. Нередко молодожены приходят жить в семью одного из супругов, где уже есть свои правила и традиции. Молодой паре очень сложно выстраивать свою семью, чаще всего они оказываются на правах ребенка в родительской семье. Здесь вероятны разнообразные конфликтные ситуации.

Стадия триады. Появление первого ребенка и пора нового кризиса. Опять надо договариваться, изменять семейные правила и роли. В этот период жена нередко посвящает все свое время ребенку, муж чувствует себя лишним, брошенным, соответственно в этот период наблюдается пик супружеских измен. Есть и другой аспект. В условиях совместного проживания с родителями одного из супругов, часто не понятно, чей это ребенок, потому что бабушка берет на себя заботу о младенце и становится его функциональной мамой. А мама, в присутствии бабушки его функциональной сестрой. От спутанности ролей рушится и специфический контакт между матерью и ребенком.

Появление второго ребенка. Следующая стадия жизненного цикла семьи. В ней наиболее актуальна детская ревность и соперничество.

Дети начинают ходить в школу, это часто становится поводом конфликта двух поколений (например, между мамой и бабушкой). Конфликт происходит не напрямую, а через ребенка. Ребенок становится заложником и одновременно рупором неблагополучия того, существующего в семье – непослушание, плохая учеба, нарушение поведения, питания, приобретение вредных привычек и др.

Часто прохождение стадии подросткового кризиса совпадает по времени с кризисом среднего возраста родителей. Если члены семьи успешно преодолевают этот кризис, то начинается нормативный процесс сепарации ребенка от родителей.

Далее наступает следующий этап, возвращение в стадию *диады*, когда дети выросли, живут отдельно и пожилые родители остаются вдвоем (синдром опустевшего гнезда).

В случае, когда один из супругов умирает, и жизненный цикл семьи завершается, а второй переходит в стадию *монады*.

Очевидно, что на каждой стадии жизненного цикла семьи супруги подстерегают проблемы, с которыми они не всегда могут справиться самостоятельно. Так что же делать, когда семья начинает рушиться? Как принять верное решение? Выбор действительно сложный. Когда-то мы выбрали этого человека в супруги в твердой уверенности, что на всю жизнь. Именно с ним мы хотели иметь детей. Именно с ним мы связывали свои

мысли и действия. Что же случилось? Что произошло на самом деле? И самый главный вопрос: что делать? Как пережить развод?

Развод – одно из самых драматичных решений в человеческой жизни. Здесь нет, и не может быть стандартных рецептов помощи, каждый случай уникален.

В слове «пережить» можно увидеть два смысла. Первый – «остаться живым», то есть пройти этот период и вернуться к жизни, быть открытым для новых отношений, для детей, родных и близких. А еще я вижу созвучие со словом «переживание», что означает «чувствование». И чувств, возникающих при разрыве отношений предостаточно. Расставание – всегда травма. Даже если вы отчетливо понимаете, что это не тот человек, с которым есть смысл оставаться вместе, даже если отношения тяжелы, неприятны, не дают Вам двигаться вперед, даже если Вы сами являетесь инициатором развода или расставания.

Немного о тех переживаниях, которые сопровождают расставание.

1. *Неверие* в то, что отношения прекращают свое существование, мысль «со мною такого не может быть!». Такая реакция возникает с самого начала разрыва (или внутреннего решения уйти) и может проявляться время от времени снова. Еще это может проявляться в действиях, которые были запланированы в паре и раньше имели смысл. Человек продолжает совершать некоторые действия и поступки, как будто ничего не произошло. Этот сильный механизм защиты психики задействуется у здоровых людей в кризисные моменты (как шоковое бесчувствие при тяжелой физической травме). Необходим запас душевных сил и мужества, чтобы преодолеть этот момент, чтобы принять реальность.

2. *Злость и ярость или страх* в ситуации развода могут быть велики. Спектр агрессивных переживаний значителен, проявляются они в разных формах. Это могут быть истерики, оскорбления, грубые скандалы, попытки манипулировать супругом, детьми или родственниками. Возможен и переход к настоящим военным действиям с участием юристов или к физическим, вплоть до бытового насилия. Расставания и разрывы, к сожалению, могут раскрыть самые неприятные черты характера бывших партнеров. На мой взгляд, из-за этих чувств имеет смысл стараться меньше контактировать с бывшим супругом сразу после развода или расставания, пользоваться

услугами посредников – друзей, адвокатов. Личный контакт активизирует чувства, делает их более яркими, мучительными и разрушительными, причем для обеих сторон. Если дать им волю - можно зайти очень далеко, а если сдерживать - они будут вызывать боль внутри. Хорошо найти свой способ сбросить напряжение, иметь возможность говорить о своей злости кому-то, кто будет вас принимать и сочувствовать. Если же накал страстей слишком велик, имеет смысл обратиться к психологам - они имеют большой запас прочности и лучше подготовлены, а, кроме того, они не вовлечены в вашу реальную жизнь, остаются в стороне и сохраняют спокойствие, которое Вам необходимо.

3. *Ощущение вины*, собственной ненужности, никчемности и, как следствие, апатия и депрессия. При этом кажется, что потерянный человек и погибшие отношения были замечательными, нужными (и бесконечно привычными!), а вы могли, но не сделали чего-то, что сохранило бы их. По статистике, достаточно большой процент разведенных, особенно мужчин, считают, что брак можно было сохранить. Отношения строят двое, и на бессознательном уровне между супругами всегда существует негласный договор, которому они следуют. И пока он в силе, отношения продолжаются. По мысли одного из известных психологов, у супругов даже психологический возраст всегда совпадает. Такие негласные семейные контракты всегда внутренне симметричны, а вот на поверхности может присутствовать распределение ролей, где один - «хороший», а другой - «плохой», один – «умный», другой – «бестолковый», один - успешный, другой - неудачник. Но это только роли в пьесе, не имеющие отношения к реальным качествам другого. Чем менее зрелыми в личностном плане являются супруги, тем больше игр и путаницы, невозможности разобраться и назвать словами то, что происходит между ними и во взаимоотношениях пары с окружающим миром.

4. *Потребность вернуть* старые отношения, остаться в привычных рамках, может возникать много раз. Часто она реализуется в манипуляциях друг другом, благо за время совместной жизни каждый хорошо изучил, чем можно задеть другого. К сожалению, в такие манипуляции обязательно, прямо или косвенно, оказываются втянуты дети, как наиболее беззащитные, и в то же время наиболее сочувствующие и

заинтересованные в сохранении отношений между мамой и папой человечки.

Очевидно, что если разрыв явился возможным выходом из отношений, то их внутренняя конфликтность высока, противоречия слишком сильны и эмоционально заряжены. И «возвращение к прежним отношениям» - невозможная мечта остановить время и развитие. В тех случаях, когда пара все-таки воссоединяется и живет после этого долго, отношения и сами люди изменились, это уже не прежний брак или партнерство, а некое качественно другое состояние.

5. *Переживания детей.* Они чаще всего реагируют не изменением настроения, а действиями. Признаки того, что ребенок страдает - изменения поведения на такое, которое вызывает гнев родителей и других взрослых, ухудшение успеваемости у школьников, утрата уже установившихся навыков речи, гигиены, бессонница, страхи. Они говорят о том, что родители не справляются со своим горем, и часть его ложится на плечи ребенка. А ведь ему и так придется пережить свое горе, другого рода – то, что он будет видеть родителей отдельно, не парой. Хорошо еще, если отношения с каждым из них все-таки сохранятся.

6. *Горевание.* Это нормальный период подавленного настроения, слез, депрессии. Страдания. Смерть отношений – это утрата, которая и переживается и ощущается как смерть, хотя «никто не умер». И если при умирании человека исполняется много ритуальных действий, позволяющих легче пройти этот этап, то при разводе их нет, и я много раз сталкивалась на приемах с тем, что формально развод произошел, документы оформлены, но чего-то не хватает. Иногда затянувшиеся судебные разбирательства в чем-то выполняют функцию эмоционально наполненного ритуала. Но если этого не хватило для завершения отношений, стоит создать свой ритуал «Простить и отпустить» и выполнять его до полного обретения внутренней свободы.

7. *Потребность избежать горевания* по утраченным отношениям иногда заставляет одного или даже обоих супругов сразу вступать в новые отношения. Такой поворот, конечно, облегчает расставание, но он обычно приводит к тому, что вместо новых, начинают разыгрываться все те же старые, уже приведшие ранее к катастрофе, конфликты и сценарии. Чтобы так не случилось, имеет смысл дать себе время на прощание со старыми отношениями, на слезы и печаль, на осмысление того периода

жизни, что был проведен в браке, на то, кем был для вас ваш бывший спутник жизни. Оптимально проходить этот период с психологом, психотерапевтом. Это может стать временем активных личностных изменений, осознания своих потребностей, оживлением похороненных в браке надежд, созданием базы для более счастливых и гармоничных отношений в будущем.

8. *Ощущение пустоты.* Снова и снова – в пространстве и в собственной душе обнаруживаете, что образовались пустые места, которые раньше заполнял партнер – самим своим существованием, действиями, вещами, голосом, какими-то интимными моментами – запахом, физическим контактом. Это уже неплохо – процесс расставания идет, освободившееся место можно наполнить чем-то новым!

Клиентам, обратившимся за психологической помощью на стадии принятия решения всегда предлагаю оценить прочность своих отношений по трем приведенным ниже критериям. Этот экспресс-анализ помогает им понять, теплится ли еще в их браке та «божественная искра», за которую стоит бороться.

- Сходные представления о будущем: ведение хозяйства, место жительства, карьерный рост, трата денег, проведение досуга, общение с родственниками и т.д.
- Наличие эксклюзивности, то есть чего-то общего, что супруги не могут разделить ни с кем другим.
- Самооценка. Нравитесь ли вы себе рядом со своим партнером (то есть пробуждает ли партнер ваши лучшие или худшие качества)? Нравитесь ли вы себе таким, каким он вас видит? Брак устойчив до тех пор, пока супруги не мешают друг другу быть тем, кем им хочется.

Оказавшись на распутье, и не зная, что лучше: расстаться или сохранить существующий брак следует честно ответить себе на вопросы:

- Предпринял/ла ли я все, что от меня зависело? Может еще не поздно обратиться за помощью к специалисту. Обращаемся же мы за помощью к врачу, когда у нас что-то болит, к более опытному коллеге, когда чего-то не знаем...
- Не являются ли мои проблемы, следствием недостаточной информированности по ряду вопросов (половые различия, стадии жизненного цикла, нормативные кризисы и

т.п.)? Комфортные отношения между мужчиной и женщиной являются результатом длительного развития, но они достижимы. Поддержание их требует продолжительной психической работы от обоих, способности выдерживать и преодолевать разочарования и злость, порождаемую разочарованиями.

- Принимаю ли я решение рационально или это крик души, эмоции? Споры и поиски конструктивных решений дают возможность развить и углубить взаимоотношения между партнерами. Можно попасть в тупик, если самое главное в спорах - контролировать друг друга, стремится оставить за собой последнее слово, а не сказать что-то важное друг другу. Продолжающиеся ссоры могут также обозначать защиту кем-то своего собственного пространства в ситуациях, когда близость переживается как слишком угрожающая. Тяжело вынести близость, если она воспринимается как посягательство на личную автономию. Если наше представление о себе неустойчивое, хрупкое, мы можем поддерживать психический баланс, полагая, что супруг злой, а все хорошее исходит только от нас.

- Мое ли это желание? Развод - это сильнейшее эмоциональное и психическое потрясение, которое не проходит для супругов бесследно. Об этом надо помнить. Но он может быть необходим для дальнейшего развития и личностного роста, движения вперед каждого из них в отдельности.

- Готов/ва ли я к самостоятельной (финансовой, профессиональной, бытовой и т.п.) жизни? Есть ли мне на кого опереться в первый момент? До развода большинство людей не представляют, с какими трудностями они могут столкнуться, но основной проблемой для них становится обустройство жизни после развода.

Еще одним вопросом, который предстоит решить расторгающим свой брак супругам, является вопрос о воспитании детей после развода. Дети любят любых родителей – холодных и агрессивных, равнодушных и назойливых, преступников и алкоголиков. Поэтому мать после развода рискует стать человеком, который лишил их радости общения с отцом. Отношение к отцу у ребенка тоже не останется прежним. В то же время семьи, в которых муж и жена продолжают совместно существовать «ради ребенка», обманывают окружающих и самих себя. Ребенку отнюдь не полезно жить в ситуации враждебности, ссор, драк, равнодушия, манипулирования и сведения счетов,

при которых он вынужден занимать сторону одного из родителей, тем самым еще больше усугубляя конфликтную обстановку в семье.

Многие супружеские пары, и особенно матери, беспокоятся – не нанесет ли их развод непоправимый вред детям, не скажется ли он в дальнейшем негативно на их развитии? «Готов/ва ли я к изменениям в отношениях с ребенком? Учитываю ли я его действительные интересы (психологическое и физическое здоровье и благополучие) принимая решение о разводе? Не использую ли я его как щит, как средство досадить партнеру?» - вот основные вопросы, на которые стоит ответить принимающим решение о разводе супругам. Если вы все-таки решили развестись... Да, это решение действительно, может негативно отразиться на ребенке. Вот семь популярных среди россиян способов добиться этого самым эффективным образом:

1. Можно «посоветоваться» с ребенком примерно в таком образом: «Как ты считаешь, стоит ли нам с папой разойтись, он постоянно пьет и очень меня обижает?» Этим самым вы поставите ребенка в ситуацию, когда он вынужден выбирать между мамой и папой, и это наверняка нарушит его психику. А вам позволит снять с себя хотя бы часть «груза ответственности» за принятие тяжелого решения.
2. Можно сказать ему: «Помнишь ту женщину, с которой мы встретили папу, так вот именно к ней он уезжал каждое воскресенье». Или: «Твой папа никогда не был героем в постели». Этим вы посвятите ребенка в ваши сексуальные отношения, и подорвете его уважение к вам обоим.
3. Можете сказать сыну или дочери: «Если ты будешь звонить отцу (матери), можешь на мою поддержку не рассчитывать». Также можно показать это ребенку на конкретных примерах. Это сильно подорвет уверенность ребенка в вашей безусловной материнской любви и заставит глубоко скрывать, часто даже от себя, свое сильное желание быть с отцом. В будущем ребенку неизбежно придется последовать в своих жизненных выборах за исключенным из контактов родителем.
4. Самый действенный способ сделать из ребенка неудачника с помощью развода – это сказать ему: «Если бы не твое ужасное поведение, может быть мы и не разошлись с твоим отцом». От такого чувства вины он вряд ли оправится. Более мягкий вариант чаще используется матерями в отношении сыновей: «Если бы ты смог меня поддержать

в той ситуации, я бы не заболела и не попала в больницу». Исправить ситуацию он уже не сможет, но виноват в ней будет до конца жизни.

5. Заявить: «Я выхожу замуж, и у тебя будет новый папа». Естественно возникший в голове ребенка вопрос: «Но у меня уже есть папа, зачем мне еще один?», так и останется вопросом.

6. Высказывание «Ты такой же ленивый (неаккуратный, агрессивный, неуклюжий и т.д.) как твой отец» очень помогает для закрепления какого-то негативного качества в характере ребенка. Даже если сын или дочь вовсе не ленивы по натуре, они постараются быть похожими на отсутствующего в их жизни отца.

7. «Я жила с твоим отцом вместе все эти годы только ради тебя» - вот она - финальная точка! Ребенок виноват изначально, и даже не в том, что вы развелись, а в том, что он живет на свете. Прекрасно подходит для формирования суицидальных настроений.

Но что же все-таки делать, чтобы уберечь ребенка в этой сложной ситуации? Все довольно просто. Развод состоит в том, что двое женатых людей отныне перестают быть супругами. Но если у них есть дети, то они еще и родители. Так вот, родителями они не перестают быть *никогда*. Для ребенка в случае грамотно осуществленного развода поменяется очень немного. Мама по-прежнему будет его любящей мамой. Папа по-прежнему будет его любящим папой. Они также будут проводить время вместе с ним, гулять и звонить по телефону. Только мама больше не будет жить вместе с папой. Но, ведь, это их личное дело, и оно ребенка касаться не должно.

Было бы очень хорошо, чтобы сын или дочь знали – они появились на свет, потому что их мать и отец любили друг друга. Их мать рада, что они родились именно от этого мужчины, и уважает их отца. Иногда разводящейся женщине такую фразу бывает трудно не только сказать, но даже подумать. Но для психологического благополучия ребенка важнее нее ничего нет! И еще! Есть несколько важных *не*, которые стоит запомнить:

- *не* включайте ребенка в ваши боевые действия с мужем.
- *не* советуйтесь с ним, с кем он хотел бы жить. Просто расскажите ему о вашем совместном решении и объясните, что он может всегда видеться с вами обоими.

- *не* посвящайте ребенка в ваши сексуальные отношения.
- *не* используйте ребенка в качестве основной поддержки, когда вам больно и горько. Конечно, не нужно скрывать от него ваши чувства, но искать у ребенка утешения – значит возлагать на его плечи недетскую ношу.
- *не* препятствуйте общению ребенка с отцом и его родственниками, но также и не делайте из ребенка шпиона, которому придется докладывать, как складывается личная жизнь «бывшего».
- *не* ожидайте, что найдете ребенку нового отца. Отец у него уже есть, и ваш новый муж может быть лишь хорошим воспитателем и другом вашему сыну или дочери.
- *не* сравнивайте в присутствии ребенка своего нового мужа и его отца. Отец для него более важен, и дело закончится конфликтом.

Вот, собственно, и все. Придерживаясь этих правил, вы сделаете развод только личным делом вас как супругов, и сохраните психику ваших детей.

Развод – это испытание. Испытание на здравый смысл, от которого во многом зависит какой станет жизнь в будущем. Это еще и проверка на гибкость жизненной позиции, которая поможет пережить несчастье. Поэтому так важно стараться сохранить чувство собственного достоинства и сделать выбор: остаться одному и жить вне брака или предпринять новую попытку найти свое семейное счастье. И помнить: развод – не приговор! А иногда это шанс начать новую, более интересную и насыщенную жизнь.

Список литературы

1. Бебчук М.А., Жуйкова Е.Б. Системный подход к психологии семьи. – М.: ДСиМП, 2009.
2. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. Курс лекций. -С-Пб.: Речь, 2001.
3. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия, -С-Пб.: Питер, 2000.
4. Хоментаскас Г.Т. Семья глазами ребенка. –М.: Педагогика, 1989.
5. Шапарь В.Б. Практическая психология. Инструментарий. Ростов-на-Дону.: «Феникс», 2005

Беспронимчивая стратегия в семейной терапии

Николаев Д.Л.

Белорусский государственный педагогический университет им. М.Танка,

г.Минск, Беларусь

dln-psy@mail.ru

Ключевые слова: семейная психотерапия, чувства, эмоции, любовь

В теории семейного консультирования и психотерапии выделяют большое многообразие подходов и говорят об их плюрализме, имеющем как сильные, так и слабые стороны [2]. В рамках данного сообщения нас интересует только феноменологический подход, позволяющий здесь и сейчас решить конкретную психологическую проблему, с которой семья пришла на прием к терапевту. Данный подход широко используется в гештальт-терапии, которая весьма успешно может быть тактикой в описываемой стратегии. Именно в этом контексте стратегия успешно используется при семейном консультировании в социально-психологическом центре Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка.

Теоретический смысл стратегии довольно прост: поскольку абсолютное число браков нашего региона (официальных или гражданских) заключаются по любви (с точки зрения супругов), то это чувство и является фундаментальным в образовании новой ячейки (новой семьи), состоящей из совершенно посторонних до недавнего времени людей. Если же семья обращается за психологической помощью, то на момент обращения это чувство перестало играть свою системообразующую роль, т.е. оно на данный момент «исчезло». Вероятно его нужно найти? Поскольку любовь является естественным чувством и фундаментальной потребностью человека, без удовлетворения которой невозможна его самореализация [3], то ее не нужно искать, она не исчезает, но, как хорошо известно из психодинамического направления психотерапии, может быть подавлена другими, более сильными чувствами.

Чувства, которые испытывает человек, невозможно выразить на логическом уровне, но это не умаляет их роли в поведении. При этом все чувства, присущие человеку, вполне можно ранжировать по субъективному диапазону "тонкости – грубости" или по степени их агрессивности [4]. На нижних ступенях разместятся грубые агрессивные чувства: боли, страха, гнева, ревности, обиды, раздражения и пр. Выше будут стоять чисто сексуальные чувства, выше - эгоистические, связанные с обладанием и достижениями, а чувство любви будет занимать один из верхних этажей. Как и в пирамиде Маслоу, чтобы проявилась любовь, чувства нижних уровней должны быть уравновешены, иначе они будут подавлять чувство любви. Когда же семья приходит на прием, то вполне очевидно, что на данный момент актуализировались некие агрессивные чувства и нужно работать именно с ними. Если их нейтрализовать, то любовь проявится естественно без дополнительного поиска, что означает, что отношения между членами семьи вернутся под эгиду той любви, которая изначально сыграла системообразующую роль. Для нейтрализации агрессивных чувств могут быть использованы любые психотерапевтические методы и подходы.

Наиболее сложным вопросом в данной концепции, как оказывается, является само понятие любви. Если проанализировать многочисленные литературные источники (как научные, так и художественные) на эту тему, то оказывается, каждый автор под любовью понимает то, что он хочет. Иногда диаметрально противоположные вещи называются одним и тем же термином. Чаще всего неразбериха связана с тем, что иногда под любовью понимают вполне конкретное чувство любви, а иногда – определенные отношения между людьми, в которых фигурируют самые разнообразные чувства. Некоторые авторы, пытаясь понять и объяснить как в чувстве любви "обитают" другие чувства (обиды, раздражения, злости и пр.) пытаются разделить то, что чувствует человек на чувства и эмоции. Такой подход не вполне корректен, поскольку, как показывают исследования психологов, грань между чувством и эмоцией так и не найдена [1]. Кроме того, такое разделение искусственно, поскольку клиент, как правило, редко осознающий свои чувства, если и осознает, что испытывает чувство гнева, радости, обиды или чего-то еще, то ему абсолютно все равно эмоция это или чувство. Кроме того, с точки зрения психотерапевта, такое деление не дает никакой практической

пользы в ходе терапии. В рамках данного сообщения термин "чувства" используется для всего того, что человек чувствует.

Если говорить о чувстве любви, а именно на него и следует опираться в семейной терапии, то это чувство вполне конкретно, хотя в нем нет никакой логики, а следовательно, любое логическое определение чувства любви обречено на провал. Как можно логически определить то, в чем логики нет? Поэтому для описания любви используют метафоры, аллегории, сравнения и пр., но не прямое конкретное описание.

Если же говорить о любви, как отношениях между людьми, то в них присутствуют самые разные чувства. Естественно одни чувства сменяются другими, другие третьими, чтобы затем опять перейти к первым. Так, например, если человек испытывает чувство гнева в контакте с партнером, то в этот момент чувство любви отсутствует (подавлено), и если назвать этот гнев любовью, то возникает недоразумение. Вполне логично, что когда чувство гнева будет выражено и нейтрализовано позитивом, то партнер вновь сможет испытать чувство любви. Такая смена чувств естественна, но чувства совершенно разные. Если бы человек всегда осознавал свои агрессивные чувства, адресованные партнеру, то он бы не путал их с чувством любви и мог бы более трезво оценить свое собственное влияние на атмосферу в семье.

Очень часто партнеры понимают под любовью разнообразные положительные эмоции, связанные с противоположным полом. И в одну категорию попадают сексуальные чувства, эгоистические чувства (связанные с обладанием, превосходством, получением вознаграждений, подарков и пр.) и альтруистические чувства (связанные с самоотдачей, дарением вознаграждений, подарков и пр.). По-видимому, только последние могут реально относиться к любви и присутствовать не только в отношениях между полами, но и в любых отношениях: к людям, животным, природе, богу и т.д.

К сожалению, в научной литературе часто смешиваются понятия любви как конкретного чувства и любви как отношений между людьми. Даже в учебниках по семейному консультированию это не разделяется. Характерный пример-цитата: "Чувство любви большинству людей представляется специфичным и не сводимым к

другим понятиям, таким, как дружба, секс, симпатия и т. д. Любовь представляет из себя сложный комплекс переживаний, весьма разнообразных по содержанию и часто противоположных по знаку: с ней связаны эйфория, депрессия, нарушения сна, склонность к фантазиям, трудности в концентрации внимания и т. д. Весьма важным моментом является присутствие в любви негативных чувств." [5]. Казалось бы, в первом предложении все ясно – речь идет о чувстве любви. Но далее автор говорит о любви как о комплексе переживаний, причем в одну категорию попадают и эмоции (эйфория), и диагноз заболевания (депрессия), и некоторые его симптомы (нарушения сна, трудности в концентрации внимания). В других учебных пособиях аналогичная картина. В одном из них есть глава: "Развитие любви как чувства". Но уже в самом начале ее пишется: "Как рождается любовь? Первый этап — восхищение предметом любви"[2]. Если речь идет о чувстве восхищения, то это уже не чувство любви и, значит, речь идет не о конкретном чувстве любви, а о любви-отношении между партнерами с обилием разнообразных чувств. Нередко в учебниках по семейному консультированию можно найти классификации разных "видов любви": страстная любовь, придуманная любовь, романтическая любовь, слепое увлечение, совершенная любовь, братская любовь, безответная любовь, «измена», детско-родительская любовь, незрелая любовь, зрелая любовь и т.д. Сразу возникает вопрос: "Как такая классификация может помочь в консультировании, если под одним термином понимаются разнообразные и часто противоположные по знаку чувства?"

Работать терапевтически можно только с конкретными чувствами, с их осознанием клиентом. Поэтому, если говорить о любви как инструменте на психотерапевтической сессии, то следует иметь в виду конкретное чувство любви, которое в данной семье оказалось системообразующим, т.е. которое позволило сформировать данную семью. Причем нужно четко отделить это конкретное чувство от комплекса разноплановых чувств, присутствующих в жизни супругов. Работать практически приходится преимущественно не с чувством любви, а с теми агрессивными чувствами, с которыми члены семьи пришли на прием, тем самым помогая семье выразить эти чувства и пережить их.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Эмоции и чувства.-СПб.: Питер, 2008.-783с.
2. Карабанова О.А Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 320 с.
3. Маслоу А. По направлению к психологии бытия.- М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. - 272 с.
4. Николаев Д.Л. Подход к созданию шкалы чувств, отражающей колебания эмоциональной жизни клиента. — 2014.- Психотерапия.-, 2 (134).- С. 70-74.
5. Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под общ. ред. Н.Н. Посысоева. — М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. — 328 с.

Психотехнология терапевтической работы с семейной тайной

Олифирович Н.И.

Белорусский государственный педагогический университет

г. Минск, Беларусь

E-mail: olifirovich@gestalt.by

Ключевые слова: семья, семейная тайна, анализ семейной тайны, психотехнология работы с семейной тайной

Введение в проблему семейных тайн

Семейная тайна – факт из жизни семьи, относящийся к определенному историческому периоду, оказывающий влияние на структуру и коммуникацию семьи,

обладающий высокой эмоциональной заряженностью (валентностью) и вследствие сокрытия ведущий к разрушению внутрисемейных отношений.

Чтобы событие стало семейной тайной, существуют достаточные и необходимые условия:

1. Невозможность принятия и открытого проговаривания данного события вследствие его несоответствия внутрисемейным или социальным нормам и правилам.
2. Отсутствие внутрисемейных ресурсов для проживания данного события.
3. Сильные эмоции и переживания, сопровождающие данное событие: гнев, обида, страх, стыд, презрение, зависть.
4. Фантазии об осуждении, отвержении семьи или полном ее разрушении вследствие раскрытия тайны.
5. Прямое или косвенное влияние тайны на остальных членов семьи.

Очевидно, что наличие тайны и тщательное избегание любых о ней упоминаний зачастую ведет к тому, что психолог может пойти по неверному пути. Несомненно, детерминистское объяснение любых актуальных событий может быть многозначным, однако наличие тайны часто приводит к тупику, неверным интерпретациям, выбором неадекватных стратегий работы. Кроме того, возникают проблемы этического характера: неизвестно, что скрывается за избегаемыми темами, «пропавшими» людьми, исчезнувшими из жизни семьи периодами. Точка бифуркации в семейной системе – это точка риска, и неизвестно, выдержит ли семья рассекречивание шкафа с семейным скелетом. Поэтому для построения продуктивного рабочего альянса психологу в случае предположения о наличии семейной тайны нужно тщательно проверить эту гипотезу. Если она верна, важно аккуратно и с уважением к семье прояснить как аффективное поле, окружающее тайну, так и ее содержание.

Р.Р. Гринсон, описывая работу с секретом, замечает: «Секрет уже по своей природе является важным психическим событием и должен быть проанализирован. Никакого компромисса по этому пункту быть не может. Фрейд (1913) выражает это мнение очень ясно, когда объясняет, что если психоаналитик позволит существовать секрету любого рода, все табуированные воспоминания, мысли и побуждения будут скрыты в этом убежище и ускользнут от анализа. Он сравнивает это с тем, что

произошло бы в деревне, если бы полиция предоставила возможность существовать какому-то месту, где бы она не осуществляла свою власть. Все отбросы общества собрались бы там и, следовательно, избежали бы обнаружения» [1, с.148-149].

Именно поэтому необходимо тщательно прорабатывать все аспекты семейных тайн. Мы работаем с семейными тайнами так же, как и с любыми другими формами семейных защитных процессов. Важно избежать продавливания, запугивания, собственных объяснений, а прорабатывать тайны с необходимой тщательностью и глубиной. На первых этапах терапии для нас важно даже не само содержание тайны, а те мотивы и чувства, которые заставляют семью держать событие в секрете.

Работа с тайной включает исследование еще одного аспекта: цены за ее сохранение и цены, по которой она достанется раскрывшим ее.

Ценой за хранение тайны могут стать хронические чувства стыда и вины, тревога, страх, ощущение собственной грандиозности или никчемности, невозможность строить настоящие, искренние отношения, отказ от любви и доверия, отсутствие совместно переживаемого опыта близости и сопричастности, депрессии, панические атаки. Бремя тайны иногда несут на себе несколько поколений.

Ценой раскрытия секрета бывают все те же стыд, вина, злость, обида, зависть, но с появлением важных переживаний и чувств – облегчения и надежды. Даже если вначале привычный мир рушится, то со временем появляется чувство устойчивости, стабильности, доверия к новому миру и своей семье. Важно понимать, что намерением у тех, кто решил хранить тайну, была защита себя, своей семьи, своих близких. И вначале никто не предполагал, к каким последствиям привел это «скелет в шкафу», превратившийся в призрака, терзающего несколько поколений.

Тем не менее, сохраняется тревога, что «выболтавший секрет» член семьи понесет наказание за свое «предательство». Интересно, что одним из психоаналитических объяснений болезни Зигмунда Фрейда (рак гортани) было не его постоянно курение, а раскрытие табу и секретов, связанных с эдипальной фазой развития: его собственным влечением к матери и соперничеством с отцом.

Проработка семейной тайны обычно включает и аффективный, и мотивационный, и содержательный аспекты. Приведем структурно-содержательную модель работы с

семейными тайнами. Психотехнология работы может включать этапы, которые представляют собой взаимозаменяемые или параллельные модули терапевтического процесса.

Этапы работы с семейной тайной

Этап 1: «Что-то не так»

Первый этап работы с тайной - обнаружение психотерапевтом странного, непонятного, нелогичного поведения у одного или нескольких членов семьи при отсутствии адекватных объяснений. Иногда члены семьи описывают действия, поведение, выборы, совершенные как бы в измененном состоянии сознания (не знаю почему, но...). На этом этапе диагностируется наличие иррациональных чувств и переживаний, необъяснимых тревоги и страха.

Секс только после пятидесяти лет.

Татьяна, участница обучающей программы по семейной терапии, 34-летняя женщина, рассказала, что она прохладно относится к сексу. Хороший муж, один ребенок, аборт не было, гинекологических проблем нет... Обсуждая с ней дальше тему сексуальности, я «зацепилась» за очень странную фразу: «Сексом можно спокойно заниматься только после 50-ти лет». Меня это удивило, и я спросила: а кто в ее семье пострадал из-за занятий сексом до 50-ти? Задумавшись, Татьяна сказала: «Моя бабушка. Она забеременела в 49, сделала подпольный аборт и умерла от сепсиса». Проговоренный и осознанный в этот момент страх «быть как бабушка и умереть из-за секса» много лет мешал супружеским отношениям.

Этап 2: «Белые пятна»

Второй этап работы с тайной начинается тогда, когда при расспросах об определенном времени, событиях, отношениях между членами семьи выявляется наличие лакун, пробелов, непонятных событий в семейной истории. Иногда психотерапевт сталкивается с нежеланием говорить о каких-то событиях, людях, отношениях. Все эти сигналы могут служить маркером определенных семейных процессов: репрессии, расщепления, эксклюзии, регресса [2, с.49-57].

Иногда мы понимаем, что какая-то информация нарочно искажена, «затерта», «запрещена к воспроизводству». «Белые пятна», в отличие от географической карты, представляют собой давно открытые, но по каким-то причинам ставшие опасными карты семейной истории.

Этап 3: «Терапевтические гипотезы»

Третий этап работы с тайной – это возникновение у терапевта и проверка терапевтических гипотез. Если у терапевта есть предположения, что семья что-то скрывает, и накопилось достаточно наблюдений, он может предъявить семье или клиенту загадочное, непонятное, странное, необъяснимое в их/его жизни, отношениях, поведении. Используя терминологию А.А. Шутценбергер, замечая необъяснимое в жизни семьи, мы зачастую сталкиваемся с работой призрака. «Призрак — это образование бессознательного, которое имеет особенность никогда не быть осознанным и возникает в результате перехода (каким образом - еще предстоит определить) из бессознательного родителя к бессознательному ребенка» [3, с. 164]. «Призрак – это работа в бессознательном, тайна, в которой невозможно признаться другому (инцест, преступление, внебрачный ребенок...). Его закон – вынужденное незнание» [3, с. 164].

Поиск логики происходившего и ответов на вопросы как в рамках жизни отдельного человека, так и в контексте расширенной семьи и иногда даже страны позволяет вплотную приблизиться к тайне. На этом этапе терапевт активно исследует чувства, переживания, фантазии, идеи, связанные с обсуждаемой темой, и выдвижение предположений о том, что именно может скрывать семейная история.

На этом этапе очень важно замечать подсказки, которые, как крошки хлеба, щедро рассыпаны на полотне семейной истории. Часть крошек склевали птицы, и поэтому бывает очень нелегко обнаружить следы прошлого. Настойчивость, доверие к интуиции, возможность посмотреть на ситуацию с разных позиций позволяют встать на правильный путь.

«Август Раиш»

В кинофильме «Август Раиш» показана как раз такая история, где, несмотря на трудности, человек не сдается и ищет ответы на свои вопросы.

Эван растет в детском доме и очень верит, что его родители живы и любят его, ищут и обязательно найдут. Он даже отказывается от усыновления. Эван кажется окружающим довольно странным ребенком, потому что все время слышит музыку и верит, что будет ею профессионально заниматься. Ему кажется, что с музыкой связаны его родители (и это правда). Любовь к музыке, этот маленький намек на связь с кем-то или с чем-то большим, чем он сам, позволяет мальчику начать приключение, направленное на поиск родителей.

Зритель видит, что его появление на свет действительно связано с тайной. Лайла и Луис, мать и отец Эвана, молодые музыканты, влюбились друг в друга и провели вместе романтическую ночь. После этого они потеряли друг друга. Лайла ждет ребенка, но дедушка Эвана, отец Лайлы, не одобряет ни беременности дочери, ни ее выбора родить. Он подделывает документы, ребенка отправляют в детский дом, а Лайле сообщают, что ее сын умер.

Так отец портит жизнь своей дочери. После этого она бросает занятия музыкой и, похоже, живет в состоянии депрессии. Лишь перед смертью отец признается дочери в том, что ее ребенок на самом деле жив, и Лайла отправляется искать своего уже 12-летнего сына.

Одновременно Эван сбегает из детского дома, начинает играть музыку собственного сочинения на улицах... Пережив много трудностей и приключений, он все же обретает своих родителей.

Трогательный фильм показывает, как из лучших побуждений кто-то создает тайну, и как эта тайна разрушает жизни людей. Конец фильма символичен – тайна раскрыта, и семья снова может быть вместе. Но для этого нужно пройти нелегкий и опасный путь, пережить утраты и депрессию, отчаяться и вновь обрести надежду. И, конечно, узнать тайну.

Этап 4: «Археологические раскопки»

На четвертом этапе особое внимание при работе с тайной уделяется исследованию семейной истории. Для этого используются методики «Генограмма», «Геносоциограмма», «Мультифокусированная генограмма», «Семейные фотографии»,

«Семейная реконструкция» и др. [2]. Можно предложить семье собрать дополнительную информацию: где жили члены расширенной семьи, какие семейные реликвии хранятся много лет, какие семейные традиции перешли от предков, какие рецепты «семейной поваренной книги» используются до сегодняшнего дня и др. На этом этапе и психотерапевт, и члены семьи, задающие вопросы, могут столкнуться с нежеланием остальных делиться фактами, информацией, историей. Однако анализ воспоминаний, семейных мифов, разговоры с родственниками зачастую позволяют обнаружить или восстановить содержание семейной тайны.

Дворяне и крестьяне

Альбина пришла на терапию из-за невозможности построить отношения с мужчинами. Мне она казалась очень нарциссичной: говоря о своих поклонниках, она все время употребляла слова «прол», «крестьянин», «люмпен»... Это казалось непонятным – у родителей Альбины не было высшего образования, в детстве они жили в деревне и были первым поколением, переехавшим в город.

Исследование семейной истории пролило некоторый свет на высокомерие Альбины. Ее прабабушка Вера была дворянкой. В середине 20-х ее отца арестовали. Вера с матерью убежала из России в Беларусь. Они бросили все: драгоценности, одежду, дом, взяв с собой только оставшиеся деньги, дворянскую грамоту, пожалованную семье в XIX веке, и несколько безделушек, напоминавших о прошлом. В Беларуси им пришлось нелегко, мать вскоре умерла, а дочь была под подозрением в буржуазном происхождении из-за своих манер и правильной речи. Над ней сгущались тучи, к тому же в нее влюбился какой-то немолодой высокопоставленный чиновник из Совнаркома, пытавшийся ее шантажировать.

Ее спас брак с прадедушкой – председателем колхоза. Она не любила его, но он «выправил» ей новые документы. По семейной легенде, где-то в сарае Вера закопала свою дворянскую грамоту. Вообще о ее дворянском происхождении стали говорить только в 90-х – до этого семейная тайна тщательно скрывалась прабабушкой даже от собственных детей.

Прабабушка Вера всю жизнь проработала учительницей, прожила долгую жизнь и умерла, когда Альбине было 3 года. Мама рассказывала Альбине, что прабабушка

придирчиво рассматривала девочку каждый раз, когда они приезжали в деревню, и говорила о девочке: «Наша порода, красавицей будет».

Я попросила Альбину принести на сессию фотоальбом, и мы рассматривали фотографии прабабушки и прадедушки. Несмотря на специфичность кадров 30-х годов, Вера выглядела вполне счастливой, о чем мы и говорили с Альбиной. Семейный миф о бедной прабабушке-дворянке, которой пришлось выйти замуж за крестьянина – а, точнее, рабочего-пролетария, члена партии, которого отправили поднимать сельское хозяйство – мешал девушке построить близкие отношения. Неосознанно идентифицируясь с прабабушкой, Альбина обесценивала всех мужчин, тем самым выражая агрессию «за дворянку, которой пришлось унизиться до брака с простым человеком». Наша работа была направлена на принятие всех частей своего рода – и дворянской, и пролетарско-крестьянской (которая, несомненно, была более весомой).

Через несколько лет после завершения терапии мне неожиданно позвонила Альбина. Она попросила одну сессию. Оказалось, в прошлом году умерла ее бабушка. Мама с папой решили переделать дом в деревне, построить баню и для этого снесли сарай. Копая яму для фундамента, они нашли ту самую дворянскую грамоту, серебряное кольцо и серьги XIX века, медальон с истлевшей фотографией – память о прошлом... Альбина говорила о переполнявших ее чувствах, о том, что она многое понимает о жизни своей прабабушки. Ее душу согревают слова прабабушки о «нашей породе» – будто она должна помнить об этом. Альбина почистила кольцо и серьги и носит их в торжественных случаях. И общается с «очень достойным мужчиной» – с ним у Альбины все движется к свадьбе, хотя, со смехом добавила Альбина, он не принц, а просто хороший человек.

Этап 5: «Почему?»

На пятом этапе, как только тайна раскрыта, необходимо «распутать» все события, чтобы понять, почему она так тщательно скрывалась. Здесь мы работаем, прежде всего, с фактами – с теми реальными событиями, которые произошли в тот или иной период жизни семьи. На этом этапе также важно проработать все чувства, релевантные семейной тайне: стыд, вину, обиду, зависть, ярость, ненависть, любовь, боль. Члену

семьи, проникшему в тайну, бывает очень тяжело, когда возникают такие чувства, как отвращение, презрение, безнадежность. Чем понятнее мотивы, желания, страхи и ограничения членов семьи, которых коснулась тень тайны, тем более «живыми», близкими и настоящими они становятся для остальных родственников. Проговаривание и проживание этих чувств, возможность заявлять о тайне и открыто предъявлять ее в семье позволяет избавиться от многолетнего груза, от «призрака», терзавшего семью.

Дедушка, пропавший в блокадном Ленинграде

Дарья, 32 года, замужем, убежденная вегетарианка, пришла на терапию разобраться, почему она не очень хочет заводить детей. Дарья сформулировала запрос так: «Муж хочет спиногрызов, а я не хочу». Это привело к конфликтам супругов – муж искренне не понимает, как можно не стремиться к тому, чтобы стать родителями.

Мы исследовали ее жизнь, историю родителей, бабушек и дедушек. В семье было только одно «белое пятно» – прадедушка. Они с прабабушкой остались в блокадном Ленинграде с двумя детьми. Прабабушка, бабушка и ее брат выжили, дедушка – нет.

В ходе расспросов всплыла очень неясная и мутная история. Прадедушка Дарьи пропал зимой 1942-го года. В семье так и говорили: «пропал». Никаких подробностей, ничего, что могло бы пролить свет на его судьбу. Более того, Дарья рассказала, что ее мама, психолог по образованию, уже строила генограмму. Она все время удивлялась, что бабушка, ее мама и брат ничего никогда не говорили о дедушке. Говорили про голод, очень много раз рассказывали о том, что совсем нечего было есть... И у мамы – внучки погибшего – всю жизнь было подозрение, что его съела своя же семья, иначе они бы не выжили...

Когда мы стали обсуждать этот неожиданный поворот истории, Дарья вдруг сказала: «Да, как же тут заведешь детей – а они тебя потом съедят», после чего с ужасом прикрыла рот ладонью.

Мы никак не могли проверить эту историю – все ее очевидцы уже умерли. Но призрак съеденного дедушки терзал молодую женщину. Возможность поговорить о своих страхах и сомнениях с другим человеком, обсудить причины того, как прошлое может влиять на настоящее, позволили Дарье разобраться в собственном

двойственном отношении к детям. Зная и не зная одновременно о тех чудовищных событиях, Дарья осознанно перестала есть мясо, когда ей было 17. «Уж я точно не съела бы своих родителей», – сказала она в один из моментов терапии.

Мы обсудили тот факт, что уже никто не расскажет правду. Если же дедушку действительно съели – ценой за это была жизнь его детей, внуков, самой Дарьи. Похоже, именно в память о дедушке Дарья перестала есть мясо.

Фантазии, ставшие непроговариваемым семейным мифом, или жестокая реальность – они одинаково влияют на членов семьи. Иногда самая тяжелая правда бывает хуже предположений и воображаемых событий.

Этап 6: «Разделение духов»⁸

Шестой этап связан с выходом членов семьи из неосознаваемых слияний (переплетений), из следования семейным сценариям, из повторений чужих судеб и поступков. Мне кажется, для описания этого процесса удачной является метафора «духа», или «призрака», который «вселился» в кого-то из членов семьи. Когда «дух» бабушки продолжает жить и действовать через внуку, внучка никогда не сможет жить своей жизнью.

Когда мы слышим в своей голове «голоса» (не в плане шизофрении, а в плане интроектов: «ты не должен так поступать», «в нашей семье такого никогда не было и не будет», «члены нашей семьи никогда/всегда...» и т.п.), когда мы делаем малоосознаваемые действия, относящиеся даже не к нашему собственному опыту, а опыту родителей и прародителей – это значит, что нами управляет «дух» или «призрак».

«Призрак» может переживать стыд, боль, печаль, раскаяние, и заставляет нас расплачиваться за то, чего мы не совершали. То, что случилось – уже случилось, и мы ничего не можем изменить. Интересно, что во многих фильмах ужасов используется идея призраков. Эти призраки бывают разными из-за различных причин их возникновения. Можно выделить следующие категории киношных призраков.

⁸Идея «разделения духов» была предложена Андреем Иришкиным. Я не уверена, что правильно его поняла, и рассматриваю этот процесс как символический.

Мстящий призрак. Он причиняет кому-то зло, потому что когда-то зло причинили ему или члену его семьи.

Заботящийся призрак. Он вернулся, чтобы позаботиться о ком-то из членов семьи.

Предостерегающий призрак. Он хочет предотвратить что-то ужасное, неприятное, болезненное.

Разрушительный призрак. Это неупокоенная душа, которая уже забыла о своем прошлом. У нее осталась одна функция: воевать.

Интересно то, что повторения в семье, обусловленные тайнами, чаще всего связаны с тем, что забыты или спрятаны важные для семьи события, уроки, отношения. И тогда «призрак» напоминает, заботится, предостерегает и одновременно разрушает – чтобы хоть как-то открыть дверь в прошлое, напомнить, переработать и отпустить.

Как раз на этом этапе мы выявляем «призрака», чтобы в последствии отправить его на свое место – в прошлое. Что бы ни было страшного, стыдного, болезненного в жизни семьи много лет назад – это было с кем-то другим, и важно это осознать и обозначить.

Забытая бабушка

На обучающей группе по работе с семьей одна из участниц, Кристина, включилась в тему отношений с родственниками. Она сказала, что если в семье есть плохие люди, то их можно «выбросить за борт» и больше не вспоминать. Я спросила, кого именно она имеет в виду. Кристина ответила: свою бабушку.

Я спросила, жива ли бабушка. Однако Кристина ответила, что не знает: 4 года назад бабушка... пропала. Она ушла из дома и не вернулась. Бабушке, если она жива, 79 лет. За эти 4 года никто ни разу (!!!) не пробовал ее искать. Это показалось мне и группе очень странным. Участники начали задавать вопросы. В ответ Кристина сказала, что она хотела бы понять свое отношение к бабушке, потому что считает, что с бабушкой поступили справедливо. Однако, начитавшись разных книг, Кристина стала бояться, что еще кто-то из членов ее семьи может оказаться «выброшенным за борт», и попросила терапевтическую сессию.

Я предложила сделать расстановку и выбрать двух заместителей: для самой Кристины и для ее бабушки. Кристина поставила заместителей спиной друг к другу на большом расстоянии.

Мы с Кристиной наблюдали за процессом, когда заместитель бабушки подошел к заместителю Кристины и стал смотреть в глаза внучке. В это время сама Кристина, наблюдавшая за процессом со стороны, сказала, что ненавидит бабушку.

Я спросила: «Что сделала бабушка?». Кристина ответила: «Она убивала своих детей». Она рассказала, что у бабушки было всего 9 детей, однако трое умерли маленькими. «Но откуда известно, что она их убила?» - вновь спросила я.

«Когда пришло время родиться моему отцу, бабушка ушла в сарай на сеновал. Ее не было несколько часов. Когда ее сестра вошла в сарай, бабушка держала младенца на руках и собиралась его задушить. Сестра забрала ребенка и он остался жив», - со слезами сказала Кристина.

В это время заместитель бабушки тяжело осел на пол. Заместитель Кристины, не отрывая взгляда от бабушки, тоже села на пол.

-То есть о том, что она собиралась убить твоего отца, известно только со слов тети, - переспросила я.

-Да, - ответила Кристина.

-И он остался жить, у него родились дети, внуки...

-Да, - подтвердила Кристина.

-А что было с умершими детьми бабушки? Почему они умерли? Что об этом известно?

-Мало информации... Это было после войны, в 50-60-х. Было очень голодное время, дети очень болели. Но сестра бабушки всегда говорила, что это она их убила.

-А какого возраста были дети? – поинтересовалась я.

-Маленькие. Один вроде новорожденный, двое других – до года.

-Но почему никто не провел расследование? Ведь даже тогда, когда дети умирали, легко можно было обнаружить причину их смерти.

В этот момент заместитель Кристины сказала первые слова: «Я боюсь тебя, бабушка».

Но Кристина, стоя рядом со мной, не смотрела в сторону разворачивавшегося действия.

-Скажи, а кто-нибудь еще считал бабушку убийцей? – спросила я.

-Да, вся семья, - ответила Кристина. – Она была жестокой, или, если правильнее – ожесточившейся...

- Почему?

-Потому что было тяжело... Жизнь у нее была ужасная... Голод, работа, обязанности... И все же она вырастила столько детей...

-И ты это хорошо понимаешь, потому что у тебя самой четверо детей, - сказала я. – Много, как и у твоей бабушки... Этим ты на нее похожа..

-Да... Я одна такая в семье – у остальных один или двое детей - , задумчиво произнесла Кристина и в первый раз взглянула на сидящих на полу заместителей.

Она смотрела на них, и ее лицо начало меняться. В это время сидевший на полу заместитель Кристины заплакал. А бабушка молча смотрела на заместителя внучки со скорбью и печалью в глазах. Я спросила у заместителя Кристины, что с ней происходит. Глядя на бабушку, она сказала: «Я ничего о тебе не знала и не знаю».

И это было правдой. Кристина не знала многого о жизни бабушки, а сейчас она не знает даже того, жива ли ее бабушка.

Я предложила Кристине занять свое место в расстановке. Сев на пол, Кристина вначале закрыла глаза. Когда она их открыла, в глазах стояли слезы.

Бабушка молчала. Кристина тоже молчала. Эта пауза была очень долгой, и вдруг Кристина заговорила. Она говорила тихо, но в группе, казалось, был бы услышан даже шепот.

-Я всю жизнь считала, что ты плохая... Но ведь правда я не знаю, какая ты, кокой ты была... Ты вырастила шестерых детей... Это так сложно – я знаю, у меня их четверо... И я не знаю, что было в твоей жизни, но все годы я тебя осуждала... Мой папа – он ведь твой сын... Но он не искал тебя с тех пор, как ты пропала... И я почему-то думала, что это правильно, что ты этого заслуживаешь... Но я как представила – я пропала, меня никто не ищет... Значит, я никому не нужна... Я подумала - ведь ты –

моя бабушка, и во мне течет твоя кровь... Во мне есть часть от тебя... А я о тебе даже не хотела вспоминать...

В этот момент Кристина горько заплакала. Бабушка продолжала смотреть на нее.

-Я сожалею, - сквозь слезы сказала Кристина. – Никто не заслуживает такой судьбы – чтобы родные дети не вспоминали... Я буду помнить о тебе, бабушка... Я буду помнить, что ты у меня была.

В этот момент лицо бабушки изменилось. Она чуть улыбнулась, глядя на Кристину, и кивнула головой.

-Можно обнять тебя? – спросила Кристина.

Бабушка молча кивнула.

Не вставая с пола, Кристина придвинулась к бабушке. Она обняла ее, и от этих людей, наконец-то встретившихся после стольких лет отчуждения, веяло надеждой.

Я попросила Кристину сказать только одну фразу: «Сегодня я нашла тебя, бабушка». Плача, Кристина произнесла эти слова. Они с бабушкой долго смотрели друг на друга, и в этом взгляде было больше, чем в словах. На этом мы завершили процесс.

У бабушки были все шансы превратиться в «призрака», терзающего впоследствии семью в результате допущенной несправедливости. Признание связи («мой папа – твой сын», «ты – моя бабушка», «во мне течет твоя кровь») позволили восстановить членство бабушки в семье и «втащить» ее обратно в «семейную лодку».

Этап 7: «Принятие, уважение, благодарность»

Семье не просто важно узнать – важно *принять и согласиться* со всем, что было. Поэтому *на седьмом этапе* необходимо поддержать процесс выражения уважения и благодарности всем членам семьи. Это позволяет признать все факты, восстановить целостность системы, вернуть право на принадлежность всем исключенным и забытым. Задача психотерапевта – помочь семье связать все события в новую историю, новый нарратив, где каждое действие интерпретируется как желание принадлежать к семье и защищать ее целостность.

Важно поддержать восстановление у членов семьи способности выбирать в экзистенциальном смысле этого слова и осознавать ответственность за свой выбор. Признаком хорошо проделанной работы является способность каждого участника терапии найти свое собственное место в семейной системе. Также важно кларифицировать, прояснить границы системы (они – это они, мы – это мы, я – это я).

Человек, способный учитывать оба контекста: я – член семьи (принадлежность, включенность) и я – самостоятельная личность (дифференцированность, отдельность) может «любить и работать» (З.Фрейд). Он может выбирать – хранить секрет или разделить его с Другими. Он может Жить, потому что раскрытие семейных тайн – это еще и восстановление витальности, способности дышать, рисковать и действовать.

Работа с семейными тайнами – тяжелая и часто довольно длительная, но всегда очень глубокая и ресурсная. Проходя через отчаяние, боль, погружаясь в депрессию и безнадежность, семья учится видеть, понимать и замечать сложность и неоднозначность любого события. Семейные тайны иногда показывают нам примеры беспредельных человеческих страданий, перед лицом которых члены семьи могли лишь оставаться терпеливыми и стойкими. Работая с семейными тайнами, мы начинаем понимать, что факты никогда не бывают просто фактами – они вплетаются в определенный период жизни социума, семьи и отдельных людей. Свадьба и смерть, чудесное избавление от проблемы и трагический разрыв, благородная жертва и волшебное воссоединение, осуществление заветной мечты и крушение всех надежд – за всем этим стоят не просто люди, но члены семьи, связанные между собой кровными узами, обстоятельствами и обязательствами, жизнью и смертью. Поэтому бережное исследование и принятие этих фактов, а также их ре-интерпретация освобождают энергию для жизни и творчества, как всей семьи, так и отдельных членов системы.

Список литературы

1. Гринсон, Р.Р. Техника и практика психоанализа / Р.Р. Гринсон. –М. : [б. и.], 2003. — 478 с.

2. Олифирович, Н.И. Терапия семейных систем/ Н.И. Олифирович, Т.Ф. Велента, Т.А. Зинкевич-Куземкина. – СПб.: Речь, 2012. – 570 с.

3. Шутценбергер, А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / А.А. Шутценбергер. – М.: Ин-т психотерапии, 2001. – 240 с.

**Психологическое консультирование
принимаящих семей в детской психиатрической клинике**

Печникова Л.С., Жуйкова Е.Б., Усачева Е.Л.

Кафедра нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В.

Ломоносова; НПЦПЗДиП ДЗМ, Москва, Россия

rech5@mail.ru

Развитие семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, процессы деинституализации привели к росту внимания к проблемам семей, воспитывающих приёмных детей, со стороны помогающих специалистов. Одной из актуальных практических задач является помощь принимающим семьям, оказавшимся в кризисной ситуации, связанной с острыми детско-родительскими конфликтами, сложностями адаптации ребенка в семье, обострением поведенческой симптоматики детей с наступлением пубертатного возраста. Кризисы в принимающей семье связаны с риском вторичных отказов, из 18 семей, консультированных нами в остром отделении психиатрической больницы, 15 – озвучивали желание расторгнуть усыновление (опеку, патронатный договор). Необходимо отметить, что 1 ребенок имел диагноз шизотипическое расстройство (F21), остальные - не имели тяжелой психической патологии и получили диагнозы расстройства адаптации, реакция на тяжёлый стресс (F43), расстройства поведения (F91), в том числе, ограниченные рамками семьи, а также эмоциональные расстройства (F93). В связи с этим, стало актуальным выделение ряда

принципов, основных направлений психокоррекционной работы с такими семьями. При анализе хода психокоррекционных занятий с 18 принимающими семьями в остром отделении для девочек подростков были выявлены следующие организационные аспекты, значимые для хода консультирования: (1) сам факт назначения семейной психокоррекционной работы, в случаях, если семьёй рассматривается решение о вторичном отказе от ребенка, вызывает сопротивление у семьи, выражающееся в отказе от семейной формы работы, активном или пассивном «саботаже» в ходе консультирования; (2) многие принимающие семьи сохраняют тайну принятия ребёнка, или обсуждение факта «приёмности» является неодобряемым в семье; в связи с этим, важно получить предварительное согласие семьи на обсуждение этой темы в ходе психокоррекционной работы; (3) различия в юридических формах семейного устройства предполагает разную степень включенности специалистов в жизнь семьи, иногда - временность нахождения ребёнка в семье, некоторые формы подразумевают материальное вознаграждение родителям; прояснение юридических тонкостей влияет на понимание структуры семьи, позволяет определить ее состав на консультации, в зависимости от значимости фигур, не входящих в ее нынешний состав (специалисты, предыдущие приёмные родители, кровные родственники, приёмные родители кровных сиблингов); (4) приёмный подросток априори находится близко к внешней границе семьи, нередко госпитализация позволяет временно исключить его из ее состава; на этапе организации консультирования важно договориться с семьёй о сохранении его статуса как члена семьи на период психокоррекционной работы, о минимальном подтверждении этого статуса (посещении ребёнка приёмными родственниками в родительских дни, соблюдении договоренностей по продолжению семейных занятий).

В ходе консультативной работы с принимающими семьями важно обращать внимание на следующие особенности хода психокоррекционного процесса:

1. Сложность перехода с индивидуального фокуса работы на системный. Формулировка гипотез в системном ключе требует ясной связи с наблюдаемой симптоматикой, необходимо прояснять семье, что гипотезы и интервенции, связанные с семейными взаимоотношениями не исключают значимость индивидуального уровня анализа возникновения проблем.

2. Влияние мотивации к принятию ребёнка на развитие кризиса в детско-родительских отношениях. Разочарование, в связи с нереализованными ожиданиями от присутствия приёмного ребёнка в семье, нередко требует работы с родителями, направленной на поиск новых смыслов для его воспитания, работы с чувствами горя и потери, а также развития общесистемной гибкости.

3. Влияние отношения взрослых к кровной семье ребёнка на развитие кризиса в детско-родительских отношениях. Циркулярная последовательность, включающая симптоматическое поведение, нередко приводит к специфическому обсуждению темы «приёмности» в семье, что может быть своеобразной вторичной выгодой симптомов (констатация общности ребёнка с кровной семьёй, подтверждение преимущества принимающей семьи перед кровной, озвучивание непроговариваемых сомнений в том, что ребёнок должен остаться в семье и т.д.). В ходе консультирования требуется выведение этих значимых процессов за пределы симптоматического поведения и их легализация.

В связи с тем, что оценка снижения выраженности симптоматического поведения в результате психологической работы затруднена из-за исключенности на время госпитализации ребёнка из семейной системы, под позитивной динамикой в развитии семьи нами подразумевается: (а) формирование сотрудничающей позиции родителей по отношению к специалистам; (б) принятие родителями стабильного на период психокоррекции решения о нахождении ребёнка в семье, обозначение границ и условий решения; (в) готовность всех членов семьи напрямую обсуждать тему нахождения ребёнка в семье; (г) уход от обвинений в адрес ребёнка, признание совместной ответственности за кризис; (д) расширение социального поля семьи в поисках помощи при совладании с кризисом, формирование планов на его преодоление после выписки из больницы; (е) признание факта «приёмности», готовность говорить о специфике взаимоотношений с приёмным ребёнком, его истории, кровной семье. Позитивная динамика такого рода наблюдалась в 13 семьях из 18 консультированных. В связи со значимостью создания развернутых программ оказания психологической помощи принимающим семьям, мы считаем важным продолжение исследований данной темы, в том числе и в условиях детской психиатрической клиники.

Семья как социальная сеть поддержки подростков с рискованным поведением

Пузыревич Н.Л.

Белорусский государственный педагогический университет

имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь

natasha.puzirevich@tut.by

Ключевые слова: семья, социальная сеть поддержки, подростки, рискованное поведение.

Процесс формирования личности имеет свою возрастную специфику, которая изучается представителями различных научных подходов. Однако общеизвестным является представление об уникальности подросткового возраста, о трудностях и противоречиях, которые сопровождают переход подростка во взрослую жизнь. Специфика этого периода в развитии личности заключается в том, что влияние общественных институтов и социальных групп, направленное на процесс социализации подростка, сталкивается с его непреодолимым стремлением к индивидуализации, подчеркиванию своей уникальности и неповторимости. Впервые подросток заявляет о себе как о личности с чувством собственного достоинства, специфическим кругом предпочтений и своим представлением о нормах и ценностях общества. Такая специфика поведения определяет ряд проблем, которые возникают на данном возрастном этапе и от способа решения которых зависит благополучие дальнейшего развития личности.

В психологической литературе при составлении психологического портрета подростка используются следующие характеристики: нестабильная, противоречивая в поступках и эмоциональных проявлениях личность, склонная к ролевому экспериментированию, риску и самоутверждению, с ярко выраженными реакциями эмансипации и формирующимся «чувством взрослости» [1]. Подросток входит в новую реальность и, соответственно, в новую систему отношений. Все так же, как и на

предыдущих этапах развития, подросток живет в обществе, практически ничего не поменялось в его ближайшем окружении. Однако он смотрит на тот же мир, но по-другому, так, как будто бы окружающая его действительность создана заново. И в ней, в этой действительности, – родители, упрекающие в нерациональности поступков и действий, и учителя, критикующие за ненадлежащие отношение к учебному процессу [3]. Очевидно, что источником значительного количества проблем, возникающих в подростковом возрасте, является заочное превращение подростков в проблемных, трудновоспитуемых детей на уровне общественного сознания. Учителя перестраивают стиль взаимодействия с демократического на авторитарный. Родители читают специализированную литературу о стратегиях общения с подростком, психологически настраивают себя на проблемы, которые, по их мнению обязательно появятся, как только ребенок достигнет возрастной границы от 11 до 15 лет. Они анализируют, где в прошлом они допустили ошибки при воспитании ребенка, что могло привести к формированию его негативизма и избеганию доверительного общения с родителями, хотя им следовало бы постараться понять значение подросткового возраста в дальнейшем развитии ребенка, осознать возможности данного возрастного этапа и ориентироваться не на прошлые достижения, а на будущие перспективы. Ведь, несмотря на кажущуюся утрату авторитета, семья остаётся ведущим ресурсом для обеспечения социальной поддержки в противоречивом подростковом возрасте. Достаточно вспомнить израильскую концепцию «Круги уязвимости», согласно которой всё, что происходит с человеком, находящимся в центре кризисного события, отражается с не меньшей силой на рядом расположенном круге – его семье и ближайшем социальном окружении.

Однако, как правило, во взаимоотношениях с родителями происходят значительные перемены, в результате которых наиболее значимым для подростка становится общение со сверстниками, безоговорочно понимающими и принимающими его. Только свою принадлежность к группе и уровень своих возможностей еще предстоит доказать. Одним из способов реализации подростком своих возможностей, презентации своего «Я» в группе сверстников выступает рискованное поведение.

Мы можем говорить о рискованном поведении современных подростков, если: их поведение характеризуется неопределенностью последствий, отсутствием

гарантированного результата; подростки «преодолевают себя», выходят за пределы собственных возможностей или выбирают стратегию поведения, отличающуюся от общепринятых стандартов и стереотипов; подростки осуществляют действия и поступки, связанные с опасностью для жизни, «экспериментируют» со своими собственными возможностями или осуществляют спонтанную деятельность, без предварительного планирования и осмысления ее содержания; поступки и действия подростков характеризуются импульсивностью и эмоциональной неустойчивостью [4].

Теоретический анализ литературы свидетельствует о значительном влиянии на рискованное поведение подростков семейных факторов – наличия (отсутствия) ощущения принадлежности подростка к стабильной семье и социальной системе и наличия (отсутствия) структурных деформаций семьи. Следовательно, показателем взаимопонимания подростков с рискованным поведением и их родителей как значимых других является степень выраженности у них функциональной непрерывности.

Функциональная непрерывность – это разнообразные роли, в которых человек выступает в жизни и которые длятся много лет, создавая определенную ритуальность, стабильность и чувство того, что «сегодня предсказывает завтра» [2].

В нашем исследовании принимали участие 11 подростков с рискованным поведением и их родители [4]. Для определения степени выраженности у них функциональной непрерывности и выявления тех ее аспектов, которые нуждаются в психологической проработке, первоначально, была проведена диагностика, направленная на изучение их представлений друг о друге: проективная методика «Рисунок семьи», методика «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (Е. Шафер), «Опросник родительских установок» (методика PARI), а также анкета для родителей «Знаете ли Вы подростковую психологию?». Полученные результаты показали, что, по мнению подростков, в воспитательном воздействии их родителей доминируют стратегии эмоционального отвержения, психологического контроля и скрытого контроля. Однако родители подростков с рискованным поведением не признают присущую им директивность, несмотря на то, что, как свидетельствуют результаты методики PARI, их отношение к семейной роли характеризуется стремлением к установлению родительского сверхавторитета, а отношение к своему

ребенку – чрезмерной заботой и вмешательством в его мир. Кроме того, установлено, что 36,4% (4 родительские пары), говоря о подростках, опираются на «ошибочные» теоретические представления о подростковом возрасте, 45,5% (5 родительских пар) руководствуются обыденным здравым смыслом, и только 18,1% (2 родительские пары) одновременно ориентируются и на специализированную литературу, содержащую достоверную информацию о подростках, и на результаты наблюдений за поведением своего ребенка, проявлением его индивидуальных особенностей.

Принимая во внимание все вышеизложенное, групповая работа вначале была направлена на формирование у подростков с рискованным поведением и их родителей адекватных представлений друг о друге посредством их участия в дискуссии «Грамота общения» и выполнения арт-терапевтической техники «Анонимный Список Претензий». Респонденты были распределены на два круга: во внутреннем круге размещались подростки с рискованным поведением, а во внешнем круге – их родители, причем так, чтобы подростки с рискованным поведением и их родители находились друг напротив друга. Затем было организовано индивидуальное осмысление и последующее обсуждение респондентами (в процессе взаимодействия в парах, а затем в группе) трудностей и противоречий, препятствующих взаимопониманию подростков с рискованным поведением и их родителей.

На следующем этапе групповой работы осуществлялось стимулирование ответственного отношения подростков с рискованным поведением к собственным поступкам и решениям, к принятию на себя «роли Взрослого» (поскольку целесообразно было уменьшить свойственное подросткам рассогласование между реально осуществляемой позицией ребенка и воображаемой взрослостью), а также стимулирование родителей к принятию на себя «роли Родителей Подростка» (учитывая необходимость повышения их информированности о психологических особенностях, преимуществах и недостатках подросткового возраста). Респонденты выполняли упражнение «Поставь себя на место другого», предполагающее взаимный обмен подростками с рискованным поведением и их родителями ролями (родители выполняли «роль Подростка», а подростки с рискованным поведением – «роль Родителей Подростка») с целью сближения, улучшения понимания и принятия позиции

противоположной стороны. Затем была организована ролевая игра «Я тебя знаю, я тебя понимаю», предполагающая анализ подростками с рискованным поведением и их родителями стратегий поведения в заранее разработанных психологических ситуациях, главными героями которых выступали подростки и родители подростков.

Заключительным этапом работы стало проведение семинара для родителей на тему «Как установить конструктивные отношения с подростками?», предполагающего обсуждение родителями в парах, а затем в группе стратегий взаимодействия с детьми подросткового возраста. Совместно с родителями были выделены и проанализированы психологические характеристики конструктивного и неконструктивного рискованного поведения современных подростков.

Следовательно, мы можем говорить о **конструктивном рискованном поведении** подростков, когда рискованное поведение: не снижает качества их повседневной жизни, не оказывает разрушительного воздействия на их здоровье, является средством адаптации к динамике современной жизни, способствует приобретению жизненного опыта, синонимично самопознанию и познанию окружающего мира, способствует самореализации, расширяет имеющийся потенциал, осуществляется только после осмысления его целесообразности и принятия на себя ответственности за его последствия, синонимично социальному экспериментированию, обеспечивает принятие себя и своего тела, способствует формированию собственной позиции по отношению к жизни, основано на открытости собственному опыту, чувствительности к самому себе и согласуется с физическими возможностями, не противоречит социально значимым ценностям. Посредством конструктивного рискованного поведения реализуется способность подростков нестандартно мыслить, творчески подходить к решению возникающих проблем, открывается мир собственных чувств и переживаний, обостряется чувство реальности происходящего. В то же время, мы можем говорить о **неконструктивном рискованном поведении** подростков, когда рискованное поведение: представляет угрозу для их здоровья и жизни, препятствует осуществлению жизненных планов, открытию своего истинного «Я», значительно превосходит уровень их физических возможностей, синонимично социальному протесту, героической смерти во имя высоких идеалов, используется для повышения престижа в глазах сверстников, с

целью вызвать к себе уважение или восхищение своими действиями. Подростки рассматривают неконструктивное рискованное поведение как смелый вызов, мужественное решение, позволяющее достичь желаемого любой ценой, и с его помощью стремятся к поиску и переживанию неизведанных, «острых ощущений», что может привести к многочисленным травмам, иногда не совместимым с жизнью.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что, можно сколько угодно говорить о сложностях и противоречиях подросткового возраста, однако такие противоречия сопровождают развитие личности на протяжении всего жизненного пути, а подростковый возраст отличается лишь потенциалом, который обретает личность по его окончании, и возможностью «вчерашнего» ребенка стать «завтрашним» взрослым. Подростку необходимы поддержка и понимание, так как, не пройдя через систему возрастных противоречий, не развивая свою индивидуальность, ребенок не сможет сформироваться как самостоятельная личность.

Поскольку риск выступает психологической характеристикой подросткового возраста и является одним из приоритетов современного общества, в групповой работе с подростками с рискованным поведением и их родителями, обсуждаемой на страницах данной статьи, осуществлена попытка представить конструктивный риск, стимулирующий самопознание, самоутверждение и самореализацию личности. Результатом групповой работы, направленной на восстановление функциональной непрерывности во взаимодействии подростков с рискованным поведением и их родителей, стало признание не только сложностей, противоречий, но и возможностей подросткового возраста. В данном контексте родителям подростков с рискованным поведением можно предложить следующие рекомендации:

1. Будьте открыты для нового опыта, так как трудно понять, кто больше «живет в реальности»: Ваш ребенок, следующий модным тенденциям прогресса, или Вы, пробуящие его «замедлять». Чем более профессионально Вы будете выглядеть в глазах собственного ребенка, говоря о рискованном поведении – тем больше у Вас шансов получить его доверие и предотвратить негативные последствия его рискованных действий и поступков.

2. Создайте возможности для творческой деятельности подростка, выходящей за рамки рискованного поведения. Побуждайте его к осмыслению совершаемых рискованных поступков, соблюдению допустимой меры риска.

3. Детство – это совсем не синоним безответственности. Начните больше доверять и меньше требовать, контролировать подростка, поскольку даже при тотальном контроле поведения невозможно научиться контролировать его мысли.

4. Создайте такую атмосферу в семье, чтобы подростки не искали безоценочной любви, внимания, сочувствия в воображаемой реальности.

5. Помните, рискуют не только Ваши дети, рискуете и Вы. Только для подростков рискованное поведение – это психологическая особенность возраста, а в Вашем случае риск связан с вопросом сохранения или утраты авторитета, с проверкой на прочность, гибкость и динамичность системы Ваших воспитательных воздействий. Ваши дети повзрослели, соответственно, им нужно другое общение, другой уровень отношений.

6. В ситуации, когда рискованное поведение синонимично понятию «конструктивное рискованное поведение», оно является возрастной нормой подросткового возраста, которую желательно учитывать, а не преодолевать. Реализация рискованного поведения в данном контексте приведет к формированию гибкости поведения, развитию творческого потенциала, индивидуализации и самоутверждению подростков. В ситуации, когда рискованное поведение синонимично понятию «неконструктивное рискованное поведение», стоит смягчать проявление его негативных тенденций не только через информирование подростков о мере допустимого риска, но и через формирование у них мотивации к самоконтролю и ответственности за осуществляемое поведение.

Список литературы

1. *Грецов А.Г.* Практическая психология для подростков и родителей. СПб., 2008.

2. *Лаад М., Хадоми Э.* Как справиться с кризисом или бедствием (Шаг за шагом): Теория, практика и способы вмешательства. URL: <http://www.silkhighway.org/ru/stepGuide.aspx>.

3. *Панзарин С.* Ваш подросток от 11 до 14: о том, что творится у него внутри и почему он такой снаружи. Екатеринбург; М, 2008.

4. *Пузыревич Н.Л.* Социальные представления о рискованном поведении у современных подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук: (19.00.05). Минск, 2012.

Системная психологическая профилактика в целях позитивного развития молодой семьи в современной России

Розенова М.И.

МГГУ им. М.А. Шолохова

profi1234@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы организации системы эффективной психологической помощи молодой семье в современной России. На примере статистических данных показана острота актуальности и необходимость срочных психологических мер по предотвращению распада молодых семей. Рассмотрены возможности системной организации психологического сопровождения молодой семьи на всех этапах ее существования.

Ключевые слова: молодая, семья, система, профилактика разводы, программы.

Современная молодая семья является наиболее важным объектом исследований в области семейной проблематики, поскольку определяет перспективы и потенциалы зрелой семьи, способной быть фундаментом общественно-экономического развития страны.

В фокусе проблем молодой семьи, безусловно, находится факт массового распада молодых семей, практически в первый год, а точнее даже в первые два – три месяца своего существования. Дело осложняется тем обстоятельством, что значительное число браков регистрируется в виду беременности молодой супруги (Гокова О.В., 2015; Зудилина И.Ю., 2007; Карташева Т.Е., 2009; Мерзлякова С.В., 2012; Полятинский Д.Л., 2015), и скоропалительный распад семьи автоматически влечет за собой потенциалы «одиначного» родительства, со всеми известными, вытекающими отсюда, проблемами.

Далее, общество получает ситуацию «замкнутого круга», который сам по себе производит целый спектр дополнительных, первоначально латентных, но «долгоиграющих» и весьма существенных проблем (Розенова М.И., 2015).

Лучшие аргументы о необходимости актуальной и быстрой (в смысле, чем скорее начнем, тем лучше) терапевтической, профилактической и просветительской работы с молодой семьей, равно как и пристального полноценного научного изучения молодой российской семьи и молодежи в целом, представляет неутешительная статистика последних лет. Например, по статистике прошлого (2014) года, с января по сентябрь в Москве зарегистрировано 77.683 браков и 33.687 разводов (из этих же браков), что на 833 случая больше, чем за тот же период предыдущего (2013) года. По 2015 году еще вы выставлены окончательные цифры, но ситуация не улучшается, а напротив: рост разводов среди молодых семей приближается к формуле «каждая вторая» (вместо наличной «каждая третья»).

Проблемы молодой семьи, безусловно, отражают не только общественно-экономическую ситуацию в мире, но и проблемы личности: что есть человек в современном мире, что им движет, какие смыслы своего существования он находит, с кем хочет осуществлять совместное бытие, как долго и т.п. (Альжанова Д., 2012; Данилова Н.С., 2015; Лихачева Э.В., Денисова А.А., 2015; Полятинский Д.Л., 2015; Розенова М.И., 2015).

Трансформации института семьи неизбежны. В современном мире мы уже имеем достаточное разнообразие форм семейной организации: параллельные семьи, гостевые, образуемые людьми нетрадиционной ориентации и т.п. Но, все разговоры про отмирание семьи и ее распад, скорее относятся с досужим разглагольствованиям и

непрофессиональному взгляду. Специалистам совершенно очевидно, что семья, как компонент и даже фундамент эволюции сохранит свое значение. Другое дело, какой именно она будет, какие формы обретет?! (Розенова М.И., 2013; Розенова М.И., Брантова Ф.С., 2014; Чеботарева Е.Ю., 2015) В этом смысле, наука почти не успевает за реальностью (Розенова М.И., 2015, 2013).

Страны запада, ранее других пережившие сексуальную революцию и в полной мере ощутившие на себе последствия развала семьи, первыми же и начали разрабатывать и вводить реабилитационные и сопроводительные программы, направленные на поддержание нормального функционирования семьи и помощь в ситуациях семейного кризиса и развода. Внедрение подобных социально-психологических и психолого-педагогических (в том числе просветительных) программ, обеспеченных социально-финансовой поддержкой на государственном уровне началось примерно с 1948 года (США, Канада, Англия и некоторые другие страны Европы), и только к настоящему времени (буквально в последнее пятилетие), результат этой трудо- и времяемкой работы стал очевиден в полной мере, в частности по резкому сокращению количества разводов и дисфункциональности в развитии и существовании семьи (Розенова М.И., 2012).

Это не означает, что на западе в плане семейной жизни наступило время благодати – проблем всегда хватает, но общество в целом оказалось психологически грамотным в подходах к организации и осуществлению жизни в семье. Это выражается как в повышении ответственности за принятые роли супругов и родителей, так и в плане более точных действий в ситуации внутрисемейных противоречий и конфликтов (Карташева Т.Е., 2009).

Большую роль в плане поднятия престижа и ценности семьи сыграл кинематограф (по-прежнему, «главнейшее из искусств»). В последнее десятилетие западные фильмы (в том числе сериалы) просто «пропитаны» психологически выверенными моделями поведения, демонстрирующими ответственное отношение к семье, преодоление семейных трудностей, правил восстановления семейных связей и отношений (Альжанова Д., 2012; Гокова О.В., 2015; Зудилина И.Ю., 2007). Таким уровнем и

качеством подачи аналогичного материала в отечественном кинематографе мы пока не можем похвастаться, за исключением нескольких работ.

Можно ли что-то сделать в нашей стране реального (а не формального или развлекательного) в плане нормализации ситуации, связанной с семьей и особенно с молодой семьей? Ответ однозначно положительный. Единственное условие эффективности любых предпринимаемых усилий - это системность и комплексность.

Мы не отрицаем того, что есть направления работы, которые уже осуществляются в направлении поддержки семьи (материнский капитал, наличие подразделений, занимающихся разными семьями в службах социальной защиты населения, открытие центров подготовки кандидатов в замещающие родители и центров сопровождения замещающих семей и многое другое). Проблема заключается в том, что все эти мероприятия осуществляются, преимущественно на *социальном* уровне работы (чуть более формальном и дистанцированном от сущности самого человека), и его жизненно *необходимо дополнить психологическим* уровнем, который отражает самого человека во всем своеобразии его индивидуальности, и позволяет работать с внутренними составляющими потребностей и переживаний личности каждого.

Наши предложения касаются комплекса программ, актуальных для сегодняшнего дня и позволяющих (в случае их реализации) достаточно быстро получить ощутимые изменения в обществе относительно позитивного развития его семейной составляющей. Только наличие грамотной, системно организованной *психологической* (а не только социальной) *работы* по развитию и сохранению семьи может позволить обществу выйти из потока надвигающегося хаоса, связанного с ситуацией распада и развала семьи, которая влечет за собой или усугубляет повышенную криминализацию, наркотизацию, невротизацию, психопатизацию, суицидальное поведение и т.п. проблемы в обществе [9].

Для достижения наиболее эффективных результатов необходимо сосредоточить усилия по ряду *ключевых направлений*, которые выступают с одной стороны, «точками блокировки проблем», а с другой стороны, являются «точками активации и позитивного развития семьи».

В качестве **ключевого** направления организации психологической работы с семьей (исходя из сложившейся ситуации) мы бы определили **работу с брачной парой**, поскольку именно она является основой семьи, а взаимоотношения в брачной паре формируют общий психологический климат семьи (ее благополучие или разлад). Мы не обсуждаем здесь проблему психологического просвещения и обучения населения в области семейных отношений, поскольку для нас это изначально *«ноль-позиция»*, т.е. *обязательная* и имплицитно подразумеваемая как имеющаяся в наличии (в состав этой «нулевой» обязательной позиции входит просвещение в системе общего и профессионального образования, дополненное возможностями профессионального психологического и социально-педагогического сопровождения семьи на всех этапах ее существования).

Системная работа с молодой семьей должна включать в себя несколько компонентов. Мы назвали эту программу *«Моя семья – мое будущее»*.

Данная программа ориентирована на сохранение и развитие молодой семьи. Основная цель программы - помочь сохранению только что организованной семьи, чтобы она могла существовать (а не распалась при первых ссорах) и позитивно развиваться из молодой в зрелую семью, обладающую ресурсом развития и позитивного преодоления проблем и дисфункций.

Настоящая программа является наукоемким и практико-ориентированным проектом, создающим мощную профилактику и актуальную коррекцию социальной дестабилизации общества. Одновременность практической психологической работы и возможности научного исследования современной молодой семьи делают данный проект совершенно уникальным и полифункциональным.

Объединение практического и научно-исследовательского компонента предлагаемого проекта возможно за счет привлечения специалистов высочайшего уровня, работающих в области и научной психологии (владеющими методами научного исследования и анализа) и в области психологической практики. Возможность привлекать научные силы (специалистов различных научных баз – университетов, научных и практических центров) делают проект надежным и перспективным, особенно в плане интеграции и трансляции полученного опыта, посредством развития

магистерских программ, курсов повышения квалификации, мастер-классов, проведения конференций и т.п.

Предлагаемое направление работы с молодой семьей является одним из ключевых, которое является, с одной стороны, блокиратором семейных и социальных проблем, и, с другой стороны, точкой активации позитивного ресурса развития семьи.

Компоненты программы «Моя семья – мое будущее»:

0 компонент: массированное и ***системное психологическое просвещение*** в системе общего и профессионального образования, а так же в общей системе массовых коммуникаций. Сбалансированная и грамотная, *научно обоснованная политика* в области семьи.

1 компонент: Предбрачное консультирование: обязательное прохождение парами, подавшими заявление о регистрации брака, специализированного психологического тренинга, или хотя бы, оригинального специализированного психологического семинара (семинаров) для пар, желающих вступить в брак.

Результаты:

Участие в тренингах и семинарах позволит участникам:

сформировать более реалистичное и ответственное представление о семейных отношениях и функционировании семьи, в целом; составить более адекватное представление о собственных мотивах вступления в брак и мотивах партнера, сформировать психологическую готовность к более зрелому и адекватному восприятию семейных отношений и их динамики в процессе развития семьи; оценить степень своей персональной готовности к браку и построению семьи.

2 компонент: Работа с парами, которые недавно (в течение года) зарегистрировали брачные отношения.

Для таких пар оптимально прохождение специализированной программы (или тренинга), направленного на формирование *крепкой* брачной пары («единой команды»), способной осознавать-понимать и «работать» с возникающими трудностями.

Результаты работы: формирование у молодоженов компетентной позиции относительно развития семейной жизни и брачных отношений:

-формирование реалистичного и верного (а не иллюзорно-искаженного) понимания того, как будет развиваться их *конкретная* семья, какие трудности и проблемы будут возникать, и как можно решать возникающие трудные ситуации и т.п.;

-приобретение навыков предотвращения длительных затяжных конфликтов;

-акцентирование тех сфер, которые в большей мере определяют семейное благополучие;

-приобретение опыта решения семейных конфликтов без разрыва отношений и без переноса негативного опыта на детей;

-выработка стиля оптимального семейного взаимодействия и коммуникации.

Процесс прохождения таких семинаров или тренингов сопровождается мощной психотерапевтической «подпиткой» и психологической поддержкой молодой семейной пары, формирующей веру супругов в позитивное развитие своей семьи.

3 компонент программы: Семейный всеобуч для молодой семьи.

Данный компонент программы предполагает возможность посещения молодоженами 1-2 раза в месяц (или, в зависимости от возможностей финансирования, 1 раз в неделю) на протяжении 6 месяцев или года специальных образовательно-просветительских семинаров по проблеме семейных отношений и воспитания детей.

Предлагаемый комплексный подход в работе с молодой семьей позволит значительно укрепить институт семьи и повысить зрелость и ответственность людей в семейных отношениях. Предлагаемая программа является мощным средством не только профилактики распада молодой семьи, но и выступает предохранительной основой наркотизации и криминализации подрастающих поколений.

Данную программу желательно реализовать в координации с районными загсами (Дворцами бракосочетания), например, так же, как сейчас реализуется программа для будущих мам, при роддомах и женских консультациях. В плане начального этапа реализации программы, можно задействовать не все, а какой-то один компонент программы (например, предбрачное консультирование, или программу семейного командообразования, как мощные формирующе-терапевтические средства). Программу можно начать реализовывать и в рамках экспериментальной площадки в районах (или хотя бы отдельном районе) Москвы (или любого другого города).

Список литературы

1. *Альжанова Д.* Молодая семья и ее ценности. / Образование и право. 2012. № 8. (36). С. 105.
2. *Гокова О.В.* Социально-экономическое исследование отношения молодежи к институту брака (на примере Омской области) / вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 137-144.
3. *Данилова Н.С.* особенности планирования семьи у юношей и девушек с различным социальным статусом. / «Проблемное поле современной семьи». Материалы I Международной научно-практической конференции. Москва, 18-19 июня 2015 г. / Отв. редакторы М.И. Розенова, В.В. Ермолаев, Э.В. Лихачева – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 204-208.
4. *Зудилина И.Ю.* Исследование мотивов выбора брачного партнера у студентов / Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. 2007. № 2. С. 100 -102.
5. *Карташева Т.Е.* Мотивация вступления в брак современной молодежи. / Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 132-136.
6. *Лихачева Э.В., Денисова А.А.* Представления о будущей семье у студентов, находящихся в поиске брачного партнера. / «Проблемное поле современной семьи». Материалы I Международной научно-практической конференции. Москва, 18-19 июня 2015 г. / Отв. редакторы М.И. Розенова, В.В. Ермолаев, Э.В. Лихачева – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 200-204.
7. *Мерзлякова С.В.* Мотивация вступления в брак современных юношей и девушек / В мире научных открытий. 2012. № 9. С. 187-205.
8. *Полятинский Д.Л.* Разводы в молодых семьях. / NovaInfo.Ru. 2015. Т. 1. № 31. С. 320 -322.

9. *Розенова М.И.* Возможности создания и реализации общенациональной профилактической и терапевтической программы, направленной на психолого-социальную реабилитацию, сохранение и развитие семьи. / «Проблемное поле современной семьи». Материалы I Международной научно-практической конференции. Москва, 18-19 июня 2015 г. / Отв. редакторы М.И. Розенова, В.В. Ермолаев, Э.В. Лихачева – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 14-21.
10. *Розенова М.И.* Институт замещающего родительства в России: необходимость, проблемы и возможности системного изучения. // Психология и психотехника. 2013. № 12. С. 1218-1223.
11. *Розенова М.И.* Позитивная психология в России: некоторые актуальные вопросы адаптации. // Психология и психотехника. 2012. № 1 (40). С. 57-62.
12. *Розенова М.И., Брантова Ф.С.* Психологическая зрелость личности в семантике научного и обыденного сознания: Монография. /М.И. Розенова, Ф.С. Брантова. - М: ИИУ МГОУ, 2014 – 150 с.
13. *Розенова М.И., Жучкова С.Е.* Психологическое просвещение как источник безопасности образования и жизни. / Alma mater (Вестник высшей школы). 2014. №. 5 (май). - С. 50-54.
14. *Розенова М.И., Киселев С.Н.* Позитивная психология в России: проблемы терминологии и целей. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2013. № 1. С. 87-96.
15. *Чеботарева Е.Ю.* Ценностные ориентации и установки к семейной жизни в добрачный период: гендерный аспект. / «Проблемное поле современной семьи». Материалы I Международной научно-практической конференции. Москва, 18-19 июня 2015 г. / Отв. редакторы М.И. Розенова, В.В. Ермолаев, Э.В. Лихачева – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 208-213.

Пограничные психопатологические состояния у детей: сегодняшние проблемы в совместной практике детского психиатра и психолога

Скобло Г.В.

НЦПЗ РАМН, Москва, Россия

Расширение детской психологической службы в последние 2-3 десятилетия привело к росту выявления психических отклонений пограничного уровня и частому направлению детей к детскому психиатру. Бурное сегодняшнее развитие психофармакологии позволяет во многих подобных случаях довольно быстро подобрать адекватное медикаментозное лечение, но, как правило, проблемы детских психиатров этим далеко не исчерпываются. У детей обычно является нежелательным длительное назначение медицинских препаратов, их применение крайне ограничено в раннем детском возрасте. Известно также, что эффективность медикаментозного лечения значительно снижается, если в семье сохраняются нарушенные родительско-детские отношения. Все вышеперечисленное заставляет искать как можно более тесного взаимодействия специалистов психологического и психиатрического профиля при работе с детской пограничной психопатологией. С точки зрения специалиста-психиатра представляется актуальным освещение ряда пограничных психопатологических состояний детства, нередко встречающихся сейчас в психологической практике, но еще не нашедших своего достаточного отражения в отечественной детской психиатрической литературе. Ознакомление с сегодняшними диагностическими дефинициями и особенностями этих расстройств может помочь как более прицельному выявлению детей, подлежащих совместному ведению, так и, возможно, разработке новых направленных психокоррекционных мероприятий.

Опыт психиатрической работы в психолого-коррекционных дошкольных центрах показал, что наиболее частыми состояниями, при которых психологи направляют на консультацию к психиатру *детей раннего возраста*, являются

так называемые **«расстройства регуляции сенсорных процессов»**, и в частности их гиперсенситивный и гипосенситивный типы. Этот психиатрический диагноз еще не нашел в полной мере своего места в отечественной детской психиатрии, однако он широко употребляется в зарубежной практике. Обширная рубрика «Regulation Disorders of sensory processing» представлена во втором пересмотре Международной классификации нарушений психического здоровья в младенчестве и раннем детстве (DC:0-3R, 2005). Анализ критериев диагностики и этиопатогенеза этих расстройств регуляции позволяет соотнести их с синдромами невропатии (возбудимым и тормозимым вариантами) — до недавнего времени наиболее распространенным диагнозом для пограничных психических нарушений раннего возраста в нашей стране. Таким образом, клиника этого класса психопатологии в принципе известна отечественным специалистам, но, как правило, диагноз ставится запоздало, лишь в дошкольном возрасте — практикующие детские психиатры в нашей стране начинают прием только с 3-летнего возраста ребенка. Однако расстройства регуляции, будучи обычно конституциональными по своему происхождению, проявляются с первых недель и месяцев жизни. Их общими особенностями, кроме измененной реактивности ребенка, являются также нестабильность вегетативно-эмоциональной сферы и специфические эмоционально-поведенческие нарушения. Такие дети могут отличаться сверхосторожностью и склонностью к ранним страхам; или же, будучи гиперсенситивными, проявлять в то же время выраженную капризность и настойчивость; а при гипореактивности напоминать детей с задержкой психического развития или депрессивных.

Несмотря на врожденность конституциональных расстройств регуляции современные научные данные свидетельствуют о важной роли при них нарушенных родительско-детских отношений как мощных провоцирующих и утяжеляющих факторов. Это ставит задачу раннего ведения детей не только психиатром, имеющим подготовку по раннему возрасту, но и психологом, знакомым с методиками раннего психотерапевтического вмешательства,

включая работу с родителями. Длительный клинический опыт работы в этой области показал, однако, дополнительную трудность. По нашим данным, для матерей этой группы детей типично наличие той или иной, обычно мягкой, но хронической психопатологии, что находится в соответствии с конституциональным характером нарушений у ребенка. (Такого рода психопатология может встречаться и у отцов, но в силу объективных сложностей их непосредственного обследования это пока остается предположением.) Речь идет о таких широко распространенных в популяции расстройствах как аффективные, тревожные, личностные, соматоформные и шизотипические, суммарно диагностируемые у 15-20%. Эти состояния, оставаясь обычно нераспознанными, заметно затрудняют построение адекватных отношений между матерью и ребенком. Четкое представление об обоюдном характере нарушений в диаде, включая состояние психического здоровья матери, должно позволить специалистам (совместно психологам и психиатрам) более эффективно разрабатывать тактику психотерапевтических интервенций, дополняя их при необходимости медикаментозным лечением.

Другие новые диагнозы современной детской психиатрии и еще мало известные в детской психологии касаются психопатологически выраженных нарушений привязанности. Впервые они появляются лишь в последней Международной классификации болезней 10-го пересмотра (1992), представляя собой особые психопатологические синдромы, развивающиеся как последствия в случаях практически несформировавшихся первичных привязанностей. Первый из этих диагнозов - **«реактивное расстройство привязанности»** - ставится детям с младенчества и до 5 лет при характерных нарушениях в коммуникативной, эмоциональной, познавательной и поведенческой сферах. По МКБ-10, это нежелание ребенка вступать в контакт или совместную игру, апатичный или сниженный фон настроения (часто с повышенной настороженностью или боязливостью), снижение познавательной активности, нередко с задержкой речевого развития, возможное наличие агрессии к себе и окружающим. Для данных нарушений типична значительная обратимость

симптомов при изменении социальной ситуации ребенка, что отличает их от схожих с ними внешне состояний истинного аутизма и задержек психического развития органического генеза. Отметим, что эти расстройства были известны детским психиатрам уже давно, описываясь в терминах парааутизма и психогенного аутизма, а также депривационных нарушений. Точные данные о распространенности синдрома реактивного расстройства привязанности пока отсутствуют, но имеет место преобладание случаев из малообеспеченных и неблагополучных семей, у детей от умственно отсталых родителей, при раннем материнстве, а также среди детей-сирот. Считается, что соответствующие клинические картины вызывает плохая забота о ребенке с выраженным пренебрежением его потребностями, что препятствует формированию первичной и, соответственно, вторичных привязанностей. Однако этот диагноз не должен ставиться автоматически, ассоциируясь с названными неблагоприятными средовыми воздействиями, так как не у всех детей, подвергающихся им, развивается реактивное расстройство привязанности. Это положение выдвигает практически очень важную исследовательскую задачу, направленную на поиски значимых факторов антириска формирования данной патологии.

Другой новый диагноз – **«расторженное расстройство привязанности»** - предусматривает, по МКБ-10, выявление особого аномального социального функционирования, которое становится достаточно выраженным с 2-х летнего возраста. Для детей характерна «диффузная общительность»: отсутствие чувства дистанции со взрослыми, фамильярность в общении с почти незнакомыми людьми, постоянные просьбы о чем-то, желание всеми способами привлечь к себе внимание («прилипчивое поведение»), с 4-х лет и в дальнейшем – неразборчивые связи со сверстниками. Этот синдром считается типичным для детей, воспитывающихся в домах ребенка с младенчества при частой смене воспитателей, а также при неоднократном помещении в разные приемные семьи (подобные расстройства также были известны ранее и подробно описаны как один из вариантов эмоциональной

депривации). Важно отметить, что несмотря на психопатологическую выраженность обоих видов расстройств привязанности самой действенной терапией при них является психологическое воздействие — создание для ребенка таких эмоциональных условий, в которых могла бы формироваться его первичная привязанность.

Еще одним патологическим состоянием, представляющим взаимный современный интерес для детских психиатров и психологов, является **синдром Аспергера**. Описанный более 60 лет назад, он, тем не менее, остается достаточно трудным для профессиональной диагностики. Между тем, данные последних эпидемиологических исследований в скандинавских странах показывают его очень высокую распространенность — 0.7%. Наш опыт работы в области пограничной психопатологии также указывает на высокую частоту этого синдрома, причем пациенты с этой патологией к психиатру наиболее часто направляются именно детскими психологами. Обычно это бывает в дошкольном возрасте ребенка, когда становятся заметными малая потребность в общении, необычные стойкие интересы и увлечения, сильная и длительная эмоциональная охваченность фантазиями аутистического содержания. Однако синдром Аспергера в ряде случаев можно заподозрить и раньше: так, в раннем детстве у многих детей он проявляется высокой конфликтностью, практически не поддающейся коррекции. Такой поведенческий паттерн связан с «туннельным», стереотипным мышлением ребенка, не дающим ему возможности необходимого быстрого переключения со своих внутренних мыслительных планов на какие-либо новые. Психиатрическая практика последних лет позволяет говорить о разных вариантах этого синдрома, не всегда укладывающихся в рамки классических описаний: именно эти случаи и представляют упомянутые выше диагностические трудности. Что касается медикаментозного лечения, то в виде коротких курсов легких нейрорептиков ему подлежат дети с выраженными продуктивными эмоциональными расстройствами, такими как сильная охваченность своими переживаниями, дезадаптирующие тревожно-фобическая настроенность и стойкие страхи.

Также неплохо купируются медикаментозно аффективные фазы обоих знаков, нередко входящие в структуру синдрома. По нашему опыту, курсовое медикаментозное лечение значительно облегчает дальнейшие психокоррекционные мероприятия, разработке которых при синдроме Аспергера принадлежит большое будущее.

С синдромом Аспергера часто приходится дифференцировать другое, тоже довольно распространенное в последние годы психопатологическое состояние, обозначаемое в МКБ-10 как **социальное тревожное расстройство детского возраста**. В отечественной детской психиатрии оно изолированно не выделяется, хотя, конечно, отечественные психиатры знакомы с проявлениями социальных фобий, составляющих его суть. Дети с этим расстройством также избегают контактов, однако, это не распространяется на общение с близкими, которое остается теплым и продуктивным. Родители же детей с синдромом Аспергера обычно чувствуют недостаточность эмоционального отклика со стороны ребенка и говорят о том, что он «живет в своем мире». Кроме того, при социальном тревожном расстройстве детского возраста отсутствует склонность к стереотипизации мышления и деятельности, отличающая детей-аутистов, пусть даже и легких. Дополнительным дифференциальным критерием этих состояний может служить частое присутствие выраженной личностной тревожности у родителей ребенка с социальными фобиями, чего, как правило, нет при синдроме Аспергера. Отметим, что при постановке диагноза важно учитывать и тот факт, что дети-дошкольники с социальным тревожным расстройством обычно не осознают тревогу в общении, последняя выявляется лишь при объективном обследовании в виде общей напряженности в контактах (вплоть до полного отказа от них), а также наличием психовегетативных реакций как соматических эквивалентов тревоги. Терапия этих состояний должна быть, по нашему мнению, комплексной: курсовое медикаментозное лечение бывает гораздо эффективнее, когда оно может быть дополнено постоянной психотерапевтической поддержкой ребенка и его родителей.

Представленная в данном сообщении детская пограничная психопатология, разумеется, не исчерпывает всех своих форм. Мы постарались остановиться на тех состояниях, которые, требуя направления к детскому психиатру, в наши дни первично наиболее часто встречаются в работе детского психолога: в детских коррекционных центрах, домах ребенка, на консультативном приеме.

Семейные ценности как фактор развития нарушений пищевого поведения

Слепкова В.И., Ильчик О.А.

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,

г. Минск, Беларусь

E-mail: v.slepкова@gmail.com; ilchik_o@mail.ru

Ключевые слова: нарушения пищевого поведения, семейные ценности и правила, семейная коммуникация.

В последние десятилетия существенно изменились взгляды на происхождение дезадаптивного пищевого поведения. Социологи отмечают, что на рост расстройств режима питания влияют современные стандарты привлекательности. Худоба как эталон женской красоты стала условием принятия женщины различными слоями общества. Средства массовой информации придают огромное значение худому телу женщины, которая достигает успеха на эстраде, в кино, на подиуме и в жизни.

Еще Х. Бруч в 1978 году считала нервную анорексию (НА) заболеванием, характерным для определенного века, определенного культурного уровня. Американский психиатр Дж. Бемпорад утверждает, что нарушения пищевого поведения (НПП) – это «цена за Западную цивилизацию». Западное общество не только восхваляет худобу, но и создает климат, благоприятный для проявления предубежденного отношения к людям с избыточным весом всех возрастов [9]. Р. Гордон утверждает, что

женщины, страдающие нервной булимией (НБ), находятся под давлением противоречивых культурных требований, которые принуждают к интеграции противоречивых ценностей успеха и власти, рассматриваемых в терминах физической привлекательности [10]. Таким образом, активно подчеркивается социокультурный компонент в этиологии нарушений пищевого поведения у современных девушек.

Семья, выполняя свои социальные функции, обеспечивает трансляцию культурных ценностей от одного поколения к другому. Будучи системой интер- и трансперсональных взаимоотношений, семья создает призму для восприятия детьми определенных социальных явлений, формирует определенные паттерны поведения и психологические особенности личности

Мы предположили, что именно правила и ценности, согласно которым происходит взаимодействие в семье, создают условия для не критичного отношения к предлагаемым обществом стереотипам успешности современной женщины и формирования определенных личностных характеристик у девушек с нарушениями пищевого поведения ,

Приняв указанные допущения, в исследовании были поставлены следующие задачи:

1. Выявить личностные характеристики девушек с нервной анорексией и нервной булимией.
2. Определить семейные ценности и правила, функционирующие в родительских семьях девушек с нарушениями пищевого поведения.
3. Охарактеризовать связи между ценностями, транслируемыми обществом и принимаемые семьями, имеющими проблемы с нарушением пищевого поведения (НПП) у детей в виде нервной анорексии и нервной булимии.

Исследуемая выборка. В исследовании приняли участие 95 девушек: 65 девушек с НПП, из них 35 человек с диагнозом НА и 30 – с диагнозом НБ. Контрастная группа состояла из 30 девушек без НПП. Средний возраст испытуемых составил $19,12 \pm 0,099$ лет. Средний стаж болезни представлен у девушек с НА $3,32 \pm 0,099$, а с НБ – $4,01 \pm 0,099$ лет. При конструировании выборки испытуемых мы ориентировались на клиническую однородность групп. Условием включения в выборку было наличие у девушек

соответствующего диагноза, выставленного врачом на основании МКБ-10. В связи с тем, что НА (на 100 тысяч населения в год 19 случаев среди женского населения и 2 среди мужского), как и НБ (на 100 тысяч – 29 среди женского населения и 1 среди мужского населения) [6], в основном заболевает женское население, этот факт и послужил основанием гомогенности исследуемой группы по полу.

Сбор эмпирического материала осуществлялся на базе ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» в 10-м общепсихиатрическом отделении для женщин, где проходят стационарное лечение девушки с НПП (Беларусь, Минск).

Методы и методики исследования. Для оценки и определения личностного профиля девушек с нарушением пищевого поведения использовали опросник «Шкала оценки пищевого поведения», который был разработан в 1983 году D.M. Garner, M.P. Olmstead, J.P. Polivy, в адаптации Ильчик О.А., Сивухой С.В., Скугаревским О.А.. Диагностические показатели по тесту позволяют выявить и оценить характерные признаки при нервной анорексии и нервной булимии по следующим субшкалам: стремление к худобе, булимия, неудовлетворенность телом, неэффективность, перфекционизм, недоверие в межличностных отношениях, интероцептивная некомпетентность. Шкала позволяет оценить не только выраженность клинических признаков (чрезмерное беспокойство о весе, наличие эпизодов переедания и очистительного поведения) важных для диагностических оценок выборки испытуемых, но также значимые для развития НПП психологические характеристики и поведенческие стереотипы (перфекционизм, ощущение общей неадекватности, чувство отстраненности от контактов с окружающими, оценке способности четко дифференцировать свои внутренние ощущения) [3,12].

Для изучения структурных параметров семейных отношений применялась проективная методика Семейный Системный Тест (Family–System–Test, FAST), Г. Геринга и И. Вилера в адаптации А.Черникова [8].

FAST представляет собой метод репрезентации респондентами структуры их семейных отношений, ключевыми параметрами которой выступают сплоченность, иерархия, гибкость этих параметров.

Для выявления семейных ценностей использовалась интервью по семейной генограмме Мюррея Боуэна.

Полученные эмпирические данные обрабатывались с помощью программы STATISTICA 8.0 и SPSS 13.0 методами: 1) корреляционного анализа (вычислялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена, хи-квадрат Пирсона); 2) U-критерий Манна-Уитни; 4) кластерного анализа по методу k-средних.

Результаты и их обсуждение.

Личностной профиль девушек с НПП.

Психодиагностическое измерение личностных характеристик девушек с НПП показал, что у девушек с НА выявлены высокие показатели по шкалам «Стремление к худобе» ($U = 279,50$; $p \leq 0,001$), «Неудовлетворенность телом» ($U = 402,00$; $p = 0,017$), «Неэффективность» ($U = 323,00$; $p = 0,018$), «Перфекционизм» ($U = 271,00$; $p \leq 0,001$), «Недоверие в межличностных отношениях» ($U = 308,50$; $p \leq 0,001$) в отличие от испытуемых без НПП.

Девушки с НБ набирают высокие показатели по шкалам «Стремлением к худобе» ($U = 132,50$; $p \leq 0,0001$), «Булимия» ($U = 103,50$; $p \leq 0,0001$), «Неудовлетворенностью телом» ($U = 19,50$; $p \leq 0,0001$), «Неэффективность» ($U = 213,00$; $p \leq 0,001$), «Перфекционизм» ($U = 99,50$; $p \leq 0,0001$), «Недоверие в межличностных отношениях» ($U = 176,00$; $p \leq 0,0001$), «Интероцептивная некомпетентность» ($U = 222,50$; $p \leq 0,005$) в отличии от испытуемых контрастной группы.

Таким образом установлено, что доминирующими характеристиками личностного профиля девушек с нервной анорексией является перфекционизм и недоверие в межличностных отношениях, а с нервной булимией - перфекционизм и неудовлетворенность телом. Девушки с нервной булимией отличаются от девушек с нервной анорексией склонностью к перееданию и большей неудовлетворенностью своим телом. Психологический портрет девушек с нервной анорексией характеризуется «выученным» послушанием, высокой требовательностью к себе, стремлением превосходить других людей во всех сферах жизни, постановкой труднодостижимых целей; наличием строгих правил (собственных, ближайшего окружения, общества) и контроля; боязнью оценки, разочарования, принятия ответственности за собственную

жизнь и выбор. Психологический портрет девушек с нервной булимией описывается высокой степенью эмоционального напряжения, наполненного внутрличностными конфликтами, противоречиями, импульсивностью; требовательностью к себе и окружающим, повышенной самокритикой, чувствительностью к возможным ошибкам, стремлением к совершенству, избеганием разочарования, страха перед взрослением.

Семейные ценности и правила в родительских семьях девушек с НПП.

Результаты контент-анализа интервью по генограмме позволили выявить семейные ценности в группах девушек с НПП и без НПП (Рис. 1).

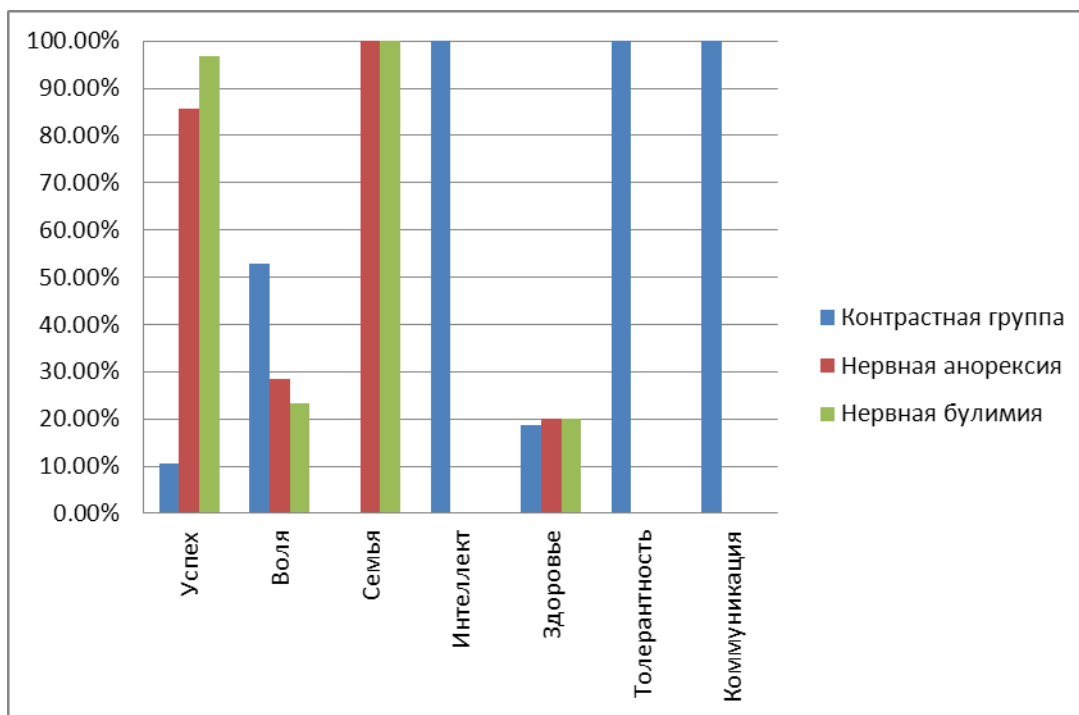

Рисунок 1 – Ценности в родительских семьях девушек с НПП и без НПП

В семьях девушек с НА и НБ представлены такие ценности, как «успех», «семья», «воля», «здоровье». В семьях девушек без НПП иерархия ценностей выглядят несколько иначе: «успех», «воля», «интеллект», «здоровье», «толерантность», «коммуникация».

Согласно полученным данным, иерархии ценностей в семьях девушек с НА и НБ схожи между собой ($r_s = 1,00$; $p \leq 0,001$) и отличаются от семей девушек без НПП (соответственно, $r_s = 0,44$; $p \geq 0,005$ и $r_s = 0,44$; $p \geq 0,005$).

Иерархия семейных ценностей, которые наиболее часто встречаются в семьях девушек с НПП семьях: «успех», «семья», «воля», «здоровье». В семьях девушек без НПП иерархия ценностей выглядит несколько иначе: «успех», «воля», «интеллект», «здоровье», «толерантность», «коммуникация».

Отметим, что как в экспериментальной, так и контрастной выборках, отмечены одинаковые семейные ценности: успех и воля. Более того, очевидна и связь между ними: для достижения успехов в жизни необходимы волевые качества. Однако, проведенный контент-анализ интервью девушек выявил существенные различия в смыслах и значении этих семейных ценностей между экспериментальной и контрастной группами семей.

Требования семей девушек с НА и НБ содержательно наполнены идеями стремления к совершенству, ставят перед взрослеющими дочерьми сверхзадачи: быть красивой внешне, успешной в карьере, оставаться правильной и послушной дочерью, стать хорошей женой и хозяйкой в будущей семье. Семейные ценности находят свою реализацию в воспитании дочерей, ориентируя их на развитие воли (61,90%), достижение успеха (52,38%), создание семьи (50,79%). Кроме того, следует отметить заинтересованность родителей в развитии женственного образа у дочерей, включающего в себя стройность, красоту и такие качества как терпеливость, послушание, воспитанность и спокойствие, которые объединены в группу качеств под названием «толерантность».

Такого рода ожидания от взрослеющей дочери коррелирует с культурным мифом о супер-женщине, в котором женщина может расширить обязанности от роли жены и матери к работающей женщине, не ставя под угрозу качество внешности ни в одной из ее ролей [11,13].

Подобное понимание успешности в жизни интериоризировано девушками с НПП: в их представлении успех является внешним достижением и соответствует социальным стандартам современного общества. Развитие волевых качеств, таких как целеустремленность, ответственность, исполнительность и дисциплинированность оценивается девушками в качестве средства достижения успехов в разных областях жизни одновременно. Это и успешная карьера, и «солидный и перспективный» муж, и

хорошая семья, и «красивая, ухоженная внешность». Ценность семьи для девушек высока, и статус замужней женщины воспринимается ими как один из возможных способов достичь положения, одобряемого общественным мнением. Красота и женственность рассматриваются как средства социальной успешности, при этом ценность здоровья уходит в фон, и представления о здоровом образе жизни сужаются до узких рамок «правильного питания» и выбора соответствующих продуктов.

Семейная коммуникация.

Семейные ценности находят свое выражение в правилах семейной коммуникации, которые определяют отношения в семье. Были выявлены как гласные, так и негласные правила, регулирующие поведение дочерей. Основное правило в семьях девушек с НПП: «подчиняться семье». Это правило содержит в себе послание девушкам зависеть от семьи, соответствовать требованиям семьи, принадлежать семье. Результаты анализа интервью дают основания полагать, что в подобных правилах проявляется стремление родителей (чаще всего матери) сохранить эмоциональную зависимость дочерей от родительской семьи. А с учетом возраста испытуемых можно говорить о неготовности и нежелании родителей к решению проблем, связанных с взрослением детей.

Негласные правила: 1) «быть правильным; 2) «быть сдержанным, закрытым». Требование правильности формирует запрет на осознание и выражение чувств, что препятствует удовлетворению потребностей членов семьи, и прежде всего детей, в привязанности, принятии, близости; 2) «быть правильным» - предполагает следование социально заданным эталонам и стандартам успешности и красоты как гарантированному способу принятия обществом.

Требование эмоциональной сдержанности формирует запрет на осознание и выражение чувств, Речь идет о выявленной тенденции к ограничению открытости в коммуникации. Это касается, прежде всего, эмоциональной закрытости, что выражается в таких неявных правилах, как сдерживание внутренних побуждений, контроль за проявлением эмоций и чувств, прежде всего негативных. Подобная коммуникация препятствует установлению доверительных в семье, не удовлетворяются потребности в эмпатии, что приводит не только к формальным отношениям между родителями и детьми, но стимулирует развитие интероцептивной некомпетентности, характерной для

девушек с НПП. Интероцептивная некомпетентность представляет собой дефицит уверенности в отношении распознавания чувства голода и насыщения. Пациентам с НПП часто не удается дифференцированно воспринимать свое внутреннее состояние и осознавать его.

Таким образом, гласные правила поддерживают поведение девушек с НА и НБ, соответствующее социальным стереотипам, и препятствуют осознанию их индивидуальных потребностей. При помощи негласных правил осуществляется контроль над чувствами и эмоциями, в результате чего устанавливается дистанция в отношениях с другими людьми. С одной стороны, девушки демонстрируют внешнее подчинение, послушание принятым нормам, а с другой – используют их для манипулирования близким кругом людей для достижения собственных целей. Такие правила поддерживают контроль и недоверие в межличностных отношениях, приводят девушек к трудностям в налаживании контактов с другими людьми.

Очевидно влияние социокультурных факторов на смысл и значение приоритетных семейных ценностей в родительских семьях девушек с НПП. Реализация их в воспитании дочерей приводит к формированию у девушек стереотипного образа успешного человека, в котором худощавая фигура является залогом успеха в отношениях, профессии. Сконструированные в социуме и принятые в результате социального (внутрисемейного) соглашения убеждения становятся определениями «реальности».

Коммуникации в семьях девушек с НПП.

Таким образом, приведенные характеристики семейных ценностей, реализуемых в семейных правилах, позволяют проанализировать особенности коммуникации в семьях девушек с нарушениями пищевого поведения.

Общепризнанным является факт, что семья является посредником между человеком и тем социальным пространством в котором она функционирует. А.Б. Орлов в связи с этим обращает внимание на наличие в семьях одновременно двух центраций. С одной стороны, общество с его культурными нормами и ценностями требует от семьи социального соответствия. Семья ответственна за социализацию ребенка, за усвоение им ценностей, правил и норм, необходимых для социального взаимодействия. С другой

стороны, важная миссия каждой семьи - создание условий для проявления и развития индивидуальности ребенка. В реальной жизни каждая семья является одновременно и социоцентрированной и человекоцентрированной. Однако, приоритетная центрация у каждой семьи особенная.

Что касается изучаемых нами семей, обращает на себя внимание *выраженная ориентация на социальное соответствие, в ущерб человекоцентрированности*. Такие семьи представляют собой закрытые и статичные системы с ригидными ценностями и правилами. Латентная концепция развития ребенка, реализуемая родителями - концепция социализации. В этих семьях социальные требования интериоризируются ребенком и его внутренняя социальность выражается в главной идеи- достижение социальной успешности. Отсюда и путь к перфекционизму.

Правильное выполнение девочками роли послушной дочери в настоящем, и успешность в будущем являются *условиями принятия ребенка родителями*. Именно успех и волевые качества ценятся и одобряются в семье. В условиях отсутствия эмпатии и игнорирования индивидуальности ребенка его успехи становятся средством удовлетворения потребности в родительской привязанности и любви.

Эмоциональная динамика в отношении родителей к ребенку колеблется от эмоционального симбиоза к эмоциональному отчуждению. Существующий в семьях запрет на эмоциональную открытость, необходимую ребенку для осознания и понимания им своих внутренних переживаний, приводит к интероцептивной некомпетентности и закрытости. Недостаточность эмпатии, отсутствие открытости в общении, условное принятие ребенка свидетельствует о том, что в таких семьях не создаются условия для проявления индивидуальности ребенка. Формируется роботизированный человек, стремящийся к социальному соответствию.

Ориентация на социальную успешность и развитие волевых качеств приводит к формированию у девушек с нарушениями пищевого поведения такой черты как перфекционизм, который сочетается у них с эмоциональной некомпетентностью и личностной незрелостью.

Транслируемое родителями требование к взрослеющей дочери - принадлежать семье выявляет еще одну проблемную область исследуемых семей - неготовность и

неспособность справляться с неизбежными трудностями процесса взросления ребенка на этапе его сепарации от родительской семьи. НПП является не только симптомом дисфункционального состояния семейной системы. Есть все основания рассматривать НА и НБ как инфантильную попытку достижения девушками автономии и независимости, попытку определиться с личностным пространством, установить внутрисемейные границы в ситуации эмоциональной зависимости, через контроль над своим телом [4].

В такие кризисные периоды жизненного цикла семьи как период сепарации взрослеющих детей от родительской семьи, создается высокий уровень напряжения, который снижается за счет развития симптоматического поведения у детей (НА и НБ). НПП становится тем средством, которое выбирает семья, для того, чтобы сохранить свою целостность и стабильность [7].

Семейные ценности и правила межличностного взаимодействия, принятые в родительских семьях девушек с нервной анорексией и нервной булимией способствуют развитию у них перфекционизма и волевых качеств, необходимых для достижения успехов в социуме и будущей семье. Родительские требования социальной успешности при одновременном запрете на открытое проявление эмоций и чувств принимаются детьми и ведут к формированию у них интероцептивной некомпетентности, усиливают их зависимость от родительских фигур, препятствуя процессу взросления.

Таким образом социоцентрированность семей, проявляющаяся в

- стремлении к социальному соответствию
- требовании успешности и правильности от детей.,
- дефиците человечности и конгруэнтности,
- запрете на открытость в семейной коммуникации,
- условности в принятии ребенка,
- недифференцированности детско-родительских отношений,

может стать фактором нарушения пищевого поведения у детей .

Список литературы

1. Боуэн, М. О процессах дифференциации своего «Я» в родительской семье /М. Боуэн// Теория семейных систем Мюррея Боуэна : основные понятия, методы и клиническая практика /под ред. К. Бейкер, А.Я. Варги. – М.:Когито-Центр, 2005. – С. 81-106.
2. Боуэн, М. Теория и практика психотерапии /М. Боуэн // Семейная психология и психотерапия. – 2000. - №2. – С. 100-121.
3. Ильчик, О.А. Русскоязычная адаптация методики «Шкала оценки пищевого поведения» / О.А. Ильчик, С.В. Сивуха, О.А. Скугаревский // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2011. – № 1. – С. 39–50.
4. Ильчик, О.А. Нарушение эмоционального отделения от семьи как фактор развития расстройств пищевого поведения у девушек / О.А. Ильчик // Психология и жизнь: психолог. проблемы современ. семьи : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 24–25 ноября 2011 г. ; Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: Л.А. Пергаменщик [и др.]. – Минск : БГПУ, 2011. – С. 118–119.
5. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики. - Москва: Академия, 2002. - 272 с.
6. Скугаревский, О.А. Нарушения пищевого поведения / О.А. Скугаревский. Минск: БГМУ, 2007. – 340 с.
7. Слепкова, В.И. Ненормативные кризисы семьи как фактор формирования нарушений пищевого поведения у детей / В.И. Слепкова, О.А. Ильчик : сб. науч. тр. /Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: Т.В. Гормоза (отв. ред.), Я.Л. Коломинский, Л.А. Пергаменщик и др. – Минск: БГПУ, 2014. – С. 148-150.
8. Черников, А.В. Системная семейная терапия : интегратив. модель диагностики / А.В. Черников – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Класс, 2001. – 208 с.
9. Bruch, H. Perceptual and Conceptual Disturbances in Anorexia Nervosa / H. Bruch // Psychosomatic Medicine. – 1962. – Vol. 24. – P. 187–194.
10. Dare, C. Family Therapy for Anorexia Nervosa / C. Dare, I. Eisler // Handbook of treatment for eating disorders. – New York, 1986.

11. Gordon, R.A. Bulimia : a Sociocultural Interpretation / R.A. Gordon // The Bulimic College Student / L.C. Whitaker. – London : Haworth Press Inc., 1989. – P. 41–55.
12. Garner, D. M. Development and validation of a mulidimensional eating disorder inventory for anorexia nervosa and bulimia / D.M. Garner, M.P. Olmstedt & J. Polivy // International Journal of Eating Disorders. 1983. – No. 2. – P.15–34.
13. Striegel-Moore, H. Etiology of binge eating: A developmental perspective / H. Striegel-Moore / Binge eating: nature, assessment, and treatment / Fairburn C. G, Wilson G. T. New York, London. 2002. P. 144–205.

Нарративная практика: работа с семейной проблематикой с использованием экстернализации

Степанова Л.Г.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,

г. Минск, Беларусь

stepanova_lg@yahoo.com

Ключевые слова: нарративная практика, нарративная психотерапия, экстернализация, семейная проблематика.

Начиная с конца 1980-х – начале 1990-х годов нарративный подход является самостоятельным направлением в современной психологической практике. Этот подход интересен тем, что он не утверждает, что проблемы в людях, и чтобы справиться необходимо «бороться с собой». Напротив, нарративный подход помогает взглянуть на свою жизнь с ресурсной позиции, т.к. каждый момент содержит пространство для существования многих историй, и одни и те же события в зависимости от приписываемых им смыслов и характер связей могут сложиться в разные нарративы. Основатель этого направления М. Уайт [2] предположил, что мы воспринимаем

жизненный опыт через призму историй о нас, которые рассказываем мы сами и которые другие рассказывают нам. Эти истории складываются в социальном контексте, причем имеет место постоянный процесс смыслопорождения по мере того, как наш опыт организуется в истории: события, происходящие в различные моменты времени, связываются в последовательности на основе какого-либо сюжета или темы. Однако не существует единственной истории, которая могла бы охватить всю совокупность проживаемого нами опыта, и, хотя некоторые истории о наших жизнях становятся доминирующими и привилегированными по отношению к другим, каждый из нас состоит из множества историй и проживает полиисторийную жизнь.

В самом широком смысле нарративная психотерапия является беседой, в процессе которой люди пересказывают, т.е. рассказывают по-иному истории своей жизни. Люди – существа интерпретирующие. Постоянно переживая нескончаемую вереницу событий, они стремятся увидеть их взаимосвязанными и объяснимыми, т.е. осмысленными. В действительности жизнь человека мультиисторична. В ней состязаются за привилегированное положение разные истории. Какая-то из них доминирует. Если доминирующая история закрывает человеку возможности развития, можно говорить о существовании проблемы. Каждый момент содержит пространство для существования многих историй, и одни и те же события в зависимости от приписываемых им смыслов и характер связей могут сложиться в разные нарративы.

М. Николс, Р. Шварц определяют цель нарративной психотерапии следующим образом: «Нарративные психотерапевты не решают проблем своих клиентов. Они содействуют пробуждению своих клиентов ото сна – их освобождению от иллюзий, в которые они были погружены под действием культурных факторов, для того, чтобы клиенты могли осуществить самостоятельный выбор и пользоваться богатством своих возможностей ... Нарративная психотерапия служит изменению идентичности клиентов, делая из посредственностей героев» [1, с. 407]. D. Epston, M. White также отмечают: «Поскольку цель нарративной психотерапии – содействие созданию клиентом таких альтернативных историй, которые бы ассимилировали прежде игнорируемые аспекты его жизненного опыта, и формирование у него нового представления о себе, очевидно,

что нахождение или создание среды для достижения этой цели – также важнейшая задача такой терапии» [4, с. 31].

Нарративные психотерапевты работают с клиентами и семьями таким образом, что бы помочь им стать авторами своей жизни. Это достигается в процессе нарративной психотерапии путем использования ряда основных приемов и техник. Одной из таких ключевых техник является экстернализация проблемы, которая является также и одним из этапов нарративного психотерапевтического процесса. Экстернализирующую беседу (т.е. отделение проблемы от клиента) по праву можно назвать «визитной карточкой» нарративной психотерапии.

Понятие экстернализирующей беседы впервые было введено в сферу семейной психотерапии в начале 1980-х годов Майком Уайтом. Важно отметить, что экстернализирующая беседа представляет собой нечто большее, нежели просто «лингвистическое упражнение». Она связана с особым взглядом на мир. Потенциал экстернализирующих бесед велик, т.к. они способны обеспечивать контекст, в котором члены семьи, отрезанные друг от друга проблемой, смогут снова встретиться, чтобы совместно предпринять какие-то шаги для ее решения. Используя экстернализирующую беседу в работе с семьей, психотерапевт «не будет ни исследовать семейные отношения и семейную динамику, ни заниматься изучением критических этапов в прошлом опыте членов семьи, повлиявших на их текущие проблемы ... Психотерапевт поможет семье экстернализовать проблему, т.е. ее деконструировать ... Проблема при этом начинает восприниматься как некая сущность, с которой они могут общаться, объединившись вместе» [3, с. 348].

Экстернализация грамматически выражается в том, что проблема описывается как существительное. Таким образом, устанавливается дистанция между членами семьи (подлежащим в предложении, субъектом) и проблемой (дополнением), и появляется пространство, в котором могут развиваться разнообразные отношения. Для обыденного языка экстернализация не всегда «естественна», поэтому экстернализирующие вопросы могут выглядеть странно. Тем не менее важно сохранять это грамматическое разотождествление проблемы и членов семьи, чтобы «проблемность» не воспринималась как неотъемлемая характеристика их действий. Можно привести примеры

интернализирующих (которые более распространены в психотерапии) и экстернализирующих вопросов и сравнить: «как проявляется то, что Вы ленивый?» и «как Леня влияет на Вас, что она заставляет Вас делать, чему мешает?»; либо «как то, что Вы ленивый, влияет на Ваше отношение к себе?» и «как Леня влияет на Ваше отношение к себе?»; или «пробовали ли Вы что-то делать, чтобы изменить себя? Что Вы пробовали делать?» и «Были ли случаи, когда Леня приходила, но Вам удавалось с ней справиться, не пустить ее в свою жизнь? Как Вам это удавалось?». В результате проблема становится некой сущностью, отличающейся и отдельной от человека или семьи, когда люди не привязаны к негативным суждениям о своей жизни, открываются новые возможности, помогающие справиться с существующими проблемами.

При экстернализации членов семьи просят описать цели и намерения проблемы, какие области жизни членов семьи она контролирует, а какие все еще нет; ее виды на их (членов семьи) будущее; то, что проблема заставляет членов семьи думать о себе, других людях и взаимоотношениях с ними; нарисовать картину «захвата» проблемой различных областей жизни членов семьи, на которой можно будет отмечать «отвоеванные» в уникальных эпизодах территории. Отделяя членов семьи от проблемы, практика экстернализации не отделяет их от ответственности за поступки, способствующие ее поддержанию. Напротив, принятие ответственности и переживание большей способности к действию – одно из следствий экстернализации. «Если человек и проблема суть одно, то существует очень мало способов избавления от проблемы, помимо причинения вреда самому себе. Но если отношения человека с проблемой становятся более определенными, четко и ясно описанными, как это происходит в экстернализирующих беседах, появляется новый набор возможностей для пересмотра этих отношений» [2, с. 38].

I. Goldenberg, H. Goldenber [3] отмечают, что задача нарративного психотерапевта – помочь членам семьи посредством экстернализации своей проблемы общаться с ней и тем самым по-новому увидеть свой опыт. Кроме того, экстернализация помогает членам семьи ощутить свои возможности по изменению своего поведения и нахождению альтернативных вариантов. Проблема начинает восприниматься как то, на что они могут повлиять, как нечто подвижное и изменчивое.

Способ расспрашивания, который применяется в экстернализирующей беседе, можно сравнить с журналистским расследованием. Отвечая на «журналистские» вопросы, которые задает психотерапевт, члены семьи, приходящие за помощью, занимают позицию, сходную с исследовательской позицией журналиста. Таким образом они вносят свой вклад в «выведение проблемы на чистую воду». Они узнают, как функционирует проблема: что она делает и зачем, каковы намерения, лежащие в основе совершаемых ею поступков.

В какой-то момент в ходе экстернализирующих бесед члены семьи начинают осознавать, что они и то, что им внушает проблема, – это не одно и то же, это не единственно правильный способ видеть себя и относиться к себе. Они начинают прислушиваться к тому, что важно для них, озвучивать намерения и ценности, противоречащие тем, что навязывает им проблема. В этот момент осуществляется переход на новую позицию: членов семьи начинают действовать, стремясь уменьшить влияние проблемы и воплотить в жизнь то, что для них важно, оставаясь при этом на исследовательской позиции или время от времени возвращаясь к ней.

Экстернализирующие беседы могут использоваться не только для рассмотрения проблем. Их можно применять и более широко, например, при определении сильных сторон или выявлении ресурсов членов семьи. Например, клиент говорит, что ему «двигаться вперед помогает его смелость». Подобное выражение может явиться поводом начать экстернализирующую беседу, дающую более насыщенное описание этого качества, и узнать, какова история смелости, каким образом она связана с определенными навыками решения проблем и с жизненными знаниями, которые могут быть полезны клиенту.

Так как процесс экстернализации происходит в сотрудничестве с теми, кто обращается к психотерапевту за помощью и психотерапевт вступает в терапевтические беседы с убеждением, что проблемы, беспокоящие людей, не располагаются у них внутри, а видит проблемы как нечто, что сложилось под воздействием более широких историй, то это, в свою очередь, влияет на вопросы, которые психотерапевт задает, и на те беседы, которые получаются в результате. Однако, прежде чем переходить к экстернализации проблемы, ее необходимо определить. Важно, когда то, что

экстернализируется, получает имя или название. Это имя должен дать сам клиент. Обычно клиент довольно быстро дает название, например, обвинение, вина, ссора, страх, беспокойство, ревность. Иногда для того, чтобы выяснить, что же необходимо экстернализовать, требуется некоторое время. Например, когда люди начинают с того, что их проблема – «тревожное расстройство личности», с очень высокой вероятностью человек не сам пришел к такому описанию ситуации. Скорее всего, оно не лучшим образом будет соответствовать опыту клиента, его переживаниям. Поэтому здесь следует выяснить, как клиент называл для себя то, что с ним происходит, пока не узнал, что это называется «тревожным расстройством личности». После некоторого обсуждения клиент может сформулировать свое собственное описание, и тогда проблема может быть названа, например, «Страх, который приходит», или «Дрожь», или «Суета», или «Тревога». Что бы это ни было, важно, чтобы название соответствовало переживаниям клиента. Это важно потому, что как только для проблемы найдено имя, соответствующее опыту клиента, оказывается, что понимания, знания, умения клиента становятся более доступными. Ведь понять и придумать, каким образом можно разобраться со «Страхом, который приходит», может быть проще и понятнее, чем справиться с «тревожным расстройством личности». Важно отметить, что может существовать более чем одно экстернализованное определение проблемы. Члены семьи могут дать пять различных определений проблемы, и это совершенно нормально. Даже если у людей разные определения, обычно удастся договориться о том, чтобы в каждый конкретный момент совместно рассматривать какую-то одну из экстернализованных проблем или какой-то один из экстернализованных аспектов того, что беспокоит членов семьи.

В проведении экстернализирующей беседы можно выделить четыре последовательных этапов. Рассмотрим их на следующем примере: за помощью обратилась клиентка по поводу плохих отношений с дочкой-подростком, т.к. они очень часто конфликтуют из-за отказа девочки помогать по дому.

Первый этап – обсуждение конкретного, максимально приближенного к опыту членов семьи определения проблемы. На этом этапе психотерапевт поддерживает членов семьи в обсуждении того, как можно определить и обозначить сложную ситуацию и

проблемы, по поводу которых они обратились на терапию. Здесь важно выяснить не только как понимает эту проблема мать, но также как сама девочка понимает свою проблему. Девочка может сказать, например, что это протест против несправедливости, т.к. ее младшая сестра (разница 2 года) также ничего не делает и ее никто не заставляет. Она может назвать свой протест словом «гнев». На первом этапе работы можно выяснить, например, «Как выглядит твой Гнев? Какого он цвета, формы? На что или кого он похож? Как его зовут? Что он сделала с твоей жизнью? Кто помогает Гневу вырастать большим и сильным?».

Второй этап – исследование последствий воздействия проблемы, ее влияния на разные области жизни членов семьи, в которых выявлены сложности. Вопросы о воздействии проблемы укрепляют позиции экстернализирующей беседы; в этот момент становится очевидным отход от более распространенных интернализирующих бесед. Это могут быть такие вопросы, как «Когда Гнев подталкивает тебя, в какие неприятности он хочет тебя втянуть? Каковы его цели? Когда Гнев неподалеку, как он влияет на твои отношения с матерью? Что поддерживает Гнев, а что помогает справиться с ним в определенных ситуациях?». Следует получить яркое, конкретное образное описание, уточнив планы и занятия проблемы, услышать рассказ о последствиях этих занятий, – и в результате прийти к заключению о том, что именно эта проблема планирует для данного и клиента и его семьи, какие у нее виды на их жизнь.

Третий этап – оценка последствий воздействия проблемы. На этом этапе психотерапевт поддерживает семью, помогает ей оценивать «поступки» проблемы и последствия ее воздействия на разные области жизни. Подобная оценка, как правило, запускается следующими вопросами: «Тебя устраивает то, что делает Гнев? Как ты относишься к тому, что происходит? Что ты чувствуешь в связи с этим? Каково тебе живется бок о бок с этим? В какие моменты эти последствия наиболее сильны или наиболее слабы для тебя?». Эти и подобные вопросы предлагают людям остановиться и подумать о том, что происходит в их жизни. Для многих из нас это совершенно новый опыт, потому что чаще подобное оценивание осуществляется в отношении нас кем-то другим. Ведь среди детей и подростков большое количество тех, у кого никогда не было

возможности высказать свое отношение к происходящему в их жизни. Вместо этого свое мнение, свою оценку высказывали их родители.

Четвертый этап – обоснование оценки, выбора позиции. На этом этапе фигурируют вопросы о том, почему члены семьи выбирают ту или иную позицию. Эта стадия, как правило, начинается с вопросов типа «Почему тебе это нравится или не нравится? Почему ты так относишься к тому, что происходит?» Однако подобное расспрашивание может быть начато и по-другому. Иногда имеет смысл попросить рассказать историю, которая обоснует это «почему»: «Ты не могла бы рассказать мне о своей жизни что-то, что поможет мне понять, почему ты занимаешь именно эту позицию по отношению к происходящему? А теперь я бы хотела узнать все, что ты готова мне рассказать о том, почему поведение и планы проблемы тебя не устраивают». Эти вопросы играют важную роль – они помогают клиентам озвучить, осознать, понять и в дальнейшем развить важнейшие элементы своего представления о жизни, включая собственные намерения цели, надежды, задачи и добровольно взятые на себя обязательства, ценности, знания о жизни и жизненные умения, уроки, которые они извлекли из разных ситуаций.

Эти и им подобные вопросы помогают разместить существование проблемы в контексте некой сюжетной линии (истории). Когда мы размещаем проблемы – например, Гнев, – в сюжетных линиях историй, мы можем пролить больше света на то, каким образом проблема получила такое большое влияние на жизнь человека. Клиенты при этом узнают много нового и дают более насыщенное описание того, каким образом они могут вернуть себе свою жизнь, забрав ее из-под власти проблемы.

Каковы же эффекты экстернализирующих бесед? Во-первых, клиенты испытывают чувство облегчения, т.к. осознают, что они сами не являются проблемой. Во-вторых, экстернализирующие беседы «децентрируют» проблему, смещают ее с центральной позиции в жизни людей и создают пространство между клиентом и проблемой. В-третьих, позволяют клиенту разработать способы, как избежать пагубного воздействия проблемы на свою жизнь.

И в заключение, следует отметить, что экстернализация проблемы автоматически не приводит к тому, что клиенты каким-то волшебным образом освобождаются от

проблемы. Экстернализация проблемы – это только первый шаг. Следующие шаги подразумевают насыщенное описание альтернативной истории в жизни клиентов.

Список литературы

1. Николс, М. Семейная терапия. Концепции и методы / М. Николс, Р. Шварц. – М.: Эксмо, 2004. – 960 с.
2. Уайт, М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию / М. Уайт. – М.: Генезис, 2010. – 326 с.
3. Goldenberg, I. Family therapy: an overview / I. Goldenberg, H. Goldenber. – Belmont, CA: Thomson Higher Education, 2008.
4. Epston, D. Experience, contradiction, narrative and Imagination: selected papers / D. Epston, M. White. – Adelaide: Dulwich Centre, 1992.

Созависимость девушек из алкогольных семей в зеркале проблемного поведения

Тащёва А.И., Бедрединова С.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

annaivta@mail.ru, gridneva-sveta@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся эмпирические сведения о своеобразии личности и поведения 40 взрослых дочерей из алкогольных семей, 17-23 лет; называются их типичные психологические трудности как основа проблемного поведения.

Ключевые слова: алкогольная созависимость, проблемы в поведении девушек, особенности самовосприятия студентками вуза, алкогольные и неалкогольные семьи.

Практически все исследователи проблемы алкогольной созависимости полагают поведение детей из алкогольных семей проблемным (Васягина Н.Н., 2013; Гриднева С.В., Тащёва А.И., 2013; Гриднева С.В., Тащёва А.И., 2013; Москаленко В.Д., 1991; Тащёва А.И., 2010; Тащёва А.И., Бедрединова С.В., 2014; Тащёва А.И. Зелинская С.Ю., 1996 и др.).

Результаты данного эмпирического исследования 80 студенток (по 40 из алкогольных и неалкогольных семей) и наших предшествующих работ, данные литературы позволяют назвать следующие характеристики особенностей *самовосприятия, восприятия близких, людей в целом и, следовательно, проблемности в поведении девушек из алкогольных семей:*

1) Страх (особенно страх одиночества), постоянная тревога, которые сопровождаются неприятными предчувствиями, потребностью избегать любого риска во взаимоотношениях с ними, сверхвыраженной потребностью в контроле за собственным поведением и поведением окружающих, в гиперответственности за себя и других, не умением брать на себя ответственность за собственные поступки, за свою жизнь в целом; в попытках бесконечно манипулировать поведением других, особенно поведением алкоголика.

2) Непреходящие чувства стыда и вины за свое поведение и за поведение других; чувство вины за чужие проблемы. Они склонны к самоизоляции как к возможности скрыть «позор семьи»; часто испытывают ненависть к себе; а для камуфляжа явно заниженной, «условной» самооценки демонстрируют свои мнимое превосходство или вызывающую грубость.

3) Затянувшиеся чувства отчаяния и безнадежности в отношении изменения семейной ситуации или своих жизненных перспектив в целом; их отличают пессимистический взгляд на мир и чувства собственной неуспешности и невостребованности в течение всей жизни, что может не соответствовать реальным достижениям личности.

4) Ауто- и гетерогенный гнев, адресованный больному, семье в целом, себе, «всем на свете», сопровождается тягостным страхом потери самоконтроля, который

может стать одной из ведущих эмоций. При истинной или кажущейся им угрозы их реакции часто бывают непредсказуемыми, неожиданными для окружающих, их самих: они ведут себя вызывающе, агрессивно, жестоко – их часто вовлекают в экстремистские группы.

5) Упорное отрицание источника семейных бед: привычная минимизация тяжести алкогольных проблем; надрывные и часто безуспешные попытки оправдания, защиты пьющего от негативных последствий пьянства.

6) Ригидность личности, проявляющаяся в мышлении, чувствах, поведении; страх любых перемен из-за опасения ещё большего ухудшения своих жизненных обстоятельств.

7) Игнорирование собственных (и витальных!) потребностей и избыточная озабоченность бесконечным удовлетворением потребностей значимых людей из привычки считать себя своеобразным продолжением близких; выраженной личной зависимости от родственников, потребности в их постоянном присутствии, из страха оказаться брошенным, от постоянной ориентации на оценку себя другими людьми.

8) Расплывчатые нормы и игнорирование истинных человеческих ценностей (своеобразная «условная порядочность», когда нормы поведения значительно сужаются и адресуются только избранным, «своим» людям). Они не умеют точно воспринимать качество отношения к себе других людей. Посторонним демонстрируют свои лучшие качества, но жестоко страдают от ощущения собственной недостаточности, от неадекватности в сравнении с другими.

9) Их отличают значительные трудности в целеполагании, в определении смыслов собственной жизни, им «до физической боли» бывает сложно в ситуациях выбора, независимо от его значимости.

10) Они с трудом дифференцируют собственные чувства и переживания, затрудняются в предвидении реальной опасности.

11) Основным мотивом их поведения часто является страх перед неожиданной сменой настроений, реакций близких и посторонних людей, опасения вызвать их неодобрение, раздражение, гнев окружающих. Через пять-шесть лет такой жизни они глобально перестают доверять не только родственникам, но и людям вообще.

12) Они ориентированы не столько на успех, сколько на избегание неудачи, поэтому, страдая от ощущения *априорной, заведомой («обученной») неуспешности, одновременно устремленные к очень высокой оценке их окружающими, они могут годами не проявлять познавательной активности.*

Семьи с алкоголиками дисфункциональны, отличаются явным и скрытым взаимным отвержением; априорным отрицанием проблем, связанных с алкоголизмом; в них, как правило, имеет место насилие.

Созависимость в семье алкоголиков проявляется в образе мыслей, чувств и в действиях членов семьи; в выраженных психосоматических проявлениях.

В наиболее неблагоприятном положении в алкогольной семье оказываются дети всех возрастов, не только непосредственно страдающие от наличия в семье алкоголика, но и усваивающие его патологические модели поведения и эмоциональной неуправляемости.

В качестве примера сошлемся на результаты комплексного исследования особенностей самовосприятия студентками вуза из алкогольных (основная группа) и неалкогольных (контрольная группа) семей. Первым свойственна более выраженная *негативная генерализация самооотношения* (>26,0%; Мо осн=5,0; Мо Конт=71,4); 40,0% из них воспроизводят негативно генерализованный аутообраз: они постоянно не довольны собой, критикуют себя. Лишь 35,0% этих женщин позитивно и 28,0% - адекватно описывают себя как личности.

Взрослые дочери алкоголиков по сравнению со сверстницами из безалкогольных семей при описании *себя* реже используют *физические характеристики* (Хосн гр= 7,0; Хконт гр= 8,0); они не знают своего тела, боятся его, не умеют о нем заботиться.

Сравнительный анализ особенностей восприятия себя и близких взрослыми дочерьми из алкогольных семей с объективными портретами самих женщин свидетельствует о том, что они сами и их отцы чрезвычайно *близки по основным характеристикам восприятия*: внешне те и другие демонстрируют себя как люди яркие, демонстративные, социально смелые, коммуникативные, самодостаточные, доминантные, эгоцентричные, фанатичные, а внутренне (на самом деле) являются людьми слабыми, беспомощными, зависимыми. Одна из респонденток описала причины

собственной ориентировки на отца-алкоголика таким образом: «Его есть за что уважать: он один в семье делал, что хотел».

Искренние усилия этих людей создать семью, непохожую на алкогольную родительскую, обычно сводятся к безусловному исключению очевидных негативных поведенческих проявлений и к *созданию видимости здорового образа жизни*. В их семьях отсутствуют безусловная любовь, открытое выражение чувств и другие необходимые компоненты истинно семейных отношений, что оставляет детей и внуков алкоголиков социально неадаптированными, не подготовленными к жизни и, следовательно, инициирует их к воспроизведению в собственных семьях аналогичных негативных моделей семейного поведения, препятствующие полноценному выполнению ими родительских обязанностей, способствующие воспитанию еще одного поколения взаимозависимых - внуков алкоголиков.

Очевидно, что все члены алкогольной семьи нуждаются в помощи специалистов, так как составляют группу высокого риска алкоголизма и различных психологических и патопсихологических нарушений; по крайней мере, без профессиональной психологической помощи они, даже имея большие социальные достижения, они до конца дней своих не редко чувствуют себя несчастными людьми.

Список литературы

1. Васягина Н.Н. Специфика и условия эффективности воспитательной деятельности родителей // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 2.
2. Гриднева С.В., Ташёва А.И. Восприятие детьми семейного насилия [Электронный ресурс] // Психология и право 2013. № 1. С.134-144. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw>.
3. Гриднева С.В., Ташёва А.И. Оценка эффективности системы противодействия идеологии терроризма в молодёжной среде // Российский психологический журнал, 2013. № 5. Т.10. С. 105-118.
4. Москаленко В.Д. Ребенок в «алкогольной» семье // Вопросы психологии, 1991, № 4, с. 65-74.

5. Тащёва А.И. Российская семья как ресурс и диагностический критерий противодействия экстремизму и терроризму // Российский психологический журнал. 2010. Т. 7. № 5-6. С. 115-121.

6. Тащёва А.И., Бедрединова С.В. Новая интерпретация результатов CAST - теста для исследования взрослых детей из алкогольных семей//Гуманитарные и социально-экономические науки, 2014, № 5, с. 86-94.

7. Тащёва А.И., Зелинская С.Ю. Насилие в алкогольной семье. Психологический вестник. Выпуск 1. Часть 2. - Ростов-на-Дону, 1996, с.52-64.

8. Тащёва А.И., Зелинская С.Ю. Эмпирическое исследование своеобразия психологических особенностей взрослых сыновей из алкогольных семей//Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Психология и общественные науки. 2006, № S 26. с. 62-68.

**Личностно-ориентированный подход в системе сопровождения семей,
воспитывающих детей с отклоняющимся развитием**

Туревская Р.А., Косарева Е.Н., Егоршева И.В., Апросин М.М.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, , факультет психологии, АНО НППЦ «ТУРРИОН»,
Москва, Россия*

info@turrion.net

Аннотация. Разрабатываются ключевые концепции сопровождения семей, главная из которых сводится к личностно-ориентированному принципу, что предполагает работу с семейными травмами; актуализацию личностного потенциала семьи, направленного на развитие личности больного ребенка, а не на борьбу с болезнью; формирование мотивации на изменение. Сформулированы основные принципы работы - соответствие среды потребностям ребенка и интеграции ребенка в социум; учет структурной организации семьи и личностных особенностей родителей;

непрерывность психологического сопровождения семьи; учет возрастных новообразований.

Ключевые слова: личностное развитие, психологическое сопровождение, отклоняющееся развитие, потребности детей с ОВЗ, социализация.

В настоящее время усиливается роль семьи в обществе, особенно это положение актуально в отношении семей, воспитывающих приемных детей и детей с ограниченными возможностями здоровья. На уровне практической деятельности психолога возникает необходимость разработки научно-обоснованной помощи таким семьям. Многолетний опыт, реализуемый АНО НППЦ «ТУРРИОН» в отношении психологической поддержки и помощи семьям, позволил сформировать ключевые концепции и принципы психологического сопровождения семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии и разработать системную модель сопровождения семьи.

Системная модель помощи семье включает работу с травматическим опытом родителей в результате рождения и воспитания ребенка с ОВЗ, мифами и искаженными репрезентациями болезни, преодоление факторов стигматизации болезни, депривации, коррекцию аномальных моделей родительского поведения и воспитания, формирование оптимальных форм взаимодействия между родителями и ребенком, стратегий и тактик воспитания, нацеленных на обеспечение развития ребенка с ОВЗ, создание развивающей и безопасной среды для ребенка, обучение социальным навыкам при взаимодействии с социумом в условиях актуализации болезненного состояния ребенка, регресса в поведении, девиантного поведения и т.д..

Задачи данной статьи – формирование принципов работы, описание профилей проблемных зон воспитания, определение направлений работы в рамках психологического сопровождения родителей воспитывающих детей с отклоняющимся развитием. Во главу ставится принцип личностного развития и решение личностных проблем, как на полюсе ребенка, так и на полюсе родителя.

Принципы сопровождения

1. Принцип личностного развития ребенка.

Принятие личности и создание условий для самоактуализации человека является основным постулатом гуманистического подхода в психологии и психотерапии (Рождерс К., Сатир В., Экслейн В.). Принятие включает уважение, теплые чувства и веру в положительные изменения, и развитие каждого человека. Безусловное принятие, конгруэнтность, эмпатическое понимание - главные принципы гуманистического подхода в практике психологической помощи. «Безусловное принятие ребенка не означает отсутствия дисциплины, ограничений или недопустимости отрицательного отношения к его поступку. Однако оно должно строиться так, чтобы ребенок не сомневался в уважении к нему» (Рождерс К, 1961). Психологическая работа с семьей ставит во главу угла личность ребенка с аномальным развитием, которая нередко скрыта за патологическими симптомами, так как именно развитие личности определяет успешность прохождения этапов социализации.

Исследуя воспитательные модели мы заметили, что существуют определенные стратегии детско-родительского взаимодействия (неадекватные родительские установки, дисфункциональные паттерны), которые ограничивают/блокируют развитие личности ребенка:

- болезнь превалирует в воспитании: одна модель – когда личность ребенка теряется за набором симптомов (стигматизация), которые родители постоянно пытаются идентифицировать, другая – болезнь ребенка является способом ухода от ответственности;
- отсутствие морально-нравственной оценки поведения ребенка;
- наличие симбиотической связи (симбиоз формируется в силу болезненности ребенка особенного качества ухода);
- создание «искусственной» среды, которая конфронтирует с социальными требованиями и нормами;

- жестокое обращение с ребенком: эмоциональное и физическое насилие, не учет желаний и потребностей ребенка, критика его поведения;
- искусственная инвалидизация ребенка;
- вседозволенность и отсутствие элементов ограничения в воспитании.

Родители делают все для своего ребенка, а личность развивается дефицитарно и не способна к сопереживанию и преодолению. Фактически ребенку дается право «делать то, что хочешь», без учета ситуации и людей;

- стремление к достижениям в обход личности ребенка.

Выявленные факторы соотносятся с данными исследования, проведенного с использованием опросника для родителей АСВ («Анализ семейных взаимоотношений»), который позволяет выявить различные нарушения процесса воспитания, определить тип патологизирующего воспитания, определить причины нарушений. Полученные нами результаты показывают, что у исследуемых нами родителей достигаются критические значения по следующим шкалам: гиперпротекция (шкала Г+), гипопротекция (шкала Г-), недостаточность требований и обязанностей (шкала Т-), недостаточность требований и запретов к ребенку (шкала З-), минимальность санкций (наказаний) (шкала С-), неустойчивость (непоследовательность) стиля воспитания (шкала Н), фобия утраты (шкала ФУ).

Данные характеристики воспитания ребенка с отклоняющимся развитием формирует дисфункциональные модели и паттерны взаимодействия, в основе которых изначально лежит снижение требований к ребенку в отношении правил и норм социальной жизни, снятие социальной ответственности (щадящий режим, вседозволенность, снижение требований, которые ребенок может выполнить, что приводит к снижению собственных усилий ребенка). Снижая социальные требования и обесценивая для ребенка правила, оправдывая их несоблюдение болезненным состоянием детей, родители, таким образом, принимают медицинскую точку зрения, которая снимает ответственность с человека в условиях болезни и в итоге приводит к снижению ресурсов для преодоления болезни.

Стремясь к социализации ребенка, фактически они создают условия препятствующие социализации, т.к. именно болезнь начинает определять отношение к

ребенку и формирует «особые условия», которые во многом игнорирует правила жизни в обществе. Такой подход рано и или поздно ведет к изоляции ребенка от общества. Однако именно учет правил, норм и требований социальной жизни является тем механизмом, который формирует *личность ребенка* на разных этапах развития, способствует интеграции и создает условия для инклюзии.

Нередко семья занимает агрессивную позицию в отношении социума и разрабатывает свои неадекватные требования, тем самым формируя стратегии обхода требований социума. По нашему наблюдению эти способы адаптации носят не столько защитный характер, сколько являются некоторой экспансией в отношении общества, с которым приходится взаимодействовать, и предполагает не принятие социальных норм, а навязывание собственных правил. Данная стратегия в практическом плане имеет негативные последствия в виде частой смены детских садов, школ и т.д. с наличием циркулярных паттернов социального поведения в сочетании с формирующейся враждебностью, непонятностью и т.д.

Частой особенностью семей воспитывающих детей с отклоняющимся развитием является наличие симбиотической связи в диаде «мать-ребенок». Изучая стили родительского воспитания, обуславливающие симбиотические отношения, мы выделили диапазон взаимодействий от гиперопекающего до попустительского стиля (перекладывание ответственности на инфантильного ребенка). Таким образом, детско-родительские симбиотические отношения, подкрепляя условную желательность болезни, блокируют развитие личности ребенка и на определенном этапе выполняют стабилизирующую функцию при разворачивании симптома (Туревская Р.А., Косарева Е.Н., 2013)

Потребность в симбиотической связи может определяться не только незрелостью ребенка, но и поддерживаться страхом родителей «потерять ребенка», нерешительностью в процессе сепарации ребенка. Нередко сам ребенок может актуализировать негативные формы поведения для того, чтобы разрушить симбиотические отношения. Желание ребенка «освободиться» начинает проявляться в поведенческих расстройствах (например, негативизм, провоцирующее и дурашливое поведение по отношению к родителю, с которым ребенок находится в симбиотических

отношениях), что приводит к усугублению симптоматики и как следствие к постановке более тяжелого диагноза.

Таким образом, развитие и укрепление личности ребенка необходимо даже в условиях болезни и, в первую очередь, достигается за счет принятия социальных норм и правил. Поэтому одной из первых задач психологического сопровождения является работа с родителями и детьми направленная на принятие социальных требований и норм и формирование системы морально-нравственной оценки для регуляции поведения ребенка в социуме. Отсутствие последнего часто ведет к вседозволенности ребенка, когда трудности регулировать свое поведение, эмоции оправдываются болезнью, определяются как невозможность, обусловленная диагнозом, как следствие ребенок освобождается от необходимости контролировать свое поведение (например, мама приходит на консультацию и, первое, что она говорит аутичному ребенку, чтобы он «не расстраивался», и, не обращая внимания на специалистов, говорит: «Ты можешь брать здесь все, что захочешь»).

Особенно это показательно в клинической практике, часто специалисты, работая с ребенком, трудности переживания им неудачи непосредственно связывают с болезнью ребенка (например, при наличии у него аффективной возбудимости), и, т.о., сворачивается собственно психологическая работа по налаживанию процессов регуляции эмоциональных состояний, обучение ребенка способам удерживать и справляться с эмоциями, хотя более эффективный подход - это сочетание медикаментозного лечения и коррекционных воздействий. И в этом случае необходима актуализация *личностного ресурса при работе с ребенком и родителями вне зависимости от уровня развития ребенка и глубины дефекта с целью преодоления трудностей эмоциональной регуляции в противовес «легализации» дефекта. Практика показывает, что необходимым условием является именно разворачивание личностного потенциала родителей в сочетании с актуализацией возможного уровня эмоционально-личностного реагирования ребенка, что дает положительные результаты в процессе социализации ребенка.*

II. Принцип соответствия среды потребностям ребенка и интеграции ребенка в социальную среду.

Актуальным в рамках психологического сопровождения родителей детей с отклоняющимся развитием является «принцип соответствия среды потребностям ребенка». Содержание психологической работы должно соответствовать психологическим потребностям ребенка, в условиях нарушения этого принципа дети сами начинают сопротивляться коррекционной работе или наблюдается стагнация в развитии, регрессивные явления. Этот принцип обеспечивается грамотной профессиональной диагностикой с определением актуального статуса развития ребенка и умением увидеть, как ближайшие задачи, так и отдаленные цели развития.

В этих условиях семья должна поддерживать актуальные возможности ребенка в сочетании с разработкой задач зоны ближайшего развития. Все эти задачи невозможно решить, если нет цели интеграции ребенка в социальную среду. Т.к. именно эта среда содержит смысловые ориентиры для зоны ближайшего развития. На практическом уровне принцип соответствия среды потребностям ребенка и принцип интеграции неразрывно связаны и составляют различные стороны одного и того же процесса.

Несоблюдение данного принципа семьей, также как и недостаточное понимание потребностей и барьеров в развитии и адаптации ребенка, может приводить к системным и множественным нарушениям, которые могут затрагивать как различные уровни функционирования семейной системы, так и эмоционально-личностное развитие ребенка. Наиболее часто встречаемые проблемы, которые формируют мишени психологической работы при сопровождении семьи, воспитывающей ребенка с отклоняющимся развитием:

- 1) В семейной системе это может быть нарушение проницаемости границ, отгороженность семьи, искажение семейных ценностей, которые формируются под влиянием болезни ребенка и сужают возможности его развития, симбиотические отношения между ребенком и одним из членов семьи, чаще матерью.

2) Отсутствие постоянного или адекватного объекта для формирования я-идентичности ребенка, что на ранних этапах развития может обуславливать расстройства привязанности, нарушение полоролевой идентификации.

3) Отсутствие структурированной системы жизненных правил, распорядка дня и бытовых условий, включая пространственную организацию среды, оказывает патологизирующее влияние на поведение и в целом на развитие ребенка, не обеспечивает развитие навыков безопасной жизни.

4) Приписывание ребенку роли несоответствующей его возрасту, нарушение иерархии между взрослым и ребенком (мама - подружка, ребенок и мама взаимодействуют на уровне друзей, ребенок подтягивается до уровня взрослого, но при этом не соответствует предъявляемым ему требованиям) или, наоборот, инфантилизация ребенка, когда он низводится до уровня «маленького»;

5) Повышенные или сниженные требования к ребенку;

6) Жесткие требования родителей по соблюдению определенных культурных норм, национальных традиций и ценностей, в том числе религиозных.

7) Снижение родительских функций, снятие с себя ответственности за судьбу ребенка и семьи, перекладывание ее на специалистов, «болезнь», духовных лиц и т.д.

Несоответствие среды потребностям ребенка может принимать разные формы, как на уровне психофизических потребностей ребенка, так и на уровне ролевых диспозиций и возрастных возможностей.

Отдельной задачей работы становится процесс интеграции родителей и детей в социальное пространство: групповые формы работы с детьми и родителями; принадлежность к группам и ассоциациям, расширение социальных связей. Так как нередко родители оказываются без социальной поддержки, что приводит к еще большей изоляции.

По мере взросления ребенка родитель и ребенок вступают в отношения с новыми социальными институтами и организациями (детский сад, школа, колледж). Способ

интеграции ребенка ОВЗ в общество, во многом зависит от стиля взаимодействия родителя с социальными институтами.

Если формирование новых моделей отношений носит негативный характер, это блокирует процессы социализации ребенка и его интеграции в общество.

Анализ материалов сопровождения семей при решении вопросов социализации и задач инклюзии показывает, что наиболее дисфункциональными позициями родителей при взаимодействии с педагогами становятся следующие стили социального поведения:

- 1) «Заискивающий», «задабривающий» стиль
- 2) «Конфронтирующий» стиль
- 3) «Контролирующий» стиль
- 4) Невключенный родитель

Каждый из этих стилей может иметь свои негативные последствия для адаптации и обучения ребенка с ОВЗ.

III. Принцип преодоления травматического опыта родителей.

Ребенок с патологией в развитии накладывает особый отпечаток на семейную структуру, в частности, на систему общения родителей и детей, меняя их ролевую структуру, семейные границы, «заставляя» родителей часто чувствовать себя беспомощными и выстраивать специфическую систему общения с ним, обусловленную болезнью. Эта система общения для родителя может быть непонятной, и в свою очередь вызывать стресс. Чем сложнее становится коммуникация между родителем и ребенком, чем она непонятнее, тем менее родитель пытается предугадать и понять о чем думает, чувствует ребенок, все больше сводя свою заботу о таком ребенке, к удовлетворению его потребностей, и ограждению от трудностей, внешнего мира и социальных контактов. Парадокс в том, что в этом отношении существует поляризация этого отношения в двух видах: с одной стороны родители не хотят видеть в ребенке аномальные черты и живут с мыслью, что их ребенок когда-нибудь станет нормальным. Есть другая крайность, в которой родитель остается с мыслью, что его ребенок изгой для общества и никогда не

сможет жить на равных с ними. Любая из этих позиций ставит крест на реальной личности ребенка и его будущем, заводя в тупик стигматизации.

В подобных семейных системах, ребенок занимает более слабую социальную позицию, чем он мог бы исходя из его возможностей, из-за наличия особого стиля коммуникаций между родителями и ребенком. Сбой в системе их взаимодействия происходит на личностном уровне общения: в силу того, что дети с аномальным развитием испытывают трудности в эмоциональной саморегуляции, родители стереотипно подходят к общению с ними. Это может проявляться, как и в виде попустительства, когда родитель, мотивируя тем, что он следует за ребенком, не ставит перед ребенком никаких ограничений, либо наоборот в виде изоляции ребенка, обрекая его на ограничения в развитии вследствие депривации.

С другой стороны, стереотипизация в общении, происходит еще потому, что те физические и эмоциональные затраты, которые должен потратить родитель на воспитание и развитие личности ребенка с патологией развития могут быть чрезмерными. В независимости от стратегии общения и отношений привязанности, родитель эмоционально защищается от патологии ребенка. С другой стороны, родитель с ребенком в силу ограничений его жизни, может находиться часто в симбиотических отношениях.

Сам факт рождения ребенка с ограниченными возможностям развития, вызывает чувство вины, опустошенности, враждебности к социальному окружению. Особые потребности таких детей создают сложности у родителей

Стоит сказать, что ребенок не становится причиной травмы, им является его болезнь. От неё и её последствий хотят избавиться родители. В расширенных семьях, поиск виновного является частой проблемой. Вместо работы с собственными чувствами, эти люди ищут объяснение диагнозу. В подобных случаях, родитель редко дифференцирует личность ребенка и его болезнь, направляя все силы на устранение последней, они теряют при этом перспективу развития ребенка. Все вышесказанное формирует мишень работы с родителями по актуализации личностных реакций ребенка. Травма родителей должна быть переработана таким образом, чтобы они смогли

сформировать перспективу развития ребенка, которая связана с умением увидеть личность ребенка, а не «уходить» в его болезнь и борьбу с ней.

Приходя к психологу, родители часто не ожидают, что предметом работы станет не только ребенок, но и они сами и их система взаимодействий с ребенком. Более того, такие клиенты не отслеживают, что негативная оценка болезни влияет на стиль их коммуникации с ребенком.

Известно, что каждый родитель, сталкиваясь с диагнозом ребенка, получает травму. Существующие модели принятия диагноза ребенка с отклонениями в развитии описывают стадии, которые проходят родители (Cunningham С.С., 1983). Уровень дезадаптации родителей во многом будет зависеть от стадии, на которой они находятся, и это во многом определит их отношения к заболеванию, возможность оказания помощи ребенку и воспитательные тактики. Решение подобных задач сложный процесс и, несмотря на наличие стратегий помощи, носит для каждой семьи индивидуальный характер. Работа специалистов с семьей должна быть направлена на определение стадии, выстраивание картины болезни, работу с травмой.

Важно отметить, что перерабатывая травму, родитель формирует мифы, которые определяют отношение к ребенку и оказывают влияние на формирование стиля воспитания и характер помощи ребенку. Психопатология обозначается там, где ее нет, либо, наоборот, обесценивается. В обоих случаях организуются несоответствующие потребностям ребенка условия развития, обучения и воспитания, которые во многом могут ухудшать ситуацию.

Мифотворчество родителей - внутренние репрезентации болезни, которые влияют на отношение к ребенку и как следствие формирование воспитательных тактик. Мифы формируются в результате получения различных и часто противоречащих друг другу диагнозов, многочисленных консультаций, самостоятельного изучения проблемы (чтение литературы, участие в форумах, посещения профильных мероприятий), определенные социокультурные условия, что в конечном итоге приводит к явлениям стигматизации в развитии ребенка и семьи.

Так, например, страх мамы в отношении того, что дополнительная нагрузка приведет к эпилептическому приступу, способствовала созданию настолько щадящих

условий воспитания (поздний подъем, дополнительный сон, снижение учебной нагрузки, потворство любым капризам, оказание чрезмерной помощи в бытовых навыках), что это привело при хорошем уровне когнитивного развития к отсутствию у ребенка усилий в отношении разных видов деятельности, снижению мотивации обучения и мотивации на преодоление болезни, инфантильному стилю поведения.

Либо родители настолько верят в гениальные способности ребенка, что не учитывают психофизиологические, личностные и социальные ограничения отклоняющегося развития, формируя «кумира семьи», которому все дозволено. При этом игнорируются социальные нормы и правила поведения.

IV. Принцип учета возрастных новообразований при формировании стратегий и тактик воспитания и психологического сопровождения.

На каждом этапе развития ребенка перед семьей стоят специфические задачи, решение которых ведет к формированию психологических новообразований. При отклоняющемся развитии возрастные новообразования часто скрыты под грузом психопатологии, вследствие этого родители не принимают их во внимание и часто «не видят». Здесь требуется работа психолога, который за множественностью психических нормальных и аномальных проявлений, сможет увидеть существенные феномены развития, понять их механизмы, динамику развития и сориентировать родителей.

Своевременное решение психологических проблем развития, часто открывает место для формирования психологических новообразований, которые при определенных условиях психологического сопровождения могут разворачиваться спонтанно. Задача специалиста при работе с семьей: создать ту оптимальную среду, которая раскрыла бы личностные возможности ребенка. Психологическая помощь, должна заключаться через постановку задачи актуализации возрастных новообразований в первую очередь личностного развития.

Еще одним условием для раскрытия возрастных новообразований, является предвосхищение и упреждение родителем тех задач, которые стоят перед развитием ребенка в ближайшем и отдаленном будущем. Для этого необходимо личностное

развитие самого взрослого - его способности позитивно перерабатывать прошлый опыт. При нарушении этого принципа происходит стагнация в развитии и инфантилизация ребенка.

V. Принцип учета семейных факторов.

Сложившаяся на сегодняшний день модель консультирования родителей детей с аномальным развитием достаточно формальна и включает в себя следующие компоненты: информирование, определение психологических проблем и их последствий, рекомендации проконсультироваться у специалистов медицинских профессий (невролог, психиатр). Фактически в рамках этой системы недостаточно учитывается личность родителей, семейная система, накопленный опыт проблем и способов их решения. Таким образом, основная функция такого сопровождения и психологической помощи – это информирование. Это информирование часто осуществляется без учета личности родителей и нередко одна и та же информация может привести к непредсказуемым результатам. В одном случае, родитель, узнав, что у его ребенка тяжелый диагноз (например, аутизм) берет на себя ответственность и принимает ряд решений по организации медицинской и психологической помощи ребенку, а другой – снимает с себя ответственность и отказывается от ребенка. Чаще мы видим циркулярный паттерн поведения, когда родитель не может принять информацию и постоянно ходит по специалистам. Циркулярный паттерн связан с тем, что личностные проблемы родителей не решаются.

Личностно-ориентированное сопровождение предполагает активное взаимодействие с родителями, выстраивание мотивации на изменение, семейные интервенции. Это учитывается, например, в рамках Адлерианской модели консультирования, которая предполагает, что родителей нужно мотивировать к принятию определенных решений в плане медицинской и психологической помощи ребенку.

Учет личности родителей и ценностей системы воспитания важный системный фактор при оказании помощи семье, воспитывающей ребенка с отклоняющимся

развитием. Он определяет воспитательные тактики и стратегии, психологические интервенции (например, в плане сепарации) и необходимость терапии, включая работу с травмой и личностными расстройствами родителей.

Разрабатывая рекомендации и производя интервенции, специалисты должны учитывать: особенности семейного уклада и стиля жизни семьи, национальные особенности семьи, семейные мифы и правила. Если рекомендации противоречат стилю жизни и особенностям семьи это усилит сопротивление и приведет к тому, что все рекомендации, которые дает специалист, будут отвергнуты, а специалисты (психологи, неврологи, психиатры) – обесценены. И часто это происходит в скрытой форме, в результате чего, и семья и ребенок не получают должного сопровождения.

Важно понимать, что принятие рекомендаций от специалиста это длительный процесс, и он требует доверительного контакта со всеми членами семьи, преодоления сопротивления, иногда конфронтации при учете и понимании особенностей семейной системы. Практика работы показывает, что может пройти несколько месяцев, прежде чем семья примет предложенные ей модели детско-родительских отношений, воспитания, и изменит стиль жизни с учетом потребностей и актуальных задач развития ребенка.

Важной задачей работы с семьей является формирование адекватного понимания и репрезентации родителями болезни ребенка и как эта болезнь встраивается в структуру семейных взаимоотношений, включая взаимодействие с расширенной семьей. У родителей, даже если им неоднократно ставили ребенку тяжелый диагноз, окончательного принятия и понимания этого диагноза нет. Психологическая работа всегда осуществляется в условиях «неопределенности», незавершенности в принятии диагноза, что влияет на установление терапевтических отношений и в ряде случаев создает «почву» для давления на специалиста, продвижения «своих» требований. В традиционном ключе для того, чтобы преодолеть эту «неопределенность», «непонимающего» родителя начинают убеждать в особой тяжести заболевания ребенка и сужении перспектив развития, что приводит к возрастанию сопротивления родителей, депрессиям и вторичной травматизации. Понятия болезни, диагноза постоянно пересматриваются родителями, и на каждом возрастном этапе складывается свое

понимание в соответствии с формирующимися психологическими новообразованиями ребенка. Личностно-ориентированный подход учитывает процессуальный характер принятия диагноза ребенка родителями, его динамичность, предполагает работу с психологическими защитами и направлен на формирование личностных смыслов, которые позволяют найти место болезни в системе жизненных координат, а не адаптироваться под нее.

Рождение больного ребенка «ломает» семейную систему. Происходит дезинтеграция, один из родителей может уйти из семьи, меняются связи в расширенной семье, родители теряют работу или берут дополнительную работу. Нагрузка на семью усиливается, и семья может по-разному реагировать на все эти процессы. Указанные проблемы формируют специальные мишени для психологической работы в рамках семейного сопровождения.

Одной из главных задач работы с семьей является восстановление супружеских отношений, которые нередко нарушаются, а взаимодействие в семье приобретает дисфункциональный характер. Как правило, отец оказывается на периферии и все внимание матери концентрируется на ребенке. Часто, находясь в семье, отец не участвует в воспитании ребенка или не принимает ребенка с отклоняющимся развитием. Работа специалистов в данном случае должна быть направлена на восстановление семейных и супружеских отношений с включением в работу и отцов, что нередко способствует улучшению ситуации в целом.

VI. Формирование родительской мотивации на изменение.

Формирование у родителей мотивации на изменение является необходимым условием для создания среды, оптимальной для развития ребенка. С другой стороны, наличие психических расстройств у ребенка мешает родителям решать их собственные проблемы и решать задачи самореализации. Эти моменты определяют специфические мишени сопровождения при работе с родителями: изменение отношения к болезни и самого понятия «болезни» и его ограничений (среда не отменяет понятия болезни).

Медицинское толкование болезни фокусируется на определении последствий и ограничений, к которому приводит болезнь. В социальном понимании фокус делается на среде, барьерах, которые создает среда, и в этом пространстве идет закладка продуктивного отношения к болезни, которое будет не ограничивать, а развивать семью. В основе личностно-ориентированного подхода к сопровождению лежит именно социальное понятие болезни, что расширяет возможности психологической работы и формирует мотивацию родителей на изменение психологического и социального статуса ребенка с отклоняющимся развитием.

Существуют различные семейные сценарии, которые предполагают наличие условной выгоды болезни ребенка и оправдания собственного бездействия, отсутствия жизненной перспективы, профессиональной нереализованности или осознание своей собственной миссии по спасению, или «жертвы» во благо развития ребенка – все эти факторы могут блокировать мотивацию к изменению и вести к стагнации в развитии ребенка, «цементированию» семейных проблем, формированию жестких границ и ригидности семейной системы. В этом случае возникает необходимость разработки особых терапевтических задач и интервенций, направленных на решение личностных проблем родителей, задач самоактуализации с выходом на изменение ситуации в отношении ребенка.

Нередко приводя ребенка на работу к специалисту, родители хотят увидеть улучшения, не понимая, что изменения психологического статуса ребенка невозможны без изменений семейной ситуации, самой позиции родителей в отношении к ребенку, реорганизации текущей модели бытовых условий жизни. Отсутствие мотивации родителей на решение или преодоление проблемы является фактором тормозящим работу специалиста и нередко нивелирующим достигнутые успехи.

В практике нашей работы был случай, когда ребенок с самого раннего возраста в течении многих лет вел «кочевой образ жизни», в течении недели он жил то с мамой, то с бабушкой и дедушкой, при этом ухаживающие лица демонстрировали противоречивые (прямо противоположные) стили воспитания. Работа с мамой была направлена на изменение текущей ситуации, создание более стабильных, безопасных и структурированных условий для ребенка, так как без изменений ее стиля жизни

эффективность помощи ребенку снижалась. И именно принятие необходимости изменений ее уклада жизни и способов взаимодействия с расширенной семьей было наиболее трудным и важным моментом в работе с данной семьей и условием повышения эффективности работы с ребенком.

Вышеуказанные принципы определяют еще один по важности не уступающий им принцип - **принцип непрерывности психологического сопровождения семьи.**

Там, где указанные принципы работы нарушаются, состояние ребенка может ухудшаться, будут нарастать явления стигматизации, затрудняя процесс социализации ребенка с ОВЗ.

Список литературы

- Рождерс К., Взгляд на психотерапию, становление человека. Пер. с англ. -М.: Издательская группа «Прогресс»,- 2001.
- Сатир В., Семейная терапия. Практическое руководство. Пер. с англ.- М.: Институт общегуманитарных исследований,- 2013.
- Туревская Р.А., Косарева Е.Н., Системный подход к исследованию симбиотических отношений в детском возрасте. - Теоретические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва 2013.- Стр 178-179.
- Уэбстер-Страттон К., Герберт М., Проблемные семьи - проблемные дети. Пер. с англ.- Екатеринбург: Изд-во: Рама Пабблишинг,- 2010.
- Эйдимиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М., Семейный диагноз и семейная психотерапия. Санкт-Петербург: Изд-во «Речь»,- 2003.

Секция 10. Психология гендерных ролей в семье

Способна ли консервативная гендерная идеология улучшить практики межличностных отношений в современной семье?

Воронцов Д.В.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Аннотация. Приписывание консервативной гендерной идеологии способности оптимизировать и улучшить качество современных семейных практик вызывает сомнения. Полученные эмпирические данные на основе опроса 239 респондентов 17-34 лет показывают, что для улучшения семейных отношений среди юношей целесообразно активно пропагандировать идеологию гендерного равенства, тогда как среди девушек необходимо проводить работу по снижению их зависимости от консервативных гендерных убеждений.

Ключевые слова: гендерная идеология, гендерные отношения, современная семья, социальные риски семьи

В последнее время консерватизм стал основополагающей концепцией государственной политики в сфере семейных отношений. Риторика возрождения «традиционного» (но более правильно с научной точки зрения – консервативного) социального порядка апеллирует к оздоровлению и улучшению практик семейной жизни на основе возврата к «естественным» образцам поведения, прав и обязанностей, которые регулируют отношения между супругами, родителями и детьми и воздействуют со стороны общества на семейные отношения. Происходит идеализация консервативной модели семейных и гендерных отношений и сведение всего многообразия функций, выполняемых семьей в современном обществе, преимущественно к репродукции. При этом упускается из виду, что «естественность» образцов поведения фактически является

социально сконструированной и исторически преходящей, соответствующей состоянию общества в определенную историческую эпоху. В разные времена, в разных обществах и в разных социальных группах в качестве «естественных» полагались нередко совершенно различные модели семейных отношений. По сути дела в основе идеологемы следования «традиции» как способа «улучшения» якобы подвергнутым «коррозии» современных практик семейных отношений лежит социальное мифотворчество, которое выступает ресурсом осмысления повседневной жизни через конструирование «золотого века» в прошлом и выстраивания перспектив на «светлое» будущее. Социальные мифы формируют для индивидов словарь символов, нормативных образцов, объяснений, образцов гендерных ролей и руководства к действию, систему оправданий и причинных зависимостей и т.д. Они образуют рамки и перспективы, которые служат основой для выстраивания индивидами собственных смыслов, убеждений и практик отношений. Идеология как раз и выступает разновидностью социальной мифологии, поскольку эта форма мировоззрения основывается на не поддающихся доказательному эмпирическому обоснованию интерпретациях социальных отношений, представлений о справедливости, исторических перспектив.

В рамках консервативной идеологии проблемы семейных отношений понимаются как результат «морального» или «духовно-нравственного» упадка общества, «отсутствия духовно-нравственного стержня» у большинства (молодых, но не только молодых) людей, или более концептуально – как результат влияния либеральной идеологии в целом, развратившей нравы людей (Кристал И., 2004). В первую очередь, упадок связывается с изменением содержания гендерной идеологии как системы идей, посредством которых объясняются, оцениваются и получают социальное оправдание гендерные различия, содержание социальных ролей и предпочтительные (нормативные) личностные качества мужчин и женщин, а также гендерная стратификация. В современном обществе существует два вида гендерной идеологии: консервативная (патриархатная, основанная на иерархии, доминирующей социальной роли нормативных мужчин и гендерном неравенстве) и эгалитарная (основанная на идее гендерного равенства). Любая идеология, и гендерная – не исключение, связана с выражением групповых интересов, обеспечением солидарности группы и обоснованием ее

социальных ожиданий. Поэтому социальная реальность интерпретируется идеологией только в интересах группы, которую она обслуживает. Отсюда вытекает возможность манипулирования сознанием людей с помощью идеологии. С помощью манипуляций, касающихся интерпретаций и подбора социальных фактов, гендерная идеология ослабляет напряженность в межличностных отношениях мужчин и женщин, связанную с диспаритетом в удовлетворении интересов, мешает людям рационально осознавать противоречие между декларируемыми ценностями и реальными характеристиками отношений, между их реальными интересами и интересами другой группы, которую обслуживает эта идеология. Гендерная идеология задает нормативные образцы маскулинности и фемининности, с которыми личность соотносит практики внутрисемейных отношений. А эти отношения, в свою очередь, формируют субъектов с определенными личностными характеристиками.

Современная российская семья обладает двойственными характеристиками, что не позволяет назвать ее однозначно консервативной или эгалитарной (Муравьева М., 2014). С одной стороны, российская семья в качестве социального института предполагает союз свободных и равных партнеров разного пола. В брачно-семейном праве запрещается дискриминация по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 1.4). Однако с другой стороны, как отмечает М. Муравьева, в законе четко не сформулирован запрет на дискриминацию по гендерному признаку, нет указания на обязательность гендерного равенства и предусмотрена возможность ограничения брачно-семейных прав и свобод граждан в целях т.н. «защиты нравственности», которая не имеет юридически точного определения. Подобного рода ограничение связывается с пониманием семьи с точки зрения камерализма, свойственного эпохе Просвещения: семья как источник роста населения, инструмент экономического роста и благосостояния государства. Камерализм основывается на строгой гендерной иерархии и неравенстве вокруг фигуры «главы» семьи. Но в то же время российская семья имеет длительный социальный опыт индивидуализации членов и функционирования на основе принципов эгалитарного партнерства, установленных в советский период. Как показывают кросс-культурные социологические исследования, на европейском фоне Россия является относительно

традиционной (консервативной) страной, но степень консервативности взглядов неодинакова для различных норм, регулирующих сферу гендерных и семейных отношений (Фабрикант М., Магун В., 2014). Система ценностных ориентаций россиян (особенно молодых) на статус и роли женщин в системе семейных отношений значительно отличаются от консервативных. Наибольшая консервативность взглядов проявляется применительно: 1) к нормам детности (необходимость детей – как для женщины, так и для мужчины), 2) признанию необходимости брака или постоянных отношений и 3) асимметричности гендерных ролей по параметру «дом-работа» (проявляется в утверждении приоритетности семейной роли женщин и убежденности в том, что большинство женщин на самом деле хотят иметь, прежде всего, дом и детей). На сходную противоречивую реальность представлений россиян о современной семье указывает и социолог НИУ ВШЭ Ж. Чернова (2014). Эта исследовательница отмечает, что в представлениях россиян об идеальной семье четко видна попытка сочетания двух противоречащих друг другу гендерных идеологий и моделей семьи. С одной стороны, это модель «сильного мужчины-кормильца», предполагающая разность и взаимодополнительность гендерных ролей. Эта модель, основанная на консервативной гендерной идеологии, постулирующей отношения неравенства и зависимости женщины. С другой стороны, это модель «слабого мужчины-кормильца», которая отражает идею равного разделения труда между мужчинами и женщинами не только в сфере занятости, но и в частной сфере, домашней работе и родительстве. Ж. Чернова также обращает внимание на разрыв между нормативными представлениями и реальными семейными практиками, который проявляется в противоречии между запросом на равное участие обоих партнеров в организации семейного быта и традиционными практиками гендерного разделения ролей. Исследовательница обращает внимание на весьма примечательное обстоятельство, сложившееся в условиях всплеска консервативной идеологии в России: эмансипация затронула преимущественно российских женщин, расширив для них репертуар возможных ролей и жизненного выбора, в то время как маскулинность осталась практически без изменений.

Важным обстоятельством выступает и то, что в официальной риторике идеология консервативной модели семьи не имеет позитивного содержания. Она определяется

преимущественно негативно через противопоставление «англосаксонской» или, говоря шире, «западной» цивилизации, в которой преобладают ценности гендерного равенства и широко понимаемых прав человека.

Описанные условия создают для семьи различные социальные риски, обуславливающие негативные последствия для ее полноценного функционирования, которые связаны с формированием конфликтного и противоречивого типа личности молодых людей в качестве партнеров семейных отношений. В данном случае под социальным риском понимается широкий спектр характеристик социальной среды, мешающих позитивному развитию явления (Воронцов Д.Б., Воронцова А.В., 2014). Для определения возможных социально-психологических рисков можно проанализировать данные о связи характеристик системы отношений личности с содержанием индивидуальной гендерной идеологии респондентов, полученные на выборке молодежи возраста поздней юности в количестве 239 человек – 126 юношей (52,7%) и 113 девушек (47,3%) в возрастном диапазоне 17–34 года (ср. возраст 20 лет, St. Err. = 0,12, St.Dev. = 1,8).

В качестве индикаторов проявления гендерной идеологии в системе отношений личности в брачно-семейной сфере выступили: 1) аттитюды в сфере сексуальности (уровень принятия доминирования и проявлений насилия, отношение к случайному сексу с одноразовыми партнерами, степень принятия концепта тесной связи секса и любви) и 2) социально-психологические характеристики личности, связанные с психологическим функционированием индивида в семье (удовлетворенность отношениями, нарциссизм, эмоциональная дистанция, эмоциональная привязанность, вовлеченность в отношения, эмоциональный накал отношений, общительность, энергичность, оценка степени собственной привлекательности). Данные были получены опросным методом с использованием следующей батареи опросников:

1. «Большая пятерка» – Пятифакторный опросник личности в модификации Л. Гольдберг.

2. Опросник К. Бартоломью и Л. Горовица для измерения стиля эмоциональной привязанности в межличностных отношениях.

3. Опросник по измерению качества отношений Г. Флетчер, Дж. Симпсон и Дж. Тома.

4. Шкала полоролевой идеологии Р. Калина и П. Тилби.

5. Опросник Ф. Пратто по измерению ориентации на социальное доминирование.

Анализ данных и оценка достоверности выводов осуществлялись с помощью проверки однородности распределения показателей по t-критерию для одной переменной, оценки правдивости ответов по критерию серийности Z, определения связей по критерию Хи-квадрат и коэффициенту линейной корреляции Пирсона.

В представлениях, отражающих индивидуальную гендерную идеологию респондентов, обнаружено эклектичное соединение консервативных и эгалитарных элементов. У всех респондентов независимо от пола отмечается высокий уровень принятия как идеи целесообразности мужского доминирования, свойственного консервативному полюсу, так и идеи гендерного равенства (Рис. 1).

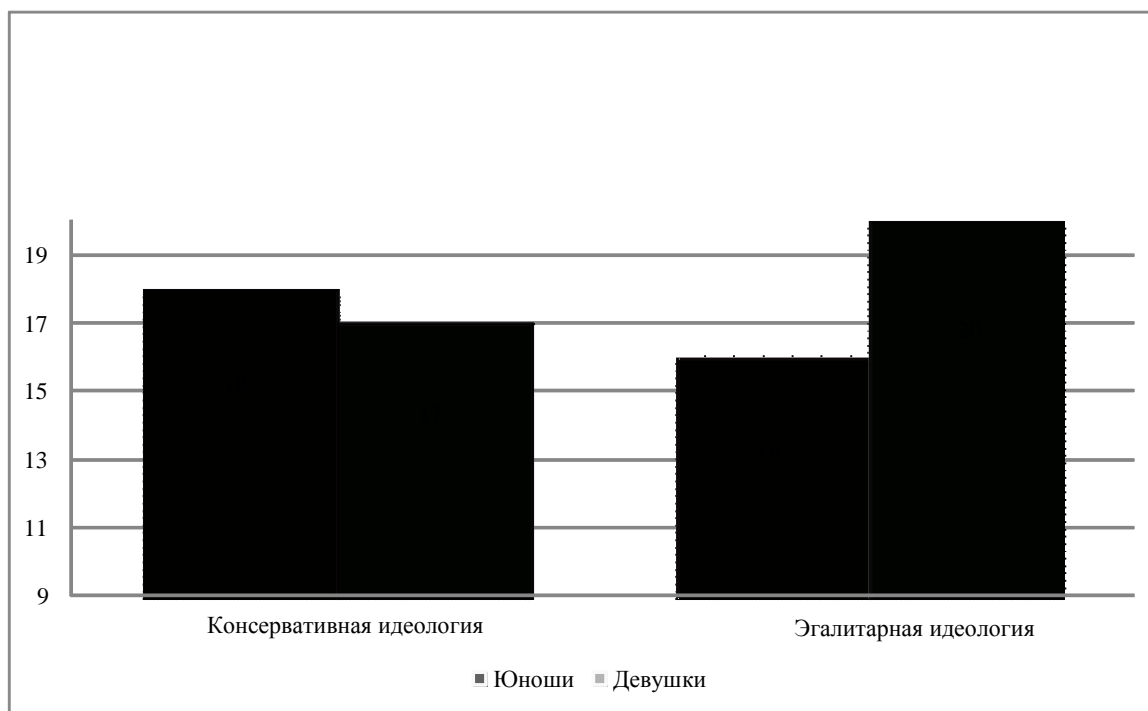

Рисунок 1. Выраженность консервативного и эгалитарного полюсов гендерной идеологии у респондентов (в баллах)

Квартилирование собранных по опроснику гендерной идеологии данных обнаружило, что у респондентов отсутствует явно выраженное неприятие утверждений, характерных для противоположных полюсов: они в равной степени соглашаются с прямо противоположными утверждениями. Однако юноши при меньшем разбросе взглядов демонстрируют тяготение к консервативному полюсу гендерных убеждений (Хи-квадрат для консервативной идеологии составляет 51,3, $df=16$ при критическом значении 34,27, $Asymp. Sig = 0,000$; Хи-квадрат для эгалитарной идеологии составляет 40,3, $df=18$ при критическом значении 37,15, $Asymp. Sig = 0,002$). Тогда как девушки при таком же высоком уровне принятия консервативного полюса гендерных взглядов имеют больший диапазон разброса предпочтений и тяготеют к эгалитарному (Хи-квадрат для консервативной идеологии составляет 87,1, $df=16$ при критическом значении 38,58, $Asymp. Sig = 0,000$; Хи-квадрат для эгалитарной идеологии составляет 58,0, $df=17$ при критическом значении 35,72, $Asymp. Sig = 0,002$).

Противоречивая на индивидуальном уровне гендерная идеология служит отражением той ситуации, когда доминирующая в публичной сфере консервативная идеология, активно транслируемая государственными институтами, противоречит повседневным практикам гендерных отношений и социальным ожиданиям людей в сфере межличностных отношений. При этом наиболее выражена противоречивость системы представлений у женщин. Корреляционный анализ предпочтений определенной идеологии и уровня эмоционального благополучия показывает, что для женщин характерна следующая тенденция: чем выше уровень принятия респондентками эгалитарной гендерной идеологии, тем в большей степени у них выражен эмоциональный дискомфорт, связанный с неудовлетворенностью собой, своим положением в системе отношений и недоверием к окружающим ($r=0,199$, $p=0.05$). Другими словами, эгалитарная гендерная идеология вызывает у девушек внутренний конфликт и эмоциональный дисбаланс в условиях доминирования в публичном пространстве консервативной идеологии. В целом по выборке эгалитарная гендерная идеология коррелирует с меньшей склонностью респондентов к принятию идей социального доминирования ($r=-0,140$, $p=0.05$).

Консервативная гендерная идеология у юношей сочетается со значимо невыраженным отношением к девушкам как равноправным партнерам по социальному взаимодействию (Kolmogorov-Smirnov $Z = 2,875$ при Asymp. Sig =0,000), что контрастирует с гендерными убеждениями и, соответственно, ожиданиями самих девушек. Подобная идеология имплицитно содержит вероятность конфликта интересов в рамках семейной жизни, причины которого кроются отнюдь не в пресловутых «сущностных» различиях мужчин и женщин, а как раз в несовпадении ценностных ориентаций и заведомо дискриминационном отношении, позволяющем выстраивать идеологически интерпретированное неравенство статусов семейных партнеров.

В группе юношей было обнаружено большое число корреляций между личностными чертами и эгалитарной гендерной идеологией. С эгалитарными взглядами на гендерные отношения у юношей оказались связаны такие важные для семейных отношений черты, как снисходительность и умение прощать ($r=0,207$, $p=0,05$), доверие партнеру ($r=0,218$, $p=0,05$), меньшая напористость ($r=-0,176$, $p=0,05$) и меньше стремление диктовать свои условия в совместном решении задач ($r=-0,225$, $p=0,01$) – оба эти качества сочетаются с большей автономностью и свободой в отношениях с партнером ($r=0,173$, $p=0,05$), а также невозмутимостью и миролюбием ($r=0,222$, $p=0,01$). В то же самое время консервативная гендерная идеология у юношей отрицательно коррелирует с невозмутимостью и миролюбием ($r=-0,197$, $p=0,05$). И эта связь (в сочетании с общей для выборки тенденцией к доминированию юношей по отношению к девушкам) представляет опасность выстраивания диспаритетных, конфликтных семейных отношений.

В группе девушек были обнаружены сбалансированные связи личностных характеристик между консервативной и эгалитарной гендерной идеологией. С эгалитарной гендерной идеологией оказались связаны отдельные черты, отражающие: а) склонность к предпочтительному учету во взаимодействии с другими людьми собственных интересов ($r=-0,192$, $p=0,05$), б) меньшую болтливость ($r=-0,160$, $p=0,05$) и в) повышенную критичность к результативности своих действий ($r=0,193$, $p=0,05$). Тогда как у консервативной гендерной идеологии обнаружены связи с напористостью девушек в отношениях ($r=0,244$, $p=0,01$) и избыточным перфекционизмом, который проявляется в

стремлении делать работу как можно более добросовестно и основательно ($r=0,361$, $p=0,01$), чтобы избежать негативных оценок со стороны ближайшего окружения.

С различиями в уровнях выраженности консервативного и эгалитарного полюсов гендерной идеологии у юношей и девушек можно сопоставить ряд социально-психологических характеристик, проявляемых в гендерных и сексуальных отношениях респондентов. У юношей отмечается низкий уровень привязанности в сексуальных отношениях, их характеризует эмоциональная отстраненность, самодостаточность, дискомфорт в случае проявления эмоциональной привязанности со стороны партнерши, предпочтение свободных отношений. Эта характеристика сочетается с высоким уровнем принятия (7 баллов из 9) утверждения о том, что секс без любви является вполне нормальным явлением, ориентированным на получение простого плотского удовольствия, умеренными оценками (5 из 9 баллов) уровня душевного комфорта в случайных половых связях с разными партнерами и необходимости иметь эмоциональную близость с половым партнером (из опросника социосексуальных установок). Юноши больше ориентируются на внутренний локус контроля в сексуальных отношениях, предпочитая позицию активного субъекта, который самостоятельно принимает решения, проявляет инициативу и управляет действиями партнерши для достижения собственных целей. По опроснику Большая пятерка личностных факторов у респондентов-юношей отмечается высокий уровень принятия других (но, судя по данным других опросников, ограниченный рамками идеологических совпадений во взглядах) и открытости новому опыту (идеям, интересам). Средний уровень выраженности нарциссизма (16 баллов при макс. = 40), что отвечает нормальному уровню любви к себе.

У девушек, напротив, такому параметру сексуальных отношений, как эмоциональная привязанность отмечается средний уровень выраженности (4 балла по 7-балльной шкале Лайкерта), тогда как по удовлетворенности, вовлеченности, близости, страсти и влюбленности – высокий уровень (6 баллов по 7-балльной шкале Лайкерта). Эти особенности сексуальных отношений у девушек сочетаются с умеренным принятием (4,5 балла из 9) утверждения о том, что секс без любви является вполне нормальным явлением, ориентированным на получение простого плотского

удовольствия, низким уровнем ощущения душевного комфорта и удовольствия от секса со случайными разнообразными половыми партнерами (3 балла из 9) и высокой потребности иметь эмоциональную близость с половым партнером (7,5 баллов из 9). Девушки также ориентируются на внутренний локус контроля в сексуальных отношениях, предпочитая позицию активного субъекта, который самостоятельно принимает решения, проявляет инициативу и управляет действиями партнера для достижения собственных целей. Однако эту ориентированность на внутренний локус девушкам необходимо согласовывать с большей патриархатностью взглядов юношей, что находит отражение в противоречивом сочетании феминистских взглядов с эмоциональным дискомфортом от социального окружения ($r=-0,199$, $p=0.05$). Кроме того, этот вывод подтверждается обнаруженными значимыми отрицательными корреляциями между усилением внутреннего локуса контроля в сексуальных отношениях и степенью удовлетворенности текущими сексуальными отношениями ($r=-0,262$, $p=0.05$), вовлеченности в сексуальные отношения ($r=-0,310$, $p=0.01$), уровнем близости в этих отношениях ($r=-0,382$, $p=0.01$), уровнем доверия ($r=-0,245$, $p=0.05$), страстности ($r=-0,327$, $p=0.01$) и влюбленности в актуального партнера ($r=-0,271$, $p=0.05$) – т.е. по всем значимым параметрам сексуальных отношений девушки с высоким уровнем внутреннего контроля ощущают неудовлетворенность имеющимися отношениями с партнерами мужского пола. По опроснику Большая пятерка личностных факторов у респондентов-девушек также отмечается высокий уровень принятия других и средний уровень выраженности нарциссизма (16 баллов при макс. = 40), что отвечает нормальному уровню любви к себе.

У юношей выявлена сильная положительная корреляция между консервативными гендерными взглядами и оправданием целесообразности сексуального насилия над женщинами ($r=0.219$ $p=0.01$), а также умеренная корреляция между принятием установок на социальное доминирование и проявлением насилия в отношении женщин для склонения их к сексу ($r=0.199$ $p=0.05$). Также установлена умеренная связь между взглядами на секс как средство получения удовольствия и стремлением к эксплуатации других в своих интересах ($r=0.186$ $p=0.05$), а также с анонимным одноразовым сексом ($r=0.190$ $p=0.05$). Что в сочетании с консервативной гендерной идеологией может

повышать социальную и психологическую уязвимость женщин в гетеросексуальных отношениях именно в силу социальных установок, свойственных мужчинам. В то же время у юношей была выявлена и сильная корреляция между эгалитарными гендерными взглядами и резко выраженным отрицанием идей сексуального насилия над женщинами ($r=0.227$ $p=0.01$).

У девушек так же, как и у юношей, выявлена сильная положительная корреляция между консервативными взглядами в рамках разделяемой гендерной идеологии и оправданием целесообразности сексуального насилия над женщинами ($r=0.251$ $p=0.01$). Однако уровень приверженности эгалитарным гендерным взглядам оказался никак не связанным с установками девушек по отношению к сексуальному насилию. Поэтому если для юношей важным фактором коррекции установок на сексуальное насилие является пропаганда идей гендерного равенства, то для девушек ключевым фактором является борьба с консервативными гендерными установками.

Выводы.

Полученные данные дают основание полагать, что консервативная гендерная идеология далеко не так однозначно позитивно сказывается на личности и характере гендерных отношений юношей и девушек. Консервативная гендерная идеология подталкивает девушек к нормативному оправданию сексуального насилия и доминирования мужчин. Ценность мужского доминирования сочетается с оправданием целесообразности эксплуатации других в своих интересах (в т.ч. сексуальной эксплуатации). Обнаружено, что оправдание девушками сексуального насилия над женщинами значимо коррелирует с консервативными гендерными взглядами, однако, уровень приверженности респонденток эгалитарной гендерной идеологии оказался никак не связан с их отношением к проявлениям любых форм насилия в сексуальных отношениях. Приверженность же эгалитарной гендерной идеологии среди юношей коррелирует с неприятием идей сексуального насилия над женщинами и эксплуатации. Таким образом, из полученных данных можно увидеть практическую целесообразность пропаганды эгалитарных гендерных взглядов среди юношей как фактора, управляющего гендерным поведением мужчин и снижающим социальную и психологическую уязвимость женщин в межличностных отношениях. Среди девушек, напротив,

целесообразно проводить работу по снижению уровня влияния на их представления консервативной гендерной идеологии. Именно такая двунаправленная работа: с юношами – развитие эгалитанных гендерных взглядов, а с девушками – борьба с консервативными гендерными установками – позволит действительно улучшить в психологическом плане реализуемые молодыми людьми практики семейных отношений.

Список литературы

Воронцов Д.Б., Воронцова А.В. Социальные риски, влияющие на современную семью // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 45. С. 35-40.

Кристал И. Неоконсервативное убеждение // Логос. 2004. № 45. С. 170-174.

Муравьева М. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Том 12. № 4. С. 625-638.

Фабрикант М., Магун В. Семейные ценности россиян и европейцев // Demoscope Weekly. 2014. № 613–614. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php>, свободный (дата обращения 24.08.2015).

Чернова Ж. Множественное равновесие // Полит.ру, 13 февраля 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2014/02/13/family/>, свободный (дата обращения 24.08.2015).

Психологические особенности гендерных отношений в кыргызской семье

Жолдошева А.О.

Ошский государственный университет, Киргизия

akchach@mail.ru

Историко-правовой анализ обычного права кыргызов позволяет более глубоко изучить различные аспекты в области брачно-семейных отношений кыргызов. Институты кыргызского права, регулирующие брачно-семейные отношения, отражали дух и мировоззренческие аспекты народной жизни. В ходе изучения данных институтов права отдельные авторы стремились показать результат социалистического пути раскрепощения женщин Кыргызстана. Отсюда вытекал и круг исследуемых ими вопросов: бесправное дореволюционное положение кыргызки, калым - вредный пережиток общества, бесправное положение вдовы в кыргызском обществе, первые декреты Советской власти по раскрепощению женщины и т.д. Пристальное внимание именно к этим темам было обусловлено не только идеологической установкой, но и требованием Коммунистической партии с целью политико-просветительской, пропагандистской работы в массах через литературу советского времени. Именно поэтому идеология социализма на долгие годы утвердила догматизм и однобокость в исследовании женского вопроса, закрыв многие перспективные направления в изучении социального и правового положения женщин Кыргызстана и Центральной Азии.

В настоящее время рассмотрение социальной сущности основных брачно-семейных институтов кыргызского права позволит выявить ряд ценностных ориентации, гуманистических начал, получивших свое определенное выражение и правовое закрепление в нормах обычного права. Не соглашаясь с классовым подходом при оценке таких институтов кыргызского общества как калым, аменгерство, многоженство, ашар и др., воспринимавшихся как инструмент эксплуатации низших классов высшими, уместно привести мнение Э.А. Баллера, который считал, что «было бы неверно

утверждать, что духовная культура, служащая господствующим классам, по своей идейной сущности и практической направленности всегда реакционная».⁹ В действительности, приведенные институты закрепляли коллективную взаимопомощь, где права человека защищались всем родом, который нес ответственность за нарушение прав его членов. В кочевом обществе община являлась гарантом существования, жизни и сохранности имущества каждого лица, поэтому именно родовая община выступала основным субъектом владения, гарантирующим безопасность, гражданские и экономические интересы своих членов. Таким образом, правильным представляется вывод о том, что доминирующим фактором кочевой цивилизации кыргызского общества являлся закон патронимии. Закон патронимии имел экономико-правовой аспект, потому что именно в системе патронимических отношений поднимался вопрос о собственности. Патронимия определяла объем прав и обязанностей каждого субъекта кочевого общества, где главным являлся принцип соподчиненности, а основой становления выступала частно-семейная собственность. Однако в основе патронимии лежало не насилие над людьми, а общий хозяйственный интерес, необходимость совместной защиты имущественных прав. Таким образом, именно в патронимии человек находил защиту и помощь. Патронимия гарантировала важную роль в социализации личности, жизнеобеспечение не отдельному человеку, а семье в целом. Данный принцип особенно строго соблюдался в семейно-брачных, имущественных отношениях, а также лежал в основе формирующегося государственного права кыргызов. Обращаясь к истокам возникновения институтов обычного права кыргызов, регулировавших брачно-семейные отношения, отметим, что многие из них: брак с уплатой калыма, аменгерство, многоженство являлись обычаями, существовавшими не только в странах Древнего Востока, но и в древнем Риме, в странах Западной Европы. Например, согласно семейному праву основного кодифицированного источника стран Древнего Востока - Законах Ману, Артхашастрой различалось несколько форм заключения брака, среди которых брак с выкупом жены. Помимо этого, Законы Ману

⁹ Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. М. 1987, 68 с.

предписывали вдове становиться женой деверя, а мужу, потерявшему жену, жениться на ее сестре.

Мужчине в Древней Греции разрешалось иметь две жены. Законы XII таблиц, устанавливали брак с покупкой женщины в форме манципации.¹⁰ Древние обычаи германцев также допускали установление брака покупкой »жены. Институт полигамии выступал в качестве одного из древних обычаев, существовавших у многих народов (славян, тюрков, монголов, персов, китайцев и др.). Аналогичного мнения придерживается и Н.Д. Нуртазина, считающая, что обычай уплаты калыма за невесту существовал у арабов и других народов Востока до возникновения ислама, который в последующем был канонизирован и в конечном итоге получил отражение в Коране «калым, - утверждает она, - не имеет реального отношения к исламу. Он является всего лишь национальным, доисламским обычаем».¹¹

Основными факторами возникновения рассматриваемых обычаев и традиций кыргызского народа явились: необходимость регулирования имущественных отношений, связанных с браком; необходимость обеспечения монолитности и сохранения рода; защита интересов общины путем сохранения родовой собственности. Именно эти факторы и привнесли определенное своеобразие в процесс нормативного регулирования семейно-брачных институтов кыргызского обычного права. Подробный анализ социальной сущности каждого института в регулировании семейно-бытовых отношений позволит установить правовое положение и социальный статус женщин Кыргызстана рассматриваемого периода в обществе и семье.

Рассматривая семейно-родственные и имущественные отношения в контексте заключения калымного брака, заметим, что брак у кыргызов считался юридически состоявшимся лишь после уплаты калыма - вознаграждения, выкупа за невесту. Многие ученые советского периода, рассматривая данный институт права ошибочно полагая что женщина выступала в качестве объекта купли-продажи. «Фактически мусульманский брак является актом купли-продажи, т.е. мужчина за определенный выкуп приобретает себе жену», - пишет М.В. Вагабов. Аналогичного мнения придерживается и

¹⁰ Черниловский М. Всеобщая история государства и права. М. 2002. С.53.

¹¹ Нуртазина Н.Д. Введение в теорию гендера. Алматы, 1998, с.22.

современный ученый в области юриспруденции А.Х. Мухтарова, утверждая, что «многие казахи на своих подруг жизни смотрели как на вещь или скотину, которую можно купить, а в случае надобности - продать. Такое отношение казахов к своим женам являлось неизбежным последствием платежа калыма, уплачиваемого женихом за свою невесту».¹²

Однобокость при изучении данного института обычного кыргызского права привела к укоренению ошибочного мнения относительно социального статуса женщин, а также их правового положения в рассматриваемом периоде. В действительности основной причиной возникновения и широкого распространения брака с уплатой калыма явилась острая необходимость в урегулировании имущественных отношений, связанных с заключением брака. Здесь следует исходить из того, что свадебные празднества кыргызов выделялись, особой пышностью, в них принимало участие несколько аулов. Предположительно аул включал в себя 10-15 семейств, совместно кочующих в составе своего отделения, рода. Естественно, что в данных условиях, расходы для обеспечения свадебного торжества не могла понести одна сторона. Поэтому в первую очередь обычай уплаты калыма у кочевников служил защитой экономических интересов отдельного хозяйствующего субъекта (семьи) через объединение родов жениха и невесты и координирование всех действий путем обеспечения баланса их интересов. Согласно обычаю каждая сторона знала, какую долю скота и имущества и на какой стадии брачного обычая им следует предоставить. Так, скот, выплачиваемый в качестве калыма, впоследствии возвращался в виде приданного невесты и расходов, потраченных на организацию и проведение свадебного застолья. Кроме того, скот и имущество новой семьи складывалось частью из стада жениха, предназначенного ему в результате выдела, а также определенной части имущества, включая скот невесты как приданое. Приданое обеспечивало равноценность прав и обязанностей супругов, которое юридически подтверждало равноправие женщины и мужчины.

У народов Средней Азии и Кыргызстана размер калыма часто соответствовал либо не уступал размерам приданого, с которым невеста приходила в дом жениха. «Получив

¹² Мухтарова А.К. Права женщин Казахстана: история и современность // Право и государство. 2002, №3, с. 23.

калым, - писали В. Наливкин и М. Наливкина, - родители невесты обязуются соразмерно количеству последнего снабдить дочь при отправке ее к мужу».¹³ Кисляков по поводу уплаты калыма у казахов отмечал следующее: «О приданом предъявлять претензии отцу не полагается. Правда, если разница между калымом и приданым окажется крайне велика, тогда зять рассказывает всем про такой дурной поступок тестя, стыдит, а подчас жалуется и старшим - биям, а они заставляют тестя прибавить немного».¹⁴

Такое понимание калыма приводит к необходимости изучения вопроса соотношения размера и состава калыма и приданого. Из сведений архивных материалов были установлены следующие размеры калыма: по утверждению А. Девшина у бедных он состоял из 5-6 и менее овец, у богатых доходил до 200 лошадей и 1000 овец с прибавлением разного рода имущества. В материалах по обычному казахскому праву, опубликованных военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзеким в 1871 году, дается определение калыма как оговариваемое сторонами количество скота, оплачиваемого женихом родителям невесты, величина которого соразмеряется с его состоянием.

В качестве приданого обязательно шла юрта, одежда и наряд. Приданое готовили заранее и по уплате калыма родители невесты были обязаны выдать ее жениху немедленно с приданым, состоящим из кибитки (отау), верблюда или верховой лошади и другого скота, головного убора невесты (саукеле), постели с разным прибором (тусек-орын) и сундука с различной одеждою и другими вещами (жасау). Нередко приданое состояло из нескольких голов лошадей либо верблюдов навьюченных коврами, перстнями, серебряными приборами, халатами, шубами, постельными принадлежностями и прочей домашней утварью.¹⁵

Кроме калыма существовали и другие всевозможные виды расходов, которые выдавались в качестве подарков как со стороны жениха так и со стороны невесты. Ф.Д. Люшкевич по этому поводу в статье «Традиции межремейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии» приходит к выводу, что затраты и подарки

¹³ Наливкин В. И Наливкина М. указ. соч., с.129.

¹⁴ Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 71.

стороне невесты отчасти компенсируются ответными подарками стороне жениха: «Родители невесты каждый раз одаривают различными комплектами одежды родителей жениха, его братьев и сестер, бабушек по отцу и матери, других близких родственников».¹⁶ Как правило, такие подарки складывались из товаров, составляющих различный инвентарь, ткани, комплекты одежды, предметы роскоши. Существование подобного товарообмена, объяснялся слабым развитием товарно-рыночных отношений, отсутствием недвижимого имущества, малопривлекательностью монетаризма в условиях степи. В условиях кочевого образа жизни у казахов практически отсутствовали базары, меновые дворы, посредством которых они имели бы возможность осуществлять покупку различного рода домашнего инвентаря. А обычай сватовства представлялся наиболее подходящим для осуществления такого рода обмена. Оттого и подарки по мере возможности представлялись равноценными. Кроме того, для молодой семьи предметы домашней утвари являлись необходимыми, а те, что взаимно предоставлялись сторонами, отличались большой ценностью. Заметим, что такого рода подарки не причисляли к калыму. Так, по мнению М.В. Вагабова: «деньги, продукты, расходуемые во время свадьбы, а также персональные подарки невесте и близким родственникам, если в основе всего этого не лежал принцип экономического расчета, стяжательства нельзя свести в прямом смысле слова к калыму, даже в тех случаях, когда их сумма достигала внушительных размеров».¹⁷

Таким образом, калым и приданое среди различных социальных групп кыргызского населения были разными как по размерам, так и по составу. Однако в большинстве случаев, размер калыма соответствовал размеру приданого, а объем затрат на устройство свадьбы со стороны жениха, соответствовал стоимости части приданого, выделяемого отцом невесты. Кроме того, многочисленные взаимные подарки сторон не причисляемые к калыму, являлись необходимым и, как правило, равноценным товарообменом. К этому следует добавить, что приданое в отличие от калыма, всегда считалось собственностью женщины и в случае ее смерти полностью или частично возвращалось родителям.

¹⁵ Мукамбаева Г.А. Манас и право. Бишкек, 2003,с. 243.

¹⁶ Люшкевич Ф.Д. Традиции межсемейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии.// Советская этнография. 1989. № 4. С.17.

Тем не менее, бытовало мнение, что уплата калыма представляла для мужчин из бедных семей, серьезную проблему. В результате отсутствия материальной возможности уплатить калым в полном объеме многие мужчины до 30-40 лет не могли создать семью или создавали семьи в более преклонном возрасте. Однако данное положение не совсем верно, поскольку заключение брака в первую очередь регулировалось публичным правом, межродовой политикой, основываясь на стремлении общества укрепить позиции рода в целом. Основным моментом государственной организации кочевников-скотоводов являлся, как нами было упомянуто ранее, принцип патронимии, базирующийся на системе родства. Верховное право собственности оставалось за всей общиной, на практике широко применялся принцип защиты общих интересов, а именно коллективная ответственность за действия членов рода. Например, если семья жениха не могла в силу бедности оплатить полный калым семье невесты из другого аула, то община оказывала ему необходимую помощь. Широкое распространение имела и такая форма уплаты выкупа, как отработка у отца невесты. «Если юноша, - пишет Н.А. Кисляков, - желал жениться и не имел возможности уплатить калым, а отцу его невесты требовались рабочие руки, то между ними заключалось условие, по которому жених шел работать к будущему тестю бесплатно, после чего он в вознаграждение за свой труд получал жену». Во избежание уплаты выкупа малоимущее население прибегало к заключению так называемых встречных браков: «если кто-либо отдаст свою сестру или дочь в жены другому с таким условием, чтобы тот за это отдал ему в жены свою сестру или дочь, так что один брачный договор будет как бы в уплату за другой, то оба эти договора имеют законную силу».¹⁸

Альтернативой браку с уплатой калыма выступал брак с похищением невесты. Предпосылкой возникновения данного обычая выступала неспособность жениха выплатить калым в полном объеме. Однако обычай умыкания невесты у кыргызского народа резко отличался от того же обычая, присущего другим восточным народам. Во-первых, обычай кражи невесты у кыргызов был тесно связан с традицией сватовства. Так, заключение брака нередко заканчивалось кражей невесты и наоборот, кража

¹⁷ Вагабов М.В. указ.соч. с.34.

¹⁸ Хидая. Ташкент. 1893, с.147.

невесты заканчивалась сватовством с частичной уплатой калыма. Во-вторых, в большинстве случаев кража невесты состоялась по обоюдному согласию молодых, а не путем применения насильственных методов, отчего и родители, убедившись, что дочь ушла по своей воле, в большинстве случаев, не препятствовали браку. В-третьих, похищение невесты не являлось уголовно наказуемым деянием, а относилось к области гражданского права, а такой брак при соблюдении определенных правил приобретал черты полной правоспособности.

С правовой точки зрения женщина в казахском обществе не могла выступать в качестве предмета сделки, так как по общему правилу данный факт должен был изначально предполагать допущение у кыргызов совершение сделок, предметом которого выступал бы человек вообще. Кыргызский народ не знал рабства в классическом его проявлении. В отличие от стран Арабского Востока, а также в силу кочевого образа жизни кыргызы не знали гаремов и наложниц, тюрем и зинданов. Кроме того, женщина у кыргызов пользовалась свободой, имела право по своему усмотрению распоряжаться своим приданым, получать долю в наследственном имуществе, поднимать в установленных случаях вопрос о разводе. Встречались женщины, как правило, это были старшие жены - байбиче, которые в связи с длительным отсутствием мужа, брали на себя ответственность самостоятельно управлять аилами. Им оказывалось особое уважение и неременное послушание со стороны членов всей родовой общины. По. этому поводу А.К. Мухтарова отмечает, что в отсутствии мужа «фактической хозяйкой дома оставалась его жена, и она управляла всем по своему усмотрению, низводя мужа до степени номинального хозяина и главы семейства».

О равноправии мужчин и женщин в кыргызском обществе высказывается и А.С. Ибраева: «В кочевом обществе ни мужчина, ни женщина не считались в чем-то ниже или хуже. Женщинам оказывалось больше почтения, чем где-либо...».¹⁹ А умная и способная девушка у кыргызов и казахов всегда представляла особую гордость для родителей, отец и родственники считали физическое наказание девочки недопустимым. Соответственно, выдавая дочь замуж, родители лишались не только ласки, ухода с ее стороны, но вместе с тем и трудоспособного члена семьи. Калым в данном случае выступал как дань

уважения родителям, вырастившим и воспитавшим дочь в атмосфере любви и уважения к взрослому поколению. Этим жестом сторона жениха выражала признательность близким родственникам невесты за согласие выдать ее замуж, в надежде, что та в свою очередь подарит им нового члена семьи, который, прославит и приумножит их род. Главное предназначение девушки заключалось в продолжении рода, причем рода не своего, а мужа. Эти и другие факты служили верным доказательством того, что кыргызы не допускали грубость и насилие, а также несправедливого отношения к женщине.

Социальная природа брака с уплатой калыма дает основание полагать, что имущество, уплаченное за невесту, выступало в какой-то мере залогом стабильности и устойчивости брака. Другими словами, брак скрепляли не только отношения между семьями и родами, но и имущественные обязательства, которые могли быть исполнены полностью сразу после сватовства, либо в рассрочку. И только после полной уплаты калыма, в аиле невесты совершалось бракосочетание.

Таким образом, внимательно изучив институт брака с уплатой калыма, можно утверждать, что калым, не являлся сделкой купли-продажи женщины, а представлял собой способ регулирования межродовых имущественных отношений при формировании новой семьи. Брак у кыргызов играл роль своеобразного правового и социального регулятора. Специфика степного права проявлялась в том, что защищала экономические интересы каждого члена общества, в том числе и женщин. Одной из главных особенностей данного обычая состояло в том, что все его элементы являлись взаимозависимы. Как отмечалось выше, определенная часть калыма предназначалась для покрытия многочисленных расходов, возникавших в ходе свадебного торжества, а также расходов, связанных с обзаведением новобрачных имуществом. По сути, жених также принимал участие в установлении размера приданого невесты, которое в большинстве случаев зависело от размера получаемого за нее калыма. В свою очередь, калым через приданое невесты являлся опосредованным вкладом семьи жениха в совместную собственность супругов. Из средств калыма сторона невесты оплачивала свадебное торжество, комплектовало приданое невесте, калым выступал гарантом имущественной

¹⁹ Ибраева А.С. указ.соч. с. 29.

независимости женщины при наступлении негативных для нее последствий в браке.

Нельзя забывать и то, что брак с уплатой калыма был обусловлен особенностями трудной кочевой и полукочевой жизни кыргызского народа, являясь при необходимости материальной поддержкой продолжателей рода, потомков.

Характерным для семейно-брачного права кыргызов является и другой институт, вошедший в научную терминологию как аменгерство. Обычай требовал, чтобы вдова по истечении года после проведения поминок обязана была выйти замуж за одного из братьев умершего, как прямого его наследника. В качестве аменгера могли выступать и иные родственники умершего мужа. Однако право на первоочередность аменгерства определялась степенью близости родства мужчин к покойному. Так, первоочередное право взять вдову в жены принадлежало старшему из братьев, однако если сама вдова предпочитала младшего, ему предоставлялось право взять ее в жены вместе с детьми и всем имуществом покойного, а обойденному старшему предоставлялся сравнительно небольшой выкуп как выражение своей признательности и уважения.

В литературе советского периода отмечалось, что кыргызы смотрели на вдову как на имущество, которым могли распоряжаться родственники покойного, допуская в отдельных случаях передачу этого права и более отдаленным сородичам. Данная позиция разделялась рядом ученых, высказывающих мнение относительно несправедливого положения женщин, наиболее ярко отразившееся в институте аменгерства. Для усиления этого утверждения советские идеологи провозгласили рассматриваемый институт кыргызского права вредным пережитком прошлого, признаком невежества и отсталости, сохранившимся у кыргызов с феодальных времен.

Основываясь на исторических фактах, позволим себе усомниться в непоколебимости мнений авторов, придерживающихся вышеизложенной позиции. Институт аменгерства, существовавший у кыргызского народа с древности объяснялся несколькими причинами. Основная причина обусловлена стремлением народа сохранить род. Действительно, раскрывая социально-общественную значимость института аменгерства, следует признать, что одно из главных достоинств обычая, заключалось в проявлении попытки сохранить целостность семьи в случае смерти одного из братьев, чтобы дети не оставались сиротами, а женщины - вдовами, в недопущении разрыва

родственных уз, позволявших возрождаться вымирающим семьям. Существующий обычай являлся выражением ментальности степного народа, находящегося под угрозой истребления, борьбой его за свое существование, что требовало более полной реализации принципа единства, сплоченности и взаимопомощи родственников. Данная идея весьма точно подчеркнута известным ученым в области мусульманского права С. Узбекулы, считавшего, что жесткие условия жизни казахов в первую очередь были обусловлены суровым климатом, разобщенностью кочевого хозяйства, а также господством патриархально-феодалных отношений. В силу этого, без взаимопомощи и поддержки членов аульной общины функционирование кочевого общества было бы просто невозможным. В этой связи примечателен тот факт, что человек у кыргызов был прочно консолидирован и неотъемлем от своего рода, что характерно и для института аменгерства. Так, например, следует учитывать, что родовая принадлежность детей умершего родственника считалась важным моментом права кочевой цивилизации, так как именно из их числа, в конечном счете, и состояло родовое общество, именно они делали род более сильным, богатым и влиятельным. Для этого было крайне необходимо, чтобы молодая вдова оставалась со своими несовершеннолетними детьми, хозяйством и имуществом среди родственников мужа. В силу этих обстоятельств, близкие родственники умершего старались воспользоваться правом левирата. Левират делал семью покойного объектом собственности родственников мужа и рода, однако это относится, прежде всего, только к имуществу. Сама вдова теоретически сохраняла свободу выбора нового мужа как внутри рода покойного мужа, так и вне него, так как продолжала оставаться объектом опеки со стороны родственников прежнего рода. Взамен общинно-родовая организация предоставляла отдельному семейному хозяйству родственную взаимопомощь, защиту жизни и имущества, гарантии от разорения.

Гендерная идентичность супругов и особенности функционирования семьи

Садовникова Т.Ю., Суворова Е.М.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

tatsadov@yandex.ru, suvorova@restavracia.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению гендерной идентичности супругов, а также изучению связи соотношения типа гендерной идентичности супругов с особенностями функционирования семейной системы (системная модель МакМастерса). Для выявления мужской и женской гендерной идентичности использован модифицированный вариант методики С.Бем, адаптированный в соответствии со структурной трехкомпонентной моделью гендерной идентичности: Я («реальный» гендер) – «идеальный» гендер – «нормативный» гендер. В исследовании приняли участие 36 супружеских пар (72 чел.) в возрасте от 25 до 54 лет

Ключевые понятия: гендер, гендерная идентичность, системный подход, семьи, гендерная комплементарность.

Современный мир - это мир информационный, медийный, мир с множеством вариантов идентификации и самореализации. Мир с большой степенью социальной неопределенности (Белинская Е.П., 2002, 2004; Подольский А.И., Карабанова О.А., Идобаева О.А., Хейманс П., 2011). Поиск, утверждение своей идентичности (Э.Эриксон) является одной из центральных проблем развития личности во второй половине XX века – начале XXI века (Асмолов А.Г., 2001; Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2001). Эпоха глобализации воздействует и на современное российское общество. Утрата обществом единой системы ценностей, высокая степень стратификации, миграционные процессы, экономические и политические кризисы постсоветской эпохи на территории бывшего СССР, безусловно, оказывают значительное влияние на становление личности молодого человека (Журавлева Н.А., 2006; Дубовская Е.М., 2014; Солдатова Г.У., 2011).

Формирование полоролевой идентичности осуществляется на протяжении всей жизни человека (Ильин Е.П., 2010; Перегудина В.А., 2011; Ожигова Л.Н., 2005, Репина Т.А., 2004). Современный человек, в среднем, чаще, чем представители предшествующих поколений, осуществляет пере выборы на протяжении своего жизненного пути: меняет место жительства, профессию, вступает в повторный брак. Осознание своей принадлежности к определенному биологическому полу, как правило, происходит в дошкольном возрасте и находит свое подкрепление со стороны общества через взаимодействие с членами семьи, педагогами, сверстниками в рамках различных социальных институтов. Были выявлены два кризиса в развитии половой идентичности, первый в 3 — 5 лет, второй — в подростковом возрасте (Каган В.Е., 1991). СМИ являются одним из важнейших каналов трансляции образцов поведения представителей разных полов для подрастающего поколения. Несмотря на признаваемую профессиональным сообществом важность проблематики полоролевого развития, по-прежнему остается множество не проясненных вопросов. Формирование половой идентичности детерминировано как биологическими как и социальными факторами (Баттерворт Дж., Харрис М., 2000; Райс Ф., 2001; Крайг Г., 2011; Сапогова, 2009). Для прояснения биологических и социально-психологических аспектов мужского и женского поведения американский психолог Р. Столлер в конце 1960-х гг. предложил понятийно разделить человеческую сексуальность по двум аспектам: биологическому и социальному, за которым он предложил закрепить, соответственно, термины «пол» и «гендер». Термин «полоролевая идентичность» был введен известной исследовательницей С. Бем (1975). В современной психологии более употребимым стал термин «гендерная идентичность», поскольку понятие «гендер» включает в себя более широкий спектр проявлений пола. Гендерную, или полоролевою, идентичность можно определить как составляющую самосознания, включающую представление о себе как мужчине или женщине, обобщенные гендерные, или полоролевые, стереотипы и отношение к ним. Гендерная идентичность играет важную роль в регуляции поведения и процессах адаптации (Сыроковашина К.В., Дворянчиков Н.В., 2008).

Гендерная идентичность рассматривается как продукт социального конструирования. Именно на основании существующих в обществе эталонов

формируются представления ребенка о собственной гендерной идентичности и роли, его поведение, самооценка. В самосознании человека гендерная идентичность, как особый вид социальной идентичности личности, сосуществует в единстве с представлениями о профессиональном, семейном, этническом, образовательном и прочими статусами (Ениколопов С.Н., Кравцова О.А., 1999).

В современной психологии большое внимание уделяется феномену *кризиса гендерной идентичности*, под которым понимается невозможность достижения внутренней согласованности, самоактуализации и внешнего подтверждения гендерной идентичности. Кризис гендерной идентичности включает в себя рассогласование внутренних компонентов гендерной идентичности (гендерных представлений, гендерной самооценки и гендерных планов, способов и структур поведения), а также рассогласование внутренних составляющих гендерной идентичности с внешними гендерными пространствами, включающими в себя гендерные стереотипы и эталоны, гендерную телесность и гендерные роли (Гредновская Е.В., 2007). Исследования показывают, что конструктивное разрешение кризиса гендерной идентичности является важнейшим фактором сохранения психологического благополучия личности.

Маскулинность и фемининность (от лат. masculines – мужской и femininus – женский) в современной психологии описывают нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и для женщин; элемент полового символизма, связанный с дифференциацией ролей половых. В дифференциальной психологии разработаны тесты, направленные на исследование маскулинности и фемининности. Некоторые черты, приписываемые маскулинностям и фемининностям, транскультурны: например, отождествление маскулинности с силой, агрессивностью, а фемининности — с мягкостью и нежностью (Ильин Е.П., 2010; Бем С., 2004). Как системное целое, маскулинность и фемининность являются историческими и этноспецифическими понятиями. При их изучении важно учитывать принципиальную асимметрию половых ролей и то, чью точку зрения - мужскую или женскую - выражает данный конкретный стереотип.

Обыденное сознание склонно абсолютизировать психофизиологические и социальные различия полов, отождествляя маскулинность с активно-творческим,

культурным, а фемининность – с пассивно-репродуктивным, природным началом. Научно доказана условность этой категоризации, показано многообразие свойств маскулинности и фемининности, их зависимость от системы половых ролей и культурных норм, а также наличие множества индивидуальных вариаций, не совпадающих с нормативной моделью (Клецина И.С., 2009). В XIX в. маскулинные и фемининные черты считались дихотомическими, взаимоисключающими, а всякое отступление от «норматива» воспринималось как патология или девиация. Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных качеств, на базе коей были созданы специальные шкалы для измерения степени умственных способностей, эмоций, интересов и пр. Все они предполагали, что в пределах некоей нормы индивиды могут различаться по степени маскулинности и фемининности. Эти свойства представлялись альтернативными: высокая маскулинность должна коррелировать с низкой фемининностью и наоборот, причем для мужчин желательна высокая маскулинность, а для женщин — фемининность.

Позднее выяснилось, что не все психические свойства пола дифференцируются на «мужские» и «женские», и что индивидуальные показатели маскулинности и фемининности по разным шкалам (интеллекта, эмоций, интересов и пр.) не всегда совпадают. Усложнились и представления о том, какие именно качества особенно благоприятствуют психическому здоровью и социальной адаптации.

Тесты широко используемые в настоящее время для исследования маскулинности и феминности, такие как тест Сандры Бем (Бем С., 1979) и опросник личностных свойств Джанет Спенс и Роберта Хельмрайха (Spence J., Helmreich R., 1979), рассматривают маскулинность и фемининность не как альтернативы, полюсы одного и того же континуума, а как независимые качества, параметры.

Высокая маскулинность у мужчин и высокая фемининность у женщин не является гарантией психологического благополучия. В монографии Э.Маккоби и К. Жаклин отмечается, что высокая фемининность у женщин часто совпадает с пониженным самоуважением и повышенной тревожностью. По данным И.Н. Димура (2005), фемининные женщины обладают низким самоконтролем и высокой тревожностью, консервативностью, адекватной самооценкой, конформностью, чувствительностью,

общительностью (Ильин Е.П., 2010). Высокомаскулинные мужчины оказались более тревожными, менее уверенными в себе и менее способными к лидерству, хотя будучи подростками, обладали такой уверенностью и были удовлетворены своим положением среди сверстников. Высокофемининные женщины и высокомаскулинные мужчины, писала С.Бем, хуже справляются с деятельностью, не совпадающей с традиционными половыми ролями.

По мнению Дж. Плек, следование «мужественности» имеет не только положительные стороны, но и отрицательные. Более того, когда обстановка требует проявления «женских» качеств и действий, у мужчины, строго придерживающегося мужской роли, может возникнуть мужской гендерно-ролевой стресс, или, по О'Нилу, - гендерно-ролевой конфликт. О'Нил с коллегами в 1995 году выделили 6 признаков гендерно-ролевого конфликта: 1). ограничение эмоциональности – трудность в выражении своих эмоций или отрицание права других их выражать; 2). гомофобия – боязнь гомосексуалов; 3). потребность контролировать людей и ситуации, проявлять власть; 4). ограничение сексуального поведения и демонстрация привязанности; 5). навязчивое стремление к соревновательности и успеху; 6). проблемы с физическим здоровьем, возникающие из-за неправильного образа жизни. Маскулинность женщин, как отмечает И.Н. Димура, также может приводить к фрустрированности, поскольку при этом у женщин часто отмечаются противоположно направленные тенденции «зависимость-независимость» и не вполне адекватная самооценка. В семье гендерная идентичность супругов проявляется в их представлениях о распределении ролей, в особенностях взаимодействия, в способах исполнения ролей и т.д.

В современных исследованиях, как правило, авторы опираются на системный подход в рассмотрении феноменов и механизмов функционирования семьи (Варга А.Я., 2001; Черников А.В., 2001; Карабанова О.А., 2008, Шнейдер Л.Б., 2005). В рамках системного подхода показано, что проблема конкретного члена семьи является индикатором дисфункциональности семейной системы в целом, семья рассматривается как «единица анализа» и как единица психологического воздействия (Черников А.В., 2001). Широко известны модели Д. Олсона (Лидерс А.Г., 2006), МакМастерса (Уорден М., 2005; Эйдемиллер Э.Г., 2010). Семья является культурно-историческим

феноменом. Подчиняясь двум фундаментальным законам функционирования семьи -- закону гомеостаза и закону развития, -- современные семьи могут иметь значительные различия в реальной практике жизнедеятельности супругов и их детей. Множественные, обладающие высоким темпом изменений, трансформации российского общества периода перестройки привели к возникновению новых форм семьи и трансформации существующих (воскресный брак, брак child-free, конкубинат, гражданский брак, пробный брак, дистантный брак и т.д.). Отметим более терпимое отношение современного российского общества к тем формам супружества, которые существовали в нашей стране и в эпоху застоя, но встречались значительно реже и, как правило, получали негативную социальную оценку в обществе.

Семья представляет собой гибкую систему, реагирующую на внешние и внутренние воздействия структурно-функциональными изменениями. Без этих изменений функционирование семьи является дисгармоничным, препятствующим личностному росту членов семьи, компенсирующим возникающее напряжение появлением и закреплением симптомов (Сатир В., 2000; Шнейдер Л.Б., 2000; Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В., 1999). На современном этапе развития общества, российская семья характеризуется рядом негативных тенденций (Карабанова О.А., 2008; Варга А.Я., 2009; Целуйко В.М., 2007). Назовем некоторые из них: катастрофическое снижение рождаемости, повышение смертности, рост численности проблемных семей и семей группы риска, снижение уровня здоровья членов семьи, рост числа разводов и количества неполных семей. Прежние механизмы социальной адаптации, совладания семьи с нормативными и ненормативными кризисами, апробированные и отработанные не одним поколением советских семей, на современном этапе развития российского общества перестали действовать, а новые вырабатываются достаточно медленно и стихийно. Исследователи пишут о межпоколенном разрыве («gap»), о том, что транслируемые образцы семейной жизнедеятельности не всегда успешно срабатывают в изменившемся обществе.

Как отмечает И.А. Карабухина (Карабухина И.А., 2007), проблемы российской семьи, связанные с поиском ресурсов семьи для успешного функционирования в изменившихся социально-экономических, политических и социокультурных условиях

российского общества, еще не достаточно изучены и представляют обширное поле для глубоких научных изысканий в этой сфере. Одним из таких ресурсов, на наш взгляд, является предполагаемые нами, на основе теоретического анализа литературы, возможности семей к эффективному функционированию, связанные с гендерной «схемой» нуклеарной семьи, определяемой соотношением гендерной идентичности супругов. Тот или иной тип гендерной идентичности может позволить личности реализовывать различные сценарии, повлиять на формирование качественно иного образа конкретной ситуации и т.д. Другими словами, гендерную идентичность супругов мы рассматриваем как источник более широкого репертуара (взаимо)действия супругов, лежащего в основе функционирования семьи.

Исследований гендерной идентичности супругов явно недостаточно. Нами не были обнаружены работы, направленные на изучение особенностей функционирования семьи в связи с соотношением гендерной идентичности супругов. Представленное исследование является актуальным в теоретическом и практическом плане.

Целью исследования являлось изучение наличия связи между соотношениями гендерной идентичности супругов и их представлениями об особенностях функционирования семейной системы.

Выборка: 36 супружеских пар (72 человека) в возрасте от 25 до 54 лет. Образование: высшее – 61 человек (85%): 30 мужчин и 31 женщина. Работают – 63 человека (88%), в том числе 35 мужчин (97% от числа всех мужчин) и 28 женщин (78% от числа всех женщин); не работают – 9 человек (12%), в том числе 1 мужчина (3% от числа всех мужчин) и 8 женщин (22% от числа всех женщин). Нет детей в 14 семьях (39% респондентов); в 22 семьях дети есть (61% респондентов).

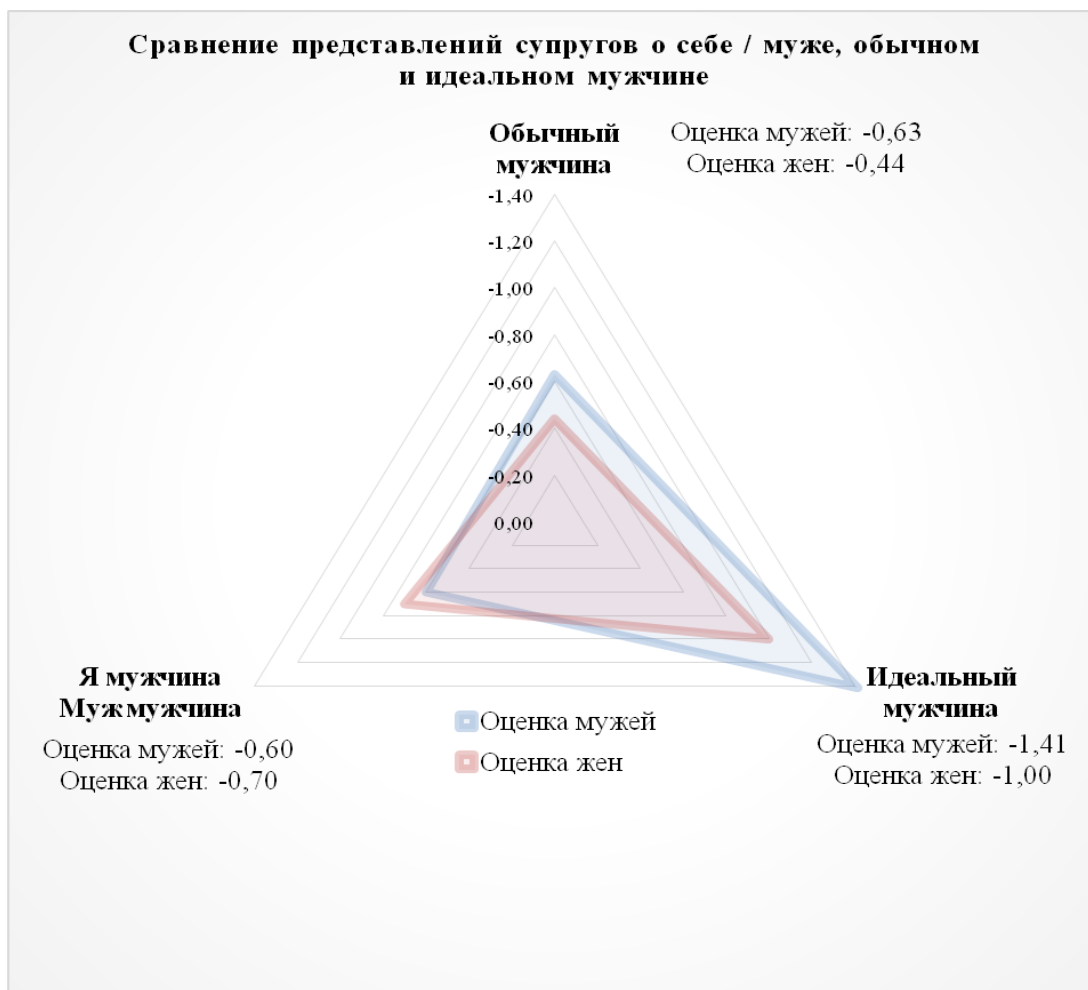
Методы и методики: Анкета, Методика «Маскулинность-Фемининность» С.Бем (модификация, основанная на модели Л.Г. Степановой (2009)), Методика оценки функционирования семьи модели МакМастерса (Family Assessment Device, FAD), в адаптации Т.Ю. Садовниковой (Садовникова Т.Ю., 2013), методы математической статистики.

Основные результаты. При исследовании гендерной идентичности супругов была использована модель гендерной идентичности, включающая три

компонента гендерной идентичности: «Я-реальный», «Обычный/нормативный мужчина», «Идеальный мужчина». Респондентов просили три раза оценить, используя набор качеств методики С. Бем, как они оценивают три компонента гендерной идентичности мужчин и женщин. В результатах описания использованы показатели, полученные в соответствии с правилами обработки данных методики С. Бем (Ильин Е.П., 2012). Сравнение представлений супругов, мужей и жен о *мужской гендерной идентичности* представлено на Рисунке 1.

Рисунок 1.

Сравнение представлений супругов о мужской гендерной идентичности

В среднем, по мнению жен, муж более похож на «идеального» мужчину, чем представляется самим мужчинам. Супруг в восприятии женщин оказался, в среднем, более маскулинным, по сравнению с обычным мужчиной, хотя и менее маскулинным, чем мужчина идеальный.

С точки зрения оценки полученных данных по критериям, предложенным С.Бем, можно сказать, что: 1) как мужья сами видят себя, так и жены видят своих мужей, *андрогинными*; 2) и мужчины, и женщины представляют обычного мужчину андрогинным; 3) и мужчины, и женщины представляют идеального мужчину маскулинным.

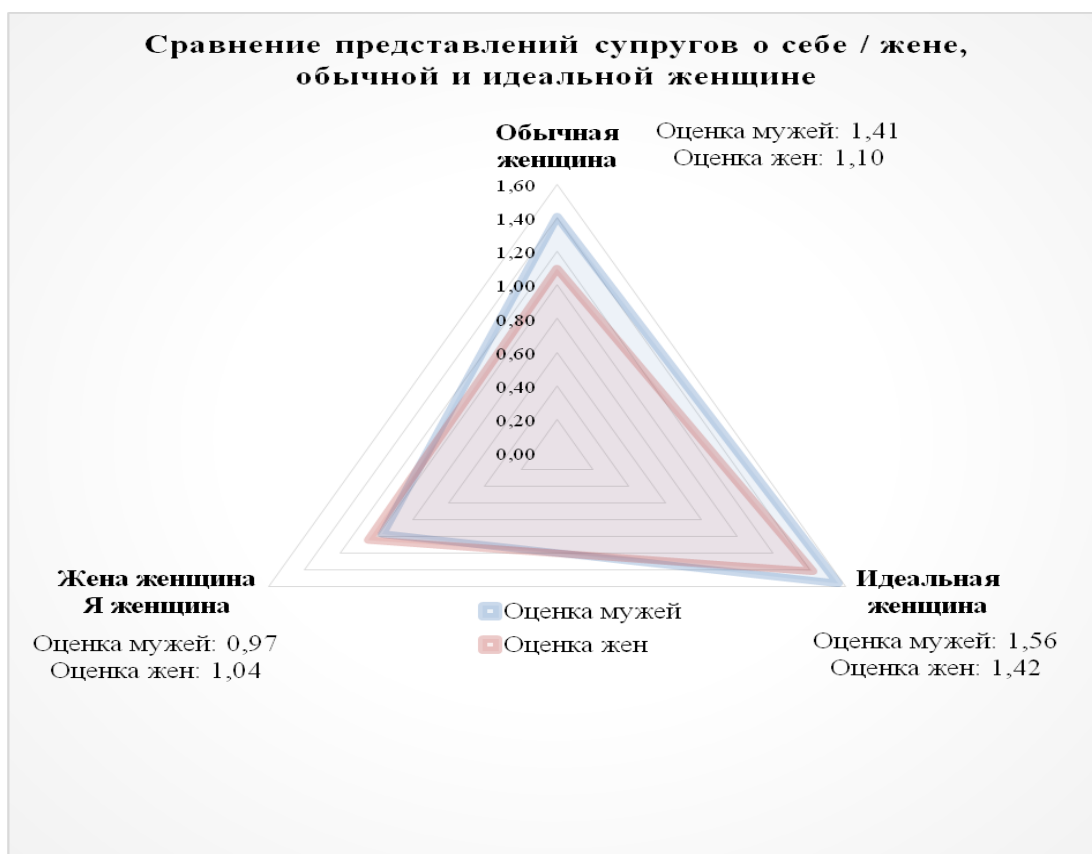
Сравнение представлений мужей и жен о женской гендерной идентичности представлено на Рисунке 2.

И мужья, и жены, вошедшие в нашу выборку, в среднем, видят жену менее феминной, чем «обычную» и «идеальную» женщину, т.е. оценки компонента женской гендерной идентичности «Реальная» женщина, у супругов согласованы. Однако в восприятии обследованных мужчин (мужей), «Реальная» женщина (супруга) не приближена к «обычной» женщине, и еще менее приближена к «идеальной» женщине.

Данный факт отражает, на наш взгляд, трансформацию гендерных стереотипов. Причем в большей степени изменения касаются стереотипов женской гендерной идентичности, по сравнению со стереотипами в отношении мужской гендерной идентичности.

Заметим также, что представления мужей об обычной и идеальной женщине более схожи («обычная» женщина – 1,41, «идеальная» женщина – 1,56), чем представления женщин об «обычной» и «идеальной» женщине, которые обнаруживают значительную степень различия («обычная» женщина – 1,10, «идеальная» женщина – 1,42).

Сравнение представлений супругов о женской гендерной идентичности

Другими словами, нормативные представления мужчин о женской гендерной идентичности, в среднем, более связаны с идеальными образцами женской гендерной идентичности, по сравнению с аналогичными – у женщин. Высокая степень рассогласования нормативных и идеальных представлений в области гендерной идентичности расценивается нами как фактор риска, и/или возможный гендерно-ролевой конфликт, по О’Нилу, который, в среднем, более выражен у обследованных женщин (жен), по сравнению с мужчинами (мужьями).

С точки зрения оценки полученных данных по критериям, предложенным С.Бем, можно сказать, что: 1). жены видят себя феминными, а мужья видят своих жен скорее андрогинными; 2). и мужчины и женщины представляют обычную женщину феминной; 3). и мужчины и женщины представляют идеальную женщину феминной.

В целом, при сравнении представлений супругов, жен и мужей, о компонентах *женской гендерной идентичности* у мужчин и у женщин, т.е. представлений об «обычной» и «идеальной» женщине, мы видим четкую тенденцию повышения степени феминности от обычной к идеальной женщине, как со стороны мужчин (1,41; 1,56), так и со стороны женщин (1,10; 1,42). Т.е. идеальная женщина ассоциируется с более выраженной фемининной идентичностью, по сравнению с показателями феминности для реальной женщины. Отметим, что средние показатели феминности идеальной женщины не высокие. Возможно, данный эмпирически выявленный факт обусловлен тем, что современные женщины приобретают все больше мужских качеств. И, возможно, трансформация идеальных представлений о женщине, имеет вектор изменения в направлении андрогинной гендерной идентичности. Исследование гендерной идентичности супругов по структурной модели, включающей три компонента, методом **корреляционного анализа** позволило получить данные о следующих связях на значимом уровне ($p \leq 0,05$) и на уровне тенденции ($0,07 < p < 0,05$) между компонентами гендерной идентичности супругов: отдельно для жен, отдельно для мужей. Мужья, скорее, ассоциируют представление о себе, Реальном мужчине, с Идеальным мужчиной, а не с Обычным (нормативным) мужчиной. Женщины, в среднем, ассоциируют представление о себе, Реальной женщине – с Обычными, а не Идеальными женщинами, что по нашему мнению, может отражать современную ситуацию, в которой женщина, во многом наравне с мужчиной, занята профессиональной деятельностью, приобретает маскулинные качества. Как следствие, реальная жизнедеятельность обычной современной женщины приводит к формированию новых качеств современной реальной женщины, которые все более отдаляются от образа идеальной женщины, собирающем в себе традиционные фемининные женские качества. Последние, возможно, не способны обеспечить возможность равного с мужчинами участия в деловом взаимодействии, конкуренции с мужчинами в контексте трудовой занятости. Анализ соотношений типов гендерной идентичности супругов внутри супружеских пар позволил выделить 7 групп семей. Полученные типы соотношений гендерной идентичности внутри супружеских пар были, в свою очередь, классифицированы по принципу сравнительной доминирующей маскулинности одного из супругов. Были выделены следующие три

группы семей: 1. Муж более маскулинный, чем жена 17 пар (47,2 %); 2. Муж и жена равно маскулинные 14 пар (38,9 %); 3. Муж менее маскулинный, чем жена 5 пар (13,9 %).

Диаграмма 1

Сравнительные представления мужей и жен о функционировании своей супружеской семьи (усредненные показатели по выборке)

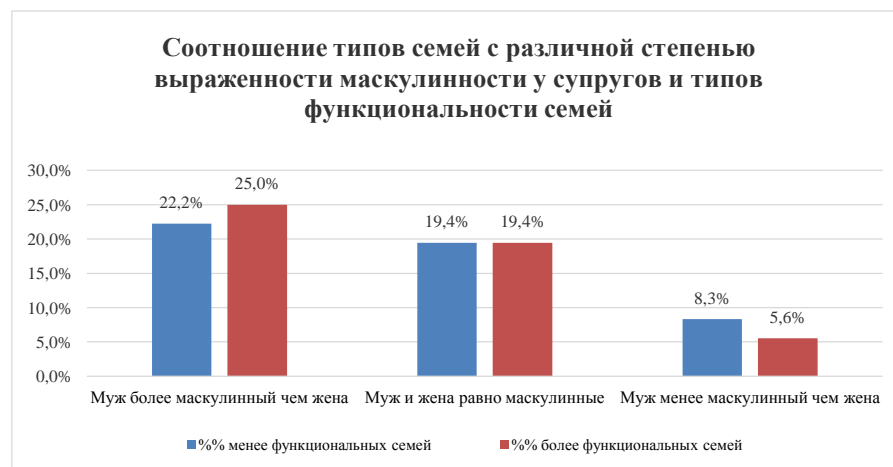
Результаты исследования особенностей функционирования семьи как системы (модель МакМастерса), с точки зрения обследованных супругов, представлены на диаграмме 1. По оси абсцисс указаны шкалы методики FAD, направленной на выявление особенностей функционирования семьи по модели МакМастерса (Эйдемиллер Э.Г., 2010). Были исследованы особенности функционирования семьи методом **корреляционного анализа**: в отношении представлений супругов о функционировании семьи выявлены как сходства, так и различия. Общим является выявленная общая структура взаимосвязей между представлениями об Общем функционировании, Коммуникациями, Решением проблем и Аффективной реактивностью. К различиям же относятся особенности структур мужской и женских подсистем, заключающиеся в отсутствии связей между определенными компонентами: у женщин Контроль поведения не связан ни с Ролями, ни с Аффективной вовлеченностью, а Решение проблем не

связано с Аффективным реагированием (у мужчин связаны), а у мужчин Контроль поведения не связан с Коммуникацией (у женщин связан).

Далее были выполнены два шага: сначала все **семьи были разделены на 6 групп** от наименее функциональных к наиболее функциональным. Для целей последующего анализа, указанные 6 групп были укрупнены до 2 групп семей, имеющих сравнительно меньшую или большую функциональность: Менее функциональные (1,92-2,82) – 18 семей; более функциональные (2,83-3,38) – 18 семей. Для изучения связи *соотношения гендерной идентичности* супругов и особенностей *функционирования семьи* нами были сопоставлены данные, полученные по Методике С. Бем и данные, полученные по Методике исследования функционирования семьи FAD по следующим параметрам: 1). тип семьи, установленный при сравнении маскулинности мужа и жены внутри супружеской пары, выявленный при анализе Методики Маскулинность-Феминность С. Бем (3 типа семей: а) муж более маскулинный, чем жена; б) муж и жена равно маскулинные; в) муж менее маскулинный, чем жена); 2). тип функционирования семьи, выявленный при анализе Методики FAD (2 типа: менее функциональные и более функциональные). Методом кросстабуляции были получены следующие результаты.

Диаграмма 2.

Соотношение типов семей с различной степенью выраженности маскулинности у супругов и типов функциональности семей

В парах, в которых муж более маскулинен, чем жена, более выражено успешное функционирование семьи, а в парах, в которых жена более маскулинна, чем муж выявлено менее успешное функционирование семьи.

Между семьями, в которых муж более маскулинен, чем жена и семьями, в которых муж и жена равно маскулинны, существуют значимые различия в ответах по шкале Решение проблем ($p=0,00$). Между семьями, в которых муж более маскулинен, чем жена и семьями, в которых муж менее маскулинен, чем жена, существуют **значимые различия** в ответах по шкале Аффективное реагирование ($p=0,04$). Исследование средних значений по шкале Аффективное реагирование по этим типам семей показало, что в семьях, в которых муж более маскулинен, чем жена средний показатель, полученный в ответах по шкале составляет 3,28, тогда как в семьях, где муж менее маскулинен, чем жена, - 2,70.

Между семьями, в которых муж и жена равно маскулинны и семьями, в которых муж менее маскулинен, чем жена, также существуют **значимые различия** (на уровне тенденции) в ответах по шкале Аффективное реагирование ($p=0,06$). Исследование средних значений по шкале Аффективное реагирование по этим типам семей показало, что в семьях, в которых муж и жена равно маскулинны, средний показатель, полученный в ответах по шкале составляет 3,13, тогда как в семьях, где муж менее маскулинен, чем жена, - 2,70.

Основные выводы

По результатам исследования гендерной идентичности супругов (36 пар – 72 чел) и их представлений об особенностях функционирования их супружеских семей выявлено следующее:

1. Установлено, что существует связь между гендерной идентичностью супругов особенностями их представлений о функционировании семьи: выявлено, что, по мнению супругов, наиболее функциональны те семьи, в которых муж более маскулинен, чем жена, а наименее функциональны семьи, в которых муж менее маскулинен, чем жена.
2. Существуют различные типы соотношений гендерной идентичности супругов в семье: установлено, что преобладающим типом в обследованной выборке является

такое соотношение гендерной идентичности супругов, при котором муж более маскулинен, чем жена (47% обследованных семей), на втором месте, по частоте представленности, – семьи, в которых муж и жена маскулинны в равной степени (39% семей), и наименее представлены семьи, в которых муж менее маскулинен, чем жена (14% семей).

3. Наиболее представлено в выборке *сочетание типов гендерной идентичности* супругов, когда оба супруга обладают андрогинным типом гендерной идентичности (36% семей).

4. Данные, полученные в результате *исследования представлений супругов об особенностях функционирования их семей*, свидетельствуют о том, что представления мужей и жен о функционировании семей имеют как сходства, так и различия. Сходства заключаются в том, что, с точки зрения и мужей, и жен ядром функционирования семьи являются Решение проблем, Аффективная реактивность и Контроль поведения. Различия в представлений супругов об особенностях функционирования их семей проявились в том, какова значимость каждого из компонентов функционирования семьи (модель МакМастерса) в представлениях мужей и жен: у мужей на первом месте Решение проблем и на втором -- Аффективная реактивность, а у жен на первом месте -- Аффективная реактивность, а на втором – Решение проблем.

5. Интересными представляются и особенности, выявленные в мужской и женской подсистемах, которые, на наш взгляд обусловлены гендерными особенностями супругов, обнаруженные при изучении функционирования семьи с точки зрения супругов, а именно: отсутствие у женщин связи между компонентами Контроль поведения и Роли с компонентом Аффективная вовлеченность, а у мужчин – отсутствие связи между компонентом Контроль поведения и компонентом Коммуникация. Выявленные факты требуют дальнейших исследований.

В целом, установлена связь различных показателей гендерной системы нуклеарной семьи (гендерная идентичность супругов, соотношение гендерной идентичности супругов, восприятие гендера партнера супругами) и особенностей функционирования семьи.

* - авторы выражают признательность О.В. Алмазовой за консультации по вопросам статистической обработки данных.

Список литературы

- Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. — М.: Смысл, 2001.
- Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития: Пер с англ. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2000.
- Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. Пер. с англ., М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
- Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие - СПб.: Питер, 2006.
- Берн Ш. Гендерная психология. - СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.
- Белинская Е.П. Человек в информационном мире. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (Ред.), Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 203–220.
- Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности, М., 2001.
- Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб: Речь, 2001.
- Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. – М.: «Когито-Центр», 2009. – 182 с.
- Грошев И.В. Психофизиологические различия мужчин и женщин. – М.--Воронеж, 2005. – 464 с.
- Гредновская Елена Васильевна. Кризис гендерной идентичности : дискурсы и практики : социально-философский аспект анализа : Автореф. дис. ... канд. философ. наук: - Екатеринбург, 2007.- 26 с.
- Дворянчиков Н.В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 1998.
- Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности. Психологические исследования. 2014, 7(36), 7. <http://psystudy.ru>

- Ениколопов С. Н., Кравцова О. А. Теории сексуального насилия // Прикладная психология. — 1999. № 4. С. 45–53.
- Ениколопов С. Н., Дворянчиков Н. В. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии // Психологический журнал. 2001. № 3. Т. 22. С. 100—115.
- Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003.
- Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010.
- Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание детей. Л. 1988.
- Каган В.Е. Воспитателю о сексологии. М., 1991.
- Каган В.Е. Стереотипы мужественности-женственности и “образ Я” у подростков // Вопросы психологии, 1987. № 4.
- Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. – М. : Гардарики, 2008.
- Карабухина И. А. Социальная адаптация российской семьи в современных социально-экономических условиях: Дис. ... канд. социол. наук. — Новочеркасск, 2007.— 163 с.
- Клецина И.С. (ред.) Гендерная психология. Практикум. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Питер, 2009.
- Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: учебное пособие/А.Г. Лидерс – М.: Академия, 2006.
- Малкина – Пых И.Г. Семейная терапия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 992 с.
- Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность: поиск, достижение и самореализация личности или очень личное о гендере // Человек. Сообщество. Управление., 2005, № 4. – с. 45 - 55
- Перегудина В.А. Особенности становления мужской и женской гендерной идентичности в возрастном диапазоне от старшего дошкольного до юношеского возраста : Автореф. дис. ... канд. психол. наук - Тула, 2011. – 28 с.
- Подольский А.И., Карабанова О.А., Идобаева О.А., Хейманс П. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 9 – 20.

- Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы. Учебное пособие для врачей и психологов / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера. – СПб.: Речь, 2010. – 425 с.
- Репина Т. А. Проблема полоролевой социализации детей / Т. А. Репина. Москва – Воронеж, 2004. - 300 с.
- Садовникова Т.Ю. Адаптация опросника FAD на российской выборке: проверка психометрических характеристик и перспективы работы // Семейная психология и семейная терапия, 2013, № 2, С. 50 – 79.
- Сатир В. Психотерапия семьи. «Речь», Санкт-Петербург, 2000.
- Солдатова Г.У. Психологическая помощь мигрантам: теория и практика : травма, смена культуры, кризис идентичности – Москва : Смысл, 2002.
- Сыроквашина К.В., Дворянчиков Н.В. Гендерная идентичность у подростков с делинквентным поведением // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. — № 1.— С. 222.
- Уорден М. Основы семейной психотерапии. 4-е межд. изд. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.
- Целуйко В.М. Психологические проблемы современной семьи / В.М. Целуйко. – Екатеринбург: У – Фактория, 2007. – 496 с.
- Черников А.В. Системная семейная терапия / Сб. Методы современной психотерапии. Учебное пособие // Составители Л.М. Кроль, Е.А. Пуртова, М.: Класс, 2001.
- Шихи Г. Возрастные кризисы. СПб, 1999.
- Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений, ЭКСМО-Пресс, 2000
- Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб, 1999.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1996.
- Bem S. Sex role adaptability: one consequence of psychological androgyny // Journal of Pers. and Soc. Psychology. 1975. Vol. 31. P. 634—643.

Гендерные стереотипы как фактор семейных отношений в молодой семье

Тихомандрицкая О.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, кандидат психологических наук, доцент, Москва, Россия
otihomandr @ mail.ru

Особенности становления, развития и дальнейшего существования молодой семьи во многом определяются складывающимися на этот момент отношениями между супругами. Однако как в отечественных, так и зарубежных работах подчеркивается, что в ходе адаптации супругов к браку, практически всегда возникают определенные сложности выстраивания семейных отношений. Успешность этих отношений зависит от множества различных факторов, в частности, социально – экономических и демографических характеристик семьи, характера общения и существующих эмоциональных отношений, особенностей восприятия супругами друг друга, уровня конфликтности супругов.

Особое значение для супружеских отношений на раннем этапе их развития имеют такие факторы, как распределение семейных ролей и, в целом, особенности поло-ролевой дифференциации в семье.

В исследованиях, связанных с изучением поло-ролевой структуры семьи, обычно выделяют две ее основные формы – традиционную и современную (эгалитарную). В традиционных семьях существует четкое и неизменное разделение мужской и женской роли. Главенствующей при этом, является система норм, обосновывающая такое распределение обязанностей между мужем и женой, где ведущая роль в принятии основных семейных решений и в распределении материальных ресурсов семьи, принадлежит мужу.

Эгалитарная семейная модель предполагает относительное равенство вкладов супругов во внешнюю деятельность, супруги так же в равной степени несут ответственность за выполнение функций в семье, они одинаково включены в

реализацию семейных ролей и обязанностей. Существующая в семье система норм, предполагает равенство мужа и жены, как в самой семье, так и вне ее [1].

Процесс возникновения ролевой структуры новой семьи является одной из сторон ее становления как социальной и психологической общности, адаптации супругов друг к другу и выработки стиля семейной жизни. Во множестве проведенных исследований было установлено, что для семей со стажем брака до трех лет больше, чем для других, характерны конфликты при распределении семейных ролей, а степень рассогласованности установок в этой сфере, в свою очередь, существенно влияет на дальнейшую успешность брака. Таким образом, встает вопрос о том, что именно может способствовать или же, наоборот, затруднять возникновение согласия в распределении семейных ролей между молодыми супругами.

Как известно, семейная роль, являясь одним из видов социальных ролей, представляет собой поведение индивида, занимающего позицию члена семьи, и определяется через понятия норм и ожиданий. При этом нормы и ожидания рассматриваются как консенсус, согласие между людьми о том, какое ролевое поведение является правильным или неправильным. Особое влияние на установление согласия между супругами в этом вопросе могут оказывать существующие у них гендерные стереотипы.

В соответствии с теорией социальных ролей Э. Игли гендерные стереотипы, в сущности, и являются *социальными нормами*, то есть правилами, определяющими поведение человека в обществе. В самом общем виде под гендерными стереотипами понимаются стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «маскулинность» и «феминность». Таким образом, представления людей о том, что мужчинам и женщинам свойственны определенные наборы качеств и моделей поведения, являются нормами, нарушение которых влечет за собой социальное неприятие и неодобрение. [6].

С одной стороны, гендерные стереотипы являются наиболее эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей (в том числе и семейных), с другой стороны предполагается, что выработка самих гендерных стереотипов определяется существующими социальными ролями [6].

И.С. Кон пишет о том, что традиционная система дифференциации гендерных ролей в настоящее время претерпела изменения в сторону большей эгалитарности, что, в свою очередь, повлекло за собой «перемены и в культурных стереотипах маскулинности/фемининности, которые стали сегодня менее отчетливыми и полярными» [4, с. 48]. Это подтверждается, в частности, современными исследованиями, показывающими, что в стереотип женственности включается все больше маскулинных качеств, а в стереотип мужественности все больше фемининных. [5; 3].

Таким образом, происходит переход от жесткой гендерной типизации к нормам, допускающим более широкий «диапазон» личностных качеств и моделей поведения, которые могут быть присущи как женщинам, так и мужчинам. Данные изменения вызывают неопределенность или же множественность норм, регулирующих ролевые отношения в семье, что осложняет процесс становления поло-ролевой структуры молодой семьи, влияя тем самым на брачную адаптацию супругов.

Возникшая неопределенность гендерных норм, может выступать в качестве важнейшей характеристики современного состояния трансформации семейных ролей [2]. Отсутствие твердо установленных образцов ролевого поведения приводит каждую семью к необходимости выбора своего собственного способа ролевого взаимодействия. При этом, многие семьи, следуя современным гендерным тенденциям и, в том числе, гендерным стереотипам, ушли от традиционных способов нормативного регулирования брачно-семейных отношений, но пока что не смогли найти оптимальные способы регулирования своих собственных семейных отношений.

Кроме того, в процессе становления поло-ролевой дифференциации в семье усвоенные образцы распределения семейных ролей у супругов могут не совпадать в силу их возможного разнообразия. Следствием этого становятся, как межличностные, так и внутриличностные конфликты партнеров, затрудняющие становление и развитие семейных отношений.

Список литературы:

- 1) Арутюнян М.Ю. Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами// Семья и социальная структура. М., 1987.
- 2) Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. - М.: Едиториал УРСС, 2003.
- 3) Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004.
- 4) Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981, № 2. С. 43-57.
- 5) Diekman A.B, Eagly A.H. Stereotypes as Dynamic Constructs: Women and Men of the Past, Present, and Future // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. № 74.
- 6) Eagly A.H. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1987.

Гендерная идентичность и гендерные роли в современной семье в условиях глобальных тенденций развития общества

Украинка Л.И.

БГПУ имени Максима Танка, преподаватель факультета психологии, кафедры социальной и семейной психологии, г. Минск, Беларусь

l_ukrainka@yahoo.com

В современной сексологии и гендерной психологии едва ли найдется более сложная область исследований, чем вопросы пола, гендера, гендерной идентичности и

гендерных ролей. В данной статье проведена попытка анализа исторических научных подходов к гендеру и гендерным ролям в современной актуальной повседневности.

Именно в сфере определения, и понимания гендера происходят важные и самые значительные изменения в обществе, стимулируемые (что особенно важно) не научным сообществом "сверху", а "снизу" представителями ЛГБТ сообщества, или квир-персонами. Поэтому эта область изменений является так же предметом пристального изучения современной философии и социологии.

Эволюция человеческого сексуального развития шла по схеме "догендерный" или пред-гендерный этап, наполненный полиморфным эротизмом - "гендерный" - "трансгендерный" - "постгендерный" (андрогинный) этап [2,11].

Долгое время западная цивилизация существовала в бинарной системе гендерной идентичности (мужская и женская), все другие гендеры не просто маргинализируются, но репрессируются или полностью исключаются, отрицаются. Основной строй в мире последние 200 лет - патриархат, т.е. система правил социального взаимодействия полами, при котором женщины, и мужчины встроены в бинарную систему, где действует определённый регламент. Роли «настоящего мужчины» и «настоящей женщины» предусматривают каноны для публичного и личного пространств, они являются основой, на которую накладываются иные роли — мужа, жены, отца, матери, работника, работницы.

И вот на современном этапе развития человечества, когда секс утратил исключительную функцию репродуктивности, природа отношений между полами и в целом в обществе меняется. Технические достижения медицины в области пластики тела и смены пола, а так же либерализация сексуальной активности на социальном, психологическом, психиатрическом и юридическом уровнях приводит к размыванию дихотомии половой идентификации, как нормативности, а за ней следует и трансформации гендерных ролей.

"Бинарная" гендерная парадигма перестает быть аксиомой человеческого бытия. На протяжении как минимум последних двухсот лет в рамках развития западного культурно-исторического типа систематической деконструкции подвергались традиционные архаичные нормы и способы социальной организации, основанной на

патриархальном по своей сути типе взаимоотношений людей в социальном процессе" (Ульянов, 2012) [2].

В начале XIX века существовала эссенциалистская модель формирования гендера, ей на смену в XX век пришла конструктивистская модель гендера, которая в XXI веке сменилась квир-теорией.

"Квир" не подразумевает никаких конкретных, специфических черт. Это идентичность, лишённая сущности, которая по определению расходится со всем нормальным, легитимным, господствующим. Это распространяется не только на гендер или сексуальность. "При этом любая идентичность может изобретаться или переформулироваться ее носителем, можно стать квир по выбору" (Кон 2003) [1].

Квир-представители хоть и являются маргинальными группами, однако из области девиантного поведения перемещается в область социально-приемлимого поведения и даже занимают лидирующие позиции в обществе, и, соответственно, становятся примером для подражания другим.

Актуальная повседневность современности ставит нас перед следующими фактами.

42-летняя Джен Мари Крок, (чемпион по боди-билдингу среди мужчин) у которой есть три сына, описывает себя как небинарный трансгендер, гендерфлюид, бигендер, феминная лесбиянка в мужском теле. Крок утверждает, что живет как представитель обоих полов и до сих пор не определилась, стоит ли ей совершать переход. Данное обстоятельство является весьма сложным и для нее самой. «Часто я чувствую себя так, словно два абсолютно разных человека живут в моем теле и ведут борьбу за контроль», — пишет она [8].

Известно, что в Непале, Индии, Австралии и Новой Зеландии власти разрешают гражданам указывать свой пол в документах, как не относящийся ни к мужскому, ни к женскому. В 2015 в Непале выдан первый паспорт гражданина, в котором в графе пол указан "другой" [10].

В современной западной психиатрии (DSM-V) в 2013 г. упразднено понятие "нарушения гендерной идентичности", оно заменено на понятие "гендерной дисфории",

в котором подчеркивается скорее гендерная неконгруэнтность, чем вопрос собственно идентификации [5,6].

В 2014 г. представитель квир-сообщества выигрывает песенный конкурс песни Евровидение-2014. Томас Нойвирт (нем. *Thomas «Tom» Neuwirth*), более известный под женским альтер-эго Кончита Вурст (нем. *Conchita Wurst*) [10].

Целью постгендерного общества является не равенство гендеров, но толерантность к разнообразию гендерных идентичностей и ролей. Представители квир-сообщества заявляют о существовании на данный момент около 22-ух типов гендеров.

Современное западное общество движется в сторону гендерной нейтральности, в некоторых странах появились слова, обозначающие гендерно-нейтральное обращение к человеку.

Движение трансгуманизма (Термин был предложен основателем ЮНЕСКО Джулианом Хаксли в 1957 г.), которое настаивает на необходимости для человека выйти за пределы биологической детерминации, набирает обороты [11].

"В известном смысле это возврат к догендерной мифологической нерасчлененности «оно»-сознания, полиморфному эротизму и синкретизму древнейших этапов развития человека. Возникает вопрос: почему происходит эволюция от предгендера к гендеру, трансгендеру и к постгендеру? В этой эволюции просматривается настойчивое желание человека освободиться от собственной природы как определенности, «бытийности», именно в силу ограниченного характера последней" (Ульянов, 2012) [2].

В современном обществе изменяется так же и структура семьи, наравне с нормативной гетеросексуальной семьей существуют гомосексуальные семьи, а так же квир-семьи.

Все больше стран признают браки между геями и уже 10% всего населения планеты живут на территории стран, признающих однополые браки. Число жителей планеты, проживающих в странах с однополыми браками 929000, что приближается к миллиарду [7].

Все чаще образуются семьи, в которых родителей больше, чем два человека, и, даже больше 3-х. Классической стала ситуация из 3-х родителей в ситуации обращения

пары в центры зачатия ЭКО с услугами суррогатной матери, которая так же имеет права на ребенка. Сообщество родителей из 5ти человек уже не научная фантастика, а факт. Так в 2015г в Нидерландах юридически признано родителями 5 человек у одного малыша. В данном "сообществе родителей" есть 2 гей-пары и 1 друга семьи [9].

Американский антрополог Кейт Вестон в своей книге *Families We Choose* использовала термин «выбираемая семья» (Weston 1991) для отношений, в которых «кровная» или биологическая/генетическая связь не является единственно важной основой. Австралийская исследовательница Амарилл Перлеш отмечает, что в понятие «семья» гомосексуальными респондентами включаются мамы-лесбиянки (биологические и социальные), бабушки, доноры, отцы и дети [3].

Тема, касающаяся воспитания детей в однополой семье, является одной из проблемных. Повлияет ли воспитание родителями-геями на формирование гендерной идентичности и сексуальной ориентации ребенка.

В 2002 году Американская академия педиатрии, которую поддержала Американская психиатрическая ассоциация, опубликовала доклад, одобряющий усыновление и удочерение детей семьями, где оба партнера одного пола. По заключению академии, такие семьи способны обеспечить детям мирное, здоровое и эмоционально стабильное детство. К подобным выводам также пришли Американская психологическая ассоциация и Американская медицинская ассоциация [3].

Американская психологическая ассоциация, Американская психиатрическая ассоциация, Национальная Ассоциация Социальных Работников в 2006 году заявили: "В настоящее время не существует научного консенсуса в отношении специфических факторов, которые являются причиной становления индивидуумов гетеросексуальными, гомосексуальными или бисексуальными, включая возможные биологические, психологические или социальные факторы сексуальной ориентации родителей. Однако, имеются свидетельства, указывающие, что подавляющее большинство взрослых лесбиянок и геев были воспитаны гетеросексуальными родителями, и подавляющее большинство детей, воспитанных родителями геями и лесбиянками, вырастая, являются гетеросексуальными" [4].

Все описанные изменения в области гендера рассматриваются в данной статье на примерах из западного общества. В российском обществе маятник от либеральности в отношении к квир-сообществу качнулся в сторону патриархатной бинарной системы воспитания, на что указывают новый юридический закон 2013г., запрещающий пропаганду гомосексуализма, но законы глобализация информации ставят под сомнение длительность этой тенденции, и можно предположить, что довольно скоро маятник качнется снова в сторону либерализации.

Следует отметить, что в Республике Беларусь нет высокого напряжения в области по проблеме гей- или квириденитичных людей и ролей. В стране не принимался закон против гейпропаганды. Государство по-прежнему оплачивает расходы на операции по смене пола. В стране действуют общественные организации, поддерживающие гей и квинрпредставителей. и даже постоянно совершаются каминг-ауты людей "других" идентичностей: геев, лесбиянок и асексуалов. Известный в социальных сетях эксперимент со съемками скрытой камерой двух мужчин, прогуливающихся по улицам города взявшись за руки, продемонстрировал толерантное к ним отношение минчан [13]. В целом можно сказать, что белорусское современное общество более лояльно к квинр-идентичным людям, чем российское, но менее толерантное, чем западно-европейское.

Данная статья - это попытка гендерно- и политически нейтрально осмыслить происходящие обществе изменения. И хотя системных научных исследований недостаточно, опираясь на имеющиеся данные, можно сформулировать следующие тенденции в современной гендерной психологии:

1. Постмодернизм и квинр-теория существенно изменили проверенную теорию гендерной идентичности.
2. На данном этапе развития общества трансформируются не только гендерные роли, трансформируется понятия гендер и гендерная идентичность,
3. Трансформируется конструкт семьи как социальной системы.
4. В современном мире появляются новые типы семьи: выбираемые семьи, семьи, состоящие из группы солидарных лиц.
5. Хотя в современной русскоязычной среде сохраняется патриархатный дихотомичный подход к гендерной идентичности и жесткое

конструирование гендерных ролей в семье, психологу необходимо знать и учитывать в работе общемировые тенденции гендерной психологии.

6. Необходимы длительные исследования трансформации гендерных ролей в семье и их влияния на детей, воспитанных в таких семьях.

7. В практике консультативной помощи отдельному человеку или семье психологам необходимо учитывать изменяющиеся представления о гендерной идентичности и гендерных ролях в современной семье.

8. От психолога требуется понимание особенностей вопроса трансформации гендера и гендерных при работе с предрассудками, страхами, тревогой, установками и убеждениями.

Список литературы

1. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви. — М.: Олимп, АСТ, 2003.
2. Ульянов В.А. Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности. Вестник ВГУ. Серия: Философия № 2, 2012.
3. Жабенко А. Современные репродуктивные выборы в лесбийской семье в России. Из сборника "На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сборник статей / ред.-сост. А. А. Кондаков". — СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2014. —XXII с., 466 с.
4. http://www.courtinfo.ca.gov/courts/supreme/highprofile/documents/Amer_Psychological_Assn_Amicus_Curiae_Brief.pdf
5. DSM-IV-TR Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. American Psychiatric Association. Washington, DC, 2000. 955 p.
6. DSM-V-TR Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. American Psychiatric Association. Washington, DC, 2013. 947 p.
7. <http://www.gaystarnews.com/article/earth-could-now-be-one-country-short-of-a-billion-living-under-marriage-equality/>

8. <http://www.dailymail.co.uk/femail/article-3179101/World-champion-bodybuilder-former-Marine-reveals-Instagram-s-transgender-living-man-woman.html>
9. <http://www.vice.com/read/a-child-in-the-netherlands-is-going-to-have-five-parents-876>
10. <http://makeout.by/2015/08/10/v-nepale-izgotovlen-pervyyu-pasport-dlya-cheloveka-tretego-pola.html>
11. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0_%D0%92%D1%83%D1%80%D1%81%D1%82
12. Postgenderism : beyond the Gender Binary / George Dvorsky and James Hughes PhD, Institute for Ethics and Emerging Technologies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ieet.org/archive/IEET-03-PostGender.pdf>.
13. <http://makeout.by/2015/08/31/gse-belarus.html>

**Взаимосвязь уровня субъективного контроля в семейных отношениях
и психологического пола у мужчин с гомосексуальной ориентацией**

Шаехов З.Д.

г. Казань, Россия

shaehovzd@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты пилотного исследования субъективного контроля в семейных отношениях и психологический пол гомосексуалов, а также их взаимосвязь.

Ключевые слова: субъективный контроль, семейные отношения, психологический пол, гомосексуальная ориентация.

Актуальность. В современном мире происходит множество социальных изменений. Одним из них является институт семьи. В институте семьи происходят большие изменения. Изменяются ценности, установки, представления о семье, появляются различные виды семей. Представителям нетрадиционной сексуальной ориентации для дальнейшего построения взаимоотношений с родителями является важным «выход из чулана». Многие люди с нетрадиционными ориентациями рассказывают о своей сексуальной ориентации родителям, которые в большинстве случаев принимают их такими, какими они есть. Это показывает, что в нашей стране повышается уровень толерантности к инакомыслящим личностям. Также наблюдается рост научных исследований по проблемам нетрадиционной сексуальной ориентации. На сегодняшний день многие исследователи изучают мужчин с гомосексуальной ориентацией (И.С. Кон, Воронцов Д.В., Мелков С.В., Григорьева М.В., Наумов О.Д. и Круглова И.Н., Муртазина С.Р.).

В современном мире на семью возлагается большая ответственность, как на малую группу влияющие на те или иные стороны социального развития личности. Одним из них, по нашему мнению, является уровень субъективного контроля в семейных отношениях, когда личность возлагает на себя ответственность за то, что происходит в семейных отношениях.

Впервые о локусе контроля и методах исследования заговорили в 60-ые годы в США. Наиболее известными стали работы Дж. Роттера. Дж. Роттер обосновал два принципиальных положения: первое из них – локализация локуса контроля, в котором проявляется дихотомия – экстернальный и интернальный полюса локализации; второе, локус контроля универсален, то есть проявляется в любых типах событий и ситуаций, с которыми приходится человеку сталкиваться в процессе взаимодействия (Е.Ф. Бажин и др., 1984).

В русской психологии работы Дж. Роттера были модифицированы Е.Ф. Бажиным, С.А. Голынкиной и А.М. Эткингом. В ходе модификации теории и методики Дж. Роттера данные авторы переформулировали и добавили утверждения в шкалы интернальности семейных отношений, межличностных отношений, в отношениях к неудачам, к болезни (Е.Ф. Бажин и др., 1984).

Другой аспект развития социального развития личности – это психологический пол личности. Психологический пол формируется в процессе развития онтогенеза. Этот процесс происходит под влиянием этнокультурных традиций семейного воспитания, личностными особенностями ближайшего окружения, и в результате интериоризации половой роли мужчин и женщин. В конечном итоге, психологический пол зрелого человека включает в себя половое самосознание как осознание и принятие своей половой принадлежности; определенную половую идентичность как результат усвоения социокультурных и психологических особенностей; социополовые ориентации как интериоризованную систему половых ролей, путем которой личность различает критерии «мужеского» и «женского», оценивает себя по данным критериям (О.Г. Лопухова, 2000).

Таким образом, данный феномен на сегодняшний день понимается в психологии как «системное качество, обусловленное биологически заданной половой принадлежностью индивида, этнокультурными традициями воспитания, структурой социально-значимой деятельности и полоролевыми нормами общества, определяющее индивидуальные характеристики, особенности поведения, способы действия, социальные позиции и установки, иерархию мотивационных линий личности» (О.Г. Лопухова, 2000).

На современном этапе развития психологии выделяют четыре типа психологического пола: маскулинный, феминный, андрогинный, недифференцированный. Маскулинный тип психологического пола понимается как индивидуальная особенность поведения. В иерархии основных жизненных ценностей проявляются характеристики мужской половой роли в социуме. Феминный тип психологического пола – понимается как индивидуальная особенность поведения. В иерархии основных жизненных ценностей проявляются характеристики женской половой роли в обществе. Андрогинный тип психологического пола предполагает обладание качествами феминного и маскулинного психологического пола, при нормальной половой идентичности и самосознания. Недифференцированный тип психологического пола находится в маргинальном состоянии, у которого нет отчетливых черт личности и типа поведения маскулинности и феминности (О.Г. Лопухова, 2000, О.Г. Лопухова, 2013).

Методы исследования. Анкетирование. В анкетирование включены вопросы о сексуальной ориентации, субъективное мнение об отношении с родителями, и о реакции родителей на «coming out» («выход из чулана»).

Для выявления субъективного контроля в семейных отношениях использовалась шкала «интернальности в семейных отношениях» методики «Уровня субъективного контроля Дж. Роттера» в модификации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинда, которая содержит в себе 10 вопросов.

Психологической пол у мужчин с гомосексуальной ориентацией выявлялся с помощью методики «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» О.Г. Лопуховой. Данная методика в себя включает 27 вопросов.

Взаимосвязь определялась с помощью точечного бисериального коэффициента Пирсона.

Результаты исследования. В исследовании принимали участие 30 мужчин с гомосексуальной ориентацией. Возраст составляет от 18 до 55 лет.

В ходе анкетирования были получены следующие данные:

- На вопрос: знают ли Ваши родители о Вашей сексуальной ориентации: 40% респондентов выбрали ответ о том, что они не скрывают от родителей своего сексуальную ориентацию; у 26,6% респондентов родители об этом узнали случайно; 10% респондентов ответили, что им кажется, их родители догадываются, если спросят, готовы открыться; по мнению 6,6% респондентов ответили, что им кажется, родители догадываются, но они тщательно скрывают свою сексуальную ориентацию от родителей; тщательно скрывают о своей сексуальной ориентаций 16,7% тестируемых;

- На вопрос об оценке отношения к ним со стороны родителей респонденты ответили, что к ним относятся положительно 56,6% тестируемых, 33,33% тестируемых ответили, что к ним относятся нейтрально, и лишь 10% тестируемых ответили, что к ним относятся негативно (родители стараются с ними не общаться, агрессивно отвечают на вопросы, а порой даже не приглашают на семейные праздники).

Как видно из анкетирования мужчинам с гомосексуальной ориентацией в большинстве семьях относятся положительно, принимают их особенности, и отношения

с родителями позитивно. Однако остаются те родители, которые не могут принять сексуальную ориентацию своих детей.

В результате диагностирования уровня субъективного контроля в семейных отношениях были получены следующие результаты: для 23,3% диагностируемых уровень субъективного контроля находится на низком уровне, то есть опрошенные считают не себя, а своих родителей, близких родственников причиной значимых конфликтных ситуаций, возникающих в их семье; у 20% респондентов выявлен средний уровень субъективного контроля в семейных отношениях (5 стень), для них характерно в одних случаях считать себя причиной конфликтов и ссор в семье, а в других ситуациях могут и обвинять окружающих; большинство испытуемых считают себя ответственными за события, происходящие в их семье (56,7%).

В ходе исследования психологического пола было обнаружено у 66,66% диагностируемых андрогинный психологический тип; феминный и маскулинный типы были диагностированы у 26,6% испытуемых (13,3% и 13,3%).

В ходе исследования взаимосвязи между уровнем субъективного контроля в семейных отношениях и психологического пола не были обнаружены значимые взаимосвязи, так как результаты колеблются от 0,5 до 0,74, и не имеют достоверных уровней значимости.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было выявлено, что уровень субъективного контроля высокий в семейных отношениях для большинства испытуемых. Психологический пол для большинства андрогинный, и он наиболее адаптивный для жизни в социуме. Согласованные изменения между уровнем субъективного контроля и психологическим полом отсутствуют.

Список литературы

Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. – 1984. Том 5. – №3. – С. 152 – 161.

Лопухова О.Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности (российский аналог «Вem sex role inventory» // Вопросы психологии. №1. 2013 , С. 147-154.

Лопухова О.Г. Психологический пол личности в современных социальных условиях // Дис. ... канд. психол. наук, 2000., 162 с.

Круглый стол: Роль семьи в генезисе и профилактике девиантного поведения детей и подростков

Опыт Кемеровской области по сопровождению несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом

Ананьева Е.В.

ГОО «Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», г. Кемерово, Россия.

орус@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен опыт Кемеровской области по сопровождению несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом. Описана модель социально-психологического сопровождения несовершеннолетних в процессе уголовного судопроизводства, включающая технологию сопровождения, алгоритм взаимодействия психолога с судебными-правоохранительными органами.

Ключевые слова: служба педагогов-психологов, участвующих в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних, межведомственное взаимодействие, предварительное следствие, судебное следствие.

Все чаще и активнее слышатся предложения о введении ювенальных технологий в уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних, о необходимости использования уже имеющихся механизмов ресоциализации подростков, направленных на снижение уровня рецидивов, который по сей день остается достаточно высоким. Понятно, что эффективное снижение уровня рецидивной преступности возможно только при высоком уровне взаимодействия подразделений органов внутренних дел с учреждениями системы профилактики. Но даже в случае принятия новых правовых актов и расширения мер по принудительному воспитательному воздействию несовершеннолетних правонарушителей результат будет низким, если в центре данных мер будет подросток как формальный объект, на которого направлены все меры ресоциализации. В силу сложного характера поведенческих нарушений, их предупреждение и преодоление требует хорошо организованной системы социальных воздействий. Поэтому определение степени выраженности делинквентных тенденций должно, в первую очередь, определять степень воздействия на личность. В связи с этим, на первый план выступает необходимость участия психолога в разработке индивидуального плана реабилитации. Так как именно данный специалист способен четко разграничить степень выраженности и характер личностной деформации подростка–правонарушителя.

Изменение характера правонарушений несовершеннолетних в России, а значит, и личности самого подростка-правонарушителя, диктует необходимость разработки новых форм и методов подхода к несовершеннолетнему на всех этапах расследования по уголовному делу, в том числе, и в ходе проведения допроса, включающего оценку и учет индивидуальности подростка. Определение индивидуальности несовершеннолетнего должно носить комплексный характер и будет максимально полным при установлении профессиональным психологом, привлеченным к расследованию, психологической мотивации поведения подростка в юридически значимых ситуациях (Воронова Е.Л., Ткачев В.Н., 2004).

Проблема интеграции психологических знаний в процессуальной и внепроцессуальной форме в процесс расследования преступлений, совершенных

несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, носит междисциплинарный характер, определяясь синтезом юридической и психологической наук. Подготовленность работников следственных органов, оптимизация их деятельности при реализации личностного подхода к несовершеннолетнему как субъекту правовых отношений во всех юридических и психологических аспектах, диктует необходимость разработки теоретико-методологических основ и прикладных принципов психологии взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетним правонарушителями и потерпевшими, а так же участвующими в следственных действиях педагогами-психологами в ходе проведения допроса как самого сложного коммуникативного процесса следственной деятельности.

Созданная в 2005 году в Кемеровской области Служба судебных психологов, деятельность которой направлена на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом, за время своей работы позволила сформировать межведомственное взаимодействие с правоохранительными органами (МВД, СУ СК России по Кемеровской области, КДНиЗП). Это позволило специалистам-психологам ССП, используя ресурсы структур системы профилактики, руководствующихся Уголовно-Процессуальным Кодексом РФ, Семейным Кодексом РФ, ФЗ РФ №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Посланием Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 30.11.2010г., национальной стратегией действий в интересах детей на 2012-2017 годы, утвержденная Указом Президента РФ №761 от 01.06.2012 сопровождать несовершеннолетнего правонарушителя на всех этапах следственных действий, а так же принимать участие в разработке индивидуального подхода в ресоциализации несовершеннолетнего и его законных представителей, и как следствие способствовать снижению рисков повторных правонарушений.

Создание в Кемеровской области службы специалистов–психологов, участвующих в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних, которая на протяжении девяти лет функционирует в регионе, показала высокую эффективность при работе с несовершеннолетними правонарушителями и их семьями в снижении уровня рецидивной преступности.

Появившаяся возможность на протяжении длительного времени взаимодействовать не только с подростком, но с его семьей, начиная со стадии предварительного следствия до вынесения приговора, а если он не связан с лишением свободы, то и с органами системы профилактики, позволила не только качественно осуществлять психолого-педагогическую диагностику личности несовершеннолетних, склонных к совершению преступлений, но и формулировать личностно ориентированные рекомендации по проведению с ними профилактической работы сотрудникам учреждений профилактики, с учетом ранее выявленных личностных особенностей и ресурсов совладающего поведения несовершеннолетних.

Результаты, получаемые в ходе диагностической деятельности специалиста-психолога в уголовном судопроизводстве, являются неким промежуточным звеном между информацией, полученной из образовательных учреждений и медицинскими данными (характеристики, заключения психолога – психиатрических экспертиз, данные наркодиспансеров), запрашиваемыми следователями в рамках уголовного дела. Данные источники информации зачастую не раскрывают в полной мере все особенности личности подростка, так как имеют достаточно узкую направленность. Характеристики из образовательного учреждения, как правило, однотипно и формально описывают отношение несовершеннолетнего к учебе и посещаемость ОУ, отношение к учителям и одноклассникам, в единичных случаях отмечается отношение родителей подростка к его успехам и промахам. Заключение комплексной психолого–психиатрической экспертизы раскрывает юридически значимые вопросы о наличии или отсутствии психических аномалий у подростка, имеющие для суда значение при определении наказания.

В процессе работы выяснилось, что зачастую и родители не обладают полной информацией о возможностях, знаниях и проблемах ребенка. Часто приходится сталкиваться с нарушением детско-родительских отношений, отсутствием доверия, взаимопонимания в семье, попустительским отношением к ребенку. В процессе взаимодействия выявляется достаточно низкий педагогический потенциал родителей, сложность в установлении доверительных отношений с ребенком, растерянность родителей подростка, вошедшего в период пубертатного развития. Существуют объективные обстоятельства, затрудняющие надлежащую организацию семейного

воспитания: низкий культурно-образовательный уровень некоторых родителей, их занятость на работе, не позволяющая в должной мере осуществлять необходимый надзор за ребенком, недостаточная материальная обеспеченность и ненадлежащие жилищно-бытовые условия части семей. Криминогенное значение подобных обстоятельств фиксируется при изучении личности несовершеннолетнего и отражается в психологическом заключении.

Являясь альтернативным источником информации для суда и, впоследствии, для органов профилактики, специалист-психолог, участвующий в уголовном судопроизводстве, проводя диагностику личностных особенностей несовершеннолетнего правонарушителя, а так же условий и особенностей его воспитания и развития, имеет возможность дать лично-ориентированное заключение, способное более полно раскрыть индивидуально-психологические особенности несовершеннолетнего обвиняемого, факторов, способствующих совершению им преступления. Цель подобного психологического заключения - помочь суду отличить несовершеннолетнего преступника, нуждающегося в изоляции от общества, в том числе, для того, чтобы уберечь его от совершения более тяжкого преступления, от оступившегося подростка, исправление которого возможно путем назначения наказания, не связанного с лишением свободы, условного наказания путем освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направления в СУВУЗТ. Именно такой индивидуальный подход помогает избежать при вынесении судебного решения либо чрезмерно строгого наказания, либо избыточно мягкого, которое в свою очередь может привести лишь к усилению делинквентности.

Так же одной из важных составляющих работы специалиста-психолога является то, что по результатам проведенного исследования родителям подростка дается консультация по эффективным способам взаимодействия с ребенком с учетом его индивидуально-психологических особенностей. Учитывая, что при проведении исследований всегда присутствуют либо один либо оба родителя, они могут самостоятельно увидеть и услышать выявляемые пробелы в знаниях подростка, услышать его взгляд на произошедшее, мотивы его поступка. Это зачастую становится

эффективнее специально организованных воспитательных бесед как с родителями правонарушителя, так и с самим подростком.

Тесное взаимодействие психолога, участвующего в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних, со службами профилактики, а именно с комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, с подразделением по делам несовершеннолетних, уголовно исполнительными инспекциями позволяет получить инспекторам данных служб не только психологическое заключение на подростка, совершившего правонарушение, но и консультацию по правильному и личностноориентированному взаимодействию, а так же составлению плана мероприятий профилактики с данным ребенком.

Стоит отметить, что специалисты, в своей работе сталкиваются с рядом проблем.

Уже на первом этапе работы, как правило, могут возникнуть трудности, связанные с низкой замотивированностью подростка на участие в психодиагностическом исследовании. Чаще несовершеннолетние не понимают, почему их надо обследовать, не переживают из-за своих неприятностей, не видят причин для беспокойства считая данный проступок единичным и случайным. Исходя из этого, зачастую, при первой встрече с подростком сложно наладить доверительные отношения и конструктивный диалог. При невозможности опоры на внутреннюю мотивацию подростка, специалисту-психологу необходимо использовать возможности внешней мотивации. При первичной встрече подростку подробно разъясняются цели проводимого исследования, которые позволяют повысить его мотивацию на выполнение необходимых заданий.

В самом начале сбора информации исследуется текущая жизнь подростка: школьная деятельность, успеваемость; взаимоотношения с семьёй, друзьями; увлечения; наличие зависимостей. Вышеприведенные особенности несовершеннолетних требуют тщательной оценки и структурирования полученной от них информации. В этом, как правило, помогает изучение материалов уголовного дела, характеристики, данные из ОУ и разговор с родителями. Все это даёт возможность получить объективные данные и в дальнейшем вовлечь подростка в разговор на избегаемые темы, более качественно построить диагностическое интервью, которое является отправной точкой проведения исследования.

При изучении личностной сферы подростка и его индивидуально-типологических особенностей проблемой может стать неразвитость навыков рефлексии у подростков, склонных к правонарушениям, что не позволяет им объективно отвечать на вопросы, связанные с анализом сложившейся ситуации, возможных причин тех или иных поступков. Незнание себя, размытость границ «Я» не позволяет им охарактеризовать себя, свои личностные качества, свое место в социальной среде.

На взгляд Орлова Ю.М., *личностный тип рефлексии несет функцию самоопределения личности*. Именно выход на личностный тип рефлексии становится предпосылкой успешной ресоциализации в дальнейшем, изменения образа жизни, повышение чувствительности к принимаемым социальным воздействиям, так как зачастую сложно изъять подростка–нарушителя из привычного, провоцирующего окружения.

Особое внимание стоит обратить и на тот факт, что помимо качественного заключения, способного помочь в избрании меры наказания несовершеннолетнему подсудимому, специалист–психолог на этапе экспериментального исследования изучает возможности для ресоциализации подростка в будущем. Это становится возможным, если в ходе диагностических бесед на протяжении всех встреч у подростка отмечаются предпосылки формирующегося деятельного раскаяния, проявляющегося в процессе следственных действий. По своему содержанию признание вины и раскаяние характеризуется глубокими внутренними переживаниями, сожалениями о содеянном, правдивыми показаниями, осознанием общественной опасности совершенного преступления, отрицательной оценкой содеянного как неправомерного. Раскаяние, может быть вызвано такими чувствами как: стыд; совесть; осознание и понимание ответственности за совершенное; собственная критическая оценка своего поведения; боязнь утратить прежние хорошие отношения сверстников; страх остаться впоследствии в одиночестве, потерять доверие среди близких, друзей; жалость к потерпевшим. Нередко раскаяние вызывается и такими побудительными мотивами, как страх перед наказанием, желание освободиться от уголовной ответственности или смягчить наказание, чему способствуют логичные и убедительные разъяснения закона сотрудниками правоохранительных органов.

При анализе данных, полученных в ходе психологической диагностики, и написании заключения, специалисту необходимо в короткие сроки принять решение об определении зоны своей профессиональной компетентности, которая заключается в разграничении выявленных интеллектуальных дефицитах как о нарушениях, связанных с педагогической запущенностью или тотальных психических дефицитах, и, как следствие, о целесообразности проведения психолого-психиатрической экспертизы. От этого напрямую зависит соблюдение прав ребенка с одной стороны, и соблюдение сроков следствия по уголовному делу с другой.

Одна из важнейших задач работы специалиста-психолога состоит в том, чтобы качественно передать полученную в результате диагностического исследования информацию органам профилактики, сделав акценты на индивидуально-психологических особенностях несовершеннолетнего правонарушителя и мерах эффективного взаимодействия с ним.

Созданная в г. Кемерово служба педагогов-психологов, участвующих в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних позволила простроить систему взаимодействия службы с вышеперечисленными учреждениями системы профилактики и показала свою востребованность и эффективность. По статистическим данным за время функционирования службы уровень рецидивной преступности снизился на 30 %.

В связи с вступлением в законную силу ряда положений Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», в соответствии с которыми определяется обязательное участие педагога и психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних, не достигших возраста шестнадцати лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в развитии, потребность правоохранительных органов в специалистах педагогах-психологах для сопровождения следственных действий на стадии предварительного следствия, проведения проверочных мероприятий с несовершеннолетними, в т.ч. с учетом необходимости участия специалистов одновременно в нескольких следственных действиях (проверочных мероприятиях) значительно возросла.

Созданная в Кемеровской области служба специалистов–психологов, участвующих в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних, функционирующая в регионе на протяжении десяти лет, показала высокую эффективность при работе с несовершеннолетними правонарушителями и на сегодняшний день на территории Кемеровской области отрабатывается механизм введения педагогов-психологов для сопровождения несовершеннолетних на стадии предварительного следствия. Учитывая потребность СУ СК РФ по Кемеровской области, данный алгоритм планируется реализовать на базе 35 отделов Следственного Управления Следственного Комитета РФ по Кемеровской области.

Список литературы

1. Воронова Е.Л., Ткачев В.Н. Ювенальный суд и социальные службы: механизм взаимодействия [Текст] / Е.Л. Воронова, В.Н. Ткачев. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2004.
2. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. М.: Просвящение, 1991.
3. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы".
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – Новосибирск: Сиб.унив.изд-во, 2014.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации – Новосибирск: Сиб.унив. изд-во, 2014.
6. Федеральный закон №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».
7. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

Самоотношение и самооценка женщин зрелого возраста, подвергшихся насилию в семье

Ком Е.А.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь*

J_1@list.ru

Аннотация. В статье представлена актуальность изучения проблемы домашнего насилия и его последствий. Проведен анализ результатов исследования самоотношения и самооценки женщин зрелого возраста, подвергшихся насилию в семье. Выявлено, что существует положительная взаимосвязь между насилием над женщинами в семье и показателями самоотношения, а также уровнем самооценки.

Ключевые слова: насилие в семье, самоотношение, самооценка, зрелый возраст.

Нам хочется думать, что в своей семье мы всегда, как в надежном убежище сможем укрыться от стрессов и перегрузок окружающего мира. Что бы ни угрожало нам вне дома, мы надеемся найти защиту и поддержку в любви тех, с кем мы поддерживаем самые близкие отношения. Однако для многих людей желание обретения семейного покоя оказывается невыполнимым, так как их близкие являются скорее источником угрозы, чем надежности и безопасности. Тревожная статистика случаев избиения жен мужьями и жестокого обращения с детьми и престарелыми доказывает, что насилие в семье стало столь же обычным, как насилие на улицах городов (Дьяченко А.С., 2006).

Проблема насилия в семье долгое время была табуированной областью и до настоящего времени существует реальное сопротивление социума обращению к этой проблеме. Статистические данные относительно распространенности насилия, по мнению авторитетных экспертов (Кон И.С., 1989), не заслуживают доверия, как явно заниженные (Орлов А.В., 2006). В общественном сознании и СМИ проблема насилия

представлена в очень усеченной и трансформированной форме «ужасов отдельного случая». Представления о том, что насилие имеет место только в социально неблагополучных семьях, современные исследователи считают несостоятельным мифом общественного сознания. Насилие в семье происходит в любых слоях и категориях населения, независимо от классовых, расовых, культурных, религиозных, социально-экономических аспектов.

Актуальность проблемы домашнего насилия над женщинами не является исключением и для Республики Беларусь. Как и во многих других странах, проблема домашнего насилия в Беларуси носит латентный характер. Менталитет современных белорусов таков, что не позволяет выносить предметы и последствия внутрисемейных конфликтов за рамки семьи. Социальные стереотипы в этой области не позволяют человеку, подвергнутому домашнему насилию рассказать о случившемся постороннему – не члену семьи, тем более обращаться за помощью к специалисту, а именно: психологу, социальному работнику, юристу.

В настоящее время в Беларуси не существует единой статистики на национальном уровне о числе женщин, подвергающихся домашнему насилию. Официальная статистика имеется лишь в Министерстве внутренних дел страны о фактах убийств, тяжких телесных повреждений иных преступлений, совершённых на почве семейных конфликтов. Но эти цифры далеко не отражают реальную ситуацию по стране. Причиной этому является, прежде всего то, что не все случаи физического насилия попадают в поле зрения правоохранительных органов, не говоря уже о психологическом, экономическом или вербальном насилии.

Термин «насилие в отношении женщин» означает любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни. Во многих культурах к женщинам относятся как к людям «второго сорта». У предубеждения против женщин глубокие корни. Насилие по половому признаку во всех его проявлениях - давняя проблема даже в так называемом развитом мире (Сельченко К.В., 2001).

Проблематика психологии насилия – обширная область разрабатываемая в мировой психологии последние тридцать лет (Д.Левинсон, Дж.Кабрин, Д.Финкелхор, К.Брон, Э.Миллер, и др.). В отечественной науке данная проблематика сравнительно молода (Сафронова Т.Я., Соколова Е.Т., Цимбал Е.И. и др.). Несмотря на всю важность и актуальность проблематики насилия, до сих пор не существует единого видения данной области в психологии, нет единой теоретической и исследовательской парадигмы, не сложился полноценный терминологический и концептуальный аппарат.

Проблеме самосознания посвящено немало исследований в отечественной психологии. Эти исследования сконцентрированы в основном вокруг двух групп вопросов. В работах Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, И.И. Чесноковой, А.Г. Спиркина в общетеоретическом и методологическом аспектах, проанализирован вопрос о становлении самосознания в контексте более общей проблемы развития личности. В другой группе исследований рассматриваются более специальные вопросы, прежде всего связанные с особенностями самооенок, их взаимосвязью с оценками окружающих. Исследования А.А. Бодалева по социальной перцепции заострили интерес к вопросу связи познания других людей и самопознания. Немало опубликовано и философско-психологических и собственно философских исследований, в которых анализируются проблемы, связанные с личной ответственностью, моральным самосознанием. Работы И.С. Кона, в которых были удачно синтезированы философские, обще- и социально-психологические, историко-культурные аспекты, теоретические вопросы и анализ конкретных экспериментальных данных, открыли новые грани этой, пожалуй, одной из старейших проблем в психологии. Зарубежная литература по темам, имеющим отношение к психологии сознания, также чрезвычайно богата - эти вопросы, так или иначе, присутствуют в работах У. Джеймса, К. Роджерса, Р. Бернса и многих других.

Самоотношение в классической психологической литературе тесным образом связано с «сознательной активной избирательностью переживаний и поступков человека» или же собственно представляет собой «переживание, относительно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и «Я-образ» (Бороздина Л.В., 1992).

Опираясь на эти представления и следуя концепции данных авторов, мы выделяем в пределах самоотношения два центральных структурных звена: эмоциональный (его макроструктурные компоненты - самоуважение аутосимпатия, самоинтерес) и оценочный (собственно самооценка респондента) (отсюда название - эмоционально-ценностное отношение) при этом полагаем, что особенности эмоционального и когнитивного (самооценочный) «заряда» самоотношения (модальности) будут иметь свое отражение в характере переживаемых личностью проблем (Столин В.В., 1983).

Актуальность проблемы нашего исследования связана с тем, что насилие может вызывать различные нарушения, такие как нарушения в эмоциональной сфере, а также расстройства аппетита, сна, злоупотребление наркотиками, алкоголизм, непроизвольное воспроизведение травматических действий в поведении, попытки самонаказания (например, самоистязание); множество соматических жалоб. Нарушения, возникающие после насилия, затрагивают все уровни человеческого функционирования, которые приводят к стойким личностным изменениям. Помимо непосредственного влияния пережитое насилие может приводить к долгосрочным последствиям, зачастую влияющим на всю дальнейшую жизнь.

В качестве *объекта* нашего исследования выступило самосознание личности. *Предмет исследования* – самоотношение и самооценка женщин, подвергшихся насилию в семье. *Цель* нашего исследования изучить самосознание женщин, подвергшихся насилию в семье. Для достижения этой цели поставили следующие *задачи*:

1. Осуществить теоретический анализ проблемы насилия над женщинами в семье как социально-психологического процесса.
2. Охарактеризовать факторы семейного насилия (факторы риска) над женщинами.
3. Изучить самоотношение и самооценку, как оценочный аспект самосознания.
4. Исследовать самоотношение и самооценку женщин, подвергающихся насилию.
5. Проанализировать взаимосвязь насилия в семье, самоотношения и уровня самооценки у женщин.

Гипотезой выступило предположение о том, что существует взаимосвязь между уровнем самоотношения и насилием над женщинами в семье: у женщин,

подвергающихся насилию низкий уровень самооотношения.

Методы исследования: обзорно-аналитический; математико-статистический, интервьюирование, тестовые методы. Для сбора эмпирического материала использовали тест-опросник самооотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелеева и тест «Склонность женщины быть жертвой насилия» в модификации Л.Н. Собчик. Методы обработки: качественный и количественный анализ. Расчеты проводились с использованием табличного процессора Microsoft Excel и пакета статистических программ STATISTICA 6.0.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы социальными педагогами, практическими психологами, психотерапевтами для психопрофилактической, психокоррекционной и психоконсультационной работы с женщинами, пережившими насилие в семье, а также для создания коррекционных программ. Теоретический обзор литературы можно использовать для чтения курса «Кризисная психология»

Основываясь на анализе литературных источников и научных подходов к изучению исследуемой проблематики, мы пришли к выводу о том, что методологической основой исследования должна выступать психологическая теория деятельности, разработанная в отечественной психологии в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубенштейна. Деятельностный подход - система методологических и теоретических принципов изучения психических феноменов, в соответствии с которыми основным предметом исследования является деятельность, опосредующая все психические процессы. Еще одним методологическим основанием выступил принцип детерминизма, который подразумевает, что все психические явления связаны по закону причинно-следственных отношений, т.е. все, что происходит в нашей душе, имеет какую-то причину, которая может быть выявлена и изучена и которая объясняет, почему возникло именно то, а не иное следствие. Исходя из положений деятельностного подхода и принципа детерминизма нами выбраны опросные методы для сбора данных. Психологический детерминизм также исходит из того, что среда является не просто условием, зоной обитания человека, но культурой, которая несет в себе важнейшие знания, переживания, во многом изменяющие процесс становления личности – это

определило цель нашего исследования. Психологический детерминизм, кроме того, предполагает, что процессы, происходящие в душе, могут быть направлены не только на приспособление к среде, но и на противостояние ей - в том случае, если среда мешает раскрытию потенциальных способностей данного человека.

Для оптимальной реализации цели, исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе проводился опрос женщин о проблеме насилия в семье и их отношения к этому явлению, с целью формирования выборки для второго этапа исследования, во время которого, проводилась диагностика самоотношения и самооценки женщин, подвергшихся насилию в семье. На этом этапе выборку, которая формировалась случайным образом, составили 76 женщин г.Гродно и Гродненской области.

На втором этапе выборка сформирована из 60 женщин (30 человек – контрольная группа, женщины, не подвергавшиеся насилию и 30 женщин – экспериментальная группа, женщины, подвергавшиеся одному или нескольким видам насилия). Исследование проводилось в сотрудничестве с Гродненским городским социально-педагогическим центром и Гродненским районным отделом образования.

На третьем этапе производился анализ и интерпретация результатов исследования с помощью методов описательной и математической статистики.

Для исследования были применены следующие методики:

1. Анкета о проблеме насилия в семье, которая составлена на основе изучения литературы по проблеме исследования (Пэйдж С., 1996).

2. Тест – опросник «Склонность женщины быть жертвой насилия» в модификации Л.Н. Собчик. Предлагаемый тест позволяет выявить склонность женщины быть жертвой насилия. Он создан на основе высказываний женщин — жертв сексуального и бытового насилия. Тест позволяет диагностировать виктимность, а также может стать отправной точкой психотерапевтического процесса. Работа проводится в три этапа. Первый этап — диагностика, привлечение внимания к проблемам виктимности, побуждение женщины к свободному выражению своих мыслей и чувств. Второй этап — анализ результатов диагностики, выявление факторов риска. Третий этап — коррекция.

На первом этапе женщине предлагается выразить свое отношение к приведенным фразам. На втором этапе клиентка и психолог вместе анализируют полученные результаты, привязывая их к конкретному опыту, выявляют причины, источники тех или иных ее взглядов, их влияние на ее жизнь, детализируют болезненные воспоминания. На третьем этапе клиентке предлагается заменить свое положительное отношение к одному из высказываний на противоположное из предложенного набора, представить себе человека, который мог бы относиться к этому вопросу таким образом, его характер, внешность, привычки, прошлое, будущее, положительные и отрицательные стороны, сравнить его с собой, выразить свое отношение к нему.

В опроснике выделены следующие шкалы: неспособность дать отпор в критической ситуации; ожидание насилия; оправдание агрессора, связь любви с агрессией; связь удовольствия с болью, опасностью; чувство вины, ненужности, одиночества; принятие роли жертвы в сфере социальных отношений; состояние депрессии, утрата смысла жизни; извращения или драматические обстоятельства, связанные с первым сексуальным опытом; искаженные отношения с родителями в детстве. Наличие хотя бы одного положительного высказывания по каждому пункту является сигналом о возможных проблемах в исследуемой области. На основании качественного анализа набора высказываний, с которыми соглашается клиентка, делаются выводы о характере и причинах ее болезненных проявлений (Пэйдж С., 1996).

3. Тест – опросник самооотношения (ОСО), разработанный В.В. Столиным и С.Р. Пантелеевым. ОСО построен в соответствии с разработанной В. В. Столиным иерархической моделью структуры самооотношения. Данная версия опросника позволяет выявить три уровня самооотношения, отличающихся по степени обобщенности: 1) глобальное самооотношение; 2) самооотношение, дифференцированное по самоуважению, аутсимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; 3) уровень конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему «Я».

В качестве исходного принимается различие содержания «Я-образа» (знания или представления о себе, в том числе и в форме оценки выраженности тех или иных черт) и самооотношения. В ходе жизни человек познает себя и накапливает о себе знания, эти знания составляют содержательную часть его представлений о себе. Однако знания о

себе самом, естественно, ему небезразличны: то, что в них раскрывается, оказывается объектом его эмоций, оценок, становится предметом его более или менее устойчивого самоотношения (Бурлачук Л.Ф., 1999).

4. Тест «Нахождение количественного выражения уровня самооценки» (по С.А.Будасси). Самооценка относится к центральным образованиям личности, к ее ядру. Самооценка в значительной степени определяет социальную адаптацию личности, она — регулятор поведения и деятельности. Следует, однако, помнить: самооценка не есть нечто данное, изначально присущее личности. Само формирование самооценки происходит в процессе деятельности и межличностного взаимодействия. Окружение в значительной степени влияет на формирование самооценки личности. Отношение человека к самому себе наиболее позднее образование в системе отношений человека к миру, но несмотря на это (а может быть, именно благодаря этому) в структуре отношений личности самооценке принадлежит особо важное место. Самооценка прямо связана с процессом социальной адаптации и дезадаптации личности (Бурлачук Л.Ф., 1999).

Для анализа данных были применены следующие методы: метод качественного анализа; методы описательной статистики; метод ранговой корреляции Спирмена для выявления характера взаимосвязи между самоотношением, самооценкой и насилием в семье; с целью определения значимости отличий в характере самоотношения и самооценки у женщин контрольной и экспериментальной групп применили U - критерий Манна-Уитни.

На первом этапе исследования для сбора материалов нами на основании теоретического обзора литературы была составлена анкета «Отношение к проблеме насилия в семье» 1. Выборка, сформированная случайным образом, состояла из 76 женщин г.Гродно и Гродненской области. Возраст испытуемых 35-45 лет. Обработка материалов производилась с помощью качественного анализа. В анкете приведено описание четырех видов насилия. Респондентам было предложено отметить те насильственные действия по отношению к женщинам, которые встречались в их семейной практике. В результате получили результаты, которые отражены в таблице 1.

Таблица 1 - Распределение преобладающих видов насилия

Виды насилия	Кол-во испытуемых, обс.ч.	Выраженность в %
Без насилия	41	54
Физическое	6	8
Сексуальное	4	5
Психологическое	15	20
Экономическое	10	13

Выявлены 41 (54%) женщины, которые, по их словам, не встречались с насилием в семье, а у остальных испытуемых преобладает психологическое насилие (20%), далее представлено экономическое насилие (13%), и наименее используемые виды насилия – сексуальное (5%) и физическое (8%).

На втором этапе исследования диагностировалась склонность женщин быть жертвами насилия с помощью теста - опросника «Склонность женщины быть жертвой насилия» с целью формирования контрольной и экспериментальной групп. В экспериментальную группу (ЭГ) вошли женщины (30 человек) из семей с различными видами насилия, у которых были положительные ответы по трем и более шкалам теста. Шкалы представлены следующие: неспособность дать отпор в критической ситуации; ожидание насилия; оправдание агрессора, связь любви с агрессией; связь удовольствия с болью, опасностью; чувство вины, ненужности, одиночества; принятие роли жертвы в сфере социальных отношений; состояние депрессии, утрата смысла жизни; извращения или драматические обстоятельства, связанные с первым сексуальным опытом; искаженные отношения с родителями в детстве. Остальные женщины вошли в состав контрольной группы (30 человек) (КГ).

Для характеристики самоотношения женщин, подвергающихся насилию в семье, мы использовали «Тест – опросник самоотношения», разработанный В.В.Столиным и С.Р. Пантелеевым. Самооценка испытуемых диагностировалась с помощью теста «Нахождение количественного выражения уровня самооценки» (по С.А.Будасси).

Качественный анализ результатов изучения самооотношения испытуемых приведен на Рисунке 1.

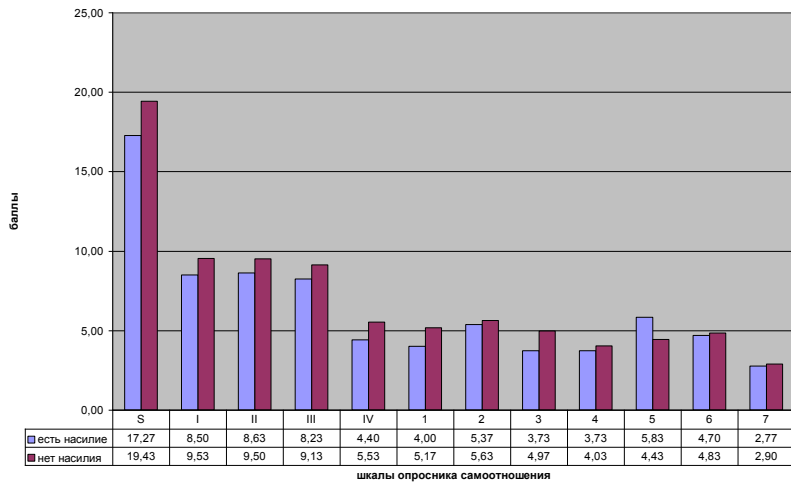

Рисунок 1 – Результаты изучения самооотношения в экспериментальной и контрольной группах

При качественном анализе данных можно констатировать, что показатель глобального самооотношения у испытуемых не подверженных насилию (19,43) значительно выше, чем у испытуемых, которые испытывают на себе любые виды насильственных действий (17,27). Глобальное самооотношение – внутренне недифференцированное чувство «за» и «против» самого себя.

По шкалам «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Самоинтерес», «Ожидаемое отношение других» показатели также выше у испытуемых контрольной группы. В шкале «Самоуважение» речь идет о том аспекте самооотношения, который эмоционально и содержательно объединяет веру в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценку своих возможностей, контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, понимание самого себя. Такие характеристики соответствуют личности тех женщин, в семейной жизни которых отсутствует насилие. Испытуемые экспериментальной группы видят в себе по преимуществу недостатки, имеют низкую самооценку, и обладают готовностью к самообвинению. Это свидетельствует о таких эмоциональных реакциях на себя, как раздражение, презрение, издевка, вынесение самоприговоров («и поделом тебе»).

По шкале «Самоинтерес», которая отражает меру близости к самому себе, женщины подвергающиеся насилию отмечают отсутствие интереса к собственным мыслям и чувствам, не желание общаться с собой «на равных», не уверенность в своей интересности для других. Постоянно ожидают негативного отношения к себе окружающих.

Для того, чтобы выявить характер взаимосвязи между насилием в семье, самоотношением и самооценкой у женщин, мы провели корреляционный анализ с помощью метода ранговой корреляции Спирмена

В результате анализа полученных результатов, можно сделать выводы о том, что существует значимая взаимосвязь между насилием над женщинами в семье и показателями самоотношения, а также уровнем самооценки ($r=0,3$; $p=0,01$). Что касается характера взаимосвязи, то обнаружена положительная взаимосвязь между насилием и общим самоотношением ($r=0,4$; $p=0,001$), таким образом, чем чаще применяется насилие, тем ниже показатели самоотношения, и наоборот, чем меньше в семье насильственных действий по отношению к женщине, тем выше ее самоотношение и самооценка. Выявлена положительная взаимосвязь между отдельными шкалами опросника самоотношения и насилием: глобальное СО, самоуважение, ожидаемое отношение других, самоинтерес, самоуверенность, самопринятие, самообвинение.

Далее для проверки нашей гипотезы о наличии значимых различий в самоотношении женщин, подвергающихся насилию и женщин, в отношении которых не применяется насильственных действий, мы применили статистический критерий Манна-Уитни для независимых выборок. Наша гипотеза подтвердилась – обнаружены значимые различия по некоторым шкалам опросника самоотношения и по самооценке

В результате обнаружены отличия в показателях самоотношения и самооценки на высоком уровне статистической значимости ($p<0,05$) по следующим показателям опросника самоотношения: шкала S – измеряет интегральное чувство «за» или «против» собственно «Я» испытуемого; шкала I – самоуважение; шкала III – ожидаемое отношение от других; шкала IV – самоинтерес; шкала 1 – самоуверенность; шкала 3 – самопринятие; шкала 5 – самообвинение. Также обнаружены значимые различия в самооценке испытуемых, самооценка испытуемых контрольной группы характеризуется

более высоким уровнем, а самоотношение носит положительный характер. С целью уточнения полученных данных мы провели качественный анализ в соответствии с ключом к методике.

Женщин из экспериментальной группы можно охарактеризовать следующим образом. Они обладают низкой и заниженной самооценкой. У них отсутствует вера в свои силы, снижен энергетический потенциал, отсутствует самостоятельность и способность к оценке своих возможностей, они не в силах контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательными, не понимают самих себя. Испытуемые видят в себе по преимуществу недостатки, обладают готовностью к самообвинению, по отношению к себе чувствуют раздражение, презрение. У них отсутствует интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой «на равных», уверенность в своей интересности для других, ожидают негативного отношения к себе окружающих.

Для женщин контрольной группы характерна адекватная самооценка. Их самоотношение носит положительный характер, это показатель, который эмоционально и содержательно объединяет веру в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, в оценку своих возможностей, в возможность контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, для них присуще понимание самих себя. В результате анализа проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод, что гипотеза нашего исследования подтвердилась.

Таким образом, в результате теоретико-эмпирического исследования по проблеме сделали следующие *выводы*:

1. Семейное насилие – современная социально-психологическая проблема, проявляющаяся в общественной и профессиональной деятельности жертв насилия, оказывающая влияние на их психическое здоровье. Понятие «насилие на гендерной почве» включает в себя слово «гендерной» потому, что его жертвами в подавляющем большинстве случаев становятся женщины. Насилие такого рода направлено, прежде всего, на женщин как представительниц слабого пола, не способных оказать сопротивления более сильным физически мужчинам и в целом обладающих относительно низким социальным статусом. Недостаток силы и статуса делает женщин уязвимыми для насилия. Сегодня известно, что

НПП может привести к развитию хронических психологических и физических расстройств и негативно повлиять на самые разнообразные аспекты жизни женщины.

В настоящее время проблема домашнего насилия над женщиной признаётся мировой общественностью как одна из опаснейших, латентных и актуальных проблем современности. Проведённые исследования по домашнему насилию в разных странах мира на различных уровнях и полученные в результате их данные позволяют выделить следующие виды насилия над женщиной в семье: физическое домашнее насилие, сексуальное домашнее насилие, психологическое домашнее насилие, экономическое домашнее насилие.

Домашнее насилие — комплексный вид насилия. Это повторяющийся с увеличением частоты цикл физического, словесного, эмоционального, духовного и экономического унижения, запугивания ради поддержания контроля над жертвой. Семейное насилие — явление достаточно распространённое во всем мире и во всех слоях населения. О насилии в семье говорят в тех случаях, когда факты грубого и жестокого обращения не единичные, не случайные и ситуативные, а регулярные, систематические и постоянно повторяются. При всем разнообразии видов насилия — физического, сексуального, психологического, экономического и т.д. — именно для семейного насилия характерно то, что оно приобретает всеобщий, генерализованный характер. Не бывает семейного насильника, который бы ущемлял свою жертву или жертв в чем-то одном.

2. Факторы риска женщин также связаны с неблагоприятной жизненной ситуацией в родительской семье: высокий уровень психологической зависимости от мужчины; экономическая зависимость от мужчины; более высокий уровень образования женщины в семье; наличие у женщины физических недостатков; низкая самооценка; недостаточная сексуальная активность или неграмотность в этой сфере.

Существуют некоторые общие характеристики реальных и потенциальных жертв домашнего насилия: пассивность, подчиняемость, неуверенность в себе, низкая самооценка, чувство вины. Эти качества, с одной стороны, являются условиями возникновения домашнего насилия, с другой — усугубляются со временем и влекут за

собой развитие насилия. Также есть общие характеристики насильников: критичность по отношению к другим, агрессивность, властность, скрытность, импульсивность. Также общей характерной чертой является предпочтение стратегии доминирования и подавления в конфликте.

3. Традиционным для психологической науки является определение самосознания, как относительно устойчивая в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит своё взаимодействие с другими людьми и относится к себе. По мнению Р.Бернса: «Я-концепция - это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряжённая с их оценкой». Мак-Кэндлес считал, что самосознание - это совокупность ожиданий, а также оценок относящихся к различным областям поведения, с которыми эти ожидания связаны (Кон И.С., 1999).

Самоотношение в классической психологической литературе тесным образом связано с «сознательной активной избирательностью переживаний и поступков человека» или же собственно представляет собой «переживание, относительно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и «Я-образ». Опираясь на эти представления и следуя концепции авторов, мы выделяем в пределах самоотношения два центральных структурных звена: эмоциональный (его макроструктурные компоненты - самоуважение аутосимпатия, самоинтерес) и оценочный (собственно самооценка респондента) (отсюда название - эмоционально-ценностное отношение) при этом полагаем, что особенности эмоционального и когнитивного (самооценочный) «заряда» самоотношения (модальности) будут иметь свое отражение в характере переживаемых личностью проблем. Можно выделить два положения, которые принимаются большинством исследователей: существуют некоторые обобщенные самоотношения (самоуважение, глобальная самооценка), выражающее степень положительности субъекта к себе; это обобщенное самоотношение каким-то образом интегрируется из частных самооценок (Столин В.В., 1983).

4. Особенности самоотношения и самооценки у женщин, подвергающихся насилию в семье, являются низкий уровень самоотношения и низкая и заниженная самооценка. В результате качественного анализа данных, полученных при исследовании

самоотношения и самооценки, можно констатировать, что показатель глобального самоотношения у испытуемых не подверженных насилию значительно выше, чем у испытуемых, которые испытывают на себе любые виды насильственных действий. Глобальное самоотношение – внутренне недифференцированное чувство «за» и «против» самого себя. По шкалам «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Самоинтерес», «Ожидаемое отношение других» показатели также выше у испытуемых контрольной группы.

5. Более позитивное восприятие себя, осмысление конфликтной ситуации как насилия создает более конструктивное взаимодействие и снижает интенсивность и разнообразие форм насилия. Склонность обвинять себя или видеть причину конфликта во внешних обстоятельствах определяет выбор деструктивных стратегий взаимодействия, поддерживающих акты насилия со стороны партнера.

Выявлена значимая взаимосвязь между насилием над женщинами в семье и показателями самоотношения, а также уровнем самооценки. Что касается характера взаимосвязи, то обнаружена положительная взаимосвязь между насилием и общим самоотношением, таким образом, чем чаще применяется насилие, тем ниже показатели самоотношения, и наоборот, чем меньше в семье насильственных действий по отношению к женщине, тем выше ее самоотношение и самооценка.

Женщин из экспериментальной группы можно охарактеризовать следующим образом. Они обладают низкой и заниженной самооценкой. У них отсутствует вера в свои силы, снижен энергетический потенциал, отсутствует самостоятельность и способность к оценке своих возможностей, они не в силах контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательными, не понимают самих себя. Испытуемые видят в себе по преимуществу недостатки, обладают готовностью к самообвинению, по отношению к себе чувствуют раздражение, презрение. У них отсутствует интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой «на равных», уверенность в своей интересности для других, ожидают негативного отношения к себе окружающих.

Для женщин контрольной группы характерна адекватная самооценка. Их самоотношение носит положительный характер, это показатель, который эмоционально

и содержательно объединяет веру в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, в оценку своих возможностей, в возможность контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, для них присуще понимание самих себя.

В результате анализа проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод, что гипотеза нашего исследования подтвердилась.

Список литературы

1. Бороздина, Л.В. Что такое самооценка / Л.В.Бороздина // Психологический журнал. - 1992. - №4. - С. 99-100.
2. Бурлачук, Л.Ф. Словарь – справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, М.С. Морозов. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 450с.
3. Дьяченко, А.С. Насильственные преступления против личности в странах Содружества Независимых Государств в 2000-2004г. / А.С. Дьяченко. - М.: Владос, 2006. – 215 с.
4. Кон, И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С.Кон. – М.: Пресс, 1999. - 335 с.
5. Кон, И.С. Введение в сексологию / И.С.Кон. - М.: Медицина, 1989. – 312с.
6. Орлов, А.В. Психологическое насилие в семье – определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи / А.В.Орлов. – М.: Стиль, 2006. – 189 с.
7. Пэйдж, С. Супружеская жизнь: путь к гармонии / С.Пейдж. - М.: Эксмо, 1996. – 342 с.
8. Сельченко, К.В. Психология человеческой агрессивности / К.В.Сельченко. - М.: АСТ, 2001. – 318 с.
9. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М.: МГУ, 1983. - 284с.

Антикоррупционное воспитание в семье

Локтев С.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет

психологии,

г. Москва, Российская Федерация

doctor.lsv@gmail.com

«Новорожденные везде плачут одинаково. Когда же они вырастают, у них оказываются неодинаковые привычки. Это – результат воспитания».

Сюнь-Цзы

Аннотация. Учитывая цели и задачи, которые современное российское общество поставило перед собой, в процессе воспитания и развития личности ребенка родителям необходимо уделять особое внимание формированию его антикоррупционного мировоззрения.

Коррупция – от латинского *Corrumpere* – «растлевать», является одной из основных угроз национальной безопасности России, в связи с чем в последнее десятилетие государственная власть предпринимает активные меры по борьбе с данным широкомасштабным и распространенным явлением. Вместе с тем, ставка, в основном, делается на экономические меры и законодательное преследование, при этом, достаточно мало внимания уделяется психологическим механизмам противодействия коррупции, играющим главенствующую роль в предупреждении формирования коррупционного поведения у различных слоев общества разных возрастных групп.

Учитывая социопсихологический характер данного явления, одной из важнейших задач, которые необходимо решить в ходе реализации принятых мер противодействия коррупции, является активизация антикоррупционного просвещения граждан.

В последние годы в рамках реализации мер противодействия коррупции проводится большая работа по формированию антикоррупционного мировоззрения школьников в образовательных учреждениях, издаются методические пособия, рекомендации для развития антикоррупционного образования в образовательных учреждениях, разрабатываются учебные программы, формирующие антикоррупционное мировоззрение школьников, при этом, практически никакого внимания не уделяется антикоррупционному воспитанию в семье.

Вместе с тем, важная роль в становлении личности отводится семье. В этой связи, в современных условиях одним из главных направлений указанной деятельности предстает антикоррупционное воспитание в семье в рамках воспитания и развития личности ребенка, учитывая, что семья, являясь самым близким его окружением.

Воспитание неприятия молодым поколением коррупции как явления, абсолютно несовместимого с ценностями современного правового государства, – является задачей каждой современной семьи.

Автором проведен поиск адекватных мер противодействия коррупции в рамках антикоррупционного воспитания в семье, целью которого является формирование антикоррупционного мировоззрения личности.

Материал может быть положен в основу методических рекомендаций, как для воспитателей дошкольных образовательных учреждений, так и преподавателей средних общеобразовательных школ, по взаимодействию с родителями в проведении антикоррупционного образования, а так же пособия для родителей с целью помощи в организации антикоррупционного воспитания в семье.

Проблемы воспитания в семье и образования тесно связаны с проблемами общественного развития, при этом, важная роль в становлении и развитии личности должна быть отведена семье. Вместе с тем, в настоящее время, семья, равно как и школа, не дают сегодня необходимого набора гражданских и социальных знаний.

Основная проблема заключается в том, что коррупционное поведение не только сохраняется, но и перестает быть постыдным. Современные антикоррупционные меры, как указано выше, в основном направлены на ужесточение контрольных и репрессивных действий по отношению к чиновникам и не затрагивают основы существования

коррупции, как в государстве, бизнесе, так и в общественном сознании в целом. Все это требует серьезного осмысления и выработки новых механизмов организации противодействия коррупции. Необходимо без промедления сосредоточить усилия на ограничении сферы проявлений коррупции, снижении степени ее влияния, устранение причин и условий, ее порождающих, минимизации вредных последствий; способствовать распространению антикоррупционных идей и взглядов, стимулировать антикоррупционное настроение и поведение. Участие или неучастие в коррупционной деятельности – это, прежде всего, проблема нравственного выбора. Для того чтобы выбор был максимально осознанным, необходимы информация, знания, наглядные отрицательные примеры, четко определенная позиция государства, гражданского общества. Постановка проблемы взяточничества, знакомство с известным историческим опытом противодействия коррупции чрезвычайно важны для практических действий по предотвращению и профилактике коррупции во всех ее формах и проявлениях, предупреждению и нейтрализации коррупционного поведения как образа жизни.

Целью антикоррупционного воспитания является передача ценностных установок и развитие способностей, необходимых для последующего формирования гражданской позиции относительно коррупции. Сформированная личность, которая наделена знаниями об опасности, которую представляет собой коррупция для благосостояния общества и безопасности государства, которая не желает мириться с проявлениями коррупции, желает и способна к ее устранению.

Известно, мировоззрение – это система обобщенных взглядов на мир и место человека в нем, на отношение людей к окружающей их действительности и самим себе, а также обусловленные этими взглядами их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности. Система антикоррупционных идей, взглядов, принципов, в которых отражается негативное отношение личности, социальных групп и всего общества к коррупционной деятельности, должна органично дополнить мировоззренческую картину подрастающего поколения.

Формирование антикоррупционного мировоззрения в семье должно быть направлено на решение ряда задач:

- 1) дать общее представление о сущности коррупции, ее формах и особенностях проявления в различных сферах общества, причинах и социально опасных и вредных последствиях этого явления;
- 2) дать общее представление об исторических формах коррупции, особенностях ее проявления в различных сферах жизнедеятельности, причинах, вредных последствиях данного явления;
- 3) научить распознавать коррупцию;
- 4) сформировать навыки адекватного анализа и личностной оценки данного социального явления с опорой на принцип историзма;
- 5) сформировать комплекс знаний о коррупциогенных ситуациях для формирования стандартов поведения в соответствии с правовыми и морально-этическими нормами;
- 6) стимулировать мотивацию антикоррупционного поведения;
- 7) формировать нетерпимость к проявлениям коррупции;
- 8) продемонстрировать возможности борьбы с коррупцией;
- 9) воспитать ценностные установки равнодушия к тому, что происходит рядом; честность, ответственность за действие, поступок; постоянное усовершенствование личной, социальной познавательной и культурной компетентности;
- 10) способствовать развитию и реализации таких навыков, как общение, критическое мышление, ответственность за свои действия.

Для решения этих задач родителям необходимо сформировать у ребенка нравственные основы, позволяющие противостоять указанному явлению.

Система антикоррупционного воспитания должна строиться следующим образом:

- 1) формирование положительного отношения к хранителям порядка, стремление самому стать хранителем порядка (до 7 лет);
- 2) формирование навыков организации порядка (7-9 лет);
- 3) формирование компетентности в решении жизненных задач по существующим правовым нормам (10-13 лет);
- 4) формирование антикоррупционного мировоззрения (14-17 лет).

Воспитание культуры поведения и дисциплинированности в дошкольном возрасте обеспечивает профилактику девиантного поведения в целом у детей данной возрастной группы. Таким образом, целью антикоррупционного воспитания в семье детей дошкольного возраста является воспитание ценностных установок и развитие способностей, необходимых для формирования гражданской позиции в отношении окружающего общества.

Таким образом, первоначально необходимо дать ребенку представления о «добре и зле», «чести и бесчестии», «справедливости и несправедливости».

Семейные традиции, знание кто ты, откуда твои корни, гордость за предков – главный источник ценностных посылов для формирующейся личности.

Вместе с тем, формой работы в этом направлении является приводимый родителями анализ литературных произведений, в том числе поднимающих проблему коррупции, а так же исторических событий.

Кроме того, в вопросах нравственного воспитания детей возможно приведение цитат и примеров из различных духовных источников, поскольку практически в каждой религии есть примеры, формирующие справедливость, бескорыстную помощь ближнему.

Именно на основе прочно усвоенных моральных ценностей складывается негативное отношение к такому антисоциальному явлению, как коррупция.

На более высоком уровне формирования родителями антикоррупционного мировоззрения ребенка предполагается начало формирования у детей гражданской позиции и устойчивых навыков антикоррупционного поведения.

Предполагается, что дав общее представление о сущности коррупции, ее формах, особенностях проявления в различных сферах жизни общества, причинах и социально опасных и вредных последствиях этого явления, опираясь на личный опыт и приводя его в пример, старшее поколение формирует у ребенка навыки адекватного анализа и личностной оценки данного социального явления, стимулируя мотивацию антикоррупционного поведения, формируя нетерпимость к проявлениям коррупции.

В указанных направлениях целесообразнее и эффективнее проводить с детьми дискуссии.

Антикоррупционный стандарт поведения личности формируется также за счет соблюдения и уважения действующих правил, выработки устойчивой привычки добиваться в жизни всего самостоятельно, не полагаясь на другого, не существуя за счет других.

Государством принимаются достаточно действенные меры по предотвращению коррупции; установлены принципы в борьбе с коррупцией: прозрачность, подотчетность, порядочность. Эти принципы необходимо внушать детям с самого раннего возраста. Говоря с детьми о коррупции, необходимо донести до их сознания суть, причины и последствия коррупции, поощрять нетерпимость к её проявлениям, демонстрировать возможности борьбы с этим явлением. Необходимо объяснять детям, что основной причиной коррупции является человеческое корыстолюбие. Искушение коррупционным поведением усиливается с распространением потребительских настроений, когда стремление к личному благосостоянию становится более важным, чем благосостояние общества или когда о понятии общества вообще забывают.

Цель антикоррупционного воспитания в семье – это формирование в наших детях общечеловеческих ценностей: добра, справедливости, честности, ответственности за свои поступки. Именно в семье закладываются представления человека о его правах и обязанностях. Чем раньше ребенок будет думать о своих и чужих правах, об ответственности за свои и чужие ошибки, тем лучше. В результате будет развиваться личность, наделённая знаниями об опасности, которую представляет собой коррупция для благосостояния общества и безопасности государства и не желающая мириться с её проявлениями.

В связи с этим, формирование неприятия коррупционного поведения предполагает осознанное отношение к себе и своей жизни. Вместе с тем, многие совершеннолетние граждане недостаточно четко оценивают проблему коррупционных отношений, а так же не представляют своего места в противодействии коррупции. В связи с чем, для эффективного антикоррупционного воспитания необходимо взаимодействие и партнерские отношения образовательных организаций с семьей. В частности, необходимо составление методических пособий для работы с родителями в рамках антикоррупционного воспитания.

Будучи антиобщественным явлением, коррупция безнравственна по своей сути, так как благополучие одних строится на ущемлении материальных, хозяйственных, финансовых и социальных интересов большинства населения. Коррупция разъедает общественную мораль, девальвирует содержание труда, культивирует алчность, жадность, игнорирование закона. При этом, у коррупции всегда две стороны. Терпимое отношение к коррупции складывается желанием при необходимости не замечать в собственном поведении ее проявлений, например, в стремлении добиться более чуткого и внимательного отношения учителя, воспитателя к ребенку.

Необходимо разъяснять родителям, что именно из таких отдельных поступков складывается терпимое отношение к коррупции в целом, что во многом делает ее более распространенной в обществе. Антикоррупционное воспитание в семье, при сотрудничестве с образовательными организациями, приведет к формированию в сознании подрастающего поколения нетерпимости к коррупционному поведению.

Семья и школа являются теми источниками информации, которым доверяют дети. Интеграция семьи и образовательных учреждений позволит быстрее достичь большего положительного результата.

Таким образом, воспитательная работа в семье по повышению уровня внутренней культуры личности и укреплению морально-этических принципов человека, воспитанию неприятия молодым поколением коррупции как явления, абсолютно несовместимого с ценностями современного правового государства, формирующая крайне неблагоприятную для коррупционной системы психологическую среду в обществе должна быть поддержана и усилена школой.

Противодействие коррупции — не только государственное, но и общенародное дело. Любое общество стремится жить по определенным правилам. Они реализуются через существующие законы и нормы морали. Важно дать понять ребенку, как в обществе соотносятся между собою мораль и закон. Мораль формируется, как правило, под влиянием авторитетов и внутреннего самоконтроля, а также права, закрепленного в законах. Обладая нормативной определенностью, право обеспечивается принудительной силой государства для соблюдения гражданами правил поведения.

Сочетание прогрессивного права и высокой нравственности дает обществу стабильность.

Культивирование честности при воспитании в семье — один из факторов становления здорового общества с устойчивым антикоррупционным мировоззрением. Сформировавшаяся гражданская, нравственно-этическая позиция в семье — важный залог успешности создания антикоррупционной атмосферы в обществе.

Список литературы

1. Барышников Е.Н., Григорян Н.В. Антикоррупционное воспитание. Система воспитательной работы по формированию у учащихся антикоррупционного мировоззрения в образовательном учреждении: Методические рекомендации. - СПб., 2010.
2. Журавлева О.Н. Формирование антикоррупционного мировоззрения школьников на уроках истории и обществознания: Методическое пособие. – М., 2009.
3. Качкина Т.Б., Качкин А.В. Противодействие коррупции через образование: Методическое пособие – Ульяновск, 2009.
4. Решетников М.М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2008.

Социально-психологические особенности семей дезадаптированных подростков

Рашитова Л.С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

lrashitova@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается проблема влияния семьи на дезадаптированное поведение подростков. Проанализированы факторы, которые

оказывают воздействие на формирование дезадаптации несовершеннолетних в семье. Описаны социально-психологические особенности семьи данной категории подростков.

Ключевые слова: дезадаптация, семья, дезадаптированное поведение, дезадаптированные подростки.

Семья является важнейшим социальным институтом. Именно в семье формируются представления о мире, других людях, нормах поведения в обществе. Авторы, изучающие проблему дезадаптации, подчеркивают влияние семьи на формирование поведения отклоняющегося от нормы. Под дезадаптацией понимается "результат внутренней или внешней (иногда комплексной) дегармонизации взаимодействия личности с самой собой и обществом, появляющийся во внутреннем дискомфорте, нарушениях деятельности, поведения и взаимоотношений" (Молодцова Т.Д., 2013, с.150).

Т.Д. Молодцова рассматривает семью как фактор дезадаптации. По ее мнению, большое значение играет стиль воспитания: эмоциональное отвержение ребенка, отсутствие контроля, деформированные семейные отношения, самоустранение одного из родителей из процесса воспитания (Молодцова Т.Д., 2014).

М.М. Миннегалиев выделяет следующие причины дезадаптации подростков: неблагополучная семья (алкоголизация, педагогическая некомпетентность родителей, развод), приобщение несовершеннолетних к употреблению алкоголя в семье, отсутствие единых требований в воспитании, плохая связь семьи и школы (Миннегалиев М.М., 2012).

И.А. Горьковая в своем исследовании изучала влияние родителей на противоправное поведение подростков. Исследование показало, что у несовершеннолетних преступников, родители обладают низким социальным статусом, занимаются неквалифицированным трудом, либо проживают на пособия на детей, алкоголизованы, имеют судимость. Автор считает, что противоправное поведение подростков обусловлено внутрисемейными причинами (Горьковая И.А., 2010).

Таким образом, отечественными исследователями подчеркивается негативное влияние семьи на дезадаптированное поведение подростков.

Мы провели пилотажное исследование на базе Санкт-Петербургского государственного учреждения социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних "Прометей". В нем проживают воспитанники, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, дети-сироты. Дезадаптированное поведение воспитанников центра "Прометей" выражается в эмоциональной нестабильности, повышенной чувствительности к неудачам, агрессивности, враждебности. Можно предположить, что одной из причин данного поведения выступает внутрисемейная ситуация. Мы проанализировали 21 семью. Анализу подвергались следующие показатели:

- состав семьи (полная, неполная), многодетность;
- социальный статус родителей: низкоквалифицированный труд, безработные, живущие за счет детских пособий;
- судимость близких родственников (мать, отец, сестра, брат);
- психическое здоровье родителей;
- алкоголизация родителей.

Исследование показало, что практически половина воспитанников проживает в неполных семьях (10 семей), две воспитанницы сироты, остальные росли в полных семьях. В нашем исследовании представлено четыре многодетные семьи (по 3, 5,5,8 детей).

Многие родители воспитанников центра "Прометей" обладают низким социальным статусом. Занимаются низкоквалифицированным трудом родители из семи семей, живут на пособия на детей и не работают родители из четырех семей.

Предпринята попытка отследить судимость близких родственников (мать, отец, сестра, брат) дезадаптированных подростков. На момент обследования таких семей было четыре. В одной из них мать на данный момент находится в местах лишения свободы.

Психическое здоровье родителей рассматривается как важный показатель, т.к. нездоровый родитель не имеет возможности обеспечить условия на полноценного развития ребенка. В четырех семьях родители проходили лечение в психиатрической

клинике. Несколько воспитанников из-за данной причины были направлены в социально-реабилитационный центр.

В семи семьях родители злоупотребляют спиртными напитками, что также является причиной попадания несовершеннолетнего в социально-реабилитационный центр.

Анализ показал, что только в семи семьях отсутствуют такие показатели, как низкий социальный статус, безработность, судимость, алкоголизация, нарушения психического здоровья родителей. Данный феномен свидетельствует о том, что в большинстве случаев семья способствует появлению дезадаптации у подростка.

Таким образом, по мнению многих авторов семья оказывает большое влияние на социализацию и социальную адаптацию подростков. В ходе нашего исследования было выявлено, что дезадаптированные подростки проживают в неблагополучных семьях. Соответственно, их поведение может быть обусловлено ситуацией в семье.

Список литературы

1. Горьковая И.А. Семья как фактор криминализации подростка // Коченовские чтения «Психология и право в современной России» [Электронный ресурс] Портал психологических изданий PsyJournals.ru
URL: http://psyjournals.ru/kochenovskie_chteniya_2010/issue/41354_full.shtml [Семья как фактор криминализации подростка - Коченовские чтения «Психология и право в современной России»]
2. Миннегалиев, М.М. Причины девиантного поведения подростков и факторы, способствующие его предупреждению и преодолению // Вестник ЧГПУ. 2012. №2. С. 122-129.
3. Молодцова Т.Д. Объективные и субъективные источники, способствующие дезадаптации детей в семье // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований . 2014. № 3-1. С.72-74.
4. Молодцова Т.Д. Уровни дезадаптации в подростковом возрасте // Международный журнал экспериментального образования.- 2013. - №7. - С. 150-151.

Психологические аспекты судебного варианта разрешения семейного конфликта о детях при разводе

Терехина С.А.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии»

Минздрава РФ, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия

svterek@gmail.com

Ключевые слова: интересы ребенка, развод, воспитание детей, психологическое благополучие ребенка

Современный институт семьи претерпевает существенные трансформации, одним из проявлений которых в течение последних десятилетий выступает высокий уровень разводов. Большую часть распадающихся семей составляют семьи, воспитывающие детей. Социологические прогнозы содержат данные об увеличении числа таких семей. Так, согласно этим данным, к 2015–2020 г. в России распадется каждая третья семья с детьми. Одновременно с этим отмечается увеличение риска развода в семьях, воспитывающих более одного ребенка (Захаров С.В., 2014). Таким образом, число несовершеннолетних, которые в какой-то период своей жизни столкнутся со всем комплексом проблем, связанных с ситуацией развода, будет расти.

В последние десятилетия в нашей стране получил широкое распространение судебный вариант решения спорных вопросов о детях при разводе родителей. Причины данного явления следует искать как в развитии судебной системы России в целом и гражданского законодательства в частности, так и в формировании и распространении соответствующей модели поведения среди широких слоев населения. Вместе с тем рассмотрение семейных споров о детях при разводе в рамках гражданского судопроизводства имеет целый ряд существенных недостатков, которые выражаются в их длительности, особой сложности, частоте неисполнения уже принятых судебных решений. Отдельный комплекс проблем связан с вовлечением в этот процесс несовершеннолетних.

В соответствии с внесенными в семейный кодекс изменениями несовершеннолетние приобрели новый статус, согласно которому они выступают как самостоятельные субъекты семейного права. Первостепенное значение для государства вопросов защиты прав и интересов детей нашло свое отражение в «Национальной стратегии действий в интересах детей в 2012-2017 годах» (Национальная стратегия..., 2013). В ней предусмотрены меры по реформированию правосудия в направлении дружелюбности по отношению к несовершеннолетним. В качестве приоритетного принципа при решении различных вопросов, связанных с обеспечением прав несовершеннолетних в судебной системе, является соблюдение «наилучших интересов» детей. В соответствии с данным принципом любые судебные решения в отношении несовершеннолетних должны оцениваться на предмет того, отвечают ли они интересам детей. В настоящее время в правовых дисциплинах проводятся многочисленные исследования, связанные с содержательным наполнением понятия «интересы детей» (Беспалов Ю.Ф., 2010; Ильина О.Ю., 2006). Вместе с тем в настоящее время психологические аспекты правового понятия «наилучших интересов ребенка» еще не разработаны. В связи с их разработкой возникает целый ряд проблем, касающихся соотношения системы правовых и психологических понятий, уточнения представлений о «нормальном психическом развитии» ребенка, условиях его наиболее благоприятного протекания (Терехина С.А., 2012, 2013). Необходимо иметь в виду, что одним только содержательным наполнением данного понятия проблема реализации принципа «наилучших интересов» ребенка не исчерпывается. Оно должно быть дополнено как формированием четких правовых механизмов, позволяющих применять данный принцип в каждом конкретном случае, так и определением круга тех специалистов, в функции которых должны входить формулирование и интерпретация того, что соответствует «наилучшим интересам» того или иного ребенка.

Оцениваемые судом «наилучшие интересы» ребенка наряду с психологическими компонентами содержат и другие условия и обстоятельства, имеющие внешний по отношению к ребенку характер. Так, в ходе принятия решения по семейным спорам о детях суд сталкивается с необходимостью дать взвешенную оценку способности каждого из родителей обеспечить ребенку условия, обязательные для удовлетворения не

только психологических потребностей, но также и бытовых, финансовых и иных нужд. В том случае, если они противоречат друг другу, суду необходимо решить, каким из них отдать предпочтение, и эта задача также требует создания определенных алгоритмов принятия судебного решения. Кроме того, отправной точкой при рассмотрении в суде вопросов о детях становятся не сами «наилучшие интересы» ребенка, которые заявлены в качестве приоритетных в семейном законодательстве, а оценка способности каждого из родителей обеспечивать условия для их реализации.

Еще одним важным моментом является тот факт, что сама ситуация развода выступает в качестве ограничителя для полной реализации «наилучших интересов» ребенка. Так, например, известно, что само по себе привлечение судебных инстанций для решения семейных споров о детях приводит к эскалации семейного конфликта, и такой вариант протекания разводной ситуации правомерно рассматривать как «незавершенный психологический развод». Таким образом, суду приходится в каком-то смысле выбирать для ребенка наименьшее из двух зол, учитывая, что какие-то его «интересы» заведомо не будут соблюдены.

Установление психологических аспектов «наилучших интересов» ребенка предполагает в качестве обязательного условия использование специальных познаний в данной области. В настоящее время привлечение психологов к судебным делам при разводе осуществляется в двух основных формах: процессуальной и непроцессуальной (Сафуанов Ф.С., Александров М.Ф., 2011). Первая представляет собой проведение экспертных исследований членов семьи на основании постановления суда, а также привлечение психолога в качестве специалиста для разъяснения тех или иных вопросов, связанных с семейной ситуацией, или оценкой уже имеющегося экспертного заключения. К непроцессуальным формам относится проведение исследования ребенка и других членов семьи психологом по запросу отдела опеки и попечительства (Мардер Л.Д., 2013). Однако, как в первом, так и во втором случае деятельность психолога ограничена теми задачами, которые определены для него другими инстанциями, представители которых не владеют специальными познаниями в области психологии. В связи с этим детальное изучение семейной ситуации в целом, а также особенностей психического развития самого ребенка специалистами-психологами, которые могли бы

оказать судебным органам помощь в определении психологических компонентов его «наилучших интересов», зачастую ограничено как временными, так и другими организационными моментами. Помимо этого, препятствием для решения данной задачи является недостаточно высокий уровень профессиональной подготовленности специалистов, отсутствие опыта работы с несовершеннолетними, отсутствие необходимой информации в области психологических проблем семьи. Основными недостатками деятельности психологов, привлекаемых судами к решению семейных конфликтов о детях при разводе, являются недостаточная осведомленность об особенностях протекания развода, возможных реакциях детей на конфликты в семье, слабая ориентация в правовых и методологических основах участия психолога в такого рода деятельности и в связи с этим нечеткое представление о границах собственной профессиональной компетенции.

Задача всестороннего и непредвзятого исследования семейной ситуации при разводе и анализа психологического состояния ребенка и проблем, возникших в связи с распадом родительской семьи, вступает в некоторое противоречие с положениями статьи 12 ГПК РФ, которая в качестве одного из обязательных принципов гражданского судопроизводства выдвигает принцип состязательности сторон, согласно которому каждая из спорящих сторон «вправе отстаивать свою позицию в возникшем споре, используя возможность обоснования своей позиции и критики позиции противостоящей стороны, представления доказательств (в том числе письменных) и участия в их исследовании» (Гражданский процессуальный кодекс РФ, 2002). В соответствии с этим положением разводящиеся родители «сами собирают и представляют в суд необходимые доказательства», что может приводить к различного рода злоупотреблениям, в том числе привлечению на свою сторону специалистов, готовых представить психологическое заключение в их пользу. Еще одна проблема состоит в том, что суды в некоторых случаях принимают такие заключения и берут их за основу принимаемых решений.

Существенным недостатком судебного варианта рассмотрения семейных споров о детях при разводе является тот факт, что в части случаев такой спор непосредственно связан с неурегулированностью финансово-материальных отношений, которую родители пытаются решить за счет привлечения ребенка на свою сторону, в том числе путем

определения его совместного с ними места проживания. Сцепленность вопросов, связанных с детско-родительскими отношениями, условиями воспитания и обеспечения психологического благополучия ребенка после развода, и проблем сугубо материального характера необходимо рассматривать как серьезный фактор, препятствующий принятию судебных решений, соответствующих «наилучшим интересам» ребенка.

Подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что на сегодняшний день судебное рассмотрение вопросов, связанных с жизнеустройством детей после развода, нуждается в серьезной реорганизации, которая должна быть направлена на укрепление позиции ребенка, обеспечение фактического соблюдения его прав и интересов как независимого субъекта семейного права. Решение данной задачи предусматривает как разработки внутри современного семейного права и различных областей психологической науки, так и серьезных междисциплинарных исследований и разработок.

Список литературы

1. Беспалов Ю.Ф. Рассмотрение и разрешение судами гражданских и семейных дел с участием ребенка. – М., 2010.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, принят 14.11.2002 г. (в редакции от 06.04.2015 г.) URL: <http://consultant.ru/popular/gpkrf> (дата обращения 15.08.2015 г.).
3. Захаров С.В. Куда движется супружество в России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2014. № 545–546.
URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (дата обращения 1.04.2015).
4. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. – М., 2006. – 192 с.
5. Мардер Л.Д. Опыт судебно-психологической экспертизы по вопросам о воспитании и месте жительства детей: измерение рисков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. №1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58330.shtml> (дата обращения: 30.06.2015)

6. Национальная стратегия действий в интересах ребенка. URL: <http://base.garant.ru/70183566/>, (дата обращения 20.07.2015 г.).
 7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12146403/> (дата обращения 30.06.2015 г.).
 8. Сафуанов Ф.С., Александров М.Ф. Использование психологических знаний в непроцессуальной форме при судебных спорах между родителями о воспитании ребенка. Юридическая психология. 2011. № 4. С. 18-23.
 9. Семейный кодекс Российской Федерации (в редакции от 20.04.2015 г.). URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (дата обращения 20.08.2015 г.).
 10. Терехина С.А. Психологические аспекты понятия «интересы ребенка» [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62511.shtml (дата обращения: 30.08.2015).
 11. Терехина С.А. Психологические аспекты понятия «интересы ребенка» // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». –М. 2012.
- Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К. Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. №1. URL: <http://psyjournals.ru>

Анализ особенностей общения подростков из полных и неполных семей

Рождественская Н.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет

психологии, г. Москва, Российская Федерация

NataliyaRo.MU@yandex.ru

Ключевые слова: неполная семья, подростки, стратегия поведения, разрешение спорной ситуации

Анализ исследований, посвященных изучению психических особенностей детей, выросших в полных и неполных семьях, показывает, что у вторых – достоверно чаще возникают нервные и психические расстройства, например, тики, заикание, патохарактерологические и поведенческие нарушения, наблюдаются проблемы с полоролевой идентификацией, пониженный уровень притязаний, более высокий уровень тревожности, конфликтные отношения с родителями. Подчеркивается повышенная уязвимость мальчиков в неполной семье. Такие дети чаще подвергаются соматическим заболеваниям, и страдают различными расстройствами во взрослом возрасте. (И.Ф. Дементьева, 2001; А.И. Захаров, 2000; И.С. Кон 1973; Е.О. Смирнова 1999).

В подростковом возрасте, когда наступает возрастной кризис психического развития, у детей из неполных семей наиболее выражены поведенческие девиации. У них чаще проявляется личностная незрелость, большая эмоциональная неустойчивость, неуверенность в себе, повышенная эмоциональная чувствительность и раздражительность. Они чаще испытывают трудности с определением моральных ценностей, развитием чувства долга, принятием и исполнением обязательств, проявляют склонность к гомосексуализму, имеют такие психологические комплексы, которые в худших своих проявлениях ведут их к алкоголизму, токсикомании и правонарушениям

Неудивительно, что среди них много учащихся с низкой успеваемостью, которые предпочитают средние учебные заведения вузам. Подростки из неполных семей составляют группы риска девиантного поведения, их много среди бродяжничающих детей, живущих за счет краж, попрошайничества, физического насилия над слабыми людьми (младшими по возрасту, стариками, людьми, находящимися под воздействием алкоголя, и т.д.). (Т.Н. Каменева и Н.С. Степашов, 2001; Рождественская, 2015; Сютлеро, 1994).

Вместе с тем, было бы большим преувеличением утверждать, что неполная семья непременно является инструментом формирования неблагополучных детей. Проблемы личностного развития, представленные в нашей работе, возникают и в полных семьях, поскольку семейное благополучие не зависит лишь от полноты состава семьи, а определяется воздействием сложной *системы* факторов. (О.А. Идобаева и А.И. Подольский, 2012; Карабанова О.А. 2001; Целуйко В.М., 2004). Это понятно многим исследователям, однако, в литературе в должном объеме не представлены эмпирические данные, которые бы показывали, что при правильном воспитании фактор полноты состава семьи не значим для полноценного развития личности подростков.

Анализ исследований, посвященных изучению становления личностных особенностей детей из полных и неполных семей, показал, что в психологии детально изучались особенности поло-ролевой идентификации, детско-родительских отношений и некоторых других факторов развития. В то же время практически отсутствует сравнительный анализ данных о специфике общения детей подросткового возраста из полных и неполных семей.

В свете вышесказанного под руководством автора было проведено исследование, направленное на изучение сферы общения у них (Бабичева В.Е., 2009). Общая гипотеза сводилась к предположению, что особенности общения детей из полных и неполных семей

имеют достоверные различия. Было обследовано 85 детей в возрасте от 11 до 13 лет, 55 человек из полных семей и 30 - из неполных (чаще материнских) семей. Выборки в первой и второй группах составили подростки, проживающие, по формальным признакам и экспертным оценкам, в благополучных условиях – все семьи

характеризуются заботливым отношением к здоровью, развитию и образованию детей, здоровым психологическим климатом и хорошим материальным обеспечением.

Использовались четыре методики: 1) методика диагностики потребности в общении, выявляющая уровень потребности в общении (низкий, средний, высокий); 2) методика диагностики коммуникативного контроля М.Шнайдера, рассматриваемого на континууме от точки постоянно контролируемой сдержанности в эмоциональных проявлениях до полного отсутствия умения сдерживать свои эмоции в ситуациях общения; 3) методика диагностики межличностных отношений А.А.Рукавишникова, определяющая особенности межличностных отношений по трем характеристикам: включение в межличностные отношения (выраженное и требуемое), контроль межличностных отношений (выраженный и требуемый) и аффективность межличностных отношений (выраженная и требуемая). В данном случае выраженное поведение связано с поведением самого подростка, а требуемое с тем, что он ожидает от окружающих; тест К. Томаса «Стиль поведения в конфликтной ситуации» (адаптация Н.В.Гришиной): соперничество, приспособление, компромисс, избегание, сотрудничество.

Обработка данных производилась при помощи статистической программы SPSS 12.0. Для выяснения межгрупповых статистически значимых различий применен критерий Манна-Уитни.

Данные, полученные по методике диагностики потребности в общении, свидетельствуют о том, что дети из полных и неполных семей характеризуются низкой потребностью в общении. Чаще всего эти дети не стремятся к поддержанию хороших отношений с людьми, у них отсутствует стремление расширять сферу своего общения и устанавливать добрые отношения с большим количеством людей, им сложно прощать проступки других ради восстановления хороших отношений.

Согласно результатам методики коммуникативного контроля подростки в обеих группах имеют средний уровень коммуникативного контроля в общении. Эти дети непосредственны, открыты, однако сдерживают свои эмоциональные проявления, соотнося их с ситуацией и поведением окружающих людей.

Методика диагностики межличностных отношений показала, что подростки обеих групп имеют следующие особенности: они не стремятся ограничивать свое общение узким кругом близких людей, не избегают общения с людьми, имеют склонность присоединяться к деятельности окружающих и положительно относятся к членству в неформальных группах. Однако выраженность этих стремлений у них не значительна, они не прилагают усилий к тому, чтобы быть принятыми в коллектив.

Подростки не боятся контролировать действия других людей, беря в свои руки руководство и решать, что и как будет выполняться, но при этом стремление к такому поведению у них не выражено.

Они неприемлемо относятся к контролю над своими делами и поступками. Они не хотят принимать указания, что им делать, как поступать, с кем дружить, с кем общаться, как себя вести и т.д.

Они стремятся к установлению интимных, близких дружеских отношений с окружающими, но при этом проявляют осторожность в выборе тех, с кем у них могут возникнуть более тесные и глубокие эмоциональные отношения и связи.

В соответствии с данными методики «Стили поведения в конфликтных ситуациях» дети из полных и неполных семей чаще других выбирают стратегию приспособления. В конфликте они уступают соперникам, и свои интересы не отстаивают.

Следующей по степени выраженности после стратегии приспособления у подростков из полных семей выступает стратегия избегания, т.е. в конфликтной ситуации подростки предпочитают «ретиrowаться с поля боя». Еще реже они используют стратегии сотрудничества и поиска компромисса. Обе стратегии используются ими с равной частотой.

В отличие от подростков из полных семей, у подростков из неполных семей после стратегии приспособления на первый план выходит компромисс. За компромиссом следуют стратегии избегания и соперничества.

С целью статистической проверки гипотезы о различиях в степени выраженности всех измеренных характеристик респондентов из полных и неполных семей был использован непараметрического критерия Манна-Уитни. Установлено, что подростки из полных и неполных семей по изучаемым параметрам не различаются. Исключение

составляет стратегия «компромисс» ($p=0,037$). Подростки, воспитывающиеся в неполных семьях, при разрешении спорных ситуаций достоверно чаще прибегают к компромиссу, т.е. идут на взаимные уступки для удовлетворения интересов обеих сторон конфликта.

Отсутствие значимых различий по большинству изучаемых характеристик, на наш взгляд, связано с тем, что респонденты обеих групп воспитываются в благополучной социальной среде. Как указывалось выше, их родители уделяют много внимания воспитанию детей, независимо от того, является семья полной или неполной. Следовательно, такой фактор, как полнота состава семьи, не является фатальным условием, определяющим развитие коммуникативной сферы детей.

Обращает на себя внимание установленный в исследовании эмпирический факт, что в обеих группах многие подростки разрешают конфликтные ситуации с помощью стратегии приспособления, принимая позицию других и жертвуя своими собственными интересами. Этот вывод подтверждают и низкие показатели стратегий соперничества и сотрудничества в обеих группах. Таким образом, у респондентов, за небольшим исключением, отсутствуют два важных коммуникативных умения: первое, отстаивать и защищать свои позиции, второе, совместно с партнером искать и находить решения, удовлетворяющие обе стороны.

Следует подчеркнуть, что многие подростки из неполных семей чаще, чем дети из полных семей, прибегают к использованию стратегии компромисса. В литературе стратегия компромисса рассматривается как более совершенная, по сравнению со стратегией приспособления. В неполной семье нередко развитие личности сопряжено с ранним становлением самостоятельности и, соответственно, всех необходимых навыков самостоятельного решения проблем. Мы считаем, что приобретение стратегии компромисса есть не что иное, как следствие влияния социальной ситуации развития, в которой они воспитываются, на их становление как субъектов общения.

Как уже многократно отмечалось выше, нашими респондентами были дети из благополучных семей, в которых родители серьезно относятся к будущему, и многое делают для интеллектуального развития и образования детей. Как правило, в свободное от школы время такие дети посещают кружки, секции, специализированные курсы,

частных репетиторов, и у них часто отсутствует возможность реализовывать стихийно-групповую форму общения вне рамок образовательного процесса. Они не растут в условиях неформальных спонтанно развивающихся подростковых групп, в которых формируются важные навыки общения: умение отстаивать свои права и интересы, умение дружить, сопереживание и эмпатия, взаимопомощь и взаимовыручка (Рождественская, 2015). Референтными фигурами по всем направлениям становятся родители, определяющие жизнь ребенка, в результате он находится в позиции хорошо защищенного, но ведомого человека, и ему легче приспособиться, чем вступить в разумное соперничество, требующее проявлений самостоятельности, активности, а иногда и элементов риска.

В этой связи определенную долю ответственности за становление личности подростков следует взять на себя психологам, сконцентрировав свои усилия на развитии у них качеств, повышающих компетентность в общении, например, самоуважения и уважения своего партнера по общению; эмпатии; умений сдерживать и адекватно предъявлять свои эмоциональные состояния; совместно искать удовлетворяющее обе стороны решение; излагать и отстаивать свою точку зрения; в проблемных ситуациях действовать инициативно и самостоятельно; в допустимых пределах идти и на уступки.

Список литературы

1. Бабичева В.Е. Особенности общения подростков из полных и неполных семей. Дипломная работа. М., 2009.
2. Дементьева И.Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001, №11.
3. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия». М., 2000.
4. Идобаева О.А. и Подольский А.И. Психологическое благополучие современных подростков: актуальный уровень и пути его повышения. М., 2012.
5. Каменева Т.Н., Степашов Н.С. Дети в неполных семьях как объект социальной помощи // Материалы научно-практической конференции «Социально-психологическая помощь подросткам и юношам в личностном развитии: теория, технологии, эксперимент». Курск, 2001.

6. Карабанова О.А. Психология семейных отношений. М., 2001.
7. Кон И.С. Психология дружбы. – М., 1973.
8. Рождественская Н.А. Психология девиантного поведения и основы его профилактики у подростков. М., 2015.
9. Смирнова Е.О. и др. Специфика эмоционально-личностной сферы дошкольников, живущих в неполной семье // Вопросы психологии. 1999, № 6.
10. Сюллеро Э. Надо вернуть детям отцов! // Литературная газета. 1994, 16 марта.
11. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: Книга для педагогов и родителей. - М., 2004.

VI-ая Международная научная конференция

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: сборник тезисов / Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. - Москва - Звенигород, 30 сентября - 4 октября 2015 г. - 1387 с.
ISBN 978 -5-9904052-1-9

Составители:

Чурбанова Светлана Михайловна
Захарова Елена Игоревна
Васягина Наталия Николаевна

ISBN 978-5-9904052-1-9

